

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

1884

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ

ТОМЪ XLIV.

ОКТАВРЬ.—НОЯВРЬ.—ДЕКАВРЬ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ТОМЪ XLIV.
1884.

ЗИМНИЙ ДВОРЕЦЪ И ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНІЕ 1753 г.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

Годъ пятнадцатый.

ОКТАВРЬ.

1884 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Посмертные записки Николая Павловича Паргюла. Гл. VII—XX.	1	VIII. Гатчинскій дворець 1756—1864 гг. Сообщ. П. П. Бодоряковъ	101
II. Василій Васильевичъ Самойловъ. Патентъ на право его артистическаго издательства: 1834—1884 гг. 123		IX. Андрей Яковлевичъ Вороникинъ, профессоръ архитектуры, 1760—1814 гг. Сообщ. Николай Ворониковъ	105
III. Александръ Сергеевичъ Пушкинъ: рукопись поэта, хранящаяся въ Румянцевскомъ музее въ Москвѣ. Гл. XIII и XIV. Сообщ. В. К. Науменко	75	X. Дворянство Ростовскаго уѣзда, Ярославской губ. въ 1808—1812 гг. Сообщ. Д. А. Бузатовъ	109
IV. Николай Васильевичъ Бергъ: Миссіонерскія его посланія (53).—Очеркъ его жизни (72).	93	XI. Матеріалы и заметки «Партизанъ», отъ издателя Дениса Давыдова (143).—Анастасія Пушкина. Сообщ. кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій (187)—Авраамъ Васильевичъ Сообщ. А. О. Гандбургъ (198).—Петръ Пав. Рахоръ, 1850 г. Сообщ. В. А. Васильевъ (219).—Иск. Иванъ Череповъ (218).—Смѣтеніе секретаря, XVIII в. (222).	
V. Письма-преставленія Отирадовъ Дремлинъ въ воспоминаніяхъ и его жизни и писемъ, 1848—1884 гг. Гл. IV—V	140	XII. Писемникъ на почтѣхъ Волжскомъ. 104	
VI. Въ Правительствующемъ Сенатѣ въ 1840—1852 гг. Разск. Павла Бочарова	146	XIII. Библиографическій списокъ (за октябрь).	
VII. Русско-турецкая война за Кавказомъ въ 1853 и 1854 гг. Изъ записокъ ген. отъ инф. Ж. Я. Измайлова	171		

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Портретъ Василя Васильевича Самойлова, гравированный на металъ художникомъ П. А. Мѣринымъ.—II. Судъ на Руси до реформы, каррикатура XVIII-го вѣка.

Вышло второе изданіе „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ 1884 г.

Подписки продолжаютъ Цѣна ДЕВЯТЬ рублей.

Открыта подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ изд. 1885 г.

Шестнадцатый годъ изданія Цѣна 9 руб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашова, Екатерининскій каналъ, д. № 79.

1884.

X-я книга „Русской Старини“ вышла 1-го октября 1884 г.

Собрание критических материалов для изучения произведений Н. С. Тургенева. Составил В. Зелинский. М. 1884 г., 8 д., вып 1 и 2. Цена за оба вып. 4 руб.

Автор, указывая на тот действительно грустный факт, что русское читающее общество, во всяком невозможном исключении, очень безучастно относится к литературной критике,—выясняет ее значение и пользу в особенности для молодого поколения, которое с жадностью поглощает массу произведений так-называемой младшей словесности—и в то же время не старается «идти в ней внутреннему смыслу и значению, выражающего действительную сущность жизни, а понимает ее только поверхностно, с ее внешней, но существенной стороны». Труд г. Зелинского не предназначается на чтение самостоятельное, независимо от чтения произведений разбираемого автора; он должен служить комментарием, настольною книжкою, при чтении произведений нашего талантливейшего писателя-художника Н. С. Тургенева. В первые два выпуска вошли самые равнообразные критические выдержки из различных статей, большей частью за и против произведений Тургенева, почти за 40 летний период. Такое собрание отнюдь несолидно и только дает обширный материал для правильной самостоятельной оценки вышеозначенных произведений этого писателя, но и производит связь на целую литературную эпоху, в продолжение которой Тургенев держал почетное звание лучшего ее представителя.

Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства Юстиции. М., 8 д., 1884 г., кн. IV, стр. 192+157+580. Цена 2 руб.

В эту часть описания, вышедшего под ред. П. В. Калачова, вошли обзорные содержания для и бумаг Сызганова приказа 1730—1763 гг. и Розмений экспедиции при Московской губернской канцелярии 1763—1762 гг. в систематическом порядке: верхняя власть, государственная служба, дворяне, городские и посадские люди, монастыри и т. д.; затем: обзорные грамоты и другие акты, храня-

щиеся в архиве, XIV—XV вв.; обзорные историко-географические материалы XVII и начала XVIII вв., заключающиеся в книгах Разрядного приказа, и прит. Издание ведется неутомимым ученым П. В. Калачовым из строго научного характера и является в высшей степени важным подспорьем для истории русского права, для истории внутр. быта и вообще русской жизни, и вообще для географии и статистики России. Д.

Записки Иосифа, митрополита литовского, издан. Импер. Акад. Наук по завещанию автора. Сиб., 1838 г., т. I, 745 стр.; т II, 766 стр.; т III, 1402 стр. (столбцов). И. 12 р

Еще в 1868 г. стали известными, что митрополит литовский Иосиф Сивашко оставил весьма обширные записки своей жизни и деятельности, которые завещал отдать Императорской Академии Наук, назначив на это 5,000 р. Тогда же они были переданы в архив Академии, а копии с них были предоставлены автором в распоряжение бывшего обер-прокурора синода, гр. Д. А. Толстого. Пользуясь этими последними и друг. источниками, гр Д. А. Толстой вывечтал из журнала Мин. Нар. Просв. 1869 г. обширный и в высшей степени интересный биографический очерк покойного митрополита и событий, подготовивших возведение и упитию с православной церкви в 1839 г., приводя по частям и выдержки из самых записок. Затем, однако, этот очерк, представлял весьма обстоятельный критический обзор Записок Сивашко, не исчерпывает всего их содержания.

Собственноручными записками митр. Иосифа писаны, так сказать, в два приема: в 1850 и 1861 гг., которыми он и ограничиваются. Оба эти по своим не одинакового достоинства. Часть записок, писанных в 1850 г., когда автор пользовался еще пытливым здоровьем, отличается ясностью и большею полнотою изложения; но она доведена только до 1826 г. Второй половина их носит более отрывочный характер (никогда простой перечень или ссылки на документы). Записки занимают до 270 печатных страниц. Затем значительная часть первого тома (287—478), второй и третий томы состав-

1834 ПИТАГО ОКТЯБРЯ 1884
ВЪ С-ПЕТЕРБУРГѢ

ПОСМЕРТНЫЯ ЗАПИСКИ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА ПИРОГОВА.

В О П Р О С Ы Ж И З Н И .

† 23 ноября 1881 г.

VII ¹⁾.

Съ новаго 1880 года по 5-е января морозы въ—10°—16° R. Бури утихли. Ясно и безвѣтренно. Вчера и сегодня иней на деревьяхъ.

6-го января, ясный зимній день съ густымъ инеемъ на деревьяхъ. Утромъ 11°. Послѣ хорошей утренней прогулки ²⁾.

Прогуливаясь, я вспомнилъ, что слишкомъ односторонне въ моемъ дневникѣ отнесся къ знаменитому *cogito ergo sum*, утверждая, что его нужно бы было замѣнить *sentio ergo sum*. Обращая себя всего на какой либо предметъ, превращаясь, какъ говорится, въ зрѣніе или слухъ, наше я, устремленное такимъ образомъ въ внѣшній міръ,—въ свое не я, продолжаетъ, незамѣтно, можетъ быть, (при сильномъ сосредоточеніи вниманія на внѣшній предметъ), ощущать свое бытіе; и это ощущение сопровождается его съ колыбели, съ того момента, когда оно начало отличать отъ себя свое не я, вплоть до могилы; и даже при потери сознанія, въ бреду, во снѣ, это ощущение не можетъ не продолжаться, хотя бы и въ измѣненномъ видѣ. Но кромѣ этого, не всегда для насъ замѣтнаго, ощущенія нашего бытія, — незамѣт-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1884 г., т. XLIII, сентябрь, стр. 455—503.

²⁾ На полѣ читаемъ отрывочныя слова: «Эмпиризмъ въ практикѣ; а для міровоззрѣнія нужна и фантазія».

нымъ оно можетъ сдѣлаться, какъ и всѣ другія наши ощущенія, чрезъ привычку въ бытію, — наше я возводится изъ простаго ощущенія на степень мысли въ томъ случаѣ, когда оно, воспринимаемая внѣшнія (міровыя) и органическія (приносимыя органами) впечатлѣнія, приводитъ ихъ въ связь съ ощущеніемъ въ себѣ присутствія своихъ умственныхъ способностей: вниманія, памяти, воображенія, слова и мысли.

Тогда наше я дѣлается вполне сознательнымъ, осмысленнымъ и прочувствованнымъ. Кондильякъ утверждалъ, что человѣкъ безъ внѣшнихъ чувствъ статуя. Это неправда; дыханіе и безъ содѣйствія внѣшнихъ чувствъ должно ему сообщать ощущеніе бытія, поддерживая связь съ внѣшнимъ міромъ. Ощущеніе бытія непременно существовало бы и тогда, но было ли бы оно безъ содѣйствія внѣшнихъ чувствъ сознательнымъ и осмысленнымъ — это вопросъ. Сознаніе въ себѣ памяти, мысли, воображенія, безъ сомнѣнія возбуждается и поддерживается внѣшними и органическими чувствами; но нѣтъ причины, мнѣ кажется, отвергать возможность этого сознанія и при отсутствіи внѣшнихъ и органическихъ чувствъ.

Я отвлекся и зашелъ слишкомъ далеко, желая себѣ доказать, что хотя я до моего міровоззрѣнія дошелъ не настоящимъ рационально-эмпирическимъ (индукціоннымъ) способомъ, но тѣмъ не менѣе я считаю мое міровоззрѣніе для меня равносильнымъ факту.

10 января. Продолжаются холода въ 16°—12° R. Сегодня 7° и снѣгъ. Привезли елки и посадили. Мельница (новая) на Людвиговкѣ въ ходу.

Да, равносильнымъ факту—фактическимъ—по силѣ убѣжденія я считаю мое воззрѣніе. Что такое фактъ? Если держаться буквального смысла, то это то, что сдѣлано,—*factum*, что совершено (поэтому, *fait accompli* — плеоназмъ). Въ этомъ смыслѣ фактъ долженъ быть чувственнымъ. И дѣйствительно, если самое наше бытіе есть ощущеніе, то въ насъ нѣтъ ничего, что бы не зависѣло первоначально отъ впечатлѣній, приносимыхъ ощущеніями.

Все, обнаруживаемое въ насъ бытіемъ, обнаруживается посредствомъ ощущеній, т. е. посредствомъ связи съ внѣшнимъ міромъ. Тѣмъ не менѣе, слѣдствія и продукты впечатлѣній раз-

лично до крайности. Однѣ изъ нихъ способны возбуждать въ насъ одно чувство бытія, другія возбуждаютъ бессознательное мышленіе и разнаго рода рефлексъ; но есть и такой родъ впечатлѣній, можетъ быть вѣрнѣе—представленій, которыя, не смотря на первоначальное ихъ происхожденіе отъ чувственныхъ ощущеній, приводятъ въ дѣйствіе исключительно сознательныя наши умственные способности: память, мышленіе и фантазію (воображеніе, способность сочетать и творить новыя представленія). Хотя мы помнимъ, мыслимъ и воображаемъ при каждомъ дѣйствіи нашихъ органовъ чувствъ, но этотъ чувственный и обыкновенно бессознательный процессъ воспоминанія, мышленія и представленія (воображенія) прекращается, какъ скоро то или другое чувство перестаетъ дѣйствовать; другой же, рѣзко отличающійся отъ этого, процессъ воспоминанія, мышленія и воображенія, всегда сознательный, совершается и безъ непосредственной помощи чувствъ.

И такъ, всякій фактъ долженъ быть произведеніе внѣшнихъ, на насъ дѣйствующихъ впечатлѣній и нашихъ чувственныхъ ощущеній, между тѣмъ какъ наши внутреннія ощущенія, присутствующія въ насъ и безъ прямого содѣйствія внѣшнихъ впечатлѣній, могутъ не только представлять намъ факты съ различныхъ точекъ зрѣнія, но и открывать намъ истины. Фактъ хотя и считается какъ бы за истину, но никто не называетъ математическія аксіомы фактами. Почему? Казалось бы такой фактъ, какъ солнце на небѣ, также точно истиненъ и неопровержимъ, какъ и всякая математическая аксіома. Да, есть дѣйствительно истинные факты и фактическія истины, но фактъ все таки не истина, и истина не фактъ. Солнце на небѣ потому истинный фактъ, что всякій можетъ его повѣрить чувствами; но такая математическая (астрономическая) истина, что солнце и сегодня, и завтра, и цѣлыя годы взойдетъ и зайдетъ въ извѣстномъ опредѣленномъ мѣстѣ на горизонтѣ, не требуетъ вовсе чувственной повѣрки; это основано и не на одной теоріи вѣроятности, а на знаніи и соображеніи, при участіи и всѣхъ другихъ умственныхъ способностей (памяти, фантазій); основа этого знанія, правда, также фактическая: не видавъ никогда солнца и звѣздъ, намъ не пришло бы на умъ и все устройство нашей планетной системы; но математическія вычисления до того различны отъ чувственныхъ наблюденій, что могутъ опредѣлить а priori мѣсто для планетъ, еще не открытыхъ

наблюдениями. Математическая аксіома, что двѣ величины, равныя порознь третьей, равны между собою, хотя и наглядна, т. е. можетъ быть объяснена чувственнымъ опытомъ, но, въ сущности, она основана на соображеніи, а не на опытѣ; чтобы понять ее нѣтъ надобности имѣть предъ глазами извѣстныя величины. Фактъ уже и тѣмъ отличается отъ истины, что свойства его различны, а неизвѣстная намъ сущность истины всегда одна и та же. Только тотъ фактъ, который есть, былъ и будетъ, былъ бы истинною. Но такого мы не знаемъ; если же убѣждаемся въ необходимости или возможности и не фактическаго существованія того, что всегда было и будетъ, то это убѣжденіе и есть для насъ истина, хотя очевидно не фактическая. Очевидно также, что для убѣжденія въ такой истинѣ намъ недостаточно одного разсудка, необходимо еще мощное содѣйствіе фантазіи.

Все высое и прекрасное въ нашей жизни, наукѣ и искусствѣ создано умомъ съ помощью фантазіи, и многое фантазіею при помощи ума. Можно смѣло утверждать, что ни Коперникъ, ни Ньютонъ безъ помощи фантазіи не приобрѣли бы того значенія въ наукѣ, которымъ они пользуются. Между тѣмъ, не рѣдко и въ жизни, и въ наукѣ, и даже въ искусствѣ слышатся возгласы противъ фантазіи, и не только противъ ея увлеченій, но и противъ самой нормальной ея функціи. Для современнаго реалиста и естествоиспытателя нѣтъ большаго упрека, какъ то, что онъ фантазируетъ. Но, въ дѣйствительности, только тотъ изъ реалистовъ и эмпириковъ заслуживаетъ упрекъ въ непоследовательности, кто хотя на одинъ шагъ отступаетъ отъ указаній чувственнаго опыта, направляемаго и руководимаго умомъ и фантазіею. Вообще, доктрина, отдѣляющая искусственными перегородками функціи нашихъ умственныхъ способностей одну отъ другой, приводитъ въ тому, что мы и во всѣхъ нашихъ произведеніяхъ стремимся также рѣзко отличать проявленія каждой изъ нихъ, какъ будто бы можно было умствовать не воображая и воображать безъ размышленія. Стоитъ только вспомнить, что самую простую выкладку чиселъ намъ нельзя сдѣлать не приводя въ дѣйствіе и нашу память, и воображеніе, и разсудокъ, хотя намъ и кажется, что все наше я какъ бы погрузилось въ числа при выкладкѣ.

VIII.

14 января (1880 г.). Всѣ эти дни морозъ въ 10° — 13° R.; только вчера сильная метель при NW и -4° R.; сегодня все еще вѣтренно (NW) при -8° — 9° R., но ясно и много навѣяло снѣгу.

Все еще хочу себѣ доказать, что я не долженъ считать мое мировоззрѣніе однимъ продуктомъ досужей фантазіи потому только, что оно не основано на прямомъ и непосредственномъ опытѣ. Не мнѣ, посвятившему всю жизнь, и именно самую лучшую часть жизни, рациональному эмпиризму, не мнѣ,—говорю, отвергать значеніе опыта; но и не мнѣ сомнѣваться въ значеніи словъ перваго Иппократова афоризма: „*experientia fallax, iudicium difficile*“.

Когда лѣта не располагаютъ уже къ увлеченію, то начинаешь понимать какъ легко можно увлечься не одними мечтами, но и тѣмъ, что такъ трезво, точно и положительно, какъ опытъ и фактъ. Есть вещи на свѣтѣ, къ которымъ и такое надежное средство, какъ опытъ, непримѣнимо, а между тѣмъ эти вещи—это вопросы жизни, безъ разрѣшенія которыхъ для себя, хотя бы приблизительно, умирать не хочется; а къ жизни обращаешься невольно съ упрекомъ, такъ хорошо прочувствованнымъ поэтомъ:

Даръ напрасный, даръ случайный,
Жизнь, на что ты мнѣ дава?

Да, оргія, грубѣйшія средства самозабвенія и, наконецъ, самоубійство неминуемо сгубятъ желающаго опытомъ разрѣшить загадку жизни. Правда, вѣрніе, здоровые, положительные умы могутъ жить и прекрасно дѣйствовать, отбросивъ въ сторону всякую попытку къ разрѣшенію томительнаго вопроса жизни. Но горе той личности, которая возмечтаетъ о себѣ, что она-то и есть именно *esprit fort*, не нуждающійся въ разрѣшеніи подобныхъ вопросовъ. Аскетъ Филаретъ прекрасно, съ своей точки зрѣнія, возражалъ Пушкину на его упрекъ жизни, и именно потому прекрасно, что онъ (Филаретъ) уяснилъ себѣ не опытомъ жизненную проблему; и какъ бы это уясненіе ни было односторонне, оно мощнѣе, а главное—человѣчнѣе безсильнаго ропота на

жизнь, что не раскрываетъ предъ нами своей тайны такъ, какъ бы мы этого хотѣли. А мы хотѣли бы, чтобы это было также наглядно и осязательно, какъ ея чувственныя и индивидуальныя проявленія.

Я полагаю, что всѣ мы послѣдователи Веруланскаго Бакона, придаемъ слишкомъ большое значеніе предложенному имъ (индуктивному) способу изслѣдованія. Этотъ способъ вовсе не какое нибудь новое открытіе особой дѣятельности нашего ума. Въ обыкновенной жизни всѣ всегда и до Бакона измскивали и изслѣдовали индуктивнымъ способомъ; но никто, я полагаю, и ни самъ Баконъ не считалъ этотъ способъ единственно возможнымъ для открытія истины. Главная заслуга Бакона это: *poli iugate in verba magistri*. Теперь же и это перестало быть заслугою, такъ какъ въ наше время не найдется ни одного ученика въ школѣ, которому бы понадобилось повторить это правило. Средневѣковая вѣра въ авторитеты замѣнена теперь извѣріемъ; — мы всѣ извѣрились въ себя самихъ; дѣти наши, сидя на школьныхъ скамьяхъ, глядя на учителей, уже успѣваютъ извѣриться. Это нельзя не признать слѣдствіемъ односторонняго упражненія ума по индуктивному способу; но избави насъ Богъ отъ такого дедутивнаго, которымъ учились *iugate in verba magistri*.

Такъ вотъ я опять хочу толковать о томъ, что если мы желаемъ сдѣлать наше міровоззрѣніе вліятельнымъ въ нашемъ нравственномъ бытіи,—а это именно для меня сдѣлалось необходимою,—то мы не должны основывать его на однихъ положительныхъ, чисто фактическихъ и чувственныхъ данныхъ. Мы не должны ослѣплять себя кажущеюся основательностью тамъ, гдѣ идетъ дѣло объ одномъ представленіи, или вѣрнѣе—только о возможности представленія и о его уясненіи для себя; тутъ нельзя требовать ничего другого, какъ только того, чтобы въ этомъ представленіи не было явныхъ противорѣчій и чтобы оно было какъ можно менѣе несообразно, то есть сообразовалось бы, сколько можно, съ нашими фактическими знаніями и не заключало бы въ себѣ болѣе противорѣчій, чѣмъ самыя эти знанія.

15 января (1880 г.). Вчера вечеромъ я ѣхалъ съ полеваго тока. Было морозно и ясно. Я сидѣлъ въ саняхъ спиною къ заходящему солнцу. Поля, покрытыя гладкою, какъ скатерть, снѣжною пе-

леною, освѣщались нѣжно-розовымъ, переходящимъ въ свѣтло-фіолетовый, свѣтомъ; полная, еще блѣдно-серебристая, луна поднималась изъ-за лѣса на зеленовато-голубомъ фонѣ. Игра и переливы цвѣтовъ изъ зеленоватаго въ палевый и свѣтло-голубой на горизонтѣ и изъ розоваго въ блѣдно-фіолетовый съ множествомъ блестящихъ на свѣту тавъ обворожали меня, мнѣ дышалось студенымъ воздухомъ тавъ легко и привольно, что я невольно началъ пародировать упрекъ жизни Пушкина и про себя шепталъ съ навернувшимися на глазахъ слезами:

Не случайный, не напрасный
 Даръ чудесный и прекрасный,
 Съ тайной цѣлью данъ ты мнѣ!

Потомъ я перемѣнилъ этотъ экспромтъ тавъ:

Не случайный, не напрасный
 Даръ таинственный, прекрасный,
 Жизньъ, ты съ цѣлью мнѣ дана.

И оттого, что никто не могъ разгадать тебя, чудный даръ жизни, неужели мы должны упрекать тебя въ нелѣпой случайности, должны опошлять тебя, играть и не дорожить тобою! Насъ беретъ зло, что не хватаетъ силы раскрыть тайну дара и мы со зла готовы хоть сейчасъ утверждать, что ни секрету, ни цѣли тутъ вовсе нѣтъ, что дарчикъ жизни открывается просто *per vaginam*, закрывается тавже легко—землею.

Мы привыкли съ самой колыбели къ жизни и смотримъ потому на жизнь и на свѣтъ, какъ на обыкновенныя всѣдневныя вещи; это конечно наше счастье, хотя легкомысленное и пошленькое счастье. Но что было бы со всѣми нами, если бы умъ нашъ постоянно вникалъ и вдумывался въ самую суть насъ самихъ и всего окружающаго насъ? На каждомъ шагу мы встрѣчались бы лицомъ къ лицу съ непроницаемою, тяготяущею надъ нами, тайною; на каждомъ шагу недоумѣніе и сомнѣніе отягчали бы наше раздумье. Что это за странное плаваніе и круженіе въ непредѣльномъ пространствѣ тяготящихся другъ къ другу шаровидныхъ массъ! Что это за непонятное существованіе безчисленныхъ міровъ, составленныхъ изъ однихъ и тѣхъ же вещественныхъ атомовъ и отдѣленныхъ на вѣки одинъ отъ другого едва воображимыми по своей громадности пространствами! Что значить эта безконечная разновид-

ность формъ? А сдѣленіе, тяготѣніе, сродство, постоянная вибрація атомовъ—развѣ всѣ эти обыденныя для насъ явленія—не тайны, скрытыя подѣ научными именами? А эти, такъ называемыя, простыя тѣла, эти не разлагающіеся элементы, скопленные въ огромныхъ планетныхъ массахъ, развѣ они дѣйствительно первобытные элементы? Откуда взялись бы они, откуда взялась бы планетная жизнь, если бы другіе, намъ невѣдомыя, первобытные элементы не содержались въ общемъ, для насъ недостижимомъ источникѣ,—эфирномъ хаосѣ? Что онъ такое, этотъ источникъ и вмѣстилище невѣдомыхъ началъ?

Что удивительнаго, если въ каждомъ изъ насъ, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ и съ колыбели до могилы міровыми тайнами, существуетъ склонность къ мистицизму; если одни изъ насъ, при извѣстномъ настроеніи, дѣлаются легко мистивами и начинаютъ видѣть и находить сокровенныя тайны тамъ, гдѣ другіе, кружась безъ оглядки и устали въ водоворотѣ жизни,—все находятъ простымъ и яснымъ. И можно ли требовать отъ обитателей земли, одаренныхъ способностью живо представлять себѣ неосознаемое, чтобы они оставались всегда въ будничномъ настроеніи духа, и мирились съ злобою дня, когда судьба, давъ имъ стремленіе къ предвидѣнію и силу воображенія, не дозволила отдаляться отъ земного жилища далѣе окружающей его воздушной оболочки; да и для пытавшихся подняться—превращаетъ небесную лазурь въ черную ночь. Но если каждый листокъ, каждое сѣмячко, каждый кристалликъ напоминаютъ намъ о существованіи внѣ насъ и въ насъ самихъ таинственной лабораторіи, въ которой все неустанно само работаетъ для себя и для окружающаго, съ цѣлью и мыслью, то наше собственное сознаніе составляетъ для насъ еще болѣе сокровенную и вмѣстѣ съ тѣмъ самую безпокойную тайну. Есть, однако же, и еще болѣе завѣтная, но уже происходящая изъ нашего же сознанія, это—истина. Не безъ насмѣшки сдѣлалъ свой назойливый вопросъ римскій проконсулъ. Можетъ быть именно за это и не послѣдовало отвѣта свыше. Да, истину не узнаешь, любопытствуя, что она за штука.

Разумѣется, я не говорю о такъ называемыхъ научныхъ истинахъ. Эти всѣ: и историческія, и естественно-историческія, и математическія, и юридическія не болѣе какъ или истинные факты,

или правильныя умозаключенія, добытыя логическимъ анализомъ и синтезомъ; или же формулы, диктуемыя жизнью, нравами и потребностями общества. Такихъ истинъ много. Но есть истина: одна, цѣльная, высшая, служащая основаніемъ всего нашего нравственнаго быта. Напрасно утверждаютъ такіе историки, какъ Бюль и съ нимъ большая часть новаго поколѣнія, что человечество обязано преимущественно развитію научныхъ истинъ въ обществѣ, а нравственныя нисколько будто бы не содѣйствовали его преуспѣванію, то есть прогрессу, счастью и благосостоянію. Я полагаю, напротивъ, что единство и цѣльность настоящей истины выступаетъ все болѣе и болѣе съ прогрессомъ человечества, хотя и трудно рѣшить насколько оно въ общемъ итогѣ сдѣлалось лучше. Дѣйствительно, истина должна быть только одна, она внѣ насъ и вмѣстѣ въ насъ самихъ, въ нашемъ сознаніи; конечно, не такъ ясная для насъ, какъ солнце, но, какъ свѣтовая волна далекаго солнца, освѣщаетъ нашъ нравственный бытъ. Что было бы этическое наше или нравственное начало, если бы вѣчная и цѣльная истина не служила ему основой? Безъ нея, безъ этой основы, не существовали бы для насъ и научныя истины, ибо не существовало бы въ насъ нравственнаго стремленія къ открытію истины. Каждый изъ насъ, самый завоснѣлый въ преступленіяхъ, невольно стремится найти въ себѣ истину, и ищетъ предъ собою и предъ другими оправданія своихъ поступковъ. Правда, мы при этихъ оправданіяхъ запутываемся во лжи, стремяся не быть, а казаться; но это не доказательство противнаго, не доказательство тому, что въ насъ нѣтъ произвольнаго стремленія къ правдѣ. Все это:—и казаться, а не быть, и зданіе лжи, сооружаемое нами для оправданія нашихъ дѣйствій,—есть только искаженное стремленіе къ правдѣ, слѣдуя которому мы все болѣе и болѣе удаляемся отъ правды, и это потому только, что попали на ложный путь. Наконецъ, доходить до того, что для насъ дѣлается и совсѣмъ невозможнымъ отличить правду отъ лжи. Тогда-то и рождается насмѣшливый вопросъ римскаго проконсула: что такое истина, какъ ее узнать, какъ отличить, гдѣ она? И какъ, въ самомъ дѣлѣ, понять идеальнѣйшій изъ идеаловъ! Истина! Вѣдь это абсолютъ, это Богъ! Мы и не должны смѣть когда нибудь ее постигнуть.

Но невозможность достиженія не есть отрицаніе стремленія къ

ней. Это стремленіе, данное намъ свыше, есть наше драгоценнѣйшее достояніе. Глубоко затаено въ насъ, если не убѣжденіе, то чувство, напоминающее намъ, что безъ стремленія къ правдѣ нѣтъ полнаго счастья. Посмотрите, какъ это влеченіе, заглушенное страстями, бѣдствіями, тѣмъ, что называется судьбою и случаемъ, и ложнымъ направленіемъ, проявляется въ другомъ видѣ, не имѣющемъ, повидимому, ничего общаго съ влеченіемъ къ основѣ нашего нравственнаго бытія. Увлеченіе въ преслѣдованіи цѣлей, основанныхъ на неправдѣ, не уничтожаетъ еще въ насъ стремленія къ открытію истинныхъ фактовъ или научныхъ истинъ, и вотъ, удовлетворяя съ этой одной стороны наше стремленіе къ правдѣ, мы именно поэтому и не заботимся иногда удовлетворить вполне другой высшей его сторонѣ. Точно также великіе, но безнравственные гении, завоеватели и государи, поширая ногами правду, легко убѣждаютъ себя въ правотѣ своихъ дѣйствій, потому что у нихъ стремленіе къ истинѣ находитъ удовлетвореніе въ достигаемыхъ ими грандіозныхъ результатахъ; а результаты эти, дѣйствительно, содѣйствуютъ въ открытію и распространенію различныхъ фактическихъ истинъ. Все это иллюзіи, неразлучныя съ нашимъ существованіемъ. Истина такъ свѣтла, что безъ иллюзіи одно только стремленіе къ ней ослѣпило бы уже насъ; поэтому ложь сдѣлалась неизбежною для насъ при непреодолимомъ влеченіи къ истинѣ. Не зная, что она такое, но неудержимо стремясь къ ней по присущему намъ всѣмъ влеченію, мы, въ счастью и несчастью нашему, должны жить постоянно въ иллюзіи и смѣнѣ галлюцинацій. Эта неизбежность служить намъ смягчающимъ обстоятельствомъ передъ судомъ совѣсти; но она не уничтожаетъ еще въ насъ окончательно способности приходить въ себя и разубавать наши иллюзіи и галлюцинаціи. Галлюцинируя до чертиковъ, было бы отвратительно, нелѣпо полагать, что вовсе нѣтъ этой единой, общей и цѣльной истины; что только пріобрѣтенные чувствами факты и выведенныя изъ нихъ умозаключенія суть истины; всякая же другая правда есть понятіе относительное и временно обязательное pro domo suo. Думая такъ, мы превратили бы наши иллюзіи изъ ширмъ, охраняющихъ насъ отъ нестерпимаго свѣта истины, въ темную непроглядную ночь.

Все это писано до 29-го января (1880 г.). Въ эти дни разгулялся мой кишечный катарръ не на шутку. Все полнолуиe стояла ровная, тихая, ясная погода съ -10° — -12° R. утромъ и ночью, и до 0+1—среди дня. Солнце уже порядочно грѣетъ. Это самая опасная вещь для меня и, я думаю, для всѣхъ страдающихъ кишечнымъ катарромъ: на прогулкахъ на солнцѣ легко приходишь въ испарину, а въ тѣни охлаждаешься также скоро. Впрочемъ съ 25—26 января барометръ опустился, стоитъ иней, туманъ и отъ -5 до 2° + R.

28-го января. Катарръ мой нѣсколько улегся. Послѣ моего любимаго раствора соляно-кислаго хинина въ мятной водѣ (принявъ его до 10 гранъ) чувствую себя не худо, и послѣ прогулки по воннатѣ пришелъ въ легкую испарину.

Сегодня небо безоблачно, до 10° R. мороза, тихо.

Какое-то *dolce far niente*. Въ ухахъ шумъ, но не отъ одного хинина, а только имъ усиленный обычный мой шумъ, вовсе не докучливый,—какъ будто слышишь отдаленный вечерній гулъ съ улицъ большого города. Въ головѣ калейдоскопъ мыслей, *in statu nascente*; одна быстро смѣняетъ другую; прошедшее мѣняется съ настоящимъ безъ остановки. Вниманію не удастся поймать и фиксировать ни одной мысли, а между тѣмъ дѣйствуютъ и вниманіе, и мышленіе, и фантазія, и память,—всѣ въ одно и то же время. Значить у меня, какъ и у всѣхъ, я думаю, и въ здоровомъ и въ ненормальномъ состояніи,—ни одна изъ этихъ способностей не дѣйствуетъ порознь; мое я теперь играетъ, какъ по клавишамъ, слегка дотрогиваясь то до памяти, то до воображенія, то до разсудка. Только въ настоящую минуту мое я, дотрогиваясь до каждаго изъ этихъ своихъ клавишей, слабо извлекаетъ изъ нихъ и не ясные, хотя и не вовсе несвязные тоны. Такое состояніе имѣетъ свою прелесть; это именно и есть *dolce far niente* нашего я.

IX.

Пробѣгая записанное въ послѣдніе дни, вижу, что заговорилъ объ иллюзіяхъ. Да, эти ширмы, какъ я ихъ называлъ, наши талисманы. Человѣкъ, слѣдящій за собою, легко пойметъ, какую услугу онѣ ему оказываютъ, и, зорко наблюдая за собою, не дозволить имъ слишкомъ затемнять путь, указываемый присутіемъ ему—и потому непреодолимымъ—влеченіемъ къ истинѣ.

30-го января (1880 г.). На дворѣ *idem*. Свѣтло, тихо, температура утромъ —12° R.; на солнце въ срединѣ дня до 0 и выше.

Все разъясняется, все дѣлается понятно, умѣй только хорошо обращаться съ фактомъ, умѣй зорко наблюдать, изощрай чувства, научись правильно наблюдать; тогда исчезнуть предъ тобою чудеса и мистеріи природы и устройство вселенной сдѣлается такимъ же обыденнымъ фактомъ, каковымъ сдѣлалось теперь для насъ все то, что прежде считалось недоступнымъ и сокровеннымъ. Такое убѣжденіе съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе проникаетъ въ сознание не только передовыхъ людей, жрецовъ науки, но и цѣлыхъ массъ. И это есть одна изъ главныхъ современныхъ, наиболѣе благодѣтельныхъ и полезнѣйшихъ иллюзій. Эта иллюзія полезна уже и тѣмъ, что направляетъ всѣ наши умственные силы на предметы, подлежащіе самому точному чувственному анализу и изслѣдованію, не давая увлекаться тѣмъ, что навсегда для насъ должно остаться заповѣдною тайною. Чѣмъ специальнѣе, чѣмъ ограниченнѣе предметъ нашего изслѣдованія, тѣмъ болѣе надежды на точный и ясный результатъ, тѣмъ сильнѣе иллюзія и тѣмъ спокойнѣе и отраднѣе чувствуетъ себя посвятившій все свое вниманіе и время изслѣдованію. Углубившись и посвятивъ цѣлую жизнь занятіямъ по этому способу разслѣдованія, мы, наконецъ, приходимъ и къ тому убѣжденію, что на сценѣ нашихъ дѣйствій нѣтъ ничего закулиснаго и важущееся скрытымъ за кулисами существуетъ только для того, кто не хочетъ или не умѣетъ зорко взглянуть. А между тѣмъ, если подумаешь и разберешь, не увлекаясь ни поразительнымъ величіемъ разныхъ открытій, ни громадностью добытыхъ эмпирическимъ разслѣдованіемъ результатовъ, въ чемъ состоитъ вся суть пріобрѣтенныхъ нами этимъ способомъ знаній, то не трудно убѣдиться, что мы узнаемъ исключительно одну внѣшнюю сторону окружающаго насъ міра и насъ самихъ.

Однихъ изъ насъ исключительно занимаетъ механизмъ явленій, устройство, составъ и дѣйствіе различныхъ приборовъ и рядовъ жизни и ея формы; другіе занимаются прикладною, и потому также только внѣшнею, стороною жизни. Этимъ способомъ наши знанія и понятія о міровой жизни несомнѣнно обогащаются, внѣшняя ея сторона подвергается разсмотрѣнію съ

разныхъ сторонъ; но остается также, какъ и прежде, какъ и всегда, несомнѣннымъ, что *in's Innere der Natur dringt kein geschaffener Geist*. Вотъ это-то тяжелое для нашего сотвореннаго духа сознание мы и притупляемъ благодѣтельною иллюзіею, привывающею все наше вниманіе къ внѣшней сторонѣ міровой жизни.

Кому изъ людей, занятыхъ изслѣдованіемъ фактическихъ истинъ и практическою жизнію, придетъ въ голову размышлять о сущности вещей? Кто изъ людей, занятыхъ практическимъ дѣломъ, повѣритъ, что эта сущность вовсе не то, что передается намъ чувствами? Все кажется простымъ тому, кто привыкъ просто смотрѣть на все. Да, научнаго изслѣдователя и интересуеетъ всего болѣе вопросъ: какъ, а не почему? Мы видимъ, что листъ растетъ, наблюдаемъ какъ онъ растетъ, узнаемъ устройство и составъ клѣтокъ, слѣдимъ шагъ за шагомъ за раздѣленіемъ и размноженіемъ клѣтокъ, весь механизмъ растительнаго процесса открывается намъ какъ на ладони. Но что заставляетъ расти именно такъ, а не иначе? Что заставляетъ растеніе и животное принимать тотъ или другой характерный видъ? Отчего сѣмя и яйцо заключаютъ въ себѣ зародышъ именно того же типа и вида, отъ котораго онѣ произошли? Что привлекаетъ и роднитъ щелочь съ кислотою? Что сдѣлываетъ атомы? Что заставляетъ притягиваться одно тѣло къ другому? Отчего мышечное движеніе переходитъ въ теплоту, а теплота въ движеніе? Отчего сотрясеніе атомовъ возбуждаетъ въ насъ ощущеніе теплоты? Всѣ эти и тысячи другихъ вопросовъ, неразрѣшимыхъ по нашему незнанію сущности вещей, показываютъ, что мы окружены тайнами; и если всѣ эти тайны не считаются нами за чудеса, то потому только, что мы съ ними встрѣчаемся на каждомъ шагу. Мы называемъ ихъ не чудесами, а явленіями, основанными на естественныхъ законахъ, не зная откуда взялись онѣ. Встрѣчая же что нибудь, хотя и гораздо менѣе чудесное, но не ежедневное и не обычное, мы не задумываемся тотчасъ же сомнѣваться и не вѣрить, или же слишкомъ вѣрить и считать его за чудо. Таковы наши иллюзіи—и слава Богу! Безъ нихъ нестерпимо было бы жить въ этомъ таинственномъ мірѣ, окруженными заколдованнымъ кругомъ, изъ котораго нѣтъ выхода.

X.

8-го февраля (1880 г.). Всѣ эти дни, при новолуніи, послѣ 2-хъ дневной небольшой оттепели (при $0+2^{\circ}$) начались такъ называемые Срѣтенскіе морозы въ $25-30^{\circ}$ и продолжаются теперь. Солнце на лѣто, зима на морозъ. Ъздилъ въ больному въ Кишиневъ; въ одномъ вагонѣ было натолено до $18^{\circ}+R.$, а когда ѣхалъ назадъ, то въ вурьерскомъ поѣздѣ доходило до $-2-3^{\circ}$.

Но такъ ли все это? Не иллюзія ли, въ свою очередь, то, что будто есть еще какая-то невѣдомая и не подлежащая разслѣдованію сущность вещей? Не есть-ли эта сущность именно то только, что намъ дѣлается извѣстнымъ посредствомъ опыта и наблюденія? Не устроены ли и не принаровлены ли наши чувства отъ природы именно въ тому, чтобы мы узнавали вещи такими, какими онѣ въ сущности должны быть? *Sensus nos fallunt*,—не есть-ли только одно *asylum ignorantiae*? Нужно только умѣть дѣйствовать чувствами, приучить и изощрить ихъ; нужно умѣть правильно истолковывать и уяснять себѣ доставляемые чувствами ощущенія, и чувства насъ никогда не обмануть.

Въ этихъ возраженіяхъ есть доля правды; но только доля.

Во первыхъ, мы судимъ о нашихъ чувствахъ и доставляемыхъ ими результатахъ не иначе какъ субъективно и индивидуально. Повѣрка основана только на круговой поруцѣ. Судьями чувственной правды и неправды остаются все тѣ же чувства. Что сегодня казалось всѣмъ неоспоримымъ по чувственному опыту, то завтра этимъ же опытомъ можетъ быть опровергнуто. Есть граница изощренія чувствъ, и чѣмъ болѣе изощряется одно чувство, тѣмъ легче ошибка, тѣмъ невозможнѣе повѣрка его другимъ чувствомъ. Наконецъ, какъ бы чувства мои ни были изощрены и принаровлены; все таки для меня останется неразрѣшеннымъ вопросъ: что такое наблюдаемый мною предметъ безъ меня? Я узнаю каждый предметъ только по производимому имъ на меня впечатлѣнію и ощущенію. А ощущеніе безъ моего я для меня невысказано. Между тѣмъ, для меня остается несомнѣннымъ, что каждый изслѣдованный мною предметъ можетъ и будетъ существовать и безъ меня. Что

же онъ тогда такое? Но сверхъ этого, очевидно, неразрѣшимого вопроса, сущность вещей,—das Ding an (und) für sich selbst,—должна быть для насъ чѣмъ-то другимъ, а не тѣмъ, что передаютъ намъ наши чувства, еще и потому, что всѣ наши чувственные и умственные представленія о вещахъ,—какъ бы эти представленія ни были отчетливы и ясны,—никогда не дадутъ намъ всесторонняго понятія даже о самой виѣшней сторонѣ изслѣдуемаго нами предмета. Да, если бы мы могли бы проникнуть въ сущность предметовъ, хотя бы съ одной ихъ чувственной стороны, мы знали бы что такое сила и что такое матерія; а если бы мы могли себѣ представить вещи какъ онѣ есть сами по себѣ, безъ помощи нашихъ чувствъ, т. е. не только такими, каковы онѣ намъ кажутся, то мы поняли бы и тайну творенія и мистеріи творчества. Для насъ же не только это недостижимо, но и то невозможно, чтобы каждый предметъ подвергнуть анализу всѣхъ нашихъ чувствъ; мириады вещей еще намъ неизвѣстны; мириады останутся навсегда и вовсе неизвѣстными; а представленія наши о тѣхъ предметахъ, которые можно еще открыть и изслѣдовать искусственнымъ изощреніемъ чувствъ, какъ бы они ни казались намъ ясными, все таки не болѣе какъ призраки, туманныя картины и отголоски, не рѣдко увлекающіе умъ въ непроходимый лабиринтъ предположеній и иллюзій.

Вторая благодѣтельная для насъ иллюзія есть наше непоколебимое убѣжденіе въ свободѣ нашей воли, мысли и совѣсти. Безъ этого дорогого для насъ убѣжденія нравственная жизнь была бы невозможною, да и проявленія физической жизни встрѣчали бы безпрестанно препятствія въ насъ же самихъ. Не легко разубѣдить себя въ томъ, что я не могу не хотѣть чего желаю, не могу не желать того, что свойственно желать моимъ душевнымъ и умственнымъ способностямъ. Мысль моя не можетъ проявляться внѣ извѣстныхъ и опредѣленныхъ законовъ мышленія, не рискуя превратиться въ безсмысліе. Моя совѣсть требуетъ отъ меня только то, что я считаю совѣстнымъ (нравственнымъ), а если поступаю вопреки исповѣдуемыхъ мною законовъ совѣсти, то потому, что она сдѣлалась у меня не свободною. Впрочемъ можно утверждать только то, что ни воля, ни мысль, ни совѣсть человѣка не произвольны, но свободны въ границахъ, опредѣленныхъ извѣстными органическими и психическими законами.

Произволь и свобода, конечно, не равнозначущія слова. Такъ точно не равнозначущи воля и желаніе. Я хочу и я желаю—два разные понятія. Но ни желанія, ни хотѣнія наши не могутъ быть произвольными, хотя и кажутся намъ такими. Я желаю въ эту минуту чего нибудь, потому что внутреннія мои или органическія (доставляемыя органами) ощущенія и всѣ предшествовавшія обстоятельства и условія заставляютъ меня желать именно этого, а не чего нибудь другого; я могу переимѣнить мое желаніе или заставить его молчать, но только тогда моя воля еще не ослабла подъ игомъ разныхъ желаній и другихъ ненормальныхъ условій. Воля должна быть въ нормальномъ состояніи, всегда сильнѣе желаній. Воля всегда дѣятельна и управляетъ дѣйствіями. Поэтому-то я могу желать что ли доброе, и въ то же время хотѣть и дѣлать что либо худое. Только чисто физическія препятствія могутъ воспрепятствовать дѣйствіямъ сильной или нормальной воли. Въ ней, дѣйствительно, есть склонность къ произволу; но все таки и воля не можетъ быть непропорціональная по своей силѣ съ органическою энергіей нашего я. Я могу желать поднять мою руку, но моя воля и слѣдующее за ней дѣйствіе ограничены способностью передавать мою волю рукѣ, и если она парализована, то при всемъ моемъ желаніи ее поднять, дѣятельнаго хотѣнія не будетъ. Мнѣ можетъ быть еще не разъ придется въ моемъ дневникѣ затрогивать этотъ жгучій вопросъ.

Третья иллюзія нашей психической жизни, не менѣе благотворная двухъ первыхъ, зависитъ отъ непослѣдовательности нашего ума и фантазіи.

Чистый разумъ, т. е. взятый въ отдѣльности отъ другихъ психическихъ способностей, конечно, не можетъ быть непослѣдовательнымъ. Но мы не можемъ умствовать такъ, чтобы дѣйствовалъ одинъ чистый разумъ; умствуя, мы въ то же время внимаемъ, помнимъ, воображаемъ, желаемъ и нерѣдко еще (въ практической жизни) волнуемся и увлекаемся тою или другою страстью. Поэтому, умъ нашъ, послѣдовательный по принципу, на практикѣ почти всегда непослѣдователенъ. И это наше счастье и наше несчастье.

И вотъ, умъ нашъ, въ силу присущей ему послѣдовательности, при каждомъ міровоззрѣніи непременно долженъ прийти къ принятію безконечнаго и безграничнаго, что бы онъ ни рассматривалъ: пространство-ли, время-ли, движеніе-ли, силу,

вещество, — всегда онъ долженъ, наконецъ, дойти до безконечности, неограниченности, вѣчности, хотя и никогда не можетъ составить себѣ объ этихъ атрибутахъ каковаго либо опредѣленнаго и яснаго понятія. И никакая сила умствующей фантазіи не можетъ представить намъ каковаго либо облика той безконечности, до предѣловъ которой умъ нашъ доходитъ роковымъ образомъ съ присущею ему послѣдовательностью. Это неоспоримое существованіе безконечнаго, безпредѣльнаго и вѣчнаго начала, до котораго нашъ умъ и фантазія роковымъ образомъ достигаютъ, рассматривая конечное, ограниченное и временное, не есть одинъ чувству подлежащій фактъ, но стоитъ выше всякаго факта, ибо оно есть непремѣнный постулатъ чистаго разума, переносимый имъ же и въ область фантазіи. Между тѣмъ, и разумъ, и умствующая фантазія въ практической жизни безпрестанно заняты созерцаніемъ различныхъ видоизмѣненій всего окружающаго насъ и эти-то безпрестанныя измѣненія въ пространствѣ, времени, движеніи, силѣ и веществѣ постоянно и противорѣчатъ послѣдовательнымъ заключеніямъ чистаго разума и заставляютъ насъ вездѣ и во всемъ насъ окружающемъ находить одно лишь временное, ограниченное и опредѣленное. Вотъ это и есть иллюзія, приносящая намъ счастье и несчастье; но вообще болѣе благотворная потому, что она заставляетъ насъ сосредоточивать всѣ наши умственные силы на разслѣдованіи измѣненій, совершающихся въ насъ въ безграничномъ пространствѣ и времени. Безъ этой вынужденной непослѣдовательности ума и безъ этой вносимой ею иллюзіи, дѣятельность нашего ума и фантазіи терялась бы для насъ погруженная въ бесплодное созерцаніе недоступной безконечности.

XI.

Съ 9 по 12 февраля 1880 г., послѣ 3 дневной оттепели (съ +4 R. и болѣе) снова морозъ въ 7° R. (12 Ф.), а 13 и 14 февраля, послѣ 27—30° морозовъ 8—9, наступила ясная, прелестная погода съ—4° при совершенномъ безвѣтріи.

Дышется легко и дышалось бы еще легче, если бы не событіе 5 февраля, дошедшее до насъ съ своими ужасающими подробностями только 9—10 февраля ¹⁾

¹⁾ Варья въ Зимнемъ дворцѣ въ С.-Петербурѣ.

Я не вѣрю, чтобы русская наша доморощенная молодежь, — насколько я ее знаю, — въ состояніи была, безъ опытныхъ руководителей, дѣйствовать съ такою дьявольски энергическою выдержкою. Это ни прежде, ни теперь не въ нашемъ духѣ. На это мастера романскіе народы, а изъ славянскаго племени развѣ одни поляки, йскусившіеся въ заговорахъ.

Событія послѣдняго времени доказываютъ существованіе плотно организованной и притомъ дѣйствующей послѣдовательно подпольной организаціи, располагающей средствами и преслѣдующей извѣстный планъ. Гдѣ точка опоры? Вотъ вопросъ; едва ли въ одномъ нашемъ обществѣ, т. е. въ нѣкоторыхъ его слояхъ; едва-ли главные руководители съ ихъ подпольными пружинами не находятся внѣ нашего общества; для него это что-то уже слишкомъ забористое и слишкомъ зло-демонски устроенное. Нашъ домашній демонъ не такъ воль и въ своемъ злѣ не такъ энергиченъ и послѣдователенъ. Тутъ кроется организація въ родѣ той, которая учреждена была у италіанскихъ карбонаріевъ и въ польскомъ жондѣ. Это не наше, — или же наше новое поколѣніе чертовски измѣнилось въ послѣдніе періоды нашего развитія.

Между тѣмъ, я замѣтилъ, что это ужасное событіе, заставившее меня и жену долго призадуматься и какъ-то внутренно сгрустнуть, повидимому не произвело въ окружающихъ насъ людяхъ того потрясающаго впечатлѣнія, котораго нужно бы было ожидать. Евреи, правда, болтали разныя нелѣпости, но въ народѣ, крестьянахъ, не слышно было толковъ и незамѣтно было живого участія. Вотъ это-то безучастіе, близкое къ равнодушію, и досадно, и печально. Но кого винить? Общество сверху до низу приучено вѣками къ индифферентивму, и вотъ при начавшемся его развитіи, къ которому его толкнула высшая власть, эта поскудная наша безразличность начала исчезать прежде всего въ поколѣніи недозрѣломъ и притомъ, еще на бѣду, замѣнилось какою-то злою мономанією. Надо же было случиться, чтобы царствованіе добраго государя, услѣвашаго уже въ 25 лѣтъ сдѣлать свое имя безсмертнымъ въ исторіи развитія Россіи, открыло широкое поприще для гибельнаго зла и не слыханныхъ преступленій и изступленій мысли.

Но не значить ли это, что въ теченіи многихъ лѣтъ скопился въ тайникахъ общества матеріалъ, способный, при первомъ же дуновеніи свободы, воспламеняться и причинять разрушеніе?

Почему при первой зарѣ новой жизни народа не появились на Божій свѣтъ равные этому злу по силѣ, но противоположные по стремленію, общественные элементы? Вотъ вопросъ.

Едва ли онъ не рѣшается тѣмъ, что не было достаточно приложено усилія къ трезвому анализу разныхъ стремленій и поддержкѣ тѣхъ, на внутренней антагонизмъ которыхъ, въ борьбѣ со зломъ, можно бы было твердо опереться. Стричь подъ одинъ гребень—это известная замашка неразвитыхъ, неопытныхъ и грубыхъ лицъ и обществъ. Искусство анализировать, умѣнье отыскать въ каждой особи хорошую сторону и воспользоваться ею не только при случаѣ—а потомъ швырнуть въ сторону или заковать въ цѣпи,—все это, я знаю, не легко; но безъ этого нельзя и ожидать ничего путнаго и лучше не вливать вино новое въ мѣхи старые.

Есть періоды въ исторіи народовъ, когда неминуемо, роковымъ образомъ они призываются логикою фактовъ къ новой жизни, и правительства волею и неволею должны бывать отступать отъ консерватизма. Если правители не подстерегли, такъ сказать, благоприятный моментъ для реформъ и нововведеній, и вынуждены были обстоятельствами дать ихъ не въ пору, пропустивъ время, то всѣ вредные, перезрѣвшіе и недозрѣвшіе элементы общества приходятъ легко въ броженіе; и результатъ отъ нововведеній, какъ бы они благотворны ни были, получается неожиданно плохой. Въ здоровомъ народномъ и государственномъ организмѣ эти худыя слѣдствія не могутъ быть долговременны. Броженіе уляжется, и все снова заживетъ уже обновленною жизнію.

Всѣ реформы нынѣшняго (1880 г.) царствованія, по моему мнѣнію, къ сожалѣнію опоздали. Эманципація должна бы была совершиться задолго до 1848 года, когда въ Европѣ все было тихо и социализмъ не поднималъ еще головы, а финансы наши были въ хорошемъ состояніи; у насъ царствовала тишь и гладь, да Божья благодать; всѣ сословія покорствовали одной твердой волѣ, первенствовавшей и на всемъ континентѣ. вмѣсто того, освобожденіе крѣпостныхъ, а потомъ и другія, необходимо слѣдовавшія за этимъ актомъ, реформы пришлось въ самую неблагоприятную пору: съ одной стороны несчастная война, обнаружившая страшную неурядицу и злоупотребленія администраціи (военной и гражданской), позорный миръ; съ другой стороны, общее внут-

реннее глухое и затаенное недовольство во всѣхъ почти слояхъ общества отъ тяжелыхъ и стѣснительныхъ мѣръ, слѣдовавшихъ послѣ революцій въ Европѣ 1848 года, сильно разстроенные войною финансы, польское возстаніе, усиленная агитація эмигрантовъ, возбуждавшая сочувствіе во всей молодежи и даже въ правительственныхъ лицахъ. Можно ли найти болѣе опасное время для одной изъ радикальнѣйшихъ реформъ государства? И между тѣмъ, ее нельзя уже было откладывать, она уже и то была запоздавшая. И вотъ, по необходимости, сорвана соломонова печать съ склянки съ закупоренными духами; они вылетѣли не во-время и не влѣзаютъ, по приказанію волшебника, опять въ склянку. Мало того, эти духи—и между ними, конечно, много было и злыхъ—временно оказались нужными. При ихъ помощи нѣкоторые изъ сдѣлавшихся почему-то — не почему-то, а по успѣху—знаменитыми, эманципировали крестьянъ въ западныхъ губерніяхъ, въ смутное время польскаго возстанія; да эти духи, несомнѣнно, и теперь еще (1880 г.) бродятъ въ этихъ провинціяхъ въ видѣ разныхъ субалтерновъ премудрой администраціи. Теорія высшей администраціи, конечно, была остроумна: воспользоваться свободными силами, хотя и не благонадежными, а потомъ уволить ихъ въ бессрочный отпускъ. Вѣдь святые и на чортѣ верхомъ ѣздили. Но на практикѣ оказалось, что новѣйшіе духи упорнѣе и не стговорчивѣ чорта старыхъ временъ; лишь только ихъ пустили въ ходъ, они и сами пустили корни. Обо всемъ этомъ я хотѣлъ было—и буду—говорить впоследствии, при случаѣ; но не удержался и теперь; отвратительно гнусное событіе 5-го февраля (1880 г.) вывело меня изъ колеи, и я поневолѣ заговорилъ не у мѣста. Возвращусь поскорѣе къ моему свѣтлому и утѣшительному міровоззрѣнію.

XII.

Дѣйствительно ли, однако, все такъ, какъ я думаю?

Не иллюзія-ли, именно, то, что непостижимо для насъ: безпредѣльность, безконечность и вѣчность? Начало и конецъ, рожденіе и смерть мы встрѣчаемъ и сознаемъ на каждомъ шагѣ. Все наше существованіе на землѣ въ непрерывной зависимости отъ вещей, опредѣленныхъ, конечныхъ и временныхъ. Наши главные средства къ познанію вещей—чувства устроены исключительно для

опредѣленія и измѣренія границъ пространства, времени и движенія. Гдѣ же тутъ иллюзія? Да, самое лучшее для насъ не сознавать тутъ иллюзіи и, не сознавая ее, дѣйствовать; это практично, и убѣждать себя, что мы дѣйствуемъ живя въ мірѣ иллюзіи, ни къ чему не ведетъ, или же ведетъ скорѣе къ худу, чѣмъ къ добру. Все это такъ; но мнѣ стоитъ только поднять глаза вверху, посмотрѣть на небо—и безпредѣльность дѣлается неопровержимымъ фактомъ; стоитъ только подумать о мірозданіи и содержимомъ въ немъ веществѣ и силѣ—и мысль о вѣчномъ неизмѣнномъ началѣ невольно является и поражаетъ своею бездонною глубиною. Если же безграничное и вѣчное есть не только постулатъ разума, но и самый громадный фактъ, то какъ согласить существованіе ограниченного и временнаго съ этимъ фактомъ? Тутъ-то и кроется иллюзія; ограниченными, опредѣленными и временными кажутся намъ однѣ лишь проявленія безграничнаго и вѣчнаго начала, да и въ нихъ ограничены и временны однѣ только видоизмѣненія. Проявленія эти, по причинѣ вѣчнаго движенія и непрерывнаго перехода силъ и вещества однихъ въ другія, не могутъ быть постоянно одними и тѣми же. Вселенная—это громадный вѣчно вращающійся калейдоскопъ; фигуры непрерывно измѣняются, но движущая его мысль и сила вѣчны и неизмѣнны.

И такъ, мой умъ и фантазія, по моему, никогда не разлучные, убѣждаютъ меня въ существованіи безконечнаго и вѣчнаго начала. Безъ фантази и умъ Коперника и Ньютона не далъ бы намъ міровоззрѣнія, сдѣлавшагося достояніемъ всего образованнаго міра. Ничто великое въ мірѣ не обходилось безъ содѣйствія фантази. Къ ней же, къ умствующей фантази нужно обратиться и за рѣшеніемъ неразрѣшимаго вопроса объ отношеніи вещества къ этому безгранично вѣчному вселенскому началу.

И я утверждаю, что въ умственномъ анализѣ, вспомоществуемомъ фантазіею, вещество улетучивается, такъ сказать, и вмѣсто его атомовъ въ воображеніи остается сила. Что она такое—мы также не знаемъ, какъ не знаемъ и что такое основные атомы вещества. Одно только для меня неоспоримо, что и эта воображаемая основная сила и эти воображаемые основные атомы не имѣютъ и не могутъ имѣть тѣхъ же чувственныхъ свойствъ, которые

опытъ, наблюденіе и наука открываютъ въ окружающей насъ вселенной. Эта основная сила и основное вещество такое же отвлеченіе, какъ и міровая мысль и начало жизни; но отвлеченіе, проявляющееся въ умѣ произвольно и неминуемо при размышленіи и воображеніи; умъ произвольно, скажу, пожалуй, безсознательно (хотя это повидимому нелѣпость) находитъ самого себя и свойственное ему стремленіе въ цѣли и плану внѣ себя. Это его свойство. Но онъ обладаетъ этимъ свойствомъ именно потому, что оно существуетъ и внѣ его, въ цѣлой вселенной; потому, другими словами, что онъ самъ есть только одно проявленіе другого высшаго, мірового ума.

XIII.

Февраля 16-го (1880 г.). Уже четыре дня стоитъ утрами морозъ въ 4—2° R., въ срединѣ дня до 0° R., ясно; вчера былъ утроемъ снѣгъ. Подъ снѣжнымъ покровомъ земля подъ посѣвами оказалась при пробѣ (на дняхъ) замерзшею на нѣсколько дюймовъ, несмотря на глубокій (мѣстами въ одинъ аршинъ) снѣжный слой, и несмотря на то, что снѣгъ выпалъ осенью на талую землю; онъ не сходилъ однакоже ни разу зимой до сихъ поръ. Погода стоитъ повидимому отличная для ходьбы; но вѣроломная. Дуетъ такъ называемый здѣсь марець, пронзительный съ югозапада и сѣверозапада вѣтеръ, (S, W, N, W) при начинающейся веснѣ; онъ проникаетъ до костей не смотря на то, что S и W, а солнце между тѣмъ уже сильно грѣетъ.

Я въ 1860 году схватилъ сильную болѣзнь въ эту пору (въ концѣ февраля) съ перемежающимся тифомъ. Поэтому я страшно боюсь февральскаго вѣроломства; не знаешь, какъ одѣться выходя пѣшкомъ изъ дому; въ шубѣ на солнцѣ какъ разъ вспотѣешь, а тутъ гдѣ нибудь на поворотѣ прохватитъ марець. Недаромъ его боятся и посѣвы; бѣда, если они откроются изъ-подъ снѣга въ то время, когда дуетъ марець; въ прошломъ году на посѣвы, подвергшіеся въ февралѣ вѣтрамъ, страшно было смотрѣть; зелень вся пропала и поля почернѣли вскорѣ послѣ того, какъ вышли изъ-подъ снѣга; потомъ только поправились немного отъ выпавшаго мокраго снѣга.

Я все толкую въ моемъ міровоззрѣніи о міровомъ умѣ, о міровой мысли. Да гдѣ-же міровой мозгъ? Мысль безъ мозга и безъ словъ! Развѣ это не абсурдъ въ устахъ врача. Но пчела, муравей думаютъ же безъ мозга и все животное царство развѣ не мыслить безъ словъ? Вольно намъ называть мыслию только одну человѣческую, мозговую, словесную и человѣчески сознательную мысль. А она для меня есть только проявленіе общей мысли, распространенной всюду, творящей и управляющей всѣмъ. Самъ мозгъ и само слово, считаемыя нами за органъ и условіе мысли, суть произведенія этой міровой мысли, и конечно не случайныя. Если для неизвѣстной намъ цѣли было необходимо устройство организмовъ, то, конечно, творческая мысль должна же была найти для выраженія себя сознаніемъ и словомъ какой либо субстрактъ, наиболѣе приспособленный къ цѣли, и этимъ субстрактомъ для человѣка и высшихъ животныхъ оказался мозгъ. Почему для человѣческаго мышленія понадобились именно не другія, а мозговые извилины, клѣтки, узлы и волокны—мы не знаемъ, точно также, какъ не знаемъ, почему нужно было твореніе существующихъ, а не иныхъ какихъ животныхъ типовъ; мы не можемъ этого знать именно потому, что и устройство нашего органа мышленія и твореніе типовъ суть произведенія высшей, міровой, для насъ по однимъ только ея проявленіямъ доступной, мысли. Открывая на каждомъ шагѣ внѣ насъ мысль несознательную, въ нашемъ смыслѣ, мы невольно привыкаемъ считать ее за свою собственную, человѣчески сознательную.

Между тѣмъ мы достовѣрно теперь знаемъ, что въ нашихъ дѣйствіяхъ, и преимущественно въ дѣятельности органа зрѣнія, значительно участвуетъ бессознательное мышленіе; безъ него мы не могли бы ощущать и представлять себѣ видимыя нами предметы такими именно, какъ они намъ кажутся. Мы разсуждаемъ, считаемъ, воображаемъ, помнимъ и хотимъ, во многихъ случаяхъ, бессознательно; безъ сомнѣнія можно и чувствовать бессознательно, какъ это показываютъ рефлексъ, или же тотчасъ же забывать моментъ ощущенія при самомъ его началѣ. Мнѣ кажется, наступила пора, когда мы должны уже различать сознаніе нашего я отъ другихъ психическихъ актовъ, каковы ощущеніе, мышленіе, воля и воображеніе; не говоря уже о томъ, что степени самаго со-

знанія могутъ быть весьма различны. Я полагаю, что мозгъ есть исключительный органъ индивидуальнаго сознанія, мышленіе же наше зависитъ отъ мозга настолько, насколько онъ есть органъ слова и ощущеній, приносимыхъ различными органами. Но ни мозгъ, ни другіе органы себя самихъ не ощущаютъ сознательно. Откуда же берется въ немъ сознаніе нашего я? Что за странное превращеніе разныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ ощущеній, приносимыхъ къ нечувствующему самому себя мозгу въ чувства нашей личности! Не приносится ли и оно къ намъ извнѣ,—я хочу сказать,—не сообщается ли это сознаніе организму извнѣ вмѣстѣ съ элементами носителями жизненнаго начала.

Начало жизни, жизненная сила, духъ бытія, назовемъ какъ угодно, конечно не имѣетъ своего я; оно не можетъ имѣть индивидуально-человѣческаго сознанія; оно общее; но направляя силы и элементы къ формированію организмовъ, это организующее начало жизни дѣлается самоощущающимъ, самосознающимъ, племеннымъ или личнымъ. И въ каждой животной особи, кромѣ сознанія (болѣе или менѣе яснаго) личности, существуетъ еще сознаніе племенное, а въ людяхъ, кромѣ племеннаго я, есть еще и общечеловѣческое. Эти различные виды сознанія, органомъ которыхъ служатъ преимущественно нервныя центры, въ моихъ глазахъ не что другое, какъ олицетвореніе міровой мысли, совершаемое жизненною силою. Это, по моему мнѣнію, не пустая фраза. Я въ правѣ такъ думать потому, во-первыхъ, что другого объясненія происхожденію нашего я я не знаю; во-вторыхъ, въ существованіи жизненнаго начала (силы) нельзя сомнѣваться; ибо нужно же принять ихъ, управляющій веществомъ въ организмѣ и физическими силами, направляющій ихъ къ извѣстной опредѣленной цѣли, къ поддержанію существованія и самосохраненію организма; въ третьихъ, наконецъ, вещество, управляемое и направляемое жизненнымъ началомъ, организуется по общему, опредѣленному плану въ извѣстные типы; а это не значитъ ли, что организованіе типовъ и формъ представляетъ собою выраженіе и олицетвореніе творческой міровой мысли. Но такъ какъ эта мысль не есть и, по существу своему, не можетъ быть индивидуальная, то она, конечно, не нуждается въ особомъ органѣ, каковъ нашъ мозгъ, предназначенномъ исключительно для индивидуальности. Вмѣстѣ съ этимъ, для выраженія міровой мысли не было надобности ни въ ощуще-

нїякъ, ни въ словахъ, необходимыхъ для нашего индивидуальнаго мышленія.

Вообще, мы не въ правѣ утверждать, что такой-то или таковой-то органъ устроенъ именно съ тою цѣлью и для той функціи, которыя ему приписываютъ наши опыты, наблюденія и наука. Мы не можемъ утверждать, что наши ноги даны намъ, чтобы ходить, мозгъ—чтобы мыслить. Нѣтъ, мы ходимъ, потому что у насъ есть ноги и мыслимъ, потому что имѣемъ голову. Утверждать же, что мы имѣемъ голову, чтобы мыслить — значитъ полагать, что творческая сила жизни не имѣла никакого другого средства, кромѣ избраннаго ею къ достиженію своей цѣли. Мы должны помнить, что мы не знаемъ почему творческая мысль олицетворилась сознательно въ типѣ и формѣ человѣка, а не иномъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ мы не въ правѣ утверждать, что человѣкомъ и закончилось это олицетвореніе, доведенное въ немъ до самосознанія; у насъ нѣтъ никакой причины отвергать возможность существованія организмовъ, снабженныхъ такими свойствами, которыя олицетворенію міровой мысли придали бы недостижимое для нашего самосознанія совершенство.

17—18 февраля (1880 г.). Оба дня тепло до 4—6° R. при S. и SW., вчера (17) болѣе пронзительномъ, сегодня слабомъ. Ясно. На солнцѣ таетъ, но общей оттепели нѣтъ, хотя снѣгъ уже и проваливается подъ ногами.

Я знаю, что мое міровоззрѣніе не имѣетъ той фактической подкладки, которая въ наше время требуется отъ всякаго серьезнаго размышленія. Но въ томъ-то и бѣда, что нужно или вовсе отказаться отъ всякаго міровоззрѣнія, или же принять въ основаніе одни слишкомъ общіе и потому слишкомъ близкіе къ отвлеченію факты. Мнѣ не суждено быть позитивистомъ; я не въ силахъ приказывать моей мысли: не ходи туда, гдѣ можно заблудиться. И я, по неволѣ, основываюсь въ моемъ міровоззрѣніи на томъ, что мнѣ кажется внѣ всякаго сомнѣнія, хотя бы это было болѣе отвлеченіе, чѣмъ фактъ. Мнѣ кажутся такого рода отвлеченія также несомнѣнными, какъ мое собственное существованіе; къ нимъ я отношу: міровую цѣлесообразность, общій планъ творенія, міровую мысль, силу, независимую отъ вещества, ве-

щество, при умственномъ анализѣ, превращающееся въ нѣчто неуловимое чувствами,—то есть также силу; начало (силу) жизни, проникающее вещество, но независимое ни отъ него, ни отъ физическихъ силъ, а цѣлесообразно направляющее эти силы къ само-сохраненію вещества, возведеннаго этимъ же началомъ на степень организмовъ и особей. Принимая все это за неоспоримныя истины, могъ ли я принять иное міровоззрѣніе? Будетъ ли наукою когда нибудь несомнѣнно доказано, что высшіе животныя типы, формы и мы сами развились подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій и силъ изъ низшихъ формъ, а эти, въ свою очередь, изъ первобытной органической протоплазмы—мое воззрѣніе отъ этого не измѣнится; такъ-ли, иначе-ли развилась животная жизнь на землѣ, принципъ цѣлесообразности въ творествѣ отъ этого ничего не теряетъ и присутствіе міровой мысли и жизненнаго начала во вселенной не сдѣлается сомнительнымъ.

Я не могу убѣдиться,—хотя мое собственное убѣжденіе и не могу подтвердить фактами,—чтобы во всей вселенной нашъ мозгъ былъ единственнымъ органомъ мышленія; чтобы все въ мірѣ, кромѣ нашей мысли, было безумно и бессмысленно, и чтобы она одна придавала мірозданію смыслъ и разумную цѣлесообразность. При такомъ одностороннемъ воззрѣніи мнѣ чрезвычайно страннымъ кажется значеніе нашего мозга; выходитъ такъ, что въ цѣлой вселенной онъ одинъ, ощущая внѣшнія впечатлѣнія и не ощущая самого себя, служитъ мѣстомъ проявленія какого-то я, вовсе не признающаго своей солидарности съ мѣстомъ своего происхожденія и какъ будто ему посторонняго. Поэтому мнѣ сдается не болѣе и не менѣе правдоподобнымъ другое предположеніе, что это пресмутное и странное наше я заносится въ мозгъ и развивается тамъ вмѣстѣ съ ощущеніями отъ приносимыхъ въ него внѣшнихъ впечатлѣній; другими словами—ставится вопросъ: не приносится ли наше я извнѣ и не есть ли оно именно міровая мысль, встрѣчающая въ мозгѣ аппаратъ, искусно сработанный ad hoc силою жизни и назначенный ею для олицетворенія и особленія міроваго ума? Въ такомъ случаѣ мозгъ былъ бы искусно сплетенною сѣткою для удержанія и проявленія въ личномъ видѣ этого вселенскаго разума.

Во всякомъ случаѣ это, повидимому, фантастическое предположеніе мнѣ кажется все-таки болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ то, вы-

шедшее изъ школы чистокровныхъ матеріалистовъ, по которому наша мысль приводится въ зависимость отъ мозгового фосфора. Сколько бы я ни ѣлъ рыбы и гороху (по совѣту Молешота), никогда я не соглашусь отдать мое я въ крѣпостную зависимость отъ продукта, случайно полученнаго алхиміею изъ мочи. Если намъ суждено въ нашихъ міровоззрѣніяхъ подвергаться постоянно иллюзіямъ, то моя иллюзія, по крайней мѣрѣ, утѣшительна. Она мнѣ представляетъ вселенную разумною и дѣятельною дѣйствующихъ въ ней силъ цѣлесообразною и осмысленною, а мое я не продуктомъ химическихъ и истологическихъ элементовъ, а олицетвореніемъ общаго, вселенскаго разума, который я представляю себѣ свободно дѣйствующимъ по тѣмъ же законамъ, которые начертаны имъ и для моего разума, но не стѣсненнымъ нашею человѣчески сознательною индивидуальностью.

XIV.

19-го февраля (1880 г.). Отличная погода при—1° R. (утромъ ясно и тихо для дня двадцатипятилѣтія).

25 лѣтъ тому назадъ я встрѣчалъ этотъ день въ Севастополѣ. Тогдашнія занятія на перевязочномъ пунктѣ и моя болѣзнь (тифозъ) не позволили ясно сохранить произведенному на насъ впечатлѣнію извѣстіемъ о новомъ вступленіи на престолъ. Я помню только о какомъ-то безгласномъ изумленіи при полученіи извѣстія о кончинѣ императора Николая. Мы почти ничего не знали о его болѣзни. Передъ неожиданнымъ отъѣздомъ Великихъ Князей (Николая и Михаила) изъ Севастополя разнесся слухъ о болѣзни императрицы и нѣкому изъ насъ и въ голову не приходило, что насъ ожидало такое важное событіе. О какихъ-либо предстоящихъ перемѣнахъ съ восшествіемъ на престолъ новаго Государя тогда некогда было помышлять. У всѣхъ одно было на умѣ настоящее, весьма неприглядное. Непрiятель приближался своими осадными работами; предстояли новыя битвы и кровопролитія; всѣ были увѣрены, что, не смотря на перемѣну правленія, до мира еще далеко. Газетъ мы тогда почти не читали; онѣ приходили Богъ знаетъ когда, да и читать было некогда.

25 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ. Многое великое совершилось,

много хорошаго. Много перемѣнилось къ лучшему; но юбилей омраченъ новымъ Севастополемъ, также доморощеннымъ и также не безъ внѣшняго вліянія, тревожащимъ Россію. Уже давно появившаяся въ цивилизованномъ мірѣ болѣзнь, именуемая мірскою печалью или болью, „Weltschmerz“, развилась и у насъ. Но наши мірскіе печальники, еще рѣшительнѣе западныхъ, не задумались прибѣгнуть тотчасъ же къ самымъ печальнымъ мѣрамъ для излеченія своей болѣзни; но объ этомъ поговорю послѣ.

На другой или на третій день послѣ призыва къ присягѣ новому государю, я пошелъ зачѣмъ-то къ нашему госпитальному аптекарю въ Севастополѣ, и встрѣтилъ его на дорогѣ возвращающимся съ почты съ какимъ-то ящичкомъ. Я полюбознствовалъ узнать и зашелъ въ аптеку; при раскрытіи посылки оказалось, что это была атомистическая аптечка лейбъ-медика Мандта, предназначавшаяся для всѣхъ военныхъ госпиталей, и по высочайшему повелѣнію разосланная по всей Россіи; этою аптекою; а слѣдовательно и атомистическимъ способомъ леченія д-ра Мандта, должны были, по волѣ покойнаго государя (Николая I), замѣниться прежнія аптеки и прежніе способы леченія въ военныхъ госпиталяхъ.

Какъ только ящикъ былъ открытъ, нашъ аптекарь, тертый нѣмецъ, посмотрѣвъ на содержимое, прехладнокровно помоталъ головою и, закрывъ ящикъ, сказалъ: „опоздалъ“. Только потому я понялъ въ чемъ дѣло. Приказъ отъ военно-медицинскаго вѣдомства объ этомъ нововведеніи былъ, вѣроятно, уже извѣстенъ аптекарю и онъ, получивъ эту куріозную посылку прежняго режима уже при новомъ, тотчасъ же сообразилъ какая ей предстоитъ будущность.

XV.

Февраля 20—21 (1880 г.). Продолжается ясная погода съ небольшимъ марцемъ SW; на солнцѣ 0° +5 R.; ночью морозцы въ 2°—4° R.

Да гдѣ же моя автобіографія? Но вѣдь я ее пишу для себя и потому мнѣ всего важнѣе уяснить себѣ самому, что такое я, и потомъ уже прослѣдить насколько и какимъ образомъ фактическая жизнь способствовала сдѣлать изъ меня то, что я теперь, то есть какими путями пришелъ я къ моему теперешнему (1880 г.)

міровозрѣнію и къ моимъ теперешнимъ религіознымъ и нравственнымъ убѣжденіямъ. Поэтому мнѣ необходимо сначала уяснить самому себя, какъ я смотрю на окружающій меня міръ, какимъ я вожусь себя, за кого я самъ себя считаю, во что я вѣрю, въ чемъ сомнѣваюсь, что люблю и что ненавижу. Все мое прошедшее, все пережитое мною для меня интересно однако же настолько, сколько оно можетъ разъяснить мнѣ весь процессъ развитія моего міровозрѣнія, моихъ религіозныхъ убѣжденій и всего моего нравственного быта. Но чтобы добиться этого результата въ исторіи моей жизни, я долженъ не только припомнить себя все давно-прошедшее время, а еще и стараться быть на каждомъ шагу откровеннымъ съ собою. И то, и другое не такъ легко.

Я велъ когда-то, 18-лѣтнимъ юношею, нѣкоторое время (около года), дневникъ. У жены сохранилось изъ него нѣсколько листовъ. Но изъ него я не многое могъ бы извлечь для моей цѣли. Я узналъ бы, наприимѣръ, что въ ту пору я не думалъ прожить долѣе 30 лѣтъ, а потомъ,—говорилъ я тогда въ дневникѣ,—въ 18 лѣтъ! (и при томъ вовсе не рисуясь),—„пора костямъ и на мѣсто“. Изъ этого я могу заключить только,—это, впрочемъ, я и безъ дневника ясно помню,—что нерѣдко въ тѣ поры я бывалъ въ мрачномъ настроеніи духа. Память давнопрошедшаго, какъ извѣстно, у стариковъ хороша, а у меня она хорошо сохранилась и о недавно прошедшемъ. Поэтому въ моей исторіи прошедшаго я не найду большаго препятствія къ раскрытію процесса броженія и переворотовъ, совершившихся въ теченіи жизни въ моемъ нравственномъ и умственномъ бытѣ. Но труднѣе будетъ для меня рѣшить насколько я могу быть вполне откровеннымъ съ собою. Это не такъ легко, какъ кажется. Есть случаи въ жизни, главные и скрытые мотивы которыхъ невозможно иначе объяснить, какъ при полной откровенности съ самимъ собою; а между тѣмъ, именно въ такихъ случаяхъ, никакъ не рѣшишь дѣйствительно ли ты откровененъ съ собою, или нѣтъ. Есть мотивы, до того глубоко сидящіе въ тайникахъ нашего я, что ихъ никакъ не вытащишь на поверхность души, сколько бы этого ни желалъ; вмѣсто нихъ появляются другіе, на видъ болѣе приглядные, но, хватаясь и выставляя ихъ, чувствуешь, что тамъ гдѣ-то въ глубинѣ сидитъ, упершись и притаившись, другой мотивъ, неясный и, главное, ни мало не похожій на всплывшій. И это

дѣлается совсѣмъ не въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ благоразуміе и осторожность не позволяютъ быть откровеннымъ съ другими. Нѣтъ, я утверждаю, что несравненно труднѣе откровенность съ самимъ собою, можетъ быть потому, что она обыкновенно требуется не ежедневно, не въ дюжинныхъ обстоятельствахъ, а болѣе или менѣе критическихъ и серьезныхъ. Случается и то, что дѣйствительно не можешь рѣшить, что было причиною того или другого совершеннаго тобою поступка, и еще труднѣе—почему ты тогда, при этомъ поступкѣ, такъ, а не иначе думалъ. Самый анализъ и разбирательство дѣйствій своего собственнаго я требуетъ много опытности и упражненія. Едва ли тотъ, кто много упражнялся въ анализѣ поступковъ, чувствъ и мыслей другого, пріобрѣтаетъ этимъ же самымъ упражненіемъ и способность анализировать безупречно себя самого.

Вообще для меня остается еще открытымъ вопросъ—нормально ли анализировать себя? Человѣкъ, что называется цѣльный, кажется, живетъ, мыслитъ, дѣйствуетъ безъ разбирательства своего я. Онъ такъ устроенъ и самъ такъ устроился, что его мысли и дѣйствія, по его собственному убѣжденію, должны быть именно тѣми, какими онъ есть, а не иными. Психическій процессъ въ такомъ человѣкѣ можно сравнить съ заведеннымъ, однажды на все время его существованія, часовымъ механизмомъ. Маятникъ ходитъ ровно, мѣрно и правильно. Раскрывать и разсматривать этотъ механизмъ нѣтъ никакой надобности. Самоѣдство же—другого свойства. Это продуктъ едва ли не патологическій, хотя на немъ и основано глубокомысленное правило мудрецовъ о познаніи (конечно посредствомъ наблюденія и изученія) самого себя,—известное—гнофи зеаутопъ.

Руководясь этимъ правиломъ, нужно проститься съ дорогою цѣльностью души; разщепленіе и двойственность дѣлаются неизбежны; борьба наблюдаемаго и наблюдающаго началъ неизбежна, когда наше я дѣлается въ одно и то же время субъектомъ и объектомъ. Вотъ и я упрекаю себя въ этой двойственности, хотя она играла, можетъ быть, немаловажную роль въ моемъ самовоспитаніи и самообладаніи; безъ этой двойственности, то есть безъ наблюденія и анализа самого себя, я былъ бы, можетъ быть, гораздо хуже, чѣмъ какимъ я считаю себя въ настоящее время. Но болѣею помѣхою была она иногда для моей практической

дѣятельности и способствовала къ развитію духа противорѣчія и оппозиціи. Этотъ оппозиціонный духъ проявлялся также сильно въ анализѣ мнѣній и дѣйствій моихъ собственныхъ, какъ и постороннихъ.

Я съ давнихъ поръ не могу ни на что смотрѣть и ни въ чемъ убѣждаться съ одной стороны; произвольно при каждомъ новомъ для меня предметѣ я тотчасъ же заглядываю на него со стороны противоположной той, съ которой смотрю. Не даромъ я носилъ однимъ глазомъ (лѣвымъ) съ рожденія. Эта разносторонность въ взглядѣ на предметъ, приносящая свою долю пользы, вредна дѣйствию, лишая его мѣткости, быстроты и сосредоточенности. Я это испыталъ, въ сожалѣнію, не разъ въ жизни; за то она предохраняла меня отъ вредныхъ увлеченій, выставляя мнѣ тотчасъ же на видъ худую сторону того, что меня манило къ увлеченію. Несомнѣнную пользу доставила мнѣ разносторонность въ хроническихъ случаяхъ, когда было довольно времени для начала дѣйствія взвѣсить и оцѣнить обсуждаемый предметъ съ противоположныхъ точекъ зрѣнія.

Странно и непонятно свойство дѣлиться нашего я. Впрочемъ, не знаю навѣрное—дѣйствительно ли наше личное я или что другое въ насъ имѣетъ это странное свойство. Знаю только по опыту, что различное настроеніе (веселое, тоскливое) у меня весьма рѣдко овладѣвало вполне мною; почти всегда было такъ, что какъ будто одно мое я веселится, а другое въ то же время тоскуетъ и разбираетъ (анализируетъ) причину веселья перваго. Въ порывахъ же страсти и увлеченія все зависило отъ ихъ степени; увлекающаеся я быстро представляло свои мотивы; другое, удерживающее, также быстро приводило свои, и увлеченіе одолевало и приводило въ дѣйствіе только, когда его мотивы представлялись какому-то еще третьему я болѣе основательными и болѣе сильными. Для психолога все это, конечно, вздоръ. Я у каждой особи одно цѣльное и нераздѣльное. Ощущеніе: какъ будто, во мнѣ дѣйствуетъ два или нѣсколько противоположныхъ я—есть какая-то иллюзія. Съ той поры, когда мы начинаемъ себя помнить, и до конца дней всѣ мы отчетливо сознаемъ свое цѣльное и единичное я, какъ бы мы въ теченіи жизни ни измѣнялись въ характерѣ, привычкахъ, образѣ жизни и проч. Мы чувствуемъ перемѣны съ собою, но въ то же время сознаемъ, что эти перемѣны не сдѣлали насъ не нами.

XVI.

Съ 22 — 27 февраля (1880 г.). Температура мѣнялась эти дни отъ -5 до $+6^{\circ}$ R. 22—25 мороза почти не было; разъ пошелъ снѣгъ съ мятелью, но скоро пересталъ. 25—26 сильный марецъ NNW и температура понизилась отъ 0° до -5° R. Было ясно и солнечно. Сегодня вѣтеръ NW тише и днемъ $+2-3^{\circ}$ R. Ночью было 0° . Ясно. Все время возимъ навозъ; десять слишкомъ морговъ уже унавожено. Пшеницу, продавную по $1\frac{1}{2}$ рубля за пудъ, увозять, но по малу.

Да, наше я цѣльно, нераздѣльно и тождественно въ теченіи всей нашей жизни. Только умалишенные, и то не всѣ, вѣроятно, не сознають тождества настоящаго своего я съ прежнимъ. Откуда же иллюзія, представляющая намъ, что мы можемъ въ одно и то же время чувствовать и мыслить не только различно, но и противоположно, противодействуя однимъ чувствомъ другому и изгоняя одну мысль другою?

Во первыхъ, мы обманываемся во времени; между однимъ ощущеніемъ и другимъ, одною мыслью и другою всегда есть промежутокъ времени между этими актами, какъ бы коротокъ ни былъ и какъ бы ничтожнымъ намъ ни казался.

Во вторыхъ, иллюзія зависитъ отъ того, что наше я способно въ одно и то же время прикасаться, такъ сказать, къ нѣсколькимъ органамъ, имѣющимъ различныя функціи, да и само оно, наше я, какъ бы соткано изъ различныхъ ощущеній.

Что же оно такое, это пресловутое я? Личное мѣстоимѣніе? Или также одна иллюзія?—Я полагаю нужно сдѣлать различіе между двумя видами я. Одинъ его видъ есть не болѣе, какъ ощущеніе личнаго бытія, свойственное каждой животной особи. Въ другомъ видѣ, вмѣстѣ съ этимъ ощущеніемъ, существуетъ еще и болѣе или менѣе ясное понятіе о немъ, т. е. о своей личности. Вотъ это сознательное пониманіе присущаго намъ ощущенія бытія, т. е. своей личности, и есть наше человеческое я, выражаемое словомъ—мѣстоимѣніемъ личнымъ, у взрослыхъ—въ первомъ, у дѣтей въ третьемъ лицѣ. И животныя выражаютъ звуками ощущеніе

своего бытія, но у нихъ оно выражается всегда вмѣстѣ съ какимъ либо позывомъ, чувствомъ удовольствія или боли.

Наше я, въ его отношеніяхъ къ разнымъ психическимъ способностямъ, можно сравнить съ музыкантомъ, играющимъ въ одно и тоже время на нѣсколькихъ инструментахъ; привасаясь къ нимъ посредствомъ разныхъ тѣлодвиженій, онъ умѣетъ разыгрывать мелодическіе концерты. Такъ и наше я, сотканное изъ различнѣйшихъ ощущеній, обладаетъ способностію легко привасаться, въ одно и тоже время, къ элементамъ разныхъ частей мозга, и возбуждать психическія функціи, приводя дѣятельность этихъ органовъ въ унисонъ, а иногда и причиняя нестерпимую для самого себя и для другихъ какофонію. Какъ бы ни были локализованы различныя психическія функціи по разнымъ частямъ мозга, ощущеніе и пониманіе бытія, т. е. наше я, не можетъ быть локализованнымъ. Чтобы разыграть, не нарушая законовъ гармоніи, какую либо мысленную тему, оно должно коснуться въ одно и тоже время и органическихъ элементовъ, сохраняющихъ на себѣ отпечатки внѣшнихъ впечатлѣній (т. е. памяти), и мозговыхъ извилинъ, служащихъ органомъ слова и не найденныхъ еще локализаторами органовъ фантазіи и разсудка. Это необходимо потому, что мы не можемъ мыслить и разсуждать, не приводя въ тоже время въ дѣйствіе нашу память, наше соображеніе и воображеніе. Этою способностію нашего я приводятъ одновременно или попеременно съ самыми краткими промежутками, не нарушая своей цѣлости (не раздѣляясь), разные органы ощущеній и различныя психическія способности, объясняю я себѣ и кажущуюся намъ его двойственность, такъ хорошо выраженную въ одномъ посланіи апостола Павла. Не только между желаніемъ (волею) и дѣйствіемъ, какъ замѣчаетъ апостолъ, но и между первоначальными зародышами нашихъ мыслей, чувствъ, желаній, не трудно подмѣтить у себя противорѣчіе и двойственность.

Еще недавно, на дняхъ, я былъ въ худомъ настроеніи духа (послѣ сильнаго припадка височнаго катарра) и, зная, не переставалъ однако же наблюдать, что въ тоже время, какъ злоба и неудовольствіе на нѣкоторыхъ особъ подступали у меня къ сердцу, въ зародышѣ мысли уже заключалось ихъ извиненіе; я былъ го-

товъ одновременно и ругать, и извинять ихъ, съ упрекомъ себѣ въ несправедливости. Не значило ли это, что мое я проникло въ омутъ грязныхъ ощущений, приносимыхъ разстроеннымъ органомъ (выпечнымъ каналомъ) въ мое воображеніе, но не такъ глубоко, чтобы потонуть въ немъ, оставивъ память (съ нѣкоторыми пріятными воспоминаніями) и разсудокъ въ полномъ бездѣйствіи.

Что такое наше я безъ ощущений, (оно, какъ я свазалъ, изъ нихъ соткано),—*ignoto et ignogato*. Мы, врачи и натуралисты, посвятившіе себя съ раннихъ лѣтъ фактическимъ изслѣдованіямъ живыхъ и мертвыхъ организмовъ и органовъ, такъ привыкаемъ къ находящейся безпрестанно предъ нами и въ нашихъ рукахъ связанной съ органическими элементами жизни, что невольно смотримъ на нее какъ на слѣдствіе, а не какъ на причину. Уколомъ одного пунета въ продолговатомъ мозгу мы мгновенно прекращаемъ самую полную силу и здоровья жизнь. Можно-ли же осуждать насъ, если мы заключаемъ, что жизнь, подобно часовому механизму, останавливается съ поврежденіемъ пружины? Не естественно ли заключеніе, что наша жизнь есть не болѣе, какъ регулируемое органическимъ механизмомъ движеніе; влючъ къ этому механизму въ томъ пунктѣ продолговатаго мозга, который потому и долженъ называться жизненнымъ узломъ—*punct vital*. Съ выходомъ нашимъ на свѣтъ, онъ заводитъ машину; первое проявленіе механизма есть дыхательное движеніе. Если мы не желаемъ назвать внѣшнимъ міромъ для человѣческаго зародыша заключавшую его девять мѣсяцевъ матку, то первое сообщеніе его съ внѣшнимъ міромъ состоитъ въ движеніи грудного ящика. Что же можетъ быть послѣ этого для насъ наше я безъ ощущений и безъ связи съ приносящими и принимающими ощущенія органами? Развѣ посвятившимъ себя изученію органической природы не доказываютъ тщательныя изслѣдованія, что въ органическомъ мірѣ дѣйствуютъ тѣже самыя силы и законы, какъ и въ неорганическомъ, и не въ правѣ ли мы заключить изъ этого, что все, что мы наблюдаемъ въ животномъ организмѣ, относится также, какъ и въ неорганическихъ тѣлахъ, къ свойствамъ и функціямъ вещественныхъ элементовъ, составляющихъ его части и органы?

XVII.

29-го февраля—1-го марта (1880 г.). Послѣ оттепели, мѣнявшейся съ ночными небольшими морозами, вдругъ при новолуніи (28-го февраля) начинается студеный NW и вчера (29) температура понижается до—7° R. съ ужасною мятелью (это былъ ураганъ, шедшій, по газетнымъ извѣстіямъ, съ востока и свирѣпствовавшій въ степныхъ восточныхъ губерніяхъ), а сегодня, хотя и ясно, но морозъ въ 10° R. при сильномъ холодномъ NW. Слава Богу, что поля наши съ посѣвами еще покрыты снѣгомъ; но куда дѣвается этотъ снѣгъ? настоящихъ оттепелей еще не было; ни разу не текли съ горъ потоки, температура не возвышалась ни разу болѣе +6° R., и то только днемъ, а снѣгъ, что называется, изнываетъ видимо; уже мѣстами на дорогахъ и на зяблѣ (вспаханная съ осени стыря) его вовсе нѣтъ; земля подъ нимъ отмерзаетъ только по временамъ и то не болѣе, какъ на 2"; слѣдовательно глубоко проникать въ землю тающій снѣгъ не можетъ; большихъ лужъ и ручьевъ не видно; испаряться снѣгъ при ясной солнечной, но прохладной погодѣ едва ли могъ сильно; онъ былъ рыхлъ и при малѣйшей оттепели проваливался; вѣроятно, онъ теперь сплюснулся и слой его оплотнѣлъ.

Интересно и для любопытства, и для вармана, что будетъ нынѣшнею весною со всходами озими? Соки въ деревьяхъ еще незамѣтно; чтобы тронулись, и потому еще можно надѣяться, что поздній морозъ не повредитъ имъ много.

Да, научному эмпирику, при индуктивномъ методѣ изслѣдованія, трудно избѣгнуть иллюзіи, представляющей ему невозможнымъ существованіе сознательной мыслящей жизни внѣ организма и безъ возбуждающихъ ощущенія органовъ. А между тѣмъ, эта иллюзія основана, хотя на привлекательномъ и повидимому бесспорномъ, но поверхностномъ и одностороннемъ взглядѣ на индивидуальныя проявленія жизни.

Живущее въ насъ, ощущающее и понимающее ощущеніе, начало не можетъ быть само органомъ, то есть объектомъ; оно по существу своему не можетъ не быть субъектомъ,—то есть существомъ отдѣльнымъ отъ органа, конечно не въ смыслѣ грубо-

вещественномъ и, конечно, не имѣеть извѣстныхъ намъ и подверженныхъ нашимъ чувствамъ свойства существъ органическихъ. Оно, тѣсно связанное съ органическими элементами, безъ чего чувственныя его проявленія были бы для насъ невозможны, съ разрушеніемъ этой связи перестаетъ быть объектомъ, то есть предметомъ чувственного изслѣдованія. Но удастся ли кому либо представить себѣ возможность ощущенія: понимать ясно ощущаемое (то есть мыслить), не сознавая въ тоже время себя самого, то есть не бывъ субъектомъ (для себя). Нарушая или прекращая связь этого субъективнаго, ощущающаго и сознающаго себя начала съ органическими элементами, мы уничтожаемъ только объективно-индивидуальное проявленіе его, а слѣдовательно и жизни, но не самое жизненное начало. Насколько же это начало и послѣ разрыва органической связи можетъ еще сохранять свой индивидуализмъ, — свой индивидуальный, такъ сказать, обликъ—это другой, не менѣе по своему содержанию глубокой, вопросъ. О немъ потомъ приведу мое личное воззрѣніе.

Въ современной наукѣ установилось однако же воззрѣніе, противорѣчащее, повидимому, тому, что ощущение и мышленіе должны быть всегда сознательны. Дѣйствительно, нельзя не принять, судя по многимъ фактамъ, въ извѣстныхъ случаяхъ бессознательныхъ ощущений и размышленій. Уловить существенное различіе между этими видами ощущений и мыслей и сознательными не всегда возможно. Вотъ факты. Вѣрно, организмъ зародыша ощущаетъ бессознательно; большая часть рефлексовъ основаны на бессознательномъ ощущеніи, переносимомъ на двигательные нервы. Внутренніе органы, безъ сомнѣнія, передаютъ отъ себя разнаго рода ощущенія; но онѣ бессознательны и обнаруживаются обыкновенно одними рефлексами. Впечатлѣнія, приносимыя намъ чувствами, и особливо зрѣніемъ, изъ вѣшняго міра, производятъ въ насъ правильныя представленія о предметахъ не иначе, какъ съ помощью бессознательнаго мышленія, приобретаемаго опытомъ. Многія движенія тѣла совершаются также бессознательно. Но во всѣхъ этихъ явленіяхъ, подъ именемъ бессознательнаго ощущенія и мышленія, нужно понимать, во-первыхъ, одну лишь органическую воспримчивость или способность тѣней

въ возбужденію; ее можетъ быть приличнѣе было бы назвать ощутительностью, безъ которой ткань не могла бы ни возбуждаться стимуломъ, ни передавать его центрамъ для возбужденія рефлекса; во-вторыхъ, цѣлый рядъ органическихъ ощущеній (иду-щихъ отъ внутреннихъ органовъ), хотя и не сознается нами ясно и отчетливо, какъ сознаются внѣшнія впечатлѣнія, приносимыя чувствами, но все-таки дѣйствуютъ на сознание косвенно, возбуждая то фантазію, то позымы, то проявленія страстей и другія неопредѣленныя напоминанія о себѣ; поэтому, вполнѣ бессознательными нельзя назвать эти ощущенія; въ-третьихъ, наконецъ, многія и вполнѣ сознательныя ощущенія иногда такъ кратковременны, что тотчасъ же исчезаютъ изъ круга нашей сознательной дѣятельности и не удерживаются памятью; а иногда, при вниманіи одностороннемъ и сосредоточенномъ на одномъ предметѣ, или вовсе не замѣчаются, или только по временамъ доходятъ до нашего сознанія; напримѣръ, позывъ на мочу и на низъ, при усиленныхъ умственныхъ и другихъ занятіяхъ, долго не сознается или же сознается только временно, не смотря на растяженіе пузыря и прямой кишки.

Что же касается до бессознательнаго мышленія, безъ котораго нельзя бы было объяснить многія явленія въ функціяхъ нашихъ чувствъ, напримѣръ, оцѣнку разстояній глазомъ, правильное представленіе о предметѣ, видимомъ съ разныхъ сторонъ двумя глазами, перспективу и т. п., то и тутъ, во многихъ случаяхъ, кажущаяся намъ бессознательность есть только слѣдствіе привычки и опыта; что было въ началѣ жизни узнано нами постепенно сознательнымъ опытомъ, то впоследствии, сдѣлавшись намъ извѣстнымъ и привычнымъ, кажется бессознательнымъ и мы пользуемся потомъ плодами этого знанія, не сознавая, что обладаемъ имъ посредствомъ долгаго опыта. Нѣтъ ничего мудренаго, если при этомъ сужденіи, сдѣлавшемся для насъ обычнымъ и вседневнымъ, потомъ не принимается нами вовсе за сужденіе и кажется чѣмъ-то очевиднымъ, нагляднымъ, не требующимъ ни малѣйшаго проявленія мысли. Дважды два четыре нами не считается уже обыкновенно за сужденіе; это кажется намъ такъ же очевиднымъ, какъ стоящій передъ нами столъ или стулъ, правильное представленіе о которомъ требовало

отъ насъ нѣкогда также изученія, какъ и дважды два — четыре. Сверхъ этого, надо знать, что мысли, какъ и ощущенія, вполнѣ сознательныя, остаются иногда такими весьма недолго; иногда проблески мыслей въ нашемъ сознаніи до того кратки, что ихъ, безъ преувеличенія, можно сравнить съ блесвомъ молніи; но, не смотря на свою быстротечность, многія изъ нихъ, хотя и незамѣченныя, остаются въ памяти, побуждая насъ къ дѣйствіямъ; въ такомъ случаѣ, и дѣйствія, и мотивирующія ихъ мысли могутъ казаться намъ безосознательными. Иногда же, вниманіе, погруженное въ занятіе какимъ-либо предметомъ, вовсе не замѣчаетъ ни совершающіяся дѣйствія, ни руководящія ими мысли, хотя бы и тѣ, и другія и не были вовсе безосознательными. Вообще, для точнаго рѣшенія вопроса о сознательности и безосознательности нашихъ ощущеній, мыслей и сужденій необходимо умѣніе превращать свое субъективное я въ объектъ постояннаго и непрерывнаго наблюденія этого же самого субъекта имъ же самимъ.

Но такая напряженная и односторонняя дѣятельность нашего вниманія надъ тѣмъ, что есть сознательнаго и безосознательнаго въ насъ, очевидно ненормальна [такъ], что и результаты такого наблюденія не могутъ считаться ни достовѣрными, ни удобными для контроля. Рассказываютъ, что Юг. Мюллеръ едва не сошелъ съ ума отъ усиленнаго наблюденія надъ собою; онъ хотѣлъ уловить у себя моментъ перехода отъ бдѣнія ко сну, то есть поймать у себя переходъ сознанія въ безосознательность. Мы не можемъ выйти изъ заколдованнаго круга при всѣхъ нашихъ усиліяхъ опредѣлить точнѣе наше субъективное индивидуальное бытіе. Въ общихъ чертахъ оно тождественно для всего человѣчества, имѣетъ многія общія черты и съ субъективизмомъ другихъ животныхъ. Но это сходство проявляется объективно только тремя путями: голосомъ (звукомъ), словомъ (членораздѣльными звуками) и движеніемъ (прямымъ и рефлексивнымъ). Всѣ наши опыты и наблюденія надъ проявленіемъ субъективнаго индивидуальнаго бытія человѣка и животныхъ не имѣютъ другихъ критерій. Но если всѣ они, не смотря на приобретенныя посредствомъ ихъ вѣскія знанія, ненадежны, сомнительны, двурѣчивы, — то еще менѣе прочны тѣ наши свѣдѣнія, которыя мы приобрѣли чисто субъективными наблюденіями.

1—3 марта (1880 г.). Все время холодный NW.; морозъ въ 4—5°, а ночью 10—12°. Сегодня (3 марта) теплѣе и тише (—1°).

Сегодня случайно услыхалъ объ одной человѣческой низости, свойственной исключительно халуйству. Максимъ, съ дѣтства почти оставленный отцемъ-солдатомъ въ дворовыхъ, обязанный намъ своимъ, относительно порядочнымъ, состояніемъ (тысячи въ двѣ), купившій на деньги, прибрѣтенныя у насъ, домъ и землю, оказался такимъ злымъ и коварнымъ, что лаская въ моемъ присутствіи моего кота Мошеу и зная, что я его люблю, бьетъ его на-пропалую за глазами только за то, что ему, коту, а не ему, Максиму, достаются кости отъ жаркого за обѣдомъ.

Притворство съ жестокостью и зависть къ животному, — вотъ до чего ниводитъ человѣка халуйство, и безъ всякаго глубокаго мотива. Притворство безъ нужды! я не терплю ласкательствъ — это онъ, Максимъ, знаетъ; жестокость страсти — холодная, насмѣшливая и безцѣльная. Зависть безъ причины; онъ сътъ и отъ своего, и отъ нашего стола; да и къ кому же зависть, къ кошкѣ! Низко до тошноты и тѣмъ тошнѣе, что въ такихъ проявленіяхъ видишь униженіе общаго всѣмъ намъ человѣческаго достоинства, о которомъ такъ много говорится и для поддержанія котораго такъ мало дѣлается.

Не вправѣ ли же я былъ заключать изъ сказаннаго, что въ отношеніи нашей субъективной индивидуальности мы, дѣйствительно, стоимъ въ заколдованномъ вругу. Съ одной стороны, объективные критеріи для ея разслѣдованія (голосъ, слово, движеніе) ненадежны, неясны и двусмысленны; а съ другой стороны субъективные ненормальны до того, что употребляя наше сознаніе и мысль для изслѣдованія сознанія же и мысли, мы рискуемъ потерять и то, и другое. Въ самомъ дѣлѣ, кто поручится за ясность и нормальность мышленія у наблюдателя, направляющаго непрерывно все вниманіе и мышленіе на то, на примѣръ, чтобы прослѣдить начало и прохожденіе мысли въ сознаніи; кто поручится, что подмѣченное совершилось въ наблюдаемомъ, а не въ наблюдающемъ? А кто поручится также за правильное пониманіе нами субъективныхъ явленій, обнаруживающихся такими объективными признаками, какъ звуки, издаваемые животнымъ

при ощущеніи боли, движенія, вызываемыя рефлексами, и объясненія разнаго рода ощущеній словами?

Если и при такомъ наблюденіи самого себя въ нормальномъ состояніи трудно и иногда невозможно отличить бессознательное ощущеніе отъ сознательнаго, то при объективныхъ изслѣдованіяхъ (какъ, напримѣръ, при вивисекціяхъ и опытахъ надъ анестезированными хлороформомъ) еще гораздо труднѣе различить сознательное отъ бессознательнаго. При вивисекціяхъ и при наблюденіяхъ надъ человѣкомъ больнымъ или приведеннымъ различными агенціями въ ненормальное состояніе, субъективный элементъ жизни подвергается отъ разстройства его нормальной связи съ органическими элементами такимъ колебаніямъ и сотрясеніямъ, которыя не могутъ не вліять ненормально и на его объективныя проявленія. Поэтому сужденія о натурѣ и особенностяхъ субъективно индивидуальнаго бытія, основанныя на опытахъ и наблюденіяхъ надъ животными и больными людьми, должно дѣлать крайне осмотрительно и не съ тою легкостью, которая такъ удивляетъ меня въ результатахъ, получаемыхъ современными вивисекторами и наблюдателями. Еще гораздо труднѣе, ненормальнѣе и сомнительнѣе дѣло, когда мы беремся судить о нашемъ я, другими словами, о нашемъ лично сознательномъ ощущеніи бытія, мысли и вообще о присутствіи въ насъ субъективнаго начала со всѣми его (психическими) свойствами. Въ этомъ случаѣ,—если правильно мое сравненіе нашего я съ музыкантомъ, играющимъ одновременно на нѣсколькихъ инструментахъ,—оно, наше я, начинаетъ играть, не бывъ виртуозомъ, на одномъ изъ нихъ исключительно и дѣлаетъ, конечно, fiasco. Наше субъективное существо, по натурѣ своей, не можетъ и не должно быть одностороннимъ и чрезмѣрно сосредоточеннымъ; ни одна изъ нашихъ субъективныхъ способностей не должна быть излишне культивирована на счетъ другой, и особливо въ томъ случаѣ, когда отъ природы развита у насъ одна способность на счетъ другой; тутъ-то именно всего болѣе должно избѣгать односторонней культуры. Въ противномъ случаѣ намъ предстоитъ одно изъ двухъ: или мы изумимъ свѣтъ нашимъ глубокомысліемъ и геніальностію, или превратимся въ одностороннихъ, узкихъ и близорукихъ мономановъ. Первое встрѣчается весьма рѣдко; второе весьма часто и гораздо чаще, чѣмъ это признаютъ психіатры. Есть, впрочемъ, еще одинъ

исходъ—спеціализмъ, въ наше время завоевывающій себѣ все болѣе и болѣе почвы во всѣхъ областяхъ знанія. Но тѣ изъ спеціалистовъ, которые отличились своими истинными заслугами, вовсе не были односторонними культиваторами одной какой либо изъ своихъ умственныхъ способностей, прежде тѣмъ избрали свою спеціальность. Только этому разностороннему предварительному развитію своихъ способностей они и обяваны успѣхомъ въ культурѣ избраннаго ими предмета; только этимъ способомъ они, расширивъ свой кругозоръ, сумѣли найти новые пути и посмотреть на дѣло новымъ взглядомъ.

XVIII.

4-го марта (1880 г.). Морозъ 7°, ночью днемъ 1°. Марецъ WN.

Сегодня отправилъ письмо къ Николаю Христіановичу Б... въ отвѣтъ на его письмо, въ которомъ онъ писалъ, что идетъ въ отставку, такъ какъ по новому университетскому уставу, ожидаемому вскорѣ, ректорамъ нечего будетъ дѣлать, кромѣ полученія прибавки жалованья.

Мой отвѣтъ,—не буквально: Я читалъ гдѣ-то и когда-то, что новое на свѣтѣ есть ничто иное, какъ хорошо забытое старое. Я читалъ также въ какомъ-то кievскомъ календарѣ, что у насъ ежегодно бываютъ возвраты зимы весною и лѣтомъ, а возвраты болѣзней мнѣ извѣстны давно по опыту. Нѣтъ ничего мудренаго, что и въ университетской жизни встрѣчаются возвраты къ старому, забытому и прожитому. Но нынче, видно, считается за новое и вовсе еще не забытое старое, а возвраты зимъ и болѣзней встрѣчаются не только въ природѣ, но и въ университетскомъ мірѣ. Старики, какъ извѣстно, всегда хвалятъ старину и предпочитаютъ ее новизнѣ. Только всѣ наши университетскіе старожилы, за исключеніемъ гг. Каткова, Любимова и Георгіевскаго, вѣрно не вспоминаютъ добромъ не забытое еще старое. Это обстоятельство, казалось бы, должно было обратить на себя вниманіе новаторовъ, стремящихся возобновить старое. Почему это не сдѣлано—объясняется именно тѣмъ вліяніемъ этихъ исключительныхъ личностей, успѣвшихъ побѣдить въ себѣ предразсудокъ противъ отжившаго. Это не должно удивлять насъ.....

Возвраты зимы весною и лѣтомъ наносятъ вредъ земледѣльцамъ; возвраты болѣзней опасны для больныхъ; съ стихійными однако же силами ничего не подѣлаешь; за то умъ, данный намъ Богомъ для цѣлесообразныхъ дѣйствій, казалось бы, долженъ былъ не на шутку и не разъ призадуматься, придавая возврату худого и худо-забытаго стараго значеніе благодѣтельной новизны. Въ такомъ случаѣ вамъ конечно ничего не остается, какъ уступить свое мѣсто (ректорство) другимъ, и предоставить имъ вливать это новое вино въ такого же рода новые мѣхи.

XIX.

5—6 марта (1880 г.). Мятель и мятель. Вчера (5) до $+2^{\circ}$ R., а сегодня ночью (на 6) морозъ въ 20° ; ясно, солнечно, тихо.

Вчера (5) фельдшеръ Уримъ дѣлалъ при мнѣ судебное вскрытіе—вота Мошки. Мой любимецъ прекратилъ въ мукахъ свое кратковременное существованіе. Подозрѣніе въ побояхъ, какъ причинѣ смерти, падало, по словамъ дѣвочки Терезы, на коварнаго Максима. Онъ вошелъ въ амбицію и, уже по своей ограниченности, сейчасъ же заговорилъ объ отставкѣ, безъ сомнѣнія, для него вовсе не желательной. Надо было убѣдиться, нѣтъ ли вещественныхъ признаковъ Максимова травматизма на трупѣ. Вскрытіе не обнаружило ни малѣйшихъ слѣдовъ не только травматизма, но и вообще какого ни на есть органическаго измѣненія, за исключеніемъ небольшихъ розовыхъ пятенъ на слизистой (оболочкѣ) желудка. Къ микроскопу, впрочемъ, для болѣе точныхъ доказательствъ, мы не прибѣгали.

И такъ мой Мошка, какъ подобаетъ каждому вѣрноподданному, „Божьею волею помре“, сирѣчь неизвѣстно почему, для чего и отъ чего.

Бѣдное мое животное, ты въ нашемъ домашнемъ уединеніи доставляло намъ не рѣдко удовольствіе то своими прыжками и кувырканіемъ, то степеннымъ своимъ и задумчивымъ видомъ, сидя возлѣ насъ на столѣ, то разлегшись во всю длину и погружаясь въ самый спокойный сонъ праведныхъ. А какъ была хороша твоя поза, когда ты, съ сосредоточеннымъ вниманіемъ, сидѣлъ на по-

рогѣ двери у подпольной щелки и караулилъ мышенка! Какъ нѣжна, шелковиста, тепла и пріятна на оцупь гладившей руки была твоя тигристая шкура! Дай же запишу отъ скуки на память, за доставленныя намъ твоимъ существованіемъ забаву и развѣяніе, исторію твоей жизни, болѣзни и смерти, мой бѣдный Монка.

Исторія рожденія, жизни, страданія и смерти моего вѣрнопопдакаго kota Мошки.

Однажды на садовомъ балконѣ къ нашему завтраку явилась невзрачная, малорослая и худощавая сѣрая съ черными полосками кошка и, къ моему удивленію, тотчасъ же начала брать пищу изъ рукъ; вскорѣ осмѣлилась она и вскочить на мои колѣни. Визиты ея продолжались ежедневно въ обѣденное время, и затѣмъ она исчезала, по всѣмъ вѣроятіямъ, на близъ лежащемъ току. Черезъ нѣсколько времени она начала являться уже въ сопровожденіи цѣлыхъ шести котятъ, всѣхъ почти одной масти. Сначала она оставляла ихъ въ отдаленіи отъ балкона, а потомъ, мало по малу, всѣ шестеро, не безъ страха и трепета однако-же, начали вскакивать и на балконъ; брали куски мяса, положенные вдали отъ стола, потомъ стали съ каждымъ днемъ подходить ближе и смѣлѣе, но только одному изъ нихъ, вѣрнѣе, одной изъ шести достало, наконецъ, смѣлости приблизиться къ намъ настолько, чтобы брать пищу прямо изъ рукъ; а еще одинъ изъ котятъ, хотя и приближался также, какъ эта, но никогда не рѣшался брать кусокъ ртомъ, а вырывалъ его изъ рукъ съ артистическою ловкостью своею маленькою лапою; всѣ остальные не могли преодолѣть своей боязни, а можетъ быть и своего отвращенія къ нашему человѣческому достоинству; вѣроятно, въ наказаніе за это судьба лишила ихъ чести быть намъ сподручными, развлекать насъ и беречь нашу провизію отъ мышей. Поэтому дальнѣйшая судьба этихъ пятерыхъ существъ мнѣ осталась неизвѣстною,—одного изъ нихъ, кажется, нашли загрызенымъ собаками.

И вотъ, въ теченіи какихъ нибудь 5—6 мѣсяцевъ, статистика смертности кошекъ обогатилась новыми пятью смертями; изъ этого, правда весьма недостаточнаго, статистическаго матеріала

я заключаю, что цифра смертности малолѣтнихъ вошевъ развѣ не многимъ чѣмъ ниже смертности крестьянскихъ дѣтей, даже и въ тѣ періоды времени, когда онѣ свободны отъ дифтерита. Какъ бы то ни было, но достоверно то, что въ концѣ зимы 1878 и къ началу 1879 г. осталось въ живыхъ изъ 7 кошачьихъ личностей (одной матери и 6 дѣтенышей) только одна, именно та ласковая, заблаговременно преодолевшая свое отвращеніе къ осязанію нашей руки, а затѣмъ и научившаяся съ похвальной ловкостью прыгать на колѣни, пріятно мурлыкать, выгибать спину и довольно непринужденно ласкаться.

Слѣдствіемъ этой заслуживающей уваженія дѣятельности было торжественное наименованіе ея Машкою, такъ какъ эта личность оказалась женскаго рода; а вмѣстѣ съ этимъ наименованіемъ и матеріальная поддержка ласковаго ея организма питательною пищею, теплымъ помѣщеніемъ въ сутеренѣ и нѣкоторые другія льготы и дусѣры. Эта-то особа и была родительницею моего любимца.

Исторія его рожденія не безынтересна въ слѣдующихъ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, родительница его, не смотря на данныя ей нами великодушно всѣ права и преимущества домашняго животнаго, не вполне, какъ видно, повинила обычаямъ своей покойной матери (бабушки моего любимца, также называвшейся Машкою, хотя и не вполне сочувствовавшей этому названію), и потому, почувствовавъ себя на сносяхъ, въ концѣ февраля 1879 г., начала удаляться отъ дома, искать уединенія, несоотвѣтствовавшаго ея общительной натурѣ, и затѣмъ произвела на свѣтъ, гдѣ-то подъ клунею въ саду, нѣсколько существъ, число которыхъ я статистически опредѣлить не въ состояніи, такъ какъ, за исключеніемъ одного, онѣ всѣ сдѣлались, въ самомъ нѣжномъ возрастѣ, жертвою сильнаго ливня и бури, свирѣпствовавшей у насъ въ маѣ 1879 г.; одного же, оставшагося едва въ живыхъ, злополучная мать перенесла въ зубахъ изъ сада въ нашъ сутеренъ.

Малютка этотъ возбуждалъ общее сочувствіе драматизмомъ своей судьбы; когда же я услышалъ, что легкомысленная мать перестала его кормить вскорѣ послѣ его переселенія въ сутеренъ, то сочувствіе мое перешло въ глубокое состраданіе къ участи несчастнаго и я задумалъ сдѣлать его наслѣдникомъ злополучнаго Васьки, нашего прежняго любимца, преждевременно погибшаго

два года тому назадъ въ бурную ночь, зимою, отъ зубовъ ненавистныхъ ему собакъ.

Когда крошечное животное, предоставленное вѣтренноу матерью, обрѣтавшееся съ новымъ избранникомъ любви гдѣ-то въ бѣгахъ, было принесено ко мнѣ, то оно, нисколько не стѣсняясь и не пугаясь, какъ это дѣлали его покойные дяди и тетки, тотчасъ же залѣзло ко мнѣ въ широкій рукавъ пальто и пробралось почти до самаго плеча; затѣмъ, не смотря на свой ранній возрастъ, начало съ аппетитомъ и безъ разбора кушать все, что ему предлагалось, съ видимымъ наслажденіемъ грѣться на солнцѣ, заигрывать лапочками, словомъ—вести себя такъ наивно и непринужденно, какъ будто бы оно уже давно было домашнимъ членомъ нашего общества. Видя это и считая мать его безвѣсти пропавшею, мы порѣшили сдѣлать малютку законною ея наслѣдницею и передать ей то же самое высокое женское имя, такъ компрометированное и незаслуженно носившееся ея заблудшеюся матерью. Такимъ образомъ и росло это милое животное подъ именемъ Машки, сдѣлавшись вскорѣ нашею общею любимцею; оно было необычайно живого и подвижнаго характера; съ ранняго утра цѣлые часы проводило въ бѣганьи, прыганьи и кувырканьи съ пробкою, бумажкою, веревочкою, косточкою,—со всѣмъ, что только ей попадалось въ лапки; аппетитъ имѣла превосходный и, не смотря на преждевременную отвыку отъ материнскаго молока, выростала на мясной пиццѣ не по днямъ, а по часамъ. Лѣтомъ по утру ежедневно я забавлялся съ моею Машкою, сидя на балконѣ; у меня въ рукѣ лежалъ конецъ шнура, привязаннаго къ комеу бумаги и продѣтый черезъ ручку двернаго ключа; бумага отъ дерганія шнура поднималась и опускалась, а Машка скакала, прыгала, ловила бумажный комочекъ, и когда удавалось ей поймать, то съ какимъ-то неистовствомъ и остервененіемъ терсбила его зубами и лапами, катаясь по полу и царапаясь изо всѣхъ силъ объ захваченную бумагу задними лапами.

Надо признаться, что Машка не получила никакого воспитанія и росла у насъ, какъ дитя природы. Не знаю былъ ли для насъ всѣхъ польъ этой милой крошки совершенно безразличенъ, или же всѣ мы были недовольно любознательны, но то фактъ, что только черезъ два мѣсяца мы, къ нашему удивленію,

и не скрою даже радости, узнали отъ нашего женскаго персонала, почему-то интересовавшагося этимъ предметомъ, истину относительно настоящаго пола нашего любимца. Онъ оказался не кошкою, а котомъ. Что было дѣлать? Не оставлять же коту женское прозвище? А между тѣмъ онъ уже привыкъ къ нему и тотчасъ же являлся на зовъ, когда звали Машка, Машва. Вотъ я и придумалъ, прости Господи мое согрѣшеніе, переимѣнить имя Машка на созвучное ему Мошку, тѣмъ болѣе, что нашъ подрастающій котикъ своею крѣпостью и смѣтливостью имѣлъ нѣкоторое, хотя и отдаленное, сходство со знакомыми мнѣ жидками, носящими отъ рожденія это же самое великое имя пророка Мойше, бесѣдовавшаго съ Іеговою, но, къ стыду нашему, искаженное и превращенное старинными польскими помѣщиками въ презрительную кличку—Мошка.

И такъ судьба моего Мошки, дѣйствительно, драматична, если возьмемъ въ соображеніе, что онъ, чудесно спасенный отъ пагубнаго ливня, въ самомъ раннемъ младенствѣ былъ перенесенъ въ среду людей, былъ оставленъ жестокою матерью на произволъ судьбы и, наконецъ, бывъ отъ роду котомъ, ошибочно признавался долгое время за кошку и носилъ незаслуженно женское имя. Навѣрно на роду ему было написано не наслаждаться цѣльною и нормальною кошачьею жизнью.

Едва мой Мошка былъ всѣми признанъ безспорно за кота, и началъ этимъ возбуждать къ себѣ еще болѣе мое сочувствіе, какъ откуда не возьмись явилась внезапно его заблудшая мать, въ сопровожденіи своего временнаго супруга, бывшаго прежде ея роднымъ братомъ, и начала сближаться съ брошеннымъ ею предательски сыномъ. Мошка съ перваго же появленія своей матери началъ какъ-то странно на нее поглядывать, не дичился однако же и не ссорился, а чрезъ нѣсколько времени, къ нашему удивленію, принялся сосать ее съ такою ревностью, какъ будто бы онъ никогда не переставалъ кормиться материнскимъ молокомъ. Между тѣмъ апетитъ его и къ мясной прежней пищѣ нисколько не ослабѣвалъ; такимъ образомъ онъ питался за двухъ, быстро росъ, толстѣлъ, игралъ теперь уже не одинъ, а вдвоемъ съ Машвою, дѣлая изумительныя и самыя забавныя тѣлодвиженія, выгибая горбомъ спину до нельзя, обхватывая вѣршею во время игры передними лапами шею матери, а задними отталкивая

ее отъ себя съ неистовою яростью. Не смотря однако же на казавшееся цвѣтущими здоровье и силу, не смотря и на веселое расположеніе духа, у моего несчастнаго Мошки незамѣтно развивалась какая-то странная болѣзнь, наблюдавшаяся мною и у щенятъ. Это спазмодическое удушье, появлявшееся періодически, внезапно, безъ всякой видимой причины, во время спойойствія и сна. Животное, послѣ веселой игры, спокойно спавшее на колыбѣхъ или на кровати, вдругъ принималось съ хрипомъ втягивать въ себя воздухъ, поднимая голову вверхъ и неподвижно устремивъ взоръ. Пароксизмъ этой астмы продолжался нѣсколько секундъ, но былъ нерѣдко такъ жестокъ, что грозилъ внезапнымъ задушеніемъ. По окончаніи, животное опять укладывалось спокойно, какъ будто ни въ чемъ не бывало. Наружныхъ признаковъ никакихъ не замѣчалось; иногда однако же подчелюстные желѣзы казались намъ нѣсколько припухшими. Въ промежуткѣ пароксизмовъ ничто не указывало на разстроенное здоровье.

Наступилъ и февраль 1880 года. Какъ извѣстно, это мѣсяцъ любви для кошекъ, и мой Мошка, по необыкновенному стеченію обстоятельствъ, еще такъ недавно сосавшій грудь Машки, началъ оказывать ей нѣкоторые знаки привязанности, вовсе не дѣтской. Онъ заигрывалъ съ нею вовсе не попрежнему, и вскорѣ началъ въ отсутствіи ея грустить, меланхолически мяукать и проситься внизъ въ сутеренные подвалы, обитаемые Машкой и другими кошками. Иногда исчезалъ мой Мошка уже и по цѣлымъ днямъ, являлся къ намъ наверхъ усталый и голодный, и съ жадностью поѣвъ, ложился спать, проводя время во снѣ до самаго вечера, т. е. до времени самаго удобнаго какъ для людскихъ, такъ и для кошачьихъ rendez-vous. Но подвальные кошки, по свидѣтельству нашей почтенной Лорхенъ [домоуправительницы], ежедневно посѣщавшей сутерены, почему-то не любили его; наружность его, не мало представительная и чрезвычайно красивая на нашъ взглядъ, казалось бы, не могла не нравиться и прекрасному полу кошачьяго племени; съ большою вѣроятностію можно предположить, что спазмодическая астма была причиною его неудачъ въ любовныхъ поискахъ; нетрудно, въ самомъ дѣлѣ, себѣ представить ужасъ и негодованіе вѣтренныхъ ковокотъ кошачьей расы, когда ководесь, ухаживающій за ними, внезапно и въ самомъ разгарѣ волокитства, теряетъ духъ, вытягиваетъ шею, странно

хрипѣль и еле-еле жить; какъ ни коротки были эти пароксизмы удушья, но они не могли не дать повода къ бѣгству уstraшенныхъ вѣтренницъ, не отличающихся особеннымъ присутствіемъ духа. Несмотря на всѣ описанныя перемены въ образѣ жизни и въ нравственномъ бытѣ моего Мошки, я, основываясь на опытѣ, зная какъ молодость, въ особенности кошачья, легко увлекается, какъ первое появленіе половыхъ отравленій переворачиваетъ все въ организмѣ верхъ дномъ, не очень заботился о послѣдствіяхъ. Весна, располагающая всѣхъ къ любви, а кошачью шкуру еще и къ линянью, по справедливости можетъ считаться самымъ критическимъ и вѣроломнымъ временемъ года и я съ нетерпѣніемъ ожидалъ ея окончанія. Но въ книгѣ судебъ вѣрно значилось, что Мошка не переживетъ и первой половины весны. Онъ опасно захворалъ, но не прежнею своею болѣзною,—спазмодическимъ удушіемъ, а повидимому новою,—рвотою,—и чрезъ двое сутокъ его не стало на свѣтѣ.

И вотъ во время его опасной болѣзни распространились между моими домашними злобшіе слухи о нанесенныхъ будто бы ему побояхъ на заднемъ крыльцѣ Максимомъ, яко-бы завидовавшимъ, что не ему, Максиму, достаются отъ обѣда кости жаренаго рябчика и нѣкоторые другіе объѣденные деликатесы. Мы повѣрили этимъ слухамъ, зная по многимъ наблюденіямъ вѣроломство Максима и его жестокое обращеніе съ животными въ наше отсутствіе. Поэтому вскрытіе трупа Мошки было для меня интересно не только въ научномъ, но и въ нравственно-судебныхъ отношеніяхъ. Не смотря, однако же, на все желаніе открыть истинную причину быстротечной болѣзни и смерти моего любимца, наука не обогатилась послѣ его вскрытія никакимъ новымъ пріобрѣтеніемъ; только одинъ Максимъ пріобрѣлъ снова довѣріе и нравственно выигралъ; сильные побои, стучаніе Мошкиною головою о-земь, какъ утверждала доносица, оказались во всякомъ случаѣ клеветою; ни малѣйшихъ признаковъ травматическаго поврежденія, и,—увы! также точно и ни малѣйшихъ микроскопическихъ признаковъ болѣзненнаго состоянія. Остается все сложить на нервную систему и обвинить верхній гортанный нервъ и весь блуждающій нервъ Мошки въ причиненіи ему насилія, гораздо болѣе пагубнаго, чѣмъ травматизмъ, переносимый кошками, какъ извѣстно, весьма хорошо. А почему же именно эти нервы? По-

тому что, по наблюденію нѣкоторыхъ современныхъ фізіологовъ, раздраженія верхняго гортаннаго нерва могутъ останавливать или задерживать дыхательный актъ, а главный стволъ этой гортанной вѣтви—блуждающій нервъ—влиять и на отправленіе желудка.

И такъ мой милый Мошка погибъ—вѣроятно вслѣдствіе ненормальнаго питанія мясною вареною пищею вмѣстѣ съ материнскимъ молокомъ,—отъ расстройства нервной системы, усиленнаго еще *abusu in venere* и нравственнымъ униженіемъ, причиненнымъ его кошачьему достоинству легкомысленными насмѣшками прекраснаго пола.

Но какая бы ни была причина смерти этого невиннаго существа, и родившагося и умершаго, повидимому,—но только повидимому,—безцѣльно и безпричинно, потеря была для меня съ женою не безразлична. Жена плакала, мнѣ же только взгрустнулось и даже менѣе, чѣмъ когда я—три года тому назадъ—лишился моей собаченки Ляды; про нее, про ея выразительные, какъ-то человѣчески глядѣвшіе на меня глазки (съ незакрытыми бѣлками) я и теперь еще вспоминаю со вздохомъ,—и признаться ли самому себѣ—съ грустью, болѣе щемящею, чѣмъ когда вспоминаю о нѣкоторыхъ знакомыхъ, близкихъ мнѣ, умершихъ людяхъ. Это святотатство, это уродство чувствъ, это постыдное чувство для человѣческаго достоинства!—Пусть такъ; но что же дѣлать, если въ привязанности Лядки ко мнѣ я не находилъ ни малѣйшаго лицемѣрства, ни вѣроломства, а и то, и другое встрѣчалъ въ отношеніяхъ ко мнѣ самыхъ близкихъ людей.

Надо обдумать нѣсколько — отчего мы такъ привязываемся къ животнымъ?

XX.

Но прежде, чѣмъ найду время въ этому обдумыванію, замѣчу, что между 6 и 13 марта (1880 г.) произошло нѣсколько неожиданныхъ событій.

Во-первыхъ, неожиданно то, что температура и погода *idem per idem* до ужаса однообразна. Морозы по ночамъ до 10°; въ теченіи дня до —7 и —5°; раза два шель снѣгъ съ мятелю; вѣтеръ тотъ же холодный, пронзительный NW; но солнце грѣетъ днемъ такъ, что мѣховой воротникъ нагрѣвается какъ будто на

печи. Такую дружную, суровую и продолжительную зиму здѣсь я еще не встрѣчалъ. Однажды, въ 1868 г., лежалъ снѣгъ также долго (до 20-го марта), но не было такого холода и вѣтра. Вода отъ морозовъ въ прудѣ сбыла и на мельницѣ въ Людвигевѣ дѣйствуетъ одно колесо. Снѣгъ, между тѣмъ, понемногу и нечувствительно продолжаетъ исчезать, не смотря на снѣжныя метели. Что-то будетъ съ всходами озими, съ деревьями въ саду? Да кто знаетъ чего не знаетъ! Живи, не зная, терпи и все таки по неволѣ думай и гадай о будущемъ.

Во-вторыхъ, 9-го марта я получилъ 16 поздравительныхъ телеграммъ. Съ чего-то взяли въ Москвѣ (исключительно), Казани, Кіевѣ, Воронежѣ и Вюрцбургѣ, что 9-го марта день моего 50-лѣтняго юбилея. Я, благодаря низжайше, замѣтилъ въ отвѣтной телеграммѣ въ Москву, что вѣроятно поводомъ въ этимъ неожиданнымъ привѣтствіямъ послужило то, что я въ 1828 г. получилъ въ Москвѣ степень лекаря (но въ такомъ случаѣ желающіе должны бы были поздравлять два года тому назадъ). Служба же моя считается съ 1831 года, а докторскій дипломъ мнѣ данъ въ Дерптѣ 30-го ноября 1832 года ¹⁾.

Вчера и сегодня, марта 20—21, NW прекратился. Небольшой, но прохладный вѣтеръ съ SW; днемъ +2 до 3° R, а ночью отъ 0 до—3°.

Да, откуда же привязанность и даже чуть ли не любовь къ животнымъ? Къ какимъ животнымъ привязывается человѣкъ исключительно? Къ собакамъ, кошкамъ, лошади и пѣвчимъ птицамъ. Изъ нихъ, къ лошади привязанность не чистосердечная, а связанная съ пользою, приносимою этимъ животнымъ, и его значительною цѣнностію; говорятъ, что арабъ любитъ коня какъ друга, но и эта дружба вѣрно не безкорыстная;—вонъ необходимъ для существованія кочевника и дѣлается его alter ego. Пожалуй, про нѣкоторыя собачьи расы (сибирскія, лгавыя, овчарки, гончія) можно

¹⁾ Далѣе опускаемъ одну страницу, зачеркнутую въ подлинникѣ (л. 59, стр. 3), должно быть самимъ Н. И. Пироговымъ; онъ говоритъ въ ней о болѣзни одного елисаветградскаго 50-ти лѣтняго помѣщика; предъ этою замѣткою также зачеркнуты слѣдующія строки: „И такъ, охотники до юбилеевъ могли бы меня поздравлять три раза, а если изъ трехъ случаевъ желали бы избрать самый удобный, то, разумѣется, это былъ бы 1832 годъ, т. е. пятидесятилѣтіе докторскаго диплома“.

сказать тоже: ихъ держать и къ нимъ привязываются люди изъ расчета, да и привязанность къ вошкѣ началась, вѣроятно, съ того же:—какъ было не воспользоваться ихъ спеціальностью—искусствомъ ловить мышей. Но вѣдь люди и женятся болѣею частью по расчету,—напримѣръ, изъ двадцати милліоновъ нашихъ крестьянъ вѣрно 19.999,000 женится для того, чтобы имѣть въ домѣ бабу для печи, хлѣва, ребятъ,—этотъ способъ женитьбы не препятствуетъ, однако же, а прямо способствуетъ, въ большинствѣ случаевъ, развитію привязанности и даже любви. И также, какъ между людьми существуетъ и привязанность чистосердечная, такъ и въ привязанности къ животнымъ,—всего чаще къ собакамъ, вошкамъ и пѣвчимъ птицамъ, особливо воспитаннымъ и вскормленнымъ съ самаго рожденія дома, замѣчается искренняя сердечность, похожая на ту, которую человѣкъ оказываетъ дѣтямъ. Безъ сомнѣнія, она зависитъ, какъ и привязанность къ дѣтямъ, отчасти отъ чувства своего собственного превосходства, снисходительности и жалости къ существамъ слабѣйшимъ и менѣ развитымъ; но, конечно, это не одно.

Въ чувствѣ нашей привязанности къ животнымъ, я полагаю, играетъ важную роль представленіе, которое мы имѣемъ о животномъ. Въ этомъ представленіи есть нѣчто странное. Я гдѣ-то читалъ, что Гегель признавалъ въ безмолвіи животныхъ нѣчто мистическое. Я вполне раздѣляю этотъ взглядъ философа. Всякій изъ насъ не можетъ не видѣть въ животномъ сходства съ собою, и вмѣстѣ съ тѣмъ не можетъ ясно понять причину огромнаго различія, лежащаго пропастью между нами и животными. Организациі животныхъ, также какъ и нашей, предписано высшимъ начальствомъ чувствовать, а слѣдовательно наслаждаться и страдать; суждено также и бороться съ стихійными силами, а по ученію Дарвина, даже и совершенствоваться, измѣняясь и переходя изъ низшихъ формъ и типовъ въ высшіе. И не смотря на это тождество основныхъ и самыхъ существенныхъ свойствъ животной и нашей организациі,—все таки пропасть. Ни животное меня не понимаетъ, ни я животного, то есть его субъективную сторону, не могу вполне понять и поневолѣ сужу о ней только по себѣ (то есть по своей субъективности). Гегель правъ; существо, дѣйствующее во многихъ отношеніяхъ совершенно сходно со мною, обнаруживающее ясно чувства, страсти и даже мысль, нѣмо;

оно смотритъ на меня, ласкается, зоветъ, ищетъ меня, проситъ у меня пищи и все молча; невольно представляется незнакомымъ съ функціею Рейлеваго островка и даже съ его присутствіемъ или отсутствіемъ въ мозгѣ животныхъ, — невольно, говорю, думается такимъ особамъ, что тутъ что-то не ладно, что животное вѣрно скрытничаетъ, содержитъ отъ насъ въ тайнѣ свои мысли, впрочемъ — поступаетъ какъ нѣмой карликъ въ волшебныхъ сказкахъ...

Вотъ и Благовѣщеніе 25 марта (1880 г.), а весны нѣтъ, какъ нѣтъ; туманъ, вѣтеръ не очень сильный, но перескакивающая съ юга то на востокъ, то на западъ, а тепла не приноситъ. Ночью все 0° и —3°. Днемъ до 5—6°+.

Н. И. Пироговъ.

Примѣчаніе. Здѣсь означивается первая и наименьшая часть Записокъ Н. И. Пирогова. Эта часть занимаетъ 60 листовъ in-folio, 240 стр., писана карандашомъ, крупно, сравнительно съ послѣдующими частями—довольно четко и разборчиво. Николай Ивановичъ, видимо, перечиталъ эту часть своихъ Записокъ, ибо въ ней много помарокъ и исправленій цѣлыхъ строкъ. Въ слѣдующей, во второй части, онъ переходитъ къ своей автобіографіи и карандашъ замѣняетъ перомъ.

Ред.

[Продолженіе слѣдуетъ].

МОСКОВСКІЯ ВОСПОМИНАНІЯ НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА БЕРГА

1845—1855 гг. ¹⁾.

II.

Къ числу артистовъ, которые наиболѣе поддерживали своей игрой пьесы Островскаго, надо отнести, конечно, и можетъ быть прежде всего, Прова Михайловича Садовскаго, явившагося на московской сценѣ около того же времени, т. е. во второй половинѣ 1840-хъ годовъ. (Щепкинъ, скажемъ въ скобкахъ, не долюбливалъ произведеній Островскаго и игралъ въ нихъ неохотно, безъ малѣйшаго увлеченія. Также относился къ пьесамъ Островскаго и protégé Щепкина, Шумскій. Разница была только въ томъ, что Шумскій, играя въ этихъ пьесахъ, увлекался и былъ нерѣдко очень хорошъ).

До появленія на московской сценѣ Садовскій игралъ въ разныхъ провинціальныхъ театрахъ, главнѣйшимъ образомъ, какъ кажется, въ Ярославлѣ. Это былъ артистъ удивительный, обладавшій самымъ высокимъ комическимъ талантомъ, который иногда граничилъ близко съ драмой. Но, къ сожалѣнію, онъ не получалъ никакого образованія; только умѣлъ кое-какъ читать по русски. Мѣщанское, или купеческое происхожденіе, а потомъ постоянное пребываніе среди этого сословія, наложили на его фізіономію, привычки и хватки свою тяжелую руку. Онъ уже не могъ впоследствии, поступивъ на сцену, выработать прѣмовъ изящнѣе, играть роли аристократовъ, носить какъ слѣдуетъ фраки и сюртуки нашего времени, а про-кафтаны французскихъ маркизовъ и англійскихъ лордовъ минувшихъ столѣтій онъ и не мечталъ. Не думаю, чтобы кто-нибудь видалъ его на сценѣ въ этихъ костюмахъ — развѣ въ провинціи, гдѣ все можно, играютъ всѣми всякія роли и надѣваются всякія одежды.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1884 г., т. XLII, іюнь, стр. 639—656.

Вслѣдствіе этого обстоятельства, Садовскій долженъ былъ поневолѣ ограничить свой репертуаръ на московской сценѣ ролями купцовъ, мужиковъ, чиновниковъ стараго покроя, лакеевъ и карикатурныхъ офицеровъ. Всего болѣе онъ былъ хорошъ въ роляхъ купцовъ и мужиковъ. Тутъ онъ былъ въ своей стихіи, — иногда единственный и неподражаемый. Есть роли (напримѣръ, Любима Торцова, въ комедіи «Бѣдность не порокъ» Островскаго, Осипа въ «Ревизорѣ» Гоголя, Расплюева въ «Свадьбѣ Кречинскаго»), гдѣ замѣнить Садовскаго не умѣлъ покамѣстъ никто.

Появлясь въ Москвѣ, онъ быстро сталъ на твердую ногу во многихъ пьесахъ. До Островскаго онъ игралъ удачлѣе всего въ пьесахъ Гоголя: Пьесы Островскаго выдвинули его еще болѣе впередъ.

По образу мыслей, по привычкамъ и простотѣ жизни тянулъ къ себѣ простодушнаго облома и самоучку-артиста кружокъ А. Н. Островскаго, иначе сказать: кружокъ молодой редакціи журнала «Москвитининъ», гдѣ членами были талантливые русскіе люди, смѣсь всего: писатели, музыканты, живописцы, скульпторы, представители сцены, — просто знатоки русской жизни, русскихъ пѣсенъ, рассказчики въ народномъ духѣ, даже — неподражаемые плясуны трешака, представлявшіе порою старухъ, входящихъ куда нибудь во дворъ и отбивающихся копылемъ отъ собакъ; собакъ, лающихъ на разные тоны, грызущихся подъ столомъ изъ-за кости; львовъ, лежащихъ на воротахъ — все это артистически хорошо и натурально. Пѣвцамъ этого кружка, а никому иному, пишущій эти строки обязанъ мыслью познакомить соотечественниковъ съ пѣснями разныхъ народовъ, мыслью, которую онъ именно въ то время и привелъ въ исполненіе (1849—1852 гг.).

Садовскій былъ въ кружкѣ Островскаго свой человѣкъ, ничто его тамъ не женирвало. Даже дамы этого кружка становились ему сразу своими, задушевными пріятельницами. Идя туда, онъ надѣвалъ преспокойно свой обычный, разлюбезный зипунъ сѣраго цвѣта и былъ въ немъ какъ-то особенно свободенъ, какъ-то особенно — Садовскій, добродушно-смѣющийся, добродушно-болтающій, любящій за ужиномъ «зашибить муху», какъ говорилось, не то: «буканда задавить». И смотря на него въ этомъ кружкѣ, никому въ голову не приходило, что это — тотъ самый Садовскій, могучій двигатель тысячной массы, умѣющій какъ-то тамъ произносить иныя слова, какъ не произносить никто, Зевесъ-Громовержецъ, потрясающій партеръ, ложи, раекъ и галлерею!... Сердце всякаго чуткаго ко всему хорошему и чистому располагалось неволью къ этому простодушному, милому, мягкому человѣку въ сѣромъ зипунѣ. Всѣ его любили, кто зналъ его близко. Да и вообще онъ былъ однимъ изъ самыхъ популярныхъ и симпатичныхъ людей Москвы. Чрез-

вычаянная доброта и чистота сердца и помыслов отражались на его лицѣ, столько всёѣмъ знакомѣ. Стояло этому лицу показаться на сценѣ въ самой пустынной роли, даже просто безъ роли, а только выйти и стать передъ публикой—оглушительные громы уже гремѣли....

Но какая разнища была между этимъ Садовскимъ въ зипунѣ и Садовскимъ, напялившимъ на себя фракъ, чтобы ѣхать на вечеръ къ какому нибудь именитому тузу, вообще туда, гдѣ неловко появиться въ зипунѣ! Онъ былъ тогда совершенно неузнаваемъ, совершенно другой человѣкъ: сумрачный, неловкій, сердитый! Онъ только и думалъ тогда, какъ бы «отзвонить — и съ колокольни долой!» Прочесть, что пожелаютъ, рассказать — и улетучиться. Обыкновенно онъ читалъ въ такихъ случаяхъ: повѣсть о капитанѣ Кофѣйкинѣ, бесѣду генерала Бетрищева съ Чичиковымъ. Рассказывалъ о Наполеонѣ Первомъ, о французской революціи 1848 г. Читать публично не прочитанное ни въ заранѣе, не «ролю» — онъ положительно не могъ. Извѣстную часть дня, утро до обѣда, а иногда и послѣобѣденное время Садовскій проводилъ съ нѣкоторыми членами любезнаго ему кружка, въ знаменитой кофейнѣ Печкина (была тамъ, гдѣ теперь заднія, отдѣленные комнаты «московскаго трактира»), знаменитой именно потому, что тамъ сходились всякаго рода артисты, преимущественно сценическіе: Вантышевъ, Ленскій, Турчаниновъ, Макенинъ.... профессоръ зоологіи въ московскомъ университетѣ Рулье, считавшійся очень талантливымъ (онъ зачастую пребывалъ формально цѣлый день въ кофейнѣ Печкина и тамъ спалъ); другъ всякихъ артистовъ, московскій каллиграфъ и поразительный подражатель Мочалову въ нѣкоторыхъ его роляхъ—Дьяковъ, человѣкъ извѣстный всей Москвѣ различными своими похождениями, всегда веселый, всегда навеселѣ. Наконецъ — тоже другъ артистовъ и отецъ одной актрисы Малаго театра, персіянинъ Миръ, или, какъ его чаще звали, Мирка. Когда другіе занимались бесѣдами—о чемъ случится, закусывали, распивали бутылочку рейнвейна, или какого нибудь другого вина, Мирка въ это время игралъ на билиардѣ и Дьякову, которому приходила иной разъ фантазія говорить съ своимъ партнеромъ «по персидски», т. е. нести какую-то чепуху, ни русскую, ни персидскую, Мирка не отвѣчалъ на это ни слова. Сыгравъ партію—другую, бойцы сажались тоже закусывать, причемъ Дьяковъ ѣлъ большею частью на счетъ Мирки....

Конецъ 1840-хъ годовъ (и пожалуй всё 1850-тые) были апогеемъ славы Прова Михайловича. Онъ.... нѣсколько замечтался: играя удачно комическія роли съ драматическимъ оттѣнкомъ, онъ вообразилъ, что можетъ сыграть и чисто-драматическую или даже трагическую роль. Онъ не хотѣлъ знать, что между актеромъ, играющимъ комическія

роли, и актеромъ, играющимъ роли трагическія, — цѣлое море; что это — два разные міра, и самое лицо и вся физиономія комическаго актера, всѣ его движенія и жесты такъ ужъ и устраниваются для комедіи, для смѣху, и публика къ этому привыкаетъ и будетъ сильно озадачена, если вдругъ комическій актеръ явится предъ нею въ трагической роли. Ничего этого не соображалъ и не хотѣлъ знать нашъ добрый Провушка (какъ его верѣдко звали въ кружкѣ), ничего не хотѣлъ знать, задавшись задачей сыграть трудную трагическую роль. Ничьи совѣты не подѣйствовали, даже совѣты А. Н. Островскаго, котораго Провъ чтилъ очень высоко.

Послѣ долгихъ бесѣдъ самъ съ собой да съ подушкой, на которую часто приваливался, терзаясь мучительными снами, Садовскій рѣшился сыграть передъ московской публикой «Короля Лира»! Русский мужичокъ, замоскворѣцкій купчикъ, къ кому такъ шла красная рубаха съ косымъ воротомъ и зипунъ, долженъ былъ предстать предъ тѣми же зрителями, которые привыкли его видѣть чаще всего въ этихъ платьяхъ, — царемъ, въ порфирѣ и въ вѣнцѣ, говорящимъ такія рѣчи, которыя давались весьма немногимъ европейскимъ трагикамъ, съ юныхъ лѣтъ изучавшимъ трагедію.

Я уже сказалъ, что напрасны были всякія увѣщанія и моленія друзей, раздававшіяся около Садовскаго до послѣдняго дня. Всѣ увидѣли, что онъ просто за просто боленъ Лиромъ, что необходимо назрѣвшему нарыву прорваться, и бросили его на волю его судьбы.

Болѣе потѣшнаго Лира свѣтъ не видывалъ. Ни голоса, ни фигуры, ни движенія, соответствовавшихъ убійственной роли! Публика глядѣла съ изумленіемъ — и болѣе ничего! Друзья (собравшіеся, конечно, въ полномъ комплектѣ) пробовали хлопнуть мѣстахъ въ двухъ-трехъ — никто не поддержалъ. Садовскій понялъ, что сдѣлалъ промахъ, потерпѣлъ страшнѣйшее фіаско и долго ходилъ, повѣсивъ голову, моля всѣхъ боговъ, чтобы Москва поскорѣ забыла и простила ему его невольное преступленіе.... Конечно, пьеса эта съ нимъ въ главной роли уже никогда болѣе не давалась. Чудесныя роли изъ комедіи Гоголя и Островскаго скоро задвинули въ памяти публики страннаго замоскворѣцкаго купца въ коронѣ. Садовскій опять потрясалъ театр неподражаемой игрою въ роляхъ: Большаго, Беневоленскаго, Торцова ¹⁾....

Въ 1858 г. друзья Садовскаго подбили его съѣздить въ Петербургъ,

¹⁾ Большовъ, обанкротившійся купецъ въ пьесѣ „Свои люди сочтемся“. Беневоленскій, чиновникъ въ пьесѣ „Бѣдная Невѣста“. Любимъ Торцовъ, промотавшійся купецъ въ пьесѣ „Бѣдность не порокъ“ (шла въ первый разъ въ Москвѣ 25-го января 1853 г.).

гдѣ онъ не только никогда не игралъ, но даже просто на просто никогда не бывалъ. Трудно было уломать его на эту поѣздку: онъ боялся за свою славу, онъ зналъ, что между публичкой Москвы и Петербурга есть разница, что петербуржцы построже, повзыскательнѣе москвичей. Москвичи къ нему давно привыкли, для нихъ онъ не могъ уже дурно играть. Только что показался — хлопаютъ; играетъ кое-какъ, небрежно—хлопаютъ; уходитъ—опять хлопаютъ. Въ Петербургѣ ничего этого не будетъ. Друзья, чтобы настроить Прова Михайловича похрабрѣе и повеселѣе, общались ѣхать съ нимъ вмѣстѣ, по крайней мѣрѣ та часть, которая была къ нему поближе.

А для завѣдыванія его «штабъ-квартирой», бѣльемъ, костюмами, и всѣмъ прочимъ въ дорогѣ былъ приглашенъ одинъ изъ его гостинно-дворскихъ родственниковъ, торговецъ бумагой на Ильинкѣ, такъ называемый «Орелъ», вслѣдствие чрезвычайнаго сходства съ этой птицей. Кроме этого сходства, молодецкаго орлинаго взгляда и бравой осанки, этотъ дѣтина обладалъ огромнымъ ростомъ и богатырской силой. Придя къ нему, въ лавку, было любо видѣть, какъ иные увѣсистые тюки, которыхъ никто и пошевелить не могъ, летали и вертѣлись у него въ воздухѣ подъ огромными ручищами и какъ бы волшебствомъ укладывались стройно на полкахъ. Не худо было имѣть смиренному Провушкѣ такую махину про всякій случай въ дорогѣ.

Сборы были, какъ всѣ сборы русскихъ людей,—безконечны. Ваглянувъ со стороны, можно было сто разъ подумать, что орава странниковъ никогда не соберется ѣхать, однако она собралась.

III.

Было это зимой. Послѣ официальныхъ визитовъ разнымъ необходимымъ лицамъ театральнаго вѣдомства, Провъ Михайловичъ сталъ совѣщаться съ друзьями, что дать на «первое представленіе?» Правда, объ этомъ уже было толковано не разъ и въ Москвѣ, и въ Москвѣ было извѣстно, что прежде всего пойдеть «Бѣдность не порокъ», однако же толки возобновились снова и въ Петербургѣ. Всѣмъ было страшновато за любимаго Провушку.

Наконецъ, подошелъ торжественный день. Афишки были разгѣплены. Публика, избранная, повалила. Представленіе «Бѣдность не порокъ» шло на Александринскомъ театрѣ. Онъ былъ полонъ. Журналисты, писатели, все выдающееся сидѣло въ первыхъ рядахъ кресель. Я сидѣлъ въ третьемъ и замѣтилъ впереди, во второмъ ряду, И. И. Панаева съ пріятелями. Я былъ сосредоточенъ на одной мысли: какъ-то Са-

довскій будетъ играть, какъ его примутъ. Полагаю, что это было исключительною мыслию и прочихъ друзей Прова Михайловича. Его успѣхъ и неуспѣхъ казались для нашего кружка чѣмъ-то въ родѣ успѣха и неуспѣха цѣлой Москвы. Намъ всѣмъ смертельно хотѣлось, чтобы «Москва» не срѣзалась, не ударила лицомъ въ грязь.

И вотъ взвилась зававѣсь! Садовскій былъ встрѣченъ залпомъ довольно умѣренныхъ рукоплесканій. Потомъ наступила необыкновенная тишина. Смотрѣли, не шевелились. Я наблюдалъ за нѣкоторыми физиономіями. Когда дошло до объясненій между братьями и Любимъ Торцовъ, ставъ на колѣни передъ братомъ Гордѣемъ, произнесъ: «человѣкъ ты или звѣрь? Пожалѣй ты и Любима Торцова!... Тогда-то и я Бога возблагодарю. Братъ! и моя слеза до неба дойдетъ!»

Послѣднія слова были произнесены такъ, какъ мнѣ кажется никогда не произносились тѣмъ же самымъ лицомъ. У меня, что называется, захолонуло на сердцѣ. Я не помню подобнаго впечатлѣнія въ театрѣ. Ни Рашель, ни Росси, ни Сальвини, никто изъ первыхъ актеровъ Европы не потрясалъ моей души до такой степени. Садовскій игралъ съ большимъ вниманіемъ къ себѣ. Нѣкоторыя головы въ первыхъ рядахъ безмолвно задвигались. Панаевъ посмотрѣлъ на сосѣда, сосѣдъ на него. Было не до разговоровъ, не до обыденныхъ похвалъ. Интеллигенція Петербурга была завоевана.

Садовскій послѣ сказывалъ намъ, что видѣлъ эти едва уловимыя движенія иныхъ фигуръ въ первыхъ рядахъ, и былъ ими болѣе тронутъ, чѣмъ громовыми рукоплесканіями московскихъ театровъ. Есть рукоплесканія безмолвныя и они-то для настоящаго артиста, понимающаго дѣло, выше всякихъ аплодисментовъ. То же мнѣ сказывала и Косицкая, прибавивъ: «мы смотримъ не на всю массу публики, какъ она себя ведетъ, Богъ съ ней! Мы смотримъ на два, на три первые ряда кресель, а иногда прямо на иныхъ извѣстныхъ намъ зрителей,—ихъ одобреніе намъ важно и оно всегда тихо».

Послѣ спектакля нѣкоторая часть нашего кружка собралась у поэта М. Л. Михайлова, который жилъ въ семействѣ Шелгуновыхъ очень недалеко отъ Александринскаго театра, въ переулкѣ. Ждали Садовскаго, но онъ не пришелъ. Потомъ было сборище у него на вечернемъ чаѣ, которымъ распоряжался Орель; попойки не было, а если и была, такъ самая умѣренная. Провели время въ трезвыхъ толкахъ о будущемъ, что дать еще и когда? Не помню именно, какіе шли потомъ спектакли и сколько. Я на нихъ не былъ.

Садовскій уѣхалъ домой, въ Москву, подъ громомъ петербургскихъ рукоплесканій—на сценѣ и въ газетахъ. Послѣ этого, черезъ годъ, я уѣхалъ въ Италію, затѣмъ—на Востокъ, затѣмъ—въ Польшу. Москва

и ея жизнь надолго для меня исчезли. Другія бурныя, трагическія представленія заслонили собою все....

Какъ игралъ Садовскій въ 1860-хъ годахъ и сколько времени держался на уровнѣ своего прежняго величія и таланта—я не знаю. Во второй половинѣ 1860-хъ годовъ къ безвременнымъ могиламъ прибавилась еще одна могила... Садовскаго не стало.

IV.

Мнѣ приходилось въ Варшавѣ сравнивать съ нашимъ высокимъ комикомъ высокаго комика Варшавы — Жулковскаго, тоже звѣзда первой величины. Между ними было много общаго: такой же недостатокъ образованія, такая же привязанность къ домашнему очагу, къ самому ограниченному кружку пріятелей и знакомыхъ. Еще Садовскій показывался кое-гдѣ кромѣ сцены; у него былъ, какъ мы видѣли, даже общественный пунктъ, довольно живой и шумный, куда онъ любилъ заглядывать въ свободные часы: кофейня Печкина. Онъ кое-гдѣ даже и читывалъ отрывки изъ Гоголя и Островскаго, хотя и неохотно. Жулковскій не зналъ никакихъ кофеенъ, никакихъ кружковъ, не читывалъ ни у кого изъ частныхъ лицъ и жилъ и живетъ совершеннѣйшимъ бирюкомъ и отшельникомъ. Дома любилъ онъ поѣсть и выпить. Увидѣть его гдѣ нибудь, кромѣ театра, напримѣръ на улицѣ, или въ Саксонскомъ саду было чрезвычайно мудрено и если случалось кому нибудь, то развѣ въ годъ одинъ или два раза.

Комическія условія фізіономіи были у Жулковскаго не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ у Садовскаго, если только не въ болѣшей. Но чѣмъ онъ бралъ рѣшительный верхъ надъ Садовскимъ—это внѣшнимъ развитіемъ и лоскомъ. Страшно дикій бирюкъ и несообщительный домосѣдъ былъ на сценѣ тѣмъ, чѣмъ хотѣлъ. Онъ ладилъ одинаково-артистически съ ролью купца, мѣщанина, мелкопомѣстнаго землевладѣльца, хлопа — и съ ролью вельможи какой угодно націи. Онъ умѣлъ обойтись какъ слѣдуетъ и съ бѣднымъ крестьянскимъ охобнемъ мазура, и съ куцей кракуса, и съ сюртукомъ, и фраккомъ нашего времени, и съ кафтаномъ эпохи Людовиковъ, и съ макинтошемъ англичанина....

Въ заключеніе сдѣлаемъ еще такое сравненіе: Садовскій позволилъ все-таки друзьямъ свозить себя въ Петербургъ; провинцію посѣщалъ нерѣдко. Жулковскій формально не игралъ нигдѣ, кромѣ Варшавы. Никто и никогда не могъ уговорить его оставить Варшаву хотя на короткое время и сыграть въ Краковѣ, Львовѣ, Познани, гдѣ онъ имѣлъ бы самый несомнѣнный успѣхъ. Разъ, говорятъ, какъ-то уговорили его съѣздить на нѣсколько спектаклей въ Люблинъ, но когда пришлось садиться въ экипажъ, Жулковскій вдругъ заупрямился и не поѣхалъ....

V.*

Къ числу моихъ московскихъ сценическихъ воспоминаній принадлежить еще воспоминаніе о дебютѣ въ Большомъ театрѣ одного извѣстнаго въ ту пору провинціального трагика—Рыбакова. Онъ игралъ преимущественно въ Харьковѣ, Воронежѣ, Одессѣ, Кременчугѣ... и былъ тамъ своимъ Мочаловымъ. Онъ имѣлъ «искру Божию», но потушилъ ее неслышанно-безпутною жизнью. У насъ всѣ провинціальныя трагики думаютъ, что они—совсѣмъ особые люди; что имъ позволено многое, чего не позволено другимъ смертнымъ, хотя-бы эти смертные были тоже актеры, но—не трагическіе, а комическіе. Трагикъ считаетъ необходимымъ говорить, вѣѣ сцены, басомъ, какъ говорятъ иные генералы; рассказывая что нибудь, стучать кулакомъ въ столъ, при случаѣ бить зеркала и ломать мебель. Такимъ былъ и Рыбаковъ, дѣтина ражій, здоровенный, высокаго роста, который послѣ всякаго серьезнаго представленія приглашался куда нибудь мѣстными зажиточными купцами и помѣщиками, поклонниками его таланта и Шекспира, закусить. Закуска бывала всегда не менѣе серьезна, чѣмъ представленіе. Рыбаковъ выпивалъ много, но пьянымъ его не видали.

Однажды, «въ дни печальные великаго поста», когда на святой благочестивой Руси спектаклей не бываетъ, когда артисту, привывшему къ театру и къ шуму овацій, нестерпимо скучно, Рыбаковъ и пріятель его Карабановъ, тоже трагическій актеръ и гигантъ, вздумали заѣсть дома, пить съ утра до ночи водку и допиться до «чортиковъ». Слышали они, что иные допиваются до чортиковъ, которыхъ видятъ бѣгающими по краямъ рюмокъ или стакановъ и сбиваютъ ихъ щелчками... Но ни Карабановъ, ни Рыбаковъ чортиковъ такихъ никогда не видавали. Они заперлись въ кабинетѣ Рыбакова, легли на два другъ противъ друга стоявшіе дивана у стѣнокъ—и давай пить. Человѣкъ только приносилъ штофъ за штофомъ и выносилъ пустую посуду. Было это на страстной недѣлѣ. Пили съ понедѣльника до пятницы и никакихъ чортиковъ не видали. Въ пятницу утромъ Рыбаковъ проснулся раньше Карабанова и ему показалось, что по ковра, раскинутому надъ постелью Карабанова, ползетъ змѣй. Онъ закричалъ: «Карабановъ, Карабановъ! вставай, змѣй ползетъ!» Карабановъ вскочилъ, сталъ смотрѣть на коверъ: никакого змѣя тамъ не было! Да и Рыбаковъ, потерѣвъ хорошенько глаза, пересталъ тоже видѣть змѣя.

Такъ, не допившись въ трое сутокъ усерднаго и добросовѣстнаго питья ни до какихъ чортиковъ, пріятели встали съ опухшими лицами, посмотрѣли на себя въ зеркало и рѣшили прекратить попойку.

— «Безобразно, братецъ, безобразно!» сказалъ Рыбаковъ. «Пойдемъ въ церковь и помолимся! Вѣдь у насъ теперь страстная недѣля великаго поста! Сегодня плащаницу выносятъ!»

Карабановъ согласился. Умылись, одѣлись и пошли. Церковь была полна народомъ, съ постными физиономіями. Физиономіи артистовъ, къ тому-же высокиихъ ростомъ и очень замѣтныхъ въ толпѣ, до того не походили на всѣ прочія, до того смотрѣли неприлично, что священникъ, по принятому въ такихъ случаяхъ правилу, выслалъ дьякона съ кадиломъ и приказалъ ему «выкадить» изъ церкви безобразныхъ господъ. Дьяконъ выкадилъ.

«Постой-же ты, проклятый шельганъ, подумалъ Рыбаковъ: ты намъ не даешь помолиться! Мы пришли въ церковь съ искреннимъ раскаяніемъ; и Богъ прощаетъ кающихся грѣшниковъ, а ты вотъ не хочешь! Велѣлъ насъ выкадить! Вотъ уже мы тебя искупаемъ въ такой купели, въ какой ты еще никогда не купался!» Рыбаковъ сообщилъ свою мысль Карабанову, тотъ согласился. Гиганты подкараулили попа въ тотъ же день, вечеромъ, въ одномъ изъ отдаленныхъ переулковъ города, и искупали въ лужѣ. Попъ зналъ, кто его купалъ и подаль на озорниковъ жалобу губернатору. Губернаторъ выслалъ ихъ обоихъ за границу губерніи съ жандармами.

Исторія эта однако-же сильно подѣйствовала на Рыбакова. Онъ бросилъ пить. Когда жена его (робкое, запуганное существо, исполнявшее всѣ причуды своего повелителя,) принесла ему поутру обычный графинчикъ «опохмѣлиться» (что дѣлалось аккуратно въ теченіи многихъ лѣтъ сряду),—Рыбаковъ гамлетовскимъ жестомъ далъ знать, что «этого не нужно». Жена посмотрѣла на него съ недоумѣніемъ, и не трогалась съ мѣста. Жестъ былъ повторенъ, графинчикъ вынесенъ—и потомъ уже не подавался. Рыбаковъ положилъ во всѣхъ отношеніяхъ остепениться. Онъ былъ неузнаваемъ. Купцы никакъ не могли склонить его, послѣ иного эффектнаго спектакля, къ выпивкѣ. Онъ даже смотрѣлъ благопрістойнѣе и меньше басилъ. Въ умѣ его засѣла мысль: посвятить послѣдніе свои годы на серьезное изученіе Шекспира и сценическаго искусства, съѣздить въ Москву и попросить дебюта.

Надо знать, что дебютъ на московской сценѣ для провинціального артиста значилъ тогда очень много. Его разрѣшали далеко не всѣмъ. Это былъ дипломъ, санкція московской дирекціи и публики, возвышавшіе репутацію провинціального актера. О немъ уже говорили: «Въ Москвѣ играли! И тамъ хлопали!»

Московскимъ трагикомъ на мѣстѣ умершаго Мочалова былъ тогда—провинціальный артистъ Полтавцевъ. Онъ игралъ прилично и производилъ на извѣстную часть публики, особенно на купцовъ, значи-

тельное впечатлѣніе, въ роляхъ: атамана разбойниковъ въ «Двумужницѣ» Шаховскаго; деньщика Жетра Великаго въ пьесѣ этого названія Кукольника; купца Иголкина, въ драмѣ Полевого, Фердинанда въ «Коварствѣ и Любви» Шиллера, наконецъ въ «Гамлетѣ» Шекспира и французской драмѣ: Кинъ, или Геній и Безпутство.

Рыбаковъ зналъ Полтавцева еще въ Одессѣ, гдѣ они вмѣстѣ игравали, и снесся со старымъ пріятелемъ насчетъ дебюта въ Москвѣ. Полтавцевъ переговорилъ съ кѣмъ нужно и написалъ Рыбакову, что «все улажено, чтобы онъ пріѣзжалъ и у него остановился».

Рыбаковъ прибылъ — словно переродившимся: чистенькимъ, тщательно выбритымъ; онъ думалъ о всякомъ шагѣ, говорилъ мало и тихо. Дебютъ ему скоро былъ разрѣшенъ. Синедриономъ старыхъ и новыхъ знакомыхъ Рыбакова было рѣшено поставить «Гамлета». И онъ самъ болѣе всего былъ склоненъ изобразить передъ московской публикой Гамлета, какъ его еще ни разу не изображали!..

Гамлета играли послѣ Мочалова обыкновенно въ его костюмахъ, которые Полтавцеву, человѣку не слишкомъ дюжему и средняго роста, еще сходили кое-какъ съ рукъ. Но для гиганта Рыбакова они вовсе не годились. Онъ былъ въ нихъ просто на просто смѣшонъ. Однако дирекція сказала, что новыхъ дѣлать на одинъ разъ для дебютанта не станеть: хочеть—играеть, хочеть—нѣтъ! Рыбаковъ подумалъ, погадалъ, сосчиталъ свои немногіе гроши, привезенные изъ провинціи, ихъ на новые костюмы не хватало—и онъ рѣшился играть въ старыхъ мочаловскихъ платьяхъ. Это обстоятельство, новизна мѣста, естественный страхъ—сдѣлали то, что дебютантъ былъ весьма не въ своей тарелкѣ. Онъ чувствовалъ, что играетъ плохо. Подсаженные Полтавцевымъ флакеры пріударили разъ—нимъ отвѣчалъ кто-то въ райкѣ, но тѣ ряды, отъ которыхъ провинціальный актеръ ждалъ одобренія, молчали. Безмолвныхъ рукоплесканій не было и тѣни. Это сильно огорчило Рыбакова. Воротясь домой, онъ послалъ за водкой. Утромъ на другой день подали ему знакомый графинчикъ опохмѣлиться—и затѣмъ опять пошли графинчики.....¹⁾

Какъ и когда кончилъ Рыбаковъ—намъ неизвѣстно.

Что касается иностранныхъ гостей московской сцены—лучше всего сохранилось въ моей памяти пребываніе въ Москвѣ знаменитой европейской танцовщицы Фаины Эльслеръ и французской драматической артистки Рашель.

¹⁾ Все это рассказы самого Рыбакова и личныя наблюденія автора.

VУ.

Франциска Эльслеръ была дочерью камердинера известнаго композитора Гайдна и его-же прачки. У нихъ была еще дочь Шарлотта, немного старше Франциски. Обѣ дѣвочки были очень красивы и ходили учиться въ танцевальный классъ при вѣнскомъ балетѣ, а потомъ стали показываться передъ публикой въ коръ-де-балетѣ, получая въ день, каждая, по 30 крейцеровъ. Франциска, или, какъ чаще ее называли, Фанни, была очень понятлива и ловка. Когда другія переглядывались съ гусарами и статскими обожателями, не то ѣли получаемые отъ нихъ конфеты, пирожное и мороженое, Фанни слѣдила внимательно за каждымъ па главной танцовщицы, подмѣчала то, что ей нравилось, казалось эффектнымъ, труднымъ—и дома старалась по возможности все это припомнить и продѣлать.

Однажды главная танцовщица занемогла, но спектакля было отложить нельзя, потому что на немъ хотѣлъ быть императоръ съ какими-то коронованными гостями. Директоръ былъ въ отчаяніи... вдругъ къ нему подошла Фанни Эльслеръ и сказала, что если ей дозволено будетъ замѣнить балерину,—она протанцуетъ рѣшительно все, что слѣдуетъ по пьесѣ. Директоръ разрѣшилъ. Со сцены сдѣлано было приличное оглашение о необходимости передать главную роль другой особѣ, а не той, которая значилась въ афишѣ. Отсутствующая балерина была для вѣнцевъ чужая итальянка, не такъ красива и не такъ... молода. Замѣнившая ее была своя нѣмка, почти дитя и прелестна какъ ангель. Публикѣ естественно захотѣлось поддержать свою, что-бы и какъ-бы она ни танцевала. Но, къ удивленію, увидали, что ей вовсе не нужна поддержка. Она исполнила всѣ номера съ неслыханнымъ совершенствомъ. Хлопали безъ всякой натяжки, порывисто, восторженно. Слава маленькой Фанни выросла въ одинъ вечеръ. Она такъ и осталась съ этимъ именемъ навсегда—и сдѣлалась балериной вѣнскаго театра. Потомъ съѣздила въ Парижъ и тамъ произвела фуроръ—и съ тѣхъ поръ стала уже не вѣнскою, а всемірною знаменитостью. Посѣщеніе ею Лондона, Милана, Берлина, Неаполя, Америки было рядомъ триумфовъ и овацій, рѣдко достающихся кому на долю....

Годы 1847, 1848 и 1849 были годами бурныхъ распрій между московскою публикой и дирекціей театровъ, или точнѣе: директоромъ театровъ Гедеоновымъ. Публика любила и хотѣла видѣть на сценѣ танцовщицу Санковскую, а директоръ подсовывалъ ей Андреянову. Дошло до того, что Санковской было запрещено принимать на

сценѣ подарки. Легко понять рѣздрaженіе публики. Андреяновой дѣлались вслѣдъ оскорбленія, не только на сценѣ, но даже на балахъ и маскарадахъ благороднаго собранія. Одно оскорбленіе было такого рода, что нанесшій его (въ собраніи) студентъ едва не попалъ въ солдаты.

Зимою 1848 г. Андреяновой, во время ея танцевъ на сценѣ Большаго театра, бросили изъ ложи дохлую кошку. Это сдѣлалъ прибывшій на свиданіе съ родными кавказскій офицеръ, Павелъ Булгаковъ; Государь приказалъ ему только уѣхать немедля на Кавказъ, а Гедеонову велѣлъ сказать, чтобы онъ «пересталъ шутить съ публикой», что «если преслѣдованія Санковской, ни на чемъ не основанныя, продолжатся—будетъ еще хуже». Андреянова исчезла. Для Санковской поставили дорогой и эффектный балетъ «Возстаніе въ Сералѣ», гдѣ сотни танцовщицъ исполняли различныя военныя эволюціи; государь былъ на одномъ изъ представленій этого балета и хлопалъ... Вскорѣ затѣмъ онъ отправился въ Вѣну и присутствовалъ въ спектаклѣ, гдѣ участвовала Эльслеръ, уже знаменитая и прославленная газетами всего міра. Государь пригласилъ ее къ себѣ въ ложу, благодарилъ за доставленное ему удовольствіе и сказалъ, что ему было-бы очень пріятно увидѣть такую прекрасную танцовщицу своею гостью въ Петербургѣ. Фанни Эльслеръ отвѣчала его величеству не сейчасъ. Государь, замѣтивъ ея нерѣшительность, сказалъ:

— «Вы, можетъ быть, боитесь того, что случилось съ Андреяновой, но вы, во-первыхъ, не Андреянова, а во-вторыхъ—я вашъ всегдашній защитникъ. Вы можете обратиться ко мнѣ во всякую минуту, если будетъ въ томъ надобность, но, думаю, что не будетъ. Васъ ожидаютъ въ Россіи только триумфы, только оваціи. Итакъ—до свиданія!»

Фанни Эльслеръ дала государю слово пріѣхать въ 1850 году ¹⁾.

Возвратившись въ Петербургъ, государь приказалъ Гедеонову сдѣлать знаменитой артисткѣ официальное приглашеніе на зимній сезонъ 1850 года. Гедеоновъ счелъ не лишнимъ отправиться лѣтомъ этого года въ Вѣну и познакомиться съ балериной, но въ Вѣнѣ ея не нашель: она жила на дачѣ въ Фёслау—онъ туда, и увидѣлъ на дворѣ ея множество верховыхъ лошадей, приготовленныхъ для большой кавалькады. Эльслеръ собиралась на прогулку въ окрестности Фёслау, со своими ближайшими друзьями, была разорвана на части разными мелкими распоряженіями.... вдругъ ей докладываютъ о пріѣздѣ Гедеонова! Не долго думая, какъ, кто и откуда, Фанни Эльслеръ приказала сказать, что «ея нѣтъ дома», между тѣмъ, какъ все изобличало, что она

¹⁾ Все это—отъ нея самой.

дома. Гедеоновъ не выдержалъ, велѣлъ доложить хозяйкѣ, что онъ никакъ не ожидалъ отъ нея такого приема; что у себя, въ Россіи, онъ вхожъ къ государю императору и къ государынѣ императрицѣ...

По прибытіи въ Петербургъ, Фанни Эльслеръ увидѣла себя точно въ степи, точно никто изъ служащихъ при театрѣ не зналъ, что она будетъ, хотя контрактъ былъ заключенъ по всѣмъ правиламъ и тамъ было обозначено со всею точностью число, когда она должна явиться и начать представленія. Потомъ пошли разные другіе шиканы: цензура пропускала балетъ, но не пропускала музыки; были задержки въ костюмахъ, путаница въ афишахъ... встрѣтивъ гдѣ-то Гедеонова, артистка объявила ему, что «если такое положеніе дѣлъ продолжится, то она разорветъ контрактъ и пожалуется государю императору; что онъ лично далъ ей позволеніе обращаться къ нему за помощью всякій разъ, когда будетъ нужно»¹⁾).

Преслѣдованія прекратились. Спектакли пошли, но, нельзя сказать, чтобы Петербургъ отнесся къ нимъ съ исключительнымъ увлеченіемъ, несмотря на протекцію многихъ вліятельныхъ лицъ (между прочимъ барона Штиглица). Дѣло въ томъ, что Фанни Эльслеръ представляла, въ сущности, только воспоминаніе о прежнихъ совершенствахъ, красотѣ и молодости, а не ту свѣжую, живую танцовщицу, какою видалъ ее Парижъ, Лондонъ, Америка... Она танцевала, правда, безукоризненно; въ исполненіи нѣкоторыхъ народныхъ па (напр. Венгерки) была неподражаема, но... то-ли нужно публикѣ, выдавшей кое-что въ этомъ родѣ. Когда дѣло идетъ объ артисткѣ театра, въ особенности о танцовщицѣ, публика спрашиваетъ у нея сейчасъ-же метрическое свидѣтельство, другими словами: читаетъ докладъ неумолимаго времени въ ея чертахъ, знаетъ какъ-то безъ метрики сколько той, или другой Терпсихорѣ лѣтъ. Разсмотрѣть ту-же минуту особенныя достоинства опытной танцовщицы, достоинства, свойственныя только позднему возрасту—для публики трудно. Знатоки говорили, что въ Фанни Эльслеръ удивительно соединеніе балета съ драмой: быть на своемъ мѣстѣ, когда музыка играетъ тотъ или другой пассажъ, не сбивать музыкантовъ, не заставлять ихъ прыгать поминутно черезъ страницы партитуры; танцевать и играть съ полной свободой и граціей подъ музыку такъ, какъ будто-бы не было музыки. Знатоки говорили это—публика не слушала.

Москва, куда пріѣхала потомъ Фанни Эльслеръ лѣтомъ, приняла ее тоже довольно холодно. Друзья Фанни Эльслеръ (московскіе нѣмцы, имѣвшіе сношеніе съ барономъ Штиглицомъ) убѣдили ее пріѣхать

¹⁾ Также отъ нея самой.

въ Москву на пѣлый зимній сезонъ. Она пріѣхала въ началѣ 1851 г. и тутъ устроилось нѣчто такое, что перешло всякія предѣлы обыкновенныхъ овацій.

Истолкователемъ необычайныхъ достоинствъ волшебницы явился бывшій кавказскій полковникъ, князь Голицынъ, съ шайкой пріятелей, человѣкъ уже не молодой, громадныхъ размѣровъ, съ голосомъ какъ труба. Онъ бывалъ рѣшительно на всѣхъ спектакляхъ знаменитой гостыи, въ первомъ ряду, у самаго оркестра, хлопалъ, ревлѣлъ, восхищался и настраибалъ восторженно не только всѣхъ окружающихъ, т. е. первый и второй ряды, но и отдаленныя мѣста, которымъ кн. Голицынъ былъ видѣнъ по своей колоссальной фигурѣ и слышенъ по громкому голосу. А днемъ онъ шатался по всему городу и старался сообщить что-нибудь похвальное о Фанни Эльслеръ (которую называлъ бѣльшею частью Фаничкой) всякому встрѣчному. Знакомыхъ у него была тьма, артистовъ, писателей, праздныхъ богачей и разныхъ неопредѣленныхъ личностей. За большимъ колоколомъ гудѣли и маленькіе.

Газеты отзывались о гостѣ бѣльшею частью въ хорошую сторону. Редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей» Хлоповъ былъ безъ ума отъ «Фанички». Графиня Ростопчина писала о ней прозой и стихами; однажды пригласила ее къ себѣ на блины, вмѣстѣ съ ея подругой, «Mademoiselle Catherine», которую въ русскихъ кружкахъ, гдѣ она была извѣстна, называли не иначе, какъ Екатерина Михайловна. Эта Екатерина Михайловна одѣвала и раздѣвала свою барыню дома и на сценѣ, и съ нею обѣдала и пила чай за однимъ столомъ; умѣла какъ никто угождать всѣмъ ея привычкамъ; знала всѣ ея секреты, дарила избраннымъ друзьямъ и поклонникамъ ея балетныя башмаки, которыхъ у Фанни Эльслеръ были пѣлые короба. Они прибывали чуть не всякій день изъ Парижа. Каждый балетъ знаменитая танцовщица перемѣняла три-четыре пары такихъ башмаковъ, совершенно особаго балетнаго покроя, съ рядами толстыхъ нитокъ на носкахъ. Кромѣ утренняго визита Фанни Эльслеръ сдѣлала однажды Ростопчиной и вечерній визитъ.

На масляной 1851 г. весь городъ ни о чемъ болѣе не говорилъ, какъ только о Фанни Эльслеръ. Трудно сказать, сколько она получила подарковъ отъ разныхъ зажиточныхъ москвичей. Наболѣе оригинальнымъ былъ калачъ изъ папье-маше, внутри котораго скрывался браслетъ изъ очень крупныхъ камней, которыхъ инициалы означали Москву (малахитъ, опаль, сафиръ, калцедонъ, виниса, аметистъ); хорошъ и дѣненъ былъ также серебряный самоваръ, съ рисунками изъ разныхъ балетовъ, въ которыхъ Фанни Эльслеръ танцевала передъ Московской публикой.

Въ послѣдній прощальный спектакль у кассы была просто драка.

Двери выломали и разбили въ щепы; положено было толстое сосновое бревно. Передъ началомъ спектакля, перекупщики давали счастливымъ, доставшимъ себѣ билеты въ креслахъ за обыкновенную цѣну, отъ 20 до 100 рублей, и были такіе, которые, разумѣется, скрѣпили сердце, съ ними разставались.

Во время спектакля публика хлопала, ревѣла, пѣла подъ музыку болѣе извѣстные мотивы балета, иногда вся вставала на ноги и въ такомъ положеніи опять ревѣла. Всякое «начальство» (полиція, жандармы и плацъ-адъютантъ) куда-то спрятались, зная очень хорошо, что ничего не сдѣлаютъ, сколько ни хлопочи; развѣ только вызовутъ какойнибудь крупный скандалъ.

Въ заключеніе былъ поданъ на сцену, не менѣе какъ десятью дюжими носильщиками, громадный вѣнокъ изъ бѣлыхъ живыхъ камелій (имѣвшій диаметръ большаго круглаго стола), съ надписью по срединѣ красными камеліями: Москва. Невѣроятная толпа разнаго народа шла потомъ за каретой танцовщицы, когда она уѣзжала домой, въ Дрезденскую гостиницу. Много разъ находились охотники везти эту карету на себѣ, но полиція это устранила. На козлахъ кареты, рядомъ съ кучеромъ, сидѣлъ редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей», Хлоповъ. Въ каретѣ съ артисткой сидѣлъ князь Голицынъ, сзади, въ особыхъ саняхъ, везли гигантскій вѣнокъ. Двери квартиры артистки стояли долго отворенными настежь. Изъ передней брошенъ былъ на улицу коверъ, по которому прежде всего пробѣжали волшебныя ножки, а затѣмъ прошло неопредѣленное количество гостей, знакомыхъ и незнакомыхъ хозяйкѣ. Придвинувшаяся къ окнамъ толпа кричала: «ура» и кидала вверхъ шапки. Фанни Эльслеръ вадумала родать этому народу громадный вѣнокъ и просила своихъ знакомыхъ отдѣлить камелію отъ камелии. Это оказалось не такъ легкимъ, однако вѣнокъ уступилъ наконецъ энергическимъ усиліямъ восторженной молодежи и его сбросали въ отворенное окно и двери толпамъ; причемъ, конечно, не обошлось безъ нѣкоторыхъ... драматическихъ сценъ.

Такъ прошелъ день «прощальнаго спектакля». День отъѣзда Фанни Эльслеръ изъ Москвы въ мальпостѣ былъ повтореніемъ такихъ-же эксцентричностей. Почтовую станцію на Мясницкой осадили аристократы и аристократки. Ихъ экипажи запрудили дворъ. Улица была запружена народомъ. Когда мальпостъ съ артисткой двинулся—нѣсколько каретъ, колясокъ и саней поѣхали сзади и рядомъ. Иные отстали еще въ улицахъ, другіе покатали за заставу. Между такими замѣченъ сани графа Ростопчина. Въ Химкахъ (первая станція отъ Москвы) былъ устроенъ чай. Фанни Эльслеръ однако-же не выходила на станцію, а пила чай у мальпоста, стоя на ногахъ, пока перепрягали лошадей.

Вскорѣ послѣ всѣхъ этихъ тревогъ и суеты пришло изъ Петербурга предписаніе Московскимъ властямъ составить списокъ всѣмъ эксцентричностямъ поклонниковъ Фанни Эльслеръ. Въ этотъ списокъ попалъ и я съ Хлоповымъ. Противъ моей фамиліи стояло: «сочинялъ стихи». Противъ фамиліи Хлопова: «сидѣлъ на козлахъ». Когда профессоръ С. П. Шевыревъ сталъ просить мнѣ у попечителя Московскаго учебнаго округа В. И. Назимова мѣсто директора университетской бібліотеки, Назимовъ сказалъ: «я-бы очень радъ, но... онъ попалъ въ списокъ исключительныхъ поклонниковъ Фанни Эльслеръ, составленный по высочайшему повелѣнію».

— Однако, ваше превосходительство, позволилъ себѣ замѣтить Шевыревъ, веселье не имѣетъ въ себѣ ничего дурного и неблагонадежнаго...

— «Оно такъ, но... знаете... государь».

Шевыревъ не сталъ спорить и уѣхалъ. Потомъ передалъ мнѣ весь этотъ разговоръ, предлагая возобновить атаку, но я отклонилъ его отъ этого.

Хлоповъ былъ приглашенъ къ Назимову и встрѣченъ такими словами: «странныя вещи рассказываютъ въ городѣ: будто вы сидѣли на козлахъ у Фанни Эльслеръ, когда она ѣхала домой послѣ прощальнаго спектакля. Я хотѣлъ узнать это отъ васъ самихъ?»

— Да развѣ тутъ есть что нибудь чрезвычайное, ваше превосходительство, развѣ мушны не сидятъ на козлахъ дамскихъ экипажей?— началъ было Хлоповъ...

— «Такъ вы сидѣли»? прервалъ его Назимовъ.

— Сидѣлъ!

— «Подайте въ отставку!»

И газета перешла къ В. Ѳ. Коршу, а потомъ къ М. Н. Каткову.

Въ заключеніе я рѣшаюсь сказать нѣсколько словъ о знаменитой танцовщицѣ, которой имя такъ-ли, не такъ-ли знакомо всякому образованному человѣку въ Европѣ. Думать, что все это устроено газетами, было-бы ошибкой. Когда о Суворовѣ говорили, что онъ «неслышанно счастливъ»—онъ замѣчалъ: «счастіе, счастіе—сегодня, завтра, послѣ-завтра—нужно-же когда нибудь и умѣнье!» Такъ и мы скажемъ: «сегодня газеты, завтра газеты, послѣ-завтра газеты—нужно-же когда нибудь и хорошіе танцы!»

Фанни Эльслеръ была, дѣйствительно, феноменальной танцовщицей, одною изъ звѣздъ, какія блестяли на европейскихъ сценахъ въ счастливое время явленія всякихъ талантовъ—въ первой половинѣ этого столѣтія. Теперешнія балерины не достойны развязать ремней на ея сандаляхъ. Но этотъ первый, ослѣпительный блескъ волшебница по-

казала не намъ. Мы увидѣли только удивительное слитіе балета съ драмой, о чемъ уже было упомянуто,—слитіе, которое дается и высокими талантамъ не иначе, какъ послѣ тридцатилѣтней практики на сценѣ. Лучшими балетами Фанни Эльслеръ у насъ были: Эсмемальда, Катарина, Дочь разбойника, Лиза и Коля (*Lise et Colin*, иначе: *la fille mal grondée*). Въ мужскихъ роляхъ она была положительно плоха и неловка. Всякій мужчина у нея выходилъ какимъ-то деревяннымъ нѣмчикомъ. Да и про нее можно сказать, что она и въ жизни, и на сценѣ была изящная нѣмка, а никакъ не француженка.

Одинъ хореографъ, имѣвшій со мною рядомъ кресло, говорилъ мнѣ, что у Фанни Эльслеръ есть нѣчто специально ей принадлежащее, чего не имѣла ни Гризи, ни Тальони, никто: поднявшись на одинъ носокъ, она дѣлала въ это время небольшое движеніе всѣмъ корпусомъ впередъ, какъ-бы немного наклонялась. Другія считали побѣдой только продержаться безукоризненно на носкѣ, ничуть не двигаясь.

Фанни Эльслеръ полагаетъ, что она кончила свое театральное поприще въ Москвѣ. Но самый послѣдній спектакль ея былъ въ Вѣнѣ, сейчасъ по возвращеніи изъ Москвы. Нынѣ знаменитость эта живетъ зимою въ Вѣнѣ, а лѣтомъ въ Фёслау. О деньгахъ ея сказывали, будто бы она потеряла при одномъ крахѣ въ Америкѣ миллионъ франковъ и не очень печалилась. Брильянты ея можно класть рядомъ съ брильянтами многихъ коронованныхъ особъ.

Сестра Фанни Эльслеръ, Шарлотта, о которой было упомянуто выше—вскорѣ послѣ перваго пребыванія своего въ Парижѣ вышла замужъ за одного прусскаго принца и жива до сихъ поръ. Въ календаряхъ обыкновенно не пишутъ ея имени, а противъ имени ея мужа ставится: «женать».

VII.

Другая не менѣе знаменитая гостя Москвы, французская еврейка, даже еврейскаго исповѣданія, Рашель, была въ Москвѣ годомъ позже Фанни Эльслеръ, съ труппой, гдѣ главныя мужскія роли поручались брату ея Феликсу, простому «произносителю» разныхъ монологовъ и рѣчей стихами и прозой.

Громкое имя Рашели собрало на ея спектакли (2 абонемена по 12 спектаклей въ каждомъ) массу интеллигенціи и просто любопытныхъ и праздныхъ личностей, которымъ хотѣлось потомъ говорить, что:

«вотъ-де и я видѣлъ знаменитую Рашель!» Изъ всего того, что «слышало» Рашель въ Москвѣ, иногда повидимому съ напряженнымъ вниманіемъ, конечно половина не понимала ровно ничего. Строго говоря, понимали надлежащимъ образомъ только ложи (и то не всѣ), да дватри ряда кресель. Я взялъ себѣ билетъ на оба абонемена и былъ даже на всѣхъ лишнѣхъ представленіяхъ сверхъ абонементовъ.

Рашель была женщина высокаго роста, стройная, худощавая, безъ всякаго бюста, съ грубыми и рѣзкими чертами еврейскаго смуглаго лица вовсе некрасиваго (когда смотрѣть на него близко), но выразительнаго и эффектнаго на сценѣ до чрезвычайности. Это было именно сценическое лицо, лицо для трагедій и для драмъ. Въ «Адриеннѣ Лекуверрь» Рашель казалась положительно совершенствомъ, женщиной способной увлечь кого угодно, самаго безстрастнаго, безчувственнаго, холоднаго человѣка, никогда не знавшаго что такое любовь.

Классическія представленія ея, съ ихъ убійственными александрійскими стихами французской метрики и допотопными эффектами, не производили на меня никакого впечатлѣнія. Мнѣ было просто скучно. Какъ сказано въ «Чужомъ толкѣ»:

„Такъ громко, высоко, а нѣтъ не веселить,
И сердца, такъ сказать, ничуть не шевелить“.

Ни одна сцена всѣхъ этихъ пьесъ не дышала правдой нашего времени,—правдой, къ какой привыкли мы, безхитростные поклонники драматическаго искусства 1840-хъ и 1850-хъ годовъ нашего столѣтія. Ни одно слово не произносилось просто и естественно, такъ, чтобы забраться внутрь, подъ сердце, и заставить его жить, трепетать, чувствовать, сжиматься...

Въ «Адриеннѣ Лекуверрь» Рашель подкупала нашего брата изяществомъ приемовъ и чрезвычайной граціей движеній. Да и пьеса эта была по содержанію ближе и понятнѣе намъ, чѣмъ всякіе Корнели и Рассины. Позировали не древніе греки и римляне, а люди, намъ хорошо извѣстные, въ нашихъ или почти нашихъ платьяхъ; двигались, говорили, думали, любили и страдали по нашему. Къ сожалѣнію, Моррица Саксонскаго изображалъ безталанный Феликсъ, съ своими сценически-казенными, вѣчно одними и тѣми же жестами. Чтеніе басни передъ герцогиней де Бульонъ выходило у Рашели не натурально. Настоящая Адриенна Лекуверрь, безъ всякаго сомнѣнія, не читала такъ ничего ровно.

Умираніе Адриенны отъ яду въ игрѣ Рашели принято считать классически-вѣрнымъ жизни. Иные говорятъ однако, что искусство

здѣсь черезъ-чуръ пожертвовано натурѣ, что на сценѣ и умирать такъ не слѣдуетъ, какъ умираетъ Рашель. Кажется, это справедливо...

Аристократія Москвы была въ восторгѣ отъ представленій Рашели, насколько добросовѣстно и искренно—это уже ея дѣло.

Графиня Ростопчина положительно молилась на знаменитую жидовку, называла ее «божествомъ» и то мѣсто, гдѣ Рашель сиживала, бывая у нея, закладывала подушкой и не позволяла никому на нее садиться. Но того сумасшествванія, какое вызвала въ Москвѣ своими представленіями Фанни Эльслеръ—не было и тѣни. Впрочемъ, въ воскресенье на масляной, публика поднесла Рашели серебряный кубокъ, съ изображеніемъ московскаго герба, и М. С. Щепкинъ вручилъ отъ себя каллиграфическую рукопись «Скупаго Рыцаря» Пушкина, къ которой были присоединены: два вида Москвы, портретъ Щепкина и французскіе стихи Ростопчиной.

Уѣхала Рашель изъ Москвы тихо, провожаемая только самыми близкими знакомыми.

Изъ артистовъ нашей сцены болѣе всего сошелся съ Рашелью Щепкинъ (о чемъ уже было нами упомянуто),—Щепкинъ, не знавшій ни слова по французски. Онъ велъ съ нею бесѣды о сценическомъ искусствѣ, иногда предлинныя, черезъ драгомана, которымъ былъ одинъ молодой аристократъ, можно сказать мальчикъ, только что оставившій университетскія скамейки. Онъ нравился Рашели серьезно и бывалъ у нея формально всякій вечеръ послѣ спектакля.

Передъ отъѣздомъ Рашели въ Парижъ, Щепкинъ упросилъ ее посмотрѣть его въ роли Фамусова. Пьесу перевели для артистки въ сокращеніи и переписали это либретто «Горе отъ Ума», какъ переписываютъ бумаги для государей. Читала она, или не читала эту книжечку—неизвѣстно, только выразила свою благодарность Щепкину въ очень эффектныхъ фразахъ, которыя драгоманъ перевелъ съ добавленіемъ отъ себя, съ указаніемъ тѣхъ мѣстъ, какія яко бы въ особенности понравились Рашели. Кажется, тутъ же Рашель и пригласила Щепкина въ Парижъ посмотрѣть ее въ тѣхъ спектакляхъ, которыхъ въ Москвѣ она не давала.

Н. В. Бергъ.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ БЕРГЪ

† 16-го іюня 1884 г.

Не думали мы, получивъ напечатанную здѣсь рукопись, что это послѣднее, предсмертное сообщеніе нашего давняго сотрудника! Николая Васильевича Берга уже нѣтъ на свѣтѣ. Смежились смертью уста человѣка умнаго, даровитаго, всегда живого и отзывчиваго къ интересамъ отечественной словесности. Онъ былъ ея поклонникъ искренній, ея работникъ вѣрный и вполне талантливый. Около сорока лѣтъ служилъ онъ ей вѣрой и правдой, то какъ беллетристъ, то какъ поэтъ и въ особенности поэтъ-переводчикъ, то какъ туристъ, сообщавшій въ журналы и газеты свои, всегда полныя интереса, замѣтки и письма, то, наконецъ, какъ историкъ—въ своихъ обширныхъ Запискахъ о севастопольской осады, а затѣмъ о послѣдней польской смутѣ. Прекрасно владея перомъ и карандашомъ, Бергъ былъ писатель обширнаго образованія, отлично зналъ нѣсколько иностранныхъ языковъ и славянскихъ нарѣчій, и, что всего достойнѣе уваженія, былъ человѣкъ самостоятельный, независимыхъ и твердыхъ убѣжденій. Онъ не былъ ничьимъ угодникомъ, ни какой-либо партіи, ни отдѣльныхъ лицъ, и оставилъ по себѣ имя не запятнанное, приобретающее всеобщее уваженіе со стороны всѣхъ, кто когда-либо его зналъ.

Н. В. Бергъ погребенъ 18-го іюня 1884 г. на православномъ кладбищѣ Воли, близъ г. Варшавы.

Въ нашемъ альбомѣ автографовъ русскихъ дѣятелей, подъ заглавіемъ: «Знакомые» Н. В. Бергъ вписалъ собственноручно слѣдующую свою автобіографію, въ третьемъ лицѣ:

«Н. В. Бергъ родился въ Москвѣ, на улицѣ Варваркѣ, въ д. Насонова (позже Гурлянда), 24 марта 1823 года¹⁾, отъ совершенно рус-

¹⁾ Въ некрологахъ, появившихся въ газетахъ, годъ рожденія Берга показанъ 1821 г.; въ его же собственноручной автобіографической замѣткѣ у насъ значится 1823 г., и вообще эта замѣтка исправляетъ погрѣшности некрологовъ Н. В. Берга.

скихъ родителей, не знавшихъ никакого другого языка, кромѣ русскаго, и воспитанъ въ условіяхъ русской жизни. Отецъ его зналъ довольно хорошо русскій языкъ, писалъ и печаталъ стихами и прозой, когда еще былъ холостымъ и служилъ въ Иркутскѣ. Въ «Вѣстникѣ Европы» (полагаю около 1820 года) можно найти его статьи и басни за подписью Иркутскъ. Любимымъ писателемъ Василя Владиміровича Берга былъ Державинъ. Это обстоятельство имѣло вліяніе на поэтическое развитіе Н. В. Берга. Отецъ заставлялъ его повторять стихи Державина. Когда мальчикъ лѣтъ семи увезли въ Сибирь, по назначеніи В. В. Берга предсѣдателемъ Тобольскаго губ. правленія (около 1830 г.), ребенокъ зналъ множество отрывковъ изъ разныхъ одъ Державина и восьми лѣтъ отъ роду самъ сталъ писать стихи, гдѣ ямбъ нѣкоторое время спорилъ съ хореемъ.

«Огромные кедровые лѣса Сибири, ея широкія рѣки и странствія несомнѣнно имѣли вліяніе на развитіе ребенка съ поэтической стороны. Большіе переѣзды впоследствии были ему нипочемъ. Онъ даже любилъ ихъ. Когда ему было лѣтъ 9 родители его переѣхали на житье въ Тамбовскую губернію и тутъ Н. В. Бергъ былъ отданъ въ гимназію, гдѣ пробылъ 4 года и писалъ стихи уже не мѣшая хореевъ съ ямбами, и на одномъ изъ публичныхъ актовъ читалъ свое стихотвореніе Ночь. Вообще отличался по русскому языку.

«Въ 1838 году отецъ взялъ его изъ Тамбовской гимназіи и отвезъ въ Москву, въ тамошнюю 1-ю гимназію, гдѣ онъ кончилъ курсъ въ 1843 г. Писалъ по русски онъ тогда довольно исправно и перевелъ кое что изъ Мицкевича.

«Въ 1845 году, будучи студентомъ Московскаго университета, Н. В. Бергъ напечаталъ свое первое стихотвореніе въ «Москвитинѣ», переводъ изъ шведскаго поэта Рунеберга: «Жалоба Дѣвы»; кажется въ томъ же году напечатаны были изъ «Пана Тадеуша»: «Лиса и облака». Потомъ какой-то отрывокъ прозой—переводъ изъ польскаго писателя І. Крашевскаго. Въ 1846 году переведена «Кроледварская рукопись» и напечатана въ «Московскомъ сборникѣ» Панова. Въ 1847 году—«Сербскія пѣсни». Потомъ печатались разныя мелочи, прозой и стихами.

«Въ 1849 году Н. В. Бергъ поступилъ на службу въ Московскую контору государств. коммерч. банка, былъ секретаремъ и помощникомъ бухгалтера. Въ 1853 году, перевелъ съ 28-ми языковъ народныя пѣсни, вышедшія въ Москвѣ годомъ позже, когда авторъ, увлеченный войною и разными обстоятельствами, уѣхалъ въ южную армію, въ главный штабъ, гдѣ служилъ сначала въ 4-мъ казначейскомъ отдѣленіи, завѣдуя наградами, а потомъ сдѣланъ переводчикомъ. Въ этомъ званіи участвовалъ въ защитѣ Севастополя и составилъ потомъ

Записки объ осадѣ Севастополя, которыя явились въ печати, вмѣстѣ съ его-же Севастопольскимъ альбомомъ въ 1858 году.

«Въ 1859 году Н. В. Бергъ отправился въ Италію на войну, былъ въ разныхъ штабахъ, французскомъ и итальянскомъ, и подъ конецъ у Гарибальди, въ отрядѣ Альпійскихъ стрѣлковъ (*Cacciatori delli Alpi*),—о чемъ составилъ Записки, напечатанныя въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1859 г.

«Въ 1860 г. Н. В. Бергъ уѣхалъ на Востокъ во время извѣстнаго столкновенія Друзовъ съ Маронитами; жилъ въ Бейрутѣ, въ Дамаскѣ, посѣтилъ Іерусалимъ, Санду, Александрію, Каиръ, пирамиды и на самой большой (Хеопсовой) оставилъ свою надпись—тогда (1860 г.) первую на русскомъ языкѣ. Въ 1861 году воротился въ Россію и перевелъ значительную часть «Пана Тадеуша», что было потомъ напечатано въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1862 г. (около апрѣля мѣсяца). Послѣ этого Н. В. Бергъ снова уѣхалъ на Востокъ, жилъ въ Бейрутѣ, въ Дамаскѣ, въ Іерусалимѣ, написалъ объ этомъ нѣсколько статей, напечатанныхъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», «Русскомъ Вѣстникѣ», «Нашемъ Времени», «Петербуржскихъ Вѣдомостяхъ». Въ 1862 году осенью уѣхалъ въ Россію, жилъ то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ и отсюда въ самомъ началѣ 1863 г., когда только что вспыхнуло польское возстаніе, отправился въ Варшаву, потомъ въ Краковъ и Львовъ. Велъ записки движенія поляковъ во всѣхъ этихъ мѣстахъ и печаталъ въ «С.-Петербуржскихъ Вѣдомостяхъ», въ «Библіотекѣ для чтенія» П. Д. Боборыкина (1864), и позже, владѣя хорошими матеріалами, составилъ «Записки о польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ послѣ 1831 г.», которыя печатались въ «Русскомъ Архивѣ» (съ 1870 года) и потомъ вышли отдѣльной книгой¹⁾. Между 1865—1872 гг. Н. В. Бергъ кончилъ переводъ «Пана Тадеуша». Въ 1868 году Н. В. Бергъ поступилъ лекторомъ въ Главную школу, въ Варшавѣ, по предмету русскаго языка; позже въ университетъ. Въ 1874 году сдѣлался редакторомъ «Варшавскаго Дневника...»

Н. В. Бергъ.

„С.-Петербургъ. 3-го января 1875 года.“

„Вновь посѣтилъ М. И. Семевскаго 2-го юля 1877 г.“

¹⁾ Вторая и обширѣйшая половина труда Н. В. Берга о польской смутѣ 1863—1864 гг. напечатана въ „Русской Старинѣ“ изд. 1879 г., томъ XXIV—XXVI. Затѣмъ въ 1879—1884 гг. Н. В. Бергъ помѣстилъ нѣсколько различныхъ статей и замѣтокъ въ „Русской Старинѣ“.

РУКОПИСИ АЛЕКСАНДРА СЕРГѢЕВИЧА ПУШКИНА,

хранящіяся въ Румянцовскомъ музеѣ въ Москвѣ ¹⁾.

XIII.

№ 2376. Состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ тетрадей въ листъ, сшитыхъ и склеенныхъ изъ отдѣльныхъ листовъ.

А. Тетрадь въ оберткѣ, на которой написано: № 14. Отрывки въ стихахъ.—24 листа. Дубельтъ. Такъ и есть—24 листа.

1.—5., 20.—24. Домикъ въ Коломнѣ. Черновня, отличающіяся отъ печатнаго текста какъ вариантами, такъ и порядкомъ строкъ, который былъ нѣсколько разъ измѣняемъ поэтомъ. Тутъ мы находимъ въ текстѣ строфы, которыя были выпущены Пушкинымъ, впервые напечатаны [невозполнѣ] г. Анненковымъ, а послѣднимъ изданіемъ внесены въ текстъ на свои мѣста. Замѣтка Пушкина: «сіи октавы служили вступленіемъ къ шуточной поэмѣ уже уничтоженной» сдѣлана тутъ же съ боку на 24., около первыхъ строкъ XV строфы, которыми поэтъ захотѣлъ замѣнить первоначальную редакцію [2., см. ниже].—Листы должны быть читаемы въ такомъ порядкѣ: 1, 24, 2, 23, и т. д. Выписываю крупнѣйшіе варианты и дополненія.

Въ первомъ стихѣ четвертой строфы зачеркнутый вариантъ.

У насъ война! (гвардейцы затыжные)...

Послѣ V строфы идетъ еще зачеркнутая:

Октавы трудны! взявъ уловку лисью
Сказать я-бъ могъ что кисель виноградъ;
Мнѣ видно съ ними надъ Парнасской высью
Вѣкъ не бываты! Не лучше-ли назадъ
Скорѣй вести свою дружную рысью?

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1884 г., томъ XLI, февраль, стр. 413—436; мартъ, 647—662; томъ XLII, апрѣль, стр. 87—110; май, 325—354; июнь, стр. 533—572, томъ XLIII, июль, стр. 1—54; августъ, стр. 313—330; сентябрь, стр. 641—653.

Ужъ рнѣмаи кой какъ онъ брѣнчатъ...
 Кой какъ ужъ до конца октаву эту
 Я дотанулъ. Стыдъ русскому поэту.
 [Но возвратиться все-жъ я не хочу...]

и т. д.—Затѣмъ между VIII и IX строфой зачеркнуто:

Какъ рѣвая покойница Жако
 Александрійскій стихъ по всѣмъ составамъ
 Развинченъ, гнется, прыгаетъ легко
 И высоко, какъ бѣлка по дубравамъ,
 Ломается (проворно и) легко
 На диво всѣмъ Парнасскимъ костоправамъ.
 Они ворчатъ: уймется-ль негодяй?
 Какой повѣса! экой разгильдяй!
 [У насъ его недавно стали знать]...

и т. д.—строфа XV первоначально была написана такъ [см. выше]:

И тамъ копышутся себѣ въ глаза
 Густой, болотистой, прохладной, клейкой,
 Кто съ жабой, кто съ лягушкою въ связи
 Кто ракомъ пьтится, кто вьется змѣйкой...
 Но, Муза, имъ и въ шутку не грози,
 Не то тебя покроемъ тѣлогрѣйкой
 Оборванной и вѣсто похвалы
 Поставимъ въ уголь Сѣверной Пчелы.

Поэтъ измѣнилъ эту строфу, написавъ ее снова на 24^а [гдѣ оставалось свободное мѣсто], какъ она и напечатана была г. Анненковымъ.

Послѣ XII строфы [2.] помѣта: 5 октября, въ концѣ: 10 окт. 1830, Болдино.—Рисунки: на 4, на поляхъ фигура кухарки, держащей руки подъ фартукомъ; на 5,—кухарка, брѣющая передъ зеркаломъ,—этотъ рисунокъ приложенъ къ матеріаламъ г. Анненкова.

6. Заглавный листъ:

Драматическія сцены.

1830.

Тутъ-же съ боку написано: драматическіе очерки, драматическія изученія, опытъ драматическихъ изученій.—Рисунки: латы, голова старика.—Факсимиле этого листа тоже приложено къ матеріаламъ г. Анненкова.

6.—неписанная страница.

19.—неписанная страница.

19.—1. Октавы.

2. Скупой.

III. Салери.

IV. Донъ-Гуанъ.

V. Plague.

Туръ-же верхомъ внизъ рисунокъ: письменный столъ, полки съ книгами и голова сидящаго за столомъ челоуѣка; еще лицо.

7.—18.—Русалка. Этотъ неоконченный драматическій отрывокъ былъ впервые напечатанъ уже по смерти Пушкина. Подлинникъ написанъ чернилами съ карандашными поправками. Издатели держались карандашныхъ поправокъ, тамъ, гдѣ онѣ кончены и разборчивы. Только въ одномъ мѣстѣ они почему-то предпочли зачеркнутую редакцію; въ концѣ первой сцены, въ словахъ дочери сначала было:

Змѣю подколодной онъ меня
Не жемчугомъ опутать...

такъ и напечатано [стр. 261], но поэтъ карандашомъ поправилъ такъ:

Змѣей, змѣей онъ меня.

Изъ мѣстъ, зачеркнутыхъ карандашемъ и потому не вошедшихъ въ печатный текстъ, приведу главнѣйшія:

Признаніе князя [255 adf.] начиналось такъ:

Отъ сокола (не скрмься воронену,
Отъ глазъ любви душѣ не утаяться),
Я не хочу...

Въ слѣдующемъ монологѣ князя, послѣ стиха:

Ничто бѣды не можетъ миновать

зачеркнуты карандашемъ два стиха:

(Кто разъ сказалъ: я счастливъ, тотъ ужъ вѣдай,
Что близокъ, близокъ счастье его конецъ!)

Въ третьей сценѣ, въ разговорѣ мамки съ княгиней встрѣчаемъ еще слѣдующее, зачеркнутое мѣсто [см. III. 267, adf.]:

. Подумай.
Ну въ комъ ему найти, какъ ни въ тебѣ
Сокровища такого?

(Княгиня.)

Я слыхала,
Что будто бы до свадьбы онъ любилъ
Какую-то красавицу, простую
Дочь мельника.

Мамка.

Да, такъ и я слыхала
Тому давно, годовъ ужъ пять и больше;
Но дѣвушка, какъ слышно, утопилась,
Такъ нечего объ ней и помнить.

Княгиня.

Ужъ одну любилъ онъ да покинулъ,
Такъ и меня покинуть можетъ).

Поставленное въ скобкахъ зачеркнуто чернилами и сейчасъ-же какъ было написано: поэтъ непосредственно послѣ зачеркнутаго начинаетъ иначе отвѣтъ княгини на успокоительныя слова мамки:

Княгиня.

Когда-бъ слышала Богъ мои молитвы

—и т. д.—На 18, находимъ программу сценъ въ Русалкѣ:

Мельникъ и его дочь.

Свадьба.

Княгиня и мамка.

Русалки.

Князь, старикъ и русалочка.

Охотники.

В. Вторая тетрадь, на оберткѣ [опекунская] надпись: № 15 отрывки въ стихахъ, — надпись, какъ и въ предыдущей тетради, несоответствующая содержанию тетради; затѣмъ тутъ-же: «61 листъ. Дубельтъ». На самомъ дѣлѣ всѣхъ листовъ 56, такъ какъ 8 листа нѣтъ, а листы 42, 43, 46 и 60—бѣлы.

Тетрадь эта составлена изъ отдѣльныхъ листовъ, такъ что теперь читать ихъ приходится не въ порядкѣ нумераціи.

Сначала идетъ «Каменный Гость». 4. Заглавный листъ—

Каменный гость.

тутъ-же эпиграфъ—П. 333.—4.—бѣлая страница. Самая піеса занимаетъ листы въ такомъ порядкѣ: 1, 61, 2, 3, 59, 58, 5, 57, 6, 56, 7, 55, 9, 54.—Такъ какъ эта піеса была напечатана послѣ смерти Пушкина, то я укажу отличія печатнаго текста отъ рукописи, вѣрнѣе сказать ошибки. Г. Анненковъ для своего изданія свѣрялъ піесу по подлиннику, при чемъ сдѣлалъ самое подробное сравненіе рукописи съ текстомъ альманаха «Сто русскихъ литераторовъ» и съ текстомъ въ посмертномъ собраніи сочиненій; мелочность сравненія доходила до того, что г. Анненковъ счелъ «любопытными» орфографическія ошибки предшествовавшихъ издателей, или, какъ онъ выражается, «три разныя редакціи одного глагола»: у Пушкина—придти, а у издателей прійти и притти. Не смотря на эту излишнюю подробность сравненія печатнаго текста съ подлинникомъ, г. Анненковъ оставилъ безъ

поправки нѣсколько существенныхъ ошибокъ своихъ предшественниковъ, ошибокъ, перешедшихъ поэтому и во всѣ послѣдующія изданія. Укажу ихъ.

Въ первой сценѣ, почти въ началѣ, въ словахъ Ленорелло одинъ стихъ напечатанъ такъ:

Въ плащѣ, со шпагою подъ мышкой, въ маскѣ.

У Пушкина стихъ этотъ первоначально былъ написанъ:

Въ плащѣ (и шляпѣ съ перьями, при шпагѣ),

затѣмъ большая часть стиха [слова въ скобкахъ] зачеркнута, а сверху некончена поправка:

Со шпагою подъ мышкой и...

Если ужъ дополнять неконченную поправку, то надо вставить: въ шляпѣ, а никакъ нельзя вставлять въ маскѣ, слово, котораго нѣтъ совсѣмъ у Пушкина.—Обращеніе къ Ленорелло [334]:

Вотъ видишь-ли, мой милый Ленорелло...

исправлено такъ:

Вотъ видишь-ли, мой глупый Ленорелло...

Вспоминая объ Инезѣ, Донъ-Жуанъ, въ печатномъ текстѣ, говорить [335]:

Въ июлѣ... ночью. Чудную пріятность...

у Пушкина написанъ этотъ стихъ такъ:

Въ июлѣ ночью... Странную пріятность...

Пушкинъ было зачеркнулъ странную и надписалъ дивную, но потомъ снова возстановилъ странную. Слова чудную совсѣмъ нѣтъ въ рукописи.—Послѣдній стихъ первой сцены напечатанъ:

...Мнѣ съ нимъ возиться! Право, силъ ужъ нѣтъ!

Въ рукописи послѣднія слова:

...Право, нѣтъ ужъ силъ!

Печатная редакція взята изъ зачеркнутаго Пушкинымъ мѣста. [Страница, гдѣ находится конецъ первой сцены—8.—воспроизведена въ Альбомѣ Пушкинской выставки, при стр. 126; тутъ-же читатель увидитъ и рисунокъ, находящійся на этой страницѣ: испанецъ, завернутый въ плащъ, въ широкополой шляпѣ, при шпагѣ, на право дерево, на лѣво вдали группа строеній].

Во второй сценѣ, послѣ пѣнія Лауры, восхищенные гости восклицаютъ, по печатному тексту [стр. 340]:

О, bravo! bravo! чудно! неподобно!

между тѣмъ у Пушкина въ рукописи правильно въ женскомъ родѣ:

О, brava! brava! чудно! неподобно!

Въ самомъ почти концѣ второй сцены Донъ-Жуанъ говоритъ, по печатному тексту [стр. 346]:

Нѣтъ. А сколько разъ,
Скажи, ты мнѣ успѣла измѣнить
Въ моемъ отсутствіи?

Въ рукописи [58.]:

(Милая плутовка!)
А сколько разъ ты измѣнила мнѣ
Въ моемъ отсутствіи?

Потомъ «Милая плутовка»—зачеркнуто и сверху надписано: «А признайся».

Въ концѣ третьей сцены [362] слова Доны-Анны въ рукописи переставлены: пора поди.—Мелкія особенности рукописи были уже указаны г. Анненковымъ, также и то, что одинъ монологъ Донъ-Жуана въ послѣдней сценѣ въ полной рукописи не находится, а написанъ на отдѣльномъ листочкѣ, который въ настоящее время находится въ № 2377.—Приведу еще два стиха, зачеркнутые Пушкинымъ и не вошедшіе поэтому въ печатный текстъ. Въ третьей сценѣ, послѣ словъ Доны-Анны—«Оставь меня»—[359] слѣдовало еще:

ДОНЪ ЖУАНЪ.

(О какъ она прекрасна) въ этомъ видѣ!
(Въ лицѣ томленье, взоръ полузакрытъ,
Волненье груди, бѣдность этихъ устъ...)

[цѣлуешь ее] ¹⁾.

ДОНА-АННА, [слабо] ¹⁾.

Ты, ты мнѣ врагъ... и т. д.

На 54.—помѣта: 4 ноября 1830, Болдино.

За Каменнымъ гостемъ идетъ Мѣдный Всадникъ, переписанный писцомъ съ оригинала, находящагося въ № 2375;—поправки Пушкина и Жуковского описаны у г. Вартенева, стр. 198 и 199.—Мѣдный Всадникъ занимаетъ тутъ листы 10—16, 47—53.

На л. 17., раздѣленномъ на два столбца, на правомъ столбцѣ на-

¹⁾ [Скобки Пушкина].

писано нѣсколько строкъ по испански, не представляющихъ особаго интереса; на лѣвомъ то же во французскомъ переводѣ; все—карандашомъ.—17.—неписанная страница.

18 и 19, 44 и 45.

Сказка.

О поэтѣ и о работникѣ его Балдѣ.

Обращеніе Балды къ попу сначала было написано такъ:

(Говорить попу: здравствуй, борода!)
Чего ты, батька, (взыскался),
Что такъ рано (на ноги) поднялся.

Въ исправленномъ видѣ, по моему, точнѣе, кажется, было бы такъ:

(Говорить попу: здравствуй борода!)
Что ты, батька, такъ рано поднялся
Чего ты взыскался?

Стр. 236:

Поймалъ двухъ зайковъ, да въ мѣшокъ

Стр. 288,—л. 45,—съ боку вставленъ стихъ:

Черти стали въ кружокъ...

Слѣдующій стихъ исправленъ:

Дѣлать нечего—собрали полный оброкъ.

На той-же страницѣ:

Съ перваго шелка

и т. д. вездѣ—шелка.—III. 233. Помѣта: 13 Сент.

На 45, рисунокъ: Балда гладитъ зайца, сидя на берегу; передъ нимъ стоитъ чертенокъ; этотъ рисунокъ приложенъ при Матеріалахъ г. Анненкова—1855 г., но безъ изображенія чертенка; при изданіи тѣхъ-же Матеріаловъ 1873 г.—вполнѣ.

20—40. Тетрадь въ форматѣ большого почтоваго листа, водяной знакъ: «А. Гончаровъ 1830».—Собственноручная рукопись «Мѣднаго Всадника», чьи-то отмѣтки карандашомъ.

41.—Вложенный сивій листъ,—писарскою рукою—примѣчанія къ Мѣдному Всаднику.—Концы нитокъ припечатаны жандармскою печатью краснаго сургуча.

В. III тетрадь. На оберткѣ [опекунская] надпись: № 16. Отрывки въ стихахъ; тутъ-же: «22 листа. Дубельтъ»; но 17, 18 и 19 листы—неписанные, такъ что всего листовъ—19.

1 и 22—[синій листъ, съ водянымъ знакомъ 1825]. Клеопатра—
П. 14; печатный текстъ, но не весь,—кончается стихомъ:

Глава счастливецъ отпадетъ.

—Вар.:

И грустный взоръ остановилъ
Царица гордая на немъ.

—22.—неписанная страница.

2, и 2, 21, и 21. Черновая сказка о золотой рыбкѣ. Въ концѣ
(21.) помѣта:

14 окт. 1833.

Болдино.

—
18-я гѣсна сербская.

—На бумагѣ водяной знакъ: 1829 г.

3, 3, и 20. [опять вод. знакъ—1829].

Стамбулъ гурмы нынче славятъ

—П. 301.—Помѣта сверху: 17 октября 1830 года, передъ разб.
ст.—Одинъ стихъ [с. 302] читается иначе, чѣмъ напечатанъ:

Тогда насъ буря долу гнула...

Послѣ стиха:

Быль духомъ гнѣва обуянъ

—поставлены ***, т. е. Пушкинъ предполагалъ продолжать пѣсу.

20.—неписанная страница.

4.—Водяной знакъ: 1830.—Сверху черновой набросокъ изъ заключенія «Моей Родословной». Я нѣсколько остановлюсь на немъ. Мнѣ не разъ уже приходилось указывать, какъ Пушкинъ записывалъ одиѣ приемы въ неконченныхъ еще стихахъ, но я еще не разу не отмѣтилъ другой часто повторяющейся особенности черновыхъ нашего поэта, особенности, указывающей такъ же, какъ и приемы въ неконченныхъ стихахъ, на обдуманную, продолжительную работу надъ стихами у того поэта, который былъ, какъ извѣстно, способенъ и къ легкимъ экспромтамъ. Въ предисловіи я уже указалъ, какъ надо объяснять записываніе одиѣхъ приемъ; подобное-же объясненіе должно быть приложено и къ той особенности, о которой сейчасъ будетъ рѣчь. Пушкинъ смотрѣлъ на поэзію не какъ на забаву, строго обдумывалъ свои произведенія, многократно ихъ передѣлывалъ: примѣровъ этому мы видѣли множество. Перехожу къ данному наброску. Первоначально онъ былъ написанъ такъ:

И былъ отецъ онъ Ганнибала
 Кто плылъ среди пучинъ
 Когда луна рога склоняла
 Предъ кѣмъ Наваринъ.

Мы видимъ, что тутъ еще у Пушкина не готовы вторая и четвертая строчки: онъ оставилъ пробѣлы для недостающихъ словъ, но не воспользовался этими пробѣлами, и написалъ сверху:

Надъ вторымъ стихомъ—

Что въ.....¹⁾ среди пучинъ
 надъ третьимъ:

Предъ кѣмъ луна рога склоняла
 на послѣднемъ:

И палъ впервые Наваринъ.

Извѣстно, что для окончательной редакціи стихи эти были снова измѣнены—II. 300.

На этой же страницѣ (4), черновой набросокъ:

Мы рождены, мой другъ названнй,
 Подъ одинакою звѣздой
 (Киприда, Фебъ и Вакхъ румяны)
 [Играли] нашею судьбой.
 Явился мы рано оба
 На Иподромъ, а не на торгъ,
 Вблизи Державинскаго гроба,
 И шумный встрѣтилъ насъ восторгъ.

Далѣе еще много, разбираю отдѣльными слова.

4.—Неписанная страница.

5. и 5. Черновая сказка объ медвѣдицѣ—II. 10.—Г. Анненковъ сообщилъ текстъ не вполне точно; такъ третій стихъ въ рукописи:

Что изъ лѣсу, изъ лѣсу изъ дремучаго.
 шестой стихъ:

Погулять, посмотрѣть, себя показать.

Далѣе находимъ одинъ стихъ въ такомъ видѣ:

Я сама мужику выѣмъ

—слово брюхо вставлено самимъ г. Анненковымъ, чего онъ не обозначилъ. Слѣдующіе два стиха читаются такъ:

Медвѣжатушки испугались
 За медвѣдику бросались...

¹⁾ Слово неразобрано.

Въ причитаньяхъ овдовѣвшаго медвѣдя г. Анненковъ неизвѣстно почему пропустилъ два совершенно разборчивыхъ стиха:

Ахъ ты свѣтъ моя медвѣдица,
На кого меня покинула
Вдовца несчастнаго
Вдовца горемычнаго?
Ужь какъ мнѣ—и т. д.

Также и въ концѣ выпущены два стиха, которые Пушкинъ поставилъ въ скобки, но не зачеркнулъ:

...Зайка бѣдненькой, зайка сѣренькой!
(Приходилъ байбакъ тутъ глумава,
Живеть онъ, байбакъ, позади гуманъ).
Приходилъ цѣловальникъ—и т. д.

6.—Неписанная страница (въ четверку).

6.—Карандашъ:

Съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ одинъ

—Ш. 393;—первыя 8 строкъ; сверху поставлена NB.

7, 8, 15, 19, 14, 10, 13, 11, 12, 16—«Скупой Рыцарь».—Въ Альбомѣ Пушкинской выставки воспроизведены фотолитографически—7—заглавный листъ;—7,—двѣ зачеркнутыя строки, вариантъ начала [на всей страницѣ только и есть эти двѣ строки] и 8—первая страница текста.—Бумага съ водяными клеймами: 1829 и 1830.—На 12.—красная печать.

XIV.

№ 2377. Состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ тетрадей.

А. Первая тетрадь, изъ отдѣльныхъ листовъ; на оберткѣ [опекунская] надпись: № 17. Отрывки въ стихахъ и прозѣ; тутъ же: «51 листъ. Дубельтъ». На самомъ дѣлѣ листовъ 48.—Листы лежатъ не въ порядкѣ нумеровъ, да и тутъ нѣтъ всѣхъ нумеровъ подрядъ, и есть листы безъ номера, то я описываю ихъ въ томъ порядкѣ, какъ они находятся теперь.

1) Синій листъ въ четыре страницы [2 листа], вырванный изъ тетради; карандашомъ цифра 4, красными чернилами 3 и 49.—Лицейская годовщина [Ш. 413] 1836-го года. Есть поправки; окончательный текстъ, какъ напечатано; только послѣднiе строки читаются иначе:

И новый царь, суровый и могучий ¹⁾
На рубежѣ Европы бодро сталъ,
И надъ землей сошлись новы тучи
И ураганъ ихъ...

¹⁾ Зачеркнуто: стражъ, бодрый и могучий.

Туть-же карандашныя поправки [Жуковского?]

...безстрашнѣй и могучѣй
И надъ землей скопились снова тучи...

2) Два полулиста, вложенные одинъ въ другой, красныя цифры: 24, 25, 26, 27; карандашныя: 5, 6, 7; первыя двѣ страницы бѣлыя [3 листа].—На 26—красная жандармская печать съ обрѣзанными нитками.—На бумагѣ водяной знакъ: 1831.—Черновое начало повѣсти [IV. 432], впервые сообщенное г. Бартевымъ, но несовсѣмъ точно. Такъ, онъ напечаталъ [433]:

«На Кавказъ! Стало быть Москва надоѣла. Впервой отъ роду правду сказали, а не вѣрила...»

Въ подлинникѣ: На Кавказъ! Стало быть, Москва впервой отъ роду правду сказала, а я не вѣрила...

Г. Бартевъ вставилъ отъ себя слово надоѣла, и совершенно напрасно.—Туть-же, далѣе у Бартева: Что за карета! игрушечка, заглядѣнье! а въ рукописи: игрушка, заглядѣнье.—Еще на стр. 434: Ну, прости-же, Катерина Петровна... а въ рукописи: Ну, простимся-же.

3) Почтовый листъ большаго формата [2 листа]. Карандашныя цифры 4 и 4; красныя: 4 и 48.—Водяной знакъ—1834.

Однажды странствуя среди долины двкой

—и т. д.—III. 310; поправки, какъ въ печатномъ;—первыя три отдѣла и двѣ строки IV.—На 48₂ списокъ сочиненій:

Изъ Вупуан [III. 310].

Кладбище [III. 410].

Мнѣ не спится [II. 303].

Молитва.

Сосны [III. 404].

Осень въ деревнѣ [II. 278].

Недорого цѣню [III. 409].

Зачѣмъ ты бурный Аквилонъ [I. 416].

Послѣдняя туча [III. 400].

—До сихъ поръ переводъ изъ Вупуана относили къ 1833 г. [на рукописи кто-то изъ издателей отмѣтилъ карандашомъ 1833], а онъ написанъ на бумагѣ 1834-го года; до насъ дошло два только подлинника [см. слѣдующіе листы], оба съ клеймами 1834.—Въ этомъ списокѣ сочиненій, мы думаемъ, Пушкинъ заглавіемъ Сосны обозначалъ ту піэсу, которую мы теперь называемъ произвольно—Опять на родинѣ; [никакого другого стихотворенія, къ которому бы подходило названіе Сосны, мы не знаемъ].

Рисунокъ: мужское лицо.

4) Поль-листа [1 листъ]. Красная цифра 6; одна сторона бѣлая. Четвертая строфа предыдущаго—III. 311 и 312.—Какія-то вычисления; рисунки: два женскіе абриса.

5) Въ четверку, вырванное поль-листа, приклеена половина листа большого почтового формата: 3 листа, водяной знакъ—1834.—Карандашныя цифры—5, 6, 5; красныя: 5, 46, 47. Опять Странникъ—III. 310; отличія отъ печатнаго.—Первоначально перые стихи были:

Въ великой гордости жилъ нѣкій человекъ,
Въ безпечной суетѣ проводивъ цѣлый вѣкъ.

Потомъ эти строки зачеркнуты и на нихъ нарисованы вѣтки, окружающія заглавіе.—Рисунокъ: женская и мужская фигуры.

6) Поль-листа, сложеннаго въ четвертку;—карандашныя цифры—6 и 6, красныя—6 и 45. [2 листа]. Родригъ. На Испанію родную—III. 243.—Чернова. Тутъ-же программа: Родригъ спасается въ пещерѣ одинъ. Его сны, искушенія.—Рисунки: двѣ фигуры, всадникъ.

7) Почтового большого формата поль-листа; сложено въ четвертку: 2 листа. Карандашомъ: 7, красными чернилами: 7, 44.—Опять: На Испанію родную—III. 243, съ поправками, какъ напечатано. На 4^{1/2}—только два зачеркнутыхъ слова верхомъ внизъ: Барклай де Толи.

8) Такой-же сложенный листокъ: 2 листа. Карандашъ: 8 и 8, красныя: 8 и 43. Водяное клеймо: 1832. Продолженіе Родриго—III. 244—до конца.

9) Почтовый листъ большого формата, писанная одна страница; водяной знакъ—1830; тутъ-же приклеена синяя восьмушка [всего 2 листа]. Цифры: 9 и 9, 9 и 42.—Отрывокъ изъ Родрига: Отъ полей кровавой битвы—III. 245.—Тутъ-же—Не дай мнѣ Богъ...—III. 351.—Отличія отъ печатнаго: шестой куплетъ переставленъ вмѣсто пятаго, въ пятомъ первый стихъ: И силенъ, воленъ былъ-бы я.

10) Два почтовыхъ листа большого формата, [4 листа]; водяной знакъ—1830. Цифры: 10, 10. Первая страница заглавіе:

Осемъ.
(Отрывокъ ⁴).
1833.
Болдино.

—II. 278.

11) Поль-листа, сложенные въ четверку—[2 листа]. Цифры: 12, 12 и 12, 39.—Лицейская годовщина 1831.—III. 202. Поправки какъ въ печатномъ; только въ 4-й строфѣ послѣдняя строчка: И надо всѣми мы рыдали; въ 5-й строфѣ, стихъ шестой: Пировъ и гор-

⁴) Скобки Пушкина.

дыхъ помышлений,—а сверху карандашная поправка: чистыхъ. —
Заключительная строфа. — Помѣта: 19 окт. 1831; и подпись А. П.—
На 39^о карандашомъ записанъ адресъ: У Знаменскаго моста, въ домѣ
купца Гусева, столяръ Бѣляевъ.

12) Синей почтовой бумаги полъ листа; сложено вдвое—2 листа.
Цифры—13, 13 и 13, 38.

...Вновь я посѣтилъ...

и т. д., до: И обо мнѣ вспомнеть.—III. 404—406. Поправки и отличія:

—Вотъ опальный домикъ...

Далѣе:

Зеленая семья кругомъ тѣснится.

— Помѣта: 26-го Сентября 1833. [NB. Ср. 2384, 30₂, гдѣ по
содержанію тетради пьесу тоже слѣдуетъ отнести къ 1833 г.].

13) Почтовый листъ большаго формата и приклеенная узкая полоса,
оторванная отъ письма какого-то «раба» Калашникова. — [Всего 3
листа]—Кто изъ боговъ мнѣ возвратилъ.—III. 394,—поправки, какъ
въ печатномъ.—Тутъ же: Maria Schonning et Anna Harlin; jugées en
1787 à Nürenberg—IV. 442—444.

14) Полъ-листа сложенные: 2 листа. Цифры—18, 18 и 18, 33.—
«Анна Г. къ Марьи Ш.» 25 апр. W.—IV. 444—445. Впервые на-
печатанъ по смерти Пушкина, но не вездѣ точно. Оставляя въ сторонѣ
мелкія неточности, приведу приписку, совершенно пропущенную изда-
телями: (Каролина Герцъ), мать нашего пастора, совѣтуетъ ему упо-
треблять вмѣсто чаю красный без, цвѣтокъ очень обыкновенный.
Я отыскала и латинское его названіе; всякій аптекарь тебѣ укажетъ его.

15) Большой почтовый листъ, водяной знакъ: 1832. — Цифры: 19,
19 и 19, 32, и приклеенная восьмушка, — 3 листа. Въ 32 листѣ
сверху край обрѣзанъ.—Марья Ш. къ Аннѣ Г. 28 Апрѣля.—IV. 445.
Опять не вездѣ точно.

16) Полулистъ, сложенный вдвое. Цифры—20, 20 и красныя—20,
31.—2 листа.—Посмертные издатели напечатали два предшествовав-
шихъ письма, оставили въ сторонѣ еще третье письмо и отрывокъ изъ
той-же исторіи Маріи Шонингъ. Ни г. Анненковъ, ни г. Бартевевъ не
обратили вниманія на этотъ пропускъ.

Марія Ш. къ Аннѣ Г.

Милая Анна! Вчера пришелъ ко мнѣ чиновникъ и объявилъ, что
все имѣніе покойнаго отца моего должно продаваться съ публичнаго
торгу въ пользу городской казны за то, что онъ былъ обложенъ не
по состоянію и что по описи имѣнія оказался онъ гораздо богаче, не-
жели думали. Я тутъ ничего не понимаю. Въ послѣднее время мы

очень много тратила на лѣкарство, у меня всего на расходъ осталось 23 таллера. Я показала ихъ чиновникамъ, которые однакожь сказали, чтобъ я деньги эти взяла себѣ, потому что законъ ихъ не требуетъ. Домъ нашъ будетъ продаваться на будущей недѣлѣ, и я не знаю, куда мнѣ дѣться. Я ходила къ г. Бургмейстеру,—онъ принялъ меня хорошо, но на мои просьбы отвѣчалъ, что онъ ничего не можетъ для меня сдѣлать. Не знаю, куда мнѣ опредѣлиться. Если нужна тебѣ служанка, то напиши мнѣ; ты знаешь, что я могу тебѣ помогать въ хозяйствѣ и въ руководѣнн, а сверхъ того буду смотрѣть за дѣтьми и за Франкомъ, если онъ занеможетъ. За больными ходить я научилась. Пожалуйста, напиши, нуждали я тебѣ. Я увѣрена, что отношенія наши не мало не перемянутся, и что ты будешь для меня все та-же добрая и снисходительная подруга.

17) Почтовый листъ большаго формата—[2 листа]. Цифры — 21, 21 и красныя 21, 30. Упомянутый отрывокъ изъ исторіи Маріи Шоннингъ, доселѣ не напечатанный; онъ служитъ какъ-бы непосредственнымъ продолженіемъ предыдущаго письма Маріи.

«Домикъ стараго Шоннига полонъ былъ народу. Толпа тѣснилась около стола, за которымъ предсѣдательствовала оцѣнщики. Онъ кричалъ: байковый камзолъ съ мѣдными пуговицами ** [столько-то]. Разъ, два... Никто болѣе—байковый камзолъ **—три. Камзолъ перешелъ въ руки новаго своего владѣльца.

Покупщики осматривали съ хулой и любопытствомъ вещи, выставленныя на торгъ. Фрау Ротберхъ разсматривала черное бѣлье, невымытое послѣ смерти Шоннига; она теребила его, отряхивала и повторяла: дрянъ, ветошь, лохмотья, и надбавляла по грошамъ. Трактирщикъ Гирцъ купилъ двѣ серебряныя ложки, полъ дюжины салфетокъ и двѣ фарфоровыя чашки. Кровать, на которой умеръ Шоннингъ, куплена была Каролиной Шмидтъ, дѣвушкой сильно нарумяненной, виду скромнаго и смиреннаго [sic].

Марія, блѣдная какъ тѣнь стояла тутъ-же, смотря на расхищеніе бѣднаго своего имущества. Она держала въ рукѣ ** талеровъ, готовясь купить чтонибудь, и не имѣла духа перебивать добычу у покупателейъ.

Народъ выходилъ, унося прибрѣтенное. Оставались непроданными два портрета въ рамкахъ, нѣкогда вызолоченныхъ, засиженныхъ мухами. На одномъ изображенъ былъ Шоннингъ, молодымъ человѣкомъ въ красномъ кафтанѣ, на другомъ Христина, жена его, съ собачкою на рукахъ. Оба портрета были нарисованы рѣзко и ярко. Гирцъ хотѣлъ купить и ихъ, чтобы повѣсить въ угольной комнатѣ своего трактира, потому что стѣны были слишкомъ голы. Портреты оцѣнены были въ **. Гирцъ вынулъ кошелекъ.

Въ это время Марія превозмогла свою робость и дрожащимъ голосомъ надбавляла цѣну. Гирцъ бросилъ на нее презрительный взглядъ

и началъ торговаться. Мало по малу цѣна возросла до ***. Марія дала наконецъ ***, Герцъ отступился, и портреты остались за нею. Она отдала деньги, остальные спратала въ карманъ, взяла портреты и вышла изъ дому, не дождавшись конца аукціона.

Когда Марія вышла на улицу съ портретомъ въ каждой рукѣ, она остановилась въ недоумѣнн; куда ей было идти?...

Молодой человекъ въ золотыхъ очкахъ, (одѣтый съ нѣкоторою странностию, подошелъ къ ней и очень вѣжливо вызвался отнести портреты, куда ей будетъ угодно.

— Я очень вамъ благодарна... я право не знаю... И Марія думала, куда бы ей отнести портреты покажеть она сама безъ мѣста.

Молодой человекъ дождался нѣсколько секундъ и пошелъ своею дорогою, а Марія рѣшилась нести портреты къ лѣкарю Кельцу...

18) Два листа почтовой бумаги большаго формата, одинъ въ другомъ. Цифры карандашныя: 1, 2, 3, 4;—красныя: 22, 23, 28, 29.— [4 листа].—Черновой отрывокъ изъ «Мыслей на дорогѣ», изъ описанія Москвы—V. 196.—На 29, программа:

Что была Москва?

Мнѣнiе Екатерины.

Что Москва теперь?

Отчего сіе происходитъ?

Чѣмъ Москва еще держится?

Что изъ нея будетъ?

Сравненіе Москвы съ Боярствомъ.

(Литература). Московскій Университетъ.

Горе отъ Ума.

—Рисунки: лицо, летучія мыши.

19) Почтовый листъ большаго формата. Цифры: 2, 2, красныя—2, 50. Ненапечатанная замѣтка объ азбукѣ:—Буквы, составляющія славянскую азбуку, не представляютъ никакого смысла. Азъ, буки, вѣди глаголь, добро етс., суть отдѣльныя слова, выбранныя для начальнаго ихъ звука. У насъ Грамотинъ первый, кажется, вздумалъ составить Апофеегмы изъ нашей азбуки. Онъ пишетъ: первоначальное значеніе буквъ, вѣроятно, было слѣдующее; Азъ Букъ (или Бугъ!)¹⁾ вѣдю, т. е. я Бога вѣдаю (!), глаголю добро есть; живетъ на землѣ, кто и какъ люди мыслить; нашъ онъ покой рцу. Слово (Дѣуо;) твержу... (и прочая, говоритъ Грамотинъ); вѣроятно, что въ прочемъ не могъ уже найти никакого смысла. Какъ это все натянуто! Мнѣ гораздо болѣе нравится трагедія, составленная изъ азбуки французской. Вотъ она:

¹⁾ Скобки эти и дальше во всей замѣткѣ—Пушкина.

ЕНО ЕТ ІКАËЛ.

Tragedie.

Personnages:

Le prince Eno.

La prince Ikaël, amante de prince Eno.

L'abbé Pécu, rival de prince Eno.

Ixe

Igreç } garde du Prince Eno.

Zede }

Scène unique:

Le prince Eno, la princesse Ikaël, l'abbé Pécu, Gardes.

ЕНО.

Abbé! cedez...

L'ABBÉ.

Eh! f...

ЕНО (mettant la main sur sa hache d'arme).

J'ai hache!

ІКАËЛ (se jetant dans les bras d'Eno).

Ikaël aime Eno (ils s'embrassent avec tendresse).

ЕНО (se retournant vivement).

Пéчу est resté? Ixe, Igreç, Zede! prenez m-r l'Abbé et jetter le par les fenaitres.

20) Листъ въ четыре страницы; цифры: 1,1 и красныя: 1,51.— [2 листа]. Замѣтки о принадлежностяхъ и приемахъ соколиной охоты [V. 138]. Г. Анненковъ напечаталъ только часть этихъ замѣтокъ и притомъ не вполне точно. [Мат., 255]. Выписываю все подрядъ.

Семеновской потѣшной дворъ.

Свѣтлица для выдерживанія птицъ.

Челигъ—самецъ, дикомыть—самка.

Оленья перчатка.

Обносцы—ремешки оленья съ краснымъ сукномъ.

Кречеть больше и сѣрѣ сокола. Соколъ посизѣе.

Дѣлжникъ—въ два аршина ремень сыромятный.

Вабиль, свабило—гусинныя крылья съ сырмъ мясомъ для вабки.

Шѣлгачъ—мѣшокъ для живой птицы, [на ремнѣ].

Пущенная птица—для обученія сокола.

Дербинички напускають попарну — одинъ снизу, другой сверху (дермички) ¹⁾.

Колокольчикъ привязанъ къ ногѣ, коли соколъ отбудеть, го начинается чесаться etc.

Дермички съ кречетомъ, копчикъ съ соколомъ.

Вертульжъ желѣзный—на чемъ вертится вабило.

Помички—ловчие крестьяне.

Стулъ—гдѣ сначала сидятъ кречеты.

Талубасы—родъ барабана для пуганья птицъ.

Помцы
Тайникъ } сѣти.

Съ благовѣщенія ²⁾ ихъ поднимають, т. е. на руки берутъ, до Петрова дня (учать). Учатъ сокола, заструнивъ носъ воронѣ. Соколъ бьетъ ее когтями, за голову носомъ глотку— добудеть—(грачей, галокъ, воронъ, голубей, утку).

Вечеровое поле.

Зарьяль, зарьяель—отъ зноя утомился.

Юрчакъ—конвульція, корчъ—болѣзнь сокола.

Чины: Ястребникъ.

Сокольникъ—унт. оф.

Кречетникъ.

Начальники: Статейничій, главный.

Подъ-статейничій.

Секрет.: Расходчикъ.

—На 51, Е. Тимое. Посолской 788.

Подолской.

21) Поля пищаго листа. Черными чернилами: 39. Былъ сложенъ вдвое, то что—2 листа.—Чернякъ изъ Полтавы,—факсимиле въ Материалъ г. Анненкова.

22) Синій полулистъ почтового малаго формата—[1 листъ], безъ нумера. Ненапечатанныя замѣтки о Камчаткѣ, отчасти программа, отчасти начало статьи.

Сибирь уже была покорена. Прикащики услышали о Камчаткѣ и...

Описание Камчатки.

Жители оной.

Федоръ Ночевщикъ.

Атласовъ, завоеватель Камчатки.

¹⁾ Свобки Пушкина.

²⁾ Все послѣдующее пропущено г. Анненковымъ.

Завоеваніе Сибири совершилось постепенно. Уже всё, отъ Лены до Алдари, рѣки, впадающія въ Ледовитое море, были открыты казачами, и дикія племена, живущія на ихъ берегахъ или кочующія по тундрамъ сѣвернымъ, были уже покорены смѣлыми сподвижниками Ермака. Явились смѣльчаки, сквозь неимовѣрныя препятствія и опасности, устремившіеся посреди враждебныхъ и дикихъ племень, приводили [ихъ] подъ высокую царскую руку, налагали на нихъ ясаки и безстрашно селились между ними въ своихъ мелкихъ острожкахъ.

23) Небольшой обрывокъ, кр. цифра 8.—1 листъ.—Отрывокъ изъ Каменнаго гостя; монологъ Донъ-Жуана, недостающій въ текстѣ пьесы— № 2376.

Не правда-ли онъ былъ описанъ вамъ...

и т. д.—П. 360 и 425.

В. Вторая тетрадь, оборванная, безъ начала 10 листовъ. Вся по французски.—Замѣтки изъ исторіи Франціи до 1355 г.; затѣмъ выписки изъ *Journal des Debats*, 1 juillet 1831 и изъ *Journal de France*, 5 juillet 1831. Въ концѣ слѣдующая выписка изъ В. Constant: *La pairie est un corps qui le peuple n'a pas le droit d'elire et que le gouvernement n'a pas le droit de dissoudre.*

В. Третья тетрадь, отдѣльные листы разныхъ форматомъ; всёхъ листовъ 74, изъ нихъ 5 нумерованныхъ. Водяные знаки [не вездѣ]: 1830, 1831, 1834.—Table talk. Почти все напечатано, большею частью въ отдѣлѣ анекдотовъ, но тутъ-же есть и напечатанное въ отдѣлѣ «Мысли и Замѣчанія», а также замѣтки о Шекспирѣ— V. 190.—Оставляю въ сторонѣ мекія отличія отъ печатнаго текста.

Дополненія: ...Глупецъ восхищается романомъ Дюкре-Дюмениля или исторіей г. Полевого, и на него смотреть...—V. 51 л. 5.—За анекдотомъ XII, стр. 314 слѣдуетъ: Раевскій говорилъ объ одномъ маюрѣ, жившемъ у него въ управителяхъ, что онъ былъ заслуженный офицеръ, отставленный за отличія съ мундиромъ безъ штановъ [л. 40].—При анекдотахъ I, XXII и XXV замѣчено: «Сл. отъ кн. А. Н. Г.» [л. 29, 46, 45]; при анекдотѣ IV—: «сл. отъ К. К. О. Долг.» [л. 34]; при анекдотахъ II и V—: «сл. отъ гр. Вельг.» [л. 37 и 38].—При анекдотѣ V помѣта: июнь 1836; при рассказѣ о Дуровѣ: 3 окт 1833 [л. 42—44].

В. Е. Ямушинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПОЭТЪ-КРЕСТЬЯНИНЪ СПИРИДОНЪ ДРОЖЖИНЪ

ВЪ ЕГО ВОСПОМНАНІЯХЪ

1848—1884 гг.

IV.

Поэзія и трудъ.

1865—1869 гг.

Все почти получаемое мною жалованье я теперь употреблялъ на покупку книгъ и въ свободное время дня и ночи еще усерднѣе продолжалъ ими заниматься, думая этимъ способомъ пополнить болѣе чѣмъ скудное свое ученіе у дьячка и быть хотя чѣмъ нибудь полезнымъ какъ для себя, такъ и для общества.

Моею завѣтною мечтою въ то время было сдѣлаться народнымъ учителемъ, навсегда поселиться въ деревнѣ и обучать грамотѣ крестьянскихъ ребятишекъ. Зимой 1865 года однимъ вечеромъ, по окончаніи торговли, придя на квартиру хозяина на ночлегъ, я увидѣлъ прелестную темноглазую дѣвочку лѣтъ тринадцати; она сразу приковала къ себѣ мое вниманіе своимъ по-дѣтски задумчивымъ, но необыкновенно умнымъ и симпатичнымъ личикомъ. Мы тутъ же скоро познакомились и сдѣлались друзьями. Маша, какъ звали эту дѣвочку, была племянница хозяйской служанки и дочерью отъ первой жены одного петербургскаго мѣщанина, артельщика Михаила Балкашина. Она была, какъ я узналъ впоследствии, обучена грамотѣ и глубоко несчастлива. Мачиха ее била и ненавидѣла. Я привязался къ этому бѣдному ребенку всею силою души, какая можетъ только проявиться у семнадцати-лѣтняго юноши-идеалиста, и съ 1866 года написалъ и посвятилъ ей множество своихъ стихотвореній.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1884 г., т. XLIII, сентябрь, стр. 503—522.

Въ этомъ же году, не довольствуясь чтеніемъ уже пріобрѣтенныхъ мною книгъ, я подписался въ бібліотеку. И въ первый разъ, съ понятнымъ увлеченіемъ, прочиталъ въ изданіи Анненкова стихотворенія А. С. Пушкина, чтеніе которыхъ такъ сильно на меня повліяло, что однажды, поссорившись изъ-за какихъ-то пустяковъ съ мальчикомъ Александромъ, жившимъ въ ту пору со мною у одного хозяина, я написалъ на него экспромтомъ слѣдующую эпиграмму:

Какъ ты смѣшонъ мой милый другъ,
 Когда меня ругаешь вслухъ;
 Еще смѣшнѣе, когда сидишь,
 И какъ болванъ какой молчишь.

Эпиграмма произвела на мальчика желаемое дѣйствіе, онъ обидѣлся, и я съ этихъ поръ, какъ только нашелъ въ себѣ способность въ стихотворной формѣ выражать свои сокровенныя думы, уже не покидалъ своего занятія стихотворствомъ, чему не мало способствовало тогда до болѣзненности развитое воображеніе и еще болѣе — страстная, съ каждымъ днемъ развивающаяся, привязанность къ дѣвушкѣ, съ которою я имѣлъ возможность видѣться только въ праздничные и воскресные дни. Другимъ моимъ ближайшимъ другомъ въ эту и послѣдующую пору былъ, моложе меня годомъ или двумя, фабричный ученикъ крошки на греческой машинкѣ табаку, Сократъ Васильевичъ Басковъ, царень, выдающійся умомъ, честностью и практичнымъ взглядомъ на жизнь. Практичнаго взгляда во мнѣ рѣшительно не было никакого п слѣда, за что не разъ и приходилось мнѣ жестоко расплачиваться.

Въ стихахъ, какъ въ первоначальныхъ опытахъ, такъ и послѣ, я никогда не насилывалъ своего чувства; они ложились на бумагу прямо изъ глубоко чѣмъ нибудь потрясенной души или творческаго воображенія, и не стѣснялся для выраженія ихъ ни мѣстомъ, ни временемъ. Имѣя постоянно при себѣ памятную книжку и карандашъ, я часто записывалъ приходившія на умъ строфы какого нибудь стихотворенія на улицѣ во время праздничныхъ прогулокъ, или при отправкѣ изъ магазина товара, сидя на ломовомъ извозчикѣ; а въ промежуткѣ самой торговли въ магазинѣ читалъ и писалъ, пристроившись на ящикѣ между шкапами и стѣной, при копотномъ свѣтѣ днемъ и вечеромъ керосиноваго ночника; а ночью—въ своемъ чуланѣ.

Свой взглядъ на поэзію въ то время я выразилъ такъ:

Нѣтъ, мнѣ не весело ничуть,
 Когда въ измученную грудь
 Нисходитъ на мгновенье
 Святое вдохновенье.

Сжигаетъ мой пылливый умъ
 Огнемъ завѣтныхъ горькихъ думъ
 Иль пѣсней свободной
 Съ молитвою народной;
 Они звучатъ въ устахъ моихъ,
 И каждый звукъ и каждый стихъ,
 Души моей созданье,
 Приносятъ мнѣ страданье.
 Таковъ удѣлъ поэту данъ:
 Бушуетъ жизни океанъ,
 А ояъ отваги полныи
 Въ ея стремится волны.

Съ 10-го мая 1867 года я по временамъ началъ вести свой дневникъ, изъ котораго буду мѣстами приводить только то, что всего болѣе выражаетъ собою проявленіе моей внутренней жизни и самодѣятельности.

20-го мая 1867 г. Утромъ прочитывалъ записки А. С. Пушкина.

22 мая. Получилъ изъ деревни письмо. Отецъ просить денегъ, а ихъ нѣтъ. Третій вечеръ передъ сномъ грядущимъ занимаюсь рисованіемъ на большомъ картонѣ карандашемъ головки молодой дѣвушки. Кончилъ ее въ часъ пополудни, и, полюбовавшись на свое созданіе, погасилъ свѣчку.

24 мая. Переписывалъ свои черновыя тетради и набросалъ нѣсколько новыхъ стихотвореній.

26 мая. Сегодня по всему городу разнеслась вѣсть о покушеніи на жизнь Государя Императора въ Парижѣ, но Царь царствующихъ сохранилъ драгоцѣнную жизнь нашего Освободителя и народъ русскій за его спасеніе теперь усердно молятся предъ престоломъ Всевышняго.

Вечеромъ городъ былъ роскошно иллюминированъ газомъ и шкаликами. По Невскому и Большой Морской были разставлены оркестры военной музыки. Густая толпа народа покрывала Дворцовую площадь и улицы, оглашая ихъ несмолкаемыми восторженными криками.

27 мая. Читалъ первую часть романа Достоевскаго «Униженные и оскорбленные».

26 іюня. Кончилъ чтеніе книги «Моя Герой и Героини», и прочитываю романъ Толля «Трудъ и Капиталь», въ которомъ авторъ разбираетъ фабричную промышленность и указываетъ на нѣкоторыя незажившія болячки и раны человѣчества.

30-го іюня. У Глазунова купилъ стихотворенія А. В. Кольцова, и теперь читаю статью о его жизни и сочиненіяхъ, написанную Бѣлинскимъ. Библіотека моя пополнилась еще не прочитаннымъ мною поѣ-

томъ, и слава Богу! Только жаль, что мало остается у меня свободного отъ работы времени для ея чтенія.

2-го іюля. Въ «Современникѣ» 1853 г. читаю статью Д. Израэли: «Литературный характеръ или Исторія генія». Статья—богатая примѣрами изъ жизни великихъ людей; читается мной съ увлеченіемъ.

4-го іюля. Записываю въ отдѣльную тетрадь первые опыты моихъ стихотвореній, въ которую вошло стихотвореніе въ исправленномъ видѣ, написанное мною въ 1865 году.

9-го іюля. При разговорѣ съ однимъ студентомъ С.-Петербургскаго университета, я его спросилъ: «когда вы будете профессоромъ, г. N?» На это онъ мнѣ только улыбнулся и отвѣтилъ: «тогда, когда вы будете студентомъ». Ахъ, какъ-бы я, въ самомъ дѣлѣ, желалъ учиться и сдѣлаться студентомъ, а потомъ учителемъ! подумалъ я. Но храмъ науки для меня навсегда закрытъ, мнѣ нужно работать, и главное — быть матеріальной поддержкой своему бѣдному семейству.

19-го іюля. Сегодня по службѣ я долженъ былъ быть на посылкахъ и пѣлый день ходилъ подъ дождемъ, страшно продрогъ въ своемъ короткомъ пальтишкѣ. Вечеромъ у Обухова моста подошелъ ко мнѣ какой-то бѣднякъ и попросилъ Христа-ради. Но самъ, не имѣя ни гроша въ карманѣ, поневолѣ долженъ былъ отказать бѣдному человѣку, отчего душу мою вдругъ охватила какая-то щемящая тоска и я, поздно возвратившись домой, не могъ уже ничего ни писать, ни читать; образъ этого несчастнаго меня преслѣдовалъ до тѣхъ поръ, пока я не забылся сномъ.

20-го іюля. Читаю въ томъ-же «Современникѣ» 1853 г. статью: «Шиллеръ и его переписка съ друзьями»,—этакая благородная и святая личность!

25-го іюля. Въ послѣдніе дни я такъ занятъ службой, что не могъ взять въ руки пера, а дивные образы даже во снѣ не даютъ покоя, всегда представляются моему воображенію, которое совсѣмъ не ладитъ съ повседневною прозаическою жизнію. Отъ чтенія-же «переписки Шиллера» никакъ не могу оторваться.

23-го августа. Продолжать свой «дневникъ» просто совсѣмъ не нахожу никакъ времени. Читаю урывками недавно приобретенную мною книгу Самуила Смайлса: «Самодѣтельность», 3-е издание 1867 г. Написалъ нѣсколько новыхъ пѣсень. А прошлую ночь видѣлъ сонъ, будто-бы вхожу я въ какую-то уединенную избушку и вижу въ ней прекрасную, бѣдно, но чисто одѣтую, съ распущенными волосами, незнакомую дѣвушку. Она меня встрѣтила на порогѣ съ веселой и ласковой улыбкой и, крѣпко пожавъ мнѣ протянутую руку, сдѣлала какое-то

порученіе, послѣ котораго я вышелъ изъ избушки и, проснувшись, подумалъ: ужь не эта-ли моя бѣдная русская муза?

31-го августа. Вечеромъ познакомился съ однимъ очень умнымъ молодымъ человѣкомъ караимомъ Моисеемъ Ильичемъ Казасъ. Онъ поступаетъ студентомъ въ университетъ. Мы долго съ нимъ говорили о литературѣ и исторіи. Я спрашивалъ его о порядкѣ поступления въ университетъ. Онъ, между прочимъ, совѣтывалъ непременно выучить мнѣ русскую исторію, въ которой я еще, къ стыду моему, такой профанъ.

3-го сентября. Въ «Русскомъ Словѣ» читаю критическій разборъ «Очерковъ Исторіи Русской Словесности и Искусства» Буслаева, который мнѣ подалъ мысль написать нѣсколько пѣсень, содержаніемъ которыхъ должны послужить мнѣ приводимые здѣсь отрывки изъ сербской народной поэзіи.

17-го сентября. Передъ обѣдомъ, придя на квартиру, прочиталъ Машѣ одно изъ недавно написанныхъ и посвященныхъ ей стихотвореній.

23-го сентября. Рассказывалъ также ей сказки, и читалъ въ I-мъ томѣ сочиненій Гейне рассказы Максимилиана къ большой Маріи.

29-го сентября. Былъ въ Маріинскомъ театрѣ и смотрѣлъ «Люцію» и «Валахскую невѣсту».

На этомъ мѣстѣ «дневникъ» обрывается.

Въ послѣдующее-же время моей жизни въ Петербургѣ я покупаю у Кожанчикова «Кобзарь» Т. Г. Шевченко. Ознакомившись посредствомъ его съ малороссійскимъ языкомъ, дѣлаю нѣсколько переводовъ. Прочитываю весь малороссійскій журналъ «Основа». Также хорошо знакомлюсь съ русской и всеобщей литературой, бываю въ обществѣ студентовъ университета и академій, которые большею частію собираются у насъ на квартирѣ или въ магазинѣ. Между ними бывалъ часто, нынѣ извѣстный художникъ, Архипъ Ивановичъ Куинджи, который еще однажды въ магазинѣ сдѣлалъ съ меня, въ нѣсколько минутъ, карандашный набросокъ портрета. Послѣ онъ дѣлалъ частыя экскурсіи по окрестностямъ Петербурга и рисовалъ съ натуры разные этюды. Я жадно прислушивался къ ихъ горячимъ спорамъ и разсужденіямъ о религіи, общественной жизни и литературѣ. Тутъ были и такъ называемые скептики, которыхъ смѣлыя и рѣзкія сужденія, дѣйствуя на мой молодой, еще не установившійся, умъ, колебали или совсѣмъ разрушали мои прежнія вѣрованія и убѣжденія и вмѣстѣ съ тѣмъ давали просторъ развитію во мнѣ личной самодѣятельности. Изъ множества стихотвореній, написанныхъ мною за время 1866—1868 гг., отмѣчу одно подъ заглавіемъ:

Забѣта матери.

Вечерь. Потемнѣли
Нивы и поля,
И надъ лѣсомъ ярко
Вспыхнула заря.

Тихо лѣсъ сосновый
На горѣ шумѣтъ,
Подъ горой деревня
Въ сумракѣ стоитъ.

На краю деревни
Полусгнившій домъ
Сквозь окно привѣтнымъ
Свѣтитса огнемъ.

Пусто, тихо въ домѣ,
Только лишь одна
Въ немъ вдова-старушка
Смотритъ изъ окна.

Молодую дочку
Ждетъ она домой
И сама качаетъ
Дражкой головой.

«Ничего не видно,
Ночью въ глазъ колыни,
Ну, какъ что случится,
Боже сохрани!

Врагъ снѣнъ,—и дѣву
Долго-ль обольстить,
Гдѣ-же мнѣ старухѣ
Старой услѣдить»....

И съ лицемъ старушка
Грустнымъ отъ заботъ,
Молча и крестясь,
Вышла изъ воротъ...

Вѣтеръ на берегахъ
Трогаетъ листья,
Звѣзды, словно очи,
Смотрять съ высоты.

Но въ деревнѣ тихо;
Улица пуста,
Только проскрипѣли
Гдѣ-то ворота ¹⁾.

¹⁾ „Грамотѣй“ 1874 г., № 2, стр. 39.

Съ 1-го января 1869 г. я снова принялся за прерванный мною «дневникъ» и, между прочимъ, записалъ въ немъ слѣдующее:

9-го января 1869 г. Сегодня, по обыкновенію, зашелъ къ старому знакомому книжнику, торгующему у Банковского мостика, и спросилъ нѣтъ-ли для меня чего нибудь новенькаго? Онъ показалъ мнѣ 12-й томъ сочиненій Вѣлинскаго и спросилъ за него 80 копѣекъ, а у меня въ карманѣ всего 45. Что дѣлать?.. Вѣлинскій, это нашъ великій и всеобщій учитель, на которомъ должно еще воспитываться юношество многихъ и многихъ поколѣній. Онъ также и мнѣ далъ значительную долю своего вдохновеннаго ученія.

10-го января. Ну вотъ, слава Богу, купилъ и 12-й томъ Вѣлинскаго!.. Я теперь миллионеръ!.. Пушкинъ, Лермонтовъ, Кольцовъ, Вѣлинскій, Языковъ, Веневитиновъ, Никитинъ, Шевченко, Некрасовъ, Шиллеръ, Гейне, Беранже и много другихъ, — это все мое, а еще, безумный, говорю, что я несчастливъ.

13-го февраля. Читалъ біографическій очеркъ Помяловскаго при его собраніи сочиненій изданія 1865 г. и очеркъ «Вуколъ». Необыкновенная судьба этого поэта и человѣка страшно меня заинтересовала. Непремѣнно нужно прочесть все собраніе его сочиненій. Онъ для меня и для моего пониманія вполнѣ доступный писатель, точно также, какъ Кольцовъ и Никитинъ. Въ 1866 году еще въ журналѣ «Современникъ» я читалъ его «Мѣщанское счастье» и до сихъ поръ хорошо помню героя этой повѣсти Молотова и его кисейную барышню, — все вѣдь это люди «нашего поля ягода».

15-го февраля. Купилъ стихотворенія И. С. Никитина, изданныя въ 1856 году графомъ Толстымъ. Здѣсь есть многія интересныя пѣсмы, не вошедшія въ имѣющееся у меня изданіе 1859 года. Вмѣстѣ съ нею купилъ «Теорію Словесности» Минина изд. 1867 г. Хозяинъ, замѣтивъ мою любовь къ чтенію, далъ мнѣ, помимо жалованья, 1 руб. сер. на книги.

16-го февраля. Читаю курсъ исторіи поэзіи Линниченко, изд. 2-е, 1861 года.

17-го февраля. Продолжаю читать курсъ поэзіи и сочиненія Вѣлинскаго. Но писать что нибудь совершенно не имѣю свободнаго времени.

19-го февраля. Купилъ сочиненія И. С. Тургенева, т. II, изд. Основскаго, 1861 г.

22-го февраля. Думаю писать прозой небольшія повѣсти и рассказы. Матеріаловъ много; не знаю какъ только съ ними справлюсь. Образы и мысли не даютъ мнѣ покоя. Герои рассказовъ должны быть изъ всего болѣе знакомой мнѣ среды мѣщанъ и крестьянъ.

25-го февраля. Сегодня купилъ у букиниста слѣдующія книги: 1) Чужбинскаго, Воспоминанія о Шевченко; 2) Сочиненія Бѣлинскаго, часть 10-ю; 3) Исторія русской литературы Петраченокъ; 4) Стихотворенія Некрасова, ч. 3-я, изданіе 1864 г.; 5) Сочиненія Д. И. Писарева, ч. 3-я, которую давно я хотѣлъ приобрести и прочесть, въ особенноти его статью «Пушкинъ и Бѣлинскій».

26-го февраля. Бромѣ вчера приобретенныхъ книгъ, сегодня купилъ 1-й томъ Пушкина, изд. Анненкова, «Очерки литературы древнихъ и новыхъ народовъ» Гарусова, и «Гамлетъ» и «Донъ-Кихотъ», мнѣніе о нихъ Тургенева.

14-го марта. Видѣлъ сонъ, какъ на яву, А. С. Пушкина и спросилъ его:—А что, А. С., вы читали критику Писарева, озаглавленную «Пушкинъ и Бѣлинскій?»—«Читалъ, да ну ихъ!» вротко и неохотно отвѣтилъ поэтъ и, уходя, прибавилъ: «Я тороплюсь, мнѣ еще нужно зайти къ своему издателю».

25-го марта. Когда я читалъ книгу «Учебная Теорія Словесности» Минина, въ магазинъ вошелъ студентъ К. и, увидя у меня эту книгу, сталъ смѣяться и говорить по-турецки съ другимъ студентомъ Д., вѣроятно такъ: «читаетъ, дескать, Теорію Словесности, а какого рожна оуъ въ ней понимаетъ, да и къ чему ему она; читалъ бы ужъ лучше романы и сказки».

28-го марта. Перечитываю «Мѣщанское счастье» Помяловскаго.

29-го марта. Дочиталъ «Мѣщанское счастье». Какъ мнѣ жаль этой «кисейной дѣвушки». А въ Молотова я положительно влюбился. Въ этомъ героѣ отразились всѣ недостатки и достоинства здороваго и честнаго труженика, который, не смотря ни на какія преграды, смѣло шелъ къ разъ и навсегда избранной имъ цѣли. А много должно быть такихъ Молотовыхъ на святой Руси! Также не мало и такихъ чернорабочихъ и честныхъ людей, которымъ приходится всю жизнь пробиваться сквозь жизненную грязь и тину. Такие бѣдные труженики также часто, не видя положительно исходной точки осуществленія своей цѣли, изнеможенные борьбою, падаютъ духомъ и безслѣдно умираютъ. Такихъ людей мы обыкновенно привыкли называть «безхарактерными».

2-го апрѣля. Скверная, братъ, наша жизнь,—говорилъ я другу моему Сократу, проходя съ нимъ по блестящему Невскому проспекту. И въ самомъ дѣлѣ, ужели эту жизнь, въ которой мнѣ приходится барахтаться, какъ глухому утенку въ грязномъ болотѣ, можно еще назвать жизнью, когда въ ней нѣтъ той минуты, которая-бы прошла безъ горя и думъ. Такъ ли она тяжело и мучительно двигается, моя бѣдная... Но и то сказать, не броситься-же изъ-за этого, съ первымъ

вскрытиемъ Невы, въ ея мутныя волны! Нужно жить, трудиться и терпѣть, а терпѣніе и любовь къ сознательному труду все превозможетъ. Не даромъ-же сказано: «терпи казакъ—атаманомъ будешь!» Ну, и будемъ терпѣть, авось кривая куда нибудь да вынесетъ.

Къ чему эти слезы съ тоской безотрадной
И думъ во мракѣ ночей,
Мнѣ нужно работать весь день безъустанно
Для родины милой моеѣ,
Пока я способенъ на каждое дѣло
И честно могу потрудиться;
Давайте работы! вѣдь грубое тѣло
Для жизни другой негодится.
Давайте работы! Здоровъ я и молодъ,
Въ борьбѣ, какъ булатъ, закаленъ;
Давайте мнѣ соху, лопату или молотъ,
Я съ дѣтства къ труду приученъ...

28-го іюня. Прочитываю въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1846 г. критику на стихотворенія Кольцова.

5-го іюля. Прочиталъ критическую статью Писарева «Нерѣшенный вопросъ».

14-го іюля. Сегодня въ 2 часа пополудни, по порученію приказчика, я пришелъ изъ магазина на фабрику съ требованіемъ табаку и въ ожиданіи, пока готовятъ товаръ, подошелъ къ своему тутъ-же работающему другу Сократу и сталъ съ нимъ разговаривать. Забѣдивъ это, управляющій фабрикой громко и сердито приказалъ мнѣ отойти отъ него, встать и дожидаться около двери, на что я не согласился и продолжалъ стоять на своемъ мѣстѣ; тогда управляющій подошелъ ко мнѣ и схватилъ меня за воротъ, что подало мнѣ поводъ надѣлать ему при всѣхъ рабочихъ фабрики разныя дерзости и отказаться отъ должности, за что онъ продержалъ меня на фабрикѣ подъ запоромъ до тѣхъ поръ, пока не стали совсѣмъ расходиться фабричные по домамъ.

16-го іюля. Очень любившій меня главный управляющій Іосифъ Самойловъчъ Шпаковский уговариваетъ просить прощеніе у управляющаго фабрикой и остаться; но я упорно стою на своемъ, порѣшивъ лучше голодать, чѣмъ просить прощенія у человѣка, котораго я давно ненавижу за его грубыя отношенія къ рабочимъ и въ особенности къ мальчикамъ, которыхъ онъ, за малѣйшую ихъ ошибку, то и знай одѣлаетъ грубыми толчками и подзатыльниками.

V.

Пора молодости

1869—1875 гг.

Я хорошо ознакамливаюсь съ всеобщей литературой и горячо предаюсь изученію памятниковъ народнаго творчества; самъ занимаюсь записываніемъ русскихъ сказокъ и пѣсень. Мнѣ больше всего теперь нравится, какъ въ старыхъ, такъ и современныхъ поэтахъ, реальность и искренняя теплота и задумчивость въ ихъ поэзіи.

Изъ русскихъ писателей съ особенною страстностью и увлеченіемъ читаю Тургенева, Писемскаго, Гончарова, Помяловскаго, Рѣшетникова, Глѣба Успенскаго, Некрасова, Полежаева, Огарева и въ особенности Кольцова и Никитина. Лермонтовымъ я зачитывался и ставилъ его поэзію выше всѣхъ, и даже самого Пушкина.

Оставшись безъ должности, я часто сталъ посѣщать Императорскую публичную библиотеку и въ августѣ 1869 г., почти изъ-за-хлѣба и квартиры, за 4 рубля въ мѣсяцъ, поступаю опять въ табачную лавку Н. С. Семенова, чтобы находиться при торговлѣ и разносить по разнымъ лавкамъ на головѣ громадныя наполненныя гильзами корзины. Проживя здѣсь до октября 1869-го года, я, на занятія подъ залогъ книгъ на дорогу деньги, отправляюсь въ деревню Низовку и, проживя въ ней до 30-го ноября, 1-го декабря возвращаюсь въ Петербургъ и 22-го числа снова поступаю, за тоже ничтожное вознагражденіе, въ табачную лавку Н. С. Семенова, гдѣ 10-го февраля 1870 года тяжело заболѣваю и отправляюсь въ больницу; здѣсь я пишу первыя главы своей небольшой поэмы «Дуняша».

Въ больницѣ я пробылъ до 16-го апрѣля 1870 г. Затѣмъ, не имѣя денегъ, по цѣлымъ днямъ брожу голодный и нервѣдко, крадучись отъ городскихъ, ночью на гранитныхъ спускахъ набережной Большой Невы, на Адмиралтейскомъ бульварѣ или въ Александровскомъ паркѣ, гдѣ однажды, проснувшись, я вдругъ, не смотря на свое горькое положеніе, такъ былъ восхищенъ картиною весенней природы, что немедленно написалъ въ свою памятную книжку слѣдующее:

Утро въ лѣсу.

Сквозь вѣтви чуть распустившейся липы
 Брызнули солнца лучи золотые
 И отразились въ душистыхъ листочкахъ,
 Унизанныхъ свѣтлой росой.
 Изъ порою прохладныхъ и мховъ изумрудныхъ,

Влажны крылья свои расправляя,
Вышелъ жучекъ и пестрая Божья коровка,
И мириады другихъ насѣкомыхъ.
Въ воздухѣ ясномъ, торжественнымъ хоромъ,
Чудныя пѣсни вокругъ зазвучали
Пташекъ залетныхъ и всюду, казалось,
Видно было присутствіе Бога ¹⁾.

Иные дни я просиживалъ за чтеніемъ въ Императорской публичной библиотекѣ и имѣлъ пріютъ и столъ на квартирѣ Сократа или въ портерной, тоже одного хорошаго друга Григорія Демидовича Твердова, который больше всего также снабжалъ меня, при крайности, въ долгъ нѣсколькими копѣйками. Наконецъ, я страшно обносился и, не видя другого выхода изъ своего нищенскаго положенія, 27-го мая 1870 года поступилъ на должность служителя въ помѣщающійся въ Апраксиномъ переулкѣ довольно грязный трактиръ «Эривань», откуда 9-го июля, по рекомендаціи одного стараго пріятеля С., опредѣлился на должность приказчика на Владимірскую улицу въ магазинъ игольчатыхъ газовыхъ свѣчей, системы Врадѣ, за 15 рублей въ мѣсяцъ, при чемъ полагался мнѣ готовый столъ и квартира. Я здѣсь, хотя и не надолго, но вздохнулъ свободно, о чемъ свидѣтельствуемъ продолженіе моего «Дневника».

11-го сентября 1870 года. Пользуясь послѣ 11-ти часовъ вечера полною свободою, пишу мои пѣсни и никому ихъ не показываю, кромѣ близкихъ друзей. Друзьямъ онѣ нравятся и часто переписываются и поются ими. Но печатать эти пѣсни еще немного надо подождать,—страшновато.

15-го сентября. Сижу одинъ въ своей комнатѣ и читаю безсмертнаго Шекспира, I-й томъ, изданіе Некрасова и Гербеля. Шекспиръ натолкнулъ меня на мысль писать драму изъ крестьянской жизни. Только напишу-ли, это вопросъ,—а попытка не шутка!...

20-го сентября. Написалъ нѣсколько пѣсень, начинаю и не оканчиваю поэмы; въ головѣ все это путается и мѣшается, воображеніе работаетъ. Является недовольство жизнью и самимъ собой. Что я, кто я, Боже мой,—какое это мучительное состояніе, чувствовать и сознавать себя какимъ-то ничтожествомъ!

29-го сентября. На бѣднаго Макара и шишки валяются; хозяинъ нѣмецъ на меня сердится и говорить, будто бы я неспособенъ къ торговлѣ, и то, и сѣ. Такъ вотъ со дня на день и ждешь, что въ горячую минуту я наплюю на этого нѣмца и убѣгу отъ него, куда глаза глядятъ, чортъ съ нимъ!

¹⁾ „Игрушечка“ 1882 г., № 10.

Здѣсь я получаю извѣстiе о смерти горячо любимаго мною дѣдушки Степана Степановича Дрожжина, послѣдовавшей 28-го октября 1870 г., а 6-го ноября рѣшаюсь послать по городской почтѣ, вмѣстѣ съ письмомъ на имя редактора «Иллюстрированной газеты» В. Р. Зотова, нѣсколько своихъ стихотворенiй, которыя вскорѣ послѣ того тѣмъ же путемъ получаю отъ него обратно съ слѣдующею его надписью:

«Стихи слабы, не выдержаны и не отдѣланы, и потому не могутъ быть напечатаны; но авторъ можетъ писать и впослѣдствii печатать, если будетъ избѣгать избитыхъ сюжетовъ и общихъ мѣстъ, а главное будетъ строже къ самому себѣ и тщательно будетъ отдѣлывать свои стихотворенiя. В. Зотовъ».

Получивъ такой отвѣтъ, я окончательно рѣшилъ не посылать для печати своихъ стихотворенiй и оставлять какъ прежнiя, такъ и имѣющiя быть написанными, пока при себѣ.

Вскорѣ ожидаемая мной катастрофа разразилась и я, съ двумя рублями и 45 копѣйками въ карманѣ, 5-го февраля 1871 года оставляю нѣмца-хозяина и нанимаю себѣ въ Кузнечномъ переулкѣ, у какового отставнаго солдата, на кухнѣ, за 1 руб. 25 коп. въ мѣсяцъ, уголь, при сожителствѣ 2-хъ дѣвицъ и ихъ старика-отца, занимающагося починкою старыхъ сапогъ, и одного убогаго нищаго, помѣщающагося на русской печкѣ. Кухня эта, съ комнатою самого квартирнаго хозяина и другихъ жильцовъ, находилась въ подвалѣ 2-хъ этажнаго мезонина; была съ маленькими грязными оконцами, выходящими на холодный свѣтлый коридоръ. По ея темнымъ, Богъ знаетъ когда оштукатуреннымъ, стѣнамъ видѣлась плесень и сырость, а у печки свободно копошились клопы и тараканы. Я отдалъ 1 рубль сереб. задатку и помѣстился у стѣнки между русской печкой и окнами, на кровати изъ гнилыхъ досокъ, кое-какъ прикрѣпленныхъ къ опрокинутымъ ящикамъ и покрытыхъ, взамѣнъ тюфяка, рогожею.

Возлѣ этой импровизованной кровати стоялъ небольшой столикъ и табуретъ. Здѣсь я совершалъ свою скудную трапезу, состоявшую изъ хлѣба и колбасы, а иногда лакомился и чаемъ. Тутъ же по вечерамъ читалъ или писалъ, а днемъ болѣею частью уходилъ заниматься въ Императорскую публичную библиотеку. Въ это трудное время не разъ мнѣ приходила мысль о самоубийствѣ, но я ободрялъ себя тѣмъ, что еще могу какъ нибудь выйти изъ этого положенiя и найду себѣ работу, хотя бы на фабрикѣ или заводѣ. Мѣсто мнѣ, наконецъ, представилось въ трактирѣ на Загородномъ проспектѣ, содержателемъ котораго былъ тотъ самый хозяинъ, что держалъ трактиръ въ Апраксиномъ переулкѣ. Къ нему я поступилъ 19-го апрѣля 1871 г. и отсюда продолжаю мой «Дневникъ».

3-го мая 1871 г. Я опять служащий въ трактирѣ, но что же дѣлать, — не мѣсто человѣка красить. Послѣ разныхъ грубыхъ письменныхъ нападокъ и требованій отца, я ему въ письмѣ, отъ сегодняшняго числа, отвѣчаю, между прочимъ, слѣдующее: «..... Не знаю, насколько васъ смущала и огорчала причина моего долгаго молчанія, а особенно ваше личное безпомощное положеніе въ нуждѣ, о которой вы мнѣ писали неоднократно, чему я душевно вѣрилъ и болѣлъ. Вы писали мнѣ о смерти моего добраго дѣдушки и о томъ, что пала послѣдняя, такъ необходимая вамъ, работница-лошадь. Все это, безъ сомнѣнія, васъ поражало глубокою скорбью и, къ довершенію всего этого, сынъ вашъ, несчастный сынъ, по вашимъ понятіямъ, сдѣлался негодяемъ, такимъ негодяемъ, которому угрожаетъ каждую минуту чуть не Сибирь и каторга. Въ силу такихъ понятій вы начинаете меня проклинать; а я, какъ бы уже чувствуя на себѣ гнетъ вашего проклятія, чуть не погибаю и только, благодаря своему желѣзному терпѣнію, остаюсь по прежнему живымъ и невредимымъ. Но мнѣ противна эта жизнь и эта столица, называемая Петербургомъ. Я хотѣлъ бы жить постоянно въ нашей Низовкѣ и работать тамъ какую-бы-то ни было работу. Мнѣ всего 22 года; я сдѣлался раздражителемъ, какъ старикъ, и самолюбивъ до безконечности. Ваши письма всегда меня только бѣсили и ожесточали. Я не стою такихъ писемъ; въ нихъ я вижу одну вашу грубую брань, да однѣ угрозы. «Пріѣзжай-де въ деревню, я тебя, голубчика, женю!» писали вы въ одномъ изъ писемъ. Эти и подобныя слова у меня до сихъ поръ остаются въ памяти, да едва-ли когда они и забудутся. Последнее письмо вы адресовали на имя дяди Ивана Кириловича Дрожжина. Но, къ вашему несчастію, онъ ничего не можетъ для меня сдѣлать ни добраго, ни худого. «Не покрыть хорошаго хорошимъ, ни худого худымъ». Напрасно вы его объ этомъ беспокоили, ибо въ моей волѣ быть и безъ его вѣшательства какъ хорошимъ, такъ и худымъ. Одинъ разъ навсегда скажу вамъ, что если я когда даже не буду имѣть куска насущнаго хлѣба, то и тогда лучше уморю себя голодомъ, чѣмъ отъ кого-бы-то ни было опозорю мою руку милостынею. Въ Петербургѣ нѣтъ родныхъ; имѣй я побольше денегъ или, по крайней мѣрѣ, хорошо обезпечивающее и постоянное мѣсто, то эти самые родные будутъ облизываться вокругъ меня какъ собаки. Въ нуждѣ же отъ нихъ, кромѣ равнодушія и даже презрѣнія къ себѣ, нечего и ждать. Пусть же, кому изъ нихъ угодно, бросаютъ въ меня грязью и осуждаютъ, какое мнѣ до этого дѣло!...»

1-го іюня. Хозяинъ, вслѣдствіе дурной торговли, закрылъ свой трактиръ и я, проживя у него 1 мѣсяць и 10 дней, опять остался безъ должности и, не имѣя средствъ, чтобы послѣ этого хоть какъ

нибудь продлить свое скучное существованіе, продалъ за 1 руб. 50 коп. подушку и одѣяно и заложилъ послѣднее пальто. Теперь благо лѣто, такъ могу ходить въ одномъ пиджакѣ.

Оставшись безъ должности, я продолжаю посѣщать Императорскую публичную бібліотеку и, не имѣя постоянной квартиры, опять ночую подъ открытымъ небомъ или изрѣдку у товарищей, а 10-го іюля поступаю на мѣсто въ одинъ изъ трактировъ на Васильевскомъ островѣ. Уже не новичекъ въ этой должности, я свыкъ съ ея грязной обстановкой и, прислуживая, дѣлалъ свои наблюденія, смотря на безшабашный разгулъ временныхъ и постоянныхъ посѣтителей трактира. Вотъ пьяные солдаты сидятъ за столомъ, на который, по ихъ требованію, я принесъ изъ буфета и поставилъ нѣсколько косушекъ или полуштофъ водки; они осиплымъ отъ пьянства голосомъ поютъ. Къ нимъ подходитъ нищая женщина, оборванная, грязная и сильно пропитанная алкоголемъ; они съ галантерейною развязностью усаживаютъ ее рядомъ съ собой и подносятъ стаканъ водки. Скоро она знакомится съ ними, обводитъ ихъ посоловѣлыми глазами и запѣваетъ пѣсню. Солдаты, развалившись на стулѣ, ее тискаютъ и цѣлуютъ въ губы. Эта отвратительная картина мнѣ невольно напоминаетъ кантату Роберта Борнса «Нищія», какъ извѣстно списанную имъ съ натуры:

Горланять и цагуются
И пѣсню, наконецъ.
Ореть нашъ молодець ¹⁾.

Послѣ ухода солдатъ, я взялъ перо и началъ было писать стихотвореніе, но другіе посѣтителы не дали мнѣ его окончить. Я второпяхъ сунулъ исписанный листъ подъ столъ и отправился къ буфету, откуда, возвратившись, увидѣлъ этотъ самый листъ въ рукахъ одного извозчика, который только что хотѣлъ употребить его на сигарки, чему я хотя и воспрепятствовалъ, но не могъ уже продолжать начатаго стихотворенія. Въ послѣдствіи, однако, въ 1882 году, уже въ качествѣ наблюдателя, разъ вечеромъ я зашелъ въ кабакъ и, возвратившись оттуда, написалъ слѣдующее, подобно прежде задуманному, стихотвореніе:

К а б а к ѣ .

Друзья мои, войдемъ въ кабакъ,
Наньемся мы родного зелья,
Въ немъ много пьянаго веселья,
Съ нимъ забывается бѣднякъ,
Смѣется, плачетъ, или трепакъ
Въ восторгѣ дикомъ начинается,

¹⁾ Переводъ П. И. Вейнберга.

Иль захватски запѣваетъ
Родную пѣсню, — вотъ она
Напѣвомъ пьянаго поется;
Со звономъ стьянница вина
Въ его стаканъ зеленый льется
И выпивается до дна.

На Руси же говорится:
Намъ веселье—пить,—гулить!
И напиться,—такъ напиться,
Чтобъ и лыка не вязать!!

Пьемъ же, пьемъ,—тоску злодѣйку
Мы свухомъ зальемъ
И дѣвицу чародѣйку
Поцѣлуемъ—обойдемъ...

Вотъ и она стоитъ у стойки,
И, устремляя мутный взоръ
Въ стаканъ рябиновой настойки,
Заводитъ съ милымъ разговоръ:

—Я баба пьяная одна,
Не говора худова слова,
Съ тобой за чаркою вина
Всю ночь бесѣдовать готова,
Еще огонь въ моей крови
Хмельною влагою пылаетъ,
А сердце ласки и любви
Отъ друга милаго желаетъ.

Какъ и ты,—въ лохмотья я
Грязнымъ одѣта.

Выпьемъ, что-ли? и твоя
Буду до разсвѣта.

Обниму тебя, дружка,
Такъ, что будетъ любо,
А за чарочку пока
Поцѣлую въ губы...

Пьетъ безалаанный и горе свое,
Тяжкое горе,—лѣхое жьтье
Водкой заливается
И послѣднее тряпье
Съ бабой пропивается...

Въ числѣ прочихъ посѣтителей трактира былъ граверъ Молво, страшный пьяница, съ которымъ я хорошо познакомился и котораго полюбилъ какъ художника и неглупаго, въ трезвомъ видѣ, человѣка, который мнѣ подарилъ на память, своей работы, нѣсколько картинъ изъ «священной исторіи ветхаго и новаго завѣта».

Отсюда я, 1-го ноября того же 1871-го года, возвратился на родину, гдѣ прожилъ всего 18 дней, и, не имѣя ни гроша денегъ, 19 ноября пѣш-

комъ, вмѣстѣ съ матерью, отправился въ Москву, до которой отъ нашей деревни считается около 130 верстъ. Въ это памятное для меня раннее утро лучина освѣтила нашу бѣдную избу. Дѣти (мои сестры и братишко), раскинувшись на разостланной на полу соломѣ, крѣпко еще спали; бабушка Анна затопляла хворостомъ печку; отецъ приготавлилъ для меня на дорогу чуни ¹⁾, чтобы я въ дорогѣ не могъ износить своихъ послѣднихъ выростовыхъ сапогъ.

Мать укладывала въ котомки разные необходимые пожитки, хлѣбъ и печеный картофель; книги же и нѣкоторыя свои тетради я уложилъ отъ всѣхъ урядкой самъ, въ виду того, что отецъ и мать занятія мои литературой всегда считали виною всѣхъ моихъ житейскихъ золъ и тревоженій.

Когда все было уложено, то мы всѣ четверо, присѣвъ на лавку, стали молиться Богу.

Мать, обратившись къ отцу, замѣтила, чтобы онъ благословилъ меня образомъ; отецъ сказалъ не надо и только поцѣловать. При прощаніи со мной бабушка только проговорила: «живи, дитятко, хорошенько, не забывай насъ», и заплакала.

Послѣ того мать вскинула свою котомку за плечи; я тоже послѣдовалъ ея примѣру и, взявъ въ руки толстую можжевелевую палку, слѣдомъ за нею вышелъ изъ избы.

Утро было тихое съ легкимъ морозцемъ, кое-гдѣ бѣлѣлъ недавно выпавшій и освѣщенный полнымъ мѣсяцемъ снѣгъ. Я покрестился на приходскую церковь и, выйдя на проселочную дорогу, сталъ съ замраніемъ сердца оглядываться на только что оставленную родную деревушку. Дорога сначала шла по крутому берегу рѣки Шоши, наконецъ мы дошли до деревни Безбородово и вступили на большую Московскую, гдѣ мнѣ какъ-то невольно пришли на память извѣстные стихи нашего поэта:

Большая дорога, прямая дорога,
Простору не мало взяла ты у Бога...

Миновали мы и Безбородово, а когда стало свѣтать, вступили въ большое село Завидово, чрезвычайно красиво расположенное и густо обсаженное березками. Выбравшись изъ этого села, мы поднялись въ гору; я оглянулся назадъ и оно открылось предо мной, какъ на ладони. Къ полудню сдѣлалась оттепель; снѣжокъ, котораго было не много, сталъ таять и мѣшаться съ грязью; чуни мои страшно намокли и стѣсняли меня двигаться, какъ кандалы. На пяткахъ чувствовалась уже жгучая боль мозолей. Мать шла въ теплыхъ сапогахъ, которые

¹⁾ Лапти, плетенные изъ пеньковыхъ веревокъ.

у ней тоже промокли. Скоро я былъ совершенно не въ силахъ тащиться дальше по этой смѣшанной съ снѣгомъ грязи и предложилъ своей родной спутницѣ отдохнуть, да кстати котѣлось и закусить. Мы сѣли на ступеньку какого-то сарая и, подерѣпивъ себя хлѣбомъ съ солью и картофелемъ, съ новыми силами стали продолжать свое путешествіе.

Чѣмъ дальше мы двигались къ Москвѣ, тѣмъ чаще намъ попадались такія бѣдныя, какъ мнѣ казалось сравнительно съ нашей, деревушки, что жалко было смотреть.

Къ вечеру мы пришли въ Кливъ. Это невыразимо грязный городишко, по которому разносился запахъ затхлой муки и дегтя. Въ немъ мнѣ особенно бросилось въ глаза неимоверное число кабаковъ и трактировъ. Въ концѣ города было расположено нѣсколько убогихъ деревянныхъ избъ. Подойдя къ одной изъ нихъ, я первый замѣтилъ бабу, несшую ведро воды, и спросился у ней переночевать. «А сколько, моя милая, будетъ стоить ночлежь-то?» спросила мать. «Да столько-же, сколько будетъ съ другихъ, извѣстно 2 копейки съ человѣка», бойко отвѣтила баба. Пока мать продолжала съ ней торговаться, я успѣшилъ войти въ указанную избу, гдѣ, скинувъ съ себя мокрую поддевку и положивъ въ головы пальто, съ наслажденіемъ растянулся на лавкѣ.

Утромъ, чѣмъ свѣтъ, мы отправились дальше. Погода по прежнему была отвратительная; сверху шелъ снѣгъ и дождь, а страшно переязбъ. День былъ воскресный, мы дошли до какой-то сельской церкви, и отстоявъ въ ней обѣдню, согрѣлись и отправились дальше. Наконецъ, послѣ трехдневнаго утомительнаго пути, пришли въ Москву.

Изъ небольшого числа стихотвореній, написанныхъ мной въ 1871-мъ году, до моего прихода въ первопрестольную столицу, привожу три, съ нѣкоторыми поправками противъ редакціи, напечатанныя въ нижеуказанныхъ журналахъ. Изъ нихъ третье «Пѣсня про горе добра-молодца» было первымъ моимъ стихотвореніемъ, появившимся въ печати.

I.

Неделѣтая пѣсня.

„Свѣту больше, свѣту“!
Гого.

Я пѣсню не новую всѣмъ пропою
Живущимъ въ нуждѣ и заботѣ;
Богъ въ помощь вамъ, братья, въ родимомъ краю
На всякой тяжелой работѣ!
Богъ въ помощь вамъ, братья! хранящимъ завѣтъ
И вѣру въ Христово ученье,
Да будетъ надъ вами Божественный свѣтъ,
Отъ мрака души избавленье.
Довольно вы въ жизни носили оковы

Въ борьбѣ съ безотрадной неволей,
 Да гибнетъ она въ отдаленнѣ вѣковъ
 И смѣнится лучшей долей.
 Стучите друзья,—и откроется вамъ,
 Ищите—и все обретется!
 Пускай, кто не вѣритъ бессмертнымъ словамъ,
 Какъ Петръ отъ Христа отречется.
 Вы можете только безумца жалѣть,
 Во краѣ оный свѣта не скроетъ...
 О, братья! Я пѣсню не въ снахъ допѣть,
 Пускай ее вѣтеръ дозоетъ ¹⁾.

II.

Родина.

Кругомъ поля раздольныя,
 Широкия поля;
 Болота не проходныя—
 Вотъ родина моя.
 Соломою покрытыя
 Избушки, огородъ,
 Ребята неумныя
 Играютъ у воротъ;
 Да лица изнуренныя
 Встрѣчаются порой,
 Въ работѣ истомленныя,
 Забитыя нуждой...
 А тамъ—село и Божій храмъ
 Привѣтливо глядитъ;
 За нимъ опять къ роднымъ полямъ
 Широкій путь лежитъ.
 Идешь, идешь, и въ даль небесъ
 Хотѣлось бы слетать,
 А впереди дремучій лѣсъ
 И неба не видать... ²⁾.

III.

Пѣсня про горе добра-мелодца.

Ахъ ты горе, горе горькое,
 Гдѣ ты, горе, зародился,
 Отчего въ избѣ крестьянина
 Въ темный уголъ пріютился?
 Не даешь ты воли-волюшки,
 Вяжешь крылья соколиныя,
 Заглушаешь на бесѣдушкѣ

¹⁾ „Восходъ“, еженедѣл. прил. 1863 г.

²⁾ „Грамоты“ 1875 г., № 2, стр. 59.

Рѣчи—пѣсни соловьиныя.
 Ахъ ты, горе, горе горькое,
 Ты слезами все облитое,
 Среди холода и голода
 Злой тоскою перевитое.
 Отъ тебя дѣваться некуда;
 Не поборошь тебя силою,
 Не разжалобишь покорностью
 И нуждою терпѣливою.

Ахъ ты, горюшко великое,
 Разудалый добрый молодець,
 Забубенная головушка,
 Беззаботный, горькій пьяница.
 Ужъ на что же ты, крестьянскій сынъ,
 Полагаешься—надѣешься,
 На поляхъ трава не кошена,
 Ворона, соха заброшена.
 Всѣ пожали рожь высокую,—
 На гумно свезли до осени,
 Днишъ твоя одна полоснышка
 Не пожата и не скошена.
 Какъ у всѣхъ-то изби крытия
 Новыиъ тѣсомъ или соломой,
 Уплатили люди добрые
 Всѣ повинности крестьянскія.
 А твоя изба отъ времени
 Вся сгнила и покачнулася,
 Хлѣба нѣтъ въ амбарѣ зернышка,
 Недоимки накопилися...
 Ужъ и всѣ-то люди добрые
 Въ Божій храмъ идутъ нарядные:
 Ты-жъ идешь, повура голову,
 На тебѣ шапченка рваная
 И худой кафтанъ съ заплатами,
 Изъ лаптей торчатъ онученьки,
 Все мочьями опутаны,
 Да и лыкомъ изукрашены.
 Выйдешь ты на сходку пьявенькій,
 Клоняишь голову повинную,
 Миръ гадить... а ты словечушка
 Имъ не выскажешь разумнаго...

Ахъ пропала твоя волюшка,
 Твоя сила непомиръная,
 Загубила добра молодца
 Любовь къ милой неизмѣнная,
 Что съ тобою въ лѣто жаркое
 Въ чистомъ полѣ повстрѣчалася,

На любовь твою отъѣзжа,
 А потомъ и насмѣялася.
 Безъ нее ты вѣдь, крестьянскій сынъ,
 Не имѣлъ тоски-заботушки,
 Не пилъ чары зелья пьянаго,
 Не зналъ усталы въ работушкѣ,
 Въ чужихъ людяхъ былъ почетный гость,
 Дома самъ-большой работничекъ,
 Былъ кормилецъ отца съ матерью
 И родной семьи помощничекъ.
 А теперь ты, добрый молодецъ,
 Словно самъ себя пугаешься,
 Какъ подъ вечеръ къ паловальнику
 По задворной пробираешься ¹⁾.

Въ Москвѣ я розыскалъ одного стараго петербургскаго друга, работающаго на табачной фабрикѣ Габая и, проживъ безъ должности у него на квартирѣ до 2-го января 1872 года, поступилъ за 8 рублей въ мѣсяць къ одной помѣщицѣ Софьѣ Павловнѣ Сикериной на должность лакея.

„Нужда научаетъ молиться“.

Такъ и я принужденъ былъ ею

Облечь себя въ лавейскую ливрею.

Живя здѣсь, 13 февраля я сильно простудился и пролежалъ 8 дней въ больницѣ. По выходѣ изъ больницы прожилъ у г-жи Сикериной до 1-го мая, а 4-го числа ѣздилъ на родину за новымъ паспортомъ и, возвратившись обратно, поступилъ на ту же должность къ ярославскому помѣщику Ивану Константиновичу Владыкину, въ отъѣздъ, въ его имѣніе, находящееся въ Романо-Борисоглѣбскомъ уѣздѣ, куда въ ночь на 25-е мая 1872 г. я и прѣхалъ.

Село Алексѣйцево (имѣніе г. Владыкина) отстоитъ въ 26 верстахъ отъ Ярославля. Это очень красивый деревенскій уголокъ, окруженный на большое пространство полями и лѣсомъ. Большой, старинной постройки, въ 2 этажа каменный домъ, съ примыкающимъ къ нему садомъ, обнесеннымъ деревянной рѣшеткой, тонулъ въ зелени липъ, березъ и душистой сирени. За нимъ видѣлася небольшая каменная церковь и кладбище. Передъ домомъ находился флигель, сарай и конюшни. По моему прѣѣздѣ семейство Владыкина состояло всего изъ 3-хъ членовъ: самого владѣльца, еще молодого человека лѣтъ 28, его сестры Варвары Константиновны, молодой, умной и весьма симпатич-

¹⁾ „Грамотѣй“, 1873 г., № 12.

ной барышни, и их старушки няни Анны Спиридоновны. Проживя нѣсколько дней въ имѣніи, Владыкинъ, въ сопровожденіи сестры и няни, уѣхалъ жениться на графинѣ Ольгѣ Ивановнѣ Головиной, а я на все время ихъ отсутствія остался въ Алексѣйцевѣ и, пользуясь полной свободой, писалъ стихотворенія, рылся въ старой библиотекѣ и дѣлалъ прогулки по полямъ и лѣсу. Вотъ дневникъ, веденный мною съ этого времени:

Съ прїѣздомъ И. К. Владыкина съ молодою супругою, сестрою и нянею домъ принялъ какой-то праздничный видъ.

20-го іюля 1872 г. Г. Владыкинъ, случайно узнавъ, что я пишу стихи, пожелалъ непременно ихъ прочесть сегодня въ присутствіи своей молодой супруги и сестры. Последняя, по окончаніи ихъ чтенія, подзвала меня къ себѣ и сказала: «въ вашихъ стихахъ такъ много красоты и удачныхъ выраженій, что, право, нѣкоторые изъ нихъ могутъ соперничать съ стихами Кольцова».

1 сентября. Въ село Алексѣйцево, съ нѣкотораго времени, часто сталъ наѣзжать одинъ небогатый помѣщикъ, лѣтъ 33-хъ, холостой, звали его Иваномъ Федоровичемъ Трушинскимъ. Онъ, какъ я узналъ, послѣ въ одной изъ московскихъ гостинницъ застрѣлился, и просилъ въ посмертномъ своемъ письмѣ г. Владыкина непременно похоронить его на кладбищѣ села Алексѣйцева. Этотъ человекъ былъ немного композиторъ и вмѣстѣ съ Варварой Константиновной игралъ въ двѣ руки на роялѣ. По его просьбѣ я переписалъ ему на память нѣсколько моихъ стихотвореній.

Одинъ разъ съ Трушинскимъ въ Алексѣйцево прїѣхалъ господинъ маленькаго роста, съ черными, коротко остриженными волосами и небольшими усиками. Это былъ Яковъ Ивановичъ Сычевъ, пишущій композиціи преимущественно на народныя русскія и малороссійскія пѣсни, которыя у любителей этого рода музыки уже пользовались нѣкоторою извѣстностью. Въ бытность свою онъ написалъ ноты на пѣсню «Золотой рыбки» изъ поэмы Лермонтова «Мцыри» и посвятилъ ихъ В. К. Владыкиной, музыкой и пѣніемъ которой я просто заслушивался.

Бромъ того, Я. И. Сычевъ написалъ для нея музыку на слова пѣсни Больцова:

Отъ чего, скажи,
Мой любимый серъ,
Почернѣлъ ты весь,
Что коса моя?

Музыку и пѣніе, которыя я слышалъ отъ Варвары Константиновны, были верхъ совершенства.

29 сентября. На этотъ разъ Трушинскій прїѣхалъ въ сопровож-

деня ярославскаго литератора Николая Николаевича Балкашина, который привезъ съ собою въ рукописи еще ненапечатанную свою комедию въ 5 дѣйствіяхъ подъ заглавіемъ: «Гнѣзда не совьютъ». Читалъ онъ ее въ присутствіи Владыкина, Варвары Константиновны и Трушинскаго. При этомъ чтеніи, по своему положенію (лакея), я быть не могъ, но слышалъ отзывъ о ней Владыкина, что комедія написана хорошо и личности, въ ней выведенныя, будто-бы еще здравствуютъ до сихъ поръ.

Вечеромъ я условился встрѣтиться въ саду съ одной красивой деревенской дѣвушкой, въ ожиданіи чего тотчасъ и написалъ слѣдующую серенаду:

Ночь ясна, съ небесъ глядится
Звѣздочка одна,
И по листьямъ серебрится
Полная луна.
На траву ложатся тѣни,
И блеститъ роса,
А въ кустахъ густой спрени
Дѣвица-краса
Тайно друга дожидаетъ
Въ полуночный часъ
И съ тропинки не спускаетъ
Лучезарныхъ глазъ.
Впереди шумятъ березы.
Навѣвають ей—
Сердцу радостныя грѣзы
О любви своей;
Сладость тайнаго свиданья
Позднею порой
И горячаго лобзанья
Пламень огневой.
Ахъ, приди, мой другъ прекрасный,
Поскорѣй прили,—
И уйми ты пламень страстный
Въ молодой груди!..

Свиданію моему съ дѣвушкой помѣшали, но «Серенада» Варварѣ Константиновнѣ Владыкиной и Трушинскому такъ понравилась, что послѣдній положилъ ее на музыку и она послѣ распѣвалась даже въ нѣкоторыхъ московскихъ гостинныхъ.

6 октября 1872 г. изъ Алексѣйцева я снова возвратился въ Москву, а 1-го ноября г. Владыкинымъ въ его квартирѣ на Остоженкѣ былъ устроенъ балъ и я, одѣтый во фракъ и бѣлый жилетъ, долженъ былъ прислуживать у стола. Въ числѣ прочихъ гостей находились его дядя князь Ширинскій-Шихматовъ съ супругой и молодая дочери его тещи графини Головиной, которыя, усѣвшись въ гостинной, читали взятую у

меня И. К. Владыкинымъ тетрадку пѣсенъ, а Варвара Константиновна, подъ акомпаниментъ рояля, пропѣла мою «серенаду». Гости отчасти, кажется, смотрѣли на меня какъ на диковинку, и я находился тогда въ крайне комическомъ положеніи лакея-стихотворца... Одна молоденькая графиня N, которой особенно понравилась только что пропѣтая Варварой Константиновной «серенада», тутъ-же попросила меня ее переписать, на что я, конечно, безпрекословно и согласился.

Теперь, прежде чѣмъ перейти къ послѣдующему описанію моей жизни, не лишнимъ считаю привести здѣсь одно изъ характернѣйшихъ моихъ стихотвореній этого (1872) года:

Я жилъ и только мучился,
 Да горе выносишь,
 Работалъ что есть моченьки
 До извуренья силъ.
 Кормилъ семью изряднул,
 Всегда платилъ оброкъ.
 Вдругъ что-то занеможился
 И я въ больницу легъ.
 Да шутка-ли! три мѣсяца
 Безъ малаго лежалъ
 И одному пріятелю
 Цѣлковый задолжалъ.
 А вышелъ изъ больницы я—
 Въ карманѣ ни гроша,
 На плечахъ аммуниція
 Куда нехороша;
 Пальтишко еле держится,
 Скривились сапоги.—
 И словно на смѣхъ вытѣзли
 Всѣ пальцы отъ ноги.
 Рубаха деревенская
 Сявозъ рубище видна,
 Фуражка на подобіе
 Огромнаго блина.
 И въ этомъ облаченіи
 Куда я могъ идти,
 Не хватить вѣдь терпѣнія
 По улицѣ пройти;
 Вѣдь всякій за мазурника
 Аль нищаго почтеть,
 А строгая полиція
 Въ участокъ отведеть.
 Такое положеніе,
 Хотъ просто волкомъ вой.

* * *

Однажды поздно вечеромъ
 Я шелъ по мостовой;
 А вѣтеръ дулъ безжалостно
 Въ дырявое пальто
 И человѣка бѣднаго
 Не ставилъ ни вочто.
 „Тебя дескать и надобно
 Голубчика пробрать,
 Что-бъ тѣло свое грѣшное
 Изволилъ прикрывать!“
 Отъ думъ на щеки блѣдныя
 Просилася слеза,
 Вдругъ выѣска „распивочно“
 Мнѣ бросилась въ глаза;
 Погрѣться не мѣшало-бы,
 Подумалось мнѣ,
 И я рукой дрожащею
 Ощупалъ портъ-моне,
 Въ которомъ оказалось
 Два мѣдныхъ пятака,
 Что взялъ на слово честное
 Вчера у земляка.
 Тогда, не долго думая,
 Я ускорилъ свой шагъ
 И въ эту ночь угрюмую
 Отправился въ кабакъ,
 Гдѣ вижу люди русскіе
 Очищенное пьютъ
 И пѣсни деревенскія
 Горланятъ и поютъ.
 Одинъ изъ нихъ съ гитарою,
 Съ пониженной головой,
 Нангрывалъ „По улицѣ
 Широкой мостовой“;
 Потомъ кудрями русыми
 Вдругъ молодецъ встряхнулъ,
 Ударилъ въ струны звонкія
 И грустно зативнулъ:

„Со кручинушки добрый-молодецъ
 Зашатался,
 А и съ той поры, какъ съ красавицей
 Распрощался.
 Охъ, нигдѣ, нигдѣ добру-молодцу
 Нѣтъ покоя,
 Отъ любви-тоски наболѣло все
 Ретивое!
 Кудри русые у молодчика
 Распустились,

Очи ясныя, соколиныя,
 Помутнились.
 Прошла молодость, безо времени
 Прокатилась,
 Красота моя молодецкая
 Извонилась.
 А въ деревнѣ жилъ добрый-молодецъ
 Безъ печали,
 А до той поры какъ красавицу
 Повѣнчали;
 Какъ свели съ двора въ нову горенку
 Молодую, —
 Я оставилъ домъ, свою родину
 Дорогую.
 Ни родная мать добра-молодца
 Провожала,
 Ни сестра меня разудалаго
 Цѣловала,
 А разлучника молода жена
 Выходила
 И украдкою черезъ темный лѣсъ
 Проводила, —
 Знать сердечушко у молодухи
 Защемило.
 И я съ той поры, какъ съ молодкою
 Разлучился,
 Словно травушка подкошенная
 Иссушился“.

* * *

Долго пѣли пѣсни разныя,
 Цѣловальникъ не зѣвалъ,
 И вино въ стаканы грязныя
 То и дѣло наливалъ.
 Приударилъ вновь дѣтнушка
 Въ струны звонкія рукой,
 И запѣя всѣ „Лучинушку“,
 Въ тактъ качая головой.
 Выпилъ я — и вдругъ забилася
 Злая горькая нужда
 И въ душѣ зашевелилася
 Жажда прежняя труда ‘).

Въ іюнѣ 1873 года я опять съ семействомъ И. К. Владыкина отпра-
 вился въ село Алексѣйцево, куда вмѣстѣ съ новой старушкой-
 няней, приставленной г. Владыкинымъ къ своему новорожденному сыну,

‘) См. „Грамотѣй“ 1874 г., № 2, стр. 56.

тоже прѣѣхала гостить и ея дочь, красивая съ большими голубыми глазами блондинка, довольно образованная дѣвушка лѣтъ 19. Я съ нею еще и прежде немного познакомился, когда она въ Москвѣ приходила къ матери, по прѣѣздѣ-же въ Алексѣйцево знакомство это укрѣпилось и мы, наконецъ, полюбили другъ друга.

Мать моей невѣсты была согласна на бракъ только въ томъ случаѣ, если я найду себѣ должность болѣе независимую и матеріально обезпечивающую; поэтому по прѣѣздѣ изъ Алексѣйцева въ Москву 14 октября я немедленно уволился отъ И. К. Владыкина и сталъ подыскивать себѣ должность по торговой или по письменной части; въ то же время, 17 октября 1873 г. я рѣшился отнести въ редакцію народнаго журнала «Грамотѣй» тетрадку своихъ стихотвореній, изъ которыхъ въ декабрьской книжкѣ этого журнала (1873 г.) и была напечатана «Пѣсня про горе добра-молодца».

Толкаясь въ Москвѣ, я долго искалъ должности помимо лакейской, къ которой никогда не имѣлъ ни призванія, ни охоты, въ чемъ, не безъ основанія, могъ убѣдиться и И. К. Владыкинъ, въ шутку говорившій мнѣ: «ты, братецъ, отличный человекъ, но какъ лакей, ни къ чорту не годишься». Наконецъ, 4 ноября, по рекомендаціи Алексѣя Васильевича Селиванова, я поступилъ было на должность секретаря къ князю Оболенскому, занимавшему, какъ мнѣ помнится, тогда должность прокурора Московскаго окружнаго суда. Но когда этотъ милый князь, по окончаніи моихъ письменныхъ занятій, вздумалъ каждый разъ превращать меня въ лакея, то я, проживъ у него около мѣсяца, и уволился. Невѣста моя жила на квартирѣ. Я изрѣдка ходилъ къ ней и приносилъ книги, но между нами не было уже прежней теплоты и искренности; дѣло въ томъ, что я, не видя впереди никакой перемѣны и улучшенія въ моей труженнической жизни, сталъ колебаться въ возможности счастья въ предполагаемомъ бракѣ; поэтому, когда я въ послѣдній разъ, совершенно случайно, встрѣтился съ нею на улицѣ, то она, взглянувъ на меня, горько улыбнулась и сказала: «васъ нынче просто нельзя узнать!»

— Да, отвѣтилъ я, — къ несчастію, я уже сталъ не тотъ, какими вы меня знали прежде.

Тогда-же въ Москву прѣѣхала моя матушка и требовала, чтобы я ѣхалъ съ нею въ деревню, на что я не согласился и рано утромъ, 8 декабря, украдкой отъ матери и почти ни съ кѣмъ не простясь, отправился снова искать счастья по желѣзной дорогѣ въ Петербургъ. Сидя уже въ вагонѣ, я поневолѣ запѣлъ написанную въ этомъ году свою любимую пѣсню:

Какъ листокъ оторванъ
 Съ вѣточки родимой,
 Бурею по волѣ
 По полю гонимый,—
 Такъ и я по свѣту
 Бѣлому скитаюсь,
 Не живу, а только,
 Горемичный, маюсь .
 Дни идутъ за днямъ,
 Годы за годами,
 Молодость проходить
 Съ свѣтлыми мечтами.
 Надо мною тучи,
 Бури да мятели,
 Отъ тоски-вручины
 Кудри посѣдѣли.
 Гибаетъ незамѣтно
 Сила и здоровье,
 Сердце не согрѣто
 Теплою любовью.
 Грустный, одинокій
 Въвѣ свой доживаю,
 Да про злое горе
 Пѣсни наивѣваю ¹⁾.

По приѣздѣ въ Петербургъ я опять поступилъ въ табачный магазинъ подручнымъ приказчика за 8 рублей въ мѣсяцъ и отсюда, когда въ февральской книжкѣ «Грамотѣя» 1874 г. было напечатано мое второе стихотвореніе «Пѣсня про солдата», я въ письмѣ отъ 9 апрѣля къ издателю г. Алябьеву просилъ его выслать мнѣ за нихъ этотъ журналъ, то издатель въ своемъ письмѣ отъ 15 апрѣля изъявилъ полную готовность исполнить мою просьбу и я вскорѣ началъ получать журналъ, въ которомъ продолжалъ помѣщать свои стихотворенія вплоть до его прекращенія.

Въ концѣ мая 1874 г. Ташкентскій купецъ армянинъ Степанъ Балтазаровичъ Агамаловъ, имѣя въ Ташкентѣ собственную табачную фабрику, предложилъ мнѣ ѣхать съ нимъ туда по контракту въ качествѣ приказчика магазина съ окладомъ жалованья 1,200 руб. за три года при готовомъ содержаніи и его проѣздомъ туда и обратно. Я не зналъ хорошо этого человѣка, но 1,200 рублей и новая сторона, гдѣ зрѣеть виноградъ и наливаются персики и сливы, совершенно вскружили мою горячую голову. Я оставилъ Петербургъ и, простившись съ родной деревушкой, послѣ 28 дневнаго пути по желѣзнымъ дорогамъ,

¹⁾ „Грамотѣя“, 1874 г., № 9, стр. 38.

по Волгѣ, на лошадахъ и верблюдахъ по киргизской пустынной степи, 26-го іюня 1874 г. пріѣхалъ въ Ташкентъ. До этого всю дорогу уносился къ воспоминанію о своей возлюбленной невѣстѣ:

Когда носились облака
По небу цѣпью золотомъ
И разливалась рѣка
Въ зеленой рамѣ лозняка,
Блестя прозрачной глубиною...
Когда тебя я ожидалъ
Иль въ блескѣ дня и лунной ночи,
Смотрѣлъ въ задумчивыя очи
И подцѣлуемъ покрывалъ
Твои уста.

А ты стояла
Съ любовью чистой и святой,
Склонившись къ груди молодой,
Мнѣ рѣчи сладкія шептала.
Какіе чудные цвѣты
Тогда цестрѣли надъ полями,
Какими свѣтлыми очами
На Божій міръ смотрѣла ты.
Какъ много было упованья,
Какъ много было вѣры въ насъ,
Какъ дорогъ былъ намъ каждый часъ
Съ тобою тайнаго свиданья,
Какъ былъ мнѣ милъ языкъ свободный,
Твоя святая простота,
Но предо мною, какъ мечта,
Мелькнулъ твой образъ благородный,
Я сталъ не тотъ, и ты не та.

Она, какъ я узналъ отъ ея матери, когда проѣзжалъ черезъ Москву, вышла замужъ. Агамаловъ оказался человѣкомъ въ высшей степени черствымъ и деспотическимъ. Особенно отъ него доставалось рабочимъ фабрики, которые большею частию были привезены, подобно мнѣ, изъ Россіи. Я, глядя на ихъ горемычное житье, въ августѣ 1875 года, написалъ свои «пѣсни»:

I.

Трудъ да горе, капли пота
Пополамъ съ слезой,
И тяжелая забота
Съ вѣчною нуждой.
Ломота въ костяхъ, мозоли
Съ грязью на рукахъ,
Жизнь безъ счастья и воли
Въ четырехъ стѣнахъ.

Холодъ, голодъ и страданье
 Тѣла и души.
 И за трудъ, какъ подаенье,
 Мѣдныя гроши...
 Солнце весело проглянетъ,
 Пятачка запоётъ,
 Пѣсню ей въ отвѣтъ затянетъ
 Чуть не весь заводъ.
 Изъ груди разбитой льются
 Плачутъ голоса,
 А надъ пѣсней смѣются
 Взмахи колеса.

II.

Часы бѣгутъ,
 Гнетущій трудъ
 Ни чѣмъ не нарушалъ,
 А впереди,
 Того и жди,
 Нужда задавить зналъ.
 Отъ горя-бѣды
 Во цвѣтѣ лѣтъ
 Мы силу-мочь теряемъ
 И въ нищетѣ
 По простотѣ
 Душевною погибаемъ.
 У насъ всегда
 Одна бѣда
 Смѣняется другою,
 Покуда гробъ
 Не скроетъ погъ
 Могильвою землею ¹⁾.

Между рабочими я особенно сблизился съ Лазаремъ-Альбоумъ-Антономъ Саркисовымъ и его женой Аграфеной Ивановной. Последнюю даже выучилъ писать, а когда у ней родилась дѣвочка, то сдѣлался ея крестнымъ отцемъ. Не смотря на это, я страшно тосковалъ по Россіи, и когда въ сентябрѣ 1875-го года старикъ Агамаловъ предложилъ мнѣ, подъ видомъ закупки товаровъ, ѣхать съ нимъ въ Петербургъ, я съ радостью согласился. Онъ довезъ меня только до города Орска и предложилъ мнѣ нарушить съ нимъ контрактъ, ссылаясь на то, что теперь должность мою будетъ занимать его младшій сынъ и я ему не нуженъ, за что, въ видѣ неустойки, предложилъ мнѣ 30 рублей деньгами и обязывался довести меня до Москвы или

¹⁾ «Слово» 1878 г., № 4.

Петербурга. Я на все согласился и здѣсь же подписалъ свое отреченіе отъ контракта. Но этотъ довезъ меня только до Самары.

Отсюда я отправился уже на свой счетъ и 27-го сентября пріѣхалъ на родину, а 1-го октября нацѣлъ и сосваталъ себѣ невѣсту, дочь крестьянина Афанасія Филипповича Чуркина, Марію, съ которой 12-го октября 1875 г. въ нашей приходской церкви и обвѣнчался.

Жена моя, родившаяся въ январѣ 1855 года, была безграмотная, но умная и въ высшей степени симпатичная женщина. Она не поражаетъ красотой, но привлекаетъ выразительностію черныхъ глазъ, много любитъ говорить и умѣетъ кстати сказать мѣткое, смѣшанное съ самороднымъ чисто-русскимъ юморомъ, слово.

Она поетъ очень хорошо народныя лѣсни; на мое-же занятіе книгами и поэзіей пока смотритъ какъ на пустое препровожденіе времени. Впрочемъ это общій взглядъ моей семьи и всего нашего безграмотнаго люда.

С. Г. Дрожжинъ.

С.-Петербургъ.
1894 г.

(Окончаніе слѣдуетъ).

5-ое октября 1884 г.

ВАСИЛІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ
САМОЙЛОВЪ

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ

ЕГО АРТИСТИЧЕСКОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

1834—1884.

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

Десять лѣтъ тому назадъ „Русская Старина“ привѣтствовала знаменитаго нашего артиста В. В. Самойлова съ годовщиною сорокалѣтняго славнаго его служенія русскому театру. (См. „Русскую Старину“ изд. 1875 г., томъ XII, январь, изд. второе, стр. 197—219).

Нынѣ, 5-го октября 1834-го года, истекаетъ полустолѣтiе съ того дня, когда Василій Васильевичъ впервые выступилъ на то поприще, которое со дѣлало его имя славнымъ.

Каждый, кто только не равнодушенъ въ славѣ отечественнаго театра, кто понимаетъ и умѣетъ цѣнить его лучшихъ, талантливейшихъ подвижниковъ, тотъ не можетъ оставаться равнодушнымъ къ такимъ, въ высшей степени рѣдкимъ, моментамъ, какъ пятидесятилѣтнiй юбилей служенія артиста въ области одного изъ труднѣйшихъ искусствъ, каковъ театръ.

В. В. Самойловъ дорогъ русскому обществу потому, что его неистощимый по разнообразiю, его многогранный талантъ воспроизвелъ на сценѣ, въ высшей степени художественно, многiя сотни типовъ, нерѣдко лишь только намѣченныхъ драматургами русскими и иноземными, произведенiя которыхъ появлялись на русской сценѣ; онъ дорогъ и потому, что въ этомъ, нынѣ мажнгомъ, старцѣ мы видимъ живой памятникъ славнѣйшаго періода русскаго театра 1830—1860-го годовъ. Сотоварищи Самойлова, дѣлвшiе съ нимъ его славу: В. А. Каратыгинъ, Я. Г. Брянскiй, Н. О. Дюръ, А. М. Максимовъ, А. Е. Мартыновъ, И. И. Сосницкiй и другiе давно переселились въ царство тѣней. И тѣмъ сердечнѣе, живѣе привѣтствуемъ мы единаго изъ славной плеяды артистовъ петербургскаго театра—нашего великаго Самойлова.

Да, если за рубежомъ Россiи,—вѣмцы, французы, итальянцы гордятся своими драматическими и комическими артистами и отводятъ лучшимъ изъ нихъ, зачастую весьма пристрастно, мѣста въ пантеонахъ славнѣйшихъ своихъ мужей, то какъ же намъ, русскимъ, не гордиться поистинѣ великимъ артистомъ!

Взгляните на его полулѣтнее служенiе отечеству въ области русской сцены.

Самойловъ выступилъ 5-го октября 1834 г. въ оперѣ Мегиля „Иосифъ Прекрасный“, подъ ближайшимъ руководствомъ своего даровитаго отца, и сразу выдѣлился прекраснымъ голосомъ, манерами, жизненною правдою въ игрѣ. Уже съ слѣдующаго года онъ появляется поперебѣнно то въ операхъ, то въ водевиляхъ. Предъ молодымъ, талантливымъ артистомъ разстилается однако, въ первые годы его артистической дѣятельности, весьма тернистый путь и онъ не минуетъ тяжелыхъ лишенiй и испытанiй. Объ этихъ горькихъ годахъ Самойловъ рассказываетъ въ отрывкѣ изъ своихъ интересныхъ воспоминанiй, помѣщенномъ вслѣдъ за этими строками.

Но уже съ 1839-го года В. В. Самойловъ дѣлается любимцемъ публики. Первый, кто провидѣлъ въ немъ мощный талантъ, былъ императоръ Николай

Павловичъ. Этому государю, заслуги котораго въ области поддержки и развитія русскаго искусства вообще и театра въ особенности далеко еще не оценены по достоинству, всецѣло принадлежитъ честь указать и поставить на подлежащее, почетное, мѣсто такой сильный талантъ, каковъ былъ и есть Самойловъ.

Василій Васильевичъ вполне оправдалъ прозорливость и оценку императора Николая: роль въѣха артиста этотъ пользуется полною любовью и безпредѣльнымъ сочувствіемъ русскаго общества.

До шести сотъ ролей въ самыхъ разнообразныхъ пьесахъ сыграны Самойловыми предъ тремя, четырьмя поколѣніями русскихъ людей. Но что мы говоримъ—сыграны! Если о комъ изъ артистовъ можно сказать, что онъ создалъ тѣ или другія роли, такъ это именно о Самойловѣ. И создавалъ, онъ творилъ не только по вдохновенію,—нѣтъ, а на основаніи внимательнаго, глубокаго изученія тѣхъ источниковъ историческихъ и литературныхъ, гдѣ только могъ отыскать данныя для уясненія себѣ нравственныхъ чертъ своего героя.

Мало этого, прекрасный художникъ-живописецъ Самойловъ, въ краскахъ, на страницахъ своихъ знаменитыхъ альбомовъ артиста, всегда ранѣе, чѣмъ появился въ изучаемой имъ роли, представлялъ создаваемый имъ затѣмъ на сценѣ типъ именно такимъ, какимъ онъ долженъ былъ быть въ жизни.

Этотъ многотомный альбомъ—сокровище безцѣнное; это наглядное, истинно художественное свидѣтельство того упорнаго труда, который вносили нашъ великій артистъ въ свое служеніе отечественному театру.

Напомнимъ еще весьма важную особенность Василя Васильевича. Талантливымъ рисовальщикомъ, острымъ карикатуристомъ, наблюдательнымъ Самойловъ почти не имѣлъ и не имѣлъ соперниковъ въ искусствѣ гримироваться: никто не умѣлъ и не умѣетъ такъ, какъ онъ, поразительно вѣрно изобразить типы: француза, поляка, нѣмца, англичанина, чухонца, итальянца, грека татарина, еврея и многихъ другихъ породцевъ и извозищевъ.

Превосходный исполнитель какой либо, повидимому ничтожной, роли въ водевилѣ, который только и оживлялся его игрою, тотъ же Самойловъ являлся и является неподражаемымъ въ бытовыхъ русскихъ комедіяхъ, въ драмахъ и наконецъ, въ историческихъ трагедіяхъ величайшихъ писателей, каковъ Шекспиръ!

Поименовывать ли роли, созданныя Самойловыми?

Едва ли это нужно, скажемъ болѣе: это трудно, ибо потребуетъ много печатныхъ страницъ. При томъ главнѣйшія изъ ролей, имъ исполненныхъ, свѣжи въ памяти всѣхъ, кому только довелось насладиться величайшимъ удовольствіемъ: видѣть В. В. Самойлова на сценѣ театра ¹⁾.

Привѣтъ и самое сердечное пожеланіе многихъ, многихъ лѣтъ жизни маститому великому русскому артисту и да будетъ ему слава во вѣки вѣковъ въ лѣтописяхъ россійскаго театра.

Михаилъ Семовскій.

¹⁾ Мы имѣемъ полный списокъ его ролей и, какъ матеріалъ для исторіи русскаго театра, постараемся поименовать этотъ перечень на страницахъ «Русской Старины».

ВАСИЛІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ САМОЙЛОВЪ

ВЪ РАЗСКАЗѢ

О НАЧАЛѢ СВОЕЙ АРТИСТИЧЕСКОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ¹⁾.

Я передамъ здѣсь, на страницахъ „Русской Старины“,— нѣкоторые эпизоды изъ моей жизни, думая, что они будутъ довольно любопытны для читателей, въ особенности для тѣхъ изъ нихъ, которые интересуются театральнымъ искусствомъ и артистическою жизнью дѣятелей его.

О частной жизни своей я умолчу, не находя ее довольно интересной для читателей; а жизнь каждаго актера, собственно на театральныя доски, должна бы быть общимъ достояніемъ и исключительно принадлежать лѣтописямъ театра.

I.

Я никогда не имѣлъ особеннаго влеченія къ сценѣ, хотя отецъ мой принадлежалъ къ театру и былъ извѣстный пѣвецъ. На сцену я попалъ почти случайно.

Случилось разъ, что покойный императоръ Николай, встрѣтившись съ отцомъ моимъ, спросилъ, отчего онъ ни одного изъ своихъ

¹⁾ Рассказъ этотъ впервые былъ помѣщенъ въ „Русской Старинѣ“ изд. 1875 г., томъ XII, январь, стр. 208—219. Здѣсь мы его вновь перепечатаемъ, имѣя въ виду, что „Русская Старина“ изд. 1875 г. уже десять лѣтъ тому назадъ разошлась вся до послѣдняго экземпляра. Во всякомъ случаѣ, мы увѣрены, что читатели не посѣтуютъ на насъ, что мы, по случаю пятидесятилѣтней годовщины артистической дѣятельности В. В. Самойлова, возобновляемъ въ памяти многочисленныхъ почитателей этого великаго по таланту артиста его собственный рассказъ о началѣ его славной артистической дѣятельности. Отрывокъ этотъ весьма обязательно вновь пересмотрѣвъ авторомъ.

Ред.

сыновой не опредѣлить на сцену. „Развѣ ни одинъ изъ нихъ не наслѣдовалъ твоего таланта?“ спросилъ государь.

— „Таланты есть“, отвѣчалъ отецъ, „но всѣ сыновья моя на службѣ и каждый изъ нихъ обязанъ десять лѣтъ отслужить за свое образованіе, которое получилъ отъ покойнаго императора Александра“.

— „А если таланты есть“, возразилъ государь, „давай ихъ къ намъ на сцену; офицеровъ всегда сдѣлать можно, а артистовъ нѣтъ“.

Покойный отецъ, говоря съ увѣренностью о талантахъ своихъ дѣтей, имѣлъ основаніе потому, что самъ видѣлъ ихъ на сценѣ.

Я и два брата мои получили образованіе въ Горномъ корпусѣ. Въ 1820-хъ годахъ Горный корпусъ былъ образцовымъ заведеніемъ. Воспитанники оканчивали курсъ на правахъ университета и кромѣ наукъ тамъ въ особенности старались развивать любовь къ изящнымъ искусствамъ. Тамъ преподавали живопись, музыку, пѣніе, фехтованіе, танцы. Въ Горномъ корпусѣ былъ свой оркестръ, свои пѣвчіе, свой театръ, и ученики постоянно, предъ многочисленнымъ обществомъ, являлись на сцену пробовать свои силы. Отецъ же мой, какъ знаменитый пѣвецъ и актеръ, почти всегда приглашался присутствовать при подобныхъ представленіяхъ и здѣсь-то онъ имѣлъ возможность самому увидѣть дарованіе своихъ дѣтей.

Я же, бывши въ корпусѣ, постоянно отказывался играть на сценѣ: я былъ недурень собою и, въ несчастію, на мою долю все доставались роли молодыхъ дѣвушекъ, что принять на себя я считалъ обиднымъ для своего самолюбія, такъ что отцу моему ни разу не пришлось меня видѣть на сценѣ. Но у меня былъ хорошій голосъ—теноръ, и отецъ не разъ говаривалъ, что жаль, что такой голосъ пропадаетъ безъ всякой пользы для сцены. Вѣроятно и теперь эта мысль была причиною, что выборъ отца палъ на меня.

Въ то время я былъ офицеромъ и пріѣхалъ къ отцу въ отпускъ въ Петербургъ. Тогда онъ мнѣ рассказалъ свой разговоръ съ императоромъ Николаемъ Павловичемъ и объявилъ о своемъ желаніи; хотя оно и не совсѣмъ совпадало съ моимъ, но я не хотѣлъ идти противъ отца и мой дебютъ былъ назначенъ въ оперѣ Мегюла: „Іосифъ Прекрасный“ въ роли Іосифа. Проходилъ со мною партію Далѣко, отецъ знаменитой пѣвицы Шоберлехнеръ. До дебюта моего меня никто не слышалъ.

Разъ только случилось, что актеръ М. С. Щепкинъ, прїѣхавъ изъ Москвы, посѣтилъ моего отца. Отецъ разсказалъ ему о своемъ намѣреніи отдать меня на сцену и предложилъ ему послушать мой голосъ. Хотя отецъ былъ почти увѣренъ въ моему успѣху, но невольна въ отцовскомъ сердцѣ пробуждалось нѣкоторое сомнѣніе и боязнь за сына, тѣмъ болѣе, что поприще, на которое я приготавливался вступить, было мнѣ указано почти однимъ отцомъ; невольный страхъ подвергнуть меня неудачи тревожилъ его и ему какъ бы хотѣлось отъ другого услышать подтвержденіе, что онъ не ошибается въ своемъ рѣшеніи. И такъ, по приказанію отца, я пропѣлъ арію изъ Іосифа. На сколько мое пѣніе было хорошо и удачно—я самъ о томъ не могъ судить отъ сильнаго волненія, но, по окончаніи аріи, я замѣтилъ, что отецъ остался доволенъ мною, а на глазахъ Щепкина виднѣлись слезы.

— „Ты, пожалуйста, не торопись увлекаться твоимъ первымъ успѣхомъ“, поспѣшилъ сказать мнѣ отецъ, „во первыхъ, Михаилъ Семеновичъ очень снисходителенъ, а во вторыхъ, ужъ черезъ-чуръ чувствителенъ; онъ отъ всего плачетъ: видно ужъ у него глаза на мокромъ мѣстѣ“.

Не смотря однакожъ на слова свои, въ которыхъ слышалось недобріе къ оцѣнкѣ Щепкина, и боязнь, чтобы я не возмечталъ многого о своемъ голосѣ, послѣ его искреннихъ и горячихъ похвалъ, — самъ отецъ остался видимо доволенъ впечатлѣніемъ, которое произвело на него мое пѣніе, хотя и не желалъ этого выказать ни передъ нимъ, ни передо мною.

Вскорѣ день моего перваго дебюта былъ назначенъ; но я приготавливался къ нему безъ особеннаго волненія. Меня никто не училъ сценаріуму. На репетиціяхъ, отецъ, видя во мнѣ задатки сценическаго дарованія, не хотѣлъ мнѣ давать своихъ совѣтовъ, чтобы не сбивать меня и не мѣшать развитію таланта, зная по опыту, что часто даваемые совѣты не прививаются и не усваиваются, и въ то же время, и по этой самой причинѣ, своя манера выражать — исчезаетъ, утрачивается и бываетъ такъ, что на сценѣ актеръ все время въ замѣшательствѣ, припоминая чему его учили и боясь не забыть ли онъ чего.

Наконецъ, насталъ день моего дебюта; это было 5-го октября 1834 года.

II.

Я пріѣхалъ въ Большой театръ вмѣстѣ съ отцомъ, который исполнялъ въ оперѣ „Іосифъ Преврасный“ роль Семіона.

Когда я одѣлся и вышелъ за кулисы, — случайно мнѣ вздумалось посмотрѣть сквозъ занавѣсъ на публику. Зала была полна народомъ; я увидѣлъ множество моихъ товарищей по Горному корпусу, которые пришли на меня посмотрѣть. Сердце мое въ первый разъ вздрогнуло и мучительно сжалось какимъ-то страхомъ; я, какъ будто, только что сейчасъ узналъ, что дебютировать буду я, а не кто другой. Голова у меня закружилась отъ множества мыслей, одна другой грознѣе и одна другой неутѣшительнѣе, которыя замелькали передо мною; неизвѣстность какъ все кончится, неувѣренность въ себѣ, боязнь явиться передъ твоей многочисленной публикой, въ особенности какой-то ложный стыдъ показаться смѣшнымъ товарищамъ и знакомымъ, мысль о полной неудачѣ и о томъ, что черезъ какой нибудь часъ уже поздно будетъ возвращаться съ той дороги, на которую я вступаю, — однимъ словомъ, я совсѣмъ оробѣлъ и растерялся. Не понимая хорошенько, что я дѣлаю, я бросился къ отцу, котораго засталъ уже совсѣмъ заkostюмированного, и рѣшительно объявилъ ему, что играть я не буду и на сцену ни за что не выйду. Отецъ испугался, началъ меня урезонивать, а между тѣмъ увертюру уже сыиграли и занавѣсъ поднялся. Первый выходъ былъ мой. Отецъ понялъ, что никакія разсужденія въ эту минуту на меня не подѣйствуютъ и рѣшился на отчаянное и послѣднее средство: онъ схватилъ меня за руку и насильно вытолкнулъ на сцену.

Мгновенно я былъ ослѣпленъ свѣтомъ рампы и множествомъ огней, и, въ первую минуту, совсѣмъ ошеломленъ такою неожиданностію, но почти въ то-же время мелькнуло у меня въ головѣ неумовимое сознание, что уже первый шагъ сдѣланъ и что уже возврату нѣтъ. Сейчасъ же оркестръ мнѣ подаль аккордъ.

Почти ничего не видя передъ собою, скрѣпя сердце и съ какою-то отчаянною смѣлостію я началъ пѣть. Я не смотрѣлъ ни на кого въ залѣ, боясь встрѣтиться съ знакомымъ взоромъ, и подъ конецъ аріи, возбуждивъ въ себѣ какую-то поддѣльную смѣлость, я началъ серьезно входить въ свою роль. Но это длилось не долго.

Пока я еще былъ одинъ на сценѣ, я могъ забытья и вообразить себя, что я настоящій Иосифъ, что я рассказываю не по театральнымъ подмосткамъ, а попираю ногами дѣйствительную землю египетскую, что я окружонъ роскошными растеніями богатой природы, а не намалеванными кулисами, изображающими деревья; однимъ словомъ, давъ волю фантазіи и увлеченію, я бы еще долго могъ воображать себя неподдѣльнымъ сподвиженнымъ царя египетскаго, если бы не явился на сцену новый актеръ, отличающійся, какъ нарочно, плохимъ и въ особенности ненатуральнымъ исполненіемъ своихъ ролей. Когда онъ выступилъ на сцену, по старой методѣ, съ продолговатыми паузами послѣ каждаго шага, да замахалъ руками, да взвылъ нечеловѣчьимъ голосомъ,—я точно свалился съ небесъ въ преисподнюю. Увидѣлъ я, что я не Иосифъ прекрасный, а онъ, далеко не приверженецъ мой и что мы оба, въ настоящее время, потѣшаемъ публику. Тутъ вся моя прежняя робость ко мнѣ возвратилась еще съ большею силою; я началъ дрожать всѣмъ тѣломъ отъ волненія, такъ что всѣ блестяи моего роскошнаго костюма заходили на мнѣ ходенемъ и выдали тѣмъ мое волненіе и мой страхъ. Весь первый и слѣдующій за тѣмъ речитативъ я пропѣлъ фальшиво.

Все же мой первый дебютъ былъ очень удаченъ. Повтореніе дебюта—то же.

Послѣ этихъ двухъ представленій, въ которыхъ я порядкомъ поизмучился и поволновался, я сильно захворалъ и слегъ; такъ, что въ третій разъ я явился на сцену спустя уже порядочное время въ бенефисъ отца, въ оперѣ Сандрильона, въ роли Рамира. Послѣ этихъ двухъ ролей, меня приняли на сцену, на жалованье въ двѣ съ половиною тысячи ассигнаціями.

III.

Если я съ первыхъ же дней пошелъ такъ сильно впередъ и началъ трудиться серьезно, то обязанъ этимъ только тому, что былъ очень несчастливъ на сценѣ. Всѣ притѣсненія, всѣ гоненія, какія только могли существовать, я всѣ ихъ перенесъ и испыталъ на себѣ. Имѣя характеръ сильный и твердый, я не упалъ духомъ, — а бывши самолюбивъ — не хотѣлъ оставаться послѣднимъ по таланту; быть можетъ, при другихъ обстоятельствахъ

и другой болѣе счастливой обстановкѣ, мое дарованіе и не такъ бы скоро развилось. Во всякомъ случаѣ, не дай Богъ никому такую цѣною подготавливать и покупать себѣ славу и благо-состояніе.

Я до сихъ поръ, вотъ уже слишкомъ 30 лѣтъ ¹⁾, съ ужасомъ вспоминаю о томъ, что долженъ былъ переживать. Въ то время директоромъ театра былъ Александръ Михайловичъ Геденовъ. Повровительствуя постоянно воспитанникамъ театрального училища, котораго онъ былъ начальникомъ,—онъ притѣснялъ всѣхъ тѣхъ, кто поступалъ не изъ школы; не я одинъ подвергался его гоненіямъ: Асенкова, Воробьева, обѣ сестры мои и многіе другіе не были счастливѣе меня; но меня онъ въ особенности почтилъ своею ненавистью и кажется больше за то, что я, зная всѣ его мерзости, считалъ лишнимъ кланяться ему и показывать то уваженіе и почтеніе, которое не чувствовалъ. Ну, и заплатилъ же мнѣ за это достопочтеннѣйшій Александръ Михайловичъ!

Мнѣ памятенъ въ особенности одинъ случай изъ моей жизни. Случился онъ уже нѣсколько лѣтъ спустя послѣ моего поступленія на сцену. Въ то время я уже перешолъ изъ оперы въ драматическую труппу, такъ какъ послѣ неожиданной и несчастной смерти моего отца опера почти разстроилась; въ Александринскомъ же театрѣ мой голосъ могъ быть полезенъ въ разныхъ опереткахъ, которыя тамъ ставились постоянно.

Я уже былъ женатъ и имѣлъ нѣсколько человѣкъ дѣтей. То жалованье, которое я получалъ (500 рублей на теперешнія наши деньги), далеко не хватало на мою семью, даже на самое необходимое, и я долженъ былъ заниматься частною работою; болѣе всего выручала меня живопись; я работалъ по заказу небольшія картины то масляною краскою, то карандашомъ, и только благодаря этой способности къ рисованію—я могъ кое-какъ существовать. Я не ропталъ на то, что получалъ такъ мало отъ дирекціи и очень хорошо понималъ, что если мнѣ есть возможность прибавить жалованія—то не иначе, какъ за несомнѣнныя мои заслуги и настолько блестящія, чтобы при всей своей несправедливости Геденовъ не могъ бы ихъ не признать и отвергнуть. Для этого мнѣ нужно было играть и имѣть хорошія роли, которыхъ мнѣ

¹⁾ Писано около 1865—1866 гг.

не давали. И такъ я рѣшился отправиться лично переговорить съ Гедеоновымъ.

Я просилъ его прежде всего прибавить мнѣ содержаніе, указывая на невозможность существовать на такіа ничтожныя деньги; но получилъ отвѣтъ, что за тѣ роли, которыя я играю, плата весьма достаточна. Тогда я просилъ давать мнѣ самыя трудныя роли, чтобы я могъ выказать свое дарованіе, а не роли въ родѣ Гильденштерна въ Гамлетѣ, которыя только однѣ выпадали на мою долю. Гедеоновъ отвѣчалъ мнѣ на это, что тѣхъ ролей, которыя я получаю, совершенно достаточно для моего дарованія. Тогда я предложилъ Гедеонову слѣдующее: въ то время была въ большой модѣ драма „Материнское благословеніе“; я брался играть въ этой піесѣ по-очередно: въ первый вечеръ роль Пьеро, во второй—отца, въ третій—жениха, и такимъ образомъ переиграть ихъ всѣхъ и если я хоть въ одной изъ ролей буду хуже тѣхъ, кто игралъ до меня—то подвергаю себя штрафу, какому ему угодно будетъ назначить; наконецъ, я сказалъ ему, что готовъ служить даромъ цѣлый годъ, какъ мнѣ это не будетъ тяжело съ такою большою семьею, какъ моя,—но только съ тѣмъ, чтобы онъ далъ мнѣ двѣ или три хорошихъ роли въ сезонъ. На послѣднее Гедеоновъ наконецъ удостоилъ согласиться.

Я съ жаромъ принялся за свою частную работу; не отдыхалъ ни днемъ, ни ночью, чтобы наверстать 500 рублей жалованья, отъ которыхъ я отказался. Меня поддерживала мысль, что скоро наконецъ окончатся мои бѣдствія, и дорогое, святое для меня искусство будетъ однимъ моимъ занятіемъ. Но время уходило, а ролей кромѣ самыхъ ничтожныхъ, почти выходныхъ, мнѣ не присылали. Я выбивался изъ силъ, но все еще надѣялся. Наконецъ сезонъ окончился. Я бросился къ Гедеонову и вотъ какой отвѣтъ мнѣ довелось услышать изъ его превосходительныхъ устъ:

— „Ролей я вамъ не присылалъ, считая это лишнимъ, а жалованья вашего вы не получите, такъ какъ не сами ли же вы звались служить даромъ!“

Увы! все пошло прахомъ! всѣ мои завѣтныя мечты и надежды рухнули! Я увидѣлъ на дорогѣ, по которой мнѣ надо было идти, не только терніи и камни, но цѣлыя скалы, которыхъ силъ не было своротить. Меня взяло, отчаяніе; натура

моя не выдержала и я захворалъ. У меня разлилась жолчь. Я былъ въ опасности, но молодость взяла свое; я поправился, и когда всталъ съ постели, то какъ будто опять новымъ человѣкомъ, и духомъ кажется сильнѣе прежняго. Я былъ возмущенъ до корня волосъ такою наглою несправедливостью и такимъ произволомъ. Я приготавливался ко всему; рѣшился бороться, пока будутъ силы, но ни разу не подумалъ сложить свое оружіе, хотъ и сознавалъ свое безсиліе. Я началъ выжидать съ терпѣніемъ, но чего именно? — и самъ не знаю; каковаго нибудь счастливаго случая. Да, во всякомъ другомъ, въ комъ было бы менѣе энергій и силы воли, чѣмъ во мнѣ, Гедеоновъ забилъ бы не только всякое дарованіе, но даже сознаніе своего собственнаго человѣческаго достоинства; онъ обращался съ артистами, которые попадали у него въ немилость, съ убійственнымъ, уничтожающимъ презрѣніемъ и жестокостью; онъ еле удостоивалъ ихъ считать людьми, а не гадами, и многіе несчастные должны были терпѣть подобное обхожденіе; возстать противъ него было немислимо безъ потери своей должности; а не всякій могъ такъ, какъ я, зарабатывать хлѣбъ для своей семьи другимъ способомъ. На меня же всѣ его несправедливости дѣйствовали совершенно наоборотъ, и тамъ, гдѣ всякій другой упалъ бы духомъ, я же напротивъ ожесточался и вѣрнпнулъ въ намѣреніи хотъ когда нибудь достигнуть своей цѣли.

И такъ я выжидалъ, долго выжидалъ, слишкомъ десять лѣтъ и наконецъ таки выждалъ удобнаго случая.

IV.

Былъ назначенъ бенефисъ Куликова, режиссера нашей труппы, тоже одного изъ самыхъ жестокихъ своихъ гонителей. Должна была идти драма Ефимовича „Музыкантъ и Княгиня“; главная роль въ піесѣ музыканта была назначена Мартынову; роль отличная, это было въ началѣ сезона въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, бенефисъ былъ уже назначенъ, отложить его было невозможно, а между тѣмъ Мартыновъ еще не возвращался изъ отпуска, да и многіхъ другихъ артистовъ не было на лицо. Кромѣ меня не кому было играть этой роли; все же Куликовъ противился, и только благодаря настоятельному требованію автора, она мнѣ была прислана. Наконецъ-то насталъ день, такъ долго мною ожидаемый! Мнѣ бросилъ его слу-

чай, одинъ слѣпой случай, я это зналъ, и мнѣ надо было воспользоваться имъ во что бы то ни стало, иначе я рисковалъ бы еще лѣтъ десять прождать другого такого удобнаго случая!

Я не хочу хвалить себя, но вѣжеться никогда я не игралъ такъ удачно, какъ въ этотъ вечеръ. На мое счастье покойный государь императоръ Николай Павловичъ посѣтилъ въ этотъ день Александринскій театръ, и именно попалъ на ту пьесу, въ которой я участвовалъ. Моя игра понравилась государю и, когда онъ вышелъ изъ ложи своей на сцену, онъ велѣлъ позвать меня.

— „Спасибо, Самойловъ, сказалъ онъ, только смотри, прибавилъ онъ полупшутя, твою игрою ты заставилъ плакать меня, а я тебѣ этого даромъ не прощу!“

Я ничего не могъ отвѣтить государю. У меня сердце переполнилось радостію и благодарностію; однимъ своимъ словомъ онъ вознаграждалъ меня за десять лѣтъ страданія и терпѣнія. Бываютъ минуты въ жизни, когда человѣкъ отъ счастья задыхается, я пережилъ такую минуту.

Какъ только государь снова вошелъ въ свою ложу, — Геденовъ блѣдный отъ злобы и гнѣва подошелъ ко мнѣ, или, лучше сказать, съ шумомъ пробѣжалъ мимо меня и мимоходомъ бросилъ мнѣ поздравленіе съ подаркомъ, который сейчасъ государь велѣлъ ему мнѣ выдать изъ своего кабинета. Боже! У меня силъ не хватало быть счастливымъ! мнѣ подарокъ! мнѣ вознагражденіе! мнѣ, всегда и постоянно забытому! Я торжествовалъ.

Это былъ мой первый Георгіевскій крестъ!

V.

Со дня этого спектакля Геденовъ уже пересталъ истязать меня и хотя въ душѣ, быть можетъ, ненавидѣлъ меня еще больше прежняго, но уже не смѣлъ такъ явно и открыто меня притѣснять. Мнѣ положили перспективную плату—два съ половиною рубля—и я началъ играть чаще и изрѣдка главные роли въ пьесахъ.

Въ то время во дворцѣ очень часто давались русскіе спектакли; но, конечно, Геденовъ больше всего заботился о томъ, чтобы я въ нихъ не участвовалъ. Такъ все длилось довольно долго. Мнѣ передавалъ секретарь Неваховичъ, что Государь

Николай Павловичъ не разъ спрашивалъ, почему онъ меня не видѣлъ ни разу у себя вмѣстѣ съ другими, но Гедеоновъ всегда очень ловко ухитрился замать разговоръ, отвѣчая, что я или болѣнъ, или занятъ въ другомъ спектаклѣ. И дѣйствительно, въ тѣ дни, когда играли во дворцѣ, я почти постоянно былъ назначенъ участвовать въ театрѣ; и говоря, что я занятъ въ другомъ мѣстѣ, Гедеоновъ не лгалъ. Но такое распоряженіе, конечно, зависѣло отъ одного его.

Наконецъ, случилось разъ такъ, что государь непременно пожелалъ меня видѣть у себя и въ тотъ же самый вечеръ; это случилось только за два часа до представленія, и какъ нарочно, въ то время дворъ находился въ Царскомъ Селѣ. Не смотря на это, сейчасъ же были посланы вѣстовые въ Петербургъ за нотами, костюмами и участвующими въ пьесѣ актерами; по счастію, всѣ они были налицо, только одинъ Григорьевъ былъ занятъ въ Александринскомъ театрѣ и игралъ уже второе дѣйствіе какой-то пьесы. Представленіе принуждены были остановить и Григорьевъ, не окончивши своей роли, поспѣшилъ въ Царское Село вмѣстѣ съ капельмейстеромъ Кажинскимъ; пьесу же доигралъ за Григорьева другой актеръ.

Графъ Велигорскій, который находился постоянно при особѣ его величества, передалъ мнѣ, что государь послѣ этого спектакля выразилъ свое желаніе, чтобы я впредь постоянно игралъ во дворцѣ, чего и не смѣли уже ослушаться.

VI.

Государь Николай Павловичъ любилъ посмѣяться, а потому въ его присутствіи играли только небольшіе комедійки и водевили. Помню я, разъ шелъ водевилъ „Бѣда отъ сердца и горе безъ ума“, въ которомъ я исполнялъ роль фокусника. Передъ спектаклемъ его величество, смѣясь, сказалъ:

— „Вотъ Самойловъ, такъ какъ ты будешь сегодня фокусникомъ, устрой-ка намъ какойнибудь фокусъ съ кѣмънибудь изъ зрителей“.

Я просилъ Государя назначить то лицо, которое ему будетъ угодно. Государь подумалъ и назвалъ придворнаго лейбъ-медика Маркуса, а помощникомъ для этой шутки далъ мнѣ флигель-

адъютанта Паткуля, такъ какъ одному мнѣ не было возможности выполнить придуманнаго мною плана.

Спектакль начался; зала была полна зрителями, исключительно придворными. Государь, казалось, былъ въ самомъ хорошемъ расположеніи духа и съ улыбкою искоса поглядывалъ на Маркуса, зная, что тотъ волей-неволей скоро сдѣлается дѣйствующимъ лицомъ и противъ всякаго чаянія. Маркусъ же, ничего не подозревая, сидѣлъ въ шестомъ ряду креселъ съ самымъ серьезнымъ лицомъ и съ достоинствомъ, приличнымъ его званію, слѣдилъ за ходомъ пьесы. Глядя на объемистую фигуру, на блестящую лысину, на строгое выраженіе фізіономіи лейбъ-медика, становилось еще смѣшнѣе, что государь именно его избралъ быть причастнымъ въ задуманной шуткѣ.

Сюжетъ играемаго нами водевиля приблизительно заключался въ томъ, что одинъ итальянецъ-шарлатанъ, влюбившись въ одну молоденькую дѣвушку, является къ ея отцу просить согласія на ихъ бракъ; отецъ не соглашается, и итальянецъ, чтобы понравиться и очаровать его своею ловкостью, показываетъ ему всякіе фокусы: дѣлаетъ въ шляпѣ яичницу, вынимаетъ изъ его локтя апельсины и яблоки и, наконецъ, беретъ его золотую табакерку, говоритъ ein, zwei, drei! бросаетъ ее вверхъ и табакерка исчезаетъ въ воздухѣ. Не смотря однако же на всѣ выказанные таланты, отецъ всетаки не соглашается имѣть такого подозрительнаго зятя и безъ церемоніи гонитъ его вонъ, но прежде требуетъ обратнo свою золотую табакерку. Табакерки не оказывается налицо; ее ищутъ вездѣ, начиная съ кармановъ фокусника, но ни тамъ, ни на мебели, ни на полу ея нѣтъ. Отецъ объявляетъ, что покражи этой онъ не допуститъ и хочетъ задержать фокусника, на что послѣдній отвѣчаетъ, что онъ въ залѣ не одинъ, она полна народомъ; за что же ему отвѣчать за всѣхъ? пускай всѣхъ обыскиваютъ! При этихъ словахъ по залѣ пробѣжалъ гулъ смѣха и государь смѣялся громче всѣхъ. Даже самъ солидный лейбъ-медикъ удостоилъ улыбнуться! Только, увы! недолго суждено было этой улыбкѣ длиться! Отецъ, между тѣмъ, продолжаетъ говорить фокуснику: „Такъ какъ табакерка пропала изъ вашихъ рукъ, то ужъ вы потрудитесь ее и искать сами!“ Фокусникъ, т. е. я, недолго думая, съ поклономъ, обращаю мою рѣчь ко всей почтенной публикѣ, сидящей направо, и слезно убѣждаю ее отдать

табакерку и вывести меня тѣмъ изъ сквернаго положенія. При этомъ хохотъ зрителей прекратился, за то смѣхъ государя слышался еще громче, еще искреннѣе, еще неудержимѣе. На кого я вопросительно ни посмотрю (а мнѣ съ возвышенія видны были всѣ лица), тотъ сейчасъ же наклоняется, прячется за своего сосѣда, однимъ словомъ старается исчезнуть. Скверную вообще минуту я невольно заставилъ пережить всю эту блестящую придворную компанію. Не получая отвѣта направо, я обратился съ тою же рѣчью налѣво; и тамъ та же трусость, то же замѣшательство. За то съ правой стороны, миновавшей уже опасность, послышалось нѣкоторое негодованіе за дерзкую фамильярность съ лицами, такъ высоко поставленными.

Не получивъ, конечно, ни откуда отвѣта, я заявляю публикѣ, что самъ, безъ помощи, отыщу табакерку, что я фізіономистъ и что похититель драгоцѣнной вещи отъ меня не укроется. Медленно окинувъ всѣхъ еще разъ пытливымъ взглядомъ, отъ котораго поборобило не мало особъ, я, наконецъ, съ увѣренностью указываю на Маркуса и утверждаю, что табакерка должна находиться у него. Всѣ взоры обратились на уморительно-несчастнаго лейбъ-медика и случилось то, что всегда бываетъ. За минуту до того каждый трусилъ за себя и находилъ неумѣстнымъ такую шутку, а обрушилась гроза на одного, страхъ за себя прошелъ — и всѣ, безъ исключенія, радовались и смѣялись. Никто даже и не вздумалъ хоть на одно мгновеніе поставить себя на мѣсто бѣднаго лейбъ-медика, а вѣдь только случай одинъ спасъ другихъ отъ того же самаго. Маркусъ вознегодовалъ, услышавъ мое обвиненіе; сейчасъ же вскочилъ съ своего мѣста, быстро опустилъ руки въ карманы и, къ своему великому удивленію и къ общему веселью, собственноручно вытащилъ пропавшую табакерку, которую я со сцены, во время игры, ловко успѣлъ передать стоявшему за кулисами флигель-адъютанту Паткулю, а тотъ, съ своей стороны, занимая кресло сзади Маркуса, еще ловчѣе того ее опустилъ въ его карманъ во время представленія. Долго продолжались всеобщій смѣхъ и шумъ, и мы подъ этотъ говоръ окончили нашъ водевиль. Государь остался очень доволенъ и пришелъ благодарить насъ на сцену.

— „Я въ одномъ только убѣжденъ, ваше величество,—шутя,

сказалъ я,—что какъ бы опасно я ни захворалъ, но ужъ, конечно, никогда не обращусь за помощью къ Маркусу“.

Между тѣмъ, впоследствии мнѣ приходилось не разъ встрѣчать его въ обществѣ. Конечно, изъ его памяти не могло совершенно изгладиться непріятное воспоминаніе, въ особенности при встрѣчѣ со мною, хотъ въ этомъ случаѣ я былъ простое орудіе и исполнялъ чужую волю. Но какъ человѣкъ придворный, привыкшій всегда управлять собою и своими ощущеніями, онъ никогда ни словомъ, ни намекомъ не напоминалъ о прошломъ и былъ со мною одинаково вѣжливъ и даже любезенъ. Мы часто видѣлись съ нимъ у постели одного моего хорошаго пріятеля, нашего знаменитаго живописца Карла Брюлова.

VII.

Брюловъ давно уже хворалъ біеніемъ сердца и болѣзнь его, наконецъ, приняла очень опасный оборотъ. Онъ уже не покидалъ постели. Маркусу, какъ придворному медику, поручено было отъ двора каждый день навѣщать больного и сообщать о состояніи его здоровья. Онъ, конечно, не ограничивался одною своею официальною обязанностью и, съ своей стороны, тоже давалъ совѣты дорогому больному, какъ и чѣмъ поддерживать свое здоровье. Между прочимъ, онъ убѣждалъ Брюлова говорить какъ можно менѣе.

— „Вы помните, знаменитый нашъ и славный Карлъ Павловичъ, что самое ничтожное волненіе для васъ теперь ядъ; вы должны молчать, иначе все погибло. Каждое сказанное лишнее слово потребуетъ лишняго визита доктора. Такъ имѣйте въ виду хотъ то, что ваше слово теперь имѣетъ стоимость червонца; не разворяйте себя!“

Затѣмъ разговоръ незамѣтно принялъ другое направленіе и мало-по-малу между Маркусомъ и Брюловымъ завязался споръ; послѣдній, съ свойственнымъ ему увлеченіемъ и горячностью, началъ отстаивать свои убѣжденія.

— „Помилуй, Карлъ, да замолчи ты ради Бога!—крикнулъ я Брюлову,—вѣдь ты губишь себя! Ты вспомни, что докторъ говоритъ, что твое слово—червонецъ!“

— Не мѣшай, не мѣшай!—отвѣчалъ тотъ со смѣхомъ,—я хочу васъ озолотить!

Бѣдный другъ! Ему было суждено не встать уже болѣе съ постели!

Много хорошихъ часовъ проводили мы въ его обществѣ въ былое время, и тѣ, которые еще остались въ живыхъ изъ того кружка, конечно не забыли объ артистическихъ вечерахъ, проведенныхъ у него.

Брюловъ занималъ въ то время громадную мастерскую въ академіи художествъ, съ казеннымъ освѣщеніемъ, чѣмъ мы и пользовались, надо признаться, въ весьма широкихъ размѣрахъ, во время нашихъ ужиновъ у него. Угощеніе и закуски бывали не столь богаты и вкусны, сколько разнообразны, потому что каждый приносилъ съ собою что попало по своему усмотрѣнію. За то именно освѣщеніе и уборка мастерской были великолѣпны, изящны и роскошны. Вся она убиралась картинами самого хозяина, и, отъ первой до послѣдней, каждая освѣщалась отдѣльно съ одинаковой тщательностью и съ рѣдкимъ искусствомъ. Иному гостю приходилось сидѣть рядомъ съ своимъ портретомъ, тутъ же находящимся, и по ошибкѣ, въ пылу разговора, случалось иногда обращать рѣчь къ копіи вмѣсто оригинала. Много горечи, боли и разныхъ невзгодъ забывалось въ искренней бесѣдѣ за этой незатѣйливой трапезой. Тутъ Кукольникъ Несторъ, который тогда былъ въ большой модѣ, вдохновлялся и увлекалъ насъ своими стихотвореніями; Михайло Глинка вызывалъ слезы у присутствующихъ, пѣвши свои задушевные романсы. У него былъ не сильный теноръ, но чрезвычайно пріятный, и никто не умѣлъ пѣть его романсы съ такимъ выраженіемъ, какъ онъ самъ. Кромѣ того онъ былъ замѣчательно хорошій піанистъ. Впослѣдствіи я съ нимъ сошелся ближе. Онъ страстно любилъ театръ, и даже оставилъ по себѣ маленькую память Александринскому театру тѣмъ, что написалъ куплетъ на переводный водевиль: „Купленный выстрѣлъ“. Въ этой маленькой піескѣ я исполнялъ роль англичанина, и въ концѣ мнѣ приходилось пѣть длиннѣйшій куплетъ, который и составилъ Глинка. У меня хранится партитура для оркестра, вся написанная его рукой, и я берегу ее какъ дорогое воспоминаніе объ этомъ великомъ талантѣ.

VIII.

Изъ начальства былъ еще одинъ человѣкъ, который вѣрно меня ненавидѣлъ; именно — режиссеръ К***. Онъ всячески старался меня унижать, и дѣлалъ это безнаказанно; искать на него расправы было немислимо при тѣхъ отношеніяхъ, въ какихъ я былъ съ директоромъ Геденовымъ. К*** это понималъ, и при всякомъ удобномъ случаѣ позволялъ себѣ, хоть косвенно, сказать мнѣ что нибудь непріятное.

Я помню разъ, послѣ конца одной изъ репетицій, я вышелъ на театральнй подъѣздъ; со мною вмѣстѣ выходили и другіе актеры, тутъ былъ и К***. Не смотря на мои стѣсненные финансовыя обстоятельства, я всегда, почти съ перваго года моей службы при театрѣ, держалъ свою лошадь. Для такого ничтожнаго актера, какимъ считалъ меня К***, такая неумѣстная роскошь казалась ему чуть-чуть что не дерзостью. Увидя кучера, подъѣхавшаго къ подъѣзду, К*** съ насмѣшкой и пренебреженіемъ спросилъ:

— „Чья это лошадь?“

— Моя! отвѣчалъ я ему.

— „Какъ вамъ не бѣ лицу ѣздить въ экипажѣ!“

— А какъ-же?

— „Конечно пѣшкомъ!“ И при этомъ К*** разразился презрительнымъ смѣхомъ.

— За то вамъ, отвѣчалъ я громко, — тоже совсѣмъ не бѣ лицу ходить просто пѣшкомъ!

Слышавшіе нашъ разговоръ остановились въ недоумѣніи, ожидая моего отвѣта; ужъ не измѣню ли я моему характеру, и не рѣшусь-ли польстить моему начальству.

— „Такъ какъ-же?“ спросилъ К***, самъ недоумѣвая.

— Въ кандалахъ!! крикнулъ я и укатилъ.

Понятно, что за подобное непочтеніе къ начальству я долженъ былъ потомъ расплачиваться. И расплачивался щедро и широко; ничто мнѣ не прощалось и не извинялось. Я дорого покупалъ себѣ право не гнущся и не лстить.

Если теперь ¹⁾ время произвола и не совсѣмъ еще минова-

¹⁾ Писано въ 1864—1865 гг.

лось, то отрадно уже и то явленіе, что рассказы о прошлыхъ сдѣланныхъ несправедливостяхъ возбуждаютъ негодованіе, даже поселяютъ нѣкоторое недовѣріе къ рассказчику; теперь ужъ почти кажутся невозможными и невѣроятными тѣ дѣянія, которыя творились въ мое время заурядъ. Шагъ къ освобожденію сдѣланъ большой. Артисты встали на степень людей свободныхъ и независимыхъ, и нельзя ими теперь распоряжаться такъ, какъ распоряжались въ былое время.

Напримѣръ, Александръ Михайловичъ Гедеоновъ заставилъ пѣть пѣвицу Воробьеву роль Арзаціо въ оперѣ „Семирамида“, въ тотъ самый день, когда у нея свончалась мать. Въ другой разъ, разгнѣвавшись на ту-же пѣвицу Воробьеву, артистку съ замѣчательнымъ голосомъ и дарованіемъ, занимавшую первыя роли въ операхъ, причислилъ ее, въ видѣ поучительнаго наказанія, къ опернымъ хорамъ, гдѣ она и пѣла въ продолженіи года и нѣсколькихъ мѣсяцевъ. И никого подобное самовластіе тогда не возмущало; да и кто смѣлъ бы возражать грозному Александру Михайловичу?! Впрочемъ, и на него находили иногда минуты безотчетнаго великодушія; но выражались онѣ крайне оригинально и не совсѣмъ логично, сравнительно съ нынѣшними понятіями о справедливости.

Нѣкто актеръ Афонасьевъ, не имѣвшій никакого значенія по своему дарованію на сценѣ, разъ въ театрѣ выпилъ лишнюю рюмку и что-то набуянилъ. Гедеонову подали рапортъ. Во избѣжаніе могущихъ повториться скандаловъ, требовалось оштрафовать виновнаго. Гедеоновъ, услышавъ объ этомъ происшествіи въ одну изъ добрыхъ своихъ минутъ, рассудилъ такъ: „Дать актеру Афонасьеву бенефисъ, такъ какъ, конечно, онъ пьянъ напился съ горя“. И Афонасьеву дали бенефисъ. Послѣ этого, поневолѣ повѣришь пословицѣ: „Не родись уменъ, не родись красивъ, а родись счастливъ!“

Далѣе продолжать рассказа я не намѣренъ. Несправедливость, зависть, клевета, протекція,—вотъ главные двигатели въ нашей администраціи, и еслибъ я рѣшился продолжать мой рассказъ, то невольно пришлось бы упоминать о нѣкоторыхъ лицахъ, которыхъ хотѣлъ бы совсѣмъ забыть.

В. В. Самойловъ.

1865 г. Спб.

Отрывокъ изъ стиховъ: «Партизанъ».

Умогла брань, ночная тѣнь
 Москвы окрестность покрываетъ;
 Вдали Кутузова курень
 Одинъ, какъ звѣздочка, сверкаетъ.
 Громада войскъ во тьмѣ кипитъ,
 И надъ пылающей Москвою
 Багрово зарево лежитъ
 Необозримой полосой.

* * *

И мчится тайною тропой,
 Воспрянувшій съ долины битвы,
 Наѣздниковъ веселый рой
 На отдаленныя ловитвы.
 Какъ стая алчущихъ волковъ,
 Они долинами витаютъ,
 То внемлютъ шороху, то вновь
 Отважно рыскаютъ продолжаютъ.

* * *

Начальникъ въ бурѣ на плечахъ,
 Въ косматой шапкѣ кабардинской
 Горитъ въ передовыхъ рядахъ
 Особой яростью воинской.
 Сынъ бѣлокаменной Москвы,
 Но рано брошенный въ тревоги,
 Онъ жаждетъ сѣчи и молвы...
 А тамъ что будетъ—вольны боги!

* * *

Давно незнаемъ имъ покой,
 Привѣтъ родни, взоръ дѣвы нѣжной,
 Его любовь—кровавый бой,
 Родня—Донцы, другъ—конь надѣжной.
 Онъ чрезъ стремнины, чрезъ холмы
 Отважно всадника проноситъ,
 То чутко шевелитъ уши,
 То фыркаетъ, то удила проситъ.

* * *

Но расскажите отъ чего
 Чело вождя покрылось думой
 И вздохъ колеблетъ грудь его,
 И мраченъ взоръ, и мысль угрюма.
 Неужели родимой край,
 Неужто небеса родныя
 Въ немъ воскресли невзначай
 Минувшей жизни сны младя?

* * *

Онъ видитъ градъ очарованья,
 Гдѣ онъ любилъ, не бывъ любимъ,
 Гдѣ онъ страдалъ, безъ состраданья.
 Гдѣ столько разъ онъ испыталъ
 Невѣрность клятвъ и обѣщаній,
 И гдѣ никто не понималъ
 Его души глухихъ рыданій.

* * *

Денисъ Давыдовъ.

28-го ноября 1826 г.
 Тифлисъ.

Примѣчаніе. Это стихотвореніе вошло въ изданія сочиненій партизана-поэта; тѣмъ не менѣе мы его вновь печатаемъ, какъ потому, что приобрѣли оное въ подлинномъ автографѣ Д. В. Давыдова, такъ и потому, что настоящій отрывокъ—одно изъ самыхъ характерныхъ произведеній его своеобразной музы. Точки въ послѣдней строфѣ принадлежатъ автору.

Ред.

ВЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМЪ СЕНАТѢ

1840—1852 гг.

Honeste vivere, neminem ledere, suum
cuique tribuere.

I.

Одинъ изъ преподавателей межевыхъ законовъ и всякаго матеріальнаго размежеванія въ училищѣ правовѣдѣнія въ С.-Петербургѣ, — Теофилактъ Лукичъ Малиновскій, стоя съ нами передъ астроябией, у предположенной межи чьей-то дачи на Каменномъ острову, говорилъ намъ, что дружба бываетъ двоякаго рода: дружба людей, еще не узнавшихъ людей, — и дружба такихъ личностей, которыхъ досыта накормили опытомъ житейскимъ ихъ прежніе друзья. Последняя, по его мнѣнію, трезвѣе по одному тому уже, что разоблачился скрывшійся подъ личиною взаимной откровенности честолюбецъ и хищный врагъ. Не вдаваясь въ разсужденія по этому чрезвычайно спорному предмету, представляющему вѣчно открытый, всѣми разрѣшаемый и никогда неразрѣшимый вопросъ, и «принимая во вниманіе», что преподаватель межеванія, Малиновскій, не счумѣлъ положить границъ между задачами астроябическими и психологическими — иначе выражаясь, словами нашего инспектора: отошелъ отъ программы — я прямо приступаю къ своей программѣ: она выше озглавлена. Приступаю по пословицѣ «лучше поздно, чѣмъ никогда» и, желая тоже, съ моей стороны, хотя отчасти, доказать, что простое повидимому для житейскаго обихода предписаніе мудрецовъ, выставленное эпиграфомъ къ этой статьѣ, не во всемъ своемъ пространствѣ примѣнимо бываетъ, потому что честно жить — можно, никому не вредить — должно, а воздавать всякому, что ему подобаетъ — никакъ нельзя, вы сами знаете почему; да и

„Вся судить —
„Міру не быть“

твердилъ нашъ архиваріусъ изъ духовнаго званія, подыскивая недостающіе по описямъ листы. И такъ я, благоговѣнно, мечтами возвращаюсь въ наше учебное заведеніе, припоминая непокорное моему перу время—іюнь 1840 года.

Послѣдніе экзамены проходили быстрѣ первыхъ. Стоило наблюдать: съ какою отеческою снисходительностью, обыкновенно строгіе на своихъ лекціяхъ, профессора задавали намъ на выпускныхъ экзаменахъ легкіе и эффектные вопросы, вполне постигая нашу невольную разсѣянность передъ нетерпѣливо ожидаемымъ вступленіемъ въ такъ неправильно называемый «свѣтъ». Къ тому же и присутствіе высоко-сановныхъ старцевъ въ роляхъ всяческихъ главныхъ начальниковъ—цѣнителей при нашемъ, сравнительно тогда еще молодомъ попечителѣ, не дозволяло специалистамъ-экзаменаторамъ дѣлать намъ иныхъ вопросовъ, кромѣ самыхъ общихъ и всѣмъ понятныхъ, въ родѣ того, на примѣръ: какъ возлежали римскіе патрициі при своихъ пиршественныхъ явствахъ въ знаменательные и торжественные дни, или въ какихъ видахъ и съ какою именно цѣлью нѣмецкіе ученые, въ безконечныхъ трактатахъ по римскому праву, уснащали свои томы цитатами изъ такихъ трудовъ своихъ предшественниковъ, которые, для обыкновеннаго человѣка, кажутся ни для кого ненужными. Не забыта была и кафедра, принадлежавшая профессору русской словесности, Петру Егоровичу Георгіевскому, который, усматривая «микроскопичность своего предмета» въ велегрѣчивомъ сомнѣ иностранныхъ свѣтилъ, не безъ робости спрашивалъ экзаменовавшихся изъ юныхъ курляндскихъ бароновъ:

— «Скажите, что вы знаете о Ломоносовѣ, Державинѣ, не помните ли чего о Пушкинѣ?»

— Позвольте-съ, ваше-ство!—возразилъ Георгіевскому быстро вмѣшавшійся директоръ Пошманъ;—еще не очень давно, за два съ небольшимъ года, профессоръ судебной медицины Иванъ Тимофѣевичъ Спасскій рассказывалъ мнѣ и всѣмъ, какъ онъ видѣлъ на смертномъ одрѣ А. С. Пушкина, кто его убилъ на дуэли и при какихъ обстоятельствахъ?

На вопросъ-же Георгіевского одному экзаменовавшемуся нѣмцу: «что онъ знаетъ о русскихъ беллетристахъ»,—послѣдовалъ отвѣтъ: «русскіе беллетристы потому такъ называются, что имѣютъ задачу писать подробныя біографіи никогда не существовавшихъ людей».

По окончаніи cadaго выпускнаго экзамена, между нами происходили дружескія бесѣды и совѣщанія о томъ, кому и въ какой департаментъ сената на службу поступить, такъ какъ въ канцеляріи министерства юстиціи вакансій почти не имѣлось и могли быть удовлетво-

рены только самыя внушительныя протекціи, а тогдашній министр, графъ Викторъ Никитичъ Панинъ, хотѣлъ, во что бы то ни стало, проявить и поддержать передъ нашимъ попечителемъ свое высокочинниче значеніе.

Товарищъ мой, Александръ Николаевичъ Сѣровъ, съ которымъ я былъ друженъ въ теченіи всѣхъ пяти съ половиною лѣтъ по сходству нашихъ влеченій къ музыкѣ и поэзіи, однажды сказалъ мнѣ, что его папаша сдѣлалъ визитъ оберъ-прокурору 1-го отдѣленія пятаго департамента Матвѣю Михайловичу Карніолинъ-Пинскому, слышшему за строгаго, но справедливаго и ободряющаго начальника, который обѣщалъ принять въ свои подчиненные его, Александра Николаевича. Хотя уголовщина мнѣ крайне была не по вкусу и я, несмотря на отличныя отмѣтки по уголовному праву, не чувствовалъ никакого особаго влеченія къ криминальнымъ дѣламъ,—но все-же попросилъ моего отца съѣздить къ тому-же Карніолинъ-Пинскому и ходатайствовать о принятіи меня къ нему на службу.

— «Вотъ этого ужъ я никакъ не могу себѣ дозволить!» неожиданно отвѣтилъ мнѣ, торжественно разводя руками, мой добрый старикъ. «Тебѣ дано образованіе, на твою волю предоставлено избрать служебную для себя карьеру: причемъ-же я тутъ буду? да и г. оберъ-прокурора этого я вовсе не имѣю чести знать. Если я исполню твое желаніе и что-нибудь случится потомъ неладное,—ты же можешь упрекнуть меня. Нѣтъ, гораздо основательнѣе поступишь, если станешь хлопотать самъ».

Отказъ этотъ, при несомнѣнной справедливости своей, тѣмъ не менѣе поставилъ меня въ затруднительное положеніе. У моего отца не было знакомыхъ по сенату; я-же, занимаясь въ свободное время переводами для нѣкоторыхъ редакцій и помѣщая иногда статьи и стишки въ журналахъ подъ псевдонимомъ Траума, имѣлъ возможность обратиться за совѣтами только къ редакторамъ,—а они, какъ извѣстно, были въ то время, по отношенію къ судебнымъ властямъ, что называется «не того поля ягода».

Я сообщилъ мои недоразумѣнія А. Н. Сѣрову,—и тотъ крѣпко призадумался. «Эврика!» наконецъ воскликнулъ онъ, «ступай къ О. И. Сенковскому! вѣдь ты помѣщаешь въ его «Библиотекѣ для Чтенія» нашу общую «музыкальную критику» всѣхъ произведеній, появляющихся въ потномъ магазинѣ П. И. Гурскалина (фирма «Одеонъ», существовавшая въ Большой Морской, въ домѣ Штрауха, куда М. И. Глинка отсылалъ для напечатанія свои романы со словами Нестора Васильевича Кукольника, при которомъ я состоялъ добровольнымъ адептомъ по части странствованій въ заоблачныхъ пространствахъ поэзіи). Сенков-

скаго я зналъ еще съ тѣхъ поръ, когда перевелъ для него вступительную рѣчь, произнесенную на нѣмецкомъ языкѣ, почти при самомъ открытіи училища, профессоромъ новоизобрѣтенной науки — «пропедевтики права», докторомъ философіи Гейнрихомъ Робертомъ Штеггардтомъ. Сенковскій, имѣвшій, тогда еще извинительную, привычку передѣлывать статьи хотя-бы и совершенно цензурныя, сократилъ и исказилъ рѣчь нѣмецкаго ученаго, къ общему неудовольствію всей аудиторіи, кромѣ самого профессора, который по русски ни слова не понималъ.

Я на другой-же день отправился къ Сенковскому; но почтенный баронъ Брамбеусъ, даже и въ то время ненормально увлеченный послѣднимъ выходомъ «Сатаны»¹⁾, на отрѣзъ отказался дать мнѣ какой либо по моему вопросу совѣтъ, плутовски проговоривъ, что «по предмету избранія дѣльной служебной карьеры въ вашемъ отечествѣ не содержится никакихъ указаній въ метафизиѣхъ Виланскаго, которою въ аду затыкають дыры отъ проникающихъ иногда солнечныхъ лучей. Идите къ вашему архичервю Николаю Алексѣевичу Полевому: онъ купецъ, а купцы охотно явшаются со всякими чиновниками; можетъ статься онъ вамъ и поворожитъ!»

Вотъ тебѣ «и на распутіи Вадимъ!» подумалъ я послѣ весьма понятнаго хотя и минутнаго огорченія: «первый шагъ—и неудача; должно быть не къ добру это такъ смѣшно вышло!» Отправляюсь на Лиговку, за Знаменскую церковь, въ домъ А. Ф. Смирдина, къ обитавшему тамъ, въ первомъ этажѣ, Полевому; нахожу его больнымъ, какъ говорили—простудою, отъ сырости пола, и пересказываю ему баронское измышленіе о вліятельности Николая Алексѣевича въ высокочинныхъ сферахъ.

— «И вы повѣрили этому гаеру-арлекину!» протянулъ взволнованнымъ голосомъ Николай Алексѣевичъ. «Съ чего онъ вамъ это сбредилъ? Я, правда, въ моей «Исторіи Россійскаго Государства» писалъ о разныхъ приказахъ и подъячихъ, но приказная сфера мнѣ рѣшительно чужда-сь».

Я молчалъ.

— «Да я и понять не могу, въ чемъ вы затрудняетесь, любезнѣйшій Иванъ Бочаровъ, когда столбовая, а не проселочная, дорога передъ вами открыта. Вы знаете Николая Ивановича Греча; на его сестрѣ, кажется, женатъ оберъ-прокуроръ 3-го департамента правительствующаго сената, дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ Николай

¹⁾ Извѣстный юмористическій этюдъ Осипа Ивановича въ „Библіотекѣ для чтенія“, подъ псевдонимомъ бар. Брамбеуса.

Павловичъ Безакъ-съ: Гречь безъ малѣйшаго затрудненія и разговора дасть вамъ къ нему рекомендательное письмо! Отправляйтесь къ нему теперь-же-съ».

Поблагодаривъ за совѣтъ, но, подозрѣвая, что и этотъ «себѣ на умѣ» просвѣщающій массы благодѣтель хочетъ просто отдѣлаться отъ меня, подѣ благовиднымъ предлогомъ, — я, дѣйствительно, направился на Мойку, въ домъ Греча, гдѣ помѣщались типографія и редакція «Сѣверной Пчелы», но не засталъ уже дома Николая Ивановича; онъ былъ потребованъ — не то, чтобы въ III отдѣленіе, — а въ Фурштаттскую улицу, къ ген. Дубельту, для какихъ-то разъясненій о томъ, что именно подразумѣвалось подѣ журнальнымъ терминномъ «передовая статья», такъ какъ подобныхъ своевольныхъ неприличій въ то время еще не полагалось въ газетахъ.

На другой день, въ восемь часовъ утра, я уже былъ въ рабочемъ кабинетѣ-чердакѣ Греча, по обыкновенію занимавшагося передѣ своимъ пояснымъ портретомъ, писаннымъ густыми маслянными, — большею частью черною, — красками, и получилъ желаемое письмо, въ которомъ изъяснялось обо мнѣ, какъ о молодомъ человѣкѣ, желающемъ добросовѣстно трудиться и подающемъ надежды, тѣмъ болѣе, что и Н. В. Кукольникъ будто-бы еще недавно ему, Николаю Ивановичу, о моихъ способностяхъ говорилъ. Изъ письма я еще и то увидѣлъ, что Гречь былъ съ Безакомъ на ты, и потому мною было придано сдѣланной обо мнѣ рекомендаціи великое значеніе, хотя и тогда уже сознавалъ я, что всѣ мои литературныя шалости ничего не стоили. Я, тогда еще 19-ти лѣтній юноша, — просто «любилъ писать, излагать свои чувства и привязанности»; тенденцій же тогда еще «не было въ явѣ» никакихъ, — но крайней мѣрѣ онѣ ни по чему не могли быть мнѣ извѣстны, и выраженіе «искусство для искусства» еще не почиталось смѣшнымъ.

Когда я, въ понятномъ восторгѣ, показалъ отцу рекомендательное обо мнѣ письмо Греча, старикъ, похваливъ меня за мои усердныя хлопоты, замѣтилъ только иронически, что онъ, съ своей стороны, не далъ бы письму этому полной вѣры, такъ какъ оно послѣдовало отъ литератора, — «а литераторы, по его убѣжденію, не всегда говорятъ правду».

Г. Безаку — какъ теперь помню — я представился въ воскресенье, въ 11 часовъ, и нашелъ въ немъ чрезвычайно симпатичную личность. Не оказалось и тѣни того excellent'наго самомиѣнія, которое, къ несчастію, во всѣхъ образованныхъ странахъ, нерѣдко мѣшаетъ человѣку, достигшему извѣстнаго, болѣе или менѣе высокаго, положенія въ чиновничьей іерархіи, прямосердечно и христіански-просто относиться къ тѣмъ самымъ людямъ, при которыхъ приставила его судьба въ

роли «отца и покровителя, защитника и охранителя отъ всякихъ бѣдъ и невзгодъ».

Его превосходительство Николай Павловичъ Безакъ показался мнѣ какимъ-то французомъ: во первыхъ—онъ съ перваго слова заговорилъ со мною по французски, какъ истый парижанинъ, во вторыхъ—онъ принялъ меня не въ халатѣ, какъ всякому мирному генералу тогда подобало, а въ сюртукѣ, хотя и безъ галстука, лежа на старой ситцевой кушеткѣ, заваленной листками иностранныхъ газетъ;—можетъ быть еще и не прочитанныхъ. Въ третьихъ—онъ мнѣ сказалъ, что всѣ его подчиненные—канальи, лѣвтяи, хитрецы и взяточники, съ которыми нельзя ничего подѣлать безъ боязни умереть отъ аневризма. Затѣмъ Безакъ пріятливо объявилъ мнѣ, что и мой товарищъ Е. И. Барановскій пожелалъ къ нему поступить; что, побесѣдовавъ съ нимъ, онъ, Безакъ, замѣтилъ въ немъ пріятную оригинальность и самостоятельность въ сужденіяхъ, которыя предвѣщаютъ не какого нибудь столначальника, а вѣчто поважнѣе, и затѣмъ отпустилъ меня съ миромъ, сказавъ: «до пріятнаго свиданія въ нашемъ департаментѣ!»

Въ это-же самое воскресенье, въ которое я такъ отраднo бесѣдовалъ съ Безакомъ,—я, по заведенному въ училищѣ порядку, возвратился въ стѣны нашего, священнаго и понынѣ, храма.

Но тутъ произошло совершенно неожиданное для меня событіе, имѣвшее рѣшительное вліяніе на всю мою служебную дѣятельность.

Въ понедѣльникъ, въ 9 часовъ утра, является въ нашъ, уже совершенно свободный отъ педагогическихъ лекцій, классъ, директоръ Семень Антоновичъ Пошманъ, чѣмъ-то до крайности встревоженный. Черные глаза его прыгали; очки не держались на носу; онъ безпрестанно ихъ поправлялъ.

— «Господа!» сказалъ внушительнымъ голосомъ, вступивъ на кафедру, директоръ, «вчера былъ у меня оберъ-прокуроръ 2-го отдѣленія 5-го департамента правительствующаго сената Иванъ Христіановичъ Капгеръ, и выразилъ мнѣ глубочайшее свое неудовольствіе по тому случаю, что никто изъ васъ до сихъ поръ у него не былъ съ объявленіемъ своего желанія поступить подъ его начальство».

Всѣ молчали.

— «Если вы, господа, мнѣ не отвѣчаете, то я нахожусь вынужденнымъ опросить васъ по алфавитному списку».

Началась выкличка. Желающихъ не оказалось; а произошло это странное обстоятельство по той причинѣ, что на одной изъ нашихъ совѣщательныхъ сходокъ кто-то изъ товарищей сказалъ, будто И. Х. Капгеръ тяжелаго характера; къ тому же онъ почти не присутствовалъ на нашихъ выпускныхъ экзаменахъ, а это было нами истолко-

вано полнѣйшимъ къ намъ равнодушіемъ съ его стороны, что впрочемъ и оказалось справедливымъ впоследствии. Пошманъ нисколько не возмущился, повидимому, нашимъ отказомъ и вызвалъ меня.

— «Вочаровъ!» произнесъ онъ съ интонаціею нѣкоторой укоризны, «товарищѣй вашихъ я не могу принуждать къ поступкамъ, несогласнымъ съ ихъ желаніями; но вы-то, вы-то, вы — получили воспитаніе на собственный счетъ Его Высочества, вашего благодѣтеля, которому вы всѣмъ обязаны. Именемъ принца объявляю вамъ, что я угадалъ ваши благодарныя мысли въ настоящую минуту: вы искренно желаете поступить къ добрѣйшему Ивану Христіановичу!»

— Но, ваше—ство, я уже представлялся г. Безаку, отвѣтилъ я вопросительно.

— «Это ровно ничего не значить: я самъ передъ нимъ за васъ извинюсь».

Такимъ образомъ мое равенство и равноправность по отношенію къ моимъ товарищамъ были нарушены внезапно и безъ какой-либо моей вины. Жизнь, при первыхъ ея лучахъ, сказалась будничною, сѣренькою прозой.

При видѣ юношески-недоумительныхъ улыбокъ моихъ товарищѣй, не считавшихъ нужнымъ скрывать своей радости, что директорская «чаша» ихъ миновала,—я имѣлъ возможность обратиться съ просьбою объ участіи въ моемъ положеніи только къ нашему воспитателю г. Берару.

— *Mon cher! C'est la volonté de Dieu!* отвѣтилъ мнѣ, таинственно вознеся персть къ небу и полунаклонивъ голову, ревностный католикъ-воспитатель. Попавшійся-же на глаза, въ библиотекѣ, инспекторъ, обыкновенно ласковый и всегда добросердечный, не далъ никакого отвѣта.

Оставалось покориться судьбѣ. Я и покорился ей, вписавъ свое имя въ списокъ предъ графою: 2-ое отдѣленіе 5-го департамента.

На другой день, 15-го іюня, былъ назначенъ торжественный актъ. Мы явились въ сенатскихъ мундирахъ помощниковъ секретарей, при шагахъ и треуголкахъ; только немногіе—Волоцкой и еще кто-то съ бархатными зелеными воротниками министерства. Былъ молебень; на всѣхъ довольныя лица; мнѣ одному было какъ-то обидно-келовко.

Попечитель сказалъ намъ краткую напутственную рѣчь, закончивъ ее словами: «идите въ міръ, архистратиги! трудно будетъ вамъ въ борьбѣ»,—но «помните, что дверь моя для васъ всегда открыта».

Намъ роздали дипломы и золотыя перстни, съ надписями на одной сторонѣ: «*Respicere finem*», а на другой—«15 іюня 1840 года».

Принцъ, разставаясь съ нами, не могъ удержаться отъ слезъ. Тепла

и трогательна была его поэтическая рѣчь; жаль только, что ни онъ и никто изъ воспитателей и преподавателей не разъяснили неопытнымъ и пылкимъ умамъ, что очень многое въ жизни обуславливается просто случаемъ, прихотью, протекцею и житейскою ловкостью; а житейскій опытъ — охъ какой это дорогой и безсердечный учитель! Всѣ мы увлеченно предполагали, что въ мирѣ насъ ожидаетъ одна только постоянно видоизмѣняющаяся радость.

II.

Вскорѣ послѣ того, какъ я вернулся въ родительскій домъ, отецъ, показывая мнѣ различныя подлинныя дѣла, лежавшія на его письменномъ столѣ, передалъ одно изъ нихъ, для составленія докладной записки.

Порученіе было немедленно исполнено; но отецъ никакъ не могъ разобрать моей черновой работы, потому что я—да и почти всѣ мои товарищи—записывая въ теченіи пяти слишкомъ лѣтъ лекціи профессоровъ, читавшихъ съ кафедры не рѣдко скороговоркою, совершенно испортили свой почеркъ.

— Могу васъ увѣрить, что докладъ составленъ обстоятельно! сказалъ я самоувѣренно.

— «Я въ этомъ не только не сомнѣваюсь», возразилъ отецъ, «я даже убѣжденъ, что онъ добросовѣстно изложенъ. Но прежде, чѣмъ признать, умно-ли написанное, надобно имѣть возможность свободно прочесть то, что написано: а отсутствіемъ этой-то существенной и первой принадлежности каждаго труда ты и вооружаешь противъ себя своихъ будущихъ начальниковъ и дѣятелей. Прими мой искренній совѣтъ, другъ мой, хотя онъ тебѣ съ перваго взгляда покажется нѣсколько страннымъ, а можетъ статься и обиднымъ: исправь почеркъ для твоей-же пользы. Я знаю людей такихъ, которые въ теченіи своей жизни, какъ говорится, мухи отъ слона отличить не умѣли, а достигли орденовъ и званій дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ — и даже еще чего-то болѣе и выше—единственно благодаря той случайности, что были гениальными каллиграфистами,—конечно при строгомъ соблюденіи обѣта молчанія».

Почеркъ былъ мною по возможности исправленъ, четко переписанный докладъ отцу сданъ, — и я, въ одинъ прекрасный день, въ 10-ть часовъ утра, отправился по направленію къ зданію правительствующаго сената, наводившему меня на размышленія, въ которыхъ я тогда еще не могъ себѣ составить опредѣленнаго отчета.

Войдя въ главный подъѣздъ, я замѣтилъ двухъ курьеровъ, видимо о чемъ-то спорившихъ между собою. Оказалось, что одинъ изъ нихъ не хотѣлъ уступить другому списокъ сенаторовъ общаго собранія, на которомъ противъ имени и фамиліи каждаго лица мѣста жительства ихъ были подробно обозначены. Толстый красноватый швейцаръ, чистилъ свою ливрею и наводилъ металлическій блескъ на булаву, а направо, на деревянномъ диванчикѣ, у самой комнаты главнаго дежурства, подобострастно сидѣли два какихъ-то еврея, съ просительскими бумажками въ рукахъ.

— Какъ-бы мнѣ пройти въ канцелярію 2-го отдѣленія 5-го департамента, и у кого тамъ узнать, гдѣ живетъ оберъ-прокуроръ Иванъ Христіановичъ Капгеръ?—спросилъ я швейцара, снимая съ себя круглый плащъ на бархатной подкладкѣ, вышедшій изъ мастерской моднаго тогда портнаго, г. Петерса, гордившагося красотою своей жены передъ столичной молодежью.

— Вы изъ училища?... Гм!... Можете и здѣсь пройти, ваше благородіе: подымитесь по этой лѣстницѣ, потомъ направо, по второму этажу, чрезъ два другихъ департамента, а если желаете понасть туда прямо, какъ и всѣ тамошніе чиновники ходятъ, — то лучше будетъ, если обойдете изъ нашего подъѣзда, мимо гауптвахты, подъ арку, въ ворота, во второй-же этажъ. Гдѣ живетъ генералъ Капгеръ, вы и здѣсь, въ главномъ дежурствѣ, узнать у курьера можете, — только тамъ, прямо въ канцеляріи, для васъ удобнѣе будетъ, потому что департаментскій экзекуторъ теперь уже пришли и повѣряютъ являющихся на должность чиновниковъ. Экзекуторъ вполнѣ скажетъ вамъ: и въ которомъ часу генералъ Капгеръ туда пріѣзжаетъ, и гдѣ онъ живетъ.

Отвѣтъ былъ настолько обстоятеленъ, что оставалось послѣдовать указанію, и я невольно подивился простотѣ души стараго русскаго ундера-швейцара, который не воспользовался предстоявшимъ ему случаемъ «загородить дорогу» просьбой о подачкѣ.

— Скажите, любезный, какъ ваше имя?—спросилъ я у того-же швейцара, еще не надѣвавшего своей формы.

— Мое имя Борисъ, а фамилія—Брызгаловъ,—произнесъ онъ съ усмѣшкою.—И развѣ вы не помните, или вамъ не говорили о фамиліи Брызгаловыхъ?

Въ трехъ большихъ комнатахъ втораго этажа, окнами однѣ—во дворъ, другія—въ Галерную, было разставлено нѣсколько большихъ и малыхъ столовъ, обтянутыхъ черною клеенкою. Когда я вошелъ, за большими столами сидѣло уже нѣсколько разнокалиберныхъ и разношерстныхъ существъ въ глянцеvито-истертыхъ мундирныхъ фракахъ, большею частью стариковъ отъ сорока до семидесяти лѣтъ включи-

тельно, и лыснхъ, и въ парикахъ, сошедшихся сюда изъ Чекушь, Колтовской, изъ села Александровскаго и изъ-за Невской заставы. У нѣкоторыхъ торчали въ петличкахъ орденскія ленточки, медали и знаки отличія за безпорочную службу, съ неодинаковыми римскими цифрами. Тишина была изумительная, и, при первомъ взглядѣ на это сборище, легко могло показаться каждому, даже не очень строгому наблюдателю, что онъ попалъ въ какую-нибудь провинціальную консисторію, или въ кабинетъ восковыхъ фигуръ изъ нѣмецкаго ремесленного быта: до такой степени все здѣсь вѣяло запахомъ отпѣтой умственной гнили. Всѣ что-то списывали.

Малые столы еще не были заняты. Суровый господинъ, въ мундирѣ и при шпагѣ, раскладывалъ на нихъ толстыя бѣлыя нитки, сѣрую бумагу, картузные листы, гусинья перья и дешевые карандаши, соблюдая по возможности пропорціональность въ количествѣ матеріала, ежемѣсячно отпускаемаго на каждого помощника секретаря, долженствовавшихъ вскорѣ прибыть, по двѣ персоны къ каждому малому столу. Этотъ господинъ былъ—экзекуторъ, блюститель порядка, онъ-же приходорасходчикъ, фактотумъ и тайный доносчикъ его превосходительству Михаилу Ивановичу Топильскому о всякомъ несвоевременно-явившемся на должность канцелярскомъ труженникѣ и о всякомъ алкогольномъ ихъ увлеченіи. Порою клевета на помощниковъ и сплетничая на секретарей, у которыхъ иногда появлялись новые скюртуки, въ тѣ дни, когда доводилось отправиться прямо изъ должности на имянинный пирогъ, экзекуторъ позволялъ себѣ шутливо отзывать о пѣкоторыхъ оберъ-секретаряхъ, къ которымъ просители являлись въ департаментъ, а не на домъ; но говорить съ его превосходительствомъ — такъ или иначе—о письмоводителѣ и протоколистѣ не имѣлъ рѣшительно никакого права: лица эти состояли подъ непосредственнымъ надзоромъ и пользовались особымъ вниманіемъ самого его превосходительства, который ежедневно, при входѣ въ департаментъ, кивалъ имъ головою и, иногда заходя случайно по пятницамъ, удостоивалъ разговаривать съ ними по нѣсколько секундъ.

«Позвольте васъ спросить, къ кому здѣсь я могу обратиться?»—проговорилъ я, подошедъ къ этому господину и предварительно объявивъ о своей личности.

— «Къ вашимъ услугамъ! Экзекуторъ здѣшній Осипъ Осиповичъ Сукманъ, коллежскій ассесоръ и домовладѣлец!»—былъ отвѣтъ.

«Значить, вы можете объяснить мнѣ, въ какое время и гдѣ могу я представиться оберъ-прокурору?»

— «То есть его превосходительству, Ивану Христіановичу, вѣроятно хотите вы сказать?»—холодно замѣтилъ Сукманъ. «Генералъ никогда

не изволить бывать сюда ранѣе двухъ съ половиною, или трехъ часовъ, потому что у себя дома дѣлами занимается; а выходить изъ департамента—въ шесть, иногда въ семь; въ ноябрѣ, когда отчеты—и того позднѣе...»

«А какъ-же всѣ вы-то здѣсь, съ такого ранняго времени?»

— «Мы—подчиненные, разсуждать не смѣемъ и къ тому не приучены: приказано—сидимъ! Вамъ-бы лучше къ генералу на квартиру отправиться».

«Гдѣ-же онъ живетъ и когда принимаетъ?»

— «Жительство онъ имѣеть,—а не живетъ-съ,—на Литейной, въ казенномъ домѣ, почти противъ Симеоновскаго переулка,—онъ и тамъ исполняетъ важныя обязанности; а принимаетъ—всегда послѣ 12-ти, если одинъ и не встревоженъ кѣмъ-нибудь. Отправляйтесь къ нему теперь-же; идите смѣло: ничего! Курьеръ при немъ находится: онъ о васъ доложитъ. Ступайте съ Богомъ въ добрый часъ! У васъ, конечно, собственный экипажъ? у подѣзда или у воротъ?»

Мнѣ показалось, что эскекторъ хотѣлъ меня проводить нѣсколько.

«Нѣтъ, я пѣшкомъ сюда пришелъ».

— «А! Да—аа! Вѣдь, помнится мнѣ, никто изъ вашихъ не пожелалъ добровольно къ намъ поступить. Ну, въ такомъ случаѣ—дѣлайте, какъ знаете. Извините, у меня то-же свои обязанности и дѣла!»

Онъ двусмысленно поклонился; я отвѣтилъ тѣмъ-же и вышелъ изъ канцеляріи непринужденно-скорыми шагами, потому что у меня заболѣла голова и я ничего не могъ сообразить. Все это было такъ несогласно съ тѣмъ, что намъ наговорили о сенатскихъ порядкахъ, о привѣтливыхъ сенатскихъ чиновникахъ, которые примутъ насъ съ распростертыми объятіями и уже соскучились въ ожиданіяхъ нашей служебной имъ помощи, что я подумалъ, не соскочилъ-ли я съ ума, или не предоставила-ли мнѣ судьба неожиданный сеансъ въ «желтомъ» домѣ,—какъ прежде называли нѣкоторые богоугодныя заведенія.

Придя домой, я встрѣтилъ заботливый взоръ отца, замѣтившаго, что со мною произошло что-то неладное.

Вечеромъ я слегъ въ постель; начался лихорадочный жаръ и безсвязный бредъ. Мнѣ говорили послѣ домашніе, что я въ какомъ-то ожесточеніи декламировалъ какія-то безсмысленныя тирады:

«Если вылить въ Неву стаканъ цвѣточнаго чаю, то напитокъ незамѣтно расплывется и потеряетъ вкусъ».

«Напрасны пѣсни передъ деревомъ, когда оно дубе!»

Болезнь скоро миновала, по неизмѣнному закону природы, глубоко-мысленно объясненному намъ однажды, при анатомическомъ вскрытіи

чьей-то—если не ошибаюсь, купеческой—грудной полости, тѣмъ-же профессоромъ судебной медицины И. Т. Спасскимъ:

«Ежели мы сами проходимъ, — то, безъ всякаго сомнѣнія, проходятъ и наши болѣзни. Эта аксіома была извѣстна еще до потопа, гораздо позже котораго явился эскулапъ, подтвердившій ту-же истину, неоднократно выраженную и въ новѣйшихъ гомеопатическихъ лечебникахъ».

«Видно, не переводятся только одни экзекуторы, потому что они вѣчны какъ ржавчина», подумалъ я, почувствовавъ уже нѣкоторое облегченіе отъ навѣяннаго недуга. Предстояло немедленно отправиться къ начальнику, служебная обстановка и моментъ дѣятельности котораго, въ дѣйствительности, безъ иллюзій, были въ такомъ видѣ:

При обнародованіи Свода Законовъ перваго изданія 1832 года—наша русская юстиція была не только не на верху, а, напротивъ, въ подошвенномъ низу своей задачи. Въ домахъ зажиточныхъ или просто порядочныхъ помѣщиковъ считалось неприличнымъ говорить о тяжбахъ, безконечный ходъ и перипетіи которыхъ обыкновенно содержались въ тайнѣ, а тѣмъ болѣе о чиновникахъ,—такъ называвшихся приказныхъ—такихъ паряхъ, положеніе и нравственный уровень которыхъ нерѣдко признаваемы были гораздо ниже крѣпостно-крестьянскаго и сельско-духовнаго; а въ военно-служебныхъ сферахъ трактовалось единственно о доходахъ съ имѣній, арендахъ и иныхъ пожалованіяхъ, и только въ рѣдкихъ случаяхъ о вліятельныхъ мѣрахъ для ходатайства къ отміѣнъ какого-нибудь мозолящаго карманъ окончательнаго рѣшенія, чтобы обратить таковое къ «первоначальному» производству, т. е. снова отбросить какой-нибудь непрошенный — негодный дамочковъ мечъ на пѣлые десятки лѣтъ. Геніальныя крѣпостныя Оедулы, Зоты, Антипы, впоследствии нажившіе себѣ несмѣтныя земельныя и лѣсныя богатства, состояли повѣренными по дѣламъ своихъ господъ, исполняя должность безотговорочныхъ при нихъ казначеевъ въ каждый критическій моментъ и глубоко разсудительныхъ, хотя и безграмотныхъ, факторовъ при всякомъ внезапномъ ихъ крахѣ. Только одни они знали дѣйствительныя денежные средства крестьянъ извѣстной мѣстности и умѣли сдерживать порывы управляющихъ изъ иностранцевъ; помѣщикъ-же лично ничего не могъ узнать обстоятельнаго о кубышкѣ своего Вавилы, какъ-бы ни истязалъ его кнутомъ и батономъ. «Помиляйте во имя Господа!» вопилъ со слезами, валяясь въ ногахъ, сѣрый мужикъ: «мы подати вамъ, примѣромъ будучи сказать, на два предмета заплатили, а больше намъ взять неотколи-ти!»

Въ уѣздныхъ городахъ уѣздные странціе-самоучки, крапивнаго сѣмени или случайные сыновья причетниковъ и уволенныхъ дворовыхъ—

состязались въ лихоимствѣ съ мѣстными судьями изъ мелкокрапныхъ дворянъ и открыто исполняли должности ходатаевъ безъ довѣренностей по дѣламъ такихъ лицъ, отъ которыхъ можно было пожиться хотя-бы сѣвомъ, овсомъ, крупной или птицей, къ празднику, если не деньгами. Все' это, конечно, объяснялось крайнею скудостью казеннаго содержанія, не превосходившаго нѣсколькихъ рублей въ мѣсяцъ.

Губернскіе города имѣли свою особую служебно-чиновничью аристократію, состоявшую изъ предсѣдателей трехъ палатъ—казенной, гражданской и уголовной, съ ихъ совѣтниками,—совѣтниковъ губернскаго правленія, инспектора врачебной управы, почтмейстера, губернскаго прокурора и губернатора. Иногда къ этимъ «сливкамъ» общества присовокуплялись секретарь дворянства и уѣздный исправникъ, какъ особа, къ особѣ главнаго пачальника особо приближенная. Должности заполнялись по преимуществу отставными военными, лишившимися приличныхъ маіорскому или полковничьему званію средствъ къ жизни, или канцелярскими старшаго оклада, пережѣщавшимися, по разнымъ пронкамъ, изъ Петербурга, съ непремѣнною обязанностью косвеннаго наблюденія по собственнымъ дѣламъ и интересамъ столичныхъ воротилъ. Не диковина была просителю, въ кабинетѣ у какого-нибудь департаментскаго директора, имѣющему тяжёлое дѣло въ провинціи, или—положимъ дѣльце по добыжкѣ дутаго залога для казеннаго подряда—получить такой отвѣтъ: какъ только приѣдете въ городъ, ступайте отъ моего имени къ такому-то совѣтнику (имя рекъ); онъ у меня и теперь свой человекъ, и для меня вамъ все сдѣлаетъ. Директоры гимназій держались особнякомъ, и никакимъ вліяніемъ и почетомъ у мѣстной аристократіи не пользовались. Поборы съ просителей взимались предсѣдателями—обыкновенно черезъ секретарей, въ важныхъ или «хлѣбныхъ» случаяхъ—лично, въ самоважнѣйшихъ рѣдкихъ «казусахъ»—и тѣми, и другими вмѣстѣ. Послѣдніе—т. е. казусы—доставляли обильную пищу даже размышленнымъ сторожамъ, при отправкѣ дѣлъ, въ наглухо зашитыхъ тюкахъ, на почту со стереотипной надписью: «въ правительствующій сенатъ».

Здѣсь дѣла, по своему благополучномъ прибытіи въ подлежащіе департаменты чрезъ главное дежурство, вылеживались въ аккуратно запираемыхъ шкапахъ, ожидая своей «очередя», ходатаевъ и просьбъ «о рукоприкладствѣ».

Иногда, у провинціальнаго почтмейстера, еще и тюкъ въ теченіи полугода не отосланъ, а вліятельный столоначальникъ—виновать, помощникъ секретаря—уже заполучилъ въ столицѣ денежный конвертъ, съ покорнѣйшею просьбою «о зависящемъ наблюденіи впредь до личнаго свиданія».

Присылаемыя въ правительствующій сенатъ дѣла состояли нерѣдко изъ цѣлыхъ стопъ разнообразныхъ бумагъ, писанныхъ неразборчиво, каверано и глупо; преобладающая цѣль была—или затянуть дѣло, или представить его въ превратномъ видѣ. Очевидно, прежде внесенія въ присутствіе всякаго такого дѣла, необходимо было приготовить изъ него полную, хотя бы нѣсколько осмысленную выдержку. Вотъ главная причина такъ называвшагося составленія «пространныхъ записокъ», которыя, бывъ неизбѣжнымъ тогда зломъ по отношенію къ быстротѣ дѣлопроизводства, представляли собою еще большее зло, дѣлая изъ канцелярій безсловесную машину и превращая молодыхъ помощниковъ секретарей въ простыхъ фабричныхъ кокегаровъ. Тутъ не требовалось умственного труда и соображенія, а въ результатѣ получалось у интеллигентныхъ одно только отвращеніе къ своимъ обязанностямъ, при общемъ исполненіи которыхъ никакому начальнику нельзя было отличить «Ивана» отъ «Ивана» и, понятно, требовался одинъ только «экзекutory» для наблюденія и доносовъ за полностью проводимыхъ чиновниками на службѣ, по положенію, часовъ.

Если «пространные записки» были зачастую съ оригиналомъ невѣрны и выражали собою пассивный интересъ своими пробѣлами, восполнявшимися по гениальности и фантази плутоватаго скрѣпщика изъ по листамъ, а провѣрка ихъ представляла жестокосердѣйшее наказаніе до притупленія способностей и изнеможенія физическихъ силъ,—то что же можно было сказать одобрительнаго о «краткихъ» запискахъ, которыя скрѣплялись секретарями и были или просто повтореніемъ губернаторскихъ рапортовъ, или давали необходимый поводъ для безшабашнаго искаженія обстоятельствъ дѣла сообразно «домогательствамъ» участвовавшихъ въ тяжбѣ сторонъ, зачастую корыстнымъ.

Такъ вотъ съ какимъ матеріаломъ бороться неминуемо предлежало прежнимъ оберъ-прокурорамъ, писавшимъ слова «читалъ» и «исполнить» на опредѣленіяхъ, которыя были ни что иное, какъ тѣ же, еще разъ переписанныя записки—пространная и краткая, но только уже не на сѣрой, а на бѣлой бумагѣ,—съ прибавленіемъ дословныхъ выписокъ изъ свода законовъ и резолюцій, которыя, предварительно доклада, развивали и передавали на прокурорское воззрѣніе оберъ-секретари.

Понятно, что и у оберъ-прокуроровъ настоящая энергія пропадала, а такъ какъ для нихъ переходить въ другія вѣдомства уже не было расчета, потому что ушло уже время,—то и оставалось, въ концѣ концовъ, одно безмолвное и терпѣливое прозябаніе впредь до перестановки кресла на середину залы, за общій праведный столъ подъ всеми святыми. Правда, все шло тихо по своей колеѣ; но въ такомъ колежномъ regretted mobile не разобрался бы и премудрый Соломонъ.

Коснувшись выписокъ изъ свода законовъ, не могу не передать оригинальныхъ замѣчаній на колоссальный трудъ его составителя, высказанныхъ, не помню хорошенько при какой бесѣдѣ—однимъ изъ талантливейшихъ и ближайшихъ помощниковъ графа Сперанскаго. Передаваемое здѣсь происходило, кажется, на вечерѣ у сенатора Мордвинова.

— «Сводъ законовъ въ первомъ его изданіи—это превосходно распланированная мѣстность для сада на самый деликатный, утонченный вкусъ; при второмъ изданіи—это будетъ тѣнистый садъ, при третьемъ—густой лиственный лѣсъ, а при четвертомъ—только кодексъ Наполеона».

— Къ чему вы тутъ, и съ какой стати примѣшиваете имя этого челоуѣка, ваше прев—ство? спросилъ я не безъ нѣкотораго волненія, которое не успѣлъ хорошо скрыть.

— «Съ очень большой стати!» сухо отвѣтилъ сановникъ, отворотившись отъ меня въ полъ-оборота. Хоругви и крупу не ставятъ подъ одну крышу. Отдѣлите личныя права отъ мѣропріятій имущественныхъ, предоставленныхъ административнымъ вѣдомствамъ—и у васъ получится въ результатѣ коротенькая книжка, понятная всякому гимназисту, а судопроизводство—это юстиція, про которую вамъ и намъ давно сказано: *fiat justitia regeat mundus*.

— «Не легкая задача вообще, и у насъ—въ особенности!» шутливо замѣтилъ кто-то.

При такомъ замѣчаніи сановникъ отошелъ въ другую комнату, гдѣ фокусникъ Боско раздавалъ присутствующимъ живые цвѣты: розы, камелии и незабудки, изъ пустой выкрашенной и налакированной вазы.

III.

Отправившись на Литейную представиться И. Х. Кангеру, въ 10 часовъ утра, я, прождавъ до 12-ти, нашелъ его пр—ство въ уютной бесѣдѣ, находившейся въ палисадикѣ, во второмъ дворѣ казеннаго дома, благополучно существующаго и понынѣ. И. Х. сидѣлъ за большимъ письменнымъ столомъ, заваленнымъ сенатскими опредѣленіями, разложенными крестъ-на-крестъ, одно на другое. Справа, вблизи стола, на простой скамейкѣ, лежало нѣсколько книгъ свода и одинъ томъ изъ общаго собранія. По наружности своей И. Х. показался мнѣ холоднымъ скептикомъ; блѣднолицый и худощавый, съ нахмуреннымъ лбомъ, онъ являлъ собою болѣе истолкователя, и даже, вѣроятно, талантливаго исполнителя гетевского Фауста, чѣмъ кандидата въ сенаторы панчинской канцелярской эпохи.

Нечего и распространяться о томъ, что я былъ принятъ сухо и совершенно безвнимательно.

— Васъ ко мнѣ прислали, и вы ко мнѣ явились! проволочилъ медленно Кангеръ, устремивъ на меня ядовито-испытующій взглядъ. Послѣдоваха пауза, какъ въ финальной оперной кадѣнцѣ.—Теперь отправьтесь въ сенатъ, прямо въ мой департаментъ, спросите тамъ оберъ-секретаря Ивана Матвѣевича Погуляя: онъ вамъ дастъ дѣло,—но ему тоже представитесь, конечно?...

Войдя въ знакомую уже канцелярію, я, по указанію эскутера, увидѣлъ краснолицаго господина, средняго роста, въ мундирѣ съ шитымъ воротникомъ, сидящаго за однимъ изъ малыхъ столовъ, съ раскрытыми ногами, обутыми въ глянцевито-начищенные сапоги. Передъ господиномъ стоялъ, въ почтительномъ безмолвіи, какой-то другой господинъ, въ мундирномъ фракѣ, державшій массу бумагъ въ синей оберткѣ. Сидѣвшій тузъ—и былъ тотъ самый Погуляй, къ которому послалъ меня начальникъ; стоявшій валець—какъ впоследствии оказалось—младшій помощникъ секретаря, пятидесяти отъ роду годковъ, Викторъ Евстигнѣевичъ Козюлькинъ.

— Ворона! Что ты это тутъ написалъ! неустово кричалъ Погуляй, тыкая пальцемъ въ синюю бумажную обертку.

Обстоятельство, послужившее поводомъ къ неудовольствіямъ, заключалось въ томъ, что столоначальникъ Викторъ Евстигнѣевичъ Козюлькинъ сдѣлалъ надпись на обложкѣ уголовного дѣла и внесъ его подъ номеромъ въ настольный реестръ дословно съ такою кличкою, какая ему была предоставлена въ Киевской уголовной палатѣ, а именно: «о медвѣжьей шубѣ, оказавшейся собачьею», вмѣсто того, чтобы наименовать то лицо, которое подверглось судебному приговору за обманъ при продажѣ шубы.

— «Ну, господинъ Козюлькинъ!» продолжалъ оберъ-секретарь стуча кулакомъ по столу: «не взыщите—Вздвиженье на васъ придетъ!» Слова эти возбудили неудержимое хихиканье со стороны всѣхъ сидѣвшихъ за большими столами писарей перваго, втораго и третьяго разрядовъ. Я тоже не могъ удержаться отъ улыбки и, изъ понятной вѣжливости, сдѣлалъ движеніе; чтобы отойти къ окну, впредь до окончанія импровизированной сцены; но Погуляй привѣтливо остановилъ меня.

— «Постойте, молодой человекъ, сейчасъ мы вамъ дадимъ занятіе,—одно дѣльце, которое уже четвертый годъ васъ, вонъ въ томъ шкапу, дожидается и доселѣ мирно спитъ на всѣхъ его полкахъ. Господинъ Козюлькинъ! передайте сейчасъ же, вотъ имъ (Погуляй указалъ на меня) все дѣло о Нѣжинскомъ исправникѣ Зарудномъ, которое со-

держитъ въ себѣ 18,916 листовъ, если не ошибаюсь. Видите, какая у меня память!»

Козюлькинъ торопливо открылъ шкафъ, и моимъ глазамъ представились двадцать огромныхъ томовъ, обномерованныхъ римскими цифрами по порядку.

— «Вотъ вамъ!» объявилъ мнѣ ласковымъ голосомъ Иванъ Матвѣвичъ. «Составьте—конечно въ скорѣйшемъ по возможности времени—сперва пространную изъ этого дѣла записку, а потомъ и краткое къ ней изложеніе. На этотъ разъ вамъ необходимо будетъ отступить отъ существующаго порядка, при первыхъ вашихъ приемахъ, потому что—какъ вы знаете—пространная записка должна заключать въ себѣ копію со всѣхъ бумагъ дѣла, а въ настоящемъ случаѣ вамъ довелось бы исписать то же 18,916 листовъ. Это, конечно, для васъ возможно, только оно, по моему мнѣнію, будетъ очень продолжительно, да и скучновато. Теперь идите, съ Богомъ, домой и отдохните денька три. Вы гдѣ квартируете?»

— У Покрова, на углу Большой Садовой и площади, въ домѣ Бабицной.

— «Вотъ и прекрасно! Господинъ экзекуторъ!» протянулъ Иванъ Матвѣвичъ, поворачивая голову къ подошедшему экзекутору», приглашайте ихъ наверхъ, въ вашу комнату, и запишите ихъ адресъ!»

И мы отправились. Экзекуторъ Сукманъ былъ настолько любезенъ, что предложилъ мнѣ обойти все сенатское здание и самъ былъ моимъ, на этотъ разъ краснорѣчивымъ, проводникомъ.

Теперь считаю уместнымъ предпослать краткій очеркъ общаго состоянія канцелярій всѣхъ департаментовъ правительствующаго сената, за двѣнадцать лѣтнее время моего служенія, хотя и безвыходно, какъ говорится—въ одномъ и томъ же 2-мъ отдѣленіи 5-го департамента. Мѣнялись люди, одни выходили въ отставку, другіе перебирались въ другія вѣдомства, третьи уѣзжали на должности по губерніямъ, или отправлялись въ елисейскія поля; но общій характеръ за весь этотъ періодъ былъ почти одинъ и тотъ же, при главномъ условіи памятованія, что ежегодно прибывавшіе къ служебному персоналу ¹⁾ молодые труженики—правовѣды благотворно освѣжали приказную атмосферу не только своими просвѣщенными работами по гражданскому и уголовному отдѣламъ, но даже и своими возвышенно-честными бесѣдами въ кружкахъ подчиненныхъ имъ неученыхъ и недоучившихся стариковъ. Однихъ вытаскивала протекція,—и я о нихъ умалчиваю, другіе—выдвигались

¹⁾ Только не во 2-е отдѣленіи 5-го департамента, потому что желающихъ не оказывалось.

сами, благодаря своимъ замѣчательнымъ способностямъ, энергїи и любовью къ труду, какъ напр. Петръ Алексѣевичъ Зубовъ—(о живыхъ тоже боюсь говорить); третьи—положили душу «за други своя» въ безнощныхъ трудахъ, какъ Вистингаузенъ, Коржевскій. Болѣе счастливыми и быстрѣе возвысившимися оказались, съ малыми исключенїями, всѣ тѣ правовѣды, которые, только побывавъ въ сенатѣ, перешли въ другія министерства, предоставлявшія болѣе простора для ихъ ума и способностей. Многому былъ я свидѣтелемъ, и по необходимости, и добровольно; многое слышалъ отъ случайныхъ наблюдателей, принадлежавшихъ къ здоровымъ и больнымъ, способнымъ и неспособнымъ звѣньямъ одного и того же цика.

Писцы въ канцеляріяхъ департаментовъ сената получали жалованье по штату, соответственно разрядамъ, отъ 9-ти до 17-ти рублей въ мѣсяцъ. Это были—не знаю, какъ вамъ обстоятельно сказать, кто именно они такіе были: и отставные военные, недостижшіе той звѣздочки, о которой нѣжно воспѣвалось тогда въ романахъ («Небо чисто, небо ясно, въ небѣ звѣздочка блеститъ»), и такіе же статскіе, и даже семинаристы изъ убожавшихся премудрости и возвратившихся вспять; были и мѣщане изъ русскихъ портныхъ, сами по себѣ состоятельные, но мечтавшіе о «коллежскомъ регистраторѣ» для безымяннаго по ихъ понятіямъ семейства, и нѣмцы изъ учительскихъ дѣтей, либо изъ дѣтей управляющихъ господскими имѣніями, либо изъ шляхты. Сметливые молодые люди того времени, получившіеся въ народныхъ школахъ, въ особенности длинноносые курскіе и воронежскіе малороссы, добравшіеся до Петербурга по причинѣ безвыходной умственной и физической для нихъ немоготы на родинѣ, достаточно привольной для существованія ихъ отцамъ, записывались больше по министерству финансовъ, въ казначейство или палату, гдѣ никакія умственные разглагольствія, долженствующія неминуемо отличить человѣка способнаго отъ неспособнаго, отнюдь не допускаются. Дважды два—четыре, и все тутъ! Если бы дозволено и возможно было ввести А. С. Пушкина и показать ему всю эту ветошь,—то онъ, конечно, «не обинуясь» воскликнулъ бы:

Какая смѣсь одеждъ и лицъ,
 Племень, нарѣчій, состояній..

Нѣкоторые изъ канцелярскихъ имѣли свои домики, кто въ Чекушахъ, кто въ Колтовской, а нѣкоторые на Петербургской Сторонѣ, и ссужали своимъ товарищамъ деньги за лихвенные проценты, явшааясь съ прихода-расходчиками экзекуторами, производившими по этому случаю вычеты изъ жалованья подъ опасеніемъ донести оберъ-проку-

рору за всякій нахальный возгласъ потерпѣвшаго: «Помилуйте! у меня жена и дѣти! Да я и четверти этой суммы никогда у этого алтынника не бралъ!» Иное дѣло секретари, ближайшіе помощники оберъ-секретарей, съ которыми они постоянно бывали—часто въ интимно-дружественныхъ, а иногда въ лукавыхъ отношеніяхъ, но всегда подъ сурдинку. Краткое наложеніе, повѣрка его, исправленіе, направленіе и скрѣпа были исключительно ихъ обязанностью, при добросовѣстномъ исполненіи которой секретари эти иногда допускались къ докладамъ «присутствію» немногосложныхъ производствъ.

Секретари, въ домашнемъ своемъ обиходѣ, представляли нѣчто болѣе неопредѣленное, чѣмъ ихъ помощники, вполне сознававшіе, что никакихъ важнѣйшихъ должностей они не достигнутъ. Каждый секретарь—по крайней мѣрѣ въ мою бытность—еще не терялъ совершенно надежды сдѣлаться оберъ-секретаремъ: но тутъ-то и являлось главное препятствіе, въ чемъ бы вы подумали? Въ *modus vivendi!*—Жить по столоначальнически, принимая по утрамъ однихъ только просителей и заходя изъ должности въ трактиръ «Лондонъ» на Адмиралтейской площади—было мизерно; жить по оберъ-секретарски, съ бостономъ и вистомъ, при помощи приглашенныхъ просителей—опасно, по неизвѣстности, дѣйствительно-ли мой оберъ-секретарь будетъ сказываться больнымъ во все то время, которое мнѣ нужно, чтобы довести къ благополучному окончанію «вопіющее» дѣло. Ну, а какъ вдругъ поссорится съ прихотливою женою, да и махнетъ къ докладу самъ?

Міръ и кругозоръ оберъ-секретарскій былъ совершенно другого содержанія и совершенно иной подтасовки. Это былъ центръ, къ которому все тяжущееся стремилось и отъ котораго всего уповало. Были-бы деньги; протекціи отводилось мѣсто, смотря по тому, кто «просить», а кто подъ видомъ «просьбы» и «приказываетъ». Иные изъ уголовныхъ оберъ-секретарей имѣли свои каменные дома въ Коломнѣ (Б.....въ), иные изъ гражданскихъ въ Конюшенной, въ Имайловскомъ полку, на Васильевскомъ острову или на Выборгской сторонѣ (К.....й, С.....гъ, К.....въ, Г.....въ), но никому и никогда въ голову не приходило казуистически обвинять этихъ людей (семейныхъ и доблестныхъ рыцарей своего вѣка, получавшихъ по 105 руб. въ мѣсяць жалованья) въ вымогательствѣ:

— «Ваше дѣло о двухъ тысячахъ десятинахъ земли, которыя вы оттягиваете у вашего сосѣда, стоитъ у меня пять тысячъ. Пожалуйста деньги; я доложу дѣло, выиграете—поздравляю васъ, не выиграете—получайте отъ меня ваши деньги назадъ!»

Такъ и исполнялось. Не могу не прибавить при этомъ случаѣ глупаго замѣчанія одного изъ тѣхъ-же толстопузыхъ необразованныхъ оберъ-се-

кретарей: «всѣ мы—теперь, и всегда будемъ—частица одного и того-же калейдоскопа, который приватный учитель, на мои-же кровныя деньги, купилъ моимъ дѣтямъ: сейчасъ—камень; сейчасъ—ангела изъ того-же вещества онъ вамъ показываетъ. Удивительно-съ, до того, что поневолѣ рябиновой выпьешь!»

IV.

Ежели-бы я былъ неудавшимся, но все таки, на зло книгопродавцамъ, печатающимся поэтомъ, то непремѣнно воскликнулъ-бы: «Какъ все перемѣнилось въ нашей жизни! Какъ теперь отецъ не узнаетъ сына, дядя боится племянника, братъ не познаетъ брата!» Но я не поэтъ, и потому никогда такихъ внушительныхъ восклицаній не сдѣлаю, а подумаю только: «сколько лѣтъ уже прошло, съ разными неизбежными приключеніями, нагонявшими архангельскій холодъ на наши неаполитанскія, ментонскія и кисловодскія мечты,—а все же ни одинъ изъ моихъ товарищей по курсу не позабылъ лекцій профессора нѣмецкой литературы, доктора философіи, берлинца Лейцмана!» Каждый изъ насъ безъ сомнѣнія и понынѣ помнить, какъ практично мыслятъ этотъ «разсудительный до увлекаемости» берлинецъ о задачахъ всякаго очереднаго, такъ называемаго «новаго» поколѣнія. Разбирая и развивая предъ нами произведенія нѣмецкихъ мыслителей, восторгаясь полетомъ и здоровостью духовныхъ силъ ихъ пѣснопѣвцевъ, онъ обыкновенно приходилъ къ такому практическому заключенію, что всякое новое поколѣніе есть только до извѣстнаго времени «молодое» поколѣніе, которое, въ свою очередь, сдѣлается послѣ того старымъ, и что хотя вѣчная измѣнчивость есть неизмѣнный законъ природы, но, тѣмъ не менѣе, всегда пребудетъ неизмѣнною та, отъ сотворенія міра неизмѣнная, аксіома, что всѣ молодые и старые люди, безъ различія сословій, всегда хотѣли и будутъ хотѣть пить и ѣсть; задача-же передовиковъ въ общечеловѣческомъ стадѣ земнаго шара состоитъ единственно въ наблюденіи за ударами маятника: «въ какую секунду, въ какой мѣстности, и какой именно, состоящей подъ покровительствомъ домашнихъ животныхъ, субъектъ захочетъ попить или покушать». Не слыжалъ-же я объ этой аксіомѣ впоследствии потому, полагаю, что департаментскіе передовики всѣхъ вѣдомствъ понимали и понимаютъ ее каждый по своему, сообразно тому враждебно-бюрократическому лагерю, къ которому сами принадлежатъ, забывая безответную пословицу: *sic transit gloria mundi*. «Религія преподала намъ свѣтлую точку, къ которой должно влечься человѣче земное странствованіе и идите къ

ней къ этой всеоживляющей свѣтильницѣ!» торжественно провозгласилъ намъ съ каедрѣ философъ нѣмецкій, профессоръ г. Лейпманъ.

Комнату, которую отдалъ мнѣ въ мое распоряженіе отецъ, я обставилъ какъ истый послѣдователь ученія Лейпмана, шкафикомъ съ классиками и статуэтками, выразившими, какъ и вездѣ статуи выражаютъ—нѣмое напоминаніе о тѣхъ личностяхъ, громкія имена которыхъ тщательно вычеканены на ихъ пьедесталахъ. Благопріобрѣтенная мною ньюфаундлендская собака, съ данною ей кѣмъ то кличкою «Child Nargold», длинный чубукъ, волтеровское кресло и компактное изданіе Шекспира, котораго тогда наши самоучки-просвѣтителѣ начали выдавать чуть-ли не за пророка,—составляли необходимую принадлежность моего «dolce far niente» послѣ пяти съ половиною лѣтнихъ подвиговъ въ училищѣ правовѣдѣнія.

Однажды сѣжу на балконѣ, выходявшемъ изъ моей комнаты на Большую Садовую у Покрова, и думаю себѣ: какъ-бы хорошо было, если-бы Козюлькины постарались довести себя до того, чтобы не бояться Погуляевъ, которые публично дѣлаютъ о нихъ такіа неказистыя отиѣтки передъ канцеляріей писцовъ всѣхъ трехъ разрядовъ. Я посмотрѣлъ внизъ: у подъѣзда стояли два ломовыхъ, навьюченныхъ тюками, и при каждомъ изъ нихъ по сенатскому сторожу. Я догадался и ахнулъ. Раздался квартирный звонокъ въ передней! «Здѣсь живетъ помощникъ секретаря?»—«Здѣсь! Что вамъ угодно?»—«Господинъ оберъ-секретарь Иванъ Матвѣевичъ Погуляй прислалъ вамъ на домъ дѣло нѣжинскаго исправника Заруднаго, куда прикажете положить? Пожалуйста на чай, пожалуйста на водку, имѣемъ честь поздравить ваше благородіе!»

Входитъ еще галуный.—«А вы-то кто, Боже мой милостивый!»

— Коммисариатскій писарь Митрофановъ, ваше благородіе! присланъ генераломъ Капгеромъ переписывать работу, то есть для вашего-же облегченія.... мнѣ приказано къ вамъ являться каждый день, потому что уже четвертый годъ дѣло у его прев—ства безъ движенія состоитъ!

Понятно и безъ описанія какой послѣ этого видъ моя комната изъ себя изобразила.

Приступивъ въ тотъ-же день къ чтенію дѣла, я былъ пораженъ другимъ, столько-же неожиданнымъ обстоятельствомъ, какъ и предъидущее.

Положивъ на столъ «дѣло томъ I», я раскрылъ обложку, въ надеждѣ узрѣть первую страницу. Оказывается, что оно начиналась не съ первой, а съ 584-й, которая тутъ-же мнѣ и отрекомендовалась къ крайнему моему изумленію.....

Кромѣ названныхъ уже мною чиновъ, въ составъ канцелярскаго персонала каждаго департамента и отдѣленія входили, какъ я уже сказалъ, письмоводитель оберъ-прокурора и протоколистъ.

Письмоводитель велъ послужные списки сенаторовъ и канцелярiи, дополняя ихъ ежегодными наградами, повышенiями и т. п., онъ-же провѣрялъ и ежегодные отчеты о движенiи дѣлъ, составлявшiеся по столамъ, для представленiя въ министерство. Отчеты извлекались изъ настольныхъ реестровъ; а такъ какъ въ послѣднихъ не всегда производилось достаточное количество отиѣтокъ, то и блистали отчеты своею фантастичностью, нисколько не уступая подобнымъ математическимъ упражненiямъ другихъ вѣдомствъ того времени,—да и почерпнуть материала не откуда было. Изъ судившихся въ такомъ-то году сколько было грамотныхъ? сколько получившихъ образованiе, какого были осужденные исповѣданiя? — А Господь ихъ вѣдаетъ: дѣла отосланы въ губернiи, по реестрамъ такихъ графъ не полагалось, а цифирь выставить надо,—экзекуторъ не отстаетъ, письменоводитель оберъ-прокурору доложить, ну и выставляешь. Извѣстный впоследствии критикъ Аполлонъ Александровичъ Григорьевъ, служившiй нѣкоторое время въ канцелярiи 3-го департамента, называлъ эту работу «бенгаликой, для пушаго отвода глазъ». Въ иныхъ дѣлахъ, которыя оберъ-секретарямъ нужно было почему либо провести въ виду данныхъ сторонамъ обѣщанiй, письменоводители—сообща съ ними—вырабатывали предложенiя по единогласно рѣшеннымъ сенаторами дѣламъ, ежели состоявшiеся журналы были «со строгою идеею правосудiя несогласны». Такимъ образомъ, обязанность проводить мысли лежала и на письменоводителяхъ.

Иная статья—были протоколисты. Они не сочиняли, не составляли и не переписывали ни одной строчки; но только подавали къ подписи сенаторовъ и оберъ-прокуроровъ журналы, опредѣленiя и предложенiя, иногда предоставляя просителямъ время, нужное для принятiя съ ихъ стороны такихъ или другихъ мѣръ. Все шло своимъ порядкомъ и всѣ оставались довольны: а это какъ извѣстно—самое главное въ жизни. Бюрократные листы печатавшихся записокъ для общихъ собранiй представлялись, на утверженiе, въ экспедицию по принадлежности. Нашъ оберъ-секретарь, по своей малограмотности, простодушно называлъ эти корректуры «карриатурами», отнюдь не замѣчая злой иронiи, какая въ этомъ названiи заключалась.

Сенаторы, получавшiе это спокойное званiе въ видѣ почета за прежнюю дѣйствительную службу, выслушивали доклады дѣлъ почти всегда безжолбно; серьезныя пренiя происходили рѣдко, да и то развѣ въ четвертомъ и первомъ департаментахъ, къ тому-же и много говорить имъ не приходилось по самому порядку вещей. Въ промежуткахъ, между докладами, въ разговорахъ между собою, употребляли сенаторы французскiй языкъ. Случались и серьезныя ошибки, вытекавшiя изъ

прежняго порядка дѣлопроизводства, избѣжать которыхъ сенату тогда не представлялось никакой возможности. Какъ теперь помню одно странное уголовное дѣло о двухъ братьяхъ, именовавшихся дворянами Добкевичамъ, осужденныхъ на каторгу за убійство коробочника-офени, занимавшагося разноскою по деревнямъ разныхъ товаровъ.

Въ одной губернии—кажется Виленской—становой приставъ, проѣзжая по своимъ обязанностямъ мимо опушки чьего-то помѣщичьяго лѣса, наткнулся на убитаго офеню. Тотчасъ-же приступивъ къ поискамъ, онъ нашелъ въ томъ-же лѣсу двухъ безпаспортныхъ, которые объявили себя бродягами, именующимися дворянами Добкевичами, и на вопросъ становаго, не они-ли убили коробочника, тутъ-же добровольно сознались, что отправили его на тотъ свѣтъ они.

Собственное сознание, какъ извѣстно, считалось полнымъ доказательствомъ виновности. Послѣдовалъ приговоръ мѣстной уголовной палаты, утвержденный начальникомъ губернии и правительствующимъ сенатомъ. Виновные были наказаны и сосланы въ Сибирь; а черезъ шесть послѣ того лѣтъ, какой-то каторжникъ, сознавшись заводскому своему начальству, объявилъ, что онъ убилъ того коробочника съ цѣлью ограбленія и подробно объяснилъ обстоятельства, при которыхъ преступленіе было имъ совершено. Розыскали и передопросили томившихся невинно потерпѣвшихъ и осужденныхъ Добкевичей; тѣ, въ свою очередь, открыли, что приняли на свою душу чужой грѣхъ добровольно, изъ отчаянія, потому что не могли выносить жестокаго обращенія со стороны управлявшаго имѣніемъ иностранца; къ тому-же у нихъ не имѣлось паспортовъ, а отъ бѣглыхъ изъ Сибири слышали они, что тамъ житье спокойнѣе и свободнѣе. Сенатъ, по донесеніи ему о фактѣ, конечно не медля, предписалъ вернуть несчастныхъ мучениковъ изъ ссылки; но пока переписка продолжалась, одинъ изъ Добкевичей оказался не въ состояніи уже вернуться на родину, потому что умеръ.

Нѣкоторые изъ оберъ-прокуроровъ ¹⁾, сверхъ исполненія прямыхъ своихъ обязанностей, трудились въ составленіи подготовочныхъ работъ для—еще смутно тогда—предполагавшагося новаго порядка судопроизводства. Старый порядокъ, по многимъ основательнымъ причинамъ, былъ немислимъ для молодыхъ правовѣдовъ, справедливо полагавшихъ, что при немъ ни прокурорской власти, ни зависѣвшимъ отъ нея звеньямъ подѣлать было нечего. Форма канцелярская положительно ступеньвала жизнь и представляла ее въ совершенно превратномъ видѣ. Не

¹⁾ Разумѣю только умершихъ: Буцковскій, Вас. Мих. Быковъ, Карпиолинъ-Цинскій, Лебедевъ. И. В.

очень терпѣливые изъ дѣятельной интеллигентной молодежи, имѣвшіе средства и связи, перекочевывали въ другія вѣдомства и министерства, или уѣзжали въ свои помѣстья, соскучивъ служить «въ тяжелой артиллеріи», какъ они тогда обывали весь департаментскій синклитъ.

Самою скучною обязанностью—можно сказать пыткой для молодыхъ людей—было главное дежурство, на которомъ требовалось безотлучно пробыть цѣлыя сутки, расходуя все время только на приемъ тюковъ, пакетовъ и денегъ съ почты и на обходъ всѣхъ комнатъ сенатскаго зданія, производившійся дважды въ каждую ночь. Грозю всѣхъ не только Козюлькиныхъ, но юныхъ сіятельствъ и бароновъ, былъ при этомъ случай Михаилъ Ивановичъ Топильскій, тогдашній директоръ департамента министерства юстиціи, не оставлявшій безъ замѣчанія даже малѣйшую неисправность. Онъ являлся въ сенатъ иногда въ 2, 3 или 4 часа ночи. «Не бойся ни грома небеснаго, ни экзекуторской сплетни, но страшись Топильскаго, потому что онъ тебя утопит!» говорили между собою бодрствовавшіе курьеры и сторожа.

V.

Сказавъ выше о дѣятельности почившихъ оберъ-прокуроровъ, считая справедливымъ вскользь коснуться и тѣхъ неодолимыхъ препятствій, которыя представлялись тогдашнимъ сенаторамъ на каждомъ шагу. Просительскія докладныя записки и письма быть можетъ и мною вліятельныхъ лицъ каждому изъ нихъ подавались и присылались каждый божій день. Личности, отъ имени которыхъ сочинялись эти вѣлегіи, конечно и не знали того, какой злой духъ попираетъ ихъ свѣтлозарную репутацію, а между тѣмъ глядишь—одна записка отъ графа А***, или статской совѣтницы Мины Ивановны Бурковой, другая—отъ барона Фелейзена или барона Штиглица, тутъ—письмо отъ графини Анны Алексѣевны NN**, тамъ—отъ золотопромышленника Асташева,—отъ madame Vernet,.... и Боже правый! какъ разобратъся со всѣмъ этимъ потокомъ! Поневоля приходилось разнымъ запискамъ, съ противоположными взглядами по одному и тому-же дѣлу, благоговѣнно класть къ образу, а на слѣдующій день, отправляясь въ департаментъ, помолиться и, зажмуривъ глаза, вынимать: которая первая попалась,—тому, т. е. ея герою, оному человѣку и быть въ дѣлѣ имянинникомъ. А злой духъ дѣйствительно существовалъ и многія стремленія къ правосудію попирались;—только онъ былъ во образѣ чьего-то частнаго секретаря, тоже статскаго совѣтника А... Л... NN, жадно принимавшаго куши за зеленымъ столомъ, на своихъ интим-

ныхъ вечерахъ, сопровождавшихся остроумными бесѣдами старыхъ артистовъ и милыми шутками еще болѣе старыхъ танцовщицъ, къ которымъ особенно благоволилъ и блаженной памяти В... П... NN, унаслѣдовавшій отъ Федора Павловича Вронченко невинную, но смѣлую склонность къ антикамъ и самообманному обольщенію,—не на свой, конечно, счетъ. Потому-то не обходилось и безъ такихъ иллюзій при докладѣ дѣлъ во 2-мъ общемъ собраніи: докладчикъ подаетъ разогнутый на двое листъ, на одной половинѣ котораго озаглавлено: «съ мнѣніемъ сенаторовъ департамента», а на другой: «съ предложеніемъ оберъ-прокурора». На какую сторону прикажете вписать особу вашего превосходительства?

— «Мую-то? А?... Впишите туда, гдѣ больше!»

Были и такіе чадолюбивые и великодушные сенаторы, которые, составивъ себѣ учено-литературную извѣстность ранѣ достиженія сенаторскаго сана и убѣжденные въ необходимости полезнаго и пріятнаго развлеченія для молодыхъ чиновниковъ, поручали имъ отъ своего имени занятія по своей бывшей специальности. Такъ, военный исторіографъ, сенаторъ, генераль-лейтенантъ Александръ Ивановичъ Михайловскій-Данилевскій поручилъ мнѣ составить, примѣняясь къ его извѣстному обширному труду, описаніе отечественной войны 1812 года для чтенія народа и солдатъ. Я исполнилъ порученіе, рукопись была одобрена военною цензурою и издана книгопродавцемъ М. Д. Ольхинымъ. Книга эта давно уже изсякла въ продажѣ и, по тогдашнему времени, считалась интересною; журналы и «Сѣверная Пчела» отозвались о ней съ похвалою. Другая моя рукопись, рассказъ о войнѣ 1813—1814 гг., также военною цензурою одобренная и проданная мною тому-же издателю, не была, за смертію Ольхина, напечатана, неизвѣстно кѣмъ похищена и впоследствии появилась въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, за подписью другого лица, въ одномъ журналѣ....

Наступало переходное время; чувствовалось новое вѣяніе; возвращавшіеся изъ заграничныхъ путешествій съ восторгомъ говорили о иноземныхъ просвѣщенныхъ мировыхъ судьяхъ, о ихъ почтенномъ, независимомъ въ отправленіи обязанностей положеніи, объ ораторствѣ талантливыхъ адвокатовъ, о прокурорахъ, вливающихъ свои убѣжденія въ увлекательныхъ рѣчахъ, обо всей внушительной обстановкѣ публично производящихся судьбищъ. Старые по образованію и по службѣ канцелярскіе маги усердно торопились сколачивать и вообще доводить до нормы необходимый «цензъ», о которомъ уже тогда трактовали одни—съ надеждами, другіе—съ отчаяніемъ, хотя никому не приходило въ голову, что недоученые попы не вездѣ пригодны въ новыхъ ризахъ и хотя едва ли сознавали въ канцеляріяхъ нашего министерства, что

благодѣтельными для общества труженниками въ области юстиціи все-таки окажутся, въ большинствѣ своемъ, правовѣды, лиценсты и студенты юридическихъ факультетовъ. Штаты въ канцеляріяхъ департаментовъ сената еще не сокращались; но по мѣрѣ перехода чиновниковъ въ другія вѣдомства, обязанности ихъ возлагались на какое-либо одно подходящее лицо. Старшимъ писцамъ стали поручать должности помощниковъ секретарей, а секретари оказались вынужденными управлять экспедиціями, или-же двумя секретарствами при особомъ оберъ-секретарѣ, если таковой еще не убрался—и все это конечно безъ полученія прибавочнаго жалованья. И я, будучи давно уже старшимъ секретаремъ, исправлялъ нѣсколько разъ и подолгу должность оберъ-секретаря на такомъ-же основаніи, то есть всего за 59 рублей въ мѣсяцъ. Прослуживъ двѣнадцать лѣтъ въ качествѣ казенно-воинскаго воспитанника, я вышелъ въ отставку, съ отміткою на аттестатѣ «весьма способенъ и достоинъ; въ отпускахъ и подѣ судомъ не былъ; штрафамъ и взысканіямъ не подвергался».

Забылъ сказать, что за своевременно-составленную мною докладную записку по дѣлу исправника Заруднаго, мнѣ была объявлена признательность отъ имени тогдашняго министра юстиціи, графа Панина. Всѣ мои сослуживцы были этимъ очень удивлены: и я тоже.

Иванъ Вочаровъ.

РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА ЗА КАВКАЗОМЪ

въ 1853 и 1854 гг.

Изъ записокъ генер. отъ инфант. М. Я. Ольшевскаго.

I.

Князь Василій Осиповичъ Бебутовъ.

Въ половинѣ сентября 1853 года, послѣ пятилѣтняго пребыванія моего на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи, я былъ экстренно вытребованъ въ Тифлисъ. По прибытіи моемъ въ эту столицу Кавказскаго намѣстничества, гдѣ царилъ князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, начальникъ главнаго штаба арміи князь Барятинскій, по инициативѣ котораго я и былъ вытребованъ изъ Грозной, мнѣ объявилъ, что я назначаюсь въ распоряженіе генераль-лейтенанта князя Бебутова, командующаго войсками, сосредоточиваемыми на границѣ съ азіатской Турціей. При этомъ князь Александръ Ивановичъ добавилъ, что черезъ нѣсколько дней я долженъ отправиться въ Гурію, къ князю Бебутову, съ важными бумагами, и доставить ему 60 т. звонкой монеты, заключающейся въ серебряныхъ рубляхъ и полумперіалахъ.

Послѣ быстрой курьерской ѣзды, на третью сутки по выѣздѣ моемъ изъ Тифлиса я представился князю Бебутову на Тихурѣ, въ имѣніи одного изъ Гурійскихъ владѣльцовъ, гдѣ онъ остановился на ночлегъ, и съ котораго дня я дѣлаюсь постояннымъ свидѣтелемъ великихъ боевыхъ заслугъ, оказанныхъ отечеству, во время командованія имъ исключительно «Главнымъ Александропольскимъ отрядомъ»¹⁾, съ войсками

¹⁾ Официально князь Бебутовъ именовался „командующимъ дѣйствующимъ корпусомъ, на кавказско-турецкой границѣ“. Но какъ постоянное его пребываніе было въ Александрополѣ, и какъ онъ исключительно начальствовалъ войсками, сосредоточенными на Арпачаѣ у этого города и составившими „главный Александропольскій отрядъ“, то не отступлю отъ истины, если это наименованіе сохранится и въ моемъ описаніи. М. О.

котораго онъ одержалъ знаменитыя побѣды надъ Турками, 19 ноября 1853 года подъ Башкадыкларомъ, а 24 июля 1854 года подъ Кюрукдара.

Князь Василій Осиповичъ, котораго я видѣлъ до того одинъ только разъ, принялъ меня весьма ласково и пріятливо, не потому только, что я ему былъ рекомендованъ княземъ Барятинскимъ и привезъ 60 т. звонкой монеты, а по врожденной его добротѣ, пріятливости и любезности. Онъ былъ высокъ, худощавъ и строенъ, не смотря на то, что переживалъ седьмой десятокъ. Сѣдые волосы, по обычаю Востока, красилъ до 1854 года, когда послѣ шуточнаго разговора со мною о напрасномъ трудѣ, пересталъ это дѣлать. Черты лица его были умныя и выразительныя; особеннаго же вниманія заслуживалъ его огромный носъ, выходящій по своей величинѣ изъ разряда даже грузинскихъ и армянскихъ носовъ.

Князь Бебутовъ принадлежалъ къ числу немногихъ почетнѣйшихъ фамилій, вышедшихъ изъ Арменіи и занявшихъ видное мѣсто въ ряду княжескихъ родовъ Грузіи. Предки его занимали знатныя должности при дворѣ царей грузинскихъ и ознаменовали себя военными доблестями. Князь Василій Осиповичъ, младшій изъ четырехъ братьевъ, былъ первый изъ грузинскихъ князей, получившій воспитаніе въ Петербургѣ.

Выпущенный изъ 1-го кадетскаго корпуса, онъ, по прибытіи въ 1809 году въ Тифлисъ, пользовался расположеніемъ Тормасова, маркиза Паулуччи и былъ адъютантомъ Ермолова. Въ 1821 году назначенъ командиромъ Мингрельскаго полка. Послѣ взятія Ахалцыха былъ начальникомъ Ахалцыхскаго пашалыка, а потомъ управлялъ Армянскою областію и за разные безпорядки, оказавшіеся въ его управленіе эту областію, былъ нѣкоторое время въ опалѣ. При князѣ Воронцовѣ былъ сначала командующимъ войсками въ Дагестанѣ и за разбитіе полчищъ Шамиля на Кутипшинскихъ высотахъ, въ 1846 г., удостоился получить орденъ Св. Георгія 3-й степени, а вслѣдъ затѣмъ былъ назначенъ начальникомъ гражданскаго управленія.

Выборъ княземъ Воронцовымъ Бебутова, на этотъ важный въ то время постъ, когда предстояли большія перемѣны на Кавказѣ, доказывалъ полное довѣріе къ нему намѣстника, какъ умному, способному понять его предначертанія и вполне знающему край администратору.

Въ заключеніе очерчу князя Бебутова, какъ военно-начальника. Я уже сказалъ, что какъ своею пріятливостію, обходительностію и любезностію онъ умѣлъ привлекать къ себѣ частнаго человѣка, такъ точно тѣми же качествами привязывалъ къ себѣ и подчиненнаго. Солдаты любили его и были преданы ему за попечительность и заботливость о нихъ, за то, что онъ умѣлъ говорить съ ними, за то, что онъ

по ихъ выраженію «козыремъ подбѣзжалъ къ фронту и молодецки здоровался съ ними»; за то и они громогласно привѣтствовали своего князя и съ лицами, сіяющими радостію, провожали его.

Войскамъ, сосредоточиваемымъ на границѣ съ азіатской Турціей, князь Бебутовъ былъ хорошо извѣстенъ, потому что онъ не разъ предводительствовалъ ими не только въ горахъ Кавказа, но старослуживые помнили его и съ кампаніи 1828 и 1829 годовъ. Они знали его личную храбрость и распорядительность, знали, что въ минуты опасности онъ сумѣетъ воодушевить и лично поведетъ ихъ въ бой. И дѣйствительно, онъ понималъ военное дѣло, какъ по разумной своей природѣ, такъ и потому, что много читалъ. Всѣ его распоряженія были здравы и обдуманны. Жаль только, что онъ частенько уклонялся отъ первоначально составленнаго плана, какъ это увидимъ на самомъ дѣлѣ. Происходило-же это отъ мягкосердія, нерѣшительности и боязни за отвѣтственность.

Не буду описывать пограничной мѣстности отъ Тихура до Ахалкалака, по которой я проѣхалъ вмѣстѣ съ княземъ Бебутовымъ, и откуда онъ отправился въ Тифлисъ для личнаго доклада главнокомандующему о всемъ видѣнномъ и сдѣланныхъ имъ распоряженіяхъ. Да въ строгомъ смыслѣ въ этомъ описаніи и нѣтъ надобности, потому что войска, входившія въ составъ «главнаго Александропольскаго отряда», которымъ непосредственно командовалъ князь Бебутовъ, далѣе Ахалкалака не производили ни оборонительныхъ, ни наступательныхъ дѣйствій. Впрочемъ читатель можетъ судить о тревожномъ и даже опасномъ состояніи нашей пограничной линіи съ Азіатской Турціей и изъ представляемаго мною описанія пространства между Ахалкалаками и Александрополемъ. Этотъ восьмидесяти верстный переѣздъ я совершилъ въ одномъ тарантасѣ съ полковникомъ Лорисъ-Меликовымъ ¹⁾, на котораго князь Бебутовъ возложилъ сформировать двѣ сотни охотниковъ изъ туземныхъ жителей, и собрать самыя положительныя свѣдѣнія о краѣ и непріятелѣ. Меня же, какъ дежурнаго штабъ-офицера дѣйствующаго корпуса, Василій Осиповичъ уполномочилъ дѣйствовать самостоятельно, по заготовленію продовольствія и въ особенности сухарей, а также матеріаловъ для моста черезъ Арпачай.

Пограничное пространство между Ахалкалаками и Александрополемъ считалось самымъ опаснымъ не только потому, что дорога пролегала по болѣе открытой и ровной мѣстности, но и по находженію здѣсь богатыхъ духоборскихъ селеній, служившихъ большой приманкой для башбузукъ.

¹ Это тотъ самый графъ Михаилъ Тариеловичъ—который спустя 23 года, въ войну 1877—1878 гг., былъ такимъ же дѣятелемъ, какъ и князь Бебутовъ.

Еще въ началѣ августа курды и каракалпаки, живущіе въ Чалдырскомъ и Ардаганскомъ санджакахъ, начали тревожить духоборскія селенія, отгонять скотъ и брать въ плѣнъ одиночныхъ жителей. Въ первый же числа октября 1853 г. во время нашего проѣзда, когда кордонъ между Хозапинскимъ карантинномъ, гдѣ прорѣзывается нашу границу Кура, и постомъ Мадатапинскимъ былъ снятъ, то непріятель началъ жечь посты. Да иначе и не могло быть, потому что кромѣ небольшого Ахалкалакскаго гарнизона, едва могущаго охранять само укрѣпленіе, и летучаго отряда, состоящаго изъ казаковъ снятаго кордона и сотни милиціонеровъ, въ распоряженіи князя Бebutова не имѣлось ни одной лишней роты, орудія, сотни, могущихъ усилить защиту этого пограничнаго пространства.

II.

Александрополь и его окрестности.

Александрополь уѣздный городъ Эриванской губерніи, хотя болѣею частью имѣеть улицы прямыя и площади правильныя, но, будучи построенъ на мѣстности песчано-каменистой, изрѣзанной частыми оврагами, кажется неправильнымъ и разбросаннымъ. Сообщение по его улицамъ, по причинѣ такой неровной мѣстности, не всегда безопасно и въ сухое время. Весною же и лѣтомъ, когда журчащія на днѣ глубокихъ овраговъ ничтожныя ручейки, отъ таянія снѣга и сильныхъ дождей, обращаются въ стремительные потоки, то сообщение дѣлается весьма затруднительнымъ. Не менѣе затруднительнымъ бываетъ сообщение и осенью, по причинѣ сильно разгрязненныхъ дорогъ, пролегающихъ по такой пересѣченной и неровной мѣстности.

Населеніе Александрополя состоитъ преимущественно изъ армянъ-григоріанцовъ и мусульманъ сунитскаго толка. Былъ также цѣлый кварталъ заселенный греками, но когда и откуда они сюда переселились—не знаю. Русскихъ обывателей было весьма немного, даже чиновники, служащіе въ уѣздныхъ присутственныхъ мѣстахъ, и офицеры мѣстнаго линейнаго баталіона были болѣею частью туземцы. Поэтому наружный видъ Александрополя вполне азиатскій. Всѣ дома исключительно каменные, одноэтажныя, съ плоскими земляными крышами, съ окнами, обращенными по преимуществу на дворы, и притомъ закрытыми толстыми желѣзными рѣшетками. Садовъ немного, да и тѣ по суровости климата и бесплодности почвы бѣдны фруктовыми деревьями.

Таковъ былъ городъ, въ которомъ имѣлъ свое зимнее пребываніе штабъ главнаго дѣйствующаго корпуса въ продолженіи всей войны съ

Турцией и который былъ базисомъ и складочнымъ пунктомъ для нашихъ военныхъ дѣйствій.

Крѣпость Александропольская, заложенная вскорѣ по заключеніи Адрианопольскаго мира (1829 г.), но неоконченная и не вполне вооруженная при началѣ войны въ 1853 году, возвышается надъ самымъ Арпа-чаемъ. Она отдѣлялась отъ города, болѣе чѣмъ на версту, глубокимъ оврагомъ, на днѣ котораго струилась небольшая рѣчка. Нѣсколько небольшихъ прудовъ, образовавшихся посредствомъ плотинъ, составляли главный резервуаръ воды. Поэтому, не смотря на крутые, каменистые берега, тутъ находились прачешная госпиталя, огороды и мастерскія гарнизона. Тутъ же были устроены пекарни для печенія хлѣба и сушенія сухарей, потребныхъ въ огромномъ количествѣ для дѣйствующихъ войскъ; а потому дѣятельность въ этомъ оврагѣ не прекращалась даже въ ночное время.

Александропольская крѣпость съ двумя фортами, возвышающимися на отдѣльныхъ высотахъ и красной башней, обстрѣливающей дно оврага, построена изъ крѣпкаго тесанаго камня и принадлежитъ къ весьма красивымъ и прочнымъ сооруженіямъ. Жаль только, что огромныя казармы и госпиталь мрачны и сыры. Внутри крѣпости, кромѣ очень красивой церкви, дома коменданта и другихъ помѣщеній, выстроенныхъ изъ того же камня, имѣются большіе магазины, въ которыхъ удобно могутъ храниться продовольственные и военные запасы.

Не смотря на то, что на вооруженіи крѣпости находилось до 120 орудій, однако этого было недостаточно, потому что до полнаго вооруженія недоставало еще до 100 орудій. Гарнизонъ состоялъ изъ линейнаго баталіона. Комендантомъ былъ генералъ-майоръ Шульцъ, весьма эксцентричный, но увлекательный и храбрый человекъ, тотъ самый, который, служа въ генеральномъ штабѣ, былъ сильно раненъ подъ Ахульго, потомъ сражался при оборонѣ Севастополя, коменданствовалъ въ Динамидѣ, а теперь отставнымъ генераломъ отъ кавалеріи живетъ въ Лифляндіи.

Александрополь съ крѣпостью возвышается надъ поверхностью моря болѣе, чѣмъ на 5,000 футовъ, а потому климатъ тамъ весьма суровъ. Зима начинается съ ноября и продолжается до конца марта. Холода бывають большіе и морозы въ декабрѣ и январѣ доходятъ до 20 градусовъ по Реомюру, а иногда и болѣе. Снѣгъ выпадаетъ большой, а вьюги и метели бывають столь сильны, что по нѣсколько дней городъ не сообщается съ крѣпостью. Иногда бывають и сильныя туманы, тоже препятствующіе свободному сообщенію.

Не смотря на такое возвышенное мѣсто Александрополя, куда не обратите вашъ взоръ, вездѣ горы. Повернетесь на западъ къ Карсу—

передъ вами возвышенный правый берегъ Арпачая, изъ-за котораго вы увидите горы, между Суботаномъ и Огузлы, если взойдете на крѣпостную стѣну, или на одну изъ башень. Обернетесь на сѣверъ и къ дорогѣ, ведущей въ Тифлисъ, передъ вами отроги того хребта, за которымъ находится Лорійская степь. Только на юго-востокѣ виднѣется волнистое пространство на нѣсколько десятковъ верстъ, съ находящимися на немъ нѣкоторыми армянскими селеніями.

Съ этой стороны вашъ взоръ поражается величественнымъ Аллагезомъ, который отдѣльной горой возвышается болѣе, чѣмъ на 13,000 футъ надъ поверхностію моря. Онъ въ особенности поразителенъ, когда его остроконечной, серебристой шапкой играютъ солнечные лучи. Своль вершины Аллагеза безжизненны, скалисты и недоступны, столь отлогія подножія богаты пастбищами и полями. На покатосяхъ Аллагега не только находится много армянскихъ деревень, но на нихъ имѣютъ свои кочевья эриванскіе курды. Какъ бы не было жарко лѣто, но трава на нихъ всегда зеленѣетъ; а потому курды, въ нашихъ предѣлахъ живущіе, съ особенною любовію говорятъ объ этой горѣ.

Если смотрѣть съ Александропольской крѣпости, или съ холмовъ, находящихся между карантинномъ и городомъ внизъ по Арпачаю, то лѣвый его берегъ тоже виднѣнъ на нѣсколько десятковъ верстъ, а именно до Кизиль-Килису, гдѣ отроги отъ Аллагега закрываютъ дальнѣйшее его теченіе.

Находящіяся здѣсь по Арпачаю селенія,—преимущественно населенныя армянами, прежде всего подверглись нападенію непріятеля, и курды начали тревожить ихъ въ началѣ августа. Поэтому удаленныя отъ крѣпости селенія совершенно были брошены. Большая часть жителей переселилась въ болѣе отдаленныя отъ границы деревни, а нѣкоторые изъ мусульманъ перешли въ Турцію. Остались только жители Бояндур и Дагарлы, какъ ближайшихъ къ Александроплю, собственно потому, что въ первомъ изъ нихъ, отстоящемъ отъ этого города на двѣнадцатой верстѣ, былъ расположенъ нашъ отрядъ подъ начальствомъ командира Грузинскаго гренадерскаго полка князя Орбеліани, состоящій изъ трехъ съ половиною баталіоновъ, нѣсколькихъ орудій и небольшого числа казаковъ, снятыхъ съ кордонной линіи.

На другой день по моему прибытію въ Александрополь, я съ М. Т. Лорисъ-Меликовымъ отправился въ Бояндуръ, чтобы тамъ явиться князю Орбеліани. Къ этому селенію ведутъ двѣ дороги: одна по верхнему уступу, другая нижняя почти по самому Арпачаю. Верхняя хотя дальняя, но весьма хорошая для колеснаго сообщенія; по ней можно проѣхать въ Хорумъ и далѣе въ Сардаръ-Абадъ и Эривань. На нижней же дорогѣ кромѣ канавъ, проведенныхъ для орошенія огородовъ и

дѣйствія мельницъ, имѣются и топкія мѣста. На седьмой верстѣ отъ Александрополя находится небольшое селеніе Дагарлы. Чтобы проѣхать съ верхней дороги въ Бояндуръ, нужно у Каракляса переѣхать топкій ручей и подняться на возвышенность.

Князь Орбеліани принадлежалъ хотя не къ богатой, но знатной грузинской фамиліи. Онъ былъ высокъ ростомъ, плечистъ, силенъ, красивъ лицомъ и подобно другимъ грузинамъ былъ безотчетно храбръ. Получа воспитаніе, какъ и большинство грузинъ, самое простое, началъ службу въ милиціи и до полковаго командира не занималъ ни строевой, ни административной должности. Возвышеніе князя Орбеліани было очень быстрое, по причинѣ неограниченнаго довѣрія и безпредѣльной, можно сказать, отеческой любви къ нему князя М. С. Воронцова, послѣ происшествія, случившагося въ 1845 году у Шуани, во время безпорядочнаго отступленія отъ Дарго, когда онъ съ обнаженною пашкою первый бросился впередъ на толпу чеченцовъ, неожиданно появившуюся на томъ мѣстѣ, гдѣ находился главнокомандующій. Князь Илья Дмитріевичъ Орбеліани былъ добръ и привѣтливъ, но быстрое его возвышеніе сдѣлало его самонадѣяннымъ и приобрѣло ему враговъ.

Дѣятельность моя въ Александрополѣ, въ первые дни послѣ прибытія моего туда, была огромная. Я въ своемъ лицѣ сосредоточивалъ начальника штаба, оберъ-квартирмейстера, дежурнаго штабъ-офицера, казначея и старшаго адъютанта. Канцелярія моя, состоявшая всего изъ двухъ писарей, помѣщалась тамъ же, гдѣ я жилъ. Между тѣмъ прибывающія части нужно было размѣстить и снабдить всѣмъ необходимымъ. Нужно было осмотрѣть пекарни, и какъ успѣшно производятся въ нихъ приготовленіе сухарей, достаточно-ли заготовлено дровъ и распорядиться по заготовленію матеріаловъ для устройства переправы черезъ Арпачай.

Дрова и лѣсные матеріалы для переправы въ особенности безпокоили князя В. О. Бебутова, и весьма естественно, потому что доставка ихъ должна была производиться за нѣсколько десятковъ верстъ отъ Александрополя и обходилась слишкомъ дорого. Сажень дровъ съ доставкой стоила не дешевле 20 рублей; но дровъ на первое время оказалось достаточно, а потому нужно было сдѣлать распоряженіе о заготовленіи ихъ на будущее. Что же касается лѣсныхъ матеріаловъ для моста, то нужно было сначала доставить лѣсъ къ переправѣ, назначить рабочихъ для устройства козелъ и приготовить доски для настлжки.

III.

Дѣйствія непріятеля въ октябрѣ и началѣ ноября 1858 г.

Такъ какъ князь Бебутовъ по прїѣздѣ въ Тифлисъ заболѣлъ, то до выздоровленія его, управление корпусомъ было возложено на князя А. И. Барятинскаго, который и прибылъ въ Александрополь около 20-го октября, а вслѣдъ затѣмъ было получено увѣдомленіе о вѣроломномъ взятіи турками на берегу Чернаго моря поста св. Николая.

Миръ былъ окончательно нарушенъ, но мы не могли не только дѣйствовать наступательно ни на одномъ пунктѣ, но и защитить пограничный край, потому что вездѣ были слабы. Большая часть войскъ, назначенныхъ для дѣйствій, еще находилась въ движеніи и не могла ранѣе ноября окончательно сосредоточиться.

Между тѣмъ непріятельская иррегулярная кавалерія открыла наступательныя дѣйствія по всей пограничной линіи; а изъ Ардагана, Карса и Баязета двигались къ Ахалцыху, Александрополю и Оргову ¹⁾ регулярная пѣхота съ артиллеріей. Но къ счастью нашему непріятель дѣйствовалъ медленно и нерѣшительно.

Али-паша съ 10,000 пѣхоты и 13 орудіями провелъ весь октябрь и начало ноября въ движеніи отъ Ардагана къ Ахалцыху и въ укрѣпленіи занятой имъ подъ Суплисомъ позиціи, ограничиваясь нерѣшительными дѣйствіями противъ Ахалцыхской крѣпости и кавалерійскими набѣгами на наши пограничныя селенія. Только 6 ноября Али-паша послалъ значительный отрядъ для нападенія на наши четыре роты занимавшія Анхуръ, какъ важный пунктъ, находящійся на сообщеніи черезъ Боржомское ущелье съ Гори. Но, подоспѣвшій во время на другой день изъ Боржома, генералъ Бруннеръ, съ тремя ротами ввѣреннаго ему Бресткаго полка, разбилъ на голову непріятеля, овладѣвъ однимъ орудіемъ. Спустя же семь дней, а именно 14-го числа, тифлисскій военный губернаторъ, князь Андрониковъ, съ 7¹/₂ баталіонами, 17 орудіями и 14 сотнями казаковъ и милиціи совершенно разбилъ подъ Суплисомъ самого Али-пашу, гдѣ кромѣ другихъ трофеевъ отбито было 11 орудій.

Такимъ же образомъ турецкій корпусъ, собранный у Баязета въ количествѣ 4,000 пѣхоты и кавалеріи при 6 орудіяхъ, только въ началѣ ноября перешелъ Агридагскій хребетъ и вторгнулся въ Сурмалинскій участокъ; но послѣ нерѣшительнаго дѣла 13-го ноября подъ

¹⁾ Селеніе и пограничный постъ Сурмалинскаго уѣзда Эриванской губерніи.

Игдыромъ, не смотря на значительный перевѣсъ въ силахъ, поспѣшили отступить къ Баязету.

Дѣйствія карскаго корпуса, подъ начальствомъ Абди-паши и состоящаго, кромѣ курдовъ и баши-бузуковъ, изъ 20,000 регулярной пѣхоты и кавалеріи при 40 орудіяхъ, начались ранѣе и были сравнительно рѣшительнѣе отрядовъ Ардаганскаго и Баязетскаго. Одновременно со взятіемъ турками на берегу Чернаго моря укрѣпленія св. Николая, на высотахъ между Суботаномъ и Огузлы заблѣлись палатки непріятельскаго лагеря, который, увеличиваясь или уменьшаясь числомъ палатокъ, оставался въ этомъ положеніи до конца октября. 28-го числа непріятельскаго лагеря уже не было видно, а 29-го числа было получено свѣдѣніе черезъ лазутчиковъ, что Абди-паша расположился на Арпачаѣ между Ани и Бояндуромъ.

За нѣсколько дней до этого нашъ отрядъ, занимавшій позицію у Бояндурѣ, былъ расположенъ лагеремъ подъ выстрѣлами Александропольской крѣпости. Это хотя было противно видамъ князя Орбеліани, желавшаго дѣйствовать отдѣльно и самостоятельно, но не противорѣчило благоразумію. Имѣя на лицо подъ Александрополемъ всего шесть батальоновъ, двадцать орудій и восемь сотенъ казаковъ и милиціи, ни подъ какимъ видомъ не слѣдовало держать войска раздѣльно; притомъ нужно было оберегать тотъ путь, по которому слѣдовали къ намъ подкрѣпленія, а этотъ путь находился въ сторонѣ отъ бояндурской позиціи. Слѣдовательно распоряженія князя Барятинскаго были вполне правильны и благоразумны.

Около полудня 30-го октября развѣзды наши, посланные къ Бояндурѣ, встрѣтились съ большими толпами курдовъ и баши-бузуковъ, и, не смотря на своевременное подкрѣпленіе ихъ двумя сотнями казаковъ подъ начальствомъ полковника Камкова, принуждены были съ потерей отступить къ Александрополю, гдѣ на избранной позиціи наши войска готовы были принять бой съ регулярными турецкими войсками. Однако до этого не дошло, потому что Абди-паша не рѣшился переправить черезъ Арпачай всѣ свои войска, а тѣмъ болѣе двигаться впередъ отъ мѣста переправы. Курды же и баши-бузуки жаждали не боя, а грабежа, и этому подвергнулись не только Бояндуръ и Дагарлы, но Хорумъ, Башъ-Абаранъ и другія селенія, находящіяся у подножія Аллагеза.

Первая встрѣча съ непріятелемъ стоила намъ довольно дорого: было убито и ранено 77 казаковъ. Этого не случилось, если-бы генеральнаго штаба подполковникъ Свѣчинъ, вскорѣ умершій отъ сильнаго ушиба при паденіи съ лошади, не увлекся челоуѣколюбіемъ спасать бояндурскихъ жителей отъ нававшихъ на нихъ курдовъ, и тѣмъ, за-

медливъ отступленіе казаковъ, дозволилъ ихъ окружить въ десять разъ превосходному непріятелю.

На другой день прѣхалъ въ Александраполь князь В. О. Бебутовъ, а князь А. И. Бяратинскій отправился въ Тифлисъ.

IV.

Бояндурское сраженіе 2 ноября 1853 г.

Василій Осиповичъ, скорбя о раззореніяхъ, претерпѣваемыхъ его соотчичами-армянами и желая унять какими бы то ни было мѣрами грабежи и пожары, производимые курдами, поддався неблагоразумнымъ совѣтамъ князя Орбеліани—занять снова Бояндуръ. Хотя, призванные княземъ Бебутовымъ на совѣщаніе, нѣкоторые изъ частныхъ начальниковъ не всѣ соглашались съ этимъ предложеніемъ, но Василій Осиповичъ, не желая вооружить противъ себя Орбеліани, дабы тѣмъ не навлечь неудовольствіе главнокомандующаго, согласился на вторичное занятіе Бояндуря.

Такое рѣшеніе послѣдовало утромъ 2 ноября, а въ полдень князь Орбеліани съ 7-ю баталіонами, 2-мя дивизіонами Нижегородскихъ драгунъ, 9-ю сотнями казаковъ и милиціи при 28 орудіяхъ выступилъ изъ Александраполя ¹⁾. Самонадѣянность, безпечность и презрѣніе къ непріятелю были столь велики въ князѣ Орбеліани, что онъ, не смотря на грабежи курдовъ и баши-бузукковъ въ нашихъ предѣлахъ и нахождение самого Абди-паши съ главными силами по близости отъ нашей границы, выступилъ въ Бояндуръ безъ надлежащихъ мѣръ предосторожности. Отрядъ слѣдовалъ не только безъ передовыхъ и боковыхъ разѣздовъ, но огромный обозъ (котораго не слѣдовало брать со собою въ такомъ большомъ числѣ), принадлежавшій частямъ, не былъ надле-

¹⁾ Поименуемъ части: а) Пѣхота: 2-й, 3-й баталіоны и три роты 4-го баталіона Эриванскаго карабинернаго Наслѣдника Цесаревича полка подъ начальствомъ старшаго изъ баталіонныхъ командировъ, подполковника князя Тархана-Маураова; 1-ый батал. и три роты 4-го баталіона гренадерскаго Великаго Князя Константина Николаевича полка—старшій подполковникъ Пиратовъ; 1-й баталіонъ Куринскаго егерскаго князя Воронцова полка—подполковникъ Оклобжіо; Кавказскій стрѣлковый баталіонъ—подполковникъ Лузановъ; двѣ роты саперъ—полковникъ Ковалевскій; б) Кавалерія: два дивизіона Нижегородскаго драгунскаго полка—полковникъ Тиходкій, сотня донскаго № 20 полка и двѣ дружины елисаветпольской милиціи; в) Артиллерія: Кавказской гренадерской бригады № 1 батарея—полковникъ Лагода, № 2—полковникъ Брискорнъ и легкая № 1 батарея—полковникъ Десаже; дивизіонъ донской № 7 батареи—подполковникъ Долотинъ.

М. О.

жащимъ образомъ прикрыть, потому что въ аррьергардѣ оставалась только елисаветпольская милиція. Притомъ во время поворота съ Хорумской дороги къ Бояндурѣ и переправы у селенія Караклиса черезъ топкій ручей не было обращено вниманіе на растянутость отряда ¹⁾).

Въ третьемъ часу, когда пѣхота съ артиллеріей въ походныхъ колоннахъ начала выходить на высоты передъ Бояндуромъ, а растянутый обозъ совершалъ переправу черезъ упомянутый топкій ручей, турецкая артиллерія открыла сильный огонь изъ своихъ орудій съ фронта, а скрывавшіеся въ оврагѣ курды и баши-бузуки сдѣлали неожиданное нападеніе съ фланга и тыла.

Отъ нападенія курдовъ и баши-бузуковъ кромѣ страха деньщиковъ, фурлейтовъ и милиціи, изъ которыхъ нѣсколько было раненныхъ, другихъ послѣдствій не было. Полковникъ Тихоцкій съ нижегородцами и казаками хотя защитилъ обозъ отъ разграбленія, отбросивъ непріятеля съ потерею, но не могъ остановить обратившихся въ бѣгство, объятыхъ ужасомъ, милиціонеровъ. Елисаветпольцы опомнились отъ паническаго страха и увидѣли, что за ними не гонятся курды только тогда, когда были въ Алексадрополѣ. И здѣсь-то перешли они отъ одной позорной крайности къ другой. Милиціонеры предалися грабежу. Однако жители не дозволили себя безнаказанно грабить и отомстили смертію тѣмъ изъ нихъ, которые осмѣлились ругаться надъ ихъ женами и дочерьми. Болѣе десятка елисаветпольцевъ, убоявшихся курдовъ, было убито и изранено мирными гражданами армянами, а можетъ быть и одновѣрцами мусульманами.

Совсѣмъ другое происходило съ нашей пѣхотой и артиллеріей. Эриванцы, грузинцы, куринцы, стрѣлки и гренадеры-артиллеристы безропотно и съ мужественною стойкостію около двухъ часовъ безцѣльно подвергались убійственному непріятельскому огню. Много пало смертію, еще болѣе было тяжело раненныхъ отъ турецкихъ ядеръ и гранатъ; большія поврежденія и порчи потерпѣла и наша артиллерія.

Виною всему этому опять былъ князь Орбеліани. Ему слѣдовало если не отвести немедленно пѣхоту съ артиллеріей назадъ, то атаковать Бояндуръ, а не держать безцѣльно ее подъ убійственнымъ непріятельскимъ огнемъ. Произошло же это отъ неумѣстнаго упрямства и излишней гордости начальника отряда. Какимъ образомъ отступить передъ пренебрегаемымъ непріятелемъ, хотя временно, только для того

¹⁾ Кто изъ читателей пожелаетъ прослѣдить движенія и дѣйствія отряда по картѣ, то пусть развернетъ планъ Бояндурскаго сраженія, находящійся въ сочиненіи „Восточная война 1853—56 годахъ М. И. Богдановича“.

чтобы устроиться и устранить беспорядки, происшедшіе отъ несоблюденія тактическихъ правилъ, во время движенія вблизи отъ непріятеля.

Между тѣмъ князь Бебутовъ, слѣдившій съ высоты, сдѣлавшейся впослѣдствіи общей могилой для убитыхъ и названной «Холмомъ чести», за дѣйствіями подъ Бояндуромъ, по первымъ выстрѣламъ самъ двинулся съ остальными войсками изъ Александрополя на выручку самоудѣяннаго и оплошнаго князя Орбеліани. Войска эти состояли: изъ двухъ баталіоновъ Ширванскаго и одного баталіона Бѣлостокскаго полковъ, только накапунѣ прибывшихъ изъ дальняго и труднаго похода, остальныхъ трехъ дивизіоновъ нижегородскихъ драгунъ и 12 орудій. Слѣдованіе пѣхоты, вѣренной начальству генераль-маіора Кишинскаго, было столь быстрое, что она не отставала отъ князя Бебутова и его свиты, ѣхавшихъ рысью съ драгунами. И только такая быстрота спасла эриванцевъ, грузинцевъ и куринцевъ отъ дальнѣйшаго погрома и напрасныхъ потерь.

Абди-паша увидя слѣшившую изъ Александрополя помощь и опасаясь за свои сообщенія, еще до солнечнаго заката, приказалъ начать переправу за Арпачай. Такъ что, когда князь Бебутовъ прибылъ къ Бояндурѣ, то въ этомъ разрушенномъ селеніи уже не было непріятеля. Такимъ образомъ хотя обогрешное нашею кровью поле битвы осталось за нами, но оно стоило намъ непомерно дорого. Оказалось 125 чловѣкъ павшихъ смертію и болѣе 300 раненыхъ, преимущественно съ разбитыми костями и разможженными членами.

Независимо потери людьми, которая могла считаться огромною, сравнительно съ числомъ сражавшихся войскъ, мы были и матеріально разстроены. Батарейныя № 1 и 2 батареи кавказской гренадерской артиллерійской бригады, которыми командовали полковники Лагода и Брискорнъ, бывшія болѣе двухъ часовъ подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ, почти на половину лишились упряжныхъ лошадей, сбруя была перепорчена и даже оказалось нѣсколько поврежденныхъ лафетовъ. А при такомъ большомъ числѣ раненыхъ и матеріальномъ разстройствѣ нельзя было оставаться болѣе подъ Бояндуромъ, а тѣмъ болѣе думать о преслѣдованіи быстро уходящаго непріятеля.

Около полночи отрядъ возвратился въ Александрополь, гдѣ убитые были преданы землѣ, а для успокоенія раненыхъ были приняты всѣ возможные мѣры. Однако изъ нихъ мало кто остался способенъ къ продолженію службы.

V.

О милиціонерахъ, баши-бузукахъ и курдахъ.

Описывая Бояндурское сраженіе, воспѣтое турками за совершенную побѣду и полное наше пораженіе, я коснулся постыднаго бѣгства съ поля битвы ни къмъ не преслѣдуемыхъ милиціонеровъ и, вмѣсто защиты, грабежа беззащитныхъ александропольскихъ жителей. Повторяю, этого не случилось бы, если бы отрядъ двигался съ нѣкотораго рода предосторожностію. Имѣй онъ развѣзды, хотя изъ этихъ же милиціонеровъ, въ особенности по Арпачаю, курды, устроившіе засаду, были бы заблаговременно открыты. Не послѣдовало бы такого безурядья и тогда, если бы въ аррьергардѣ находилась одна-другая рота пѣхоты.

Всякая милиція вообще, а въ особенности мусульманская, для боя негодна, если она не видитъ за собою регулярныхъ войскъ, которые могли бы ее не столько поддержать, сколько укрыть. Ея дѣло поджигивать, пострѣлять, покричать и наругаться на аванпостяхъ, или до начала сраженія съ баши-бузуками, то есть съ турецкими милиціонерами. Курдовъ же наши милиціонеры побавваются. У курдовъ быстрое лошади, они лучше вооружены и стрѣляютъ, а главное они пугаютъ своими длинными тростниковыми дротиками, которыми съ искусствомъ владѣютъ.

Милиціонеровъ можно употреблять для развѣдыванія о неприятелѣ и для развѣздовъ, но и тутъ слѣдуетъ остерегаться посылать ихъ однихъ. По нерадѣнію, лѣности, а пожалуй трусости доставятъ свѣдѣнія преувелеченныя и невѣрныя. Они мало способны для содержанія аванпостовъ. Отрядъ не можетъ довѣриться имъ и спать спокойно. Если ихъ поставитъ однихъ, то можно быть увѣрену, что они оставятъ постъ и скроются въ безопасное мѣсто, въ особенности во время ненастья. Вотъ для преслѣдованія разбитаго неприятеля милиціонеры больше мастера. Ради добычи они не шадятъ ни одновѣрцевъ, ни соплеменниковъ. Они съ быстротой раздѣваютъ мертвыхъ и обираютъ плѣнныхъ. Такъ дѣйствуютъ не только наши милиціонеры, но и турецкіе баши-бузуки и въ особенности курды.

По этимъ причинамъ нѣтъ пользы въ милиціонерахъ, а для насъ, русскихъ, нѣтъ въ нихъ и надобности, потому что для аванпостной службы и развѣздовъ мы имѣемъ казаковъ, весьма способныхъ вообще для малой войны.

Между тѣмъ у насъ милиціонеры въ большомъ ходу. Милиція какъ постоянная, такъ и временная существовала не только во время войны съ кавказскими горцами, но ими были переполнены все отряды, дѣй-

ствовавшіе въ восточную войну въ азіатской Турціи. Въ то время формировались нѣшія дружины и конныя сотни не только изъ грузинъ, имеретинъ, мингрельцевъ, гурійцевъ, армянъ и мусульманъ, — провинцій, входящихъ въ составъ кавказскаго намѣстничества, но составлялись полки изъ турецкихъ курдовъ. Тогда какъ содержаніе милиціи для правительства обходится дороже казаковъ; имъ кромя жалованья, раздѣленнаго на нѣсколько категорій, несравненно высшаго противъ нашей кавалеріи, отпускались деньги по справочнымъ цѣнамъ на говядину, муку и фуражъ.

Партизаны милиціи, къ которымъ принадлежатъ начальствующія лица изъ туземцевъ, т. е. грузинъ, армянъ и мусульманъ, желая доказать необходимость милиціи, говорятъ, что временная польза заключается въ томъ, что въ нее отвлекаются изъ народонаселенія безпкойные люди, приучаютъ жителей къ службѣ и дѣлаютъ ихъ воинственнѣе. Но едва ли такія доказательства справедливы, и я не берусь опровергать вѣрность взгляда партизановъ милиціи. Принимая во вниманіе, что намъ не разъ придется встрѣчаться и имѣть дѣло съ башибузуками и въ особенности съ курдами, я коснусь здѣсь кстаті нѣкоторыхъ о нихъ подробностей.

Турецкіе башибузуки ничто иное, какъ наши милиціонеры, но только не получающіе, какъ они, опредѣленнаго отъ казны жалованья и другого содержанія. Пожалуй, башибузуки соотвѣтствуютъ нашему народному ополченію, но только безъ всякой организаціи и подраздѣленія на сотни или дружины, по санджакамъ, пашалыкамъ или народностямъ. Между башибузуками, находившимися въ составѣ карскаго корпуса, были и каракалпаки, и курды, и жители Эрзерума, Карса, Ардагана, Кагызмана и другихъ городовъ и мѣстечекъ; были жители и селеній исключительно турецкихъ. Башибузуки, какъ и наши милиціонеры, въ такихъ дѣлахъ, въ которыхъ имъ не можетъ угрожать явная опасность, больше мастера поскакать, пострѣлять и поругаться. Смотря на нихъ, подумаешь, что это неустрашимо храбрые наѣзники. Судя по такимъ ихъ дѣйствіямъ, предложишь, что это отчаянныя и безпардонныя головы, вполне соотвѣтствующія своему названію.

То же самое можно сказать и о курдахъ, которыхъ, увидя въ первый разъ и не зная о ихъ способѣ сражаться, подумаешь, что это отчаянныя храбрецы и головорѣзы. Да и какъ не подумать этого, когда они, вооруженные двумя-тремя пистолетами, потрясая своими тростниковыми дротиками, оканчивающимися желѣзными остріями, украшенными шарами изъ конской шерсти, съ неистовымъ крикомъ мчатся стрѣлой на васъ на небольшихъ быстрыхъ лошадакъ, тѣмъ болѣе, что по высокому своему головному убору кажутся великанами.

Впрочемъ такими храбрецами представляются курды и башки-бузуки издали, въ явной опасности, и по преимуществу джигитыя противъ нашихъ милиціонеровъ. Дѣйствуя же противъ казаковъ, они становятся осторожнѣе, съ появленіемъ драгунъ совершенно стихаютъ, а отъ ядеръ и гранатъ совсѣмъ исчезаютъ. Однако, если курды и башки-бузуки такъ животолюбивы во время серьезнаго боя, то они являются страшными грабителями и головорѣзами во время преслѣдованія, когда они не даютъ пощады ни чужимъ, ни своимъ.

Разительнымъ примѣромъ служить башкадыкларское сраженіе, въ которомъ курды и башки-бузуки, не смотря на то, что ихъ было свыше 15 т. и что мы были окружены ими съ фланговъ и тыла, не принимали въ бою никакого участія, изъ опасенія имѣть дѣло съ казаками и подвергнуться огню изъ орудій легкой № 1 батареи, противъ нихъ направленныхъ. Когда же турки побѣжали, то курды и башки-бузуки прежде насъ начали ихъ преслѣдовать, и болѣе всего досталось отъ нихъ пашамъ и миралаямъ, т. е. полковымъ командирамъ. Говорятъ, что и самому Рейсъ-пашѣ сильно досталось отъ нихъ.

Обращаюсь собственно къ курдамъ или древнимъ курдукамъ. Курды говорятъ особымъ языкомъ, не похожимъ на языки османовъ, татаръ, аравитянъ, персіянъ и другихъ сосѣднихъ народовъ. Они живутъ въ гористомъ пространствѣ, лежащемъ въ Россіи, Персіи и Турціи, а потому есть турецкіе, персидскіе и русскіе курды. Самые многочисленныя—первые, самые малочисленныя—последніе. Турецкіе курды занимаютъ по преимуществу Баязетскій и Ванскій пашалыки, но есть также въ Карсскомъ и Эрзерумскомъ пашалыкахъ. Русскіе курды живутъ въ Эриванской губерніи, преимущественно же на покатосяхъ Аллагеза.

Курды подраздѣляются на многія отдѣльныя общества или роды, говорящіе однимъ языкомъ и управляющіеся независимо другъ отъ друга старшими въ родѣ или родоначальниками. У нихъ нѣтъ централизаціи и единства собственной власти. Всѣ родоначальники независимы другъ отъ друга, а это даетъ турецкому правительству сѣять между ними раздоры и легче справляться съ ними.

Всѣ курды, за исключеніемъ небольшого общества изедовъ, магометанскаго исповѣданія, секты Омаровой, и хотя одной религіи съ турками, но, раздѣленные отъ нихъ языкомъ, происхожденіемъ и интересами, враждебны турецкому правительству. Изеды не имѣютъ никакой религіи и говорятъ, что они поклоняются чорту.

Курды занимаются преимущественно скотоводствомъ и очень мало хлѣбопашествомъ. Они ведутъ полукочевой образъ жизни и съ ранней весны до поздней осени, а если обстоятельства заставятъ, то и всю зиму, живутъ въ такихъ же войлочныхъ кибиткахъ, въ которыхъ помѣ-

щаются ногайцы и киргизы. Поэтому переселеніе съ одного мѣста на другое для нихъ не сложно. Нѣсколько вьючныхъ лошадей, или арба достаточны для перевозки ихъ жилья и имущества.

Такъ какъ у курдовъ большія стада скота, въ особенности барановъ, то они преимущественно заботятся о пріисканіи хорошихъ и обширныхъ пастбищъ. По этой причинѣ избираютъ для своего кочевья возвышенныя мѣста, какъ богатая травой, и только въ холодныя и продолжительныя зимы спускаются на низменность.

Курды по преимуществу всадники; ихъ рѣдко увидишь пѣшкомъ, и никогда безъ оружія. Они вооружены длинною пикою, парю или болѣе пистолетовъ, заткнутыхъ за широкій поясъ изъ яркихъ цвѣтныхъ шалей, кривою саблею и небольшимъ круглымъ щитомъ, сдѣланнымъ изъ толстой кожи, натянутой на металлическомъ кругѣ. Ружей не употребляютъ. Одѣты въ куртку изъ краснаго или другихъ яркихъ цвѣтовъ сукна, съ разбѣнными рукавами, расшитую золотыми или шелковыми снурками, въ такія же вышитыя шаровары, высокую чалму, обернутую разноцвѣтными шаями и платками и въ сафьянныя краснаго или желтаго цвѣта сапоги.

М. Я. Ольшевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Анастасія Аванасъевна Пушкина

въ XVII в.

Мнѣ удалось опредѣлить кто была Анастасія Пушкина, которая переписывалась съ царевною Прасковіею Ивановною («Русская Старина», изд. 1884 г., т. XLIII, сентябрь, стр. 604).

Это Анастасія Аванасъевна Пушкина, рожденная княжна Козловская, прапрабабка поэта А. С. Пушкина.

О ней встрѣчается въ Дворцовыхъ разрядахъ (Ш. 1,401, 1,402, 1,416 и 1,417) слѣдующее интересное извѣстіе:

„Того-жъ числа (23 мая 1675 г.) докладывалъ великаго государя и бояръ думной дьякъ стрѣлецкаго приказу Ларивонъ Ивановъ по роспроснымъ рѣчамъ столника князь Ивана князь Петрова сына Козловскаго ¹⁾ и людей его; а дву человекъ у него, у князь Ивана, пытали, одного Казимеркомъ зовуть, по извѣсту, будто онъ, князь Иванъ, жилъ съ племянницею своею, съ двоюродною, съ Петровою женою Петрова сына Пушенина ²⁾, съ Настасьею съ Аванасъевою дочерью, лѣтъ съ десять и болши; и онъ, князь Иванъ, великому государю вину свою во всемъ томъ принесъ, и люди въ роспросѣ и съ пытки тожъ говорили. И великій государь указалъ его, князь Ивана, послать въ томъ дѣлѣ къ патриарху съ нимъ же, думнымъ дьякомъ, съ Ларивонномъ Ивановымъ; и онъ, князь Иванъ, тожъ святѣйшему Іоакиму, патриарху московскому и всеа Россіи, во всемъ винился. И святѣйшій Іоакимъ патриархъ опять послалъ его, князь Ивана, съ нимъ же, думнымъ дьякомъ съ Ларивонномъ Ивановымъ, къ нему, великому государю, и великій государь указалъ его, князь Ивана, держать въ приказѣ до своего, великаго государя, указу и людей. А племянницу его, Настасью Петрову жену Петрова сына Пушкина, послать подъ началъ до своего, великаго государя, указу въ монастырь за Тверскіе ворота пречистые Богородицы Страстныя къ игуменѣй Доміѣ съ подьячимъ тайныхъ дѣлъ, и велѣно ее игуменѣй держать подъ крѣпкимъ начальствомъ“ („Дворц. Разряды“ III, 1401—1402).

„Того-жъ году (1675), мая въ 26 день, указалъ великій государь думному дьяку стрѣлецкаго приказу Ларивону Иванову столника князь Ивана князь Петрова сына Козловскаго отдать за пристава дьяку Михайлу Чирикову, до своего, великаго государя, указу. А людей его, князь Ивановыхъ, указалъ великій государь всѣхъ свободить; а розданы были по разнымъ приказомъ головамъ московскихъ стрѣльцовъ и полуголовамъ, за крѣпкимъ карауломъ, оприченно племянницы его, вдовы Настасьи Петровой, жены Петрова сына Пушкина, вдовы, боярской боярони“ („Дворц. Разряды“, III, 1416—1417).

¹⁾ Кн. Иванъ Петровъ Козловскій, стольникъ (у Долгор., I. стр. 200, № 51). Анастасія Аванасъевна была дочь его двоюродн. брата, кн. Аванасія Васильевъ Козловскаго (тамъ же, № 49).

²⁾ Петръ Петр. Пушкинъ (у Долгор. IV, стр. 188, № 118), прапрадѣдъ поэта А. С. Пушкина, умеръ до 1675 г., такъ какъ въ этомъ году Анастасія Аванасъевна является вдовою. Отъ ихъ брака родились четыре сына и одна дочь. Л.

Вотъ одно изъ писемъ Анастасіи Аванасьевны, которое въ моихъ рукахъ, оно помѣчено: «изъ Олединской деревни, июля 23 дня», безъ означенія года:

„Премилосивая государыня моя матушка царевна Прасковія Іоанновна.
„Желаю, государыня, вашему высочеству многолетно и благополучно здравствовать, и всепокорно, государыня, благодарствую за высокую вашу ко мнѣ многую милость, что пожаловали меня, рабу свою, удостоили такой своей высокой милости, изволили ко мнѣ писать,—чего и впредь, государыня, всепокорно прошу, чтобы я, раба ваша, не оставлена была вашими милостивыми письмами, что пріемлю сердечно съ радостію моею. Инаго, государыня, доносить вашему высочеству не имѣю, только приношу мой рабскій всеипжайшій поклонъ. Всепокорная и вѣрная ваша раба Настасія Пушкина.
„P. S. А о чемъ, государыня, въ письмѣ своемъ изволите ко мнѣ писать, оное можетъ быть болѣе для васъ, государыня; а съ моей стороны, по волѣ вашей, служить вамъ всеконечно готова, и надѣюсь, по письму вашему, все будетъ исполнено, и хотѣя о томъ писать до вашего высочества сами. А оное письмо вашего высочества ко мнѣ прислано распечатанное“.

Очевидно, рѣчь идетъ о какомъ-то третьемъ лицѣ, которое намъ неизвѣстно. Сама же Анастасія Аванасьевна была, вѣроятно, по выходѣ изъ монастыря, подъ присмотромъ правительства, такъ какъ письма доставлялись ей распечатанными.

Кн. А. В. Лобановъ-Ростовскій.

Вѣна, 7-го сентября 1884 г.

Авраамъ Веселовскій,

† 16-го января 1783 г.

Замѣтка изъ дневника Авг. Крамера.

Дѣдъ мой Филибертъ Крамеръ былъ членомъ Малаго Совѣта (Petit Conseil, въ Женевѣ,) въ 1767 г. и главнымъ казначеемъ съ 1769—1776 гг.; онъ руководилъ общественными дѣлами въ духѣ, противномъ стремленіямъ демократовъ, поэтому при выборахъ 1777 г. былъ исключенъ изъ состава Малаго Совѣта. Тяжелое впечатлѣніе, произведенное на него этимъ обстоятельствомъ, было одною изъ причинъ его смерти, послѣдовавшей два года спустя, 19-го августа 1779 г. Онъ оставилъ послѣ себя вдову, женщину еще въ молодыхъ лѣтахъ, двухъ дочерей и моего отца (Людвига Габріеля, Маріанну и Цецилію).

Состояніе его, для того времени, было довольно значительное, что видно изъ сохранившагося у меня инвентаря его капиталовъ и имущества.

Мой дѣлъ женился въ сентябрѣ 1766 г. на Екатеринѣ Веселовской, дочери знатнаго русскаго господина, поселившася навсегда въ Женевѣ, вотъ его исторія:

Петръ Великій видѣлъ однажды у государственнаго канцлера, барона Шафирова, его внука—Авраама Веселовскаго, которому было въ то время 15 лѣтъ; этотъ юноша понравился ему. Царь взялъ его къ себѣ, сначала въ качествѣ личнаго секретаря, затѣмъ во время Полтавской битвы онъ былъ адъютантомъ при царѣ, который послалъ его къ датскому королю съ извѣстіемъ о побѣдѣ. Впослѣдствіи онъ былъ посланникомъ при дворѣ германскаго императора Карла VI.

Въ моихъ рукахъ находится собственноручное письмо этого монарха къ Петру Великому, въ которомъ онъ изъявлялъ ему свое удовольствіе по этому поводу:

«Remittimus ad serenitatem vestram ministrum suum plenipotentiarium Abraham Wesselowski causam sui reditus eidem coram expositurum. Is de relicto toto tempore quo in aula nostra caesarea substitit ministerio suo adeo prudenter et egregie functus est ut eo nomine omnium approbationem jure promeritus sit claramque sui memoriam hic reliquat. Nos quod superest serenitati vestrae fausta quaevis optamus. Viennae 14 februar 1715. Carolus VI».

Вскорѣ послѣ того Веселовскій принялъ участіе въ одной дворцовой интригѣ (заговоръ царевича Алексѣя), и одно семейное преданіе утверждаетъ, будто онъ уже не возвращался въ Москву изъ своего посольства въ Вѣну; это обстоятельство подтверждается повидимому вышеприведеннымъ письмомъ, оставшимся въ его рукахъ. Онъ отправился въ Англію, гдѣ его братъ былъ посланникомъ, а оттуда переселился въ Женеву, гдѣ и женился на Маріаннѣ Фабри, дочери синдика Петра Фабри, владѣльца въ Эр-ля-Виллѣ (seigneur de Aige la Ville) и Екатерины Бюиссонъ.

У меня находится ихъ брачный договоръ, помѣченный 8-го іюля 1741 г. Прадѣдъ мой означенъ въ немъ «Авраамъ Веселовскій, уроженецъ Москвы, сынъ покойнаго дворянина Павла Веселовскаго, также уроженца Москвы и покойной Маріи Ар.....».

Отъ этого брака родилось четыре дочери: Екатерина, моя бабушка, Рената, бывшая замужемъ за Джономъ Симкинсомъ, ректоромъ Клиффа (Cliffe), въ графствѣ Кентскомъ, Маріанна, въ замужествѣ за шотландскимъ дворяниномъ Патрикомъ Класономъ (Classon), Франциска, вышедшая замужъ за англичанина мистера Джака.

Авраамъ Веселовскій скончался 16-го января 1783 г. 97 лѣтъ отъ роду. Подъ конецъ жизни онъ впалъ въ дѣтство и дрожалъ, какъ передавалъ мнѣ отецъ, проходя мимо портрета своего бывшего настав-

ника, императора Петра I, который тотъ нѣкогда подарилъ ему и который виситъ теперь въ моемъ кабинетѣ, въ pendant къ портрету Авраама Веселовскаго.

Инвентарь его наслѣдства свидѣтельствуетъ о состояніи въ 369,392 ливровъ (livres) наличными деньгами, изъ коихъ 97,000 отказаны его вдовѣ. У него было два брата: Фридрихъ, бывший посланникомъ царя русскаго въ Англіи и умершій въ Россіи главнымъ начальникомъ кадетскаго корпуса, и Исаакъ, бывший *Introduceur des ambassadeurs* при Елизаветѣ.

Двѣ сестры его отъ второго брака были замужемъ, одна за г. Дурново, а другая за г. Щепотьевымъ.

Память о заслугахъ Авраама Веселовскаго пользовалась такимъ уваженіемъ при русскомъ дворѣ, что императоръ Александръ Павловичъ назначилъ, 15-го декабря 1803 г., моей бабушкѣ Крамеръ пенсію въ сто голландскихъ дукатовъ; въ 1810 г. пенсія эта была продлена ея младшей дочери, пользовавшейся ею до 1843 г.

(Извлечено изъ дневника Августа Крамера, бывшаго статскаго совѣтника, бывш. синдика республики и кантона женева).

Гербъ Веселовскаго: *de gueules à la denier Aigle d'or parti au 24 coupé en face d'or, accompagnés en chef d'un croissant d'or en champ d'azur et en pointe une couronne d'or en champ de sinople.*

М. Крамеръ.

Сообщ. А. Э. Гамбургеръ.

Примѣчаніе. Андрей Федоровичъ Гамбургеръ, сообщившій намъ настоящую замѣтку, весьма обязательно доставилъ вмѣстѣ съ нею большой фотографическій снимокъ съ живописнаго портрета Авраама Веселовскаго. Русскій дипломатъ-эмигрантъ, одинъ изъ пленцовъ Петра Великаго, изображенъ на портретѣ старикомъ, въ халатѣ и колпакѣ; лицо продолговатое и весьма выразительное. Вообще этотъ человѣкъ, по своему уму и колоритности своей жизни, заслуживаетъ подробной о немъ монографіи.

Ред.

ГАТЧИНОКІЙ ДВОРЕЦЪ

1784—1884 г.

Ровно сто лѣтъ тому назадъ дворецъ въ Гатчинѣ поступилъ къ великому князю Павлу Петровичу, со всѣми принадлежащими къ нему деревнями ¹⁾).

Исторія этого дворца или самой Гатчины и началась собственно съ этого момента; Гатчина стала обогащаться новыми зданіями, садами и другими украшеніями, благодаря тому обстоятельству, что великій князь, удаляясь отъ придворныхъ увеселеній, проводилъ здѣсь большую часть времени въ тишинѣ и уединеніи, привязываясь все болѣе и болѣе къ мѣсту своего пребыванія, которое вскорѣ окончательно сдѣлалось ему любо, мило и дорого.

Первоначальное прошлое Гатчины сохраняетъ о себѣ немного воспоминаній; извѣстно лишь, что Петръ Великій небольшую мызу Гатчино подарилъ царевнѣ Наталіи Алексѣевнѣ, послѣ кончины которой она поступила въ вѣдѣніе дворцовой канцеляріи, а въ 1732 г. причислена къ дворцовымъ имѣніямъ; съ воцареніемъ же Екатерины II Гатчина пожалована была князю Григорію Орлову, построившему здѣсь въ 1770 году дворецъ по планамъ пріѣзжавшаго въ Петербургъ итальянца архитектора Ринальди.

¹⁾ Хотя указъ „объ отдачѣ мызы Гатчино в. к. Павлу Петровичу“ и данъ 6 августа 1783 г., но самый приемъ и переездъ его высочества въ Гатчину состоялся не ранѣе лѣта 1784 г. Самый указъ помѣщенъ въ Полн. собр. зак. № 15808 и гласитъ такъ: „Изъ купленныхъ нами у графовъ Орловыхъ деревень, состоящихъ въ вѣдомствѣ нашего флигель-адъютанта Вуксгевдена, поручаемъ отдать во владѣніе нашему любезному сыну, е. и. в. великому князю мызу Гатчино съ тамошнимъ домомъ, со всѣми находящимися мебелями, мраморными вещами, оружейною, оранжереєю и матеріалами и съ 20 принадлежащими къ той мызѣ деревнями, мызу Новую Скворинскую и мызу Старую Скворинскую съ приписанными къ нимъ деревнями, пустошами и землями, какъ оныя въ реестрѣ при семъ означены. Помннутый флигель-адъютантъ Вуксгевденъ долженствуетъ все оное по описи отдать тому, кому приемъ отъ е. в. порученъ будетъ, а между тѣмъ имѣть то въ своемъ смотрѣніи“.

И. В.

По вступленіи на престоль Павла I, онъ возвелъ Гатчину на степень города, повелѣлъ по всеѣмъ дѣламъ ея относиться прямо въ правительствующій сенатъ, а для завѣдыванія вновь учрежденнымъ городомъ назначилъ особое правленіе. Самый дворецъ, аспоженный въ видѣ продолговатаго четырехугольника въ три этажа, съ башнями по краямъ, при верховы рѣки Ижоры, былъ перестроенъ какъ снаружи, такъ и внутри любимымъ архитекторомъ государя—В. И. Бажновымъ, который по восшествіи на престоль былъ награжденъ императоромъ чиномъ д. с. с., 1000 душъ крестьянъ и званіемъ вице-президента академіи художествъ. Баженовъ построилъ Гатчинскій и Павловскій дворцы съ садами и крѣпостью. Главное зданіе было обложено пудожскимъ камнемъ дикаго цвѣта и соединено, посредствомъ впереди расположенныхъ двухъ полукруглыхъ флигелей, съ каждымъ концемъ главнаго корпуса колоннадою круглыхъ столбовъ, высѣченныхъ изъ финляндскаго мрамора. Эта колоннада образываетъ обширную квадратную площадь, предъ которою раскинутъ величественный паркъ, носачій названія: англійскаго, регулярнаго и ботаническаго съ двумя озерами, носящими названія Бѣлаго и Чернаго. Находящіяся при первомъ изъ нихъ ключи снабжаютъ жителей прекрасною и чистою водою.

На озерѣ находятся нѣсколько островковъ, соединенныхъ между собою красивыми мостиками; одинъ изъ этихъ островковъ носить имя „острова любви“. На островкахъ устроены украшенія въ видѣ памятниковъ, изъ которыхъ обращаютъ вниманіе: обелискъ, находящійся на самой дорогѣ близъ дворца, вышиною въ 12 сажень изъ тесанныхъ известковыхъ плитъ, сооруженный братомъ бывшаго владѣльца Гатчины, Орловымъ; бесѣдка, представляющая сложенный дрова, внутри которой находился прекрасно убранный кабинетъ; рыцарскій замокъ Констабль и выстроенное изъ земли превосходное зданіе пріоратъ.

Ко дворцу принадлежатъ театръ, манежъ и церковь, въ которую 3 августа 1799 года на аудіенціи въ Петергофѣ, графомъ Колывратомъ и другими депутатами Мальтійскаго ордена, были поднесены его величеству, какъ великому магистру, часть древа животворящаго креста Господня, десная рука святаго пророка предтечи Іоанна и чудотворный образъ пресвятой Богородицы, вывезенный съ острова Родоса великимъ магистромъ мальтійскимъ Лиль-Адамомъ въ 1523 г. Эти святыни хранились нѣкогда въ соборной церкви на Мальтѣ; по взятіи этого острова генераломъ Бонапарте, въ 1798 году, послѣдній великій магистръ, баронъ Фердинандъ Гомнешъ, получившій позволеніе вывезти все, что ему было угодно, выпросилъ у нобѣдителя только эти драгоценности.

12 октября 1799 года, въ день бракосочетанія государыни в. к. Елены Павловны съ наследнымъ принцемъ Мекленбургъ-Шверинскимъ, принесены были эти святыни въ дворцовую церковь города Гатчины, и въ этотъ день бываетъ въ Гатчинѣ ежегодно церковное празднество.

Внутренность дворца устроена со вкусомъ, но безъ пышности, впрочемъ комнаты императрицы Маріи Ѳеодоровны отличались роскошью и великолѣбіемъ. Послѣ смерти Важенова, въ Гатчинѣ постройки производились по планамъ и подъ наблюденіемъ знаменитаго строителя зданія главнаго адмиралтейства въ Петербургѣ, профессора А. Д. Захарова, въ помощь которому былъ данъ ученикъ академіи Христофоръ Спедеръ. Позднѣйшая-же реставрація гатчинскаго дворца, въ царствованіе императора Николая Павловича была произведена подъ наблюденіемъ архитектора Романа Ив. Кузмина.

Въ 1799 году, съ упраздненіемъ города Рождествена, всѣ купцы и мѣщане были переведены въ Гатчину; учреждена была почтовая контора, обширный городской госпиталь на 1500 человекъ, при полицейскомъ домѣ построена каланча, на которую перенесенъ былъ съ бельведера дворца громостводъ, поставленный знаменитымъ академикомъ Эйлеромъ, въ замѣнъ чего былъ устроенъ на дворцѣ сигнальный телеграфъ. По дѣламъ государственной важности, назначено было въ Гатчинѣ присутствіе I-му департаменту правительствующаго сената ¹⁾. Въ 1800 г. городъ Гатчина предоставленъ былъ въ собственность императрицы Маріи Ѳеодоровны и приписанныя къ нему волости раздѣлены между великими князьями.

По кончинѣ императора Павла I, ограничилась власть городского мѣстнаго управленія, и дѣла поручены были въ завѣдываніе уѣзднаго и земскаго судовъ; въ самомъ управленіи Гатчины восстановленъ общій порядокъ, а купцовъ и мѣщанъ, которые въ Рождественѣ пожелаютъ остаться, запрещено было съ 1809 г. принуждать переселяться въ Гатчину. Въ 1811 году упразднена ратуша въ Гатчинѣ и завѣдываніе дѣлъ о купцахъ и мѣщанахъ этого города возложено на Царскосельскую ратушу. Впослѣдствіи Гатчина виѣстѣ съ Павловскомъ причислены были къ заштатнымъ городамъ и приписаны къ царскосельскому уѣзду.

Наконецъ еще замѣтить, что прекрасная дорога, ведущая изъ Царскаго Села въ Гатчину, украшена мраморными воротами, называющимися Гатчинскими, которыя построены въ 1773 году. О нихъ въ брошюрѣ „Описаніе села Царскаго или спутникъ, обозрѣвающий оное“ на стр. 180 сказано: „На перевозку, сдѣланіе фундамента, построеніе мастерскихъ и постановленіе мраморныхъ Гатчинскихъ воротъ, по смѣтѣ графа Брюса, ассигновано изъ кабинета 5,078 руб. 70 коп.“

Отъ временъ Павла I остались два дома для призрѣнія слѣпыхъ и бѣдныхъ, устроенные имъ, а Гатчинскій воспитательный домъ съ сиротскими институтомъ учрежденъ попеченіемъ Маріи Ѳеодоровны въ 1803 г. и по повелѣнію императора Николая I получилъ преобразование.

¹⁾ Полное собр. зак., № 19192.

Виды Гатчинскаго дворца, написанные любимымъ живописцемъ Павла I—Семеномъ Щедринымъ, какъ-то: видъ дворца со стороны большого озера; констабля отъ каменнаго моста; колонны и храма со стороны пруда и др. гравированы на мѣди превосходно Галактіоновымъ, Телегинымъ, Ческинымъ и Угтоискимъ, и гравюры эти еще можно купить въ Императорской Академіи Художествъ.

И. Н. Вожеяковъ.

О ВОЗОВНОВЛЕНІИ ПАМЯТНИКА НА ОБЩЕЙ МОГИЛѢ

АРТЕМІЯ ВОЛЫНСКАГО, ЕРОПКИНА И ХРУЦОВА

† 27-го іюня 1740 г. ¹⁾.

Поступило пожертвованій на возобновленіе сего памятника:

Сентября 1-го. Отъ генерала В. А. Васильева изъ Полтавской губерніи	6 руб.
<hr/>	
А съ прежде поступившими всего	1,392 руб.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1883 г., томъ XXXVIII, май, стр. 464—471; томъ XL, октябрь и ноябрь, стр. 269—271 и 498; декабрь, стр. 723—724; изд. 1884 г., т. XLI, январь, стр. 224; февраль, стр. 460; мартъ, стр. 666; т. XLII, апрѣль, стр. 221; май, стр. 407; іюнь, стр. 671; т. XLIII, августъ, стр. 448; сентябрь, стр. 676.

АНДРЕЙ НИКИФОРОВИЧЪ ВОРОНИХИНЪ,

строитель собора Казанскія Богоматери въ С.-Петербургѣ.

1760—1814 гг.

До сихъ поръ не существуетъ еще полной біографіи строителя Казанскаго собора въ С.-Петербургѣ, хотя въ недалекомъ будущемъ ¹⁾ предстоитъ празднованіе уже 75-лѣтняго юбилея этого собора. Между тѣмъ личность Андрея Никифоровича Воронихина настолько замѣчательна, что мы считаемъ не лишнимъ своевременно напомнить краткія о немъ біографическія свѣдѣнія.

Профессоръ архитектуры, надворный совѣтникъ и кавалеръ Андрей Никифоровичъ Воронихинъ, по изящнымъ произведеніямъ своего зодчества—художникъ въ высшей степени замѣчательный, родился въ 1760 г., Пермской губерніи, въ селеніи Новое Усолье, гдѣ, обучась русскому языку, по врожденной склонности своей и природной остротѣ, изучился также начальнымъ правиламъ рисованія и живописи. Въ 1777 г. пріѣхалъ въ Москву, гдѣ развились у него способности и склонность къ архитектурѣ, и здѣсь онъ пользовался наставленіями знаменитаго въ то время русскаго зодчаго Баженова. Своими трудами онъ обратилъ на себя вниманіе митрополита Платона и покровительство извѣстнаго архитектора Казакова. Графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ, которому были посвящены первые опыты талантовъ Воронихина, взялъ его въ С.-Петербургъ, а затѣмъ отправилъ его заграницу съ сыномъ своимъ, графомъ Павломъ Александровичемъ Строгановымъ.

Въ 1790 г., возвратясь въ Россію, Воронихинъ посвятилъ себя совершенно архитектурѣ, и въ 1800 г. на него возложено было сооруженіе храма Казанскія Пресвятыя Богородицы по особенному повелѣнію

¹⁾ 15 сентября 1886 года.

государя императора Павла I ¹⁾. Сооруженіе окончено было въ 1811 г., а вскорѣ за тѣмъ Андрей Никифоровичъ Воронихинъ умеръ, 21 февраля 1814 года. Тѣло его похоронено на кладбищѣ Александро-Невской лавры, гдѣ сооруженъ памятникъ съ изображеніемъ на немъ Казанскаго собора ²⁾. Памятникъ поставленъ былъ безъ надписи; имѣющаяся на немъ надпись начертана въ 1871 году иждивеніемъ автора сей замѣтки.

Приводимъ неизданные еще документы, которые касаются біографіи этого достопамятнаго человѣка. Ревизская сказка рода Воронихинныхъ:

3 рев. Соликамскаго уѣзда за дѣйствительнымъ камергеромъ графомъ Александромъ Сергѣевичемъ Строгановымъ

Книга за № 3453

Сказка № 55

Степанъ Егоровъ

Пелагея Иванова — Никифоръ, Иванъ, Прасковья, Мавра.
Илья 5 л. Андрей 3 л.

1811 г. сент. 1 дня Пермской губ. Соликамскаго уѣзда села Нового Усолья господина тайнаго совѣтника дѣйствительнаго камеръ-гера барона Григорія Александровича Строганова, о состоящихъ муж. пола дворовыхъ людяхъ:

№ 6 ревиз.

211. Семень Ивановъ
Воронихинъ

Переведенъ изъ Елисаветн. Нердвинскаго завода въ 1797 г. Умеръ 1808 г.

У Семена дѣти:

Константинъ 23 лѣтъ,
Петръ 17 $\frac{1}{2}$ лѣтъ.

Изъ этихъ двухъ сказокъ, въ первой говорится о рожденіи Андрея Никифоровича, которое до сихъ поръ съ точностью не было опредѣлено. Вторая сказка говоритъ о родѣ Воронихинныхъ, но въ какомъ отношеніи она стоитъ къ первой сказкѣ, остается пока невыясненнымъ.

¹⁾ Въ „Русской Старинѣ“ изд. 1862 г., январь, стр. 201, сказано, что планы Казанскаго собора утверждены импер. Павломъ 14 ноября 1800 г. и въ тотъ же день учреждена коммисія для построенія собора, подъ предсѣдательствомъ графа Алекс. Серг. Строганова; между тѣмъ въ „Описаніи Государственнаго Архива старыхъ дѣлъ“, составленномъ П. Ивановымъ, Москва, 1850 г., говорится, что планъ собора утвержденъ 14 ноября 1800 г., но коммисія на сей предметъ учреждена 22 того-жъ ноября.

²⁾ См. „Синъ Отечества“ 1814 г., № 12, стр. 231.

Не менѣ цѣнный документъ удалось намъ отыскать въ архивѣ академіи художествъ. Это—формулярный списокъ проф. Воронихина. Приводимъ его дословно:

Надворный совѣтникъ Андрей Никифоровичъ Воронихинъ, профессоръ архитектуры и членъ совѣта академіи, 52 лѣтъ, православнаго исповѣданія, имѣлъ ордена: св. Владиміра 4 ст. и св. Анны 2 класса съ брилліантовыми украшеніями.

Изъ вольноотпущенныхъ.

Благопріобрѣтенное имѣніе: дворовыхъ людей 4 души.

По представленнымъ въ императорскую академію художествъ работамъ произведенъ отъ оной:

Назначеннымъ 1794 г. декабря 16

Академикомъ 1797 г. » 19.

Поступилъ въ сію академію для обученія класса архитектуры въ должность адъюнктъ-профессора 1800 г. марта 6.

По именному высочайшему указу пожалованъ коллежскимъ ассесоромъ 1800 г. іюля 26.

Опредѣленъ архитекторомъ при строеніи церкви Казанскія Богоматери 1801 г. декабря 20.

Отъ сей академіи наименованъ академикомъ архитектуры 1801 г. дек. 20.

Произведенъ въ адъюнктъ-профессора 1802 г. дек. 8.

Профессоромъ архитектуры 1802 г. дек. 11.

Опредѣленъ членомъ совѣта академіи 1802 г. дек. 11.

Пожалованъ надворнымъ совѣтникомъ 1805 года дек. 31.

По высочайшему повелѣнію опредѣленъ архитекторомъ при строеніи горнаго кадетскаго корпуса и членомъ въ комитетѣ онаго 1806 года апрѣля 4.

По высочайшему повелѣнію опредѣленъ былъ къ построенію фонтана на Пулковской горѣ 1806 г. ноября 16.

Членомъ комисіи о построеніи церкви Казанскія Богоматери 1809 г. ноября 16.

По высочайшему повелѣнію опредѣленъ членомъ въ комитетъ о приказахъ общественнаго призрѣнія по строительной части 1810 г. сент. 7.

Произвелъ построеніе колоннадъ въ петергофскомъ саду и какъ прежде, такъ и нынѣ имѣетъ высочайшія порученія по строеніямъ въ Павловскѣ, Гатчинѣ и С.-Петербургѣ, за что получалъ многія награжденія.

Всемилоостивѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена св. Влад. 4 ст. 1811 г. янв. 1.

Опредѣленъ старшимъ профессоромъ архитектуры 1811 г. сент. 23.

По освященіи церкви Казанскія Богоматери всемилостивѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена св. Анны 2 класса, украшеннаго брилліантами, а также пенсію,—1811 г. сент. 26.

Женатъ; имѣеть 4 сыновей: Александра, Павла, Владиміра и Константина,—кои всѣ находятся при немъ.

Умеръ 21 февраля 1814 г.

По приведенному въ началѣ списка числу лѣтъ, надо полагать, что формулярный списокъ составленъ въ 1812 году.

Въ дополненіе къ указаннымъ постройкамъ слѣдуетъ упомянуть, что первая русская терапевтическая клиника, въ нынѣшнемъ значеніи этого учрежденія, въ с.-петербургской медико-хирургической академіи была устроена по проекту и подъ надзоромъ архитектора Воронихина, и была открыта 28 января 1806 года ¹⁾.

Изъ произведеній живописи, въ залахъ академіи художествъ есть картина А. Н. Воронихина, изображающая извѣстную петербургскимъ жителямъ дачу граф. Строгановыхъ.

Бюстъ и портретъ А. Н. Воронихина также находятся въ залахъ академіи художествъ.

Изъ четырехъ сыновей А. Н. Воронихина въ живыхъ никого нѣтъ. Всѣ они умерли, не оставивъ потомства, и родъ Воронихиныхъ продолжается по линіи Ильи Никифоровича, брата архитектора.

Въ послѣднее время было предположено поставить доску на зданіи собора Казанскія Богоматери съ начертаніемъ имени его строителя и почтить память его совершеніемъ панихиды ежегодно въ день его смерти, 21 февраля.

Николай Воронихинъ,
внучатный племянникъ профессора архитектуры и строителя Казанскаго собора.

¹⁾ Проф. Я. А. Чистовичъ. „Клиники с.-петербургской медико-хирургической академіи“ („Мед. Вѣстн.“, 1874 г., №№ 3, 5, 6 и 7).

ДВОРЯНСТВО РОСТОВСКАГО УѢЗДА

ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНІИ

въ 1806—1812 гг.

I.

Разбирая и приводя въ порядок архивы дворянства Ростовскаго уѣзда (Ярославской губерніи), я остановился на документахъ той знаменательной эпохи, какою представляется всякому, любящему свое отечество, эпоха 1812-го года; живыхъ свидѣтелей ея, лицъ,

„Покрытыхъ славой чудеснаго похода
И вѣчной памятью двѣнадцатаго года“,

уже нѣтъ; всѣ они давно сошли въ могилу; но дѣла ихъ еще громко говорятъ за нихъ, и память объ этихъ славныхъ дѣятеляхъ живетъ въ сердцахъ потомства и будетъ передаваться изъ рода въ родъ.

Отдавая должную справедливость русскому передовому сословію, конечно, не слѣдуетъ забывать и подвиговъ „простога“ русскаго человѣка. Въ „годины испытаній“ они, дѣйствительно, трудились дружно и, отражая внѣшняго врага, забывали свои взаимные счеты, свои, подъ часъ тяжелыя, „недоразумѣнія“. Героями являлись на поляхъ сраженій какъ дворяне, такъ и закрѣпощенный тогда народъ. Первые выходили на бой десятками и сотнями, а послѣдній тысячами и сотнями тысячъ. Въ такой страшной массѣ трудно отличить Мининъ, но далеко не всѣ являлись и князьями Пожарскими!

Такимъ образомъ съ одной стороны выходитъ, что для современныхъ изслѣдователей русской исторіи (разумѣемъ эпоху 1812 года) пропали навсегда и безвозвратно подвиги „Ивановъ“ и „Петровъ“, между тѣмъ какъ, съ другой стороны, самые скромные подвиги и дѣянія родовитыхъ людей сохранились, если не на страницахъ исторіи, то, по крайней мѣрѣ, въ архивныхъ дворянскихъ бумагахъ. Безпристрастный человѣкъ, занимающійся изслѣдованіемъ исторіи своего края, не долженъ пропускать безъ вниманія и этихъ отрывочныхъ и

скудныхъ матеріаловъ, которые имѣютъ свою цѣну, по крайней мѣрѣ въ глазахъ нашихъ ростовцевъ.

Ростовцы были не безучастными зрителями отечественныхъ событій въ первой половинѣ царствованія Александра Благословеннаго! Хотя семья дворянъ Ростовскаго уѣзда, Ярославской губерніи, по своей численности, ничтожна сравнительно со всѣмъ дворянствомъ Россіи, хотя и самый Ростовскій уѣздъ малъ, относительно всей территоріи имперіи, но мнѣ кажется, что тѣ документы и факты, которые я постараюсь изложить, имѣютъ нѣкоторое, хотя и очень скромное, значеніе какъ для исторіи дворянскаго сословія вообще, а ростовскаго въ отдѣльности, — такъ и для изученія исторической статистики населенія здѣшняго уѣзда. Послѣдняя далеко еще не выяснилась, а потому и наши матеріалы, думается, будутъ полезны.

Въ первой половинѣ царствованія Александра I-го ростовское дворянство (какъ видно изъ архивовъ) считало въ средѣ своей много семействъ, славныхъ имена коихъ, по заслугамъ, издавна были извѣстны Россіи. Такъ мы находимъ здѣсь потомковъ бояръ, стольниковъ, окольничихъ при царяхъ, воеводъ и лицъ, занимавшихъ болѣе или менѣе выдающіеся посты по государственной службѣ и носившихъ придворныя званія при императорахъ. Вотъ выдающіеся имена ростовскаго дворянства въ 1811 году: князья Щепины-Ростовскіе и князья Косаткины-Ростовскіе (потомки великихъ князей Ростовскихъ), князья Голицыны, Куракины, Гундоровы, Юсуповы, Шаховскіе, Урусовы, Меншиковы; графы Воронцовы, Шереметевы, Орловы (графъ Владиміръ Григорьевичъ); не титулованные дворяне: Алмазовы, Аркаровы, Бычковы (также потомки великихъ князей Ростовскихъ, происходящіе отъ князей Бычковыхъ-Ростовскихъ), Воеяковы, Волянскіе, Гурьевы, Горяиновы, Кокоскины, Кологривовы, Квашнины, Козлятьевы, Леонтьевы, Ляпуновы, Ладыженскіе, Лупандины, Мещериновы, Муравьевы, Молчановы, Нефедевы, Нечевы, Неклюдовы, Нащокины, Нальяновы, Опанины, Озеровы, Поливановы, Ржевскіе, Рудаковы, Солтыковы, Татищевы, Хомутовы, Чертковы, Яковлевы.

Обратимся сначала къ документамъ перваго ополченія.

30-го ноября 1806 года изданъ былъ высочайшій манифестъ о созывѣ и составѣ временнаго земскаго ополченія. Исполняя волю монарха, дворянство немедленно приступило къ избранію лицъ для службы въ земскомъ войскѣ.

Въ декабрѣ 1806 г. избранъ ростовскимъ уѣзднымъ начальникомъ инициіи полковникъ Владиміръ Ивановичъ Филатьевъ (полковникъ въ отставкѣ до 1804 г., служилъ въ лейбъ-гвардіи конною полку); по сформированіи же баталіоновъ ярославскаго земскаго войска былъ назначенъ командиромъ 1-й бригады въ 1-й области. Командующимъ всѣмъ земскимъ войскомъ Ярославской губерніи былъ избранъ генералъ-майоръ Лихачевъ; дежурнымъ (вѣроятно адъютантомъ)

при ярославскомъ земскомъ войскѣ назначенъ отъ арміи бригадиръ Окуловъ. Отъ Ростовскаго уѣзда были избраны въ милицію дворяне:

Колл. ассес. Павелъ Дмитріевичъ Нальяновъ—тысячнымъ начальникомъ.

Надв. сов. Дмитрій Николаевичъ Рудаковъ, колл. ассес. Дмитрій Степановичъ Лупандинъ, колл. ассес. Павелъ Петровичъ Никифоровъ и поручикъ Дмитрій Ивановичъ Нагишкинъ—пятисотенными начальниками.

Колл. ассес. Павелъ Степановичъ Лупандинъ, дворянинъ Максимъ Григоровъ, губ. секр. Игнатій Семеновичъ Голиковъ, флота мичманъ Сергій Николаевичъ Опанинъ, дворянинъ Федоръ Бычковъ, поручикъ Дмитрій Осиповичъ Внукъ, капитанъ Головачевъ и лейтенантъ Евграфъ Грековъ—сотенными начальниками.

Титул. сов. Александръ Савинъ, штабсъ-капитанъ Алексій Чертковъ, прапорщикъ Николай Мещеринъ, прапорщикъ Николай Пересвѣтовъ и губ. секр. Павелъ Савинъ—пятидесятниками.

Артиллеріи поручикъ Иванъ Михайловичъ Опанинъ—казначеемъ.

Поручикъ Николай Грековъ—комиссаромъ (по провіантской и фуражной части).

Кромѣ того ростовскій дворянинъ прапорщикъ Никифоръ Ивановичъ Озеровъ былъ избранъ и состоялъ сотеннымъ начальникомъ въ земскомъ войскѣ Владимірской губерніи.

Здѣсь безъинтереснымъ нахожу привести въ подлинникѣ находящееся въ архивныхъ дѣлахъ (къ вышеозначенному дворянину Озерову) отношеніе главнокомандующаго IV-ю областью земскаго войска, генерала отъ инфантеріи, московскаго военнаго губернатора, главно-управляющаго по гражданской части, сенатора и всѣхъ російскихъ орденовъ кавалера Тутолмина:

„Его величество государь императоръ Александръ I, августѣйшій всея Россіи самодержецъ, взывая вѣрное, по примѣру прославленныхъ предковъ, безпредѣльно престолу и отечеству преданное благородное російское дворянство и всѣхъ достойныхъ сыновъ отечества къ составу временнаго земскаго ополченія,—манифестомъ, 30-го ноября 1806 года изданнымъ, съ благостію и правотою, монаршей его императорскаго величества особѣ только соеяственными, всемилостивѣйше объявить благосозволилъ: „мы поставимъ себѣ священною обязанностию отъ благодарнаго отечества налить щедроты и милости наши и вознаграды почестями и знаками отличія, въ честь добродѣтелей и заслугамъ установленными достойныхъ сыновъ отечества, которые въ настоящихъ обстоятельствахъ ознаменуютъ къ нему усердіе своею личною храбростію, пожертвованіями своего имущества и другими общепользными дѣяніями; признательное потомство благословитъ имена таковыхъ сподвижниковъ и слава ихъ пребудетъ незабвенно въ роды родовъ“.

„Духъ общаго отъ прародителей наслѣдованнаго единокорнаго стремленія благородныхъ дворянъ къ славіи и пользамъ монарха и престола и соревнованію

въ томъ прочтѣ благомыслящихъ сыновъ отечества, самоохотно представившихъ себя на службу по земскому ополченію, обратили на себя всевысочайшее государя императора вниманіе и милость.

„Когда подвижъ внутренняго вооруженія оправдалъ надежды самодержца, а побѣдоносное оружіе его императорскаго величества, прекратя брань среди чуждыхъ полей, умножило славу и предѣлы Россіи, его величество въ изъявленіе всеавгустѣйшаго благоволенія своего ко всѣмъ вообще чиновникамъ, въ подвижномъ земскомъ войскѣ служащимъ, указомъ отъ 28-го сентября 1807 г. высочайше повелѣтъ соизволилъ: „заготовить золотыя медали, кои каждому изъ нихъ предоставлено на волю носить въ петлицѣ на лентѣ ордена святаго Владиміра“. Вслѣдствіе сихъ всемилостивѣйшихъ его императорскаго величества благосозволеній, достойно и заслуженно по высочайшей вамъ монаршей, принадлежащую вамъ къ память заслугъ и въ примѣръ потомству, золотую медаль для ношенія въ петлицѣ установленнымъ выше образомъ на лентѣ ордена св. Владиміра при семъ доставить честь имѣю“. „Туголнинъ“.

„Москва, 16-го іюля 1808 г., № 1594“.

Избранный тысячнымъ начальникомъ, П. Д. Налъяновъ не могъ, за слабостію здоровія, долѣе продолжать службу; принужденный болѣзнію выйти въ отставку, онъ получилъ отъ командующаго ярославскимъ земскимъ войскѣмъ, Дихачева, аттестатъ, въ которомъ, между прочимъ, читаемъ:

„Однако-же слабость здоровья его не позволила продолжать службу и такъ уволенъ былъ впредь до востребованія; но и тутъ, не хотя остаться бездѣятельнымъ и бесполезнымъ сыномъ отечества, пожертвовалъ не малую сумму для бѣдной сироты своей, служившей въ милиціи“.

Всѣ безъ исключенія лица, служившія въ подвижномъ земскомъ войскѣ, получили высочайшія награды—золотыя медали, слѣдующіе чины и право ношенія въ отставкѣ миллионный мундиръ. Участвовавшіе въ милиціи отъ Ростовскаго уѣзда получили вышеозначенныя золотыя медали при отношеніяхъ главнокомандующаго 1 областію земскаго войска, генерала отъ инфантеріи и кавалера графа Татищева.

II.

Перейдемъ теперь къ 1811 году; то былъ тяжкій годъ для Россіи.

Война съ Турціей еще продолжалась, военныя дѣйствія начинали истощать средства государства, а между тѣмъ горизонтъ омрачался и съ запада чувствовалось приближеніе грозной тучи. Наполеонъ, недовольный пятиткою Россіи, видяко рѣшился свести съ нею свои старые счеты; нужно было подумать о защитѣ нашихъ предѣловъ. 16-го сентября 1811 года обнародованъ былъ манифестъ, по которому повелѣвалось собрать по 4 рекрута съ каждыхъ 500 душъ.

Получивъ распоряженіе начальства о наборѣ, бывшій въ то время ростовскимъ предводителемъ дворянства, коллежскій ассессоръ Павелъ Петровичъ Никифоровъ, немедленно потребовалъ отъ ростовскаго казначейства подробную вѣдомость о числѣ душъ по г. Ростову и его уѣзду. 11-го октября требованіе это казначействомъ было исполнено и тотчасъ же состоялось собраніе дворянъ уѣзда для выбора комиссара по сбору, въ имѣющій быть рекрутскій наборъ (81-я), складочныхъ денегъ. Въ должность эту выбранъ былъ губернской секретарь Нематовъ; наборъ прошелъ быстро и хорошо, о чемъ можно заключить изъ того, что въ дѣлахъ за этотъ годъ не имѣется ни замѣчаній со стороны начальства, ни выраженій неудовольствій за медленность.

Изъ вѣдомости, послужившей основаніемъ для рекрутскаго набора въ 1811 г. и доставленной ростовскимъ казначействомъ, можно видѣть о количествѣ населенія какъ городовъ Ростова и Петровска, такъ и всего уѣзда въ 1811 году, о количествѣ дворянскихъ имѣній и ихъ владѣльцахъ. Вотъ нѣкоторыя числовыя данныя изъ этого документа, имѣющаго въ глазахъ нашихъ историческое значеніе. Въ 1811 году числилось по Ростовскому уѣзду:

Помѣщичьихъ крестьянъ	26,307 душъ.
Свободныхъ хлѣбопашцевъ по селу Угодичъ съ деревнями .	1,096
По городу Ростову:	
Мѣщанъ .	1,511
Купцовъ .	483
По городу Петровску:	
Мѣщанъ .	373
Купцовъ	89
Дворовыхъ людей по гор. Ростову	83
Ростовскаго купца и полотняной фабрики содержа- теля Андрея Серебренникова	10
Крестьянъ экономическихъ	19,198
Дворцовыхъ изъ Сокольныхъ помѣтчиковъ обращен- ныхъ (подлинныя слова вѣдомости)	88

Наступилъ грозный и въ то же время славный для Россіи 1812 годъ.

Въ то время генераль-губернаторомъ трехъ соединенныхъ губерній—Новгородской, Тверской и Ярославской, былъ зять императора Александра I, принцъ Георгій Голштейнъ-Ольденбургскій, супругъ великой княгини Екатерины Павловны; гражданскимъ губернаторомъ Ярославской губерніи—князь Михаилъ Николаевичъ Голицынъ, а вице-губернаторомъ—князь Иванъ Урусовъ.

Въ началѣ января 1812 г. состоялись дворянскіе выборы; эпоха эта настолько замѣчательна, что имена тѣхъ дѣятелей-представителей дворянства, которые съ полнымъ усердіемъ, съ полной энергіей потрудились на пользу Россіи въ этотъ знаменательный годъ, не должны оставаться въ забвеніи; всѣ они наперерывъ

другъ передъ другомъ выказывали достойную похвалу дѣятельность. Вотъ составъ ярославскихъ предводителей въ 1812 году:

Губернскій предводитель—дѣйств. ст. сов. Майковъ, уѣздные: ярославскій— князь Дмитрій Урусовъ, ростовскій—Филатьевъ, уличскій—Мезенцовъ, рыбинскій—Глѣбовъ, мышкинскій—Михайловъ, вологскій—Сеченой, пошехонскій—Окуловъ, любинскій—Канищевъ, даниловскій—Кругликовъ и романовскій—Ярославовъ.

Въ апрѣлѣ ростовскій предводитель Филатьевъ получилъ отъ губернатора, князя Голицына, отношеніе, при которомъ приложена была копія съ высочайшаго указа о пожертвованіяхъ, наиболѣе нужныхъ для военнаго времени, и списокъ съ вѣдомости вещамъ, какія могли быть приняты въ пожертвованіе; при этомъ Голицынъ добавлялъ: „вы не оставите увѣдомлять меня, кто и гдѣ расположится пожертвовать, для доведенія до свѣдѣнія государя императора“. Въ списокѣ было шесть отдѣловъ по образцамъ: пѣхотнымъ, кирасирскимъ, драгунскимъ, гусарскимъ, уланскимъ и артиллерійскимъ; всего 92 номера. Для приѣзжа возьми драгунскій отдѣлъ; требовалось:

- № 64. Товаръ на большіе сапоги.
- № 65. Перевязи лягуночныя.
- № 66. Галунъ унтеръ-офицерскій серебряный.
- № 67. Пуговицы оловяныя.
- № 68. Сѣдла съ приборомъ.
- № 69. Потники.

20-го апрѣля Голицынъ прислалъ вторичное отношеніе по поводу тѣхъ же пожертвованій, въ которомъ между прочимъ говорилъ: „по желанію нѣкоторыхъ внести вмѣсто вещей деньги,—государь императоръ изволилъ изъяснить на то свое соизволеніе“, и препроводилъ выписку о цѣнахъ, по какимъ каждая изъ этихъ вещей заготовлялась комиссаріатскимъ департаментомъ. Цѣны были поставлены слѣдующія: возьми тотъ же отдѣлъ драгунскій:

Товаръ на большіе сапоги	3 р. 50 коп.
Перевязи лягуночныя	1 „ 50
Галунъ унтеръ-офицерскій серебряный, аршинъ	— „ 90
Пуговицы оловяныя партища	— „ 20
Сѣдла съ приборомъ	17 „ —
Потники	4 „ 20

Далѣе будетъ видѣнъ результатъ всѣхъ обращеній правительства къ дворянамъ, которые, конечно, по чувству любви и долга къ государю и отечеству, отзывались съ полнымъ единодушіемъ и самоотверженіемъ на призывъ монарха; теперь же ограничусь краткимъ перечнемъ тѣхъ мѣропріятій правительства, которыя предшествовали вступленію непріятели въ Россію. Еще прежде, а именно 6-го марта, ярославскій вице-губернаторъ, князь Иванъ Урусовъ, а за нимъ и губернскій предводитель, Майковъ, писали Филатьеву о возобновленіи

положенія г. министра полиціи, по которому рекрутскія партіи препровождались бы дворянскими чиновниками каждаго въ своемъ округѣ; обязанность этихъ дворянъ-чиновниковъ должна была состоять въ томъ, чтобы рекрутамъ доставлять продовольствіе, безостановочное взиманіе и доставленіе подводъ, вспоможеніе въ поимкѣ бѣглыхъ и другія законныя пособія. 5-го апрѣля предводитель извѣстилъ губернатора, что въ эту должность ростовское дворянство избрало помѣщика Максима Григорова. 19 марта Филатьевъ былъ приглашенъ губернскимъ предводителемъ въ дворянское собраніе для составленія вѣдомости о доходахъ владѣльцевъ, о сужденіи о временно-назначенномъ сборѣ податей согласно высочайшаго манифеста отъ 15 февраля 1812 года.

18-го мая губернской предводитель прислалъ Филатьеву бумагу, приглашая дворянъ въ военную службу; она начиналась такъ: „г. генераль-маіоръ 7-го округа... внутренней стражи начальникъ, князь Урусовъ относится ко мнѣ, что онъ, имѣя высочайшее повелѣніе государя императора о сформированіи 6 полковъ въ мѣстахъ вѣреннаго ему округа: въ Костромѣ и Владимірѣ по 2 пѣхотныхъ, а въ Ярославлѣ 2 егерскихъ, по волѣ е. и. в. приглашаетъ отставныхъ штабъ и оберъ-офицеровъ для занятія въ сихъ полкахъ вакансій, въ каковомъ приглашеніи требуетъ моего содѣйствія“.

Далѣе губернской предводитель изъясняетъ, что должности эти могутъ занять только лица, извѣстныя въ кругу дворянства по безпорочности, и оканчиваетъ надеждою, что всякій сознаетъ, что требуется отъ дворянина-сына отечества въ военное время.

О томъ же писалъ губернатору, князь Голицынъ, 30-го мая. Изъ документовъ, имѣющихся въ архивѣ, видно, что 30-го мая состоялось въ Ярославлѣ общее присутствіе изъ губернатора князя Голицына съ губернскимъ и уѣздными предводителями Ярославской губерніи; губернаторъ объявилъ о послѣдовавшемъ въ нему отъ 13-го мая, изъ Вильно, высочайшемъ рескриптѣ, въ которомъ государь писалъ:

„Вѣрноподданное намъ храброе російское дворянство всегда, въ подобныхъ случаяхъ, ревновало ознаменовать усердіе свое, какъ собственною своею службою, такъ и пособиями, отъ стяжанія его приносимыми“.

Рескриптомъ государь повелѣвалъ сформировать 2 полка въ Ярославлѣ и 1 во Владимірѣ, но рекрутъ для оныхъ поставляютъ, кромѣ губерніи Ярославской, губерніи Нижегородская, Вологодская и Вятская; дворянство всѣхъ этихъ губерній должно было, по волѣ государя, озаботиться обшундированіемъ и снабженіемъ амуниціей всѣхъ трехъ вышеупомянутыхъ полковъ. Е. в. повелѣвалъ мѣру эту привести въ исполненіе, вносямъ ли потребныхъ вещей, натурою или денежною складкою. Въ присутствіи, 30-го мая, гг. предводители изъяснили усерднѣйшую (какъ сказано въ журналѣ того засѣданія) готовность внести отъ достоянія ярославскаго дворянства такую сумму, которая бы достаточна была на удовлетвореніе всѣмъ потребностямъ цѣлаго Егерскаго полка; они постановили:

„Взносъ, жертвующий такимъ образомъ на пользу отечества. конечно весь г. дворяне наполняютъ съ душевнымъ удовольствіемъ отъ своихъ собственныхъ избытковъ, не обременяя поселянъ своихъ налогами; но чтобы и въ семь случаѣ сохранено было всевозможное уравненіе, назначается въ общую массу, для одного впрочемъ разчета, по 60 коп. съ души, каждымъ владѣемой, что составитъ по числу написанныхъ въ 6-й ревизіи — 291,896 помѣщичьихъ душъ—175,137 руб. 60 коп.“

Сборъ и приѣмъ этихъ денегъ возлагался на уѣздныхъ предводителей и долженъ былъ быть оконченнымъ не далѣе іюля мѣсяца. Далѣе, въ постановленіи говорилось: „впрочемъ излишекъ взноса противъ исчисленія болѣе 10,000 рублей дворянство предоставляетъ на непредвидѣнные расходы полка того“.

Губернаторъ, губернской и уѣздные предводители въ полномъ составѣ подписали этотъ журналъ. Въ это же засѣданіе предводители слѣдали еще дополнительное постановленіе, въ которомъ говорится, что хотя имѣется излишекъ болѣе, нежели 10 тысячъ рублей, но по возвышенію цѣнъ или по другимъ обстоятельствамъ можетъ не достать на удовлетвореніе цѣлаго полка, то на этотъ случай „собрать нынѣ же отъ избытковъ г. дворянъ еще по 10 к. съ души, а всего 29,189 руб. 60 коп.“

Ростовскій предводитель, Филатьевъ, немедленно извѣстилъ дворянъ о количествѣ причитающейся съ нихъ суммы и дворянство спѣшило дѣлать взносы, такъ что уже въ первой половинѣ іюня мѣсяца 1812 г. Филатьевъ могъ увѣдомить князя Голицына, что весь сборъ денегъ въ теченіи восьми дней сдѣланъ, кромя нѣсколькихъ сотъ рублей и то съ самыхъ бѣдныхъ мелкопомѣстныхъ. Въ своемъ донесеніи онъ говоритъ: „вся сумма собрана, составляющая 19,349 рублей 20 коп. Изъ чего видна готовность г. ростовскихъ дворянъ въ выполненіи своихъ обязанностей“. На это увѣдомленіе князь Голицынъ ему отвѣчалъ 17-го іюня:

„Вы первый изъ г. дворянскихъ предводителей увѣдомили меня, что почтенное дворянство вашего округа въ продолженіи осьми дней внесло сумму, на обмундированіе Егерскаго полка посвященную“.

„Г. дворяне, ознаменовавшіе при настоящемъ случаѣ готовность свою къ отечественнымъ пользамъ, и вы, особенно, найдете въ собственныхъ чувстваваніяхъ совершенное удовольствіе“.

„Мнѣ остается только сказать в-му в-дію, что въ полной мѣрѣ оправдали вы увѣренность начальства объ отличномъ усердіи вашихъ“.

И такъ честь первымъ отозваться на зовъ державнаго вождя русскаго народа принадлежитъ всецѣло, въ этомъ случаѣ, ростовскому дворянству и его достойному представителю—Владиміру Ивановичу Филатьеву.

20-го іюля 1812 г. Филатьевъ вызванъ былъ губернаторомъ въ Ярославль, который, руководствуясь указомъ правительствующаго сената, отъ 15-го марта 1809 года, возложилъ на него исправленіе, по случаю болѣзни Майкова,

должности губернскаго предводителя; исправленіе должности уѣднаго предводителя въ Ростовѣ перешло на время къ ростовскому уѣдному судѣ, поручику Ильѣ Никитичу Меньшому-Горайнову. Не смотря однако на свое отсутствіе, Филатьевъ внимательно слѣдилъ за тѣмъ, что происходитъ въ его коренномъ уѣздѣ; Горайновъ съ нимъ постоянно совѣтовался, переписывался и дѣйствовалъ по его указаніямъ. Читая документы того времени, невольно удивляешься неуспѣшной дѣятельности Филатьева, его умѣнью дѣйствовать въ данный моментъ, невольно удивляешься его авторитету и обаянію, которые онъ имѣлъ не только на дворянъ Ростовскаго уѣзда, но и на жителей-гражданъ г. Ростова; всѣ они прислушивались къ его голосу, къ его слову; всѣ лица отъ властей до простаго селянина исполняли беспрекословно его распоряженія, зная впередъ, что они основаны на законѣ и что имъ отдастъ человѣкъ чести и добра. Удивляешься, видя, что въ столь трудное, лихорадочно-дѣятельное время, каковъ былъ 1812 годъ, всѣ черновики бумагъ, распоряженій, писемъ къ дворянамъ, всѣ составлены рукою Филатьева и, читая ихъ, вы убѣждаетесь, что Владимиръ Ивановичъ былъ человѣкъ высокой чести, какъ представитель своего сословія, доблестный какъ рыцарь, правдивый какъ законъ, великодушный и добродушный ко всѣмъ подчиненнымъ.

Ростовскому дворянству должно помянуть добрымъ словомъ своего представителя въ 1812 году — Владимира Ивановича Филатьева. Оно можетъ имъ гордиться.

Для Россіи наступило тяжкое время... Непріятель вступилъ въ ея предѣлы. Въ іюлѣ мѣсяцѣ главнокомандующій Москвы, графъ Ростопчинъ, извѣстилъ кн. Голицына, (письмо его къ князю отъ 21-го іюня), что надзору его, Ростопчина, по высочайшему повелѣнію препоручено составленіе и образованіе военной силы Ярославской губерніи и что, въ силу этого, онъ поручаетъ губернатору, „ни мало не медля“, собрать дворянство, избрать начальника ополченія и сдѣлать по сему всѣ нужныя распоряженія, а также впредь по этому поводу сносятся непосредственно съ нимъ, Ростопчинымъ, добавляя, „не теряя изъ виду, что скорость всего нужнѣе по сему важному дѣлу“. Но уже 14-го іюля исправляющій должность ростовскаго предводителя, И. Н. Горайновъ-Меньшій, получилъ отъ кн. Голицына предложеніе прибыть немедленно въ Ярославль со всѣми дворянами, „не исключая ни единого“, на собраніе, имѣемое быть открытымъ лично его императорскимъ высочествомъ генераль-губернаторомъ по высочайшему повелѣнію государя.

На собраніи, по выслушаніи манифеста отъ 18-го іюля, изъ Москвы, о созывѣ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ ополченія (въ число ихъ была включена и Ярославская), въ другихъ-же, какъ сказано въ манифестѣ: „приготовиться“ разчислить и назначить людей, но до „повелѣнія не собирать ихъ и не отрывать отъ сельскихъ работъ“, немедленно былъ составленъ комитетъ по образованію ярославской военной силы. Въ начальники ярославской военной силы былъ

избранъ дворянствомъ генералъ-маіоръ Дедюлинъ, а полковыми командирами полковники: Полковановъ, Михайловъ, Селифонтовъ и подполковники: князь Ухтомскій и Куломзинъ. Первое свое собраніе комитетъ имѣлъ 28-го іюля 1812 года въ составѣ губернатора князя Голицына (какъ предсѣдателя) и членовъ—генерала Дедюлина, губернскаго предводителя—Майкова, управляющаго канцеляріей—принца Георгія Голштейнъ-Ольденбургскаго, статскаго совѣтника Гинца и уѣздныхъ предводителей всей губерніи. Въ первое же засѣданіе были разработаны XIII вопросовъ: I) о собственной своей власти; II) о составленіи ярославской военной силы; III) о жалованьяхъ; IV) о наградахъ и пенсіяхъ; V) о деньщикахъ; VI) объ обозахъ; VII) объ опредѣленіи и комплектованіи штабъ и оберъ-офицерами ярославской военной силы; VIII) объ урядничкахъ; IX) о чинахъ штабъ и оберъ-офицерскихъ и объ образѣ приѣма въ службу офицеровъ; X) объ образѣ приѣма людей по уѣзднымъ городамъ и о времени своза ихъ въ г. Ярославль; XI) объ оружій; XII) о командующемъ генералѣ и XIII) о производствѣ. Второе засѣданіе комитетъ происходило 31-го іюля.

Не бесполезно было бы, хотя вкратцѣ, изложить журналы засѣданій комитета; всякій могъ бы убѣдиться, съ какими рвеніемъ и усердіемъ занимался лица, участвовавшія въ немъ; насколько они тщательно разработывали всѣ вопросы, насколько не ускользала отъ вниманія ихъ ни малѣйшая случайность; но, къ сожалѣнію нашему, мы сдѣлать этого не можемъ, такъ какъ тѣсныя рамки настоящаго очерка не позволяютъ намъ вдаваться въ эти подробности.

На дворянскомъ собраніи 22-го іюля было выслушано предложеніе губернатора, князя Голицына, въ которомъ онъ сообщалъ дворянству, что вслѣдствіе положенія комитета гг. министровъ наряжаются по С.-Петербургскому тракту на 6 станцій по 1,000 лошадей на каждую, для перевозки воинскихъ снарядовъ, съ уѣздовъ: Ярославскаго, Рыбинскаго, Романовскаго, Мологскаго, Мышкинскаго и Пошехонскаго. Далѣе онъ говоритъ, что при настоящихъ полевыхъ работахъ находить эту повинность затруднительною для однихъ вышеозначенныхъ уѣздовъ, а потому находилъ бы справедливымъ привлечь и уѣзды: Ростовскій, Угличскій, Даниловскій и Любимскій.

Дворяне, соглашаясь съ мнѣніемъ князя Голицына, постановили:

„На содержаніе тройки лошадей съ человѣкомъ назначить пять рублей въ сутки, а на двѣ тысячи тройскъ и съ людьми также, со всею упряжкою, десять тысячъ рублей“.

24-го іюля губернаторъ, князь Голицынъ, обратился къ дворянству съ слѣдующимъ предложеніемъ; выписываемъ его цѣликомъ:

„Почтенному собранію благородныхъ дворянъ Ярославской губерніи предложеніе: Непріятель устремляется разрушить благоденствіе Россіи; всемощи-

вѣйшій государь нашъ призываетъ на защиту вѣрныхъ сыновъ ея. Вотъ причина, собравшая васъ воедино.

„Священною обязанностию почтеннаго сословія есть: опредѣлить число людей, способныхъ для поднятія оружія, положить, по мѣрѣ, одѣянія ихъ, вооруженіе и заготовленіе провіанта; избрать изъ среды себя начальника всего ополченія и командировъ полковъ, соразмѣря назначенію воиновъ.

„Благородные дворяне! истина, во всё времяна васъ руководствующая, должна истребить всё личныя предубѣжденія. Да облекутся довѣренностію вашею мужи испытанной ревности къ общему благу.

„Могущественные предки наши стремились на пораженіе враговъ съ духомъ единодушія. Да управляетъ оно пламенною готовностію вашею.

„Какъ членъ Ярославскаго дворянства и какъ начальникъ губерніи, я по чувствамъ сердца моего и по знаменитымъ опытамъ увѣренъ, что никто изъ васъ не пощадитъ самой жизни для спасенія престола-отечества,—чести націи!

„Да будетъ каждый дворянинъ—усердіемъ и дѣлами—Пожарскій. Князь Михаилъ Голицынъ“.

Намъ кажется, и не безъ основанія, что это есть текстъ рѣчи, которую начальникъ губерніи произнесъ при открытіи собранія,—такъ какъ избраніе начальника ярославской военной силы и другихъ лицъ предшествовало 24-му іюлю, дню, въ который помѣчена бумага, нами приведенная. 2-го августа за № 4538 губернаторъ предложилъ исправляющему должность ростовскаго предводителя, Горайнову, приступить къ приему людей въ военную силу изъ числа пожизненныхъ душъ, совместно съ бывшимъ тогда полиціймейстеромъ г. Ростова, надворнымъ совѣтникомъ Симановскимъ. 5-го августа въ Ростовѣ начался приемъ, шедшій чрезвычайно удачно и окончившійся 3-го сентября. 15-го августа получена была выписка изъ журнала комитета ярославской военной силы, засѣданія 13-го августа, изъ которой видно, что вслѣдствіе предписанія его императорскаго высочества генераль-губернатора, комитетъ постановилъ, чтобы всё люди, принимаемые въ стрѣлки и пѣшіе казаки ярославской военной силы, кромѣ ружей и пикъ, вооружены были и обыкновенными крестьянскими топорами.

Изъ всего до сихъ поръ сказаннаго видно, что дѣло народной обороны шло успѣшно, съ должной быстротой, что обставлено было хорошо и умѣло, и что всё воодушевлены были одною мыслию—оправдать надежды государя; пожертвованія доставлялись со всѣхъ сторонъ деньгами, вещами, чѣмъ кто могъ; жертвовали всё сословія; такъ, наприимѣръ, изъ документовъ видно, что духовное начальство пожертвовало съ 24-го августа по 2-е сентября 6,200 рублей ассигнад.; со 2-го по 5-е сентября—3,100 руб.; съ 5-го по 10-е сентября—6,340 руб.; 11-го сентября—1,000 руб. и новины 3,000 аршинъ.

Ростовскій Яковлевскій монастырь пожертвовалъ 390 руб., серебра въ вѣсахъ и мелоч. 1 пудъ 4 ф. 66 золотн.; выжиги 3 ф. 21¼ золотн.; золота

1 ф. 37½ золотн.; мышкинское городское общество — 3,152 руб. 53 коп.; даниловское городское общество — 9,045 руб.; генералъ-майоръ Лигачевъ — 100 кулей ржаной муки; графъ Алексѣй Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ — 200 кулей ржаной муки и 300 кулей овса; надворный совѣтникъ Рудаковъ — 50 кулей овса; рыбинскій предводитель Глѣбовъ — 200 кулей ржаной муки; корнетъ князь Николай Ухтомскій — 50 кулей овса; мышкинскій предводитель Михайловъ — 100 кулей ржаной муки и такъ далѣе, но всѣхъ пожертвованій не перечтешь. Перечень этихъ предметовъ, пожертвованныхъ на общее великое дѣло, мы приводимъ изъ журнала одного только изъ засѣданій комитета ярославской военной силы. За всѣ пожертванія дворянство осчастливлено было выраженіемъ особеннаго монаршаго благоволенія черезъ принца Георгія Голштейнскаго (докл. подписанъ принцемъ въ Ярославлѣ 8-го сентября 1812 г. на имя губернскаго предводителя). Не можетъ при этомъ не упомянуть еще о слѣдующемъ отрядномъ фактѣ: въ Ростовскомъ уѣздѣ находится значительное имѣніе графа Шереметева; владѣлецъ, графъ Дмитрій Николаевичъ Шереметевъ, въ описываемую нами эпоху, былъ малолѣтній и находился подъ опекою; опекуны его обратились съ письмомъ къ губернатору князю Голицыну, который оное переслалъ къ губернскому предводителю Майкову, а сей послѣдній къ ростовскому предводителю. Въ письмѣ своемъ гг. опекуны заявляли, „хотя они, будучи опекунами только надъ имѣніемъ малолѣтняго графа Шереметева, а не владѣльцами, не властны распорядиться его собственностію по своей волѣ, такъ какъ и самъ онъ не можетъ употреблять ее по причинѣ своего несовершеннолѣтія, но послику обстоятельство сіе не долженствуетъ содѣлать его чуждымъ вѣрно-подданническаго и патриотическаго участія во всѣхъ тѣхъ пожертваніяхъ, къ которымъ нынѣ призывается дворянство“, и просили князя Голицына „на все время войны, не дѣлая съ ними впредь уже никакихъ предварительныхъ сношеній, чтобы при назначеніи отъ лица дворянства корпуса на основаніи высочайшихъ соизволеній, какихъ-либо добровольныхъ приношеній для государственной службы и обороны, питомецъ нашъ, малолѣтній графъ Шереметевъ, всегда поставляемъ былъ на чредѣ съ другими дворянами губерніи“.

Мысль, руководившая гг. опекуновъ въ этомъ случаѣ, достойна похвалы: они поняли, что юношѣ — потомку фельдмаршала Шереметева — друга и сподвижника Великаго Петра, не подобало оставаться какъ бы въ сторонѣ отъ дворянства, а слѣдовало идти рука объ руку съ нимъ въ славномъ дѣлѣ освобожденія отечества. Письмо подписано двумя лицами: Иваномъ Алексѣевымъ и Иваномъ Ананьевскимъ.

Событія шли быстро одно за другимъ. Не успѣло еще дойти во всѣхъ подробностяхъ извѣстіе о сраженіи 26-го августа при Бородинѣ, какъ вся Россія была поражена великою скорбію, узнавъ о вступленіи непріятеля въ древнюю столицу 3-го сентября; уныніе овладѣвало сердцами; невольно паника распространилась въ народѣ; врагъ былъ въ сердцѣ Россіи, отряды войскъ его

двигались къ Дмитрову, къ Троицкой лаврѣ, могли угрожать Ростову и Ярославлю, — жители конкъ начинали уже думать о спасеніи себя и своихъ семействъ. Это мнѣніе подтверждается отношеніемъ губ. предв. къ ростовскому предвод., отъ 11-го сентаября № 387, съ приложеніемъ слѣдующей копіи: „отъ генераль-губернатора новгородскаго, тверскаго и ярославскаго, къ жителямъ г. Ярославля. Первѣйшій предметъ моихъ желаній въ настоящихъ обстоятельствахъ былъ доказать всѣмъ и каждому вѣрнной мнѣ государемъ императоромъ Ярославской губерніи мою приверженность къ престолу и попеченіе къ охраненію безопасности каждаго.

„Все мое вниманіе до сей поры обращено было на обезпеченіе ярославскихъ жителей и успокоеніе оныхъ. Всѣ мѣры къ достиженію сей цѣли были приняты, частныя извѣщенія отъ командующаго корпусомъ войскъ, прикрывающимъ ярославскую дорогу, генераль-маіора Винцингероде, не оставляли ни на минуту сомнѣваться, что здѣшній городъ находится въ безопасности. Другія частныя извѣстія и до сей поры въ ономъ совершенно удостовѣряють.

„Со всѣмъ тѣмъ вторые сутки не имѣю я никакого официального свѣдѣнія отъ вышеозначеннаго корпуса, а потому рѣшился удалить дѣтей моихъ отсюда на нѣкоторое время отнюдь не изъ опасенія непріятеля, но дабы въ случаѣ какого либо несчастія не затруднить жителей здѣшнихъ въ выѣздѣ отсюда.

„Между тѣмъ я отправилъ нарочнаго къ корпусу для узнавія подробно о происходящемъ тамъ, и какія получу извѣстія, не премину сообщити оныя ярославскимъ жителямъ.

„Ея императорское высочество великая княжна Екатерина Павловна, супруга моя и я остаемся здѣсь; я же даю слово свое, что до тѣхъ поръ не оставлю высочайше вѣрнный мнѣ Ярославль, какъ при самой крайности.

„Мнѣ тѣмъ пріятнѣе дать сіе обѣщаніе, что оно основано на приверженности моей къ государю императору и согласуется совершенно съ чувствами привязанности, кои всегда имѣлъ и буду имѣть къ здѣшнимъ жителямъ. Генераль-губернаторъ принцъ Георгій Голштейнскій“.

„Ярославль, 10 сентаября 1812 г.“

Успокоивъ такимъ образомъ жителей, принцъ рѣшился принять энергичныя мѣры, вынуждавшіяся обстоятельствами; въ архивѣ дѣлъ ростовскаго предводителя имѣется подлинное предписаніе принца изъ Ярославля отъ 10-го же сентаября къ ростовскому предводителю Филатьеву:

„Господину ростовскому уѣздному предводителю дворянства!

„Къ свѣдѣнію моему дошло, что слухи о настоящихъ военныхъ обстоятельствахъ, большею частью весьма неосновательно разсѣиваемыя, производять по здѣшней губерніи въ дворянствѣ, а наиболѣе въ народѣ, нѣкоторый страхъ и самое даже смятеніе. Помѣщики оставляють свои деревни, и забирая имущество, уѣзжаютъ въ дальніе уѣзды и губерніи; народъ же, оставивъ свой-

ственными имъ домашніи и полевыми занятія, и предавшись совершенной правдности, единственно толкуеть по своему о слѣдствіяхъ войны; словомъ, всѣхъ сословій люди болѣе нежели гражданами и поселянами какъ бы сдѣлались политиками, смотрящими на всѣ военныя дѣйствія глазами испуга и отчаянія.

„Такое расположеніе умовъ можетъ имѣть послѣдствія самыя бѣдственныя, если не дать оному надлежащаго направленія; а потому я нахожу необходимою, не только къ предупреденію всякой непріятности, но и къ восстановленію и удержанію общаго спокойствія, сдѣлать слѣдующія распоряженія:

„1) Подвѣдомственному вамъ уѣзду надлежитъ усилить городскую и земскую полицію числомъ чиновниковъ и нижнихъ чиновъ по вашему усмотрѣнію. Сихъ чиновниковъ вы можете назначить изъ дворянъ-служащихъ и неслужащихъ, кого признаете для сего случая способнымъ и надежнымъ.

„2) Пряметь усиленію полиціи состоятъ въ томъ, чтобы ввести каждаго жителя въ предѣлы его состоянія, наблюдая, чтобы каждый занимался свойственнымъ ему упражненіемъ, отнюдь не разсуждая о военныхъ обстоятельствахъ; ибо всѣ должны имѣть полную довѣренность къ заботливости правительства объ обезопасеніи государства.

„3) Полиціи сія, какъ въ городѣ такъ и въ уѣздѣ, должны состоять въ непосредственной вашей зависимости; и всѣ ваши распоряженія исполнять неумоснительно во всей точности; о чемъ вѣстѣ съ симъ отъ меня имъ предписано.

„4) Вашему благоразумію, усердію къ службѣ и кавѣстной опытности, предоставляется въ семъ важномъ случаѣ изыскивать и употреблять всѣ тѣ мѣры, которыя только могутъ служить къ общему успокоенію умовъ и удержанію общей тишины и порядка.

„При томъ нужнымъ нахожу поставить вамъ на видѣ, что внутреннимъ вооруженій поселянъ надлежитъ совершенно избѣгать; ибо оныя могутъ имѣть послѣдствія самыя пагубныя; но вездѣ, гдѣ вы найдете полезнымъ, особливо же въ ночное время, должно учредить караулы, коихъ обязанность будетъ охранять селенія отъ пожара, всякаго рода безпорядковъ и для задержанія невѣстныхъ и шатающихся людей, коихъ, не дѣлая имъ никакихъ личныхъ истязаній, представлять къ вамъ, вы же станете препроводять ихъ куда по принадлежности будетъ слѣдовать.

„Заключаю тѣмъ: что отъ вашей распорядительности и бдительности должно зависѣть спокойствіе Ростовскаго уѣзда; желаемый успѣхъ въ томъ отнесется къ вашей чести и не останется безъ особеннаго вниманія начальства. Напротивъ, малѣйшій безпорядокъ и малѣйшее со стороны вашей упущеніе, или принятіе мѣръ ненадежныхъ, или не въ надлежащее время, подвергнетъ васъ строгому отвѣту. Генераль-губернаторъ принцъ Георгій Голстинскій“.

„Въ Ярославлѣ. 10 сентября 1812 г.“

Изъ этого документа видно какими обширными полномочіями былъ облеченъ Влад. Иванов. Филатьевъ съ этого момента; онъ сталъ, можно сказать безъ преувеличенія, главою уѣзда и немедленно принялся за возложенныя на него обязанности; задача его была трудная; уѣздъ уже начиналъ волноваться, какъ ближайшій по пути слѣдованія непріятеля отъ Москвы къ Ярославлю; умѣло и тѣрдою рукою ваялся Филатьевъ за дѣло; хотя баричъ по рожденію, воспитанію и службѣ въ Петербургѣ, богатый по состоянію, онъ не щадялъ себя и, проявляя изумительную дѣятельность, требовалъ и отъ окружающихъ его уѣздныхъ властей и чиновниковъ добросовѣстное и безусловное исполненіе своихъ распоряженій. Въ управленіи городомъ и уѣздомъ,—мы повторяемъ то, что уже сказали о немъ выше,—онъ проявилъ себя способнымъ администраторомъ; все безусловно зависѣло отъ него и лежало на его отвѣтственности; почти ежедневно черезъ Ростовъ проходили военныя команды; въ арміи—свѣжія и вновь сформированныя войска, обратно — плѣнные, раненые и больные; нужно было озаботиться для всѣхъ помѣщаніемъ, провіантомъ, фуражемъ, подводами для дальнѣйшей отправки; все это должно было дѣлаться, такъ сказать, моментально и все дѣлалось какъ по мановенію волшебнаго жезла; въ дѣлахъ нѣтъ ни малѣйшаго замѣчанія Филатьеву, ни упрека въ медленности, никакой переписки, изъ которой можно-бы было заключить, что начальство остается въ чемъ нибудь недовольнымъ его дѣйствіями; жалобъ никакихъ не имѣется на него, а между тѣмъ и городская дума, и городской голова, и уѣздный и земскій суды, и полиціймейстеръ города Ростова—всѣ подчинены были Филатьеву; замѣчается это изъ переписки, такъ какъ съ момента полученія вышепроеписанной бумаги генераль-губернатора отъ 10-го сентября всѣ мѣста и лица относились къ предводителю „рапортами“, а онъ къ нимъ „ордерами“ и „предписаніями“. Но за то въ перепискѣ видно чуть не ежедневно выраженная благодарность Филатьеву отъ высшаго начальства и отъ всѣхъ лицъ, имѣвшихъ съ нимъ дѣла и столкновенія, за его правильный взглядъ на дѣло и умѣлыя распоряженія; 18-го сентября онъ рапортомъ проситъ его императорское высочество генераль-губернатора, „для устроенія по Ростовской округѣ надлежащаго порядка и тишины“, опредѣлять къ нему коллежскаго ассессора Дмитрія Лупандина“. Его высочество на это соизволило, о чемъ и уведомили Филатьева, добавляя, что онъ предписалъ командирующему ярославскою военною силою, генералу Дедюлину, изъ полка подполковника Куломзина командировать Лупандина въ Ростовъ.

Для уясненія, насколько сложны были обязанности, возложенныя на Филатьева, какъ на предводителя дворянства и чрезвычайнаго комиссара отъ правительства, какія ему нужно было дѣлать точныя и скорыя распоряженія, съ какими иногда мелочами обращались къ нему въ такое тяжкое и смутное время, съ какими жалобами,—я считаю нужнымъ помѣстить здѣсь нѣсколько документовъ, имѣющихся въ архивахъ, и тогда память о дѣятельности Владиміра Ивановича возстановится въ должномъ свѣтѣ и чести, имъ заслуженная,

падая на него, конечно, ложится и на дворянство, избравшее такого представителя.

Вотъ эти документы:

а) Отношеніе начальника внутренней стражи генераль маіора Гладкова отъ 14-го сентября 1812 г., № 259.

„М. г. Владиміръ Ивановичъ! По высочайшему назначенію къ основанію формируемыхъ подъ командою моею 3-хъ пѣхотныхъ полковъ 9-го, 10-го и 11-го, по случаю полученнаго о выступленіи оныхъ изъ прежнихъ квартиръ въ новое назначеніе ожидать должно на снѣхъ дняхъ сюда изъ С.-Петербурга морскихъ полковъ 1500 человекъ съ 3-мя штабъ-офицерами и по числу нижнихъ чиновъ съ оберъ-офицерами и прочими чиновниками, изъ коихъ 500 могутъ быть расположенными въ Петровскѣ, а 1000 человекъ, доколѣ я не получу отъ начальства предписанія куда оныя приказано будетъ слѣдовать, по прибытіи останутся въ г. Ростовѣ, а о семъ увѣдомляю ваше высокоблагородіе для ваятія заблаговременно мѣръ къ продовольствію оныхъ, а притомъ благоволите для 1000 человекъ приказать здѣсь въ городѣ къ одному мѣсту пригготовить квартиры и изъ оныхъ земскаго ополченія воиновъ вывести въ другія мѣста или ближайшія селенія. Съ почтеніемъ быть честь имѣю“ и проч.

б) Отъ Гладкова къ Филатьеву сентября 16-го 1812 г., № 269.

„М. г. Владиміръ Ивановичъ! Завтрашняго числа вступитъ сюда слѣдующій изъ Ярославля 9-й пѣхотный полкъ, состоящій изъ 3,500 человекъ, которые будутъ имѣть здѣсь ночлегъ. Посему прошу ваше высокоблагородіе приказать для штабъ и оберъ-офицеровъ назначить квартиры, а нижнихъ чиновъ на постоялыкъ домахъ“ и проч.

в) Отъ Гладкова, сентября 17-го, № 271 (жалоба на исправника).

„М. г. Владиміръ Ивановичъ! Командированный отъ 9-го пѣхотнаго полка, слѣдующаго въ Ростовъ, за казначея, прапорщикъ Назарьевъ для принятія отъ здѣшняго земскаго исправника потребныхъ для своа, принадлежащихъ тому полку, пороха, свинца и барабановъ, обывательскихъ подводъ, донесъ мнѣ, что онъ является къ г. исправнику другой уже день съ требованіемъ о скорѣйшемъ доставленіи сюда тѣхъ подводъ, но г. исправникъ въ мѣсто удовлетворенія въ этомъ сему офицеру сказать, что у него подводы не въ бумажничкѣ, а какъ вамъ извѣстно, что въ бумажничкѣ носятъ только деньги, а особливо съ крестьянъ собираемыя, то прошу ваше высокоблагородіе предписать здѣшнему г. исправнику, дабы онъ таковыми нелѣпыми отъзывами не затруднялъ слѣдованію 9-го пѣхотнаго полка, который, по предписанію его свѣтлости господина главнокомандующаго всѣми арміями, долженъ прибыть въ назначенное ему мѣсто наискорѣе, но предписалъ бы сего числа требуемое число подводъ изготовить“ и проч.

Такихъ отношеній отъ генераль-маіора Гладкова цѣлая кша, по нѣскольку въ день, съ самыми разнообразными требованіями о провіантѣ, о фуражѣ, объ

устройствѣ гауптвайтъ, о сонкахъ для ружей, о вывозѣ пороку изъ города въ надлежащее мѣсто, о томъ, что полиціймейстеръ не встрѣтилъ полкъ при вступленіи его въ Ростовъ и проч. и проч. Все было удовлетворено безъ замедленія.

г) Прошеніе и жалобы обывателей г. Ростова предводителю Филатьеву.

„Извѣстно уже вашему высокоблагородію, что, расположенные въ Ростовѣ на квартирахъ регулярнаго воинства, нижніе чины слишкомъ мѣсяцъ продовольствуются пищею отъ обывателей, находясь еще при томъ размѣщенными на квартирахъ и въ большомъ количествѣ, отчего многія семейства приходятъ по бѣдности ихъ въ совершенное изнеможеніе; бывъ вынуждены сего крайностію ваше высокоблагородіе всепокорнѣйше просимъ объ удовлетвореніи насъ за прошедшее время провіантомъ или порціонными деньгами, а на настоящее и будущее время о выдачѣ нижнимъ чинамъ провіанта сдѣлать кому слѣдуетъ отношеніе. Октября дня 1812 г.“. Слѣдуютъ 60 подписей.

д) Прошеніе предводителю Филатьеву, Ростовской округи, вотчины полковницы Иконниковой, сельца Мамыгина, крестьянъ Федора Федорова и Афанася Алексѣева.

„Пріѣзжали мы именованные въ здѣшній городъ для печенья и торгу сайками; но здѣшній городской голова купецъ Мясниковъ до онаго насъ не допускаетъ—безъ того, чтобъ мы взяли на себя довольствіе и жившіеся въ здѣшнемъ городѣ воинскіе лазареты на свой счетъ: а какъ по малому нашему производству въ торгу мы сей обязанности принять на себя не въ состояніи, а по возможности дать въ думу акцизъ согласны, почему и просимъ ваше высокоблагородіе, чтобъ кому слѣдуетъ изволили приказать допустить насъ до вышесказаннаго торгоборства съ платежомъ въ думу, по возможности нашей, акциза. Октября 11 дня 1812 г.“.

Вотъ черновыя бумаги, отправленной Филатьевымъ по этому поводу; она писана его рукою:

„Въ ростовскую городскую думу“.

Въ началѣ изложилъ сущность прошенія крестьянъ Федора Федорова и Афанася Алексѣева, предводитель продолжаетъ такъ:

„Сообщая о сей ихъ просьбѣ думѣ, почтитаю нужнымъ дополнить, точно ли они просили о семъ и имъ такъ отказано и на какомъ законѣ или положеніи дума основывается въ недопущеніи таковыхъ торговцевъ, тогда когда продовольствіе города съѣстными припасами не только стѣсняемо, но и ободряемо должно быть, и по какому праву накладывается на нихъ подать или акцизъ?“

„Извѣщая о семъ оную думу, также за нужное (считаю) сообщить оное здѣшнему уѣздному стряпчелу яко блюстителю законовъ“.

е) Отвѣтъ на бумагу предводителя Филатьева отъ подполковника Стаматьева (10-го пѣхотнаго полка). (Хотя въ подлинной бумагѣ и выписана полностью фамилія, но мы, во избѣжаніе неудовольствія отъ могущихъ быть его дѣтей, внуковъ или родственниковъ, оную опускаемъ).

„По уведомленію меня отъ вашего высокоблагородія сего мѣсяца 14 числа, что вѣрною мнѣ части 10-го пѣхотнаго полка капитанъ Соловьевъ сего жъ мѣсяца 13 числа здѣшнему купцу М. дергалъ бороду, за то будто-бы не кормить хорошо солдатъ, у него квартирующихъ; посему и отдано было ему отъ меня сего мѣсяца 14 числа приказомъ, но онъ рапортомъ мнѣ донесъ, что въ томъ свидѣтельствуемъ подпоручикъ Соловьевъ, фельдфебель, кантениармусъ, дежурный унтеръ-офицеръ и 12 человекъ рядовыхъ и вторые стоящіе у означеннаго купца на квартирѣ, что онъ даже и близко къ нему не подходилъ, а только выговаривалъ ему, зачѣмъ онъ уважаетъ въ гости съ утра и пробываетъ до вечера, а пищи для людей не оставляетъ, а больше онъ ему ничего не причинилъ и за бороду его не дергалъ, то и даю вамъ знать, что означенный купецъ М. дѣйствительно облыжно вамъ донесъ, почему и прошу я васъ“ и проч.

Далѣе мы видимъ, что даже ростовскій уѣздный стряпчій, Марковъ, представляетъ Филатьеву на разсмотрѣніе и разрѣшеніе дѣло о вооруженномъ (топорами) буйствѣ мѣщанина Прихина съ сыновьями. Мнѣ кажется, мы достигли своей цѣли, доказавъ насколько сложно было дѣло, кониъ Филатьевъ руководилъ. Въ октябрѣ мѣсяцѣ губернской предводитель прислалъ Филатьеву предложеніе его императорскаго высочества генераль-губернатора о томъ, не согласятся ли дворяне, имѣющіе у себя оружіе—пушки, ружья и пистолеты, снабдить онымъ на время настоящей надобности.

9-го ноября Филатьевъ получилъ отъ князя Голицына отношеніе отъ 2-го ноября № 7280 слѣдующаго содержанія:

„Я сообщалъ г. генераль-маіору Глазкову, дабы удержалъ нижнихъ чиновъ отъ безпорядковъ въ Ростовѣ. Мнѣ пріятно видѣть заботливость вашего высокоблагородія къ сохраненію спокойствія ростовскихъ жителей“.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ развилась въ Ростовѣ эпидемическая болѣзнь—горячка. Передъ нашими глазами лежатъ донесенія Филатьеву объ этомъ штабъ-лекаря и полиціи. Филатьевъ принялъ всѣ нужныя мѣры и болѣзнь была прервана.

Между тѣмъ необходимо было подумать о тѣхъ несчастныхъ, которые разорились при нашествіи непріятеля, и подать имъ руку помощи; нужно было подумать о раненыхъ и больныхъ воинахъ, и вотъ съ этою цѣлію учреждается въ Ярославлѣ для первыхъ—комиссія о пособіи разоренныхъ, а для вторыхъ—госпиталь; для этого послѣдняго назначенъ домъ презрѣннаго ближняго, бывшаго присутственнаго мѣста. Комиссія о пособіи разореннымъ при нашествіи непріятеля, открывъ свои дѣйствія, обратилась къ жителямъ Ярославской губерніи съ слѣдующимъ воззваніемъ:

„Общій врагъ, пораженный нашими арміями, ознаменовалъ злодѣйство надъ стѣнами городовъ и селеній, чрезъ которые проходилъ онъ. Обитатели мѣстъ опустошенныхъ удалились въ нѣдра Россіи; вѣчная преданность къ престолу сильнѣе всѣхъ предубѣжденій въ сердцѣ народа русскаго! Среди соотечествен-

никовъ надѣются они облегчить бремя, на нихъ отяготившее, и мы ли не оправдаемъ упованія ихъ? Мы ли откажемся раздѣлить бѣдствія, или повеселенныя? нѣтъ! Соединимъ усилія во всѣхъ возможныхъ пособіяхъ; примемъ живѣйшее участіе въ горестномъ положеніи скитающихся; дадимъ покровъ слабымъ, доставимъ способы затрудняющимся въ пропитаніи! Рука дающаго не оскудѣетъ!“

Далѣе слѣдуютъ указанія, куда вносить пожертвованія. Воззваніе подписали князь Михаилъ Голицынъ, князь Иванъ Урусовъ и губернской предводитель Млайковъ. Въ то же время губернаторъ и губернской предводитель отнесли отдѣльно, какъ о пособіи раззореннымъ, такъ и о госпиталѣ для воиновъ, къ Филатьеву, выражая надежду, что и въ этомъ случаѣ дворянство, какъ и всегда, явитъ ту готовность къ благотворительности, каковою оно во всякое время отличалось. Доказательствомъ, что взывали къ ростовскому дворянству не вотще, служатъ тѣ многіе подписные листы, сохранившіеся въ архивѣ и покрытые подписями всѣхъ проживавшихъ въ то время въ Ростовѣ и уѣздѣ дворянъ; во главѣ листовъ вездѣ красуется имя предводителя Филатьева и не менѣе пятидесяти рублей. Мнѣ остается упомянуть еще объ одномъ крупномъ пожертвованіи со стороны ростовскаго дворянства въ эту же годину: это пожертвованіе при составленіи для арміи подвижнаго магазейна вслѣдствіе распоряженія князя Голицычева-Кутузова. На реестрахъ, въ которыхъ значится, сколько приходится этого пожертвованія съ cadaго дворянина Ростовскаго уѣзда, читаемъ слѣдующіе заголовки:

„Вѣдомость, учиненная ростовскимъ предводителемъ дворянства: за что съ кого слѣдуетъ взыскать за погонщиковъ, полагая cadaго въ 500 р., лошадей и телегъ, полагая ихъ по 100 р.“.

Наконецъ, Россія вздохнула свободнѣе. Государь манифестомъ изъ С.-Петербурга отъ 4-го ноября возвѣщалъ своему народу, что врагъ:

„Вѣжеть отъ Москвы съ такимъ униженіемъ и страхомъ, съ какимъ тщеславіемъ и гордостью приближался къ ней“.

Въ концѣ своего манифеста государь добавлялъ слѣдующія слова:

„Между тѣмъ почитаемъ за долгъ и обязанность симъ нашимъ всенароднымъ объявленіемъ изъяснить предъ цѣлымъ свѣтомъ благодарность нашу, и отдать должную справедливость храброму, вѣрному и благочестивому народу російскому“.

Опасность миновала и слѣдовательно не представлялось болѣе нужнымъ прибѣгать къ тѣмъ средствамъ, которыя были приняты въ виду военныхъ обстоятельствъ, и потому его императорское высочество генералъ-губернаторъ отгѣнилъ тѣ полномочія, кои были облечены предводители дворянства, съ 10-го сентября. Вумага губернатора, извѣщавшая Филатьева объ этомъ распоряженіи, погнчана отъ 2-го декабря 1812 года.

Остановившись довольно пространно на участіи дворянъ въ 1812 году,

я не буду говорить о томъ, что было въ 1813, 1814 и 1815 годахъ; въ эти славные года, какъ и въ 1812, дворянство отличалось полнымъ единодушіемъ, солидарностію въ идеяхъ, одинаковою во всѣхъ и каждомъ любовію къ своему монарху и своей родинѣ. Говорить то, что было въ 1813, 1814 и 1815 гг., было бы повтореніемъ того, что мы говорили и въ 1812 году.

1812 годъ закончился печально для Ярославской губерніи. 15 декабря послѣ кратковременной, но жестокой болѣзни, скончался любимый всѣми генералъ-губернаторъ, принцъ Георгій Гольштейнъ-Ольденбургскій.

Объ этомъ событіи Александръ I возвѣстилъ манифестомъ, даннымъ въ Сувалкахъ 5-го января 1813 года. Отношеніемъ отъ 31-го декабря 1812 г. губернаторъ князь Голицынъ предложилъ предводителю Филатьеву отправиться въ Тварь вмѣстѣ съ губернскимъ предводителемъ Майковымъ и угличскимъ предводителемъ для сопровожденія въ С.-Петербургъ тѣла принца Ольденбургскаго.

Д. А. Вухатовъ.

Ростовъ-Ярославскій.
1883 года, 10-го апрѣля.

Н. И. Пироговъ въ с. Вишнѣ.

Приводимъ изъ кievской газеты „Заря“ интересную замѣтку о томъ, какъ великій ученый нашъ и мыслитель Н. И. Пироговъ писалъ предъ кончиною свои Записки, нынѣ печатаемыя въ „Русской Старинѣ“:

Пироговъ жилъ въ м. Вишнѣ; тамъ онъ по утрамъ работалъ въ саду своей усадьбы, а въ остальное время дня онъ принималъ больныхъ, съѣзжавшихся съ разныхъ сторонъ и искавшихъ у него или совѣта, или немедленной хирургической помощи. Вечера-же онъ посвящалъ литературнымъ занятіямъ. Съ лихорадочною посѣдностью принялся онъ, въ послѣднее время, писать свои автобиографическія Записки. Писалъ онъ карандашемъ. Листы чистой бумаги лежали передъ нимъ на столѣ, а находившаяся безотлучно въ кабинетѣ его сестра милосердія, г-жа Ан—ва (выписанная изъ петербургской общины), подставляла листъ за листомъ. Писалъ онъ безъ перерыва, точно желалъ предупредить близившуюся развязку, которая пресѣкла-бы начатое имъ дѣло. Чтобы не произошло ошибки въ нумераціи исписанныхъ имъ листовъ, Н. И. просилъ, чтобы сидящая при немъ сестра милосердія слѣдила за правильностію нумеровъ, выставляемыхъ имъ на рукописи. Самъ Николай Ивановичъ плохо видѣлъ. Одинъ глазъ давно уже ему не служилъ, другой-же позволялъ ему различать только крупныя предметы. Онъ, какъ будто, стыдился этого недостатка и старался утаить его отъ окружающихъ. Только неровность строкъ и перерывы выдавали то, что Н. И. тщательно пытался скрывать. Сильныя страданія заставляли его по временамъ оставлять работу. Оставался безъ дѣла и предавался размышленіямъ, Пироговъ, покачивая головою, какъ будто въ знакъ согласія, повторялъ про себя: „что-жъ, пожилъ достаточно, пора!“ Иногда-же, какъ будто не соглашаясь съ роковою необходимостію, говорилъ: „можно-бы еще пожить, да самъ виноватъ: оплошалъ!“ На врачебную помощь знаменитый хирургъ не разсчитывалъ и говорилъ, что еще много тайнъ хранится въ природѣ и не скоро онѣ сдѣлаются достояніемъ людей науки. Когда появились симптомы предсмертной агоніи, измученный старикъ бросилъ работу и впалъ въ состояніе оцѣпенѣнія.

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ РИКОРДЪ

1850 г.

Людмила Ивановна Рикордъ въ своихъ интересныхъ воспоминаніяхъ, помѣщенныхъ въ кн. VIII „Русской Старины“ изд. 1883 г., пишетъ (стр. 364), что на берегахъ Морей, гдѣ была стоянка нашей русской эскадры, помѣщалось в русское интендантство съ магазинами, начальникомъ котораго былъ полковникъ Бровцевъ.

Фамилія Бровцевъ написана Людмилою Ивановною ошибочно: это былъ Бровцынъ.

Впоследствии, по возвращеніи эскадры въ Петербургъ, этотъ Бровцынъ былъ произведенъ въ генералъ-майоры съ назначеніемъ директоромъ коммисаріатскаго департамента морскаго вѣдомства и, безъ сомнѣнія, по особому о томъ ходатайству Петра Ивановича Рикорда, такъ какъ въ то время трудно было на моряку занять такой, относительно высокой, постъ, когда даже на смотрительскія должности морскихъ госпиталей и казенныхъ зданій, въ большинствѣ случаевъ, назначаемы были флотскіе офицеры.

Чтобы не впасть въ пятна на память о почтеннѣйшемъ старцѣ П. И. Рикордѣ, что будто бы, въ возмездіе за пріемъ и угощеніе его супруги Бровцынъ и мъ, онъ попротежировалъ ему къ опредѣленію на должность директора департамента, должно сказать, что П. И., добрыйшаа изъ добрыхъ личностей, допускалъ не однимъ служащимъ и служившимъ подъ его начальствомъ пользоваться его вниманіемъ. Всѣмъ поголовно, кто только прибѣгалъ къ нему за рекомендаціей, какъ ко всѣмъ уважаемому лицу, онъ никогда ни подъ какимъ предлогомъ не отказывалъ принимать самое близкое участіе въ ихъ судьбѣ.

Вотъ одинъ изъ подобныхъ случаевъ, который я въ подробности припоминаю.

Въ первой половинѣ 1850-хъ гг. я служилъ столоначальникомъ инспекторскаго департамента морскаго министерства, директоромъ котораго и вмѣстѣ дежурнымъ генераломъ главнаго морскаго штаба былъ въ то время графъ Логинъ Логиновичъ Гейденъ¹⁾.

Однажды, при докладѣ графу, въ присутствіи, составленнаго проекта высочайшаго приказа, входитъ курьеръ и передаетъ ему письмо.

¹⁾ Нынѣ полный адмиралъ и членъ комитета о раненыхъ.

— По почерку узнаю, обратился онъ къ тутъ же сидящему вице-директору Феопенту Степановичу Лутковскому, что это отъ нашего уважаемаго Петра Ивановича. И смотря въ письмо, продолжалъ: опять со своей протекціей; просить сослуживца его, стараго браваго ветерана морской службы (забылъ фамилію), перевести на береговую должность.

— „Что жъ, графъ, — виѣшался Лутковскій, — нужно уважить просьбу нашего старца и стараго служиваго. — Не знаемъ ли и мы эту старину?“

Графъ звонитъ и вошедшему курьеру приказываетъ послать матроса, принесшаго письмо.

Черезъ минуту входитъ, дѣйствительно, бравый матросъ.

— Ты принесъ письмо отъ адмирала Рикорда? — спрашиваетъ графъ.

— „Точно такъ, ваше сіятельство“.

— Это ты желаешь поступить на береговую должность?

— „Точно такъ, ваше сіятельство“.

— Давно въ службѣ?

— „Четыре года, в. с.“.

— На береговую должность имѣютъ право старшие солдаты, раненые, а ты еще молодъ и, кажется, совсѣмъ здоровый.

— „Точно такъ, в. с.“.

— Когда ты служилъ подъ командою адмирала Рикорда?

— „Не имѣлъ счастья, в. с.“.

— Какъ же ты осмѣлился беспокоить адмирала?

— „Братъ мой состоитъ денщикомъ у прапорщика Б. и ихъ благородіе научили искать защиты у его высокопревосходительства“.

— Кто же тебя обижаетъ?

— „Никто-съ. — Только служба морская больно тяжела“.

— Я увижусь съ адмираломъ, а ты иди.

Матросикъ повернулся на лѣво-кругомъ и вышелъ.

— „П. И. всегда съ такими просьбами, которыхъ исполнить нельзя. Переведи этого и за нимъ вся морская молодая лѣнь потянется въ береговую службу. Надо поѣхать и объяснить ему“.

— „Не беспокойтесь графъ, — сказалъ Ѡ. Ст., — я на сегодня приглашенъ Людмилой Ивановной обѣдать, такъ, между прочимъ, переговорю съ Петромъ Ивановичемъ объ его протекѣ — старомъ ветеранѣ въ молодыхъ лѣтахъ“.

В. А. Васильевъ.

Село Клешицы,
Полтавской губерніи.
1883 г.

До судебной реформы.

На четверинкахъ челобитчиъ,
 На немъ вамостились писаря.
 На писаряхъ лежитъ повытчиъ,
 А самъ несетъ секретаря.

На семъ послѣднемъ засѣдатель
 Сидитъ и гордо внизъ глядитъ;
 Теперь скажи, о мой создатель,
 Кто больше всѣхъ изъ нихъ
 кряхтитъ?

[Старинное острословіе].

привлеченіе къ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ изд. 1884 г., томъ XLIV.

Сотвореніе секретаря

(сатира XVIII столѣтія).

Однажды ада царь въ своемъ дворцѣ,
 Потупя взоръ, сядѣлъ
 И цѣпью гремѣлъ...
 И думалъ о Творцѣ:
 Какъ могъ онъ сотворить
 Весь свѣтъ изъ ничего?
 „И даже я завишу отъ Него!..
 „Постой, нельзя-ли славу мнѣ Его затмить...
 И я составлю человѣка!“
 Вскочилъ и снадобья искать идетъ.
 И у чертей,
 Какъ у людей,
 Есть аптека и медицинскій факультетъ.
 Пошелъ въ аптеку рыться:
 Пыхтитъ,
 Кряхтитъ,
 Лишь градомъ потъ катится...
 „Нашелъ!“ вдругъ демонъ закричалъ—
 И адъ весь задрожалъ!
 Вотъ началъ онъ микстуру составлять
 Изъ травъ: бездушья, грабежа, безстыдства и обмана.
 Чернильной накипи и адскаго дурмана.
 „Давай-ка, ужъ пора работу начинать!“
 Всѣ изумляются, не знаютъ, что сказать...
 Пошла работа у чертей:
 Кто трѣть,
 Кто мнѣть,
 Кто лѣтъ!..
 И вины готово все у адовыхъ дѣтей.
 Люциферъ самъ сталъ истуканъ гнѣить,
 И тѣло
 Ужъ носило;
 Одно осталось дѣло:
 Одушевить!
 Для сей причини онъ къ него весь духъ свой вдунулъ
 И плюнулъ!
 И истуканъ зашевелился,
 Чему и адъ весь изумился!
 Царь ада, вида то, съ улыбкой говорилъ:
 „Какого я красавца сотворилъ!
 „Тебѣ вѣтъ имени еще, любезна тварь:
 „Такъ будь-же—секретарь!
 „Ты будешь всяко зло и мерзости творить,
 „А впрочемъ буду я тебя руководить!“
 Тутъ секретарь челомъ своимъ кивнулъ
 И обѣ руки протянулъ,
 Чтобъ взять за то съ него,
 Что сотворилъ его.
 Что-жъ ада царь? Разсвирѣпѣлъ?
 О, вѣтъ!
 Велѣлъ его швырнуть изъ ада въ этотъ свѣтъ!

дают приложения к запискам, состоящая из официальных актов, официальной и частной переписки, отдельных записок по разным современным вопросам, слов и приятственных речей, расхождений по скаржи, выписанных из протоколов литовской дух. консистории (весь 3-й томъ) съ 1833 г. по 1860 г.

Многие официальные документы, приложенные къ запискамъ интр. Юсена, такъ болѣе извѣстны тѣмъ, что для департамента духовныхъ дѣлъ сгорѣли во время пожара зданія министерства внутреннихъ дѣлъ въ 1862 г.

Къ запискамъ интр. Юсена приложены три портрета, относящіеся къ различнымъ периодамъ жизни автора, и указатель личныя жизни.

Вся эти материалы представляютъ большой интересъ и весьма важны въ новейшей исторіи русской церкви. Они подлежатъ подробному разбору и могутъ служить драгоценными материалами къ исторіи «дио-русской» церкви вообще и для исследования умствованій въ особенности.

Они такъ описаны Могилевскою губерніею. Составлено подъ редакціею А. С. Дембовецкаго Могилевъ на Днѣпрѣ, въ 6. 8 д., съ гравюрами видовъ и типовъ. 1884 г. Цѣна за 3 кн. 5 руб.

Трудъ въ высшей степени обстоятельный и почтенный. Это сборникъ, въ который, въ строго-систематическомъ порядкѣ, вошли статьи гг.: Ворваковскаго, Сминовскаго, Горькаго, Сиверскаго, Поляка, Кравченко, Мурникова, Эйлера, Тиминаго, Фурсова, Мандельштана, С. Иванова и друг. лицъ, представляющія исследования и очерки въ предѣлахъ Могилевской губерніи: городовъ и вѣстечекъ, промышленности, путей сообщенія, торговли, лесного и сельскаго хозяйства, скотоводства, мануфактуръ для учащающагося народнаго адравіа. Все это описано всесторонне и на основаніи данныхъ, собранныхъ старательно и умно. Приятное дѣленіе составляетъ то, что ред. изданія, А. С. Дембовецкаго, сумѣлъ, въ глуши провинціи, соединить въ одну группу лицъ, которые явились выдающимися въ трудѣ серьезный и крайне полезный. Въ книгѣ масса необходимѣйшихъ для изученія края данныхъ, таблицъ, сведений и приложения хорошаго карты почтъ и вѣстовъ губерніи. Д.

Герберштейнъ и его историко-географическія извѣстія о Россіи. (Соч. Е. Замшловскаго. Съ приложеніемъ матеріаловъ для историко-географическаго атласа Россіи XVI в. Спб., 1884, стр. 563. Ц. 5 р)

Въ связи съ отмѣчаемымъ здѣсь полднемъ труда о Герберштейнѣ отмѣтимъ только что вышедшее изданіе, выходящее весьма близкое отношеніе къ нему. Это—«Die ältesten Karten von Russland, ein Beitrag zur historischen Geographie», von D-r H. Michow in Hamburg. Карты эти озаглавлены: 1) Moscovia des Sebastian, Münster, 1544; 2) Moscovia des Anton Wied, 1555; 3) Moscovia des Battista Agnese, 1525. Изданіе сопровождается критическимъ вступленіемъ.

Die bewaffnete Neutralität 1780—1783. Von C. Bergbohm, Docenten der Rechte an der Universität zu Dorpat. Berl., 1884, 293 S.

Указывая на эту монографію какъ болѣе полную по данному вопросу въ настоящее время. Авторъ рассматриваетъ историческое происхожденіе деклараціи Екатерины II 1780 г. и дальнѣйшія послѣдствія этого акта, представляетъ въ началѣ обширную литературу, касающуюся вѣща, такъ и событій, тѣсно связанныхъ съ нею. При этомъ онъ воспользовался не только иностранными источниками, но и материалами, издан. въ Россіи (въ Сборн. русск. ист. общ. и другихъ историческихъ поимен. изданіяхъ). В. И.

Родная старина. Отечественная исторія въ разказахъ и картинкахъ (XVIII-ый вѣкъ). Въ помощь учащимся. Составилъ В. Д. Сиповскій. Спб., 1884 г., въ 6. 8 д., вып. III. Цѣна 2 р. 50 к.

Этотъ третій выпускъ въ высшей степени полезный для учащагося юношества труда нашего почтеннаго педагога В. Д. Сиповскаго объясняетъ царствованіе Михаила Теодоровича, Александра Михайловича и Теодора Алексѣевича. Какъ источникъ и пособіе, которыми пользовался авторъ при составленіи своей книги, такъ и хорошее, по живости и въ то же время простотѣ языка, изложеніе разказовъ и очерковъ, иллюстрированныхъ извѣстными удельно-творительными вышесказанныхъ рисунковъ, ставить книгу въ рядъ полезнѣйшихъ пособій по отечественной исторіи.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1885 г.

ШЕСТИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАВАНІА.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ переплетомъ.

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Певскій просп., противъ Гостиного двора, д. № 46, книжный магазинъ г. **ЦЕНЗЕРЛИНГА**

Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы, при книжномъ магазинѣ **Ник. Нв. Мамонтова**, на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсова.

Гг. Нижегородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Подольскую, близъ Екатерининскаго казала, домъ № 7

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ публикуются:

I. Записки и Воспоминанія. — II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы объ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв. — III. Живописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: лицей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и пр. — IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ. — V. Отзывы о русской исторической литературѣ. — VI. Историческіе разсказы и преданія. — Характерныя челобитныя, переписка и вообще документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени. — VII. Народная русская словесность. — VIII. Глословія.

Множество получило изъ конторъ редакцій слѣдующія изданія журналовъ

„Русская Старина“ 1870 г., третье изд., 12 кн., съ портретами. 8 руб.
„Русская Старина“ 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами. 8 руб.
„Русская Старина“ 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами. 9 руб.
„Русская Старина“ 1878 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами. 8 руб.
„Русская Старина“ 1879 г., двѣнадцать книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
„Русская Старина“ 1880 г., второе изд., 12 книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
„Русская Старина“ 1881 г., 12 кн. (102 экз.), съ портретами, 9 руб.
„Русская Старина“ 1882 г., 12 кн. (29 экз.), съ 12-тью портр., 8 руб.
„Русская Старина“ 1883 г., 12 кн. (54 экз.), съ 17 портр. и рис., 9 руб.
„Русская Старина“ 1884 г., 12 кн., изданіе второе, съ портр. 9 руб.

Издатель-редакторъ **Мих. Пис. Соколовъ**

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ пятнадцатый.

Н О Я В Р Ъ .

1884 годъ

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Митрополитъ новгородскій, с.-петербургскій и финлянд. Мисдоръ: пятидесятилѣтніе дѣтотинія въ свѣтъ описанія, 1836—1884 гг.	11	VIII. Герцогиня Анна Ипполитъ въ свѣтъ письма, 1726—1729 гг. Свѣд. П. Н. Баранова.	37
II. Воскресенскіе записки Николая Пав. Паротова. Гл. XXI—XXXI.	223	IX. Императрица Елизавета Алексеевна, воспитанница въ фрейледи ка. С. А. Мадатовой.	38
III. Дуэльный рыцарь или амшій преуэристы. Перел. съ нѣм. рукод. А. П. Фодоченко.	275	X. Холера въ С.-Петербурѣ въ 1831 г. Разсказъ очевидца, Свѣд. М. Р. Фоль-дери-Хована.	39
IV. Рамки стихотворенія Якова Петровича Полонскаго, 1845—1851 гг.	297	XI. Холерный итеца въ Петербургѣ июль 1831 г. (Очеркъ по полн. азамъ). Состав. А. Г. Шварца.	40
V. Мандрагочъ - Сыреншля, эти стихотворенія, 1857 г. Свѣд. А. Д. Туманова.	301	XII. Русско-турецкая война за Кавказомъ въ 1853 и 1854 гг. Изъ записки гена штабъ-камп. М. И. Фальковского.	41
VI. Письма - прѣтѣнныя Страндъ Дрежнина, 1848—1884 гг. (Окончаніе).	307	XIII. Материалы и замѣтки Грамера Я. А. Саркова (290). — Въ Московскіе послѣдствіи Н. В. Берга (441) — Въ Запискахъ педагога бар. Н. А. Корфа (442). — Свѣдѣн. описанія, 1834 г. (443).	
VII. Александра Сергѣевичъ Пушкинъ: рублина юбта. Свѣд. В. Е. Исусова.	335	XIV. Памятникъ на могилѣ Волынского.	44
		XV. Библиографическій списокъ.	

П Р И Л О Ж Е Н І Е : I. Портретъ высокопробсвѣщеннаго митрополита и герцогскаго с.-петербургскаго Мисдора. — II. Портретъ педагога барона Николая Александровича Корфа с. 13-го ноября 1853 г. Гравировалъ художникъ Н. Н. Матюшинъ.

Открыта подписка на „РУССКОЮ СТАРИНУ“ изд. 1885 г
Шестнадцатый годъ изданія. Цѣна 9 руб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашова, Есаутеринскій каналъ, д. № 78.

1884.

XI-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го ноября 1884 г.

Юбилейныи издавiя университета св. Владимира.

1. Исторiя императорскаго университета св. Владимира. Составилъ профессоръ М. Ф. Владимiрскiй-Вудановъ. Т. I, 674+XLII. Кiевъ. 1881. Ц. 4 р.

1-я томъ описываетъ исторiю университета въ царствованiи императора Николая I. Въ немъ авторъ разсматриваетъ состоянiе образованiя въ югозападной краѣ до открытiя университета, состоянiе университета въ периодъ 1831—1842; германскiй университетскiй строй на русской почвѣ (1842—1849) и эпоху реакцiи (1849—1855). Продолженiя этого очерка составляетъ рѣчь автора, читанная въ день обилея 8-го сентября и которая войдетъ въ отдѣльное изданiе: «Юбилейный альбумъ университета св. Владимира». «Исторiя университета» сопровождается нѣсколькими портретами ректоровъ.

2. Биографическiй словарь профессоровъ и преподавателей университета св. Владимира (1834—1884). Составленъ и изданъ подъ редакцiей профессора В. С. Иконникова. К. 1884. XXXVI+816 стр. Ц. 4 р.

Въ это изданiе входятъ 231 биографiя, съ подробными библиографическими указанiями сочиненiй бывшихъ и нынѣшнихъ преподавателей университета. Въ особенности подробно изложена автобиографiя бывшаго профессора епархиальнаго О. Н. Никитича, являющая характеръ воспоминанiй; нѣкоторыя биографiи представляютъ историко-литературныя очерки (воетъ Красовъ, Костырь, Метлинскiй). Въ числѣ преподавателей университета встрѣчаются именъ лица, ставшия питомъ извѣстными на россiйскъхъ поприщахъ государственной и общественной дѣятельности.

Историко-статистическiя записки объ ученыхъ и учебно-воспитательныхъ учрежденiяхъ университета св. Владимира. (1834—1884). Изданъ подъ редакцiей профессора В. С. Иконникова. К. 1884. 416+68 стр.

Въ специальное изданiе вошло до 40 записокъ объ ученыхъ обществахъ и учрежденiяхъ университета (лабораторiя, лекцiи, музеи, кабинеты и т. п.), составленныя преподавателями университета.

Кромѣ того здѣсь помещены библиографическiя, централизованныя архивныя, редакцiи «Памятiе» съ записью стогод, вычислительнаго съ 1861—1874 года. Въ приложенiи: 1) двѣ таблицы выдѣляють опись-кабинета университета университета св. Владимира; 2) изданiе университета и его управленiя статистическiя таблицы, въ отношенiи къ учрежденiямъ.

4. Академическiе списки императорскаго университета св. Владимира. (1834—1884). К. 1884. Ц. 2 р.

Списки почетныхъ членовъ, магистровъ, кандидатовъ и т. д., съ описанiемъ наградъ, стипендiй, дипломовъ и т. п.

5. Писемный кабинетъ. Собранiе писемъ. Изданъ въ К. 1884. Ц. 2 р.

Содержанiе: 1) О податной системѣ въ Московскомъ государствѣ, съ установленiемъ единой системы податнаго олада Петра Великаго; 2) Очеркъ системы вѣдомствъ въ Россiи съ вступленiемъ Петра Великаго; 3) Ученiе о междугосударственныхъ отношенiяхъ; 4) Международныя обычаи и законы; 5) Новѣйшiе проекты вѣдомствъ; 6) Заключенiя и распоряженiя о вѣдомствахъ въ западныхъ краяхъ (поширине владѣнiя въ проросѣ); 7) Новѣйшiе раздѣлы вѣдомствъ въ области вѣдомствъ, государственнаго и исторiи.

Русская историческая библиографiя. Изданъ. Археологическiй комитетъ. Т. VIII. Спб. 1884. 1292+52 стр. Ц. 2 р. 50 к.

То же, т. IX, 576+LXXII стр. Ц. 2 р. 50 к.

Первый альбумъ означеннаго тома, съ разнообразнѣе по своему содержанию, выдѣль съ тѣмъ представляють вѣдомствъ исторiи для исторiи. Въ него включены материалы XI по XVII в. выдѣль въ особенности не представляють.

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЫЙ
МИТРОПОЛИТЪ НОВГОРОДСКІЙ, С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ И ФИНЛЯДСКІЙ
ИСИДОРЪ.

БАРОНЪ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ КОРФЪ,

РОД. 2 ЮЛЯ 1834 Г. † 13 НОЯВРЯ 1883 Г.

11-го ноября 1884 года истекаетъ пятьдесятъ лѣтъ съ того дня, когда высокопреосвященнѣйшій митрополитъ с.-петербургскій Исидоръ хиротонисанъ въ санъ епископа.

Приводимъ по сему случаю выдержку изъ заявленія, представленнаго нѣсколькими гласными С.-Петербургской городской Думы общему ея собранію о чествованіи сего достопамятнаго дня.

Первенствующій іерархъ русской православной церкви, митрополитъ Исидоръ, питомецъ С.-Петербургской Духовной академіи (1821—1825), началъ служеніе православной церкви съ самаго постриженія въ монашество (22-го августа 1825 г.). Первые годы этого служенія протекли на ученомъ и учебномъ поприщѣ при Духовной академіи въ С.-Петербургѣ (1825—1829 гг.).

Съ 1834 года въ санѣ епископа дмитровскаго, викарія московскаго, высокопреосвященный Исидоръ призванъ на постъ ближайшаго сподвижника въ многоплодныхъ трудахъ незабвеннаго святителя православной церкви—московскаго митрополита Филарета.

Дальнѣйшее служеніе Исидора прошло въ санѣ архіерея епархій Полоцкой и Могилевской; въ санѣ архіепископа въ епархіи Карталинской и Кахетинской, со званіемъ члена святѣйшаго синода и эвзарха Грузіи; съ 1858 года — митрополитъ кievскій, а 1-го іюня 1860 года его высокопреосвященство высочайшею волею назначенъ митрополитомъ новгородскимъ, с.-петербургскимъ и финляндскимъ и Свято-Троицкія Александро-Невскія лавры священноархимандритомъ.

Маститый іерархъ воспріялъ въ управленіе С.-Петербургскую митрополию, уже ознаменовавъ себя долговременнымъ служеніемъ и благопотребнымъ управленіемъ церковными дѣлами нѣсколькихъ епархій и, въ особенности, дѣлами закавказскихъ, гдѣ пастырская попечительность и ревностное содѣйствіе къ возобновленію древнихъ и устройству новыхъ храмовъ Божіихъ обратили на него вниманіе императоровъ Николая I и Александра II, а также вызвали признательность и чувства глубокаго уваженія къ святителю во всей Россіи: множество благотворительныхъ обществъ и высшихъ ученыхъ учреждений, каковы академіи и университеты

внесли имя высокопреосвященнаго Исидора въ число почетныхъ своихъ членовъ.

Съ 1860 года начался періодъ дѣятельности его высокопреосвященства на поприщѣ благотворенія и преуспѣянія православныя церкви въ Петербургской митрополіи. Какъ главный попечитель императорскаго человѣколюбиваго общества (съ 1860 года), предсѣдатель высочайше утвержденнаго присутствія по дѣламъ православнаго духовенства (съ 1862 года), первенствующій членъ святѣйшаго синода, высокопреосвященнѣйшій Исидоръ ознаменовалъ свое служеніе церкви принесеніемъ истинной пользы отличными и благоразумными участіемъ въ дѣлахъ высшаго церковнаго управления, отеческими заботами на благоустроеніе бѣдныхъ и сиротъ духовнаго званія, архипастырскимъ попеченіемъ о духовно-учебныхъ заведеніяхъ С.-Петербургской епархіи, а въ особенности неутомимою христіанскою дѣятельностью во главѣ императорскаго человѣколюбиваго общества, сопровождавшеюся постояннымъ расширеніемъ благотворительности въ пользу сиротъ, а также немущихъ и болящихъ лицъ обоаго пола населенія города С.-Петербурга ¹⁾.

Въ виду высоблаготворной дѣятельности митрополита Исидора для обывателей столицы, сопровождающей многолѣтними трудами на преуспѣяніе всея православныя церкви, С.-Петербургская городская Дума, согласно съ ходатайствомъ многихъ своихъ сочленовъ, единогласно и единодушно постановила:

I. Просить г. Городскаго голову, въ сопровожденіи нѣсколькихъ гласныхъ Думы, принести 11-го ноября сего года письменное поздравленіе (адресъ) отъ всего городскаго общества высокопреосвященнѣйшему Исидору, митрополиту новгородскому, с.-петербургскому и финляндскому, со днемъ полулѣтняго служенія его православной церкви въ епископскомъ санѣ;

II. Поднести при семъ преосвященнѣйшему икону преподобнаго Исидора Пелусіота и

III. Отнынѣ, съ 1884 года, въ память сего дня (11-го ноября), отпускать ежегодно на будущее время, изъ городскихъ суммъ, по триста руб. сер., на возмѣщеніе платы за воспитаніе и содержаніе ученика или ученицы въ одномъ изъ учебныхъ заведеній города С.-Петербурга, по благоусмотрѣнію его высокопреосвященства митрополита Исидора.

¹⁾ Въ 1860 году благотвореніями императорскаго человѣколюбиваго общества, какъ видно изъ его отчетовъ, воспользовалось 16,000 немущихъ, а въ 1881 году уже—97,920 лицъ обоаго пола.

ПОСМЕРТНЫЯ ЗАПИСКИ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА ПИРОГОВА.

ДѢТСТВО И ЮНОСТЬ.

XXI ¹⁾.

1880 года декабря 22-го. Я убѣдился, что не могу вести дневника; вотъ прошло полгода и болѣе, какъ я ничего не могъ или не хотѣлъ вписывать въ мой дневникъ. Теперь начну писать не по днямъ, а когда попало; остается еще много, много невысказаннаго и успѣю ли еще, доживу ли, чтобы это многое записать. Читать что записано не стану, а на чемъ остановился при наступленіи весны—хорошо не помню. Кажется, на жизнеописаніи моихъ кошекъ и собакъ и разсужденіи о томъ, почему привязываемся къ животнымъ.

Вотъ и теперь я было рѣшился не заводить снова возлѣ себя ни кошки, ни собаки, а между тѣмъ какою-то жидокъ принесъ весною щенка не то лагаваго, не то левретку, и мы, я и жена, снова привязались; это, вѣроятно, оттого, что нѣтъ въ домѣ маленькихъ внучатъ, и вмѣсто внучки—Мимишка, сучка, и спить, и ѣсть, и гуляетъ съ нами,—и странно, что у меня пропала боязнь; я прежде страшно возставалъ противъ этой привязанности къ маленькимъ собаченкамъ, зная изъ практики о многихъ случаяхъ водобоязни отъ укушенія именно маленькими собачками; теперь еще живо помню, какъ однажды, лѣтъ 30 тому назадъ, при посѣщеніи Обуховской больницы въ С.-Петербургѣ, д-ръ Мейеръ

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1884 г., т. XLIII, сентябрь, стр. 455—502; т. XLIV, октябрь, стр. 1—52.

миѢ показывалъ больного, одержимаго, по его миѢнію, такъ называемою произвольною водобоязнію (*hydrophobia spontanea*); подошедъ къ этому больному, сидѣвшему спокойно на кровати, и какъ-то инстинктивно указалъ пальцемъ на едва замѣтный у него значекъ на лбу, и вдругъ вижу, что бѣднякъ страшно поблѣднѣлъ, скорчился, зарыдалъ и тутъ-же признался, что нѣсколько недѣль тому назадъ его оцарапала на лбу маленькая собачка, съ которою онъ игралъ. Вскорѣ припадки водобоязни усилились и онъ умеръ.

Странно, говорю, что теперь у меня прошла эта боязнь маленькихъ собакъ. А основаніемъ привязанности къ домашнимъ животнымъ, я думаю, служить замѣченная Гегелемъ мистичность животного. Когда видишь передъ собою живое существо, дѣйствующее во многихъ отношеніяхъ подобно намъ, обнаруживающее не только чувства наслажденія или досады и боли, а между тѣмъ безсловесное какъ будто потому только, что скрываетъ свои чувства и мысль, то невольно подозрѣваешь въ немъ присутствіе нашего (я), какъ то мистифицированнаго; но особливо глаза, глаза домашнихъ и плотоядныхъ и травоядныхъ мистичны; они говорятъ безъ словъ; у моей Лядки видѣлись даже бѣлки между вѣкъ и придавали глазамъ какое-то человѣческое выраженіе,—это, я полагаю, рѣдкость, и скрытые вѣками бѣлки обыкновенно считаются характернымъ признакомъ животныхъ глазъ, отличающимъ ихъ отъ человѣческихъ.

Я читалъ въ одномъ альманахѣ сравненіе, съ утилитарной эстетической и нравственной сторонъ, между лошадыю и собакою: и ту, и другую считаютъ лучшими, и можно, пожалуй, сказать—единственными друзьями человѣка; но авторъ статьи, нѣмецъ, отдавалъ преимущество лошади и уворялъ собаку въ низости и лакействѣ; она слишкомъ ласкова, ползаетъ, унижается предъ сильнымъ. Въ этомъ есть доля правды; когда маленькая собачка встрѣтится съ большою, злою, она тотчасъ же пассуетъ, ложится на спину и складываетъ лапки, а передъ домашнею маленькою собаченкою, пользующеюся фаворомъ господъ, я видѣлъ не разъ, какъ увивались и ползали большія собаки, принадлежавшія тѣмъ-же господамъ. Но все таки лошадь можетъ быть, развѣ въ аравійскихъ степяхъ, такимъ вѣрнымъ другомъ своего господина, какъ собака; и ласки и привязанность собачьи не у всѣхъ собакъ

унизительны; глаза выражаютъ ясно, чего желаетъ собака, зовутъ-ли гулять, чувствуетъ-ли чужака,—все, все въ ней намекаетъ на что-то, какъ будто взятое у человѣка.

Лѣтъ 30 тому назадъ я все, что говорю теперь, счелъ бы пустою фразіологіею; и я считалъ всякую жалость къ страданіямъ собаки при вивисекціяхъ, и еще болѣе привязанность къ животному, одною нелѣпою сантиментальностью. Но время все измѣняетъ, и я, нѣкогда безъ всякаго состраданія къ мукамъ (хлороформа тогда еще не знали) дѣлавшій ежедневно десятки вивисекцій, теперь не рѣшился бы и съ хлороформомъ рѣзать собаку изъ научнаго любопытства; теперь мнѣ сдѣлалось очень вѣроятнымъ, чему я прежде не хотѣлъ вѣрить, — что Галлеръ въ старости хандрилъ и приписывалъ свою хандру множеству сдѣланныхъ имъ вивисекцій; если не ошибаюсь, это рассказываетъ Циммерманъ въ своей книгѣ „Ueber die Einsamkeit“.

Особливо тяжело мнѣ вспоминать о тѣхъ вивисекціяхъ и операціяхъ, въ которыхъ я по незнанію, неопытности, легкомыслію, или Богъ знаетъ почему, заставлялъ животныхъ мучиться напрасну. Да, самая ѣдкая хандра есть та, которая наводитъ воспоминанія о насиліяхъ, нанесенныхъ нѣкогда чужому или собственному чувству. Какъ бы равнодушно мы ни насильовали чувство другого, никогда не можемъ быть увѣрены, чтобы это насиліе не отразилось рано или поздно на нашемъ собственномъ чувствѣ. Когда моя Лядка околѣвала въ страданіяхъ, устремивъ на меня свои глазенки, стоная, и, не смотря на муки, выражала мнѣ привѣтъ легкими движеніями хвоста — во мнѣ, съ жалостью къ любимой собаченкѣ, пробудились воспоминанія о мученьяхъ, причиненныхъ мною лѣтъ 30 и 40 тому назадъ цѣлымъ сотнямъ подобныхъ Лядкѣ животныхъ, и мнѣ стало невыносимо тяжело на душѣ.

Еще тяжелѣе бываетъ мнѣ, когда находитъ на меня воспоминаніе объ оперированномъ, также лѣтъ 40 тому назадъ, старикѣ; только однажды въ моей практикѣ я такъ грубо ошибся при изслѣдованіи больного, что, сдѣлавъ литотомію, не нашолъ камня. Это случилось именно у робкаго, богобоязненнаго старика; раздосадованный на свою оплошность, я былъ такъ неделикатенъ, что измученнаго больного нѣсколько разъ послалъ къ чорту.

— „Какъ это вы Бога не боитесь“, проивнесъ онъ томнымъ, умоляющимъ голосомъ, „и призываете нечистаго злаго духа, когда только имя Господне могло бы облегчить мои страданія“!

Какой уроекъ въ этихъ словахъ страдальца,—я ихъ какъ будто и теперь еще слышу.

Да, и мнѣ приходится, вспоминая прошедшее, нерѣдко относить охая къ жизни и повторять слышанное однажды восклицаніе стараго капитана, страдавшаго непроходимую стриктуру и свищами мочевого канала; измученный тщетными позывами на мочу, трясясь и всхлипывая, онъ съ разстановкою вырывивалъ:

— „Охъ, охъ ты жизнь-матушка“!

XXII.

3 января 1881 года. Но, наконецъ, пора уяснить себѣ и другія стороны моего міровоззрѣнія. Прошло уже полгода съ тѣхъ поръ, какъ я выяснилъ себѣ только одну изъ нихъ. Это было прошлою зимою, а лѣтомъ я не могу писать. Лѣто старку приноситъ такое наслажденіе, что и не думаешь вникать въ себя; зеленыя поля, цвѣтущія розы, листва, все, — въ свободное отъ практическихъ и мелочныхъ занятій время,—тянетъ къ себѣ, наружу, и не пускаетъ сосредоточиваться въ себѣ. Ребенкомъ я слышалъ, что мой дѣдушка Иванъ Михѣичъ зимою тосковалъ и жаловался дѣтямъ: „отъ, дѣтки, вѣрно Михѣичу ужъ зеленой травы не топтать“, но какъ только наступала весна, 100-лѣтній старикъ снова оживлялся и цѣлые дни топталъ зеленую траву.

Но я хочу не только уяснить себѣ со всѣхъ сторонъ мое міровоззрѣніе, мнѣ хочется изъ архива моей памяти вытащить всѣ документы для исторіи развитія моихъ убѣжденій: какъ они, послѣ равныхъ метаморфозъ, сложились и сдѣлались настоящими. Мнѣ кажется, что теперь, въ настоящее время, разныя стороны моего міровоззрѣнія сдѣлались гораздо отчетливѣе и яснѣе для меня, чѣмъ это было прежде. Можетъ быть это иллюзія, миражъ, но почему же прежде, какъ ни казался я себѣ убѣжденнымъ въ томъ или другомъ воззрѣніи, я всетаки не былъ увѣренъ,

что останусь навсегда при немъ; теперь же, напротивъ, я вполне увѣренъ, что воззрѣнія мои на жизнь и міръ останутся такими, какъ есть до послѣдняго вздоха. Я думаю, что, переживъ разные фазисы моего міровоззрѣнія, я, наконецъ, убѣдился, что не доживу ни до какого новаго ихъ метаморфоза. И эта увѣренность чрезвычайно успокоительна; чувствуешь что-то прочное въ себѣ: измѣняйся, сколько хочешь, окружающее меня, я не измѣнюсь! А что если и это миражъ? то есть, если и самая твердая увѣренность—иллюзія? Если окружающее сильнѣе ея?

Но можетъ ли быть, чтобы иллюзія, возбуждившая такую твердую увѣренность, какъ мою, не была сильнѣе окружающаго? Это противорѣчило бы историческимъ фактамъ, доказывающимъ противное. Мало ли что мы считаемъ теперь въ исторіи цѣлыхъ поколѣній за галлюцинацію, фанатизмъ и т. п., а между тѣмъ подъ вліяніемъ этихъ иллюзій народы жили цѣлые вѣка, проливали за нихъ потоки крови и умирали съ ними. Такъ пусть будетъ и съ моею иллюзіею, если она для другихъ кажется такою, а для меня останется твердымъ и неизмѣннымъ убѣжденіемъ до конца жизни.

XXIII.

Начну ab ovo.

Мнѣ сказали, что я родился 13-го ноября 1810 г. Жаль, что самъ не помню. Не помню и того, когда началъ себя помнить; но помню, что долго еще вспоминалъ или грезилъ какую-то огромную звѣзду, чрезвычайно свѣтлую. Что это такое было? Дѣтская ли галлюцинація, слѣдствіе слышанныхъ въ ребячествѣ длинныхъ рассказовъ о кометѣ 1812-го года или оставшееся въ мозгу впечатлѣніе дѣйствительно видѣнной мною въ то время, двухлѣтнимъ ребенкомъ, кометы 1812-го года, во время нашего бѣгства изъ Москвы во Владиміръ,—не знаю.

Помню и еще какую-то странную грезу нити, сначала очень тонкой, потомъ все болѣе и болѣе толстѣвшей и очень свѣтлой; она представлялась не то во снѣ, не то въ просонкахъ и было чѣмъ-то тревожнымъ, заставлявшимъ бояться и плакать; что-то подобное я слышалъ потомъ и о грезахъ другихъ дѣтей. Но воспоминанія моего 6-ти—8-ми лѣтняго дѣтства уже гораздо живѣе.

Мой родительскій домъ, сгорѣвшій во время нашествія французовъ въ Москву, потомъ снова выстроенный, стоялъ въ приходѣ Троицы въ Сыромятникахъ. О времени моихъ воспоминаній, то есть о возрастѣ, въ которому относятся первыя мои воспоминанія, я сужу изъ того, что живо помню еще и теперь бѣлице одѣяльцо моей кровати, любимую мою кошку Машку, безъ которой я не могъ заснуть, бѣлыя розы, приносившіяся моею нянькою изъ сосѣдняго сада Ярцевой и при моемъ пробужденіи стоявшія уже въ стаканѣ воды возлѣ моей кровати; мнѣ было тогда навѣрное не болѣе 7-ми лѣтъ; по крайней мѣрѣ года 4 отдѣляютъ эти воспоминанія отъ другихъ, уже совершенно ясныхъ, относящихся къ моему десятилѣтнему возрасту.

О смерти Наполеона я помню уже весьма отчетливо тогдашніе рассказы.

Каррикатуры на французовъ, выходившія въ 1815—1817 годахъ, расходившіяся тогда по всѣмъ домамъ, я какъ теперь вижу.

Я знаю отъ моихъ родителей — я научился русской грамотѣ почти самоучкою, когда мнѣ было 6 лѣтъ, и я хорошо помню, что учился именно по карриатурамъ, изданнымъ въ видѣ картъ въ алфавитномъ порядкѣ ¹⁾. Первая буква *А* представляла глухого мужика и бѣгущихъ отъ него въ крайнемъ беспорядкѣ французскихъ солдатъ съ подписью:

Ась, право глухъ Мусье, что мучать старика,
Коль надобно чего, спросите казака.

Буква *Б*. Наполеонѣ, свачущій въ саняхъ съ Даву и Понятовскимъ на запяткахъ, съ подписью:

Бѣда, гони скорѣй съ грабителемъ московскимъ.
Чтобъ въ сѣти не попастьъ съ Даву и Понятовскимъ.

В. Французскіе солдаты раздираютъ на части пойманную ворону и одинъ изъ нихъ, изнуренный голодомъ, держитъ лапу, а другой, валяясь на землѣ, лижетъ изъ пустого котла. Надпись:

Ворона какъ вкусна, нельзя ли ножку дать,
А мнѣ изъ котлика хоть жижи полизать.

¹⁾ Весьма рѣдкій экземпляръ этихъ карриатуръ находится въ нашей библиотекѣ.

Можетъ быть, я живо помню эти карты и потому, что ихъ видѣлъ потомъ, когда мнѣ было болѣе 6-ти лѣтъ; но то, что помню почти исключительно три первыя *A, B, B*—показываетъ, что на память мою онѣ подѣйствовали всего сильнѣе, когда я учился грамотѣ, то есть когда мнѣ было 6 лѣтъ. Правда, я помню и еще одну изъ этихъ картъ съ буквою *III* и подписью:

*Щастье за Галломъ, уставъ брестъ пѣшкомъ,
Рѣшилось въ станъ русскій скакать съ казакомъ.*

Но это потому, что долго, долго задумывался на ней, не умѣя себѣ объяснить, почему какою-то французъ въ мундирѣ, увозимый въ каретѣ казакомъ и при томъ желающій выпрыгнуть изъ кареты, именуется щастьемъ. Какое же это счастье для насъ? думалось мнѣ.

Это ученье грамотѣ по каррикатурнымъ картинкамъ врядъ-ли одобрится педагогами. И въ самомъ дѣлѣ, эти первыя каррикатурныя впечатлѣнiя не развили во мнѣ склонность къ насмѣшкѣ и свойство подмѣчать въ людяхъ скорѣе смѣшную и худую сторону, чѣмъ хорошую. За то эти каррикатуры надъ вичливымъ, грознымъ и побѣжденнымъ Наполеономъ, вмѣстѣ съ другими изображенiями его бѣгства и нашихъ побѣдъ, развили во мнѣ рано любовь къ славѣ моего отечества. Въ дѣтахъ, какъ я вижу, это первый и самый удобный путь къ развитiю настоящей любви къ отечеству.

Такъ было, по крайней мѣрѣ, у меня, и я отъ 17 до 30-ти лѣтъ, окруженный чуждою мнѣ народностью ¹⁾, среди которой жилъ, учился и училъ, не потерялъ однако же нисколько привязанности и любви къ отчизнѣ, а потерять въ ту пору было легко: жилось въ отчизнѣ не очень весело и не такъ привольно, какъ хотѣлось жить въ 20 лѣтъ. Не родился я въ эпоху русской славы и искренняго народнаго патрiотизма, какою были годы моего дѣтства, едва ли бы изъ меня не вышелъ космополитъ; я такъ думаю потому, что у меня очень рано развилась, вмѣстѣ съ глубокимъ сочувствiемъ къ родинѣ, какая-то непреодолимая безглицость къ національному хвастовству, ухорству и повинизму.

¹⁾ Въ Дерптѣ.

Начиная съ десяти лѣтъ моей жизни, я уже помню отчетливо. И дѣтство мое до 13 — 14 лѣтъ оставило по себѣ самыя пріятныя воспоминанія.

Отецъ мой служилъ казначеемъ въ Московскомъ провіантскомъ депо; я какъ теперь вижу его одѣтымъ, въ торжественные дни, въ мундиръ съ золотыми петлицами на воротникѣ и обшлагахъ, въ бѣлыхъ штанахъ, большихъ ботфортахъ съ длинными шпорами; онъ имѣлъ уже маіорскій чинъ, былъ, какъ я слыхалъ, отличный счетоводъ, ѣздилъ въ собственномъ экипажѣ и любилъ, какъ всѣ москвичи, гостепрѣимство. У отца было насъ четырнадцать человѣкъ дѣтей, — шутка сказать, — и изъ четырнадцати, во время моего дѣтства, оставалось на лицо шесть: трое сыновей и столько же дочерей. „Маль бѣхъ въ братіи моей и юнѣйшій въ домѣ отца моего“. И изъ насъ шестерыхъ умеръ еще одинъ, не достигнувъ пятнадцати-лѣтняго возраста — мой старшій братъ Амосъ.

Кто хочетъ заняться исторіею развитія своего міровоззрѣнія, тотъ долженъ, воспоминаніями изъ своего дѣтства, разрѣшить нѣсколько весьма трудныхъ для разрѣшенія вопросовъ.

Во-первыхъ, какъ ему вообще жилось въ то время? Потомъ, какія преимущественно впечатлѣнія оставили глубокіе слѣды въ его памяти? Какія занятія и какія забавы нравились ему всего болѣе? Какимъ наказаніямъ онъ подвергался, часто ли и какія наказанія всего сильнѣе на него дѣйствовали? Какіе рассказы, книги, поступки старшихъ и происшествія его интересовали и волновали? Что болѣе завлекало его вниманіе: окружающая его природа или общество людей?

Въ старости всѣ эти воспоминанія дѣлаются яснѣе, старикъ вспоминаетъ давно прошедшее: дѣлало ли на него такое впечатлѣніе, какимъ онъ его представляетъ себѣ теперь?

Роась въ архивѣ своей памяти на старости лѣтъ, насъ поражаетъ, прежде всего, необъяснимое тождество и цѣльность нашего я. Мы ясно ощущаемъ, что мы уже не тѣ, чѣмъ мы были въ дѣтствѣ, и въ то же время мы не менѣе ясно ощущаемъ, что наше я осталось въ насъ или при насъ съ того самаго момента, какъ мы начали себя помнить, до сегодня, и знаемъ навѣрное, что оно же останется и до послѣдняго вздоха, если только не умремъ въ безпамятствѣ или въ домѣ умалишенныхъ.

Странно, удивительно странно это ощущение тождества нашего я въ разныхъ, едва похожихъ одинъ на другой, портретахъ, съ разными противоположными чувствами, убѣжденіями и взглядами на себя, на жизнь, на все окружающее. Да вѣдь я—это одволичное мѣстоименіе,—откуда же ему взаться у ребенка, напримеръ, незнающаго грамматики, или у безграмотнаго взрослого? Смѣшно, не правда ли, нонсенсъ, абсурдъ. Самоощущеніе бытія, и какъ такое, оно должно неминуемо въ насъ быть отъ колыбели до могилы, а какъ и чѣмъ оно о себѣ даетъ знать себѣ же самому и другимъ—личнымъ ли мѣстоименіемъ или другимъ какимъ условнымъ знакомъ, это ни на іоту не перемѣняетъ сущности дѣла. Ребачье я даетъ о себѣ знать и другимъ въ третьемъ лицѣ личнаго мѣстоименія, поставляя себя, вѣроятно, внѣ себя, а глухо-нѣмой отъ рожденія, вѣроятно, имѣетъ для себя другой какой условный знакъ или ноту.

XXIV.

Дѣтство, какъ я сказала, оставило у меня, до тринадцатилѣтняго возраста, однѣ пріятныя впечатлѣнія. Уже, конечно, не можетъ быть, чтобы я до тринадцати лѣтъ ничего другого не чувствовалъ кромѣ пріятностей жизни, не плакала, не болѣла; но отчего же непріятное исчезло изъ памяти, а осталось одно только общее, пріятное воспоминаніе? Положимъ, старикамъ всегда прошедшее кажется лучшимъ, чѣмъ настоящее. Но не всѣ же вспоминаютъ отрадно о своемъ дѣтствѣ, какъ бы жизнь въ этомъ возрастѣ ни была для нихъ плохою. Нѣтъ, вспоминая обстановку и другія условія, при которыхъ проходила жизнь въ моемъ дѣтствѣ, я полагаю, что дѣйствительно ея наслажденія затмили въ моей памяти всѣ другія мимолетныя непріятности.

Родители любили насъ горячо; отецъ былъ отличный семьянинъ; я страстно любилъ мою мать и теперь еще помню, какъ я, любуясь ея темнокраснымъ, цвѣта массава, платьемъ, ея чепцомъ и двумя локонами, висѣвшими изъ-подъ чепца, считалъ ее красавицею, съ жаромъ цѣловалъ ея тонкія руки, вязавшія для меня чулки; сестры были гораздо старше меня и относились ко

мнѣ также съ большою любовью; старшій братъ былъ на службѣ, средній, тремя—четырьмя годами старше меня, жилъ со мною дружно.

Средства къ жизни были болѣе, чѣмъ достаточны; отецъ, сверхъ порядочнаго по тому времени жалованья, занимался еще веденіемъ частныхъ дѣлъ, бывъ, какъ кажется, хорошимъ законовѣдомъ. Вновь выстроенный домъ нашъ у Троицы, въ Сыромятникахъ, былъ просторный и веселый съ небольшимъ, но хорошенькимъ садомъ, цвѣтниками, дорожками. Отецъ, любитель живописи и сада, разукрашалъ стѣны комнатъ и даже печи фресками какого-то доморощеннаго живописца Арсенія Алексѣевича, а садъ—бесѣдочками и разными садовыми играми. Помню еще живо изображеніе лѣта и осени на печвахъ въ видѣ двухъ дамъ съ разными атрибутами этихъ двухъ временъ года; помню изображенія разноцвѣтныхъ птицъ, летавшихъ по потолкамъ комнатъ, и турецкихъ палатокъ на стѣнахъ спальни сестеръ.

Помню и игры въ саду въ кегли, въ крючки и вольцы, цвѣты съ капельками утренней росы на лепесткахъ,... живо, живо, какъ будто вижу ихъ теперь.

Итакъ жизнь моя ребенкомъ до тринадцати лѣтъ была весела и привольна, а потому и не могла не оставить одни пріятныя воспоминанія.

Учене и школа до этого возраста также не были мнѣ въ тягость. Я уже сказалъ, какъ я легко и почти играючи научился читать; послѣ того чтеніе дѣтскихъ книгъ было для меня истиннымъ наслажденіемъ; я помню, съ какимъ восторгомъ я ждалъ подарка отъ отца книгою: „Зрѣлище вселенной“, „Золотое зеркало для дѣтей“, „Дѣтскій вертоградъ“, „Дѣтскій магнитъ“, „Пальнаевы (sic) и Эзоповы басни“, и все съ картинками; читались и прочитывались по нѣсколько разъ и все съ аппетитомъ, какъ лакомства.

Но всего болѣе занимало меня „Дѣтское чтеніе“ Карамзина въ 10 или 12 частяхъ, — славная книга, чего въ ней не было! и діалоги, и драмы, и сказки, — прелесть! потому прелесть, что это чтеніе меня, семи—восьми-лѣтняго ребенка, прельстило знакомствомъ съ Альфонсомъ и Далаидою или чудесами природы, съ почтенною г-жею Добролюбовою, съ старикомъ Яковомъ и его чернымъ пѣтухомъ, обнаружившимъ ворышку и лгунышку Под-

шивалова; да такъ прельстило, что 60 слишкомъ лѣтъ эти фиктивные личности не изгладились изъ памяти. Я не помню подробностей разсказовъ, но что-то общее чрезвычайно пріятное и занимательное осталось отъ нихъ до сихъ поръ въ моемъ воспоминаніи.

Нѣсколько лѣтъ позже я прочелъ Донкихота въ сокращенномъ переводѣ съ французскаго; помню еще, что и отецъ читывалъ его намъ; читалъ потомъ и неизбѣжнаго Робинзона и волшебныя сказки; но эффектъ чтенія всѣхъ этихъ книгъ не можетъ сравниться съ тѣмъ, которое произвело на меня „Дѣтское чтеніе“, и подарокъ его намъ отцемъ въ новый годъ я считаю самымъ лучшимъ въ моей жизни.

Такъ, нѣкоторые впечатлѣнія почему-то дѣлаются неизгладимыми и выдѣляются ярко на фонѣ памяти. Сколько разъ атомы моего мозга замѣнялись, чрезъ обмѣнъ вещества, новыми, и всякій разъ передавали этимъ новымъ прежнія впечатлѣнія, то есть прежнія свои сотрясенія.

Изъ рисунковъ читанныхъ книгъ остались у меня въ памяти, кромѣ каррикатурныхъ фигуръ, по которымъ я учился азбукѣ, всего болѣе изображенія животныхъ, растеній и разныхъ національных типовъ изъ „Зрѣлица вселенной“, „Дѣтскаго музея“ и Палласова „Путешествія по Россіи“, бережно сохранявшагося у отца въ двухъ большихъ томахъ въ кожаномъ переплетѣ; изъ него всего отчетливѣе помню Лопаря, Самоѣда и нагую Чувотскую бабу. Очень рано попались мнѣ также въ руки отцовскій же Курганова „Письмовникъ“, изъ коего на всю жизнь остались въ памяти разные смѣшныя анекдоты, остроты и прибаутки; помню и еще одну книгу: „Повѣсти Коцебу“ и особливо одну изъ нихъ: „Плащъ и париеъ“. Басни Крылова во время моего перваго дѣтства не были еще въ ходу; къ намъ приходилъ какой-то знакомый господинъ, читавшій ихъ очень хорошо; дѣтей не заставляли еще заучивать ихъ ex officio и я ргоргіо motu выучилъ наизусть „Квартетъ“,—мнѣ очень нравившійся, и особливо съ басомъ Мишеньба,—„Демьянову уху“, „Тришкинъ кафтанъ“; какъ видно, нравились мнѣ наиболѣе юмористическія.

Изъ другихъ стихотвореній я довольно рано, когда былъ еще лѣтъ девяти, познакомился съ „Людмилою и Свѣтлаюю“ Жу-

ковскаго, декламировалъ, въ большому удовольствію домашнихъ слушателей, съ нѣкотораго рода пафосомъ и разными жестами; нѣсколько позже узналъ и старика съ щетинистой бородой, блестящими глазами; но страшно боялся встрѣчи съ нимъ въ темной комнатѣ, и бѣгомъ, зажмуря глаза, проходилъ чрезъ нее.

Первый романъ, попавшійся мнѣ въ руки на 12-мъ году моей жизни, былъ „Фанфанъ и Лолотта“, Дюкре-дюмениля, и я помню, что не одна фабула романа завлекла меня, а образъ Лолотты. Должно быть заговорили рано развившіеся половые инстинкты.

Первый учитель данъ былъ мнѣ на девятомъ году жизни; до того времени я былъ самоучка при помощи матери и сестеръ, весьма ограниченной, впрочемъ, по собственному ихъ признанію.

Странно, что я помню довольно ясно занятія грамотою и чтеніемъ, но совсѣмъ не помню, когда и какъ научился писать.

Въ чести нашей домашней педагогіи, я долженъ сказать, что занятія съ первымъ моимъ учителемъ начались съ отечественнаго языка; звуковъ иностраннаго языка я почти не слышалъ до восьми лѣтъ; какъ въ просонкахъ вспоминаю только напѣвъ какой-то нѣмецкой пѣсни и мнѣ связывали сестры, что одинъ, входяій въ нашъ домъ, нѣмецъ иногда бралъ меня на руки и нянчилъ, припѣвая что-то по своему.

Появленіе въ домѣ перваго учителя совпадаетъ у меня съ воспоминаніемъ о рожденіи въ Москвѣ нашего нынѣшняго государя (Александра Николаевича), а это воспоминаніе совпадаетъ, въ свою очередь, съ другимъ, а именно—съ путешествіемъ всей семьи къ Троицѣ (т. е. въ Троице-Сергіевскую лавру), во время котораго, при ночлегѣ въ селѣ Большихъ Мытищахъ, что-то говорилось о кормилицѣ новорожденнаго.

Судя по этому нужно думать, что мои первыя занятія съ учителемъ начались въ 1818 году. Я помню довольно живо молодого, красиваго человѣка, какъ мнѣ связывали потомъ, студента, и помню не столько весь его обликъ, сколько однѣ румяныя щеки и улыбку на лицѣ. Вѣроятно, этотъ господинъ, назначенный мнѣ въ учителя, былъ не семинаристъ. Это я заключаю изъ того, что онъ очень любилъ накрахмаленное бѣлье, а объ этой склонности я узналъ отъ моей старой няни, нерѣдко сѣтовавшей

на большой расходъ крахмала, и, дѣйствительно, его румяныя щеки представляются мнѣ и до сихъ поръ не, иначе, какъ въ связи съ тугонакрахмаленными, стоячими воротничками рубашки. Но есть основаніе думать, что семинарское образованіе не было чуждо моему наставнику: это его склонность къ сочиненію поздравительныхъ рацеи; одну изъ нихъ онъ заставилъ меня выучить для поздравленія отца съ днемъ Рождества Христова; первое четверостишіе я еще и теперь помню:

Зарю утренней, румяной,
Лишь только показался

(это, кажется, моя позднѣйшая поправка: въ текстѣ было „разливался“).

Въ одеждѣ солнечной, багряной
Направилъ ангелъ свой полеть.

Кромѣ воспоминаній о щекахъ, улыбкѣ, воротничкахъ и этихъ стихахъ моего перваго учителя, мнѣ остались почему-то памяты и его бѣлые, съ тоненькими, синенькими полосками, панталоны. Всѣ эти атрибуты у меня какъ-то слились въ памяти съ понятіемъ о частяхъ рѣчи, полученнымъ мною, въ первый разъ, отъ обладателя щекъ, улыбки, воротничковъ, панталонъ и сочинителя первой-же и едва ли не единственной произнесенной мною рацеи. Отъ него же я научился и латинской грамотѣ.

Помню и второго моего учителя, также студента, но не университетскаго, а московской медико-хирургической академіи, низенькаго и невзрачнаго; при немъ я уже читалъ и переводилъ что-то изъ латинской хрестоматіи Кошанскаго; отъ этихъ переводовъ уцѣлѣло въ памяти только одно: *Universum* (или *universus mundus*—хорошо не помню) *distribuitur in duas partes: coelum et terram*.

На урокахъ, мнѣ кажется, онъ занимался со мною болѣе разговорами и словесными, а не письменными, переводами, тогда какъ первый учитель заставлялъ меня дѣлать тетрадки и писать разборы частей рѣчи. Почему, спрашивается, я помню, по прошествіи 62-хъ лѣтъ, еще довольно ясно читанное и слышанное и забылъ когда выучился писать и почти все, что писалъ; забылъ также когда и какъ выучился ходить и бѣгать? Не значить ли

это—приобрѣтенное въ дѣтствѣ слухомъ и зрѣніемъ гораздо прочнѣе напечатлѣлось въ памяти, чѣмъ доставленное ей осязаніемъ? Осязаніе служитъ только повѣрочнымъ чувствомъ для впечатлѣній, прежде всего вступающихъ въ мозгъ черезъ два его главныхъ и настежь открытыхъ окна: глазъ и ухо.

XXV.

Причины, почему отъ впечатлѣній дѣтства остается тотъ или другой отрывокъ, часто ничѣмъ незамѣчательный и вовсе нехарактерный, такъ разнообразны, что никто не возмется опредѣлить ихъ. Но сила впечатлѣнія, безъ сомнѣнія, зависитъ отъ того—въ какой степени было напряжено вниманіе въ самый моментъ впечатлѣнія: какъ бы сильнымъ ни казалось впечатлѣніе извнѣ, оно пройдетъ безслѣдно для того, кто не обратилъ на него вниманія. Это такая банальная истина, что не стоило бы о ней распространяться; къ сожалѣнію, однако же немногіе родители и педагоги примѣняютъ ее такъ, какъ она этого заслуживаетъ,—заботятся болѣе о свойствахъ и степени внѣшнихъ впечатлѣній,—это легче и проще; усиливая стимулъ, думаютъ достаточно, чтобы усилить вниманіе ребенка.

Между тѣмъ мы видимъ, что не рѣдко самыя ничтожныя впечатлѣнія остаются въ памяти на цѣлую жизнь, тогда какъ, повидимому, очень сильныя исчезаютъ изъ памяти безслѣдно, и это потому, что мы не умѣли или не могли сосредоточить на нихъ вниманіе того, для кого необходимо было это сдѣлать. По моему, не тотъ хорошій наставникъ, кто, обладая знаніями, излагаетъ отчетливо и добросовѣстно свой предметъ ученику, а тотъ, кто умѣетъ хорошо обращаться съ внимательностію своихъ учениковъ. Упражненіе вниманія—вотъ настоящая задача школы и воспитанія. Преподаваніе наше не только не всегда сосредоточиваетъ, но, напротивъ, еще отвлекаетъ и развлекаетъ внимательность; также дѣйствуетъ и глупое воспитаніе.

По мѣрѣ того, какъ вѣрнѣе мягкій, студенистый дѣтскій мозгъ, онъ дѣлается болѣе способнымъ къ удержанію внѣшнихъ впечатлѣній; развитіе внимательности, вѣроятно, соответствуетъ, въ извѣстной степени, развитію способности въ мозговой ткани

къ удержанію впечатлѣній; но не смотря на это, способность внимать остается все-таки чѣмъ-то отдѣльнымъ отъ способности удерживать впечатлѣнія. Память и внимательность не идутъ рука объ руку. Не смотря на всѣ усилія мнемонистики, мы немногимъ можемъ содѣйствовать къ развитію памяти; тогда какъ въ рукахъ умнаго воспитателя есть много средствъ къ развитію внимательности ребенка.

Правда, эти средства все-таки не болѣе, какъ внѣшнія; но, распорядившись искусно, мы можемъ съ ними проникнуть и внутрь. Наглядность, въ соединеніи съ словомъ—вотъ эти средства, разумѣя подъ именемъ наглядности все дѣйствующее на внѣшнія чувства. Другихъ средствъ нѣтъ и быть не можетъ. Искусство состоитъ въ гармоническомъ сочетаніи обоихъ и правильномъ взглядѣ на индивидуальность дитяти. Вещь не легкая, и такъ какъ это не легко и для большинства невозможно, то главную роль въ нашемъ воспитаніи и играетъ живецъ, а не воспитатели и не школа. Горе намъ отъ глупыхъ и неумѣлыхъ воспитателей, но еще горьшее горе отъ одностороннихъ, вбившихъ себя въ голову, что на одной только наглядности или только на словѣ можно основать все школьное воспитаніе.

Наглядность, имѣя главною цѣлью воздѣйствіе на внѣшнія чувства, можетъ оставить внимательность ребенка къ своимъ болѣе глубокимъ внутреннимъ ощущеніямъ и движеніямъ нетронутою или мало развитою. Слово, проникая такъ же извнѣ, дѣйствуетъ своими членораздѣльными звуками на самую главную, самую существенную способность человѣка—гѣть по этимъ врожденнымъ нотамъ, то есть мыслить. Конечно, молча никто не будетъ учить и наглядностью; но внимательность ребенка, при одномъ наглядномъ ученіи, обратится исключительно на внѣшніе предметы, смыслъ и значеніе которыхъ для него легче постигнуть, чѣмъ смыслъ слова; мышленіе его дѣлается болѣе, такъ сказать, объективнымъ, связаннымъ съ представленіями формы предметовъ, а не внутреннимъ ихъ значеніемъ и смысломъ.

Внѣшнія чувства наши очеловѣчиваются при помощи опыта и мышленія. Но логика чувствъ своеобразна; она основана на какомъ-то механизмѣ, дѣйствующемъ при сознаніи нами бытія, но не дающемъ о себѣ знать этому сознанію. Поэтому логика

нашихъ чувствъ не нуждается въ словесномъ и основанномъ на членораздѣльныхъ знакахъ мышленіи; тѣмъ не менѣе развитіе ея совпадаетъ съ развитіемъ этого мышленія.

Въ то время, какъ ребенокъ дѣлается словеснымъ животнымъ и дѣятельность его внѣшнихъ чувствъ дѣлается отчетливѣе для него и для другихъ—съ этимъ вмѣстѣ усиливается и внимательность. Итакъ, самовоспитаніе ребенка основано на наглядности, то есть на упражненіи внѣшнихъ чувствъ. Воспитателямъ же приходится только продолжать и направлять это самовоспитаніе, и главное—не упускать ничего, на первыхъ же порахъ, для развитія внимательности ребенка, не давая ей ни разсѣиваться слишкомъ скоро, ни сосредоточиваться односторонне. Но какъ только сознательное и словесное мышленіе ребенка дастъ о себѣ знать воспитателю, онъ обязанъ, какъ можно скорѣе, воспользоваться этимъ даромъ и употребить его въ дѣло; да, въ дѣло, а не на бездѣлье.

Должно помнить, что даръ слова есть единственное и неоцѣненное средство проникать внутрь, гораздо глубже, чѣмъ посредствомъ однихъ внѣшнихъ чувствъ. Но для достиженія этой цѣли необходимо воспитателю орудовать даромъ слова такъ, чтобы онъ употреблялся имъ не для одного только осмысленія приобретаемаго наглядностию матеріала, а также и для воздѣйствія на другія, болѣе глубокія, влеченія души, скрывающіяся подъ наплывомъ внѣшнихъ ощущеній. И съ этой стороны необходимо развитіе внимательности, но, конечно, болѣе осторожное и постепенное. Что развитіе дара слова, чрезъ обученіе грамотѣ, можетъ начаться, безъ всякаго вреда для ребенка, очень рано и въ уровень съ нагляднымъ ученіемъ, доказательствомъ тому служатъ многіе примѣры. Я научился грамотѣ, играючи, когда мнѣ было шесть лѣтъ; мой младшій сынъ выучился по складнымъ бубвамъ, безъ всякой другой помощи, шестилѣтнимъ ребенкомъ. Быстро и легко достигнутый успѣхъ объясняется, я думаю, тѣмъ, что внимательность наша была случайно обращена на предметы, сразу заинтересовавшіе нашу дѣтскую индивидуальность, а въ этомъ предметамъ очень встали были принаровлены азбучные знаки.

Меня, то есть мой индивидуальный складъ, и мою, только что развивавшуюся индивидуальнаго склада, душу заинтересовали карикатурныя изображенія прогнанныхъ изъ Москвы францу-

зовъ, о которыхъ рассказы я безпрестанно слышалъ. Эти занятные для меня рассказы, въ связи съ дѣтскою склонностью къ юмору, обратили мою внимательность и на загадочные знаки азбуки, стоявшіе во главѣ каррикатуръ. Звуки словъ, начинавшихся этими знаками, были знакомые уху: *А—Ась*, *В—Вѣда*, *В—Ворона*, и дѣло пошло скоро на лады.

Шестилѣтняго моего сына, болѣе склоннаго къ отвлеченію, вѣроятно заинтересовали мистическія (для него) фигуры большихъ литеръ складной азбуки и ихъ таинственная (для него) связь съ представляемыми ими звуками. Вѣрно, бессознательно интересна была для внимательности ребенка фигура, скрывавшая въ себѣ звукъ.

Безъ сомнѣнія, индивидуальность играетъ тутъ главную роль. Всегда найдется средство задѣть ту ея струнку, сотрясеніе которой могло бы разбудить внимательность, а занявъ ее, можно будетъ принаровить и обученіе грамотѣ, и дѣйствіе слова къ обратившему на себя внимательность предмету.

Не одна наглядность,—и слово интересуется дѣтей; какъ слово и раннее обученіе грамотѣ я считаю необходимымъ дѣломъ для культурнаго общества. Евреи, какъ древній, много испытанный народъ, знаютъ это по опыту; пятилѣтнихъ дѣтей они сажаютъ за грамоту, да еще за какую, не чета нашей, усвоиваемой теперь по звуковому и другимъ новѣйшимъ способамъ. Еврей употребляетъ грамоту, именно, для воздѣйствія на затаянные, еще не развитыя, высшія души къ высшему началу. Этимъ держится еврейство, и его способъ обученія дѣтей, не смотря на его отсталость и грубость приемовъ, имѣетъ важное значеніе въ жизни.

Наблюдая развитіе дѣтей въ еврейскихъ школахъ, я не замѣтилъ, чтобы ихъ способъ обученія много препятствовалъ дѣйствию наглядности; за исключеніемъ нѣкоторыхъ индивидуальностей, склонныхъ чрезъ мѣру къ отвлеченіямъ и религіозному фанатизму, большая часть еврейскихъ дѣтей легко пріобрѣтаютъ все то, что дается нагляднымъ обученіемъ, но религіозное настроеніе, сообщенное раннимъ воздѣйствіемъ слова, ихъ не оставляетъ на цѣлую жизнь, и не смотря на ихъ семитическіе инстинкты и вѣншія, тяготящій на нихъ, гнетъ.

Но если еврейскій Меламдъ, съ его незатѣйливыми средствами, такъ умѣетъ сосредоточивать внимательность пяти—шести-

лѣтнихъ ребятъ на изученіи мертваго для насъ языка, то значить, искусство это нетрудное.

Почему же оно у насъ не процвѣтаетъ, а если и прогрессируетъ, то черепашнымъ ходомъ?

Не говоря уже о томъ давнемъ времени, когда я самъ учился, не болѣе какъ двадцать лѣтъ назадъ, я, бывъ попечителемъ двухъ учебныхъ округовъ, ужасался, видѣвъ, какъ мало знакомы были учителя и весь оффиціальный персоналъ нашихъ школъ съ этою главною отраслю въ педагогикѣ. Въ это замѣчательное время наши педагоги вспомнили о Песталоци и Дистервегѣ и возлагали большія надежды на наглядное обученіе, думая найти въ наглядности талисманъ для культуры дѣтской внимательности. И я самъ не былъ свободенъ отъ этого увлеченія. Но опытъ не оправдалъ розовыхъ надеждъ.

Теперь я убѣдился, что ни наглядность, ни слово, сами по себѣ, безъ умѣнія съ ними обращаться какъ надо и безъ другихъ условій, ничего путнаго не сдѣлаютъ. Я убѣдился еще въ томъ, — и это главное, — что односторонность въ культурѣ внимательности у народа, какъ нашъ, еще недавно выступившаго на поприще образованія, нигуда не годится.

Одностороннему Меламду это дѣло удастся, не смотря на грубѣйшіе приемы, потому что у евреевъ, какъ у народа древняго, есть традиція образованія, да, къ тому же еще, грамота и религія, въ понятіи еврея, неразлучны. Западныя народы могутъ также быть односторонними въ образованіи и опять потому же, что имѣютъ преданія и традиціи. У насъ же ихъ нѣтъ и мы живемъ и начинаемъ учиться во время, вовсе неблагоприятное для дѣйствія и силы традицій.

XXVI.

Вся жизнь моя сложилась бы другимъ образомъ, если бы при моемъ воспитаніи сумѣли развить и хорошо направить мою внимательность. Недостатка въ этой способности у меня не было, была, и не въ малой степени, и разносторонность ума, но и то, и другое были такъ мало культивированы, что я легко дѣлался односторонникомъ, не умѣя обращаться съ моею внимательностью и направлять ее какъ слѣдуетъ.

Вообще, мнѣ кажется, на эту замѣчательную психическую способность мало обращаютъ вниманія. Можно обладать прекрасно устроенными отъ природы органами чувствъ; эти органы могутъ быть очень чуткими къ принятію впечатлѣній, могутъ отлично удерживать впечатлѣнія, а потому и отлично содѣйствовать внимательности; но если она сама будетъ не развита и заглушена безпорядочнымъ и, выражаясь по нѣмцамъ, тумультуарнымъ наплывомъ впечатлѣній, въ дѣтскомъ возрастѣ, то ничего путнаго не выйдетъ, развѣ самъ Богъ поможетъ, наконецъ, человѣку, уже болѣе или менѣе взрослому, углубиться въ себя и понять, чего ему недостаетъ для самовоспитанія.

Съ матеріальной точки зрѣнія, внимательность есть особое состояніе напряженія тѣхъ элементовъ мозга, которыми воспринимаются приносимыя органами чувства впечатлѣнія. Въ самый моментъ дѣйствія это напряженіе не можетъ не быть одностороннимъ; но культурою (упражненіемъ) его можно сдѣлать менѣе одностороннимъ.

Такъ, астрономъ, во время наблюденія за прохожденіемъ звѣздъ, можетъ сосредоточить свою внимательность на впечатлѣнія зрительныя и слуховыя въ одно и то же время, смотря въ телескопъ и прислушиваясь къ колебаніямъ маятника. Но, сверхъ этой чувственной внимательности, есть еще и другая, какъ кажется, отличная отъ первой: внимательность къ болѣе глубокимъ психическимъ процессамъ; внимательность къ собственному своему я, то есть, къ своей мысли, волѣ, влеченіямъ и т. п. Культура этой способности ведетъ къ тому, что наше я, слѣдя за самимъ собою, дѣлаетъ изъ себя и для себя же нѣчто внѣшнее, объективное.

Кто хочетъ помочь ребенку сдѣлаться человѣкомъ, тотъ не долженъ упускать изъ виду эти два направленія внимательности; но въ этомъ дѣлѣ представляется воспитателю необыкновенная трудность; при культурѣ внимательности необходимо умѣнье индивидуализировать. Слишкомъ сворое и неосторожное развитіе, на примѣръ, внутренней (такъ назову ее) внимательности у нѣкоторыхъ (склонныхъ) отъ природы къ отвлеченію (т. е. къ внутренней, психической жизни) дѣтей, сдѣлаетъ изъ нихъ легко неправыхъ самоѣдовъ. Непомѣрное развитіе чувственной внимательности, при хорошемъ природномъ устройствѣ чувствъ, сдѣ-

ласть ихъ легко грубыми сенсуалистами и поклонниками чувственной красоты.

Чѣмъ ранѣе начнетъ развиваться внимательность, тѣмъ лучше для культурнаго человѣка. На первое время достаточно, если мы останемся благоразумными наблюдателями этого развитія, и не будемъ надѣдаться натурѣ нашими выдумками.

Довольно раннее обученіе грамотѣ при пособіи наглядности я считаю самымъ надежнымъ средствомъ къ правильному развитію внимательности. При этомъ способѣ нельзя опасаться односторонняго развитія; при немъ участвуютъ къ возбужденію внимательности и глазъ, и ухо, и осязаніе, и самое слово. Только впечатлѣнія, пріобрѣтенныя этимъ путемъ въ раннемъ дѣтствѣ, и остаются въ насъ цѣльными и связными, красною нитью тянутся они чрезъ всю жизнь.

Что, въ самомъ дѣлѣ, связнаго осталось въ архивѣ моей памяти отъ шести—восьми-лѣтняго возраста? Грамота, которой я учился по картинкамъ, и самыя картинки (карикатуры); читая теперь какую-нибудь книгу, мнѣ стоитъ только хоть немножко отвлечься въ прошедшее, и „А—Ась, право глухъ Мусье“, сейчасъ вынырнетъ откуда-то, какъ изъ омута. Всѣ прочія воспоминанія моего дѣтства въ этомъ возрастѣ (шести—восьми лѣтъ) или туманны и призрачны, или же отрывочны и сомнительны.

Я различаю, однако-же, довольно отчетливо мои самыя раннія воспоминанія отъ другихъ позднѣйшихъ (напримѣръ, изъ тринадцати-лѣтняго возраста). Я не сомнѣваюсь, напримѣръ, что удержавшееся весьма ясно представленіе моей матери еще молодой женщиною въ красномъ массака цвѣта платьѣ, въ чепцѣ, съ двумя темнорусыми пуклями на лбу, осталось у меня въ памяти отъ восьми-лѣтняго возраста.

Моя мать, какъ я слышалъ отъ нея, вышла замужъ пятнадцати лѣтъ, имѣла 14 дѣтей, я былъ предпоследнимъ (последній ребенокъ умеръ вскорѣ послѣ рожденія); слѣдовательно, ей не могло быть болѣе 36 лѣтъ, когда мнѣ было 8; потомъ же, когда я ходилъ въ школу двѣнадцати-лѣтнимъ мальчикомъ, я уже ее помню не такою; утрата двухъ взрослыхъ дѣтей и невзгоды жизни, страшіяся надъ нею въ теченіи этого времени, сильно

измѣнили ея наружность; она постарѣла и образъ ея сливается уже, въ моей памяти, съ другимъ, позднѣйшимъ, такъ что теперь мать моя представляется мнѣ въ двухъ, совершенно различныхъ одинъ отъ другого, видахъ: то какъ моложавая, смотрящая на меня съ любовью, женщина, въ темно-красномъ капотѣ, чепцѣ и пувляхъ, то какъ старушка съ сморщеннымъ лицомъ, согнутымъ туловищемъ и туманнымъ взглядомъ, почти такая же, какою она была въ послѣднее время своей жизни, тридцать лѣтъ тому назадъ, хотя я навѣрное знаю, что между этими двумя видами остался у меня въ памяти еще и третій, несходный ни съ однимъ изъ нихъ, но такъ туманный и блѣдный, что я не могу его облечь въ ясное представленіе.

Образы другихъ близкихъ мнѣ лицъ сохранились въ памяти только по однимъ позднѣйшимъ представленіямъ. Образъ отца остался въ памяти такимъ, какъ я его помню, бывъ уже студентомъ (17 лѣтъ), незадолго до его смерти. Мою старую няньку и старую служанку я помню также только въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ мнѣ представлялись, когда я былъ уже взрослый (отъ 25 до 30 лѣтъ).

Отрывочныхъ и очень раннихъ воспоминаній (изъ шести—восьми-лѣтняго возраста), весьма отчетливо еще сохранившихся въ архивѣ 70-лѣтней моей памяти, я насчитываю не болѣе семи или восьми. Предметы ихъ ничего не имѣютъ общаго между собою; только бѣлыя розы въ ставанѣ воды, бѣличье одѣяло и сѣрая кошва Машка связаны въ моемъ представленіи, и это, безъ сомнѣнія, потому, что я ихъ всегда видалъ вмѣстѣ, возлѣ меня, открывъ глаза при пробужденіи отъ сна.

По всѣмъ соображеніямъ ни розы, ни одѣяло, ни сѣрая Машка не были при мнѣ, когда мнѣ еще маленькому (не болѣе десяти лѣтъ) мальчику нянька напоминала о нихъ, какъ о чемъ-то давно прошедшемъ: „а помнишь-ли (и эти слова я также живо помню) твою Машку, которую ты такъ бережно закутывалъ твоимъ бѣличьимъ одѣяломъ, когда ложился спать“?

Помню еще отцовскую саблю въ мѣдныхъ ножнахъ, дѣдушкинъ рыжеватый парикъ, длинный колодезный насосъ, упавшій при вставляваніи въ садовый колодезь и разбившій окно въ комнатѣ, гдѣ я сидѣлъ, и, наконецъ, бѣлые, стоячіе воротнички и панталоны моего перваго учителя. Есть и еще одно воспоминаніе

наніе, относящееся приблизительно къ тому же времени; это появленіе въ домѣ крѣпостной семьи, состоявшей изъ мужа, жены и грудного ребенка. Памятна именно новость появленія, то есть памятно сознаніе, что прежде ихъ не было, а тутъ они откуда-то явились и явился откуда-то кривой Иванъ, смотрѣвшій однимъ только блестящимъ глазомъ, а другой былъ бѣлый какъ мѣлъ.

Всѣ другія, не менѣе ясныя, воспоминанія остались вѣрно отъ позднѣйшаго времени.

И оставался вмѣстѣ съ семейкою въ томъ домѣ, размалеванныя стѣны котораго, фасадъ и садикъ помню еще такъ живо, до 14-лѣтняго возраста, и потому самыя раннія воспоминанія о немъ сливаются съ поздними. Но сабля, парикъ, воротнички и панталоны, одни уже не были на виду и спрятаны въ старый хламъ, другіе выбыли вмѣстѣ съ ихъ обладателемъ, жившимъ у насъ, какъ я слышалъ, не болѣе одного года.

Что же заставило именно эти отрывочныя, но ясныя представленія остаться такъ долго въ памяти? Почему они не ступевались въ хламъ другихъ впечатлѣній, безпрестанно дѣйствовавшихъ на мой дѣтскій мозгъ? Вопросъ, конечно, неразрѣшимый. Придется перенестись въ себя черезъ пропасть времени. За такой сальто-мортале можно, пожалуй, считать старика выжившимъ изъ ума. Но что за бѣда, если и провалишься въ безднѣ самого себя.

Нѣкоторыя впечатлѣнія ранняго дѣтства остаются на цѣлую жизнь, очевидно отъ сильныхъ сотрясеній всего дѣтскаго организма, а также чрезъ частые рассказы о выдающихся случаяхъ въ обыденной жизни.

Вломившаяся въ окно комнаты, въ которой я сидѣлъ, огромная бадья колодезнаго насоса не могла не навести на меня страхъ и ужасъ—и вотъ, въ памяти осталось навсегда представленіе торчащей чрезъ разломанное окно балки, потрясеній своимъ появленіемъ въ комнатѣ съ трескомъ и стукомъ не только внѣшнія чувства, но и все мое тѣло.

Такъ и во многихъ другихъ воспоминаніяхъ давнопрошедшаго повторенные о нихъ рассказы, безъ сомнѣнія, много содѣйствуютъ къ удержанію его въ памяти, чѣмъ оно само по себѣ.

Впечатлѣнія, повторявшіяся неоднократно и въ извѣстные моменты жизни, какъ, на примѣръ, впечатлѣнія, произведенныя на меня бѣлыми розами, при пробужденіи отъ сна, и бѣлыми воротничками съ розовыми щемами учителя во время первыхъ моихъ уроковъ, также не могли не остаться въ памяти долѣе другихъ. Разказы, волнующіе дѣтскія страсти, наводящіе ужасъ и т. п., такъ сильно дѣйствуютъ на воображеніе ребенка, что слышанное въ послѣдствіи представляется ему видѣннымъ; это понятно потому, что подтверждается примѣрами и изъ жизни взрослого человѣка; но гораздо интереснѣе и поучительнѣе наблюденіе, доказывающее, что и одно возбужденіе разказомъ дѣтской внимательности приводитъ къ тому же результату.

Это дѣлаетъ мощь слова нагляднымъ и убѣждаетъ, что слово можетъ еще замѣнить наглядность, но одна наглядность никогда не замѣнитъ слова. Наглядное, одно само по себѣ, безъ помощи слова, хотя и можетъ глубоко врѣзаться въ память ребенка, но всегда останется чѣмъ-то отрывочнымъ и несвязнымъ, тогда какъ впечатлѣніе, произведенное словомъ, будетъ болѣе цѣльное и связанное.

Я говорилъ уже объ отцовской саблѣ и дѣдушениномъ парикѣ. Оба эти предмета остались у меня въ памяти слишкомъ шестьдесятъ лѣтъ потому только, что съ ними связаны два разказа.

Разсматривая мѣдныя ножны, я внимательно слушалъ трогательное для меня повѣствованіе моей няньки о томъ, какъ отецъ, во время нашего бѣгства изъ Москвы въ 1812-мъ году, спасъ этою саблею крестьянку, везшую молоко; на нее напалъ какой-то буйный ратникъ (ополченникъ) и грабилъ уже ее, когда отецъ мой замѣтивъ это, высочилъ изъ повозки, пригрозилъ саблею и прогналъ грабителя; въ знакъ благодарности за спасеніе я получилъ кружку молока. Сабля была тяжела и я только смотрѣлъ на нее, а не надѣвалъ. Но рыжеватый дѣдушенинъ парикъ я надѣвалъ на себя, слушая разказы о томъ, какъ дѣдушка, Иванъ Михайловичъ, входя въ церковь, всегда снималъ свой парикъ и, обнажая свою плѣшивую, какъ кулакъ, голову, приводилъ въ соблазнъ „предстоящихъ (по выраженію мѣстнаго священника, упрекавшаго дѣдушку за это) людей въ храмъ Божіемъ“. Не слышъ я этихъ разказовъ, вѣрно, и сабля, и парикъ давно исчезли бы

изъ памяти. И кривой, бѣлый какъ мѣлъ, глазъ крѣпостного Ивана также изгладился бы непременно изъ моей памяти,— мало ли такихъ кривыхъ я видѣлъ на свѣтѣ,—если бы не явился въ намъ въ домъ однажды какой-то шарлатанъ изъ Сибири, наговорившій Ивану о чудесахъ своего искусства; онъ началъ приставать съ мольбами въ матушкѣ о дозволеніи возвратити ему глазъ; шарлатанъ, любопытные рассказы котораго объ ѣздѣ на собакахъ въ Якутскѣ я также припоминаю, началъ впускать въ бѣлый глазъ какіе-то бѣлые порошки; глазъ раскраснѣлся, шарлатана прогнали, а Иванъ остался, попрежнему, кривымъ, да въ добавокъ еще и осмѣяннымъ. Я былъ зрителемъ, но гораздо болѣе слушателемъ этой драмы.

Слышанное въ раннемъ, то есть слово, такъ сильно дѣйствуетъ, что впечатлѣнія, производимыя имъ на воображеніе и память ребенка, легко превращаются въ наглядные образы. Изъ однихъ рассказовъ о моемъ дѣдушкѣ, умершемъ когда мнѣ было не болѣе 4-хъ лѣтъ, составилъ въ моемъ воображеніи весьма опредѣленный образъ высокаго, сухощаваго старика въ парикѣ; парикъ былъ тутъ только, такъ сказать, прибавочнымъ нагляднымъ представленіемъ, дополнявшимъ слышанное и препятствовавшимъ мнѣ воображать дѣдушку плѣшивымъ, какимъ онъ былъ по рассказамъ; чертъ лица въ воображаемомъ образѣ не было видно, но представленіе высокаго старика въ парикѣ было такъ ясно, что еще и до сихъ поръ осталось во мнѣ смутное убѣжденіе, какъ будто бы нѣвогда я видалъ его живымъ.

Сильное дѣйствіе на насъ часто слышанныхъ устныхъ рассказовъ всѣмъ такъ знакомо, что мы легко объясняемъ себѣ образование призрачныхъ фантомовъ, составляющихся въ нашемъ воображеніи изъ слышаннаго нами неоднократно и потому только одному, или же по другой причинѣ, обратившаго на себя наше вниманіе; но труднѣе гораздо объяснить, почему однажды только слышанное или видѣнное нами можетъ залечь надолго и даже навсегда въ нашей памяти.

Такъ, я до сихъ поръ живо помню, видѣнное мною только одинъ разъ въ ризницѣ Троицкой лавры, самородное изображеніе креста съ стоящею предъ нимъ на волѣняхъ фигурою; я былъ тогда восьми-лѣтнимъ ребенкомъ и какъ теперь вижу бѣлый,

прозрачный, выпуклый камень съ этимъ изображеніемъ; предо мною, какъ будто на яву, стоитъ монахъ, поднятою рукою держитъ камень противъ свѣта. Я положительно знаю, что никогда въ другой разъ не былъ въ ризницѣ лавры.

Помню также живо до сихъ поръ однажды слышанное отъ какого-то мальчика, — правда, то были знакомыя мнѣ слова псалма: „всякое дыханіе да хвалитъ Господа“; я ихъ слыхалъ и читалъ въ псалтирѣ не разъ; но почему же я помню всю обстановку, при которой они были слышаны мною?

Мнѣ было то же не болѣе (скорѣе менѣе) восьми лѣтъ, когда я, гуляя съ нянькою на берегу Яузы, услышалъ визгъ собаки; приблизившись, мы увидѣли двухъ мальчишекъ, изъ нихъ одинъ топилъ собаку, другой его удерживалъ, громко заявляя: „всякое дыханіе да хвалитъ Господа!“ Нянька моя похвалила его за это, и мы пошли далѣе.

Безъ сомнѣнія, очень рано являются въ насъ, конечно, при извѣстной внѣшней обстановкѣ, психическія настроенія, дѣлающія насъ чрезвычайно воспримчивыми къ нѣкоторымъ впечатлѣніямъ; подѣйствовавшее на насъ въ моментъ такого настроенія, повидимому и незначительное, и даже не разъ уже испытанное нами, впечатлѣніе остается навсегда въ памяти и всегда, при удобномъ случаѣ, напоминаетъ намъ о своемъ существованіи. До сихъ поръ, я припоминаю и восклицаніе мальчика, и прогулку за Яузою, какъ скоро слышу слова псалма: „всякое дыханіе да хвалитъ Господа“. Смотри на крестъ, припоминаю нерѣдко и видѣнное мною изображеніе въ лаврѣ. Мораль: педагогу необходимо знакомство съ этимъ замѣчательнымъ психическимъ процессомъ, но примѣненіе его на практикѣ невозможно: не педагогъ управляетъ жизнью, а жизнь имъ.

XXVII.

Кому изъ культурныхъ людей не приходилось мыслить о людскомъ воспитаніи? Кто изъ моралистовъ не желалъ бы перевоспитать челоѳическое общество? Всѣ мыслители, я думаю, пришли къ тому заключенію, что воспитаніе нужно начать съ колыбели, если желаемъ кореннаго переворота нравовъ, влеченій и убѣжденій общества.

Про самого себя, конечно, никто не может рѣшить, съ какой поры проявились въ немъ разныя склонности и влеченія; но кто слѣдилъ за развитіемъ хотя нѣсколькихъ особей отъ перваго ихъ появленія на свѣтъ до возмужалости, тотъ вѣрно убѣдился, что будущая нравственная сторона человѣка рано, чрезвычайно рано, едва ли не съ пеленокъ, обнаруживается въ ребенкѣ; въ сожалѣнію, поздно, слишкомъ поздно, узнаемъ мы будущее значеніе того, что мы давно замѣчали.

И на моихъ собственныхъ дѣтяхъ, и на нѣкоторыхъ другихъ лицахъ, знакомыхъ мнѣ съ ихъ дѣтства, я рано видѣлъ не мало намековъ о будущихъ ихъ нравахъ и склонностяхъ; но теперь только, когда, вмѣсто трехъ—четырехъ-лѣтнихъ дѣтей, я вижу предъ собою тридцати-лѣтнихъ мужчинъ и женщинъ, только теперь я увѣряюсь изъ опыта, какъ вѣрны и ясны были эти намеки. Поумнѣвъ заднимъ умомъ, я вижу теперь, что не только о нравахъ, но и о будущихъ міровоззрѣніяхъ всѣхъ этихъ лицъ я могъ бы уже имѣть довольно ясное понятіе еще за двадцать пять лѣтъ, если бы умѣлъ прочесть „мани, фавель, фаресь“ въ ихъ дѣтскихъ поступкахъ.

Что и сколько мы приносимъ съ собою на свѣтъ, и что и сколько потомъ получаемъ отъ него, этого мы никогда не узнаемъ, а потому и увѣренность воспитаніемъ нашимъ дать ребенку все то, что мы желаемъ дать, я считаю однимъ самообольщеніемъ.

Я не отвергаю, что Песталоцци, Фребель и друг. передовые педагоги и фанатики своего дѣла дали хорошее воспитаніе своимъ питомцамъ; но не вѣрю, чтобы искусственные способы и систематическое ихъ примѣненіе, предложенные этими педагогами, произвели благотворное дѣйствіе на массы людей и на все общество.

Главная сила искусственнаго, строго систематическаго воспитанія, есть болѣе отрицательная; какъ бы рано оно ни начиналось, дѣйствуя однообразно и односторонне на различнѣйшія индивидуальности, оно можетъ многое, конечно и худое, уничтожить; но развить что либо въ нравственномъ отношеніи можетъ оно только извѣтъ. Конечно, и это одно можно назвать положительнымъ результатомъ, но такимъ, который годенъ только для какой-либо односторонней, то есть отрицательной для другихъ сторонъ цѣли.

А разныхъ сторонъ нашего нравственнаго бытія не мало; заставить, наприимѣръ, четырехъ—пяти-лѣтнихъ дѣтей, по Фребелю, играть въ опредѣленный часъ такъ, въ другой часъ иначе, осмыслять каждую его игру и забаву, не значить ли дѣйствовать отрицательно, и систематически отрицательно, на свободу такихъ его дѣйствій, которыя, по существу и цѣли, требуютъ наибольшей свободы. Я, по крайней мѣрѣ, не жалѣю, что жилъ ребенкомъ въ то время, когда еще неизвѣстны были Фребелевы сады. Но, конечно, общества, приготовляющія себя въ социальному перерожденію, не могутъ не увлекаться воспитаніемъ, обещающимъ сдѣлать изъ людей манекеновъ свободы.

Главная немощь духа есть, именно, односторонность его стремленій на пути прогресса.

Вездѣ, начиная отъ моды и дохода до фанатизма, мы испытываемъ вліяніе этой немощи.

Но если намъ не суждено узнать всестороннюю истину и всестороннее добро, то мы должны, по крайней мѣрѣ, не слишкомъ довѣрять нашему всегда одностороннему прогрессу. Особливо же осторожно надо относиться въ практическимъ примѣненіямъ добытыхъ имъ истинъ.

Надо помнить, что излюбленное передовыми умами, а за ними и цѣлымъ обществомъ, направленіе истинны всегда временно и, отживъ свой срокъ, уступаетъ мѣсто другому, нерѣдко совершенно противоположному.

Реакція и въ политикѣ, и въ наукѣ, и въ искусствѣ—вездѣ необходимое зло и неизбѣжное слѣдствіе немощи духа.

Я прожилъ только семьдесятъ лѣтъ,—въ исторіи человѣческаго прогресса это одинъ мигъ,—а сколько я уже пережилъ системъ въ медицинѣ и дѣлѣ воспитанія! Каждая изъ этихъ проявленій односторонности ума и фантазіи, важная примѣнялась по нѣскольку лѣтъ на дѣлѣ, волновала умы современниковъ и сходила потомъ съ своего пьедестала, уступая его другой, не менѣе односторонней. Теперь, при появленіи новой системы, я могъ бы сказать то же, что отвѣтилъ одинъ старый чиновникъ Подольской губерніи на вопросъ новаго губернатора:

— „Сколько лѣтъ служите?“

— Честь имѣлъ пережить уже двадцать начальниковъ губерніи, ваше превосходительство!

О медицинѣ скажу послѣ; а въ дѣлѣ воспитанія я засталъ еще крупныя остатки средневѣковой школы, видалъ въ прусскихъ регулятивахъ и временной ея рецидивъ; былъ знакомъ и съ остатками Ланкастерской (еще существовавшей при мнѣ въ Одесскомъ округѣ); присутствовалъ при возобновеніи нагляднаго ученія Песталоцци, былъ современникомъ „Ясной Поляны“, псевдовлассицизма и псевдореализма—настоящими я ихъ не называю потому, что они вступали въ школы съ заднею мыслью.

Все было и сплыло.

Но не вездѣ и не всегда старыя чиновники переживаютъ двадцать губернаторовъ; не вездѣ и не всегда обстоятельства благоприятствуютъ частымъ смѣнамъ принциповъ, системъ и лицъ, а главное—не вездѣ и не всегда одностороннее влеченіе ума и фантазіи скоро смѣняется другимъ; оно, какъ мы видимъ, можетъ длиться цѣлыя вѣка, пока на смѣну его явится другое. Мы, русскіе, по крайней мѣрѣ, счастливы тѣмъ, что односторонности нашего и чужаго ума у насъ, какъ губернаторы въ Подольской губерніи, недолго (относительно) начальствуютъ. Мы не евреи и не западные народы, у насъ нѣтъ традицій воспитанія. Мы всѣ учились повемногу, чему-нибудь и какъ-нибудь.

XXVIII.

Подожду, однако же, говорить о школѣ, я еще не въ школѣ, и прежде чѣмъ попаду туда, посмотрю, что дало мнѣ домашнее воспитаніе въ возрастѣ отъ восьми до двѣнадцати лѣтъ, воспоминанія о которыхъ остались въ моей памяти уже болѣе отчетливыми и связными.

Судя по нимъ, я былъ живой и разбитной мальчикъ, но должно быть не очень большой шалунъ; не помню, по крайней мѣрѣ, за собою никакой крупной шалости и никакого крупнаго наказанія за шалости. Вообще, я ни дома, ни въ школѣ не былъ ни разу сѣченъ; помню только три наказанія отъ матери: пощечину (однажды) за пощечину; я ударилъ въ щеку какаго то мальчика, а матушка, бывшая свидѣтельницаю самоуправства, расправилась точно также сама со мною. Я нахожу это весьма логич-

нымъ и педагогичнымъ; хотя эта расправа и не излечила меня отъ самоуправства радикально, но нерѣдко удерживала поднятую уже руку, припоминая мнѣ во-время, что и на меня можетъ подняться болѣе сильная рука.

Два другія наказанія дѣлались, сколько помню, не за шалости, а за капризъ; помню, какъ однажды горько и безутѣшно рыдалъ, выведенный въ переднюю съ запретомъ входить въ другія комнаты; но самое непріятное впечатлѣніе осталось у меня отъ удара рукою матери, попавшаго мнѣ нечаянно прямо подъ ложечку; съ разбѣгу я вскочилъ неожиданно въ комнату, гдѣ матушка была чѣмъ-то занята съ сестрами; съ горяча она вскочила и я прямо животомъ ударился объ ея размахнутую руку. Я какъ теперь помню, что мнѣ захватило духъ и я повалился на полъ. Скъверно было то, что у меня послѣ этого нечаяннаго удара оставалась долго на душѣ какая-то злоба на мать.

Игры, забавы и занятія въ этомъ возрастѣ должны быть уже весьма внушительны для зорваго наблюдателя; на нихъ можно основать не мало вѣроятную прогностику.

Изъ моихъ домашнихъ занятій (до школы), мнѣ кажется, я не отдавалъ преимущества ни одному кромѣ чтенія; считать не особенно любилъ, но четыремъ правиламъ ариметики научился еще до школы; любилъ также собирать и сушить цвѣты, разсматривать изображенія животныхъ и растений и картинки историческаго содержанія, особливо изъ войны 1812-го года, бывшія тогда въ большомъ ходу. Латинская и французская грамматики не возбуждали моего сочувствія; но разборъ частей рѣчи изъ русской грамматики былъ для меня очень занимателенъ и я помню, что просиживалъ надъ нимъ охотно цѣлыя часы. Личность учителей играла тутъ главную роль; учителя русскаго языка я и до сихъ поръ еще вспоминаю, хотя только по воротничкамъ, панталонамъ и рацеѣ; но изъ двухъ другихъ, занимавшихся со мною латынью и французскою грамотою, одного совсѣмъ забылъ, а другой мелькаетъ въ памяти какъ тѣнь какаго-то маленькаго человѣчка.

Вообще, въ домашнемъ воспитаніи до двѣнадцати лѣтъ, я занимался только тѣмъ, что само по себѣ было для меня занимательно, а культурою моею внимательности никто и не думалъ

заниматься,—и это я считаю главнымъ пробѣломъ моего первоначальнаго воспитанія, тѣмъ болѣе, что и потомъ, въ школахъ и университетахъ, никто, не исключая и меня самого, на развитіе этой способности не обращалъ ни малѣйшаго вниманія. Слѣдствіемъ этого пробѣла было, какъ я испыталъ впоследствии, то, что я, отъ природы любознательный и склонный въ труду, во многомъ остался невѣжею и не приобрѣлъ, когда могъ, тѣхъ знаній, которыя мнѣ впоследствии были крайне необходимы.

Отъ недостатка въ культурѣ внимательности, она потомъ слишкомъ сосредоточилась, и я едва не сдѣлался одностороннимъ по принципу.

Но объ этомъ послѣ, когда буду говорить о моей юности.

Замѣчательно, однако же, что я очень долго не замѣчалъ слѣдствій этого пробѣла, пока, наконецъ, додумался до сути. Знаю я это прежде, то и при воспитаніи моихъ дѣтей старался бы болѣе о развитіи этой основной способности человѣческаго знанія, болѣе чѣмъ всѣ другія поддающейся нашей культурѣ.

Изъ моихъ дѣтскихъ игръ и забавъ памяты мнѣ очень двѣ главныя; одна изъ нихъ была моею любимую въ школахъ, съ моими сверстниками, безъ участія которыхъ она не могла бы и быть—это игра въ войну; какъ видно, я былъ храбръ, потому что помню рукоплесканія и похвалы старшихъ учениковъ за мою удалъ.

Но другая игра весьма замѣчательна для меня тѣмъ, что она, какъ-будто, приподнимала мнѣ завѣсу будущаго. Это была странная для ребенка забава и называлась домашними игрою въ лекаря. Происхожденіе ея и исторія ея развитія такія:

Старшій братъ мой лежалъ больной ревматизмомъ; болѣзнь долго не уступала леченію и уже нѣсколько докторовъ поступали на смѣну одинъ другому, когда призванъ былъ на помощь Ефремъ Осиповичъ Мухинъ, въ то время едва ли не лучший практикъ въ Москвѣ.

Я помню еще съ какимъ благоговѣніемъ приготовлялись всѣ домашніе къ его приему; конечно, я, какъ юркій мальчишекъ, бѣгалъ въ ожиданіи взадъ и впередъ; наконецъ, подѣхала къ

крыльцу карета четвернею, ливрейный лакей открылъ дверцы и какъ теперь вижу высокаго, сѣдовласаго господина, съ сильно выдавшимся подбородкомъ, выходящаго изъ кареты.

Вѣроятно, вся эта внѣшняя обстановка, приготовленіе, ожиданіе, карета четвернею, ливрея лакея, величественный видъ знаменитой личности, сильно импонировали воображенію ребенка; но не настолько, чтобы тотчасъ же возбудить во мнѣ подражаніе, какъ обыкновенно это бываетъ съ дѣтьми; я сталъ играть въ лекаря потому, когда присмотрѣлся къ дѣйствіямъ доктора при постели больного и когда результатъ леченія былъ блестящій.

Такъ, по крайней мѣрѣ, я объясняю себѣ начало игры, послѣ глубокаго, еще памятнаго и теперь, впечатлѣнія, произведеннаго на все семейство быстрымъ успѣхомъ леченія. Послѣ того какъ, несмотря на всѣ усилія пяти—шести врачей, болѣзнь все болѣе и болѣе ожесточалась и я ежедневно слышалъ стоны и вопли изъ комнаты больного, не прошло и нѣсколькихъ дней Мухинскаго леченія, а больной уже началъ поправляться. Вѣрно, тогда всѣ мои домашніе, пораженные какъ будто волшебствомъ, много толковали о чудодѣйствіи Мухина; я заключаю это изъ того, что до сихъ поръ сохранились у меня въ памяти рассказы о подробностяхъ леченія. Говорили: „Какъ только посмотрѣлъ Ефремъ Осиповичъ больного, сейчасъ обратился къ матушкѣ:

— „Пошлите сейчасъ же, сударыня,—сказалъ онъ,—въ москательную лавку за сассапарельнымъ корнемъ, да велите выбрать такой, чтобы давалъ пыль при разломѣ: сварить его надо также умѣючи въ закрытомъ и на глухо замазанномъ тѣстомъ горшкѣ, парить его надо долго; велите также тотчасъ приготовить сѣрную ванну“, и такъ далѣе.

Конечно, такой рассказъ, съ варіаціями, я долженъ былъ слышать неоднократно, а потому долженъ былъ и хорошо его запомнить.

Словомъ, впечатлѣніе, неоднократно повторенное и доставленное мнѣ и глазами, и ушами, было такъ глубоко, что я, послѣ счастливаго излеченія брата, попросилъ однажды кого-то изъ домашнихъ лечь въ кровать, а самъ, принявъ видъ и осанку доктора, важно подошелъ къ мнимо-больному, пощупалъ пульсъ, посмотрѣлъ на языкъ, далъ какой-то совѣтъ, вѣроятно также о приготовленіи decocta, распрощался и вышелъ переважно изъ комнаты.

Это я отчасти самъ помню, отчасти же знаю по рассказамъ, но весьма отчетливо уже припоминаю весьма часто повторяющуюся впоследствии игру въ лекаря; къ повторенію побуждали меня, вѣроятно, внимательность и удовольствіе зрителей; подъ влияніемъ такого стимула, я усовершенствовался и началъ уже разыгрывать роль доктора, посадивъ и положивъ нѣсколькихъ особъ, между прочими и кошку, переодѣтую въ даму; переходя отъ одного мнимо-больного къ другому, я садился за столъ, писалъ рецепты и толковалъ какъ принимать лекарства. Не знаю, получилъ ли бы я такую охоту играть въ лекаря, если бы, вмѣсто весьма быстрого выздоровленія, братъ мой умеръ. Но счастливый успѣхъ, сопровождаемый эффектною обстановкою, возбудилъ въ ребенкѣ глубокое уваженіе къ искусству, и я, съ этимъ уваженіемъ именно къ искусству, началъ впоследствии уважать и науку.

Игра моя въ лекаря не была дѣтскимъ паясничаньемъ и шутковствомъ. Въ ней выражалось подражаніе уважаемому, и только какъ подражаніе она была забавна, да и то для другихъ, а для меня болѣе занимательна.

Не знаю, почему бы, въ самомъ дѣлѣ, уваженіе и возбуждаемый имъ интересъ, привязанность и любовь къ уважаемому предмету не могли быть мотивомъ дѣтскихъ игръ, когда на немъ основаны игры взрослыхъ. Чему, какъ не этому мотиву обязаны своимъ происхожденіемъ представленія въ лицахъ изъ жизни Спасителя у католиковъ, сцены изъ библейской исторіи на театрѣ прошедшихъ вѣковъ, и теперь еще разыгрываемыя евреями въ праздники Аммана.

Какъ бы то ни было, но игра въ лекаря такъ полюбилась мнѣ, что я не могъ съ нею разстаться и вступивъ (правда еще ребенкомъ) въ университетъ.

Увидѣвъ случайно въ первый же годъ моего пребыванія въ университетѣ камнесѣченіе въ клиникѣ, я на святкахъ у однихъ знакомыхъ вздумалъ потѣшить присутствующихъ молодыхъ людей демонстраціею на одномъ изъ нихъ видѣнной мною недавно операціи; я досталъ гдѣ-то бычачій пузырь, положилъ въ него кусокъ мѣла, привязалъ пузырь между ногъ, къ промежности одного смиренника между гостями, пригласилъ его лечь на столъ, раздвинувъ бедра, и, вооруженный ножомъ и какимъ-то еще, не помню, домашнимъ инструментомъ, вырѣзалъ, къ общему удовольствію, кусокъ мѣла съ соблюденіемъ Цельзова: *tuto, cito et jucunde*.

XXIX.

Я вступилъ въ школу одиннадцати—двѣнадцати лѣтъ, зная хорошо только читать, писать, считать по 4-мъ первымъ правиламъ арифметики и кое что переводить изъ латинской и французской хрестоматій; но я былъ бойкій, не лѣнивый и любившій ученье мальчижь.

Родители, и именно мать моя, имѣли, судя по нынѣшнему, болѣе, чѣмъ странное понятіе о цѣляхъ образованія. Мать считала его необходимымъ въ высшей степени для сыновей и вреднымъ для дочерей. Мальчики, по ея мнѣнію, должны бы быть образованнѣе своихъ родителей, а дѣвочки не должны были, по образованію, стоять выше своей матери; впоследствии, она горько раскаивалась въ своемъ заблужденіи. Отдавая такое предпочтеніе мальчишкамъ, родители не пожалѣли своихъ, въ то время уже довольно ограниченныхъ, средствъ для обученія насъ двоихъ (меня и брата Амоса) въ частныхъ школахъ.

Меня отдали въ частный пансіонъ Кражева, помѣщавшійся недалеко отъ насъ, въ томъ же приходѣ, въ знакомомъ мнѣ уже давно, по наружности, большомъ деревянномъ домѣ съ садомъ.

Какъ странна выдержка дѣтскихъ впечатлѣній! Въ эту минуту, когда я вспоминаю о пансіонѣ Кражева, неудержимо приходитъ на память и сосѣдній домикъ дьякона, и алебастровая урна съ вотнутымъ въ нее цвѣткомъ на окнѣ мезонина, и дьяконъ Александръ Алексѣевичъ Величкинъ за обѣдней, на амвоѣ, въ башмакахъ и черныхъ шелковыхъ чулкахъ. Онъ идетъ мимо меня съ кадиломъ и щиплетъ меня мимоходомъ за щеку, а его племянникъ, студентъ-медикъ Божановъ, выставляетъ на окнѣ, къ великому соблазну моельщиковъ, возлѣ урны, черепъ, и киваетъ имъ, заставляя браниться и креститься проходящихъ въ церковь и изъ церкви людей; вслѣдъ за этимъ тотчасъ же припоминается и старый, страдавшій пляскою св. Витта, священникъ Троицы въ Сыроматникахъ; онъ едва стоитъ, безпрестанно вздрагиваетъ, что-то мычитъ про себя, а все служить и служить.

Почему и для чего уцѣлѣли всѣ эти впечатлѣнія, да такъ, что воспоминаніе объ одномъ неминуемо влечетъ за собою и цѣ-

лый рядъ другихъ? Отчего многое другое, несравненно болѣе значительное по содержанію и слѣдствіямъ, безвозвратно исчезло изъ хлама ни кому не нужныхъ, пошлыхъ впечатлѣній дѣтства!

Но вотъ я представляюсь Василью Степановичу Кряжеву; предо мною стоитъ, какъ теперь вижу, небольшой, но плотный господинъ съ краснымъ, какъ піонъ, лицомъ; волоса съ просѣдью, на большомъ, усаженномъ угрями, носѣ серебряныя очки, изъ-подъ нихъ смотрятъ на меня блестящіе, умные, добрые, прекрасные глаза, и я люблю вмѣстѣ съ ними и это багровое, какъ піонъ, лице, и бѣлыя руки, задававшія не разъ пали моимъ рукамъ; слышу симпатичный, но пронзительный и сотрасающій дѣтскія сердца, голосъ; и слыша этотъ грозный нѣкогда голосъ, вижу себя, какъ на яву, прыгающимъ по классному столу, подъ аплодисменты сидящихъ по обѣимъ сторонамъ стола зрителей—это ученики, соскучившіеся ждать учителя; вижу дверь разверзается, очки, красное лицо, несутся по классу приводящіе въ ужасъ звуки; я проваливаюсь чрезъ столъ, и затѣмъ уже ничего не помню,—пали линейкою и стоаніе на колѣняхъ безъ обѣда сливаются въ памяти съ подобными же наказаніями за другіе проступки.

Да, В. С. Кряжевъ, какъ я теперь понимаю, былъ замѣчательный педагогъ въ свое время; энергическій, но гуманный; онъ сѣкъ и то только два раза въ годъ, не болѣе двухъ, уже извѣстныхъ намъ, другимъ ученикамъ, своею склонностью къ этому рода наказаніямъ; когда эти два искупателя сильныхъ ощущеній вызывались изъ класса наверхъ къ Василью Степановичу, мы знали уже въ чемъ дѣло и, ухмыляясь, или же скорчивъ серьезную мину, посматривали другъ на друга.

Пали линейкою по ладонямъ, впрочемъ въ умѣренныхъ приѣмахъ, стоаніе на колѣняхъ, оставленіе безъ одного кушанья, рѣдко безъ всего обѣда и, наконецъ, арестъ въ классной комнатѣ во время прогулокъ и игръ въ саду,—вотъ всѣ наказанія, которыми мы подвергались, и я не помню ни разу, чтобы мы роптали на несправедливость или жестокость.

В. С. Кряжеву было уже за пятьдесятъ, женатъ (былъ) на нѣмкѣ такихъ же лѣтъ и бездѣтенъ. Жена его Анна Ивановна съ важною фізіономіею, также въ серебряныхъ очкахъ, какъ и самъ

Кряжевъ, памятна мнѣ по двумъ впечатлѣніямъ, сдѣланнымъ на меня: во первыхъ, ея дебелими и выставленными для лобызанія руками; къ нимъ прикладывались всѣ мы ежедневно послѣ обѣда; а во вторыхъ—добродушною ласкою, расточавшеюся этою почтенною дамою всѣмъ оставленнымъ безъ прогулки или безъ обѣда ученикамъ.

Анна Ивановна Кряжева считала себя неразлучною съ пансіономъ особою. Шли ли мы за обѣдъ или въ церковь — Анна Ивановна была всегда тутъ какъ тутъ, вмѣстѣ съ мужемъ, или одна.

Я былъ полупансіонеръ и обѣдалъ въ пансіонѣ. Училище наше вѣрно пользовалось порядочною репутаціею въ Москвѣ; въ немъ учились дѣти значительныхъ дворянскихъ семействъ и богатыхъ купцовъ. Я засталъ Мельниковыхъ (братьевъ бывшаго министра путей сообщенія), Ключарева, князя Волконскаго. Обликъ всѣхъ ихъ сохранился ясно въ моей памяти, можетъ быть потому, что Мельниковы (изъ нихъ одинъ уже не учился, а только жилъ въ пансіонѣ) отличались отъ меня лѣтами,—они уже были юноши лѣтъ шестнадцати-семнадцати,—занятіями и искусствомъ танцовать матлотъ; Ключаревъ—близорукостью и искусствомъ рисовать головки, а Волконскій—пажескимъ мундиромъ, въ который онъ облакался въ торжественные дни, и весьма интимнымъ знакомствомъ съ незнакомыми мнѣ вовсе розгами; но проходило мѣсяца, въ который бы онъ не призывался Васильемъ Степановичемъ наверхъ для экзаменаци.

Наши учителя, сколько я могу судить теперь, были всѣ очень порядочные люди и за исключеніемъ священника и учителя рисованія, какого-то Евграфа Степановича, и порядочные педагоги. Самъ Кряжевъ умѣлъ такъ учить, что нѣкоторые его уроки мнѣ и теперь еще памяты. Какъ будто слышу еще его декламацію изъ Лафонтена:

Triomphez belle rose, vous montez seule les caresses de Zephyr.

Знанія новыхъ языковъ Василья Степановича были для насъ предметомъ удивленія; онъ издалъ учебники французскаго, нѣмецкаго, англійскаго и едва-ли еще не итальянскаго языковъ; самъ преподавалъ намъ эти языки и я, въ теченіи года, благо-

даря его урокамъ, могъ уже довольно свободно читать, то есть читать и понимать неизбѣжнаго Телемаха и другія дѣтскія книги. Ученые нѣмецкому языку шло какъ-то вяло, но все-таки я узналъ его настолько, что кое-какъ, съ грѣхомъ пополамъ и съ помощью лексикона, могъ добратся иногда до смысла и въ нѣмецкой книгѣ. И вдругъ, при такомъ слабѣйшемъ знакомствѣ съ языкомъ, Богъ знаетъ какъ и почему, заучилась и осталась съ тѣхъ поръ въ памяти одна строфа изъ Шиллера:

So willst du treulos von mir scheiden, etc.

Странное дѣло! Я Шиллера читалъ въ первый разъ въ Дерптѣ въ 1830-хъ годахъ; въ московскомъ университетѣ я не читалъ ни одной нѣмецкой книги, и когда поѣхалъ въ Дерптъ, то съ трудомъ могъ прочесть безошибочно нѣсколько строкъ, а между тѣмъ, навѣрное знаю и помню, что, пріѣхавъ въ Дерптъ, я зналъ наизусть семь, восемь этихъ стиховъ изъ Шиллера. Откуда взялась такая выскочка въ памяти?

Учителя исторіи, географіи и математики, братья Терихины, были вѣрно не худые педагоги, если и то немногое, что я узналъ отъ нихъ въ два года, не совсѣмъ еще вышло изъ памяти, не смотря на то, что цѣлый десятокъ лѣтъ послѣ выхода изъ училища я не бралъ въ руки ни одной исторической и математической книги; а то, что я потомъ узналъ самоучкою, рѣзко могу еще и теперь отличить въ моей памяти отъ моего школьнаго запаса; помню еще рассказы Терехина объ Аннибалѣ, Сципіонѣ, о причинахъ второй пунической войны; до императоровъ я въ пансіонѣ не дошелъ, и познакомился съ ними гораздо позже.

Изъ уроковъ математики Терехина осталось, правда, еще менѣе въ моемъ запасѣ; но это потому, что въ школѣ я былъ лучшимъ ученикомъ исторіи и русской словесности, а не математики. Между тѣмъ едва-ли у меня нѣтъ математической жилки; но она, мнѣ кажется, развивалась медленно съ лѣтами и когда мнѣ захотѣлось, и даже очень, знать математику—было уже поздно.

Основываясь на собственномъ опытѣ и на многихъ другихъ примѣрахъ, я считаю математику такою наукою, склонность и способность къ которой не всегда, какъ полагаютъ многіе, развивается въ раннихъ лѣтахъ; ея изученіе требуетъ особаго рода внимательности, слишкомъ разсѣянной у способныхъ дѣтей, и чѣмъ живѣе способный ребенокъ, чѣмъ болѣе предметовъ, пре-

патствующихъ сосредоточенію его внимательности, тѣмъ легче можно ошибиться въ діагнозѣ, не узнавъ во-время и его способности къ математикѣ. Между тѣмъ, развитъ во-время у способнаго ребенка математическую жилку — важное дѣло, сильно влияющее на будущность.

Сколько я помню, мнѣ особливо не нравился урокъ алгебры, и можно-ли возбудить внимательность ребенка отвлеченнымъ предметомъ, не объяснивъ его значенія и нагляднаго примѣненія, да еще въ наукѣ, не допускающей воздѣйствія на внимательность словомъ. Если бы меня не учили въ одно и то же время и извлеченію кубическихъ корней, и алгебрѣ, и геометріи, а заняли бы мое вниманіе постепенно однимъ предметомъ за другимъ, то я убѣжденъ, что изъ меня вышелъ бы не плохой математикъ, каковъ я есмь.

Геометрію я любилъ, но усталый отъ непонятной алгебры, пропускалъ многое безъ вниманія и на урокъ геометріи; а то, что слушалъ со вниманіемъ, удержалъ въ памяти и до сихъ поръ, и на вступительномъ экзаменѣ въ московскій университетъ получилъ даже отъ Чумакова, профессора математики, похвалу за то, что безъ доски, чертя рукою по воздуху, объяснилъ свойства параллельныхъ линій и Пифагоровыхъ штановъ.

Въ ученіи географіи былъ, въ то время, огромный пробѣлъ, сильно тормозившій распространеніе знаній о землѣ въ учащемся поколѣніи. Тормазъ этотъ существовалъ еще и чрезъ тридцать лѣтъ послѣ того, какъ я вышелъ изъ школы.

Физическая географія, самая инструктивная и основная, какъ знаніе, была въ полномъ пренебреженіи со стороны учебнаго вѣдомства. Въ то время, когда еще читались и были въ ходу такія книги, какъ „Разрушеніе Коперниковой системы“ (изданное въ Москвѣ священникомъ Сокольскимъ), въ школѣ мы получали какія-то отрывочныя понятія о земномъ шарѣ и никто изъ воспитателей не обращалъ нашего вниманія на сводъ неба.

Я ни разу не помню, чтобы кто-нибудь въ лунную и звѣздную ночь указалъ намъ на небесный сводъ; самый земной шаръ, хотя и изображенный на классномъ глобусѣ, былъ для насъ скорѣе чѣмъ-то отвлеченнымъ, нежели нагляднымъ. О нѣмыхъ картахъ, планетахъ и т. п. не было и помину.

Нельзя себѣ представить съ какимъ живымъ любопытствомъ я чрезъ двадцать пять лѣтъ послѣ моего выхода изъ школы, въ

первый разъ въ жизни, разсмотрѣлъ нѣмныя карты частей свѣта, и какъ новы казались мнѣ представленія земли отъ взгляда, брошеннаго на эти карты.

И долго еще и послѣ того, пригоднѣйшая для развитія дѣтскаго соображенія и внимательности, наука была еще въ непонятномъ пренебреженіи и забытѣи.

Что, казалось бы, всего проще, естественнѣе и дѣльнѣе, какъ не обращеніе перваго же вниманія ребенка на обитаемую имъ мѣстность, на круговзоръ, небесный сводъ, на то именно, что подъ нимъ, вокругъ его и надъ нимъ; на настоящее, а не на прошедшее; между тѣмъ, именно географія позже всѣхъ другихъ наукъ сдѣлалась воспитательною. Это не даромъ, есть причина. Какая?

Начать съ того, что географія, въ современномъ ея видѣ, наука относительно новая, а способы ея изученія почти новорожденные, тогда какъ другіе предметы дѣтскаго и школьнаго образованія стары, и, за исключеніемъ немногихъ, ровестники европейской цивилизаціи.

Сверхъ того, математическая сторона географіи требуетъ нѣкотораго умѣнья ориентироваться и представлять себѣ отношенія различныхъ величинъ и разстояній; а въ раннемъ дѣтствѣ, если и можно у ребенка развить эти способности, то не иначе, какъ черезчуръ сосредоточивая его внимательность туда именно, куда она всего менѣе влечется.

Чувственная внимательность въ раннемъ возрастѣ, сама по себѣ, вся обращена на ближайшіе, окружающіе ребенка, или кажущіеся ему близкими, предметы; а въ то же время развивающееся воображеніе привлекаетъ ее въ отдаленное пространство и время, то есть въ недѣйствительность; происходитъ нѣчто въ родѣ антагонизма между двумя влеченіями или токами внимательности. Съ одной стороны, глазъ ребенка занятъ разсмотрѣніемъ новыхъ или привлекательныхъ для него формъ, цвѣтовъ, движеній окружающихъ предметовъ; а съ другой стороны— слово увлекаетъ его въ далекія страны и въ давно прошедшія времена, — вонъ изъ окружающей дѣйствительности. Слишкомъ напрячь въ одну сторону или сосредоточить внимательность въ въ этомъ періодѣ развитія значило бы насиловать ее и мѣшать нормальному ходу ея развитія.

Слово, съ самыхъ раннихъ лѣтъ, оказывало на меня, какъ и на большую часть дѣтей, сильное вліяніе; я увѣренъ даже, что сохранившимися во мнѣ до сихъ поръ впечатлѣніями я гораздо болѣе обязанъ слову, чѣмъ чувствамъ. Поэтому немудрено, что я сохраняю почти въ цѣлости воспоминанія объ урокахъ русскаго языка нашего школьнаго учителя Войцеховича; у него, я, ребенокъ двѣнадцати лѣтъ, занимался разборомъ одъ Державина, басенъ Крылова, Дмитріева, Хемницера, разныхъ стихотвореній Жуковскаго, Гнѣдича и Мерзлякова. О Пушкинѣ въ школахъ того времени, какъ видно, говорить не позволялось.

Войцеховичъ умѣлъ отлично занимать насъ разсказами изъ древней и русской исторій, заставляя насъ къ слѣдующему уроку написать что слышали и изложить свое мнѣніе о герояхъ разсказа, его дѣйствіяхъ, характерѣ и т. п. Ни на одинъ урокъ я не шолъ такъ охотно, какъ въ классъ Войцеховича; въ немъ все было для меня привлекательно. Серьезный, задумчивый, высокій и нѣсколько сутуловатый, съ добрыми, голубыми глазами, Войцеховичъ (кандидатъ московскаго университета) одушевлялся на урокѣ такъ, что одушевлялъ и насъ; я былъ, судя по отличнымъ отмѣткамъ, которыя онъ мнѣ всегда ставилъ въ классномъ журналѣ, лучшимъ изъ его учениковъ и должно быть этимъ держалъ на караулѣ мою внимательность.

На урокахъ же Войцеховича я познакомился съ „Письмами русскаго путешественника“ и русскою исторіею Карамзина (тогда еще новинкою), „Пантеономъ русской словесности“, и читалъ потомъ, въ неклассное время, съ увлеченіемъ эти книги. Я могу сказать, что и русскую исторію узналъ почти впервые изъ уроковъ русскаго языка; особаго преподавателя русской исторіи, сколько помню, не было въ пансіонѣ Кражева.

Нашъ славный, добрый Войцеховичъ должно быть не уцѣлѣлъ; я его видѣлъ потомъ въ университетской клиникѣ съ костылкою (вѣроятно туберкулезною) тазобедреннаго сустава; посѣщеніемъ моимъ онъ былъ и тронутъ, и удивленъ, услышавъ, что я пошелъ по медицинскому, а не по словесному факультету.

Но если я не могу равнодушно вспомнить о педагогическихъ достоинствахъ Войцеховича и всегда съ благодарностію произношу его имя, то также неравнодушно, только съ другой стороны, вспоминаю учителя латинскаго языка, попа, — имени не

помню; за доброту и чрезмѣрную мягкость души, пожалуй, личнѣе бы было его величать священникомъ, но за ученѣе онъ не стоитъ названія и попа, а развѣ только поника. Это было какое-то вялое, безжизненное, хотя и добрѣйшее существо, среднихъ лѣтъ, и довольно благообразное въ своей темно-лиловой шелковой рясѣ. Боже мой! что это были за уроки! Если бы я самъ, любя, почему? и самъ не знаю, — латинскій языкъ, не занимался дома, не зубрилъ грамматику Кошанскаго, многого вовсе не понимая, и не переводилъ все-что изъ Корнелія Непота и латинской хрестоматіи, съ помощію лексикона Фомы Розанова, то вѣрно не зналъ бы и то небольшое изъ латыни, съ которымъ я поступилъ въ московскій университетъ.

Между тѣмъ, къ моему горю, я убѣжденъ, что могъ бы быть порядочнымъ латинистомъ; впоследствии, познакомившись нѣсколько съ римскими классиками, я одинъ, безъ руководителя, съ наслажденіемъ, читалъ ихъ; не прощу, однако же, никогда ни попу-учителю, ни Горацію за трудъ, истраченный мною безуспѣшно въ приискахъ сокровеннаго смысла его стиховъ.

Впрочемъ, къ утѣшенію моему, я убѣдился, что не меня одного ничему не научили попы; въ московскомъ университетѣ я встрѣчалъ потомъ и старыхъ семинаристовъ, не больше моего успѣвшихъ въ пониманіи Горація. Какъ передъ собою вижу стараго студента изъ семинаристовъ, медика Тихомірова, памятнаго для меня, тогда безусаго мальчика, и по темно-синему цвѣту выбритыхъ щекъ и подбородка; я, шестнадцати-лѣтній мальчишка, вздумалъ составлять по какимъ-то старымъ книгамъ руководство къ химіи для студентовъ и, написавъ предисловіе, показалъ его другому товарищу студенту; тотъ, какъ видно, бывъ гораздо умнѣе меня, написалъ на заглавномъ листѣ моей рукописи *opus prae matur in annum, Nogat.*; только промахнулся на ортографіи и вмѣсто *opus* хватилъ *opus*. Прочитавъ это, я погружился въ размышленіе, что сей сонъ значить, и приглашаю на совѣтъ стараго Тихомірова; онъ, читая, также погружается въ раздумье.

— „Знаете“, говоритъ мнѣ, „вѣдь это неловко, сально выходитъ: *prae matur*, знаете, прижимается какъ бы или втискивается что-ли, а потомъ *in annum*; это, это сально; не обращайтесь съ этимъ господиномъ; онъ долженъ быть свинья“.

Такъ мы и не разобрали Горація, и только чрезъ нѣсколько

дней послѣ этого происшествія я раскусилъ въ чемъ дѣло и поблагодарилъ благоразумнаго, хотя и незнакомаго съ римскою ортографіею, товарища за добрый совѣтъ.

Казалось бы, каждый учитель, прошедшій самъ школу, долженъ и по себѣ знать какъ долго, на цѣлую жизнь нерѣдко, остаются въ памяти добрыя и худыя дѣла наставниковъ, а между тѣмъ, большей части наставниковъ отъ этого ни тепло, ни холодно, и такіе попы, какъ мой школьный учитель латыни, и теперь еще не рѣдкость.

Про законъ Божій я и не говорю; уже, конечно, не ватехизисомъ и не священной исторіею, въ ея школьномъ нарядѣ, могъ онъ привлечь мое вниманіе, когда не умѣлъ этого сдѣлать еласицизмомъ.

XXX.

Изъ этого обзора моихъ школьныхъ занятій я заключаю, что первоначальное мое ученіе не основывалось ни на какомъ принципѣ; оно не было ни классическимъ, ни реальнымъ. Всего болѣе знанія я вынесъ по двумъ языкамъ: русскому и французскому; на обоихъ (могъ) я читать и понимать читанное, могъ и писать. Къ нашему позору, насъ учили также и говорить по французски, давая марки, оставляя безъ одного кушанья и безъ гулянья за несоблюденіе правила говорить внѣ классовъ между собою по французски.

Да, я считаю поворомъ для насъ, русскихъ, что наши родители, воспитатели и само правительство поощрали эту поскудную, пошлую и вредную мѣру. Говорить дѣтямъ и не дѣтямъ одной народности между собою на иностранномъ языкѣ, безъ всякой необходимости, для какого-то безцѣльнаго упражненія для упражненія,—это, по моему, верхъ нелѣпости, и главное — нелѣпости вредной, мѣшающей развитію и мысли, и отечественнаго языка.

Много я думалъ объ этомъ при воспитаніи моихъ дѣтей; я имѣлъ средства воспитать ихъ въ упражненіяхъ на французскомъ діалектѣ и, вѣроятно, этимъ повліялъ бы благотворно на ихъ будущую карьеру въ нашемъ обществѣ; но я не могъ преодолѣть въ себѣ отвращенія отъ этого нелѣпаго способа образованія дѣтей. Мыслить на двухъ и трехъ языкахъ, и даже мы-

слить на винегретѣ изъ трехъ языковъ. каждому изъ насъ возможно, но чтобы мыслить всесторонне, ясно и отчетливо на чужомъ языкѣ, нужно знать его съ пеленокъ, точно также, какъ свой родной и, пожалуй, лучше своего, или же изучить этотъ чужой языкъ глубоко, какъ изучить его тотъ, кто видитъ въ немъ единственное средство къ приобрѣтенію какого нибудь знанія или къ достиженію какой либо цѣли жизни.

Такъ, два и три языка дѣлаются родными для жителей пограничныхъ провинцій, для дѣтей смѣшанныхъ браковъ; а изъ обитателей окраинъ современные евреи мыслятъ и говорятъ на какой-то смѣси семитическаго и двухъ или трехъ арійскихъ нарѣчій.

Такъ, въ прошлыхъ вѣкахъ, всѣ почти ученые и передовые люди разныхъ націй, изучившіе глубоко латинскій языкъ, и мыслили на немъ, и писали, и говорили между собою.

Русскія дѣти не подходятъ ни подъ одно изъ этихъ условій; всѣ почти учатся разговорному чужому языку въ пяти—восемилѣтнемъ возрастѣ у боннъ, гувернантокъ и гувернеровъ. Между тѣмъ, еще задолго до этого возраста, какъ только ребенокъ начинаетъ лепетать—родное слово вступаетъ въ неразрывную связь съ племенной мыслью (о наслѣдствѣ въ юности которой едва ли можно сомнѣваться). Возможно-ли же чужому слову нарушать это право родного языка безъ вреда для процесса мышленія и не нарушая его нормальнаго развитія?

Вредъ состоитъ въ томъ, что внимательность ребенка, вмѣсто того, чтобы постепенно углубляться и сосредоточиваться на содержаніи предметовъ и тѣмъ служить къ развитію процесса мышленія, остается на поверхности, занимаясь новыми именами знакомыхъ уже предметовъ.

Такимъ образомъ, стараясь сдѣлать для дѣтей языкъ своимъ или почти роднымъ, мы въ большей части случаевъ достигаемъ одного изъ двухъ результатовъ. Или ребенокъ, излагая что либо на чужомъ языкѣ, будетъ только прикидывать слышанныя и затверженные имъ иностранныя слова и фразы для замѣны ими словъ и выраженій родного языка; въ этомъ случаѣ внимательность ребенка привыкаетъ останавливаться на одномъ внѣшнемъ, на формѣ слова и оставляетъ содержаніе въ сторонѣ, нетронутымъ; въ послѣдствіи это направленіе внимательности можетъ сдѣлаться привычнымъ, а мышленіе—поверхностнымъ и односторон-

нимъ. Или же, ребенокъ, дѣйствительно, начнетъ думать не на одномъ своемъ, а на разныхъ языкахъ; но на каждомъ изъ нихъ, въ бѣльшей части случаевъ, круговоръ мышленія едва-ли можетъ быть всестороннимъ и неограниченнымъ.

Только гениальные люди, и то въ исключительныхъ случаяхъ, могли мыслить и излагать свои мысли о различныхъ предметахъ знанія на чужомъ языкѣ также полно, также глубокомысленно и ясно, какъ и на своемъ родномъ.

Но и даровитые люди, изучавшіе съ малолѣтства практически и научно французскій языкъ, думали и писали на немъ, какъ на родномъ, только въ известномъ, ограниченномъ кругѣ мышленія. Пушкинъ, напримѣръ, писавшій и говорившій по французски не хуже природнаго француза, былъ бы вѣрно плохимъ французскимъ поэтомъ.

Бисмаркъ при мнѣ говорилъ, что ему также легко написать дипломатическую ноту по французски, какъ и по нѣмецки, хотя ему легче говорить и писать на родномъ языкѣ. И про себя я знаю, что во время моей профессуры въ Дерптѣ мнѣ легче было читать и писать о научныхъ (медицинскихъ) предметахъ по нѣмецки, чѣмъ по русски; читая и пиша, я и думалъ по нѣмецки; нѣмцамъ, читавшимъ писанныя мною лекціи, приходилось исправлять весьма немногое, только нѣкоторые падежи и незначительныя слова, — между тѣмъ говорить и писать по нѣмецки о другихъ предметахъ я могъ не иначе, какъ переводя съ русскаго на нѣмецкій языкъ.

Я полагаю, что такой степени знанія иностраннаго языка совершенно достаточно для каждаго, видящаго въ языкованіи лишь одно научное средство въ обладанію знаніемъ самаго предмета. Достигнуть же этой степени знанія языка можно и не рискуя нарушить у ребенка нормальный ходъ развитія внимательности и мышленія. Я вынесъ изъ школы только одну нѣмецкую грамоту, да и то произношеніе мое было черезъ-чуръ неправильно, и не смотря на это, началъ учиться по нѣмецки, — уже бывъ лекаремъ въ семнадцать лѣтъ, — я въ теченіи пяти лѣтъ могъ уже читать, говорить и писать по нѣмецки весьма порядочно.

И я остаюсь убѣжденнымъ въ томъ, что нашъ обычный способъ обученія малолѣтговъ, — едва не грудныхъ младенцевъ, — французскому и англійскому языкамъ — нелѣпъ; онъ позоритъ національное чувство, нисколько не содѣйствуя къ распространенію

научныхъ знаній и въ расширенію мыслительнаго кругозора въ нашемъ отечествѣ. Этотъ способъ можно бы было предоставить только однимъ, готовящимся съ цѣленомъ вступать въ ряды извѣстнаго рода специалистовъ (дипломатовъ, драгомановъ, посланниковъ и царедворцевъ).

Можно ли ждать быстрого прогресса въ развитіи роднаго языка, племенной мысли, науки и искусства въ странѣ, гдѣ около трона, въ высшихъ кругахъ, въ салонахъ, дѣтскихъ, будуарахъ слышится говоръ туземцевъ на чуждомъ имъ языкѣ и гдѣ знаніе его сдѣлалось не средствомъ, а цѣлью образованія ¹⁾).

Это превращеніе временнаго средства въ конечную цѣль лишило насъ научной и классической литературы, послуживъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, препятствіемъ распространенію охоты къ чтенію на русскомъ языкѣ. Научались европейскимъ языкамъ съ малолѣтства только въ верхнихъ слояхъ общества и только для себя, для своего круга, для салона, для карьеры, такъ какъ знаніе иностраннаго языка было вывѣскою образованія, а кто изъ этого класса хотѣлъ читать, тому, конечно, не нужны были книги на русскомъ языкѣ. А когда къ образованію начали стремиться и низшіе общественные слои, не имѣвшіе возможности познакомиться съ европейскими языками въ дѣтствѣ, то нечего было читать; научная и классическая литература не существовала на русскомъ языкѣ; въ ней не было породы бѣлой кости.

И вотъ культурная часть нашего общества распалась на два слоя: верхній, обладавшій всѣми средствами къ прочному образованію, но по своему рожденію, положенію, предразсудкамъ и т. п. не призванный къ серьезному научному труду, не нуждающійся ни въ отечественно научной литературѣ, ни въ переводѣ на русскій классическихъ произведеній другихъ народовъ; другой слой, нижній, почти цѣликомъ составился изъ пролетаріата; безъ знанія европейскихъ языковъ, безъ всякихъ средствъ, послѣ нелѣпой школьной подготовки вступала молодежь этого слоя въ высшія учебныя заведенія, и, желая научиться, для изученія какого бы то ни было предмета, не находила ни одного порядочнаго руководства на русскомъ языкѣ. Но на эту тему мнѣ придется еще говорить потомъ не мало.

¹⁾ Это замѣчаніе не совсѣмъ точно по отношенію къ послѣднему въ имени: въ послѣдніе годы русскій языкъ положительно получилъ гражданственность въ высшихъ сферахъ и занялъ вполне подобающее ему мѣсто. Ред.

Впрочемъ, и то сказать — виновато въ нелѣпостяхъ нашихъ системъ образованія не столько общество, сколько внѣшнія обстоятельства при высшихъ соображеніяхъ, а чаще, кажется, при недостаткѣ, и даже полномъ отсутствіи, здраваго смысла.

Сверхъ многихъ незнаній, я вынесъ изъ школы и еще одно, благодаря Бога, неповредившее мнѣ въ жизни; это было незнаніе танцевальнаго искусства. Въ мое оправданіе я скажу, что еслибы нашъ танцмейстеръ Лилѣвъ и нашъ учитель попъ перемѣнились своими ролями, то я вѣрно бы умѣлъ и танцевать, и переводить Горація, вступая въ московскій университетъ. Хотя для обученія латинскому языку и не требовались толстыя ляпки и икры Лилѣва, а для танцевъ лиловая ряса попа не только не была нужна, но даже препятствовала бы движенію ногъ въ антраша и матлотъ, я убѣжденъ, однако же, что строгая выдержка, систематическая, чисто научная, послѣдовательность и энергія, которыя нашъ танцмейстеръ прилагалъ къ обученію насъ въ искусствѣ дѣлать разныя па, произвели бы на меня совершенно другое дѣйствіе, если бы были примѣнены къ урокамъ латинскаго языка. И наоборотъ, если бы въ танцевальномъ классѣ, гдѣ свирѣпствовалъ Лилѣвъ, предо мною явился нашъ тихій и мягкосердечный поппкъ, я не бѣгалъ бы и не скрывался отъ танцевальныхъ уроковъ, какъ отъ грозы небесной.

Такимъ я остался и до сихъ поръ (1881 г.), что не могу смотрѣть на предметы забавы и разсѣянія, какъ на серьезныя дѣла. Поэтому, вѣрно, я не научился играть въ шахматы и въ карты. Картъ, исключая игры въ мельники и дурачки (въ мельники я игралъ нѣкогда, именно въ студенческіе годы, въ Дерптѣ, въ семействѣ Мойера, съ энтузіазмомъ и мастерски), я избѣгалъ и по другой причинѣ.

Когда за гробомъ отца, я шелъ съ старшимъ братомъ, то онъ, съ слезами на глазахъ, глубоко взволнованный, схватилъ меня за руку и сказалъ:

— „Слушай, Николай, клянись мнѣ на гробѣ отца, что не будешь никогда играть въ карты, онѣ погубили меня“.

Я поклялся, и всю жизнь мою ни разу не садился играть ни въ какую денежную или азартную игру, и ни одной изъ нихъ не знаю, въ дураки же и мельники я умѣлъ играть еще въ дѣтствѣ.

XXXI.

Во время моего двухъ-лѣтняго школьнаго ученя на нашемъ семействѣ стряслась не одна бѣда.

Сначала умерла, послѣ родовъ, старшая замужняя сестра, потомъ, чрезъ годъ, умеръ въ кори мой братъ Амосъ, другой старшій братъ, Петръ, что-то накуралесилъ по службѣ, проигравшись въ карты, женился на какой-то невзрачной особѣ, безъ позволенія отца. Наконецъ, пришла бѣда, въ конецъ раззорившая насъ.

Отецъ мой, не смотря на свою службу въ комисариатскомъ военномъ вѣдомствѣ, навѣрное не бралъ взятокъ. Онъ получалъ хорошій доходъ отъ частныхъ дѣлъ, которыя онъ умѣлъ, какъ и слыхалъ потомъ, вести хорошо.

Существованіе наше, до страсшихся надъ нами бѣдъ, было вполне обеспеченное, но кутежи, мотовство и растрата казенныхъ денегъ братомъ стоили отцу не мало денегъ и заботъ, а тутъ, вдругъ, нежданно-негаданно, падаетъ, какъ снѣгъ, на его озабоченную голову воровство комисіонера Иванова, отправленнаго куда-то на Кавказъ, съ порученіемъ отвезти туда 30,000 руб. Ивановъ исчезаетъ съ деньгами и, не знаю на какомъ основаніи, присуждается казначей, — мой отецъ, — къ взносу значительной части этой суммы. Было ли тутъ со стороны отца какое упущеніе или несоблюденіе формальностей, до меня не дошло, но помню, что отецъ горько жаловался на несправедливость. Въ концѣ концовъ пришлось уплатить, а для этого пришли описывать все имѣніе и все наличное въ казну; описали домъ, мебель, платье; помню, какъ матушка и сестры плакали, укладывавъ въ сундуки разный хламъ.

Послѣ этой катастрофы отецъ вышелъ въ отставку, занялся исключительно частными дѣлами по имѣніямъ; но прежняя энергія уже не возвращалась, пришлось войти въ долги и въ перспективѣ отрывалась бѣдность; только съ трудомъ хватало средствъ на мое образованіе и мнѣ приходилось скоро оставить школу.

Нравственность моя много потерпѣла во время этихъ бѣдъ.

Какъ ни любила меня семья, но разстроенная и горемычная, она не могла услѣдить за поведеніемъ живого, рѣзвого и нервнаго мальчугана; въ тому же, это была пора рановавременнаго развитія моихъ половыхъ отправленій; меня начали интересоватъ портреты женщинъ, описываемые въ повѣстяхъ и романахъ, кар-

тинки съ изображеніемъ женскихъ прелестей; а тутъ подвернулся еще молодой писарь отца, какъ видно обожатель женскаго пола, для оболыщенія котораго онъ пускалъ въ ходъ гитару съ припѣвомъ: „взвейся, выше понесися, сизокрылый голубоць“. Имя этой твари — Огарковъ, сохранилось въ моей памяти до сего дня; оно пережило и тѣ скверныя впечатлѣнія, которыми онъ развращалъ меня; рассказы его интересовали меня новизною содержанія и я искалъ случая поговорить съ нимъ наединѣ. Какъхъ сальностей не наслышался я отъ этого пошлява! Чего не показывалъ онъ мнѣ, и табакерки съ сальными изображеніями въ серединѣ, подъ крышкою....

Въ школѣ, которую я въ то же время посѣщалъ, шли нерѣдко, въ вѣтъ-классныя часы, разговоры такого же рода; мы, мальчишки, толковали о прелестяхъ дѣвушекъ, видѣнныхъ нами въ церкви, въ гостяхъ, пересказывали о занятіяхъ и свойствахъ своихъ сестеръ; сообщались и болѣе глубокія свѣдѣнія о различіи половъ; оказывалось, что каждый изъ насъ, учениковъ, успѣлъ уже приобрести дома порядочный запасъ сальныхъ свѣдѣній, которыя и сообщалъ охотно я, сколько можно, наглядно своимъ товарищамъ.

Казалось бы, что, воспитанный въ домѣ весьма набожной семьи, я долженъ былъ найти въ религіи сильный внутренній оплотъ противъ напора вѣщныхъ развращавшихъ меня побужденій. Но, во-первыхъ, я сказалъ уже, что эти вѣщныя побужденія совпали съ раннимъ развитіемъ половыхъ инстинктовъ. Что же касается до религіознаго вліянія, то оно было *sui generis*. Это важнѣйшая статья въ моей жизни.

Послѣдователи Галловой краніоскопіи вѣрно нашли бы у меня не мало развитымъ органъ теософіи.

Мои религіозныя убѣжденія имѣли нѣсколько фазисовъ и каждый изъ нихъ совпадалъ съ извѣстнымъ возрастомъ и съ нравственными и житейскими переворотами. Но не буду забѣгать впередъ и остановлюсь сначала на моей религіи при вступленіи въ юношескій возрастъ (отъ двѣнадцати до четырнадцати лѣтъ). еще живо сохранившейся въ моей памяти.

Я сказалъ, что вся наша семья была очень набожна и всѣ ея члены, за исключеніемъ меня (а можетъ быть и старшаго брата, умершаго пятидесяти лѣтъ отъ холеры, въ 1849 г.), отецъ,

мать и сестры такими же набожными оставались и до самой смерти.

Повойница матушка, умирая въ 1851 году на моихъ рукахъ, соборовалась предъ смертію и послѣднія ея слова были: „вѣрно, я страшная грѣшница, что такъ долго мучаюсь предъ смертію“; связавъ это, она издала послѣдній вздохъ и скончалась.

И отецъ, и мать проводили цѣлыя часы за молитвою, читая по требнику, псалтырю, часовнику и т. п. положенныя молитвы, псалмы, акафисты и каноны; не пропускалась ни одна заутреня, всенощная и обѣдня въ праздничные дни. Я долженъ былъ строго исполнять то-же.

Я помню какого труда мнѣ стоило осилить акафистъ Іисусу Сладчайшему, помню, какъ непонятнымъ, но неизбѣжно необходимымъ, представлялось мнѣ чтеніе: „блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ и живый въ помощи Вышняго, въ кровѣ (я читалъ въ крови) Бога небеснаго водворится“.

Помню, какъ меня полусоннаго, заспаннаго, одѣвали и водили къ заутренямъ; не разъ отъ усталости и ладоннаго чада въ церкви у меня кружилась голова и меня выводили на свѣжій воздухъ.

О соблюденіи постовъ и постныхъ недѣльныхъ дней и говорить нечего. Чистый понедѣльникъ, сочельники, великій пятоть считались такими днями, въ которые не только ѣсть, но и подумать о чемъ-нибудь не очень постномъ считалось уже грѣхомъ. Мясо въ великій постъ не получала даже и моя любимица вошка Маша.

Евангеліе въ зеленомъ, бархатномъ переплетѣ съ изображеніями на эмали четырехъ евангелистовъ, закрытое серебрянными застежками, стояло предъ кивотомъ съ образами. Мнѣ его не читали ни дома, ни въ школѣ. Иногда только я видалъ отца читавшимъ изъ Евангелія во время молитвы, но потомъ оно закрывалось, цѣловалось и ставилось снова подъ образа.

Упражняясь ежедневно въ чтеніи часовника за молитвою, я зналъ наизусть много молитвъ и псалмовъ, ни мало не заботясь о содержаніи заученнаго. Значеніе славянскихъ словъ мнѣ иногда объяснялось; но и въ школѣ отъ самого законоучителя я не узналъ настолько, чтобы понять вполне смыслъ литургіи, молитвъ и т. п. Заповѣди, символъ вѣры, Отче нашъ, катехизисъ, — все это заучивалось наизусть, а комментарий законоучителя хотя и выслушивались, но считались чѣмъ-то неидущимъ прямо къ

дѣлу и несущественнымъ. Съ ранняго дѣтства внушено было убѣжденіе другого рода.

Слова молитвъ, также какъ и слова Евангелія, слышавшіяся въ церкви, считались сами по себѣ, какъ слова, святыми и исполненными благодати Святаго Духа; большимъ грѣхомъ считалось переложить ихъ и замѣнить другими; духъ старообрядчества, только уже Никонскаго старообрядчества, былъ господствующимъ. Самые слухи о переложеніи святыхъ книгъ или молитвъ на общепонятный русскій языкъ многими принимались за грѣховное наводженіе.

И вотъ, воспитанный въ такомъ религіозномъ направленіи, я до четырнадцати лѣтъ не слышалъ положительно ничего вольнодумнаго, только однажды, помню, В. С. Кряжевъ сказалъ намъ въ классѣ, что Апокалипсисъ есть произведеніе поэта и не можетъ считаться священной книгою.

Не смотря, однако же, на мое, вселенное во мнѣ съ колыбели, благочестіе, не смотря на набожность родителей и примѣрно хорошія отношенія ко мнѣ всей семьи, я все-таки успѣлъ научиться въ послѣдніе два года (отъ двѣнадцати до четырнадцати) такимъ вещамъ, которыя, казалось бы, должны были возбудить во мнѣ отвращеніе, а не любопытство. Вѣдь, не притворялся же я, совершая ежедневно умиленные молитвы, (не смѣя) и подумать о чемъ противномъ нашей обрядной вѣрѣ и церкви. Нѣтъ, это было,—я помню навѣрное,—самое искреннее и глубокое уваженіе ко всѣмъ таинствамъ вѣры и непритворное внѣшнее богопочитаніе,—и, въ тѣ же самые дни, когда я, утромъ и вечеромъ, горячо молился предъ иконами, клалъ земные поклоны и просилъ избавленія отъ лукаваго, этотъ безшабашный господинъ увлекалъ меня слушать мерскія повѣствованія писаря Огаркова и пахабныя пѣсни кучера Семена, не вытирающіяся, какъ глубоко въѣвшаяся грязь, еще до сихъ поръ изъ моей памяти.

Какое же заключеніе можно сдѣлать изъ такихъ психическихъ странностей?

Умъ простой, практической, народный, ищущій причину — вблизи дѣйствія и факта, объяснить легко этого рода странности. Онъ найдетъ ихъ причину во злѣ, залѣзающемъ въ насъ откуда-то извнѣ, или же родящемся вмѣстѣ съ нами; а самое это зло тотчасъ же олицетворить, сдѣлаетъ летучимъ или ползучимъ суще-

ствомъ, сидящимъ, на примѣръ, съ роду, на лѣвомъ плечѣ ребенка и нашептывающимъ ему разныя пакости. Умъ поповскій объяснить это, ссылаясь на непреложный для него авторитетъ, допотопнымъ происшествіемъ, случившимся у древа познанія добра и зла, что въ сущности выйдетъ одно и то же, только въ другомъ видѣ,—на прирожденное намъ и извнѣ, когда-то, возшедшее въ насъ зло.

Я полагаю, что основаніемъ всѣхъ этихъ объясненій служить всѣми нами и каждымъ изъ насъ испытанное и постоянно испытываемое ощущеніе.

Какъ скоро я, моимъ дѣйствіемъ и даже мыслью, выхожу изъ обыкновенной колеи, удовлетворяя какому-либо минутному влеченію или всецѣло поддаваясь ему, это влеченіе производитъ на меня ощущеніе чего-то внѣшняго, не моего, и меня, болѣе или менѣе, хотя бы и не безъ наслажденія, насилующаго. Немудрено, что на первыхъ порахъ каждому, не отдавшемуся всецѣло этимъ влеченіямъ, онѣ кажутся посторонними, извнѣ дѣйствующими силами и существами; не трудно потомъ фантазіи придать имъ и страшный, хотя бы и все-таки человѣческій, видъ или хоть какое-нибудь человѣческое свойство, и это, вѣроятно, потому, что мы, и обманутые ощущеніемъ внѣшности, не перестаемъ все-таки чувствовать его и внутри себя. „Я не хочу дѣлать зло и дѣлаю его“, сказалъ бывший талмудистъ, а потомъ вдохновенный апостолъ;—а кучеръ Николай, убившій корчмаря еврея въ Винницѣ, на вопросъ аптекаря Якубовскаго (знавшаго этого Николая давно за человѣка добраго и смирнаго): какъ это могло случиться? отвѣчалъ:

— „Чортъ попуталъ, больше ничего, какъ одинъ чортъ, ничего другого не знаю“.

И, дѣйствительно, всѣ увѣряли, что кучеръ Николай никогда не былъ ни пьяницею, ни воромъ, служилъ у одного хозяина долго и честно, въ деньгахъ не нуждался, и вдругъ, ни съ того, ни съ сего, ночью пошелъ на край города въ корчму, убилъ, взялъ нѣсколько рублей изъ корчмы, и ушелъ.

Эта тяга, влекущая насъ въ выходу изъ обыкновенной, положенной нами самими, или другими для насъ, колеи, есть, по моему, чисто органическая, и когда результатомъ этой тяги бываетъ зло, то и зло такое проявится также на почвѣ органиче-

ской. Въ такомъ случаѣ воспитанію приходится вести борьбу съ организмомъ. До поры и до времени борьба эта можетъ вестись весьма удачно; нерѣдко воспитатель похваляется уже себя съ благополучнымъ окончаніемъ своей задачи, какъ вдругъ, неожиданно, случается катастрофа.

Органическія влеченія, дремавшія въ полуразвитыхъ органахъ, пробуждаясь, заявляютъ о себѣ, какъ будто случайно, при самыхъ незначительныхъ обстоятельствахъ.

Но, можетъ быть, именно то религіозное направленіе, въ которомъ я воспитывался, не въ состояніи было предотвратить зло, нанесенное моею нравственности извнѣ; можетъ быть, другое религіозное направленіе, менѣе обрядное и болѣе задушевное, отстранило бы отъ меня искушеніе и одержало бы верхъ надъ развивавшеюся чувственностію?

Не думаю.

Религія, и именно религія христіанская, вліяетъ на нравственность дѣтей только двумя путями, вселяя въ ребенка искреннюю любовь къ Богу, страхъ Божій. Я не помню, какъ и въ какой степени вселяли въ меня любовь къ Богу, и увѣренъ, что развитіе этого благодатнаго чувства въ душѣ ребенка не зависитъ отъ догматовъ и исповѣданія той или другой религіи.

Но если несомнѣнно, что начало премудрости есть страхъ Господень, то несомнѣнно и то, что это начало мнѣ было сообщено.

Я почиталъ и боялся.

Но, конечно, въ моемъ понятіи Богъ, церковь, таинства, служители церкви и обряды составляли нераздѣльное цѣлое. Полагаю, что понятіе о Богѣ и у дѣтей другихъ исповѣданій не яснѣе моихъ бывшихъ.

Я помню еще до сихъ поръ, съ какимъ страхомъ и трепетомъ, я, рыдая, просилъ однажды прощенія у Бога за то, что, по увѣренію старшей моей сестры, оскорбилъ Его, отозвавшись ей, не помню въ какихъ выраженіяхъ, о замѣченномъ мною вкусѣ причастія Св. Тайнъ, послѣ приобщенія. Какъ ни виѣшне было мое богопочтаніе, но оно, несомнѣнно, наполняло мою ребяческую душевку священнымъ трепетомъ, шедшимъ изъ глубины ея самой.

Изъ біографій итальянскихъ разбойниковъ довольно извѣстно, какъ глубокое и, конечно, своеобразное, богопочтаніе уживается

въ душѣ съ самымъ жестокимъ звѣрствомъ и гнуснѣйшими пороками. Не странно, послѣ этого, что и у ребенка, какинъ я былъ лѣтъ почти шестьдесятъ тому назадъ, религиозное, весьма развитое, чувство не помѣшало разной нечисти пробраться въ душу и загрязнить ее прежде, чѣмъ она окрѣпла.

Рѣшителями судебъ въ нашемъ воспитаніи являются, какъ я убѣдился изъ опыта, индивидуальность и жизнь.

Только то воспитаніе сулитъ наиболѣе шансовъ на успѣхъ, въ которомъ воспитатели сзумѣютъ приспособиться къ индивидуальности своихъ воспитанниковъ и ее приспособить къ жизни.

Но жизнь не осилишь, а отъ воспитателя нельзя требовать, чтобы каждый изъ нихъ, по призванію и по неволѣ, опытный и неопытный, умный и глупый,—вникалъ и досконально разубывалъ всѣ особенности каждой воспитываемой имъ особи.

Поэтому и остается только одно наиболѣе надежное средство къ достиженію цѣли воспитанія,—это приспособленіе его не къ личной, а къ племенной, расовой или народной особенности (племенной индивидуальности).

Кто сзумѣетъ это сдѣлать, тому и книга въ руки. И это дѣло нелегкое, но все же гораздо возможнѣе приспособленія воспитанія каждой особи.

Такой взглядъ нисколько не противорѣчитъ, какъ я покажу, моему высшему общечеловѣческому идеалу воспитанія. На эту тему придется мнѣ говорить потомъ; теперь же я ее покидаю и займусь предметомъ, гораздо глубже касающимся меня.

Я сказалъ уже, важется, что мои религиозныя убѣжденія не оставались въ теченіи моей жизни однѣми и тѣми же. И вотъ для уясненія себѣ всего процесса развитія этихъ убѣжденій, я долженъ себѣ ясно представить его крайніе фазисы; я припомнилъ уже, важется, все, что знаю о первоначальномъ періодѣ моихъ вѣрованій, теперъ исповѣдуюсь у самого себя и уясню себѣ во чтѣ и какъ я вѣрую въ настоящую минуту моего бытія.

Послѣ этого изложенія, надѣюсь, мнѣ разъяснится какими путями дошелъ я до настоящаго моего вѣрованія и какинъ колебаніямъ и переворотамъ подвергались мои религиозныя убѣжденія въ разныя времена моей жизни.

Н. И. Пироговъ.

[Продолженіе слѣдуетъ].

ДУХОВНЫЙ РЫЦАРЬ

ИЛИ

ИЩУЩИЙ ПРЕМУДРОСТИ.

Дядь мой со стороны матери, В. фонъ-Фридрихъ, въ молодости своей былъ масономъ. Послѣ своей смерти (+ 1840 г.) онъ оставилъ, между прочими масонскими книгами и рукописями, статуты той ложи, къ которой принадлежалъ. Статуты эти, подъ заглавіемъ „Духовный рыцарь или ищущій премудрости“ (der geistliche Ritter oder der Weisheitsforscher), писаны на нѣмецкомъ языкѣ, относятся ко времени царствованія императрицы Еваторины II и представляютъ полный переводъ сочиненія Лопухина.

Въ 1791 г. извѣстный мистикъ и розенкрейцеръ, сенаторъ И. В. Лопухинъ напечаталъ на русскомъ языкѣ, въ Новиковской типографіи, въ весьма ограниченномъ числѣ экземпляровъ, сочиненіе свое: „Духовный рыцарь или ищущій премудрости“, къ которому присовокупилъ и русскій оригиналъ своего правоучительнаго катехизиса (Catéchisme moral pour les vrais Franc-maçons 5790).

„Духовный рыцарь“ былъ написанъ Лопухинимъ вслѣдствіе размышленій о несправедливости нападокъ и обвиненій на мартинистовъ. Трудъ этотъ, законченный въ нѣсколько часовъ, по словамъ самого Лопухина (см. Записки Лопухина, Москва, 1860, изд. Боданскаго) „развиваетъ главные пункты герметической науки, образъ ея святилища, ходъ внутренняго обновленія человѣка и начало самопознанія и глубокой морали“¹⁾. Эта апологія мартиниста не была однако встрѣчена сочувственно всеми членами Дружескаго общества. Причина такого неодобренія заключается въ томъ, что Лопухинъ высказалъ въ этомъ сочиненіи нѣсколько взглядовъ, не вполне согласовавшихся съ духомъ розенкрейцерскаго ученія. Въ 1813 г. Сопиковъ, во второмъ томѣ своего „Опыта российской библиографіи“, помѣстилъ Лопухинскій правоучительный катехизисъ и краткое извлеченіе изъ самого „Духовнаго рыцаря“—молитву пріора при засѣданіи капитула. Съ тѣхъ поръ это сочиненіе, про которое самъ авторъ его сказалъ, что это „охотникамъ только извѣстная пьеса“—нигдѣ напечатано не было. Оно отсутствуетъ въ настоящее время въ нашихъ

¹⁾ У меня находится также рѣдкое сочиненіе по «герметической философіи», такъ называемый: Mutus liber..., въ которомъ аллегорически изображенъ ходъ внутренняго обновленія человѣка.

А. О.

в книгохранилищахъ, императорской публичной библіотекѣ и московскомъ Румянцовскомъ музеѣ. Въ послѣднемъ имѣется только рукописный экземпляръ его, исполненный извѣстнымъ любителемъ масонства—Сафоновымъ.

Одновременно съ изданіемъ этого сочиненія оно было переведено Дружескимъ обществомъ на французскій и нѣмецкій языки и въ рукописяхъ быстро распространилось въ общества. Не осталось нивалкихъ указаній, существовала ли въ екатериненское царствованіе ложа, руководившаяся статутами Духовнаго рыцаря, намъ также неизвѣстна судьба этого капитула и въ александровскую эпоху.

По семейнымъ преданіямъ мнѣ извѣстно, что дѣдъ мой, въ двадцатыхъ годахъ этого столѣтія, состоялъ въ капитулѣ Духовнаго рыцаря, частной, домашней ложѣ, съ опредѣленнымъ въ статутахъ числомъ членовъ—собравшейся въ собственномъ домѣ моей прабабушки, госпожи фонъ-Гомпешъ. (С. v. Nöbresch).

Такимъ образомъ розенкрейцество нашло отголосокъ въ русскомъ обществѣ долгое время послѣ того, какъ Новиковъ и Шварцъ, учредившіе въ 1782 г. орденъ Златорозоваго креста и Дружеское общество, перестали дѣйствовать на этомъ поприщѣ.

М. Н. Лонгиновъ, извѣстный авторъ многихъ сочиненій по части розенкрейцества, говоритъ: „если кто нибудь желаетъ найти нѣкоторое объясненіе духа, руководившаго дѣйствіями Новикова—можно указать на рѣдкую до чрезвычайности книгу: Духовный рыцарь или ищущій премудрости 5791 г. Изъ этого сочиненія можно заключить, что ученіе Новикова и его друзей, хотя и сохранило многое изъ обрядовъ и основаній масонства и мартинизма, но отдѣлило отъ себя все то, что унижало и извращало это ученіе въ обыкновенныхъ ложахъ“.

Покройный Лонгиновъ заключаетъ свою статью о Новиковѣ и Шварцѣ просьбою къ читателямъ: „лица, имѣющія какіе бы то ни было документы, касающіеся Новикова и его общества, окажутъ услугу нашему просвѣщенію и нашей гражданственности, если опубликуютъ ихъ во всеобщее свѣдѣніе“.

Въ виду того, что находящееся у меня сочиненіе было напечатано столѣтъ назадъ, въ весьма ограниченномъ числѣ экземпляровъ и теперь представляетъ библиографическую рѣдкость,—я, полагая, что сочиненіе это откроетъ нѣкоторыя новыя стороны русскаго розенкрейцества, которыя могутъ служить матеріаломъ при изученіи его, и руководясь вышеприведенными словами Лонгинова, рѣшился помѣстить мое сообщеніе, въ возможно точномъ переводѣ, на страницахъ „Русской Старины“, въ надеждѣ, что оно будетъ имѣть значеніе въ той массѣ матеріаловъ, которые явились въ этомъ историческомъ изданіи и которые всесторонне освѣтили бытъ русскаго общества преимущественно XVIII-го вѣка.

А. Н. Федченко.

С.-Петербургъ.
20-го октября 1883 г.

Облекитесь во всеоружіе Божіе, чтобы вамъ можно было стать противъ козней дьявольскихъ. И такъ станьте, препоясавъ чресла ваши истинною и облекшись въ броню праведности.

И обувь ноги въ готовность благовѣствовать миру. А паче всего возьмите щитъ, вѣры и шлемъ спасенія и мечъ духовный, который есть слово Божіе (къ Ефесянамъ VI. 11, 14—17).

Преданность своему монарху и отечеству, любовь къ ближнему, ненависть къ пороку и стараніе вооружиться всею душою и всѣмъ тѣломъ на борьбу съ противниками христіанства и свѣта науки—вотъ добродѣтели духовныхъ рыцарей.

Онѣ однѣ только могутъ сообщить право и честь вступленія въ это общество, коего цѣль,—черезъ поддержку правотѣрной власти на землѣ—проложить въ сердца путь къ небесному Іерусалиму.

Все испытывайте, хорошего держитесь.

(I Послание къ Солосалом. V, 21).

Общія правила духовныхъ рыцарей или ищущихъ премудрости, которыя долженъ подписать и вѣтвенно обѣщать исполнять каждый Духовный Рыцарь при своемъ поступленіи.

1. Примѣрное упражненіе въ страхѣ Божіемъ и тщательное исполненіе заповѣдей евангельскихъ.

2. Непоколебимая вѣрность и покорность своему государю, съ особливою обязанностью охранять престолъ его, не только по долгу общей вѣрноподданнѣй присяги, но и всѣми силами стремясь изобрѣтать и употреблять всякія къ тому благія и разумныя средства и такимъ же образомъ стараться отвращать и предупреждать все оному противное тайно и явно, наипаче въ настоящія времена адскаго буйства и волненія противу властей державныхъ.

3. Рачительное и вѣрное исполненіе уставовъ и обрядовъ своѣя религіи. NB. Изъ христіанскихъ токмо религій могутъ быть приняты въ общество ищущихъ премудрости.

4. Совершенное повиновеніе учрежденнымъ въ правительствѣ начальствамъ и примѣрное наблюденіе законовъ государственныхъ.

5. Совокупными силами и каждому особо, сколько можно, противоборствовать буйственной и пагубной системѣ мнимыя вольности равенства и стараться искоренять ее всѣми искусственными средствами дѣйствій разума и всякими возможными путями добрыми.

6. Стараться вообще распространять благонравіе и дѣлами, и словами, и произведеніями разума, по силамъ и способностямъ своимъ.

7. Если бы при всей благонамѣренности учрежденія рыцарей, ищущихъ премудрости, верховной монаршей волею, по какимъ либо причинамъ, заблагоразсудилось запретить ихъ собранія, то повиноваться оному повелѣнію безропотно и безъ малѣйшаго нарушенія онаго.

Общество ищущих премудрости должно имѣть библіотеку, которая, крокъ книгъ св. писанія Ветхаго и Новаго завѣта, изученіемъ коихъ прежде всего и преимущественно ищущіе премудрости должны заниматься—должна заключать въ себѣ и нѣкоторыя другія назидательныя и содержащія въ себѣ всю мудрость ученія масонскія книги, а также и всю философію эрметическую.

Вотъ указатель нѣкоторыхъ книгъ.

1. *Mutus liber in quo tamen tota philosophia hermetica figuris hieroglyphicis depingitur, ter optimo, maximo Deo consecratus solisque filiis artis dedicatus autore cujus nomen est Altus.* (21. 11. 82. Neg.

93. 82. 72. neg.

82. 81. 33. tued.).

2. *Hirtenbrief an die wahren, achten Freimaurer alten Systems 5785.* (Пастырское посланіе къ истиннымъ и справедливымъ свободнымъ кланьщикамъ древней системы).

3. *Die theoretischen Brüder.*

4. *Annulus Platonis.*

5. *Компасъ мудрыхъ.*

6. *Бесѣды Макарія Египетскаго и писанія другихъ отцевъ греко-восточныхъ церкви.*

7. *Премудраго Өомы Кемпійскаго чтеніе. О подражаніи Христу.*

8. *Mystère de la Croix.*

9. *Werke von Taulerus.*

10. *M-me Guion et Fénelon: Oeuvres spirituelles.*

Нѣкоторыя изъ этихъ книгъ, во время засѣданій капитула, должны лежать на столѣ. Вышеозначенныя книги приведены только какъ указаніе въ какого рода книгахъ ищущіе премудрости могутъ найти о ней откровеніе, но не какъ классическія для этой степени масонства. *Catechisme moral pour les vrais F. M. 5790* можетъ служить катехизисомъ этой степени, посредствомъ котораго тѣ, кои стремятся получить понятіе о путяхъ премудрости и ея таинственнымъ училищѣ, могутъ поучаться, обращая вниманіе на извѣстное изображеніе Храма природы и благодати.

Испытаніе.

Въ комнатѣ испытанія стоятъ три стола. Одинъ изъ нихъ обтянутъ чернымъ сукномъ. На немъ лежатъ слѣдующіе предметы: а) Ветхій завѣтъ, открытый на 6 и 7 главѣ книги премудрости Иисуса сына Сирахова. б) Символь

рыцаря, ищущаго премудрости, крестъ, начертанный въ сердцѣ (символь

этотъ долженъ быть позлащенъ), прикрѣпленный къ красному пятаугольному

шнурку. с) Обнаженный мечъ. d) Незажженный свѣтильникъ. e) Черепъ, внутри коего долженъ стоять горящій свѣтильникъ. f) Небольшой сосудъ съ чистою водою, и g) табличка съ золотой надписью, гласящей: „Познай себя и ты обрѣтешь сокрытое въ тебѣ счастье“.

Второй столъ обтянуть бѣлою тканью. На немъ стоять четыре незажженные свѣтильника и между ними лежить изображеніе пламенной звѣзды съ буквою Г въ серединѣ. Напротивъ стола, на доскѣ начертаны золотыми буквами слова: „Блаженъ тотъ, кто въ сердцѣ своемъ слышитъ ясный гласъ божественнаго слова и въ природѣ видитъ свѣтъ Откровенія божественнаго“.

На столѣ лежить бѣлый, подбитый чернымъ, кожаный передникъ. Третій столъ обтянуть желтою тканью. На немъ сосудъ для умыванья съ водою, бѣлыя перчатки и золотая, каменщицья лопаточка. NB. Если погѣшеніе позволяет, то лучше, если эти три стола находятся въ отдѣльныхъ трехъ комнатахъ, въ которыхъ происходятъ бесѣды и дѣйствія съ посвящаемымъ.

Приготовление испытываемаго.

Братъ-руководитель ¹⁾ вводитъ, въ опредѣленное время, испытываемаго, у коего завязаны глаза, безъ шпаги и шляпы, въ комнату испытанія и облекаетъ его въ черный плащъ, на лѣвой сторонѣ коего находится изображеніе, окруженнаго змѣями, сердца, въ серединѣ коего видны темные лучи, затмѣенныя однако распространенымъ на сердце мракомъ (?) ²⁾. Подкладка плаща также черная. Руководитель снимаетъ новязку съ глазъ испытываемаго и предлагаетъ ему сѣсть у перваго стола въ молчаливомъ созерцаніи, стараясь сосредоточиться въ самомъ себѣ и говорить ему слѣдующее:

„Ты будешь счастливъ, любезный братъ, когда ты живо почувствуешь въ себѣ мракъ невѣжества и мерзость порока и будешь презирать его. Это чувство будетъ для тебя цѣлѣбно и оно дастъ тебѣ возможность приблизиться духовно къ Первоисточнику свѣта, который обитаетъ въ глубинѣ и близокъ только тому, кто его искренно ищетъ“. Затѣмъ руководитель совѣтуетъ испытываему внимательно замѣчать все, что онъ видитъ и что его окружаетъ, и дотрогиваясь до меча, лежащаго передъ нимъ, онъ говоритъ:

„Любовь, царящая на Востокахъ, посылаетъ силу, которая можетъ возбудить желаніе къ свѣту истины и можетъ одолѣть препятствія, возникающія во время исканія этого свѣта“. Руководитель удаляется.

¹⁾ Руководитель избирается по усмотрѣнію пріора.

А. Е.

²⁾ См. находящееся на стр. 281 изображеніе лѣвой стороны такого плаща.

По открытіи капитула пріоръ говоритъ брату-руководителю: „Иди во имя премудрости къ кандидату и испытай его строжайше, согласно нашимъ статутамъ“. Когда братъ-руководитель удался, пріоръ обращается къ капитулу съ слѣдующими словами:

„Любезные братья, пожелаемъ изъ глубины души счастья испытующему брату и соединимся въ духовной молитвѣ, чтобы сама премудрость осѣнила и сопровождала его въ этой дѣятельности, чтобы она возбудила въ кандидатѣ

искреннее желаніе искать ее и помогла ему въ его трудномъ испытаніи. Эту чувства мы должны питать во время испытанія⁴. После этой рѣчи какъ пріоръ, такъ и братья пребываютъ въ глубокой тишинѣ и благочестивомъ молчаніи—каковое должно быть соблюдаемо при всякой бесѣдѣ.

ПЕРВАЯ БЕСѢДА.

Братъ-руководитель подходитъ къ испытуемому и спрашиваетъ:

а) Чувствуетъ ли онъ, что его окружаютъ мракъ, но что постоянно свѣтитъ лучъ, который, хотя и не кажется яркимъ, все же освѣщаетъ все окружающее его пространство?

б) Вѣрить ли онъ въ то, что въ мракѣ заключается свѣтъ, а въ смертномъ безсмертное?

с) Вѣрить ли онъ въ то, что въ мракѣ засіяетъ свѣтъ, а изъ тлѣннаго возродится вѣчное?

NB. При этомъ братъ-руководитель долженъ разъяснить испытуемому, что всякое рожденіе сопряжено съ болѣзнію, тлѣніемъ и разрушеніемъ и подтвердить это примѣрами, почерпнутыми изъ природы.

д) Искренно ли его желаніе искать премудрость?

е) Гдѣ думаетъ онъ ее найти?

Затѣмъ онъ представляетъ ему сопряженныя съ исканіемъ премудрости трудности, говоритъ ему, что люди считаютъ это исканіе безуміемъ, считают зломъ ее благодѣянія, что искатели премудрости встрѣчаютъ въ мірѣ презрѣніе, насмѣшку, преслѣдованія, часто даже подвергаются опасности умереть и спрашиваетъ, готовъ ли онъ перенести всѣ эти трудности, которыя „ему могутъ угрожать?“

Если руководитель далъ на всѣ эти вопросы удовлетворительный отвѣтъ, руководитель требуетъ, чтобы въ доказательство, что испытуемый погруженъ въ мракъ и въ знакъ отвращенія его къ мраку и его твердой рѣшимости освободиться отъ его оковъ и его откровенности и добрія—сознаться въ своемъ главномъ пороки и обнаружить свои сомнѣнія, еслибы онъ имѣлъ таковыя по отношенію къ ученію премудрости. Когда кандидатъ исполнилъ все это, братъ-руководитель долженъ по крайнему разумію своему наставлять его и разъяснить ему его заблужденія. Возложивъ на него, лежащій на первомъ столѣ,

символъ , онъ говоритъ ему, что пять узловъ на шнурахъ выражаютъ ту

мысль, что искатель премудрости долженъ обуздать свои пять чувствъ и подчинить ихъ требованіямъ разума. Онъ совѣтуетъ ему болѣе всего упражняться въ смиреніи, какъ необходимой для искателя премудрости добродѣтели, и возвращается въ капитулъ, чтобы дать отчетъ въ этой первой бесѣдѣ. По вы-

слушаніи отчета брата-руководителя пріоръ говоритъ ему: „Иди и испытай вторично кандидата и если онъ пребудетъ твердымъ въ своемъ рѣшеніи и будетъ продолжать начатое имъ предпріятіе, онъ получитъ съ Востока поддержку и для него взойдетъ свѣтило“.

ВТОРИЧНАЯ БЕСѢДА.

Когда братъ-руководитель возвратился къ кандидату, онъ спрашиваетъ его, обдумалъ ли онъ трудности пути, по которому намѣренъ идти. Если братъ-руководитель видитъ въ кандидатѣ эту твердую рѣшимость, онъ передаетъ ему мечъ со словами: „Тѣмъ, кто искренно стремится къ свѣту и мужественно борется противъ мрака, сообщается съ Востока могучая сила на поддержку въ столь благотворной дѣятельности“. Затѣмъ онъ приказываетъ ему умыть себѣ глаза изъ находящагося передъ нимъ умывальника и подаетъ ему зажженный свѣтильникъ со словами:

„Слова премудрости зажигаютъ въ томъ, кто ее неутомимо и усердно ищетъ— свѣточъ, который освѣщаетъ ведущую къ ней стазю. Этотъ свѣтъ долженъ расширить ее и открыть новые пути; но свѣтъ этотъ должно бережно предохранять отъ зловернаго дуповенія безбожнаго мрака, который тѣмъ болѣе обуреваетъ его, чѣмъ ярче этотъ свѣтитъ“.

Руководитель сопровождаетъ кандидата ко второму столу, повязываетъ ему кожаный передникъ, приказываетъ снять сапоги и находящюся у него въ рукѣ свѣчю зажечь четыре свѣтильника, стоящіе на столѣ. Обративъ вниманіе кандидата на всѣ находящіеся передъ нимъ предметы, онъ говоритъ ему:

„Почтенный уважаемый братъ! Все, что ты видѣлъ до сихъ поръ, является собою великую награду премудрости; она награждаетъ того, кто ищетъ ея свѣтъ, но, любезный братъ, ты долженъ преодолѣть еще большія затрудненія, ты долженъ подвергнуться строжайшему испытанію—прежде, нежели ты достигнешъ цѣли. Согласенъ ли ты подвергнуться всей строгости этихъ испытаній?“ Послѣ утвердительнаго отвѣта руководитель продолжаетъ:

„Для лучшаго испытанія ея послѣдователей—жаждутъ ли они ея свѣта, его самого, а не премудрости ¹⁾ ради, останутся ли они ей вѣрными, когда они, не вкусивъ еще сладости ея, преслѣдуемы уже злобою враговъ истины,—сего испытанія ради, говорю я, премудрость, открывъ нѣкоторыя изъ ея сокровищъ и являсь въ полномъ сіяніи своемъ—совершенно скрывается отъ тѣхъ, кто уже уарѣлъ ее и лишаетъ ихъ всѣхъ тѣхъ предметовъ, кои уже услаждали ихъ. И это также представляется тебѣ теперь“.

Затѣмъ онъ ему снова повязываетъ глаза, тушитъ свѣчи, стоящія на столѣ, беретъ у него свѣтильникъ и ставитъ его, не потушивъ его, на столъ. Мечъ остается въ рукахъ у испытуемаго.

¹⁾ Т. е. богатства и вообще земныхъ благъ, приобретаемыхъ ею.

Руководитель обращается къ нему съ слѣдующими словами:

„Премудрость скрываетъ свой свѣтъ испытанія ради, но никогда не теряетъ силы остаться ей вѣрнымъ, въ тягчайшихъ превратностяхъ судьбы. Въ этомъ состояніи испытующаго ослѣпленія нужно остерегаться отчаянія, какъ величайшаго искушенія. Терпѣливое и безропотное подчиненіе священнымъ законамъ премудрости—самая надежная опора во время этого слѣпного состоянія, которое можетъ быть предвѣстникомъ самаго яркаго свѣта. Сказать тебѣ сію истину повелѣваетъ мнѣ гласъ братской любви, какъ и нашудрѣвшіе мастера истиннаго франкмасонства, кои постоянно въ высшей степени имъ (т. е. гласомъ) руководимы, ни о чемъ такъ не печалуются, какъ о порабощенныхъ тьмою братьяхъ. Это составляетъ большую и можетъ быть единственную печаль сихъ мудрецовъ, обитающихъ мирныя, райскія обители, мудрецовъ, готовыхъ отдать свою жизнь и радость за благо ихъ братьевъ. Вѣрь мнѣ, что этотъ-то ихъ духъ, царящій въ ихъ любвеобильныхъ сердцахъ, можетъ принести тебѣ большую пользу на твоемъ пути“.

Послѣ этого братъ-руководитель оставляетъ кандидата и отдаетъ отчетъ капитулу о его состояніи и бесѣдѣ съ нимъ. NB. Отчеты брата-руководителя о бесѣдахъ съ кандидатомъ должны быть кратки и онъ не обязанъ сообщать откровеннаго признанія кандидата въ своихъ порокахъ или сомнѣніяхъ кому либо, кромя пріора капитулы,—которому дѣлаетъ свое сообщеніе наединѣ. Послѣ отчета о второй бесѣдѣ, пріоръ говоритъ брату-руководителю:

„Иди въ третій и послѣдній разъ и испытай кандидата и если желаніе видѣть свѣтъ еще не угасло въ немъ, если онъ откровенія ожидаетъ не какъ награду за выяснившіяся во время испытанія мнимыя достоинства, но увѣренъ, что, сопровождающая премудрость, Благость надѣлаетъ его откровеніемъ—ему можетъ быть возвращенъ видѣнный имъ свѣтъ, который воссияетъ съ большимъ блескомъ и освѣтитъ все мѣсто его работы.“

Третья бесѣда.

Когда братъ-руководитель возвращается къ кандидату, онъ испытываетъ его согласно сдѣланному ему предписанію; если этотъ послѣдній находится въ желаемомъ состояніи духа, руководитель снимаетъ съ него плащъ и одѣваетъ другой, лѣвая сторона его бѣлая. На ней изображено уязвленное сердце, изъ коего точится кровь, окруженное лучами. Правая сторона темная и на ней видны пятна крови, текущей изъ сердца. Руководитель зажигаетъ снова свѣчи, подаетъ ихъ испытующему, снимаетъ повязку съ его глазъ и обращается къ нему съ слѣдующими словами:

„Всеблагая премудрость воздаетъ искателю ея, который остался ей вѣрнымъ, въ то время, когда она представила его тягчайшимъ испытаніямъ тьмы—сторичей вкушенное имъ во время перваго просвѣщенія и даритъ ему сокро-

вида и всевозможныя блага, чтобы не только пользоваться ими непрерывно, но и видѣть блескъ ея могущества".

У третьяго стола руководитель умываетъ ему руки, въ знакъ того, что въ храмѣ премудрости сохраняется невыразимое, прекрасное и неоцѣнимое сокровище, концы премудрость радуется и награждаетъ ищущихъ ее, тайныхъ друзей ея, и которое такъ чисто, что ничто нечистое не должно его коснуться.

„Въ память сего, любезный братъ, продолжай носить въ нашихъ собраніяхъ бѣлый кожаный передникъ и бѣлыя перчатки“.

Кандидатъ одѣваетъ ихъ и руководитель подаетъ ему золотую каменщицью лопаточку со словами:

„Премудрые приемотръ орудіе для работы, чтобы восхвалять Начало благодати и въ точности исполнять его волю“.

Послѣ сего, прикрѣпивъ каменщицью лопаточку къ кожаному переднику, испытуемаго вводятъ въ собраніе капитула.

Посвященіе.

Когда кандидатъ съ братомъ-руководителемъ подходятъ къ двери, послѣдній стучитъ въ дверь ¹⁾ и пріоръ велитъ спросить: „кто тамъ?“ Церемоній-мейстеръ послѣ опроса пріоткрываетъ дверь и говоритъ пріору слѣдующее:

— „Испытанный, омовенный, съ символомъ избранія и полученными въ честномъ бою ранами украшенный братъ, который жаждетъ премудрости“.

Пріоръ: Таковому не долженъ и не можетъ быть возбраненъ входъ.

Дверь открывается. Руководитель вводитъ испытуемаго, который держитъ въ рукѣ мечъ и свѣтильникъ, и подводитъ его къ ковру, близь пріора. Пріоръ говоритъ, обращаясь къ нему:

— „Предпринимай это дѣло съ осмотрительностью“.

Затѣмъ спрашиваетъ его: „Желаешь ли ты, любезный братъ, продолжать съ нами, предпринятое тобою, исканіе премудрости?“ Послѣ утвердительнаго отвѣта прозноситъ слѣдующія слова писанія:

1) Общій испроситъ у Бога премудрость, служить Ему и поклоняться Отцу въ Духѣ и истинѣ.... Богъ есть Духъ и поклоняющіеся Ему должны поклоняться въ Духѣ и истинѣ. (Іоанна IV. 23. 24).

2) Любите справедливость суди земли, право мыслите о Господѣ и въ простотѣ сердца ищите Его.

Въ лукавую душу не войдетъ премудрость и не будетъ обитать въ тѣлѣ, порабощенномъ грѣху. (Прем. Солом. I. 1, 4).

3)Богъ есть любовь и пребывающій въ любви пребываетъ въ Богѣ и Богъ въ немъ (1 посл. Іоанна IV. 16). Сообрази и отвѣчай!

Послѣ утвердительнаго отвѣта онъ продолжаетъ:

¹⁾ Особеннымъ стучомъ, по которому узнавали себя франкмасоны.

„Любезный братъ! Дабы исполнить всѣ твои обѣты, старайся почерпнуть силу изъ источника искомай тобою премудрости. „Просите и дастся вамъ, толцете и отверзится“.

„Но безъ поддержки съ Востока, желаніе познанія не только не можетъ увеличиться, но даже не можетъ возникнуть въ насъ; безъ нея невозможно одержать побѣду въ борьбѣ съ міромъ, пороками и адскимъ источникомъ зла.

„Борящійся со зломъ и стремящійся къ премудрости воинъ, съ прискорбіемъ ощущающій поработившій его вракъ, долженъ чувствовать въ себѣ мучительную его силу и собственное безсіе. Онъ долженъ, ожидая поддержку отъ одного только Всемогущаго Бога, въ своемъ глубочайшемъ уничиженіи, почитать себя за ничто. Когда онъ приготовится воспріять слово откровенія, на него сойдетъ духъ премудрости и сила его источника осѣнитъ его. Зачатый и духовно-рожденный премудростью онъ долженъ вполнѣ предоставить себя своей матери и подобно младенцу питаться ея дѣвственнымъ, чистымъ молокомъ“.

Послѣ нѣкотораго молчанія:

„Подойди, братъ, къ мѣсту работы!“

Братъ-руководитель ведетъ его, послѣ того какъ онъ предварительно снялъ туфли (которыя одѣвалъ вмѣсто сапогъ), на коверъ, на коемъ изображенъ земной шаръ, окруженный надписью: „Visita interiora terrae rectificando invenies occultum lapidem“ ¹⁾). Послѣ непродолжительнаго молчанія, пріоръ приказываетъ испытуемому пожертвовать нѣсколько золотыхъ монетъ, въ знакъ довѣрія и доказательства, что онъ преданъ не богатству, а премудрости, которую ищетъ ради ея самой, а не ради ея сокровищъ.

Онъ подаетъ нѣсколько золотыхъ монетъ и стклянку, наполненную свѣтлой тинктурой, руководителю.

Послѣ этого пріоръ произноситъ слѣдующую рѣчь:

„Всякая вещь, какъ бы она ни была драгоценна, если даже она заключаетъ въ себѣ всѣ сокровища земли, не должна быть и не есть цѣль истинныхъ масоновъ. Стремленіе, достойное ихъ—искать зеркало премудрости, чтобы увидѣть ясное изображеніе ея невидимаго источника, ея божественное дѣйствіе и совершеніе ея священной воли, въ исполненіи которой мудрые видятъ все ихъ блаженство, единственную отраду и все ихъ сокровище. Что богаче премудрости, которая все дѣлаетъ? (Премудр. Соломон. VIII, 5).

„Созданный премудростью, испытанный въ вѣрности и послушаніи духовный рыцарь, который жаждетъ проникнуть въ тайны созданія, чтобы созерцать Творца ихъ и созерцать Его, чтобы возлюбить Его, и тотъ, кто любитъ премудрость для того только, чтобы угодить первоисточнику, а не потому, что въ правой рукѣ ея долгая жизнь, а въ лѣвой богатство—только такой человѣкъ можетъ вступить въ истинную ложу“.

¹⁾ См. находящуюся на стр. 287, такъ называемую „Гермесову Смарагдову таблицу или коверъ“, о которомъ идетъ рѣчь. А. Ф.

Послѣ молчанія:

„Блаженъ духовный юноша, возросшій въ тайнахъ премудрости, который отъ раннихъ лѣтъ своей жизни питалъ любовь къ божественному источнику своего бытія и сохранилъ неприкосновеннымъ муро духовнаго помазанія для дѣвственнаго брака съ божественною Софією (Σοφία).

„Блаженъ просвѣщенный премудростью духовный рыцарь, который не подчиняется искушеніямъ тьмы и не расточаетъ животворящаго сѣмени откровенія божественнаго. Если даже озаряющій его свѣтъ скрывается отъ него, какъ и отъ другихъ, не воплиѣ еще испытанныхъ въ вѣрности, то это совершается не для того, чтобы повергнуть его въ вѣчный мракъ.

„Премудрость скрываетъ свое сіяніе за тучу отъ взоровъ этого искателя ея съ цѣлью испытать его преданность и способность въ исполненіи дѣлъ благочестія.

„Тому, кто среди строгаго испытанія остается непоколебимымъ, свѣтъ ея сіяетъ въ полномъ блескѣ и снабжаетъ его великою силою, чтобы сдѣлавшись мужемъ и снявъ послѣ крещенія огненнаго ветхія одежды и облекшись въ одежду цѣломудрія и невинности, проникнуть въ тайны премудрости и постичь жертву откровенія, принесенную первосвященникомъ и чтобы, подобно другу и иска-

телю ея, воздѣлывать пашни ея животворящаго сѣмени и познать тайны ея царства⁴.

„Братъ, подойди къ алтарю!“

Въ то время, какъ онъ приближается, пріоръ приказываетъ одному изъ близко стоящихъ братьевъ прочесть VII главу книги премудрости Соломона отъ словъ: „Посему я молился и дарованъ мнѣ разумъ“.... до 22 стр.

Затѣмъ пріоръ говоритъ:

„Только мудрому подобаетъ знать тайны храма Премудрости, мы же должны познавать ихъ изъ притчъ.

„Приди, братъ, и приими символъ побѣды и узри здѣсь изображеніе свободы“.

Новосвященнаго съ правой стороны подводятъ къ пріору, который одѣваетъ ему на палецъ золотое кольцо¹⁾, и, снявъ съ него крестъ, обращается къ нему со словами:

„Освобожденному не подобаетъ болѣе носить сіе бремя, носи, любезный братъ, знакъ сей на розовой лентѣ, чтобы вспоминать величайшаго Судью и Божественнаго Учителя, который страданіемъ своимъ достигъ возможности обновленія, просвѣщенія и безконечнаго блаженства человѣка и совершеніемъ сего великаго подвига, на этомъ, изображенномъ здѣсь, орудіи сдѣлалъ его для насъ драгоценнѣе чистаго золота и милѣе райской лиліи“ (Въ это время онъ подаетъ ему знакъ рыцаря искателя премудрости).

Обращаясь къ капитулу: „Сія цѣлительная тайна креста—должна быть намъ всегда дорога; и хотя нѣкоторые лжеучители—не постигая ее, не вѣрять въ нее, но истинные мудрецы ищутъ и находятъ въ ней всю тайну премудрости и все нѣе блаженство. Ея настоящее изображеніе—есть исполненіе великой задачи мудрыхъ и воссозданіе малаго міра“.

Всѣ капитуляріи восклицаютъ: „Хвала во истину совершившейся тайнѣ спасенія!“

Пріоръ продолжаетъ, обращаясь къ новосвященному:

„Блаженъ тотъ, кто шествуетъ по стезѣ воплотившейся премудрости, которая была въ мірѣ, которая былъ міръ, и которую міръ не зналъ. Блаженъ добродѣтельный рыцарь свѣта, который выдержалъ честный бой и во время совершилъ свой путь въ непоколебимой вѣрности къ премудрости.

„Трижды блаженъ мудрый учитель и пастырь премудрости, который непорочно пребываетъ въ свѣтомъ святыхъ храма природы и милости, который самъ сталъ живымъ храмомъ премудрости и ею повелѣваетъ всѣмъ міромъ. Онъ уходитъ, чтобы отдохнуть отъ перенесенныхъ имъ трудностей, послѣ сообщенія животворящей и назначенной имъ для оживленія извѣстнаго круга—силы—послѣ распушенія всѣхъ узловъ и наималѣйшихъ, невидимыхъ нитей,

¹⁾ Обыкновенное кольцо, въ которомъ вырѣзанъ крестъ со словами „Помни о смерти“, которое онъ постоянно долженъ носить. А. Э.

связывавших его со страню испытанія—онъ уходитъ въ царство невозмутимаго спокойствія, которое полно неизмѣримыхъ и неизсякаемыхъ источниковъ чистаго наслажденія.

„Сіяніе сего духовнаго свѣточа, исполнивъ мѣру опредѣленнаго откровенія въ странѣ мрака и заблужденія, течетъ къ своему началу и даже сей избранный сосудъ премудрости, превращенный въ неомрачаемый свѣтъ, возносится къ своему источнику и соединяется центрально съ верхнимъ солнцемъ чистаго свѣта“.

При этомъ пріоръ беретъ у новопосвященнаго свѣчу, гаситъ ее и продолжаетъ:

„Сотворенный этимъ солнцемъ, оно будетъ жить его свѣтомъ, двигаться, питаться и одѣваться. Сіе есть награда и спокойствіе, которое обѣщано мудрому“.

При этомъ онъ беретъ у новопосвященнаго мечъ и говоритъ:

„Входящій въ обитель мира и спокойствія, гдѣ никакая враждебная сила не можетъ къ нему приблизиться, не нуждается въ оружіи“, „сядь, братъ, на то мѣсто, которое аллегорически изображаетъ отдохновеніе“.

Вслѣдъ за этимъ одѣваніе его замѣняютъ другимъ, подобнымъ одѣванію пріора и капитуляріевъ. Новопосвященный садится воевъ пріора, съ правой стороны, который, называя его „рыцаремъ“, обращается къ нему съ слѣдующими словами:

„Во время происшедшаго съ тобою обряда, ты получилъ новое имя и зовешься отнынѣ рыцаремъ NN“.

Затѣмъ пріоръ продолжаетъ:

„Для истиннаго рыцаря премудрости и добродѣтели, который здѣсь на землѣ вынесъ духовную борьбу ради откровенія и увѣчанный одержанною надъ зломъ побѣдой—непосредственно переселенъ въ царство вѣчной радости блаженства и спокойствія, для него не существуетъ труда, его счастливый путь никогда не прекратится, потому что онъ течетъ въ вѣчность. И этотъ воинъ, который, подобно поглощенной океаномъ калѣ, плыветъ въ безбрежномъ пространствѣ свѣта, постоянно погружается въ бездну источника премудрости, куда влечетъ его сила божественнаго движенія“.

Обращаясь ко всѣмъ:

„Да, братья, блаженны и присноблаженны тѣ, которые преданно работаютъ въ храмѣ премудрости, которые безнаказанно занимаются великимъ дѣломъ обновленія и въ новомъ царствѣ готовятъ трапезу блаженства.“

„Вкушая отъ сей трапезы, они услаждаются новымъ питіемъ возобновленнаго плода винограднаго. До нихъ, въ то время когда они осынены священнымъ виноградникомъ, кою виноградари они были, не достигаетъ сила разрушающихъ элементовъ.“

„Гдѣ же будутъ эти элементы?“

„Жало земныхъ, тлѣнныхъ элементовъ исчезнетъ въ очистительномъ огнѣ и они возродятся въ дѣвственной росѣ новаго неба и новой земли къ ясности

чистаго, непреходящаго, райскаго существа. Никогда незаходящее свѣтило обновленія воссіяетъ, потому что посредствомъ его все исполнено въ тайнѣ воплощеніемъ премудрости. Вездѣ будетъ царить безсмертіе, всякая тварь возликуетъ, радуясь своему освобожденію отъ тлѣнія и смерти и воспоетъ свободу сыновъ премудрости, кои блестятъ въ золотомъ, солнечномъ одѣяніи, безсмертныхъ духовныхъ созданій.

„Всякое дыханіе будетъ прославлять совершеніе цѣлительной тайны креста, который премудростью вознесенъ на престолъ славы и сіяетъ въ коронѣ побѣды.

„Тѣ, кои съ премудростью пострадали—съ нею и вознесены будутъ, они постигнутъ блаженство небесной побѣды и войдутъ въ безграничную вѣчность блаженной обители единаго свѣта, гдѣ праведники наслаждаются гѣснопѣніемъ чистыхъ духовъ, воспѣвающихъ славу Трисвятого—и соединять съ ними голоса, чтобы восхвалять всѣ созданныя и несозданныя чудеса и красоту“.

Знаки этой степени состоятъ.

- 1) въ крестообразно на груди сложенныхъ рукахъ;
- 2) въ троекратноѣ лобзаніи при обоюдномъ объятіи.

Слово, по которому члены капитула узнаютъ другъ друга, есть—*Natura* ¹⁾.

Другое слово этой степени масонства есть Γνώθι σεαυτόν; оно произносится раздѣльно въ оба уха.

Устройство капитула.

Въ комнатѣ, обращенной окнами на востокъ, стоятъ четырехугольный, обтянутый краснымъ сукномъ, столъ и на немъ Евангеліе, открытое на первой главѣ отъ Іоанна. Предъ Евангеліемъ стоятъ свѣтильникъ съ семью свѣчами въ знакъ того, что Богъ и Его Слово—истина, воплотившаяся ради нашего спасенія, познаетъ все семью, стоящими передъ Его престоломъ, духами и семью очами, про которыхъ сказано въ откровеніи св. Іоанна:

„И я взглянулъ, и вотъ, посреди престола и четырехъ животныхъ и посреди старцевъ, стоялъ агнецъ, какъ бы закланный, имѣющій семь роговъ и семь очей, которые суть семь духовъ Божіихъ, посланныхъ во всю землю“ (Откр. Іоанна V, 6). На полу передъ столомъ разостланъ коверъ, на которомъ изо-

¹⁾ Слово „*Natura*“ изображается такъ

бразень земной шаръ, окруженный семью планетами, и звезда, пылающая между землею и луной. Съ лицомъ, обращеннымъ на Востокъ, сидитъ пріоръ, въ бѣлой мантии, вышитой золотомъ. Братья капитулярін имѣютъ въ лѣвой петлицѣ символъ духовнаго рыцаря на розовой лентѣ; кожаный бѣлый передникъ съ лопаточкой свободнаго каменщика виситъ на бѣломъ шнурукѣ и у нихъ одѣты бѣлыя перчатки. Шпаги и шляпы не могутъ быть носимы въ обыкновенномъ засѣданіи капитула. Братья сидятъ по обѣ стороны пріора.

Открытие засѣданія капитула.

Пріоръ трижды ударяетъ рукояткой шпаги по столу и вопрошаетъ:

„Уважаемые братья! Приняли ли мы необходимыя предосторожности, чтобы работать въ тайнѣ отъ міра, который не любитъ премудрости?“

Братъ-церемоніймейстеръ отвѣчаетъ: „Все исполнено и премудрость сама скрываетъ тѣхъ, кто любитъ ея работу“. Всѣ садятся; пріоръ спрашиваетъ: „Что есть премудрость?“

Одинъ изъ братьевъ: „Премудрость есть дыханіе силы Божіей и чистое напіаніе славы Вседержителя: посему ничто оскверненное не войдетъ въ нее. Она есть отблескъ вѣчнаго свѣта и чистое зеркало дѣйствія Божія и образъ благодати Его“ (Прем. Солом. VII. 25—26).

Вопросъ. Гдѣ пребываетъ премудрость?

Отвѣтъ. Премудрость свѣтла и неупадающа и легко созерцается любящими ее и обрѣтается ищущими ее. Съ ранняго утра ищущій ее не утомится: ибо найдетъ ее сидящею у дверей своихъ. VI. 13, 14.

В. Что нужно, чтобы найти премудрость?

Всѣ отвѣчаютъ: Одно!

В. Что есть начало премудрости?

О. Страхъ Божій.

В. Какое лучшее средство найти ее?

О. Какъ можно чаще представлять себѣ, при мысли о вездѣсущиіи Бога, что мы постоянно находимся предъ очами Всевидящаго и наконецъ такъ свыкнуться съ этой мыслью, чтобы она никогда не покидала насъ и постоянно проявляла бы свое дѣйствіе въ дѣлахъ нашихъ и помышленіяхъ¹⁾.

В. Кто мудръ?

О. Тотъ, кто въ божественной благодати видитъ ясный свѣтъ природы и имѣетъ ясное представленіе о существѣ и составѣ большого и малаго міра.

В. Какъ проявляется познаніе Бога?

¹⁾ Эту великую истину пріоръ долженъ внушать капитуляріамъ и каждый разъ настаивать въ ея духѣ собраніе, руководясь особенно премудрой книгой „La gréissance de Dieu“, которую вообще каждый духовный рыцарь долженъ изучить.

О. Богъ открылъ ее духомъ своимъ, ибо духъ проникаетъ все и глубины Божіи (1 посланіе Павла къ Коринте. II, 7, 8, 9, 10).

В. Что нужно чтобы познать составъ большого міра?

О. Познай то, отчего происходятъ всё созданія.

В. Отчего же происходятъ всё созданія?

О. Хаосъ былъ и есть первоисточникъ и начало всёхъ созданій.

В. Что нужно, чтобы познать составъ малаго міра?

О. Познаніе самого себя, въ триничномъ бытіи.

В. Что есть человекъ?

О. Малый міръ, субстратъ всёхъ созданій, а потому почти равный большому міру.

В. Какъ былъ созданъ первый человекъ?

О. Богъ создалъ человека для нетлѣнія и содѣлалъ его образомъ вѣчнаго бытія своего, но завистью дьявола вошла въ міръ смерть, и испытываютъ ее принадлежащіе къ удѣлу его. Солом. II. 24.

В. Въ чемъ состоитъ задача премудрыхъ?

О. Въ уничтоженіи стараго и воссозданіи новаго.

В. Чѣмъ осуществляютъ они эту задачу?

О. Одною только творческою силой.

В. Каковы должны быть качества искателя премудрости?

О. Духовный рыцарь, прежде всего, долженъ любить Бога, стараться узнать Его волю и употреблять всё силы и способности, чтобы угодить Ему. Онъ долженъ любить ближняго, стремиться къ истинѣ и познанію, прилежно наблюдать и испытывать окружающій міръ и стараться проникнуть въ сокровенныя тайны бытія, удаляться отъ тщеславія, любить молчаніе и сосредоточиваться въ себѣ самомъ и наконецъ — познать корень зла, чтобы тѣмъ сильнѣе возненавидѣть его и тѣмъ легче принять мѣры къ уничтоженію царства тьмы, изъ подъ ига котораго искатель истины долженъ освободиться.

В. Когда духовный рыцарь долженъ начать свою работу?

О. Въ то время, когда онъ увидитъ, что мудрость и истина скрыты отъ падшаго человека.

Всѣ встаютъ, пріоръ говоритъ:

„Итакъ работа наша должна начаться и продолжаться во имя и во славу Трисвятаго“.

Пріоръ произнеситъ слѣдующую молитву:

„О Троиственный и Единый, Всемогуцій, Премудрый и Благій Господь, Ты, глаголавшій устами Твоего Единороднаго Сына, воплотившагося Слова, что въ человекѣхъ есть Царство Твое, подай намъ сотворенную Тобою Премудрость, пошли ее съ небесъ и отъ Престола славы Твоея, дабы она не оставяла насъ въ нашихъ начинаніяхъ и мы могли бы узнать, что Тебѣ угодно. Итакъ исправятся наши пути и мы Твоею Премудростью избавимся отъ грѣха и смерти“.

и взойдемъ въ Царство ея, омовенные животворящею водою и возрожденные Духомъ Твоимъ“.

Всѣ братья произносятъ: Аминь!

Затѣмъ всѣ садятся и начинаютъ масонскую работу благочестія.

Заключеніе.

Пріоръ: Уважаемые братья! Имѣетъ кто либо сказать что нибудь къ споспѣшествованію на пути исканія премудрости?

Если никто не имѣетъ ничего сказать или сказанное уже исполнено, онъ продолжаетъ:

„Когда можетъ окончиться работа духовнаго рыцаря“?

О. Когда исчезнетъ возможность быть лишеннымъ премудрости.

В. Чѣмъ руководятся истинные сыны и послѣдователи ея?

О. Одною лишь любовью, которая руководитъ, воодушевляетъ, утѣшаетъ и поддерживаетъ ихъ.

В. Каковъ признакъ истиннаго масона?

О. Добровольный подвигъ мученичества къ возвышенію ихъ задачи.

Всѣ встаютъ, а пріоръ говоритъ: „Привнесите слово искателя премудрости“.

Это требованіе исполняютъ. Пріоръ говоритъ:

„Засѣданіе закрыто“.

Пріоръ произноситъ слѣдующую молитву:

„О неимягоуемый и непостижимый Боже, Отецъ свѣтовъ, Источникъ живота и жизнь единая! Ты еси премудрый строитель всего чина и всея лѣпоты и въ ангельскомъ и въ небесномъ и въ стихійномъ мірахъ, конкъ согласіе есть таинственная лѣстница къ невидимому престолу Твоему, и всѣми чертами видимаго возвѣщаетъ о зракѣ Твоемъ, сокровенно вездѣ сущемъ, въ чистомъ свѣтѣ натуры. Раствори истинною любовью сердца наши, да возлюбимъ тебя паче всего и ближнихъ нашихъ возлюбимъ тебя же ради. Отверзи духовный слухъ нашъ, да слышимъ гласъ Божественнаго Пастыря, взыскающаго овцу погибшую, и да будемъ покорны сей непостижимой любви, учинившейся агнцемъ, вземлющимъ грѣхъ міра. Очисти внутреннія въ насъ очеса, да узримъ ясно, что все видное кругъ есть великія цѣли, ея же ты еси начало и конецъ, и въ каждой твари яко во звѣнѣ цѣпи сея, да обрѣтаемъ черты образа и подобія свѣта, освѣщающаго и просвѣщающаго всякаго человѣка, грядущаго въ міръ. И все сіе, о Боже! для достойнаго поклоненія Тебѣ во царствѣ Твоемъ, сущемъ во внутренности и сокрытомъ темною и тлѣнною крамяною падшаго естества. Дажь намъ быти чадами Твоими, дабы достойне служить Тебѣ, пренебесному Отцу, въ божественномъ Твоемъ царствѣ, коего плоть и кровь наследовать не могутъ и для зрѣнія коего внутреннему человѣку подобаетъ родиться свыше и водою и духомъ креститься дабы внити въ него“.

Всѣ братья произносятъ: „Аминь“!

Ритуалъ столоваго собранія.

А. Передъ вкушеніемъ пищи.

Передъ пріоромъ стоитъ свѣтильникъ съ семью свѣчами, освѣщающій весь столъ, бочка съ солью, бѣлый хлѣбъ и красное вино. Когда всѣ братья собрались, пріоръ трижды стучитъ рукояткой шпаги по столу, вслѣдствіе чего всѣ становятся по порядку и открытіе застольнаго собранія совершается по слѣдующему статуту. Пріоръ вопрошаетъ, а одинъ изъ кантуляріевъ отвѣчаетъ. Пріоръ: что изображаетъ собою соль?

Братъ: Мудрецы говорятъ, что соль есть символъ премудрости.

II. Что должно напоминать намъ хлѣбъ и вино?

О. Хлѣбъ и вино должны напоминать намъ о чудѣ, совершенномъ надъ нами Мудрѣйшемъ изъ мудрыхъ.

II. Чѣмъ долженъ питаться искатель премудрости?

О. Душу свою онъ долженъ питать словомъ Божиимъ и скрытымъ въ премудрости духомъ Его, тѣло же, какъ неизбежное орудіе въ юдоли плача и испытанія, должно находить поддержку въ элементахъ, дарованныхъ натурой.

„Уважаемые братья, испросивъ благословеніе отъ Того, Кто даетъ намъ премудрость и засушенный хлѣбъ, подкрѣпимъ наше тѣло, соблюдая однако благоразумную умѣренность, памятуя слова: „Итакъ, ѣдите ли, пьете ли, или иное что дѣлаете, все дѣлайте въ славу Божию“ (I посл. Павла къ Коринто., 10, 31).

Послѣ краткаго, благочестиваго молчанія всѣ начинаютъ вкушать пищу.

За трапезой пьютъ:

I. За драгоцѣнное здоровье всѣхъ мудрыхъ.

Пріоръ говоритъ: „Свѣтъ премудрости, который освѣщаетъ ихъ и свѣтитъ черезъ нихъ, долженъ все болѣе и болѣе въ нихъ увеличиваться“.

II. За здоровье всѣхъ духовныхъ рыцарей-искателей премудрости.

Съ дозволенія пріора старшій братъ высказываетъ пожеланіе: „Да не утомятся они въ тяжелой борьбѣ и съ радостью пріемлютъ бремя, которое несутъ духовные рыцари“.

III. За здравіе предстоятеля.

Младшій изъ братьевъ обращается къ пріору отъ имени всѣхъ кантуляріевъ:

„Мы желаемъ, уважаемый братъ и предстоятель, чтобы любовь, смиреніе и преданность ученію премудрыхъ составляли основаніе твоихъ предпріятій, дѣяствій и словъ!“

Пріоръ благодаритъ кантуль, стоя, тогда какъ всѣ братья при этомъ сидятъ:

„Благодарю васъ за ваше братское увѣщаніе. Да поможетъ мнѣ Богъ исполнить данный мнѣ вами завѣтъ.“

Вкусивъ отъ вина, продолжаетъ:

„Уважаемые братья, я слабый, грѣшный и мало знающій мои недостатки, человекъ. Я умоляю васъ, во имя братской любви, уважать мнѣ мои проступки, и, если я согрѣшилъ противъ кого нибудь изъ васъ, дать мнѣ сладкое утѣшеніе, обнять колѣна его, который или простить мнѣ съ любовью, или обвинить меня“.

В. Послѣ вкушенія пищи.

Пріоръ: Уважаемые братья! Чтобы исполнить заповѣдь любви, удѣлимъ тѣмъ изъ нашихъ братьевъ милостыню, которые находятся въ нуждѣ и болѣзни. Церемоніймейстеръ собираетъ деньги и передаетъ ихъ казначею.

Пр. Какимъ символомъ изображается натура?

Бр. Франкмасоны изображаютъ ее въ видѣ пламенной звѣзды, которая отражаетъ въ себѣ божественное дыханіе, всеобщій и центральный пламень, оживляющій, сохраняющій или уничтожающій все созданное ¹⁾).

П. Какія кромя того суть преимущественно аллегорическія изображенія франкмасоновъ?

О. Камень дикій, камень кубическій и гробъ.

П. Что изображается подъ видомъ камня дикаго?

О. *Materia prima et eruda philosophorum.*

П. Что изображается подъ видомъ камня кубическаго?

О. *Sal philosophorum.*

П. Что означаетъ гробъ?

О. Смерть и тлѣніе, неизбежная стезя къ возрожденію большого міра и всѣхъ, находящихся въ немъ, тварей.

Пр. Что можетъ еще напомнить собою гробъ?

О. Что смертью и тлѣніемъ вѣтхозавѣтнаго человека осуществляется новое созданіе въ маломъ мірѣ, въ коемъ человекъ освободится отъ господства и власти плоти и грѣха!

Послѣ благочестиваго молчанія и краткой благодарственной молитвы всѣ восклицаютъ:

„Всемогущему Богу да будетъ хвала, честь и слава во вѣки вѣковъ. Аминь!“

Устройство общества духовныхъ рыцарей или ищущихъ премудрости.

I. Общество этихъ рыцарей раздѣляется на ложи □ или капитулы.

II. Каждый капитулъ состоитъ изъ пріора или предсѣдателя и 12 капитуляріевъ, изъ коихъ избираются: секретарь, церемоніймейстеръ и казначей, первые два пріоромъ, казначей же по выбору всѣхъ капитуляріевъ. Въ одномъ капитулѣ число братьевъ никогда не можетъ превышать двѣнадцать.

¹⁾ См. изображеніе натуры на стр. 290.

III. Три брата уже составляют ложу, могут открыть заседание и работы.

IV. Чтобы быть принятым рыцарем в общество, необходимо согласие пріора, коему одному предоставляется испытать состояние души и умственными способности кандидата, что же касается гражданской добродѣтели и поведения, то при всякомъ выборѣ необходимо согласие всего капитула, почему вслѣд кандидатъ предлагается въ полномъ собраніи капитула пріоромъ и избирается посредствомъ баллотировки.

Одинъ противный голосъ достаточенъ, чтобы не допустить выбора.

V. Избраніе и назначеніе пріора зависитъ отъ выбора магистра ордена.

Рыцарскія одежды.

Мантия пріора при торжественныхъ собраніяхъ непременно бѣлая и, какъ гласитъ ритуаль, должна быть вышита золотомъ. Въ такую мантию облачают и вновь посвящаемого въ день вступленія въ братство. Кроме описанныхъ выше символовъ, каменщицей лопаточки и кожаннаго передника, которые братья носятъ только при торжественныхъ собраніяхъ, т. е. въ день чьего либо посвященія, или въ день братскаго праздника ¹⁾, они еще носятъ шпаны и шпаны, послѣднія на широкой, черной, шелковой перевязи, черезъ плечо, на коей начертаны золотыми буквами слѣдующія слова: „И такъ ставьте, препоясавъ чресла ваши истинною и облекшись въ броню праведности“ (Къ Ефессчанамъ, посл. VI, 14).

Торжество общества ищущихъ Премудрости, которая есть Слово Божіе, воплотившееся насъ ради, должно праздноваться въ день Рождества Христова, Спаса нашего, слѣдующимъ образомъ:

Вечеромъ наканунѣ праздника, всѣ духовные рыцари, въ той мѣстности находящіяся, собираются въ полночь облаченіи, подъ предсѣдательствомъ изъ старѣйшаго пріора, и послѣ открытія засѣданія капитула, какъ сказано то было въ ритуаль, говорятъ рѣчи, приличествующія торжеству. Послѣ сего открывается застольное собраніе, во время котораго братья заняты назидательными бесѣдами и благочестивыми пѣснопѣніями, что продолжается до полночи. Какъ только часы пробили двѣнадцать, всѣ встаютъ по знаку, данному пріоромъ, и засѣданіе капитула закрывается, по вышеуказанному статуту ритуала, — гвалобнымъ гимномъ въ честь Спасителя міра. Въ этомъ собраніи каждый разъ должны быть собраны значительныя пожертвованія для нуждающихся ближнихъ, во славу Христа. Аминь!

Перев. съ нѣмецкой рукописи и сообщ. А. Н. Федотченко.

¹⁾ Потому что въ собраніяхъ для назиданія, благости и молитвы изъ пріоръ, ни капитуларіи не носили украшеній.

РАННІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ ЯКОВА ПЕТРОВИЧА ПОЛОНСКАГО

1845 — 1851 гг.

Намъ сообщено изъ Тифлиса шесть стихотвореній нашего талантливаго и неизмѣнно симпатичнаго поэта Якова Петровича Полонскаго. Стихотворенія эти относятся къ раннему періоду его поэтическаго творчества и имѣють автобіографическое значеніе.

Мы обратились къ Якову Петровичу съ просьбою дозволить ихъ напечатать и получили не только на то его согласіе, но и нѣсколько объяснительныхъ примѣчаній. Ред.

I.

Графу (зпослѣдствіи князю) Михаилу Семеновичу Воронцову

передъ ею первымъ выѣздомъ изъ Одессы на Кавказское наѣстничество.

Кто покровительства у славы не искалъ,
Кого она сама нетерпѣливо ищетъ,
Тотъ уклоняется отъ суетныхъ похвалъ... —
Но строгая молва съ презрѣньемъ не освищетъ
Того пѣвца. чей стихъ звучитъ
О томъ, что каждый, каждый видитъ,
Онъ лестью божій даръ въ себѣ не постыдитъ,
И гордости народной не обидитъ.
Прими же первый звукъ привѣта моего,
Не потому, что ты наемъ уполюмоченъ,
Но потому, что благомъ подданныхъ его
Ты постоянно былъ и будешь озабоченъ.
Кого народъ, поэтъ и Богъ благословитъ,
Тотъ, вѣрю я, на поприщѣ великомъ
Тяжелые труды достойно совершитъ,
Однихъ завистниковъ преслѣдуемый крикомъ.
Иди же на востокъ за новую звѣздой —
Одесса выросла, уже громка, богата,
А тамъ, въ ущельѣ горъ, заглохнувшей стезей,
Мечемъ Ермолова проложенной когда-то,
Летаетъ нашъ орелъ и жалобно зоветъ
Вожда, пророчески воспѣтаго поэтомъ ¹⁾.
Сѣдой Кавказъ тебя нетерпѣливо ждетъ,
Чтобъ оправдать себя предъ легковернымъ свѣтомъ,
И глухо, ранами покрытый, говорить:
— „Чу, у воротъ моихъ стучится добрый вѣстникъ—
Вновь нима громкое въ ушахъ моихъ звучитъ...
Слѣши герой, слѣши намѣстникъ!
Тебѣ не въ первый разъ къ болямъ одушевлятъ
Измученныхъ полковъ летучіе отряды,

¹⁾ М. Ю. Лермонтовымъ въ стихотвореніи: «Споръ».

Тебѣ не въ первый разъ умомъ распознавать
 Достойныхъ казни и награды,
 Давно, давно тебя съ надеждами я жду—
 Моихъ надеждъ порукой — слава...
 Спроси изреченныхъ въ двѣнадцатомъ году.
 Ждать и надеяться имѣю ли я право?⁴
 И съ завистью Кавказъ бросаетъ мутный взоръ
 На берега сосѣдственной Тавриды,
 Гдѣ посреди непроходимыхъ горъ
 Теперь цвѣтутъ — сады Армиды...

1845 г. Одесса.

II.

Почтенной брати — привѣтъ!
 Вы угощаетесь не скупю,
 Какъ слышу я, на дѣлный свѣтъ
 Вы нынче задали обѣдъ,
 Что, признаюсь, весьма не глупо!
 А я, голодный, какъ поэтъ,
 (Бѣ тому-жъ и насморкъ у поэта)
 Кричу отсюда — мно и глѣта!
 Кричу, кричу, — а толку нѣтъ.

Въ сентябрь 1847 г.

III.

Хоть нынѣ и не суждено
 Мнѣ вмѣстѣ съ вами за одно
 Гулять на дачѣ за горами
 И ликовать и пить вино —
 Хоть я, быть можетъ, между вами,
 Что дѣлать! — лишнее звѣно!
 Но и вдали отъ васъ могу я
 Желать вамъ всякаго добра
 И, съ вами мысленно пируя,
 Кричать вамъ издали „ура!“
 Давъ волю чувствамъ беззаботнымъ,
 Друзья! я посылаю къ вамъ
 Мое „ура“, гостямъ почетнымъ —
 — Хозяину и всѣмъ гостямъ —
 „ура“, во первыхъ, казначею
 И Строкову сек. старю,
 Потомъ, Донъ-Педро — чудодѣю¹⁾, —
 Богданову — богатирю
 Журнальной комнаты! и пану
 Коляпскому, какъ англomanу
 Изъ Авермана — и другимъ

¹⁾ Донъ-Педро—Токаревъ, первый въ Тлелюльсѣ библиотекарь начинавшейся публичной библиотеки. Онъ умеръ съ переломленными ногами, выброшенный изъ окна, и, умирая въ полной памяти, не сказалъ кто былъ причиною его смерти.
 Я. II.

По чину, толстымъ и худымъ.
 „Ура“, Бугакову артисту —
 И кошкету-молодцу ¹⁾!
 „Ура“, Олсуфьеву-стрѣльцу,
 „Ура“, веселому софисту
 И кой-какихъ житейскихъ дѣлъ,
 Въ которыхъ онъ собаку съѣлъ,
 Профессору матерьялисту!
 И экзекутору и Брѣ!
 И всѣмъ, кто будетъ въ состояннѣ
 Найти отраду въ возлѣннѣ
 У Бахуса на алтарѣ.

23-го апрѣля 1849 г.

IV.

На ужинѣ у Токарева послѣ чтенія его романа «Сила воли».
 Экспромтъ Я. П. Полонскаго:

Кто испанецъ по фигурѣ?
 Кто въ душѣ храбрѣ Марса?
 Кто гулялъ когда-то въ шкурѣ
 Удивительнаго барса? —
 Кто плясалъ на Араратѣ ²⁾?
 Кто имѣетъ силу воли
 Написать въ своей тетради
 Больше главъ, чѣмъ кочекъ въ полѣ,
 Больше словъ, чѣмъ звѣздъ на небѣ,
 Больше буквъ, чѣмъ зеренъ въ хлѣбѣ?...

25-го февраля 1851 г.

V.

Стихи Я. П. Полонскаго — по случаю торжественнаго открытія
 Тифлискаго театра, росписаннаго княземъ П. Гагаринымъ, читан-
 ные графомъ В. А. Сологубомъ.

Вдали отъ сѣверныхъ и намъ родныхъ степей,
 На родинѣ воинственныхъ дѣтей,
 Въ странѣ, кругомъ заставленной горами,
 Куда насъ русскихъ привела
 Десница, правящая вами,
 На миротворныя дѣла —
 Въ странѣ, гдѣ такъ упорно, свято
 За крестъ боролся русскій штыкъ,
 Гдѣ съ европейцемъ азіата
 Сближаетъ русскій нашъ языкъ,
 Воинственной Россіи игра

¹⁾ Брѣсялъ кошку на сцену Большого московскаго театра во время одного балета.

²⁾ Токаревъ участвовалъ въ экспедиціи на Араратъ и, по разсказу Н. В. Хавинова, войдя на вершину, смутилъ всѣхъ тѣмъ что сталъ плясать. Я. П.

Не въ первый разъ поетъ, мечтаніи полна.
 Но здѣсь она была одна,
 И пѣснь ея была едва слышна
 Вдали отъ вѣчнаго союза
 Своихъ божественныхъ сестеръ.
 За рубежомъ враждебныхъ горъ
 Она не смѣла водвориться,
 Ей не готовъ былъ мирный храмъ,
 Чтобъ могъ хоть изрѣдка куриться
 Ея достойный фимиамъ.
 Но дальше, дальше въ глубь Кавказа
 Отъ насъ уходитъ гулъ войны,
 Ни мечъ, ни голодъ, ни зараза
 Не возмущаютъ миръ страны.
 На почвѣ, кровью утученной,
 Растутъ благія сѣмена,
 И слышится голосъ просвѣщенный
 Непросвѣщенная страна...
 Свои народныя богатства,
 Богатства мысли и труда,
 Смѣлѣе мы несемъ сюда,
 Народамъ въ даръ, по чувству братства. —
 Для мирныхъ музъ алтарь готовъ,
 Зовутъ народъ — зовутъ жрецовъ,
 Горять огни — блистаетъ злато, —
 Душа восторгами богата —
 И жаждетъ пѣсень и вѣнцовъ.

Хвала тому, кто край обезопасилъ
 И направленье далъ всему —
 Кто храмъ воздвигнулъ, и тому,
 Кто храмъ изящно такъ украсилъ.

25-го апрѣля 1851 г.

VI.

У нее какъ у Хитаны
 Взоръ, какъ молнія, блеститъ,
 Какъ у рѣзвой польской панни
 Голосъ ласково звучитъ,
 Какъ у юноши отъ раны
 Влѣденъ цвѣтъ ея ланитъ.

Есть возможность не влюбиться
 Въ красоту ея очей,
 Есть возможность не смутиться
 Отъ пріятливыхъ рѣчей,
 Но другихъ любить рѣшиться
 Нѣтъ возможности при ней.

Я. П. Полонскій.

КОНДРАТОВИЧЪ-СЫРОКОМЛЯ

1857 г.

Людовикъ Кондратовичъ родился въ Минской губерніи въ 1823 г., умеръ въ Вильнѣ въ 1862 году. Хотя всѣ сочиненія его писаны на польскомъ языкѣ, но онъ былъ въ душѣ истый литвинъ, безгранично любилъ свою родину и не раздѣлялъ политическихъ убѣжденій своихъ земляковъ, увлеченныхъ польскими тенденціями. Въ средѣ мѣстной публики и между поляками онъ былъ болѣе извѣстенъ подъ псевдонимомъ Сырокомли, взятымъ имъ отъ названія своего дворянскаго герба, такъ что нѣкоторые не знали даже его настоящей фамиліи. Во время бывшихъ въ Вильнѣ—въ 1861 и 1862 годахъ—публичныхъ революціонныхъ манифестацій, Кондратовичъ не принималъ въ нихъ участія, что однако-жъ не помѣшало виленскимъ революціонерамъ нарядить его послѣ смерти въ сѣрую революціонную чамарку. Замѣчательнѣйшія изъ его поэтическихъ произведеній: Иванъ Демборогъ, Маргеръ, Избушка въ лѣсу, Старыя ворота, Гетманскій ночлегъ, Власъ, драма: Софья—княжна Слуцкая, комедія: Деревенскіе политики, и много мелкихъ рассказовъ и стихотвореній, собранныхъ и изданныхъ въ Варшавѣ въ двухъ томахъ.

I.

Освобожденіе крестьянъ (Wyzwolenie Włościan).

Стихотвореніе это написано Сырокомлею въ 1857 году, въ то время, когда, по мысли въ Возѣ почившаго императора Александра II-го, выраженной въ высочайшемъ рескриптѣ, данномъ на имя В. И. Назимова, бывшаго тогда Виленскимъ генералъ-губернаторомъ, дворянство губерній Виленской, Гродненской и Ковенской собралось въ Вильнѣ для обсужденія способовъ улучшенія быта освобождаемыхъ крестьянъ,

и первоначально составило проектъ подчиненія сельскихъ обществъ помѣщичьему управленію. Это возмутило покойнаго Сырокомлю, и онъ написалъ стихотвореніе, приводимое здѣсь въ сдѣланномъ мною почти подстрочномъ переводѣ, чтобы ознакомить русскую читающую публику съ содержаніемъ подлинника:

Недавно волю я державную читалъ:
Въ ней людямъ царь права людей напоминаетъ,
И былъ увѣренъ я—литвинъ той воли зналъ,
И въ сердца жертвамъ онъ границъ не полагаетъ.

Пророка урожай на этотъ годъ большой,
Дожиныя ¹⁾ славныя по жатвѣ небывалой,
Я каждый день ходилъ къ рогаткѣ городской
Глядѣть, какъ на призывъ къ намъ шляхта прибывала.

Когда-жъ знакомое лицо я узнавалъ
И панской пылъ меня коляски обдавала,
Глазъ набѣгалъ слезой песокъ ли засорилъ,
Иль что-то сладкое отъ сердца наливало.

Откуда та слеза отрадная, какъ знать?
Но вмѣстѣ съ тѣмъ чело отъ гордости блистало,
Что предокъ мой—литвинъ, и что мою печать
Шляхетскаго герба корона украшала.

Напрасно, думалъ я, пустыя крикунимъ
На имя шляхтича бросали грязью злобно:
Покажетъ завтра имъ, что наши литвинимъ
Не даромъ шляхтою зовутся благородной.

И скоро прогремитъ по всей Европѣ вѣсть,
И Польша, и Москва заявятъ съ увлеченьемъ,
Что выпала на насъ, литвиновъ, первыхъ честь—
Ярмо снять съ мужичка и цѣпи тяжелой звѣнья.

И съ громкою хвалою рѣзцомъ въ скрижали времени,
Какъ свѣту образецъ, вѣкамъ на удивленье,
Внесетъ маршаловъ ²⁾ уѣздныхъ рядъ именъ,
Руководителей шляхетскаго движенья.

Какъ Августъ-Сигизмундъ ³⁾, они дадутъ починъ
Непринужденному отъ плети отреченью;—
И любо было мнѣ, что родомъ я литвинъ,
И что печать моя съ гербовымъ украшеньемъ.

¹⁾ Завершеніе жатвы.

²⁾ Предводителей дворянства.

³⁾ Авторъ сопоставляетъ, повидимому, отреченіе польскаго короля Сигизмунда Августа II-го на сеймѣ 1566 г. отъ своихъ воеводскихъ правъ надъ помѣстными шляхты.

За мѣсяцъ до сего я въ Ковнѣ поднималъ
 Со шляхтой громкій тостъ крестьянъ освобожденья;
 Читалъ, изъ Гродна, я, какъ брату посылалъ
 Горячія о томъ брать-шляхтичъ извѣщенья.

„Хотя у насъ песня и почва не красна,
 „И я для Друскеникъ ¹⁾ съ деньгами собираюсь,
 „Поздравь меня—писалъ—душой, какъ сатана,
 „Владѣть я не хочу, панщины ²⁾ отрекаюсь“.

Я жъ думалъ про себя: ой вы, тамъ, хвастуны!
 Что Ковно, Гродно мнѣ! Ты, родина святая,
 Ты, Вильно—мать Литвы,—и доблестно сыны
 Твои рѣшать вопросъ о младшей братии края!

Намъ сердца и ума на то не занимать!
 Въ крещенъи мы Литвы съ виномъ смѣшаемъ воду...
 И я гордился, что съ гербомъ моя печать,
 И что я сынъ родной литовскаго народа.

Съ Ошмяны, Лиды, Троку, съ Вилейки и Дисны,
 Подать свой приговоръ, крестьяннамъ безобидный,
 Къ намъ всѣ окрестные владѣльцы соаваны,
 Отборный шляхты цвѣтъ, для цѣли столь завидной.

Ужели этотъ цвѣтъ избранный, подъ рукою
 Достойныхъ маршаловъ шляхетскаго же лона,
 Покроетъ насъ стыдомъ, сорветъ вѣнецъ долой
 Съ священной головы ихъ предка Палемона ³⁾?

Но вотъ вопросъ рѣшенъ..... о бѣдный край родной!
 Отцы уѣздовъ честь отчизны помрачили,
 И цѣпи рабства вновь, подъ фирмою нной,
 На шеѣ навсегда крестьянской закрѣпили.

Позорной памяти, надъ бѣднымъ мужичкомъ
 - Проектъ они своей опеи подписали.....
 И стыдъ за Вильно мнѣ, печати стыдъ съ гербомъ,
 Стмжусь, чтобы меня литвиномъ называли!

Szytałem wolę dobroczynną sąga,
 Co prawa ludzi ludziom przurpomina,
 I byłem pewny, że żadna ofiara
 Nie będzie ciężką dla serca litwina.

¹⁾ Мѣстечко недалеко отъ Гродна, куда съѣзжаются лѣтомъ окрестные помещики для купанья и веселаго препровожденія времени.

²⁾ Варщины.

³⁾ Палемонъ, или Балмундъ, считается родоначальникомъ великихъ князей литовскихъ.

Wróząc urodzaj tego roku rzadki,
Piękne dożynki społecznego żniwa,
Chodziłem codzień patrzeć za rogatki,
Czy wiele szlachty do miasta przybywa.

Gdy mię obrzucił pył pańskiej kolaski,
Gdym ujrzał postać znajomą w przeskoku,
Łzy biegły z oka... czy to gryzły piaski,
Czy coś z pod serca płynęło do oka?

Ja nie wiem, nie wiem, z kąd ta iza się kręci,
Z kąd moje czoło zardzieje wawrzyńcem,
Że mój prapradziad był szczerym litwinem,
Że jestem szlachcic, że mam herb w pieczęci.

Myślałem sobie: napróżno krzykacze
Rzucali błotem na szlachcica miano;
Jutro, pojutrze na oczy zobaczą,
Że nas nie darmo szlachetnemi zwano.

Jutro, pojutrze z uniesieniem powie
Moskwa i Polska, i cała Europa,
Żesmy, litwini, w dobroczynnej znowie,
Jazmo i łańcuch rozwiążali z chłopca.

I najpierwsze odbiorą oklaski
I kartę w dziejach, jako przykład światu,
Ci, którzy dzierżą marszałkowskie laski,
Którzy są głową i sercem powiatu.

Jak Zygmund-August, oni z własnej chęci
Zrzekną się bicia nie słowem, lecz czynem,—
I byłem chlubny, że jestem litwinem,
Że jestem szlachcic, że mam herb w pieczęci.

Ze szlachtą w Kownie piłem przed miesiącem
Radośny toast wyzwolenia wkłóci,
Czytałem w Grodnie, jak inkaustem wrzącym
Brat swemu bratu dawał wiadomości.

«Choć tutaj piaski, choć tu grunt nie żyzny,
«Choć do Druskienik pieniędzy mieć muszę,
«Winszuj mi, bracie, zrzekłem się pańszczyzny,
«Bom ja nie szatan, by posiadać duszę».

Myślałem sobie: o wy, fanfarony!
Co mi tam w Kownie, co mi tam w Grodnie?
W Wilnie jest serce mej Litwy rodzonej,
Wilno tę sprawę rozwiąże nam godnie.

Tam wszyscy, dobrem ogólnem przejęci,
Wody chrztu Litwy przymieszają z winem...
I byłem chlubny, że jestem litwinem,
Że jestem szlachcic, że mam herb w pieczęci.

Ze starej Lidy, ze starej Oszmiany,
Z Trok Kiejstatowych, z Wilejki i Dzisny
Kwiat naszej szlachty dokoła wezwany
Wyrok dla ludu podpisać korzystny.

Z takim oklaskiem, w tak niedawnej chwili
Wybrani świetni powiatów ojcowie,
Czyż by się Wilnu wstydzic dozwolili,
Odjąć koronę palemońskiej głowie?

Przecież się stało... kraju mój rodzony!
Wieniec twej części odarty w tej chwili:
Ojcowie twoi własnymi imiony
Kajdany ludu pismem utwierdzili.

Podali dziejów obydnej pamięci
Swoją praktyczną opiekę nad gminem...
O, wstyd mi, Wilna! Nie chcę być litwinem,
I hańba mojej herbowej pieczęci!

Syrokomla.

1857 r.

II.

Приводимое ниже стихотворение написано Сырокомлю тоже въ 1857 году, по русски и безъ приготовления, въ альбомъ М. Гусеву, бывшему въ то время астрономомъ-наблюдателемъ при виленской обсерватори, съ которымъ Сырокомля связанъ былъ тѣсною дружбою. Передаваемые безъ малѣйшаго измѣненія, стихи эти, не имѣющие особаго достоинства по содержанию и языку, заслуживаютъ вниманія въ томъ отношеніи, что любимый поэтъ Литвы, при общемъ анти-русскомъ настроеніи тогдашняго мѣстнаго общества, не чуждался ни русскаго языка, ни дружескихъ связей съ русскими людьми.

Мой любезный Матвѣй!
Вотъ, по волѣ твоей,
Я попробовалъ сигъ—
И стихи смастерилъ.
Календарный мой стихъ
Безъ ухватокъ лихихъ.
Было-бъ лучше у насъ,
Да старѣетъ Пегасъ,
Ужъ подъ гору не вретъ,
И ѣздокъ ужъ не тотъ;
Хотя честень и чистъ
Формулярный мой листъ,
Все-таки Аполлонъ

20*

Старыхъ слугъ гонить вонъ
 И даль строгій указъ
 Въ Геліковъ и Парнасъ
 Набрать рекрутовъ вновь,
 А всѣхъ прежнихъ пѣвцовъ
 Прогоняють съ вершинъ,
 Титулярный давъ чинъ.
 Приказалъ, — такъ и быть!
 Строгій критикъ не спать;
 Хотя толку и нѣтъ
 У Варшавскихъ газетъ,
 Но ихъ воля, ихъ власть!
 Мнѣ въ судьи не попасть,
 А попавшихъ подъ судъ
 На допросы берутъ
 И, скрѣпивъ приговоръ,
 Прогоняють на дворъ.
 „Вотъ и служба какъ есть,
 „Вотъ и слава, и честь!“
 Такъ заводятъ порой
 Стихотворъ отставной,
 „Ужъ бы лучше попасть
 „Да въ питейную часть!“

Кондратовичъ-(Сырокомля).

Сообщ. А. Д. Тумановъ.

Видно.

12-го августа 1884 года.

ПОЭТЪ-КРЕСТЬЯНИНЪ СПИРИДОНЪ ДРОЖЖИНЪ

ВЪ ЕГО ВОСПОМИНАНІЯХЪ

1848—1884 гг.

VI ¹⁾.

Въ кружкахъ писателей

1875—1884 гг.

Послѣ женитьбы я прожилъ въ моей родной Низовкѣ до 3-го февраля 1876 года и затѣмъ поступилъ въ школу молочнаго хозяйства, основанную, въ 1868 году, братомъ извѣстнаго художника—Николаемъ Васильевичемъ Верещагинымъ, а съ 1871 г. существующую на средства министерства государственныхъ имуществъ.

Въ ней я былъ охотно принятъ Н. В. Верещагинымъ и зачисленъ стипендіатомъ по 120 р. въ годъ. Школа эта находится въ селѣ Единоновѣ, Корчевскаго уѣзда, на лѣвомъ берегу Волги, и всего въ 5-ти верстахъ отъ нашей деревни. Въ ней я, главнымъ образомъ, занимался изученіемъ скотоводства, маслодѣлія и частью сыроваренія и жилъ въ общей отведенной для учениковъ комнатѣ.

Въ свободное-же время, изъ собственной довольно обширной библиотеки Н. В. Верещагина, пользовался чтеніемъ книгъ и новыхъ журналовъ. Писать-же въ общей комнатѣ было неудобно; для этого я уходилъ зимой на теплый сѣноваль скотнаго двора, а лѣтомъ въ хорошую погоду уединялся въ лѣсу или въ полѣ, гдѣ, между прочимъ, было мной написано стихотвореніе «Двѣ поры», деревенскія картины. Привожу его здѣсь цѣликомъ:

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1884 г., т. XLIII, сентябрь, стр. 508—522; т. XLIV, октябрь, стр. 93—122.

Конченъ зимушки праздникъ суровый,
 Лѣсъ одѣлся зеленой листвою,
 Пѣнье птичекъ разносится снова
 Съ шумомъ вѣтра надъ глушью родной.
 Солнце всюду тепло разливаеъ,
 Облака золотыя плывутъ,
 Въ тучкахъ молнія ярко сверкаетъ,
 Съ горъ ручьи ледяные текутъ...
 Подымаются озими всходы,
 Въ гнѣздахъ пискъ раздается галчаты;
 Торжествуетъ родная природа,
 Каждый кустикъ мой радуется взгляду.

Лишь деревня, съ рядами избенокъ,
 Да исцѣптыя лица людей
 И лохмотья худыхъ одежонокъ
 Нарушаютъ гармонию въ ней.

Вотъ, крестясь, съ сохой выѣзжаетъ
 Мужичекъ изъ широкихъ воротъ,
 Лошаденку кнутомъ погоняеъ,
 Лошаденка насилу идетъ...

„Ну-же-ну!! ты, кормилница наша“
 (Понукаетъ буланку мужикъ).

„Какъ съ тобою мы пашеньку спасемъ,
 „Дамъ овса тебѣ дѣлныи осминъ,
 „Отпущу тебя въ праздничекъ въ поле,
 „Найдайся тамъ вдоволь травой.

„Ну-же-ну!! Эхъ, мужицкая доля,
 „Чѣмъ-то будешь кормиться весной!
 „Въ зиму-зимскую всё подобрала,
 „Не осталось въ домѣ зерна.

„Можетъ дѣтки чего посбирали?..
 „Щецъ-то сварить-ли нынче жена??“

Думалъ пахарь, окинувъ угрюмо
 Чернозема широкую гладь,
 Погруженный въ тяжелую думу,
 Началъ землю глубоко пахать.

И большими пластами ложилась
 Подъ сохою сырая земля...

Солнце за лѣсъ давно закатилось,
 Гдѣ-то слышится трель соловья.

Спать въ избенкѣ нашъ пахарь унылый,
 Но, едва пѣтухи пропоютъ,
 Принимается съ новою силой
 За вседневный и тягостный трудъ;
 То онъ ходитъ весь день за сохою,
 То по лѣсу стучитъ топоромъ,
 То на травѣ зеленой съ косомъ,
 То на нивѣ родимой съ серпомъ...

Такъ проходитъ и лѣто всё красное,
 Наступаютъ осенніе дни...

Свѣтитъ холодно солнышко ясное;
 Ночи темныя; въ глазъ хоть колья
 По лѣсамъ дерева зашумѣли,
 Навѣвая тоску на людей;
 Отъ мороза поля пожелтѣли,
 Птичекъ скрмылись отъ бурь и дождей.
 Непроглядная ночь до разсвѣта
 Надъ убогой деревней царить;
 Снится пахарю чудное лѣто,
 Солнце на небѣ жарко горить, —
 И онъ веселье идетъ за сохой,
 Возвращается рано съ полей,
 Окруженный довольной семьей
 И любовью жены и дѣтей,
 Но лишь только бѣднѣкъ просыпается,
 Слышитъ, буря шумитъ подъ окномъ,
 Иль жена возлѣ печки ругается,
 Да ревуть ребятишки кругомъ...

Нѣкоторыя мои пѣсни ученики и ученицы школы молочнаго хозяйства записывали и пѣли ихъ во время работы или вечерняго отдыха хоромъ; въ особенности имъ нравились: «Жалоба мастерового» и «Пѣсни рабочихъ». Н. В. Верещагинъ, узнавъ о моемъ авторствѣ, полюбилъ меня и часто приглашалъ къ себѣ въ домъ и знакомилъ меня съ своими гостями, прѣзжающими изъ разныхъ мѣстъ для ознакомленія съ дѣломъ школы молочнаго хозяйства. Здѣсь я, между прочимъ, познакомился съ однимъ писателемъ изъ народа и вмѣстѣ съ тѣмъ ярославскимъ земскимъ дѣятелемъ, Саввой Яковлевичемъ Деруновымъ, съ которымъ впоследствии встрѣчался въ Петербургѣ и нѣкоторое время имѣлъ дружескую переписку.

Осенью этого же года Н. В. Верещагинъ, вслѣдствіе малаго количества молока, лишннихъ учениковъ на время сталъ распускать по домамъ; въ ихъ числѣ предложилъ и мнѣ отдохнуть до весны будущаго года дома. Но въ виду бѣдности своей семьи я упросилъ его дать мнѣ на дорогу и отпустить въ Петербургъ для присканія тамъ себѣ какого-либо занятія. Н. В. согласился и я 6-го ноября прѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ сначала поступилъ на одну изъ табачныхъ фабрикъ, а 1-го декабря въ табачный складъ купца Горошкова, гдѣ я долженъ былъ за 10 руб. жалованья, занимаясь въ складѣ, также таскать на головѣ и возить на телѣжкѣ съ товаромъ корзинки.

Въ апрѣлѣ 1877 года ко мнѣ прѣзжаетъ жена и я ее устраиваю у этого же хозяина на квартирѣ домашнею прислугою, гдѣ для насъ отведена маленькая комнатка и мы по своему довольно счастливы. Къ тому же 1-го мая Горошковъ открылъ на Невскомъ противъ импера-

торской публичной библиотеки новый табачный магазинъ и поставилъ меня въ немъ ответственнымъ приказчикомъ съ жалованьемъ по 20 рублей въ мѣсяцъ. Здѣсь я просто отдыхаю нравственно, хотя магазинъ находится въ подвалѣ и въ немъ страшная сырость, такъ что переплеты книгъ покрываются зеленью.

Съ 1-го августа 1877 года я снова начинаю вести свой «дневникъ», начинающійся такъ: «Просматривая иногда свой дневникъ, писанный нѣсколько лѣтъ тому назадъ, мнѣ живѣе вспоминаются лица и обстоятельства, которыя въ то время меня занимали, и я невольно переношусь въ невозвратное прошлое. Теперь, принимаясь за него снова, я думаю, что мнѣ также черезъ нѣсколько лѣтъ будетъ приятно вспомнить все нынѣ передуманное и пережитое. Къ тому же я теперь пользуюсь нѣкоторою свободою читать, писать и передумывать, что мнѣ угодно. Сижу я теперь въ подвалѣ табачнаго магазина и, пользуясь изъ библиотеки Черкесова книгами, читаю романъ Мельникова (Печерскаго) «Въ лѣсахъ». Какой же это славный типъ передо мной рисуется въ лицѣ Потапа Максимовича Чапурина, просто чудо! А какой это подлецъ Алексѣй, вдругъ сдѣлавшійся по милости Потапа Максимовича первостатейнымъ купцомъ. А много есть на Руси такихъ мелкихъ людешекъ, какъ Алексѣй, и они будутъ еще существовать до тѣхъ поръ, пока на нихъ не повѣетъ благодатная струя всемогущаго образованія.

Также прочиталъ биографію Роберта Борнса, шотландскаго народнаго поэта. Этакая великая и славная личность! Затѣмъ читаю Льюиса «Жизнь Гете» и «Сочиненія Байрона» подъ редакціей Гербеля. На дняхъ посѣтилъ меня Н. В. Верещагинъ. Какой онъ хорошій и какъ я его люблю! Вотъ если бы побольше было въ Россіи такихъ людей, небось, тогда къ чорту бы и гнилой западъ!

Также зашелъ С. Я. Деруновъ. Онъ прочиталъ нѣкоторыя изъ моихъ новыхъ стихотвореній и отнесся къ нимъ критически. Подарилъ мнѣ свою брошюрку «О молочномъ хозяйствѣ» и обмѣнялся со мною фотографическими карточками.

2-го августа. Продолжаю читать жизнь Гете и переписываю свои стихотворенія, а также начатыя и неоконченныя поэмы.

5-го августа. Пишу романъ изъ жизни послѣдняго времени крѣпостничества...

Господи, помоги мнѣ бросить хотя искру Твоего божественнаго свѣта въ темныя души родимаго народа. Пусть какъ ночь смѣняется днемъ, такъ и мракъ народный смѣнится и засіяетъ свѣтомъ знанія, добра и славы!..

Когда-то я читалъ «Подлиповцы» Рѣшетникова, а теперь его чи-

такую в полномъ собраніи сочиненій, изданномъ Солдатенковымъ. Какая страшная правда въ этихъ «Подлиповцахъ». А гдѣ правда жизни, тамъ и поэзія. Написавшій этотъ очеркъ не могъ не любить своего бѣднаго, забытаго народа. Онъ вполне и истинно народный писатель. Я предсказываю, что его книга въ будущемъ будетъ настольною книгою каждаго крестьянина. Не все-же онъ у насъ будетъ безграмотнымъ.

Вчера былъ у меня мой старый другъ Сократъ, который отъ кого-то узналъ, что есть, написанный Мордовцевымъ и напечатанный во «Всемирномъ Трудѣ» 1869 г., романъ подъ заглавіемъ «Знаменіе времени», гдѣ выведены хорошіе новые люди. Я сегодня же досталъ этотъ романъ и читаю его съ большимъ увлеченіемъ.

6-го августа. Что это такое наша жизнь? и какая въ ней есть цѣль? Ужели только та, чтобы жить въ вѣчной борьбѣ за свое существованіе и умереть, не оставивъ по себѣ, какъ говорить поэтъ:

....ни мысли плодотворной,
Ни гениемъ начатаго труда...

но мы, умирая, должны вѣрить въ будущее преуспѣяніе и съ нимъ въ лучшую жизнь грядущихъ поколѣній.

7-го августа. Какъ хорошо бы намъ жилось, если бы изъ насъ сильные не обижали слабыхъ. «Возлюбимъ другъ друга, да единомысліе исповѣмы», провозглашаетъ священникъ, что значитъ: братья и сестры, безъ различія религій и народности, соединимся въ одну семью и будемъ жить какъ одинъ человѣкъ. Вотъ гдѣ предѣлъ чело-вѣческому стремленію къ счастью на землѣ.

9-го августа. Сегодня на меня напала какая-то тоска. Въ головѣ ни одной нѣтъ хорошей, свѣтлой мысли; просто на все хочется плюнуть. Всѣ эти дни почти ничего не могъ ни читать, ни писать. Чувствуется какая-то душевная истома. Ужъ не отъ того-ли, что на улицѣ такая скверная погода, а въ подвалѣ магазина такъ сыро, что я вздрагиваю какъ въ лихорадкѣ.

11-го августа. Отчего бѣднякъ не можетъ выбиться изъ своего тяжелаго положенія. Я это приписываю просто безхарактерности и крайней неподвижности ума, усыпленнаго невѣжествомъ. Дайте сначала этому человѣку средства къ образованію, тогда у него явится и само собою разовьется и способность къ самодѣятельности, связанной съ стремленіемъ къ матеріальной обезпеченности и личному счастью...

12-го августа. Сегодня былъ у меня Н. В. Верещагинъ, и отрекомендовалъ мнѣ Ѳ. Ѳ. Успенскаго. Послѣдній попросилъ прочесть ему нѣсколько стихотвореній, что я охотно и исполнилъ. При чемъ

выслушалъ отъ Успенскаго по поводу ихъ замѣчанія, что они по формѣ имѣютъ много общаго съ Никитинскими.

14-го августа. Вечеръ провелъ у стараго друга Сократа... На душѣ тоска и какое-то тяжелое недовольство самимъ собой... Богъ знаетъ, что я такое?...

31-го августа. Кончилъ чтеніе романа Мордовцева «Знаменіе времени». Это ни что иное, какъ программа человѣческаго счастья, но когда она осуществится въ жизни—Богъ вѣсть, только мнѣ не дожидаться этого общаго счастья.

29-го декабря 1877 г. Мы лишились выразителя нашихъ думъ—Николая Алексѣевича Некрасова.

Едва-ли мое слабое перо въ состояніи будетъ выразить всё горькія чувства о томъ, какъ теперь осиротѣла Россія безъ своего народнаго пѣвца. Некрасовъ умеръ во вторникъ 27-го декабря въ 8 часовъ 50 минутъ вечера, о чемъ я только могъ узнать вчера вечеромъ изъ газеты, и, пораженный въ самое сердце скорбью, ходилъ все время изъ угла въ уголокъ по магазину, декламируя его «последнія пѣсни». Предчувствіе поэта, въ нихъ выраженное, оправдалось.

Вчера же вечеромъ, проходя изъ магазина мимо дома Краевского, я долго всматривался на мерцающія сквозь опущенныя шторы свѣчи передъ гробомъ усопшаго, а сегодня, оставивъ въ магазинѣ жену, въ 8 часовъ вечера пошелъ на его квартиру, въ которой толпился народъ, старый и молодой, бѣдный и богатый. Общая скорбь соединила здѣсь всё сословія и примирила всё литературныя партіи. Я подошелъ къ гробу и взглянулъ въ лицо поэта, окруженнаго цвѣтами и зеленью. Онъ, казалось, спалъ; уста его были немного полуоткрыты; орлиный, какъ у Шиллера, носъ заострился; во всемъ лицѣ было разлито необыкновенное спокойствіе. Многіе подходили къ нему и дѣлали послѣднее цѣлованіе. Я долго со слезами смотрѣлъ на народнаго поэта и думалъ печальную думу:

Угасъ поэтъ—народъ осиротѣлъ.

Да и у всѣхъ присутствующихъ на глазахъ блестѣли слезы. Глубокая тишина царствовала у гроба. Комната, въ которой стоялъ гробъ, повидимому служила его кабинетомъ. На стѣнахъ, въ круглыхъ орѣховыхъ рамахъ, я замѣтилъ портреты: Шиллера, Гете, Гейне, Лонгфелло и Островскаго. Постоявъ еще немного, я поклонился, поцѣловалъ въ послѣдній разъ поэта и вышелъ.

30-го декабря. Сегодня въ 9 часовъ утра я проводилъ Некрасова отъ его квартиры до Владимірской улицы. Огромная [толпа народа провожала любимаго поэта въ его послѣднее жилище. При уны-

ломъ и громкомъ пѣни «Святый Боже» пѣвчими и народомъ несли на плечахъ дубовый гробъ, покрытый и окруженный множествомъ вѣнковъ съ разными прищалами. А городъ между тѣмъ, по случаю нашей побѣды въ войнѣ съ Турціею, былъ иллюминированъ разноцвѣтными коврами и флагами, что совсѣмъ не гармонировало съ похоронами народнаго поэта, незамѣнимая утрата котораго такъ будетъ чувствительна въ нашей современной поэзи.

Въ заключеніе, скажу приличное этому грустному событію свое стихотвореніе:

Вѣчная память.

Вѣчную память надъ гробомъ споемъ
 Тѣмъ, кто на свѣтѣ жалъ честнымъ трудомъ.
 Нажилъ не мало моголей въ работѣ
 И, умирая, въ предсмертной заботѣ
 Намъ завѣщаль не отчаянье въ жизни,
 А, прозрѣвая величье отчизны,
 Вѣрилъ, что колосъ нальется зерномъ,
 Вѣчную память споемъ!
 Тѣмъ, кто за родину въ битвѣ кровавой
 Умеръ вѣнчанный народною славой.
 Въ слово живое кто мысль воплощаль
 И въ тишинѣ свое дѣло свершалъ,
 Къ счастью стремился въ родину невзгоды,
 Съ вѣрою въ силу родного народа
 Духомъ не падалъ въ призваньи святомъ,
 Вѣчную память споемъ!!

Въ этомъ году, кромѣ мелкихъ стихотвореній, я началъ писать поэму «Привалъ на Волгѣ», отрывки изъ которой привелъ еще въ началѣ своихъ воспоминаній.

11-го января 1878 года я отправилъ свою жену на родину, такъ какъ она готовилась скоро быть матерью.

Въ началѣ февраля, совершенно случайно, познакомился съ однимъ тогда только-что начинающимъ литераторомъ, Александромъ Николаевичемъ Сальниковымъ. Онъ какъ-то узналъ отъ моего пріятеля, торгующаго въ пассажѣ табакомъ и отдѣльными нумерами газетъ и журналовъ, что я пишу стихи, поэтому немедленно зашелъ ко мнѣ въ лавочку и, отрекомендовавшись, просилъ дать ему для прочтенія какую-нибудь тетрадку своихъ стихотвореній, которыя ему такъ понравились, что онъ рѣшился показать и прочитатъ ихъ своимъ знакомымъ. Въ результатѣ оказалось то, что вечеромъ 5-го февраля я былъ введенъ

въ небольшой литературный кружокъ, гдѣ меня приняли чрезвычайно тепло и ласково, такъ что я сразу почувствовалъ себя, какъ говорится, въ своей тарелкѣ.

Кружокъ этотъ тогда собрался въ Поварскомъ переулкѣ на квартирѣ доцента императорскаго университета Сергѣя Павловича Г***, гдѣ былъ сервированъ чай и ужинъ, послѣ котораго я прочелъ нѣсколько своихъ стихотвореній, возбуждившихъ въ кружкѣ разныя сужденія и живой интересъ къ ихъ автору. Въ числѣ собравшихся особенно привлекъ мое вниманіе другъ и издатель поэта Ивана Захаровича Сурикова—Николай Александровичъ Соловьевъ-Несмѣловъ, съ которымъ впослѣдствіи мы сдѣлались самыми близкими и душевными друзьями. Кромѣ него, я тутъ-же дружески сблизился съ Александрю Николаевною Я*** и другими. Ждали въ этотъ вечеръ Александра Константиновича Михайлова (Шеллера), который почему-то не могъ быть и прислалъ записку, выразивъ въ ней желаніе видѣть меня у себя на квартирѣ.

Въ это время А. К. Михайловъ жилъ на Невскомъ проспектѣ въ домѣ Бенардаки. Я въ первый разъ пришелъ къ нему вмѣстѣ съ Сальниковымъ, а во второй разъ одинъ, въ то время, когда Александръ Константиновичъ пилъ чай, — это былъ 11-й часъ вечера, — онъ любезно пригласилъ меня къ чаю и попросилъ для журнала «Дѣло» дать нѣсколько моихъ стихотвореній.

На другой или на третій день я прислалъ ихъ къ нему съ однимъ изъ своихъ товарищей въ запечатанномъ конвертѣ. Изъ этихъ стихотвореній въ № 5 «Дѣла» было напечатано только одно подъ заглавіемъ «Сонъ труженника» (1875 г.). Привожу его здѣсь въ значительно исправленномъ противъ первоначальной редакціи видѣ:

Господи, сколько работы;
 Некогда даже вздохнуть,
 И отъ нужды и заботы
 Вся истомилася грудь.
 Некогда даже молиться;
 Лажешь въ постелью—во снѣ
 Хата знакомая снится,
 Мать на родной сторонѣ...
 Ночью въ промерзлыя окна
 Зимняя вьюга слышна,—
 Тянетъ родная волова
 Изъ шелковистаго льна.
 Лѣтомъ въ жару и ненасть
 Вижу я поле въ иду,
 Пѣсню про „горе-злосчастье“,
 Грустную пѣсню поеть...

Кончился сонъ безповойный,
Хочешь—не хочешь—вставай,
Снова какъ рабъ подневольный
Клѣба семьѣ добывай...

Вскорѣ также я познакомился съ молодымъ, какъ его называли, «стихійнымъ поэтомъ» А. А. О***. Онъ взялъ у меня «Пѣсни рабочихъ» и при своемъ письмѣ послалъ ихъ въ редакцію тогда только-что основаннаго журнала «Слово». Стихи были приняты и напечатаны въ 1878 г., въ № 4 этого журнала, въ которомъ замѣчены публикою и критикою; какъ мнѣ было извѣстно, также списывались и заучивались молодежью. Я сталъ вѣрить въ свои силы и строже относиться къ своимъ произведеніямъ и печатному слову. Написалъ вскорѣ стихотвореніе:

Поэту.

Поэтъ, предъ истинной святою,
Какъ передъ Господомъ живымъ,
Постой съ открытою душою
На стражѣ съ словомъ огненнымъ.
Борись съ неправдой и порокомъ,
Служи ты родинѣ своей,
Въ грядущемъ будь ея пророкомъ
И другомъ истиннымъ людей¹⁾.

Послѣ напечатанія «Пѣсни рабочихъ» Александръ Александровичъ О*** вмѣстѣ со счетомъ редакціи «Слово» принесъ мнѣ гонораръ по 50 копѣекъ за строку. Это былъ мой первый литературный заработокъ. Затѣмъ въ № 5 «Свѣта», издаваемого Н. П. Вагнеромъ, было напечатано стихотвореніе:

На пути.

Измучены нуждой, задавлены трудомъ,
Мы крестъ тяжелый свой безъ жалобъ несемъ...
Ни края, ни конца, ни свѣта на пути,
Но мы должны впередъ хоть ощупью идти,
Съ надеждой сладкою, съ желаніемъ въ груди—
Зарю прекрасныхъ дней увидѣть впереди.
Пусть тьма кругомъ, какъ ночь осенняя, виситъ,
И тернъ колючій насъ мучительно язвитъ,
Пока отрадный лучъ предъ нами не блеснетъ,
Мы будемъ все идти хоть ощупью впередъ.

¹⁾ „Тверской Вѣстникъ“ 1878 г., № 3.

За нимъ въ «Семейныхъ Вечерахъ» № 9 и 10 были напечатаны стих. «Дѣтскіе годы» и «Крестьянская семья»—рассказъ въ стихахъ, а въ изданной Н. А. Соловьевымъ-Несмѣловымъ книжкѣ «Маленькія дѣти» помѣщено стихотвореніе «Смерть малютки» и перепечатано изъ «Семейныхъ Вечеровъ»—«Дѣтскіе годы».

Въ концѣ-же этого года въ Твери было задумано еженедѣльное изданіе «Тверской Вѣстникъ». Н. В. Верещагинъ, принявшій живое участіе въ судьбѣ этого возникающаго родного органа провинціальной печати, тогда же пригласилъ меня быть его постояннымъ сотрудникомъ и я послалъ сюда нѣсколько стихотвореній, изъ которыхъ во 2-мъ № этого года, вышедшемъ 8 декабря, напечатано стихотвореніе «Весной», при чемъ отъ редакціи была сдѣлана выноска, что «авторъ крестьянинъ Тверского уѣзда д. Низовки», а въ слѣдующемъ № напечатано вышеприведенное стихотвореніе «Поэту».

10 марта (1878 г.) у меня родилась первымъ ребенкомъ послѣ моего брака дочь Дарья. Я продолжаю бывать въ кружкѣ молодыхъ писателей, который попрежнему большей частью собирался у Г***.

Дружба съ Николаемъ Александровичемъ Соловьевымъ-Несмѣловымъ, помимо кружка, особенно имѣла громадное вліяніе на мои взгляды, убѣжденія и литературный ростъ. Это была натура, какъ я понималъ, въ высшей степени честная въ своихъ убѣжденіяхъ и всесторонне образованная. Его литературные труды большею частію разсѣяны въ дѣтскихъ и педагогическихъ журналахъ. Кромѣ того, въ разное время имъ было составлено нѣсколько дѣтскихъ сборниковъ и руководствъ. Онъ, кромѣ литературы, занимался тогда уроками. Жилъ въ меблированной комнатѣ на Невскомъ возлѣ гостиницы «Москва», куда я часто забѣгалъ послѣ 11 часовъ вечера, чтобы, какъ говорится, только отвести душу, и побесѣдовать съ нимъ по душѣ. И эти бесѣды длились далеко за полночь. Днемъ-же онъ навѣщалъ меня въ магазинѣ, въ которомъ я прожилъ до 2 іюня.

Такъ какъ, вслѣдствіе дурной торговли, хозяинъ принужденъ былъ его закрыть и вмѣстѣ съ тѣмъ не хотѣлъ мнѣ отдать слѣдующаго расчета, то я, передавъ свой контрактъ и другія бумаги, свидѣтельствующія о неполученномъ мною съ купца Горошкова жалованьи въ количествѣ около ста рублей, помощнику присяжнаго повѣреннаго Аркадію Владиміровичу Покровскому, 15 іюня возвратился на родину, гдѣ отецъ и мать, не вида никакой денежной помощи, приняли меня крайне недружелюбно, часто дѣлали мнѣ очень непріятныя сцены и не давали возможности ни читать, ни писать, смотря попрежнему на это, какъ на пустую забаву и безцѣльное препровожденіе времени. Я принужденъ былъ прятаться съ книгою или листомъ бумаги въ огородѣ или уходилъ въ лѣсъ и

тамъ на свободѣ читалъ или писалъ. Впрочемъ и это дѣлалось только по окончаніи моихъ полевыхъ работъ или въ праздничные и воскресные дни. Скоро пріѣхалъ ко мнѣ изъ Петербурга отдохнуть и пожить деревенскою жизнью мой старый другъ Сократъ. Онъ нѣсколько ожиwилъ меня своимъ присутствіемъ, а въ концѣ лѣта Покровскій прислалъ мнѣ изъ взысканныхъ съ купца Горошкова денегъ 75 рублей, которыми я поправилъ деревенскую нужду и успокоилъ своихъ родителей, которые тотчасъ перемѣнили тонъ и стали снисходительнѣе смотрѣть на мои занятія литературою. Изъ деревни я поддерживаю постоянную переписку съ моими новыми петербургскими друзьями Н. А. Соловьевымъ-Несмѣловымъ и А. Н. Я***. Они жили въ это время на дачѣ въ д. Знаменкѣ близъ Новаго Петергофа.

8 октября 1878 г. я опять уѣзжаю въ Петербургъ, а 17-го поступаю приказчикомъ въ табачный магазинъ Демьяновича, только-что окончившаго тогда курсъ въ медико-хирургической академіи. Онъ положилъ мнѣ, при готовомъ содержаніи, 15 рублей въ мѣсяцъ жалованья и предоставилъ позади магазина, въ полное мое распоряженіе, большую комнату съ плитою и водопроводомъ, разрѣшивъ мнѣ при этомъ выписать изъ деревни жену и ребенка.

Здѣсь я также могъ свободно заниматься литературою и принимать у себя новыхъ литературныхъ друзей, которые, спасибо, меня не оставляли. Тутъ чаще всего бывалъ у меня А. А. О***, Н. А. Соловьевъ-Несмѣловъ, А. Г. Сахарова, А. Н. Я***, художникъ Алексѣй Аввакумовичъ Наумовъ и только-что въ то время начинающій поэтъ Сергѣй Александровичъ Бердяевъ (Кіевскій), съ которымъ мы по пятницамъ часто бывали въ кружкѣ А. Г. Сахаровой, и многіе другіе. Всѣ эти люди, безъ всякаго сомнѣнія, имѣли на меня немалую долю своего вліянія и я считаю это время самою лучшею страницей во всей моей многотрудной жизни, о которомъ всегда буду вспоминать съ величайшимъ удовольствіемъ и благодарностью къ друзьямъ, которые мнѣ столько принесли своимъ умомъ и своею образованною рѣчью эстетическихъ наслажденій.

11 декабря ко мнѣ пріѣхала жена съ маленькою Дашей, а 12-го былъ день моего ангела. Вечеромъ въ комнатѣ сзади магазина собрались всѣ мои новые литературные друзья. Много тутъ было сказано хорошихъ рѣчей и много спѣто новыхъ и старыхъ пѣсень. Нѣкоторыми изъ друзей были мнѣ преподнесены подарки. А. Н. Я*** подарила сочиненія Никитина съ надписью изъ Некрасова:

„Сѣйте разумное, доброе, вѣчное,
Сѣйте, спасибо вамъ скажетъ сердечное
Русскій народъ!“

А Анна Гавриловна Сахарова преподнесла даже на англійскомъ языкѣ Роберта Борнса и, хорошо зная этотъ языкъ, бралась меня выучить. Кромѣ пишущихъ людей, на этой вечеринкѣ также были и мои старые друзья—работіе, приказчики и студенты. А. А. О*** отлично спѣлъ «Дубинушку» и приволжскую народную пѣсню «Задумалъ Тереха жениться». Я, по просьбѣ дорогихъ гостей, продекламировалъ нѣсколько своихъ стихотвореній и пѣлъ вмѣстѣ съ женою русскія пѣсни. Однимъ словомъ, никогда я не праздновалъ такъ весело свои именины, какъ въ этотъ разъ. Было уже далеко за полночь, когда мои гости разъѣхались.

Встрѣчать новый 1879 годъ меня также приглашали вмѣстѣ съ женою въ квартиру Г***, гдѣ, по обыкновенію, собрался тѣсный кружокъ молодежи, но жена отговорила и я отказался, ограничившись слѣдующимъ тутъ-же написаннымъ пожеланіемъ:

На 1879 г.

Братцы, встрѣтимъ новый годъ
 Съ искреннимъ привѣтомъ
 И желаньемъ, чтобъ народъ
 Озарился свѣтомъ!
 Эта рюмка черезъ край
 Пусть виномъ нальется!
 Боже правый, не карай,
 Если кто нальется!!
 Пьемъ-же, братцы, будемъ пить!
 Эхъ, дай Богъ удачи,
 Какъ нибудь получше жить,
 Такъ или иначе!
 Это время настаеъ,
 Къ чорту всё сомнѣнья!
 И да будетъ новый годъ
 Годомъ возрожденья!!

Это стихотвореніе я послалъ съ посыльнымъ и черезъ полчаса получилъ слѣдующій отвѣтъ, до сей поры сохранившійся въ моихъ бумагахъ:

«Дорогой Спиридонъ Дмитриевичъ! Присоединяемся всей душою къ вашему хорошему тосту и вѣримъ въ хорошее и скорое будущее.

«Поздравляемъ васъ съ Новымъ годомъ. Очень сожалѣемъ, что вы не среди насъ. Сергѣй Г***, Александра Я***».

Нашъ кружокъ, безхитростенъ и простъ,
 Отвѣчаетъ на братскій твой тостъ:
 Пусть нашъ бѣдный и темный народъ
 Къ свѣту знанья быстрѣ идетъ,
 Пусть рождаетъ почаще намъ оны
 Сыновей, какъ вотъ ты, Спиридонъ!...

А. Арсеньевъ.

«Мы говоримъ, любовью пламенѣя—пусть будутъ крѣпки узы Гименея, но еще крѣче любовь къ народу у сына народа. Н. А. Соловьевъ-Несмѣловъ, художникъ Наумовъ».

«Вамъ, женѣ вашей и дочкѣ желаю добраго здоровья и счастья. А. В. Покровскій, Зюбинъ, Д. Сидоренко».

Прочитавъ привѣтственные друзей, я Новый годъ встрѣтилъ съ женою и старшимъ дворникомъ дома графа Шереметьева, въ которомъ тогда помѣщался табачный магазинъ. Наступилъ и 1879 годъ, когда мнѣ казалось

Грозныя тучи нависли,
 Буря и громъ!
 Такъ оживляются мысли
 Въ Царствѣ твоёмъ.
 Стой, подь грозой не гнися,
 Бури не трусь!
 Солнце за тучей—проснися
 Матушка Русь ¹⁾!

10 января скончалась моя родная бабушка Анна Петровна.

Я оставляю мѣсто въ табачномъ магазинѣ Демьяновича и 1 февраля, по рекомендаціи моихъ новыхъ друзей Сергѣя Павловича Г*** и А. Н. Я***, поступаю къ отцу перваго — Павлу Александровичу Г*** его довѣреннымъ по поставкѣ дровъ на Мало-Вишерскую и другія станціи Николаевской желѣзной дороги, на жалованье, при готовой квартирѣ съ отопленіемъ и освѣщеніемъ, 75 руб. въ мѣсяцъ и съ годовымъ билетомъ 2-го класса на право проѣзда по этой дорогѣ между Петербургомъ и Тверью. Я сначала вмѣстѣ съ женою и дочерью поселился на Малой Вишерѣ, потомъ на лѣто переехалъ на Большую Вишеру, гдѣ въ имѣніи Крамера занялъ небольшой каменный флигель, примыкающій къ сосновой рошѣ и окруженный, какъ зеленой рамой, густыми, развѣсистыми березами. Тутъ-же былъ для меня разбитъ небольшой огорождъ, въ которомъ я разсадилъ свои овощи и обзавелся своей молочной коровою. Жизнь мнѣ, наконецъ, улыбнулась. Въ этотъ годъ за недосугомъ я рѣдко могъ бесѣдовать съ своею музою, но все-же нашелъ возможность написать, кромѣ нѣсколькихъ мелкихъ стихотвореній, такія вещи, какъ «Сынъ полка» (рассказъ солдата), «Читатель и поэтъ» и «Бабушкину сказку»; послѣдняя съ другимъ стих. «Приходъ весны» вошла въ новый сборникъ, составленный Н. А. Соловьевымъ-Несмѣловымъ подь заглавіемъ «Маленькія дѣти»,

¹⁾ „Ребусъ“ 1881 г., № 2, напечатано безъ подписи и въ нѣсколько измѣненномъ видѣ

рассказы и стихотворенія для дѣтей отъ 5 до 8 л. возраста, изданный г. Витепажемъ.

Въ «Тверскомъ Вѣстникѣ» за этотъ годъ въ №№ 11, 13 и 18 были напечатаны слѣдующія стихотворенія: 1) «Грусть крестьянки», 2) «На родинѣ», 3) «Двѣ пары», 4) пѣсня «Ты запой мнѣ весной пѣсню, соловейко», 5) «Горе пахаря», 6) «Ясный мѣсяцъ надъ селомъ весело сияетъ» и 7) «Передъ Пасхой».

На Вишерѣ я хорошо ознакомился съ бытомъ пильщиковъ и возчиковъ дровъ, которыхъ мнѣ цѣлыми артелями лично приходилось нанимать въ селахъ и деревняхъ Крестецкаго уѣзда. 31 марта, выбравъ свободное отъ занятій время, я съѣздили на нѣсколько дней на родину, и, проѣздомъ черезъ Тверь, ночевалъ у жившаго въ это время тамъ Николая Васильевича Верещагина и познакомился съ составомъ редакціи «Тверского Вѣстника».

Въ это-же время отъ Н. А. Соловьева-Несмѣлова я узналъ о тяжелой болѣзни глубоко-симпатичнаго поэта Ивана Захаровича Сурикова, съ которымъ мнѣ ужасно хотѣлось давно познакомиться лично, но, не имѣя времени съѣздить въ Москву, гдѣ онъ послѣднее время обиталъ въ своей желѣзной лавочкѣ, я рѣшился познакомиться съ нимъ посредствомъ переписки. Изъ посланныхъ къ нему моихъ писемъ у меня въ бумагахъ сохранилось черновое только одного, которое и приведу вслѣдъ за первымъ письмомъ Ивана Захаровича. Вотъ его первое письмо:

16-го мая 1879 г.

«Добрѣйшій Спиридонъ Дмитріевичъ! Душевно вамъ благодаренъ за ваше письмо. Я васъ всегда глубоко уважалъ и уважаю за ваши труды. Сердечно вамъ желаю трудиться и — уйти дальше другихъ, рано сломавшихся въ этой суровой борьбѣ съ обстоятельствами и средою. Я на этихъ дняхъ уѣзжаю въ самарскія степи для поправленія моего въ конецъ разбитаго здоровья.

Я теперь сталъ негоденъ никуда, ни голова, ни душа не работаютъ, кашель меня душить — и голова, и грудь — разбиты.

Желаю вамъ всего хорошаго, а главное здоровья. И. Суриковъ».

Привожу свое письмо къ Ивану Захаровичу:

Усадьба Концы. 20-го ноября 1879 г.

«Дорогой Иванъ Захаровичъ! Душевно благодарю васъ за память, которую вы выразили въ одномъ изъ писемъ къ Николаю Александровичу. Я постоянно вспоминаю о васъ въ обществѣ нашего общаго друга и вмѣстѣ съ нимъ болѣю душой за вашу помятую и такъ рано надломленную жизнь.

«Что дѣлать? видно не ко двору приходятся всё наши лучшіе люди, видно страданія—удѣлъ всёхъ, одаренныхъ прекрасною душою, избранныхъ неба, которыхъ оно посылаетъ на землю для того только, чтобы показать людямъ, каковъ долженъ быть человекъ—этотъ вѣнецъ созданія Бога. Такому человеку душно въ этомъ мірѣ, онъ не выноситъ его окружающаго смрада и грязи, и гибнетъ, гибнетъ, какъ выразилъ поэтъ:

„Не совершивъ и задушевнаго желанья“.

«Мнѣ хочется вѣрить, что южный климатъ возстановитъ ваши утраченныя силы, но меня увѣряютъ въ противномъ: я въ письмѣ къ вамъ выразилъ еще надежду, что мы когда-нибудь увидимся съ вами бодрими, какъ старые друзья! а меня заставляютъ не вѣрить этой надеждѣ. Напишите мнѣ, дорогой Иванъ Захаровичъ; если судьбѣ не будетъ угодно доставить мнѣ удовольствіе встрѣтить васъ лично, то вы меня вознаградите за утраченное хотя заочною бесѣдою съ вами. Николай Александровичъ шлетъ вамъ свой задушевный привѣтъ. Я вижу съ нимъ почти каждую недѣлю, хотя и живу въ провинціи. Онъ все возится съ корректурами, подготавливаетъ изданіе книжки «Маленькія дѣти», которая выйдеть въ началѣ декабря. Я видѣлъ первые уже отпечатанные листы.

«Передайте мое почтеніе вашей женѣ. Она должна быть вашимъ ангеломъ-хранителемъ, оообенно теперь, и Богъ за это възыщетъ ее Своею милостію. Моя жена вамъ кланяется. Она васъ знаетъ по портрету, который въ эту минуту на меня смотреть со стѣны, и часто любить слушать ваши пѣсни.

«О себѣ я вамъ напишу послѣ полученія вашего письма. Выздоровливайте—это искреннее желаніе всёхъ и въ отдѣльности С. Дрожжина.

Въ отвѣтъ на это письмо я получилъ слѣдующее и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣднее письмо отъ умирающаго поэта:

19-го декабря 1879 г.

«Голубчикъ Спиридонъ Дмитриевичъ! Письмо ваше, посланное въ Ялту, меня не застало, я оттуда выѣхалъ 25-го ноября; его переслали ко мнѣ въ Москву. Душевно благодарю васъ за ваше сердечное сочувствіе къ моему положенію. Здоровье мое, голубчикъ, нисколько не поправляется, а становится день ото-дня все «хуже и хуже»: пѣсенка моя, какъ видится, спѣта... Я работать ничего не могу, голова и душа отказались мнѣ служить; я съ величайшимъ трудомъ могу написать

письмо, кашель меня душитъ. Пиши, мой добрый, пока есть силы, а когда не будетъ силъ, тогда..: Хотя погибнешь ты въ борьбѣ, но не погубяйъ люди слова. А для себя намъ ничего не нужно; впрочемъ, забыть:

Когда разстанемся съ землей,
Сложивъ на груди руки,—
Намъ нуженъ ящикъ тесовой,
Чтобъ спрятаться отъ муки.

«Прощай,—мой добрый! Будь здоровъ. Адресъ мой: Москва, Большая Грузинская улица, д. Славушаго. И. Суриковъ».

До начала этой переписки, Суриковъ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, прислалъ мнѣ изъ Москвы съ Н. А. Соловьевымъ-Несмѣловымъ въ подарокъ послѣднее изданіе своихъ стихотвореній на слоковой бумагѣ, съ надписью, и свой фотографическій портретъ.

24-го апрѣля 1880 г. его не стало.

Вешнее солнце пропало изъ глазъ,
Темная ночь наступила,
Такъ передъ нами онъ бѣдный угасъ
Въ блескъ таланта и силы...
Пою терпѣливый, униженный людъ
Пѣсню роднаго поэта,
Въ ней воспѣвается честность и трудъ,
Слышатся слово привѣта.

Когда мнѣ случалось бывать въ Петербургѣ, я постоянно останавливался на квартирѣ Н. А. Соловьева-Несмѣлова и тутъ-то мы съ нимъ давали полную волю нашей задушевной бесѣдѣ, которую можно было назвать мѣткимъ выраженіемъ Бѣлинскаго: «литературными мечтаніями»; въ этихъ мечтаніяхъ чувства, какъ говорится, бились ключемъ и рвались наружу. Онъ занималъ тогда небольшую квартирку на Малой Подъяческой улицѣ, гдѣ часто собирались молодые писатели и поэты, между которыми были слѣдующіе: нынѣ уже покойный, талантливый поэтъ Дмитрій Николаевичъ Садовниковъ и здравствующие: М. Н. Альбовъ, К. С. Баранцевичъ, А. В. Кругловъ, Н. И. Позняковъ, В. П. Мартовъ, Д. А. Рубинъ и многіе другіе, въ первый разъ заговорившіе объ образованіи «литературнаго кружка», подобнаго кружкамъ прежняго времени Станкевича и Бѣлинскаго, въ которомъ могли бы сходиться молодые писатели для общаго мыслей, чтенія литературныхъ произведеній и ихъ критической оцѣнки. Кружокъ этотъ предполагалось назвать именемъ народнаго поэта—«Пушкинскимъ».

Въ 1880 году, нѣсколько уже обезпеченный матеріально, я возродился и духовно. Написалъ множество мелкихъ стихотвореній, закон-

чиль и отдѣлалъ поэму «Приваль на Волгѣ», «Дуняша» и «Легенду о пчелахъ», основаніемъ которой послужилъ слышанный мною на родинѣ рассказъ пчеловода-крестьянина.

Въ томъ-же 1880 году сталъ выходить новый дѣтскій журналъ «Игрушечка», подъ редакторствомъ извѣстнаго автора обширныхъ и превосходно написанныхъ воспоминаній «Изъ дальнихъ лѣтъ», сначала напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ», потомъ вышедшихъ отдѣльнымъ изданіемъ, Татьяны Петровны Пассекъ, при дѣятельномъ участіи Н. А. Соловьева-Несмѣлова. Здѣсь я помѣстилъ въ продолженіи года, кромѣ «Легенды о пчелахъ», слѣдующія мелкія стихотворенія: «Въ деревнѣ», «Весеннее утро», «Хорошо и вольно дышется», «Изъ воспоминаній дѣтства» (отрывокъ изъ поэмы) и «Лѣто».

29-го февраля 1880 г. у меня родился сынъ Алексѣй, но не долго пришлось мнѣ радоваться на своего маленькаго херувима. Когда въ концѣ іюля я поѣхалъ на нѣсколько дней на родину, чтобы распорядиться насчетъ задуманной мною постройки новой избы, какъ получилъ отъ жены телеграмму о его смерти; онъ умеръ 26-го іюля и похороненъ мною близъ станціи «Гряды» на кладбищѣ села Горнешна. Глубоко опечаленный потерю своего малютки, я написалъ «Деревенскую идиллю» (1881 г.):

Брежжетъ утро, даль въ туманѣ,
 Пѣтухи пропѣли,
 Пробудились крестьяне,
 Косы заавѣгли.
 Всѣ пошли они гурьбою
 Тихо по тропинкѣ,
 Отряхая надъ травой
 Свѣтлыя росинки.
 Встали на полѣ радами,
 Косы отточили
 И съ душистыми цвѣтами
 Травушку свослаи...
 Тихо въ бѣдной деревушкѣ,
 Въ воздухѣ прохлада,
 Тускло свѣтится въ избушкѣ
 Мѣдная лампада;
 Свѣтъ полоскою въ окошко
 На дорогу льется,
 А въ избушкѣ мальчишъ-крошка
 Спать не шевельнется.
 Спать, на грудь сложивъ ручки,
 И закрывши глазки,
 Словно мнлаго ребенка
 Усыпили сказки

Въ тѣсномъ гробикѣ малютки
 Цвѣтки пестрыя,
 Полевыми незабудки
 Изъ-за нихъ смотрѣли;
 Вмѣстѣ съ ландышемъ душистымъ
 Желтая ромашка;
 Одуванчикъ золотистый,
 Васильки и кашка...
 Не для горя и заботы
 Матерью рожденный
 Спитъ онъ, свѣтомъ отъ мюты
 Тускло озаренный —
 Спи, дитя, Господь съ тобою!
 Скоро день настанетъ,
 Съ неба солнце золотое
 Ласково проглянетъ.
 Мать изъ поля возвратится
 И предъ образами
 Долго пламенно молится
 Будетъ со слезами
 О твоємъ успокоеньи...
 А отецъ съ кручиной
 Понесетъ для погребенья
 На кладбище сына.
 Будешь ты лежать спокойно,
 Ничего не зная,
 Какъ невеселъ свѣтъ нашъ воляный
 И вся жизнь земная.

Осенью 1880 года для утвержденія правительствомъ былъ составленъ уставъ «Пушкинскаго кружка», который подписали слѣдующія лица:

Н. П. Стремоуховъ, А. С. Стремоухова, Д. Н. Садовниковъ, В. К. Мюръ, С. Д. Дрожжинъ, М. Н. Альбовъ, А. Н. Сальниковъ, Н. А. Соловьевъ-Несмѣловъ, Н. И. Позняковъ, К. С. Баранцевичъ, Д. А. Рубинъ, А. В. Кругловъ и А. Е. Алексеевъ-Днѣпровскій. Первый и главный параграфъ устава гласилъ слѣдующее: «Пушкинскій кружокъ» имѣетъ цѣлью: а) развитіе русской изящной словесности; б) сближеніе между собою любителей ея; в) доставленіе своимъ членамъ матеріальной поддержки; г) содѣйствіе къ изданію наиболѣе выдающихся произведеній своихъ членовъ и д) выдачу средствъ (если таковыя окажутся) на совершеніе небольшихъ, но плодотворныхъ экскурсій внутрь Россіи для собранія памятниковъ народнаго творчества.

1-го октября 1880 г., вслѣдствіе передачи желѣзно-дорожнымъ начальствомъ поставки дровъ на Малой Вишерѣ другому лицу, я принужденъ былъ уѣхать на родину, гдѣ занялся окончаніемъ постройки новой

избы и, убивъ въ нее все полученное за послѣднее время жалованье, вошелъ въ долги, черезъ что опять имѣлъ большія домашнія неприятности съ родителями. Въ Низовкѣ съ горемъ пополамъ прожилъ я до марта 1881 года и опять отправился искать себѣ счастья въ Петербургъ и здѣсь, 20-го марта, поступилъ въ книжный магазинъ для иногородныхъ С. П. Г*** за 25 р. въ мѣсяцъ съ готовой квартирой безъ стола.

Городъ былъ окутанъ въ это время, по случаю царевубійства, въ глубокий трауръ и казалось всякій подозрѣвался прямымъ или косвеннымъ участникомъ этого страшнаго злодѣянія.

Я взялъ на извозчика свой багажъ, состоявшій изъ одного холщоваго мѣшка съ бѣльемъ и платьемъ и довольно, хотя небольшого, но тяжеловѣснаго ящика съ книгами и рукописями. Я благополучно подъѣхалъ къ дому, гдѣ находилась квартира и книжный магазинъ Г***, взялъ подъ мышку мѣшокъ и попросилъ швейцара внести мнѣ въ 3-й этажъ квартиры ящикъ, на что онъ охотно, за данный ему гривенникъ, и согласился. Но ящикъ по грузу ему почему-то показался подозрительнымъ, да и владѣлецъ-то его, тово, какой-то лохматый. Онъ, какъ оказалось впоследствии, тотчасъ шепнулъ дворнику, а дворникъ полицейскому. Въ квартиру явился участковый (я былъ въ это время въ отсутствіи) и началъ спрашивать у Г*** о томъ, что находится въ ящикѣ и кто есть молодой человѣкъ. Г***, зная меня съ 1878 года, отвѣтилъ, что молодой человѣкъ пріѣзжій изъ деревни и постукаетъ къ нему въ приказчики, а что находится въ ящикѣ— не знаетъ.

Когда послѣ ухода участковаго я возвратился въ квартиру, то крайне былъ удивленъ, что мой ящикъ былъ выставленъ въ переднюю, тогда какъ по пріѣздѣ я вмѣстѣ съ мѣшкомъ внесъ его въ комнату. Г*** выходитъ ко мнѣ на встрѣчу крайне взволнованный и, объяснивъ въ короткихъ словахъ о подозрѣніи полиціи, прибавилъ, что пожалуй теперь будетъ обыскъ во всей квартирѣ и магазинѣ, давайте скорѣй въ прописку вашъ паспортъ.

Я позвалъ старшаго дворника и, подавая ему паспортъ, просилъ его объяснить въ участкѣ, что въ ящикѣ находятся мои книги.

Слова мои, при передачѣ въ участкѣ дворникомъ въ прописку паспорта, были точно переданы полицейскому, который, взглянувъ на паспортъ, вскрикнулъ:

— «Какъ книги! Какія могутъ быть у него книги! когда на паспортѣ ясно значится: крестьянинъ Тверской губерніи и уѣзда, Городенской волости, деревни... Скажи пожалуйста, какія, я тебя спрашиваю, у него могутъ быть книги, и для чего! А?!»

— Не могу знать-съ, ваше высокоблагородіе, отвѣтилъ дворникъ.

Обыска однако, къ чести полицейскаго правленія, не было. Но какой дикій взглядъ у людей, считающихъ себя болѣе или менѣе образованными, на нашего крестьянина: онъ будто-бы не долженъ и не можетъ имѣть даже понятія о книгѣ!

6-го мая 1881 г. ко мнѣ пришла жена, а черезъ нѣсколько времени прислали и дочку. Я долженъ былъ на 25 рублей въ мѣсяцъ жить самъ-третей и еще помогать въ деревню, гдѣ на заложенной послѣдней одеждѣ съ каждой недѣлей нарастаютъ жидовскіе проценты. Въ этомъ году, кромѣ мелкихъ стихотвореній, написалъ «Өедя» (рассказъ въ стихахъ), и напечатано въ «Тверскомъ Вѣстникѣ» № 6-й «Горе лютое», стихотвореніе, затѣмъ этотъ честный провинціальный органъ прекратилъ на неопредѣленное время свое существованіе. Кромѣ того напечатано въ «Игрушечкѣ» три стихотворенія: «Вечерь», «На Зарѣ» и «Осенью»; въ «Воспитанія и Обученія» № 3-й, одно, подъ заглавіемъ «Зимняя картинка» (молитва матери); въ «Новомъ Русскомъ Базарѣ» № 42-й, «На Волгѣ»; въ «Ребусѣ» № 2-й, безъ подписи, «Грозныя тучи нависли»; въ «Газетѣ Гатцука»—«Когда въ избушкѣ при огнѣ».

Незадолго до утвержденія правительствомъ устава «Пушкинскаго кружка», 18-го апрѣля 1881 г., его учредителями былъ устроенъ въ пользу Краснаго креста, въ залѣ спб. городского кредитнаго общества, «литературный вечеръ». Программа этого вечера была слѣдующая:

- 1) «На могилѣ Ѳ. М. Достоевскаго», стихотвореніе Д. А. Рубина. Прочтеть авторъ.
- 2) Отрывокъ изъ романа «Преступленіе и наказаніе» соч. Достоевскаго. Прочтеть г. Сальниковъ.
- 3) «Монахиня», стихотвореніе В. К. Мюра. Прочтеть авторъ.
- 4) «У креста» (разговоръ), К. С. Баранцевича. Прочтеть авторъ.
- 5) «Родина», стихотвореніе г. Дрожжина. Прочтеть авторъ.
- 6) Отрывокъ изъ психіатрическаго этюда М. Н. Альбова «День итога». Прочтеть г. Стремоуховъ.
- 7) «Половянка», стихотвореніе Д. Н. Садовникова. Прочтеть авторъ.
- 8) «Четыре дня» (одинъ изъ эпизодовъ войны), соч. Всеволода Гаршина. Прочтеть Соловьевъ-Нескѣловъ.

Публики было болѣе 200 человекъ, въ числѣ которой я замѣтилъ Я. П. Полонскаго, А. К. Михайлова и другихъ старыхъ писателей и журналистовъ. Чтеніе мною маленькаго стихотворенія «Родина» вызвало со стороны публики требованія повторенія, а газеты отозвались, между прочимъ, такъ читаемъ въ «Голосѣ» № 108 отъ 20-го апрѣля:

«Заслуженные аплодисменты достались на долю г. Альбова, вызваннаго дважды, по окончаніи чтенія другимъ лицомъ отрывка изъ его

талантливой повѣсти «День итога». Г. Дрожжинъ повторилъ, по требованію публики, свое стихотвореніе. Г. Стремоуховъ прочелъ отрывокъ изъ психіатрическаго этюда Альбова «День итога» и т. д.

3-го іюня этого-же года у меня родился сынъ Алексѣй, а съ осени послѣдовало открытіе для публики литературныхъ вечеровъ «Пушкинскаго кружка», въ концѣ лѣта уже утвержденнаго правительствомъ; на этихъ вечерахъ я участвовалъ въ нѣсколькихъ чтеніяхъ своихъ стихотвореній, и одновременно читалъ стихотворенія покойнаго И. З. Сурикова.

Жалованья, получаемого въ книжномъ магазинѣ, мнѣ едва хватало на содержаніе себя, жены и дѣтей, между прочимъ отецъ осаждалъ меня письмами и требовалъ денегъ и даже дважды, отъ 7-го и 15-го іюня 1882 года, я получаю отъ него, съ отношеніемъ волостнаго правленію, чрезъ полицію, требованіе уплаты накопившихся за нами недоимокъ, около ста рублей, или описи моего имущества, состоящаго исключительно изъ книгъ... Я кое-какъ отъ этой описи отвергълся, объявивъ полиціи, что книги не мои. Между мной и отцемъ всякія струны добрыхъ отношеній были порваны. Но муза попрежнему меня не покидала. Этотъ годъ былъ не менѣе предшествующихъ плодотворенъ лирическими стихотвореніями. Тогда-же была написана легенда «Отрокъ». Пораженный смертію народнаго героя М. Д. Скобелева, умершаго въ Москвѣ 25-го іюня, 29-го я пишу:

«Памяти М. Д. Скобелева».

Едва ли выразить пѣвецъ
Осиротѣлому народу
Какой угасъ его боецъ
За честь и русскую свободу.
Пѣвцу-ли въ силахъ воспѣвать
Теперь народнаго бумира,
Когда тоскующая лира
Лишь можетъ стоны издавать.
Разбилось сердце золотое
Того, кто грудью постолъ
За дѣло родины святое
И всенародный идеалъ;
Того, кто лаврами вѣнчать
Умѣлъ солдатскія знамена,
Чтобы сильнѣй могла морона
Вождя державнаго блистать.
Не онъ-ли жизни не щадилъ,
Шелъ впередъ на бой кровавый
За Русь святую и почилъ

Во двѣтъ лѣтъ, вѣнчаннй славой,
 И не его-ль кичливый врагъ,
 Какъ грома Божія, боялся...
 Пускай теперь онъ тѣнѣ и врагъ,
 Но духъ героя въ насъ остался.
 Семья славянская сильна,
 Когда великая Россія
 Въ свои скрижали намъ такіа
 Еще заноситъ имена ¹⁾.

Въ августѣ 1882 г. книжный магазинъ прианчиваетъ свое существованіе и я переѣзжаю съ женою и дѣтьми въ нанятую, на углу Вознесенскаго и Екатерингофскаго проспектовъ, въ 5-мъ этажѣ громаднаго дома Яковлева, комнату и живу здѣсь исключительно литературнымъ трудомъ, приходъ котораго, конечно, не могъ въ это время оправдывать расхода и мнѣ часто приходилось жить въ проголодь.

Вещи, которыя имѣли какую-нибудь цѣнность, были всё перезаложены жиду. Кромѣ того, пришлось продать на 62 руб. одному знакомому купцу своихъ книгъ; комната попала холодная и сырая, отчего заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ полуторогодовалый мой сынъ, а съ женою стали дѣлаться частыя судороги. Нужно было покупать лекарства для жены и ходить съ сыномъ въ лечебницу. Въ началѣ ноября поступилъ было я опять въ одинъ изъ табачныхъ магазиновъ на Вознесенскомъ проспектѣ, но хозяинъ онаго, переименованный еврей, оказался такою дрянью, что я не могъ ему служить болѣе мѣсяца и отказался. Къ довершенію всѣхъ моихъ несчастій, 30-го ноября 1882 г., отъ воспаленія легкихъ, умираетъ мой послѣдній сынъ Алексѣй, который на третій день, 2-го декабря, былъ похороненъ мною на Смоленскомъ кладбищѣ.

Въ это тяжелое, какъ въ матеріальномъ, такъ и нравственномъ положеніи, для меня время ко мнѣ пришелъ на помощь «Пушкинскій кружокъ» и выдалъ мнѣ въ единовременное пособіе 75 р., кромѣ того, скинулъ 20 рублей членскаго взноса. Въ продолженіи этого года были напечатаны слѣдующія мои стихотворенія:

Въ «Игрушечкѣ»: «Отрокъ», легенда, «Утро въ лѣсу», «Птичка-свиричка», «Деревенская идиллія», «Весеннія пѣсни», «Весенняя пѣсня», «На пашнѣ», «Разбитыя гусли», «Сказка-быль».

Въ «Родникѣ»: «Весной».

Въ «Лучѣ»: «Пѣсня», «На дворѣ темно и вьюга», «Голубка и Стрѣлокъ», «Склонися, дѣвица, въ объятія мои».

¹⁾ „Петербургскій Листокъ“ 1882 г. и отсюда перепечатано въ журналѣ „Вѣкъ“ 1882, книга 8-я, стр. 69.

Въ «Петербургскомъ Листкѣ»: «Памяти М. Д. Скобелева» и «Кто это?»

Съ начала 1883 г. я принялся за прозу,—написалъ четыре главы очерка «Въ туманѣ» и «Изъ записной тетради», воспоминанія о Н. А. Некрасовѣ, слышанныя мной отъ одного крестьянина, сопровождавшаго поэта на охоту; также началъ писать октавами большую, только-что задуманную мною, повѣсть.

Въ этомъ году напечатано въ «Игрушечкѣ»: «Въ туманѣ», 4 главы очерка, «Утромъ», «Дума пахаря», «Спать трава, росой покрытая», «Дума про урожай», «Сынъ полка» (рассказъ солдата), «Опять измученный, больной», «Бурлаки» (отрывокъ изъ поэмы).

Въ «Родникѣ»: «Изъ весеннихъ пѣсень», «Родной край», «Федя» (рассказъ), «Три поры».

Въ «Дѣтскомъ Читеніи»: «Изъ записной тетради» (воспоминаніе о Н. А. Некрасовѣ), «Зимній первопутюкъ», «Зимой», «Въ деревнѣ», «Въ грозу», «Когда вечернею зарею озолотятся небеса».

Въ «Лучѣ» (ежемесячномъ): «Дуныша», поэма.

Въ «Лучѣ» (еженедѣльномъ): «Въ избѣ», «Лѣтняя ночь въ деревнѣ», «Звѣздочки высоко на небѣ горять», «Какъ сердце въ трепетной груди гнететь тоской».

Въ «Русскомъ Богатствѣ»: «Домовой», «Честнымъ порывамъ дай силу свободную», «Не съумѣю горя высказать словами» и—«Все кругомъ покрыто мглою».

Въ «Восходѣ» (еженедѣльномъ): «Недопѣтая пѣсня».

Въ «Петербургскомъ Листкѣ»: «Пѣсня», «Я цвѣла и красовалася», «Тяжелый крестъ мнѣ данъ судьбой», «Мы весною другъ друга узнали», «У окна» I и II, «Одному собранію» (эпиграмма), «Изъ пѣсень про горе», «Я любилъ тебя когда-то», «Бурное море тайны скрываетъ» и др.

Проживя до 12-го іюля 1883 года на квартирѣ въ домѣ Яковлева, я, на занятія у друга моего М. П. Полякова 60 рублей, кромѣ того оставшись долженъ 23 руб. квартирной хозяйкѣ, пріѣхалъ 13-го іюля съ женой и дочерью на родину. Вотъ дневникъ, начатый мною тотчасъ по пріѣздѣ въ деревню.

Д. Низовка, 13-го іюля 1883 г., среда. Со станціи «Завидово» Никол. ж. д. въ 5^{1/2} часовъ вечера тройка ямщицкихъ притащила меня въ «Низовку». У воротъ первый грубо насъ встрѣтилъ младшій братишка Иванъ; онъ помогъ мнѣ внести въ избу разные пожитки и ящики съ книгами. Отецъ и мать были въ полѣ. Первая пришла родимая. Она встрѣтила меня со слезами и грубыми выходками и упреками за то, что я мало имъ высылалъ денегъ. Слѣдомъ за нею въ

избу вошелъ отецъ, который, какъ настоящій мужчина, не заплакалъ, но даже добродушно улыбнулся. Я поцѣловалъ его и крикнулъ:

— Ну, слава Богу, тятенька, хоть ты-то не плачешь и встрѣчаешь меня безъ брани.

Вскорѣ былъ вскипяченъ и поданъ на столъ самоваръ и всѣ передъ чаемъ выпили привезенную мною бутылку «Русскаго добра».

1883 г., 14-го іюля, четвергъ. Въ полдень ходилъ вмѣстѣ съ отцемъ и братомъ на берегъ Волги косить траву.

15 іюля, пятница. Разобралъ привезенныя съ собою книги и бумаги. По стѣнамъ избы развѣшалъ портреты особенно мною любимыхъ писателей.

16 іюля, суббота. Вчера легъ спать въ 11 часовъ и всталъ сегодня до зари въ 1 часъ съ $\frac{1}{4}$. Пошелъ съ отцемъ, матерью и братомъ косить въ лугу на прибрежномъ полѣ. Косили до 6 часовъ утра; цѣлый день ворошилъ и сгребалъ сѣно. Въ полдень купался на Волгѣ и, возвращаясь домой, набралъ въ овсѣ букетъ васильковъ.

Съ непривычки къ крестьянской работѣ въ поляницѣ чувствуется боль и на рукахъ появились мокрыя мозоли.

17 іюля, воскресенье. Всталъ, пользуясь воскреснымъ днемъ, поздно, но съ сильною болью во всемъ тѣлѣ. Погода была дождливая: нигде не выходилъ, кромѣ огорода, гдѣ такъ чудно и густо разрослись еще въ дѣтствѣ посаженныя мною, съ кустами черной и красной смороды, рябины, черемуха и орѣшникъ.

19 іюля, вторникъ. Ворошилъ, сгребалъ и убиралъ въ сарай сѣно.

20 іюля, среда. Сегодня у насъ храмовой праздникъ Ильи пророка. Наварено матерью пива и изъ послѣднихъ грошей сдѣланъ запасъ водки. Собрались гости, сестры съ мужьями и дѣтьми и много другихъ близкихъ и дальнихъ родственниковъ, съ которыми, какъ говорится, хоть не весело, а смѣйся.

22 іюля, пятница. Праздникъ кончился, гости сегодня разѣхались и я отправился на станцію за багажомъ и отдалъ за его провозъ послѣднія оставшіяся въ карманѣ деньги.

23 іюля. Разобралъ ящики съ книгами и перетаскилъ все, вмѣстѣ съ письменнымъ столомъ, въ верхній мезонинъ, гдѣ мнѣ никто не можетъ мѣшать въ свободное время работать и читать. Въ общей же избѣ до сихъ поръ не могъ написать ни одной строчки. Въ воздухѣ пахнетъ осенью, сегодня выпалъ дождь и градъ.

24 іюля, воскресенье. Проснулся въ 4 часа утра, отъ того, что сильно переязбъ, такъ какъ мой мезонинъ сколоченъ изъ однихъ досокъ и сквозь нихъ порядкомъ продуваетъ. Одѣлся въ шубу, сѣлъ къ столу и сталъ слушать, какъ пастухъ наигрываетъ на желѣнкѣ

и какъ блеяли овцы и мычали коровы, выгоняемыя крестьянами на пастбище. Солнце только что было выглянуло и скрылось за тучки. Въ 12 часовъ пришелъ священникъ отецъ Василій и мой бывший учитель дьячекъ Василій Ефимовичъ Воскресенскій, отслужили въ избѣ молебенъ Ильѣ пророку. Просили водки, но ее у насъ не оказалось, а купить было не начто и духовные пастыри ушли недовольными. Въ присутствіи матери и брата прочиталъ «Дѣти чумака» (изъ Мицкевича, по малороссійскому переводу Ломуса), «Отрокъ», легенда, и поэму «Привалъ на Волгѣ». Всѣ эти стихотворенія имъ крайне понравились.

25 іюля, понедѣльникъ, въ 11 часу вечера. У меня родилась другая дочь Анна.

26 іюля, вторникъ. Прошлую ночь по случаю рожденія дочери провелъ въ хлопотахъ и утромъ пошелъ на Волгу удить рыбу, но ни чего не попало. Къ рожденію дочери у меня не было ни копѣйки, но, благодаря бережливости жены, у ней сохранилось въ сундукѣ 8 рублей и я на эти деньги могъ праздновать ея рожденіе. Вечеромъ отецъ напился пьяный и чуть меня не избилъ.

27 іюля, среда. Весь день чувствовалъ себя нравственно разбитымъ. Послѣ обѣда убиралъ въ сарай сѣно.

31 іюля, воскресенье. Совершенно святое крещеніе дочери Анны. Ходилъ на Волгу удить рыбу, выудилъ бохѣ сорока штукъ яльцевъ и уклейки. Возвратившись домой, сѣлъ къ столу и написалъ по приѣздѣ въ деревню первое стихотвореніе:

Солнце ниже опускается,
Тухнетъ зорюшка румяная,
Точно въ золотѣ купается
Темный гѣсъ и даль туманная.
Съ поля жницы воротилися,
Конченъ день, вольнѣе дышется,
Въ небѣ звѣзды засвѣтились,
По деревнѣ пѣсня слышится.

Затѣмъ слѣдовали другія стихотворенія и

Д е р е в н я .

Отраднѣй шумъ родныхъ гѣсовъ,
Небесъ глубокое сіянье,
Ручья чуть слышное журчанье
И трели чудныхъ голосовъ
Опять мой слухъ и взоръ ласкають.
Передо мною протекають,
Сливаясь виѣстъ, двѣ рѣки;
У береговъ ихъ рыбаки
На солнце сѣти разстилають.

Дымить по Волгѣ пароходъ,
Широко воды разсыкая,
И за волной волна, сверкая,
Весь берегъ пѣной обдасть.

И я отъ берега впередъ
Иду тропинкою знакомой;
Вотъ избы, крытая соломой,
Выгнеть церковь въ сторонѣ.
Семья хлопочетъ на гумнѣ;
Въ деревнѣ только ребятечки
Одни по улицѣ шумить.
И отдохнуть теперь я радъ
Подъ крышей бѣдною избежки.
Вхожу на шаткое крыльцо,
Оно совсѣмъ поразвалялось,
Сквозь крышу солнышко пробилось
И смотреть прямо мнѣ въ лице...

Вотъ я по лѣсенкѣ добрался
Наверхъ, въ досчатый мезонинъ,
И въ немъ на цѣлый день одинъ
Съ своею музою остался.
Здѣсь все въ такомъ же безпорядкѣ.
Стоять чернилица съ перомъ,
Вездѣ разбросаны тетрадки.
И я сажусь передъ столомъ,
Слагаю стихъ отъ всѣхъ украдкой,
Беру перо, чтобъ записать
Его въ заветную тетрадь,
И тихо въ думы погружаюсь.

Воспоминаній цѣлый рой
Теперь встаетъ передо мной:
Вотъ на салазкахъ я катаюсь,
Морозъ трещитъ и буря злится,
На шапкѣ моей серебрится,
Горятъ румянецъ на щекахъ,
Кругомъ товарищи-ребяти
Шумятъ, и въ маленькихъ рукахъ
У нихъ работаютъ лопаты
Надъ грудой снѣга.

И гора
Готова. Съ раннего утра
Ихъ смѣхъ веселый раздается...

Едва-ли нынѣ кто смѣется,
Какъ всѣ смѣялся тогда;
Иныхъ тяжелая нужда
Въ конецъ до времени загубила,
А у другихъ пропала сила
Отъ непосильнаго труда
Или совсѣмъ взяла могилу.

Лежитъ кормилецъ гдѣ нибудь
 На городскомъ теперь кладбищѣ
 И на родное пепелище
 Не можетъ богѣ взглянуть,
 Гдѣ много, много поколѣній
 Одно смѣнилось за другимъ.

Быть можетъ скоро русскій геній
 Измѣнитъ жизнь, и передъ нимъ
 Падутъ тяжелыя преграды,
 Его не сдерживая ростъ,
 Свезутъ всѣхъ мертвыхъ на погостъ
 И похоронятъ у ограды.
 Исправятъ тризну похоронъ,
 Настанетъ жизни возрожденье
 И заблеститъ со всѣхъ сторонъ
 Надъ ней зарею просвѣщенья...
 Нашъ вѣчный труженикъ вздохнетъ,
 Брестомъ три раза осѣнитъ я,
 На нивахъ рожь закокосится
 И дастъ ему обильный плодъ...
 О, еслибъ вновь тогда родиться,
 Когда проснется нашъ народъ!..⁴⁾

Кромѣ мелкихъ стихотвореній я писалъ здѣсь продолженіе очерка «Въ туманѣ».

Затѣмъ, покинувъ дома жену и дѣтей, уѣхалъ отсюда 8 ноября въ Петербургъ и поселился опять въ квартирѣ того же дома Яковлева и, до присканія занятій какой нибудь службой, продолжалъ заниматься литературою. Литературный трудъ, сравнительно съ прежнихъ временемъ, хотя теперь даетъ нѣсколько большій заработокъ, но все же я не могу изъ него удѣлять на деревенскую нужду ни копейки и мнѣ довелось обратиться зимою 1883 г. за помощью въ «Комитетъ литературнаго фонда», отъ котораго я и получилъ пособие въ 50 руб.

Въ началѣ 1884 года въ «Игрушечкѣ» появились слѣдующія мои произведенія въ прозѣ: «Сквозь тину», продолженіе очерка, напечатаннаго въ 1883-мъ году на страницахъ этого журнала, и стихотворенія: «Пѣсня вѣтра», «Деревня», «Привалъ на Волгѣ» (поэма) и другія. А въ первой книжкѣ «Дѣтскаго Чтенія» изд. 1884 г. напечаталъ я слѣдующее стихотвореніе:

Вьюга злится за окномъ.
 Бѣлая береза
 Вся окутана кругомъ
 Инеемъ мороза.

⁴⁾ Напечатано съ сокращеніями въ «Игрушечкѣ» 1884 г., № 5, стр. 146.

Въ покачнувшейся избѣ
Огонекъ мерцаетъ,
Горькой жалобой въ трубѣ
Вѣтеръ завываетъ...
Слышенъ звукъ веретена
И трещитъ лучина.
У меня въ груди одна
На сердцѣ кручина, —
Что безъ свѣта и тепла
Молодость и сила
Безо времени прошла,
Рано измѣнила.
Въ домѣ хлѣба ни куска,
А казны копѣйка,
Ой ты доля бѣдняка,
Долюшка злодѣйка!

С. Д. Дрожжинъ.

С.-Петербургъ.
22-го марта 1884 г.

РУКОПИСИ АЛЕКСАНДРА СЕРГЬЕВИЧА ПУШКИНА,

хранящихся въ Румянцовскомъ музеѣ въ Москвѣ ¹⁾.

XV.

№ 2378. Большой альбомъ въ листъ, въ черномъ бумажномъ переплетѣ. Всѣхъ листовъ болѣе полутораста, но писанныхъ изъ нихъ только 45, какъ и гласитъ опекунская надпись на послѣднемъ листѣ: «Въ сей книжкѣ писанныхъ и нумерованныхъ листовъ сорокъ пять».

1. Эпиграфы къ «Арапу Петра Великаго»: изъ Аблесимова, изъ Языкова, изъ Державина (не столько вѣжеть красота), и еще безъ имени автора. Ужъ столъ накрытъ и т. д.,—эти эпиграфы [IV. 479] приведены г. Анненковымъ, пропустившимъ еще одинъ эпиграфъ:

Какъ облака на небѣ
Такъ мысли въ насъ мѣняютъ легкій образъ,
Что любимъ днесъ то завтра ненавидимъ.

Тутъ-же карандашомъ поперекъ: ... суровое лицо его освѣтилось улыбкой.

1. Эпиграфъ изъ Дмитріева—IV. 479.

2.—44. Арапъ Петра Великаго, съ начала и до конца—IV, 1—36; только въ срединѣ перерывъ, не хватаетъ почти всей IV главы, находившейся, вѣроятно, на листахъ, вырванныхъ между 29 и 30; но такъ какъ IV глава была напечатана самимъ Пушкинымъ, то у насъ все-таки имѣется полный подлинный текстъ пяти главъ романа и начало шестой. Можетъ быть IV глава была вырвана самимъ Пушк-

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1884 г., томъ ХLI, февраль, стр. 413—436; мартъ, 647—662; томъ ХLII, апрѣль, стр. 87—110; май, 325—354; июнь, стр. 533—572; томъ ХLIII, июль, стр. 1—54; августъ, стр. 313—330; сентябрь стр. 641—653; т. ХLIV, октябрь, стр. 75—92.

нымъ, именно для печатанія въ «Сѣверныхъ цвѣтахъ» 1829. Во всякомъ случаѣ данная рукопись, не смотря на довольноное число поправокъ,—чистовая; черновые наброски, см. въ № 2367 и 2368.

При жизни Пушкина, какъ извѣстно, кромѣ IV главы, напечатанъ былъ еще только отрывокъ изъ главы III—«Ассамблея при Петрѣ I». Весь текстъ романа былъ напечатанъ уже по смерти автора, сначала въ «Современникѣ», затѣмъ въ посмертномъ изданіи. Г. Анненковъ свѣрялъ для своего изданія печатный текстъ съ рукописью, подробно остановился на мелочахъ орфографіи, но при этомъ не исправилъ многихъ, иногда очень курьозныхъ ошибокъ печатнаго текста, и возстановилъ его пропусковъ; не говоря уже о томъ, что онъ оставилъ совсѣмъ безъ вниманія мѣста, зачеркнутыя Пушкиннымъ. Напротивъ, г. Бартенева занялся только этими зачеркнутыми мѣстами и привелъ ихъ, хотя не всѣ, а ошибки печатнаго текста оставилъ въ прежнемъ; мало того, мы увидимъ неточность и во вновь приведенныхъ имъ мѣстахъ.

Всѣхъ ошибокъ и пропусковъ печатнаго текста я отмѣтилъ около сорока. Не буду приводить всѣхъ болѣе мелкихъ неточностей въ передатъ языка; упомяну только, что въ печатномъ текстѣ мы находимъ многочисленные пропуски словъ [напр.—IV, стр. 1—заботиться о здоровьѣ въ рукописи 2,—заботиться о своемъ здоровьи; стр. 6—колыбель в спальнѣ, въ рук. 10, — ...въ спальнѣ роженицы; стр. 10—по мнѣнію своего государя, 16,— по манію самодержавія; стр. 13—разсматривающаго переводы, 19,— въ часы отдохновенія разсматривающаго переводы, и т. д.]; мы видимъ замѣненія въ словахъ или даже замѣну слова другимъ [напр., стр. 10—у дворца, т. е. Царицына сада, рукоп. 16,— у дворца т. н. [такъ называемого] Царицына сада; стр. 10—протянула руку, въ рукоп. 16,—протянула ручку; стр. 12—для него походную постель, въ рукоп. 19,—походную кровать; и т. д.]. Приведу болѣе значительные пропуски и ошибки:

На стр. 5. ...она сама ослабѣвала... за этимъ слѣдуетъ дагѣе неосторожныя [вознагражденія] быстро слѣдовали одно за другимъ. И наконецъ увлеченная силою страсти, ею-же внушенной, изнемогая надъ ея вліяніемъ, она отдалась восхищенному Ибрагиму...—и т. д. [7.] На той-же страницѣ: графиня съ отчаяніемъ объявила Ибрагиму, что она брюхата, и т. д. [8.].

На стр. 10 ...и они поскакали. (Дорогою государь былъ очень веселъ. Ибрагимъ не могъ опомниться: происшедшее казалось ему сномъ. Онъ вновь сидѣлъ подлѣ Петра, онъ видѣлъ и слушалъ великаго человѣка, близъ коего провелъ онъ свое младенчество. Дорогою

государь весело съ нимъ разговаривалъ о разныхъ предметахъ. Между тѣмъ ¹⁾ черезъ полтора часа прѣѣхали они въ Петербургъ... [15].

Въ стр. 13 и другимъ: молодой К., прѣѣхавшій изъ Парижа, обыкновенно называется въ рукописи Корсаковъ [см. также 2368], иногда Карицкій.

Въ концѣ четвертой главы [стр. 25] находимъ фразу: тестъ его, дочь и сестра провожали ихъ тихонько до порогу, и осталось одни въ столовой, ожидая выхода государева.

Къ стр. 28: батюшка Гаврила Асанаевичи! перервала старушка. Слышали мы сказку про Бову Королевича, да Еруслава Лазаревича, разскази-тко, и т. д.

Наконецъ, укажу еще курьезнѣйшую ошибку посмертныхъ издатель, оставленную безъ поправки г. Анненковымъ и г. Бартевымъ. Конечно, многимъ изъ читателей не разъ казалось страннымъ, почему кормилицей у знатной и богатой боярыни является какой-то уродецъ—Ласточка, «круглая, старая крошка». Рукопись теперь очень просто объясняетъ дѣло: Ласточка вовсе не была Наташиной кормилицей, а вездѣ, гдѣ напечатано кормилица, въ рукописи находится прямо и несомнѣнно: карлица.

Какъ уже упомянуто, г. Бартевъ напечаталъ дополненія, т. е. нѣкоторыя мѣста, зачеркнутыя Пушкинымъ. Въ первомъ изъ этихъ дополненій въ печати [V. 480; у Барт. сдѣлана слѣдующая ошибка: вольно принимать за эпиграммы, аттическія выходки...; между тѣмъ въ рукописи читаемъ: за эпиграмматическія выходки ²⁾. Въ третьемъ отрывкѣ [480] сдѣланъ пропускъ нѣсколькихъ словъ: ... образованнымъ умомъ во время болѣзни Натальи Григорьевны снискалъ...

44.—одно зачеркнутое слово.

45. Программа [см. въ № 2365 59а]:

Софья во дворцѣ (монастырѣ).

Нищія, скоморохъ.

Скоморохъ и ст. раскольникъ.

Молодой стрѣлецъ; заговоръ.

¹⁾ Всѣ эти [дополнительныя] строчки зачеркнуты; содержаніе ихъ повторено ниже [стр. 12], въ размышленіяхъ Ибрагима передъ сномъ.

²⁾ Эта курьезная ошибка объясняется невнимательнымъ чтеніемъ подлинника: у Пушкина прежде было „за эпиграммы“, потомъ конечное «з» зачеркнуто и сверху написано: аттическія выходки.

Стрѣлецъ влюбляется въ Ржевскую, сватается, получаетъ отказъ; онъ становится уныль, товарищъ открываетъ ему заговоръ +¹⁾...

Бунтъ стрѣлецкій, бояринъ спасенъ имъ, общается выдать за него дочь.

+ онъ объявляетъ обо всемъ правительницѣ, Софья принимаетъ его, какъ заговорщика; объясненіе, Софья сваха, комедія у боярина.— Ржевская замужемъ.

(Мать торопится).

(выдаетъ ее за боярина)

(думнаго дворянина).

1) Стрѣлецъ, сынъ ст[араго] раск[ольника], видитъ Ржевскую въ окошко, переодѣтую горничной дѣвушкой,—сватается черезъ мамушку-раскольницу, получаетъ отказъ.

Полковникъ стрѣлецкій имѣетъ большое вліяніе на своихъ; Софья хочетъ его къ себѣ переманить.—Онъ рассказываетъ ей, какими образомъ онъ узналъ о заговорѣ...

С[офья]. О чемъ-же ты такъ печаленъ?

— Объ отказѣ.

— Я сваха.

— Но будь-же etc.

45.—неписанная страница.

XVI.

№ 2379. Безъ переплета; состоитъ изъ отдѣльныхъ листовъ въ общей оберткѣ: Повѣсти Бѣлкина. Нѣкоторые листы шиты. Общей нумерація нѣтъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ есть отдѣльная нумерація повѣстей черными чернилами, при чемъ перенумерованы пицце листы въ 4 страницы.—Всего листовъ 62 [пиццихъ 31].

Выстрѣлъ .	16 листовъ
Мятедь .	12 »
Гробовщикъ	6 »
Станціонный смотритель .	10 »
Барышня-крестьянка	18 »

¹⁾ Знакомъ + обозначена въ рукописи вставка, но мы печатаемъ все под-рядъ, какъ написано, потому что въ программѣ заключаются противорѣчія, п.и, вѣрнѣе, тутъ двѣ программы.

Такъ какъ повѣсти Бѣлкина напечатаны самимъ Пушкинымъ, то я и не сравниваю печатнаго ихъ текста съ черновымъ подлинникомъ: вообще отличія тутъ незначительны [IV. 42—110].

Въ концѣ первой главы Выстрѣла помѣта: «12 окт. 1830. Болд. Окончаніе потеряно». Затѣмъ Пушкинъ продолжалъ и кончилъ повѣсть 1830, 14 окт.

Метель окончена 20 окт.; тутъ-же замѣчено: «19 окт., сожж. X пѣснь».

Гробовщикъ помѣченъ: 9 октября [сентября?]. Болдино 1830. Тутъ-же: «письмо отъ Natalie»; съ боку еще: «А вотъ то и будетъ, что и ничего не будетъ. Пословица.....»—Зачеркнута программа Станціоннаго смотрителя.

Станціонный смотритель помѣченъ: 14 сент. Болд.—Наконецъ

Барышня-крестьянка окончена 20 сент. Болд. 9 ч. в. [т. е. 9 часовъ вечера].

На послѣдней страницѣ находимъ какъ-бы оглавленіе предположеннаго изданія повѣстей:

Предисловіе.

Гробовщикъ...

и т. д., одно за однимъ названія всѣхъ повѣстей съ эпиграфами, при чемъ для Выстрѣла, вмѣсто двухъ эпиграфовъ печатнаго текста читаемъ только:

Теперь сходитесь...

Евгеній Онегинъ.

Рисунки, въ повѣсти «Гробовщикъ»:

1) Гробовщикъ угощаетъ чаемъ сапожника Шульца [эта страница воспроизведена въ Альбомѣ Пушкинской выставки, при стр. 126; надо только замѣтить, что задній планъ и окно набросаны карандашомъ, остальное все чернилами].

2) Затѣмъ дальше на одной страницѣ находимъ—кубокъ или чашу.

3) Еще дальше: погребальныя дроги, сзади священникъ и еще нѣсколько людей.

4) На послѣдней страницѣ повѣсти: распятіе, свѣча, нѣсколько лицъ, скелетъ въ мундирѣ и въ ботфортахъ [т. е. отставной сержантъ гвардіи, Петръ Петровичъ Курилкинъ], факельщикъ.

XVII.

№ 2380. Состоитъ изъ двухъ неперешлетенныхъ тетрадей.

I. На заглавномъ листѣ такіа надписи и помѣты:

№ 7. Манускриптъ карандашомъ

№ I.

I.

«65 листовъ. Дубельтъ».

Дубровский. Первая восемь главъ (всѣхъ ихъ 19). Окт. 1832.

II. Манускриптъ карандашомъ № II.—II. «62 листа. Дубельтъ».

— Томъ второй.

Въ первой тетради не 65, а 62 листа [за вычетомъ неписанныхъ листовъ и присчитавъ листы, пропущенные нумераціей]; во второй не 62 л., а 63 листа, всего-же въ этомъ номерѣ—125 листовъ [считая мелкія приклейки].

Тетради шиты изъ отдѣльныхъ листовъ, безъ обращенія вниманія на содержаніе, и теперь приходится читать листы въ такомъ порядкѣ: 1, 2, 64, 3, 4, 63, 5, 62 и т. п.

Выше мнѣ уже не разъ приходилось говорить, что въ посмертномъ Пушкинскомъ текстѣ проза, пожалуй, издана еще хуже стиховъ: лучшимъ подтвержденіемъ этому служить «Дубровский». Первый разъ этотъ романъ былъ напечатанъ въ X томѣ посмертнаго изданія. Г. Анненковъ свѣрялъ романъ по подлинной рукописи и объявилъ про эту рукопись, что посмертными издателями «разобрана она правильно, исключая нѣкоторыхъ пропусковъ и грамматическихъ поправокъ». Онъ привелъ всего одинъ пропускъ въ полторы строки [см. изд. 1855, т. V, стр. 531], давая тѣмъ понять, что другіе пропуски не могутъ быть напечатаны. Между тѣмъ оказывается, что эти невольные пропуски составляютъ ничто въ сравненіи съ искаженіями и порчей, которымъ подвергся текстъ въ печати: тутъ мы видимъ изумительную небрежность, непонятную перемѣну словъ, пропускъ фразъ, совершенно цензурныхъ, перебивку предложений и т. п. Въ противность увѣренію г. Анненкова, читатель увидитъ, что рукопись Дубровскаго разобрана была совершенно неправильно посмертными издателями и крайне небрежно свѣрена г. Анненковымъ: чуть-ли не на всякой страницѣ печатнаго текста встрѣчаемъ ошибку, а часто и не одну.—Г. Бартевевъ не свѣрялъ всей рукописи, положившись на завѣренія г. Анненкова, и только привелъ нѣсколько пропущенныхъ мѣстъ, но именно только тѣ, которыя были выпущены по цензурнымъ соображеніямъ.

Выше было также говорено уже о затрудненіяхъ при исправленіи прозаическихъ статей: въ описаніи рукописей я считаю неудобнымъ приводить всѣ ошибки печатнаго текста; дѣло будущаго новаго изданія Пушкина исправить весь посмертный текстъ по рукописямъ. Для характеристики ошибокъ въ печатномъ текстѣ Дубровскаго я приведу под-рядъ одну за одной ошибки въ первой главѣ. Страницы опять указываю по изданію 1882 г.

1.

Томъ первый.

Глава первая.

21-го октября 1832. Спб.

Тутъ-же: А. . Петровна
Гаврило Евграфовичъ.

Рисунокъ: дерево.

Стр. 139.—въ той губерніи, рукоп.—въ губерніи [было: во всей].

Стр. 139 — напечатанное подъ чертой [у г. Бартенева стр. 170] въ рукописи зачеркнуто карандашомъ [2,].

Стр. 140—Всегдашнія занятія покровскаго помѣщика [покровшинскаго, см. у г. Бартенева, стр. 170], въ рукописи исправлено: всегдашнія занятія Троекурова [2,].

Стр. 140—141. (Будучи ровесниками..... отношеніяхъ и)—зачеркнуто карандашомъ [64,].

Стр. 141—выйти изъ должнаго повиновенія;—рукоп.—выйти изъ предѣловъ должнаго повиновенія [64,].

Стр. 142. 1) что-же ты нахмурился, братъ;—рукоп.: что-же ты хмуришься, братъ [3,]; 2) иному и барину,—рукоп.: иному и дворянину [3,]; 3) выбралъ двухъ, а прочихъ велѣлъ...;—рукоп.: выбралъ себѣ двухъ, прочихъ велѣлъ...

Стр. 143. 1) воротился, когда еще сидѣли;—рукоп. поправлено: воротился, какъ еще сидѣли; 2) разсорится съ нимъ на вѣки;—рукоп. въ другомъ порядкѣ: съ нимъ на вѣки разсорится; 3) ... такое письмо было-бы весьма неприличнымъ; но оно разсердило Кирила Петровича не страннымъ слогомъ, а своею сущностію;—рукоп.: ...письмо сіе было-бы весьма неприличнымъ; но оно разсердило Кирила Петровича не страннымъ слогомъ и расположеніемъ, но только своею сущностію; 4) да что-жь онъ въ самомъ дѣлѣ затѣялъ?—рукоп.: ...задумалъ? 5) Кирила Петровичъ одѣлся;—рукоп.: однако Кирила Петровичъ одѣлся; 6) только одного зайца;—рукоп. въ другомъ порядкѣ: одного только зайца.

Вотъ сколько ошибокъ на пяти страницахъ первой главы! Во всемъ-же Дубровскомъ, занимающемъ въ послѣднемъ изданіи 76 страницъ, мною

замѣчено около двухъ сотъ ошибокъ и неточностей всякаго рода. Эти отличія печатнаго текста отъ подлинника, какъ отчасти видно и изъ указанныхъ въ первой главѣ, очень разнообразны: тутъ есть пропуски, иногда невольные, часто-же по небрежности, тутъ есть измѣненія въ словахъ, пропускъ однихъ словъ, вставка другихъ, перестановка словъ. Приведу главнѣйшіе пропуски, укажу главнѣйшія ошибки, неточности. Въ разговорѣ Троекурова съ Шабашкинымъ [стр. 145], кромѣ пропуска, указаннаго г. Бартевымъ, сдѣлано въ словахъ Троекурова измѣненіе. Въ печатномъ текстѣ мы читаемъ: врешь, братецъ... какъ бишь тебя? какіе тутъ документы? Дѣло въ томъ, чтобы отнять имѣніе и съ документомъ и безъ документовъ;—въ рукописи вмѣсто этой фразы находимъ: врешь, братецъ, какіе тебѣ документы? На то указы. Въ томъ-то и сила, чтобы безо всякаго права отнять имѣніе.

Стр. 146. Дубровскийъ получилъ изъ города приглашеніе явиться въ судъ и представить документы, въ силу которыхъ онъ владѣетъ сельцомъ Кистеневкою;—рукоп.: Дубровскийъ получилъ изъ города приглашеніе (явиться къ суду) доставить немедленно надлежащія объясненія... въ слѣдствіе поступившаго отъ генерала-аншефа Троекурова въ судъ прошенія на счетъ якобы неправильнаго его владѣнія сельцомъ Кистеневкою [62]. Тутъ-же: Андрей Гавриловичъ изумился и въ тотъ-же день написалъ...;—рукоп.: Андрей Гавриловичъ, изумленный неожиданнымъ запросомъ, въ тотъ-же день написалъ...

Стр. 147. Вслѣдъ за нимъ пріѣхалъ и Кирила Петровичъ; члены встрѣтили его...;—рукоп.: ...пріѣхалъ и Кирила Петровичъ. Писаря встали и заложили перья за ухо; члены встрѣтили его...

Стр. 157. Большой указывалъ пальцемъ на дворъ, съ видомъ ужаса и гнѣва. Онъ торопился...;—рукоп.: ...съ видомъ ужаса и гнѣва. Въ сію минуту раздался голосъ и тяжела походка Егоровны: «Баринъ, баринъ! Кирила Петровичъ пріѣхалъ, Кирила Петровичъ у крыльца!» Егоровна ахнула: «Господи Боже мой! это что такое? что это съ нимъ сдѣлалось?» Онъ торопился...

Стр. 158. ... Больно свѣсивъ Кирила Петровичъ!—Рукоп.: больно свѣсивъ Кирила Петровичъ! а небось поджалъ хвостъ, когда Гришка мой закричалъ ему: вонъ, старый песъ! долой со двора!

Стр. 162. Владиміръ зачитался и, погруженный душою въ міръ семейнаго счастья, не замѣтилъ...;—рукоп.: Владиміръ зачитался и позабылъ все на свѣтѣ, погружаясь душою въ міръ семейственнаго счастья, и не замѣтилъ... [26,]. Тутъ-же, встрѣча Владиміра въ передней съ кузнецомъ была описана подробнѣе: Владиміръ съ отвращеніемъ прошелъ мимо ихъ въ переднюю. (Двери были заперты; не нашедъ ключа, Владиміръ возвратился въ залу, — ключъ лежалъ на

столѣ; Владиміръ отворилъ дверь и наткнулся на человѣка, прижавшагося въ уголь, топоръ блестя у него... кто здѣсь, спросилъ онъ. Ахъ, Владиміръ Андреевичъ, это вы, отвѣчали ему... Господь помилуй и спаси! Хорошо, что вышли со мною!—Владиміръ глядѣлъ на него съ изумленіемъ. — Что ты здѣсь прятался, спросилъ онъ кузнеца,—и затѣмъ у тебя топоръ.—Виновать, сказалъ кузнецъ, ставъ на колѣни, лукавый подстрекнулъ! Эти окаинные подьячіе,—экъ они храпятъ,—всѣхъ-бы ихъ разомъ, такъ и концы въ воду...—Встань, сказалъ Дубровский, ты, вѣрно, пьянъ, брось топоръ, поди выпись. — Батюшка Владиміръ Андреевичъ, Богъ свидѣтель) и пр. [41, и 41,].

Все поставленное въ скобкахъ зачеркнуто, а дальше [28.] написано какъ въ печатномъ.

Стр. 177. Въ разсказѣ Глобовой сдѣланъ пропускъ въ передаваемыхъ ею словахъ Дубровскаго: ...отдайте мнѣ его на руки, а я его прочту. Знайте, что Дубровскийъ самъ былъ гвардейскимъ офицеромъ, онъ не захочетъ обидѣть товарища [4,].

Стр. 182. На просьбу Спицына Дефоржъ въ печатномъ текстѣ отвѣчаетъ: *Monsieur, vous n'avez qu'ordonner*; въ рукописи [56]: *Monsieur, tres volontier*, отвѣчалъ Дефоржъ, *veuillez donner des ordres en consequence*.

Въ концѣ одиннадцатой главы, благодаря, конечно, тому порядку, въ которомъ сшиты листы въ тетради, въ печатномъ текстѣ произошла путаница; именно, послѣ фразы [стр. 167]: Ямщикъ повезъ его шагомъ и ночью дотащился онъ до города [53], долженъ слѣдовать послѣдній абзацъ: не доѣзжая заставы, у которой вмѣсто часоваго стояла развалившаяся будка, французъ... и пр. [55].—Затѣмъ уже разсказъ снова обращается къ Дубровскому: Дубровскийъ, овладѣвъ бумагами французана..., и т. д., до конца: превращеніемъ изъ учителей въ разбойники [11, и 11,].

Затѣмъ, въ слѣдующей XII главѣ пропущено все начало, безъ котораго оставалось непонятнымъ, какимъ образомъ обошлось дѣло утромъ послѣ того, какъ Дубровскийъ, Дефоржъ, ограбилъ Спицына. Вотъ это начало [52, и 52,]:

Въ 9 часовъ утра гости, ночевавшіе въ Покровскомъ, собрались одинъ за другимъ въ гостинной, гдѣ кипѣлъ уже самоваръ, предъ которымъ въ утреннемъ платьѣ сидѣла Марья Кириловна, а Кирила Петровичъ, въ байковомъ сюртукѣ и въ туфляхъ, выпивалъ свою широкую чашку, похожую на полоскательную. Послѣднимъ явился Антонъ Пафнутьевичъ; онъ былъ такъ блѣденъ и казался такъ разстроенымъ, что видъ [его] всѣхъ поразилъ, и что Кирила Петровичъ освѣдомился о его здоровіи. Спицынъ отвѣчалъ безо всякаго смысла и съ ужасомъ

поглядывалъ на учителя, который тутъ-же сидѣлъ, какъ ни въ чемъ ни бывало. Черезъ нѣсколько минутъ слуга вошелъ и объявилъ Спичину, что коляска его готова. Антонъ Пафнутьичъ спѣшилъ откланяться и, не смотря на увѣщанія хозяина, вышелъ поспѣшно изъ комнаты и тотчасъ уѣхалъ. (Гости и хозяинъ) не понимали, что съ нимъ сдѣлалось, и Кирила Петровичъ рѣшилъ, что онъ объѣлся. Послѣ чаю и прощальнаго завтрака, прочіе гости начали разѣзжаться, и вскорѣ Покровское опустѣло и все вошло въ обыкновенный порядокъ.

Прошло нѣсколько дней... и т. д., стр. 188.

Въ разговорѣ Троекурова съ княземъ о Дубровскомъ [стр. 195], въ словахъ перваго сдѣланъ пропускъ:

И живъ, и на волѣ, и покамѣсть у насъ будутъ исправники злодѣи съ ворами, до тѣхъ поръ не будетъ онъ пойманъ. Кстати, князь... и т. д. [46*].

Стр. 196. Волга протекала передъ окнами, по коей шли нагруженные барки;—рукоп.: ...по ней шли... [18,].

Стр. 305. Ты меня схватилъ подъ мышки; — рукоп.: ...подъ силки [38*].

На двухъ приклейкахъ при 27* мы находимъ два отрывка программы, одинъ объ убійствѣ приказныхъ, другой о схваткѣ Саши съ рыжимъ мальчигомъ. Вотъ они:

1) пока приказные пьютъ, въ людской люди сговариваются, и поваръ Архипъ рѣшается убить ихъ.

2) Садовникъ ловить мальчика, Саша отымаетъ у него кольцо и снова кладетъ въ дулю. Приказникъ запираетъ мальчика на голубятню покамѣсть будетъ ему время; передъ свѣтомъ мальчикъ убѣгаетъ.

Помѣты подъ главами приведены г. Анненковымъ [изд. 1855, V, стр. 530; изд. 1882 г., т. IV, стр. 483], но не всегда точно. Такъ, подъ второй главой мы находимъ помѣту: 27 окт. Спб., а помѣта 29 окт.—находится въ срединѣ третьей главы, послѣ того какъ Владимиръ, получивъ письмо, «погрузился въ глубокое размышленіе» [стр. 151]. Помѣта 8 ноября находится не въ концѣ, а среди шестой главы, послѣ словъ: и вопли утихли [стр. 165] и въ такомъ видѣ:

8 ноября
1832.

Крест. В. Х.
2 часа съ 1/2.

Въ концѣ XV главы помѣчено 1 янв. 1833, а 29 декабря [1832] въ срединѣ главы, послѣ записки Дубровскаго: «....на прежнемъ мѣстѣ».

На 24^{мъ} верхомъ внизъ набросана черновая неразборчивая записка.
Jugez de mon desespoir... m'a rapporté aujourd'hui une réponse, que j'avais fait hier à l'aimable billet que vous avez bien voulu m'écrire... (Merci...)

Рисунки: I. 54. нога, лица; сидящій человекъ, склонившійся головой на колѣни; два старинныхъ экипажа.

XVIII.

№ 2381. Тринадцать собственноручныхъ тетрадей. Карандашомъ перенумерована каждая тетрадь отдѣльно; красной нумераціи нѣтъ. Всего, во всѣхъ тетрадяхъ, 219 листовъ.

Всѣ тетради заняты «Капитанскою дочкой» [IV. 215 — 344], въ каждой тетради по главѣ, именно, начиная съ главы II и до IV, съ VIII — XIV; тринадцатая тетрадь занята пропущенной главой.—Въ концѣ XIV главы, послѣ заключительной замѣтки: 19 октября 1836. Издатель.

Пропущенная глава была напечатана г. Бартевымъ [стр. 4—12; см. изд. 1882, т. IV, стр. 333 — 344], но съ нѣсколькими неточностями, которыя я и укажу.

Стр. 4. Лодка, плавно качаясь, скользила по поверхности темныхъ волнъ. Мы достигли середины рѣки... Вдругъ гребцы начали шептаться между собою.—Въ рукописи это мѣсто читается такъ: Лодка, плавно качаясь, скользила по (поверхности) темныхъ волнъ. Прошло около получасу. Я погрузился въ мечты воображенія: (спокойствие природы и ужасы политическіе) любовь etc. Мы достигли... и т. д. ¹⁾).

Стр. 4. Слова гребцовъ попали въ печатномъ текстѣ не на свое мѣсто; они должны слѣдовать въ такомъ порядкѣ... я все еще не могъ его различить. «Чтобы это было? говорили гребцы. Парусъ, не парусъ, мачта, не мачта». Вдругъ луна... [IV. 334].

Стр. 6. [IV. 336]: Петруша, другъ мой! Какъ тебя Господь привелъ;—рукоп.: Петруша, другъ мой! говорила матушка. Какъ тебя...

Стр. 8. Г. Бартевъ указываетъ, что слова: Донъ-Кихотъ Бѣлогорскій зачеркнуты Пушкинымъ;—онъ не обратилъ вниманія, что они снова восстановлены.

¹⁾ Этотъ пропускъ г. Бартева отчасти восстановленъ въ изд. 1882 г., IV. 333.

Стр. 10. [IV, стр. 340]: ...увидѣлъ я Швабрина, сидѣвшаго на окровавленной травѣ, и передъ нимъ наше семейство,—и передъ нимъ все наше семейство.

Стр. 11. Чтобъ у меня послѣ къ Иванову дню все сѣно было въ копнахъ.—Въ рукописи было: чтобъ у меня послѣ завтра...,—потомъ завтра зачеркнуто, сверху написано къ Иванову дню, слово-же послѣ, хотя Пушкинъ и забылъ его зачеркнуть, должно быть выключено изъ разсказа.

Дополнительные черновые наброски къ Капитанской дочкѣ см. 2374 и 2375. [IV. 485].

XIX.

№ 2382. Толстая тетрадь въ листъ синей бумаги, въ бумажномъ переплетѣ; ярлыкъ съ обычной надписью. Черная нумерація считаетъ листовъ; красная ; каждая изъ нихъ пропустила по два листа: черная нумерація между 40 и 41, и между 64 и 65; красная между 23 и 24, и между 96 и 97. Всего писанныхъ листовъ 110.

1.—14. Черновыя къ Путешествію въ Арарумъ. Нѣкоторые листы были вырваны и вклеены не на своемъ мѣстѣ. Противъ печатной редакціи есть нѣкоторыя дополненія и помѣты, которыя и привожу:

1.

15 мая. Георгіевскъ.

Изъ Москвы поѣхалъ я... и т. д.—V. 256. [1,].

4. Въ разговорѣ съ калмычкой есть дополненіе [258]: Что ты шьешь? — Портка. — Кому? — Себя. — Поцѣлуй меня. — Неможна, стыдно.—Голосъ ея былъ чрезвычайно пріятенъ. Она подала мнѣ свою трубку... и т. д. Мнѣ дали кусочекъ сушеной кобылятины, и я съ большимъ удовольствіемъ проглоталъ его. Послѣ сего подвига я думалъ, что имѣю право на нѣкоторое вознагражденіе, но моя гордая [красавица] ударила меня балалайкой по головѣ... Калмыцкая любезность мнѣ надоѣла, я выбрался изъ кибитки и поѣхалъ далѣе. Вотъ къ ней посланіе, которое, вѣроятно, никогда до нея не дойдетъ [Должно было слѣдовать стихотвореніе «Калмычкѣ». См. ниже л. 106,].

6.

Мая 22. Владикавказъ.

Съ Екатеринограда начинается военная грузинская дорога [259].

10.

Владикавказъ. 22 мая 1829.

18-го іюня. Арзрумъ; карантинъ; обѣдъ у гр. Паскевича; харемъ; сабля.. [Поль-страницы карандашомъ, полустерто, неразборчиво].

10. Еще программа:

Переходъ черезъ Кавказъ.
 Даріаль, Казбекъ, Осетинцы, похороны.
 Поэтъ Персидскій.
 Принцъ персидскій. Снѣговая гора.....
 Грузія, Арагва [Дукать].
 Тифлисъ... Арарать, граница Европы.
 Дорога до Карса. Карсъ.
 Лагерь гр. Паскевича.
 Перестрѣлка.
 Рекогносцировка.
 война.

27 іюня, Арзрумъ
 дворецъ
 обратный путь.

14.—увидѣли Терекъ, разливающійся въ разныхъ направленіяхъ.—
 У. 264.

11.

19 іюля. Арзрумъ.

Съ величайшимъ отвращеніемъ рѣшаюсь я выдать въ свѣтъ Бориса Годунова. Успѣхъ или неудача моей трагедіи будетъ имѣть вліяніе на преобразование драматической нашей системы. Воюсь, чтобы собственныя ея недостатки не были отнесены къ романтизму и чтобъ она тѣмъ [самымъ] не замедлила хода...

(Что касается до слога)... Хотя успѣхъ Полтавы ободряетъ меня...

Между 10 и 11, между 14 и 15 вырвано.

Рисунки: 8, — голова червеса; ножки; лошади; — 10 — головы; — 10 — избушка; осѣдланная лошадь; голова въ папахѣ; — 11 — бритая голова.

На 14, еще:

Счастливъ ты въ прелестныхъ дурахъ.

— II. 240.

15, — 16. Чернякъ:

Зима. Что дѣлать мнѣ въ деревнѣ?

— II. 247. Помѣта: 2 ноября 1829.

16. Черныякъ:

Морозъ и солнце — день чудесный!

— Зимнее утро. II. 248. Помѣта: 3 ноября.—Зачѣмъ вырвано.
17.

Зачѣмъ, Елена, такъ пугливо ¹⁾
Ты всюду слѣдуешь за мной,
И надзираешь торопливо
Мой каждый шагъ и каждый взоръ, — (я твой...)

Тутъ-же: О некрологѣ Раевского.—V. 75.

17. Дважды, начисто и начерно написанъ набросокъ изъ Онѣгина:

Недолго вмѣстѣ мы бродили.

— III. 437.

18. — 19. «Нѣсколько московскихъ литераторовъ, приносящихъ истинную честь нашему вѣку, какъ своими произведеніями, такъ и нравственностію, видя безпомощное состояніе нашей словесности и на-скупа звуками кимвала звенящаго, рѣшились составить общество для распространенія правилъ здоровой критики Курганова и Тредьяковскаго и для удержанія въ границахъ повиновенія и благопристойности отступниковъ и насмѣшниковъ.

«Общество имѣло первое свое засѣданіе на Малой Бронной, въ домѣ Г. X., бывшаго корректора типографіи,—17 октября сего года. Приглашеніе многочисленной публики ²⁾. Нѣкоторыя сосѣднія дамы удостоили засѣданіе своимъ присутствіемъ. Предсѣдателемъ былъ избранъ единогласно г-нъ Трандафыръ, знаменитый переводчикъ безстрашнаго ³⁾ романа.

«Секретаремъ былъ избранъ единогласно-же Никодимъ Невѣдинъ изъ честнаго сословія слугъ, скромный молодой человекъ, оказавшій недавно отличные успѣхи въ словесности и, не смотря на лакейскій тонъ своихъ статей, обещающій быть законодателемъ вкуса.

«Ждали г-на ...цова, но онъ не могъ прайти по причинѣ флюса, полученнаго имъ на ярмонкѣ, во время метанія чрезвычайно очастливой тальи.

«Г-нъ Трандофыръ открылъ засѣданіе прекрасной рѣчью, въ которой трогательно изобразилъ онъ безпомощное состояніе нашей сло-

¹⁾ Было:

Зачѣмъ такъ быстро, такъ ревниво.

²⁾ Такъ въ подлинникѣ; можно, кажется, дополнить глаголомъ: состоялось или т. п.

³⁾ Было: польскаго.

весности, недоумѣніе нашихъ писателей, подвизающихся во мракѣ, незаренныхъ свѣтильникомъ критики. Г-нъ Трандофьръ краснорѣчиво убѣждалъ.... приняться за дѣло: «что сдѣлали мы до сихъ поръ, почтенные слушатели, сказалъ онъ,—перевели романы, доставлявшіе намъ 700 руб. отъ Ширяева, и разобрали заглавный листъ Исторіи Государства Россійскаго;—труды безсмертны [безспорно], но недостаточны (для новаго преобразованія словесности для истребленія неутомимыхъ нашихъ враговъ)». Послѣ рѣчи г-на председателя, г. Невѣжинъ прочелъ проектъ новаго журнала, имѣющаго быть издаваемымъ въ слѣдующемъ 1830 году, подъ названіемъ Азіатскій ракъ. Журналъ сей будетъ выходить каждый мѣсяцъ по одной книжкѣ; каждая книжка будетъ заключать въ себѣ четыре отдѣла. Отдѣлъ I. Изящная словесность. Переводы Байрона съ польскаго; стихи молодыхъ семинаристовъ; стрывки изъ записокъ г-на Трандофьра (для примѣра г. секретаря общества прочелъ плѣнительное описаніе отрочества почтеннаго г-на Трандофьра. Всѣ съ удовольствіемъ слушали милые проказы маленькаго купчика, тогда уже столь много общавшаго ¹⁾).—Отдѣлъ II. Критика... [на этомъ обрывается].

На 19^с есть еще черновое стихотвореніе, все исчерканное, въ концѣ повторены два стиха:

О, сколько намъ открытій чудныхъ
Готовитъ просвѣщенный духъ
И опытъ...

Рисунокъ 18, — ноги.

19,—22. Черновыя изъ Русалки, изъ первой и изъ третьей сценъ, III. 252.

На 20: набросана программа для обзора русской словесности: гѣтописи, сказки, пѣсни, пословицы, посланія царскія, пѣсьи о Полку [Игоревѣ], Побоище Мамаево; царствованіе Петра, царствованіе Елизаветы,—Екатерины,—Александра; вліяніе французской поэзіи.

На 20, списокъ лицъ, вѣроятно тѣхъ, къ кому надо было сѣздить или т. п. [ср. 26].

Gourief, Langeron, Prince S. Golitzin, idem, Fiskelmont.

22,—только рисунокъ: лицо.

22., Программа къ Галубу; черновой неконченный набросокъ въ такомъ видѣ:

¹⁾ Слободы Пушкина.

Галубъ.
Тазитъ.
Чу . . .
Танас... ¹⁾

Туть-же черновое начало Галуба, II. 254, см. № 237.

23. Продолженіе изъ Галуба.—Рисунокъ: сидящій черкесь и буркѣ; мечъ.

23. Какая-то программа:

Въ Коломнѣ *avant-soirée*... больная... нѣжная. Онъ—(разсѣянный сатирический). *Soirée* съ... Явленіе въ свѣтъ молодой дѣвушки; онъ влюбляется.—Утро молодого человѣка.—У нихъ будутъ балы, помѣсть не выйдетъ замужъ; онъ представленъ. Сцены въ Коломнѣ. Онъ ссорится.

Рисунки: фигура молодой женщины въ старинной прическѣ и въ фижмахъ, сидящей въ креслахъ; еще—женское лицо.

24. [Оборванъ почти весь].

Гёте имѣлъ большое вліяніе на Байрона. Фаустъ тревожилъ воображеніе творца Чайльдъ-Гарольда. Нѣсколько разъ пытался Байронъ бороться съ этимъ великаномъ романтической поэзии и всегда оставался хромъ. [Г. Анненковъ сообщилъ эту замѣтку нѣсколько въ иномъ видѣ.—V. 49].

24.—неписанная страница.

25. [Элегическій отрывокъ].

Поѣдемъ, я готовъ...

— II. 251. Помѣта: 23 дек.—За помѣтой еще стихъ:

Но полно,—разорву оковы я любви...

25. Сверху помѣта: 1829, 24 дек.

Въ тѣ дни, когда въ садахъ лицей
Я безмятежно расцвѣтаю;
Читаю украдкой Апулея,
А надъ (Виргилиемъ) зѣваю.
Въ тѣ дни, и т. д.

— III. 153 и 434.

26. Опять списокъ лицъ, и съ адресами и отмѣтками, касающимися такъ или иначе общественныхъ отношеній Пушкина [ср. 20*].

¹⁾ Въ подлинникѣ оба слова недописаны, а вмѣсто Тазита, написано: Тазитъ. В. Я.

Дворцовая набережная:	Австрійскому посланнику 2.
Въ Милліонной:	Французскому посланнику 1. Французскому секретарю Лагрене ² 1.
Англійская набережная:	(Оленину). Гр. Лаваль 2. Англійскому посланнику 2. Сенявину 2. (Гурьеву 2).
Въ Милліонной:	Неаполитанскому посланнику 2.
Въ Подъячес. угольный домъ:	Константиновой 2. Плещееву 2.
У Чернышева моста:	Графу Гурьеву 2.
Въ Большой Морской:	Гр. Пушкину 2. Вигелю 1. Карамзиной 2. Кн. Мещерской 2. Хитровой 2.
Англійская набережная:	Гишпанскому посланнику 1.
Невскій пр., д. Сабира:	Гр. Ланжерону 2.
Въ импер. библиотекѣ:	Гвѣдичу и Крылову 2. Дельвигу 2. Нарышкину Перовскимъ Мартынову Энгельгарду Плетневу Молчанову Одоевскому Титову, въ домѣ минист. внутр. дѣлъ.

26. Исчерканная черновая:

Брожу-ли я вдоль улицъ шумныхъ.

— II. 251, см. 28.

27.—27*. Исчерканная, неразборчивая черновая:

Еще одной, высокой, важной пѣсни
Внемли, о Фебъ, и смолкнувшую лиру
Въ разрушенномъ святилищѣ твоемъ
Повѣшу я....

... еще единый гимнъ,

Внемлите мнѣ, пенаты, вамъ пою
Отвѣтный гимнъ, совѣтники Зевеса,
Живете-ль вы въ небесной глубинѣ...

Примите гимнъ, таинственныхъ силъ!
 Хоть долго былъ изгнаннымъ удаленъ
 Отъ вашихъ жертвъ и тихихъ возмѣній,
 Но васъ любилъ....
 И въ долгіе часы пустынной жизни
 Томительно просилось отдохнуть
 Близъ вашего святаго пепелища
 Моя душа...

Не престававъ молить благоговѣнно
 Васъ, божества домашнія...

28.

Хотя безчувственному тѣлу и т. д.

— См. 27, II. 252.—Далѣе идетъ замѣтка о выходѣ Илиады [V, 76], безъ первой фразы, находящейся отдѣльно внизу слѣдующей страницы; окончаніе замѣтки, то же переходитъ на слѣдующую страницу.

28. Кромѣ конца предшествовавшей замѣтки находимъ черновой отрывокъ изъ письма къ Гиддичу:

«Всѣ благомыслящіе люди чувствовали важность сего перевода и ожидали онаго съ нетерпѣніемъ. Вы требуете сочиненій моихъ, но я... Въ то время, какъ вашъ [корабль] входитъ въ пристань, нагруженный богатырями Гомера (при громѣ нашихъ привѣтствій), нечего говорить о моихъ мелочахъ [на смерть Наполеона I]».

Между 28 и 29 вырвано.

29.—*M'étant présenté chez votre excellence*, и т. д.—Черновое письмо къ А. К. Бенкендорфу [VII, 384; 7 января 1830].

29.—30. Въ одномъ изъ нашихъ журналовъ и т. д. [О литературной критикѣ—V. 76].

Вслѣдъ за этой замѣткой, какъ она напечатана, слѣдуетъ еще коротенькая замѣтка о религіи [30,]:

Presque toutes les religions ont donné à l'homme... quel'atheisme en... rejette...

Далѣе замѣтка объ А. Шенье, какъ классикѣ—V. 33.

Затѣмъ нѣсколько листовъ вырвано.

31.—32. Отдавая полную справедливость благонамѣренности и безпристрастію вашей газеты, признаюсь, не могъ я согласиться съ мнѣніями, которыя обнаруживаетъ она касательно критики и полемики.

Во первыхъ, что значать вѣчные толки о вѣжливости? Если бы критики нашихъ журналовъ погрѣшали единой своею грубостію, то бѣда была-бы еще небольшая...

(Вы поминутно говорите о приличіи журнала), но позвольте дать замѣтить, что и газета, стараясь быть равно учтива и важна въ отно-

шеніи ко всёмъ книгамъ, ею разбираемымъ, безъ сомнѣнія погрѣшала бы противу правилъ приличія (какъ и прочіе наши журналы). Вы въ обществѣ докчемъ задѣли вашего сосѣда, вы извиняетесь,—очень хорошо; но, гуляя, въ толпѣ, подъ качелями, толкнули лавочника,—вы не скажете ему—*mille pardon*. Вы зовете извозчика и говорите ему—пошелъ въ Коломну, а не—сдѣлайте одолженіе, потрудитесь свести въ Коломну.—Разница—критиковать Исторію Государства Россійскаго и, напр., ***.

У насъ вошло въ обыкновеніе между писателями, заслужившими довѣренность и уваженіе публики, не возражать на критики. Рѣдко кто изъ нихъ подаетъ голосъ и то не за себя. Обыкновеніе вредное для литературы. Такія антикритики имѣли-бы двойную пользу: исправленіе ошибочныхъ мнѣній и распространеніе здравыхъ понятій касательно искусства. Вы скажете, что по большей части журнальная критика заключается въ личностяхъ и брани, что публика, etc...

Возражать, что иногда нападающее лицо, само по себѣ, такъ презрительно, что честному человѣку никакъ нельзя войти въ сношеніе съ нимъ, не марая себя. Въ такомъ случаѣ объяснитесь, извинитесь передъ публикою. Видокъ васъ обругалъ, изъяснитесь, почему вы никоимъ образомъ отвѣчать ему не намѣрены. Въ этомъ отношеніи мнѣ нравится одна изъ статей вашего журнала, какъ доброе дѣло.

Вы совѣтуете...

32. Сверху фраза: *J'ai l'honneur de vous presenter mon frère, qui a trouvé...*

Затѣмъ черновыя къ XXV и XXVI строфамъ восьмой главы Е. Овѣгина.

Рисунки: Большое зданіе съ аркой [Лицей?]; голова.

33. Черновое письмо Пушкина къ А. Н. Гончарову [см. въ книжкѣ г. Бартенева «А. С. Пушкинъ»—стр. 182].—Внизу опять нѣсколько стиховъ изъ XXVI строфы Овѣгина.

33. Опять изъ XXVI строфы.

34. И еще изъ XXVI строфы.

34.—неписанная страница.

35.—39. Альманашикъ, впервые напечатанный г. Анненковымъ, но не точно и не вполне. V. 110—114.

Прежде всего замѣчу, что заглавіе дано г. Анненковымъ и что разговаривающія лица въ первой сценѣ не обозначены.—Мелкихъ неточностей и ошибокъ въ первыхъ двухъ сценахъ не привожу [замѣчу только, что Альманашикъ говорить: а я учился въ (Харьковскомъ) Московскомъ университетѣ], за то третью сцену я считаю нужнымъ выписать вполне [см. V. 113 и 114].

III.

Харчевня. Безстыдникъ [журналистъ] и Альманашникъ обѣдаютъ.

Б. Гей, водки!

А. Девятая рюмка!.. И я за все плачу, а что толку!

Б. Увидишь, какъ пойдетъ нашъ Альманахъ. Съ моей стороны дад 34 стихотворенія, подъ пятью подпишу А. П., подъ пятью другия Е. Б., подъ пятью еще К. П. В., остальные пушу безъ подписи. Въ предисловіи буду благодарить господъ поэтовъ, приславшихъ намъ свои стихотворенія. Прозы у насъ вдоволь: лихое обоарѣніе словесности гдѣ славно обруганы наши знаменитые писатели, наши аристократы, знаешь?

— Никакъ нѣтъ-съ, не знаю...

— Не знаешь? О да ты видно журнала моего не читаешь... Вотъ видишь-ли... Аристократами (разумѣется, въ ироническомъ смыслѣ)¹⁾ называются тѣ писатели, которые съ нами не знаются, полагая, вѣроятно, что наше общество незавидное... Мы было сперва того и не замѣтили, но уже съ годъ какъ спохватились, и съ тѣмъ поръ ругаемъ ихъ наповаль... Теперь понимаешь?

— Понимаю.

— Водки!... Эти аристократы... (разумѣется, говорю въ ироническомъ смыслѣ)¹⁾... вообразили себѣ, что насъ въ хорошее общество не пускаютъ... Желалъ-бы я посмотрѣть, кто меня не впустилъ; чѣмъ и хуже другаго? Ты смотришь на мое платье...

— Никакъ нѣтъ, ей Богу...

— Оно немного поношено; меня обманули на вшивомъ рынкѣ... Къ тому-же я не стану франтить въ харчевнѣ, а на балахъ я великій щеголь... Это моя слабость... Если-бы ты видѣлъ меня на балахъ... я славно танцую... Я танцую французскую кадрили... Ты не вѣришь... (встаетъ, шатаясь, танцуетъ)¹⁾. Каково?

— Прекрасно. (В. зацѣпляетъ стаканъ и роняетъ его)¹⁾.

— Боже мой—стаканъ въ дребезгахъ... Его поставить на счетъ... и еще граненый.

— Какъ на счетъ... его склеять... вотъ я все (подбираетъ стекло и подаетъ).

— [Альманашникъ] расплачивается охая, выводитъ его подъ руку—онъ на ногахъ не стоитъ. Такъ и быть, взять извозчика.

¹⁾ Скобки Пушкина.

— Сдѣлай одолженіе... посади меня верхомъ... а самъ садись [поперекъ]... да поѣдемъ по Невскому... Люблю франтить... это моя слабость...

— И вотъ моя послѣдняя опора! Господи, Боже мой!

Всѣ курсивныя слова пропущены или неточно переданы у г. Анненкова. Слѣдующая, IV, сцена совсѣмъ имъ пропущена.

[Альманашикъ въ передней сочинителя].

— Можно видѣть барина?

— [Слуга] никакъ нѣтъ, онъ почиваетъ.

— Какъ, въ 12 часовъ?

— Онъ возвратился съ бала въ 6-мъ часу.

— Да когда-же его можно застать?

— Да почти никогда.

— Когда-же вашъ баринъ сочиняетъ?

— Не могу знать.

— Экое несчастіе!.. Доложи своему барину, что приходилъ рекомендоваться... Да скажи, не знаешь-ли ты какого нибудь сочинителя...

39. Исчерканное стихотвореніе; вотъ его начало:

Во время оное, бывое!...
 Въ тѣ дни ты зналъ меня, Кавказъ,
 Въ свое святилище [глухое]
 Ты призывалъ меня не разъ.
 Въ тебя влюбленъ я былъ безумно,
 (Меня привѣтствовалъ) ты шумно...

Дальше все исчеркано.—Тутъ-же набросана пѣсня русалокъ [Русалка, III. 269].

Тише, тише, надъ водами
 Что-то дрогнуло во тьмѣ
 Между мѣсяцемъ и нами
 Кто-то ходитъ по землѣ.

40.—Вся пѣсня русалокъ, черновая карандашемъ.—Затѣмъ идетъ листъ незанумерованный черною цифрою [красная—40], обозначимъ его 40a.

40a.—неписанная страница.

40a. Длинное черновое стихотвореніе о Кавказѣ, все исчерканное и малоразборчивое:

И вотъ ущелье мрачныхъ скалъ
 Пѣдъ нами шире становится
 И тише Терекъ [злой] стремится,
 Лучъ солнца ярче засіялъ...

Еще:

Страшно и скучно
Здѣсь новоселье,
Путь и кочлеги,
Тѣсно и душно
Въ дымномъ ущельѣ,
Тучи да снѣгъ...

Много стиховъ исчеркапныхъ и неконченныхъ, мѣстами однѣ ремы; повторенія.—Затѣмъ много вырвано писаннаго.

41,—42. Замѣтка объ исторіи поэзіи Шевырева.

Исторія поэзіи—явленіе утѣшительное, книга важная!

Россія по своему положенію, географическому и политическому etc. есть судилище, приказъ Европы. Nous sommes les grands juges. Безпристрастіе и здравый смыслъ нашихъ сужденій, касательно того, что дѣлается не у насъ, удивителенъ. Примѣры тому.

Критика литературная у насъ ничтожна: почему? потому что въ ней требуется не одного здраваго смысла, но и любви къ наукѣ. Взглядъ на нашу критику; Мераляковъ, Шишковъ, Дашковъ etc.

Шевыревъ при самомъ вступленіи своемъ обѣщаетъ не слѣдовать ни эмперической системы французской критики, ни отвлеченной философіи вѣмцевъ (стр...). Онъ избираетъ способъ изложенія историческій—и подѣломъ: такимъ образомъ придаетъ онъ наукѣ заманчивость разсказа.

Критикъ пристукаетъ къ исторіи Западной словесности.

Въ Италіи видитъ онъ чувственность Римскую, побѣжденную христіанствомъ... воскресшую въ художествахъ, покорившую своему роскошному вліянію строгій каеолицизмъ, и снова овладѣвшую своей отчизною.

Въ Испаніи признаетъ тоже начало, но встрѣчаетъ мавровъ и видитъ въ ней магометанское направленіе (?) ¹⁾ (не магометанское, а)...

Оставляя роскошный югъ, Шевыревъ переходитъ къ сѣвернымъ народамъ, рабамъ нужды, пасынкамъ природы.

Въ туманной Англіи видитъ онъ нужду, развивающую богатство, промышленность, трудъ, изученіе, литературу безъ преданій, вещественность.

Въ Германскихъ священннхъ лѣсахъ открываетъ онъ уже то стремленіе къ отвлеченности, къ уединенію, къ феодальному разьединенію, которыя и донныѣ господствуютъ въ политической системѣ Германіи, и въ... ея мыслителей и при дворахъ ея князей, и на кафедрахъ ея профессоровъ.

¹⁾ (?)—привадежить Пушкину.

Франція, средоточіе Европы, представительница жизни общественной, жизни в... эгоистической и народной. Въ ней науки и поэзія не цѣли, а средства. Народъ (der Negg omnis) ¹⁾ властвуетъ въ ней отвратительною властью демокраціи... Въ немъ всѣ признаки невѣжества, презрѣніе къ чужому, une marque pétulente et trahante, etc.

Девизъ Россіи—*suum cuique*...—Далѣе много неписанныхъ.

43,—44, [вклеены]. Всѣ четыре страницы заняты черновымъ Воспоминаньемъ въ Царскомъ Селѣ.—II. 249.

На 43, послѣ стиха Екатерининскихъ орловъ—помѣта: 14 дек. 1829. Спб.

Рисунокъ на 43,—женское лицо.

— Затѣмъ много неписанныхъ, а потомъ, начиная съ 45—103 листъ, все писано верхомъ внизъ, почему я буду описывать въ обратномъ порядкѣ.

103,—неписанная страница.

103. Сверху помѣта: 14 июля, Арзрумъ, баня, чума; потомъ слѣдуетъ черновое стихотвореніе, сообщенное г. Анненковымъ, но не вполне, почему я выписываю его цѣликомъ:

Критонъ, роскошнѣй гражданинъ
 Очаровательныхъ Аонъ,
 Во цѣлѣ жизни предавался
 Всѣмъ упоеньямъ бытія...
 Однажды, слушайте, друзья!
 Онъ по Керамнику святался,
 И вдругъ изъ рощи вѣковой
 Красою дѣвственной блистая.
 Въ одеждѣ легкой и простой
 Явилась нимфа молодая.
 (Она съ улыбкою глядитъ),
 (Ужъ онъ влюбленъ, ужъ онъ) горитъ
 Поспѣшно слѣдуетъ за нею...
 Предъ (ними домъ).
 Она на мигъ остановилась,
 И въ дверь вошла. Недвижимъ онъ
 Глядитъ на дверь, куда, какъ сонъ,
 Его красавица сокрылась ..

Противъ этого стихотворенія съ боку другая помѣта: 16-го іюня.—
 Пониже, съ боку:

Былъ и я среди Донцовъ...

—II. 239. Четвертый стихъ исправленъ:

Я домой привезъ нагайку...

¹⁾ Скобки Пушкина.

Пятый стихъ былъ:

(На походѣ, на войнѣ)

и потомъ поправка начата и не кончена:

(Часто) (дома) въ тишинѣ...

102.

Эпиграмма:

Надѣясь на мое презрѣнье,
Съдой Зонгъ меня ругалъ
Но потерявъ уже терпѣнье,
Я эпиграммой отвѣчалъ.
(И возгоря) желаньемъ славы,
Теперь, надѣясь на отвѣтъ,
(Журнальный шутъ), холопъ лукавый
Ругать-бы также сталъ... О, нѣтъ!
Пусть онъ, какъ бѣсъ передъ сбѣдней,
Себѣ покоя не даетъ,
Даже сиди себѣ въ передней,
А будетъ съ баринномъ расчетъ.

Тутъ-же опять черновое: Былъ и я среди Донцовъ; пятый стихъ: На дорогахъ, на войнѣ.—П. 239.—Рисунокъ карандашный: лицо.

102. Литература у насъ существуетъ, но критики еще нѣтъ; у насъ журналисты бранятся именами: классикъ и романтикъ, какъ старушки бранятъ повѣсь франкмасонами и вольтерьянцами, не имѣя понятія ни о Вольтерѣ, ни о франкмасонствѣ.

— Тутъ-же черновая «Дона» [П. 241]. Начало:

Здравствуй Донъ, завѣтный Донъ,
Отъ сыновъ твоихъ удалыхъ,
Козаковъ большихъ и малыхъ,
Я привезъ тебѣ поклонъ.

Тутъ-же есть куплетъ изъ Бѣсовъ, см. 101.

101. Сверху четыре строки:

Полюби меня, дѣвица!
— Что-же скажешь мнѣ станица,—
Я съ другимъ обручена
Твой женихъ теперь далече..

Далѣе черновая Бѣсовъ [см. 102].—Рисунокъ: лицо, птица.

101. и 100. Изъ Евгенія Онѣгина, восьмой главы X и XI строфы и между ними еще пропущенная: Блаженъ, кто понялъ голосъ строгой,—Ш. 157, 158 и 435.

100.—98. Сверху XII строфа восьмой главы Онѣгина; затѣмъ начало Путешествія Онѣгина [оно прежде и должно было составлять часть VIII главы]—III. 436.

(Наскуча) щеголять Мельмотомъ
Иль маскою другой,
Проснулся разъ онъ патриотомъ
Въ Hôtel de Londres, что на Морской,
Россія!... Русь!... мгновенно
Ему понравилась отменно,
И рѣшено—ужъ онъ влюбленъ!
Россіей только бредить онъ!
Ужъ онъ Европу ненавидитъ,
Съ ея логической, сухой,
Съ ея разумной суетой.
Онѣгинъ ѣдетъ, онъ увидитъ
Святую Русь,—ея поля,
Селенья, грады и моря ¹⁾

Помѣта: 2 октября.

(И вотъ) собрался—слава Богу!
Юня третьяго числа
Коляска вѣнская въ дорогу
Его по почтѣ понесла.
Среди равнины полудикой
Онъ видитъ Новгородъ Великій...

— Далѣе исчеркано.

99.

Тоска! тоска! снѣжить Евгенийъ
Скорѣе далѣе... Теперь
Мелькаютъ, какъ волшебны тѣни
Предъ нимъ Валдай, Торжокъ и Тверь.
Здѣсь . . .
Здѣсь онъ обѣдаетъ, а тамъ
Онъ сонный скачетъ. Кони мчатся
Сквозь лѣсъ, чрезъ холмы, вдоль рѣки,
Мелькаютъ версты. Ящички
Поютъ, [и] свищутъ, [и] бранятся
. . . Евгенийъ мой
Въ Москвѣ очнулся на Тверской.

* *

Москва Онѣгина встрѣчаетъ [III. 437]
Своею [важною] ²⁾ суетой

¹⁾ Было: (Дубравы, степи) и моря.

²⁾ Было: роскошной.

Своими дѣвами прельщаетъ,
Старинной кухней угощаетъ,
Стерляжъей подчуеъ ухой...

* * *

Въ палатахъ Англійскаго кюба
О вистѣ преня слышитъ онъ,
(Въ раздумьѣ молча) ') погруженъ.
Онъ видитъ башни .
Дворцы и площади Кремля,
И храмъ, гдѣ царская семья
Почиетъ близъ мощей святыхъ.
Онъ ходитъ .
Въ садахъ московскихъ богачей.

* * *

Тоска, тоска! Онъ далѣ [хочетъ]
(Въ торговый Нижній). Передъ нимъ
. . . Ярманка хлопочетъ,
Кинитъ обліемъ своимъ...

* * *

и проч.—III 180.

Тоска, тоска!... но Волга...
Его манитъ на пышны воды,
Подъ полотняны паруса...
Нанялъ купеческое судно,
Поплылъ онъ быстро [внизъ] рѣки.
Струится Волга; бурлаки
. поютъ
Унылый пріютъ
Прѣ ихъ разъѣзды удалыя,
Какъ Стенька Разинъ въ старину
Кровавилъ волжскую волну...
.
Тоска, тоска!

97, и 97. Онѣгинъ на Кавказѣ—III, 180.—Рисунки 97,—пистолеть, осѣдланная лошадь, черкесь; 97,—два дерева.—На 97, какія-то цифры.

96, [почти весь оборванъ]. Опять о пребываніи Онѣгина въ Москвѣ:

Замѣченъ онъ.
— Объ немъ толкуеъ,
(Имъ занимается) Москва,
Его шпиономъ именуеъ,
И производитъ въ жениха...

') Поправка не разобрана.

Тутъ-же отрывокъ, можетъ быть, изъ пребыванія на Кавказѣ:

Опѣгннѣ взоромъ сожалѣнья
На воды [дымныя] глядѣть,
. . размышляя.

96. [красной цифрой нѣтъ].

Блаженъ, чья смерть уже близка,
Но я здоровъ! Тоска, тоска!...

— III. 181.

Отъѣздъ за Кавказа [двѣ строки только]:

Прощайте, горныя вершины,
Вы закубанскія равнины,
Вы степи..

Рисунки: два мужскихъ лица.

95, и 95. Замѣтка о М. Бестужевѣ-Рюминѣ и его «Сѣверной Звѣздѣ» 1829 г. [Сравни V. 121].

Возвратясь изъ путешествія, узналъ я, что г. Б., пользуясь моимъ отсутствіемъ, напечаталъ нѣсколько моихъ стихотвореній въ своемъ Альманахѣ. Неуваженіе къ литературной собственности сдѣлалось такъ у насъ обыкновеннымъ, что поступокъ г. Б. ни мало не показался мнѣ страннымъ ¹⁾. Но когда Альманахъ нечаянно попался мнѣ въ руки и когда въ предисловіи прочелъ нѣжное изъявленіе благодарности издателя г-ну Ап., доставившаго ему (г-ну Б.) [13 пѣснь], изъ нихъ 5 и удостоились печати,—то, признаюсь, удивленіе мое было чрезвычайно.

Въ числѣ пѣснь, доставленныхъ г-мъ Ап., нѣкоторыя принадлежать мнѣ въ самомъ дѣлѣ, другія мнѣ вовсе неизвѣстны. Г-нъ Ап. собралъ давно [мною написанное] и замѣнилъ своими стихами тѣ, кои не могли быть пропущены цензурой. Однако въ мои лѣта и въ моемъ положеніи неприятно отвѣчать... за чужія произведенія, то честь имѣю объявить г-ну Ап., что, при первомъ такомъ-же случаѣ, принужденъ буду прибѣгнуть къ покровительству законовъ.

— Карандашный рисунокъ: наклоненная женская головка.

94, и 94. [Разговоръ]:

А. Читали вы въ послѣднемъ № Г[азеты] критику NN.?

В. Нѣтъ я не читаю русской критики.

А. Напрасно. Ничто иное не даетъ вамъ лучшаго понятія о состояніи нашей литературы.

¹⁾ Съ боку неразборчиво приписано: Такъ на.... г. Федоровъ напечаталъ видялю.., сочиненную г. Панаевымъ. См. V. 120.

В. Какъ! Неужели вы полагаете, что журнальная критика (есть) окончательный судъ произведеніямъ нашей словесности?

А. Ни мало. (У насъ никогда критика не имѣетъ почти никакого вліянія на судьбу какого нибудь произведенія). Но она даетъ понятіе объ отношеніяхъ писателей между собою, о большей или меньшей ихъ извѣстности, наконецъ о мнѣніяхъ господствующихъ въ публикѣ.

В. Мнѣ не нужно читать (В. Е.), чтобы знать, что находится... въ модѣ, и что романтической поэзіи у насъ никто не понимаетъ. Что же касается до отношеній г-на Р. къ г-ну Полевому, г. К. къ г. В..., это вовсе нелюбопытно.

А. Однако-жъ (иногда) забавно.

В. Вамъ нравятся кулачные бойцы?

А. Почему-же нѣтъ? Державинъ ихъ воспѣлъ. Наши бояре ими тѣшились. Мнѣ столь-же нравится кн. В. въ схваткѣ съ какимъ нибудь (заношнымъ) журнальнымъ буйномъ, какъ гр. Орловъ въ бою съ ямщи-комъ. Это черты народности.

В. Вы упомянули о К. В.; признайтесь, что изъ высшей литературы онъ одинъ пускается въ полемику.

А. Позвольте..., что вы называете высшей литературой?

— На этомъ разговоръ обрывается. См. выше, № 2373, л. 13.

Съ боку внизу набросано нѣсколько черновыхъ неоконченныхъ стиховъ.

— Рисунокъ: женская голова.

93. Черновая, вся исчерканная: Путешествіе Онѣгина по Тавридѣ:

Онъ зрѣть поэту край священнѣйшій...

— Ш. 181.—Рисунки: мужская голова; ножка, выставленная изъ подъ платья.—Цифры.

93.

Какія-бъ чувства не толпились
Тогда во мнѣ,—слѣдовъ ихъ нѣтъ,
Они прошли или измѣнились,
Миръ вамъ, тревоги прежнихъ лѣтъ.

Тутъ же изъ посланія къ Е. В. Вельяшевой,—II, стр. 218.

93.—90. Восьмое письмо изъ романа въ письмахъ—IV, стр. 428.

— Какъ въ этомъ такъ и въ послѣдующихъ письмахъ [всѣ эти письма впервые напечатаны г. Анненковымъ] печатный текстъ значительно отличается отъ рукописи. Оставляя опять въ сторонѣ мелкія ошибки и неточности, приведу только болѣе крупныя отличія, пропуски.

Стр. 428. «Званіе помѣщика есть та-же служба». Заниматься тремя тысячами душъ, коихъ все благосостояніе зависитъ

совершенно отъ насъ, важнѣе, чѣмъ командовать взводомъ или переписывать дипломатическія депеши.

Небреженіе, въ которомъ мы оставляемъ нашихъ крестьянъ ¹⁾ непроситительно. Чѣмъ болѣе имѣемъ мы надъ ними правъ, тѣмъ болѣе имѣемъ и обязанностей въ ихъ отношеніи. Мы оставляемъ ихъ на произволь плута прикащика, который ихъ притѣсняетъ, а насъ обкрадываетъ. Мы проживаемъ въ долгъ наши будущіе доходы и разоряемъ: старость насъ застаётъ въ нуждѣ и хлопотахъ. Вотъ причина быстрого упадка нашего дворянства и т. д.

Стр. 429: Все это надумалъ я, живучи въ чужой деревнѣ, глядя на управленіе мелкопомѣстныхъ дворянъ. Эти господа не служатъ и сами занимаются управленіемъ своихъ деревушекъ, но, признаюсь, дай Богъ имъ промотаться какъ нашему брату! Какая дикость! Для нихъ еще не прошли времена Ф. Визина, между ними процвѣтаютъ Простаковы и Скотинины.

Стр. 430: ...я пріѣхалъ сюда только для нея. По крайней [мѣрѣ] я постарался дать ей это почувствовать. Здѣсь мой успѣхъ превозмошелъ мои ожиданія (что много значитъ) ²⁾. Старушки отъ меня въ восхищеніи, барыни ко мнѣ такъ и льнутъ, а потому что... [sic]. Мушны, и т. д. Прощай. Что дѣлаютъ наши—*servitor di tutti quanti*, пиши ко мнѣ въ село ***.

90. [Фразы, по содержанию подходящія къ предшествовавшему письму].

«Аристократія чиновная не замѣнитъ аристократіи родовой».

«Семейственныя воспоминанія должны быть историческія воспоминанія народа. Но какія воспоминанія у дѣтей коллежскаго ассессора?»

— Тутъ-же черновая эпитаграмма:

Поэтъ-игрокъ, о Беверлей-Гораций..

— П. 240. — Кромѣ того верхомъ внизъ нѣсколько зачеркнутыхъ словъ.—Рисунки: 2 вѣтки; голова лошади въ воротничкахъ и въ цилиндрѣ.

— Вырвано.

89, 88, и 88. IX письмо изъ того же романа [IV. 430]. Изъ пропусковъ укажу конецъ: Не пріѣдешь-ли для соперничества cum *sergo sergogum Dei*? Это было-бы похоже на тебя. Я всякій день стану тебя ожидать.

89. Черныкъ изъ Онѣгина: Порой дождливою намедни—III. 183.

¹⁾ Было: наши имѣнья.

²⁾ Скобки Пушкина.

— Тутъ-же фраза: Онъ вспомнилъ обо мнѣ, и стихъ изъ «VII пѣсни»:

по расчисленью
Философическихъ таблицъ...

-- строфа XXXIII.—Рисунокъ: Господинъ съ бакенбардами, въ высокихъ воротничкахъ.

87,—86. 10 письмо—стр. 431.

Стр. 431—и вмѣстѣ съ тѣмъ, что-то живое, снисходительное, добродушное;—въ рукописи это мѣсто совсѣмъ иначе: а между тѣмъ что-то женское, снисходительное, добродородное (какъ говоритъ ея бабушка).

Конецъ: Прощай, мой милый. Чтò новаго въ свѣтѣ? Объяви всѣмъ, что наконецъ и я пустился въ поэзію: намѣднн сочинилъ я надпись къ портрету княжны Ольги (за чтò Лиза очень мило бранила меня) ¹⁾.

Глупа какъ..., скучна какъ не...

Скучна etc. То и другое похоже на м.... Попроси В. прислать первый стихъ и отнынѣ считать меня поэтомъ.

86,—неписанная страница.

85.—81. Черновыя изъ Путешествія въ Арзрумъ—V, 263—268.

80. Сверху двѣ отрывочныя фразы:

«...любили его слушать, а ему только и наде было»...

«Пріятно отдавать отчетъ о сочиненіи, вполне заслуживающемъ вниманія и одобренія публики».

Затѣмъ начинается черновая замѣтка о романѣ Юрій Милославскій,—V. 89.

80,—79. Продолженіе той же замѣтки.

78,—77. О запискахъ Самсона—V. 91.

77. Опять изъ замѣтки о Юрія Милославскомъ [см. 80.]—V. 89—90.

Тутъ-же верхомъ внизъ денежные счета, повидимому списокъ долговъ; имена мною не всѣ разобрашы.

+	сихъ .	3.500
+	Нащок. ²⁾	2.000 +
	Теткѣ . .	3.000 +
+	Пр. Ал. ²⁾	2.000 +
	С...	2.000
	Р...	2.500

¹⁾ Скобки Пушкина.

²⁾ Нащожину П. В.

³⁾ Прасковья Александровна Осиповой.

+ П...	700
(Изв. ¹⁾)	500)
+ Книгопрод.	1.500
+ Анг.	1.000
Бекъ .	500
(Сестрѣ	1.000)
+ Энг. ²⁾)	1.300
(Дюма	400)
+ Въ погреб.	400
(Въ ломбардѣ	7.000)
(За карты	5.000)
Шилк.	9.000
	<hr/>
	41.300

Съ боку еще цифры, но безъ обозначенія и отмѣтокъ.—Рисунки: кустики.

— Затѣмъ вырвано.

76^а и 76^б.—О разговорѣ у княгини Халдиной,—V. 92.

75^а—73^а. Разговоръ Русскаго съ Испанцемъ, вѣроятно, имѣющій отношеніе къ отрывку—«Гости съѣзжались на дачу», см. IV. 462 и № 2371, 27^а.

Вы такъ откровенны и снисходительны, сказалъ Испанецъ, что осмѣлюсь просить васъ разрѣшить мнѣ задачу: я [шатался] по всему [свѣту], представлялся во всѣхъ Европейскихъ дворахъ, вездѣ посѣщалъ высшее общество, но нигдѣ не чувствовалъ себя такъ связаннымъ, такъ неловкимъ, какъ въ проклятомъ вашемъ аристократическомъ кругу. Всякій разъ, когда я вхожу въ залу княгини В— и вижу эти нѣмыя, неподвижныя муміи, напоминающія мнѣ египетскія кладбища, какой-то холодъ меня пронизываетъ. Межъ ними нѣтъ ни..... власти, ни одно имя не утверждено мнѣ славою,—предъ чѣмъ же я робѣю?

Передъ недоброжелательствомъ, отвѣчалъ Русскій. Это черта нашихъ нравовъ: въ народѣ выражается она насмѣшливостью, въ высшемъ кругу невниманіемъ и холодностію. (О мущинахъ нечего и говорить) ³⁾, ихъ нравственность... Наши дамы очень поверхностно образованы, ничто европейское не занимаетъ ихъ мыслей. Политика и литература для нихъ не существуетъ. Остроуміе давно въ опалѣ, какъ признакъ легкомыслія. О чемъ-же стануть онѣ говорить? О самихъ себѣ? Нѣтъ,

¹⁾ Изволицу?

²⁾ Энгельгарду?

³⁾ Скобки Пушкина

онѣ слишкомъ хорошо воспитаны. Остается имъ разговоръ какой-то домашній, мѣлочный, [часто] понятный только для немногихъ, для избранныхъ. И человѣкъ, не принадлежащій къ этому малому стаду, принять, какъ чужой, не только иностранецъ, но и свой.

(Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ испанецъ, вотъ уже два мѣсяца, какъ я въ Петербургѣ, и въ первый еще разъ нахожу я разговоръ, напоминающій мнѣ Париж...).

(Между тѣмъ общество наше скучно для тѣхъ, которые не танцуютъ. Всѣ чувствуютъ необходимость разговора общаго,—но гдѣ его взять, и кто захочетъ выступить первый на [сцену]. Кто-то предложилъ нанимать на вечеръ разговорщика, какъ нанимаютъ на маленькіе балы фортопьянщика).

— Извините мнѣ [мои] вопросы, сказалъ Испанецъ, но врядъ-ли мнѣ найдти въ другой разъ удовлетворительныхъ отвѣтовъ, и я спѣшу вами пользоваться. Вы упомянули о вашей аристократіи: что такое русская аристократія? Занимаясь вашими законами, я вижу, что наследственной аристократіи, основанной на недѣлимости имѣній, у васъ не существуетъ. Кажется, между вашимъ дворянствомъ существуетъ гражданское равенство,—и доступъ къ оному ничѣмъ не ограниченъ. На чемъ-же основывается ваша такъ называемая аристократія? Развѣ только на одной древности родовъ русскихъ замѣчательныхъ [людей]?

— (Вы ошибаетесь), отвѣчалъ онъ. Древнее русское (дворянство) вслѣдствіе причинъ, вами упомянутыхъ, упало въ неизвѣстность и составило родъ третьяго состоянія; [дворянская] чернь, къ которой и я принадлежу, считаетъ между своими родоначальниками Рюрика и Мономаха. Но настоящая аристократія наша съ трудомъ можетъ назвать и своего дѣда. Древность рода ихъ восходитъ до Петра и до Елизаветы. Денщики, пѣвчіе, хохлы, вотъ ихъ родоначальники, (будь сказано) не въ упрекъ: достоинство всегда достоинство, и государственная польза требуетъ его возвышенія. Смѣшно только видѣть въ ничтожныхъ внукахъ спѣсь... перваго христіанскаго барона...

— Я самъ, напр., продолжалъ русскій съ видимымъ самодовольствомъ небреженія, хотя дворянство мое теряется въ отдаленной древности, и имена предковъ моихъ [встрѣчаются] на всѣхъ страницахъ исторіи нашей, но если бы я подумалъ назвать себя аристократомъ, то, вѣроятно, насмѣшилъ бы многихъ. Мы такъ положительны, что мы на колѣняхъ предъ настоящимъ случаемъ, успѣхомъ и славою, но у насъ нѣтъ очарованія древностію, благодарности къ прошедшему и уваженія къ нравственному достоинству... Прошедшее для насъ не существуетъ. Карамзинъ недавно разсказалъ намъ нашу исторію, но едва-ли мы [вслушались]. Мы гордимся не славою предковъ, но чиномъ

какого нибудь дяди (дурака) или баломъ двоюродной сестры. Забѣйте, что неуваженіе къ предкамъ есть первый признакъ дикости и безнравственности.

— [На этомъ разговоръ прерывается]. На 73: находится еще черновое объясненіе къ замѣткѣ объ Иліадѣ—V. 95.—Затѣмъ много вырѣзано.

72, и 72.. Черновая замѣтка о статьяхъ кн. Вяземскаго—V. 93.

71,—70.. Отрывочная замѣтка, которая по содержанію должна быть сопоставлена съ замѣткой о графѣ Нулиивѣ [V. 123]—и о жеманствѣ—[V. 138].

«Но не смѣшно-ли имъ судить о томъ, что принято или не принято въ свѣтѣ, что могутъ, чего не могутъ читать наши дамы, какое выраженіе принадлежитъ гостинной (или будуару, какъ говорятъ эти господа ¹⁾)? Не забавно-ли видѣть ихъ опекунами высшаго общества, куда, вѣроятно, имъ и некогда и вовсе ненужно являться? Не странно-ли въ ученыхъ изданіяхъ встрѣчать важныя разсужденія объ отвратительной безнравственности такого-то выраженія ²⁾ и ссылки на парижскихъ (дамъ). Не совѣстно-ли [въ душѣ] видѣть почтенныхъ профессоровъ, краснѣющихъ отъ свѣтской шутки? Почему имъ знать, что вычурное жеманство и напыщенность нестерпимы, еще болѣе выказываютъ мелкое общество, чѣмъ простонародность (vulgarité), и что оно-то именно и обличаетъ [sic] свѣтъ? Почему имъ знать, что откровенныя оригинальныя выраженія простолюдиновъ повторяются и въ высшемъ обществѣ, не оскорбляя слуха, между тѣмъ какъ чопорные обиняки провинциальной вѣжливости возбудили бы общую невольную улыбку? Хорошее общество можетъ существовать и не въ одномъ кругу, а вездѣ, гдѣ есть люди честные, умные и образованные.

«Эта охота выдавать себя за членовъ высшаго общества вводила иногда нашихъ журналистовъ въ забавныя промахи; одинъ изъ нихъ думалъ, что невозможно говорить..... и далъ строгій за то выговоръ, — кому же—одному изъ молодыхъ блестящихъ царедворцевъ. Въ одномъ журналѣ сильно напали на неблагопристойность поэмы ³⁾, гдѣ сказано, что молодой челоуѣкъ осмѣлился войти ночью къ спящей красавицѣ; и между тѣмъ, какъ стыдливый рецензентъ разбираетъ ее, какъ самую вольную сказку Боккачю или, всѣ петербургскія дамы читали ее и знали цѣлыя отрывки наизусть. Недавно [одинъ] историческій романъ обратилъ на себя вниманіе всеобщее и отвлекъ на нѣ-

¹⁾ Скобки Пушкинна.

²⁾ Было: графа Н[улиива].

³⁾ Было: гр. Нулина.

сколько дней всѣхъ нашихъ дамъ отъ fashionable tales и историческихъ записокъ. Что же? Газета (важно) дала замѣтить автору, что въ простонародныхъ сценкахъ находятся слова ужасныя: сукинъ сынъ. Возможно ли? Что скажутъ дамы, если паче чаянъя взоръ ихъ упадетъ на это неслыханное выраженіе? Что бы они сказали Фонъ-Визину, который императрицѣ Екатеринѣ читалъ своего Недоросля, гдѣ на каждой страницѣ эта невѣжественная Простакова бранить Еремѣевну собачьей дочерью? Что сказали бы нынѣшніе блюстители нравственности и о чтеніи Душеньки, и объ успѣхѣ сего [прелестнаго] произведенія? Что думаютъ они о шутивыхъ одахъ Державина, о прелестныхъ сказкахъ Дмитріева? Модная жена не столь же ли безнравственна, какъ и Гр. Нулинъ?»

70, и 69.

О дамахъ.

(Одна) умная дама сказывала однажды, что если мушьяна начинаетъ,—и т. д.—V, 49, нѣсколько отличающійся отъ печатнаго текста, свѣреннаго г. Анненковымъ съ рукописью.

На 69, и 69, изъ объясненія къ замѣткѣ объ Иліадѣ: объявленіе о переводѣ Иліады писано мною—V, 96.

Рисунокъ: женская голова въ чепцѣ.

68—67. Французское черновое письмо къ неизвѣстной особѣ, которая названа *chère Ellenora*.

Vous, vous jouez de mon impatience, vous voulez prendre plaisir a me désapointer, je ne vous verrez donc que demain: soit! Je ne peu m'occuper que de vous. Quoique vous voir et vous entendre serait pour moi le bonheur, j'aime mieux vous ecrire que vous parlez.

Il y a en vous une ironie, une malice, qui... le sentiments deviennent penibles et les paroles... en votre présence.

Surément vous êtes le démon, c. à dire celui qui doute et nie, comme le dit l'Ecriture.

vous avez cruellement parlez du passé, vous m'avais dit [un mot] a que je tachais de ne pas croire pen 'ant 7 ans... pour quoi celà?

Le bonheur est si parfait pour moi, que je ne le pas reconnu quand il etait devant moi. Ne m'en parlez donc plus au nom du Christ... le rémord, si tout est connu, le rémord... à sa volupté, un regret pareil ne... que du... de rage de...

Chère Ellenora, permettez moi de vous donner... qui me... rappellent et les [lectures] brûlantes de... et le doux phantomes, qui me seduisait alors, et votre propre existence, si violante, si orageuse, si differente de ce qu'il devait être.

Chère Ellenora, vous... j'ai subi toute votre puissance c'est à vous que je dois d'avoir connu tout ce que l'amour a de plus convertus et de plus doux... de tout cela il m'est resté qu'une attachement bien doux, bien vrai, et qu'un peu de crainte, qu'il m'est impossible de surmonter. Si jamais vous lisez cela, je sais bien ce que vous penserais il est humilié du passé, voila tout. Il mérite bien que je le... encore. (Il a toute la...). N'est-ce pas?

Cependant si prenant la plume je voulais vous demander quelques choses, je ne sais plus quoi... c'est de l'amitié. Cette... est bien vulgaire, c'est comme un mendiant qui demandait du pain. Le fait est qu'il me faut votre intimité... et cependant vous etes toujours aussi belle, que le jour, a la... lorsque vous... le front... cette impression me reste encore..., c'est elle me rendu... catholique; mais vous allez vous... cette beauté...

Не есть-ли это неразборчивое письмо, также какъ и въ № 2873, 24., литературное произведение, набросокъ для повѣсти?

66. Черновая жалоба на цензора Литературной Газеты; къ сожалѣнью она написана такъ, что средину, примѣръ придирчивости цензора, мнѣ не удалось разобрать, такъ что просьба въ такомъ видѣ только констатируетъ недовольство цензоромъ.

«Издателямъ Литературной Газеты вмѣсто К. С. Сербиновича дали недавно въ цензоры профессора Щеглова, который своими замѣчаниями поминутно напоминаетъ лучшя времена Вирукова и... Въ доказательство позвольте привести вамъ одинъ изъ тысячи примѣровъ.

Цензоръ усомнился, можно-ли (допустить называть) такимъ образомъ двухъ... и выключилъ привѣтствіе не по чину.

Издатели рѣшились прибѣгнуть къ вашему покровительству и просить, если только это возможно, возвратитъ имъ г. Сербиновича; (или по крайней мѣрѣ) дать другого менѣе своеправнаго цензора, если ужъ невозможно возвратитъ г. Сербиновича».

66. — написанная страница.

65. и 65. «Дѣтская книжка».

Черновыя сказки—Вѣтренный мальчикъ и Маленькій лжеецъ.—V, 115 и 116.— Затѣмъ идетъ листъ нумерованный, обозначаю его — 64a.

64a.— исправленный забѣлка.—V, 116.

64a. — написанная страница.

64. Зачеркнутая фраза: (въ одной изъ нашихъ южныхъ губерній); затѣмъ списокъ покупокъ: карандаши, полосканіе, щетка, духи.

— Рисунки: женская фигура; лица; вѣтки.

64. — написанная страница.—Затѣмъ вырвано.

63.—47. Черновая Рославлева.—V, 127—138. Есть нѣкоторыя отличія отъ печатнаго текста. Въ концѣ перваго отдѣла [л. 57, стр. 132] помѣта: 22 июня [юля?] 1831.—На 53, — программа: Москва (въ 1811 году) тому 20 лѣтъ.—Полина г-на Загоскина. Ея семейство, ея характеръ. М-ше де-Сталь въ Москвѣ. Обѣдъ, данный ей княземъ **. Его записка. Война съ Наполеономъ. Молодой графъ Мамоновъ. Мы ѣдемъ изъ Москвы.—54,—рисунокъ: три мужскія лица.

46.—45. Письмо къ А. Х. Бенкендорфу: *En soumettant à Sa Majesté le tome II de Pougatchef je prend la liberté d'entretenir votre excellence de circonstances qui me regardent et de recourir à votre bienveillance accoutumée.*

En permettant l'impression de cet ouvrage, Sa Majesté a assuré ma fortune. La somme que je pourrais en retirer me met à... même d'accepter succession, à la quelle j'avais été percé de renoncer faute de 40.000 roubles qui me manquait, etc.

Cet ouvrage mes les procurera, si je puis moi même en être l'éditeur sans avoir recours au libraire. 15,000 [roubles] me suffirait.

Je demande deux chose: l'une qu'on me permette d'imprimer mon ouvrage à mes frais dans l'imprimerie particulier de S. M. qui dépende de M..., la seule ou je suis sur de n'être pas fripponné; —l'autre de recevoir en imprunt pour deux ans 15,000, somme qui me permettrait de mettre à l'édition tout le temps et le soins que je devrais.

Je n'ai d'autres droits à la grace, que je sollicite, que les bontés que je déjà reçues et qui me donne le courage et la confiance d'y recourir encore. C'est à votre protection (Mr. le Comte) que je confie ma tres humble requête.

Je suis M-r le Comte de Votre Excellence...

45. — написанная страница.

Переходимъ теперь къ листу 104.

104. — написанная страница.

104. Зорю бьютъ...—II, 238.

Четвертый стихъ:

(Умъ) ¹⁾ далече улетаетъ.

Туть-же верхомъ внизъ Олеговъ щить.—II, 245.

105. Верхомъ внизъ—окончаніе Олегова щита.—Рисунокъ: голова въ чалмѣ.

105. Дважды черновая «притча» [одинъ разъ карандашомъ, другой чернилами].—«Сапожникъ».—II, 253.

¹⁾ Тоже зачеркнутые — варианты:

Мысль, духъ и сердце.

106.

Благословенъ и день, и часъ
Когда въ горахъ... Кавказа
Судьба соединила насъ...

Рисунки: пейзажъ,—горы, черкесь и черкешенка;—лица, въ томъ числѣ Наполеонъ и, можетъ быть, самъ Пушкинъ въ папахѣ. Помѣта: 25 мая, Коби.

106. Калмычкѣ.—II, 240, см. выше л. 4. Помѣта: 22 мая 1829 Капъ-Кай [см. V, 263]. Тутъ-же черновое письмо—вѣроятно къ Ч** см. въ Путешествіи въ Арзрумъ, V, стр. 267.

«Нѣсколько путешественниковъ, ѣдущихъ по казенной надобности, находятся здѣсь въ весьма затруднительномъ положеніи и рѣшились прибѣгнуть къ вашему покровительству, зная по слухамъ вашу снисходительность. Сдѣлайте милость послать къ стар... (Мы готовы) заплатить. О семъ просить убѣдительнѣйше....., Бауманъ, гр. Пушкинъ и я. Примите...

107. Опять черновое Калмычкѣ, см. 106. Тутъ-же четыре стиха

И чувствую душа въ сей часъ
Твоей любви, тебя достойна,
Зачѣмъ-же не всегда [sic]
Чиста, печальна и спокойна.

—Рисунки: два лица.

107. [Сверху вырванъ небольшой клочекъ].

15 мая.

Все тихо. На Кавказъ идетъ ночная мгла
Восходить звѣзды надо мною;
Мнѣ грустно и легко, печаль моя свѣтла,

и т. д.,—какъ напечатано.—II, 238. [Отрывокъ: На холмахъ Грузіи лежитъ ночная мгла]. Кромѣ восьми строчекъ было еще столько-же, но все исчеркано.—Тутъ-же верхомъ внизъ два стиха изъ Полководца: О, люди, жалкій родъ, и пр.—III, 400: см. 2374, л. 25.—Рисунки: лица.

108. — farewell, my frind,
« my fois.

Вдоль, съ боку:

Il y avait dans les sentiments une abondance et dans les opinions une licence, qui me frappaient, quelque accoutumé que je fusse aux...

108. — написанная страница.

XX.

№ 2383. Тетрадь въ листъ. На оберткѣ надпись [опекунская]: NB. Путешествіе въ Арзрумъ.—Туть-же: «90 листовъ. Дубельтъ». Такъ и есть—90 листовъ. Нумерація только красная. Тетрадь сшита изъ листовъ, на которыхъ Пушкинъ писалъ на каждомъ отдѣльно, такъ что теперь приходится читать листы не въ порядкѣ нумераціи.

Привожу нѣкоторыя дополненія, изъ которыхъ главное касается Предисловія.

1. Заглавный листъ:

Предисловіе.

1835.

Спб.

Рисунокъ: цѣпь горъ.

1.

Предисловіе.

Сии записки будучи занимательны только для немногихъ, никогда не были-бы напечатаны, еслибъ къ тому не побудила меня особая причина: прошу позволенія объяснить ее и для того войти въ подробности очень неважныя, ибо онѣ касаются одного меня. [Продолженіе предисловія см. 3].

2.

МАРШРУТЬ ОТЪ ТИФЛИСА ДО АРЗРУМА.

Телеты	14 верстъ.	
Боды.	11	»
Больш. Шулаверы	27	»
Постъ Самисы.	20	»
» Акцибеукъ	19 ¹ / ₂	»
Укрѣпл. Джелаль-Оглу.	19 ¹ / ₂	»
Гергерскій постъ.	13	»
Киплякскій »	16	»
Амамлы.	13	»
Бекантъ.	15	»
Укр. Гумы	27	
Сел. Джамумлы	28	
» Халивъ-Оглы	18 ¹ / ₂	
Карсъ	21	»
Сел. Котанлы.	24	

} переѣздъ чер.
Безобдаль.

Разв. Чирихли . . .	22 версты.
Рѣчка Инжа-су (гдѣ былъ лагерь нашъ съ 14-го по 18-ое іюня на вершинѣ Саганлуга).	12 версть.
Рѣчка Гункеръ-су	13 »
Загинъ-су	16 »
Замокъ Зивинъ	12 »
Сел. Ардасъ	24 »
» Кеприкѣвъ . . .	26 »
(Мостъ на Аракѣ).	
Дер. Гассанъ-Кала	14 ¹ / ₂ »
Арзрумъ.	35 »

Другая дорога до Карса чрезъ Миллидюзъ до Кеприкѣва.

Село Котанлы . . .	24 версты.
Ур. Дели-Муса-Пурунъ.	30 версть.
Разв. Караванъ - Сарая на вершинѣ Саганлуг- скихъ горъ . . .	12
Ур. Мили-Дюзъ, гдѣ былъ лагерь Гакки-паши	7
Замокъ Минджегертъ . .	9
Р. Черникъ, при коей теплыя желѣзныя воды	10 ¹ / ₂ »
Дер. Хоросанъ	12
» Кеприкѣвъ	25

2. — неписанная страница.

3. [Продолженіе предисловія; см. 1.].

Въ 1829 году отправился я на Кавказскія воды. Въ такомъ близкомъ разстояніи отъ Тифлиса, мнѣ захотѣлось туда съѣздить для свиданія съ братомъ и съ нѣкоторыми изъ моихъ пріятелей. Приѣхавъ въ Тифлисъ, я уже никого изъ нихъ не нашель. Армія выступила въ походъ. Желаніе видѣть войну и сторону малонзвѣстную побудило меня просить у Е. С. графа Паскевича-Эриванскаго позволенія приѣхать въ армію. Такимъ образомъ видѣлъ я блистательный походъ, увѣнчанный взятіемъ Арзрума.

Журналисты какъ-то о томъ провѣдали. Въ Газетѣ (политической) ¹⁾

¹⁾ Свобки Пушкина. Было: „Сѣверной Пчелѣ“.

побранили меня не на шутку, за то, что по возвращеніи моемъ напечаталъ я стихотвореніе, не относявшееся ко взятію Арарума. Мы надѣялись, писалъ неизвѣстный рецензентъ, и пр. Одинъ изъ московскихъ журналовъ также поропталъ на пѣвунувъ, не воспѣвшихъ успѣха нашего оружія.

Я, конечно, не былъ обязанъ писать по заказу гг. журналистовъ, къ тому-же частная жизнь писателя, какъ и всякаго гражданина не подлежитъ обнародованію. Нельзя было-бы, напримѣръ, напечатать въ газетахъ: мы надѣялись, что г. прапорщикъ такой-то возвратится изъ похода съ Георгіевскимъ крестомъ; вмѣсто того вывезъ онъ изъ Молдавіи одну лихорадку. Явно, что цензура этого не пропустила-бы.

Зная, что публика столь-же мало заботится о моихъ путешествіяхъ какъ и о требованіяхъ рецензентовъ, я не сталъ оправдываться. Но важнѣйшее обвиненіе заставляетъ меня прервать молчаніе.

89—90. Недавно попалась мнѣ въ руки, и т. д. — V, 254, все предисловіе до конца; въ концѣ помѣта: 3 апрѣля 1835.

Самое Путешествіе въ Арарумъ [V, 256—305] занимаетъ листы 4—35, 63—88, 40—59 [въ такомъ порядкѣ: 4, 88, 5, 87, 6, 7, 86 и т. д.]

Въ самомъ путешествіи есть лишняго только латинская фраза, къ стр. 292.

Мы осмотрѣли его въ присутствіи лѣкаря: *erat vir, matosus ut femina, habebat t. non evolutos p. que parvum et puerilem. Quaerebamus: sit ne exsectus? Deus, respondit, castravit me. Сія болѣзнь...* [72].

35. Заглавный листъ:

Приложеніа къ путешествію въ Арарумъ.

35* — неписанная страница.

36, 62, 37, 61, 38, 60, 30 не рукою Пушкина: Notice sur la secte de Jezides.

Поправка къ № 2368, л. 52 («Русская Старина», 1884 г., июнь, стр. 547), примѣчаніе 3-е: вмѣсто напечатаннаго должно быть: Изъ газеты «Порядокъ» пѣсня о разбойникахъ перепечатана въ послѣднемъ изданіи неточно и съ пропускомъ 3-хъ стиховъ.

Сообщ. В. Е. Ямушевнъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ГЕРЦОГИНЯ АННА ИВАНОВНА ДО ВОСШЕСТВІЯ ЇЯ НА ПРЕСТОЛЪ

ВЪ ЇЯ ПИСЬМАХЪ.

I.

Иъ графу Левенвольду.

1) [Собственноручно]. «Благородному графу Левенвольду и камергеру».

«Благородный графъ. Какъ я вашею склонностію всегда одолжена и впредь на васъ надежна, нынѣ прошу доложить ее императорскаго величества государыни матушки тетушки, что общала мнѣ своего величества пожаловать прислать потреть и чтобъ я имела щастіе ее величества милость на тезоименитство ее императорскаго величества на себе иметь ее меня одолжите, а я есмь и пребуду вамъ всегда доброжелательная. Анна».

„Изъ Митавы.

18-й день октября 1726 году».

Надпись: «Господину графу Левенвольду».

2) Господинъ графъ. Благодарствую за показанную вашу ко мнѣ любовь впитербурхе, которая ваша любовь мнѣ весьма памятна есть і никогда забыть немогу і прошу впредь быть ко мнѣ непремѣнну, а я есмь і всегда пребуду вамъ. Доброжелательная «Анна».

Изъ Митавы.

24-го дня сентабря 1726.

3) Господинъ графъ. Попремногу благодарствую за вашу ко мнѣ склонность вбытность мою вмосквѣ чемъ меня изволили весьма одолжить і чрезъ сие прошу і впредь ко мнѣ неотмѣнну быть, а я всегда

неотмѣнно пребуду вмоей склонности, а о себе доношу сего юня 4-го числа я прїѣхала ксебѣ вмитаву вдоброшь здорově. «Впротчемъ пребываю всегда доброжелательная Анна».

Изъ Митавы.

8 юня 1728.

«Прошу поднести ее высочеству государыне великой княжне мое письмо».

Надпись: «Господину графу Левенвольду».

4) Господинъ графъ. Поздравляю вамъ днемъ высочашего тезоименитства его императорского величества і присемъ прошю вложенное сие письмо ея высочеству государыне великой княжне натали алексѣевне поднести, а я есмь вамъ вседа пребуду «неотмѣнно доброжелательная Анна».

Изъ Митавы.

18 юня 1728.

5) [Собственноручно]. «Господинъ графъ. Прошу васъ приложенное мое письмо вручить ее высочеству государыне великой княжне и напомнить ее высочеству, чтобъ милостиво приказала ко мне отписать чего сердешно желаю; при семъ прошю васъ неотменнымъ быть ко мне вашей склонности. Братъ вашъ у меня былъ и ныне опять его ксебе ожидаю, впротчемъ пребываю вамъ неотменно доброжелательная. Анна».

Изъ Митавы.

25 день юня 1728.

6) Господинъ графъ. При семъ прилагаю письмо, прошю васъ ея высочеству государыне великой княжне натали алексѣевнѣ поднести, впротчемъ есмь вамъ всегда неотмѣнно пребываю «доброжелательная Анна».

Изъ Митавы.

1 юля 1728.

7) [Переводъ]. Благородный графъ, ваше письмо я получила и вижу въ немъ удостовѣреніе въ вашей доброй ко мнѣ дружбѣ, а какъ я ею очень связана (дорожу), то приложу стараніе сохранить ее въ неизмѣнности; при этомъ спѣшу прибѣгнуть къ вамъ и сообщить, что нѣсколько дней тому назадъ прибывшій сюда тайный совѣтникъ Ратскій (о которомъ впротчемъ я досего ничего не знала) доставилъ мнѣ, изъ

верховнаго совѣта въ Москвѣ, приказъ, въ силу котораго обязываюсь я вивдавскій лицезать уступить герцогу Фердинанду. Между тѣмъ еще въ 1720 году, когда всѣ слѣдующіе къ передачѣ герцогу сборы, по бывшимъ повелѣніямъ его величества покойнаго государя, нарочито были приводимы въ извѣстность, помянутый лицезать, какъ принадлежность къ вивдавскому округу, отдѣленъ былъ на мою вдовью долю и отдавъ мнѣ. Въ виду этихъ обстоятельствъ, нашлась я вынужденною отправить съ своими возраженіями по этому предмету камеръ-лакея; но какъ для болѣе успѣшнаго веденія дѣла я лучшаго заступничества ему указать не могла, какъ лишь на ваше содѣйствіе, то рассчитывая на вѣрность дружбы вашей, обращаюсь къ вамъ и прошу означенному камеръ-лакею, который имѣетъ при себѣ письма къ князю Долгорукову, барону Остерману и другимъ, доставить благоприятный случай къ безопасной и вѣрной доставкѣ ихъ и позаботиться о скорѣйшемъ осуществленіи моего ходатайства. И такъ надѣюсь, что вы во всякомъ случаѣ употребите въ мою пользу всѣ необходимые доводы, чтобы мнѣ предоставлена была возможность къ спокойному владѣнію моимъ вдовьимъ достояніемъ. Услуга эта останется всегда въ памяти моей и при всякомъ случаѣ буду помнить это одолженіе, пребывая къ вамъ всегда неизмѣнной и вполнѣ преданной. Анна.

Митава.

14 день августа 1728 г.

P. S. Прилагается у сего копія переведенныхъ писемъ къ кн. Долгорукову и барону Остерману.

(Подлинникъ). Hochgebohrner Herr Graff. Euere Hochgeb. geehrtes Schreiben habe wohl erhalten, und daraus die Versicherung Ihrer guten Freundschaft bemercket: wie ich nun dafür sehr verbunden bin; so werde solche unverändert beizubehalten jeder Zeit bedacht seie. Hirbei habe meine Zufucht zu Ihnen nehmen, und Sie berichten wollen, wie dasz der vor wenigen Tagen hier angekommene geheimbte Rath Ratzky (von welchen ich sonst gar nichts gewusst) aus dem hohen Conseil in Moscau ein Befehl an mir ausgewirket und mitgebracht, vermöge welchen ich das Windausche Liceat an dem Herzoge Ferdinand abzutreten gehalten seien solle. Wann aber gedachtes Liceat schon zur Zeit A° 1720, da alle Zölle auffergangener Ordre von Ihre Majestet den Gott seelig. Kaiser an dem Herzoge cediret werden müszten, expresse eximiret, und mir als ein dependance von dem Windauschen Amte zu meinem Wittwen Thum mit angerechent, und gelassen worden; So habe bei so gestellten Sachen mit meiner Remonstration gegenwärtigen meinen Cämmer Laquayen abzufertigen mich gemüsziget befunden. Weil ich aber demselben zu seiner schleinigen Expedition keinen beszeren access als die vielvermögende Beihülfe von Euere Hochgeb. zu procuriren weisz; so habe in dem zuversichtlich vertrauen zu der amitié mich an Sie addressiren, und ganz freundlich ersuchen wollen,

gedachten meinen Cämmer Laquayen zu sicherer und gewisser Einhändigkeit der von mir an dem Fürsten Dolgorouky und Baron von Ostermann, wie auch noch an andern, bei sich habenden Brieffen, Gelegenheit zu verschaffen und dem selben eine baldige Expedition zu besorgen. Wie ich dann dannächst mich mit der Hoffnung flature; es werden Euere Hochgeb. sich gleichfalsz angelegen sein lassen in meinem Besten alle dienliche Vorstellung zuthun, dasz ich in dem ruhigen Besitz meines Wittwen Thums gelaszten werden möge. Ich werde dieszen mir hier unterwiesenen Dienst nicht nur allein alle Zeit in frischen Andenckhegen und bei aller Gelegenheit zu demeriren wissen, sondern auch ungeändert verbleibe Euere Hochgebr. Vollaffectionirte Anna.

Mitau

d. 14 Aug. 1728.

P. S. Beiliegendes: ist Copey des translirt Briefes an dem Fürsten Dolgorouky und Baron von Ostermann.

II.

Къ императору Петру II.

Всепресвѣтлѣйшии государь императоръ. Вашему императорскому величеству слезно нижайше доношу, что мое справедливыя претензи супротиво бестужева зле ведуще диспозицію і прегрешения чрезъ определенную камисію почитая цело годъ продолжаютъ ібо чрезъ различные волокиты непотребныя отговорки і неслыханныя ответы употребляется меня выску моею утомить і то дело продолжать; я принуждена признавать, что я бестужева качеству сначала много верила взренье понеже его императорское величество достохвально памяти его мнѣ яко праведного домосодержателя определить соизволилъ і все указы і асигнаціи уповаю на вѣрность его несмотря і нечитая собственноручно подписывала, а понеже вследующие времена усмотрела что меня еальшиво обманулъ къ великому убытку моему, то принуждена справедливыя жалобы, которые верны суть, вашему императорскому величеству представить і бить челомъ на такого неправедного домосодержателя внаделяниі скорого услышаниі прошения моего і скорого окончания представленного дела, а понеже отъ вашего императорского величества почита уже годъ определенная камисія нескоро поступаетъ і дело склоняетъ на другую сторону, чево ради вашего императорского величества покорнее прошю камисіи усердно повелеть, чтобъ наискорей мое поданныя жалобы справедливе выслушала і вершила ібо боле убытку о томъ делать мне невозможно іли когда того неможеть зделается другую камисію вригу назначить і учредить тогда вкратце упомянутого бестужева неправедномъ і zelo вредителномъ

домосодержаніи преодолѣю принадлежащимъ канцелярскимъ книгами і свидетелми чево мнѣ ради дального разстоянія отъ москвы невозможно зделать ваше императорское величество, которого я яко отца почытаю до соблаговолить соотеческой милости прошение мое всемилостивейше принять и повелеть дело мое вершить которою высокою милостию впредки себя удостоить ревностно буду домогаться і вжизнь пребываю вашего императорского величества верная і кслужбѣ должная Анна.

Изъ Митавы.

27 день августа 1729 году.

III.

Къ мн. Ивану Федоровичу Ромодановскому.

Князь Иванъ Федоровичъ, поздравляю ваше сиятельство снаступающимъ симъ новымъ годомъ і желаю дабы васъ всевышни богъ вдолголетствіи здравна і во всякомъ благополучномъ счасти благословить соизволилъ, а я есмь вамъ і всегда пребуду доброжелательная Анна.

Изъ Митавы.

21 декабря 1728.

IV.

Къ «княгине Настасьѣ Федоровнѣ Ромодановской».

1) [Собственноручно]. Княгиня Настасія Федоровна. Немогла, чтобъ квамъ неотписать са Авдотьѣю Ивановною, о каторой васъ прошу быть кней ласковой, ана вамъ о мне скажетъ, что я здорова і пребываю вамъ неотменно доброжелательная Анна.

Изъ Митавы.

10 день генвара 1729 году.

«Князь Ивану Федоровичу, дочке вашей і зятю вашему отъ меня поклонись».

2) Княгиня Настасія Федоровна. Писмо ваше я вчера получила, за каторая і запоздравления мне спразникомъ Светыя Пасхи благодарству прошу і впретъ меня неоставить вписмалъ вашихъ о вашемъ здоровьи і князь Івана Федоровича здоровье, такъ же і дочки вашей і зятя, что мнѣ приятно изволишь верить, что я васъ истенно люблю

і ныне обрадовалась, что вы меня вспомнили і отписали ко мне, а я отъ сестрицъ своихъ давно писемъ невижу, при семъ прошу отъ меня поклонца князь Ивану Федоровичю і Михаилу Гавриловичю і пребываю вамъ неотменно доброжелательная Анна.

Изъ Митавы.

19 день апреля 1729 году.

Екатерина Ивановна благодарствую за ваше приписаніе вписме матушки вашей, прошу і впредь меня неоставить ввашихъ писмахъ, чего всегда желаю.

Сообщ. 8-го марта 1874 г. П. И. Варановъ.

ИМПЕРАТРИЦА ЕЛИСАВЕТА АЛЕКСѢВНА

ВЪ ВОСПОМИНАНІЯХЪ БЫВШЕЙ ЕЯ ФРЕЙЛИНЫ. КН. С. А. МАДАТОВОЙ.

(Переводъ съ французскаго).

I.

Я чувствую постоянно угрызеніе совѣсти и не перестаю сожалѣть о томъ, что по сіе время (1873 г.) не собралась передать бумагъ все, что могло бы напомнить мнѣ покойную императрицу Елисавету Алексѣвну.

Между тѣмъ одиночество, въ которомъ я очутилась послѣ смерти моего мужа, огорченіе и грусть по поводу того, что заслуги его были такъ мало оцѣнены, привели меня въ такое уныніе, что у меня не было иной мысли, какъ собрать нѣкоторыя воспоминанія и напечатать ихъ. Съ тѣхъ поръ сорокъ лѣтъ протекло для меня въ горѣ и нуждѣ; наконецъ, я свыклась съ лишеніями и собираюсь теперь съ духомъ исполнить священный долгъ, за пренебреженіе которымъ я упрекала себя каждый день.

Я имѣла счастье находиться при особѣ государыни императрицы Елисаветы Алексѣвны послѣднія восемь лѣтъ ея жизни и за все это время сохранила лишь воспоминаніе о ея милостяхъ. Я была назначена къ ней во фрейлины по предложенію императора Александра I, слѣдовательно воспоминанія мои могутъ относиться лишь къ послѣднимъ годамъ жизни императрицы.

Всѣмъ извѣстно, что государыня была привезена въ Петербургъ съ двумя ея сестрами, матерью ихъ, маркграфиней баденской, и что императрица Еватерина избрала въ супруги великому князю Александру Павловичу 13-ти лѣтнюю принцессу Елисавету Алексѣвну, которая очаровала ее съ перваго раза.

Замѣчательная красота, въ соединеніи съ граціозной, изящной осанкой, любезный характеръ и природный умъ дѣлали ее достойной великаго князя, обладавшимъ такими же качествами въ соединеніи съ отличнымъ воспитаніемъ. Эта молодая, интересная чета возбуждала всеобщій восторгъ. Насколько мнѣ извѣстно, Елисавета Алексѣевна получила хорошее образованіе, занималась изученіемъ языковъ и много и съ пользою читала.

Эта государыня соединяла въ себѣ рѣдкія качества ума и сердца; ея кроткій, любезный характеръ очаровывалъ всѣхъ, кто имѣлъ счастье приблизиться къ ея особѣ. Своимъ приятнымъ, симпатичнымъ голосомъ она могла обезоружить всякаго, явившагося къ ней съ жалобою или съ какимъ нибудь объясненіемъ. Врожденная грація, о которой рассказываютъ всѣ видѣвшіе ее при пріѣздѣ ея въ Россію, и стройный станъ дѣлали ее подобной нимфѣ. Много говорили въ свое время объ извѣстныхъ играхъ (jeu de bagges), устроенныхъ въ Царскомъ Селѣ императрицею Екатериною, на которыхъ юная великая княгиня восхищала всѣхъ присутствующихъ, бѣгая съ легкостью и граціей мотылька. Елисавета Алексѣевна обладала восхитительнымъ голосомъ и брала уроки пѣнія; она имѣла также особенную охоту къ языкамъ, пользовалась уроками лучшихъ преподавателей и знаніе языковъ дѣлало ей доступнымъ все изящное въ области науки и словесности. Она, какъ я сказала уже выше, имѣла особенный даръ рассказывать, поэтому императоръ Александръ говаривалъ, что, не имѣя времени много читать по причинѣ государственныхъ дѣлъ, онъ обязанъ императрицѣ свѣдѣніями обо всемъ, что выходило въ свѣтъ любопытнаго; — супруга рассказывала ему о прочитанномъ во время обѣда.

Вкусы императрицы были до крайности просты, она никогда не требовала даже самыхъ пустышныхъ вещей для убранства своихъ комнатъ, даже не привязывала никогда приносить цвѣты и растенія; однако, надобно замѣтить, что это дѣлалось ею отнюдь не изъ равнодушія въ этимъ предметамъ, а единственно изъ желанія никого не беспокоить. Она любила посидѣть въ Петергофѣ на камнѣ, на морскомъ берегу, глядя на суетню рыбаковъ. Любимѣйшими ея удовольствіями были морское купанье и верховая ѣзда; государыня говаривала, что, увлекшись ими, она въ состояніи забыть всѣ горести жизни. Когда, будучи пожалована, по предло-

женію императора, во фрейлины къ ея особѣ, я представлялась ей, то она встрѣтила меня словами: „прошу васъ объ одномъ, будьте чистосердечны“. За то же я обожала ее и, съ своей стороны, пользовалась милостями императрицы и благоволеніемъ государя до самаго отъѣзда моего послѣ свадьбы изъ Царскаго Села въ Грузію.

Весною, не помню хорошенько какого именно года, дворъ переѣхалъ на Каменный островъ, а вскорѣ затѣмъ и въ Царское Село, откуда государь Александръ Павловичъ пріѣзжалъ на Каменный вмѣстѣ съ императрицею каждую недѣлю, на двое или трое сутокъ для занятій съ министрами.

Когда въ 1818 г. государь отправился на конгрессъ въ Лайбахъ, то императрица выѣхала вслѣдъ за нимъ, чтобы навѣстить тѣмъ временемъ свое семейство въ Карлсруэ. Она останавливалась на трое сутокъ въ Дармштадтѣ у сестры своей, великой герцогини; престарѣлый герцогъ, страстный любитель музыки, угостилъ насъ оперою своего сочиненія и самъ дирижировалъ на репетиціи.

Изъ Дармштадта мы отправились въ Веймаръ, гдѣ насъ приняла очаровательная великая княгиня Марія Павловна и ея супругъ. Тутъ я познакомилась съ Гете, который въ это время былъ уже довольно старъ и весь поглощенъ чтеніемъ библіи; онъ же руководилъ воспитаніемъ обѣихъ молодыхъ принцессъ, дочерей владѣтельнаго великаго герцога. Изъ Веймара императрица Елисавета отправилась въ Мюнхенъ къ сестрѣ своей, супругѣ короля Максимилиана. У нихъ было шесть прелестныхъ дочерей, и всѣ онѣ сдѣлали впослѣдствіи весьма блестящія партіи, такъ одна была королевою прусскою, другая—королевою саксонскою, третья—императрицею бразильскою. У баварскаго короля была еще одна дочь отъ перваго брака, въ замужествѣ за принцемъ Евгениемъ Богарне.

Изъ Мюнхена мы отправились прямо въ Карлсруэ, гдѣ императрица помѣстилась въ домъ матери своей, маркграфини. Отецъ ея, владѣтельный герцогъ, былъ въ то время боленъ и находился въ Баденѣ, куда императрица ѣздила навѣщать его; осенью того же года онъ скончался въ Карлсруэ и мы присутствовали при его погребеніи. Императрица проводила время въ семействѣ своей матери, а сестра ея, королева шведская,

замѣчательная красавица, жила въ это время въ Карлсруэ, но также провела нѣсколько мѣсяцевъ въ Брукзальскомъ замкѣ, резиденціи маркграфини, гдѣ мы провели все время винограднаго сбора. Здѣсь же посѣтила императрицу Елисавету Алексѣевну и вдовствующая государыня Марія Ѳеодоровна, ѣздившая за границу для свиданія съ августѣйшими своими дочерьми. Королева виртембергская Екатерина Павловна также пріѣзжала въ Брукзаль и взяла съ нашей императрицы слово посѣтить ее въ Штутгартѣ на обратномъ пути въ Россію. По окончаніи конференцій въ Лайбахѣ, весь Баденъ и мы всѣ были осчастливлены прибытіемъ императора Александра Павловича. Радость и восторгъ были всеобщіе.

Пробывъ здѣсь нѣсколько дней, нашъ обожаемый монархъ уѣхалъ и императрица, простившись съ родными, также двинулась въ путь съ намѣреніемъ отдать визитъ королевѣ виртембергской. Каково же мы были поражены, когда при въѣздѣ въ городъ узнали, что королева скончалась своропостижно отъ удара. Императрица не могла въѣхать въ городъ, оставалось продолжать нашъ путь. Потеря королевы для края была ужасна; до сихъ поръ память о ея благодѣяніяхъ жива въ признательныхъ сердцахъ.

По возвращеніи въ Петербургъ, императрица Елисавета Алексѣевна стала вести прежній образъ жизни, заботилась какъ всегда о своихъ бѣдныхъ и объ учебныхъ заведеніяхъ, основанныхъ на ея средства, въ которыхъ преподаваніе пошло такъ хорошо, что теперь ихъ можно сравнить съ самыми старинными заведеніями.

Государыня отличалась замѣчательною самоотверженностью, такъ напримѣръ, она постоянно отказывалась брать милліонъ дохода, который получаютъ императрицы, довольствуясь 200 тыс., которыя ассигнуются великимъ княгинямъ. Всѣ 25 лѣтъ императоръ уговаривалъ ее брать эти деньги, но она всегда отвѣчала, что Россія имѣетъ много другихъ расходовъ и брала на туалетъ, приличный ея сану, всего 5 тыс. въ треть, что составляло 15 тыс. въ годъ. Все остальное издерживалось ею исключительно на дѣла благотворительности въ Россіи и на учрежденіе воспитательныхъ заведеній, какъ-то: Дома Трудолюбія (нынѣ Елисаветинскій институтъ), Патріотическаго института,

основаннаго для сиротъ войновъ, убитыхъ въ отечественную кампанію.

Шесть мѣсяцевъ въ году императрица Елисавета Алексѣевна проводила за городомъ; она любила ѣздить верхомъ и сказала мнѣ однажды, что, купаясь въ морѣ или катаясь верхомъ, она забываетъ всѣ житейскія невзгоды. Въ Петергофѣ она, какъ сказано выше, любила слѣдить за занятіями рыбаковъ, усѣвшись на камнѣ на берегу моря, близъ эрмитажа.

Около 1824 г. здоровье императрицы замѣтно ухудшилось; она стала часто прихварывать; тогда императоръ приказывалъ обыкновенно вносить въ ея комнату свой рабочій столъ и просиживалъ съ нею часовъ по пяти въ день.

Во время пребыванія въ Царскомъ Селѣ, государь съ государыней обѣдали обыкновенно на колонадѣ.

На большіе обѣды, даваемые довольно часто, приглашались, по очереди, служащіе золотой роты съ ихъ женами, жившими въ китайской деревнѣ. Въ обыкновенные дни, когда не бывало гостей, государь съ государыней обѣдали вдвоемъ, также на колонадѣ, а прислуживавшій имъ гофферьеръ являлся только по звонку.

Императоръ любилъ слушать, когда императрица разговаривала; онъ высказалъ однажды одной дамѣ, что для него составляетъ истинное удовольствіе слушать какъ императрица рассказываетъ что либо прочитанное ею. Она обладала удивительнымъ даромъ слова.

Императрица никуда не выѣзжала, посѣщая лишь одну вдовствующую государыню Марію Теодоровну († 1828 г.); лѣтомъ же, когда государь отправлялся путешествовать, императрица Елисавета жила въ совершенномъ уединеніи. Однажды ей вздумалось покататься въ окрестностяхъ Царскаго Села; она заранѣе радовалась этой поѣздкѣ, но, поговоривъ съ шталмейстеромъ, отказалась отъ удовольствія, говоря: „это сопряжено съ затрудненіями“. Ея самоотверженіе проявлялось рѣшительно во всемъ, касавшемся ея лично. Она никогда не обнаруживала не удовольствія, если что выходило не по ней, напротивъ, настроеніе духа всегда было ровное. Приятный звукъ ея голоса могъ очаровать самаго равнодушнаго человѣка, а ея симпатичный взглядъ располагалъ въ ея пользу самыхъ холодныхъ людей.

II.

Въ 1824 г. я вышла замужъ, свадьба моя была первая, вѣнчанная въ церкви Царскосельскаго дворца. Двѣ недѣли спустя мы уѣхали въ Тифлисъ, а оттуда въ имѣнье моего мужа въ Карабасъ. Тутъ я имѣла счастье получить письмо отъ императрицы, въ отвѣтъ на мое, въ которомъ она описывала насколько здоровье ея пострадало отъ наводненія. Здоровье императрицы, требовавшее переселенія въ болѣе теплый климатъ, начало внушать опасенія. Доктора предписывали поѣздку въ Италию, но государыня и тутъ, какъ во всѣхъ дѣлахъ, касавшихся ея лично, выказала свое самоотверженіе, выразивъ желаніе, чтобы для нея не сѣяли деньгами за границую, и вмѣсто Италиі избрала Тагарогъ. Императоръ отправился туда нѣсколькими недѣлями ранѣе, чтобы приготовить для нея помѣщеніе.

Для высочайшихъ посѣтителей былъ нанятъ небольшой, скромный домикъ. Императоръ съ особенною заботливостью хлопоталъ о томъ, чтобы устроить его какъ можно удобнѣе для августѣйшей больной. Въ этомъ уединенномъ уголку нечего было и думать о роскоши; императоръ старался подыскать лишь сколько нибудь удобную мебель. Говорятъ, будто онъ разставлялъ собственными руками каждый стулъ, каждый столъ, и старался придумать, что могло бы быть приятнымъ для нея.

По прибытіи императрицы, царственные супруги не разставались, гуляли вмѣстѣ. Но несчастная поѣздка императора въ Крымъ, гдѣ онъ простудился при посѣщеніи монастыря св. Георгія, прекратила вскорѣ эту мирную жизнь, это добровольное изгнаніе изъ свѣта!

Докторъ Вилье и генераль Дибичъ, сопровождавшие императора, вмѣсто того, чтобы дать ему потогоннаго, принудили его выпить три стакана пунша, что и вызвало горячку. Вилье изъ упрямства не хотѣлъ совѣтываться съ мѣстными врачами, болѣе знакомыми съ климатомъ страны; ни одинъ изъ нихъ не былъ допущенъ въ больному, не смотря на ихъ желаніе спасти жизнь обожаемаго монарха. Въ этомъ случаѣ слѣдовало прописать десятки гранъ каломеля—и драгоценная жизнь была бы спасена! Бредъ продолжался нѣсколько дней; государыня не отходила отъ

постели больного. Лица, бывшія свидѣтелями этихъ горестныхъ сценъ, вѣроятно описали послѣднія минуты жизни великаго монарха и глубокую скорбь императрицы.

Я не могла исполнить своего желанія и тотчасъ отправиться въ Таганрогъ. Мужъ мой былъ въ отсутствіи; онъ долженъ былъ отправиться въ Дагестанъ для приведенія къ присяги жителей, оказавшихъ сопротивленіе, когда, послѣ присяги, принесенной ими Константину, имъ пришлось присягать вторично Николаю. Одна я не могла отважиться на путешествіе изъ Тифлиса въ Таганрогъ. Когда я выразила императрицѣ письменно мое искреннее сожалѣніе по этому поводу, то она поручила Н. Лонгинову отвѣтить мнѣ, что „мы увидимся въ иномъ мѣстѣ“.

Я ожидала съ нетерпѣніемъ возвращенія моего мужа. Между тѣмъ было рѣшено перевезти тѣло покойнаго государя въ столицу. Императрица сопровождала его, больная, слабая, съ нетерпѣніемъ ожидая свиданія съ вдовствующей государыней, ѣхавшей ей на встрѣчу, чтобы оплакать виѣстѣ ихъ горькую утрату. Онѣ должны были съѣхаться въ Бѣлевѣ. Князь Волконскій назначилъ на этотъ день слишкомъ усиленный переѣздъ—въ 100 верстъ. Императрица, не взирая на утомленіе, приняла городскихъ властей, говорила съ ними, затѣмъ легла въ постель, не провзнеся ни одной жалобы, и думала лишь о предстоящемъ ей свиданіи съ императрицею Маріею Теодоровною, которую она ожидала съ нетерпѣніемъ. Камеръ-юнгфера, спавшая въ сосѣдней комнатѣ, слышала ночью стоны, а въ шестомъ часу утра ея камеръ-юнгфера, войдя въ спальню безъ зова, нашла ее мертвою и уже похолодѣвшею! Она скончалась одна, какъ будто никто не былъ достоинъ принять ея послѣдній вздохъ. Вдовствующая государыня императрица Марія Теодоровна прибыла въ Бѣлевъ въ 10 часовъ утра и не застала императрицу Елисавету въ живыхъ.

Я весьма сожалѣю, что мнѣ было невозможно проѣхать по этой мѣстности одной въ зимнюю пору и не удалось ухаживать за обожаемой мною императрицею и быть ей чѣмъ нибудь полезной.

Съ этимъ царствованіемъ кончилось и наше благосостояніе.

III.

Не смотря на усердіе и блистательные военные подвиги мужа моего въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, въ особенности же подъ Елисаветполемъ,—подвиги, спасшіе Грузію, завистники успѣли ума-лить цѣну его заслугъ.

Паскевичъ, человѣкъ ничтожный и ограниченный, счумѣлъ однако приписать себѣ чужую славу; гнусными происками и ложью онъ вынудилъ мужа моего сложить съ себя начальство надъ лѣвымъ флангомъ и возвратиться въ Тифлисъ (въ 1827 г.) изъ опасенія, чтобы мой мужъ не вступилъ въ Таврисъ ранѣе его. Тѣмъ не менѣе Муравьевъ вступилъ туда тремя недѣлями ранѣе Паскевича, который въ это время волокъ тяжелую артиллерию для бомбардированія Тавриса, расположеннаго на равнинѣ. Незнакомый съ мѣстностью, онъ подвергалъ войска болѣзнямъ, назначая въ жаркое время стоянки въ нездоровыхъ мѣстностяхъ. Солдаты роптали и самъ адъютантъ Паскевича рассказывалъ, что солдаты говорили: „если бы мы были подъ начальствомъ вн. Мадатова, то не терпѣли бы отъ болѣзней“. Паскевичъ не могъ никогда простить Муравьеву того, что онъ вступилъ въ Таврисъ ранѣе его. Пять мѣсяцевъ пришлось мужу моему пробывать въ знойномъ Тифлисѣ, страдая отъ бездѣйствія и тщетно испрашивая позволенія возвратиться въ Петербургъ для объясненій. Наконецъ, онъ рѣшился отправить меня одну.

Я направилась по дорогѣ въ Таганрогъ, желая поклониться скромному жилищу, гдѣ императоръ Александръ Павловичъ кончилъ свою жизнь.

Спальня его была обращена въ часовню; мѣсто, гдѣ стояла кровать, обведено черною чертою, а надъ нимъ повѣшенъ образъ Спасителя. Я съ жадностью слушала рассказы мѣстныхъ жителей о пребываніи въ Таганрогѣ августѣйшихъ почившихъ, изливавшихъ и тутъ, какъ въ теченіи всей ихъ жизни, свое благоволеніе на всѣхъ окружавшихъ.

Едва успѣла я прибыть въ Петербургъ, какъ курьеръ отъ Дибича вручилъ мнѣ письмо, которымъ генералъ извѣщалъ меня, что императоръ Николай Павловичъ разрѣшилъ мужу моему возвратиться въ Петербургъ. Таковы были происки этихъ господъ противъ моего мужа!

Княгиня С. А. Мадатова.

Спб. 16 февралъ 1873 г.

Письмо императрицы Елисаветы Алексѣвны

къ Сергею Семёновичу Уварову.

Воскресенье. 1 іюна.

(Переводъ съ французскаго). Я была весьма опечалена, милостивый государь, получивъ отъ васъ извѣстіе о кончинѣ графини Разумовской. Г-жа Уварова не можетъ сомнѣваться въ томъ участіи, съ какимъ я отношусь къ ея вполне естественному горю, и если бы я не уѣзжала черезъ нѣсколько часовъ въ Царское Село, то непременно навѣстила бы ее.

Благодарю васъ, м. г., за ваше вниманіе, что вы поспѣшили первый извѣстить меня о событіи... (?) припишите тому участію, съ какимъ я отношусь къ вамъ и къ г-жѣ Уваровой во всемъ, касающемся вашихъ привязанностей. Надѣюсь, что мнѣ удастся въ скоромъ времени подтвердить это лично.

Елисавета.

Dimanche, 1 juin.

J'ai été péniblement surprise en apprenant par Vous, monsieur, la mort de la comtesse Razoumovsky. Madame Ouvaroff ne peut douter de la part que je prends à sa juste douleur, et si je ne parlais pour Zarske Selo dans quelques heures, je serai venue la voir.

Recevez mes remerciements de l'attention que vous avez eu, monsieur, de m'annoncer le premier un événement... (?) rendez à l'intérêt que je porte à vous et à m-me Ouvaroff dans tout ce qui a rapport à Vos affections. J'espère avant peu être à même de Vous en répéter l'assurance de vive voix.

Elisabeth.

Отъ редакціи. Прекрасный портретъ императрицы Елисаветы Алексѣвны († 1826 г.), супруги императора Александра Павловича, гелиографическій снимокъ съ работы знаменитаго Клаубера, приложенъ при январской книгѣ „Русской Старинѣ“ изд. 1834 г., томъ ХLI. Тамъ же помѣщенъ и характеристическій очеркъ этой государыни, принадлежащій гр. С. С. Уварову. Въ этой книгѣ помѣщаемъ, написанный для насъ княгиней Мадатовой, внѣ покойной, и сообщенный намъ въ 1873 г., другой очеркъ императрицы Елисаветы, при которой княгиня Софья Александровна Мадатова, рожд. Муханова, состояла фрейлиной. Княгиню мы знали уже въ преклонныхъ лѣтахъ. Вдова знаменитаго кавказскаго полководца кн. Мадатова, сокрушившаго персіанъ и многократно отличавшагося въ горной войнѣ съ черкесами, она благоговѣла къ памяти своей государыни, которая, съ своей стороны, очень ее любила. Сама княгиня была въ высшей степени добрая и образованная личность. Чрезвычайно начитанная, она не останавливалась предъ трудомъ прочтенія самаго серьезнаго и сухого сочиненія. Вспоминаемъ интересный фактъ: однажды у

П. А. Муханова, своего близкаго родственника, въ 1870 году, книжки Мадатова просто сообщила, что въ этомъ (1870) году она въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ прочтала „Дѣянія Петра Великаго“ Голикова! Кто знаетъ тяжеловѣсность языка этого многотомнаго творенія и замѣчательную несладкую во всемъ его планѣ, тотъ пойметъ, какой трудъ кн. С. А. Мадатова исполняла и исполнила, какъ заявляла намъ, съ наслажденіемъ.

Что память своего мужа, она издала его біографію съ портретомъ и все второе изданіе этого труда, принадлежавшаго перу А. С. Хомякова, съ дополненіями подъ ред. А. И. Рязова, разослано подписчикамъ „Русской Старинѣ“ въ 1876 году все, до послѣдняго экземпляра.

Ред.

Академикъ-граверъ Л. А. Сѣряковъ.

Въ перечню его произведеній.

Къ помѣщенной въ „Русской Старинѣ“ изд. 1881 года, июнь, статья Н. П. Собко: „Жизнь и произведенія гравера Л. А. Сѣрякова“, приложенъ списокъ всѣхъ работъ этого гравера. Въ этомъ списокѣ не упомянуты слѣдующія его гравюры:

Новыя сказки Андерсена. Изд. Трубиной и Стасовой. Спб. 1868 г. Съ портретомъ Андерсена, рѣзаннымъ на деревѣ Л. А. Сѣряковымъ.

Отдѣльно: Охота императора Александра II. Охотникъ и сибирскія собаки. Рисовалъ на деревѣ Ф. Тейхель, грав. Л. А. Сѣряковъ.

Всемирная Иллюстрація. Сиб., изд. г. Гонне 1876 — 1878 гг.: 1) Церковь Покрова Пресвятыя Богородицы въ селѣ Филыхъ подь Москвою. Рисовалъ П. Ф. Борель, грав. Л. А. Сѣряковъ (1876 г., № 375, стр. 194). Портретъ Н. А. Некрасова. Съ фотографіи рис. П. Ф. Борель, грав. Л. А. Сѣряковъ (1877 г., № 436, стр. 348). Тотъ же портретъ перепечатанъ тамъ же въ 1878 г., № 470, стр. 32.

А. П. Похотаевъ.

20-го сентября 1884 г.
г. Кострома.

ХОЛЕРА ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ ВЪ 1831 ГОДУ.

Разсказъ современника и очевидца.

Въ 1831 году, находясь на службѣ въ гвардіи, я былъ свидѣтелемъ всего смутнаго холернаго времени, и, по сохранившимся у меня того времени запискамъ, а также по официальнымъ документамъ, находящимся въ публичной библиотекѣ, я могу представить читающей публикѣ небольшой, но правдивый разсказъ обо всемъ, что вокругъ меня тогда дѣлалось, и какія мѣры правительствомъ были принимаемы для отвращенія сей ужасной болѣзни.

И. Х.

I.

Первое извѣщеніе о появленіи холеры въ столицѣ, въ 1831 году, мы находимъ въ объявленіи генераль-губернатора жителямъ, отъ 19-го юня 1831 г.

Въ газетахъ того времени было сказано:

«По извѣстіямъ, полученнымъ изъ Риги и нѣкоторыхъ приволжскихъ городовъ о появленіи въ нихъ холеры, приняты были всѣ мѣры къ огражденію здѣшней столицы отъ внесенія сей болѣзни; по всѣмъ дорогамъ, ведущимъ изъ мѣстъ зараженныхъ и сомнительныхъ, учреждены были карантинныя заставы; всѣ письма, вещи и посылки, оттуда получаемыя, подвергались рачительной окуркѣ. Словомъ, сдѣлано все къ предотвращенію сего бѣдствія, но, не смотря на всѣ сіи предостереженія, холера, по нѣкоторымъ признакамъ, проникла въ Петербургъ...» и проч.

Были ли, дѣйствительно, полезны таковыя мѣры правительства, и привносили ли онѣ хотя малѣйшую пользу народонаселенію—можно видѣть изъ слѣдующаго. Въ 1830 году, зимой, когда въ Москвѣ появилась холера, то Царское Село, въ которомъ имѣла пребываніе цар-

ская фамилія, было оцѣлено. Карантинная застава была устроена на московскомъ шоссе, на станціи Ижора. Баталіонъ гвардейскаго полка, въ которомъ я служилъ, былъ назначенъ въ Ижору, для оцѣленія Царскаго Села и для исполненія карантинной службы.

Тысячные обозы, идущіе съ юга Россіи, и множество окрестныхъ крестьянъ, ѣдущихъ съ провизіею, сѣномъ и овсомъ въ столицу, всѣ были у заставы останавливаемы и окуриваемы.

Вся улица по шоссе была запружена обозами. Начальства и распорядженія никакого. Можно себѣ представить, какой хаосъ царствовалъ на мѣстѣ! Все дѣлалось какъ-нибудь. Какъ вся эта процедура окуриванія происходила и былъ ли устроенъ лазаретъ или что-нибудь подобное,—я сказать не могу, потому что только и зналъ дежурство, караулъ у заставы и цѣпь, расположенную по берегу рѣчки Ижоры, для наблюденія, чтобы люди, не бывшіе въ карантинѣ, не пробирались по льду въ Царское Село.

Разъ, когда я стоялъ въ караулѣ у заставы, проходилъ ночью въ Петербургъ ремонтъ казенныхъ лошадей, и, протиснувшись сквозь стоявшіе по шоссе обозы, сталъ скучиваться у заставы. Ведущій ремонтъ унтеръ-офицеръ входитъ ко мнѣ въ устроенную въ избѣ караулную, показываетъ видъ и убѣдительно проситъ ихъ не задерживать, такъ какъ они должны на другой день прибыть въ Петербургъ, и что люди и лошади только по то число разсчитаны продовольствіемъ. Видя изъ маршрута, что ремонтъ долженъ Царское Село миновать, а имѣть отдыхъ въ подгорномъ Пулковѣ и принимая во вниманіе его законныя требованія, я ремонтъ пропустилъ, наказавъ унтеръ-офицеру Царское Село обойти, а пробираться въ Пулково по окрестнымъ проселкамъ.

Исполнилъ ли онъ мое приказаніе или нѣтъ, не вѣдаю, но знаю, что на другой день, за такое мое распоряженіе, меня, по карантинному уставу, чуть-чуть не отдали подъ судъ, отъ котораго я только избавился благодаря тому, что само правительство, убѣдясь въ неосновательности такихъ стѣснительныхъ мѣръ, вскорѣ все это отмѣнило. Жалобамъ, дракамъ и пронсшествіямъ не было конца; я увѣренъ, что продлись еще нѣкоторое время такое бѣдственное положеніе крестьянъ, не обошлось бы безъ возмущенія, и оно могло бы кончиться весьма плачевно.

Дня черезъ два послѣ описаннаго получено было приказаніе: «карантинъ уничтожить, заставу снять и баталіону возвратиться въ мѣсто своего расположенія».

Таковыми и многими другими тягостными и ни къ чему не ведущими мѣрами сама администрація сѣяла зародышъ будущихъ смуть и неудовольствій народныхъ, и явно всеяло недовѣріе къ своимъ распоряженіямъ, которымъ въ 1831 году уже никто не вѣрилъ.

II.

По обнаруженіи генераль-губернаторомъ извѣстія о появленіи холеры въ столицѣ, немедленно было приступлено къ устройству больницъ.

Въ грязномъ, тѣсномъ и смрадномъ переулкѣ на Сѣнной площади была устроена центральная холерная больница, въ которую полиція всѣхъ заболѣвающихъ холерою въ домахъ свозила насильно, противъ ихъ воли и желанія, что и послужило поводомъ къ серьезному волненію народа на Сѣнной площади, которое кончилось тѣмъ, что больницу разбили, больныхъ вынесли на кроватяхъ на площадь, доктора, фельдшера и аптекаря убили и прислугу разогнали.

Вслѣдствіе такового происшествія на другой день было прибито на углахъ улицъ слѣдующее объявленіе генераль-губернатора, отъ 25-го іюня 1831 года, въ коемъ, между прочимъ, сказано:

«Занемогаемые холерою могутъ, по желанію своему, оставаться для леченія дома, на своихъ квартирахъ, полиція же отнюдь не будетъ вмѣшиваться ни въ отправленіе больныхъ, ни въ принятіе ихъ въ больницы, а будетъ только получать свѣдѣнія отъ домовладѣльцевъ о заболѣвшихъ въ домахъ» ¹⁾ и проч.

На другой день послѣ смуты на Сѣнной площади императоръ Николай Павловичъ пріѣхалъ изъ Петергофа въ столицу; послѣ его отъѣзда городъ былъ объявленъ на военномъ положеніи и раздѣленъ на участки, за спокойствіе которыхъ отвѣчали тѣ полки, которымъ они были вѣрены. Патрули, пѣшіе и конные разъѣзды день и ночь наблюдали за порядкомъ въ ихъ участкахъ; объявлено было жителямъ, что если послѣ 11 часовъ пополудни и до 5-ти часовъ пополудни патрули или разъѣзды откроютъ даже 5 человекъ вмѣстѣ собравшихся, то таковыхъ будутъ забирать подъ стражу, какъ нарушителей общаго спокойствія.

Служба была трудная; гвардейскіе полки были тогда въ польскомъ походѣ, оставались только одни вторые батальоны ²⁾ сихъ полковъ, стало-быть достаточные только для занятія карауловъ, а не для того, чтобъ исполнять еще службу военнаго положенія, которое было тягостно, но не долго продолжалось.

¹⁾ Я нарочно привелъ объявленіе генераль-губернатора, отмѣняющее столь насильственную и невѣроятную въ настоящее время мѣру правительства, чтобъ читатель не счелъ вышеизложенное за мою выдумку.

²⁾ Эти батальоны стояли лагеремъ: первой дивизіи—на Семеновскѣмъ пладу, а второй—на своихъ полковыхъ плацахъ передъ казармами.

Такъ я, смѣнившись 25-го іюня 1831 г. съ караула съ Сѣнной площади, на другой день, 26-го, былъ назначенъ со взводомъ для охраненія огромнаго склада вина, находившагося на конторскомъ дворѣ, отъ Вознесенскаго моста до Садовой, гдѣ нынѣ Александровскій рынокъ.

Прихожу къ воротамъ,—заперты на запоръ; на дворѣ, въ обычные дни полною шума и жизни, мертвая тишина. Я сталъ стучать; управляющій конторою, г. Голубковъ, выглянулъ изъ окна и, увидавъ пришедшее войско, несказанно обрадовался, съ восторгомъ принялъ меня, какъ избавителя отъ осаднаго положенія, въ которомъ онъ находился.

Послѣ народнаго волненія на Сѣнной, онъ заперся кругомъ и на вѣрное полагалъ, что народъ бросится на вино, напьетса, разобьетъ бочки—и тогда прощай контора! но ничего этого не случилось: войска прибыли во-время.

Г. Голубковъ былъ столько любезенъ, что отвелъ мнѣ внизу отдѣльную комнату съ диваномъ, прислалъ подушку, и я, послѣ этихъ тревожныхъ дней, только у него могъ душой и тѣломъ успокоиться. Не знаю, почему я у него простоялъ двое сутокъ безъ смѣны—вѣроятно по малочисленности гарнизона; свѣжихъ войскъ, не бывшихъ въ тотъ день на службѣ, не оказалось и смѣнить было некому; но я и солдаты не были въ претензіи на таковое распоряженіе; стоять у него было спокойно, солдатъ кормили хорошо, да кромѣ того выдавались сбитень, сайки и водка. Дѣла почти никакого; изрѣдка только я посылалъ патруль вокругъ конторскаго двора, для развѣдки, не случивается ли гдѣ народъ; патруль, дѣйствительно, натыкался иногда на толпу человѣкъ въ 8—10, которые, при видѣ войска, сами разбѣгались.

Съ этого дня городское народонаселеніе замѣтно стало уменьшаться; вся эта масса народа ринулась вонъ изъ столицы и разнесла по всей Россіи тѣ нелѣпые слухи объ отравѣ, которые и послужили поводомъ къ возмущенію въ новгородскихъ военныхъ поселеніяхъ ¹⁾.

Вскорѣ военное положеніе было снято. Войска, разбитыя на мелкія команды и разбѣянныя по всему пространству столицы, возвратились въ мѣста своего расположенія; начались опять безконечныя ученья, и стало все приходить въ обычный мирный порядокъ.

Теперь взглянемъ на причины этихъ смуть и на мѣры, которыя принимались правительствомъ къ леченію и къ прекращенію холеры.

¹⁾ См. изданія ред. „Русской Старини“ книги: I. „Бунтъ военныхъ поселеній“, изд. 1870 г., и II. „Графъ Аракчеевъ и военныя поселенія“, Спб., изд. 1871 г.

III.

Въ объявленіи «Положенія спб. комитета, составленнаго подъ предсѣдательствомъ г. губернатора, для принятія мѣръ противъ распространенія холеры въ здѣшней столицѣ», отъ 20-го іюня 1831 года, между прочимъ, сказано:

б) «При полученіи извѣстій отъ частнаго пристава о каждомъ сомнительномъ больномъ, попечитель отправляется самъ для освидѣтельства больного, оказанія ему пособія и чтобъ собрать все нужныя свѣдѣнія о томъ домѣ, гдѣ больной оказался, дабы все мѣры къ огражденію самаго дома были приняты» и проч.

Вслѣдствіе такого объявленія мнѣ случилось быть свидѣтелемъ слѣдующаго: разъ, проходя по Моховой улицѣ, я увидѣлъ, что трехъ-этажный домъ, находящійся наискось церкви Симеона, былъ запертъ и оцѣпленъ полиціей; у воротъ стояли два будочника, а третій ходилъ подъ окнами по тротуару.

Жители, въ страхѣ и отчаяніи, высунувшись изъ отворенныхъ оконъ всехъ этажей, что-то кричали,—я разобрать не могъ. Лица, проходящія мимо этого дома, бѣжали, затыкая платками носы, или нюхали уксусъ. Я изъ любопытства остановился наблюдать, что будетъ; думалъ, что вотъ явится попечитель или частный, или квартальный и распорядится, чтобы больной былъ удаленъ въ больницу, а здоровые были выпущены. Но напрасны были мои ожиданія: прошло вѣрныхъ полчаса, никто не явился и никакого распоряженія не послѣдовало.

Слышу въ воротахъ крикъ, шумъ, стукъ молотковъ; ворота шатаются и видно, что на нихъ изнутри напираютъ.

Къ счастью жителей, на дворѣ жилъ слесарь, который, собравъ своихъ рабочихъ, сбилъ калитку съ петель; калитка упала, и вся эта толпа съ радостью и крикомъ бросилась на улицу; жители вздохнули свободно; въ одну минуту у оконъ никого не было; все ринулись вонъ изъ дома и разбѣжались по всемъ направленіямъ; полиція въ мигъ исчезла; что было далѣе, сказать не могу, потому что я, дивясь тому, что видѣлъ, продолжалъ путь свой.

Вѣроятно и эта мѣра была вскорѣ отиѣнена, потому что мнѣ, бывшему ежедневно на улицахъ, не приходилось болѣе наткаться на подобныя сцены.

Министерство внутреннихъ дѣлъ съ своей стороны издало, 25-го іюня 1831 года, «Браткое наставленіе къ распознаванію признаковъ холеры, предохраненія отъ оной и средства при первоначальномъ ея

леченіи», наполненное, можетъ быть, и полезными правилами ¹⁾, но между ними и встрѣчаются такія, которыя свидѣтельствуютъ, что это писалось для того только, чтобы написано было, а удобно ли и при-мѣнимо ли оно, къ исполненію — объ этомъ, кажется, никто изъ писавшихъ и не думалъ.

Возьмемъ на выдержку:

б) «Запрещается пить воду нечистую, пиво и квасъ молодой».

Спрашивается, что же пить наконецъ простолюдину? Водопроводовъ тогда не было и бѣльшая часть небогатаго народонаселенія пользовалась водою изъ Фонтанки и другихъ каналовъ. Если писавшіе находили все это для питья вреднымъ, то, полагаю, должно было бы указать жителямъ, чѣмъ замѣнить означенныя питья, какъ употреблять, сколько; но объ этомъ ничего не сказано.

г) «Запрещается послѣ сна выходить на воздухъ».

Что это? — не понимаю! Вѣроятно тутъ опечатка или слово пропущено. Полагаю, слѣдуетъ читать: «на тощакъ» послѣ сна не выходить, или «тотчасъ», или что-нибудь въ этомъ родѣ, — тогда будетъ смыслъ.

ж) «Запрещается жить въ жилищахъ тѣсныхъ, нечистыхъ, сырыхъ».

А на домъ Вяземскаго на Сѣнной, до сихъ поръ (1874 г.) служащій источникомъ и разсадникомъ холеры, тифа и другихъ болѣзней, полиція въ то время не обращала никакого вниманія.

л) «Запрещается предаваться гнѣву, страху, утомленію, унынію и безпокойству духа».

Ничто такъ не располагало къ страху, къ унынію и къ безпокойству духа, какъ непрерывно издаваемые правительствомъ предостереженія, наставленія, распоряженія (конъ тутъ же отмѣнялись), попечительскія посѣщенія, ежедневныя разнородныя требованія полиціи, тревожившія и наводившія страхъ на жителей столицы.

Немалое также имѣло вліяніе на расположеніе духа жителей къ унынію, это безконечныя похороны и погребальныя процессіи, которыя только на улицахъ и были видны. Изъ больницъ вывозили на ломовыхъ дѣльяхъ вереницы черныхъ осмоленныхъ гробовъ ²⁾, отъ которыхъ встрѣчные жители уберегались, нюхая укусъ или прячась подъ ворота домовъ, квартиръ. Забирали на улицахъ, въ жилищахъ, въ лавкахъ людей, хватавшихъ лишнюю чарку водки «для куража» или по другимъ причинамъ бывшихъ не въ нормальномъ положеніи.

¹⁾ Бывъ въ это время на службѣ въ Петербургѣ, я о существованіи этихъ наставленій вовсе и не зналъ. Я ознакомился съ ними только теперь, разбирая въ публичной библиотекѣ официальные того времени документы.

²⁾ Впослѣдствіи хоронить днемъ было запрещено, а приказано было ночью.

Дѣйствительно, пьянство распространилось въ это время значительно болѣе обыкновеннаго, и были случаи, что полиція, поднявъ пьянаго на улицѣ, принявъ его за холернаго, отправляла въ больницу, гдѣ этотъ мнимый больной, проспавшись и сознавъ свое положеніе, бѣжалъ домой по улицѣ въ больничномъ халатѣ и въ колпакѣ, распространяя въ народѣ ненависть къ докторамъ и къ больницамъ, будучи увѣренъ, что туда хватаютъ народъ, чтобы травить.

в) «Запрещается выходить изъ дому, не омывши все тѣло или, по крайней мѣрѣ, руки, виски и за ушами растворомъ хлористой соды или извести, или простымъ виномъ, смѣшаннымъ пополамъ съ деревяннымъ масломъ».

Какъ это удобно и примѣнимо къ исполненію—предоставляю судить каждому.

п) «Предписывается имѣть съ собою скляночку съ растворомъ хлористой соды или уксусомъ, которыми чаще потирать руки, около носа, кромѣ сего носить въ карманѣ сухую хлористую известь, зашитую въ полотняную сумочку».

Всѣхъ тѣхъ, которые строго исполняли это наставленіе, народъ на улицахъ останавливалъ, и если находилъ въ карманѣ въ скляночкѣ уксусъ, либо порошки хлористой извести, заставлялъ въ удостовѣреніе, что это не ядъ, выпивать, а порошокъ насильно сыпалъ въ ротъ. Несчастныя жертвы заботливости о самосохраненіи были избиваемы, и многія поплатились даже жизнью ¹⁾.

Откуда появились слухи объ отравѣ, сказать не могу, но всеобщая молва была, что поляки старались раззорять, отравлять и изводить русскій народъ всячески и во чтобы ни стало.

Что дѣйствительно были люди злонамѣренныя, распространявшіе разные нелѣпыя слухи и подстрекавшіе народъ къ волненію,—это вѣрно, потому, что по высочайшему повелѣнію была назначена коммисія для разбора и суда взятыхъ въ дни возмущенія зачинщиковъ; но кто были эти люди, не знаю, потому что пишу то, чему самъ былъ свидѣтелемъ и что знаю навѣрное, основываясь на того времени официальныхъ документахъ ²⁾.

¹⁾ Вслѣдствіе такого буйства и своеволія народа, генераль-губернаторъ издалъ объявленіе, отъ 25-го іюня 1831 года, слѣдующее: „Вчерашняго числа, нѣкоторые частныя люди, болшею частью изъ простолюдиновъ, вздумали останавливать, обыскивать и даже обижать прохожихъ, нюхавшихъ уксусъ и хлористый порошокъ, подъ тѣмъ предлогомъ, будто-бы они имѣли въ sichъ скляночкахъ и бумажкахъ ядъ, коимъ хотѣли отравить пищу и питье и проч. Таковыя будутъ забираемы подъ надзоръ полиціи“.

И. Х.

²⁾ Объявленіе с.-петербургскаго генераль-губернатора, отъ 24-го іюня 1831 года: „Нѣкоторые неблагонамѣренныя люди вздумали внушать простому

Въ ночь съ 19-го на 20-е августа 1831 г. разразилась надъ столицей сильная гроза съ проливнымъ дождемъ, причинившая много кораблекрушеній въ Кронштадтѣ и сдѣлавшая много добра для Петербурга. Воздухъ освѣжился и очистился отъ мiasmовъ, духоты и смрада, накопившихся отъ продолжительныхъ постоянныхъ большихъ жаровъ; природа ожила, и холера стала быстро съ того дня уменьшаться.

Вскорѣ многія временныя больницы были закрыты, и изданіе ежедневныхъ вѣдомостей о числѣ заболѣвающихъ прекратилось. Изрѣдка послѣ сего появлялись свѣдѣнія о слабомъ ея существованіи въ столицѣ въ «Сѣверной Пчелѣ», которыя съ 6-го ноября 1831 г. и тамъ исчезли.

Итакъ, считая за начало холеры въ С.-Петербургѣ день перваго объявленія о ея появленіи въ столицѣ, 19-е июня, и до послѣдняго извѣстія о ея существованіи, 6-го ноября, видно, что холера гнѣздилась въ столицѣ въ 1831-мъ году—4 мѣсяца и 17 дней.

По моему мнѣнію, главною и основною причиною всѣхъ этихъ смуть и народныхъ волненій было то, что вообще тогда не знали ни свойствъ холеры, ни причинъ ея появленія, ни средствъ къ ея леченію.

Принимая ее за эпидемію, переносимую людьми и вещами, приписывали ей всѣ свойства чумы и издавали постоянно охранительностѣснятельныя мѣры, годныя только при появленіи этой заразной болѣзни, тогда какъ при сильной холерѣ этого вовсе не требовалось.

Изъ этого небольшого, но вѣрнаго разказа, читатель можетъ судить, до какой степени люди, тогда стоявшіе во главѣ администраціи, были запуганы, что, подъ давленіемъ этой паники, издавали распоряженія, служившія поводомъ ко всеобщему неудовольствію и къ народному волненію, между тѣмъ какъ въ Москвѣ, гдѣ меньше заботились о народномъ здоровіи, холера, бывшая годомъ раньше, прошла безъ особыхъ смуть и волненій.

И. Р. фокъ-деръ-Ховекъ.

С.-Петербургъ,
5-го февраля 1872 г.

народу объ излишнихъ и тягостныхъ мѣрахъ, будто бы принимаемыхъ здѣшной полиціей и врачами. Легкомысленные и неразумительные повѣрили сему выдуману и, оставивъ свои занятія и работы, стали собираться толпами на улицахъ и толковать о мнимыхъ, будто бы причиняемыхъ народу, притѣсненіяхъ. Въ неразуміи своемъ вздумали освободить больныхъ, будто бы насильно посаженныхъ въ больницу; ворвались въ два таковыя лазарета, разогнали больныхъ и причинили столь великіе безпорядки, что нѣсколько чловѣкъ при томъ лишились жизни" и проч. О числѣ убитыхъ въ эти дни смуть официальные документы умалчиваютъ.

И. Х.

Рѣчь, сказанная императоромъ Николаемъ I во время народнаго волненія на Сѣнной площади въ 1831 году.

(Замѣтки на письмо В. А. Жуковскаго).

Въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1866 годъ помѣщено письмо на французскомъ языкѣ нашего поэта В. А. Жуковскаго къ принцессѣ Луизѣ Прусской въ которомъ онъ ей сообщаетъ о народномъ волненіи на Сѣнной площади въ 1831 году и описываетъ прибытіе государя на мѣсто происшествія и рѣчь его къ народу. Въ письмѣ этомъ вкралась нѣкоторыя невѣрные свѣдѣнія, которыя Василію Андреевичу, какъ жителю Петергофа, не могли быть въ точности извѣстны, но я, какъ служившій тогда въ гвардіи и бывшій въ этотъ день въ караулѣ на Сѣнной площади въ Петербургѣ, считаю долгомъ возстановить истину.

Вотъ отрывокъ изъ вышеозначеннаго письма, помѣченнаго:

Петерговъ, 7-го іюля 1831 года.

...„Государь, извѣщенный о положеніи дѣлъ, рѣшается ѣхать въ Петербургъ. Онъ отплываетъ на пароходъ; зловѣщее донесеніе встрѣчаетъ его. Онъ садится въ коляску и направляется по самымъ многочисленнымъ улицамъ, прямо къ тому мѣсту, которое наканунѣ было театромъ беспорядковъ. Онъ останавливается у церкви, окруженный толпою отъ 20—25 тысячъ человѣкъ. Тогда онъ всталъ и, обратясь къ народу, сказалъ:

— „Вѣнчаясь на царство, я поклялся поддерживать порядокъ и законъ. Я исполнилъ свою присягу. Я добръ для добрыхъ: они всегда найдутъ во мнѣ друга и отца!... Но горе злонамѣреннымъ: у меня есть противъ ихъ оружіе! Я не боюсь васъ!... Вамъ меня бояться! Намъ послано великое испытаніе: зараза!—надо было принять мѣры, дабы остановить ея распространеніе. Всѣ мѣры приняты по моему повелѣнію. Стало быть, вы жалуетесь на меня. Ну, вотъ я здѣсь! Вы, отцы семействъ, люди смиренные: я вамъ вѣрю и убѣжденъ, что вы всегда прежде другихъ уговорите людей неспѣдующихъ и образумите матежниковъ. Но горе тѣмъ, кто позволитъ себѣ противиться моимъ повелѣніямъ: къ вамъ не будетъ никакой жалости! Теперь расходитесь! въ городъ зараза, вредно собираться толпами. Но прежде слѣдуетъ помириться съ Богомъ. Если вы оскорбили меня вашимъ непослушаніемъ, то еще болѣе оскорбили Бога преступленіемъ. Совершенно убійство! невинная кровь пролита! Молитесь!...“ и проч.

В. А. Жуковскій начинаетъ письмо такъ: „Государь, извѣщенный о положеніи дѣлъ, отплываетъ на пароходъ“. На это я могу сказать слѣдующее. Сблизившись съ караула утромъ, въ день пріѣзда государя на Сѣнную площадь, хотя я и не былъ лично свидѣтелемъ этого событія, но хорошо помню по распространеннымъ въ тотъ день слухамъ и по рассказамъ очевидцевъ, слышавшихъ слова государя, произнесенныя имъ народу.

Государь пріѣхалъ 25-го іюня изъ Петергофа въ столицу, въ дорожной коляскѣ четвернею въ радѣ. Подѣхавъ къ церкви, остановился, всталъ въ коляскѣ и, обратясь къ народу, крикнулъ своимъ звучнымъ голосомъ: „Сѣдня головы ко мнѣ!... На колѣни! Молитесь за тѣ жертвы, которыя вы вчера невинно погубили...“ и проч.

Эти слова до сихъ поръ живутъ въ памяти современниковъ.

Что государь прибылъ не на пароходъ, а прямо въ дорожной коляскѣ на площадь, то этому доказательствомъ можетъ служить и барельефъ на памятникѣ Николаю I.

Вѣроятно, академикъ Клодтъ, коему было поручено сочиненіе и отливка памятника, имѣлъ вѣрные свѣдѣнія о прибытіи государя на площадь, изобразилъ

зиль его стоящимъ въ коляскѣ, запряженной четвернею усталыхъ лошадей. Если бы государь прибылъ на пароходѣ, то, вѣроятно, прѣѣхалъ бы отъ пристани на площадь въ городскомъ экипажѣ паров.

Даже В. А. Жуковский пишетъ: „Зловѣщее донесеніе встрѣчаетъ его“— тоже невѣрно. Стоявъ въ день возмущенія, 24-го іюня, на Сѣнной въ караулѣ, я былъ свидѣтелемъ всего, что происходило. Донесеніе было написано часовъ въ 8—9 вечера, со словъ монахъ, прибывшимъ съ генераль-губернаторомъ Эссеномъ дѣлопроизводителемъ его, которое тутъ же было отправлено къ государю въ Петергофъ съ фельдъегеремъ¹⁾; стало быть, государь могъ знать уже наканунѣ, часовъ въ 11 вечера, обо всемъ, что происходило въ столицѣ.

„Зловѣщее донесеніе“ никакъ не могло встрѣтить государя въ столицѣ, да къ тому же самъ В. А. Жуковский начинаетъ письмо такъ: „Государь, извѣщенный о положеніи дѣлъ, рѣшается ѣхать“.—Вѣроятно слухи о происшедшемъ въ столицѣ могли предупредить донесеніе генераль-губернатора— это можетъ быть; но чтобы государь рѣшился ѣхать въ Петербургъ, не дождавшись официального донесенія генераль-губернатора, это невѣроятно.

Кто зналъ пылкій, энергическій характеръ императора Николая, прозвѣявшійся въ каждомъ словѣ, въ каждомъ жестѣ его, тому трудно предположить, чтобы онъ въ эти тяжкія минуты сталъ распространяться съ народомъ длиннью, впрочемъ весьма краснорѣчивую, рѣчью, какою В. А. Жуковский влагасть въ уста его.

Тутъ не краснорѣчіе нужно было, а сила и энергія.

Въ продолженіе 17-лѣтней моей службы въ гвардіи, я не разъ имѣлъ случай слышать слова императора Николая Павловича и всегда рѣчь его была кратка, ясна и выразительна.

Такъ, въ 1837 году, на разводѣ въ Михайловскомъ манежѣ, государь, бѣвъ на лошади, по окончаніи развода выѣхалъ на средину манежа, подо-звалъ къ себѣ всѣхъ бывшихъ на разводѣ офицеровъ и сказалъ:

„Гг. офицера ко мнѣ!... ближе!... ближе!“ и когда его совсѣмъ окружили, онъ продолжалъ:— „Вамъ первымъ съ полнымъ довѣріемъ сообщаю полученное изъ Варшавы извѣстіе“— и затѣмъ объявилъ намъ о польскомъ возстаніи и поздравилъ съ походомъ.

Рѣчь его была кратка и продолжалась не болѣе 3—4 минутъ.

Въ 1844 году на Майскомъ парадѣ, передъ началомъ парада, государь выѣхалъ въ интервалъ второй гвардейской дивизіи и объявилъ войску о венгерскомъ возстаніи и поздравилъ съ походомъ.

Рѣчь его также не сіяла краснорѣчіемъ, а была краткая и душу шевелящая.

Кромѣ того, сколько разъ мнѣ случалось слышать его въ лагеряхъ, на маневрахъ при отдаваніи приказаній, и всегда и во всемъ я не замѣчалъ ни вялости, ни растянутости, какъ это выразилъ В. А. Жуковский въ сочиненной имъ рѣчи.

И. Р. Фонъ-дербъ-Ховенъ.

1872 г.

Примѣчаніе. Разсказъ и замѣтка Ивана Романовича фонъ-дербъ-Ховена, отставнаго генер.-майора, сообщены были намъ еще въ 1872 году, но въ виду множества матеріаловъ и статей, находящихся въ распоряженіи нашемъ, пролежали болѣе десяти лѣтъ неизданными. Въ это время И. Р. фонъ-дербъ-Ховенъ скончался. Сынъ извѣстнаго кавказца, военнаго губернатора тифлисскаго и друга А. П. Ермолова—Романа фонъ-дербъ-Ховена, Иванъ Романовичъ былъ человекъ весьма добродушный и живо интересовался отечественною исторіею. Интересное собраніе писемъ А. П. Ермолова къ Роману фонъ-дербъ-Ховену, 1816—1836 гг., было напечатано въ „Русской Старинѣ“.

Ред.

¹⁾ Показаніе бывшаго въ тотъ день дежурнымъ въ Петергофѣ фельдъегера А. П. Иностранцева, нынѣ майора въ отставкѣ. И. Ж.

ХОЛЕРНЫЙ МѢСЯЦЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

июнь 1831 г.

Въ дѣлахъ прежнихъ судебныхъ мѣстъ находится нѣсколько производствъ о буйствѣ петербургской черни въ холеру 1831 года.

Какъ самые случаи буйства, такъ и разслѣдованія о нихъ намъ казались настолько любопытными, что мы рѣшились представить ихъ читателямъ «Русской Старины».

Къ сожалѣнiю, мы должны оговориться, что по тѣмъ даннымъ, которыя мы имѣли подъ рукою и отъ которыхъ не отступали ни на шагъ, мы не можемъ дать полного описанiя всѣхъ смуть въ Петербургѣ по случаю холеры. Часть дѣлъ по этому предмету, — тѣ, которыя, по взгляду тогдашней администрацiи, казались наиболѣе важными, въ томъ числѣ о буйствѣ на Сѣнной площади, — не были переданы въ общiя судебныя мѣста изъ слѣдственной комиссiи, для изысканiя виновныхъ въ происходившихъ въ столицѣ, въ юнѣ 1831 года, возмущенiяхъ по случаю холеры.

Тѣмъ не менѣе и по тому, что нынѣ предлагается публикѣ, читатель можетъ имѣть понятiе о томъ тревожномъ состоянiи петербургскаго населенiя, въ которомъ оно находилось тогда. Видно, что тревогу эту и недовольство принятыми для прекращенiя холеры мѣрами раздѣляетъ съ низшимъ сословiемъ и среднее. Даже сама полицiя охотно вѣрнеть слуху, что есть люди, распространяющiе холеру посредствомъ порошковъ и другихъ снадобьевъ.

Не только въ моментъ безпорядковъ, но и въ виду приготовленiя къ нимъ полицiя какъ будто теряется. Тутъ не видишь съ ея стороны ни умѣнья предупредить ихъ, ни рѣшимости дѣйствовать своевременно. Но за то, когда ей, съ помощiю посторонней силы, удастся остановить народное буйство или когда потребуютъ отъ нея раскрытiя ви-

новныхъ въ буйствѣ, тутъ полиція не останавливается. ни предъ какими средствами, не только хватаетъ съ улицы правыхъ и виноватыхъ, часто проходящихъ случайно или любопытныхъ,—но даже, безъ всякаго повода, арестуетъ изъ домовъ, иногда по одной только догадкѣ, что арестуемый долженъ знать участниковъ буйства. Мѣста содержанія переполняются арестантами и ихъ держатъ иногда безъ допроса продолжительное время, а затѣмъ какъ произвольно арестуютъ, такъ произвольно-же и освобождаютъ. Почти на каждомъ шагу видно отступление отъ тѣхъ немногихъ юридическихъ требованій, существовавшихъ тогда для огражденія личности. Въ этомъ случаѣ счастливы изъ подсудимыхъ были тѣ, которые могли найти заступничество у влиятельныхъ лицъ. Тутъ и дѣйствительная вина не въ вину,—а человекъ, за котораго заступиться некому, и при всей правотѣ своей содержится въ сѣзжемъ домѣ, а оттуда попадаетъ въ крѣпость или въ тюрьму, гдѣ и ждетъ рѣшенія по суду своей участи.

Полиція привлекаетъ къ суду совершенно произвольно, обвиняетъ даже свидѣтелей въ недонесеніи начальству о томъ, что ей, по доносу, было извѣстно въ день событія.

Судъ получаетъ дѣло часто совершенно невыясненнымъ и только иногда дѣлаетъ слабыя попытки къ разъясненію, ограничиваясь, по большей части, одною формальностью—отобраніемъ отъ подсудимыхъ допроса, не было ли при слѣдствіи пристрастныхъ дѣйствій, затѣмъ, не входя въ разсмотрѣніе уликъ, заарестованныхъ при полиціи перемѣщаетъ въ тюрьму. Даже при рѣшеніи дѣла судъ проходитъ молчаніемъ не рѣдко безтоловныя дѣйствія полиціи и, съ натяжкою въ мотивахъ для приговора, вмѣняетъ подсудимому въ наказаніе содержаніе въ тюрьмѣ. Тутъ, почти на каждомъ шагу, видна полная зависимость тогдашняго суда отъ администраціи.

I.

Въ 4 кварталѣ 2-й Адмиралтейской части находилась мелочная лавка въ домѣ мастера Шеде. Принадлежала она купцу Голенецкому, который самъ торговалъ неподалеку въ другой лавкѣ, а въ этой сидѣлъ работникъ его, изъ помѣщичьихъ крестьянъ, Василій Степановъ.

Около полудня, 2 іюня 1831 года, густая толпа окружала лавку въ домѣ Шеде и проходившій мимо мѣстный квартальный надзиратель пожелалъ узнать, что случилось. Въ лавкѣ работникъ Степановъ

разказалъ ему, что какой-то человекъ приходилъ покупать хлѣбъ, осматривалъ его и насыпалъ бѣлый порошокъ на хлѣбной полкѣ. Приходившій былъ служащій въ сенатѣ, титулярный совѣтникъ Михаилъ Рудневъ. При кварталномъ онъ находился также въ лавкѣ и отозвался, что никакого порошка не сыпалъ. Чтобъ успокоить народъ надзиратель собралъ съ полки и полу порошокъ и представилъ Руднева съ порошкомъ въ сѣзжій домъ. Народъ, дойдя до сѣзжаго дома и видя, что Руднева свели туда, остался этимъ доволенъ.

Такъ объяснялъ происшествіе надзиратель уже 27 апрѣля 1882 года, но по началу оно представлено было въ другомъ видѣ.

2 июля работникъ Степановъ показалъ въ сѣзжемъ домѣ, что Рудневъ спрашивалъ у него чернаго хлѣба, булокъ и кислыхъ щей, а когда Степановъ сказалъ, что ничего этого нѣтъ, то Рудневъ, поворотась около угла въ лавкѣ, вскорѣ ушелъ. Степанову показалось подозрительнымъ, не унесъ ли чего изъ лавки покупатель. Работникъ тотчасъ же осмотрѣлъ ее и у мѣста, гдѣ стоялъ Рудневъ, нашелъ насыпанный на столѣ и на полу порошокъ, хотя лавка только что предъ этимъ была выметена и до прихода Руднева порошка не было. Работникъ «возмѣлъ сильное подозрѣніе на него, Руднева», выбѣжалъ изъ лавки и замѣтя, что Рудневъ пошелъ въ другую лавку, сказалъ объ этомъ своему хозяину, который захватилъ Руднева въ слѣдующей лавкѣ и представилъ надзирателю.

Въ сѣзжемъ домѣ обыскали Руднева и, кромѣ денегъ 8 р. 80 коп. ничего при немъ не нашли. Рудневъ показалъ, что, отправляясь утромъ на службу въ сенатъ, онъ заходилъ къ знакомымъ, въ томъ числѣ къ живущей въ той же улицѣ, гдѣ и домъ Шеде, вдовѣ Аннѣ Михайловой, дома ее не засталъ, спрашивалъ потомъ въ мелочной лавкѣ хлѣба и кислыхъ щей, и когда ему сказали, что ни хлѣба, ни кислыхъ щей не имѣется, то пошелъ въ другую лавку, гдѣ и купилъ полфунта бѣлаго хлѣба. За что взять при выходѣ изъ лавки—не знаетъ.

Справились у вдовы Михайловой. Она объявила, что Рудневъ хотя и знакомъ, но къ ней никогда не ходитъ.

Приставъ 2 части въ тотъ-же день донесъ оберъ-полицеймейстеру о происшествіи, но въ рапортѣ своемъ отступилъ отъ заявленія Степанова. По словамъ пристава, Рудневъ спрашивалъ въ лавкѣ ржаной хлѣбъ, а потомъ бѣлый. Степановъ показывалъ ему хлѣбъ, который Рудневъ нашолъ старымъ и въ это время Степановъ, отошедши за выручку, примѣтилъ, что на полкѣ, гдѣ лежитъ хлѣбъ, насыпанъ бѣлый порошокъ. Поэтому Степановъ не выпускалъ Руднева изъ лавки и далъ знать надзирателю.

Приставъ находилъ, что Рудневъ «навлекаетъ на себя подозрѣніе», показавъ, что съ квартиры своей на Васильевскомъ островѣ заходилъ къ знакомымъ и къ Михайловой, которая утверждаетъ, что Рудневъ у ней не бываетъ.

Показанія Степанова, Руднева, самъ онъ, деньги его и порошокъ были представлены оберъ-полиціймейстеру, который отослалъ порошокъ въ физикатъ, для удостовѣренія, не заключается-ли въ немъ ядовитаго вещества, а пристава предписалъ спросить Степанова, чѣмъ онъ можетъ доказать, что Рудневъ сыпалъ порошокъ,—дабы видѣть основанія, за что Рудневъ арестованъ. Рудневъ возвращенъ былъ къ приставу.

3 іюля приставъ передопроеилъ Степанова. Тотъ объяснилъ, что на Руднева «имѣеть особенное сильное подозрѣніе въ насыпаніи на полкѣ и полу въ лавочкѣ бѣлаго порошка», потому что полка и полъ, гдѣ оказался порошокъ, только что передъ приходомъ Руднева были чисто выметены и до него въ лавку никто не заходилъ. Когда Рудневъ пришолъ въ лавочку, то Степановъ занимался за стойкою письмомъ. Рудневъ сначала торговалъ черныи хлѣбъ, бывшій на лавкѣ, гдѣ послѣ оказался порошокъ, потомъ булки, лежавшія надъ хлѣбами, и наконецъ кислыя щи, находившіяся подлѣ муки. Торгуемые предметы бралъ въ руки, но ничего не купилъ, а только два раза повернулся въ томъ мѣстѣ и пошолъ изъ лавки въ другую. Оставляя писать, Степановъ, во все время, пока Рудневъ осматривалъ товаръ, наблюдалъ за покупателемъ, но не замѣтилъ, какъ онъ высыпалъ порошокъ, потому что Рудневъ сдѣлалъ это скоро и былъ къ Степанову задомъ. Къ улкѣ Руднева Степановъ добавилъ еще то, что Рудневъ при надзорѣ сначала утверждалъ, что даже не былъ въ лавкѣ.

Повторяя этотъ отзывъ въ донесеніи оберъ-полиціймейстеру, приставъ добавилъ, что Рудневъ разсматривалъ торгуемыя вещи весьма скоро и передъ уходомъ повернулся два раза на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ порошокъ.

Физикатъ отозвался, что въ присланномъ для изслѣдованія порошокѣ никакихъ металлическихъ ядовъ и веществъ не имѣется.

Только 5 октября 1832 года дѣло поступило въ надворный судъ, гдѣ и рѣшено 26 іюля 1833 года. Находя Руднева невиннымъ, судъ полагалъ: крестьянина Степанова за неосновательный доносъ, служащій къ одному лишь только возмущенію черни, выдержать въ тюрьмѣ и при освобожденіи строго подтвердить впредь отъ подобныхъ неосновательныхъ доносовъ удерживаться, подъ опасеніемъ высшаго за сіе наказанія.

Уголовная палата, обревизовавъ дѣло, дала знать надворному суду,

10 октября того же года, что, «хотя за неосновательный донос Степанова въ тогдашнее (холерное) время, по имѣвшемуся въ народѣ ложному понятію объ употребленіи нѣкоторыми людьми яда въ воду и пищу, былъ весьма опасенъ даже для жизни чиновника Руднева, но поелику въ семь поступкѣ Степанова палата не видитъ никакого со стороны его злого умысла, а увлеченіе себя общимъ заблужденіемъ, которое могло его ввести въ ошибку, при томъ же онъ ограничилъ себя однимъ только извѣщеніемъ хозяина о подозрѣніяхъ своихъ, то по сему отъ полагаемаго судомъ выдержанія его въ тюрьмѣ избавить, съ строгимъ подтвержденіемъ на будущее время быть осторожнымъ».

II.

Послѣ обѣдни, въ воскресенье 21 іюня 1831 года, въ Петербургѣ были крестные ходы изъ всѣхъ церквей. Молились объ избавленіи отъ холеры. Въ то же утро на Преображенскомъ плацѣ, гдѣ расположены были лагеремъ полки Московскій, Преображенскій и батальоны учебнаго и сапернаго полковъ, происходила парадъ.

Крестные ходы окончились около двухъ часовъ дня и затѣмъ стали показываться толпы простого народа около холернаго лазарета, бывшаго Рождественской части на Пескахъ, въ Лосевой улицѣ, въ домѣ Сланищевой. Толпы увеличивались и въ народѣ шли толки, что въ лазаретѣ морятъ людей, а не лечатъ, что полиція хоронитъ живыхъ, слышались ругательства на докторовъ и цырюльниковъ.

Изъ воротъ лазарета выѣхала карета, посланная за больными. При видѣ ея возбужденное состояніе народа перешло въ дѣйствіе. Съ криками «ура, холера!» многіе бросились къ лазарету, но ворота были заперты.

Между буйствовавшей чернью болѣе другихъ выдавался какой-то человекъ невысокаго роста; съ сѣдою головою, въ фуражкѣ верблюжьяго цвѣта съ кожанымъ верхомъ, синемъ фракѣ и желтоватыхъ брюкахъ. Борода у него была бритая. «Ура, холера!» ломайте ворота, кричалъ старикъ, находясь впереди другихъ. Ворота были осаждены, но выдержали напоръ, а находившійся при нихъ для караула полицейскій унтеръ-офицеръ Яковлевъ былъ избитъ.

Это происходило въ 8-мъ и 9-мъ часу, но еще въ 6 часовъ вечера, замѣтя издали по концамъ Лосевой улицы приближающуюся къ лазарету толпу, бывший при лазаретѣ въ качествѣ зрителя кварталъ-

ный, поручикъ Сердаковскій, приказалъ держать на заперти лазаретныя ворота, а самъ съ вольнопрактикующимъ лекаремъ Луцкимъ ушелъ въ садъ и оттуда врачъ перелѣзъ черезъ заборъ. Пока Сердаковскій былъ еще въ саду, въ окна лазарета съ улицы полетѣли камни. Расшиблено два стекла и камень попалъ въ бокъ лазаретному цырюльнику Абраму Шейкину. Узнавъ объ этомъ, Сердаковскій въ лазаретъ уже не входилъ, а «чтобы спасти себя и прочихъ, чрезъ тотъ же заборъ ушелъ», потребовалъ помощи отъ пристава Литейной части и отправился съ докладомъ далѣе по начальству.

Явились къ лазарету пѣшія и пожарныя команды, сначала Литейной а потомъ Рождественской части. Они застали всю Лосеву улицу и ближайшія къ ней наполненными народомъ. По утвержденію полиціи, его было до 2,000. Приставъ Литейной части и возвратившійся Сердаковскій видѣли опять впереди другихъ того же сѣдого старика. Полиція отгѣснила народъ на Конную площадь. Оттуда разогнала его военная команда и въ 10-мъ часу вечера, вскорѣ послѣ прибытія на мѣсто оберъ-полиціймейстера Ковошкина, уже почти всѣ разбѣжались.

Нѣкоторыхъ однако-жъ удалось захватить полиціи и мы расскажемъ отдѣльно о каждомъ изъ заарестованныхъ:

1) Помѣщикій крестьянинъ Кузьма Тимофеевъ, плотникъ. Часу въ 9-мъ онъ проходилъ мимо лазарета одинъ и взятъ былъ надзирателемъ на углу улицы противъ лазарета.

Обвиненій на него ни отъ кого не заявлено.

2) Мѣщанинъ Афанасій Игнатъевъ, торговалъ старымъ платьемъ. Взятъ полицейскими противъ съѣзжаго дома Рождественской части, и при несуществованіи на него обвиненія, по распоряженію оберъ-полиціймейстера, 23-го іюня освобожденъ на поруки.

3) Казенный крестьянинъ Михайло Яковлевъ, по найму у купца работалъ кивера. 21-го іюня Яковлевъ проходилъ одинъ по Конной площади часу въ 10-мъ, не въ дальнемъ разстояніи отъ собравшагося тамъ народа и едва остановился посмотреть, какъ былъ взятъ.

4) Дворовый Александръ Петровъ. Взятъ часу въ 9-мъ вечера, когда проходилъ на Пески и, замѣтя народъ близъ холернаго лазарета, полюбопытствовалъ узнать о причинѣ стеченія толпы.

5) Деньщикъ Петръ Семіонцевъ. Возвращаясь съ Охты съ офицеромъ, при которомъ служить, въ 9 часовъ вечера, отсталъ отъ него и взятъ съ Конной площади по той же причинѣ, какъ и Петровъ.

6) Дворовый Данило Силинъ. Взятъ подъ арестъ близъ Знаменскаго моста, при побѣгѣ толпы съ Конной, по подозрѣнію, не уча-

ствоваль-ли тамъ въ происшествіи или неизвѣстно-ли ему о лицахъ, въ томъ участвовавшихъ.

7) Свободный хлѣбопашецъ Федоръ Крестьяниновъ, торговецъ рыбою. Вечеромъ, 21-го іюня, находясь въ лавкѣ, на Александровскомъ рынкѣ близъ холернаго лазарета, услышалъ, что въ Съѣзжинской улицѣ скопляется народъ и происходитъ какой-то бунтъ. По его словамъ, въ 10 часовъ вышелъ изъ лавки и когда проходилъ по Съѣзжинской улицѣ къ углу съѣзжаго двора, то увидѣлъ, что къ нему навстрѣчу съ проспекта Лиговскаго канала бѣжитъ народъ, за которымъ гонятся казаки. Кто-то изъ народа толкнулъ его съ мостковъ, у съѣзжаго дома. Крестьяниновъ пошелъ было назадъ, но былъ схваченъ полицейскимъ. Освобожденъ на поручительство, по приказу оберъ-полиціймейстера, 23-го іюня. Свидѣтели не только не подтвердили смысла на нихъ Крестьянинова, но одинъ удостовѣрилъ, что, выйдя изъ лавки часу въ 9-мъ или 10-мъ, встрѣтилъ его на Мало-охтенскомъ проспектѣ у Дегтярнаго кабака. На вопросъ, что онъ тутъ дѣлаетъ, Крестьяниновъ отозвался, что идетъ посмотрѣть на народную толпу, собравшуюся въ виду ихъ на Конной.

— Не твое дѣло ходить такъ поздно въ народную толпу, лучше бы сдѣлалъ, если бы пошелъ спать, — сказала ему свидѣтель и пошелъ далѣе, а Крестьяниновъ остался на прежнемъ мѣстѣ. Подтвердилъ это потомъ и другой свидѣтель, пояснивъ, что Крестьяниновъ исполнилъ данный ему совѣтъ, но какимъ образомъ взять былъ полицією, того свидѣтель не знаетъ.

8) Казенный крестьянинъ Парфентій Андреевъ. Приставъ Рождественской части донесъ, что пожарные взяли Андреева съ камнемъ въ рукахъ и при бунтѣ онъ успѣлъ забросить камень. Но пожарные служители показали только, что взяли Андреева со словъ какихъ-то чиновниковъ, будто Андреевъ у лазарета кричалъ въ толпѣ народа: ура, холера! Преслѣдуемый ими Андреевъ взять уже въ Съѣзжинской или Дегтярной улицѣ.

Андреевъ показалъ, что, проходя вмѣстѣ съ помѣщичьимъ крестьяниномъ Александромъ Шаршаковымъ, видѣлъ толпу у холернаго лазарета и полицейскихъ. Не останавливаясь, онъ съ Шаршаковымъ прошли далѣе, а когда замѣтили, что народъ побѣждалъ и сами сдѣлали тоже. Товарища потерялъ онъ изъ виду и былъ схваченъ часу въ 10-мъ вечера.

9) Помѣщичій крестьянинъ Александръ Шаршаковъ. Взятъ уже при производствѣ слѣдствія, утромъ 27-го іюня, вслѣдствіе указаній на него Андреева. Онъ утверждалъ, что разстался съ Андреевымъ

по выходѣ изъ трактира гораздо ранѣе 8-го часа, и потомъ все время былъ дома. Но свидѣтель, одноквартирантъ, удостовѣрилъ, что Шаршаковъ воротился домой въ 10-мъ часу вечера.

10) Мѣщанинъ Федоръ Мурашевскій. Пьяный былъ взятъ приставомъ Рождественской части, отгонявшимъ народъ отъ лазарета.

11) Сынъ мастера казеннаго стекляннаго завода Сергѣй Левашовъ, взятъ въ 10 часу въ Лосевой улицѣ, при преслѣдованіи бѣгущаго народа. Мать Левашова не подтвердила ссылки его, что онъ до задержанія полицейскими находился у нея, а сказала, что Левашовъ ушелъ въ 8 часовъ.

12) Дворовый Карпъ Кирѣевъ, 18-ти лѣтъ, жилъ при своемъ господинѣ. Взятъ напротивъ церкви Рождества за то, что при требованіи идти прочь сказалъ пожарному, что ихъ надо бить какъ собакъ. Показалъ, что отвѣчалъ будочникамъ, «они взять меня не могутъ, иначе и самъ съ ними поправится», и утверждалъ сначала, что не онъ, а бывшій съ нимъ дворовый Софоновъ сказалъ: «будочники народъ разгоняютъ какъ собакъ, берутъ подъ стражу людей неизвѣстно за что». Потомъ сказалъ, что напрасно оговорилъ Софопова, который отъ себя засвидѣтельствовалъ, что Кирѣевъ на требованіе будочниковъ разойтись, сказалъ: «меня взять подъ стражу не смѣютъ, я и самъ зубы разобью».

13) Дворовый Алексѣй Майковъ, мастеровой придворнаго экипажнаго заведенія. Двое служащихъ при конторѣ квартальнаго надзирателя, въ исходѣ 8-мъ часа вечера, замѣтили Майкова на Конной площади. Пьяный онъ кричалъ: «ура, холера!» Когда потомъ народъ былъ разогнанъ и Майковъ ушелъ съ Конной, то эти же служащіе взяли и представили его къ надзирателю. Не сонавааясь въ обвиненіи, Майковъ потомъ заявлялъ, что захватившіе избили его такъ, что потомъ лѣзли на головѣ волосы, и одинъ изъ нихъ сказалъ ему: «хочешь-ли я дамъ тебѣ такое, отъ чего ты можешь тотчасъ же умереть». Одинъ свидѣтель удостовѣрилъ, что дѣйствительно видѣлъ Майкова, когда онъ на бѣгу Конной площади кричалъ: «ура, холера!».

14) Цеховой Алексѣй Волковъ, 21 года, сынъ бронзоваго мастера. Взятъ 21-го іюня съ квартиры своей въ полночь, по доносу надзирателя, унтеръ-офицера Яковлева, что будто бы знаетъ тѣхъ людей, которые были у холернаго лазарета. Послѣдній уличалъ Волкова, что онъ изъ толпы первый бросился на Яковлева со словами: «полиція хоронитъ живыхъ», и началъ его бить, а за Волковымъ бросился народъ, въ числѣ котораго, по мнѣнію Яковлева, были товарищи Волкова.

Волковъ утверждалъ, что на площади не былъ и съ 5-го часа пополу-

дни находился дома. Изъ спрошенных по ссылкѣ его свидѣтелей одинъ сказалъ, что съ Волковымъ дома игралъ въ бабки въ 6-мъ часу, а потомъ Волковъ отлучался на полчаса изъ дому въ 8-мъ часу. Другой сказалъ, что когда самъ пришолъ домой въ 10-мъ часу вечера, то Волкова засталъ дома.

Ремесленный голова, во время производства слѣдствія, просилъ оберъ-полиціймейстера прислать Волкова въ ремесленную управу, по случаю рекрутскаго набора, для отдачи за общество.

15) Отставной подканцеляристъ изъ дворянъ Николай Тарасовъ, повидимому сынъ достаточныхъ родителей, воспитывался сначала въ пансіонѣ, потомъ въ 1-й петербургской гимназій, гдѣ не кончилъ курса. Прослужа около пяти лѣтъ по разнымъ канцеляріямъ, вышелъ въ отставку въ 1830 году. Жилъ съ отцомъ и не имѣя занятія «проводилъ время въ чтеніи книгъ и посѣщеніи родственниковъ и знакомыхъ». Взятъ былъ въ Лосевой улицѣ близъ холернаго лазарета въ 10-мъ часу вечера, по приказанію оберъ-полиціймейстера, какъ участникъ въ буйствѣ, о чемъ удостовѣрялъ титулярный совѣтникъ Михаилъ Гвоздевъ.

Гвоздевъ былъ старый служака. О себѣ онъ пишетъ, что «съ честью вступилъ въ службу... и съ равною имѣлъ счастье сойдти съ поля сраженія въ незабвенный 1812 годъ». Въ 1831 году онъ продолжалъ еще службу гражданскую. Вотъ какъ при слѣдствіи изложилъ онъ обвиненіе свое на Тарасова.

Въ 21 день прошедшаго іюня, посѣщалъ я моего знакомаго учителя Рождественскаго училища Соголова. Уже вечерѣло, какъ я вышелъ изъ его квартиры, увидѣлъ несущуюся толпу народа по улицѣ, ведущей къ больницѣ, устроенной отъ сердобольнаго правительства, для страждущихъ отъ злокачественной болѣзни холеры. Влекомый любопытствомъ узнать причину такого быстрого стеченія народа, послѣдовалъ за ними. Прибывши почти къ самому дому благотворительнаго заведенія, вслушивался внимательно, и къ прискорбію души моей, услышалъ безрасудный и несправедливый ропотъ простомыя на столь милостивое заведеніе; скорбѣлъ душею моею, что мало было такихъ людей изъ среды толпящихся, который бы могъ познать истинную цѣль сего заведенія и внушилъ бы невѣждамъ безсмысленное ихъ заключеніе. Видя, такъ сказать, ожесточеніе народа, неповинующаго даже власти, не осмѣлился предложить имъ мои, противныя ихъ мыслямъ, заключенія, смотрѣлъ съ прискорбіемъ; но, хотя со страхомъ навлечь на себя неудовольствіе отъ черни, однако-жъ рѣшился сказать нѣкоторымъ -- «дурно тотъ дѣлаетъ, кто, не понимая заботу правительства о благополучіи нашемъ, мысль и цѣль сего единственнаго заведенія, и что мѣры, принятыя къ прекращенію сей злокачественной болѣзни— суть самыя спасительныя,— ропщеть на отеческое усердіе,— грѣхъ вамъ, братцы,— разоидитесь». Такъ осмѣлился

я говорить нѣсколько минутъ; но, видя буйность характеровъ, сберегая себя отъ дальнѣйшихъ непріятностей—замолчалъ; однако-жъ внимательно разсматривалъ народъ и слушалъ негнѣные ихъ толки, что будто не лечатъ, а съ намѣреніемъ морятъ людей, и сіи самыя слова уже сдѣлались общимъ голосомъ народа. Прискорбно сожалѣлъ о ихъ заблужденіи, и, отворотивъ взоръ свой отъ невѣжества, хотѣлъ идти домой. Не въ дальнемъ разстояніи увидѣлъ молодого, едва ли совершеннолѣтняго человѣка, котораго я знаю по нѣкоторымъ случаямъ, именно Николая Тарасова (о чинѣ его не знаю), улыбающагося и какъ будто довольнаго симъ зрѣлищемъ!.. „Стыдно, стыдно, молодой человѣкъ“, сказалъ я ему, „шелъ бы домой и не нужно умножать толпу безумцевъ“. Ему это не понравилось, онъ проказалъ недовольный видъ и отвѣчалъ довольно оскорбительно: „я за тѣмъ здѣсь, за тѣмъ и ты“.—„О! если бы ты, другъ мой, съ такою благою мыслию и съ такими чувствами пришелъ сюда, какъ я, то вѣрно не улыбку бы показывалъ на довольномъ лицѣ своемъ, но слезу въ глазахъ и скорбь въ душѣ“. — „Да“, сказалъ онъ мнѣ, „я о томъ сожалѣю, что здѣсь худо лечатъ и безвременно заставляютъ умирать“. Увидя слабое направленіе чувствъ его и безхарактерность, происходящую отъ молодости и вѣтренности—погрозишь ему пальцемъ, приговоришь: „худо дѣлаешь, г. Тарасовъ, великій грѣхъ берешь на душу свою, по моему—чего не понимаешь, о томъ менѣе и говоришь“—оставивъ его въ невѣжествѣ, удалился. Потомъ, встрѣтившись съ частнымъ приставомъ Колчинымъ, какъ съ прежнимъ сослуживцемъ, разговоривалъ съ нимъ о происшествіяхъ, сдѣлавшихся уже гласными, и сказалъ мою мысль: „неумудрено простояднику такъ глупо мыслить, ибо онъ необразованъ; а вотъ что для меня удивительно и даже непростительно, что люди, хотя и молоды, но сколь нибудь да образованы—также негѣпо судятъ—и, толкаясь между глупыми, дѣлаютъ свои заключенія, какъ наприимѣръ Тарасовъ, едва ли не по пословицѣ, что матерьяно молоко на губахъ не обсохло, не понимая ни самую болѣзнь, ни о мѣрахъ, принятыхъ въ излеченію, смѣется въ толпѣ невѣждъ, и тоже, толкуя превратно въ глазахъ людей, какъ будто одобряетъ ихъ заключеніе, а тѣ, разумѣя его и принимая за человѣка умнаго, и видя его еще въ вицъ-мундирѣ, разсужденія его приняли за истину“; и тѣмъ заключилъ разговоръ мой съ г. Колчинымъ. Вотъ все, что я слышалъ и видѣлъ въ тотъ несчастный вечеръ, и, какъ христіанинъ, утверждаю по чистой совѣсти и по вѣрноподданнической моей присягѣ милосердному моему Государю,—и предаю къ требуемому отъ меня вамъ, г. свидѣственному приставу, объясненію.

Впослѣдствіи Гвоздевъ дополнилъ, что встрѣча его съ Тарасовымъ происходила не ранѣе 7-го часа вечера.

Тарасовъ не отвергалъ, что, проходя мимо, остановился, любопытствуя знать о причинѣ сборища толпы. Гвоздевъ подходилъ къ нему и говорилъ, что «онъ срамить вицъ-мундиръ» и спрашивалъ, «зачѣмъ пришолъ». На это Тарасовъ отвѣчалъ: «зачѣмъ же, зачѣмъ и вы».

Свидѣтели видѣли Тарасова проходившимъ мимо толпы въ исходѣ 8-го или началѣ 9-го часа.

Отец Тарасова, титулярный совѣтникъ, обнаружилъ, что Гвоздевъ годъ тому назадъ былъ коротко знакомъ съ его сыномъ и рекомендовалъ на квартиру къ Тарасову своего шурина. Послѣдній оказался болѣзнъ «чрезвычайною болѣзнію» (довольно извѣстною и самой Рождественской части) и потому Тарасовъ, «замѣтя ужасную неопрятность, крайне небрежное куреніе трубки, угрожавшее неизбежною опасностію сожженія не только его обширной квартирѣ, но и всему многочлуднѣйшему хозяйскому дому», — отказалъ шурина Гвоздева отъ квартиры. Изъ этого отецъ Тарасовъ выводилъ заключеніе, что Гвоздевъ имѣетъ непріязненные къ нему отношенія и метить ему на сынѣ.

На очной ставкѣ подканцеляристъ Тарасовъ сказалъ, какъ потомъ жаловался на него Гвоздевъ оберъ-полиціймейстеру, «яко бы я оклеветалъ его изъ должныхъ мнѣ 80 коп., проигранныхъ въ карты, и вынувъ изъ кармана деньги,—продолжаетъ Гвоздевъ,—не устыдился отдавать мнѣ при слѣдственномъ приставѣ. Пріемъ его хотя и смѣшонъ, но не менѣе того неприличенъ и весьма оскорбителенъ. Во вторыхъ, будто я въ домѣ какого-то чиновника Вавилова (кого я и по сей часъ не имѣю чести знать) отозвался погубить Тарасова, изъ видовъ, вовсе мнѣ неизвѣстныхъ».

Тарасовъ освобожденъ изъ части на поруки 12 августа 1881 г.

16) Грузинецъ Осипъ Хотѣевъ, камердинеръ грузинскаго царевича сенатора Маріама Иракліевича. Это тотъ сѣдой старикъ въ синемъ фракѣ и желтоватыхъ брюкахъ, о которомъ мы уже упоминали въ началѣ этого разсказа, какъ о лицѣ, возбуждавшемъ толпу къ буйству. Хорошо замѣтивъ Хотѣева, полиція не рѣшилась взять его изъ толпы, опасаясь подвергнуться неистовству черни и за жизнь свою. Взять онъ былъ, уже по приказу оберъ-полиціймейстера, квартальнымъ Сердаковскимъ близъ Конной площади. Хотѣевъ старался у него вырваться и народъ съ Конной, видя это, стронулся было съ мѣста, началъ было приступать къ Сердаковскому. Тогда оберъ-полиціймейстеръ подъѣхалъ къ нимъ и тѣмъ остановилъ движеніе народа. Двое городскихъ сторожей взяли за руки Хотѣева и отвели въ часть.

Не смотря на улики со стороны полиціи и свидѣтельство постороннихъ, признавшихъ Хотѣева, хотя онъ успѣлъ потомъ переменить платье и отпустить бороду,—грузинецъ не сознался. Онъ утверждалъ, что видѣлъ на Конной толпы народа, но для чего народъ сходился, о чемъ шумѣлъ народъ—не знаетъ и даже близко къ лазарету не подходилъ.

Для освобожденія Хотѣева изъ-подъ ареста и отъ суда жена его и зять, придворный камердинеръ Давыдъ Гемяшевъ, употребили не мало средствъ.

Хотѣевъ показалъ, что ему отъ роду 42 года, но жена его увѣряла, что онъ 75-лѣтнй и при преклонныхъ лѣтахъ потерялъ память. Въ этомъ она ссылалась на царевича Маріама Иракліевича, утверждая, что при немъ Хотѣевъ находится уже 40 лѣтъ, а поступилъ къ царевичу 35-ти. Царевичъ отозвался, что у него нѣтъ никакихъ документовъ, изъ которыхъ можно бы было видѣть лѣта Хотѣева. По исповѣднымъ книгамъ онъ оказался 48-ми лѣтъ.

Указаны были женою и зятемъ свидѣтели, долженствовавшіе доказать, что во время народнаго волненія Хотѣевъ былъ не у лазарета, а на бѣгу лѣтней Конной. Часть ихъ оказалась неимѣющими свидѣтельскихъ качествъ, а прочіе ничего полезнаго для Хотѣева не сказали.

Жена представила удостовѣреніе, что Хотѣевъ «всегда велъ себя благопристойно, смиренно, тихо и не былъ причастенъ никакихъ дурныхъ дѣяній, къ коимъ, по кроткой его нравственности, вовсе и неспособенъ». Въ числѣ лицъ, подписавшихъ это удостовѣреніе, значатся: имеретинская царица Марія, царевичъ Багратъ, Дарья Семеновна Яковлева, урожденная княжна Баратова и другіе.

28 сентября шефъ жандармовъ, генераль-адъютантъ Бенкендорфъ, просилъ оберъ-полиціимейстера Кокоткина увѣдомить: «почему не освобождается изъ-подъ ареста семидесятилѣтнй старикъ Хотѣевъ, взятый квартальнымъ надзирателемъ Сердаковскимъ за участіе будто его въ нарушеніи спокойствія и содержащійся въ сѣбѣ домѣ Рождественской части, но который, по слѣдствію, произведенному по распоряженію его прев—ва, будто не оказался ни въ чемъ виновнымъ».

По требованію Кокоткина производитель слѣдствія прописалъ обвиненіе на Хотѣева и донесъ, что слѣдствіе приводится къ окончанію. Однако-жь, не дождавшись конца слѣдствія, оберъ-полиціимейстеръ 9 октября написалъ своеручно слѣдователю, что, «убѣждаясь просьбами родственниковъ содержащагося арест. Хотѣева и тому долгому изнурительному содержанію подъ арестомъ, несоизмѣримымъ его преклоннымъ лѣтамъ, разрѣшаетъ объ отдатѣ Хотѣева на законное и вѣрное поручительство родственнику его камердинеру...»

Хотѣевъ въ тотъ же день данъ былъ на поруки.

Не такъ была счастлива въ своемъ ходатайствѣ жена двороваго Алексѣя Майкова. Въ началѣ октября она подавала военному генераль-губернатору просьбу объ оказаніи защиты мужу, содержащемуся

въ Литейной части болѣе трехъ мѣсяцевъ. Вытребованы были свѣдѣнія, насколько справедлива жалоба, и ходатайство Майковой осталось безъ послѣдствій.

Если случай 2 июня 1831 г. съ чиновникомъ Рудневымъ не обратилъ на себя особеннаго вниманія правительства, то оно отнеслось не такъ легко къ послѣдующимъ событіямъ.

Высочайше учреждена была слѣдственная комиссія, для изысканія виновныхъ въ происходившихъ въ іюнѣ мѣсяцѣ въ столицѣ возмущеніяхъ. Оберъ-полицеймейстеръ дѣлалъ доклады этой комиссіи.

27 августа онъ представлялъ комиссіи: во первыхъ, «что слѣдствія о бунтѣ, бывшемъ 21 іюня у холернаго лазарета, находившагося въ Рождественской части ¹⁾, равно какъ и по другимъ еще четыремъ дѣламъ ²⁾ еще не кончены». Во вторыхъ, что «по важности предметовъ, которые заключаются въ этихъ слѣдствіяхъ, необходимо разсмотрѣть степень вины каждаго лица, прикосновеннаго къ онымъ, слѣдственной комиссіи: ибо если предоставить дѣло сіе судебному рѣшенію установленныхъ присутственныхъ мѣстъ, то съ одной стороны дѣла сіи не могутъ получить скорого окончанія, потому что они должны проходить чрезъ нѣсколько инстанцій на разсмотрѣніе правительствующаго сената, поелику уголовнымъ палатамъ не предоставлено право приводить въ исполненіе рѣшительныхъ опредѣленій по тѣмъ дѣламъ, по которымъ обвиняются болѣе 9 человекъ ³⁾ (по бунту въ Рождественской

¹⁾ Слѣдовательно въ концѣ августа 1831 г. лазаретъ этотъ уже не существовалъ.

²⁾ Дѣла эти были:

1) О возмущеніи народа въ Рождественской части купцомъ Львомъ Кирилловымъ, при отправленіи въ холерный лазаретъ крестьянина Леонова.

2) О буйствѣ отставнаго штабсъ-капитана Лешевича-Бородулича, который прибилъ квартальнаго надзирателя Клитана въ то время, когда сей послѣдній исполнялъ должность свою и заботился о поданіи помощи, умиравшему отъ холеры на тротуарѣ, крестьянину Казакову.

3) О произведенныхъ беспорядкахъ въ Литейной части крестьяниномъ г-жи Сульской Григорьемъ Ивановымъ, и о подстрекательствѣ на Сѣнной площади народа къ возмущенію Клоссономъ.

4) О возмущеніи народа на Сѣнной площади отставнымъ чиновникомъ 12 класса Полубенскимъ.

Свѣдѣній объ этихъ дѣлахъ мы не имѣемъ. Видно только, что они производились у слѣдственнаго пристава Иванова, какъ и дѣло о бунтѣ у холернаго лазарета въ Рождественской части.

³⁾ Это невярно. Въ сенатъ поступали только тѣ дѣла, по которымъ преступались къ навазанію болѣе 9 человекъ.

части у холернаго лазарета прикосновенныхъ 17 человекъ), а съ другой стороны, что присутственныя мѣста, будучи ограничены формами и не имѣя въ виду положительныхъ законовъ, какъ поступать въ подобныхъ случаяхъ, гдѣ къ изобличенію въ общемъ возмущеніи не возможно представить такихъ доказательствъ, какія требуются для изобличенія частныхъ преступленій, затруднятся подвергнуть наказанію безъ ясныхъ уликъ, тогда какъ слѣдственная коммисія, по предоставленной ей отъ государя императора власти, имѣетъ право опредѣлять степень наказанія для каждаго прикосновеннаго къ возмущенію лица, по соображенію обстоятельствъ, какія его привлекли къ слѣдствію, времени, когда взятъ подъ стражу, и его поведеніе».

Оберъ-полиціймейстеръ спрашивалъ, «не благоугодно ли будетъ слѣдственной коммисіи рассмотреть всѣ упоминаемыя имъ слѣдствія въ своемъ присутствіи и опредѣлить участь каждому прикосновенному къ онымъ лицу, не отсылая въ судебныя мѣста, дабы ни одинъ виновный не остался въ той увѣренности, что упорное заперательство всегда можетъ освободить его отъ заслуживающаго наказанія, ибо въ наказѣ коммисіи 1766 года декабря 31 дня въ 222 ст. изображено: самое надежнѣйшее обузданіе отъ преступленій есть не строгость наказанія, но когда люди подлинно знаютъ, что простиупающій законъ непремѣнно будетъ наказанъ».

На докладѣ есть отгѣтка рукою оберъ-полиціймейстера объ утвержденіи этого предположенія 27-го августа.

По окончаніи слѣдствія дѣло о бунтѣ у холернаго лазарета представлено было къ оберъ-полиціймейстеру, а отъ него съ заключеніемъ внесено къ военному генералъ-губернатору. Соглашаясь съ заключеніемъ, онъ, 31 октября, предписалъ первымъ шести изъ взятыхъ полицію, «ни въ чемъ виновными не оказавшихся, нынѣ же освободить, наказавъ двороваго Данилу Силина только за самовольную отлучку отъ помѣщика, при полиціи, розгами; а прочихъ, болѣе или менѣе обнаруживающихся въ нахожденіи въ толгѣ буйствовавшей черни и даже въ самомъ дѣйстви, отослать вмѣстѣ съ дѣломъ въ надлежащее судебное мѣсто, для учиненія о нихъ рассмотрѣнія и рѣшенія по законамъ».

13 ноября дѣло поступило въ надворный судъ, который распорядился оставленныхъ при полиціи семерыхъ обвиняемыхъ перемѣстить въ тюрьму. Въ февралѣ 1832 года состоялся приговоръ с.-петербургской уголовной палаты.

Палата хотя и освободила отъ суда подканцеляриста Тарасова, но признала его подозрительнымъ и отдала отцу, съ тѣмъ, чтобы тотъ

пристроилъ его, куда по способностямъ онъ можетъ быть годенъ, а праздно жить не позволялъ.

Освобождены были также отъ суда, но оставлены заподозрѣнными въ большемъ или маломъ участіи въ общемъ безпорядкѣ дворовые Кирѣевъ, Майковъ, сынъ мастерового Волковъ и Федоръ Крестьянниковъ.

При этомъ палата распорядилась: Майкова, какъ болѣе обличающагося въ томъ, отдать его господину съ тѣмъ, чтобы имѣлъ Майкова подъ строгимъ надзоромъ или выслалъ въ вотчину;—Кирѣева, за произношеніе буйственныхъ словъ, что «разобьетъ будочниковъ, если возьмутъ его», замѣня за сей дерзкій поступокъ въ чувствительное наказаніе претерпѣваемое имъ долговременное тюремное содержаніе, наказать при полиціи розгами 20 ударами и отдать господину его подъ надзоръ, со внушеніемъ впредь на подобныя поступки не отваживаться. Волкова отдать подъ присмотръ ремесленной управы.

Что касается до грузина Хотѣва, то надворный судъ мнѣніемъ, постановленнымъ 31 декабря, полагалъ: за дерзость, заключавшую въ себѣ своевольство, непослушаніе, нарушеніе благочинія и сверхъ того поступокъ, клонящійся къ возмущенію, наказать плетью черезъ полицейскихъ служителей и, какъ человѣка вреднаго, выслать изъ столицы, а потому, вытребовавъ его съ поручительства, отослать для содержанія въ городскую тюрьму. Палата также нашла, что Хотѣевъ сильно обвиняется въ принятіи большого участія въ буйствѣ народной толпы противу холернаго лазарета, но приняла при этомъ въ соображеніе представленное къ дѣлу засвидѣтельствованіе знатныхъ лицъ о тихости его нрава, трезвости и что онъ, по лѣтамъ его, и неспособенъ къ буйственнымъ поступкамъ, что, по усмотрѣнію палаты, Хотѣеву должно полагать около 70 лѣтъ. Палата обратила вниманіе и на то, что хотя Хотѣевъ и написалъ самъ въ концѣ допроса, что имѣетъ 41 годъ, но среди допроса показалъ противное (онъ упоминаетъ только, что находится въ Петербургѣ съ грузинскимъ царевичемъ съ восшествія на престолъ Александра I), «и слѣдовательно очевидно, что онъ не могъ доказать въ ясности свою невинность, на что однако слѣдователь не обратилъ вниманія, подобно и надворный судъ. Почему должно полагать больше при слѣдствіи одно стремленіе, дабы составить поспѣшнѣе изслѣдованіе не ображаясь на участь оговорнаго». Палата пришла къ заключенію, что «ежели Хотѣева, по словамъ свидѣтелей, и почестъ виновнымъ, то, по указу 1798 года ноября 19 дня, изымается отъ тѣлеснаго наказанія, а судя по отличо одобренному его поведенію, сомнительно счесть и виновнымъ въ столь высокой степени буйнаго происшествія. Для того, не отягощая его участи, оставить въ подо-

зрѣніи, а что онъ вмѣшался въ толпу народа, за сіе, замѣни тюремное содержаніе, отдать на поруки подъ надзоръ за поведеніемъ».

Деньшикъ Семіонцевъ переданъ на разсмотрѣніе военнаго начальства, прочіе же подсудимые отъ суда освобождены, но при этомъ Тимофеевъ, за небытіе въ теченіи пяти лѣтъ на исповѣди и у св. причастія, отосланъ въ консисторію, для наказанія церковнымъ покаяніемъ.

Арх. Г. Пупаревъ.

С.-Петербургъ.
2-го декабря 1870 г.

Примѣчаніе. Напечатанные выше рассказы составлены по подлиннымъ дѣламъ и сообщены намъ А. Г. Пупаревымъ въ 1870 г. Они оставались четырнадцать лѣтъ не напечатанными въ виду множества матеріаловъ, въ распоряженіи редакціи „Русской Старини“ находящихся. Съ удовольствіемъ вспоминая о содѣйствіи, оказанномъ намъ А. Г. Пупаревымъ въ 1870—1872 гг. при разборѣ многихъ старинныхъ дѣлъ, и о томъ, что нѣсколько изслѣдованій, имъ составленныхъ, находятся еще у насъ не изданными, — мы отиѣтимъ здѣсь, что А. Г. Пупареву, какъ секретарю Орловскаго статистическаго комитета, принадлежитъ, въ послѣднія десять лѣтъ, множество изслѣдованій объ Орловской старинѣ, статистикѣ, этнографіи, экономическомъ положеніи населенія края, и проч.

Р е д.

РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА ЗА КАВКАЗОМЪ

въ 1853 и 1854 гг.

Изъ записокъ генер. отъ инфант. М. Я. Ольшевскаго.

VI).

Переходъ черезъ Арпачай.

Бояндурское сраженіе, стоявшее намъ, сравнительно съ числительностію участвовавшихъ въ немъ войскъ, большой потери въ людяхъ и разстроившее матеріальную часть артиллеріи, невольно имѣло вліяніе на наши будущія соображенія и наступательныя дѣйствія.

Если бы не было Бояндурскаго сраженія, то съ прибытіемъ, 30-го, октября, Нижегородскаго драгунскаго полка съ донской № 7 батареею а 1 ноября двухъ баталіоновъ Ширванскаго и одного баталіона Бѣлостокскаго полковъ, у насъ было бы болѣе двумя баталіонами противъ тѣхъ силъ, съ которыми мы предприняли наступательное движеніе за Арпачай, позже двѣнадцатю днями, и одержали побѣду подъ Башкадыларомъ.

Тѣ же доводы, которыми старались оправдать князя Орбеліани, были неумѣстны. Такъ, между прочимъ, говорили, что если бы и не было Бояндурскаго сраженія, то все-таки мы прежде 10 ноября не перешли бы Арпачай, потому что ранѣе этого времени не былъ готовъ мостъ на этой рѣкѣ. Такое доказательство совершенно неосновательно, потому что Арпачай не только у Алексадраполя, но и ниже у Бояндурѣ былъ проходимъ въ бродъ, чему служить примѣромъ турецкій корпусъ, дѣйствовавшій на нашей сторонѣ. Вотъ если бы обвинили князя Орбеліани въ томъ, почему онъ держалъ подъ убійственнымъ огнемъ въ продолженіи двухъ часовъ первую линію, а не отвелъ ее назадъ при первыхъ выстрѣлахъ, противъ этого я не возражалъ бы.

1) См. „Русскую Старину“ изд. 1884 г., т. XLIV, октябрь, стр. 171—190.

Впрочемъ, по истинѣ нужно сказать, что и самъ князь Бебутовъ долго не рѣшался дѣйствовать наступательно, а тѣмъ болѣе вступитъ въ рѣшительный бой съ непріятелемъ, силы котораго превышали наши слишкомъ въ пять разъ. Нѣсколько разъ я разсуждалъ объ этомъ съ нѣкоторыми изъ моихъ товарищей и даже разъ высказался самому Василю Осиповичу.

— «Развѣ ты не знаешь, братецъ ¹⁾), что турки въ нѣсколько разъ сильнѣе насъ и притомъ стоятъ несравненно выше въ военномъ образованіи противъ прошлыхъ войнъ»,—отвѣчалъ мнѣ старикъ съ свойственнымъ ему хладнокровіемъ.

— Совершенно согласенъ съ мнѣніемъ вашего сіятельства, отвѣчалъ я почтительно. — Согласитесь, однако, чтобы успокоить нашихъ жителей и прекратить неистовые грабежи курдовъ и баши-бузукровъ не остается другого средства какъ перейти Арпачай и, дѣйствуя наступательно, искать боя съ непріятелемъ, или отгнать его до Карса.

— «И противъ этого не буду спорить съ тобою, мой другъ»,—сказалъ князь Бебутовъ, ласково обнимая меня. «Окончится мостъ на Арпачай и я немедленно двинусь въ турецкіе предѣлы»,—прибавилъ онъ.

Изъ этого разговора видно, что и у князя Бебутова, не смотря на лежащую на немъ большую отвѣтственность, въ случаѣ неудачи, была общая мысль на умѣ, искать боя съ непріятелемъ; но только старикъ колебался перешагнуть Арпачай, который былъ для него Рубикономъ. И, дѣйствительно, Василій Осиповичъ въ этомъ случаѣ долженъ былъ дѣйствовать какъ отчаянный понтеръ, который, однимъ ударомъ желая сорвать банкъ, ставитъ на карту все свое достояніе, или произнести Гамлетовское «быть или не быть», умереть или жить.

Наконецъ, 8-го ноября, не только мостъ на козлахъ, но и тетъ-депонъ, по правую сторону Арпачая, были совершенно окончены; между тѣмъ приказанія о выступленіи не отдавалось, и только 14 числа мы двинулись черезъ Тахнисъ на Пирвали. Отрядъ былъ невеликъ. Онъ состоялъ изъ десяти баталіоновъ, Нижегородскаго драгунскаго полка, 15 сотенъ казаковъ и милиціи при 32 орудіяхъ; но каждый солдатъ былъ воодушевленъ и горѣлъ нетерпѣніемъ сразиться съ непріятелемъ.

День былъ пасмурный и довольно холодный, то пойдетъ дождь, то перепорхнетъ снѣгъ; однако дорога была не грязная. Къ вечеру при-

¹⁾ Князь Бебутовъ въ разговорахъ съ большинствомъ изъ своихъ близкихъ и штабныхъ подчиненныхъ былъ „на ты“, прибавляя зачастую слова: „братецъ, любезный, дорогой“. Меня же, какъ воспитывавшагося въ 1 кадетскомъ корпусѣ, называлъ иной разъ и „одновашникомъ“. М. О.

шли въ Пирвали, отстоящему отъ Александрополя въ шестнадцать верстахъ, и расположились по Карсъ-чау бивуакомъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, потому что выступили безъ повозокъ, и съ самымъ ограниченнымъ числомъ вьючнаго обоза. Палатки ни одной, а все расположилось подъ открытымъ небомъ, и только князь Бебутовъ со штабомъ приютился въ нѣсколькихъ сакляхъ небольшого армянскаго селенія Пирвали. Даже костровъ нельзя было развести, потому что не только окрестности бивуака, но и все пространство между Александрополемъ и Карсомъ совершенно безлѣсно. Какъ было бы пріятно погрѣться, а въ особенности обсушиться возлѣ костровъ, потому что было не столько холодно, сколько сыро; притомъ дулъ пронзительный вѣтеръ и крутиль хлопья снѣга.

О неприятелѣ не было ни слуху, ни духу. Лазутчики говорили, что Абди-паша, отведя войска въ Карсъ, самъ поѣхалъ въ Эрзерумъ доложить муширу объ одержанной имъ побѣдѣ подъ Бояндуромъ, предоставивъ въ свое отсутствіе дѣйствовать Рейсъ-Ахмету-пашѣ, своему начальнику штаба, по его усмотрѣнію.

На другой день свѣдѣнія эти подтвердились посланными княземъ Бебутовымъ надежными лазутчиками. Между тѣмъ шедшій ночью снѣгъ разгразнилъ дорогу. А потому, вмѣсто наступательнаго движенія впередъ за Карсъ-чай, было совершено фланговое движеніе влѣво на Вашъ-Шурагель, гдѣ отрядъ, по доставленіи изъ Александрополя обоза, расположился лагеремъ.

Пятидневная стоянка при этомъ, оставленномъ жителями, турецкомъ селеніи ничѣмъ не ознаменовалась, кромѣ перестрѣлокъ и отчаянной джигитовки курдовъ и башки-бузуковъ, въ то время, когда наши колонны ходили раззорять окрестныя селенія, чтобы добыть изъ домовъ дровъ для варенія пиши и костровъ.

Между тѣмъ, на третій день нашей стоянки подъ Вашъ-Шурагелемъ, лазутчики дали знать, что Рейсъ-Ахметъ-паша, узнавъ о нашемъ переходѣ черезъ Арпачай, воспыпалъ гнѣвомъ за такую нашу дерзость и немедленно выступилъ со всею корпусомъ изъ Карса. Однако, по мѣрѣ сближенія съ нами, гнѣвъ Рейсъ-паши стихалъ, потому что онъ, 17 ноября, вновь расположившись лагеремъ между Суботаномъ и Огузлы, далѣе не двигался. Можетъ быть его озадачила побѣда, одержанная ахалцхскимъ отрядомъ подъ Суплисомъ, надъ его собратомъ Али-пашою. Но если побѣда подъ Суплисомъ дѣйствительно смутила Рейсъ-пашу, то она возбудила энергію и у князя Бебутова, потому что Василій Осиповичъ, послѣ полученія извѣстія объ этой побѣдѣ, рѣшился во чтобы ни стало сразиться съ своимъ противникомъ.

VII.

Вашмадыларское сраженіе 19 ноября 1853 г.

18 ноября, въ десять часовъ свѣтлаго морознаго вечера, отдано было приказаніе объ отправленіи со всѣми тяжестями колеснаго обоза въ Александрополь и о выстушеніи отряда съ разсвѣтомъ по дорогѣ на Пирвали.

Лагерь оживился, все заговорило о предстоящемъ сраженіи. Начали сниматься палатки и вмѣстѣ съ другими тяжестями укладываться на повозки. Деньщики и вообще офицерская прислуга суетились надъ вьючными чемоданами. Пѣхотинцы укладывали свои немногія вещи и четырехдневное сухарное довольствіе въ ранцы, пробовали остры ли штывки, исправны ли ружья и патроны. Кавалеристы, кромѣ заботы о своихъ вещахъ, приготавливали саквы съ овсомъ, осматривали сѣдла и своего ратнаго товарища. Артиллеристы, кромѣ заботы о лошадяхъ, осматривали свои орудія, зарядные ящики и конскую сбрую. Даже беззаботные милиціонеры не оставались въ бездѣйствіи, и вмѣстѣ съ прочими суетились и хлопотали возлѣ своихъ лошадей и переметныхъ сумъ. И все это совершалось при свѣтѣ пылающихъ костровъ, которые были разложены чаще и огромнѣе противъ другихъ ночей, что очень естественно, потому что истреблялся весь запасъ дровъ и разный хламъ.

О снѣ и успокоеніи, начиная съ князя Бебутова и до послѣдняго солдата, никто не думалъ, хотя, если строго разсуждать, онъ былъ очень полезенъ. Но можно ли думать о снѣ въ такія минуты, когда приготавлиешься къ бою, и когда одного беспокоятъ заботы и распоряженія, другого занимаютъ слава и подвиги, третьяго тревожатъ разнаго рода предчувствія.

За два часа до разсвѣта отдано было приказаніе сѣдлатъ лошадей, запрягать артилерію и обозъ. Спустя же часъ, отрядъ началъ сниматься съ лагернаго расположенія подъ Башъ-Шурагелемъ и на разсвѣтѣ, предвѣщающемъ хорошій осенній день, двѣ движущіяся черныя полосы обозначали направленіе нашихъ войскъ.

10 баталіоновъ, Нижегородскій драгунскій полкъ въ полномъ составѣ, 15 сотенъ казаковъ при 32-хъ орудіяхъ двигались по дорогѣ на Пирвали ¹⁾. Весь же обозъ этихъ войскъ, подъ прикрытіемъ трехъ

¹⁾ Поименуемъ части съ означеніемъ числительнаго состава каждой:
а) Пѣхота. 1-й и 4-й баталіоны Грузинскаго гренадерскаго великаго князя Константина Николаевича полка подъ начальствомъ генералъ-маіора князя Орбелиани—1320 штывковъ; 1-го, 2-го, 3-го и двѣ роты 4-го баталіона Эриван-

сотень донскаго № 20-й и баталіона Бѣлостокскаго полка, прибывшаго изъ Александрополя, по переправѣ черезъ Арпачай у Бояндур, слѣдовали въ этотъ городъ.

Около десяти часовъ началась переправа отряда у селенія Пирвали черезъ Карсъ-чай. Не успѣли еще наши линейные казаки, подъ начальствомъ полковника Камкова, поддержанные Кавказскимъ стрѣлковымъ баталіономъ, подняться по крутому подъему на правый берегъ этой рѣки, какъ огромныя массы курдовъ и баши-бузукъ появились съ лѣвой стороны. Но во все время движенія нашего отряда, продолжавшагося около часа, они оставались въ бездѣйствіи. Не могу сказать, были-ли они озадачены мѣткими выстрѣлами нашихъ стрѣлковъ, отъ которыхъ нѣсколько всадниковъ попадало съ лошадей, или это произошло отъ другихъ неизвѣстныхъ мнѣ причинъ.

Не думаю, чтобы наше появленіе было неожиданное для Рейсъ-паши, однако въ то время, когда наши войска начали выстраиваться противъ Огулы, на непріятельской позиціи, занятой на возвышеніяхъ позади этого селенія и рѣчки Маврякъ, здѣсь протекающей, происходила суета и передвиженіе частей ¹⁾.

Нельзя сказать, чтобы при этомъ и со стороны князя Бебутова не выразилась свойственная ему нерѣшительность. вмѣсто того, чтобы безъ промедленія и въ томъ боевомъ порядкѣ, въ которомъ войска были построены, атаковать непріятели съ одного изъ фланговъ и преимущественно съ лѣваго, гдѣ мѣстность была болѣе доступная, — начались совѣщанія и перестроенія. вмѣсто того, чтобы по малочисленности нашего отряда, состоящаго съ небольшимъ изъ 9000 штыковъ

скаго карабинернаго Наслѣдника Цесаревича полка—полковникъ Моллеръ—2310 штыковъ; 1-й и 2-й баталіоны Ширванскаго полка — полковникъ Алтуховъ — 1430 штыковъ; 1-й баталіонъ Куринскаго князя Воронцова полка — подполковникъ Оклюбжіо — 650 человекъ; Кавказскій стрѣлковый баталіонъ — полковникъ Лузановъ — 750 штуцеровъ; двѣ роты Кавказскаго сапернаго баталіона — полковникъ Ковалевскій — 250 человекъ. б) Кавалерія. Нижегородскій драгунскій полкъ — генералъ-маіоръ князь Чавчавадзе — 1100 сабель; 9 сотень Кавказскаго линейнаго казачьяго войска — полковникъ Камковъ — 1100 шашекъ; Донской № 4-й полкъ — полковникъ Ылинниъ — 600 шашекъ. в) Артилерія. Кавказской гренадерской бригады батарейная № 1-й батарея — полковникъ Лагода — и легкая № 1-й — полковникъ Десаже; 21-й артилерійской бригады батарейная № 5-й — полковникъ Москолевъ; Донская № 7-й батарея — полковникъ Долотинъ. Всего 10 баталіоновъ — до 6500 штыковъ; 10 эскадроновъ и 15 сотень — до 3000 сабель и шашекъ и 32 пѣшихъ и конныхъ орудій.

¹⁾ Вѣрный и подробный планъ Башкадыларскаго сраженія читатель найдетъ въ сочиненіи „Восточная война 1853—1856 годовъ“ генерала М. И. Богдановича.

и сабель, при 32-хъ орудіяхъ, держаться въ совокупности, мы, во избѣжаніе обхода, рѣшались версты на двѣ.

Думать о сохраненіи нашего сообщенія на Пирвали было уже поздно, потому что тѣ-же огромныя массы курдовъ и баши-бузукъ, которыя при движеніи отъ Карсъ-чая находились съ лѣвой стороны, теперь очутились у насъ въ тылу, такъ что въ случаѣ нашего пораженія, если бы мы не успѣли пробиться на Мусса-Мулла, то ни одинъ изъ насъ не избѣгнулъ бы смерти или плѣна. Недаромъ же Рейсъ-паша, увидя нашу малочисленность и то, что мы окружены со всѣхъ сторонъ, воскликнулъ съ надменностію окружавшимъ его:

— «Побольше веревокъ и аркановъ; сначала перепившихся и сумасшедшихъ гяуровъ перевяжемъ, а потомъ плѣнными поведемъ въ Карсъ»¹⁾).

Но судьбы Господа неисповѣдны. Храбрость и мужество наши восторжествовали. Надменные и превышавшіе насъ въ четыре раза турки были разбиты на голову и бѣжали безъ оглядки до самаго Карса.

Опишу въ общихъ чертахъ славное Башкадыкларское сраженіе. Первая линія боевого порядка, въ которомъ мы слѣдовали отъ Карсъ-чая, состоявшая изъ двухъ баталіоновъ Ширванскаго и одного Куринскаго полковъ, гренадерскаго стрѣлковаго баталіона и двухъ ротъ саперъ, была выдвинута подъ начальствомъ генераль-майора Кишинскаго противъ центра неприятельской позиціи. Находившіяся при этихъ войскахъ батарейныя батареи, № 2-я гренадерской и № 5-я—21-я артиллерійскихъ бригадъ, руководимыя начальникомъ артилеріи, генераль-майоромъ Бримеромъ, немедленно открыли пальбу изъ орудій противъ неприятельскихъ батарей, уже стрѣлявшихъ по нашимъ войскамъ, и нашими первыми выстрѣлами были взорваны два турецкихъ зарядныхъ ящика.

Два дивизиона Нижегородскихъ драгунъ и шесть сотенъ линейныхъ казаковъ при дивизионѣ донской № 7-й батареи, подъ начальствомъ генерала Багговута, были двинуты влѣво на высоты для удержанія курдовъ и баши-бузукъ. Князь Чавчавадзе съ остальными тремя дивизионами Нижегородскихъ драгунъ, тремя сотнями линейныхъ казаковъ и съ другимъ дивизиономъ донской № 7-й батареи съ тою же цѣлю былъ направленъ вправо.

Вторая линія нашего боевого порядка, состоявшая изъ двухъ баталіоновъ Эриванскаго и двухъ баталіоновъ Грузинскаго полковъ, начала сдвигаться къ колоннѣ генерала Багговута. Эти четыре баталіона гренадеръ, ввѣренные начальству ихъ бригаднаго командира князя Багра-

¹⁾ Со словъ плѣнныхъ и лазутчиковъ.

тиона-Мухранскаго, съ помощію кавалеріи генерала Багговута, предназначались произвести рѣшительную атаку противъ праваго непріятельскаго фланга.

Наконецъ шесть ротъ эриванцевъ, донской № 4-й полкъ съ легкой. № 1-й батареей гренадерской бригады, составляя резервъ, должны были оберегать нашъ тылъ отъ огромныхъ массъ курдовъ и баши-бузукровъ. И если, въ продолженіе трехчасоваго боя, курды и баши-бузукри не осмѣлились сдѣлать не только наступленія, а держались въ отдаленіи, то именно потому, что орудія, святаыя съ передковъ, были направлены противъ нихъ, а казаки готовы были понестись на нихъ въ атаку.

Таково было первоначальное распредѣленіе войскъ, не соответствующее ни нашимъ силамъ, ни тому положенію, въ которое мы были поставлены при самомъ началѣ.

Пока располагались наши войска на указанныхъ имъ мѣстахъ и сдвигались четыре баталіона гренадеръ для произведенія атаки на нашемъ лѣвомъ флангѣ, непріятель открылъ сильную канонаду изъ своихъ тридцати орудій. Его батареи, занимая возвышенный берегъ рѣчки Маврякъ, обстрѣливали сильнымъ огнемъ все пространство, на которомъ дѣйствовали наши войска. Его ядра и гранаты долетали до нашего резерва, падали и разрывались между парковыми ящиками и транспортными повозками, взятыми съ перевязочными припасами, и другими крайне необходимыми предметами. Даже перевязочный пунктъ не былъ укрытъ отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, доказательствомъ чему служить то, что были ранены лекарь Борковский и одинъ фельдшеръ, а подносимый къ перевязочному пункту раненый командиръ 2-го Ширванскаго баталіона майоръ Дьяконовъ былъ добитъ осколкомъ гранаты.

Ранѣе и долѣе прочихъ подвергался непріятельскимъ выстрѣламъ нашъ центръ, войска котораго, стоя неподвижно, около часа находилась подъ огнемъ 20 орудій. Между куряцами, пострадавшими отъ артиллерійскаго огня подъ Бояндуромъ, слышался ропотъ:

«Зачѣмъ насъ держуть подъ ядрами, какъ подъ Бояндуромъ, и не ведутъ въ штыки. Вѣдь намъ не впервые бить татарина», говорили они, не зная того, что генералу Кишинскому ранѣе гренадеръ не приказано было наступать.

Впрочемъ въ такомъ же затруднительномъ и опасномъ положеніи находился и князь Чавчавадзе. Кромѣ большихъ массъ баши-бузукровъ, угрожавшихъ драгунамъ и казакамъ съ фланга и тыла, четыре баталіона съ шестью орудіями сильно напирала и вредила имъ огнемъ съ фронта. Не смотря на смѣлое и отличное дѣйствіе полковника Доло-

тина съ дивизиономъ ввѣренной ему батареей, и на отчаянно храбрыя атаки нижегородскихъ драгунъ, непріятель сильно тѣснилъ нашъ правый флангъ. Много храбрыхъ пало смертію или вышло изъ фронта, какъ тяжело раненые.

Наконецъ, гренадеры пошли въ атаку по крутой возвышенности, а генералъ Багговуть съ кавалеріей понесся во флангъ и тылъ непріятеля. Предводительствуемые генералами Бримеромъ и Кишинскимъ, двинулись впередъ и войска, составляющія центръ. Артиллерійскій огонь слился съ сильнымъ ружейнымъ.

Трудна была атака эриванцевъ и грузинцевъ, построенныхъ въ двѣ полковыя колонны. Имъ нужно было подняться въ гору и совершить это не только подъ картечью изъ восьми орудій, но и сильнымъ штуцернымъ огнемъ трехъ баталіоновъ. У эриванцевъ уже вышли изъ строя оба баталіонные командиры: маіоръ Турчановскій былъ убитъ, а баронъ Врангель сильно раненъ; не досчитывалось уже нѣсколькихъ ротныхъ командировъ; десятками падали нижніе чины; но они, дойдя до гребня высоты, съ крикомъ ура бросились на врага и штыками обратили его въ бѣгство, овладѣвъ четырьмя орудіями.

Съ такимъ-же мужествомъ и храбростію лѣвѣе ихъ поднимались грузинцы; но, разстроенные сильнымъ огнемъ двухъ штуцерныхъ баталіоновъ и поколебленные смертельною ранюю своего полкового командира, князя Орбелани, въ ихъ рядахъ произошло замѣшательство, и они начали отступать. Однако, воодушевленные княземъ Бебутовымъ и во-время подкрѣпленные двумя ротами съ двумя орудіями, взятыми изъ резерва, грузинцы скоро оправились и отместили за смерть своего полкового командира и другихъ своихъ начальниковъ. Преслѣдовавшіе ихъ два непріятельскіе баталіона, попавшіе между двухъ огней, были уничтожены и трупами своими завалили глубокій оврагъ, находящійся между высотами, откуда началась атака и гдѣ теперь стояли побѣдителями эриванцы.

Одновременно съ тѣмъ, какъ гренадеры атаковали съ фронта правый флангъ непріятеля, генералъ Багговуть съ драгунами, казаками и четырьмя орудіями, пронесшись вихремъ между изумленными курдами и башь-бузуками, бросился въ шашки съ фланга. Отбросивъ однимъ ударомъ сувары или регулярную турецкую кавалерію, онъ налетѣлъ на пѣхоту, и тогда какъ драгуны и казаки крошили ее саблями и шашками, есаулъ Кульгачовъ, начальникъ дивизиона донской № 7 батареей, съ самаго ближайшаго разстоянія громилъ ряды низама ¹⁾ картечью. Много и здѣсь оказано было храбрости, мужества и самоотверженія. Много и здѣсь не досчитывалось въ рядахъ павшихъ смертію, или

¹⁾ Турецкая регулярная пѣхота.

выбывшихъ изъ строя ранеными. И турецкая пѣхота, пошатнувшаяся съ фронта отъ дружнаго удара гренадеръ въ штыки, а также приведенная въ ужасъ молодецкой кавалерійской атакой и поражаемая картечью съ фланга и тыла, дрогнула и побѣжала, оставивъ въ нашихъ рукахъ свои орудія, облитыя кровью артиллеристовъ.

Но въ то время, когда полная побѣда была на нашемъ лѣвомъ флангѣ, въ центрѣ у генерала Кишинскаго и на правомъ флангѣ у князя Чавчавадзе шла страшная упорная рѣзня. Ширванцы, куринцы, стрѣлки и саперы или штурмовали савли селенія Огузлы, или дрались съ непріятелемъ, засѣвшимъ за каменьями, расположенными террасами за этимъ селеніемъ.

Истомленные драгуны и линейные казаки князя Чавчавадзе, не смотря на отчаянныя атаки, которыми они удерживали насѣдающаго на нихъ въ десять разъ сильнѣйшаго непріятеля, были отгѣснены за Огузлы, такъ что они съ пѣхотой, дѣйствующей въ центрѣ, составляли острый внутренній уголъ, или, чтобы яснѣе выразиться, нашъ правый флангъ былъ обращенъ къ нашему центру спиною, находясь одинъ отъ другого почти на версту.

Однако побѣдные клики и громогласное неумолкаемое ура на Башкадыкларской возвышенности мгновенно измѣнили ходъ дѣла внизу у Огузлы. Турки, видимо осиливавшіе здѣсь насъ, начали быстро отступать по слѣдамъ разбитыхъ и бѣгущихъ своихъ товарищей праваго фланга. Въ преслѣдованіе отступающаго непріятеля былъ посланъ донской № 4 полкъ, находившійся до того въ аррьергардѣ.

Преслѣдованіе продолжалось только до непріятельскаго лагеря, находившагося въ верстахъ двухъ отъ поля битвы и брошеннаго турками со всѣмъ багажемъ; далѣе же не могло продолжаться, потому что войска были сильно истомлены и понесли огромныя потери. При томъ и солнце было на закатѣ. Да и зачѣмъ намъ было заботиться о преслѣдованіи турокъ, когда курды помогали намъ въ этомъ, если не убивая, то обирая ихъ на славу. Въ особенности они поживились хорошо въ обозѣ нашей и даже самого Рейсъ-паши, какъ бы въ отместку за то, что они прежде другихъ, оставивъ поле битвы, уходили безъ оглядки въ Карсъ.

Побѣда была полная, блистательная. 26 пушекъ, единороговъ и гаубицъ разныхъ калибровъ съ 68 упряжными лошадьми, десять зарядныхъ ящиковъ, частью поврежденныхъ нашими выстрѣлами, одно полковое знамя, десять значковъ и множество разнаго оружія, оставленные непріятелемъ на полѣ сраженія, были трофеями этого славнаго для насъ дня.

Плѣнныхъ было только: 1 штабъ-офицеръ и 1 оберъ-офицеръ, оба раненые и 10 нижнихъ чиновъ. Да и не могло быть иначе, потому

что турки держались на позиціи съ упорствомъ; когда же послѣ штыкового дѣла пѣхоты и сабельныхъ ударовъ кавалеріи дрогнули и побѣжали, то первоначальное исчезновеніе ихъ было очень быстрое. Преслѣдовать-же на дальнемъ разстояніи, какъ я уже сказалъ, мы не имѣли средствъ и возможности.

Сверхъ того намъ достались два лагеря, расположенные не въ дальнемъ разстояніи одинъ отъ другого, и состояще по меньшей мѣрѣ изъ 500 конусообразныхъ новыхъ палатокъ зеленыхъ и бѣлыхъ. Но были палатки разноцвѣтныя, большихъ размѣровъ и весьма красивыя, по своему устройству, принадлежавшія, безъ сомнѣнія, пашамъ и полковнымъ командирамъ. Въ палаткахъ были оставлены ранцы, плащи, сухари, котелки и другая посуда. Лагерь со всеми находящимися въ немъ вещами большею частью достался жителямъ окрестныхъ деревень и курдамъ, потому что доходившая до лагеря кавалерія могла взять съ собою незначительное число палатокъ.

Башкадыкларское сраженіе хотя стоило намъ большихъ потерь, но, судя по упорности боя, продолжавшагося болѣе трехъ часовъ, и силѣ непріятельскаго огня, эти потери не были столь огромны, какъ можно было предполагать. Убиты майоры Турчановскій и Дьяконовъ, 9 офицеровъ и 308 нижнихъ чиновъ. Ранены, большею частію тяжело (изъ которыхъ нѣкоторые померли), 8 штабъ-офицеровъ ¹⁾, 24 оберъ-офицера и 762 нижнихъ чина. Сверхъ того оказалось контуженныхъ, преимущественно артиллерійскими снарядами, 180 человекъ.

Собрать съ поля сраженія убитыхъ для преданія ихъ съ подобающею почестью землѣ, приютить и успокоить раненыхъ, хотя было первой заботой каждаго, но это не такъ легко было сдѣлать. Убитые свезены и снесены къ Огузлинскому храму Божію, жители котораго были, какъ и другихъ окрестныхъ селеній, армяне-григоріанцы, и уложены въ десятки рядовъ, съ тѣмъ, чтобы на другой день, послѣ общей панхиды, предать ихъ погребенію. Что же касается раненыхъ, то успокоеніе ихъ было не такъ легко. Хотя для размѣщенія ихъ были избраны лучшіе дома жителей, но удобнаго помѣщенія оказалось недостаточна.

Изъ тяжело раненыхъ болѣе, чѣмъ 40 человекамъ нужно было сдѣлать немедленныя ампутаціи; а это, при всемъ искусствѣ и усердіи медиковъ, не могло быть исполнено надлежащимъ образомъ, по неимѣнію даже самыхъ необходимыхъ для этого средствъ. А потому рѣ-

¹⁾ Грузинскаго гренадерскаго: майоры—князь Шаликовъ, князь Орбелиани и Чупятовъ; Эриванскаго карабинернаго: майоры—баронъ Врангель и князь Шаликовъ; командиръ стрѣльцоваго баталіона подполковникъ Лузановъ; командиръ сапернаго баталіона полковникъ Ковалевскій; командиръ 21 артиллерійской бригады полковникъ Журавскій.

шено было тяжело раненыхъ отправить въ Александрополь съ двумя батальонами завтра утромъ, неся ихъ преимущественно на носилкахъ. Для перевозки же всѣхъ прочихъ раненыхъ, а равно отбитыхъ орудій, зарядныхъ ящиковъ, оружія и другихъ трофеевъ, немедленно потребованы изъ Александрополя перевозочныя средства.

По расположеніи побѣдителей частію подъ открытымъ морознымъ небомъ, а частію въ палаткахъ, взятыхъ изъ непріятельскаго лагеря, начались ликованія и рассказы о совершенныхъ подвигахъ вокругъ слабо горящихъ костровъ, которые дѣйствительно были рѣдки и малы по недостатку дровъ.

Не смотря на то, что прошлая ночь была проведена безъ сна, что весь день прошолъ въ сильномъ напряженіи физическихъ и нравственныхъ силъ, громкіе крики и возгласы пирующихъ не унимались далеко за полночь. За то мертвая тишина царяла въ отрядѣ на разсвѣтѣ; только часовые, медики и ухаживающіе за ранеными бодрствовали, да раздавались стоны раненыхъ.

Участники славнаго Башкадыкларскаго сраженія были щедро награждены своимъ великимъ императоромъ. Князь Бебутовъ получилъ орденъ св. Георгія 2-й степени. Произведенный въ генераль-лейтенанты, Багвутъ, а также генераль-маіоры князя Ваграціонъ-Мухранскій и Чавчавадзе были награждены тѣмъ-же орденомъ 3-й степени. Св. Георгія 4-й степени удостоились: полковники Москолевъ и Камковъ, подполковники Нижегородскаго драгунскаго полка Петровъ ¹⁾ и Борковский, маіоры князь Орбеліани, баронъ Врангель и князь Шаликовъ, съ производствомъ притомъ въ слѣдующіе чины, и капитанъ князь Чавчавадзе. Нижнимъ чинамъ пожаловано по десяти знаковъ военнаго ордена на роту и батарею и по пяти знаковъ на эскадронъ и сотню. Независимо этого, кромѣ другихъ наградъ, офицерамъ назначено не въ зачетъ полугодовое жалованье, а каждый нижній чинъ получилъ по два рубля серебромъ.

VIII.

Возвращеніе въ Александрополь и зимнее пребываніе въ этомъ городѣ.

Простоявъ еще однѣ сутки бивуакомъ подъ Огузы, совершивъ кавалерійское движеніе по направленію къ Карсу, и покончивъ погребеніе, при помощи жителей, убитыхъ турокъ, отрядъ двинулся въ Александрополь.

Былъ мрачный осенній день, но городъ казался праздничнымъ. Все населеніе, отъ старца до ребенка, могущаго передвигать ноги, вышло

¹⁾ Нынѣ генераль-лейтенантъ и командиръ армейскаго корпуса. М. О.

привѣтствовать побѣдителей съ хоругвями и образами, и расположилось по возвышенностямъ и холмамъ передъ Арпчаемъ. Пушечная пальба съ крѣпости, а вслѣдъ затѣмъ колокольный звонъ возвѣстили приближеніе отряда, и толпы съ образами и хоругвями двинулись впередъ и встрѣтили князя Бебутова по переѣздѣ черезъ мостъ. Одни, падая на колѣни, возсылали теплыя молитвы къ Творцу Небесному, другіе, принадая къ стремени и коню, на которомъ ѣхалъ князь, лобызали его руки и ноги.

Изъ этого оказывается какимъ высокимъ, безпредѣльнымъ чувствомъ благодарности проникнуты были жители Александраполя и окрестныхъ деревень къ побѣдителю Башкадыклара, и какъ высоко они ставили и цѣнили эту побѣду. И дѣйствительно она была въ особенности велика и важна для поселянъ, потому что однимъ этимъ ударомъ успокоивался пограничный край. Послѣ Башкадыкларскаго сраженія уже ни одинъ курдъ, а тѣмъ болѣе баши-бузукъ, не являлся въ нашихъ предѣлахъ для грабежа, въ продолженіе всей зимы.

Войска, расположенныя по армянскимъ селеніямъ, хотя ни разу не были тревожимы, но нельзя сказать, чтобы они довольствовались удобствами зимняго квартированія. Чтобы выразилось это удобопонятіе и рельефнѣе, нужно обратить вниманіе на образъ жизни и постройку жилищъ, какъ жителями Кавказа, такъ и живущими въ азіатской Турціи. Обитатель Кавказа, кто бы онъ ни былъ, грузинъ, армянинъ, мусульманинъ сунитскаго или шіитскаго толка, мало заботится объ удобномъ и тепломъ для себя помѣщеніи. Приписать же это нужно къ беззаботности, а отчасти привычкѣ жить на открытомъ воздухѣ.

До появленія русскихъ на Кавказѣ не имѣлось понятія о печаль. Каминныя же ихъ, какъ устраиваемыя безъ заслонокъ и вьюшекъ, согрѣваютъ внутренность жилища только тогда, когда въ нихъ есть огонь. Такой способъ устройства жилищъ еще пригоденъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ зима непродолжительна и не бываетъ большихъ морозовъ. Но жить въ такого рода постройкахъ на возвышенныхъ мѣстахъ, какъ наиримѣръ Ахалцыхскій и Александропольскій уѣзды, или Карскій пашалыкъ, гдѣ зима продолжается 4—5 мѣсяцевъ и морозы достигаютъ до 20 градусовъ, вовсе неудобно. Это тѣмъ болѣе не по праву русскому человѣку, привыкшему погрѣться на печи и расправить на ней своя кости и члены.

По такой важной причинѣ зимнее расположеніе въ армянскихъ селеніяхъ больно не нравилось нашему солдату—и онъ сильно грустилъ о своей родной избѣ и вспоминалъ о Духоборьи и мологанскихъ селеніяхъ, если привелось ему стоять въ нихъ зимою.

Нашъ солдатъ о жилищѣ армянина отзовется съ презрѣніемъ и назоветъ его не иначе, какъ «буйволятней». И онъ правъ, давши такое

название, потому что подъ одной крышей съ жильемъ человѣка помѣщаются буйволы, лошади и разныя другія животныя; а это дѣлается не только въ армянскихъ, но и въ мусульманскихъ селеніяхъ, какъ нашихъ, такъ и турецкихъ.

Въ Карсѣ очень много такихъ домовъ, гдѣ внизу помѣщаются лошади, буйволы и другія животныя, а надъ ними живетъ съ своимъ гаремомъ зажиточный турокъ, а пожалуй и паша. Испаренія, исходящія изъ навоза и кала животныхъ, а равно ихъ дыханіе, согрѣвая жилье, заражаютъ его неприятнымъ вонючимъ запахомъ. Но пограничные наши армяне и мусульмане, а равно турки, по неимѣнію дровъ, и вообще по недостатку топлива, согрѣваясь теплотою животныхъ, ни мало не гнушаются такимъ спертымъ воздухомъ, а напротивъ находятъ его весьма здоровымъ.

Но если войска наши, квартировавшія по армянскимъ селеніямъ, подвергались неудобствамъ, то нельзя было этого сказать о баталіонахъ, расположенныхъ въ Александрополѣ. Не смотря на огромность карауловъ и большія работы по заготовленію сухарей для будущаго довольствія, болѣзненность между людьми была умѣренная, потому что обращалось полное вниманіе на хорошее ихъ размѣщеніе и содержаніе.

Жилось удобно и притомъ весело и штабу Александропольскаго отряда. Даже и на мою долю, не смотря на огромность занятій, перепали удовольствія и развлеченія. Правда, послѣ Башкадыкларскаго сраженія, моя дѣятельность приняла болѣе правильное направленіе, потому что были уже и начальникъ штаба, и оберъ-квартирмейстеръ, и старшіе адъютанты, и казначей.

Коснусь нѣкоторыхъ подробностей зимней александропольской жизни. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ были въ крѣпости собранія въ комендантскомъ домѣ, который былъ свободенъ, по случаю отъѣзда генерала Шульца въ отпускъ. Помѣщеніе было большое и удобное, два хора музыки, кавалеровъ бездна и въ дамахъ не было недостатка; притомъ между ними были и хорошенькія. Если не было мятели и вьюги, что, какъ я уже упомянулъ, случалось въ Александрополѣ довольно часто, собранія были полны и шумны. Князь Бебутовъ тоже не упускалъ случая бывать въ собраніи, и тѣмъ въ общемъ мнѣніи придавалось ему еще болѣе значенія. Говоря вообще о Василии Осиповичѣ, нужно сказать, что онъ любилъ общественную жизнь и не отказывался отъ такихъ удовольствій и приглашеній, на которыхъ въ кругу своихъ подчиненныхъ могъ провести вечеръ и сыграть нѣсколько роверовъ въ вистъ или ералашъ. Онъ также любилъ и полюбезничать съ дамами.

У князя Бебутова ежедневно къ двумъ часамъ собирався къ обѣду весь штабъ и приглашенныя имъ лица, такъ что за столъ менѣе 20-ти человѣкъ не садилось. Обѣдъ былъ вкусный и менѣе четырехъ блюдъ

не подавалось; вино было исключительно кахетинское и всегда хорошее. Разговоръ былъ самый оживленный, потому что не только самъ князь любилъ поразсказать, но и слушать веселые и смѣшныя анекдоты и проишествія. Часто раздавался самый задушевный и громкій хохотъ всѣхъ обѣдающихъ. Никто не стѣснялся присутствіемъ добраго, привѣтливаго начальника и гостепріимнаго хозяина; но никто не дозволялъ себѣ сказать что-нибудь лишнее и неумѣстное.

Такъ жилось въ Александрополѣ въ продолженіе всей зимы и весны и спокойствіе царилъ въ немъ и его окрестностяхъ. Къ чести войскъ нужно сказать, что ни одно скандальное обстоятельство не помрачало ихъ и не встревожило начальства.

Такимъ же мирнымъ путемъ шли дѣла и за Арпачаемъ. Неприятеля какъ будто бы не существовало. Только черезъ лазутчиковъ получались свѣдѣнія, что въ Карсѣ сосредоточиваются войска, дѣлаются огромныя заготовленія продовольственныхъ и военныхъ запасовъ, и самая крѣпость приводится въ сильное оборонительное состояніе. И судя по разсказамъ лазутчиковъ, въ Карсѣ находилось до 30,000 съ 60-ю орудіями, сдвинутыхъ послѣ сраженія подъ Башкадыкларомъ изъ-за Сганлуга и съ другихъ мѣстъ. Извѣстно также было, что въ эту крѣпость съ венгерскимъ ренегатомъ Хуриядъ-пашею прибыло много иностранныхъ офицеровъ и разныхъ другихъ авантюристовъ и искателей приключеній.

Въ Ахалцихскомъ уѣздѣ тоже было совершенно покойно. Только на оконечностяхъ нашей границы, а именно въ Сурмалинскомъ участкѣ—курды, а въ Гуріи—аджарцы и кобулетцы производили по временамъ тревоги. Въ особенности же частыя тревоги съ упорными перестрѣлками совершались въ Гуріи у Чахатскаго моста.

IX.

Соосредоточеніе Александропольскаго отряда на Арпачай.

Между тѣмъ приближалась весна. Толстымъ слоемъ лежавшій снѣгъ началъ быстро таять. Ничтожныя ручейки, текущіе въ частыхъ и глубокихъ оврагахъ, вздулись и затрудняли сообщеніе. Вода въ Арпачай тоже поднялась и мостъ нѣсколько разъ портило и угрожало совершеннымъ снесеніемъ.

По причинѣ дурной стоянки по армянскимъ селеніямъ усилась болѣзненность въ войскахъ, такъ что госпиталь въ крѣпости перенесенъ, и нужно было больныхъ располагать въ городѣ. Однако же это было предусмотрѣнно и своимъ чередомъ миновалось безъ всякихъ послѣдствій.

Наконецъ начали подходить полки 18-й пѣхотной дивизіи, начальникомъ которой былъ генераль-лейтенантъ Вѣляевскій, и сводно драгунская бригада подъ начальствомъ красиваго, рыцарски храбраго и высокой чести генераль-маіора графа Нирода. Начались торжественныя встрѣчи желанныхъ гостей. Князь Вебутовъ встрѣчалъ всѣ эти части за нѣсколько верстъ до Александрополя съ лаской и привѣтомъ, на что онъ былъ такой мастеръ. Намъ радовалъ стройный молодецкій ихъ видъ и малость больныхъ, не смотря на огромный и трудный походъ, совершенный ими въ продолженіе зимы. Тверской и Новороссійскій драгунскіе полки удивляли насъ притомъ сохраненіемъ своихъ лошадей въ отличномъ тѣлѣ. Каски же придавали красу и воинственность.

Въ началѣ мая по обѣ стороны Александропольской крѣпости раскинулись два огромные лагерь. Я съ цѣлю подчеркнулъ слово «огромный», потому что до сихъ поръ не сосредоточивалось на Арпачаѣ такого большого числа войскъ. По сѣверную ея сторону, по направленію къ Ахалкалакамъ, расположились драгунскіе полки: Тверской—полковникъ Куколевскій, Новороссійскій—генераль-маіоръ Тануторовъ, Нижегородскій—генераль-маіоръ князь Чавчавадзе; девять сотень Кавказскаго линейнаго казачьяго войска—полковники Камковъ и Евсѣевъ; три батареи: Донская № 6—полковникъ Двухжоновъ, Донская № 7—полковникъ Долотинъ и Кавказская линейная № 15—подполковникъ Веревкинъ.

По другую сторону крѣпости, по направленію къ Аллагезу, были расположены полки 18 дивизіи: Ряжскій—полковникъ Ганецкій, Вѣлевскій—полковникъ Нѣловъ и Тульскій—генераль-маіоръ Фетисовъ, съ тремя батареями 18 артиллерійской бригады ¹⁾; три съ половиной баталіона эриванцевъ—полковникъ Моллеръ; три баталіона грузинцевъ—полковникъ князь Тарханъ-Мауравовъ; гренадерскій стрѣлковый баталіонъ—полковникъ Лузановъ; саперный баталіонъ—полковникъ фонъ-Кауфманъ 1-й; батарейныя № 1 и 2 и легкая № 1 батареи гренадерской артиллерійской бригады ²⁾.

Такое огромное сосредоточеніе войскъ подъ Александрополемъ хотя

¹⁾ Командиры батарей: полковникъ Воронковъ, подполковникъ Рудаковъ и капитанъ Григорьевъ.

²⁾ Въ „Русской Старинѣ“ за декабрь 1883-го года помѣщены записки П. Д. Рудакова, въ которыхъ описываются поверхи стно и не вполне вѣрно дѣяствія Александропольскаго отряда въ Азіатской Турціи въ 1853—1854 годахъ

³⁾ Командиры батарей прежніе полковники: Ладога, Брискорнъ и Десаже.

значительно усложнило мои занятія, но не лишило меня удовольствія проводить вечера въ кругу моихъ товарищей, гдѣ карты попрежнему преобладали. Былъ также участникомъ пировъ и обѣдовъ, которые давались кавказцами прибывшимъ къ нимъ гостямъ, и наоборотъ.

На Кавказѣ съ давнихъ поръ укоренился обычай гостепримства. Не только офицеры, но и солдаты слѣдовали ему. Прибывала ли въ штабъ-квартиру другая посторонняя часть—какъ офицеры, такъ и нижние чины старались пріютить и угостить прибывшихъ своихъ товарищей, зная, что въ свою очередь и имъ будетъ отплачено тѣмъ-же. Это врожденное качество русскаго человѣка еще болѣе окрѣпло на Кавказѣ отъ примѣра горцевъ, отличавшихся гостепримствомъ, и возможности всегда и вездѣ достать за деньги самыхъ первыхъ предметовъ потребности, для утоленія голода и жажды.

Поэтому неудивительно, что, по прибытіи 18-й пѣхотной дивизіи и сводной драгунской бригады, первыя привѣтствія были заявлены со стороны кавказскихъ войскъ, которыя впрочемъ выразились только наружными знаками гостепримства; полнаго же сближенія и сочувствія не было. Да иначе и не могло быть. Не только кавказскіе офицеры, но и солдаты всегда смотрѣли на «Россійскія войска» съ высокомеріемъ. Первые считали себя во всѣхъ отношеніяхъ выше послѣднихъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что Кавказцы были смѣтливыѣ, расторопныѣ, ловчѣе, находчивыѣ въ войнѣ съ горцами. Нельзя отвергать и того, что они были привычныѣ къ совершенію большихъ переходовъ, въ особенности по горамъ, и перенесенію трудовъ и лишеній. Но нельзя согласиться съ тѣмъ, чтобы кавказскій солдатъ былъ мужественныѣ, неустрашимыѣ, храбрѣе. Если же случалось, напримѣръ, попадать въ просакъ Люблинцу или Вѣлевцу,—чаще Куринца или Ширванца, то это приписать нужно неопытности, нерасторопности и нераспорядительности офицеровъ первыхъ.

Слѣдуетъ отчасти винить въ этомъ и кавказское начальство, которое не всегда умѣло направлять надлежащимъ образомъ войска, прибывающія изъ внутри имперіи, а иногда не поощряло ихъ наградами по заслугамъ. А это возбуждало ропотъ и неудовольствія, доводившія иной разъ до вредныхъ послѣдствій въ общемъ дѣлѣ.

Однако, къ чести Александропольскаго отряда, долженъ сказать, что въ немъ отъ такого антагонизма не случилось ничего вреднаго вообще и скандальнаго въ частности. Все жило дружно, весело и спокойно, по крайней мѣрѣ по наружности.

М. Я. Ольшевскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Къ «Московскимъ воспоминаніямъ Н. В. Берга».

ЗАМѢТКА.

Въ виду того, что въ „Русской Старинѣ“ помѣщаются исправленія даже мелкихъ неточностей статей, вошедшихъ въ предыдущіе №№ (что, конечно, и должно быть въ сборникѣ статей по исторіи, одно изъ главныхъ достоинствъ которой—точность),—привожу здѣсь поправки и добавленія къ нѣкоторымъ мѣстамъ „Московскихъ воспоминаній“ Н. В. Берга („Русская Старина“ изд. 1884 г., т. XLII, июнь).

Къ стр. 639. Училище, о которомъ пишетъ Н. В. Бергъ, официально называлось въ то время (не знаю—какъ теперь): Училище живописи и ваянія Московскаго художественнаго общества (это значитъ въ формулярѣ моего отца,—см. далѣе „въ стр. 650“).

Юшковъ переулочъ получилъ названіе отъ дома, въ которомъ помѣщалось училище, принадлежавшаго бывшему богачу—Юшкову.

Къ стр. 643. Бесѣдка, о которой идетъ рѣчь на стр. 643—644, была построена для меня и сестры моей нашимъ отцомъ—не профессоромъ Мейеромъ, а учителемъ архитектуры—Мюллеромъ.

Къ стр. 650. Отецъ мой, Александръ Степановичъ Мюллеръ, родился 15-го января 1812 г., умеръ 9-го февраля 1855 г., въ Екатерининской больницѣ, въ Москвѣ. Въ 1833 г. онъ кончилъ курсъ въ Петербургской академіи художествъ, и, по журналу ея 16-го декабря того года, получилъ, по архитектурѣ, званіе свободнаго художника. Въ 1838 и 1839 гг. состоялъ при постройкѣ Пулковской обсерваторіи. Съ 1849 г. служилъ въ Москвѣ. Мы жили въ домѣ Юшкова нѣсколько лѣтъ, до смерти отца, въ квартирѣ при училищѣ. У насъ постоянно бывали Скотти, Н. А. Рамазановъ, Мокрицкій и другіе. Особенно замѣчательныхъ зданій отецъ не воздвигъ. Но изъ красивыхъ имъ построены дома: графини Самойловой, въ Парижѣ, faubourg St. Honoré, rue de la Péripinègre, № 117 (въ 1843 г.); въ Москвѣ—Пукаловой, на Тверскомъ бульварѣ, и богача Рахманова—у Страстнаго монастыря; послѣдній домъ произвелъ, какъ говорятъ, въ свое время, извѣстную sensation. Въ августѣ 1851 г. отцомъ окончень проектъ „Русскаго пантеона“, зданія, вдохновленнаго въ немъ Уэстминстерскимъ аббатствомъ, Версальскою національною галлереею, Регенсбургскою (Баварія) Валгаллою и Римскимъ пантеономъ. Русскій пантеонъ проектированъ въ видѣ громаднаго (длина 100 сажень) зданія, расположеннаго буквою Н. На перемычкѣ расположенъ 21-главый соборъ въ стилѣ московскаго храма Спаса. Вокругъ собора, въ нижнемъ этажѣ предполагались катакомбы великихъ людей. Главный входъ въ нихъ предназначался подъ памятникомъ, колоссальною статуею Россіи, помѣщенномъ внѣ зданія. Въ среднемъ этажѣ расположены залы для предметовъ наукъ, промышленности и скульптуры и для архивовъ. Въ верхнемъ, со стеклянными потолками,—картинныя галлерей. Фасадъ зданія въ русскомъ, теремномъ стилѣ, украшенъ статуями и бюстами государей и великихъ людей Россіи, а по стѣнамъ—историческими барельефами. Въ соборѣ предполагалось храненіе трофеевъ русскихъ войскъ.

Проектъ этотъ такъ и остался въ чертежахъ, хранящихся у меня. Ны-

куда представленъ онъ не былъ. Въ 1853 г. отецъ захворалъ, и, пробогъвъ два года, умеръ, 43-хъ лѣтъ.

Въ виду громадной, очевидно, стоимости зданія, немѣня ни связей, ни знакомствъ въ мірахъ артистическомъ и вліятельномъ (по смерти отца мы остались почти нищими; мнѣ было 8 лѣтъ), и я не представляю отцовскаго проекта, очень красиваго и монументальнаго, по моему.

Этою замѣткою я считалъ долгомъ выразить свое почтеніе къ безвременно умершему отцу моему.

Юрій Александровичъ Крѣтцовъ¹⁾.

Городъ Крестцы, Новгородской губерніи.

4 сентября 1884 г.

Къ Запискамъ педагога барона Н. А. Корфа.

РЕПЕТИЦИИ УРОКОВЪ.

Въ VI главѣ Записокъ барона Н. А. Корфа („Русская Старина“ 1884 г. май) авторъ, описывая существовавшую въ лицѣ систему репетицій, говоритъ, что такой организаціи репетицій онъ, баронъ Корфъ, „съ тѣхъ поръ, какъ школьное дѣло стало моею спеціальностью, не встрѣчалъ нигдѣ ни въ Россіи, ни за границей“.

Существовало ли что нибудь подобное за границей—не знаю; но у насъ въ Россіи та-же система практиковалась и, по всей вѣроятности, и нынѣ практикуется; а именно: въ 1863 году, при преобразованіи кадетскихъ корпусовъ и образованіи военныхъ училищъ, начальникъ 1-го военного Павловскаго училища, генералъ-маіоръ П. С. Ванновскій (нынѣ генералъ адъютантъ при военномъ министрѣ), завелъ такую въ упомянутомъ училищѣ и притомъ въ болѣе рациональной формѣ: репетиціонныя партіи состояли всего лишь изъ трехъ человекъ; репетиции имѣли мѣсто по вечерамъ отъ 6 до 8 часовъ; предметомъ репетицій было не содержаніе нѣсколькихъ прочитанныхъ лекцій, а прочитанный на утреннихъ лекціяхъ въ общей аудиторіи извѣстный цѣльный отдѣлъ науки; наконецъ, репетиции были обставлены въ одно время и извѣстной строгостью и свободой: такъ, сдающій репетицію могъ всегда получить отсрочку, если почему либо не могъ приготовиться къ репетиции; но за то ни болѣзни, ни иная какаѣ бы то ни была, хотя и законная, причина не давала возможности совершенно увильнуть отъ репетиции, хотя бы одного какого-либо отдѣла науки, такъ что въ теченіи учебнаго курса каждый юнкеръ училища долженъ былъ обязательно сдать на репетиціяхъ весь прочитанный курсъ. Далѣе, экзаменъ былъ только выпускной, имѣвшій значеніе лишь общей повторительной репетиции для объятія изучаемыхъ предметовъ въ цѣломъ объемѣ.

¹⁾ Препяная моя фамилія Мюллеръ измѣнена на Крѣтцовъ, по моему ходатайству, съ Высочайшаго соизволенія 21-го марта 1884 г. Ю. К.

Репетиторъ по каждому предмету было по нѣсколько человѣкъ, что, при отсутствіи общихъ списковъ репетиціонныхъ балловъ, давало большую гарантію справедливости оцѣнки знаній, ибо устраняло весьма вредныхъ ея факторовъ: установившееся ревоме репетирующагося и личныя отношенія послѣдняго къ репетитору. Такимъ образомъ, при мѣняющихся постоянно репетиторахъ ничто не мѣшало, послѣ ряда плохихъ балловъ, получить полный баллъ за хорошо усвоенный отдѣлъ науки и наоборотъ, что въ свою очередь хорошаго ученика заставляло не ослаблять усердія, а у слабого ученика не отбивало охоты къ дальнѣйшимъ попыткамъ получить хорошій баллъ. Но съ другой стороны это отсутствіе знакомства репетиторовъ съ репетирующимися давало возможность послѣднимъ, особенно при первыхъ репетиціяхъ, устраивать подлоги въ лицахъ. Впрочемъ таковыя подлоги дѣлались больше изъ молодечества, такъ какъ представляли большой рискъ: генералъ Ванновскій, отлично зналъ всѣхъ юнкеровъ, постоянно посѣщалъ классы и всегда могъ накрыть обманщикавъ.

П. Хржановскій.

Асхабадъ.

1-го іюля 1884 г.

Сидѣйки-экипажи для сообщенія Петербурга съ Москвою

пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ.

Приводимъ не безынтересную выписку изъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ 1834 г., № 293, напоминающую намъ о своеобразномъ сообщеніи, бывшемъ въ Россіи между двумя столицами пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ:

Въ 1833 году отставной штабсъ-капитанъ Палковъ исходатайствовалъ у правительства привилегію на заведеніе, по тракту между С.-Петербургомъ и Москвою, легкихъ, одноколенныхъ, крытыхъ экипажей, подъ скромнымъ названіемъ „сидѣекъ“. Экипажи сіи, долженствовавшіе выходить изъ обѣихъ столицъ по два раза въ день и совершать путь свой въ 6 дней, могли помѣщать въ себѣ не болѣе пяти пассажировъ и, по умѣренности взимаемой платы, назначались преимущественно для недостаточныхъ классовъ нашей публики. Еще тогда-же всѣ просвѣщенные любители полезныхъ учрежденій въ отечествѣ нашемъ одобрили планъ новаго заведенія, а публика съ нетерпѣніемъ ожидала приведеніе онаго въ дѣйствіе.

Впослѣдствіи г. Палковъ передалъ привилегію свою лейбъ-гвардіи преображенскаго полка подпоручику Загряжскому, который, съ разрѣшенія высшаго начальства, почелъ за нужное въ самомъ планѣ заведенія сдѣлать слѣдующія измѣненія: 1) устроить сидѣйки не на 5, а на 10 человѣкъ, для чего запрягать ихъ двумя, а по мѣрѣ надобности, и тремя лошадьми, и 2) экипажамъ выходить изъ столицы только по одному разу въ день. Сверхъ сего г. Загряжскій учредилъ при конторѣ сидѣекъ особенныя, такъ называемыя, послѣдшныя транспорты, для пересылки разныхъ тяжестей изъ одной столицы въ другую, также въ 6 дней.

Нынѣ заведеніе сіе воспріяло начало 12 числа сего (декабря) мѣсяца. Первая сидѣйка съ 6-ю пассажирами отправилась въ Москву изъ конторы, находящейся у Обухова моста, въ домѣ купчихи Пентшиной. Цѣна мѣстамъ полагается по 17 руб. съ особы; за пересылку же тяжестей—отъ 2 до 4 руб., смотря по ихъ объемамъ.

И. Н. Вожеяновъ.

О ВОЗОВНОВЛЕНІИ ПАМ'ЯТНИКА НА ОБЩЕЙ МОГИЛѢ

АРТЕМІЯ ВОЛЫНСКАГО, ЕРОПКИНА И ХРУЩОВА

† 27-го іюня 1740 г. ¹⁾.

Поступило пожертвованій на возобновленіе сего памятника:

Отъ г. Шестакова 8 руб.

А съ прежде поступившими всего 1,400 руб.

Отъ ред. „Русской Старини“. Не смотря на то, что собранная сумма еще не велика, мы, по совѣщаніи съ академикомъ Н. Л. Бенуа, професс. М. О. Микѣшинимъ, академ. М. А. Щуруновимъ и друг. лицами, остановились на мысли осуществить памятникъ на общей могилѣ Волынскаго и его сострадальцевъ по извѣстному уже читателямъ „Русской Старини“ проекту маститаго художника нашего М. А. Щурунова (см. чертежъ, приложенный къ „Русской Старинѣ“ изд. 1884 г., т. XLII, май, стр. 406). На это сооруженіе понадобится всего до 4,000 руб. Приглашаемъ почитателей памяти русскихъ историческихъ дѣятелей, а также потомковъ Волынскаго, Еропкина и Хрущова—оказать содѣйствіе своими вкладами къ пополненію суммы, имѣющей въ нашемъ распоряженіи (1,400 р.). Ред.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1883 г., томъ XXXVIII, май, стр. 464—471; томъ XL, октябрь и ноябрь, стр. 269—271 и 498; декабрь, стр. 723—724; изд. 1884 г., т. XLI, январь, стр. 224; февраль, стр. 460; мартъ, стр. 666; т. XLII, апрѣль, стр. 221; май, стр. 407; іюнь, стр. 671; т. XLIII, августъ, стр. 448; сентябрь, стр. 676; т. XLIV, октябрь, стр. 194.

Въ книжныхъ магазинахъ **Мамонтова** и въ редакціи
„Русской Старины“ продаются книги:

ЦАРИЦА ПРАСКОВЬЯ

1664—1723 гт.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ **МИХ. ИВ. СЕМЕВСКАГО.**

Спб. 1883 г., въ 8 д., съ портретомъ царицы Прасковьи, отпечатаннымъ хромофотографически красками.

Цѣна два руб. съ перес. (*Осталось 181 экз.*).

Примѣчаніе. Книга „Слово и дѣло“, историческіе рассказы **М. И. Семевскаго**, Спб., изд. 1884 г., 8 д., стр. 350, разошлась стома, до послѣдняго экземпляра.

ЗАПИСКИ СЕЛЬСКАГО СВЯЩЕННИКА.

Спб. 1882 г., въ 8 д., изданіе второе, пересмотрѣнное и исправленное авторомъ-священникомъ и благочиннымъ.

Цѣна одинъ рубль съ пересылкою.

РОСКОШНОЕ, ВЪ ХУДОЖЕСТВЕННОМЪ ОТНОШЕНІИ, ИЗДАНІЕ

ПАВЛОВСКЪ

Очеркъ его исторіи и описаніе, 1777—1877 гт. — Бытъ двора великаго князя, въ послѣдствіи императора, Павла Петровича и супруги его Маріи Феодоровны. — Жизнь въ Павловскѣ императрицы Маріи Феодоровны и ея августѣйшаго семейства и проч.

Книга въ большую 8 долю, 600 стр., украшена нѣсколькими портретами и множествомъ превосходнѣйшихъ гравюръ и виньетокъ, исполненныхъ знаменитымъ грав. акад. **Л. А. Сѣряковымъ**.

Цѣна книги 5 рублей.

Подписчики на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ изд. 1885 г. пользуются на книгу „Павловскъ“ уступкою въ два рубля, т. е. книга въ отличномъ переплетѣ—3 рубля съ пересылкою.

Изъ 1,825 экз. осталось въ складѣ этой книги, въ дворцовомъ управленіи города Павловска, 146 экз.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

1885 г.

ШЕСТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ будетъ выходить въ 1885 году въ прежнемъ объемѣ, съ гравированными на деревѣ и мѣди портретами замѣчательныхъ русскихъ людей. Нѣсколько интересныхъ портретовъ для „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ 1885 года награвировано академикомъ И. П. Пожалостинымъ на мѣди, И. И. Матюшинымъ на деревѣ, а также исполнено въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ представитъ на своихъ страницахъ въ 1885 г. много данныхъ для исторіи минувшаго царствованія императора Александра II Освободителя.

12 книгъ, цѣна ДЕВЯТЬ руб. съ пересылкою.

Подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ 1885 г. принимается для иногородныхъ исключительно въ С.-Петербургѣ, въ редакціи „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ по Большой Подъяческой, д. № 7.

Городскіе подписчики въ Петербургѣ благоволятъ подписываться въ книжномъ магазинѣ Цинзерлинга (Невскій пр., д. № 46), а въ Москвѣ въ магазинѣ Мамонтова.

Лица, имѣющія подписаться по 1 декабря 1884 г. на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ изд. 1885 г., могутъ получить за одинъ рубль съ пересылкою третій выпускъ изданія

Очерки и рассказы М. И. Семеваго изъ русской исторіи XVIII в.:

„ЦАРИЦА КАТЕРИНА АЛЕКСѢЕВНА, АННА И ВИЛЛИМЪ МОНСІ“

1698—1724 гг.

Цѣна ОДИНЪ рубль съ пересылкою.

 Для прочихъ книгъ цѣна этой книги 2 р. 50 к.

материалы, сообщаемые прое. Ф. И. Пеникину, извлеченные имъ изъ разн. итальянскихъ архивовъ и библиотекъ. Въ числѣ этихъ матеріаловъ находимъ папки, касающіяся церковныхъ вопросовъ (письма къ кля. интр. на греч. яз., отн. къ XI в.; письмо монаха Юсепа Врѣна къ интр. Фотию; булава папы Елѣн. IV къ импер. Ювану Палеологу о интр. индорѣ), политическихъ и торговыхъ отношеній Россіи до начала XVII в. (о союзѣ съ Турціею, о Дмитріѣ Самовидцѣ и др.). Нѣкоторые изъ этихъ документовъ подать на мысль о необходимости болѣе широкаго изученія событий исторіи Восточной Европы съ западно-европейскими въ значенный періодъ. По запискамъ прое. Пеникина въ архивахъ и библиотекѣ вслѣдствіе можно еще найти весьма много сохранившихся матеріаловъ, имеющихъ значеніе для исторіи Восточной Европы, въ особенности же въ венеціанскомъ архивѣ, гдѣ въ тогдѣшней роли дипломатическихъ агентовъ Венеціи. Въ подтвержденіе этого издатель документовъ приводитъ весьма выдержки изъ дописаній венеціанскихъ пословъ изъ Константинополя въ отношеніяхъ Московіи къ Турціи въ XI вѣкѣ.

Изъ прочихъ матеріаловъ того же тома имѣютъ на виду о выездахъ въ Россію иностранцевъ въ 1600—1640 гг., на акты, касающіеся въ исторіи Сибири въ 1825—30 гг., на весьма важную и обширную документъ о доходахъ въ Сибири за 1698—1700 гг., матеріалы, относящіеся къ исторіи Малороссіи послѣдней четверти XVII в., т. е. о посольствѣ дворянина Пана Шибурскаго (1657) въ Малороссію и къ Дмитрію князю Георгію Равачію, послѣдствіе даже въ III т. «Актовъ южн. зап. Россіи». Они важны для исторіи или Хмельницкаго. Между прочимъ въ къ же относятся и подтвержденіе провозглашенія Богдана Хмельницкаго (27 июля). IX-й томъ «Библиотекѣ» весь занятъ входящими и расходными книгами великаго князя (въ 1613—1614 гг.) и писемъ князя московскаго стола (1616—1634 гг.). Первые изъ нихъ содержатъ въ себѣ богатый матеріалъ для исторіи царскаго хозяйства и внутренней жизни великаго князя; ими пользовался Н. Е. Батинъ въ своемъ трудѣ о домашнемъ

бытѣ русскихъ царей и царицъ. «Записныя книги» включают въ себя весьма любопытныя данныя объ административной дѣятельности правительства в придворной жизни въ означенный періодъ.

Исторія императорскаго московскаго общ. исторіи и древностей русскихъ. Н. А. Попова. Ч. I (1804—1812). М. 1884. 250 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Старѣйшая изъ русскихъ историческихъ обществъ давно нуждалась въ обстоятельной исторіи своей дѣятельности. Въ означенномъ заданіи положено начало такому труду, составляющему отдѣльный оттискъ изъ 3-й книги Чтеній общества на 1884 годъ. Трудъ этотъ написанъ по матеріаламъ, заимствованнымъ изъ архивовъ имп. вѣд. преса, в московскаго университета, а также по подлиннымъ документамъ общества. Съ первыми періодами дѣятельности общества связаны имена Шлецера, Карамзина, М. П. Муравьева, П. П. Вилетова, Тимковскаго, Каченовскаго, Н. Н. Вяземскаго, Каменскаго, Малиновскаго, Калайдочнаго, гр. А. П. Мусина-Пушкина и др. Рядомъ съ нею авторъ касается и современными литературными вопросами и отношеніями. Въ концѣ каждой главы помещены болѣе важныя матеріалы. Пожелалось, чтобы Исторія общества была доведена до конца.

Сказанія о родѣ дворянъ и графовъ Милорадовичей. Кіевъ. 1884. 181 стр. Ц. 1 р.

Очеркъ графа Гр. Милорадовича и составляетъ вторую часть «Сказаній», напечатанныхъ въ «Русскомъ Архивѣ» 1871 г. Кроме біографическихъ свѣдѣній о лицахъ этой семьи, издатель помѣстилъ въ своей книгѣ письма, рескрипты, духовныя завѣщанія, грамоты, такъ называемыя дѣла и т. п. матеріалы.

Воспоминанія о коронаціи императора Александра II. Камеръ-панжа двора его величества. Кіевъ. 1883. 40 стр.

Воспоминанія эти заимствованы изъ дневника графа Гр. Милорадовича 1806 года и представляютъ подробное изложеніе принадлежавшихъ и обстоятельствъ, сопровождавшихъ знаменательный день торжества. Книжъ современныя извѣстія, воспоминающія заслуживаютъ вниманія; тамъ болѣе, что авторъ сообщаетъ иногда свои замѣчанія.

В. И.

ОТВѢТЫ ПОДПИСКИ НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1885 г.

ШЕСТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, ДВѢДЦАТЬ руб., съ пересылкою.

Подписка принимается для городовыхъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старини“, Невскій просп., противъ Гостиного двора, д. № 46, книжный магазинъ г. ЦИНСЕРЛИНГА.

Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы, при книжномъ магазинѣ Ник. Нв. Манентева, на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

Гг. Нижегородцые обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Подъячскую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы объ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Живеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артисты и пр.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства; переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отрывки о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—Характерныя челоуѣчства, переписка и вообще документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно заказать съ сохраненіемъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

- „Русская Старина“ 1870 г., третье изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1878 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1879 г., двѣнадцать книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1880 г., второе изд., 12 книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1881 г., 12 кн. (95 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1882 г., 12 кн. (82 экз.), съ 12-тью портр., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1883 г., 12 кн. (64 экз.), съ 17 портр. и рас., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1884 г., 12 кн., изданіе второе, съ портр., 9 руб.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

Годъ пятнадцатый.

ДЕКАБРЬ.

1884 год

СОДЕРЖАНИЕ.

- I. Объ изданій «Русской Старины» въ 1884 г., шестнадцатый годъ изданія.
- II. Восторженные замѣтки Николая Павловича, Гл. XXXII—XXXIV. 445
- III. Русско-турецкая война за Кавказомъ въ 1853 и 1854 гг. Въ память 30-лѣтн. юбилея. М. Я. Орловскаго, (Окончаніе) . . . 497
- IV. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ: рублика поэта, хранящаяся въ Румянцевскомъ музеѣ въ Москвѣ. (Извѣст.) Сообщ. В. Е. Якушкина 516
- V. Михаилъ Юрьевичъ Ларионовъ, извѣстенъ его тинарца. Сообщ. А. М. Макашевскаго. . . 559
- VI. Михаилъ Ивановичъ Глинка въ исполненіи его сестры Л. П. Шереметевой. . . 593
- VII. Промыслъ города Архангельска, 1684—1884 гг. Сообщ. Елены Рѣпина . . . 6
- VIII. Лейб-гвардія Литовскаго и Московскаго полки въ 1683, 1811 и 1817 гг. Сообщ. А. М. Якушкина. 6
- IX. Петербургскія старина. Повѣсти, опубликованы въ распоряженіи правительственна въ 1799 г. . . 6
- X. Памятникъ на могилѣ Артемія Вельяминова, Еротикина и Хрущова. 6
- XI. «Русская Старина» въ 1884 г.: 1. Обзоръ двенадцати книгъ. — 2. Вѣдомость статей и матеріаловъ. — 3. Сотрудники, 1870—1884 гг. — 4. Подписка на «Русскую Старину» въ 1884 г. . 6
- XII. Библиографич. списокъ. Сообщ. проф. В. С. Яковлева.

П Р И Л О Ж Е Н І Я: I. Указатель личнымъ именъ въ XLI, XLII, XLIII и XLIV «Русской Старинѣ» изд. 1884 г. — II. Систематическое указательна XLIV тома — октябрь, декабрь — «Русской Старинѣ» изд. 1884 г.

Открыта подписка на «РУССКУЮ СТАРИНУ» изд. 1885

Шестнадцатый годъ изданія. Цѣна 9 руб.

Въ декабрѣ выйдетъ книга: «ЦАРИЦА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢЕВНА, АННА и ВИЛИМЪ МОСКВЪ». третий выпускъ историческихъ очерковъ М. П. Семеновскаго съ портретами и рисунками. Цѣна для подписчиковъ «Русской Старинѣ» (изд 1-го января 1885 г.) ОДИНЪ рубль съ пересылкою

О.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашова, Екастеринскій каналъ, д. Ж 75.

1884.

XII-я книга «Русской Старинѣ» вышла 1-го декабря 1884 г.

Памяти Ивана Сусанина. Историч. извѣст., преимущественно по ненаданнымъ источникамъ. Сост. и изд. В. А. Самаринскимъ, подъ ред. дѣйств. чл. археол. нист А. В. Гаврилова. Съ 2 литогр. картинами Кострома, 1882. 98 стр. Ц. 70 к.

Какъ извѣстно вопросъ о Сусанинѣ былъ поднятъ въ началѣ 1860-хъ годовъ П. П. Костомаровымъ и вызвалъ тогда же замѣчанія и возраженія со стороны Соловьева, Погодина, Дорогобужева, которымъ не нравились однако житія автора монографіи объ этомъ лицѣ. Въ своемъ изслѣдованіи г. Самаринъ воспользовался уже многими новыми данными и подтверждаетъ свою защиту какъ посвященными доказательствами (о пребываніи полковъ въ дѣловомъ явѣ, о мѣстопребываніи Михаила Федоровича и т. п.), такъ и подробнымъ обзоромъ всѣхъ матеріаловъ, прямо или косвенно относящихся къ исторіи разсматриваемаго событія, и степенью доказательности другихъ историческихъ событій, обыкновенно приравниваемыхъ на основаніи извѣстныхъ свидѣтельствъ. Въ концѣ же изслѣдованія помѣщено 11 приложений, — явтомъ и др. матеріаловъ. Доказательства автора вполне заслуживаютъ вниманія.

Лѣтопись занятій Археографической комисіи. II. VII, за 1876—1877 гг. Спб. 1884. Ц. 1 р. 50 к.

Большой томъ означеннаго изданія отличается обиліемъ и достоинствомъ матеріаловъ. Онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣловъ. Отдѣлъ I, посвященный изслѣдованіямъ, заключаетъ въ себѣ: 1) весьма обстоятельное историко-литературное изслѣдованіе о ходѣнціи игумена Данила въ св. землю въ началѣ XII в. и различныхъ спорахъ его, принадлежащее М. А. Виноку, и 2) о вотчинныхъ владѣніяхъ Троицкаго монастыря при жизни его основателя, іером. Арсенія. Цѣлымъ рядомъ античныхъ изображеній о. Арсеній приводитъ въ заключенію, что обитель преп. Сергія, при жизни его, не имѣла вотчинъ и что появленіе подложныхъ грамотъ въ доказательство протавоположности мнѣнія совпадаетъ вѣроятно съ вопросомъ о правѣ владѣнія монастырей вотчинами, поднятѣмъ въ XVI вѣкѣ. Выясненіе этого вопроса важно не только въ историко-юридическомъ отношеніи, но и по самому существу о такъ называемыхъ

подложныхъ грамотахъ. въ обиліи правительственныхъ въ монастыряхъ (Земель Европы). Въ отдѣлѣ матеріаловъ помѣщено: рукодѣтель въ Палатану XVI в. и посланіе князя Авраамія-страдальца (расположителя в. XVII в.) въ князю Богдѣмцу. Отдѣлъ III заключаетъ въ себѣ описаніе рукописной бібліотеки Казанскаго университета, составленной А. М. Артемьевымъ, занимающею частію (въ 1850-хъ годахъ) Журн. мин. нар. пр. и теперь наданное шифръ (имѣло в отдѣлѣ). Отдѣлъ IV заветъ выписанный съ протоколовъ комисіи, по обилію весьма интересныхъ для ознакомленія съ состояніемъ нашихъ архивовъ и бібліотекъ, разборахъ рукописей и дѣятельности ихъ собирателей. Тамъ, между прочимъ, въ явлѣ помѣщены мнѣнія изъ сибирской лѣтописи Илья Черепанова, относящіяся къ XVII и первой половинѣ XVIII в. (особенно интересны о раскольничествѣ), свѣдѣнія о заодно-русскихъ и московскихъ церковно-историческихъ мѣстечкахъ и т. п.

Историко-статистическое описаніе города Куржача (Владимірской губ.), съ политическими. Сост. П. П. Токиакомъ. М. 1884, 366 стр. Ц. 3 р.

Настоящій трудъ распадается на двѣ части: на историко-статистическій очеркъ города отъ возникновенія на его мѣстѣ поселенія до настоящаго времени (1—83), и приложенія, занимающія 60-ую часть книги. Послѣднія состоятъ изъ графика о Куржачской общинѣ съ 1439—1726 г. хранящихся въ московскомъ архивѣ мѣстности, и документомъ XVIII вѣка, принадлежавшимъ патриаршему, какому и др. приложенъ (въ томъ же архивѣ), въ авторъ пользовался также другими архивными матеріалами (въ Петербургѣ и Москвѣ) и предосталъ полный списокъ актовъ и свѣдѣній, находящихся въ разныхъ печатныхъ изданіяхъ. Можно сказать только, что онъ не приложилъ оцѣнокъ.

Володимерщина. Роспись почтальному и издавнаго о владимірской епархіи и губерніи. Составилъ Н. С. Стромилловъ. Владимиръ на Клязьмѣ, 1884. Ц. 1 р.

Изданіе это принадлежитъ неуступчивому собирателю и изслѣдователю въ области владимірской старины и современнаго ея столпія явля. Труды автора печатались обыкновенно въ мѣстныхъ издавнѣхъ (Влад.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

1885 г.

ШЕСТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ будетъ выходить въ 1885 году въ прежнемъ объемѣ, съ гравированными на деревѣ и мѣди портретами замѣчательныхъ русскихъ людей. Нѣсколько интересныхъ портретовъ для „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ 1885 года награвировано академикомъ И. П. Пожалостинымъ на мѣди, И. И. Матюшинымъ на деревѣ, а также исполнено въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ представитъ на своихъ страницахъ въ 1885 г. много данныхъ для исторіи минувшаго царствованія императора Александра II Освободителя.

12 книгъ, цѣна ДЕВЯТЬ руб. съ пересылкою.

Подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ 1885 г. принимается для иногородныхъ исключительно въ С.-Петербургѣ, въ редакціи „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ по Большой Подъяческой, д. № 7.

Городскіе подписчики въ Петербургѣ благоволятъ подписываться въ книжномъ магазинѣ Цинзерлинга (Невскій пр., д. № 46), а въ Москвѣ въ магазинѣ Мамонтова.

Лица, имѣющія подписаться по 1 января 1885 г. на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ изд. 1885 г., могутъ получить за одинъ рубль съ пересылкою третій выпускъ изданія

Очерки и рассказы М. И. Семевскаго изъ русской исторіи XVIII в.:

„ДАРИЦА КАТЕРИНА АЛЕКСѢВНА, АННА И ВІЛЛИМЪ МОНСЪ“,

1698—1724 гг.

Цѣна ОДИНЪ рубль съ пересылкою.

 Для прочихъ лицъ цѣна этой книги 2 р. 50 к.

XXV ЛѢТЪ
1859—1884

СБОРНИКЪ,

наданный комитетомъ общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. СПб., 1884, въ 6. 8 д., стр. 592.

Съ портретами покойныхъ учредителей общества: А. В. Дружинина, Е. П. Коза-ловскаго, С. С. Думкина, А. В. Никитина, А. П. Заблочно-Десятовскаго и И. С. Тургенева.

Въ этотъ сборникъ, полный самого живого интереса, вошли слѣдующія статьи:

Предисловіе.—Лѣтопись общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ съ 1859 по 1884 г. Г. К. Рѣпинскаго и А. М. Скабичевскаго.—Мать. Стихотвореніе А. И. Подолинскаго.—Двѣ элегіи К. Н. Батюшкова.—Въ альбомъ А. С. Даргомыжскому. Князя П. А. Вяземскаго.—Рыбакъ. (Изъ Гете). Кн. Д. Цертелева.—Стихотворенія И. С. Тургенева: Графиня Донато. Начало поэмы. Филиппо Стродзи.—Декабристы. Романъ. Главы I—III. Графа Л. Н. Толстаго.—Съ кѣмъ спорить? Изъ «Стихотвореній въ прозѣ». И. С. Тургенева.—Лучъ свѣта въ педагогическихъ потемкахъ. В. Я. Стоюнина.—Въ герцогскомъ склепѣ въ Веймарѣ. Стихотвореніе К. К. Слущевскаго.—Семья въ провинціи. И. С. Беллюстина.—Съ курьерскимъ поѣздомъ. Стихотвореніе А. Н. Апухтина.—Философія и наука въ Европѣ и у насъ. Рѣчь К. Д. Кавелина.—Послѣ судебного приговора. Прологъ драмы. А. И. Пальма.—Два стихотворенія Д. Мережковскаго.—Стихотвореніе Я. П. Полонскаго.—Инкогнитнымъ манеромъ. Сценка Н. А. Лейкина.—За что-же? Д. Л. Мордовцева.—Поѣздка митрополита Хрисанеа къ Далай-Ламѣ въ 1792 г. Д. О. Кобеко.—Два стихотворенія В. П. Вуренина.—Сказки Н. Щедрина: I. Карась-идеалистъ. II. Добродѣтели и пороки. III. Обманщикъ-газетчикъ и легковѣрный читатель.—А. В. Дружининъ, какъ основатель литературнаго фонда. В. П. Гаевского.—Выкса. Изъ путевыхъ воспоминаній. В. П. Безобразова.—Ловчинскій бой. Изъ военныхъ разсказовъ. А. В. Верещагина.—Передъ разсвѣтомъ. Стихотвореніе Н. Познякова.—Сказка для дѣтей. В. М. Гаршина.—Стихотвореніе С. Я. Надсона.—Изъ бумагъ А. В. Дружинина. Письма къ нему В. П. Воткина.—По Сенкѣ шапка. С. В. Максимова.—Карьеристъ. Очеркъ. Д. В. Григоровича.—Одинъ изъ вымысловъ въ нашей исторіи. Е. П. Карновича.—Вліяніе европейскихъ финансовыхъ учреждений на экономическое положеніе первобытныхъ народовъ. И. И. Янжула.—Къ Батюшкову. Посланіе князя П. А. Вяземскаго.—Строфы изъ поэмы И. С. Тургенева.

Цѣна книги три рубля, съ пересылкой 3 р. 50 к.

ПЕРВОЕ СОБРАНИЕ ПИСЕМЪ
И. С. ТУРГЕНЕВА

1840—1883 гг. Изданіе общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. Спб., 1884, стр. 564. Ц. 2 р. 50 к.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ М. М. Стасюлевича, Спб., Вас. Остр., 2 линія, № 7. Книгопродавцы пользуются обычною уступкою. Лица, обращающіеся прямо въ складъ изданія, не платятъ за пересылку.

ВЫШЛИ И ПРОДАЮТСЯ У ВСѢХЪ КНИГОПРОДАВЦЕВЪ КНИГИ
ВЛ. МИХНЕВИЧА:

I.

„НАШИ ЗНАКОМЫЕ“

(фельетонный словарь современниковъ)

1000 характеристикъ

русскихъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, ученыхъ, писателей, художниковъ, коммерсантовъ и пр.

съ 71 портретами-карикатурами

(на 59 листахъ), рисован., по наброскамъ автора, художниками А. И. Лебедевымъ, М. Е. Малышевымъ и А. А. Серебряковымъ,

слѣдующихъ лицъ: Айвазовскаго, И. А., Аксакова, И. С.; Бенетова, А. И.; Бестужева-Рюмина, Н. Н.; Боборыкина, П. Д.; Боткина, С. П.; балеринъ: Ваземъ, Радной и Соколовой; графа Валуева, П. А.; актеровъ: Варламова, Давыдова, Дюжиковой и Сазонова; Вейберга, П. И.; Верещагина, В. В.; Главача; Гончарова, И. А.; Градовскаго, А. Д.; Горбунова, И. Ф.; Григоровича, Д. В.; Грота, Я. Н.; Губонина; Давыдова; Зориной; Иловайскаго, Д. И.; Кавелина, Н. Д.; Костомарова, Н. И.; Краевскаго, А. А.; Крылова, В. А.; Лейкина, Н. А.; Лентовскаго; Ланина; Майкова, А. А.; графа Лорисъ-Меликова, М. Т.; кантартистовъ: Наменской, Норсова, Мельникова, Направнина и Славинной; Мендѣлѣева, Д. И.; художниковъ: Маковскаго, Крамскаго, Микѣшина и Рѣлина; Миклухи-Маклая; Немировича-Данченко, В. И.; Островскаго, А. Н.; Плещеева, А. Н.; Полонскаго, Л. А.; Полонскаго, Я. П.; Полякова, С. С.; Потѣхина, А. А.; Пылина, А. Н.; Рубинштейна, А. Г.; Савинной, М. Г.; Салтыкова, М. Е. (Щедрина); Самойлова, В. В.; Склифасовскаго; Соловьева, В. С.; Спасовича, В. Д.; Стасюлевича, М. М.; Стрелетовой, П. А.; Суворина, А. С.; Сеченова, И. М.; графа Толстого, Л. Н.; Успенскаго, Г. И.; Чайковскаго; Чижова, М. А.; Шелгунова, Н. В., и Федотовой, Г. Н.

Цѣна пять рублей.

II.

КАРТИНКИ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЖИЗНИ

съ 10-ю рисунками художника Малышева, исполн. въ Вѣнѣ.

Содержаніе: I. Бродячій Петербургъ. — II. Святочные рассказы. — III. Два юмористическихъ романа.

375 стр. in 8°. Цѣна 2 руб., съ пересылкою 2 р. 50 к.

Складъ изданій у автора: Троицкій проспектъ, 6. Выписывающіе изъ склада за пересылку не платятъ.

12 книгъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

Изд. 1884 г. (ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ).

съ портретами: имп. Елисавета Алексѣевна; Его Имп. Выс. Вел. Кн. Константинъ Николаевичъ; митрополитъ С.-Петербургскій Исидоръ; гр. Аракчеевъ и Н. Ѳ. Минкина; гр. И. И. Дибичъ-Забалканскій; Пушкинъ (отпечатанъ красками); Лермонтовъ; Н. А. Некрасовъ; Н. И. Пироговъ; педагогъ бар. Н. А. Корфъ; В. В. Самойловъ; портретъ-группа: лордъ Рогланъ, марш. Пелисье и Омеръ-паша подъ Севастополемъ въ 1855 г. Рисунки: проектъ памятника на могилѣ **Волинскаго**—академ. М. А. Щурупова; имп. Александръ II, рисунокъ со статуи, исполн. академ. П. П. Забѣло; судъ на Руси, старинная каррикатура.

Содержаніе: Записки Штрандмана, 1771—1780 гг.;—Записки Мих. Фонвизина: очерки русской исторіи IX—XVIII вв.;—Мих. Ник. Муравьевъ и его участіе въ тайномъ обществѣ, 1816—1821 гг., разск. бар. А. Е. Розена;—Разсказы кн. Ал. Ник. Голицына: Александръ I и его время, сообщ. гр. П. А. Валуевъ;—Императрица Елисавета Алексѣевна въ воспом. кн. С. А. Мадатовой;—Зап. Д. И. Ростиславова о бѣломъ духовенствѣ;—Воспоминанія декабриста А. П. Бѣляева;—Дневникъ декабриста В. К. Кюхельбекера въ заключеніи, 1831—1834 гг.;—Декабристы на Кавказѣ въ 1826—1830 гг., зап. М. И. Пущина;—Русско-турецкая война за Кавказомъ въ 1853—1854 гг., зап. М. Я. Ольшевскаго;—Моск. воспом. Н. В. Берга, 1845—1855 гг.;—Зап. сен. Я. А. Соловьева о крест. дѣлѣ, 1858—1859 гг.;—Вилецкіе очерки, 1863—1865 гг.;—Русскій губернаторъ въ Ц. Польск., 1866—1868 гг.;—Въ Пруссіи, 1856—1876 гг.;—Зап. ст.-секр. А. Ѳ. Гамбургера;—Зап. педагога бар. Н. А. Корфа;—Посмертныя записки Николая Ив. Пирогова;—Зап. крестьянина-поэта С. Д. Дрожжина.

Исслѣдованія и очерки: профес. Д. И. Иловайскаго, — профес. И. А. Линиченко;—очеркъ С. Л. Шташницкаго;—Патр. Никонъ по вновь открытымъ Н. А. Гиббеттъ матеріаламъ, 1658 г.;—Екатерина II и Дидро, изсл. В. А. Бильбасова;—Настасья Минкина, домоправительница гр. Аракчеева;—Ермоловъ и его кебинныя жены, очеркъ Ад. П. Берже;—Гр. Каподистрія и гр. К. В. Несельродтъ;—Имп. Елисавета Алексѣевна, очеркъ гр. С. С. Уварова;—Польское возстаніе въ 1830—1831 гг., разсказъ Мохначадго и переписка имп. Николая I съ гр. Дибичемъ;—Холера въ Спб. въ 1831 г., очерки и разсказы:—Имп. Николай I на Кавказѣ въ 1837 г., очеркъ Ад. П. Берже;—Разсказъ правосл. латыша Индрика Страумита, 1845—1846 гг.;—Въ правит. сенатѣ въ 1840—1852 гг.;—Имп. Николай I: записка его объ укрѣпленіи границъ Россіи;—Кн. М. С. Воронцовъ и Н. Н. Муравьевъ въ письмахъ къ М. Т. Лорисъ-Меликову (нынѣ графу), 1852—1857 гг.;—Князь Мих. Дм. Горчаковъ: записка о мѣрахъ въ случаѣ возстанія Венгріи, 1860 г.;—Имп. Александръ II на Кавказѣ въ 1861 г.;—Мих. Ник. Муравьевъ и его мѣропріятія въ с.-в. Россіи 1864 г.;—Ник. А. Милютинъ въ Ц. Польскомъ;—Вредныя секты, очерки А. Пругавина;—19-ое февраля: чествованіе этого дня лицами, принимавшими участіе въ созданіи Положеній о крестьянахъ 1861 г.—Писатели: А. П. Сумароковъ, —В. А. Жуковскій, —Н. И. Гнѣдичъ, —Д. В. Давыдовъ, —К. П. Батюшковъ, —А. С. Пушкинъ, —М. Ю. Лермонтовъ, —Н. В. Гоголь, —Сырокомля, —Т. Г. Шевченко, —Н. Г. Помяловскій, —гр. А. Б. Толстой, —Ф. М. Достоевскій, —И. С. Тургеневъ, —В. В. Самойловъ—въ ихъ письмахъ, воспом., очеркахъ жизни и литературной дѣятельности.

Цѣна за 12 книгъ ДЕВЯТЬ руб. съ пересылкою.

Открыта подписка на «Русскую Старину» изд. 1885 г.

ПОСМЕРТНЫЯ ЗАПИСКИ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА ПИРОГОВА.

ДѢТСТВО И ЮНОСТЬ.

XXXII ¹⁾.

Послѣ смерти знаменитаго Иоганна Мюллера (берлинскаго физиолога) носились слухи, что онъ лишилъ себя жизни, принявъ ядъ, и причину самоубійства приписывали какому-то сдѣланному открытію въ области низшихъ организмовъ, поколебавшему будто бы его религиозныя убѣжденія.

Иоганнъ Мюллеръ былъ ревностный католикъ (какъ это я узналъ отъ моего стараго пріятеля, Карла Лингардта, бесѣдовавшаго нерѣдко съ Мюллеромъ). Біографъ его, Дюбуа Ремонъ, опровергаетъ вѣрность слуха о самоубійствѣ. Но вѣренъ ли былъ или не вѣренъ этотъ слухъ, онъ доказываетъ какое огромное значеніе придаетъ все культурное общество вѣрованіямъ и такъихъ ученыхъ, спеціальность которыхъ не имѣетъ ничего общаго съ церковными догматами.

И, дѣйствительно, какинъ бы предметомъ не занимался человѣкъ науки, всѣ знаютъ, что онъ никакъ не отдѣляется отъ назойливаго вопроса: во что онъ вѣритъ; а этотъ вопросъ самый главный: согласны ли его вѣрованія съ убѣжденіями, добытыми имъ путемъ науки?

Въ отношеніи религиозныхъ убѣжденій можно раздѣлить всѣхъ людей науки на три категоріи: въ одной принадлежатъ люди, какъ покойный Рудольфъ Вагнеръ (физиологъ, спорившій съ

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1884 г., т. XLIII, сентябрь, стр. 455—502; т. XLIV, октябрь, стр. 1—52, ноябрь, стр. 223—274.

Карломъ Фохтомъ), въ наукѣ скептики, въ дѣлѣ вѣры искренновѣрующіе прихожане приходскихъ церквей; такіе встрѣчаются и между католиками, и между протестантами, и православными. Были знаменитые математики изъ іезуитовъ и такихъ искренновѣрующихъ католиковъ, которые вполне были убѣждены, что Пресвятая Дѣва помогала имъ въ разрѣшеніи трудныхъ задачъ и къ изобрѣтенію новыхъ гениальныхъ формулъ.

Къ другой категоріи принадлежатъ ученые, старающіеся примирить свои научныя убѣжденія съ религіозными, а когда же они не достигаютъ такого примиренія, то переходятъ въ третій лагерь—ни во что невѣрующихъ, охотно отрывающій къ себѣ доступъ и только что сошедшимъ съ школьной скамьи.

И вотъ, я полагаю, что каждый человѣкъ науки, и тѣмъ болѣе, конечно, и автобіографъ, обязанъ, прежде всего, рѣшить чистосердечно главный вопросъ жизни—къ которой изъ трехъ категорій онъ причисляетъ себя, во что онъ вѣруетъ и что признаетъ? Но, задавая себѣ этотъ вопросъ, не надо робѣть передъ собою, вилать хвостомъ и пятиться назадъ и отвѣчать самому себѣ двусмысленно.

Виланье, нерѣшительность и неоткровенность непременно приведутъ къ пагубному разладу съ самимъ собою, къ несогласію дѣйствій съ убѣжденіями, упрекамъ совѣсти и къ самоубійству, нравственному и физическому. И прежде всего, этотъ вопросъ требуетъ, чтобы его всякій для себя рѣшилъ *ab ovo*;—уяснилъ бы себѣ предварительно самую суть дѣла, а это значитъ—отвѣтилъ бы себѣ прямо и откровенно: вѣруетъ ли онъ въ Бога и признаетъ ли Его существованіе?

Съ церковной точки зрѣнія это вопросъ, конечно, дерзновенный; но, въ переживаемое нами время, и церковь, и государство, и общество должны мириться, въ собственныхъ интересахъ, какъ и съ дерзостью вопроса, такъ и съ откровенностью отвѣта.

Было время, когда вопросъ о существованіи Бога рѣшался въ Гостинномъ дворѣ, при встрѣчѣ двухъ знакомыхъ:

— „Слышали ли, Петръ Ивановичъ, что Бога нѣтъ“.

— „Что вы, какъ это можно?“

— „Говорю вамъ, что нѣтъ, мнѣ Иванъ Ивановичъ связывалъ вчера“.

Это было, кажется, въ Фонъ-Визинскія времена, а то и не такъ давно, (въ 1850 годахъ), задавали такого рода вопросы ученикамъ (я самъ это слышалъ въ фельдшерской школѣ второго сухопутнаго госпиталя въ Петербургѣ):

— „А почему ты знаешь, что Богъ есть?“ и получали не менѣе умный отвѣтъ: „такъ стоитъ написано въ ватехизисѣ“.

Во времена, когда возможны бываютъ такія проявленія грубаго кощунства въ разныхъ слояхъ общества, конечно, находятъ, пожалуй, еще оправданіе и запретительныя мѣры противъ соблзана. Культурное общество не можетъ допускать безцеремоннаго обращенія ни съ кѣмъ и въ особенности съ Богомъ.

Другое дѣло область современной науки; тутъ не можетъ быть рѣчи о грубости нравовъ, неуваженія къ святынѣ, а потому въ этой области никакія церковныя и государственныя запрещенія не должны, да и не могутъ, нарушать свободу совѣсти, мысли и научнаго разслѣдованія. Церковь — паству, а государство — современное общество могутъ оберегать отъ излишковъ и злоупотребленій свободомыслія только нравственными мѣрами. Это указываютъ знаменія времени. Свободомысліе никогда не слѣдуетъ одному направленію и свободомыслящіе люди науки всегда будутъ раздѣлены на нѣсколько разныхъ лагерей, а потому они не столько опасны, какъ насиліе и произволъ мѣръ, могущіе только соединить разномыслящихъ и сдѣлать пропаганду мнѣній болѣе вліятельною.

Итакъ, съ Богомъ, — о Богѣ.

Хотя это былъ великій язычникъ, — *der grosse Heide*, — (какъ называли Гёте), сказавшій, что онъ говоритъ о Богѣ только съ Богомъ; но я, и христіанинъ, слѣдую его мудрому правилу и набѣгаю распространяться о моихъ задушевныхъ вѣрованіяхъ и убѣжденіяхъ, даже и съ близкими ко мнѣ людьми; Святое святымъ.

Изъ моего міровоззрѣнія, откровенно изложеннаго въ этомъ дневникѣ, я заключаю, что существованіе верховнаго разума, а слѣдовательно и верховной творческой воли, я считаю необходимымъ и неминуемымъ (роковымъ) требованіемъ (постулатомъ) моего собственнаго разума, такъ что если бы я и хотѣлъ теперь не признавать существованіе Бога, то не могъ бы этого сдѣлать, не сойдя съ ума.

Къ такому твердому убѣжденію пришелъ мой семидесятилѣтній умъ послѣ разныхъ блужданій, доходившихъ до полного отрицанія.

Другой старческій умъ, но иного полета и высшаго разряда, сильно волновавшій мою раннюю юность, утверждалъ, что нужно бы было выдумать или изобрѣсти Бога, если бы онъ не существовалъ.

Не смотря на мое прежнее пристрастіе и уваженіе къ талантамъ этого старца, мнѣ все-таки было бы жаль согласиться съ нимъ и признать какое-либо сходство нашихъ убѣжденій и вѣрованій.

Онъ принималъ свой взглядъ обязательнымъ для всего образованнаго свѣта; его: „выдумать, изобрѣсти“ и его „если бы“ предполагають не только возможность, но даже нѣкоторую вѣроятность несуществованія Бога. Я не навязываю никому моего убѣжденія, выработаннаго не безъ труда въ ограниченномъ складѣ моего ума. Я говорю также если бы, но мое если бы предполагаетъ не возможность несуществованія Бога, а только возможность моего сумазбродства.

Воля и хотѣніе нерѣдко бываютъ безумны. Но какъ могло придти мнѣ на мысль выраженіе ставить себя, свой образъ мыслей и выраженій, въ параллель съ изрѣченіями властителя думъ прошлаго столѣтія? Это я дѣлаю потому, что понятіе о Богѣ не признаю спеціальностью мудрецовъ вѣка, а считаю неотъемлемою и самою дорогою собственностью каждаго мыслящаго человѣка.

То, что называется свободою ума и мысли, не есть какой-то безшабашный и беззаконный произволъ. Умъ всегда долженъ на чемъ нибудь останавливаться и находить точку опоры; его станція, можетъ быть (не знаю навѣрное) и безпредѣльны, то есть могутъ переноситься въ безграничныхъ предѣлахъ, но все-таки будутъ для ума современнаго (существующаго въ извѣстное опредѣленное время) предѣльными.

Но эта конституція ума не въ силахъ уничтожить въ немъ стремленіе въ безвыходную безпредѣльность, и вотъ онъ самъ, управляемый своимъ *habeas corpus*, долженъ самъ же слѣдить за его исполненіемъ, обуздывая свое стремленіе къ безпредѣльной свободѣ; оно такъ сильно, что въ переживаемое нами время я слышалъ отъ молодыхъ людей даже вопросы въ родѣ слѣдующаго:

— „А почему мнѣ необходимо принимать, что дважды два—четыре? почему я не свободенъ думать иначе?“ и это не въ шутку.

Опытъ жизни и примѣры большинства обуздываютъ въ единичныхъ случаяхъ разгулъ мнимо-беззаконной свободы ума; но, періодически, эта тяга къ безвыходному положенію, съ непреодолимою силою, увлекаетъ умы цѣлаго общества.

Дѣйствіе конституціи нашего ума и его стремленія находить новыя исходныя или опорныя точки, то есть стремиться все далѣе и далѣе въ непредѣльность, всего яснѣе проявляются въ рѣшеніи главныхъ вопросовъ жизни. Смотря по тому, которое изъ двухъ направлений беретъ перевѣсъ, и главный вопросъ жизни,—вопросъ о Богѣ,—рѣшается умомъ (умомъ,—не вѣрою, *nota bene*) различно.

Умъ конституціонный, ищущій постоянно исходныхъ точекъ и несклонный блуждать въ непредѣльности, приходитъ скоро къ рѣшенію; для этого онъ находитъ исходную точку въ самомъ себѣ, переноситъ ее внѣ себя, въ самую непредѣльность, но, не оставляя своей опоры, останавливается,—*non plus ultra*. Гдѣ приходится остановиться, ближе или дальше отъ себя, это будетъ зависѣть отъ склада конституціоннаго ума, насколько этотъ складъ допуститъ развитію стремленію ума въ непредѣльность.

Умъ конституціонный и положительный можетъ быть только деистомъ или пантеистомъ. И тотъ, и другой свою исходную точку находятъ въ творческой силѣ; но одинъ переноситъ ее внѣ міра, а другой—въ самый міръ.

Умъ, повидимому, не менѣе положительный, можетъ останавливаться и ближе, принявъ самую вселенную за Бога; въ сущности, это было бы колебаніе между пантеизмомъ и атеизмомъ, между желаніями остановиться и блуждать въ безвыходномъ хаосѣ. Между тѣмъ, такое мировоззрѣніе весьма заманчиво для юнаго ума.

Я расскажу, впоследствии, какъ нѣкогда я самъ былъ поборникомъ этого воззрѣнія; современная философія безсознательнаго (которую я, признаюсь, не читалъ) вѣроятно безсознательный творческій міровой умъ (или міровую жизнь) полагаетъ также въ самую вселенную. Для чего, думалось мнѣ во времена оны, служить предположеніе о существованіи Бога? Что объ-

ясняется имъ въ мірозданіи? Развѣ матерія не можетъ и не должна быть вѣчною? Къ чему же лишній ипотезъ, ничего не объясняющій?

Мнѣ было 25 лѣтъ, когда эти назойливые вопросы волновали меня, и, скажу въ мое оправданіе, навязались ко мнѣ *malgré moi*, а я, въ то время, былъ отчаяннымъ специалистомъ моей науки.

Но лѣта, а съ ними и другой образъ жизни и другія, какъ я увѣренъ, болѣе прочныя думы убѣдили меня въ полной неосновательности этого міровоззрѣнія и наносимомъ имъ (рефлексивномъ) вредѣ самому уму. Если и всякое размышленіе требуетъ исходныхъ точекъ, то, при размышленіи о предметахъ отвлеченныхъ, умъ, не находящій нигдѣ самой крайней и, такъ сказать, неприступной опоры, не можетъ сдѣлать ни шагу впередъ, не подвергаясь опасности потерять ее и заблудиться.

Основать же точку опоры на вселенной — значитъ строить зданіе на пескѣ. Главная суть вселенной, не смотря на всю ея непредѣльность и вѣчность, есть проявленіе творческой мысли и творческаго плана въ веществѣ (матеріи); а вещество подвержено измѣненію (въ составѣ и видѣ) и чувственному (научному) разслѣдованію.

Все же измѣняющееся (какъ и въ чемъ бы то ни было) должно имѣть не одни положительныя, но и отрицательныя свойства, а все подлежащее чувственному анализу и разслѣдованію не можетъ считаться за нѣчто законченное, абсолютно вѣрное и опредѣленное.

Но молодой умъ, также какъ и желудокъ молодыхъ людей, все переваривающій, легко усваиваетъ себѣ, какъ я узналъ изъ опыта, и пантеистическое міровоззрѣніе, не ощущая, до поры и до времени, — несносныхъ колебаній, ни сотрясеній отъ шаткости основы.

Верховный разумъ и верховная воля Творца, проявляемые цѣлесообразно посредствомъ мірового ума и міровой жизни, въ веществѣ, — вотъ *plus ultra* челоуѣческаго ума, вотъ то прочное и неизмѣнное, абсолютное, начало, далѣе котораго нельзя идти положительному уму, не сбившись съ толку и съ пути.

Такимъ представляется оно моему складу ума, блуждавшаго не мало въ непроходимыхъ дебряхъ и топяхъ.

Къ чести моего ума, я долженъ упомянуть, однако же, что

онъ, и блуждая, никогда не грязнулъ въ полнѣйшемъ отрицаніи недоступнаго для него и святаго.

Мой бѣдный умъ, и останавливаясь на вселенной (вмѣсто Бога), благоговѣлъ предъ нею, какъ предъ безпредѣльнымъ и вѣчнымъ началомъ.

Никогда онъ, то есть мой умъ, не доходилъ до обожанія случая, и только теперь, уже состарѣвшись, онъ съ удивленіемъ и отвращеніемъ узнаеть, что такой апотеозъ и осуществимъ на дѣлѣ.

Юные и зрѣлые современники моей старости, живя и дѣйствуя въ эпоху лотерей, азіотажа, рулетки и биржевой игры, приучили себя видѣть въ случаѣ одинъ изъ главныхъ рычаговъ жизни. Немудрено, что и основу всего міроздаанія и исходную точку своихъ міровоззрѣній современное поколѣніе можетъ легко перенести на случай.

При случайномъ стеченіи благоприятныхъ условій, изъ первобытной кѣтки (яйца) развивается первобытный организмъ; онъ, при новомъ случайномъ стеченіи другихъ внѣшнихъ обстоятельствъ, принимаетъ тотъ или другой видъ; этотъ видъ, въ свою очередь, случайно встрѣтивши въ окружающей его средѣ или удобство, или препятствіе, принимаетъ то высшую организацію, то, лишаясь того или другого органа, переходитъ въ другой видъ или же и исчезаетъ. Уродилось-ли случайно въ какомъ-нибудь органическомъ видѣ болѣе вѣрныхъ и здоровыхъ особей, подборъ вышелъ удачнымъ и побѣда въ борьбѣ за существованіе за этимъ видомъ.

Такъ случай за случаемъ доводитъ, переходами изъ одного вида въ другой, до вида млекопитающаго, а отсюда рукой подать и до человека, умъ котораго открываетъ ему, наконецъ, что кѣтка, произведшая его (то есть человекъ, а потому, пожалуй, и умъ), ничѣмъ существеннымъ не отличающаясь отъ другой животной кѣтки, только благодаря окружающей средѣ, случаю и времени, вывела на свѣтъ его, или ему сродственную обезьяну.

Не мнѣ быть критикомъ, противникомъ или защитникомъ и приверженцемъ современнаго ученія; въ немъ очевидна геніальность наблюдателя, умѣвшаго придать глубокое научное значеніе добытымъ имъ фактамъ и разслѣдованіямъ явленій.

Доктрина, обязанная своимъ происхожденіемъ такому геніаль-

ному наблюдателю, не могла не дать повода къ новымъ взглядамъ на органическій міръ и къ новымъ его изслѣдованіямъ.

Все это, однако же, не сдѣлаетъ меня легковѣрнымъ. О перерожденіи и переходахъ животныхъ видовъ и родовъ говорилось не со вчерашняго дня. Известно, какъ Гёте изумилъ всѣхъ своимъ восклицаніемъ, когда начался объ этомъ дѣлѣ знаменитый споръ во французской академіи между Кювье и Жоффруа Сент-Илеромъ; подумали, что восклицаніе это относилось въ вакоу-либо мировому политическому событію.

Ламарь, если не ошибаюсь, говорилъ или, лучше, намечалъ и о происхожденіи человѣка отъ обезьяны; по крайней мѣрѣ этотъ взглядъ былъ въ ходу и въ 1830 годахъ; я помню, какъ однажды мой дерптскій учитель, профессоръ хирургіи Мойеръ (въ 1832 году), ѣхавъ со мною за городомъ, удивилъ меня вопросомъ: „а какъ вы думаете, Пироговъ, не происходитъ ли мы всѣ отъ обезьянъ?“

Такъ, зная, что доктрина, занимающая современные умы, и была terra incognita и для предшественниковъ, какъ-то державъ себя осторожнѣе отъ увлеченій.

Впрочемъ, я нисколько не скандализируюсь происхожденіемъ человѣка отъ обезьяны; тѣмъ болѣе чести уму какового бы то ни было существа, если оно счумѣло выйти, хотя бы и случайно, въ люди. Для меня, однако же, не менѣе вѣроятенъ и обратный переходъ человѣка въ обезьяну, — совершающійся почти на нашихъ глазахъ.

И почему, въ самомъ дѣлѣ, въ тѣ до-историческія времена, когда наша планета производила ихтиозавровъ, мамонтовъ и другихъ великановъ, она не могла произвести и допотопнаго человѣка-гиганта, съ огромнымъ мозгомъ; а такъ какъ умъ нашъ мозговой, то почему бы и онъ не могъ быть огромнымъ; въ такомъ случаѣ это былъ бы совершеннѣйшій изъ людей, великъ и уменъ. Ихтиозавры и мамонты перевелись и переродились, и человѣкъ-гигантъ могъ также перевестись и переродиться въ шимпанзею, орангутанговъ, буммасовъ, обитателей Новой Гвинеи и т. д.

Принимая, весьма хладнокровно, взглядъ на происхожденіе мое отъ обезьяны, я не могу слышать безъ отвращенія и перенести ни малѣйшаго намека: объ отсутствіи творческаго плана и творческой цѣлесообразности въ мірозданіи; а потому иногда

не допущу, чтобы первобытная клѣтка и даже первобытная протоплазма не заключала въ себѣ творческой мысли о ея конечномъ назначеніи и творческое (цѣлесообразное) предопредѣленіе всѣхъ формъ, прототипъ которыхъ долженъ былъ изъ нея развиваться.

Не странно ли, однако, что прежде вовсе нетруднымъ казалось вѣрить въ происхожденіе людей и всего животнаго царства отъ нѣсколькихъ паръ и даже отъ одной; а теперь, также безъ труда вѣрять въ переходы и перерожденія самыхъ отдаленныхъ типовъ животныхъ.

Причину легковѣрія въ обоихъ случаяхъ я нахожу въ задней мысли, всѣмъ подсказывающей, что самая суть дѣла ни въ томъ, ни въ другомъ взглядѣ не выясняется.

Пара ли готовыхъ уже животныхъ, или одна безформенная протоплазма вышли впервые на свѣтъ, — въ обоихъ случаяхъ остается нѣкъ, что заставило атомы вещества складываться въ обформенное существо, способное къ самостоятельному бытію, къ борьбѣ за существованіе, наслѣдственности и произведенію новыхъ себѣ подобныхъ или несходныхъ съ собою (*generationswechsel*) существъ.

Могу ли же я легко убѣдиться въ непогрѣшимости доктрины, увлекающіеся приверженцы которой готовы, пожалуй, поставить на пьедесталъ случай, замѣнивъ имъ Бога и отвергнувъ, какъ лишній хламъ, и планъ, и цѣлесообразность въ мірозданіи? По моему, это значило бы признать себя какими-то бастардами отъ случая случая съ случайною же природою. Но современное міровоззрѣніе имѣетъ для естествоиспытателя ту привлекательную сторону, что въ немъ предполагаемое прошлое соглашено съ настоящимъ и соответствуетъ ему пока, т. е. до поры и до времени, болѣе, чѣмъ въ другихъ міровоззрѣніяхъ.

Все рождено, не сотворено. Не опредѣленная, по предназначенному творческою мыслью плану, типичность органическихъ формъ, не творческая цѣлесообразность въ устройствѣ типичныхъ организмовъ и переходныхъ формъ занимаютъ первое мѣсто въ современномъ міровоззрѣніи, а внѣшнія физическія условія и случайная индивидуальность, и такъ какъ искусство перерожденія и размноженія животныхъ и растительныхъ организмовъ, съ практическою цѣлью улучшенія разныхъ продуктовъ, не достигало еще такого совершенства, какъ въ переживаемое

нами время, то понятно, что добытые практическимъ путемъ весьма наглядные результаты не могли не повліять и на умственные отвлеченія.

Отвлеченное творчество, творческіе планъ и мысль, предначертанная цѣлесообразность типовъ въ мірозданіи, все это ушло на задній планъ, и что достигается искусствомъ современныхъ культиваторовъ органическихъ расъ, породъ и видовъ, то въ натурѣ поручилось дѣлать случайному подбору особей и случайному стеченію разныхъ физическихъ условий:

И вотъ уже слышится и мораль переживаемаго: „а ларчикъ просто открывался“.

Но что же такое это случай? Какой это простой *deus ex machina*, играющій такую видную роль въ нашихъ дѣлахъ и мысляхъ?

Едва ли не придется мнѣ отвѣтить на это: не знаю.

Одно изъ двухъ мнѣ кажется несомнѣннымъ: или нѣтъ вовсе случая, или между случаемъ и тѣмъ, съ кѣмъ онъ случился— есть какое-нибудь отношеніе; впрочемъ, оба предположенія въ конечномъ результатѣ сводятся на одно и то же.

Вида, на каждомъ шагу, связь между дѣйствіями и причинами, отыскивая по бессознательному (невольному) требованію разсудка вездѣ причину, гдѣ есть дѣйствіе, мы, неминуемо, роковымъ образомъ, приходимъ къ заключенію, что и между всѣми дѣйствіями и всѣми причинами существуетъ неразрывная, вѣчная связь.

При такомъ взглядѣ, случай будетъ не болѣе какъ дѣйствіе, причина или причины котораго намъ еще неизвѣстны, а для многихъ событій, можно утверждать а ргіогі, и никогда не будутъ извѣстны. Это почему? А потому, что стеченіе обстоятельствъ въ одну быющую точку,—случай,—бываетъ до того сложно, что для опредѣленія его понадобилось бы невозможное знаніе всего прошлаго и настоящаго.

Мы такъ привыкли къ случайностямъ, что случай кажется намъ самымъ обыкновеннымъ, естественнымъ дѣломъ, — и это слава Богу; не живя въ міражѣ обыкновеннаго и незаслуживающаго вниманія, мы бы нажили себѣ галлюцинацію висящаго надъ нами Дамоклова меча.

Но какъ только мы остановимся, почему бы то ни было, хотя

на одномъ самомъ обыкновенномъ событіи, касающемся насъ лично, то не избѣгнемъ невольнаго вопроса: при чемъ я тутъ, зачѣмъ оно коснулось именно меня?

По большей части причины нашей прикосновенности къ какому-нибудь событію для насъ ясны и просты, то есть кажутся для насъ такими; но нерѣдко причины отношеній моихъ къ событію для меня скрыты, а не быть имъ нельзя.

Молнія ударила въ мой домъ, почему именно въ мой? Я нахожу причину въ стоявшемъ возлѣ деревѣ; у меня на крышѣ не было отвода, а на сосѣднемъ домѣ былъ. Я довольствуюсь такимъ объясненіемъ; еще болѣе буду имъ доволенъ, если молнія, градъ, саранча и тому подобныя прелести повредили не только мнѣ, но и сосѣднія поля; тутъ ясно кажется, что существовали, хотя и неизвѣстныя, физическія условія, притянувшія сюда грозовыя облака.

Но я выигралъ въ лотереѣ билетъ; почему? Тутъ уже стой! стоить машина! Что мой № 20 подвернулся, а не другой, это, положимъ, еще можно будетъ когда-нибудь объяснить, распутавъ узелъ разныхъ физическихъ обстоятельствъ, но почему именно мнѣ попался въ руки № 20? а между тѣмъ, не можетъ быть, чтобы онъ не имѣлъ какого-либо отношенія ко мнѣ прежде, чѣмъ онъ сдѣлалъ меня владѣтелемъ 100,000 руб., вторымъ, выигравъ, я прокутилъ, проигралъ и, въ концѣ концовъ, застрѣлился. И мнѣ, послѣ этого, то есть не послѣ, а прежде, будутъ увѣрять, что я и мой № 20 не имѣли между собою ничего общаго; я могъ купить и 10, и 100, могъ выиграть и 25, и 30; да, возможное только, случилось такъ, могло и не случиться, но если разъ случилось, такъ какъ же безъ причины, само по себѣ? Это былъ бы нонсенсъ, нелѣпость, абсурдъ.

Значить, случай—*asylum ignoanti*; но незнаніе наше съ духомъ, оно не хочетъ прямо сказать: не знаю, а, замѣняя свое незнаніе словомъ случай, оно хочетъ этимъ сказать: что я-де повуда не знаю, или не хочу звать почему, или же это ясно для всѣхъ, почему? потому что, видите ли, случай.

Такъ что же, послѣ этого, ты казуистъ или фаталистъ что-ли?— задаю себѣ вопросъ.

Я независимый, то есть, независимый отъ предвзятыхъ мнѣній и доктринъ. Въ сужденіяхъ объ отвлеченныхъ предметахъ,

въ примѣненіи ихъ къ практической жизни, не нужно добиваться, во что бы то ни стало, послѣдовательности.

Сказать, что случай все рѣшаетъ въ жизни—нелѣпно; но считать нелѣпнымъ прежнее убѣжденіе, что и маловажныя, повидимому, событія могутъ имѣть роковыя послѣдствія—еще болѣе нелѣпно.

Какое дѣло, что маловажному событію предшествовалъ цѣлый рядъ другихъ, скрытыхъ, но болѣе существенныхъ обстоятельствъ, рѣшающимъ, и именно въ данный моментъ времени, было все таки то, что называется невидною случайностью.

Скалу подтачивала цѣлые вѣка вода, зданіе гнило и подтачивалось подъ землю; вдругъ, отъ небольшого сотрясенія, въ одинъ прекрасный день (они) падаютъ. Что тутъ рѣшающее обстоятельство? Все-ли равно, упади скала и зданіе днемъ ранѣе или днемъ позже? Всѣ правы, признавая самымъ главнымъ рѣшающимъ моментомъ тотъ, когда случается роковое событіе.

У Наполеона спотыкается конь о маленькой камушекъ; Наполеонъ падаетъ и, вставъ, говоритъ, что этотъ камушекъ могъ сдѣлаться рѣшителемъ судебъ Европы. Наполеонъ былъ совершенно правъ, дѣлая рѣшителемъ судебъ въ этотъ моментъ и себя, а камень.

Случай, часто и однообразно повторяющійся, перестаетъ, въ нашихъ глазахъ, быть случаемъ по двумъ причинамъ: мы получаемъ болѣе времени и средствъ для изслѣдованія и узнаемъ причину; или же мы просто привыкаемъ—и прежде случайное, рѣдкое и необыкновенное дѣлается обыкновеннымъ и насущнымъ.

Узнавъ, что большая часть браковъ совершается осенью, и трудно было догадаться почему; но, узнавъ по статистическимъ даннымъ, что ежегодно встрѣчается почти одна и та же цифра ошибочныхъ адресовъ на письмахъ, мы перестаемъ этому удивляться, хотя и не знаемъ причины почему люди всегда, въ известной мѣрѣ, разбѣяны при отправкѣ своихъ писемъ на почту.

Еще необъяснимѣе для насъ, случающееся весьма нерѣдко, счастье въ азартныхъ играхъ, лотереяхъ, рулеткѣ и, наконецъ, вообще счастье въ жизни, но мы только завидуемъ этому, но не удивляемся.

Необыденность, разнообразность и безпричинность—вотъ признаки случайнаго событія.

Чѣмъ чаще повторяется одно и то же случайное, то есть

Безпричинное событіе, тѣмъ невѣроятнѣе кажется намъ, что оно опять повторится; о томъ, кто всякій разъ попадаетъ въ цѣль, или выигрываетъ, мы, не безъ злорадства, думаемъ: авось (въ авось всегда заключается извѣстная степень вѣроятности) промахнется или проиграетъ; если дождь льется цѣлыя недѣли, то съ каждымъ днемъ мы все болѣе надѣемся и увѣряемся, что онъ перестанетъ.

Но всѣ наши предположенія тотчасъ же принимаютъ другой характеръ, какъ скоро мы открываемъ или только подозрѣваемъ причину событія.

Тогда, при сужденіи, мы уже не на то смотримъ—часто ли или рѣдко оно случается; все вниманіе наше перемищается съ событія на его причину.

Но причинность цѣлаго логіона міровыхъ событій и явленій можетъ быть разслѣдована только по двумъ направленіямъ; мы можемъ перемищать наше предположеніе объ этой причинности то въ самый субстратъ, то есть въ вещество, служащее субстратомъ явленія, то внѣ его; это перемищеніе зависитъ отъ степени точности нашихъ знаній; чѣмъ они точнѣе, тѣмъ болѣе перемищаемъ мы и причину внѣ явленія; всему, однако же, есть предѣлъ; чѣмъ болѣе дѣлаемъ мы, наприимѣръ, причину какого-либо явленія въ органическомъ мірѣ внѣшнейю, тѣмъ болѣе сообщаемъ ей случайный характеръ. Поэтому-то я въ современномъ міровозрѣніи на органической мірѣ и нахожу, что въ немъ случаю предоставлена слишкомъ главная роль.

Уже давно отважные шовцы въ полярныхъ странахъ мышленія заставляли случай приводить въ порядокъ разсыянные или скученные въ хаосѣ атомы вещества; Цицеронъ, сколько я помню, занимался уже опроверженіемъ этой знаменитой доктрины. Мнѣ кажется, въ наше время мы не далеки отъ подобнаго же ученія, только съ большими притязаніями на точность и фактичность.

Но какъ бы ни были прогрессивны и точны наши свѣдѣнія, лишь только мы отвергнемъ присутствіе въ атомахъ первобытной органической образовательной силы, влекущей ихъ къ извѣстнаго рода группировкамъ, намъ придется все дѣло передать въ руки случая.

Если бы въ самые первые моменты творенія, при самомъ первомъ зарожденіи органическаго вещества, атомы его не имѣли этого влеченія къ группировкѣ, въ опредѣленные типическія

формы, то кто же, какъ не стихійныя силы, случайно производили тотъ или другой типъ, случайно же способствуя переходамъ и превращеніямъ одного въ другой. Откуда бы взялся различію особей одного и того же типа, если бы случайное стеченіе разныхъ условій не благопріятствовало развитію одной особи и не задерживало развитія другой. Чему-нибудь да нужно дать предпочтеніе—предопредѣленію или случаю.

Я—за предопредѣленіе.

По моему, все, что случается, должно было случиться и не быть не могло.

Все случающееся связано неразрывно цѣпью причинъ съ случившимся. Эта, навсегда отъ насъ скрытая, цѣпь соединяетъ причины случая съ тѣмъ, что случается. Значитъ — фатализмъ. Да, какъ умозрѣніе, наиболѣе уживающееся въ моемъ умѣ и потому кажущееся мнѣ наиболѣе логичнымъ и послѣдовательнымъ.

Изъ этого не слѣдуетъ, однако же, что и въ жизни, на дѣлѣ, надо проявлять это умозрѣніе и быть фаталистомъ. Во первыхъ, не накурившись опія и не наѣвшись гашиша, нельзя быть послѣдовательнымъ фаталистомъ; во вторыхъ, случай, не смотря на предопредѣленіе, все-таки будетъ существовать для насъ, на практикѣ, такъ какъ причинная связь событій и явленій намъ навсегда останется невѣдомою; мы всегда будемъ жить въ миражѣ, всегда будетъ намъ казаться, что все происходящее могло быть и не быть. Безъ этого миража, безъ нашего незнанія причинной связи всѣхъ событій, мы были бы самыя несчастныя существа,—фаталисты не по убѣжденію, а по неволѣ.

Магометанинъ,—фаталистъ по убѣжденію,—не считаетъ, на примѣръ, вовсе противнымъ своему убѣжденію воевать и завоевывать, слѣдовательно дѣйствовать; а послѣдовательно строгое примѣненіе въ жизни ученія о предопредѣленіи должно вести къ полному бездѣйствію. Это лежитъ въ натурѣ всѣхъ отвлеченныхъ понятій, что, проведенныя послѣдовательно до самой крайности умозрѣніемъ, они дѣлаются непримѣнными къ жизни и оканчиваются тѣмъ, что французы называютъ *aveuglement logique* (логическое ослѣпленіе).

Для жизни необходимы миражи и галлюцинаціи, и мы галлюцинируемъ, не замѣчая этого, бессознательно; только галлюцинаціи внѣшнихъ чувствъ (зрѣнія, слуха и пр.) намъ замѣтны,

а галлюцинаціи воображенія, памяти, самаго ума, замѣчаются нами только въ домахъ умалишенныхъ; между тѣмъ, именно эти постоянные, бессознательные, родившіеся съ нами на свѣтъ миражи и составляютъ одну изъ главныхъ пружинъ нашего общественнаго и нравственнаго быта; живя въ этихъ миражахъ съ колыбели до могилы, и потому не имѣя возможности отличить кажущееся отъ дѣйствительнаго, мы поневолѣ,—не имѣя возможности поступать иначе,—осуждены считать кажущееся дѣйствительнымъ; увѣренность въ дѣйствительное миража, къ нашему счастью, такъ сильна въ насъ, что мы готовы за него и жертвовать самою жизнію.

По временамъ, и то при извѣстномъ складѣ ума, мы, отвлекаясь отъ практической жизни, желаемъ составить себѣ о ней стройное и послѣдовательное понятіе,—и оно-то выходитъ всегда противорѣчащимъ тому, что мы считаемъ дѣйствительнымъ; такъ, умозрѣніе приводитъ насъ къ одному изъ двухъ выводовъ: или нѣтъ случая, и все, что есть, должно быть, или что есть — могло быть и не быть; соединить эти два вывода между собою и принять и то, и другое логически — абсурдъ; а въ жизни этотъ абсурдъ встрѣчается на каждомъ шагу и встрѣча съ нимъ насъ нисколько не смущаетъ и не коробитъ; мы спокойно продолжаемъ шествовать и жить припѣваючи. И развѣ это не миражъ: разсудокъ приводитъ къ умозаключенію, противорѣчащему или наполовину, или вовсе дѣйствительному.

Выходитъ одно изъ двухъ: или нашъ умъ, съ его способностью отвлеченія и умозрѣнія, не приспособленъ къ дѣйствительности и потому ненормаленъ, и отвлеченія его ненормальны, или же кажущееся намъ дѣйствительнымъ не таково. Я соглашаюсь скорѣе жить въ миражѣ, чѣмъ считать способность и потребность ума къ отвлеченію чѣмъ-то ненормальнымъ, хотя я и не прочь подозрѣвать въ излишвахъ этой способности удаленіе отъ нормы со всѣми его послѣдствіями.

Стопъ машина!—Я началъ за здравіе, свелъ за упокой.

Но, бесѣдуя съ самимъ собою, почему не дать простора ходу мыслей?

И не прочитывая зады, я помню, что остановился на переходѣ изъ дома и школы въ жизнь и, прежде всего, въ университетскую жизнь. И вотъ теперь семидесятилѣтній старикъ,

требуя отчета о вѣрованіяхъ и убѣжденіяхъ четырнадцатилѣтняго студента, считаетъ нужнымъ сначала раскрыть свои старческія,— и это для того, чтобы, сравнивъ ихъ съ своими же юношескими, представить себѣ наглядно какимъ переворотамъ и перипетіямъ суждено было имъ подвергнуться въ теченіи шестидесятипятилѣтняго срока.

Но все, что я высказалъ до сихъ поръ о моихъ теперешнихъ взглядахъ на жизнь и мірозданіе, относится къ разряду убѣжденій, основанныхъ на умозрѣніи и знаніи. А это не вѣрованіе. Нужно уяснить себѣ главное въ практической жизни: во что я вѣрую?

XXXIII.

Начну съ того, что вѣру я считаю такою психическою способностью человѣка, которая болѣе всѣхъ другихъ отличаетъ его отъ животныхъ. Чувственные и приобретаемые опытомъ знанія, а слѣдовательно и задатки ума существуютъ и у животныхъ, память и воображеніе—также; соображеніе и разсудочность приспособлены у животныхъ къ ихъ жизненнымъ потребностямъ и инстинктамъ; о волѣ и говорить нечего, безъ нея животное приближается къ переходу въ растеніе. Чувства любви, надежды, радости, печали—всѣ они проявляются, хотя *in statu nascente*, и у животнаго. Но вѣры нѣтъ и слѣда—почему?

Причина лежитъ, по моему, какъ въ свойствахъ сознательности животнаго, такъ и въ свойствахъ нашей способности вѣровать. Животное, безъ сомнѣнія, обладаетъ сознаниемъ; оно ощущаетъ свое бытіе и свою индивидуальность (личность); но животное не сознаетъ, какъ мы, своего чувственного сознанія и потому представленіе и понятіе его о своей индивидуальности не такъ ясны и отчетливы, какъ у насъ. Личность животнаго сливается въ его представленіи болѣе, чѣмъ у насъ, съ окружающимъ его міромъ; это потому, что намъ объ ощущеніи нашего личнаго бытія напоминаетъ безпрестанно сознаніе этого болѣе или менѣе сознательнаго ощущенія; эту-то нашу способность сознавать, что мы сознаемъ себя, и нужно назвать самосознаниемъ; его нѣтъ у животнаго, только въ смыслѣ ощущенія созна-

ющаго свое бытіе, а между этимъ чувственнымъ сознаниемъ личнаго бытія и тѣмъ, которое сознаетъ свое чувственное сознание бытія (самосознание), не мало разстоянія.

Вѣра безъ самосознанія немислима. Свойства же нашей способности вѣровать таковы, что она проявляется для насъ какъ бы отрѣшившеюся отъ всѣхъ другихъ чувственныхъ представленій; конечно, это миражъ. Чувства, необходимыя для нашего бытія и самосознанія, безусловно необходимы и для осуществленія въ насъ способности вѣровать; но какъ скоро, при развитіи этой способности, самосознание наше, отвлекаясь отъ чувственнаго сознанія, перестаетъ слѣдить за нимъ, и сосредоточиваетъ свою дѣятельность въ другой области представленій,—отвлеченное (болѣе или менѣе) отъ чувственнаго самоощущенія, и какъ-бы сосредоточенное въ самомъ себѣ, наше самосознание творить внѣ-чувственные идеалы. Къ нимъ, въ этимъ сверхчувственнымъ идеаламъ, приводитъ неминуемо наша способность вѣровать, въ высшемъ ея развитіи; на низшихъ же степеняхъ развитія она еще напоминаетъ, какъ и все человѣческое, о безусловной зависимости отъ чувственнаго.

Поэтому-то я и утверждаю въ моемъ мировоззрѣніи, что *cogito ergo sum* Декарта справедливѣе замѣнить *sentio ergo sum*. Наше *sum*, или я есмь—только рефлексъ ощущенія бытія; съ нимъ сходны звуки, издаваемые животными, свидѣтельствующіе объ ощущеніи ими также личнаго бытія. А наше *cogito* есть уже самосознание, то есть сознание ощущенія бытія, которое можетъ быть и не вполне сознательное (какъ у животныхъ и у насъ при не нормальномъ состояніи тѣла или психическихъ способностей).

Если верховный разумъ Творца заблагоразсудилъ произвести человѣческій родъ отъ обезьяны, то, несомнѣнно, вѣра въ человѣкъ развилаcь постепенно въ теченіи вѣковъ, изъ грубыхъ чувственныхъ представленій, взятыхъ имъ изъ окружающей природы.

Но родословная наша еще не скрѣплена и не въ рукахъ точной науки; поэтому возможно еще и невѣроятное. Въ такомъ случаѣ, возможна и маловѣроятная для современной науки гипотеза о происхожденіи первобытнаго человѣческаго типа, теперь уже выродившагося, принесшаго съ собою на свѣтъ всѣ задатки высшихъ способностей души, въ томъ числѣ и вѣры.

Какъ бы то ни было, но божествомъ каждаго культурнаго общества въ историческія времена всегда были и будутъ или идеаль, или абсурдъ. Этимъ и отличается также вѣра отъ знанія; если вѣра и не есть непремѣнный антагонистъ знанія, а положительная (догматическая) даже требуетъ его,—основныя ихъ начала не сходны между собою и никогда не сойдутся. Сомнѣніе—вотъ основа знанія.

Безусловное довѣріе къ избранному идеалу — вотъ начало вѣры. Нѣтъ нужды, если онъ будетъ абсурдомъ. *Credo quia absurdum est.* Въ этомъ изрѣченіи Тертуліана, одного изъ столповъ церкви, глубокая правда. Истинно вѣрующему нѣтъ дѣла до результатовъ положительнаго знанія. Эта черта проводится нами замѣтно и въ простыхъ житейскихъ дѣлахъ. Если я получаю почему-либо полное довѣріе къ какой-нибудь личности, то я не разбираю болѣе—знающая она, образованная, интеллигентная или нѣтъ; я вѣрю ей на-слово, вѣрю и безъ словъ, однимъ, такъ сказать, взмахомъ души. Такъ знаніе и глубокомысленность уживаются въ одной душѣ вмѣстѣ съ вѣрою, не нуждающеюся въ знаніи. Способность познавать, основанная на сомнѣніи, не допускаетъ вѣры; но вѣра не стѣсняется знаніемъ и идетъ своимъ путемъ. Идеаль, служащій основаніемъ вѣры, даже абсурдный, не допуская и тѣни сомнѣнія, становится выше всякаго знанія и помимо его стремится къ достиженію истины.

Карлъ Фохтъ смѣялся надъ возможностью соединить вѣру и знаніе, противорѣчащее въ своихъ результатахъ догматамъ вѣры; онъ называлъ это двойною бухгалтеріею души. Правда, глубина и многосторонность знанія, по принципу, препятствуютъ не только полету, но и развитію идеаловъ, если они не требуютъ точнаго научнаго знанія. Но и то правда, что наша разсудочная послѣдовательность ограничена.

Строго послѣдовательными могутъ быть, и то относительно, только два сорта людей: вѣрные духомъ и ограниченныя, односторонніе специалисты. Когда я считалъ специализмъ главною цѣлью жизни, я подписалъ подъ своимъ портретомъ, литографированнымъ въ Дерптѣ, что быть послѣдовательнымъ для меня главное, и я былъ тогда дѣйствительно послѣдовательнымъ до чертнговъ; но по мѣрѣ того, какъ я знакомился съ жизнью и наукою — и мировоззрѣніе мое дѣлалось менѣе ограниченнымъ;

я прозрѣлъ и убѣдился, что, не принадлежавъ къ разряду *esprits forts*, нельзя быть вполне послѣдовательнымъ. Что я говорю? Можно. Но какъ? сдѣлавшись подлецомъ передъ Богомъ и передъ собою.

Да, не иначе, *esprit fort*,—и вѣрующій, и невѣрующій,—онъ можетъ быть и тѣмъ, и другимъ,—въ сущности, всегда во что нибудь да вѣрующій, по малой мѣрѣ, убѣжденный во что нибудь до *pes plus ultra*; вѣруя же, онъ можетъ быть и по евангельски нищимъ духомъ,—и нищій бываетъ и крѣпкимъ, и сильнымъ.

Самая характерная черта крѣпкаго духомъ та, что онъ, счастливый и несчастный, больной и здоровый, живя и умирая, продолжаетъ безтрепетно, спокойно, безъ всякаго разлада съ самимъ собою, вѣрить или не вѣрить, а не вѣрить (для) *esprit fort* значить, по моему, вѣрить въ ничто, то есть въ абсурдъ, *credit quia absurdum est*. Поэтому, истинный, непритворный и неподдѣльный (отрицатель) не можетъ не быть *esprit fort*.

Если все это такъ, то крѣпкій духомъ не можетъ не быть и одностороннимъ, и потому онъ сходится съ разрядомъ одностороннихъ и ограниченныхъ специалистовъ, которые, въ свою очередь, не есть еще евангельскій нищій духомъ.

Другое дѣло съ людьми, не принадлежащими къ этимъ двумъ разрядамъ; между ними есть также и вѣрующіе, и невѣрующіе, пріобрѣтшіе глубокія научныя знанія, и невѣжи, и неучи. Для такихъ людей,—а имя ихъ легионъ,—неуступчивая, неупругая и несокрушимая послѣдовательность немислима, и какъ ни различенъ складъ ума большинства людей изъ этого разряда, всѣ они имѣютъ то общее имъ свойство, что могутъ вести у себя и съ собою двойную бухгалтерію, какъ это названо К. Фохтомъ. Это значить, что личность, принадлежащая къ этой категоріи, можетъ быть въ одно и то же время и человекомъ науки, и человекомъ вѣры, и въ вѣрѣ и въ наукѣ вполне искреннимъ; идеалъ вѣры,—собственный или сообщенный,—мирится въ такой личности съ результатами, полученными путемъ науки; спокойствіе, поселяемое въ душѣ вѣрою въ идеалъ, хотя бы абсурдный, съ научной точки зрѣнія не нарушается несовпаденіемъ итоговъ двойной бухгалтеріи. Какъ не благодарить Бога тому, кто своевременно разуваетъ въ себѣ эту чудную, примиряющую способ-

ность души; но нечего роптать, сѣтовать, сомнѣваться и насмѣхаться и тому, кто не понимаетъ или не хочетъ понять возможности существованія этого психическаго свойства.

И едва ли крайняя послѣдовательность принадлежитъ къ нормальнымъ свойствамъ человѣческаго духа. Бѣда, если ее захочетъ себѣ навязать человѣкъ не сильный духомъ или неограниченный; онъ неминуемо сподличаетъ. Подлецъ, въ моихъ глазахъ, передъ Богомъ и передъ собою тотъ, кто, отвергнувъ всѣ идеалы вѣры и ставъ въ ряды атеизма, въ бѣдѣ измѣняетъ на время свои убѣжденія, и, всего хуже, если дѣлаетъ еще это тайкомъ, а убѣжденія свои разглашаетъ открыто. А такихъ господъ не мало. Къ нимъ принадлежалъ нѣкогда и я самъ, пока не познакомился съ собою хорошенько. Да, трудно простить себѣ такую подлость, хотя бы и временную и невольную; въ продолженіи моей автобіографіи я не утаю отъ себя ничего, что заслуживаетъ самобичеванія и постараюсь напомнить себѣ, когда и какъ я былъ подлецомъ предъ Богомъ и предъ собою.

Теперь, когда я убѣдился, что люди моего склада ума не могутъ и не должны стремиться къ достиженію крайнихъ предѣловъ послѣдовательности, я сдѣлался искренно вѣрующимъ, не утративъ нисколько моихъ научныхъ, мыслью и опытомъ приобретенныхъ, убѣжденій.

Какой же идеалъ моей вѣры?

То, что называется вѣрить въ Бога, можетъ быть названо только въ томъ случаѣ, когда умъ не дошелъ еще до необходимости признавать Бога исходною точкою, своимъ *pes plus ultra*. Мой бѣдный, не разъ блуждающій, умъ остановился на этомъ признаніи; для меня существованіе Верховнаго Разума и Верховной Воли сдѣлалось такою же необходимостью, какъ мое собственное, умственное и нравственное существованіе. Но остановиться на этомъ требованіи ума еще не значило бы для меня быть вѣрующимъ, это значило бы быть деистомъ, а деизмъ, по моему, еще не вѣра, а доктрина.

Для нравственнаго моего быта необходимъ былъ идеалъ болѣе человѣческой, болѣе близкій ко мнѣ. Входя все глубже и глубже въ себя во время разныхъ испытаній жизни, я понялъ, наконецъ, почему культурныя племена, дошедъ до извѣстной степени чело-вѣчности, такъ нуждаются въ идеалѣ Богочеловѣка. Слабость

тѣла и духа, болѣзнь, нужда, горе и бѣды считаются главными разсадниками вѣры.

Мой знакомый докторъ Гроби въ Парижѣ утверждалъ даже, что основу всякой религii нужно отыскивать въ паталогii чело-вѣка. Гораздо вѣрнѣе этого извѣстное: *weg nicht sein Brod mit Thränen ass* и проч.

Но какъ ни сильны эти мотивы, не одинъ, однако же, плачь и скрежетъ зубовъ приводитъ насъ въ утѣшительному идеалу Богочеловѣка, и радость, въ двухъ ея видахъ, увлекаетъ насъ невольно къ этому же самому идеалу. Когда на душѣ тишь да гладь, да Божья благодать, или когда душа восторженна и торже-ствуешь, она всегда находитъ въ этихъ двухъ видахъ радости причину сближенiя съ другимъ, и непременно высшимъ, какъ будто ей сочувствующимъ существомъ, началомъ, — не знаю съ чѣмъ-то.

Это сочувствующее всему человѣческому и болѣе чѣмъ зна-комое со всѣми нашими слабостями, нуждами, печалами и радо-стями начало такъ свойственно намъ, что олицетворенiе его дѣ-лается неминуемою потребностью нашего духа; олицетворенное дѣлается звѣномъ, соединяющимъ насъ, тѣмъ, предъ чѣмъ оста-навливается нашъ умъ, какъ предъ непостижимымъ для него абсолютъмъ.

Верховный вселенскiй Разумъ и Верховная Воля дѣлаются достуиѣе для насъ въ лицѣ Богочеловѣка. Идеалъ вѣры въ Бого-человѣка до того кажется мнѣ теперь свойственнымъ человѣческой душѣ, что и примѣненiе къ нему извѣстнаго изреченiя Вольтера я не считалъ бы такимъ кощунствомъ, какимъ оно мнѣ пред-ставляется въ отношенiи къ Богу. Не даромъ высшiя культурныя племена все свое богопочитанiе основывали на идеалѣ олицетво-ренiя не только божества, но и каждаго изъ его свойствъ.

Олицетворенiе неминуемо входило въ идеалы вѣръ какъ по-литеизма, такъ и монотеизма. Егова евреевъ, боровшiйся подъ видомъ чело-вѣка съ Иаковимъ, былъ не только Богомъ, прини-мавшимъ участiе въ дѣлахъ человѣческихъ вообще, но еще и Богомъ національнымъ еврейскаго народа.

Да и какъ возможно бы было чело-вѣку, разъ принявшему существованiе Бога необходимымъ, остановиться неподвижно на одномъ деизмѣ. Это, какъ я самъ испыталъ на себѣ, значило бы

насловать себя, оставаться холоднымъ и равнодушнымъ къ Тому, Кого нашъ же умъ призналъ за начало началъ; а чтобы не быть къ Нему безразличнымъ, чтобы любить или ненавидѣть Его— необходимо дѣлается признать въ Немъ какія либо нравственныя или матеріальныя отношенія къ себѣ. И въ самыхъ тайникахъ человѣческой души, рано или поздно, но неминусемо долженъ былъ развиться осуществленный идеаль Богочеловѣка.

Воплощеніе же этого, задолго передъ тѣмъ уже предчувствованнаго идеала, высшаго и утѣшительнѣйшаго изъ идеаловъ, — не могло не внести въ сердца людей новыя (и едва ли до того испытанныя) чувства мирнаго блаженства и торжественнаго восторга, такъ поражающія насъ въ жизни неопитовъ и мучениковъ за вѣру. Вѣровать, что среди насъ жилъ человѣческою же жизнью нашъ Спаситель, испытывъ на себѣ муки и радости этой жизни, было такимъ, еще никогда неиспытаннымъ, счастьемъ, что проникнутые этою вѣрою всѣ не могли не ставить ее выше всѣхъ другихъ чувствъ и способностей души.

Что умъ съ его развѣдающимъ анализомъ и сомнѣніемъ? Развѣ онъ успокоивалъ, подавалъ надежду, утѣшалъ и водворялъ миръ и упованіе въ душѣ? А вотъ осуществленный идеаль вѣры, онъ проникъ всю душу, не оставивъ въ ней мѣста для сомнѣній, анализовъ и, разомъ овладѣвъ ею, вселяетъ блаженство и восторгъ.

Вотъ и я, грѣшный, хотя и поздно, но убѣдился, наконецъ, что мнѣ, при складѣ и емкости моего ума, не слѣдовало попадать въ колеи крѣпкихъ духомъ и одностороннихъ спеціалистовъ. Жизнь-матушка привела, наконецъ, къ тихому пристанищу. Я сдѣлался, но не вдругъ, какъ многіе неопиты, и не безъ борьбы, вѣрующимъ. Къ сожалѣнію, однако же, еще и до сихъ поръ, на старости, умъ развѣдаетъ по временамъ оплоты вѣры. Но я благодарю Бога за то, что, по крайней мѣрѣ, успѣлъ понять себя и увидать, что мой умъ можетъ ужиться съ искреннею вѣрою. И я, исповѣдуя себя весьма часто, не могу не вѣрить себѣ, что искренно вѣрую въ ученіе Христа Спасителя.

Прежде, меня слишкомъ занимала историческая сторона христіанства. Теперь я убѣдился, что это дѣло науки, слѣдовательно требующее и научныхъ приемовъ; но въ науцѣ я всегда былъ и буду за полную свободу изслѣдованія, самаго чистаго и свобод-

наго отъ всякой задней мысли. Для того же, кто, какъ я, ищетъ въ ученіи Христа мира и утѣшенія, вся суть не въ исторіи.

Самъ Спаситель ничего не оставилъ намъ документальнаго въ научно-историческомъ смыслѣ. Мы узнаемъ о Его жизни и ученіи изъ книгъ, писанныхъ Его послѣдователями. Эти письма дошли до насъ чрезъ тьму вѣковъ, и какихъ еще вѣковъ,—язычества, сектантства, варварства, фанатизма. Кто по современно-научнымъ понятіямъ рѣшитъ теперь—что апокрифъ, что нѣтъ; безъ строгой исторической критики теперь немислима стала никакая исторія, даже и священная. А къ какимъ результатамъ можно придти, изслѣдуя строго и свободно научно-историческіе документы христіанскаго ученія, можно узнать отъ тюбингенской школы, отъ Штрауса и Ренана, и если пришлось-бы выбирать между двумя послѣдними, то я все-таки предпочелъ-бы изъ двухъ золь выбрать меньшее, по моему мнѣнію,—это Штрауса (т. е. его книгу: „Жизнь Иисуса Христа“, а не смерть самого Штрауса, кажется, рехнувшагося совѣмъ при концѣ жизни).

Для меня главное въ христіанствѣ—это недостижимая высота и освящающая душу чистота идеала вѣры; на немъ цѣлые вѣка тьмы, страстей и неистовствъ не оставили ни единого пятна; кровь и грязь, которыми міръ не разъ старался осквернить идеальную святость и чистоту христіанскаго ученія, стекали потоками назадъ, на осквернителей.

Смѣло и не смотря ни на какія историческія изслѣдованія всякій христіанинъ долженъ утверждать, что никому изъ смертныхъ невозможно было додуматься и еще менѣе дойти до той высоты и чистоты нравственнаго чувства и жизни, которыя содержатся въ ученіи Христа: нельзя не прочувствовать, что оно не отъ міра сего. Это не мораль, какъ желаютъ представить идеальное ученіе отвергающіе божественную натуру учителя. Мораль (отъ моръ—нравъ, обычай) зависима отъ нравовъ, а нравы мѣняются со временемъ. Положительнаго, неизмѣннаго, нравственнаго кодекса всего человѣчества нѣтъ и развѣ онъ проявится, когда будетъ едино стадо и единъ пастырь. Но это возможно только въ томъ случаѣ, если пастыремъ явится Богочеловѣкъ, а тогда люди обойдутся, пожалуй, и безъ кодекса.

Хотя тюбингенская школа и бросила тѣнь историческаго сомнѣнія на евангеліе Іоанна, но слова или смыслъ словъ: „законъ

(то есть нравственный) Моисеемъ, благодать же и истина Иисусомъ Христомъ даны“, для каждого христіанна должны быть словами истиннаго благовѣстителя. И для меня непонятно, почему протестантскіе ультрараціоналисты, причисляя себя въ пастырямъ христіанской церкви, становятся на точку зрѣнія Ренана и древнѣйшихъ ересіарховъ, вышедшихъ изъ паганизма и талмудизма; имъ могъ слѣдовать въ своемъ невѣріи такой протестантскій государь, какъ Фридрихъ Второй, считавшій евангеліе также моралью, но не пастыри какого-бы то ни было христіанскаго исповѣданія. Для современнаго—именно для современнаго—христіанина признаніе божественной природы Спасителя должно быть краеугольнымъ камнемъ его вѣры. Этимъ признается непреложность, непогрѣшимость, благодатная внутренняя истина идеала, служащаго основою христіанскаго ученія. Этимъ же оно и отличается отъ измѣнчивой, внѣшней, хотя и вполне законной мірской морали. Благодатная, неподлежащая ни сомнѣнію, ни разслѣдованію, (истина) можетъ сдѣлаться моею собственною внутреннею истиною только (тогда), когда я извлекаю ее изъ высшаго источника и вѣрую, что она сообщается мнѣ путемъ благодати. Только при такой вѣрѣ я и въ состояніи отличить внѣшнюю и научную правду, требующую умственнаго анализа и свободнаго разслѣдованія, отъ той высшей, вѣчной, исполненной благодати, правды, которая служить идеаломъ моей вѣры,—вѣры,—а не одного убѣжденія.

Я убѣдился на себѣ, что не отличая истину, добываемую путемъ анализа и разслѣдованія, отъ другой, доставляемой намъ вѣрою, нельзя быть настоящимъ вѣрующимъ. И прежде всего нужно увѣровать въ высшую благодать. Недостигаемая высь и чистота идеала христіанской вѣры дѣлаютъ его истинно благодатнымъ; это обнаруживается необыкновеннымъ спокойствіемъ, миромъ и упованіемъ, проникающими все существо вѣрующаго, въ краткія молитвы и бесѣды съ самимъ собою, съ Богомъ.

Обуреваемый сомнѣніемъ и невѣріемъ, мой умъ еще нерѣдко заставляетъ меня думать и во время этихъ бесѣдъ,—не миражъ ли все это? Мы живемъ въ какомъ-то заколдованномъ кругу, изъ котораго намъ нѣтъ выхода,—какъ тутъ отличишь, что дѣйствительность, что миражъ, да и зачѣмъ стараться различать неразличимое, это то, что одинъ отецъ церкви назвалъ *curiositas inutilis*. А если, наконецъ, и удалось бы постигнуть гдѣ кончается

наша иллюзія и гдѣ начинается дѣйствительность, то не будемъ ли мы самыми несчастными существами, сдѣлавшись, чрезъ такое открытіе, изъ мнимо-здоровыхъ мнимо-больными? Представимъ себѣ каждаго изъ насъ лично и наглядно убѣдившагося, что его я—миражъ, его ощущеніе свободной воли—то же миражъ; свобода мысли—иллюзія, представленія о безпредѣльности времени и пространства—галлюцинаціи фантазіи, идеалы вѣры, любви, красоты—такія же галлюцинаціи, иллюзіи и миражи; что вышло бы изъ личности, наглядно узнавшей и окончательно убѣдившейся, что она живетъ постояннымъ обманомъ чувствъ, ощущеній и представленій? не привело ли бы такое знаніе къ другому, еще болѣе сумбурному, убѣжденію, что самый способъ, которымъ мы дошли до нашей истины, основанъ на такихъ же иллюзіяхъ и миражахъ.

Мнѣ кажется, что въ предметахъ психологіи, для изслѣдованія которыхъ необходимо субъективныя ощущенія дѣлать въ то же время и объектами сужденія, сомнительная догадка вѣрнѣе, во всякомъ случаѣ, практичнѣе мнимотвердаго убѣжденія.

Итакъ, если Творцу угодно было, произведя насъ отъ обезьянъ, скрыть наше происхожденіе иллюзіями, увлекающими насъ къ Нему въ безпредѣльность и вѣчность,—то не намъ накладывать руки на себя и не намъ найти ту истину, которая не назначена быть истинною для насъ. Все это я привожу въ принадлежѣ сомнѣнія противъ моего невѣрія, отъ котораго не легко было отдѣлаться и самому Петру.

Всеобъемлющая любовь и благодать Святого Духа, это два самые существенные элемента идеала вѣры Христовой, отличающей ее отъ морали, какъ небо отъ земли. Недаромъ у всѣхъ сектаторовъ христіанства благодать служить болѣе или менѣе основою толковъ и раскола. Настоящая, искренняя вѣра не можетъ быть не идеальною, а идеаль не можетъ быть достижимымъ, какъ недостижима для насъ и всеобъемлющая истина. А недостижимую высоту и святостью идеала христіанская вѣра, очевидно, превосходить всѣ другія; сущность же этого высоваго идеала такова, что приближеніе къ нему невозможно. И вотъ желающіе приблизиться къ нему и ищущіе въ вѣрѣ примиренія съ собою, прежде всего, не должны полагаться на собственныя силы и нравственныя (моральныя) достоинства, а должны увѣровать,

что вѣра есть даръ неба, благодати и всеобъемлющей любви. Это для меня самая характерная черта христіанской вѣры, превосходно выраженная въ моей умиленной для меня молитвѣ: „Чертогъ Твой вижу, Спасе мой, и одежды не имамъ, да вниду въ оны“.

Разбойникъ на крестѣ, блудный сынъ, фарисей и мытарь, слова, сказанныя Марфѣ, Маріи и юношѣ, исполнившему, по его мнѣнію, всѣ заповѣди закона, доказываютъ какое значеніе придавалъ Спаситель прямому, чистосердечному и полному раскаянію и вѣры обращенію къ Нему. Два великіе учителя церкви—апостолъ Павелъ и блаженный Августинъ видѣли также въ благодати одно изъ главныхъ средствъ къ спасенію.

Но существуетъ, въ моихъ глазахъ, еще и другая характерная черта христіанскаго ученія,—это многосторонность, отличающая его отъ ограниченныхъ или одностороннихъ стремленій религій, основанныхъ на одной морали. И аскетъ, бѣгущій отъ прелестей міра, и мірянинъ, подвергающій себя испытаніямъ, и человекъ, ставящій свои дѣйствія въ зависимость отъ предопредѣленія, и тотъ, кто основываетъ ихъ на свободѣ воли, ищущій усердною молитвою и постомъ удостойтись благодати, равно какъ и тотъ, кто и все свое время посвящаетъ дѣламъ добра,—всѣ всѣ могутъ найти въ христіанскомъ ученіи основу своихъ убѣжденій, стремленій и дѣйствій.

Одно мнѣ кажется несомнѣннымъ съ духомъ ученія Христа, это—догматизмъ и доктринерство. Конечно, церковь, какъ собраніе вѣрующихъ, должна была возникнуть на первыхъ же порахъ христіанства; а согласіе и единство взглядовъ должно было соединять собраніе вѣрующихъ, но это еще далеко отъ обязательной догмы. Обязательная, а потомъ и принудительная, догма должна была явиться съ появленіемъ на свѣтъ государственной, или, попросту, казенной церкви. И вотъ опять доказательство той многосторонности ученія Христа, о которой я говорилъ.

Какъ скоро христіанство выступило на государственную и политическую арену, въ немъ находили опору и императоры, и демагоги. Мало этого, церковь, во времена паганизма, не переставая быть въ сущности христіанскою, могла дѣлать уступки язычеству, слѣды котораго сохранились въ нѣкоторыхъ церквахъ еще и до сихъ поръ. Это и не могло быть иначе, когда несем-

ной, — „не отъ міра сего“, — идеаль должны быть осуществляться, вѣрнѣе, приближаться къ осуществленію въ мірѣ, пропитанномъ насквозь чувственностью. Развѣ могъ кто изъ смертныхъ, хотя-бы и власть имѣющихъ, — велѣть любить врага и ненавистника, платить за обиду кротостью и смирениемъ, всѣмъ жертвовать изъ любви. Мѣсто запрещенія и отрицанія, служащихъ основой закона, обязательнаго для всего общества, и мѣсто: не дѣлай того или другого, не убей, не воруй, не пожелай, замѣняетъ верховный и неземной призывъ къ современнымъ и самымъ глубокимъ чувствамъ души: любви и вѣрѣ, дѣлая ихъ главными мотивами нашихъ дѣлъ и дѣйствій. Очевидно, ни еврейскій монотеизмъ, ни политеизмъ древняго міра не могли сразу понять и прочувствовать глубокой смыслъ и значеніе недосягаемаго идеала Новаго Завѣта.

И первая государственная церковь Христа едва-ли была образцовая. Императоры, принявшіе христіанство, спѣшили воспользоваться ею для своихъ политическихъ цѣлей, старались сдѣлать ее торжественною въ глазахъ народа, привычнаго къ великолѣпю языческихъ храмовъ и торжественнымъ процессіямъ жрецовъ, которыхъ должна была замѣнить для народа іерархія священнослужителей, епископовъ, патріарховъ и т. п. И вотъ вѣрованіе, въ основѣ котораго лежитъ полная свобода совѣсти, то есть сознаніе истины въ идеаль самоотверженія изъ любви и вѣры въ всеобъемлющую любовь въ Бога, дѣлается постепенно обязательнымъ, казеннымъ, внѣшнимъ. Обязательность, связь церкви съ властью, государственные перевороты, наплывъ новыхъ племенъ на развалины древнихъ государствъ, всѣ эти обстоятельства не могли не способствовать къ искаженію чистоты идеала новой вѣры и къ порожденію самыхъ уродливыхъ толковъ, ересей, подлоговъ преданій, письменныхъ документовъ и т. п.

Тогда оказался необходимымъ для государственной церкви и обязательный догматизмъ вѣры, и цѣлый рядъ вселенскихъ соборовъ устанавливаетъ догмы и формулы догмъ, предписываетъ какъ и чему вѣрить, чтобы быть христіаниномъ. Свобода совѣсти отходитъ на задній планъ. Мѣсто глубоко прочувствованнаго идеала вѣры и свободного полета души, желающей сближенія съ нимъ, заступаютъ символическіе обряды, мистеріи, игравшіе такую видную роль въ политеизмѣ, и т. п.

Дошло, наконецъ, до того, что вмѣсто недостижимо-высокаго идеала, нареченнаго быть мотивомъ всѣхъ нашихъ дѣлъ и нравственныхъ стремлений, выступили на первый планъ всѣ эти церковные обряды и требы. Вмѣсто смиренныхъ, исполненныхъ благодати и любви, учителей, явились непогрѣшимые папы-государи и надменные патріархи, заводившіе споры о первенствѣ.

Иногда, смотря на нашихъ владыкъ, я думалъ, какъ бы мнѣ было совѣстно передъ собою и передъ Христомъ, если бы я сдѣлался архіереемъ, — мнѣ невозможно-бы было не помнить, что именно архіереи синодріона были судьями не на животь, а на смерть Общавшаго Царство Божіе своимъ избраннымъ. А эти книжники, противъ которыхъ Онъ такъ возставалъ, развѣ это были не догматики и развѣ между ними не было приписывавшихъ себѣ власть и авторитетъ только потому, что они получили ихъ по преданію въ наслѣдство, и развѣ самые близкіе къ Христу не должны были для авторитета производить его родословную отъ царя Давида? Не то ли же самое повторяется съ іерархами, папами и даже попами, приписывающими себѣ духовную власть по преемству или наслѣдству?

Я знаю, однако же, и хорошо понимаю, что я увлекаюсь, говоря такъ о церкви и ея служителяхъ. Но я говорю теперь о христіанствѣ съ моей индивидуальной и ограниченной точки зрѣнія. Послѣ погрома моей обрядной религіи, которую исповѣдывалъ съ дѣтства, и послѣ того, какъ убѣдился, что не могу быть ни атеистомъ, ни деистомъ, я искалъ успокоенія и мира души, и, конечно, пережитое уже мною, чисто внѣшнее вліяніе таинствъ церковныхъ богослуженій и обрядовъ, не могло успокоить взволнованную душу. Вся внѣшняя сторона вѣры оказывала на меня, вмѣсто успокоивающаго и примирающаго дѣйствія, — другое, противоположное. Мнѣ нуженъ былъ отвлеченный, недостижимо-высокій идеалъ вѣры. И принявшись за евангеліе, которое я некогда еще самъ не читывалъ, — а мнѣ было уже 38 лѣтъ отъ роду, — я нашелъ для себя этотъ идеалъ.

Въ нашей обрядной церкви, по крайней мѣрѣ во время моего дѣтства, а въ деревняхъ, какъ вижу, и теперь еще, — Евангеліе считается попами и прихожанами священнымъ не по содержанію, не по мыслямъ и изложенному въ немъ ученію, а священнымъ какъ предметъ, формально; такъ и слова молитвъ считаются

священными какъ слова,—слышанныя, прочитанныя, должны оказывать благодатное и спасительное дѣйствіе на слушателя и читателя.

Съ этой стороны только я и зналъ Евангеліе, а слѣдовательно и ученіе Христа, пока былъ подросткомъ. Потомъ все это забылось и какъ старый хламъ сданъ былъ мною въ архивъ памяти, пока мнѣ не стукнуло 38 лѣтъ и внутренняя тревога не овладѣла мною. Послѣ этого, я не удивляюсь, что сужу такъ рѣзко о современной (да и прежней) христіанской церкви.

Между тѣмъ, я долженъ сказать, что какъ ни слабою, съ историко-критической точки зрѣнія, кажется мнѣ историческая сторона начала христіанства, я, какъ человѣкъ, вѣряющій въ предопредѣленіе и не допускающій ничего случайнаго по принципу, вижу въ исторіи развитія церкви событіе роковое, повліявшее существенно на развитіе культурнаго общества. И именно то обстоятельство, что христіанство, вмѣсто не нуждавшагося ни въ какой внѣшней обстановкѣ исповѣданія, дѣлается государственною религіею, утвержденною на догматахъ, и обезпечиваетъ дальнѣйшее его развитіе, его судьбы и вліяніе на народныя массы.

Весьма странно кажется мнѣ мнѣніе Бокля, что культурное общество обязано своимъ прогрессомъ исключительно распространѣнію научныхъ знаній, а со стороны нравственнаго его быта не послѣдовало никакого улучшенія. И другое мнѣніе, что будто бы не христіанство, а выступленіе на поприще цивилизаціи германскихъ племенъ было главною причиною прогресса, мнѣ кажется не менѣе одностороннимъ, и я не понимаю, какъ можно отрицать въ идеалѣ Христовой вѣры глубокіе задатки къ улучшенію нравственнаго быта общества, а потому отвергать и вліяніе христіанства на нравы и стремленія людей.

Вѣруя, что основной идеалъ ученія Христа, по своей недосыгаемости, останется вѣчнымъ и вѣчно будетъ вліять на души, ищущія мира, чрезъ внутреннюю связь съ божествомъ, мы ни минуты не можемъ сомнѣваться и въ томъ, что этому ученію суждено быть неугасаемымъ маякомъ на извилистомъ пути нашего прогресса.

Но если идеалъ вѣченъ и не отъ міра сего, а путь прогресса не прямъ, а извилистъ, то возможно ли было человечеству, въ переходныя эпохи его жизни, усвоить себѣ и глубоко прочув-

ствовать всю суть христіанской вѣры? Что не встрѣчала оно на своемъ земномъ поприщѣ?

Христосъ, какъ человѣкъ, былъ еврей, очевидно, любилъ свое земное племя, не опровергалъ закона Моисеева, соблюдалъ и требовалъ соблюденія заповѣдей, совершалъ еврейскіе обряды, но преслѣдовалъ фарисейство и садукейство, то есть преслѣдовалъ доктринерство, внѣшнюю обрядность, внутреннюю ложь и грубую чувственность садукейства, и, вѣроятно, отдавалъ предпочтеніе сектѣ Евсеевъ (аскетовъ).

Но государственному строю евреевъ суждено было существовать уже не долго и предопредѣленіе, — не случай, — вывелъ христіанство, послѣ паденія Іерусалима, но выѣстъ съ разсыпаніемъ еврейства, на всемірное поприще, и предопредѣлено было вывести его на это поприще при наступившемъ наплывѣ въ древній міръ свѣжихъ варварскихъ племенъ. Если первобытные христіане-евреи, а съ ними и римляне, какъ видно изъ Тацита, — смотрѣли на ученіе Христа болѣе съ своей еврейской точки зрѣнія, то немудрено, что язычники-греки и римляне, дѣлаясь христіанами, вносили съ собою новое ученіе, свои прежніе языческіе понятія и обряды. Политизму и жречеству не легко было оставаться безъ олицетвореній и жертвъ. Толкованія вѣры Христа сдѣлались одно превратнѣе и темнѣе другого и восточные народы ввели идуализмъ, не чуждый, впрочемъ, и монотеизму.

Наконецъ, христіанской церкви, обратившей варваровъ въ христіанъ, суждено было самой сдѣлаться государствомъ въ государствахъ, стать во главѣ правленій и спуститься съ высоты своего идеала низко, низко, на землю.

Можно ли же полагать, что первые вѣка христіанства должны служить образцомъ чистоты ученія Христа? Можно ли утверждать, что ученіе это, вышедъ изъ устъ Спасителя, тотчасъ же было принято, усвоено и прочувствовано народами во всей его идеальной чистотѣ? Не противорѣчитъ ли этому то, что самые близкіе ученики не всегда понимали учителя и общаемое имъ Царство Божіе переносили въ Іудею? Не былъ ли самъ Спаситель въ глазахъ многихъ изъ своихъ современниковъ сынъ плотная изъ Назарета, отъ которой нельзя было ожидать ничего особеннаго? Не говоря уже о римлянахъ, незнакомыхъ съ религіею евреевъ, не придававшихъ, очевидно, никакой важности ученію

Христа, могло-ли и большинство самихъ евреевъ признать въ своемъ соотечественникѣ Іегову Мессію, когда онъ допустилъ себя, какъ преступника, опозорить, осмѣять и распять?

Обыкновенно принимаютъ, что чѣмъ старѣе вѣра, тѣмъ лучше. И это правда; для вѣры необходимъ консерватизмъ болѣе всего, чтобы дѣйствовать ею на массы. Вѣра отцовъ для нихъ магическое слово. Поэтому для государства важное дѣло поддерживать старую вѣру, какъ сильно-дѣйствующее средство консерватизма. Въ интересахъ жрецовъ государственной вѣры и церкви также лежитъ держаться, сколько можно крѣпче, прежнихъ взглядовъ на вѣру; установленныхъ вѣрами догматовъ, обрядовъ и обычаевъ.

Но, не смотря на все это, мнѣ кажется, христіанину нельзя сомнѣваться. Вѣчный, неземной и никогда недостижимый идеаль его вѣры долженъ постепенно освобождаться отъ наростовъ времени и дѣлаться болѣе и болѣе яснымъ для людей всѣми его благодатными слѣдствіями. И я полагаю, какъ ни извилистъ путь человѣческаго прогресса, христіанство, не смотря на препятствія, встрѣченныя имъ на этомъ пути, и на временныя реакціи невѣрія, грубой чувственности и звѣрства, много, чрезвычайно много, очистило нравственность и прояснило наши міровоззрѣнія, взаимныя отношенія народовъ и государствъ.

Свобода совѣсти, свобода разслѣдованія истины, уничтоженіе рабства и невольничества, возвышеніе личности, снисхожденіе и милосердіе къ побѣжденному врагу, дѣла общественной благотворительности,—все это дѣлалось и дѣлается, въ теченіи XVIII-ти слѣшкомъ вѣковъ, подъ эгидою христіанства. Поэтому, какъ бы догматизмъ и обязательности государственной церкви, іерархизмъ, обрядность мнѣ лично ни казались противными духу ученія Христа, я не долженъ увлекаться моими личными склонностями и не вправѣ не признать всѣ эти явленія на почвѣ христіанства необходимыми. Поневоля приходится убѣждаться, что все существующее разумно, то есть причинно.

Правила и кодексы нравственности, къ которымъ приравниваютъ иногда ученіе Христа, такъ отличны отъ него по своимъ цѣлямъ и тенденціямъ, что не знаешь чему болѣе удивляться—близорукости ли взгляда, или желанію, во что бы то ни стало, унизить и профанировать высочайшіе изъ идеаловъ.

Всѣ нравственныя правила, древнія и новыя, основаны на одной вѣшней правдѣ; за отклоненіемъ отъ нихъ слѣдуетъ наказаніе или непосредственно, или когда проступокъ обнаружится для другихъ. Не воруй, а украдешь, то штрафъ; не убей, а убьешь, то самого повѣсятъ; главное правило—не дѣлай другому, чего не хочешь, чтобы сдѣлано было тебѣ самому. Если-же отклоненіе твое отъ этого главнаго правила нравственности и не будетъ никѣмъ открыто, то и тайное оно повлечетъ наказаніе для тебя въ видѣ недовольства, угрызенія совѣсти. Если же, прибавляетъ кодексъ, причинивъ зло ближнему, ты обошелся безъ наказанія и безъ угрызенія совѣсти, то не забудь, есть немезица и правосудіе на землѣ. Рано или поздно зло будетъ наказано, добро награждено. За Богомъ молитва, за Царемъ служба не пропадаетъ.

Повидимому, и въ нравственныхъ кодексахъ дѣло идетъ не объ одной вѣшней правдѣ; говорится и о внутреннемъ недовольствѣ, о совѣсти, даже о божественномъ правосудіи. Въ сущности идеаль нравственности остается вѣшнымъ, прикованнымъ къ землѣ и потому всегда болѣе или менѣе достижимымъ. Спаситель и не отвергалъ его. Тому богатому юношѣ, который для своего спасенія спрашивалъ что ему дѣлать, Христосъ, прежде всего, совѣтовалъ исполнить нравственный законъ Моисея, и только когда послѣдовалъ высокоумѣнный отвѣтъ: „я все это исполнилъ“, сказано было: „раздай все и ступай во слѣдъ Меня“ Это и значитъ: исполнивъ вѣшнія требованія нравственности и закона, ступай далѣе и возносись выше, если можешь, а не можешь, то и тогда еще не теряй упованія. Отъ Бога все возможно, сказано ученикамъ, сомнѣвавшимся въ возможности спастись богатому человѣку.

И вотъ, выше законовъ нравственности, непостоянныхъ, не-твердыхъ, подлежащихъ толкованіямъ, обходамъ, уступкамъ и разнаго рода лазейкамъ, поставленъ былъ совершенно въ другой сферѣ идеаль неземной и вѣчный,—будущая жизнь и безсмертіе. Признаніе идеала вѣры вѣрующимъ должно быть полное и безусловное. А для врача, ищущаго вѣры, самое трудное увѣровать въ безсмертіе и загробную жизнь. Это потому во-первыхъ, что главный объектъ врачебной науки и всѣхъ занятій врача есть тѣло, такъ скоро переходящее въ разрушеніе; во-вторыхъ, врачъ

ежедневно убѣждается. наглядно, что всѣ психическія способности находятся не только въ связи съ тѣломъ, но и въ полной отъ него зависимости, въ третьихъ,—принимая существованіе въ насъ безсмертнаго духа, мы должны принять и въ высшихъ классахъ животныхъ присутствіе подобнаго же элемента, такъ какъ присутствіе многихъ душевныхъ способностей у животныхъ неоспоримо, и это предположеніе будетъ тѣмъ необходимѣе для насъ, чѣмъ болѣе мы будемъ убѣждаться о происхожденіи нашемъ отъ животнаго. Вольтеръ грубо, но мѣтло выразилъ это, свойственное всѣмъ врачамъ, сомнѣніе: „находили ли вы когда нибудь, докторъ, при вашихъ изслѣдованіяхъ, безсмертную душу между мочевымъ пузыремъ и прямою кишкою?“ Вопросъ нелѣпъ и смѣшенъ; но онъ непремѣнно, въ томъ или другомъ видѣ, представляется анатомамъ, фізіологамъ и практикамъ.

Да, врачу, да пожалуй и большинству культурнаго общества, привыкшимъ основываться на индукціи и наглядности, не легко повѣрить въ загробную жизнь, тѣмъ болѣе, что по изслѣдованіямъ нервной системы оказывается, что и жить-то тамъ немому; существованіе особеннаго духовнаго начала въ организмѣ есть только гипотеза, принимаемая еще наукою какъ *x*, покуда ни чѣмъ не замѣненный.

Но въ сущности еще ни одно изъ этихъ сомнѣній неубѣдительно, пока мы не узнаемъ точно научнаго различія между жизнью и смертію, или не узнаемъ, что такое жизнь. Объ атомахъ вещества мы уже знаемъ, что они безсмертны, хотя и не знаемъ, что они такое. А когда, передъ нашимъ всеразѣдающимъ анализомъ, вещественные атомы дѣлаются наконецъ отвлеченіемъ (абстрактомъ), то кто рѣшить, гдѣ границы между вещественнымъ и духовнымъ элементомъ?

Врачу,—я сужу, впрочемъ, по себѣ,—знающему по опыту какъ легко остановить механизмъ животной машины на полномъ его ходу, всего скорѣе можетъ придти мысль о зависимости этого механизма отъ присутствія какого-то невѣдомаго, чего-то въ родѣ электрическаго тока или свѣтового эфира, колебаніями атомовъ втораго поддерживалось и дѣйствіе всего механизма. У однихъ особей эти колебанія невѣсомаго элемента въ животномъ механизмѣ совершаются какъ будто скорѣе, у другихъ медленнѣе; у однихъ колеблящіеся атомы невѣсомаго проникаютъ, какъ будто,

всѣ ткани глубже и, соединяясь, какъ будто, тѣснѣе съ ними, дѣлаютъ всю машину прочнѣе и способнѣе противустоять разрушенію и смерти; у другихъ же особой связъ невѣсомаго съ организмомъ до того слаба и, такъ сказать, поверхностна, что малѣйшее насиліе легко ее прерываетъ и губить жизнь. Эта гипотеза не можетъ казаться странною уже и потому, что она соотвѣтствуетъ и понятію (по крайней мѣрѣ моему) о сущности самаго вещества. Умственный анализъ, разлагая матерію до крайнихъ ея предѣловъ, превращаетъ ея атомы въ какія-то математическія точки или центры, до того отличные отъ подлежащаго нашимъ чувствамъ вещества, что различіе между нимъ и тѣмъ, что мы называемъ силою, духомъ, — исчезаетъ.

Я знаю, что такой взглядъ не соотвѣтствуетъ философскому и религіозному взглядамъ на духъ, подъ именемъ котораго разумѣютъ отвлеченное и совершенно противоположное матеріи начало. Косность, инерція, измѣняемость, дѣлимость и т. п. свойства вещества несообразны съ свободою, неизмѣнностью, безпредѣльностью и т. п. духа. И для меня невозможно сдѣлалось остановиться на анализѣ одной матеріи и отвергнуть необходимость существованія высшаго духовнаго начала, какъ источника разума, воли, чувства и жизни. Но объ этомъ, принимаемомъ по необходимости умомъ, абстрактѣ мы не можемъ уже имѣть никакого представленія. Принять же, что это требованіе нашего ума, это чисто отвлеченное начало, названное духомъ только по обманчивому и ложно воображаемому сходству съ чѣмъ-то летучимъ, похожимъ на воздухъ, газъ, дыханье, паръ и т. п., приходитъ прямо и непосредственно въ тѣсную связъ съ грубымъ веществомъ, — мнѣ кажется абсурдомъ.

Умъ моего склада гораздо легче допускаетъ, что связъ, неподлежащая сомнѣнію, вещественнаго организма съ отвлеченнымъ началомъ, ускользящимъ отъ нашего представленія, происходитъ посредствомъ особаго, такъ сказать, переходнаго начала, болѣе близкаго, по своимъ свойствамъ, къ веществу, и потому легче представляемому нами, но ускользящему отъ точно научнаго разслѣдованія.

Я иду еще далѣе и представляю себѣ не невозможнымъ, что атомы невѣсомаго элемента (икса), оставляя органическую машину безъ дѣйствія, сами могутъ удержать на себѣ ея обликъ и нѣкоторыя ея психическія свойства, изображая собою какъ бы

отпечатокъ того организма, который они оживляли своими колебаниями. Какъ ни фантастично это представленіе, но нельзя же не имѣть никакого представленія о предметѣ, такъ близко и глубоко касающемся насъ. Правда, мое: „ни Богу свѣча, ни чорту радость“, прежде всего, оно болѣе или менѣе напоминаетъ о мистицизмѣ. Что за дѣло, словъ пугаться нечего. Что такое мистицизмъ? Такое же свойство человѣческой души, какъ и вѣра вообще. Вѣрить и можно только въ неразгаданное, какъ и не разгадано самое свойство вѣры. Мы знаемъ только навѣрное, фактически, что есть въ человѣкѣ современномъ (про будущаго человѣка мы еще ничего не знаемъ) потребность вѣрить, любить, надѣяться, а откуда онѣ берутся, ихъ источникъ мы ищемъ поневолѣ тамъ, гдѣ-то выше насъ, потому что въ насъ самихъ, въ нашихъ нервныхъ центрахъ или другихъ органахъ, служащихъ только къ проявленію этой потребности, мы источника ея не обрѣтемъ. Еще къ нашему счастью намъ дана способность привыкать къ часто повторяющимся впечатлѣніямъ и не заниматься ими, и поддаваться постояннымъ иллюзіямъ и миражамъ; не будь этого, мы всѣ бы сдѣлались такими же мистиками, какъ современные ультраスピриты, или какъ Эккартегаузенъ и Мад-мъ Крюднеръ.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ все окружающее насъ намъ дѣйствительно понятно и ясно; мы только привыкли къ нему и постоянная иллюзія, съ которою мы наслаждаемся жизнью, не думая о ея непроницаемой таинственности, предохраняетъ насъ отъ углечснй вѣры въ чудесное, ведущихъ къ душевной тревогѣ и сумасшествію.

Да, слава Богу, что большая часть того, что мы ощущаемъ и сознаемъ, кажется намъ простымъ, яснымъ и естественнымъ. А сверхестественнаго, при такомъ убѣжденіи, и существовать не должно; такимъ было бы, по теперешнимъ нашимъ понятіямъ, не только то, что противорѣчитъ извѣстнымъ уже намъ законамъ естества, а и впредь имѣющимся сдѣлаться извѣстными.

Но нѣтъ таковой эпохи въ исторіи развитія культурнаго общества, въ которую не проявлялось бы періодически, въ видѣ душевной эпидеміи, влеченіе къ чудесному. Весьма характерно при этомъ то, что степень вѣрованія въ чудесное, въ эти періоды, вовсе не соотвѣтствуетъ степени прибрѣтенныхъ уже наукою, или передовыми ея людьми, знаній. Кто могъ бы, на-

примѣръ, повѣрить, что, въ концѣ XIX-го вѣка, люди науки вполне вѣрятъ въ то, чему никто не повѣрилъ бы въ началѣ этого вѣка. Такъ знанія наши о предметахъ, сильно затрогивающихъ наше я, непрочны и поколебимы.

Отвергать одно, потому что мы убѣждены въ несомнѣнности противоположнаго ему другого, дѣло опасное. Какъ бы то ни было и какъ бы недовѣрчиво мы ни относились къ спиритизму съ одной стороны и къ ученію церкви о загробной жизни съ другой, я, не отвергая ни того, ни другого, считаю не невозможнымъ признать нѣчто вещественное (въ моемъ смыслѣ) въ нашей загробной жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрую, по крайней мѣрѣ, стараюсь вѣрить и прошу Бога даровать мнѣ эту вѣру, въ духовную загробную жизнь и, какъ отвлеченіе, для насъ непостижимую.

Такъ вѣрить я обязанъ какъ христіанинъ; она вѣнецъ ученія Христа; идеаль вѣры поставленъ Имъ въ загробную жизнь; не умирая, мы не достигаемъ конечной цѣли нашей жизни. Вотъ суть ученія. Мы не судимъ нашихъ дѣйствій. Истину узнаемъ только за гробомъ; тамъ и узнаемъ, соответствовала-ли наша жизнь ея истинной цѣли. Органическія страсти съ ихъ увлеченіями и чувственность вещественнаго бытія, переставъ существовать, дадутъ возможность намъ стать къ истинѣ лицомъ къ лицу; это не то, что стоять лицомъ къ лицу съ нашею совѣстью здѣсь, живя вещественно,—тамъ придется имѣть дѣло съ самою истинною, которой мы такъ добиваемся здѣсь и вмѣстѣ съ тѣмъ стараемся ее избѣгнуть.

Ученіе Христа, въ примѣненіи его отвлеченнаго и загробнаго идеала къ нашей жизни, на каждомъ шагѣ встрѣчается съ громадными и непреодолимыми препятствіями для вѣрующаго. Это и не могло быть иначе, это зависѣло и отъ свойствъ идеала. Онъ долженъ остаться недостижимымъ и вѣчнымъ. Идти далѣе и выше его нельзя уже, некуда. Понятна отъ этого чрезвычайная трудность примѣненія къ практической жизни. Блудный сынъ, блудница и разбойникъ на крестѣ показываютъ, однако же, какъ самъ Учитель относился къ неисполнимости Его ученія на дѣлѣ.

Странно, когда я сомнѣвался и не вѣрилъ, я болѣе дѣлалъ добра, — вѣрнѣе, дѣлалъ его безкорыстнѣе, безъ всякаго мотива или только изъ любви къ наукѣ. Такъ, бесплатная практика была у меня, въ то время, дѣломъ научнаго интереса. Самопожертво-

ваніе для общей пользы я рѣшался дѣлать также безкорыстно. Но любви къ людямъ и жалости или милосердія въ сердцѣ тогда у меня не было. Все это пришло, какъ опишу въ моей біографіи (1830—1850 годахъ), постепенно вмѣстѣ съ развитіемъ потребности вѣровать; но именно съ того же времени опытъ жизни развилъ во мнѣ, при всемъ желаніи дѣлать добро, какой-то страхъ быть обманутымъ.

Въ этомъ страхѣ и недовѣріи, невольнo пронизающихъ въ душу, я вижу слабую сторону примѣненія ученія Христа къ практической жизни. Стремясь всѣми силами души творить добро ненавидящимъ насъ, жертвовать собою изъ любви къ другимъ, немногіе не сознаютъ внутренно опасности принести себя въ жертву не добру, а злу. Только искренніе аскеты, равнодушно смотрящіе на практическую жизнь съ ея добрыми и злыми влеченіями, могутъ безъ всякой задней мысли, безъ страха и опасности, изъ чистой, отвлеченной любви, творить добро и жертвовать для другихъ собою. Между тѣмъ, при міровоззрѣніи нехристіанскомъ, самопожертваніе и другіе подвиги добродѣтели совершаются съ меньшимъ насиліемъ надъ собою; на примѣръ, отмстить за другого или за цѣлое общество, возстановить права народа, принеся себя въ жертву, фанатику не христіанину будетъ стоить меньшаго труда и насилія надъ собою, чѣмъ христіанину.

Слова Спасителя „вы злы“ живымъ упрекомъ ложатся на моей совѣсти, когда страхъ быть обманутымъ удерживаетъ меня сдѣлать добро. И этотъ заслуженный упрекъ, вмѣстѣ съ недовѣріемъ къ дѣлаемому добру, раздираютъ душу, такъ, что практическому христіанину едва-ли можно быть не двоедушнымъ, конечно не въ крайне худомъ значеніи этого слова.

Между тѣмъ, ученіе Христа, помимо его недостижимаго идеала, имѣетъ, очевидно, и практическое назначеніе. И вотъ тутъ-то на жизненномъ его поприщѣ мы встрѣчаемся съ самыми разнорѣчивыми, доходящими до нелѣпости, воззрѣніями и примѣненіями на практикѣ всѣхъ этихъ воззрѣній. Каждое изъ нихъ ищетъ и находитъ себѣ основаніе въ текстѣ самого Евангелія. Самыя туманныя и угрожающія полнымъ разрушеніемъ, существовавшихъ исповѣнь вѣка, основъ общества, доктринъ созидались на ученіи Христа. Если не ошибаюсь, въ первыхъ вѣкахъ христіанства была распространена знаменитая доктрина: „все мое твое“; нѣчто подобное, но на болѣе научномъ фундаментѣ,

созидается и въ наше время; при чемъ, смотря по надобности, зодчіе новаго соціального зданія могутъ также указать, подобно ихъ предшественникамъ, на ученіе Христа.

Какъ на контрасть этой соціальной нивелировке всѣхъ благъ земныхъ можно указать на разъясненіе, словами Спасителя: „отдайте Кесарю Кесарево и Божіе Богу“, отношеній церкви къ государству и подданныхъ къ разновѣрнымъ властямъ.

Богачи, разживающіеся на счетъ бѣдняковъ, могутъ утѣшиться изрѣченіемъ: „имущему дастся, отъ неимущаго отнимется“. Даже враги и ненавистники могутъ сослаться на пророческія слова изъ Евангелія: „Вношу не миръ, а вражду брата противъ брата, сына противъ отца“.

Мало этого, грубѣйшія уродованія здраваго смысла и тѣла, какъ самооскопленіе, и тѣ ищутъ себѣ оправданія въ словахъ Евангелія. Не даромъ же папство такъ неохотно допускали распространеніе Евангелія и Библии на народномъ языкѣ; хотя замѣна религіознаго фанатизма идиотизмомъ повела еще къ большому оглупѣнію народной фантазіи.

Всѣ эти нелѣпыя стремленія къ подкамамъ въ ученіи Христа основъ для нелѣпныхъ и безобразныхъ произведеній фантазіи, теряютъ свой *raison d'être* для того христіанина, который, увѣровавъ въ божественную натуру Учителя, тѣмъ самымъ признаетъ за Нимъ и высшій (верховный) разумъ. Хотя нѣкоторые и толкуютъ слова Спасителя о нищихъ духомъ такъ, какъ будто бы они (т. е. слова) относились исключительно къ французскому *esprit*. Но по нашему, нищій духомъ есть не нищъ умомъ. И умный можетъ быть смиренъ, кротокъ и простодушенъ. Поэтому я и никогда не соглашусь, изъ богопочитанія, думать, что Верховный Разумъ обѣщаль блаженство только дуракамъ.

Почитая источникомъ нашего ума мировой, вселенскій и Верховный Разумъ, вѣруя, что онъ же самый, въ видѣ Богочеловѣка, просвѣтилъ и насъ, христіанъ, своимъ ученіемъ, я не могу признать, основаннымъ на этомъ ученіи, ничего такого, что простой, но здравый нашъ умъ находитъ глупымъ, пошлымъ, нелѣпымъ, уродливымъ, отвратительнымъ и безобразнымъ. Правда, можно вѣрить и въ абсурдъ. Но абсурдъ, въ смыслѣ Тертуліана, не есть еще пошлая нелѣпость и уродливая безобразность невѣжественной фантазіи. Абсурдомъ можетъ быть и самое высокое, если оно противорѣчитъ нашимъ современнымъ и, какъ исторія убѣждаетъ,

измѣнчивымъ міровоззрѣніямъ. Абсурдъ, напрімѣръ, дьяволъ, какъ противникъ и антагонистъ верховнаго разума, добра и верховной воли Творца; но вѣрить въ этотъ абсурдъ и не признавая его умомъ можно. Самъ Христосъ, какъ равнъ евреевъ, не могъ не вѣрить въ дьявола и, сообразуясь съ понятіями современнаго и соплеменнаго ему народа, долженъ былъ и изгонять бѣсовъ изъ бѣснующихся (а по нашимъ понятіямъ—душевныхъ больныхъ). Слѣдуетъ-ли изъ этого, что и современный намъ христіанинъ долженъ также вѣрить въ бѣснованіе, заклинаніямъ бѣсовъ и т. п.

Но уже не абсурдомъ, а нелѣпостью было бы полагать, что Спаситель, обѣщавшій вѣрнымъ послѣдователямъ Его ученія Свое Царство „не отъ міра сего“, вмѣстѣ съ тѣмъ, предлагалъ и коренной соціальный переворотъ, заставивъ богатыхъ раздать свое имущество нищимъ и сдѣлаться всѣмъ нищими. Это предлагалось, очевидно, однимъ избраннымъ для Царства не отъ міра сего, сверхъ исполненія закона, стремящимся всею силою души достигнуть Неземнаго идеала ученія. Еще бессмысленнѣе было бы полагать, что Верховный Разумъ, сотворившій природу, одобрялъ бы грубое нарушеніе законовъ природы.

Мнѣ кажется большою ошибкою, что наши христіанскіе учителя оставляютъ какъ-то въ сторонѣ, по моему мнѣнію, главное,—это различіе между божественно-идеальными основами ученія Богочеловѣка, вѣчными, непоколебимыми и недостижимыми въ этой земной жизни Христа, какъ человѣка и еврея. Не надо забывать, что жизнеописанія Его, составленныя также евреями, большею частію, по преданіямъ и разговорамъ, не могли дойти до насъ въ ихъ первобытномъ видѣ. Не смотря на это, божественный идеалъ ученія ясно продолжаетъ свѣтитъ черезъ тьму вѣковъ. Эта-то самая свѣтлая и непривосновенная сторона божественнаго ученія и должна служить свѣточемъ вѣрующаго.

Блаженъ, кто вѣруетъ, тепло ему на свѣтѣ. Эти, хотя не совсѣмъ встали и въ насмѣшливомъ тонѣ сказанныя, слова потрѣфили самую суть. Да, именно, тепло вѣрующему на свѣтѣ.

Ему нѣтъ надобности въ искусственномъ топливѣ для согрѣванія души. Кто хотя разъ прочувствовалъ эту благодатную теплоту, тотъ не перестанетъ вѣровать, хотя бы пришлось ему выдерживать, ежедневно и по нѣскольку разъ въ день, напоръ сомнѣній и мучительную качку между небомъ и землею. Сом-

нѣнія и качка эти сопровождаютъ и дѣла, и мотивы, являются и днемъ, и ночью. Испытавъ ихъ, можно себѣ составить нѣкоторое понятіе о происхожденіи дьявола.

Я думаю, всякій испыталъ на себѣ, какъ внезапно и безотчетно, подобно сновидѣніямъ, злыя, поскудныя и подлѣйшія мысли выплываютъ изъ какого-то омута въ тотъ самый моментъ, когда думаешь о чемънибудь другомъ, нисколько не подходящемъ въ категоріи этихъ фантомовъ мышленія. Иногда онѣ исчезаютъ также быстро, какъ появились; но иногда остаются на поверхности настолько долго, что невольно обращаютъ на себя наше вниманіе. Неужели-же, спрашиваешь тогда себя, я такой подлець и злодѣй, что во мнѣ могутъ скрываться такія позорныя мысли? Начинаешь раздумывать на эту тему, — очевидно ложь, клевета на себя; оказывается, что не подавалъ никогда ни малѣйшаго повода себѣ такъ думать о себѣ; что-то постороннее, какъ будто извнѣ пришло, явилось, чортъ знаетъ зачѣмъ, пошевелилось минуточку и исчезло.

Не то ли же самое намъ сообщается съ раннихъ лѣтъ объ искушеніяхъ дьявола? При простомъ умѣ и фантазіи, низшей степени образованія и другихъ условіяхъ, кажушаяся внѣшность и посторонность такихъ внезапныхъ, ничѣмъ необъяснимыхъ, мыслей, можетъ достигнуть того, что олицетвореніе (то есть полное отчужденіе отъ себя) дѣлается неизбѣжнымъ.

Что касается до меня лично, то, появляются ли эти призрачныя мысли во время занятій или во время молитвъ, я, первымъ дѣломъ, стараюсь не обращать на нихъ ни малѣйшаго вниманія, тогда онѣ исчезаютъ недосказанными на полсловѣ; тутъ много значитъ также знакомство съ собою; зная себя, можно своевременно не дать вниманію поймать себя въ подставленную воображеніемъ ловушку. Богомольцы и дьячки поступаютъ вовсе не такъ глупо, какъ это кажется, повторяя по сорокъ разъ Господи помилуй; они механическимъ способомъ не даютъ своему вниманію сосредоточиться на какой-либо мысли и для нихъ одни слова оказываются спасительнѣе мысли.

Человѣкъ, разсматривающій себя какъ двурукое животное, можетъ легко успокоиться насчетъ злыхъ мыслей, невольно и неизвѣстно откуда къ нему приходящихъ. Для животнаго, какъ и для Верховнаго, Вселенскаго Разума, *les extrémités se touchent*, — нѣтъ добра и зла; различіе добра отъ зла исчезаетъ даже и для менѣе разумныхъ властителей, государственныхъ людей и за-

воевателей. Откуда же взялась такая надобность различать доброе от злого для людей средней руки? Не видать ли несчастные мученики своих идей, что слѣдствія того, что имъ вается зломъ, совершенно различны, и что послѣ громаднаго зла они могутъ быть и очень благія.

Разсматривая такъ это кажущееся зло съ разныхъ сторонъ, можно, пожалуй, придти и къ философіи доктора Панглосса. Но можно и наоборотъ, такимъ же способомъ, сдѣлаться и отъявленнымъ пессимистомъ. Значить, произволь, какъ хочешь,—можно и такъ, и этакъ. Не лучше ли бросить всѣ эти ни въ чему неведущія попытки, сдѣлаться позитивистомъ и философствовать только о томъ, что подлежитъ точному разслѣдованію и знанію; то есть всю жизнь основать на положительномъ знаніи и оставить неразрѣшимое въ покоѣ, какъ ему и быть надлежитъ,—неразрѣшеннымъ.

Прекрасно, но что же дѣлать тому, чей складъ ума не укладывается въ эту рамку! - Господа, господа реформаторы и властители нашихъ думъ, позаботьтесь сначала, для культуры вашихъ ученій, уничтожить эту прискорбную индивидуальность, столь препятствующую обожаемому и ожидаемому вами прогрессу. А пока вы еще не придумали способа производить на свѣтъ людей одинакими, до тѣхъ поръ не удастся ихъ и стричь подъ одинъ гребень. Пока стадныя свойства и стихійныя силы, не знающія никакой индивидуальности и стригущія все подъ одинъ гребень, не осилили еще человѣческую личность, до тѣхъ поръ всѣ индивидуальныя свойства будутъ искать себѣ простора и права на жизнь. Такъ и съ желаніемъ узнать что добро, что зло, знакомомъ, какъ полагаютъ евреи, еще прародительницѣ Евѣ. Народы поняли необходимость этого неугомоннаго желанія прежде мудрецовъ.

Въ этомъ отношеніи весь міръ распадается на два противоположныхъ лагеря; одинъ, все нивелирующій, не дѣлаетъ и не знаетъ никакого различія, другой поневолѣ стремится различить добро отъ зла, не зная и чувствуя, что никогда не узнаетъ искомаго. И вотъ борьба. Съ одной стороны, стихійныя силы, стадныя и животныя инстинкты, съ другой— разумное человѣческое понятіе, стремящееся проникнуть въ сущность каждаго явленія, найти его законы и *raison d'être*.

Я сказалъ, что для животнаго нѣтъ добра и зла,—разумнаго

понятія о добрѣ и злѣ, — служащаго основою нашей нравственности. Но это самое понятіе, названное въ книгѣ Бытія познаніемъ, основано на чувствѣ, свойственномъ и животному; я думаю, не обинуясь, можно сказать, какъ только органическое вещество получаетъ способность ощущать, оно съ тѣмъ вмѣстѣ уже содержитъ въ себѣ *in statu nascente* чувство добра и зла.

Понятію, конечно, должно предшествовать чувство, и снабженное чувствомъ вещество (органическое) дѣлается для самого же себя пробнымъ камнемъ, на которомъ оно испытываетъ содержаніе добра и зла въ стихійныхъ началахъ. Первые слѣды чувства добра и зла являются подѣ видомъ пріятныхъ и непріятныхъ ощущеній, свойственныхъ, какъ видно, самымъ низкимъ организмамъ. Безсознательно и невольно стремится, слѣдуя пріятному или непріятному ощущенію, организмъ животного, и эти инстинктивныя его стремленія принимаютъ чисто стихійный характеръ, подѣ видомъ стадныхъ свойствъ и борьбы за существованіе. Стремясь къ ощущенію пріятнаго, сопровождающему удовлетвореніе органическихъ потребностей стада, и стада животныхъ идутъ, плывутъ, бѣгутъ, летятъ напроломъ, не разбирая уже и не отличая, стихійно. Поэтому, стадно-инстинктивныя свойства животного организма, хотя основанныя на томъ же началѣ, какъ и наше понятіе о добрѣ и злѣ, я отношу къ одному лагерю съ стихійными.

Существованіе зла уже ясно ощущается организмомъ, получившимъ печальную способность страдать. Наконецъ, ощущеніе это усваивается нами уже какъ понятіе, когда мы научаемся страдать душевно. И сколько я не думалъ бы, мнѣ кажется, не придумаю лучшаго опредѣленія злу съ нравственной точки зрѣнія, какъ назвавъ его душевнымъ горемъ, душевнымъ страданіемъ и душевною мукою (смотря по степени). Все то, значить, внѣ и въ насъ, зло, что причиняетъ намъ страданіе и, судя по себѣ, мы должны признать то же самое и для другихъ намъ подобныхъ; мы, какъ внѣшніе для нихъ, можемъ сдѣлаться сами для нихъ носителями зла.

Въ концѣ концовъ зло есть прежде всего органическое, а потому и душевное свойство. Но признавая необходимость существованія духа, какъ начала, не имѣющаго ничего общаго съ свойствами вещества, мы должны тѣмъ самымъ признать, что для духа нѣтъ зла, и разумъ, отличающій его отъ добра, дѣлаетъ

это потому только, что онъ нашъ и не можетъ судить, не ощущая и не завися отъ вещества. Что же, послѣ этого заключенія, могу я думать о томъ значеніи, которое придаетъ ученіе Христа различію добра отъ зла, не служить ли оно основнымъ камнемъ ученія въ примѣненіи его къ жизни?

И самая загробная жизнь, по ученію Христа, не будетъ-ли продолженіемъ того же понятія о добрѣ и злѣ, которое составлено нами въ здѣшней жизни? Но какъ же въ то невещественное наше существованіе послѣдуетъ за нами понятіе, приобрѣтенное вещественно, чрезъ ощущеніе. Да мало-ли вопросовъ возбуждаетъ скепсисъ умственного анализа въ дѣлѣ вѣры!

Но вѣра съ ея высшимъ идеаломъ такъ сильна, что идетъ своимъ путемъ, не обращаясь къ развѣдающему анализу. Спасителю никто не могъ предложить скептическихъ вопросовъ; онъ училъ не въ средѣ греческихъ софистовъ и въ своемъ откровеніи сообразовался съ понятіями народа, которому благовѣствовалъ; на вопросы же книжниковъ отвѣчалъ или уклончиво, или, по восточному обычаю, притчами, иносказаніями и сентенціями; невѣрующихъ же поражалъ своими дѣлами. Спаситель не вдавался въ догматическія толкованія, предоставлялъ свободу мысли послѣдователямъ Своего ученія, требуя только чистосердечія, искренней и горячей любви, сочувствія и ревности къ распространенію душеспасительнаго ученія.

Разсужденія и толки о душѣ, предполагавшейся у животныхъ, и о душѣ и духѣ, предполагавшихся въ человѣкѣ (апостоль Павелъ) предопредѣленіемъ, присоединены къ ученію Христа въ послѣдствіи апостолами и отцами церкви. Поэтому, я вправѣ утверждать, что и вѣраще въ предопредѣленіе, и основывающіе всѣ наши дѣйствія, а слѣдовательно и свое спасеніе, на свободной волѣ человѣка, одинаково могутъ опираться на ученіе Христа, не нарушая основъ вѣры.

Свобода! Свобода! Прекрасное волшебное слово, волнующее народы, что ты такое?

Опять то же, ощущеніе и очень пріятное, сначала, какъ и всѣ ощущенія на свѣтѣ, ограниченное, потомъ духовное. Пока оно остается первымъ (т. е. органическимъ) еще не трудно найти и его отношенія къ вещественной подкладкѣ; но какъ скоро оно теряетъ эту прочную почву, и начинаетъ превращаться въ духовную свободу, анализъ дѣлается шаткимъ, хотя ощущеніе этой

свободы и остается сходнымъ съ тѣмъ, которое возбуждаетъ въ насъ органическая свобода.

Но если свобода есть одно ощущение, то воля есть и ощущение, и дѣйствіе. Мы, когда чего хотимъ, то чувствуемъ свободными не только наше желаніе, но и слѣдующія за нимъ дѣйствія. Тутъ, однако же, при анализѣ является цѣлая масса недоразумѣній.

Свободна-ли воля?

Вопросъ собственно неразрѣшимый; чтобы рѣшить его, надо сдѣлать себя въ одно и то же время и субъектомъ, и объектомъ; надо самому обстоятельно распотрошить себя, не говоря уже о необходимости и другихъ вспомогательныхъ вивисекцій, источникахъ изслѣдованій нервно-центральныхъ элементовъ и т. п.

Воля, какъ ощущение, бываетъ и сознательная, и бессознательная. Какъ мыслить, такъ и хотѣть мы можемъ бессознательно. Это непонятно, но на дѣлѣ выходитъ такъ, или какъ будто такъ; мы во многихъ случаяхъ и мыслимъ (правильно), и хотимъ, и вслѣдствіе этого дѣйствуемъ, не сознавая, то есть, не чувствуя, не ощущая, что сознаемъ. Вотъ тутъ-то и оказывается, что у насъ есть не только сознание, но и ощущение сознания (самосознание) или, пожалуй, сознание сознания, отличающее насъ отъ животныхъ, о чемъ я уже говорилъ выше.

Я различаю, можетъ быть, и неосновательно, но для меня внятно, хотѣть, желать. Хотѣть можно и сознательно, и бессознательно, но всегда съ дѣйствіемъ; желать же можно только сознательно и строго анализуя, всегда безъ дѣйствія. Недаромъ въ царствованіе Николая Павловича я никогда и ни отъ одного солдата въ госпиталѣ не слышалъ слова: „я хочу“. „Хочешь ѣсть?“ спросишь бывало; „не желаю, ваше превосходительство“, слышишь отвѣтъ.

Не можетъ же быть, чтобы это было случайно. Да, желать можно только сознательно и, собственно, безъ дѣйствія; но переходъ отъ я желаю въ я хочу такъ можетъ быть быстръ, что его не всегда можно уловить и потому иногда и желаніе (какъ хотѣнье) можетъ быть дѣйствующимъ. Я замѣчаю мелькомъ яблоко на деревѣ и мнѣ приходитъ желаніе его сорвать; тотчасъ, вслѣдствіе этого желанія, начинаютъ дѣйствовать у меня глаза и руки; это значитъ—желаніе мое передалось тѣмъ частямъ мозга, въ которыхъ локализуется способность приводить въ движеніе мышцы моихъ глазъ и рукъ и направлять ихъ на желаемый предметъ.

Въ чемъ же состоитъ локализація, если она такъ не сомнѣнна, какъ это можно полагать, судя по современнымъ изслѣдованіямъ.

По моему, локализуется въ мозгѣ не только механизмъ (въ родѣ гальваническаго прибора), возбуждающій къ дѣйствию ту или другую группу мышцъ, но локализована еще и самая воля надъ дѣйствиемъ этого механизма. Если такъ, то желаніе, какъ функція сознанія, передается локализованной волѣ, а она, то сознательно, то бессознательно для насъ, закрываетъ или открываетъ гальваническія цѣпи приборовъ и приводитъ въ движеніе мышцы глазъ и рукъ. Движеніями же моихъ глазъ, управляемыхъ бессознательною волею и мыслию, я соразмѣряю пространство и положеніе яблока, а сознательными уже движеніями рукъ направляю ихъ къ яблоку, чтобы его сорвать.

Но и сознающееся нами дѣйствіе, также, какъ и бессознательное, можетъ быть слѣдствіемъ несвободной воли. Я хочу поднять руку, ногу, могу и не хотѣть, или могу сейчасъ же захотѣть и тотчасъ же разхотѣть.

Значить я свободенъ хотѣть.

Да такъ-ли? Вотъ вопросъ. Могу-ли я не хотѣть именно того, чего хочу. Не обязанъ-ли неминуемо, не долженъ-ли я, прикованный цѣпью всего предшествовавшаго, хотѣть именно такъ, какъ хочу. Во вторыхъ, допустивъ возможность не желать, имѣть желаніе остается весьма сомнительнымъ; можно-ли, желая чего нибудь, хотѣть или не хотѣть этого желанія, то есть можетъ-ли сформированное ясно желаніе быть и не быть перенесеннымъ на локализованный въ мозгу приборъ воли.

Вѣдь самое главное могу-ли я не сознавать себя произвольно по собственной волѣ? Конечно, нѣтъ. Сознаніе для меня обязательно въ нормальномъ состояніи, значить обязательно и все то, что подлежитъ сознанію, что находится въ его вѣдомствѣ. Поэтому я и не могу не хотѣть, насколько воля моя сознательна. Воля моя, сверхъ этой зависимости отъ моего сознанія и отъ вѣшнихъ условій, влияющихъ на сознаніе, а потому и на волю, зависитъ еще, равно какъ и мысль, отъ неуловимаго, но несомнѣнно существующаго вліянія различныхъ органовъ на центры локализованной въ разныхъ частяхъ мозга воли.

Духъ свободенъ и не можетъ не быть такимъ, но его органъ играетъ только такъ, какъ допускаетъ его устройство и все предшествовавшее этому устройству. Но намъ нельзя бы было

ни жить, ни дѣйствовать по нашему, безъ благодѣтельной иллюзиі, заставляющей насъ твердо вѣрить, что мы свободны желать, мыслить и даже поступать произвольно, вѣрнѣе, — волеугодно; произвольно это arbitraire, а spontané, freiwillig, — это волеугодно. А свобода эта — невидимая и неощущаемая нами цѣпь.

Какъ, въ самомъ дѣлѣ, могло бы быть свободнымъ существо, по устройству своего организма осужденное ощущать и сознавать себя произвольно.

Правда, оно можетъ прекратить такое подневольное существованіе, но (это) свободы ему, здѣсь на землѣ, все-таки не дать.

Итакъ все обязательно предопредѣлено, механизмъ машины заведенъ, слѣдуетъ повиноваться и жить въ мирномъ самообольщеніи.

Что же тогда вѣра, упованіе, благодать и молитва?

Отвѣтъ: такое же обязательное предопредѣленіе. Вѣруй въ любовь и уповай въ благодать Высшаго Предопредѣленія; молись всеобъемлющему Духу любви и благодати о благодатномъ настроеніи твоего духа. Блаженство, счастье, миръ души, — все въ этомъ настроеніи. Ни для тебя, ни для кого другого, ничто не переменится въ свѣтѣ, не стихнуть бури, не усмирятся бушующіе элементы; но ты, по настроеніе твоего духа можетъ быть измѣнено полетомъ души, окрыленной вѣрою въ благодать Святого Духа.

Дѣйствіе молитвы на меня, я полагаю, въ центробѣжныхъ и центростремительныхъ колебаніяхъ души, то увлекающейся куда-то въ высь, то съ новою силою возвращающейся въ себя. И изъ всѣхъ молитвъ самая благодатная завѣщена намъ Спасителемъ; произнося ее, я призываю имя и царство Божіе къ себѣ и молю сообщить мнѣ то настроеніе души, которое охранило бы меня отъ искушенія и зла.

Но если все предопредѣлено и неизмѣнно, то задняя мысль о несостоятельности молитвы развѣ не нарушитъ миръ и спокойствіе души въ то самое время, когда молишься? Нѣтъ, и еще разъ нѣтъ, если проникнешься вѣрою въ благодать и ея благодѣтельное дѣйствіе на настроеніе души.

И вотъ, когда ни одно предопредѣленное горе, ни одна предопредѣленная бѣда не могутъ быть устранены отъ тебя, ты все таки можешь остаться спокойнымъ, если благодать молитвы сдѣлаетъ тебя менѣе впечатлительнымъ и болѣе твердымъ къ перенесенію горестей и бѣдъ.

Не безумно-ли; не безчеловѣчно-ли отнимать у себя и у другихъ вѣдомо цѣлебное средство, потому только, что оно не укладывается въ рамки доктрины, еще далеко нераскрывшей правду. Да какъ бы ни было точно и неоспоримо ученіе, основанное на чувственномъ представленіи (опытъ), и на анализѣ ума, мы не можемъ и не должны, посвящая себя этому ученію, оставлять нетронутыми и неразвитыми другія потребности духа; онѣ, поправныя и пренебреженныя, рано или поздно громко заявятъ о восстановленіи своихъ правъ. Это я испыталъ на себѣ и откровенно сознаю себѣ; но знаю много примѣровъ, изъ которыхъ заключаю, что и несознающіеся не менѣе моего потерпѣли фіаско, стараясь оставаться послѣдовательными принятому однажды ученію.

XXXIV.

Если я спрошу себя теперь, какого я исповѣданія? то отвѣчу на это положительно: православнаго,—того, въ которомъ родился и которое исповѣдывала вся моя семья.

Но, утверждая это, я не могу не различить два для меня не совсѣмъ тождественныя понятія. Я полагаю, что каждый гражданинъ государства, имѣющаго свою государственную (господствующую) церковь, если онъ родился въ лонѣ этой церкви, обязанъ остаться ей вѣрнымъ на цѣлую жизнь,—какъ гражданинъ; его внутреннія убѣжденія, его сомнѣнія, его міровоззрѣніе, не соответствующее догматамъ исповѣданія, даннаго ему при рожденіи, тутъ не причемъ.

Если вся исторія и жизнь государства требовали отъ него признанія господствующей церкви, то есть требовали не допустить наибѣйшей свободы совѣсти и вѣротерпимости, то, по моему, не только противузаконенъ, (виѣшне), но и внутренно несправедливъ будетъ, измѣняющій свое исповѣданіе.

Неполная свобода совѣсти въ государствѣ какого бы то ни было христіанскаго исповѣданія есть только дѣло времени; она не можетъ не быть, и если не существуетъ, то только по однимъ политическимъ (и обыкновенно невѣрнымъ) соображеніямъ, противорѣчающимъ слишкомъ явно духу ученія Христа и потому временнымъ и преходящимъ.

Грѣхъ-ли же это передъ Богомъ, если я отличаю, какъ гражд-

давинъ и какъ человѣкъ, догматическое исповѣданіе ученія Христа, принявшее государственную, такъ сказать, оболочку, отъ духа, идеала и сути самага ученія; вѣдь и церковь, и исповѣданіе, въ которыхъ я отъ роду моего принадлежу, не будутъ отвергать идеалъ и духъ ученія Христа, — это всеобъемлющая любовь въ Богу и ближнему, вѣра въ благодать Духа Святого, въ божественную натуру Спасителя, безсмертіе души и загробную жизнь.

Неужели же господствующая церковь, въ такомъ случаѣ, не будетъ руководствоваться правиломъ того же ученія: „кто не противъ насъ, тотъ за насъ“ (т. е. нашъ). Не слѣдовать этому правилу значило бы признать за собою полную невѣротерпимость и принужденіе совѣсти, ни въ чемъ тутъ неповинной.

Какъ я самъ, не смотря на мое мировоззрѣніе, отличное отъ церковнаго, признаю себя все-таки сыномъ господствующей церкви по рожденію и подданству, считая несправедливымъ и противозаконнымъ покидать ея лоно, такъ и самая церковь вѣрно не захотѣла бы насиловать мою совѣсть, требуя отъ меня отреченія отъ моихъ убѣжденій и вѣрованій, которыхъ я достигъ послѣ долговременной и лютой борьбы съ самимъ собою.

Пора убѣдиться и іерархамъ, что непогрѣшимости нѣтъ на землѣ.

Былъ Одинъ нравственно непогрѣшимый и безгрѣшный, но Его мучительно убили іерархи же прежнихъ временъ, и тѣмъ доказали, что непогрѣшимость не для земли. Оставшійся послѣ того и переданный вамъ Новый Заветъ, „не отъ міра сего“, основанный Непогрѣшимымъ, не требуетъ ни отъ кого непогрѣшимости, допуская въ себѣ все искреннее и чистосердечное, хотя бы оно шло отъ блудныхъ дѣтей и преступныхъ.

Мнѣ останется всегда памятнымъ мнѣніе преосвященнаго Іеринарха (архіепископа бессарабскаго, во время моего попечительства въ Одессѣ): „Притчу о блудномъ сынѣ“, сказалъ мнѣ преосвященный, „я считаю самую главною и наиболѣе поясняющею духъ ученія Христова“. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ, когда и какии моралистомъ и догматикомъ предпочитался блудный, глубоко падшій, сынъ благонравному брату; только горячо любящее сердце отца могло поступить такъ; только всеобъемлющая любовь могла оправдать блудницу и распятаго разбойника, а что, взаимнѣ этой цѣлебной любви, могутъ дать непогрѣшимость догматическихъ церквей, папы, синоды и іерархи?

Каждому гражданину, отъ рожденія уже причисленному въ одному изъ христіанскихъ исповѣданій, предстоитъ едва ли разрѣшимый когда-нибудь вопросъ—какъ соединить въ себѣ самую полную, самую искреннюю свободу совѣсти, требуемую отъ него по духу ученія Христа, съ чистосердечною вѣрою въ непогрѣшимый авторитетъ догматической церкви?

Правда, при полной вѣротерпимости протестантства, каждому гражданину не запрещенъ переходъ въ другое исповѣданіе, но, къ какой бы церкви онъ ни причислилъ себя, авторитетъ ея, а слѣдовательно и исповѣдуемыхъ ею догмъ, должно будетъ признать надъ собою въ цѣлости. Но найдется ли хотя одно изъ существующихъ исповѣданій, догмы, обряды и правила котораго каждый членъ церкви могъ бы признать чистосердечно непогрѣшимыми, вполне соответствующими духу ученія Христа.

Индивидуальный складъ души такъ безконечно различенъ, что и самые близкіе къ Спасителю ученики понимали ученіе Его не всѣ одинаково. Мы видимъ и теперь какой сумбуръ вѣрованій и убѣжденій существуетъ между протестантскими духовными; многіе изъ нихъ, усвоивъ себѣ точку зрѣнія Штрауса и Ренана или подобную ей, всетаки причисляютъ себя (конечно изъ политическихъ и матеріальныхъ цѣлей) къ христіанскимъ законоучителямъ и служителямъ алтаря; какъ ни слабы ихъ мотивы и какъ ни скредны ихъ цѣли, но они правы; прежде всего чистосердечіе и искренность, безъ которыхъ нѣтъ настоящей вѣры въ Христа и Его ученіе, — истина Его не можетъ быть для искренно вѣрующаго только внѣшнею: она должна быть внутреннею истинною правдою, которую не даетъ ни одно догматическое исповѣданіе.

Рѣзкія противорѣчія нѣкоторыхъ догматовъ, странность обрядовъ, одностороннія обращенія то къ одному уму, то къ одному чувству, отличающія разныя христіанскія исповѣданія одно отъ другого, очевидно не безразличны для разнаго склада души но если бы взрослому и культурно-развитому гражданину пришлось свободно выбирать одно изъ существующихъ христіанскихъ исповѣданій, то онъ поставленъ бы былъ въ весьма затруднительное положеніе.

Выборъ, конечно, зависѣлъ бы отъ индивидуальности; но будь избиратель человѣкъ нечерствый, нормально развитой и неодно-

сторонній, онъ, вѣрно, колебался бы между двумя мощными авторитетами: совѣсти и ума. Авторитету ума другого легче покориться. Мы покоряемся ему, довѣряя его знаниямъ, силѣ мысли, опытности, оставляя впрочемъ и для своего ума лазейку,—пересѣдлатъ и перейти въ другой лагерь, какъ скоро явится новый, болѣе убѣдительный для насъ, авторитетъ.

Другое дѣло авторитетъ совѣсти. Чужая совѣсть—нашей собственной не указъ. Къ чужой можно прибѣгнуть только въ случаѣ, за неимѣніемъ ничего лучшаго;—это дѣлается на судѣ присяжныхъ. Опытъ убѣдилъ, что совѣсть, хотя бы и чужая,—въ дѣлахъ совѣсти, т. е. внутренней правды, вѣрнѣе внѣшняго ученаго суда. Но когда человѣку надо бываетъ судиться съ самимъ собою,—и только съ собою,—тутъ иное дѣло. Тутъ судя всевидящее Око,—другого нема.

Исповѣданіе и государственная церковь хотя и ставятъ себя на мѣсто этого судьи, но внушить свободному избирателю вѣру въ свою непогрѣшимость исповѣданія и церковь могутъ не иначе, какъ путемъ ума, ученія, науки. И вотъ сильнѣйшій авторитетъ, совѣсть въ дѣлѣ совѣсти, подчиняется слабѣйшему.

Правда, церковь не государственная, а „единая святая соборная и апостольская“ имѣетъ за собою еще и благодать Святого Духа, но, чтобы удостоиться нѣтъ благодати, нужно быть избраннымъ (предопредѣленнымъ) свыше, или уже вѣрующимъ и принятымъ въ лоно церкви; а тутъ свобода совѣсти не причемъ, и вольный избиратель исповѣданія и церкви остается въ прежней нерѣшимости что избрать; умъ серьезный, разсудочный, холодный конечно остановится, прежде всего, на протестантствѣ. Онъ скоро убѣдится, что это исповѣданіе легче всѣхъ другихъ уживается съ свободой совѣсти, научнаго изслѣдованія и критики ума.

Но если умъ избирателя неодностороненъ и допускаетъ нормальное развитіе и другихъ способностей и стремленій души,—то онъ также скоро убѣдится, что протестантство въ сущности не вѣра, и даже не вѣроисповѣданіе, а исповѣданіе болѣе или менѣе сильныхъ убѣжденій, основанныхъ на знаніи и ученьи, а открывая свободный путь научному анализу и критикѣ, протестантство неминуемо ведетъ къ чистому рационализму (ультра-рационализму), въ область чистаго разума, замкнутую для чистой вѣры.

Съ другой стороны, свободный избиратель нашего времени

найдеть единую святую соборную и апостольскую церковь уже не единою, а потому и сообщенную ей свыше благодать уже несомнѣнно пребывающею въ той или другой изъ раздѣлившихся церквей; сверхъ этого, неполная свобода мысли, чрезмѣрный, несоотвѣтствующій сущности ученія Христа, догматизмъ, безграничная обрядность и вышность богопочитанія, стѣсняющая и отвлеченныя стремленія души, и, наконецъ, подтверждаемая церковью вѣра въ существованіе, почти матеріальное, злого духа,— все это едва ли привлечетъ свободнаго избирателя къ благодати вѣры въ Христа и Его всеобъемлющую любовь, завѣщанной церкви Новаго завета.

Испытавъ колебаніе и нерѣшительность въ выборѣ, вольный избиратель вѣрно позавидуетъ каждому изъ насъ, съ самаго рожденія принятому въ лоно государственной церкви; намъ нечего колебаться въ выборѣ. Вопросъ совѣсти рѣшенъ не нами и прежде насъ. Остается рѣшить другой.

Можно ли, оставаясь, такъ сказать, врожденнымъ членомъ государственной церкви: православной, католической или протестантской, въ то же время придерживаться авторитета собственной совѣсти, подчиненной одному Всевидящему Оубу?

Вопросъ, я полагаю, опять чисто индивидуальный, не научный, не юридическій, рѣшаемый не внѣ насъ, не людьми, даже не самими нами, а совѣстью, вѣрующею въ ея верховное начало,—Бога. Протестанту, пользующемуся полною свободою совѣсти, мысли и научнаго разслѣдованія, трудно согласиться на это раздвоеніе духа (двойную бухгалтерію по К. Фохту); ему ничего нѣтъ легче, какъ выписаться изъ членовъ своей церкви и приписаться къ другой, болѣе соотвѣтствующей его міровоззрѣнію. Но самый передовой католикъ не затруднится, въ одно и то же время, быть и свободнымъ, научнымъ мыслителемъ, и благочестивымъ прихожаниномъ своего прихода. И я полагаю, что церковь можетъ и должна допускать эту, неизбѣжную для вѣрующаго мыслителя, двойственность. Авторитетъ церкви, пока она останется государственною, этимъ нисколько не нарушается. Ея главная сила въ христіанскомъ же принципѣ: кто не противъ насъ, тотъ за насъ.

Самая трудная задача для современной государственной церкви—это избѣжать крайностей консерватизма и прогресса.

Церковь, по своему существу, самое консервативное учрежденіе.

Она обязана сохранять чистоту вѣры; но, какъ государственная, главнымъ предметомъ своихъ заботъ она должна имѣть не столько вѣру, сколько религію.

Есть значительное различіе между этими понятіями, обыкновенно принимаемыми за одно и то же: государственная церковь есть представительница государственной религіи; церковь общинная — вѣры. Дѣло религіи—это поддержаніе и упроченіе общественныхъ связей посредствомъ нравственно-духовнаго начала.

Вѣра—это чистое отвлеченіе души, тутъ нѣтъ никакихъ мірскихъ цѣлей и задачъ. Вѣра необходима, какъ самая глубокая потребность души, индивидуально, для каждаго болѣе, чѣмъ для общества. Въ душѣ каждой человѣческой особи есть частичка не отъ міра сего, ищущая себя и духовной пищи; но какъ скоро изъ особой составляется общество, то его главнымъ *raison d'être* дѣлается уже быть отъ міра сего. Для государственной религіи можетъ быть необходимымъ не допускать вѣянія никакихъ прогрессивныхъ началъ, удерживать и освящать самые несвоевременные обычаи, обряды и вѣрованія....

Народное вѣрованіе въ матеріальное существованіе чорта, не смотря на діаметрально противоположные выводы науки, государственная, консервативная, церковь не можетъ не поддерживать, основываясь на древнемъ міровоззрѣніи. Но церкви нѣтъ надобности преслѣдовать научное ученіе о добрѣ и злѣ, какъ о понятіи, основанномъ на законахъ органической и психической природы человѣка. Какое дѣло церкви—какъ я представляю себя дьявола; такъ и о другихъ моихъ понятіяхъ. Если я не стремлюсь выдти изъ лона государственной церкви, не возстаю противъ нея, оказываю ей полное уваженіе, словомъ—не трогаю религіи народной и государственной, къ которой отношу и себя, и свою семью, то какое кому дѣло до моей индивидуальной вѣры, о которой дамъ отчетъ не здѣсь. Здѣсь же я старался только изложить самому себѣ то духовное міровоззрѣніе, о которомъ мнѣ придется нѣкогда дать отчетъ.

Теперь перейду ко времени моего вступленія въ Московскій университетъ.

Н. И. Пирговъ.

[Продолженіе слѣдуетъ].

РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА ЗА КАВКАЗОМЪ

въ 1853—1854 гт.

Изъ записокъ генер. отъ инфант. М. Я. Ольшевскаго.

Х ¹⁾.

Снаряженіе Александропольскаго отряда и выступленіе за границу.

Извѣстно болѣе или менѣе каждому, что успѣхъ не только армии, но отдѣльно дѣйствующаго корпуса или отряда зависитъ сколько отъ своего состава и надлежащаго направленія дѣйствій, клонящихся къ нанесенію возможно большаго вреда неприятелю, столько и отъ своевременнаго снабженія и обезпеченія солдата всѣмъ необходимымъ. Пусть будутъ и самыя блестящія стратегическія соображенія главнаго начальника и его штаба, но если упущены изъ виду надлежащія распоряженія, положимъ, по продовольственной части, и солдатъ остается нѣсколько дней безъ пищи, то такія блестящія предположенія поневолѣ остаются недостижимыми. Такимъ-же образомъ могутъ быть недостижнуты и превосходныя тактическія распоряженія собственно потому, что оказался недостатокъ въ зарядахъ и патронахъ во время самаго боя по той причинѣ, что запасный паркъ не успѣлъ поспѣть во-время на мѣсто сраженія.

Въ европейской войнѣ недостатокъ въ продовольствіи, систематически заготовленномъ, но несвоевременно доставленномъ, можетъ быть устраненъ реквизиціями. Въ азиатской-же войнѣ наступающій липонъ и этого тяжелаго, раззорительнаго для жителей, способа продовольствія солдатъ. Тамъ не только не встрѣчается городовъ и богатыхъ селеній, въ которыхъ войска могли бы съ удобствомъ расположиться и удовлетворить себя всѣмъ необходимымъ, если не по доброй волѣ жи-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1884 г., т. XLIV, октябрь, стр. 171—190; ноябрь, стр. 417—432.

телей, то хотя силой, но вы проходите по мѣстамъ или пустыннымъ, или малонаселеннымъ. Тамъ даже въ топливѣ, потребномъ на вареніе пищи и обогрѣваніе, встрѣчается недостатокъ. -

Къ такимъ малонаселеннымъ мѣстностямъ принадлежитъ пограничное пространство Азіатской Турціи, двигаются ли наши войска на Карсъ, Ардаганъ или Баязетъ. Поэтому начальникъ долженъ озаботиться обезпечить отрядъ всѣмъ необходимымъ и, по возможности, на большее время, потому что излишнія транспортровки въ тамошней войнѣ бывають трудны по дурнымъ дорогамъ и опасны по образу веденія партизанской войны.

Руководствуясь кампаніей 1828—1829 годовъ и соображаясь съ предполагаемыми военными дѣйствіями, опредѣлено было: взять съ собою сухарей, крупъ, спирту и соли по числу людей, состоявшихъ на продовольствіи на двадцать дней, такъ что съ тѣмъ довольствіемъ, которое войска должны были имѣть при себѣ, составляло мѣсячную пропорцію. Зернового фуража, по числу кавалерійскихъ и артиллерійскихъ лошадей, бралось на десять дней и то только на непредвидимый случай, потому что это довольствіе лежало на попеченіи и заботливости начальниковъ частей. Для приюта, продовольствія и содержанія больныхъ и раненыхъ назначалось госпитальныхъ палатокъ, бѣлья, посуды, кроватей, столовъ, продуктовъ и медикаментовъ по числу 200 человекъ.

Все это должно было быть поднято на 400 двухъ-парныхъ грузинскихъ арбахъ, 200 мологанскихъ троечныхъ повозкахъ и 500 черводарскихъ лошадяхъ. Для перевозки второго комплекта боевыхъ зарядовъ и патроновъ, по числу орудій и людей, имѣлся запасный паркъ.

Снаряженный такимъ образомъ отрядъ, въ составѣ 17-ти батальоновъ пѣхоты, считая въ томъ числѣ стрѣлковъ и саперъ, 26 эскадроновъ драгунъ, 14 сотенъ линейныхъ и донскихъ казаковъ и 14 сотенъ милиціи, при 72 орудіяхъ, переправился 15 іюня черезъ Арпачай и двинулся черезъ Мулла-Мусса, Кизиль-Чахчахъ и Джамушлю къ Кюрюкдара.

Князь Вебутовъ, вмѣсто прямого направленія на Пирвали и Суботанъ, избралъ этотъ кружной путь для наступательныхъ дѣйствій, по врожденной своей осторожности. Ему извѣстно было, что непріятель, въ значительныхъ силахъ, занимаетъ крѣпкую позицію у Хадживали, изъ которой онъ можетъ угрожать нашему лѣвому флангу въ то время, когда мы, подойдя къ Суботану, можемъ быть атакованы съ фронта войсками, наступающими изъ Карса. Будучи-же отброшены къ Карсчаю, очутимся въ безвыходномъ положеніи; тогда какъ, двигаясь на Кизиль-Чахчахъ, этого случиться не могло.

Сообразуясь съ намѣреніями и дѣйствіями непріятеля, отъ насъ будетъ зависѣть перейти Карсъ-чай у Джамушлю, дѣйствовать фронтально противъ Хадживали и Карса, или, не переходя Карсъ-чай, наступать по лѣвому берегу этой рѣки. Притомъ, дѣйствуя этимъ путемъ, легче было заставить принять бой въ полѣ непріятеля, находившагося какъ въ Хадживали, такъ и въ Карсѣ. А такъ какъ единственно отъ разбитія турокъ въ полѣ зависѣлъ дальнѣйшій нашъ успѣхъ, то, послѣ трехъ-дневной стоянки на Караханъ-чай, у Кизиль-Чачхаха, князь Бебутовъ рѣшился перейти Карсъ-чай и занять позицію впереди этой рѣки.

Послѣ осмотра Карсъ-чая, текущаго здѣсь въ крутыхъ, возвышенныхъ берегахъ, и исправленія дороги на пятиверстномъ разстояніи, 22 іюня мы выступили изъ лагеря на Карахана. Пока совершалась переправа главной колонны съ обозомъ, хотя по удобному броду, но медленно, по причинѣ крутыхъ спуска и подъема, князь Вебутовъ съ Нижегородскимъ драгунскимъ полкомъ, пятью сотнями казаковъ и тремя батальонами при шести орудіяхъ, составлявшими авангардъ, предпринялъ рекогносцировку.

Пройдя селеніе Джамушлю, намъ представилось довольно обширное поле, окаймленное спереди и съ правой стороны горами. Впереди были Огузлинскія и Башкадыкларскія высоты, тѣ самыя, на которыхъ 19-го ноября прошлаго года происходилъ славный кровавый бой армянцевъ, грузинцевъ, ширванцевъ, куринцевъ, нижегородскихъ драгунъ и линейскихъ казаковъ и на которыхъ раздалась побѣдная наша крика въ догонку дрогнувшихъ и побѣжавшихъ турокъ. Съ правой стороны возвышался Карагалъ, у сѣверо-восточной стороны котораго происходило въ тотъ-же славный день, 19 ноября, упорное сопротивленіе князя Чавчавадзе съ половиною храбраго, командуемаго имъ, Нижегородскаго полка отъ нападавшихъ на нихъ четырехъ турецкихъ батальоновъ и гдѣ полковникъ Долотинъ на славу озадачивалъ непріятеля картечью изъ своихъ четырехъ орудій ¹⁾.

Да, это было то славное поле, на которомъ валялись куски заржавленнаго чугуна, разорванныхъ гранатъ и коническихъ свинцовыхъ пуль, сразившія сотни людей. На этомъ-же полѣ видѣлись тѣ насыпи съ крестами, подъ которыми покоятся прахъ павшихъ смертію храбрыхъ. Можетъ быть, это поле породило бы много другихъ воспоминаній, если бы наше вниманіе не было развлечено внезапно показавшейся изъ-за Карагала кавалеріей, которая, постоявъ нѣсколько минутъ на мѣстѣ, быстро понеслась назадъ, по направленію на Суботанъ.

¹⁾ За Башкадыкларъ Долотинъ тоже получилъ св. Георгія 4-й степени М. О.

Это былъ кавалерійскій отрядъ подъ начальствомъ Гассанъ-Язычи, высланный изъ Хадживали для наблюденія за нами. Онъ занималъ армянскія деревни Пальдерванъ и Кюрюкдара, съ которыми я сейчасъ познакомлю читателя. Пущенныя въ догонку за улепетывающимъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, неприятелемъ съ десятою ядеръ и гранатъ, отъ которыхъ попадало нѣсколько всадниковъ, были первые въ этомъ году наши выстрѣлы.

XI.

Кюрюкдарская позиція съ 22 іюня по 24 іюля 1854 г.

Послѣ остротки, заданной Гассанъ-Язычи съ братіей, мы повернули отъ Джамушлию направо, по торной дорогѣ. Обогнувъ песчаную гору Карагузи, составляющую продолженіе Караала, мы очутились надъ глубокой, каменистой котловиной. Тутъ были въ безпорядкѣ разбросанные разной величины черно-сѣрые камни и уложенныя, въ порядкѣ, одна надъ другою, того-же цвѣта плиты. Эти послѣднія и составляли стѣны и крыши савель двухъ армянскихъ селеній Кюрюкдара и Пальдервана, гдѣ имѣла свое пребываніе неприятельская кавалерія, такъ поснѣшно скрывшаяся съ нашихъ глазъ.

Большія поля, засѣянныя пшеницей и просомъ, необозримое пространство зеленой, душистой травы, мѣстами скошенной, холодная родниковая вода заявляли о благосостояніи жителей. На самомъ-же дѣлѣ, они оказались испитыми, запуганными, нищими. Не столько болѣзни, сколько непрошенныя гости, турки, довели ихъ до такого печальнаго состоянія. Много труда стоило успокоить и увѣрить ихъ, что они не потерпятъ отъ насъ никакого зла, тѣмъ болѣе, что сама природа хотѣла вооружить ихъ противъ насъ и поразить суевѣрныхъ ужасомъ отъ небывалаго явленія.

Не успѣлъ князь Бебутовъ осмотрѣть занимаемой позиція, а начальникъ штаба, полковникъ Невѣровскій, сдѣлать окончательнаго распоряженія по расположенію войскъ, какъ началъ падать изъ черныхъ тучъ, потемнившихъ небо и разверзавшихся только молніей, такой огромный градъ и неправильные куски льда, что все было поражено невольнымъ страхомъ. Этотъ страхъ выразился не столько на человѣкѣ, сколько на животныхъ. Драгунскія и артиллерійскія лошади, поражаемыя огромными градинами и кусками льда, падающими съ безпредѣльнаго пространства, начали биться и становиться на дыбы, но потомъ, вдругъ, опустивши головы, сдѣлались неподвижны, какъ истуканы. А такое, по общему отзыву, физическое явленіе продолжалось

если не четверть часа, то минутъ десять. Многимъ это явленіе осталось памятнымъ не только сильными ушибами, но и кровавыми ударами, если градины задѣвали лицо или руки. Памятна была и буря съ частымъ мелкимъ градомъ, во время трехъ-дневной стоянки подъ Кизилъ-Чакчажомъ, когда всѣ палатки штаба, расположеннаго на возвышенности, были сорваны и со всѣмъ находившимся въ нихъ снесены внизъ подъ гору.

Расположеніе Александропольскаго отряда на позиціи у Кюрюкдара, на которой мы простояли болѣе мѣсяца, было слѣдующее. Переднія двѣ линіи занимала пѣхота съ своей артиллеріей. На правомъ флангѣ, примыкающемъ къ оврагу, находились эриванцы, грузинцы, кавказскіе саперы и стрѣлки. На лѣвомъ флангѣ, примыкающемъ къ Караюлу, были расположены Вѣлевскій, поступившій по болѣзни полковника Нѣлова въ мое командованіе ¹⁾, и Тульскій полки. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ пѣхоты были расположены съ конной артиллеріей: Тверской, Новороссійскій и Нижегородскій драгунскіе полки. Затѣмъ слѣдовалъ вагенбургъ, состоявшій изъ запаснаго парка, молоканскихъ повозокъ, грузинскихъ арбъ и черводаровъ. Наконецъ, въ аррьергардѣ и по флангамъ пѣхоты, собственно для производства разѣздовъ и содержанія шкотовъ, были расположены линейные казаки и конномусульманская бригада.

Александропольскій отрядъ, въ первые дни своего расположенія подъ Кюрюкдара, оказывается въ совершенной безопасности, потому что муширь Зарифъ Мустафа-паша, опасаясь-ли быть разбитымъ по частямъ, или желая заманить насъ къ Карсу, стягиваетъ всѣ свои войска къ этой крѣпости, оставивъ въ Хадживали и Халивъ-оглу самыя небольшія наблюдательныя части.

Но съ 29-го іюня карскій корпусъ намѣняетъ систему своихъ дѣйствій и переходитъ въ наступленіе, хотя, правда, нерѣшительное и неопредѣленное. Не могу сказать, произошло-ли это отъ обнаруженія непріязненныхъ противъ насъ замысловъ Австріи, слѣдствіемъ чего было отступленіе нашей дунайской арміи за Сереть, или руководили этимъ другія причины. Можетъ быть, наше бездѣйствіе побудило торокъ перейти въ наступленіе?

Сначала Зарифъ-Мустафа-паша двигается къ Займу, какъ бы съ намѣреніемъ угрожать нашимъ сообщеніямъ съ болѣею половиною корпуса, а потомъ быстро переходитъ къ Хадживали, гдѣ расположившись начинаетъ и безъ того крѣпкую позицію приводить въ

¹⁾ Мѣсто дежурнаго штабъ-офицера занялъ Новороссійскаго драгунскаго полка полковникъ Боваленскій. М. О.

лучшее оборонительное состояніе. Князь Бебутовъ не препятствуетъ этому, но, желая выманить изъ Карса остальные войска, продолжаетъ бездѣйствовать, и, въ свою очередь, въ видѣ предохранительной мѣри, приказываетъ устроить за правымъ флангомъ укрѣпленный вагенбургъ.

Выборъ мѣста и устройство укрѣпленного вагенбурга возложено было на командира Кавказскаго сапернаго баталіона, полковника фонъ-Кауфмана, того самаго, который былъ директоромъ канцеляриіи военнаго министерства, генераль-адъютантомъ, генераль-губернаторомъ и командующимъ войсками Вилевскаго и Туркестанскаго округовъ. Цѣль этого вагенбурга состояла не въ томъ только, чтобы въ немъ помѣщались походный госпиталь, провіантскіе и военные запасы, но чтобы въ случаѣ движенія отряда противъ непріятеля, онъ могъ-бы принять всѣ лишніе перевозочныя средства и тяжести войскъ. Нельзя было сомнѣваться въ пользѣ устройства такого вагенбурга, а избранное для того мѣсто, окруженное скалистыми оврагами, какъ крѣпкое по природѣ, было укрѣплено притомъ и искусствомъ.

По лагерному расположенію отряда Бѣлевскій полкъ, находясь на лѣвомъ флангѣ, примыкалъ къ Караалу. Съ этой продолговатой горы, съ довольно отлогими въ нѣсколькихъ мѣстахъ покатосями, были видны не только Огузлы и Башкадыкларское поле сраженія, но и все пространство между Хадживали и Карсомъ, а потому эта гора днесь занималась кавалерійскими наблюдательными постами, на ночь-же располагалось на ней, въ двухъ укрѣпленіяхъ, по нѣскольку ротъ пѣхоты. Это дѣлалось на тотъ случай, если непріятель обойдетъ нашу позицію черезъ Огузлы, то чтобы онъ не могъ занять Карааль неожиданно, и съ этой горы дѣйствовать по лагерю.

Мнѣ эта гора съ окрестностями была очень хорошо извѣстна, потому что большую часть свободнаго времени я проводилъ на ней, изучая не только ближайшія окрестности, но любуясь Аллагезомъ и даже отдаленнымъ Араратомъ, серебрястая шапка котораго проглядывала между горами, обращенными къ Кагызману.

Между тѣмъ, непріятельскій лагерь мало по малу усиливался войсками, передвигаемыми изъ Карса, и Зарифъ-Мустафа-паша, ободренный нашимъ бездѣйствіемъ и подстрекаемый начальникомъ штаба Хуршидъ-пашою (Гюльонъ), Измаиль-пашою (Бмети) и другими азиатскими, бывшими у него въ лагерь, дѣлался смѣлѣе и предприимчивѣе, но только до тѣхъ поръ, пока былъ вдали отъ нашихъ войскъ.

Съ другой стороны, князь Бебутовъ, по мѣрѣ того, чѣмъ богѣе прибывало войскъ изъ Карса въ Хадживалинскій лагерь и чѣмъ сильнѣе послѣдній укрѣплялся, становился нерѣшительнѣе въ томъ смыслѣ, чтобы атаковать въ немъ турокъ. На этотъ укрѣпленный лагерь

князь Бебутовъ смотрѣлъ какъ на другой Карсъ, а потому снова поджидать того времени, когда мушеры съ свешъ корпусомъ выйдутъ изъ своего укрѣпленнаго лагеря. Поэтому, до сраженія подь Бюрюкдара, происходили вотъ какого рода дѣйствія. 30-го юля, въ день полкового праздника Новороссійскаго драгунскаго полка, когда мы пировали у генераль-маюра Тануторова, было дано знать съ аванпостовъ о движеніи непріятеля изъ Хадживали. Мгновенно весь отрядъ построился въ боевой порядокъ впереди лагеря. Эта-ли причина или разразившаяся гроза съ проливнымъ дождемъ умѣрила на этотъ разъ порывъ турокъ. Повторенное ими черезъ двое сутокъ наступательное движеніе ограничилось отдаленной канонадой и преслѣдованіемъ непріятеля, послѣднимъ отступившаго въ свой лагерь. Наконецъ, на разсвѣтъ 19-го юля Кмети съ кавалеріей, сдѣлавъ обходное движеніе черезъ Огузлы, появились на Караалѣ, вѣроятно съ тою цѣлю, чтобы обоарить нашъ лагерь, но, встрѣченный залпами пѣхоты, находившейся въ укрѣпленіяхъ, послѣднихъ съ потерей оставить эту гору и, подь прикрытіемъ своей пѣхоты, отступилъ черезъ Огузлы.

Такого рода прелюдіи были передъ той кровавой драмой, которая разыгралась столь печально для турокъ 24-го юля. Но прежде чѣмъ приступлю къ описанію этого славнаго для насъ дня, коснусь состава карскаго корпуса и состоянія турецкихъ войскъ, въ него входившихъ.

Этотъ корпусъ, начавшій пополняться и усиливаться разными частями, движутыми изъ Эрзерума и другихъ мѣстъ, немедленно послѣ сраженія подь Башкадыкларомъ, во время открытія съ нашей стороны наступательныхъ дѣйствій, состоялъ изъ 44 баталіоновъ низама или регулярной пѣхоты, 6 полковъ сувары или регулярной кавалеріи и 78 разныхъ калибровъ и конструкцій пушекъ, единороговъ и гаубицъ. По штату полагалось: въ баталіонахъ по 1,000, а въ кавалерійскихъ полкахъ по 1,600 человекъ.

Несмотря на частыя пополненія рекрутами, по причинѣ огромной болѣзненности и смертности, наличная численность не превышала: въ баталіонахъ 700 штыковъ, а въ кавалерійскомъ полку 1,000 табель. 8 арабистанскихъ баталіоновъ, недавно прибывшихъ подь начальствомъ Аслана-наши (графа Быстрановскаго) и потому менѣе изнуренныхъ болѣзнями, и притомъ лучше обученныхъ, вооруженныхъ и одѣтыхъ, считались лучшими. Сверхъ того, въ карскомъ корпусѣ находилось около 14,000 баша-бузукъ и курдовъ, преимущественно прибывшихъ изъ Муша и Діарбекира, а также до 8,000 редифа или пѣшей милиціи, на которыхъ исключительно лежала обязанность охраненія Карса, во время отбытія изъ этой крѣпости низама.

Такимъ образомъ, подъ начальствомъ мушира Зарифа Мустафи наши считалось регулярныхъ и иррегулярныхъ дѣйствующихъ войскъ около 60,000 при 70 орудіяхъ; въ такомъ составѣ и содержался этотъ корпусъ въ Хадживали, если не съ первыхъ чиселъ, то, навѣрное, съ половины Юля.

Хадживалинская позиція, окруженная съ трехъ сторонъ горами, а съ четвертой, обращенной къ Кюрюндара, прикрытая полевыми укрѣпленіями, была слишкомъ тѣсна для такого большого числа войскъ, собственно въ гигиеническомъ отношеніи, а потому болѣзненность и смертность были велики здѣсь, какъ и въ Карсѣ. Для кавалеріи же вскорѣ оказался недостатокъ въ подножномъ кормѣ, такъ что добывать траву нужно было въ виду нашего лагеря, а это требовало назначенія большихъ колоннъ, иногда тревожившихъ и наши войска. Притомъ не только баша-бузуки и курды, но низамъ и суварі не получали своевременно опредѣленнаго содержанія, сколько отъ недобросовѣстности нашихъ и миралаевъ (полковыхъ командировъ), столько отъ неисправности администраціи и дурного состоянія финансовъ.

Между тѣмъ, служба для солдатъ была тяжела, какъ въ прямомъ военномъ смыслѣ, такъ и по причинѣ частыхъ ученій, чего, въ особенности, требовали Гюйонъ, Кмети, Быстрановскій и другіе эмигранты, желавшіе обучить эволюціямъ и дисциплинѣ не столько солдатъ, сколько офицеровъ, что было необходимо, но не своевременно. Офицеры были, дѣйствительно, дурны и въ строевомъ, и въ нравственномъ отношеніи. Подъ Башкадыкларомъ и въ другихъ одержанныхъ нами побѣдахъ кто какъ не они оставляли первые поле сраженія? Были также, сравнительно съ пѣхотой и артиллеріей, весьма дурны суварі, замѣнившіе собою превосходныхъ делибашей. Эта регулярная кавалерія, уподоблявшаяся нашимъ уланамъ, не умѣя ни сидѣть на англійскомъ сѣдлѣ, ни владѣть даннымъ имъ оружіемъ, была дурно одѣта. Изъ числа убитыхъ подъ Башкадыкларомъ кавалеристовъ много было такихъ, у которыхъ шаравары и рукава на кафтанахъ были на четверть короче противъ того, какъ бы слѣдовало по росту. Хотя нельзя сдѣлать такого-же невыгоднаго отзыва о турецкой пѣхотѣ и артиллеріи, умѣвшихъ владѣть своимъ оружіемъ и съ достоинствомъ защищать свою честь, въ особенности-же артиллеристы, которые, напримѣръ, подъ Башкадыкларомъ умерли на своихъ орудіяхъ, взятыхъ нами съ боя,—но все таки и въ этихъ родахъ оружія офицеры не отличались стойкостью и мужествомъ.

Изъ этого оказывается, что состояніе карскаго корпуса было весьма незавидное. Относительно же своего расположенія подъ Хадживали,

онъ далеко не пользовался тѣми удобствами, которыми пользовался нашъ отрядъ. Офицеры получали своевременно слѣдующее имъ содержаніе, а солдаты, будучи хорошо одѣты и довольствуясь исправно, находились въ самомъ хорошемъ состояніи, что выражалось весьма умѣреннымъ числомъ больныхъ.

ХІІ.

Еврюндарское сраженіе 24 іюля 1854 г.

По свѣдѣніямъ, получаемымъ изъ Хадживалинскаго лагеря съ 22-го іюля, нужно было предполагать, что непріятель замышляетъ что нибудь особенное: или онъ оставляетъ Хадживали, чтобы переселиться въ Карсъ, или со всѣми силами нападетъ на насъ. Предположенія эти, основанныя на томъ, что турки начали свозить въ Карсъ всё свои тяжести, въ полдень 23 числа подтвердились еще тѣмъ, что они отправили туда-же всё свои палатки.

Основываясь на этихъ свѣдѣніяхъ, въ тотъ-же день къ вечеру весь нашъ лагерь былъ на ногахъ. Отдано было приказаніе съ наступленіемъ темноты снимать палатки и свозить, вмѣстѣ съ другими тяжестями, въ вагенбургъ, гдѣ и складывать на мѣстахъ, заблаговременно указанныхъ для каждой части. А вслѣдъ за тѣмъ отдана была такого рода диспозиція.

Отрядъ выстраивается, по особому приказанію, для движенія впередъ, по направленію на гору Ягны. Авангардъ составляютъ: 2 сотни охотниковъ милиционеровъ полковника Лорисъ-Меликова, 3 сотни линейныхъ казаковъ полковника Скобелева, Кавказскій стрѣлковый баталіонъ и двѣ дворянскія грузинскія дружины ¹⁾. За авангардомъ послѣдовательно выстраиваются: въ правой колоннѣ, подъ начальствомъ генераль-маіора Кишинскаго: Вѣлевскій егерскій полкъ (подъ моимъ начальствомъ), 3½ баталіона эриванцовъ (полковникъ Моллеръ), батарея № 4 (полковникъ Воронковъ) и легкая № 7 батарея (капитанъ Григорьевъ) 18-й артиллерійской бригады и батарея № 2 батарея Кавказской гренадерской бригады (полковникъ Брискорнъ), запасный паркъ и фербантъ, два баталіона Рязскаго пѣхотнаго полка (полковникъ Галецкій), со своднымъ дивизиономъ 18-й артиллерійской брига-

¹⁾ Эти конныя дружины, бывшія подъ начальствомъ предводителя дворянства князя Орбеліани, составляли конвой князя Бебутова и были расположены лагеремъ позади штаба. Сражались съ турками на правомъ нашемъ кригѣ.

ды ¹⁾). Въ лѣвой колоннѣ, подъ начальствомъ командира Тульского полка генералъ-майора Фетисова: 3¹/₂ баталіона Грузинскаго гренадерскаго полка (полковникъ князь Тарханъ-Маураховъ), Тульскій егерскій полкъ, батарея № 1 (полковникъ Лагода) и легкая № 1 (полковникъ Десаже) батареи Кавказской гренадерской артиллерійской бригады. По обѣ стороны пѣхоты располагаются: сводно-линейный казачій полкъ полковника Камкова по правую, а конно-мусульманская бригада полковника князя Андроникова—по лѣвую сторону, имѣя впереди себя развѣзды. Драгунскіе полки: Тверской (полковникъ Куколевскій), Новороссійскій (генералъ-майоръ Тануторовъ), Нижегородскій (генералъ-майоръ князь Чавчавадзе) съ донскими № 6 и 7 батареями (полковники Двужконовъ и Домогинъ) и дивизиономъ № 15 Кавказской линейной батареи, а равно 5 сотень донскихъ № 4 и 20 съ ракетными командами полковъ, подъ начальствомъ начальника кавалеріи генералъ-лейтенанта Вагговута, находятся позади пѣхоты въ аррьергардѣ ²⁾).

Составленная такимъ образомъ диспозиція и указанная для направленія войскъ гора Ягны, находящаяся между Хадживали и Карсомъ, вполне соотвѣтствовала тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя были получены о намѣреніяхъ непріятеля. Если онъ двинется на Кюрюкдара, то, наоборотъhalb, у насъ готовъ боевой порядокъ. Если онъ отступать въ Карсъ, то, оставивъ пѣхоту безъ перестроенія, или развернувъ ее по головнымъ баталіонамъ вправо и влѣво, двинуть кавалерію съ конной артиллеріей впередъ для преслѣдованія по направленію къ Карсу.

На самомъ же дѣлѣ оказалось, что мы были не тверды въ своемъ предположеніи и что такъ хорошо составленная диспозиція подверглась въ самомъ началѣ намѣненіямъ. Для насъ какъ будто бы было неожиданною новостью, сильно насъ озадачившею, когда на разсвѣтѣ обнаружилось, что турки двигаются на нашъ лагерь, отъ котораго мы отошли версты на три, и что Караялъ уже занятъ ими. Явилось желаніе сбить турокъ съ Караяла, и Бѣлевскій полкъ съ Кавказскимъ стрѣлковымъ баталіономъ и легкой № 7 батареей 18-й артиллерійской бригады, подъ моимъ начальствомъ, были назначены первоначально для этой дѣли.

¹⁾ Съ движеніемъ Александропольскаго отряда за Арпачай Рязскій пѣхотный полкъ съ батареей подполковника Рудакова былъ оставленъ, какъ для охраненія пограничнаго пространства, такъ и для конвоированія въ отрядъ транспортовъ съ боевыми и продовольственными припасами. Два баталіона Рязскаго полка, съ дивизиономъ артиллеріи, стойко сражавшіеся съ турками на правомъ нашемъ флангѣ, прибыли изъ Александрополя 22 іюля съ большимъ транспортомъ.

²⁾ Хорошій планъ этого сраженія находится при второмъ томѣ «Восточная война 1853—1856 годовъ», сочиненіе М. И. Богдановича. М. О.

Но не было пройдено этими войсками и половины разстоянія, какъ получено приказаніе—Караяла не штурмовать, а удерживать непріятеля до тѣхъ поръ, пока устраиваемые въ центрѣ семь баталіоновъ армянцевъ и грузинцевъ, съ тремя батареями, не перейдутъ въ наступленіе. А для того, чтобы наше лѣвое крыло могло держаться противъ турокъ, занимавшихъ крѣпкую позицію и несравненно превосходившихъ численностью, назначено было въ подкрѣпленіе два тульскихъ баталіона, Тверской и Нижегородскій полки съ донскою № 7 батареей.

Одновременно съ устройствомъ для боя центра и лѣваго фланга, отчасти подъ артиллерійскимъ непріятельскимъ огнемъ, были двинуты вправо противъ турецкихъ войскъ, обходившихъ правый флангъ нашей боевой позиціи и вагенбургъ, Новороссійскій драгунскій полкъ съ донскою № 6 батареей, линейные казаки съ своими орудіями и конно-мусульманская бригада, подъ начальствомъ одного изъ героев Башкадымарскаго сраженія—генералъ-лейтенанта Багговута ¹⁾. Но такъ какъ этихъ войскъ оказалось недостаточно, а главное тамъ не было опоры—пѣхоты, то и были двинуты изъ резерва два ряжскихъ баталіона съ дивизиономъ орудій, подъ начальствомъ полковника Ганецкаго. Въ резервѣ остались два тульскихъ баталіона съ своднымъ дивизиономъ орудій и донскіе казаки. Но и этимъ войскамъ не долго оставалось быть безъ дѣла.

Такимъ образомъ, наша боевая линія оказалась слишкомъ растянутою и тонкою; она занимала болѣе четырехъ верстъ и были мѣста, вовсе незанятые войсками.

Перестраивая же наши войска, мы дали возможность устроиться и непріятелю. Вотъ какъ были расположены турецкія войска передъ началомъ боя. Зарифъ-Мустафа-паша съ тремя стрѣлковыми баталіонами и 4 орудіями занималъ Караялъ, у подошвы котораго стояло два полка суварь. Около 12 баталіоновъ съ 18 орудіями были расположены полукругомъ влѣво отъ Караяла. Въ центрѣ, противъ гренадеръ, считая и резервы, находилось до 24 баталіоновъ, 2 полка кавалеріи съ 80 или 40 орудіями. Остальныя, затѣмъ, войска, а именно: до 10 баталіоновъ, два полка суварь, съ 12 орудіями, и большая часть баши-бузукъ и мурдовъ были посланы въ обходъ нашего праваго фланга.

Мѣстность, на которой бой долженъ былъ рѣшиться кто будетъ владѣть ею, за исключеніемъ Караяла и широкой ложбины, отъ этой горы отходящей дугообразно вправо,—была совершенно открытая и ровная:

¹⁾ Бывшаго попрежнему начальникомъ кавалеріи Александропольскаго отряда. М. О.

ни деревца—даже куста на ней не было. Ни для насъ, ни для непріятели не существовало опорныхъ пунктовъ, кромѣ горы Караала, на которой, по крутизнѣ ея склоновъ, можно было стоять, но не маневрировать. Мы занимали сѣверную, турки южную окраину ложбины. На ней-то и происходилъ тотъ упорный кровавый бой, длившійся четыре часа и который, наконецъ, рѣшилъ быть намъ побѣдителемъ.

Не буду излагать хода боя во всѣхъ подробностяхъ и описывать подвиги отдѣльныхъ частей, а тѣмъ болѣе личностей, которыхъ было такъ много, что потребовались бы для описанія десятки страницъ, но изложу его въ справедливыхъ общихъ чертахъ.

Бой начался около 6 часовъ утра на нашемъ лѣвомъ флангѣ, и движеніе нашихъ войскъ впередъ совершалось подъ сильнымъ огнемъ непріятели. Турецкія ядра и гранаты поражали насъ не только съ фронта и фланговъ, но четыре орудія, находившіяся на Караалѣ, стрѣляли намъ въ тылъ.

Нужно было дѣйствовать въ самомъ началѣ рѣшительно, и Тверской драгунскій полкъ открылъ эти дѣйствія блистательной атакой. Драгуны, предводительствуемые своимъ бригаднымъ командиромъ, графомъ Ниродомъ, и во-время поддержанные бѣлевцами, орлами налетѣли на главную батарею, сильно вредившую намъ, смяли прикрытіе и изрубили прислугу и построики.

Отъ такого неожиданнаго и молодецкаго натиска хотя произошло замѣшательство въ рядахъ непріятели, но этого было недостаточно для полнаго разстройства турокъ. Нужно было повтореніе такой же смѣлой и рѣшительной атаки,—и нижегородцы, одновременно съ пѣхотой, произведя дружное наступленіе, порѣшили дѣло съ непріятеlemъ, дѣйствовавшимъ въ превосходныхъ силахъ противъ нашего лѣваго фланга.

Турки дрогнули и начали отступать отъ Караала въ то время, какъ гренадеры, послѣ огромныхъ потерь и невозможныхъ усилій, осидили непріятельскій центръ. Эриванцы и грузинцы, съ тремя батареинными батареями, двинулись впередъ, почти одновременно съ блестящей атакой тверцовъ. Имѣя передъ собой въ четыре раза, если не болѣе, сильнѣйшаго непріятели, они прокладывали себѣ путь не только подъ градомъ ядеръ, гранатъ, картечи и штуцерныхъ пуль, а на каждомъ шагѣ должны были отбиваться штыками отъ нападающаго на нихъ низама и кавалерійскихъ атакъ сувары. Но испытанная храбрость и стойкость взяли верхъ надъ многочисленностью турокъ. Они не устояли и побѣжали.

Оставался еще не смятымъ лѣвый непріятельскій флангъ. На немъ тоже шло неравный бой, потому что и тамъ турки были значительно сильнѣе насъ, а между тѣмъ дралась преимущественно кавалерія, и

при томъ, за исключеніемъ Новороссійскаго драгунскаго полка, все иррегулярная. Пѣхоты-же, какъ опоры въ бою, было сначала только два рязскихъ баталіона и только по крайней необходимости были призваны туда два тульскихъ баталіона съ батареями полковника Десажа. Это былъ послѣдній нашъ пѣхотный резервъ, но, къ счастью нашему, онъ былъ призванъ на бой въ то время, когда нашъ центръ и лѣвый флангъ осиливали непріятеля.

Около полудня обратился въ бѣгство и лѣвый непріятельскій флангъ, и тутъ-то показала свое удалство конно-мусульманская бригада, хватая плѣнныхъ во время преслѣдованія. Въ центрѣ и на лѣвомъ флангѣ ихъ не могло быть, потому что тамъ бой шелъ на смерть и что непріятель, уступая намъ поле битвы, не бѣжалъ, а отступалъ въ порядкѣ.

Изъ этого описанія въ общихъ чертахъ Кюрюкдарскаго сраженія оказывается, что на нашемъ центрѣ лежала вся тяжесть боя и надежда на побѣду. Служи его турки, и славная побѣда обратилась бы для насъ въ полное поражение, потому что въ тылу нашемъ былъ Карсъ-чай, черезъ который не было отступленія. Однако штыки эриванцовъ и грузинцовъ, а также картечь гренадеръ артиллеристовъ, предводимыхъ княземъ Барятинскимъ и Вриммеромъ, сломили непріятеля. И дѣйствительно, эти генералы, по своей непоколебимой стойкости и мужественной распорядительности, были главными героями этого славнаго для насъ дня. Я называю ихъ главными, потому что съ ними въ рядъ слѣдовало-бы поставить еще многихъ другихъ.

Изъ этого-же описанія видно, что бой подъ Кюрюкдара имѣеть нѣкоторое сходство съ сраженіемъ Башкадыкларскимъ. Въ обоихъ этихъ сраженіяхъ бой начался на лѣвомъ флангѣ и въ центрѣ, а окончился на правомъ флангѣ, и участь боя рѣшена пораженіемъ праваго фланга и центра непріятельскаго. Турки, будучи сильнѣе насъ въ трое, вознамѣрились обойти насъ съ фланговъ и съ тыла, а потому растянули свою боевую линію болѣе, чѣмъ на 8 верстъ; для противодѣйствія же имъ, заставили и насъ дѣйствовать разобщенно. При томъ, мы безъ надобности перестраивались въ виду непріятеля и даже подъ огнемъ его батарей. Тѣ же разобщенія и тѣ же перестроенія были и подъ Башкадыкларомъ. Турецкая регулярная кавалерія, сувари, дѣйствовала одинаково плохо, не поддерживая своевременно своими атаками прочія войска. Непріятельская пѣхота подъ Кюрюкдара драглась съ большою неустрашимостью; особенную же стойкость показали арабистанскіе баталіоны. Артиллеристы въ обоихъ этихъ сраженіяхъ одинаково были храбры и умирали при своихъ орудіяхъ, но не покидали ихъ.

Кюрюкдарское сраженіе и по результатамъ, и по потерямъ своимъ,

соотвѣтственно числу сражавшихся, имѣло сходство съ Башкадыкларскими. Въ нашихъ рукахъ осталось 15 орудій съ 16 зарядными ящиками, 2 знамя, 4 штандарта, 20 значковъ, множество оружія, барабановъ, музыкальныхъ инструментовъ и 2,018 плѣнныхъ, въ числѣ которыхъ 2 штабъ-офицера и 84 оберъ-офицера. На полѣ сраженія осталось до 3,000 турокъ; общая-же потеря ихъ простиралась до 10,000 человѣкъ; кромѣ того болѣе 12,000 баша-бузукъ и курдовъ разбѣжались.

Наша потеря состояла изъ 4 штабъ-офицеровъ, 18 оберъ-офицеровъ и 578 нижнихъ чиновъ убитыхъ; генераль-маюра Кишинскаго, 9 штабъ-офицеровъ, 70 оберъ-офицеровъ и 1,879 нижнихъ чиновъ раненыхъ; сверхъ того болѣе 500 контуженныхъ. Потеря огромная, принимаемая во вниманіе, что съ нашей стороны дрались не болѣе 18,000 человѣкъ, что, по числу сражавшихся, какъ и подѣ Башкадыкларомъ, составляетъ четвертую часть.

Не смотря на столь славную побѣду, она все таки осталась безъ послѣдствій, потому что, по слабости нашихъ силъ, нельзя было двинуться къ Карсу.

Непріятельскій корпусъ, хотя потерпѣлъ пораженіе, однако не былъ до того разстроены, чтобъ не могъ оказать намъ сопротивленія, укрывшись подѣ стѣнами этой крѣпости и высотами, сильно укрѣпленными отдѣльными фортами и вооруженными орудіями большихъ калибровъ, какъ Карадахъ, Шорахъ и Чакмахъ. Если турки, изнуренные продолжительной блокадой и голодомъ, оказали мужественное сопротивленіе годъ спустя, когда мы были вдвое сильнѣе, то тѣмъ болѣе они могли дать намъ отпоръ послѣ Кюрюкдарскаго сраженія, когда были все таки сильнѣе насъ. А потому нельзя порицать князя Бебутова въ томъ, что онъ не воспользовался побѣдой подѣ Кюрюкдара и не двинулся по слѣдамъ непріятели къ Карсу. Напротивъ, его нужно благодарить за то, что онъ былъ настолько благоразумно остороженъ и не увлекся побѣдой.

Между тѣмъ, нельзя было долѣе оставаться и на кюрюкдарской позиціи. Отъ множества разлагавшихся труповъ, не столько человеческихъ, преданныхъ надлежащему погребенію, сколько лошадиныхъ, пашихъ тоже на поле брани, воздухъ былъ сильно зараженъ и тяжелъ. Въ окрестностяхъ же не было ни травы для фуражировки, ни дровъ для варенія пища, потому что первая была выкошена, а изъ ближайшихъ селеній все дерево было вывезено и употреблено нами же для варенія пища.

XIII.

З а в л ю ч е н і е.

Когда Александропольскій отрядъ исполнилъ совѣстливо свой долгъ по преданію землѣ убитыхъ, какъ своихъ, такъ и турокъ, на что, по огромному числу послѣднихъ, потребовалось не менѣе пяти дней, то онъ оставилъ прославленную боемъ Кюрюкдарскую позицію, послѣ 40 дневнаго на ней пребыванія.

Однако движеніе нашего отряда было не впередъ, какъ бы слѣдовало предполагать, а назадъ. Сначала онъ двигается черезъ Пирвали къ Ахъ-Узюму, гдѣ, простоявъ до 15 августа, переходитъ къ Ахъ-Булаху. Послѣ мѣсячной лагерной стоянки на этомъ пунктѣ, передвигается къ Гюлю-Булаху, откуда въ концѣ октября переходитъ на Арпачай къ раззоренному селенію Кара-Клисѣ. Намонецъ, 19 ноября, въ день годовщины Башкадыкларскаго сраженія, послѣ благодарственнаго жолетствія, войска распускаются на зимнія квартиры.

Во время расположенія у Ахъ-Булаха, отрядъ былъ порадованъ передовыми высокими наградами, въ лицѣ главныхъ героевъ Кюрюкдарскаго сраженія, привезенныхъ фельдъегеремъ изъ Петербурга. Князю Бебутову былъ пожалованъ паремъ, умѣвшимъ цѣнить и награждать заслуги, орденъ св. Андрея Первозваннаго, небывалая награда въ чинѣ генераль-лейтенанта и притомъ минуя Владиміра 1-й степени. Генераль-адъютантъ князь Барятинскій и генераль-лейтенантъ Вримеръ удостоились св. Георгія 3-й степени. Нижнимъ чинамъ на каждую роту, батарею, эскадронъ и сотню было привезено по четыре знака отличія военнаго ордена.

Перемѣщеніе Александропольскаго отряда съ одной лагерной стоянки на другую происходило единственно по той причинѣ, чтобы доставить болѣе удобствъ въ хозяйственномъ отношеніи. Гдѣ было болѣе травы и нераззоренныхъ селеній, изъ домовъ которыхъ можно было добывать топливо, въ особенности въ концѣ октября и въ ноябрѣ, когда наступили холода, тамъ долѣе и оставался отрядъ.

Руководствоваться же стратегическими соображеніями не было никакой надобности, потому что намъ было извѣстно, что турки послѣ пораженія подъ Кюрюкдара ни о чемъ другомъ не думали, какъ о приведеніи въ самое лучшее и надежное состояніе крѣпости Карса. Притомъ положительно было извѣстно, что карсскій корпусъ страдаетъ не только въ матеріальномъ отношеніи отъ убыли силъ вслѣдствіе по-

раженія, но что онъ нравственно распадается отъ болѣзни страха, о которой я здѣсь кстати и намѣренъ поговорить.

Между жителями сѣвера не существуетъ ни тѣхъ понятій, ни тѣхъ послѣдствій, которыя порождаетъ страхъ между жителями юга и востока. Происходятъ ли это отъ климатическихъ или другихъ причинъ— не берусь разсуждать. Если житель сѣвера струситъ во время боя, или паническій страхъ овладѣетъ массою войскъ, то пройдетъ часъ, день или болѣе, и онъ готовъ опять драться, или по крайней мѣрѣ остается здоровъ.

На югѣ же и востокѣ страхъ имѣетъ гораздо большія и продолжительныя послѣдствія. Весь организмъ человѣка до того поражается ужасомъ и ослабѣваетъ, что онъ впадаетъ въ болѣзнь и по нѣсколькимъ мѣсяцевъ не можетъ ходить и дѣлать что нибудь сознательно. Говорятъ, что чувство ужаса выражается еще другимъ особеннымъ явленіемъ: лопаются нижняя губа и изъ нея такъ сильно течетъ кровь, что ее трудно остановить.

Внутреннія волненія и физическія страданія организма бываютъ у всѣхъ народовъ и въ разныхъ климатахъ, но можетъ быть жители юга, по своей организаціи, подвержены болѣшимъ волненіямъ и сильнѣйшимъ впечатлѣніямъ, можетъ быть и кожа у нихъ нѣжнѣе. Вотъ что мнѣ говорилъ одинъ милиционеръ послѣ Башкадыкларскаго сраженія.

— Нѣтъ больше турка. Онъ весь будетъ боленъ, прибавилъ онъ радостно улыбаясь.

— Да, кто раненъ, тотъ и будетъ боленъ.

— Много здоровой будетъ боленъ, будетъ лежать; вотъ здѣсь будетъ боленъ, сказалъ онъ, громко смѣясь и показывая на животовъ.

И, дѣйствительно, въ карскомъ корпусѣ, какъ послѣ Башкадыклара, такъ и Кюрюкдарской битвы между солдатами главная болѣзнь была разстройство желудка и общій упадокъ силъ, дѣлавшихъ ихъ неспособными ни къ какому физическому труду въ продолженіи значительнаго времени. Между разбѣжавшимися баша-бузуками болѣзнь страха дѣйствовала еще сильнѣе, нежели между низамомъ карскаго гарнизона.

Курды же не только карскаго, но баязетскаго и ванскаго паша-лыковъ положительно отказывались драться противъ насъ, а въ декабрѣ вспыхнуло въ Большомъ Курдистанѣ явное возмущеніе курдовъ подъ предводительствомъ Эзданшира, одного изъ вліятельныхъ старшинъ. Для усмиренія этого возстанія необходимы были для турецкаго правительства войска, которыя и были двинуты туда изъ Арзерума, Баязета и даже изъ Карса.

Притомъ большіе беспорядки и безначаліе существовали въ карс-

скомъ корпусѣ въ административномъ отношеніи. Зарифъ-Мустафа былъ смѣненъ, а новый муширъ еще не прибылъ. Гюйонъ, Кмети, Быстровскій и другіе ренегаты, поддерживавшіе между турками до нѣкоторой степени дисциплину и порядокъ, какъ обвиняемые въ неудачахъ сраженія подъ Кюрюкдара, успѣли по добру по здорову убраться изъ анатолійской арміи. Но вмѣстѣ ихъ прибылъ Вилліамъ съ нѣсколькими англійскими офицерами, который и принялъ въ свое управленіе Карсъ съ гарнизономъ.

Поэтому войска Александропольскаго отряда, какъ во время своихъ прогулокъ по карсскому пашалыку, такъ по расположеніи своемъ на зимнихъ квартирахъ, были вполне увѣрены, что они не могутъ быть безпокоимы непріателемъ. Этого тѣмъ болѣе нельзя было ожидать съ наступленіемъ морозовъ и съ покрытіемъ земли толстымъ слоемъ снѣга.

Не смотря на это, спокойная зимняя стоянка по армянскимъ селеніямъ, по которымъ преимущественно былъ расположенъ александропольскій отрядъ, больно не нравилась и приходилась не понутру нашимъ солдатамъ. И вотъ какъ они между собой о такой стоянкѣ разсуждали:

— Что за жизнь у этихъ нехристей-армянъ, сидишь въ буйволятникахъ, и изъ полушубка не выходишь, а зубы стучать отъ холода точно на часахъ.

— Вотъ духоборскія или молоканскія избы ништо; въ нихъ тепло и на печи можно поваляться и поспать.

— Въ армянскихъ же буйволятникахъ вмѣсто печи небольшая грубка, въ которой не дрова, а кизякъ горить.

— Воняетъ и отъ кизяка, и отъ скотины, которая живетъ вмѣстѣ подъ одной крышей съ человѣкомъ.

Но если жизнь въ армянской сторонѣ въ дѣйствительности была такъ неудобна и такъ больно не нравилась нашимъ солдатамъ, то нельзя этого сказать о пребываніи нашемъ въ Александрополѣ. Жизнь наша въ немъ началась съ прошлогодними удовольствіями.

Наконецъ, получились ожидаемыя награды. Изъ лицъ, удостоившихся св. Георгія 4 степени, только поименно: генераль-маіора Бишинскаго, полковниковъ: Ганецкаго, князя Дундукова-Корсакова, Скобелева, Воронкова и Врискорна, а также капитановъ Григорьева и Кульгачова. Въ генераль-маіоры вмѣстѣ со мною были произведены: Назимовъ ¹⁾, Буколевскій, Шонеръ ²⁾ и Невѣровскій.

¹⁾ Командиръ 18-й артиллерійской бригады.

²⁾ Старшій штабъ-офицеръ Новороссійскаго драгунскаго полка.

Начались пиры. Отпраздновалъ и я свой генеральскій чинъ, который получилъ бывши полковникомъ съ небольшимъ годъ. Награда огромная и рѣдкая. Нужно было обмундироваться, а потому я отправился въ Тифлисъ, что безпрепятственно могъ исполнить, потому что Бѣлевскій полкъ былъ переданъ мною выздоровѣвшему настоящему полковому командиру.

М. Я. Ольшевскій.

РУКОПИСИ АЛЕКСАНДРА СЕРГЬЕВИЧА ПУШКИНА,

хранящихся въ Румянцовскомъ музеѣ въ Москвѣ ¹⁾.

XXI.

№ 2384. Тетрадь въ листъ, въ бумажномъ переплетѣ, на ярлыкѣ надпись, уже известная намъ [см. № 2364]. На послѣднемъ листѣ неподписанная опекунская отиѣтка о шестидесяти писанныхъ листахъ. Красными цифрами занумеровано—61 листъ, что невѣрно: за 28 листовъ идетъ прямо красная цифра 31, т. е. ошибка на 2 листа. Всѣхъ листовъ 59, а 60-й—гдѣ погѣта опекуновъ. Неписанныхъ листовъ очень много, тетрадь изъ 3¹/_а листовъ; есть вырванные листы изъ нонумерованныхъ. Привожу цифры черной нумераціи.

Половина тетради занята черновой статьёй объ Радищевѣ. Эта черновая представляетъ довольно много лишняго противъ печатнаго текста. Такъ какъ печатный текстъ болѣе соответствуетъ чистовому подлинному тексту, то поправки болѣе мелкія я и сообщу при описаніи того текста [см. № 2385], теперь же приведу изъ черноваго лишь дополненія. Г. Бартепевъ привелъ изъ этой самой тетради только разговоръ съ англичаниномъ [V, 225], текстъ котораго переданъ имъ не совсѣмъ точно. [См. 6₂—8₂].

Къ главѣ I, Шоссе; къ стр. 193. Послѣ словъ: частные люди находятъ удобнѣйшіе случаи ею пользоваться,—идеть [1₂]:

(Я началъ записки свои не для того, чтобы льстить властямъ, товарищъ мною избранный—худой внушитель ласкательства; но не могу), нельзя не замѣтить, что со времени возведенія Романовыхъ, отъ Михаила Федоровича до

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1884 г., томъ XLI, февраль, стр. 413—436; мартъ, 647—662; томъ XLII, апрѣль, стр. 87—110; май, 325—354; июнь, стр. 533—572; томъ XLIII, июль, стр. 1—54; августъ, стр. 313—330; сентябрь; стр. 641—663; т. XLIV, октябрь, стр. 75—92; ноябрь, 335—374.

Николая I, правительство у насъ всегда впереди на поприщѣ образованія и просвѣщенія. Народъ слѣдуетъ за нимъ всегда лѣнью, а иногда и неохотно. Вотъ что и составляетъ силу нашего самодержавія. Не худо было-бы инимъ европейскимъ государствамъ понять эту простую истину: Бурбоны не были-бы выгнаны в.... и каменьями, и англійская аристокрація не принуждена была-бы уступить радикализму.

(Я упомянулъ о моихъ товарищѣ. Должно мнѣ познакомить съ нимъ читателя).

Собравшись въ дорогу,—и т. д.

Ко II главѣ, въ характеристикѣ Москвы: Нынѣ нѣтъ въ Москвѣ нѣжня (общаго), народнаго; нынѣ бѣдствія или слава отечества не отзывается въ этомъ сердцѣ (Россіи). Грустно было слышать толки московскаго общества во время послѣдняго польскаго возмущенія; гадко было видѣть бездушныхъ читателей французскихъ газетъ, улабающихся при вѣсти о нашихъ неудачахъ и... [13*].

Къ главѣ III—Ломоносовъ [стр. 200—208]. Отрывки изъ дополненій къ этой главѣ были сообщены г. Анненковымъ въ разныхъ мѣстахъ Матеріаловъ, безъ всякой связи, даже безъ указанія, что большая часть приведенныхъ имъ отрывковъ взяты изъ одной цѣльной, хотя и не отдѣланной статьи¹⁾. Я выпишу подъ-рядъ все, что могу разобрать.

Къ стр. 200: Ломоносовъ былъ великій человекъ. (Какъ Петръ онь по-святѣль жизнь свою образованности своего отечества). Между Петромъ I и Екатериною II онь одинъ является самобытнымъ сподвижникомъ просвѣщенія. Онь—первый нашъ университетъ. Но въ семъ университетѣ профессоръ поэзіи и краснорѣчія—ни что иное, какъ исправный чиновникъ, а не поэтъ вдохновенный слыше, не ораторъ, мощно увлекательный. Въ немъ нѣтъ ни воображенія, ни чувства. Оды его, писанныя по образцу тогдашнихъ нѣмецкихъ стихотворцевъ, утомительны и надуты; подражаніе псалмамъ и книгѣ Іова лучше, но отличаются только хорошимъ слоюзомъ и то не всегда точнымъ; ихъ поэзія принадлежитъ не Ломоносову. Его вліяніе было вредное и до сихъ поръ отзывается въ тощей нашей литературѣ. Измсканность, высокопарность, отвращеніе отъ простоты и точности, вотъ слѣды, оставленные Ломоносовымъ. Давно-ли стали мы писать языкомъ общепонятнымъ? Убѣдились-ли мы, что славянскій языкъ не есть языкъ русскій, и что мы не можемъ слѣдовать имъ своенравно; что если многія слова, многіе обороты счастливо могутъ быть заимствованы изъ церковныхъ книгъ въ нашу литературу, то изъ сего не слѣдуетъ, чтобы мы могли писать: да лобзаетъ мя лобзаніемъ, вмѣсто:

¹⁾ Даже напротивъ того, г. Анненковъ увѣряетъ, что онь придалъ единство [раздѣливъ на параграфы!] труду, отрывочному, разбитому на множество неравныхъ частей.

цѣлуй меня, etc. Конечно и Ломоносовъ того не думалъ; онъ предпочелъ изученіе славянскаго языка, какъ необходимое средство къ основательному знанію языка русскаго.... [3, и 4].

Къ стр. 207. Послѣ анекдотовъ о Ломоносовѣ идетъ:

Радищевъ говоритъ, что Ломоносовъ ни въ какой отрасли наукъ не проложилъ новыхъ слѣдовъ (выписка)¹⁾, и тутъ-же сравниваетъ его съ лордомъ Велономъ. Такое странное понятіе имѣлъ 18-й вѣкъ о величайшемъ умѣ новѣйшихъ временъ, о человѣкѣ, проведшемъ въ наукахъ сильнѣйшій переворотъ и давшемъ имъ то направленіе, на которомъ онѣ нынѣ.

Если Ломоносова можно назвать Русскимъ Велономъ, то это развѣ въ такомъ-же смыслѣ, какъ Хераскова называли русскимъ Гомеромъ. Къ чему эти прозвища? Ломоносовъ есть русскій Ломоносовъ, — этого съ него, право, довольно [11, и 11].

Къ стр. 208. Вслѣдъ за упоминаніемъ о Креббѣ идетъ разсужденіе о литературѣ, о которой упомянуто выше:

Во Франціи вся блестящая литература вѣка Людовика XIV была въ передней. Анекдотъ о В.... даетъ понятіе о тогдашнихъ нравахъ (изъ Веля)²⁾, и зашѣте, что Вель приводитъ эту черту безо всякаго замѣчанія, какъ дѣло весьма обыкновенное! Нынѣ во Франціи нравы уже не тѣ, но сословіе писателей потому только не ползаетъ передъ министрами, что публика въ состояніи дать больше денегъ. За то какъ безстыдно ползаютъ они передъ господствующими модами! Какой талантъ нынѣ не запачкалъ себя грязью и кровью въ угоду толпы, требующей грязи и крови?.....

Даже теперь наши писатели, не принадлежащіе къ дворянскому сословію, весьма малочисленны. Не смотря на то, ихъ дѣятельность овладѣла всѣми отраслями литературы, у насъ существующими. Это есть важный признакъ и неизрѣнно будетъ имѣть важныя послѣдствія. Писатели-дворане (или тѣ, которые почитаютъ себя *à tort ou à raison* членами высшаго общества) постепенно начинаютъ отъ нихъ удаляться подъ предлогомъ какого-то неприличія. (Странно), что въ то время, когда во всей Европѣ готическій предрасудокъ противу наукъ и словесности, (будто-бы несовмѣстимыя съ благородствомъ и знатностью), почти совершенно исчезъ; у насъ онъ только что начинаетъ показываться. Уже одинъ изъ самыхъ плодовитыхъ нашихъ писателей провозгласилъ, что литературой заниматься онъ болѣе не намѣренъ, потому что она дѣло не дворянское. Жалко! Конечно, не слишкомъ лестное товарищество нѣкоторыхъ новичковъ, [ихъ] невѣжество отчасти тому причиною, но развѣ безчестное поведеніе двухъ или трехъ выслужившихся проходивцевъ можетъ быть достаточнымъ предлогомъ для всѣхъ офицеровъ оставить шпагу и отречься отъ честнаго званія воиновъ!

¹⁾ Такъ въ подлинникѣ.

²⁾ Скобки Пушкина.

У насъ писатель, который краснѣетъ при мысли посвятить свою книгу порядочному человѣку, который двумя или тремя чинами выше его, не стыдится изгибаться передъ какими-нибудь журналистомъ, ошельмованномъ въ обществѣ инѣннѣ, но который площадной руганью можетъ повредить продажѣ книги или хвалебнымъ объявленіемъ замануть покупателей. Нынѣ послѣдній писателя готовый etc. на всякую частную подлость, на всякій безымянный пасквиль... ¹⁾.

Всѣ журналы пришли въ благородное бѣшенство, возстали противъ стелетворца ²⁾, который (о, верзь униженія!) ³⁾ въ отвѣтъ на приглашеніе кн. ** (извинялся въ стихахъ), что не можетъ къ нему прѣхать и общаема къ нему прѣхать на дачу. Сіе несчастное посланіе было предано всенародно проматію, и съ той поры, говоритъ одинъ журналъ, слава *** ушла совершенно! [12,—13.].

Россія не участвовала въ умственной дѣятельности эпохи возрожденія. Латынская словесность — ... [sic]. Толпы южныхъ ученыхъ... — Нашестіе Татаръ не было подобно наводненію Мавровъ плодотворнымъ. Татары не принесли намъ ни алгебры, ни поэзіи...

Цари и боярство, враждующіе между собой, согласны были въ одно: въ необходимости сблизить Россію съ Европою, — отсалѣ сношенія Ивана Васильевича съ Англіей, переписка Годунова съ... [sic]. Условія, подписанныя польскимъ королевичемъ аристократин XVII стол., посольства Алексѣя Михайловича (во Францію, къ Людовику XIV). (Наконецъ крутой и кровавый переворотъ, произведенный мощнымъ самодержавіемъ Петра) ³⁾.

Россія [см. V, 29] вошла въ Европу, какъ спущенный корабль при стужѣ топора и при гроузѣ пушекъ. Предпринятые Петромъ войны были благотѣльны и плодотворны какъ для Россіи, такъ и для человѣчества. Успѣхъ [петровскаго] преобразованія былъ слѣдствіемъ Полтавской битвы, и европейское просвѣщеніе причалило къ берегамъ завоеванной Невы.

Петръ не успѣлъ довершить начатое имъ. Онъ умеръ въ полную пору мужества, во всей силѣ своей творческой дѣятельности, еще только въ полномъ вложивъ побѣдительный свой мечъ. Онъ умеръ, но движеніе, переданное мощною его рукою, долго продолжалось въ огромныхъ составахъ государства. Даже мѣры революціонныя, предпринятые имъ по необходимости въ минуту... и которыя потомъ не успѣлъ онъ отиѣнить, надолго еще возымѣли силу за-

¹⁾ Тамъ въ подлинникѣ.

²⁾ Было: Пушкина.

³⁾ Скобки Пушкина.

кона. Напримѣръ, дворянство, даруемое порядкомъ службы, мило Верховной власти, преимущества, данныя... (замѣчательный неуспѣхъ) ¹⁾.

Петръ Великій бросилъ на словесность взоръ разсѣянный, но пристрастный. Онъ возмнилъ Оссифа, ободрилъ Колювача, (наказалъ) Татищева, угадалъ Тредьяковскому, вѣчному труженнику, начальную его участь, безсиліе и трудолюбіе.

Наслѣдники Великаго [см. V, стр. 10] пошли суевѣрно по его слѣдамъ. Но... интрига Меншикова, пронырство Долгорукихъ, тайный заговоръ стариннаго боярства, [наконецъ] притѣсненнаго мощною рукою Бирона, слишкомъ занимали русское дворянство... Намонецъ гонялась Елизавета, — при ней родилась русская словесность.

Вступленіе.

I) Отчужденіе Россіи отъ Европы.

Долго Россія [V, стр. 28] была совершенно отдѣлена отъ судьбы Европы. (Она совершила свое предназначеніе. Съ XI вѣка, принявъ христіанство изъ Византіи, она не участвовала въ умственной дѣятельности идолическаго міра въ эпоху возрожденія латинской Европы). Ея широкія равнины поглотили безчисленными толпами Монголовъ и остановили ихъ разрушительное нашествіе. Варвары не осмѣлились оставить у себя въ тылу поработенную Русь и возвратились въ степи своего востока. Христіанское ижеосвѣщеніе было спасено истерзанной и издыхающей Россіей..... ²⁾.

Духовенство, ношаемое удивительною смеліестью татаръ, одно, въ теченіе двухъ мрачныхъ столѣтій, питало искры блѣдной византійской образованности. Въ безжизненнѣйшіи ночки гели свои безпрерывныя лѣтописи; архіереи въ посланіяхъ оломихъ бесѣдовали съ князьями и боярами въ тяжкія времена искушеній и безнадежности. Но духовная жизнь поработеннаго народа не развивалась. Великая эпоха возрожденія не имѣла на него никакого вліянія, рыцарство не одушевляло его дѣйственными восторгами, и благодѣтельныя потрясенія крестовыхъ походовъ не отзывались въ краяхъ печальнаго сѣвера.

II) Ничтожество древнихъ нашихъ памятниковъ.

Боярство домогалось аристократіи. Два великана — Іоаннъ III и Іоаннъ IV. Едва Россія успѣла свергнуть съ себя иго татарское, и уже ей были нужны всѣ возраждающіяся ея силы дабы противоборствовать Польшѣ... Царская власть ополчилась на боярство... Цари и бояре согласны были въ одномъ, — въ необходимости сблизить Россію съ Европой; отселъ...

¹⁾ Скобки Пушкина.

²⁾ Неразобрано нѣсколько зачеркнутыхъ словъ, содержаніе которыхъ не соответствуетъ во всякомъ случаѣ печатной фразѣ [V, 29], которая тутъ слѣдуетъ.

Просвѣщеніе Россіи.

(Крутой переворотъ, произведенный мощнымъ самодержавіемъ Петра, испровергнулъ все старое, и европейское вліяніе разлилось по всей Россіи. Голландія и Англія образовали наши флоты, Пруссія (и Франція) наши войска. — Лейбницъ начерталъ планъ гражданскихъ учрежденій).

Но сѣмена (просвѣщенія) были посеяны.

Петръ первый былъ нетерпѣливъ: ставъ главою новыхъ идей, онъ, можетъ быть, далъ слишкомъ крутой оборотъ огромнымъ колесамъ государства.

Въ общемъ презрѣніи ко всему народному включена и народная поэзія, столь живо проявившаяся въ грустныхъ народныхъ пѣсняхъ, въ сказкахъ и въ лѣтописяхъ...

Новая словесность—отголосокъ новообразованнаго общества. Сынъ молдавскаго господара, юноша, обрусѣвшій въ походахъ Петровыхъ..., въ Парижѣ перекладывалъ стихи Горация и писалъ сатиры по образцу, данному придворнымъ поэтомъ Людовика XIV; между тѣмъ, какъ сынъ холмогорскаго рыбака скитался по германскимъ университетамъ, вслушивался въ уроки Готтведа и передавалъ звучному русскому языку... Но приступая къ описанію словесности русской мы должны будемъ исследовать и ту словесность иностранную, [которая имѣла] на нее долгое, рѣшительное вліяніе.

Въ началѣ XVIII столѣтія [V, 30] французская литература обладала Европою. Она естественнымъ образомъ должна была имѣть и на Россію долгое, рѣшительное вліяніе. И такъ, исследуемте: что такое французская словесность?

Въ [XII] столѣтіи поодъ небомъ полуденной Франціи пробудилась поэзія, не имѣвшая ничего общаго съ поэзіей Греческаго и Латинскаго міра; рѣзня отозвалась etc. [sic]. Таково было смиренное начало романской поэзіи. Но она быстро и пышно расцвѣла: Италия, Испанія, Португалія, Германія, Англія, Франція и [проч.]! Буало, человекъ, одаренный умомъ, рѣзкимъ и здравымъ, и мощнымъ талантомъ, обнаруговалъ...

Разсматривая произведенія французской поэзіи въ теченіе XVI [вѣка], нельзя не быть пораженну иль ничтожествомъ; нѣсколько любовныхъ пѣсень отличаются легкостью и нѣжностью, нѣсколько сказокъ—веселостью и простодушіемъ, но вообще напрасно-бы стали въ нихъ искать высокаго и сильнаго чувства или яркаго изображенія. Проза имѣетъ уже рѣшительный перевѣсъ; Раблэ, Montaigne etc.

Нѣкто у насъ сказалъ, что французская словесность родилась въ передней etc.—Это слово было повторено и во французскихъ журналахъ и замѣчено, какъ жалкое мнѣніе (opinion déplorable). Это не мнѣніе, но истина историческая, буквально выраженная: Маротъ былъ камердинеромъ Франциска I-го

(valet de chambre) ¹⁾, Мольеръ — камердинеромъ Людовика XIV; Буало, Расинъ и Вольтеръ (особенно Вольтеръ ¹⁾), конечно, дошли, до гостининой, но все-таки черезъ переднюю. Объ новѣйшихъ поэтахъ говорить нечего: они, конечно, на площади, съ чѣмъ ихъ и поздравляешь.

Вліяніе, которое французскіе писатели произвели на общество, должно приписать ихъ старанію принаравливаться къ господствующему вкусу, къ мнѣніямъ публики. Замѣчательно, что ни одинъ изъ извѣстныхъ французскихъ поэтовъ... изъ Парижа. Вольтеръ, изгнанный изъ столицы тайнымъ указомъ Людовика XV, полу-шутливымъ, полу-важнымъ тономъ совѣтуетъ писателямъ оставаться въ Парижѣ, если дорожатъ они покровительствомъ Аполлона и бога вкуса.

Ни одинъ изъ французскихъ поэтовъ не дерзнулъ быть самобытнымъ, ни одинъ, подобно Милтону, не оторвался отъ современной славы.

Расинъ пересталъ писать, увидя неуспѣхъ своей Гесалии. Публика, (о которой Шамфоръ спрашивалъ такъ забавно: сколько нужно глушцовъ, чтобы составить публику?) ¹⁾ ... невѣжественная публика была единственною руководительницею и образовательницею писателей. Когда писатели перестали толкаться по переднимъ вельможъ, они, ..., обратились къ народу, даская его любимыя мѣткія или фиглярствуя независимостью и странностями, но съ одною цѣлію: выманить себѣ (репутацию) или деньги! Въ нихъ нѣтъ и не было безкорыстной любви къ искусству и къ изящному: жалкій народъ!

Не смотря на ея видимую ничтожность, Ришелье чувствовалъ важность литературы. Великій человекъ, унизившій во Франціи феодализмъ, захотѣлъ также... и литературу. Писатели, во Франціи классъ бѣдный и незнатный, были призваны ко двору и задарены... Людовикъ XIV слѣдовалъ системѣ кардинала. Вскорѣ словесность сосредоточилась около его трона. Всѣ писатели получили (придворную) должность. Корнель, Расинъ тѣшили (короля)... трагедіями, ... Буало воспѣвалъ его побѣды и назначалъ ему писателей, достойныхъ его [вниманія]; Боссюэтъ и проповѣд[овали] слово Божіе въ его придворной капеллѣ... Академія хвастливо первымъ правиломъ своего устава положила—хвалу Великому Королю. Были исключенія: бѣдный дворянинъ Лафонтенъ не смотря на господствующую набожность печаталъ въ Голландіи свои веселыя сказки о монашьяхъ... и [сладворѣчивый] епископъ въ книгѣ, исполненной снѣлой философіею, помѣщалъ язвительную сатиру на прославленное царствованіе; за то Лафонтенъ умеръ съъ писемъ, а Фенелонъ въ своей епархіи, отдаленный отъ двора за мистическую ересь.—Отселѣ въживая, тонкая словесность, блестящая, аристократическая, немного жеманная, но тѣмъ самымъ понятная для всѣхъ дворянъ Европы, ибо высшее общество, какъ

¹⁾ Скобки Пушкина.

справедливо замѣтилъ одинъ изъ новѣйшихъ писателей, составляетъ во всей Европѣ одно семейство.

Между тѣмъ духъ изслѣдованія и порицанія начиналъ проявляться во Франціи. Ничто не могло быть противуположеніе поэзіи, какъ та философія, которой XVIII вѣкъ далъ свое имя. Она была направлена противъ господствующей религіи, вѣчнаго источника поэзіи у всѣхъ народовъ, и любимымъ орудіемъ ея была иронія, холодная и осторожная, и насмѣшка, бѣшеная и площадная. Вольтеръ, великанъ сей эпохи, овладѣлъ и стихами, какъ важной отраслью умственной дѣятельности человѣка. Онъ написалъ съ изобрѣненіемъ очеркнуть казалищницъ. Онъ 60 лѣтъ наполнялъ театръ трагедіями, въ которыхъ, не заботясь ни о правдоподобіи характеровъ, ни о законности средствъ, заставлялъ онъ свои лица кстати и некстати выражать правила своей философіи. Онъ наводилъ Парижъ прелестными бездѣлками, въ которыхъ философія говорила общепонятнымъ и шуточнымъ языкомъ, однимъ рѣзкомъ и метромъ, отличавшимся отъ прозы. И эта личность... веркомъ поэзіи; наконецъ и она однажды въ своей [старости] становится [истиннымъ] поэтомъ, когда весь его разрушительный гений со всю свободю излился въ личиной поэмі, гдѣ всѣ высокія чувства, драгоценныя человѣчеству, были принесены въ жертву демону смѣха и ироніи. Вліяніе Вольтера было неизмѣрно. Возвышенныя умы слѣдуютъ за нимъ. Задумчивый Руссо превозглашаетъ себя его ученикомъ; пылкій Дидротъ есть самый ревностный изъ его апостоловъ. Англія въ лицѣ Юма, Гиббона и В... привѣтствуетъ его. Екатерина вступаетъ съ нимъ въ дружескую переписку; Фридрихъ съ нимъ ссорится и мирится; общество ему покорно. Европа ѣдетъ въ Ферней на поклонъ. Вольтеръ умираетъ, благословя въиуа Франклина и привѣтствуя новый свѣтъ словами, дотогѣ неслыханными.

Общество севрѣло для великаго разрушенія. Все еще сможливо, не ужеголось молодого Мирабо, подобно отлаженной бури, глухо греметь изъ глубины тежицы, по которыхъ онъ скитается.

Смерть Вольтера не останавливаетъ потока. Министры Людовика XVI переходятъ въ арену спорить съ писателями,.... созданная Людовикомъ XIV хочеть и рукокладеть. Бомарше влечеть на сцену и терзаетъ все, что еще считается неприкосновеннымъ.

Европа, оглушенная очарованномъ славомъ французскихъ писателей, преклоняеть къ нимъ подобострастное вниманіе. Германскіе профессора съ высоты кафедры провозглашаютъ правила французской критики. Англія слѣдуютъ за Франціей на поприще философіи; поэзія въ отечествѣ Шекспира и Милтона становится суза и ничтожна, какъ и во Франціи, Ричардсонъ, Фильдингъ и Стернъ поддерживаютъ славу прозаическихъ сочиненій; Италія озвмается отъ Dante.... подражаетъ Расину.

Обратимся къ Россіи.

Кантеміръ.

Ломоносовъ.

Тредіаковскій.

Вліяніе Кантемира уничтожается Ломоносовымъ.

Вліяніе Тредьяковскаго уничтожается его бездарностью.

Постоянное [бореніе] Тредьяковскаго; оцъ побѣжденъ.

Сумароковъ.

Екатерина (Вольтеръ) ¹⁾. Фонъ Визинъ, Державинъ [14₁—20₁].

Къ XI главѣ, стр. 223: (Избави меня Боже быть поборникомъ и пропо-
вѣдникомъ рабства, я говорю только что) благосостояніе нашихъ крестьянъ
тѣсно связано съ пользою помѣщиковъ,—и это очевидно для всякаго. Злоупо-
требленія встрѣчаются вездѣ [8₂].

Волѣе мелкихъ дополненій и вариантовъ не привожу; обращаюсь теперь
къ остальному содержанію этой тетради.

Прежде всего еще среди статьи о Радищевѣ, на л. 23₁, мы находимъ чер-
новой недоконченный набросокъ:

Я возмужалъ...
И дней моихъ изволнованный потокъ
Теперь утихъ. Миротлюбивый гевій...
Надолголи? но... прошли
Дни бурь, дни горькихъ искушеній...

На 23, также находится французская программа Палессы Іоанны [IV. 488],
которую г. Анненковъ сообщилъ безъ послѣдняго замѣчанія:

*Si c'est un dramma il rappellera trop le Faust, il vaut mieux en
faire une poeme dans le style de Cristobol ou bien en octaves.*

На 23. Французская программа, имѣющая отношенія къ сценамъ изъ ры-
царскихъ временъ [IV. 488].

[24₁—26, о Радищевѣ; 26₂—неписанная страница].

На 27, начинаются сцены изъ рыцарскихъ временъ и идутъ дальше въ
перемѣшку съ другими; для удобства я соединяю для описанія все вѣстѣ.

Сцены изъ рыцарскихъ временъ занимаютъ: 27₁—29₁, 32₁—38₁, 45₁—
49₁, 51₁—53. Черновая съ пометками и поправками.

Впервые напечатано въ „Современникѣ“, 1837 г. [до смерти Пушкина], за-
тѣмъ въ посмертномъ изданіи, потомъ въ изданіи 1855, откуда и перепеча-
тывалось въ послѣдующихъ изданіяхъ. Г. Анненковъ, свѣряя печатный текстъ
съ рукописью, исправилъ только одну ошибку посмертнаго изданія, а между
тѣмъ ошибокъ этихъ много.—Приведу опять только главнѣйшія ошибки, но
для характеристики точности печатнаго текста укажу сначала нѣсколько болѣе
мелкихъ ошибокъ.

¹⁾ Скобки Пушкина.

Сцена I [IV. 395]. Мартынь:.... проказы, но долге терпѣть не нашьренъ;— въ рукоп.: ...проказы, а долге...

[396]. Францъ: Твоя воля, отецъ;—въ рукоп.: твоя воля, батюшка.

[396]. Мартынь:.... Мало-ли я тебѣ передавалъ? Куда онѣ дѣлись?—Въ рукоп.: Мало-ли я тебѣ передавалъ денегъ? Куда онѣ дѣлись и т. д.

Теперь приведу нѣсколько болѣе важныхъ ошибокъ.

[396]. Мартынь:.... отецъ дагь мнѣ два крейцера въ руку, да два толчка въ синну...; въ рукоп.: да два нинка въ гузно...

Въ томъ-же монологѣ Мартыня послѣ словъ:.... презирають да забирать въ долгъ товары, въ рукописи зачеркнуто: (Презирають! и того не вѣдаютъ, наказы, что старый Мартынь не промѣняетъ своей лавки, убранной сверху до низу испанскими сукнами на нлѣ голые каменные замки, гдѣ они съ голоду свящутъ, до побрякивають шпорами). Я знаю тебя, и т. д.

Первая сцена въ рукописи оканчивается замѣчаніемъ, пропущеннымъ въ печати: (расходятся въ разные стороны) ¹⁾.

Сцена II, [стр. 401]. Альбертъ:.... Быть оружаносцемъ у такого рыцаря, какъ я, не шутка. Современемъ...; въ рукоп.: ...не шутка,—вѣдь уже это ступень. Современемъ...

Въ концѣ второй сцены [стр. 402] въ печатномъ текстѣ пропущено:

[Францъ]. А что скажеть мой отецъ?

[Альбертъ]. А ему какое дѣло до тебя?

[Фр.]. Онъ меня проклянетъ и наслѣдства лишеть.

[Ал.]. А ты плюнь.—Тебѣ-же будетъ легче...

Въ послѣдней [VII] сценѣ [стр. 408] есть тоже два пропуска:

Рыцарь. Славное вино! За здоровье благородной хозяйки!

Рыцари. За здоровье прекрасной и благородной хозяйки!

И дальше:

Розенфельдъ: За здоровье нашихъ избавителей.

Рыцари. За здоровье нашихъ избавителей.

Въ пѣснѣ Франца о мельникѣ [409] послѣдній стихъ въ рукописи исправленъ такъ:

Я выгдѣ на ведрахъ шиоръ.

Что касается до первой пѣсни Франца, то посмертное изданіе, кажется, было право, принявъ за нее романсъ: Жиль на свѣтѣ рыцарь бѣдный. Дѣло въ томъ, что 49^а кончается такъ: Францъ поеть [стр. 409]; затѣмъ на 49^б: нѣсколько изъ черновыхъ стиховъ изъ указанного романа, озаглавленныхъ:

(Жиль на свѣтѣ),

¹⁾ Скобки Пушкина.

а далѣе 50: и 50: идетъ весь романсъ, какъ онъ напечатанъ [III, 246], тоже съ пошарками [ср. № 2371, л. 77.]; наконецъ 51, начинается восклицаніемъ Розенфельда: Славная пѣсня! Не знаю на какихъ основаніяхъ отвергъ г. Анненковъ принадлежность этого романа къ сценамъ.

Надо еще замѣтить относительно хронологіи, что въ противоположность увѣренію г. Анненкова, будто сцены написаны во всякомъ случаѣ раньше 1830-го года, содержаніе всей тетради, въ которой находятся сцены, а также особенно тѣ пѣсы, съ которыми онѣ непосредственно переиѣшаны, совершенно несомнѣнно указываютъ, что сцены написаны непремѣнно послѣ 1830, кажется въ одно время съ пѣсой: Вновь я посѣтилъ,—которую я отношу къ 1833 г., см. № 2377, л. 12.—Въ концѣ сценъ помѣта: 15 августа.

Обращаюсь къ остальному содержанію тетради; начинаю съ листовъ, находящихся между сценами изъ рыцарскихъ временъ.

30. Черновое исчерканное стихотвореніе, не вполне точно напечатанное [III, 439].

Ты мнѣ совѣтуешь, Плетневъ любезный
 Оставленный романъ мой продолжать,
 И потчуя стихами вѣкъ желѣзный.
 Разсказами пустыми угощать.
 Ты думаешь, что съ цѣлю полезной
 Тревогу славы можно сочетать
 (А для того совѣтуешь собрату)
 Вратъ съ публичн умѣренную плату.
 (За каждый стихъ по 10 рублей)
 (Составить, стало бытъ, за каждую строфу сто сорокъ)
 Оброкъ пустой для нынѣшнихъ людей.
 Пустое! всякъ то дастъ безъ отговоркъ!
 Съ книгопродавца можно взять ей-ей.

* *

Ты говоришь:—пока Онѣгинъ живъ
 Дотоль романъ неконченъ; нѣтъ причинъ
 Его кончать; въ тому же планъ счастливъ
 кончимъ ¹⁾
 Со славы, внявъ ея призванью,
 Сбирай оброкъ хвалой и бранью.
 Съ почтенной публичн межъ тѣмъ
 Верн умѣренную плату,
 За книжку по пяти рублей,
 Неужто жалъ ихъ будетъ ей.

Тутъ-же съ боку карандашомъ:

Рисуй унылыхъ барышень своихъ
 Смуценые сердце ихъ.

¹⁾ Такъ и въ подлинникѣ одна рима.

«РУССКАЯ СТАРИНА», ТОМЪ XLIV, 1884 Г., ДЕКАБРЬ.

80,—31., 39.—40. Черновое съ поправками и пометками [ср. № 2377, л. 12]:

Вновь я посетилъ.

— III. 404. Есть варианты; привожу дополненіе [30₂]:

И вечеромъ, при завываньи бури
Ея разсказовъ, мною затверженныхъ
Отъ малыхъ лѣтъ, но все пріятныхъ сердцу,
Какъ шумъ привычный и однообразный
Любимаго ручья. Вотъ уголокъ,
Гдѣ для меня безмолвно пролетали
Часы трудовъ, свободно вдохновенныхъ;
Здѣсь погруженный въ [думы]
Я размышлялъ (о грустныхъ заблужденныхъ)
Объ исмѣтаніяхъ юности моеи
О строгомъ заслуженномъ осужденьи
(О милой дружбѣ)...

[30₁].

Часть этого отрывка составилъ конецъ печатной редакціи, и въ извѣщенномъ, но все еще черновомъ видѣ мы ее находимъ на 39.; на 40, опять варианты заключительныхъ строкъ, а потомъ еще нѣсколько неоконченныхъ строкъ, имѣющихъ глубокое біографическое значеніе:

И бурныя кипѣли въ сердцѣ чувства,
И ненависть, и грезы мести блѣдной...
Но здѣсь меня таинственнымъ щитомъ
... святымъ прошеньемъ осынила
Поэзія, какъ ангелъ утѣшитель,
Спасла меня...

Рисунки: 30, — двѣ головы, мужская въ большомъ галстукѣ и женская въ старинной прическѣ; 31, — обнаженная человѣческая фигура; 40, — лицо; кусты.

40, и 41.—неписанныя страницы.

41,—42. Весь исчерканный черновой набросокъ на Выздоровленіе Лукулла [III, 402]; карандашъ, поправки чернилами.—На 42, сверху зачеркнута карандашная фраза: (на дняхъ прочиталъ я новый романъ Лажечникова)...

43. Черновой исчерканный набросокъ:

Поэтъ идетъ. Открыты вѣжды...

—IV, 486.

43,—44. Сверху пометы карандашомъ: 9 ноября; затѣмъ чернилами:

Когда владыка Ассирійскій...

—III, 240.—Послѣ стиха: грозой грозитъ высота, зачеркнуть куплетъ:

(Поля преградами изрыты,
Раскаты, башни и зубцы
Какъ гѣсомъ копыями покрыты,
И боя молча ждутъ бойцы).
И надъ тѣсннкой.... и т. д.

Конецъ:

Сатрапъ смутился, (гнѣвъ жестокий)
(Его объялъ). Сзываетъ оны
Совѣтъ...

44,—неписанная страница.

54,—55. Карандашъ; исчерканная черновая:

Зачѣмъ печаль ее гнететь

—IV, 471. Многого нельзя разобрать.

Рисунокъ на 54: лошадь.

55.

„Вы за Онѣгина совѣтуете, други“...

III, 440.—Предпоследній стихъ:

Что дастъ еще тебѣ и славу, и доходъ.

56. Исчерканная черновая:

Цѣнитель умственныхъ твореній исполненныхъ,
Любовникъ древнихъ музъ латинскихъ,
Другъ бардовъ сѣверныхъ.....,
Ты къ мощной древности опять меня манишь,
велишь

Я приготовился бороться съ Ювеналомъ,
[И въ русскіе стихи], неопытный поэтъ,
Переложить его я далъ тебѣ обѣтъ.
Но перечтя его суровыя творенья
Не могъ преодолѣть пугливаго смущенья

56,—неписанная страница. Затѣмъ очень много пустыхъ листовъ и только въ самомъ концѣ тетради—57, 58 и 59 листы, писанные верхомъ внизъ.

59. Карандашъ; исчерканная черновая: Въ мои осенніе досуги и пр.,—

III, 440. Поэмта: 15 сент. Пропущенный стихъ:

Романъ, не конча, перервать
Отдавъ уже его въ печать ¹⁾,
Что должно, своего героя...

¹⁾ Съ боку Пушкинъ отмѣтилъ для этихъ двухъ стиховъ другую рѣму:
въ печать

Романъ неконченный отдать.

В. Я.

34*

Тутъ-же: Вы говорите—слава Богу,—III, 440.

... Войну и балъ, дворецъ и хату,
(Чердакъ) и келью, и харемъ...

59. Повтореніе того-же,—но иначе.

Вы говорите: слава Богу!
Онъгинъ живъ, такъ понемногу
(Пиши) затѣйливый (романъ)
(Герой готовый, славный планъ),
(Ну, съ Богомъ)...
И снова будешь [ты] внимать
Молвы и критики набату.
(Готово все)...

58. Карандашъ:

О бѣдность! затвердилъ я наконецъ
Урокъ твой горькій. Чѣмъ я заслужилъ
Твое гоненье?

—IV, 486.—Затѣвъ чернилами:

Я думалъ сердце позабыло
Опособность легкую страдать,
Я говорилъ, тому что было
Ужъ не бывать, ужъ не бывать.
Прошли восторги и печали
И легковѣрныя мечты...
Но вотъ опять затренитали
Предъ мощной властью красоты!
(Гляжу, предаться не дерзая
Волненью грустному души
Я ужасаюсь вѣги влажной
Твоей...).

—Гусуповъ: фигура любезно шаркающего толстаго офицера.

58.—неписанная страница.

57.—Памятникъ. Факсимиле этой страницы приложено къ „Русскому Архиву“ 1880 г. и къ отдѣльному изданію г. Бартенева— „А. С. Пушкинъ. I“.

57.—неписанная страница.

XXII.

№ 2385. Состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ тетрадей въ листъ, на оберткѣ которыхъ опекунскія и жандармскія надписи:

А. № 10. Статья о Радищевѣ.—I тетрадь (чистовая). „86 листовъ. Дубельтъ“.

Б. № 11. Статья о Радищевѣ.—II тетрадь (черновая). „45 листовъ. Дубельтъ“.

В. № 12. Статья „А. Радищевъ“.—III тетрадь. „32 листа. Дубельтъ“.

Въ первой оберткѣ или тетради восемь отдѣльныхъ чашекъ, изъ нихъ 7 въ оберткахъ. Листы всѣ перенумерованы карандашомъ (опекунская нумерація?) и красными чернилами. Опекуны ставили по одному номеру на каждый листъ въ четыре страницы; сначала такъ-же была поставлена и жандармская нумерація, но потомъ на каждой третьей страницѣ писцаго листа (т. е. на второмъ полулистѣ) поставлена еще цифра, такъ что получилась очень перебитая нумерація; 1 и 86, 2 и 85, и т. д. Такимъ образомъ занумеровано 86 листовъ (писчихъ полулистовъ). — Нумерація идетъ не по порядку главъ (статья—„Мысли на дорогѣ“): сначала занумерована III глава, потомъ вторая, четвертая, первая, пятая, одиннадцатая и двѣнадцатая.—Вся эта первая тетрадь (А), содержащая указанныя главы статьи „Мысли на дорогѣ“, переписана писарской рукой, причѣмъ листы перегнуты вдоль пополамъ и на поляхъ сдѣланы Пушкинымъ нѣкоторыя поправки и дополненія.

Вторая тетрадь [В] представляетъ ту-же статью, известную подъ названіемъ „Мысли на дорогѣ“, но только въ чисто переписанномъ видѣ, мѣстами въ черновомъ подлинникѣ. [Бумага съ клеймомъ 1834-го года]. Здѣсь всѣ главы, кромя X; перенумерованы онѣ въ такомъ порядкѣ: 2, 3, 12, 4, 5, 11, 1, 7, 6 8 и 9. Кромя общаго обертчнаго листа съ приведенною выше надписью, вторая тетрадь имѣетъ еще внутреннюю обертку, приготовленную Пушкинымъ для своихъ стихотвореній съ собственноручною надписью: Подражаніе древнимъ.—Красными чернилами занумеровано 45, но въ томъ числѣ есть и неписанныя съ другой стороны довольно много вклеенныхъ листочковъ, которые не занумерованы, а между тѣмъ должны идти въ счетъ; такимъ образомъ я считаю всѣхъ листовъ—46.—На одномъ изъ приклеенныхъ листочковъ при листѣ 23, кромя дополненія къ статьѣ, находимъ черновой набросокъ: Ты мнѣ совѣтуешь, Плетневъ любовный [см. № 2384, л. 30.], и тутъ-же на оборотѣ карандашомъ программа: ты мнѣ совѣтуешь продолжать Онѣгина, увѣряя меня, что я его не кончилъ.—При 29 листѣ приклеенное дополненіе написано на пригласительной запискѣ кн. Трубецкой.—На л. 24 жандармская печать.

Что касается до самаго подлиннаго текста, то, сходясь съ исправленной Пушкинымъ копіей [первая тетрадь этого №], во многомъ сходясь и съ черновой [см. № 2384], онъ иногда значительно отличается отъ печатнаго, т. е. въ печатномъ текстѣ допущены значительныя неточности. Для примѣра укажу нѣсколько ошибокъ въ началѣ, въ первой главѣ.

Стр. 192:—съ однимъ слугою отправился я въ дорогу; рукоп.—...отправился я въ путь.—На той-же стр.:—не знаю кто, Иванъ или я, согрѣшили передъ Богомъ; рукоп.—согрѣшили передъ выѣздомъ.

Стр. 193: предлогъ къ угнетѣнію и взяткамъ; рукоп.:—къ утѣсненію и взяткамъ,—и т. д., и т. д.]

Надо еще замѣтить, что первая глава первоначально называлась: „Дорожный товарищъ“.

Укажу на одинъ пропускъ, сдѣланный самимъ Пушкинымъ. Во второй главѣ, послѣ словъ: смерть молодого Петра II-го снова утвердила за Петербургомъ его недавнія права [с. 198], въ рукописи зачеркнуто:

(Нынѣ царствующій императоръ чаще другихъ удостоиваетъ Москву своимъ посѣщеніемъ. Неожиданный пріѣздъ его въ концѣ 1830 года, во время заразы, принадлежитъ будущему историку).

Обращаюсь наконецъ къ третьей тетради. Изъ приведеннаго выше ея заглавнаго листа мы уже видѣли, что Дубельтъ насчиталъ въ ней 32 листа; на самомъ дѣлѣ ихъ надо считать 30, такъ какъ заномерованы два неписанные листа (на 17, кромѣ того, находится только печать, а на 17, не рукою Пушкина: 1822).—Содержаніе этой тетради составляетъ статья „Александръ Радищевъ“; она вся писана писарской рукою; это тотъ самый экземпляръ, который былъ представляемъ Пушкинымъ въ цензуру. На [второмъ] заглавномъ листѣ рукою Пушкина, кромѣ названія статьи и эпитафы, написано: „Пушкинъ покорнѣйше проситъ Александра Лукча представить сію статью куда слѣдуетъ для разрѣшенія“. Тутъ-же приписано и запрещеніе цензора,—сн. V, стр. 357, прилѣчаніе.

Текстъ напечатанъ вѣрно.

— На 16 листѣ находимъ: Анекдотъ, служившій основаніемъ повѣсти нами издаваемой, извѣстенъ въ Оренбургскомъ краѣ. Читателю легко будетъ распознать нить истиннаго происшествія, проведенную сквозь вымыслы романтическіе, а для насъ это было-бы великимъ трудомъ. Мы рѣшились написать сіе предисловіе съ совсѣмъ другими намѣреніемъ.

(Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ одномъ изъ нашихъ Альманаховъ напечатанъ былъ)...

— На 17 листѣ жандармская печать съ необрузанными нитками.

XXIII.

№ 2386. Четыре непереплетенныхъ тетради; на оборткѣ выставлено: № 1, № 2, № 3 и № 9. Каждую тетрадь описываю отдѣльно.

А. [№ 1]. На обортѣ [опекунская] надпись: Прозаическіе отрывки; тутъ-же рукою Пушкина: „Послѣдній изъ свойственниковъ Іоанны Д'Аркъ“;— „62 листа. Дубельтъ“. Тетрадь сшита и концы нитокъ запечатаны красною жандармскою печатью. Такъ какъ Пушкинъ писалъ на отдѣльныхъ, нешитыхъ листахъ, то теперь приходится [какъ уже намъ встрѣчались подобныя случаи], съ 2-го листа переходить къ 61-му; съ 61-го къ 3 и т. д.—Такъ какъ на обортѣ есть надпись руки Пушкина, то обертка и сосчитана за 1 листъ. 1.—неписанная страница.

2—5, 58—61. Последній изъ родственниковъ Іоанны Д'Аркъ.—V, 491. Написано чисто, почти безъ помарокъ.—Мелкихъ неточностей печатнаго текста не указываю.

6. Заглавный листъ:

Россійская Академія.

7—9, 54—57. Самая статья—V, 336. Чисто переписано, мало помарокъ.

10.—Путешествіе В. Л. П. [Васил. Л. Пушкина], см. V, 241.

10_а—неписанная страница.

11, и 11_а, 52, и 52_а. Самая замѣтка, приведенная г. Анненковымъ не вполне и неточно. Выписываю ее всю.

Путешествіе etc. Картина представляетъ etc. Эта книжка никогда не была въ продажѣ. Нѣсколько экземпляровъ розданы были пріятелямъ автора, отъ котораго имѣлъ я счастье получить и свой (чуть-ли не послѣдній) ¹⁾. Я храню его, какъ памятникъ благосклонности, для меня драгоценной.

Пут[ешествіе] есть веселая, незлобная шутка надъ однимъ изъ пріятелей автора; покойный В. Л. П[ушкинъ] отправился въ Парижъ и его младенческой восторгъ подаль поводъ къ сочиненію (этой) маленькой поэмы, въ которой съ удивительной точностью изображенъ весь В. Л.: это образецъ игривой легкости и шутки живой и (незлобной).

Для тѣхъ, которые любятъ поэзію не только въ ея лирическихъ порывахъ или въ дивномъ вдохновеніи элегій, не только въ обширныхъ созданіяхъ драмы и эпопеи, но и въ (младенческой, живой) игривости шутки и въ забавахъ ума, вдохновеннаго веселостью... Виновать: я-бы отдалъ все, что было писано у насъ въ подражаніе Л. Байрону, за слѣдующіе незадумчивые и невосторженные стихи, въ которыхъ поэтъ заставляетъ героя своего восклицать друзьямъ:

2).

(Поэзія, какъ природа). Есть люди, которые не понимаютъ Байрона; есть люди, которые находятъ и Горация прозаическимъ (спокойнымъ, умнымъ, разсудительнымъ,—такъ-ли?) ²⁾. Пусть такъ, но жаль было-бы, еслибы не существовали прелестныя эды, которыхъ подражалъ и нашъ Державинъ. Для тѣхъ, которые любятъ Катюшу, Грессета и Вольтера, для тѣхъ etc. Искренность драгоценна въ поэтѣ. Намъ пріятно видѣть поэта во всѣхъ состояніяхъ [и] смѣненіяхъ его живой, творческой души: и въ печали, и въ радости, и въ порывахъ восторга, и въ отдохновеніи чувствъ, и въ ювенальскомъ негодованіи, и въ маленькой досадѣ на скучнаго сосѣда...

Благоговѣю передъ созданіемъ Фауста, но люблю и эпиграммы etc. Есть люди, которые не признаютъ иной поэзіи, кромѣ высренной.

¹⁾ Скобки Пушкина.

²⁾ Стиховъ въ рукописи нѣтъ.

³⁾ Скобки Пушкина.

12 и 51 [обертка]. 12.—Глава II.

Нарябочивый французскій эпиграфъ, заимствованный изъ Correspondance inédite.

13.—50. Отрывокъ: (Въ Коломнѣ), на углу маленькой площади—IV, 440. Черновое, поправки чернилами и карандашомъ [см. № 2371, 88,]. Посмертные издатели пропустили очень многое, что придаетъ особенное значеніе этому отрывку. Чтобы не выписывать всего, я буду дѣлать ссылки на страницы и строки печатнаго текста по послѣднему изданію.

Стр. 440, строка 2 сл.: это братъ его князь Григорій, извѣстная скотина.

„(А, тотъ, который получилъ когда-то пощечину и не дрался?“

— Совсѣмъ нѣтъ. Его били палкою... А все это штуки его жены; я не имѣлъ счастья ей понравиться ¹⁾).

— На комъ онъ женатъ?

Стр. 441, 1 св.:—Вмѣсто пѣвчаго сначала было: цѣловальника, нажившаго милліоны. — 3 строка св.:—совсѣмъ разнакомился съ вашииъ (вышимъ обществомъ). Такъ ты очень дорожишь вниманіемъ князя Григорія, извѣстнаго мерзавца. — 11 строка св.:—Кого ты называешь у насъ аристократами?—Послѣ 13 строки св.:

„А кто такая графиня Фуфлыгина?“

— (Взяточница, толстая), наглая дура.

(„Какія тонкія эпиграмы!“)

— (Я за остроуміемъ, слава Богу, не гоняюсь).

„И пренебреженіе людей, которыхъ ты презираешь, сказала дама послѣ нѣкотораго молчанія—можетъ до такой степени тебя разстраивать...“

Стр. 441, 4 сл.: молодой человекъ тотчасъ раскаялся...

Стр. 442, 15 св.: подошла къ окошку.

Отрывокъ кончается тою-же фразою, какъ и печатный текстъ, насрединѣ 50. листа.

14. Обертка:

Египетскія мечи.

(Клеопатра).

Глава I.

— Эпиграфъ, какъ напечатано—IV, 381.

15—вклеенный листъ синей бумаги; карандашомъ интересное письмо къ неизвѣстному лицу:

„Какую программу хотите вы видѣть? [Часть] политическая: иностранныя извѣстія, переводимыя изъ Journal de St. Petersburg, безъ прав. [P] прикѣчаній и размышленій, аликъ возможно безцвѣтно, безъ движенія, безъ цѣле;

¹⁾ Зачеркнуто карандашомъ.

внутреннія извѣстія—о дождяхъ и объ урожаяхъ etc. Разныя извѣстія, —о курсахъ, о приѣздахъ и уѣздахъ, о спектаклѣхъ и проч.—Литературная часть, —критика иностранныхъ и русскихъ книгъ, мелкія статьи, удобнопомѣщаемыя на двухъ столбцахъ... И выдѣтъ газета немного хуже „Сѣверной Пчелы“. Вотъ вамъ и программа. Шутка въ сторону: Отъ моей газеты я многого не ожидаю: часть политическая будетъ официально ничтожна; литературная существенно ничтожна, ибо что прикажете говорить о вещи, которая никого не интересуетъ, начиная съ литератора.—Враниться съ журналами [я буду] всего разъ въ годъ; (во остальное время) — угождать публикѣ восхищеніями, посылать балагурствоиъ Булгарина и бессмыслицей Полеваго, —было-бы слишкомъ низко. Стиховъ печатать въ ней не буду: и Богъ запретить метать бисеру передъ публикой, на то проза—макина...

15, [опять карандашъ]. Сверху нѣсколько исчерканныхъ неразборчивыхъ строкъ; затѣмъ тоже не очень разборчивый отрывокъ.

Но главною неприятностью платится мой пріятель; приписываніе множества чуждихъ сочиненій, какъ-то эпитафія... покойнаго Курганова, ... о женитбѣ, въ коемъ такъ остроумно сказано, что, коли хочешь быть умнѣ—учись, коли хочешь быть въ аду — женись... Ба..., начитавшагося Ламартина. Безпристрастные наши журналисты, которые обыкновенно не уиѣютъ отличать стиховъ Нахимова отъ..... Б..., (важно) укоряли его въ безнравственности, отдавая полную справедливость ихъ поэтическимъ достоинствамъ и....

Рисунокъ на 15, чернилами: человекъ въ турбанѣ.

16—49. Египетскія ночи [см. л. 14], черновая съ поправками и вставками. Есть отличія отъ печатнаго текста [IV, 381—395].

Читать слѣдуетъ въ такомъ порядкѣ: 16, 17, 49, 1 и т. д.—16 листъ—вклеенная четверка, на которой съ одной стороны написаны первыя строки Египетскихъ ночей; на 17 начинается весь разговоръ съ начала, но первыя строки, соответствующія листу 16, зачеркнуты.

Какъ сказано печатный текстъ отличается отъ подлинника; всѣхъ отличій, т. е. ошибокъ посмертныхъ издателей, неисправленныхъ и г. Анненковымъ, не привожу. Для примѣра укажу всѣ неточности въ первой главѣ.

Стр. 382, стр. 15 сл.: Каковы-же должны быть ягоды? — рукоп.: невгоды.— 8 снизу: даже самыхъ простыхъ; рукоп.:—пустыхъ.

Стр. 383, 10 сл.:—для воплощенія ихъ видѣній;—рукоп.: ѣдѣній вашихъ.—7 сл.: и свѣтъ, и мелочи свѣта; рукоп.:—мнѣнія свѣта.

Стр. 384, 11 сл.: Я итальянскій художникъ;—рукоп.: неаполитанскій.

Стр. 385, 7 сл.: Итальянецъ замѣтилъ; — рукоп.: Неаполитанецъ.— 12 сл.: послѣ словъ: выпрашивая себѣ вспоможенія, —приписано на поляхъ и зачеркнуто: (а отъ своихъ меценатовъ [чортъ ихъ нобери!]¹⁾ требуютъ одного

¹⁾ [Скобки Пушкина].

чтобъ они не влодили на насъ въ тайны допросы,—и того не могутъ добыть). Впрочемъ...

Стр. 386, 16 сн.: Ему нужны были деньги; въ рукописи переставлено: Ему деньги были нужны.—И такъ дагѣ.

В. [№ 2]. На оберткѣ: 1) онекунская надпись: Прованческіе отрывки; 2) повыше рукою Пушкина написано и зачеркнуто: (Преподобный Савва игуменъ); 3) пониже: „38 листовъ. Дубельтъ“. — 9-го и 30-го листовъ нумерованнаго нѣтъ, на 20-мъ листѣ только жандармская печать; 22, 26, 28, 29, 33, 38—все неписанные; упомянутая обертка незанумерована, слѣдовательно всего 31 листъ. Тетрадь эта спита такъ-же, какъ и предыдущая; посреди жандармская печать.

1. Заглавный листъ:

(О Байронѣ и о предметахъ важныхъ—) ¹⁾.

1835.

Черная Рѣчка, за Мил.

25 июня....

Съ боку италянская фраза изъ *Observazioni sulla morale cattolica*.

Внизу двѣ строки, представляющія вставку къ л. 7.

1.—неписанная страница.

2, и 2., Переводъ изъ Байрона.

Тутъ мы хорошо видимъ усиленный трудъ, какой Пушкинъ вложилъ на содѣланіе своихъ переводовъ. Листъ переогнуть пополамъ; на одной сторонѣ карандашомъ [съ чернильными поправками] сдѣланъ дословный, буквальный переводъ подлинника, на другой сторонѣ чернилами тотъ-же переводъ въ болѣе отдѣланномъ видѣ, лучше выраженный по русски, но все еще очень близкій къ подлиннику и все еще прозой. Только уже вслѣдъ за этими двумя переводами долженъ былъ слѣдовать поэтический стихотворный переводъ, который облекъ-бы въ изящную форму чувства и образы, нескладно выраженные въ буквальной прозаической передачѣ. Къ сожалѣнію Пушкинъ почему-то не довелъ работу до конца, или она въ окончательномъ видѣ не дошла до насъ: мы не имѣемъ стиховъ Пушкина, которые-бы были переводомъ этой пьесы Байрона.—Для примѣра выпишываю первые строки обихъ переводовъ.

Лѣвая сторона, карандашъ:

Mot à mot.

„Не въ тѣхъ краяхъ, гдѣ я бродилъ недавно, хотъ красота почиталась тамъ долго безцорочной, не въ видѣнїяхъ, развивающихъ для сердца образы, о конкѣ оно воздымаетъ, что только онѣ ему грезились, явилось что ибудъ

¹⁾ Скобки Пушкина.

тебѣ подобное во снѣ или на яву. Увидѣвъ тебя напрасно буду я искать описывать прелести, извѣнчивыя и сіяющія“... и т. д.

Правая сторона, чернила:

Ни въ краякъ, но кониъ я странствовалъ и гдѣ красота издавна почиталась совершенствомъ, ни въ видѣніяхъ, но кониъ сердце воздыхаетъ, сожалея, что они пустыя грезы, ничего тебѣ подобнаго ни во снѣ, ни на яву не являлось мнѣ. Тщетно захотѣлъ бы я описать извѣнчивыя и блестящія твои прелести... и т. д.

З.,—7., 32.,—36. Статья: Лордъ Байронъ—У, 250—254—[см. л. 1.]. Текстъ, напечатанный г. Анненковымъ, заключаетъ въ себѣ около двадцати ошибокъ и неточностей. Приведу только нѣсколько пропусковъ, о другихъ-же неточностяхъ печатнаго текста читатель можетъ легко составить себѣ понятіе по тѣмъ поправкамъ, которыя выше приходилось дѣлать въ другихъ прозаическихъ статьяхъ посмертнаго текста. Вотъ пропуски, отмѣченные курсивомъ.

Стр. 252, стр. 2 св.: послѣ скарлатины. Она поселилась близъ Вематера.

Стр. 252, 16 св.: заколѣлъ онъ своего родственника и сосѣда г. Навогта.

Стр. 252, 7 св., послѣ словъ: утопить въ ньюстидскомъ пруду,—зачеркнуто: (Онъ былъ всегда вооруженъ и, когда садился обѣдать, требовалъ, чтобы клали на столъ его пистолеты и прочій необходимый приборъ).

Стр. 254, 2 св.: Онъ, будучи собою красавецъ, воображалъ себя уродомъ и дичился...

8 и 31. „Декабря 3. Преставленіе преподобнаго отца нашего Саввы, игумена святыхъ обителей Пресвятой Богородицы, что на Сторожѣхъ, новаго чудотворца (изъ пролога)“¹⁾. См. выше обертку этой тетради. Оба листа заняты житіемъ преподобнаго Саввы.

10, 11, 12 и 27. Черновое письмо къ гр. Бенкендорфу, гораздо болѣе полное, чѣмъ печатное чистовое [VII, 389]. Г. Анненковъ привалъ изъ этого черныка только двѣ фразы.

Послѣ словъ: мы привыкли видѣть у себя [с. 389] въ рукописи идетъ еще длинное дополненіе, первая половина котораго зачеркнута.

„(Литераторы, во время царствованія покойнаго императора были оставлены на произволъ цензуръ своеюправной и притѣснительной: рѣдкое сочиненіе доходило до печати. Весь классъ писателей (классъ важный у насъ, ибо по крайней мѣрѣ составленъ онъ изъ грамотныхъ людей)¹⁾ перешелъ на сторону недовольныхъ. Правительство сего не хотѣло замѣчать: отчасти изъ великодушія (къ несчастію мы того не понимали или не хотѣли понимать)¹⁾, отчасти изъ непростительнаго небреженія. Могу сказать, что въ послѣднее пятилѣтіе царствованія покойнаго государя, я имѣлъ на все сословіе литераторовъ гораздо

¹⁾ Скобки Пушкина.

болѣе вліянія, чѣмъ министерство, не смотря на неизмѣримое неравенство средствъ) ¹⁾.

Несчастныя обстоятельства, сопровождавшія возшествіе на престолъ нынѣ царствующаго Императора, обратили вниманіе его Величества на сословіе писателей. Онъ нашелъ сіе сословіе совершенно преданнымъ на произволъ судьбы и притѣсненіямъ цензуры. Даже не было закона касательно собственности литературной. За годъ предъ симъ я не могъ найти нигдѣ управы, лишь 3,000 рублей чрезъ перепечатаніе одного изъ моихъ сочиненій (что было съ первый прихвѣръ плаутовства) ²⁾. Огражденіе литературной собственности и цензурный уставъ принадлежать къ важнѣйшимъ благодѣяніямъ нынѣшняго црствованія.

Литература оживилась, и т. д., стр. 389,—тѣмъ болѣе расходится [стр. 390].

Извѣстія политическія привлекаютъ большое число читателей, будучи любопытны для всякаго.

Вѣдомости С.-Петербургскія и Московскія, О. и Т. и Сѣверная Пчела суть единственные до нынѣ журналы, въ коихъ помѣщаются извѣстія политическія.

Сѣверная Пчела, издаваемая двумя извѣстными литераторами, и т. д. былъ бы вовсе не дѣйствителенъ [390].

Такимъ образомъ политическія газеты приносятъ своимъ издателямъ по 80,000, между тѣмъ какъ литературная едва-ли окупаетъ издержки издавія ³⁾.

Закономъ требовать отъ журналиста благосклонности или даже безпристрастія и великодушія было бы невозможно и несправедливо.

Такимъ образомъ литературная торговля находится въ рукахъ издателей Сѣверной Пчелы, и критика, какъ и политика, сдѣлалась ея монополіей. Отъ сего терпятъ вещественный ущербъ всѣ литераторы, которые не находятся въ пріятельскихъ сношеніяхъ съ издателями Сѣверной Пчелы, ибо ни одно изъ ихъ произведеній не можетъ имѣть успѣха и не продается.

Для восстановленія равновѣсія въ литературѣ намъ необходимъ журналъ, коего средства могли бы равняться средствамъ Сѣверной Пчелы ⁴⁾. Въ сего отношеніи осмѣливаюсь ⁵⁾ просить о разрѣшеніи печатать политическія и граничныя новости въ издаваемомъ журналѣ барономъ Дельвигомъ или инымъ.

Направленіе политическихъ статей зависить и должно зависѣть отъ пріветельства, и въ этомъ издатели священною обязанностию почитаютъ добросовѣстно ему повиноваться и не только строго соображаться съ рѣшеніемъ

¹⁾ Эта послѣдняя фраза сообщена была г. Анненковымъ [см. послѣд. изд. VII, 390, примѣч. 2].

²⁾ Скобки Пушкина.—Далѣе все карандашомъ.

³⁾ Вставка на 11. съ 27; кажется, должна быть отнесена сюда.

⁴⁾ См. стр. 390.

⁵⁾ Было: осмѣливаюсь.

цензора, но и сами готовы отвѣчать за каждую строчку, напечатанную въ ихъ журналѣ.

Не въ обвиненіе издателей (другихъ журналовъ), но единственно для изясненія причинъ принуждающихъ насъ прибѣгнуть къ высочайшему покровительству, осмѣливаемся замѣтить, что личная честь не только писателей, но и ихъ матерей и отцовъ находится во власти издателей политическаго журнала, ибо обиняки, хотя и явные, не могутъ быть остановлены цензурою.

Смѣль разурѣшеніемъ государь императоръ даруетъ по 40 тысячъ доходу двумъ семействамъ, и обезпечить состояніе нѣсколькихъ литераторовъ. Злонадѣренность или недоброжелательство были бы съ ихъ стороны столь же безразсудны, какъ неблагодарны“.

— 28 и 29, листы неписанные.

— 12 и 27—писчій полулистъ, писанный большою страницою, но шитый въ видѣ четвертки.

Всѣ остальные листы этой тетради заняты набросками и очерками къ Египетскимъ ночамъ.

13. (Клеопатра пробуждается изъ задумчивости)...

Далѣе идетъ исчерканная черновая:

И пиръ утихъ, и будто дремлетъ,
Но вновь она чело подѣмлетъ...

и т. д., неразборчиво, есть и варианты.

Тутъ же какія-то цифры и какая-то запись поупокъ или домашнихъ вещей.

13* — неписанная страница. — 26 — неписанный листъ.

Далѣе идутъ два очерка къ Египетскимъ ночамъ. Одинъ изъ нихъ былъ напечатанъ г. Анненковымъ, другой г. Бартевымъ [IV, 467 и 469] Оба отрывка напечатаны съ обычными въ посмертномъ текстѣ Пушкина неточностями и ошибками. Но этого мало: съ этими очерками произошло нѣчто невѣроятное. Г. Анненковъ напечаталъ начало одного очерка, но самый конецъ взялъ изъ другаго; г. Бартевъ напечаталъ другой, почему-то пренебреженный г. Анненковымъ отрывокъ, но при этомъ вставилъ въ него ненапечатанный г. Анненковымъ конецъ перваго очерка, пропустивъ изъ своего часть того, что было заимствовано г. Анненковымъ. Такимъ образомъ произошла ужасная путаница.

Близость содержанія обоихъ очерковъ, а также неудобный порядокъ, въ какомъ шиты листы тетради, могли бы конечно не оправдать, но хотъ нѣсколько объяснить такую невѣроятную перебивку матеріала гг. почтенными издателями; но даже и такого формальнаго объясненія въ данномъ случаѣ нѣтъ. Дѣло въ томъ, что очерки написаны на бумагѣ разнаго формата! очеркъ, напечатанный г. Бартевымъ идетъ сначала, на писчей бумагѣ обыкно-

веннаго формата, занимаетъ листы 14, 25, 15, 24, 16, 28, 17; очеркъ, напечатанный г. Анненковымъ, занимаетъ самые средніе листы—18—21 ¹⁾, написанъ на почтовой бумагѣ большаго формата. Казалось бы, сдѣлать трудно!

Въ очеркѣ, сообщенномъ у г. Анненкова, я насчитываю около десяти неточностей, въ очеркѣ у г. Бартенева мною замѣчено еще болѣе неточностей и ошибокъ. Опять не буду приводить этихъ неточностей; ограничусь разъясненіемъ главной путаницы, укажу странную перебивку, устроенную гг. издателями.

Обращаюсь сначала къ очерку, сообщенному г. Анненковымъ.

[Стр. 469]. Какъ это? кажется мнѣ, Клеопатра была не пошлая кокетка и цѣнила себя не деньгами. Я предлагалъ ** сдѣлать изъ этого поэму etc. ²⁾

Молодая графиня К....., дурнушка, постаралась и т. д.—[См. въ другомъ очеркѣ, у г. Бартенева, стр. 471, сверху]... которая себя уважаетъ, (не сдѣлаетъ подобнаго условія), не хочетъ смерти грѣшнику...

На этомъ кончается отрывокъ, который напечатанъ г. Анненковымъ.

Перехожу къ отрывку, сообщенному г. Бартеневымъ.

[Стр. 470, adf.] Какъ это? Кажется одной Клеопатрѣ пришло въ голову обѣднить себя такою цѣною ³⁾. (И что еще удивительнѣе она имѣла духъ получить условленную плату). Я предлагалъ ** сдѣлать изъ этого поэму; онъ было и началъ, да бросилъ.

— И хорошо сдѣлалъ, [сказала одна] дама.

— Чтожъ изъ этого хотѣлъ онъ извлечь? (спросилъ юноша). Какая тутъ главная идея? Не помните-ли?

— (Если вамъ угодно я расскажу. Я помню первые стихи). Онъ начинается описаніемъ пириества въ садахъ царицы египетской. На берегу четверугольнаго озера, выложеннаго мекфисскимъ мраморомъ, Клеопатра угощаетъ своихъ поклонниковъ ⁴⁾. Порфирины львы съ [птичьими] головами называютъ

¹⁾ 22 листъ—неписанный.

²⁾ Все, что дальше напечатано г. Анненковымъ, заимствовано имъ изъ другаго очерка. Если помѣта: etc — и позволила ему взять соотвѣтствующее мѣсто изъ другаго очерка, то почему, спрашивается, ему было не напечатать оба очерка цѣликомъ и въ такомъ видѣ, какъ они находятся въ рукописяхъ? а главное, почему г. Анненковъ пропустилъ конецъ своего очерка?

³⁾ Дальнѣйшее, до словъ: какая тутъ главная идея?—пропущено г. Бартеневымъ, такъ что у него и вопросъ—какая тутъ главная идея?—непонятно къ чему относится. Въмѣсто этого пропуска г. Бартеневъ, какъ мы видѣли, вставилъ изъ другаго отрывка эпизодъ съ графиней К. — Г. Анненковъ напротивъ пропустивъ, какъ мы видѣли, разговоръ съ гр. К. замѣнилъ его этимъ рассказомъ о поэмѣ ** [Пушкина, какъ произвольно вставляетъ г. Анненковъ], при чемъ передалъ его крайне не точно, ср. стр. 469. — У г. Бартенева въ пересказѣ поэмъ тоже много неточностей.

⁴⁾ [Вар.: своихъ друзей].

воду изъ позолоченныхъ ключевъ. [Грешить музыка]. Евнуи разносятъ вина Италии. Народъ тѣснится на порфирныхъ ступеняхъ; гости на ложахъ изъ слоновой кости. Грешить сладострастная музыка. Сирійскій ежиданъ (куртса) въ кадильницахъ. Широкія оюкала навѣвають прохладу...

И вдругъ надъ чашей золотой
Она задумалась и [долу]
Поингла дивною главою...

Пиръ утихъ, будто задремалъ, гости въ недоумѣнн¹⁾...

— Этотъ предметъ должно бы доставить маркизъ Жоржъ-Зандъ..., и т. д...

— [472].

В. [№ 3]. Прозанческіе отрывки.

— „79 листовъ. Дубельтъ“. — На самомъ дѣлѣ только 77 листовъ.

Тетрадь сшита такъ-же, какъ и предыдущая.

1₁ и 1₁. Два прозанческіе перевода, подготовленіе къ стихотворнымъ.

[ср. В. № 2, л. 1₁].

Пѣсенка Аеродитъ.

О Венера безсмертная, драгоцѣнно-престольная (разно-каменно-престольная)²⁾, хитрая, обманчивая дочь Юпитера, прошу тебя: не огорчай меня, о богиня, въ душѣ обманомъ и печалію, но приди любви ради, услышь мой голосъ которому ты такъ часто внимала..., и прочее.

D i e m y s i a.

Тотъ, кнѣ кажется, равень богамъ, кто сидитъ противъ тебя и слышитъ тебя сладкоглаголющую... и проч.

79. Карандашомъ нѣсколько короткихъ строчекъ вдоль листа:

Pour une préface. La public et la critique, ayant accueilli avec une indulgence [et patience] mes premiers essais,—[il y avoit] un temps, où la severité et malveillance m'eussent probablement degouté de la carrière que je allais embrasser, — je leur dois reconnaissance entière et je le tenu quitte envers moi. Leur rigueur et leur indifférence, ayant maintenant peu d'influence sur mes travaux...

2₁, 2₂, 78₁ и 78₂. Черновая лицейская годовщина 1836 года,—III, 414. См. № 2371. А. 1.

3₁, 3₂ и 77. Французская выписка „изъ записокъ княгини Дашковой— Mon histoire, часть II“ — о Радищевѣ.

¹⁾ Этимъ кончается пересказъ поэмы. Стихи, приведенные г. Бартечевымъ, произвольно взяты имъ изъ № 2334, л. 51.

²⁾ Слобки Пушкина.

77, — написанная страница.

4. Написаны нѣсколько арабскихъ буквъ съ переводомъ и объясненіемъ. Тутъ-же нѣсколько неравнорѣзанныхъ французскихъ строкъ.

4, — написанная. 76 — бѣлый листъ.

75. и 5. Черновое письмо къ Д. В. Давыдову:
(Я сейчасъ изъ Москвы)...

Статью о Дрезденѣ не могу тебѣ прислать прежде нежели ее напечатаютъ, ибо она есть цензурный документъ. Успѣешь взглянуть на ея благородныя раны. Покажѣть благодарю за позволеніе напечатать ее и въ настоящемъ ея видѣ ¹⁾. (Чортъ побери генераль-лейтенанта Винценгероде)! А жаль, что не тиснули мы ее во 2-й №, который у насъ весь полонъ Наполеономъ. Куда-же кстати тутъ-же было заколотъ у подножія Вандомской колонны генералъ Винценгероде, какъ жертву примирительную! Я было и рукава засучилъ! Вырвался проклятый! Богъ съ нимъ, чортъ его побери!

Вяземскій совѣтуетъ мнѣ напечатать твои [очи?] безъ твоего позволенія: я-бы радъ, да какъ-то боюсь. Какъ думаешь вѣдь можно-бы безъ имени? Отъ Языкова жду писемъ²⁾.

Тутъ-же замѣтка, приготовленная для „Современника“ о потерѣ адреса почтальника изъ города Холма.

5, и 75, [Внутри листа въ цѣлую страницу]. Черновое письмо къ Ив. Ив. Дмитріеву,—близкое къ бѣловому [14 іюня 1836]—VII. 357.

74, 6, и 6, [узкая полоса, оторванная отъ полулиста.—74,—неписанная]. Черновое письмо къ генер. Ушакову:

Возвратясь изъ Москвы имѣлъ я честь получить вашу книгу и ее прочелъ. Не берусь судить о ней, какъ о произведеніи ученаго военнаго человѣка, но восхищаюсь яснымъ, краснорѣчивымъ и живописнымъ изложеніемъ. Отнынѣ великое имя покорителя Кавказа соединено будетъ съ именемъ его блестящаго историка.

Съ изумленіемъ увидѣлъ я, что вы мнѣ даровали безсмертіе одною чертою вашего пера. Вы впустили меня въ храмъ славы, какъ нѣкогда гр. Эриванскій позволилъ мнѣ вѣхлать въ имъ завоеванный Арзрумъ ³⁾. Съ глубоч. etc.

7, и 73,—неписанныя страницы.

7, и 73, Черновое письмо къ неизвѣстному.

Осмѣливаюсь тебя беспокоить просьбою за молодого человѣка, мнѣ незаконнаго, но который находится въ обстоятельствахъ, требующихъ немедленной помощи. Г. Хл. на дняхъ пріѣхалъ изъ Малороссіи. Онъ здѣсь безъ денегъ

¹⁾ Статья Давыдова „Воспоминанія объ осадѣ Дрездена“, напечатана Пушкинымъ въ № 4 „Современника“.

²⁾ Исторіи военныхъ дѣйствій въ Азіатской Турціи въ 1828 и 1829 годахъ. Спб. 1836 г. См. во II томѣ примѣч., стр. 305, а также въ послѣдн. изданіи Пушкина т. V, стр. 286, прим. В. Я.

и безъ покровителей. Ему 23 года. Судя по его разговору и по письму, мною отъ него полученному, онъ уменъ и имѣетъ благородныя чувства. Вотъ въ чемъ просьба моя къ тебѣ.... Онъ желаетъ опредѣлиться во флотъ, но до сихъ поръ не имѣлъ доступа до кн. М(еншикова?). Я обѣщаль его тебѣ представить, отвѣчаю за твою готовность сдѣлать ему добро, коли только будетъ возможно.

8., 8, и 72., 72.. Оба листа прорваны или прожжены въ двухъ мѣстахъ, отчего и зависятъ нѣкоторые пропуски.—Письмо къ А. Н. Раевскому—VII. 149. Отличія отъ печатнаго ¹⁾.—Вотъ пропуски печатнаго текста, —которые можно возстановить [С. 149., стр. 10]:... что рѣшились освободиться отъ ига незаконнаго, что намѣрены платить только подати, наложенныя правительствомъ. Сія прокламація взволновала всю Молдавію. К. Суццо и консулъ хотѣли удержать...

[Стр. 150, 2 св.]: онъ былъ встрѣченъ тремя стами арнаутовъ и кн. Су. и Р. к. ²⁾, и тотчасъ....

9., 71, и 9., [Полулистъ; писано во всю страницу, вшитъ въ четверку]. Notice sur la révolution d'Ipsylanti.—V. 7.—Оба отрывка вмѣстѣ.

10., 70, и 10., Penda-Deka.—V, стр. 8.

11.—

„В о л ь т е р ь“.

Тутъ-же и портретъ Вольтера. Этотъ листъ воспроизведенъ фотолитографически въ Альбомѣ Пушкинской выставки 1880 г.

12—22, 68—57. Самая статья о Вольтерѣ.—V. 366.—Есть мелкія отличія отъ печатнаго текста.

23. Заглавный листъ:

Франійскія элегіи *.

Стихотвореніе Виктора Теплякова.

1836.

* отпечатаны и на дняхъ поступятъ въ продажу.

— Посреди листа рисунокъ: мужская голова.

24 и 55, 26 и 53—самая статья о Франійскихъ элегіяхъ.—V. 404. Послѣ словъ: дать ему вторичную жизнь [405, 3 св.]—въ рукописи зачеркнуто: (Такъ Брюловъ, усныя нарочно свою творческую силу, съ пламеннымъ и благороднымъ подобострастіемъ списывалъ Аѳинскую школу Рафаеля. А между тѣмъ въ головѣ его уже шаталась поколебленная Поппея, кумиры падали, народъ бѣжалъ по тѣсной улицѣ, чудно освященной Волканомъ. Такъ ³⁾)...

¹⁾ Имѣлъ-ли г. Анненковъ другой подлинникъ или же просто напечаталъ неточно? послѣднее вѣроятнѣе.

²⁾ Т. е.: княземъ Суццо и русекимъ консуломъ.

³⁾ Ср. стихотворный набросокъ: Везувій зѣвъ открытъ—см. № 2371, л. 18.

28.—Заглавный листъ, наклеенъ кусочекъ сургучемъ съ полнымъ заглавіемъ статьи, а на самомъ листѣ просто: О мнѣніи Лобанова:—Тутъ-же какія-то замѣтки:

Тютч.	1
Над.	1 1/2

И еще:

Тютчева
Надежда
Мов.

29.—37, и 42.—50. Самая статья о Лобановѣ—V. 357—366.

Дополненія:

Стр. 359: У насъ Библиотека для Чтенія перевела ее и хорошо сдѣлала. Но тутъ и надлежало остановиться. Есть высоты, съ которыхъ не должны падать сатирическія укоризны, есть званія, которыя налагаютъ на насъ обязанности умѣренности и благоприличія, независимо отъ надзора цензуры, *sponde sua, sine lege*.

„Для Франціи“, пишетъ г. Лобановъ, и т. д.

38, 39, 40, 41. О цензурѣ [Торжокъ].

— V. 218. Дополненіе:

[220, 3 св.]. Писатели во всѣхъ странахъ міра суть классъ самый многочисленный изъ всего народонаселенія. Печатный листъ обходится около 35 руб. бумага также чего нибудь да стоитъ. Слѣдовательно печать доступна не всякому (не говоря уже о талантѣ, etc.) ¹⁾ и очевидно, что аристокрація сама мощная и т. д.

На 40—красная печать съ нитками.

Г. [№ 4.].—На оберткѣ: № 9. Замѣчанія на Слово о полку Игоревѣ.— „24 листа Дубельтъ“.

Содержаніе тетради составляютъ замѣчанія на пѣснь о Полку Игоревѣ и переводъ самой пѣсни.—Кромѣ 24 листовъ въ средину еще вложены шесть лоскутковъ, тоже содержащихъ дополненія и замѣтки о „Словѣ“.

Г. Анненковъ напечаталъ большую часть этихъ замѣчаній, но не всегда точно и не вполне. Не останавливаясь на неточностяхъ, приведу только одно дополненіе, именно къ заключительной замѣткѣ [стр. 248].

...Другого доказательства нѣтъ, какъ слова самаго пѣснотворца. Подлинность-же самой пѣсни доказывается духомъ древности... Но Карамзинъ не поэтъ. Державинъ? Но Державинъ не зналъ и русскаго языка, не только языка Пѣсни о Полку Игоревѣ. Прочіе не знали всѣхъ вѣстѣ

¹⁾ Слобки Пушкина.

столько поэзіи... неужто таковая смѣсь естественна? Гомеръ, если и существовалъ, искаженъ рапсодами...

Ломоносовъ жилъ не въ XII ст. Ломоносовскія оды писаны на русскомъ языкѣ съ примѣсью нѣкоторыхъ выраженій, взятыхъ имъ изъ Библии, которая лежала передъ нимъ.

— Другое дополненіе было сообщено г. Барсовымъ, напечатавшимъ переводъ Слова о Полку Игоревѣ и еще одно общее замѣчаніе. Что касается до перевода, то надо сказать, что онъ не имѣетъ особаго значенія по своему достоинству, а принадлежность его Пушкину доказать трудно. Дѣло въ томъ, что весь переводъ этотъ переписанъ чужою рукою въ особую тетрадь и только отдѣльные слова въ немъ поправлены рукою Пушкина; можетъ быть есть поправки и другой руки. Конечно, Пушкинъ могъ дать переписать свой переводъ, но странно, что въ его бумагахъ больше ничего не осталось отъ этого перевода. Не вѣрнѣе ли предположить, что этотъ переводъ Пушкинъ получилъ отъ кого-нибудь?—Во всякомъ случаѣ принадлежность этого перевода Пушкину требуетъ доказательствъ ¹⁾...

Переводъ напечатанъ неточно: многія слова переданы невѣрно, очень часто не обращено вниманія на собственные поправки Пушкина. Надо прибавить, что это изданіе пропустило въ разныхъ мѣстахъ пять стиховъ, хотя стихи при этомъ еще перенумерованы. Приведу пропуски:

252. И веселіе поникло.

263. „Ужъ не послать-ли мнѣ къ Синему морю.

294. Съ нечестіемъ пролили кровь невѣрную.

326. Не вашиль позлощенны шеломи въ крови плавали?

508. По юношѣ князь Ростиславѣ.

Что касается до добавочной замѣтки, то г. Барсовъ напечаталъ ее не всю, опустилъ слѣдующій конецъ:

Впрочемъ въ спискѣ XV вѣка, по которому напечатано Слово о Полку Игоревѣ, нельзя искать первобытнаго правописанія сей поэмы, сочиненной въ концѣ XII вѣка. Каждый переписчикъ перемѣнялъ правописанія своего подлинника, частію неумышленно, по привычкѣ, частію-же съ умысломъ поправить ниную ошибку.

Востоковъ.

¹⁾ Въ № 2395, представляющемъ собраніе копій для посмертнаго изданія, мы находимъ и этотъ переводъ Слова о полку Игоревѣ, даже переписанный дважды. Казалось-бы такимъ образомъ, что авторитетъ Жуковского стоитъ за принадлежность этого перевода Пушкину, но дѣло въ томъ, что № 2395 составленъ довольно странно и въ немъ есть вещи, безъ всякаго сомнѣнія, не принадлежащія Пушкину.

XXIV.

№ 2387. Три неперешлетенныя тетради въ листь.

А. Первая тетрадь, на оберткѣ надписи: № 4. Разныя прованскіе отрывки.—, 84 листа. Дубельтъ*.—61-го листа нѣтъ, листы 23, 27, 30, 36, 47—49, 53, 68—72 неписанныя. Всего писанныхъ листовъ, значить, 70.

1. [Занята вычисленіями и замѣчаніями]:

5400 десятинъ пашни.
 Покошу и кустарнику 664 дес.
 Лѣсу строеваго и дровянаго 2000 дес.
 Подъ строеніемъ.....
 Подъ рѣками etc.—48.
 Подъ болотомъ 17 дес.

[Другой подобный-же расчетъ]:

2400 десятинъ [пашни].
 Кустарнику 66 дес.
 Лѣсу 100 дес.
 Подъ [строеніемъ] 8 дес.
 Подъ рѣкой 5 дес.

[Тутъ-же записаны разныя слова, иногда съ объясненіями,—напр.]: скута—платъе, спанча—кутаться; гридня—комната; [или безъ объясненій]: ольвъ, смердѣть, очагъ, дынь.

[Наконецъ тутъ-же программа Исторіи села Горохина]:

Вступленіе.
 Глава I.
 Статистика об[итателей].
 (Географич. описаніе Горохина).

1, — неписанная страница.

2. Сверху начата фраза: „Если Богъ etc.“—Затѣмъ начинается Исторія села Горохина и занимаетъ 2, 83, 3, 82, 4, 81, 5, 80, 6, 79, 7, 8, 9, 10.

Впервые была напечатана въ „Современникѣ“ 1837 года; затѣмъ г. Анненковъ для своего изданія свѣрилъ ее съ рукописью и сдѣлалъ нѣкоторыя исправленія. Не смотря на это, текстъ г. Анненкова, [точно воспроизведенный и въ послѣднемъ изданіи, IV, 110—127], во многомъ отличается отъ подлинника: всѣхъ мелкихъ и крупныхъ неточностей, ошибокъ, пропусковъ, сдѣлан-

ныхъ г. Анненковымъ, я замѣтилъ болѣе семидесяти. Не приводя болѣе мелкихъ ошибокъ [мы уже достаточно видѣли характеръ ошибокъ въ псмертношъ Пушкинскомъ текстѣ], я укажу только важнѣйшія дополненія, отмѣчу важнѣйшія ошибки.

Стр. 115, послѣ словъ: и принялся за работу въ подлинникѣ зачеркнуто: „Старинное вступленіе пою или о муза справедливо казалось мнѣ рабскимъ подражаніемъ, недостойнымъ свободнаго, оригинальнаго генія. Чтѣ касается до размѣра, то не учившись никогда версификаціи, но получивъ нѣкоторый навыкъ, переписывая стихи, я избралъ тотъ, которому болѣе всего“... [4₂].

Въ концѣ 116 страницы пропущено мѣсто, вставленное Пушкинымъ на поляхъ: сколько препятствій для меня несодвинныхъ! Поѣздка въ городъ, визиты къ губернатору и къ архіерею, просьба о допущеніи въ архивы и въ монастырскія кладовыя и проч. Исторія уѣзднаго города“ и т. д. [5₂].

Стр. 117, стр. 2 св.: ни для философа, ни для прагматика. [5₂].

Стр. 121, стр. 2 св.: вѣсто—Староста былъ неграмотенъ, должно быть: Старосты гороховинскіе игѣли обыкновеніе никогда ничего сами не читать.

Стр. 123, пропущена вставка: пѣсни Архипа Лысаго умолкли. Половина мужиковъ была на пашнѣ, другая служила въ батракахъ; ребятишки“... и т. д.

Стр. 123, въ концѣ, послѣ словъ: болѣе 240 ¹⁾ десятиныхъ,—зачеркнуто: Издревле славилась она своимъ плодородіемъ, благотвореннымъ климатомъ и пріятностію видовъ. Къ сѣверу, и т. д. [9₁].

Стр. 125. „Однакожъ Россіянину (легче) понять Гороховинца, (нежели) обратно (Гороховинцу—Русскаго, особенно воспитаннаго въ ** университетѣ“).

Стр. 125 и стр. 126, вм. нижнее платье—должно быть: портки.

Стр. 126: въ древнемъ общественномъ зданіи, укрѣпленномъ ѣлкою и избраженіемъ двуглаваго орла.

Стр. 126: сохранились въ памяти потомства. Сія пѣсни заимствованы большею частію изъ русскихъ, сочиненныхъ солдатами-писателями и боярскими слугами, но принаровленныхъ очень искусно къ правамъ гороховинскимъ и къ различнымъ обстоятельствамъ. [10₁].

На 75, находимъ мѣсто, которое Пушкинъ предполагалъ вставить въ разсказъ: „...Огѣ [т. е. бабы, назначаемыя сторожить] составляютъ мощную общественную стражу, неусыпно бодрствующую на барскомъ дворѣ, и называются копейщицами (отъ словенскаго слова копье) ²⁾. Главная обязанность копейщицъ какъ можно чаще бить камнемъ въ чугунную доску и тѣмъ устрашать злоумышленіе“.

¹⁾ Было: 2400.

²⁾ Скобки Пушкина.

На 76, встрѣчаемъ программу: торговля, браки, похороны, одежда, языкъ, поэзія;—на 75: еще: „число жителей, Архитектура, Церковь дерев. под.“

На 79: помѣта: 31 октября [было 30 октября; см. IV, 119]; на 10: помѣта: 1 ноября. [См. IV, 127].

Другіе наброски къ „Исторіи села Горохина“, см. 67, 43.

84, — написанная страница.

84: ...набираетъ себѣ въ наперсники... онъ довѣряетъ ему всё свои домашнія безпокойства, всё семейственныя огорченія; объ немъ жалѣють, онъ доволенъ.

Листы: 11—22, 63—67, 73 и 74 заняты критическими замѣтками, которыя большою частью уже напечатаны, но въ беспорядкѣ, неточно и съ пропусками; есть и совсѣмъ не напечатанныя. Буду указывать все по порядку, приводя только главнѣйшія ошибки.

11. Будучи русскимъ писателемъ.—V, стр. 117, Ж II. Все съ начала, съ первыхъ словъ до словъ: труды ихъ не пропали—зачеркнуто, почему и было выпущено посмертными издателями; г. Анненковъ неточно, съ пропускомъ напечаталъ это мѣсто:.. старался войти въ образъ мыслей моего критика и слѣдовать за его сужденіями не отвергая оныхъ съ самолюбивымъ нетерпѣніемъ, но желая съ нимъ согласиться со всевозможнымъ авторскимъ себятверженіемъ; къ несчастію... и т. д... труды ихъ не пропали¹⁾. Если въ теченіе 16-лѣтней авторской жизни, и т. д.—[стр. 118 и 119]... и что всего затруднительнѣе—важно говорить:

Et moi je vous soutiens que mes vers sont très bons.

Напримѣръ, одинъ изъ моихъ критиковъ, человекъ, впрочемъ, добрый и благонамѣренный, разбирая, кажется, Полтаву, выставилъ нѣсколько стрывковъ и вмѣсто всякой критики увѣрялъ, что таковыя стихи сами себя дурно рекомендуютъ. Что-бы могъ я отвѣчать ему на это! А такъ поступали почти всё его товарищи. Ибо критики наши..., и т. д. [стр. 119].—Помѣта: 2 окт. [11, 11, 74, 74].

12. О Цыганахъ одна дама—стр. 123.—Непосредственно за этой замѣткой идетъ о Борисѣ Годуновѣ, неточно напечатанная.—[V, 75, Ж VII].

Вѣроятно трагедія моя не будетъ имѣть никакого успѣха. Журналы на меня озлоблены. Для публики я уже не имѣю главной привлекательности: исклodsти и новизны литературнаго имени. Къ тому-же главные сцены уже напечатаны или искажены въ подражаніяхъ²⁾. (Раскрывъ наудачу историческій романъ г. В[улгарина], нашель я, что у него о появленіи Самозванца приходитъ объявлять царю кн. В. Шуйскій. У меня Борисъ Годуновъ говоритъ наединѣ съ Басмановымъ объ уничтоженіи мѣстничества, у г-на В[улгарина]

¹⁾ До этого мѣста все зачеркнуто. Дальше, въ непосредственной связи, идетъ замѣтка, напечатанная на 118 стр.

²⁾ Курсивъ подлинника.

также. Все это—драматическій вымыселъ, а не историческое сказаніе. Одинъ у другаго... Но это еще не бѣда, *les beaux esprits se rencontrent** [12, и 12₂].

12, и 13. Между прочими литературными обвиненіями... и т. д. [стр. 128 и 129].

13,—14. Мы такъ привыкли.—V, стр. 119;... считалъ по пальцамъ, гдѣ болѣе мертвыхъ (въ трагедіи одного или въ повѣсти другаго. Вотъ что болѣе всего поражаетъ его критическое воображеніе. Вотъ въ чемъ полагалъ онъ всю существенную разницу между ними. Мнѣніе нашихъ критиковъ о нравственности и приличіи, если разобрать, удивительно забавно. Хотите-ли знать, какъ у насъ критиковали-бы Расинову Федру), еслибъ и т. д. — [Вмѣсто зачеркнутаго мѣста съ боку приписано,—какъ и напечатано:—Но что сказали-бы и т. д.].—Далѣе есть болѣе мелкія отличія и пропуски.

15. (Дв. въ мщ.)¹⁾.

Но отъ кого-бы я не происходилъ, отъ разночинцевъ, вышедшихъ во дворяне или отъ одного изъ самыхъ старинныхъ русскихъ родовъ²⁾, отъ предковъ, коихъ имя встрѣчается почти на каждой страницѣ исторіи нашей, образъ мыслей моихъ отъ этого никакъ-бы не зависялъ (—)³⁾. Отказываться отъ него я ничуть не намѣренъ (и хоть нигдѣ донинѣ я его не обнаруживалъ и никому до него дѣла нѣтъ, но...

[На этой-же страницѣ другими чернилами]:

Примѣч. Будемъ справедливы: г-на Полеваго нельзя упрекнуть, и т. д.—V, 51.

15. Сверху черновой набросокъ: Глухой глухаго звалъ.—II, 266.—Затѣмъ программа:

„О китайскихъ анекдотахъ; (о личностяхъ); о нравственности; объ аристократіи.—О примѣч. Л. Газеты. Разговоръ. Обо мнѣ; о личностяхъ. Напр.:

„Недавно въ Пекинѣ“... и т. д.—V, 135. До сихъ поръ печаталась въ этомъ анекдотѣ весьма странная фраза: человекъ ловкій и безпокойный, но смиренный; между тѣмъ въ подлинникѣ Пушкинъ вовсе не называетъ себя безпокойнымъ и вмѣстѣ смиреннымъ, а говоритъ: Грамотѣй-трагикъ, человекъ безталанный, но смиренный...

16. „У одного изъ нашихъ извѣстныхъ писателей спрашивали, зачѣмъ не возражаетъ онъ никогда на критики“.—Критики не понимаютъ меня, отвѣчалъ онъ,—а я не понимаю критиковъ. Если будемъ судиться передъ публикой, вѣроятно и она насъ не пойметъ, и мы напомнимъ старинную эпитамию:

[Глухой глухаго звалъ на судъ судьи глухаго⁴⁾].

— На той-же 16.:

¹⁾ Скобки Пушкина.—Дворянствъ въ мѣщанствѣ?

²⁾ Вар. карандашомъ: Отъ историческаго боярскаго рода.

³⁾ Sic.

⁴⁾ См. 15.

Можно не удостаивать отвѣтомъ своихъ критиковъ (какъ аристократически говорить самъ о себѣ Издатель исторіи Русскаго народа)¹⁾, когда нападенія суть чисто-литературныя и вредятъ развѣ одной продажѣ разбращенной книги. Но не должно оставлять безъ вниманія, по лѣности или по добродушію оскорбленія личныя и клеветы, нынѣ къ несчастію слишкомъ обыкновенныя. Публика не заслуживаетъ такого неуваженія. Предлагаетъ благосклоннымъ читателямъ опытъ отраженія оныхъ.

Опытъ отраженія нѣкоторыхъ нелитературныхъ обманый.

[16.].

§ 1.

О личной сатиры.—Китайскій анекдотъ.—Самъ-съешь.

§ 2.

О нравственности, о гр. Нулинѣ.—Что есть безнравственное сочиненіе?—
О Видокѣ.

§ 3.

Объ литературной аристократіи, о дворянствѣ.

§ 4.

Разговоръ о прилѣч.
Заключеніе.

§

(. ия-ия).

§

(О цѣнѣ Евгенія Онѣгина).

§

О знаменитости.

Происхожденіе сего слова:

Остроумный человѣкъ показываетъ языкъ и говорить язвительно: съешь, а догадливый противникъ отвѣчаетъ: самъ съешь. (Замѣчаніе для будущаго или даже для.... дамъ, какъ журналисты называютъ дамъ, имъ незнакомыхъ)¹⁾.

Сколь не удаленъ я и т. д.,—эпиграфъ изъ Southey.—V. 118.

17: [Очень исчерканная черновая].

Отчего происходитъ это мѣщанское, [отвратительное] жеманство, эта чопорность деревенской дьячки, пришедшей въ гости къ петербургской барынѣ, владѣтельницы въ гостяхъ у пріѣзжей горожанки?

¹⁾ Скобки Пушкина.

[Оттого] что нашии литераторамъ хочется доказать, что они принадлежатъ высшему обществу (High life...), что имъ известны его законы; не лучше-ли было-бы имъ постараться по своему тону и личному поведенію прѣдънадлежать къ хорошему обществу (bonne société) ¹⁾.

— Дальше идутъ еще черновые наброски, отдѣльныя фразы. Тутъ-же нѣсколько черновыхъ стиховъ:

Сквозь тѣсный рядъ аристократовъ,
Военныхъ, франтовъ, дипломатовъ...

и еще нѣсколько неразборчивыхъ строкъ.

17. Опять отдѣльныя фразы, служащія дополненіемъ къ разнымъ критическимъ замѣткамъ.—Два мѣста принадлежатъ къ „Разговору“, находящемуся въ слѣдующей тетради [В] этого-же №, къ листу 29^а и 69^а,—какъ тамъ на 29^а и обозначено ссылкой — № 100,—№ 100 стоитъ и на этой [17^а] страницѣ.

18. [Замѣтка]: „Стихъ два вѣка“ и т. д. по тексту примѣчанія. V. 126.

18. Замѣтки: 1) У насъ многіе. 2) иностранныя собственныя имена, кончающіяся на с, и, о, у...—3) какъ надобно писать: турковъ...—V. 136.

— Съ боку Пушкинъ выписалъ изъ своихъ сочиненій мѣста, неправильныя по языку:

1) остановился взоръ на отдаленныя громады.

2) на темѣ горъ (темени) ¹⁾.

3) воилъ, ви. вылъ.

4) былъ отказанъ, вмѣсто ему отказали.

5) Игумену, вмѣсто игумну.

67. Замѣтки: 1) многіе пишутъ юпка... 2) Двенадцать. 3) Пишутъ тѣлега. 4) Разговорный языкъ. 5) Московскій выговоръ—V. 136 и 137.

[Еще]: Шпіоны подобны буквѣ з: нужны они только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, но и тутъ можно безъ нихъ обойтись, а они привыкли всюду соваться.

67. Г. Федоровъ въ журналѣ—V. 126.—Шестой пѣсни [Онѣгина] не разбирали—V. 127.

19. Сей г-нъ Ап. не имѣлъ... и т. д., до словъ—Посланіе къ Ю.—[V. 121]; [на этомъ замѣтка объ г. Ап. и кончается: все что напечатано дальше нисколько къ этому не вяжется, представляетъ часть другой замѣтки, начало которой зачеркнуто].

(Перечитывая самыя бранивыя критики, я найду ихъ столь забавными, что не понимаю, какъ я могъ на нихъ досадовать; кажется, еслибъ я хотѣлъ надъ ними посмѣяться, то ничего не могъ-бы лучшаго придумать, какъ только

¹⁾ Скобки Пушкина.

итъ перепечатать безо всякаго замѣчанія). Однакожь я видѣлъ, что самое глупое ругательство... и т. д. V. 121.

19. *Nabent sua fata libelli.* (Самое зрѣлое изъ всѣхъ моихъ стихотворныхъ повѣстей, то, въ которомъ почти все оригинально [а мы изъ этого только и бьемся, хотъ это не главное] ¹⁾), Полтава, (которую Жуковский, Глѣдичъ, Дельвигъ, Вяземскій предпочитаютъ всему, что я до сихъ поръ написалъ, Полтава) не имѣла успѣха—и т. д.

— V. 132—со многими отличіями и вариантами въ отдѣльныхъ словахъ; подъ конецъ: никогда не пожертвую искренностію и точностію выраженія провинціальной чопорности и боязни казаться престопаздными славянофиломъ или тому под....

— На этомъ замѣтка обрывается.

20.—65. Графъ Нулинъ надѣлалъ мнѣ большаго хлопотъ. Нашли еѳо (съ позволенія сказать) ¹⁾ папабнымъ, разумѣется въ журналахъ, и т. д.—V. 123—124—до... возраженія горничной: *Vous êtes etc.*

(Выписать до: *Que toute votre peau ne me tenterais pas*) ¹⁾.

Въ „Вѣстникѣ Европы“ съ негодованіемъ, и т. д.—V. 123.

Въ свѣтѣ графъ Нулинъ принятъ былъ благосклоннѣе, чѣмъ въ журналахъ. — — — — — ²⁾

Безнравственное сочиненіе есть то, всего цѣлю—и т. д.—V.—124—5.—до: превращая ея божественный нектаръ въ педагогическій составъ, а лузу въ отвратительную (колдунью). Но—

Кстати: началъ я писать—V. 120.

21. [карандашъ]. Руслана и Людмилу ³⁾ вообще приняли благосклонно—V. 121—22.

21. Кавказскій Плѣнникъ,—первый неудачный опытъ—V. 122.

Бахчисарайскій фонтанъ слабѣе—V. 122.

Не помню, кто—V. 122.

64. Наши критики—V. 125.—Нѣкоторыя стихотворческія вольности—V. 127.—Пропущенныя строфы—V. 128.

¹⁾ Скобки Пушкина.

²⁾ Тамъ въ подлинникѣ.

³⁾ Было: первое замѣченное стихотвореніе мое было: Руслана и Людмила..

22. Критику VII пѣсни—V. 128 и т. д.—до: ииѣ было не до нихъ.

NB. Эту критику Сѣверной Пчелы напрасно приписывали Булгарину: 1) стихи въ ней слишкомъ хороши; 2) проза слишкомъ слаба; 3) г. Булгаринъ не сказалъ-бы, что описаніе Москвы ¹⁾ взято изъ Ив. Выжигина ²⁾, ибо г. Булгаринъ не сказываетъ, что трагедія Б. Годуновъ взята изъ его романа.

—[Съ боку приписано и зачеркнуто]: неправильное выраженіе Архивны юноши принадлежить не ииѣ, а пріятелю моему С—у [Соболевскому].

22. (Дѣтскія) шутки нашихъ критиковъ—V. 131.

63. Молодой Кирѣевскій—V. 131—2. Подъ конецъ... стараясь насмѣшить свою публику. Положимъ, все та-же шутка каждый разъ ииѣ и удастся. Но какая ииѣ отъ того прибыль?.. и ииѣнїямъ здоровой критики и безпристрастія.

63. Самъ съѣшь. Сииѣ выраженіемъ въ энергическомъ нарѣчїи нашего народа замѣняется болѣе учтвое, но столь-же затѣйливое выраженіе: обратите это на себя. То и другое употребляется нецеремонными людьми, которые пользуются удачно, безъ церемонїи шутками и колкостями своихъ-же противниковъ. Самъ съѣшь есть ииѣ главная пружина нашей журнальной полемики. Является колкое стихотвореніе, [въ коемъ] сказано, что Фѣбъ, усадивъ было такого-то, велѣлъ его послѣ вывести лакею, за дурной тонъ и заносчивость, нестерпимую въ хорошемъ обществѣ, и тотчасъ въ отвѣтъ явилась эпиграмма, гдѣ то-же самое пересказано немного похуже, съ надписью: самъ съѣшь.

Гг. чиновные журналисты вздумали было напасть на одного изъ своихъ собратіевъ за то, что онъ не дворянинъ. Другіе литераторы позволили себѣ посмѣяться надъ нетерпимостью дворянъ-журналистовъ, осмѣлялись спросить: кто сїи феодальные бароны, сїи незнакомые рыцари, гордо требующіе гербовъ и грамотъ отъ смиренной братья нашихъ? Что-же они въ отвѣтъ? Помолчавъ немного, гг. чиновные журналисты съ жаромъ возразили... ³⁾.

Поэтъ вздумалъ описать любопытное собраніе букашекъ. — Самъ ты букашка, закричали бойко журналы, и стихи твои букашки, и друзья твои букашки. Самъ съѣшь ⁴⁾.

23—неписанный листъ.

24 и 61—нѣтъ, т. е. листъ вырванъ.

25, 26, 59, 60, 62.—Родословная Пушкиныхъ и Гаянibalовъ, не съ

¹⁾ Приведены и зачеркнуты стихи въ такомъ видѣ:

Архивны юноши на Таню
Толпою чопорной глядятъ.

²⁾ Послѣ этого зачеркнуто: весь отрывокъ этотъ былъ запечатанъ въ Сѣверной Пчелѣ года [за] два прежде появленія Выжигина

³⁾ Такъ обрывается и въ подлинникѣ. Дальнѣйшее приписано съ боку.

⁴⁾ См. слѣдующую тетрадь [В] въ этомъ-же №, л. 30.

самаго начала [см. 50,]: Мы ведемъ свой родъ — V, 153. — Дополненіи: стр. 154,— ..въ 1762 году, во время возмущенія остался вѣренъ Петру III. Онъ былъ посаженъ въ крѣпость...—Стр. 158,— ...труднымъ для ея нѣмецкаго произношенія. Шорнъ шортъ, говорила она, делать и нѣ шорна ре-пять и даетъ имъ шертовскъ имя. Дѣдъ мой...—Есть еще болѣе некія отличія отъ подлинника.

27—неписанный листъ.

28, 29, 56, 57, 58 — неполный, собственноручный переводъ нѣмецкой біографіи А. П. Ганнибала, нѣмецкій подлинникъ которой—401—45.

30—неписанный листъ.

31, 54 и 55. Забѣтки, предназначавшіяся, по мнѣнію г. Анненкова, для предполагавшейся газеты. Забѣтки идутъ въ рукописи не въ томъ порядкѣ какъ напечатано, и есть отличія отъ печатнаго текста. Въ рукописи порядокъ такой:

1) 26 іюля. Вчера... [V, 180]. 2) Покажѣть полагали... [181]. 3) 29. Третьяго дня Государыня [182]. 4) Сент. 4. Суворовъ—[183]. 5) На дваъ скончался въ Петербургѣ Фонъ-Фокъ... человекъ твердый, честный и добрый. Смерть его есть бѣдствіе общественное. Государь... [182]. 6) Мнѣніе Жюмни—[183]. 7) Сколько въ Суворовскомъ полку—[183].

32.—Самый конецъ Дубровскаго [см. 2380]: Послѣднія происшествія... скрылся за границу.—IV, 214.—Помѣта: 6 февраля. См. № 2380.

33—маленькая оборванная четвертинка, по формату и по клею бумаги и по времени принадлежать къ № 2366, изъ котораго очень много вырвано, но мѣсто ея тамъ опредѣлить нельзя.

На 33: находится отрывокъ изъ Кишиневскаго дневника—V, 5 и 6. Въ отличія отъ печатнаго текста, укажу главную; въ послѣдней забѣткѣ французская фраза принадлежитъ Пестелю: *Mon coeur est materialiste*, говорить онъ, *mais ma raison s'y refuse*.

За послѣдней забѣткой слѣдуетъ:

Получилъ письмо отъ Чедаева. Другъ мой, упреки твои жестоки и несправедливы; никогда я тебя не забуду. Твоя дружба и нѣ замѣнила счастье,—одного тебя можетъ любить холодная душа моя. — Жалѣю, что не получилъ онъ моихъ писемъ, они...

33. Съ боку, вдоль всего листка написаны четыре плохо разобранныя строчки по французски, кончающіяся на 33, внизу тоже четырема строками.

Vous êtes mon digne maitre brave, mordant, méchant, cela n'est point assez il faut être féroce, tyrant,; c'est où je vous prie de me conduire. — Les hommes ne valent pas qu'on les'е.... par ces étincelles de genie et de sentiment par les quelles je me..... de les..... J. a. P. c'est par berquovetz qu'il faut les estimer. Il faut se rendre aussi egoiste et aussi, qu'il le sont en général pour en venir à bout.

C'est alors seulement, que l'on peut l'enseigner la place qu'il convient à chacun a'occuper.

Est ce bien cela, mon très aimabl compatriote ou bien aussi torts.*.

34. Также откуда-то вырванъ, въ листъ желтой бумаги.

Остатки записокъ, начинающіеся съ оборванной фразы:

... [запечат]лѣны печатью вольномыслія. Болѣзнь остановлена на время...
—V, 37—... на одно предисловіе.

51¹ и 51. [Тоже полъ листа, одинаковые съ 34].

У насъ никто не въ состояніи изслѣдовать [V, 38] молодые якобинцы негодовали: нѣсколько отдѣльныхъ размышленій въ пользу самодержавія, краснорѣчиво опровергнутыя вѣрными разсказомъ событій, казались имъ верховъ варварства и униженія.—Они забывали, что Карамзинъ ¹⁾ печаталъ исторію свою..... подвигъ честнаго человѣка.

Нѣкоторые изъ людей свѣтскихъ Ник. Муравьевъ Мих. Орловъ въ письмѣ къ Вяз[емскому]... Имѣ приписали одну изъ лучшихъ русскихъ эпиграммъ; это не лучшая черта моей жизни.

52—большая четверка, приклеенная къ 53 л.

52.—Руссо сказалъ: il n'y a de beau que ce qui n'est pas. Это не значитъ: только то прекрасно, что не существуетъ. Прекрасное существуетъ, но его нѣтъ, ибо оно является намъ единственно для того, чтобы исчезнуть, чтобы намъ сказаться, чтобы намъ оживить, обновить душу, но его не удержать, ни разглядѣть, ни постигнуть мы не можемъ. Оно не имѣетъ ни имени, ни образа; оно посѣщаетъ насъ въ лучшія минуты житія. Величественное зрѣлище природы, еще болѣе величественное зрѣлище души человѣческой, поэзія, счастье, несчастье даютъ намъ сія высокія ощущенія прекраснаго и, весьма понятно, почему почти всегда соединяется съ ними грусть... но грусть не приводящая въ уныніе, а животворная, сладкая, какое-то смутное стремленіе... Это происходитъ отъ его скоротечности, отъ его невыразимости, отъ его непостижимости... Прекрасно только то, чего нѣтъ. Въ эти минуты живаго чувства стремишься не въ тому, чѣмъ оно произведено и что передъ тобою, но къ чему-то лучшему, тайному, далекому, чтó съ нимъ соединяется и чтó для тебя гдѣ-то существуетъ. И это стремленіе есть одно изъ невыразимыхъ доказательствъ безсмертія души: иначе, отъ чего-бы въ минуту наслажденія не имѣть полноты и ясности наслажденія? Нѣтъ, эта грусть убѣдительно говорить намъ, что прекрасное здѣсь не дома, что оно только мимо пролетающій благовѣститель лучшаго... Оно есть воспитательная тоска по отчизнѣ, оно

¹⁾ Вставленное въ печатномъ въ скобкахъ: который впрочемъ и пр.,—въ подлинникѣ не находится. Въ копін, снятой для посмертнаго изданія, эти слова вставлены на поляхъ рукою Жуковского. См. № 2395, л. 44а. В. Я.

дѣйствуетъ на нашу душу не настоящимъ, а темнымъ, въ одно мгновеніе соединеннымъ воспоминаніемъ всего прекраснаго въ прошедшемъ и тайнымъ ожиданіемъ чего-то въ будущемъ.

А когда насъ покидаетъ
[Вздохъ] любви, у насъ въ виду
Въ нашемъ небѣ зажигаетъ
Онъ прозрачную звѣзду...

35. [тоже вылеенные полъ листа желтой бумаги, другого формата, тѣмъ 34].
Замѣтка о „Борисѣ Годуновѣ“:

(Не стану оправдывать правила, коими я руководствовался въ составленіи сей трагедіи): духъ вѣка требуетъ галкикихъ переменъ и на сценѣ драматической; можетъ быть и онѣ (обмануть) надежды преобразователей. Поэтъ, живущій на высотахъ созданія, яснѣе видитъ, можетъ быть, и недостатки [превѣрдивыхъ?] требованій, и то, что скрывается отъ взоровъ волнующей толпы; но напрасно было-бы ему бороться... Такимъ образомъ Lopes de Vega Расинъ уступали потоку. Но гений, какое направленіе не избереть, остается всегда гений: судъ потомства отдѣлать золото ему принадлежащее отъ прирѣсь.

35.—неписанная страница.

50. Начало Родословной Пушкиныхъ и Ганнибаловъ [см. 25.]: нѣсколько разъ принимался я за ежедневныя записки и всегда отступался изъ лѣности. Въ 1821 году началъ я мою біографію, и нѣсколько лѣтъ сряду занимался ею. Въ концѣ 1825, при открытіи несчастнаго заговора, я принужденъ былъ сжечь (свои тетради, которыя могли замѣшать имена многихъ, а можетъ быть и умножить число жертвъ). Не могу не сожалѣть о ихъ потерѣ... — V. 153.—до: нѣсколько словъ о моемъ происхожденіи.

50.—неписанная страница.

36 и 49—неписанные листы.

37—[синій листъ]—біографія А. Ганнибала, писанная собственнымъ его сыномъ; некончена.

48—неписанный листъ.

38—копія съ рескрипта Екатерины II А. Ганнибалу 1765.

47—неписанный листъ.

39 и 46. Прошеніе А. Ганнибала Елизаветѣ Петровнѣ — 1742, и резолюція 1781.

40—45. Нѣмецкая біографія А. П. Ганнибала, писанная мелкимъ готическимъ шрифтомъ. Неполный переводъ ея см. 28. .

На 43,—пятка припечатана жандармскою печатью.

В. Вторая тетрадь, въ листъ. Всѣхъ листовъ за вычетомъ неписанныхъ — 12, 20, 56, 77, 86 и 94,—88. На оберткѣ надпись: № 5. Разныя прозаическія отрывки.—,94 листа. Дубельтъ“.

1—8 и 87—93 [94 и 86 написанные листы].

Александръ Радищевъ.

Il ne faut qu'un honnête homme mérite
d'être perdu.

Слова Карамзина въ 1819 году.

[Четко написанная черновая на перегнутыхъ пополамъ листахъ съ поправками и измѣненіями; см. № 2385, Б.—Есть отличія отъ печатнаго текста. Приведу главнѣйшія—V. 344].

Стр. 344. Вмѣсто фразы: Ученіе пошло имъ не въ прокъ,—первоначально было: (Ученіе принесло имъ мало пользы. Они не взяли на себя труда выучиться порядочно латинскому и нѣмецкому языку, дабы по крайней мѣрѣ быть въ состояніи понимать своихъ профессоровъ. Они проказничали и вольнодумствовали).

Стр. 345: Гирменъ странствующій агентъ,—должно быть—Гримъ.

Стр. 346, прижѣчаніе: А. М. Кутузова, которому Радищевъ и посылаетъ должно быть: посвятилъ.

Стр. 352:... вотъ что мы видимъ въ Радищевѣ. Отъишите у него честность, въ остаткѣ будетъ Полевой ¹⁾). Вліяніе его было ничтожно и т. д.—353, до конца. Помѣта: 3 апр. 1836. Спб.

11.—выписки изъ Храповицкаго—V. 354.

12—15, 82—85, ²⁾—„Рославлевъ“. Съ начала и до: вмѣстѣ вѣать въ ихъ —скую деревню—IV. 127—135. Есть мелкія отличія. Приведу одно дополненіе,—мѣсто, выпущенное Пушкинымъ для печати, вѣроятно, изъ цензурныхъ видовъ [въ рукописи оно не зачеркнуто].

Стр. 132.—Всѣ говорили о близкой войнѣ и, сколько помню, довольно легкомысленно. Подражаніе французскому тону временъ Людовика XV было въ модѣ. Любовь къ отечеству казалась педантствомъ. Тогдашніе умники превозносили Наполеона съ фанатическихъ подобострастіемъ и шутили надъ нашими неудачами. Къ несчастію вступники отечества были немного простоваты,—они были осмѣяны довольно забавно, и не имѣли никакого вліянія. Ихъ патриотизмъ ограничивался жестокимъ порицаніемъ употребленія французскаго языка въ обществѣ, введенія иностранныхъ словъ, грозными выходками противъ Кузнецкаго моста, и тому подоб. Молодые люди говорили обо всемъ русскомъ съ презрѣніемъ или равнодушіемъ и, шутя, предсказывали Россіи участь Рейнской конфедераціи. Словомъ общество было довольно гадко.

Вдругъ извѣстіе и т. д.

16, 17, 19, 79, 78, —[Начало романа—IV. 454—458]. На 16,—за-

¹⁾ См. V. 493.

²⁾ 85.—неписанная страница.

главномъ—Глава I.—Есть мелкія отличія отъ печатнаго; подъ конецъ сдѣланъ цензурный пропускъ: [стр. 458]... поклялся быть вѣчно вѣрнымъ дружбѣ и человѣчеству, и никогда не принимать должности цензора.

78, и 20.—неписанныя страницы.

21, 21, и 76. Забѣтка о повѣстяхъ Павлова—„Три повѣсти г. Павлова очень замѣчательны и имѣли успѣхъ вполнѣ заслуженный. Онѣ рассказаны съ большимъ искусствомъ, слогомъ, въ которому не приучили насъ записные наши романисты. Повѣсть Именины, не смотря на свою занимательность представляетъ нѣкоторыя несообразности. Идеализированное лакейство имѣть въ себѣ что-то неестественное, неприятное для здраваго вкуса. Можетъ быть это-же самое происшествіе представляло въ разительной простотѣ своей сильнѣйшія краски и положенія болѣе драматическія, но требовало и кисти болѣе сильной и болѣе глубины въ знаніи человѣческаго сердца.—Аукціонъ есть очень милая шутка, легкая картинка, въ которой оригинально вѣщены три или 4 липа. А я на аукціонъ, а я съ аукціона,—черта истинно комическая.

Объ Ятаганѣ скажемъ то-же, что и объ Именинахъ. Занимательность этой повѣсти не извиняетъ несообразности. Развязка несбыточна или, по крайней мѣрѣ, есть анахронизмъ. За то всѣ лица живы, и дѣйствуютъ и говорятъ каждый, какъ ему свойственно и говорить и дѣйствовать. Въ слогѣ г. Павлова, чистомъ и свободномъ, изрѣдка отзывается манерность въ описаніяхъ, близорукая мелочность нинѣшнихъ французскихъ романистовъ. Г. Павлова такъ расхвалили въ Московскомъ Наблюдателѣ, что мы въ сихъ строкахъ хотѣли ограничить наши замѣчанія одними порицаніями, но въ заключеніе должны сказать, что г. Павловъ первый у насъ написалъ истинно-занимательные рассказы. Книга его принадлежитъ къ числу тѣхъ, отъ которыхъ, по выраженію одной дамы, забываешь даже обѣдать.

Талантъ г. Павлова выше его произведеній. Въ доказательство привожу одно мѣсто, гдѣ чувство истины увлекло автора даже противу его воли. Въ Именинахъ, не смотря на то, что выслужившійся офицеръ видимо герой и любимецъ его воображенія, авторъ далъ ему черты, обнаруживающія холон: (выписки) ').

22, и 22, [вклеенный клочекъ]. Историческія замѣтки:

... *Attentat de Теодоръ.—Lacheté de la haute noblesse* и т. д., какъ [не совсѣмъ точно] напечатано въ Р. Архивѣ 1881. III. [V. 87].

23 и 75. Отрывокъ: въ 179** возвращался я въ Лифляндію. Все до конца—IV. 438—439; мною замѣчено нѣсколько неточностей печатнаго текста. Привожу одинъ пропускъ: [стр. 439]... что обѣ такія добрыя и проч. Въ 179**

') Скобки Пушкина. Выписки не сдѣлано.

мнѣ было ровно 23 года и мысль о молодой барышнѣ была достаточна, чтобы возбудить живое любопытство.

—На 23, сверху записано:

„Изъ [ошибку] дано 10 полушперіаловъ, оставалось 35 р.“.

24, 25, 73 и 74. (Отрывокъ) ¹⁾. Не смотря на великія преимущества. Печатный текстъ не исправенъ.

Приведу главнѣйшіе примѣры.

Стр. 475:.... послѣ частицы не, и еще кой какіихъ такъ называемыхъ стихотворныхъ вольностей, мы никакіихъ...—475, подъ самый конецъ: „вѣрно, изволите сочинять“. (Немнѣю чести быть въ числѣ гг. стихотворцевъ, но чувствую, что они должны быть настоящіе мученики, не смотря на великія свои преимущества). Влюбится-ли онъ...

Стр. 477:.... или возьметъ за себя княжну Рюриковой крови... На. 73з замѣчено:

Сей отрывокъ составлялъ, вѣроятно, предисловіе къ повѣсти не написанной или потерянной. Мы не хотѣли его уничтожить...

26 октября.

26, и 78. — Черновое письмо къ Д. В. Давыдову — VII. 376.

26, и 72. — неписанныя страницы.

27 и 71. — Предисловіе къ Путешествію въ Арзрумъ, въ полномъ видѣ, нѣсколько отличающагося отъ № 2363, л. 1.

На 71. рисунокъ: горы и лошадь.

28, 29, 70 и 69. Разговоръ между А. и Б. Напечатанъ впервые г. Анненковымъ въ „Вѣстникѣ Европы“ 1880 года, но въ совершенно искаженномъ видѣ, — непонятно, по какимъ причинамъ [V. 103]. Такъ какъ меньше чѣмъ на три страницы печатнаго текста пришлось бы сдѣлать двѣнадцать вставокъ, иногда очень значительныхъ, такъ какъ подъ конецъ г. Анненковъ даже спуталъ разговаривающихъ, то является необходимымъ привести этотъ набросокъ въ подлинномъ видѣ.

А.—Читалъ ты замѣчаніе въ „Литературной газетѣ“, гдѣ сраиваютъ нашихъ журналистовъ съ демократическими писателями XVIII столѣтія?

Б.—Читалъ.

А.—Какъ же ты его находишь?

Б.—Довольно неумѣстнымъ.

А.—Конечно, никакъ нельзя и думать. Какъ нестыдно литераторамъ обижать такимъ образомъ свою братію!...

Б.—Согласенъ.

А.—Русскіе журналисты не заслуживали такого унижительнаго сравненія.

Б.—А! такъ извини: я съ тобою не согласенъ.

¹⁾ Свобки Пушкинца.

А.—Какъ такъ?

Б.—Я было тебя не понялъ. Мнѣ показалось, что ты находишь обиженными демократическiхъ писателей XVIII столѣтiя, которыхъ (какъ очень хорошо сказано въ „Газетѣ“) ¹⁾, съ нашими никакимъ образомъ сравнивать нельзя,—а между тѣмъ сравниваютъ.

А.—Да помилуй, эти французскiе писатели такіе люди, что Боже унаси! посмотри, какъ негодуютъ наши журналисты отъ одной мысли быть имъ угодобленными, этигъ господамъ.

Б.—Да кто же эти французскiе писатели, о коихъ упомянуто въ Литературной Газетѣ?

А.—А я почему знаю.

Б.—Такъ я же тебѣ ихъ назову. Добродѣтельный Томасъ, простодушный Дюкло, твердый Шамфоръ и другіе столь же умные, какъ и честные люди, не безприкѣрные гении, но литераторы съ отличными талантомъ.

А.—Зачѣмъ же обруганы они въ Литературной Газетѣ?

Б.—То-то я и говорю.

А.—Какъ можно печатать такую клевету? Умные и честные литераторы станутъ кричать: повѣснѣ мы, повѣснѣ! и—аристократовъ въ фонарю!

Б.—Извини, братъ. Опять было тебя не понялъ. Этого въ Газетѣ не сказано.

А.—Какъ не сказано? постои она [при] ихъ (вынимаетъ изъ кармана Газету) ²⁾. А, ты правъ, ты правъ. Сказано только, что эниграммы ихъ приуготовили крики etc.—Такъ неужто въ самомъ дѣлѣ эниграммы приуготовили французскую революцію.

Б.—О французской революціи Литературная Газета молчитъ, и хорошо дѣлаетъ.

А.—Пожилуй, да посмотри: *les aristocrates à la lanterne*, повѣснѣ, *ça ira* и т. д.

Б.—И ты видишь тутъ французскую революцію?

А.—А ты что тутъ видишь, если смѣю просить?

Б.—Крики бѣшеной черни.

А.—А что значили эти крики?

Б.—Что тогдашняя чернь остервенилась противу дворянства и вообще противу всего, что не было чернь.

А.—Вотъ я тебя поймалъ: и отчего чернь остервенилась именно на дворянство?

Б.—Потому что съ нѣкоторыхъ поръ дворянство было ему представлено сословіемъ презрѣннымъ и ненавистнымъ.

¹⁾ Скобки Пушкинна.

²⁾ Тоже.

А.—Слѣдственно я и правъ. Въ крикъ: les aristocrates à la lanterne— вся революція.

Б.—Ты не правъ. Въ крикъ les aristocrates à la lanterne— одинъ жалкій эпизодъ французской революціи,—гадкая фарса въ огромной драмѣ.

[А.—И честные и добрые писатели были тому причиною! Но если и въ самомъ дѣлѣ, то, ужь конечно, неумышленно!

Б.—Вѣроятно.]

А.—Аргороз, какого ты мнѣнія о Полиньякѣ?

Б.—Милый мой, ты знаешь, что о политикѣ я съ тобою никогда не говорю.

(А.—И такъ revenons à nos moutons, обратися къ литераторамъ. Неужто въ самомъ дѣлѣ эпиграммы французскихъ писателей приутоновили крики— les aristocrates à la lanterne?

Б.—Таково по крайней мѣрѣ мнѣніе Литературной Газеты.

А.—А твое мнѣніе? Нельзя узнать?

Б.—Экой лукавый! заманиваетъ опять меня въ политику: не узнаешь.

А.—И ты мнѣ не будешь отвѣчать?

Б.—Нѣтъ).

А.—Ну такъ обратися къ нашимъ литераторамъ. Читаль-ли ты, какъ отдѣлала Пчела всю Литературную Газету, издателя и сотрудниковъ за это замѣчаніе?

Б.—Нѣтъ еще.

А.—Такъ прочти же (даетъ ему журналъ) ¹⁾.

Б.—Что значуть эти точки?

А.—Ахъ, я спрашивалъ: тутъ были ругательства ужасныя, да цензоръ не пропустилъ.

Б.—(Отдавая журналъ) ²⁾.—Жаль, въ этихъ ругательствахъ, можетъ быть, былъ смыслъ, а въ строкахъ печатныхъ нѣтъ.

А.—Вотъ тебѣ еще что-то. (Даетъ другой журналъ) ³⁾.

Б.—(Прочитавъ) ⁴⁾.—Тутъ и ругательства есть, а смысла все-таки не болѣе.

А.—Такъ ты, видно, стоишь за Литературную Газету. Давно-ль ты сдѣлался аристократомъ?

Б.—Какъ аристократомъ? Что такое аристократъ?

А.—Что такое аристократъ? О, да ты журналовъ не читаешь. Вотъ видишь-ли: издатель „Литературной Газеты“ и сотрудники его, и читатели его— всѣ аристократы (разумѣется въ проническомъ смыслѣ) ⁵⁾.

Б.—Воля твоя, а смысла тутъ никакого не вижу. Будуци самъ литера-

¹⁾ Слобди Пушкина.

²⁾ Тоже.

³⁾ Тоже.

⁴⁾ Тоже.

⁵⁾ Тоже.

торь, я читаю „Литературную Газету“, ибо мнѣ любопытно знать ея мнѣнія; мнѣ досадно видѣть въ ней иногда личности и колкости, отвѣты, возраженія, мелочную войну, которую не худо предоставить литературнымъ балшвирцамъ; но никогда не видалъ я въ „Литературной Газетѣ“ ни дворянской слѣски, ни гоненія на другія сословія. Дворяне-ли баронъ Дельвицъ, князь Вяземскій, Пушкинъ, Баратынскій и пр.,—мнѣ до этого и дѣла нѣтъ ¹⁾. Они объ этомъ не толкуютъ. Заступаясь за грамотное купечество въ лицѣ г. Полеваго, они сдѣлали хорошо; заступаясь нынѣ за просвѣщенное дворянство, они сдѣлали еще лучше.

А.—Это замѣчаніе могло повредить невиннымъ.

Б.—Что—ты, шутишь или ты самъ невинный? Кто же сіи невинные?

А.—Какъ кто, издатели Сѣверной Пчелы.

Б.—Такъ успокойся же. Образъ мнѣній почтенныхъ издателей Сѣверной Пчелы слишкомъ хорошо извѣстенъ, и Литературная Газета повредить имъ не можетъ, а г. Полевой въ ихъ компаніи, подъ ихъ покровительствомъ можетъ быть безопасенъ] ²⁾.

А.—Что значить: *avis au lecteur*? Къ кому это относится?... Ты скажешь къ журналистамъ, а я такъ думаю: не къ цензурѣ-ли?

Б.—Да хоть бы и къ цензурѣ—что за бѣда? Уже если существуетъ у насъ цензура, то не худо оградить и сословія, какъ ограждены частныя лица, отъ явныхъ нападеній злонамѣренности. Позволяется и нужно нападать на пороки и слабости каждаго сословія, но смѣяться надъ сословіемъ потому только, что оно такое-то сословіе, а не другое,—нехорошо и не позволительно. И на кого журналисты наши нападаютъ? Вѣдь не на новое дворянство, получившее свое начало при императорѣ Петрѣ I и [императрицахъ] и по большей части составляющее нашу знать, истинную, богатую, могущественную аристократію. *Pas si bête!* Наши журналисты передъ этимъ дворянствомъ вѣжливы до крайности; они нападаютъ именно на старинное дворянство, кое нынѣ, по причинѣ раздробленныхъ мнѣній, составляетъ у насъ родъ средняго состоянія, состоянія почтеннаго, трудолюбиваго и просвѣщеннаго; состоянія, коему принадлежитъ и большая часть нашихъ литераторовъ. Издѣваться надъ нимъ (и еще въ официальной газетѣ) нехорошо и даже неблагоразумно: (положимъ, что эпиграммы демократическихъ французскихъ писателей приготовили крикъ *les aristocrates à la lanterne*. У насъ таковыя же эпиграммы, хоть и не отличаются остроуміемъ, могутъ имѣть послѣдствія еще пагубнѣйшія)... Поду-

¹⁾ Сначала было: (баронъ Дельвицъ по своему титулу, кажется дворянинъ, князь Вяземскій также,—если Пушкинъ происходитъ отъ тѣхъ Пушкиныхъ, коимъ имя встрѣчается на каждой страницѣ русской исторіи, то и онъ—старинный дворянинъ, но мнѣ до этого и дѣла нѣтъ).

²⁾ Поставленное въ скобкахъ [] перенесено сюда [29:] съ листа 69: и изъ первой тетради этого № [А], л. 17з. В. Я.

най о томъ, что значить у насъ сіе дворянство вообще и въ какомъ отношеніи находится оно къ народу...

А.—Кажется ты правъ. [Но почему же въ некоторые журналы вступились съ такою братскою... и рѣвостію за Сѣверную Пчелу?

Б.—Потому что свой своему по неволѣ братъ] ¹⁾.

А.—Отчего же замѣчаніе газеты показалось сначала столь предосудительнымъ даже людямъ, самымъ благомыслящимъ и благороднымъ.

Б.—Потому что политическіе вопросы никогда не бывали у насъ разбираемы. Журналы наши, неварочно наступивъ на одинъ изъ таковыхъ вопросовъ, сами испугались движенія или произведеннаго. Нѣтъ пренія безъ двухъ противныхъ сторонъ; ты политикой занимаешься и это тебѣ понятно, не правда-ли?—Демократическіе наши журналы, нападъ на дворянство...

А.—Опять демократическіе журналы! Какой ты неблагонамѣренный.

Б.—Какъ же ты прикажешь назвать журналы, объявившіе себя противу аристократіи? Въ прямомъ или переносномъ смыслѣ, все-таки они демократическіе журналы. И такъ эти журналы, нападая на дворянство, должны были найти отпоръ и нашли его въ Газетѣ Литературной. Все это естественно, даже утѣшительно, но, повторяю, вопросы политическіе для насъ еще новость...

А.—Знаешь-ли что? Мнѣ хочется разговоръ нашъ передать издателю „Литературной Газеты“, чтобъ онъ напечаталъ его себѣ въ оправданіе.

Б.—И хорошо сдѣлаешь. Есть обвиненія, которыя не должны быть оставлены безъ вниманія, отъ кого бы они впрочемъ не происходили ²⁾.

30. [Отрывокъ изъ статьи „Самъ съѣшь“, см. первой тетради этого же №, л. 63]... что въ литературѣ дворянства нѣтъ, что чваниться своимъ дворянствомъ передъ своею братьею (особенно ищущимъ во дворянствѣ) укорительно смѣшно, что и настоящему дворянину 600-лѣтнія его грамоты не помогутъ въ плохой прозѣ или посредственныхъ стихахъ. Ужасное самъ съѣшь! Къ несчастію въ Литературной Газетѣ отыскали, кто были аристократическіе литераторы, открывшіе гоненіе на не дворянство. А публика-то что? Публика, какъ судія безпристрастный и благоразумный, всегда соглашается съ тѣмъ, кто послѣдній жалуется ей. Напримѣръ, въ сію минуту она покажѣтъ согласна съ нашимъ мнѣніемъ: т. е., что самъ съѣшь вообще показываетъ или мало остроумія или большую надѣянность ³⁾ на безпамятство читателей, и это флилярство и недобросовѣстность унижаютъ почтенное званіе литераторовъ, какъ сказано въ китайскомъ анекдотѣ № 1.

30*. Отчего издателя Литературной Газеты и его сотрудниковъ называютъ

¹⁾ Поставленное въ скобкахъ [] перенесено сюда изъ первой тетради этого же №, съ листа 17.

²⁾ На этомъ разговоръ кончается; то, что напечатано было г. Анненковымъ дальше, принадлежитъ къ среднѣмъ, гдѣ нами и помѣщено.

³⁾ Было: большую (само)надѣянность.

аристократами (разумѣется въ ироническомъ смыслѣ, пишутъ остроумно журналы) ¹⁾? Въ чемъ-же состоятъ ихъ аристократія? Въ томъ-ли, что они дворяне?—Нѣтъ: всѣ журналы побожались уже, что надъ званіемъ никто не ищетъ и намѣренія смѣяться. Стало-быть въ дворянской снѣси?—Нѣтъ: въ Литературной Газетѣ доказано, что главные сотрудники оной одни и вооружались противу сего смѣшнаго чванства, и заставили чиновныхъ литераторовъ уважать собратіевъ мѣщанъ. Можетъ быть въ притязаніи на тонъ высшаго общества?—Нѣтъ; они стараются сохранить тонъ хорошаго общества, проповѣдаютъ сей тонъ и другимъ собратіямъ, но проповѣдаютъ въ пустынѣ. Не они поминутно находятъ одно выраженіе бурлацкимъ, другое — мужицкимъ, третье — неприличнымъ для дамскихъ ушей, и т. п.; не они гнушаются просторѣчіемъ и замѣняютъ его простомыслиемъ ; не они провозгласили себя опекунами высшаго общества, не они вѣчно пишутъ приторныя статейки, гдѣ стараются поддѣлаться подъ свѣтскій тонъ также удачно, какъ горничныя и камердинеры пересказываютъ разговоры своихъ господъ.

68. Не они *comme un homme de noble race outrage et ne se bat pas*; не они находятъ 600-лѣтнее дворянство мѣщанствомъ; не они печатаютъ свои портреты съ гербами весьма сомнительными; [не они разбираютъ дворянскія грамоты и провозглашаютъ такого-то мѣщаниномъ, такого-то аристократомъ; не они толкуютъ вѣчно о будуарныхъ читательницахахъ, о паркетныхъ дамахъ] (?) ²⁾.—Отчего-же они аристократы (разумѣется въ ироническомъ смыслѣ ³⁾?

68. и 68. Забѣтка противъ Булгарина; часть ея [петочно] напечатана.—V, 159.

Въ одной газетѣ (почти официальной) ⁴⁾ сказано было, что прадедъ мой Абрамъ Петровичъ Ганнибалъ, крестникъ и воспитанникъ Петра Великаго, наперсникъ его (какъ видно изъ собственноручнаго письма Екатерины II) ⁵⁾, генералъ-аншефъ, отецъ Ганнибала, покорившаго Наваринъ (см. памятникъ, воздвигнутый въ Царскомъ Селѣ гр. Ф. Г. Орлову) ⁶⁾ и проч., былъ купленъ шкиперомъ за бутылку рому. Прадедъ мой, если былъ купленъ, то, вѣроятно, дешево, но достался онъ шкиперу, коего ния всякій русскій провозноситъ съ уваженіемъ и не всуе.—Простительно выродку не любить ни Русскія, ни Россія, ни исторія ея, ни славы ея; но непростительно было-бы намъ дозволить

¹⁾ Скобки Пушкина.

²⁾ (?)—Пушкина.

³⁾ Скобки Пушкина.

⁴⁾ Тоже.

⁵⁾ Скобки Пушкина; было еще: (прилагаемаго ниже). См. это письмо въ первой тетради этого-же №, на листѣ 38.

⁶⁾ Скобки Пушкина.

всякому (выходу клеветать), но не похвально ему за русскую ласку марать грязью священные страницы нашихъ лѣтописей, носить лучшихъ согражданъ и, не довольствуясь современниками, издѣваться надъ гробами праотцевъ.

Голкивъ говоритъ, что онъ [Ганнибалъ] былъ камердинеромъ у государя, но что Петръ замѣтилъ въ немъ дарованіе и проч. Голкивъ ошибся. У Петра I не было камердинеровъ; прислуживали ему денщики, между прочими Орловъ и Р., родоначальники историческихъ фамилій.

Возвратясь изъ подѣ Арзума, написалъ я посланіе къ князю **..... 1). Въ свѣтъ оно тотчасъ было замѣчено и..... 2) были мною недовольны... Свѣтскіе люди имѣютъ въ высокой степени этого рода чутъе. Одинъ журналистъ принялъ мое посланіе за лесть италіанскаго аббата,—а въ статейкѣ, замѣствованной у М..., заставилъ вельможу звать меня по четвергамъ обѣдать.—Такъ-то чувствуютъ они вещи и такъ-то описываютъ свѣтскіе нравы. Ср. въ первой тетради этого Ж, листъ 67.

31—34, 63—67. Черновые наброски о драмѣ вообще и о Марѣ Посадницѣ г. Погодина [V, 140—148], мѣстами въ видѣ программы, мѣстами въ болѣе отдѣланномъ видѣ; есть нѣкоторыя дополненія противъ печатнаго текста.

36. У насъ довольно трудно... и т. д.—V, 129, — согласно съ примѣчаніемъ на стр. 130.

36. 2 замѣч. Стихи очень хороши, но въ нихъ заключающаяся критика неосновательна. Самый ничтожный предметъ можетъ быть избранъ стихотворцемъ; критикѣ нѣтъ нужды разбирать, что стихотворецъ описываетъ, но какъ описываетъ.

Въ одномъ изъ нашихъ журналовъ—[продолженіе 36.]—V, 130.

62, и 62. Окончаніе той-же замѣтки. [Есть отличія отъ печатнаго]. Послѣ послѣднихъ словъ печатнаго текста идетъ еще:

Мысль, что шумливую народію можно принять за неуваженіе къ великой и священной памяти также удерживала меня. Но [Чл. Н.] стоитъ на такой высотѣ, что какинъ-бы тономъ о немъ ни говорили, мысль оскорбить его не могла во мнѣ родиться.

21 ноября

1830.

Болдино.

— Далѣе внизу страницы написано: Предисловіе къ Евгенію Овѣгину.—
Рисунокъ: мужское лицо.

1) Такъ въ подлинникѣ.

2) Тоже.

37 и 61. Старый гетманъ, предвидя неудачу.—V, 133. [Напечатанное передъ этимъ см. въ первой тетради этого-же №, к. 19.]. Есть великія отличія.

38, и 39, 61—59. Въ одной газетѣ, официальной, сказано было, что я вѣщанинъ во дворянствѣ. Справедливѣе было-бы сказать, дворянинъ во вѣщанствѣ. Родъ мой одинъ изъ самыхъ старинныхъ ¹⁾ дворянскихъ. Мы приходимъ отъ прусскаго выходца Ридши или Рачи, челоуѣка знатнаго (нужа честна, говоритъ лѣтописецъ) ²⁾, пріѣхавшаго въ Россію во время княженія св. Александра Ярославича Невскаго (см. Русскія Лѣтописи и Исторію Государства Россійскаго ³⁾). Отъ него произошли Пушкины, Мусины-Пушкины, Бобріщевы-Пушкины, Бутурлины, Матлевы, Поводовы и другіе. Карамзинъ упоминаетъ объ однихъ Мусинныхъ-Пушкиныхъ (изъ учтивости покойному гр. Алексію Ивановичу) ⁴⁾. Въ маломъ числѣ знатныхъ родовъ, уцѣлѣвшихъ отъ кровавыхъ опалъ царя Ивана Васильевича Грознаго, историографъ именуетъ и Пушкиныхъ.

Въ царствованіе Бориса Годунова Пушкины были гонимы и явнымъ образомъ обижаемы въ спорахъ мѣстничества. Г. Г. Пушкинъ, тотъ самый, который выведенъ въ моей трагедіи, принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ лицъ той эпохи, столь богатой историческими характерами. Другой Пушкинъ ⁵⁾, во время междуцарствія, начальствуя отдѣльнымъ войскомъ, одинъ съ Измайловымъ, по словамъ Карамзина, сдѣлалъ честно свое дѣло. Четверо Пушкиныхъ подписались подъ грамотою о избраніи Романовыхъ на царство, а одинъ изъ нихъ, окольникій Матвѣй Степановичъ подъ [соборнымъ дѣяніемъ] объ уничтоженіи мѣстничества (что мало дѣлаетъ чести его характеру) ⁶⁾. При Петрѣ они были въ оппозиціи, и одинъ изъ нихъ стольникъ Федоръ Алексѣевичъ [sic] былъ замѣшанъ въ заговорѣ Циклера и казненъ вмѣстѣ съ нимъ и съ Соковниннымъ. Прадѣдъ мой былъ женатъ на меньшей дочери адмирала графа Головина, первого въ Россіи Андреевскаго кавалера и пр. Онъ умеръ очень молодо и въ заточеніи, въ припадкѣ ревности или сумашествія зарѣзавъ свою жену, находившуюся въ родахъ. Единственный сынъ его, дѣдъ мой, Левъ Александровичъ, во время мятежа 1762 года остался вѣренъ Петру III и не хотѣлъ присягать Екатеринѣ, и былъ посаженъ въ крѣпость вмѣстѣ съ Измайловымъ (странна судьба [и] союзъ сихъ именъ) ⁷⁾, см. Рюлера и Кастора. Черезъ 2 года вынужденъ по приказанію Екатерины, и всегда пользовался ея уваженіемъ. Онъ уже никогда не вступалъ въ службу и жилъ въ Москвѣ и въ своихъ деревняхъ. [Вообще ния моихъ предковъ встрѣчается почти на каждой страницѣ нашей исторіи].

¹⁾ Сравни въ Родосл. Пуш. и Ганнибаловъ.—V, стр. 153.

²⁾ Скобки Пушкина.

³⁾ Тоже.

⁴⁾ Тоже.

⁵⁾ См. V, 153 и 154.

⁶⁾ Скобки Пушкина.

⁷⁾ Тоже.

(Нынѣ огромныя имѣнія Пушкиныхъ раздробились и пришли въ упадокъ; послѣднее родовое имѣніе скоро исчезнетъ; имя ихъ останется честнымъ, единственнымъ достояніемъ темныхъ потомковъ нѣвогда знатнаго боярскаго рода).

(Я русскій дворянинъ и я зналъ своихъ предковъ прежде чѣмъ узналъ Байрона). Если бытъ стариннымъ дворяниномъ, значить [подражать] англійскому поэту, то сіе подражаніе весьма невольное. Но что есть общаго между привязанностію лорда къ своимъ феодальнымъ преимуществамъ и безкорыстнымъ уваженіемъ къ жертвѣмъ прадѣдамъ, коимъ минувшая знаменитость не можетъ доставить намъ ни чиновъ, ни покровительства. Ибо нынѣ знать нашу блестящую часть составляютъ роды новые, получившіе существованіе уже при императорахъ. Каковъ-бы ни былъ образъ моихъ мыслей, нѣвогда не раздѣлялъ я съ кѣмъ-бы то ни было демократической ненависти къ дворянству. Оно всегда казалось мнѣ необходимымъ и естественнымъ сословіемъ всякаго образованнаго народа. Смотря около себя и читая старыя наши лѣтописи, я сожалѣлъ, видя, какъ древніе дворянскіе роды уничтожились, какъ остальные упадаютъ и исчезаютъ, какъ новыя фамиліи, новыя историческія имена, заступивъ мѣсто прежнихъ, уже падаютъ, ничѣмъ не огражденные, и какъ имя дворянина, часъ отъ часу униженное, стало наконецъ въ притчу и въ посмѣяніе даже разночинцамъ, вышедшимъ въ дворяне и досужимъ (празднымъ журнальнымъ балагурамъ).

Образованный французъ или англичанинъ дорожить строкою стараго лѣтописца, въ которой упомянуто имя его предка, честнаго рыцаря, падшаго въ такой-то битвѣ или въ такомъ-то году возвратившагося изъ Палестины; но Калмыки не имѣютъ ни дворянства, ни исторіи. Дикость, подлость и невѣжество не уважаютъ прошедшаго, пресмыкаясь передъ однимъ настоящимъ, и у насъ иной потомокъ Рюрика болѣе дорожитъ звѣздой двоюроднаго дядюшки, чѣмъ исторіей своего дома, т. е. исторіей отечества. (И это ставите вы ему въ достоинство!—Конечно есть достоинства выше знатности рода, именно: достоинство личное, но я видѣлъ родословную Суворова, писанную имъ самимъ. Суворовъ не презиралъ своихъ дворянскихъ происхожденіемъ).

Имена Минина и Ломоносова вѣдоемъ перевѣсать, можетъ быть, всѣ наши старинныя родословныя, но неужто потомству ихъ смѣшно было-бы гордиться такими именами.

39., 59 и 60. Одинъ изъ (самыхъ) великихъ нашихъ согражданъ сказалъ однажды мнѣ (онъ удостоивалъ меня своего вниманія и часто оспаривалъ мои мнѣнія) ¹⁾, что если у насъ была-бы свобода книгопечатанія, то онъ съ женой и дѣтьми уѣхалъ-бы въ Константинополь. Все имѣетъ свою злую сторону,—и неуваженіе къ чести гражданъ и удобность клеветы суть однѣ изъ главнѣйшихъ невыгодъ свободы тисненія. У насъ, гдѣ личность ограждена цензурою, есте-

¹⁾ Скобки Пушкина.

ственно нашли косвенный путь для личной сатиры, именно обманы. Первый приёмъ обязацы мы **, который въ своемъ журналѣ напечаталъ укоротельный анекдотъ о двухъ китайскихъ журналистахъ, которыхъ судья наказалъ бамбуковою палкою за плутни, унижающія честное званіе литератора. Этотъ китайскій анекдотъ такъ насквишилъ публику и такъ понравился журналистамъ, что съ тѣхъ поръ, коль скоро газетчикъ прогнѣвался на когонибудь, тотчасъ въ листкахъ его является извѣстіе изъ за границы, (и большею частью изъ за китайской) ¹⁾, въ коемъ противникъ расписанъ самыми черными красками въ лицѣ какого-нибудь вымышленнаго или безыменнаго писателя. Большею частью, китайскіе анекдоты, если не дѣлають чести изобрѣтательности и остроумію сочинителя, то по крайней мѣрѣ достигаютъ цѣли своей, по злости съ каковою они написаны. Не узнавать себя въ насквилѣ безыменномъ, но явно направленномъ, было-бы малодушіемъ. Тотъ, о которомъ напечатаютъ, что человекъ такого-то званія, такихъ-то лѣтъ, такихъ-то примѣтъ, крадетъ, напригѣръ, платки изъ кармановъ, — всетаки долженъ отозваться и вступить за себя, конечно не изъ уваженія къ газетчику, но изъ уваженія къ публикѣ. Что за аристократическая гордость дозволяетъ всякому негодяю швырять въ насъ грязью. Англійскій лордъ равно не отказывается и отъ поединка на кухонрейтерскихъ пистолетахъ съ учтивымъ джентельменомъ и отъ кулачнаго боя съ пьянымъ конюхомъ. Одинъ изъ нашихъ литераторовъ, бывший, говорятъ, въ военной службѣ, отказывался отъ пистолетовъ подъ предлогомъ, что на своемъ вѣку онъ видѣлъ болѣе крови, чѣмъ его противникъ чернилъ. Отговорка забавная, но въ такомъ случаѣ, что прикажете дѣлать съ тѣмъ, который, по выраженію Шатобриона, *comme un homme de noble face, outrage et ne se bat pas*. Однажды (официально) ²⁾ напечаталъ кто-то, что такой-то фр[анцузскій] стихотворецъ, подражатель Байрону, печатающій критическія статьи въ Литературной Газетѣ, человекъ подлый и безнравственный, а что такой-то журналистъ человекъ умный, скромный, храбрый, служилъ съ честью сперва одному отечеству, потомъ другому. Фр. (стихотворецъ) отвѣчалъ [подлинно] такъ, что скромный и храбрый журналистъ объ двухъ отечествахъ, вѣроятно, долго будетъ его помнить. *On en rit, j'en ris moi-même*.

Въ другой газетѣ объявили, что я собою весьма неблагообразенъ, и что портреты мои слишкомъ льстивы. На эту личность я не отвѣчалъ, хотя она меня глубоко тронула ³⁾.

Иной говоритъ: какое дѣло критику или читателю хорошъ-ли я собой или дуренъ, старинный ли дворянинъ или изъ разночинцевъ, добръ-ли или золъ, полую-ли въ ногахъ сильныхъ или даже съ ними не кланяюсь, играю-ли я

¹⁾ Скобки Пушкина.

²⁾ Тоже.

³⁾ См. V, 117.

въ карты и тому под.—Будущій мой биографъ, если Богъ пошлетъ мнѣ биографа, объ этомъ будетъ заботиться. А критику и читателю дѣло только до моихъ книгъ. — Сужденіе, кажется, поверхностное. Нападенія на писателя и оправданія, къ коимъ подають они поводъ,—суть важный шагъ въ гласности преній о дѣйствіяхъ такъ называемыхъ общественныхъ лицъ (hommes publics) ¹⁾, къ одному изъ главнѣйшихъ условий высокообразованныхъ обществъ; въ семъ отношеніи и писатели, справедливо заслуживающіе презрѣніе наше, ругатели и клеветники, приносятъ истинную пользу.

Такимъ образомъ дружина ученыхъ и писателей (стоить)..... всегда впереди во всѣхъ набѣгахъ просвѣщенія, на всѣхъ приступахъ образованности. Не должно имъ малодушно негодовать, что вѣчно имъ опредѣлено выносить первые выстрѣлы и всѣ невзгоды, всѣ опасности ремесла.

(Такимъ образомъ) и возрастаетъ могущество общаго мнѣнія, на которомъ въ просвѣщенномъ народѣ основана чистота его нравовъ. Мало по малу образуется и уваженіе къ личной чести гражданина.

40, 41, 57, 58, 42, 43, 55. „Гости съѣзжались на дачу *** — IV, 462—466. Текстъ, съ котораго печатано посмертное изданіе, но въ печатномъ противъ подлинника мною замѣчено 10 ошибокъ. Въ этомъ текстѣ есть, по зачеркнуты карандашомъ, подробности о Вольскомъ, приведенныя уже въ № 2371, л. 32*.

[55*, 56* и 56*—неписанныя страницы].

44, 54, 45 и 53—Желѣзная маска, V, 435—37.

46, 47, 51 и 52. Черновые наброски третьей статьи о Полевомъ; есть дополненія противъ печатнаго текста, который вообще изданъ неточно и въ перебитомъ видѣ, V, 86—88. Приведу часть, которая, кажется, должна была служить началомъ статьи.

„(Не смотря на то, что Исторія Русскаго народа писана на-обумъ)..., промахи, указанные въ разныхъ журналахъ, доказываютъ конечно не невѣжество г. Полевого, но только непростительную опрометчивость и поспѣшность (ибо ихъ можно было избѣгать, давъ себѣ время подумать и справиться) ²⁾. Презрѣніе, съ коимъ г. Полевой отзывался въ своихъ примѣчаніяхъ о Карамзинѣ, издѣваясь надъ его трудомъ,—оскорбляло нравственное чувство уваженія нашего къ великому соотечественнику. Но сія опрометчивость и необдуманность сильно повредили г. Полевому въ мнѣніи малаго числа просвѣщенныхъ и благоразумныхъ читателей, ибо онѣ поколебали, если не совсѣмъ уничтожили довѣренность, которую онъ [способенъ] былъ внушить. Теперь мы читаемъ Исторію русскаго народа, не полагаясь на добросовѣстность труда и вѣрность розысканій, но на каждое слово невольно требуемъ подтвержденія повторнаго,

¹⁾ Слобки Пушкина.

²⁾ Тоже.

если не имѣемъ терпѣнія или способо́въ справляться сами. — Исторія русскаго народа состоитъ изъ отдѣльныхъ отрывковъ, часто не имѣющихъ между собой связи по духу, въ ко́емъ они писаны, и походятъ болѣе на журнальныя статьи, чѣмъ на книгу, обдуманную однимъ человѣкомъ и проникнутую единствомъ ду́ха.

Но не смотря на сіи недостатки Исторія русскаго народа заслуживаетъ вниманія по многимъ остроумнымъ замѣчаніямъ. (NB. Остроуміемъ называемъ мы не шуточки, столь любезныя нашимъ веселымъ критикамъ, но способность сблизять понятія и выводить изъ нихъ новыя и правильныя заключенія), по своей живости, хотъ и неправильной, по взгляду и возрѣніямъ, недалекимъ и часто невѣрнымъ, но вообще новымъ и достойнымъ критическихъ изслѣдованій.

Второй томъ, нынѣ вышедшій изъ печати, имѣетъ, по нашему мнѣнію, большое преимущество передъ первымъ.

1) Въ немъ нѣтъ сбивчиваго предисловія и гораздо менѣе противорѣчій и многорѣчій.

2) Тонъ нападенія на Карамзина уже гораздо благопристойнѣе.

3) Самый разсказъ не есть уже пародія разсказа Карамзина, но нѣчто собственно принадлежащее г. Полевому.

II-й томъ начинается взглядомъ на всеобщее состояніе Европы въ XI столѣтіи...

На 46. дважды черновой набросокъ: Не розу паюсскую— III, 398. — Внизу страницы отрывокъ изъ Каменнаго Гостя [II, 360]:

Такъ это Д. Г.

Такъ, это я, — неправда-ль, вамъ описанъ

Я извергомъ безсовѣстнымъ...—

— Тутъ-же рисунокъ: двѣ фигуры въ плащахъ дерутся на шпагахъ, одинъ другаго прокалываетъ; еще—голова человѣка въ высокомъ галстухѣ.

48. — Письмо Михаила Бушина отъ 23 мая 1835 къ Пушкину, извѣщающее о немѣннѣи для Пушкина акціи Второго страхового отъ огня общества.

48. Карандашъ, въ два столбца. Программа статья по исторіи русской словесности.

Отчего первыя стихотворенія были сатиры?

Изъ успѣхъ etc.

Отчего сатира существовала еще при Екатеринѣ, а нынѣ совсѣмъ уже не существуетъ?

Петръ создалъ войско,
флотъ,
науки,
законы,

но не могъ создать словесности, которая рождается сама собою, — отъ своихъ собственныхъ началъ. Поколѣніе преобразованное презрѣло безграмотную, невустную народную словесность, и кн. Кантемиръ, одинъ изъ воспитанниковъ Петра, въ путевождении себя избралъ Буало.

49. Нѣсколько французскихъ неразборчивыхъ отрывочныхъ фразъ и денежный семейный расчетъ.

22.000 послѣдніе, долгу на ижѣніи
 12.800 à .
 1.500 à Jean
 1.500 à Olga
 500 à l'intendant

Тотъ-же расчетъ повторенъ безъ обозначенія и въ нѣсколько измѣненномъ видѣ:

11.800
 1.500
 1.500
 600
 —————
 15.400

Дальше:

La dette est de . .
 donc vous avez . . .
 Vous avez gagné—1600.

Рисунокъ: мужская голова. — На этой страницѣ нитки припечатаны красною жандармскою печатью.

49. [верхоъ внизъ; карандашъ]. Программа:

„0 литературной собственности; о правахъ издателя, — писателя; — анонимъ; — наследники.

„0 пензуръ вообще, о подраздѣленіи; о книгахъ общедоступныхъ и дешевыхъ; [о книгахъ] чисто.....; — чисто ученыхъ, — огромныхъ; о журналахъ общихъ, — ученыхъ.

„0 классическихкихъ книгахъ, въ томъ числѣ сочиненія, принадлежащія роду человѣческому.

„0 пензурахъ земской и духовной; о кощунствѣ и вѣротеримности; о прав[ославин?]; о сочиненіяхъ, неподлежащихъ суду; о личностяхъ“.

50. [вклеенный обрывокъ] — неписанная страница.

50. Нѣсколько неразборчивыхъ строкъ чернилами.

В. Третья тетраль. На обложкѣ: (Всякая всячина въ прозѣ). Прозанческіе отрывки. — „34 листа. — Дубельтъ“.

1, и 1₁. Опять изъ статьи о Полевожъ, о феодализмѣ [см. въ предшествовавшей тетради этого №, л. 46; ср. V. 85].

2₁. Начало статьи о г-жѣ Сталь—V. 17.

2, и 3₁—неписанные.

3₂, 4₁, 4₂, 31, 32, 33 и 34, черновые наброски статьи о словесности; часть напечатаны—V, 17 и 30.

5, 6, 8, 27, 28, 29. Черновая статья о Баратынскомъ. Полгѣе и исправнѣе печатнаго текста. V. 148.

На 6. [См. II. 270. примѣч.].

Какъ быстро въ полѣ, веруя открытомъ,
 Подкованъ вновь, мой конь бѣжить,
 Какъ звонко подъ его копытомъ
 Земля промерзлая звучитъ!
 Полезенъ русскому здоровью
 Нашъ укрѣпительный морозъ,
 Ланиты, ярче вѣшнихъ розъ,
 Играютъ холодомъ и кровью.
 Печальный гѣсъ и доль завалии,
 Проглянетъ день и ужъ темно,
 И будто путникъ запоздалый
 Стучится буря къ намъ въ окно.

7₁ [обрывокъ]—рисунки: головы. Неписанные: 5₁, 30₁, 30₂, 7₁, 32₁ и 34₁. Нѣтъ—9, 10, 11, 12.

13₁, 13₂ и 14₁. Вступленіе къ Исторіи села Горохина въ первоначальномъ, болѣе полномъ видѣ; ни посмертные издатели, ни г. Анненковъ не обратили никакого вниманія на этотъ отрывокъ: если они при этомъ основывались на томъ, что онъ почти весь перечеркнутъ крестъ на крестъ, то во всякомъ случаѣ они хотъ должны были заимствовать изъ этого отрывка тѣ два гѣста, на которыхъ Пушкинъ ссылается во вторичной редакціи [V, 111 прим. и 113 прим.; см. ниже]. Привожу весь отрывокъ вполнѣ.

(Если богъ пошлетъ мнѣ читателей, то, можетъ быть для нихъ будетъ любопытно узнать, какимъ образомъ рѣшился я написать Исторію села Горохина. Для того долженъ я войти въ нѣкоторыя предварительныя подробности.

Я родился отъ честныхъ и благородныхъ родителей въ селѣ Горохинѣ, 1801 года апрѣля 1 числа, и первоначальное образованіе получилъ отъ нашего дядьки (мужа просвѣщеннаго и весьма свѣдущаго въ его сродномъ состояніи). Сему-то почтенному мужу обязанъ я въ послѣдствіи развившейся во мнѣ охотой къ чтенію и вообще къ занятіямъ литературнымъ. Успѣхи мои хотя были медленны, но благонадежны, ибо на десятомъ году отъ роду я зналъ уже почти все то, что понынѣ осталось у меня въ памяти, отъ природы слабый и которую, по причинѣ столь-же слабого здоровья, не дозволяли мнѣ излишне отягощать).

10-ти лѣтъ привезенъ я былъ въ Москву и отдамъ въ партикулярный

пансіонъ Франца Егоровича Ф., гдѣ и пробылъ я 3 мѣсяца, т. е. до самаго нашествія Наполеона, во время коего нашествія пансіонъ былъ распущенъ и я возвратился въ село Горохино, (во время 3-хъ мѣсячнаго отсутствія) пріобрѣтши въ пансіонѣ только большой навыкъ къ игрѣ, называемой лаптою ¹⁾, (коей обучилъ вскорѣ и всѣхъ дворовыхъ мальчиковъ).

(По изгнаніи двудесяти языковъ хотѣли меня снова вести въ Москву, посмотрѣть не возвратился[—ли] Францъ [Егоровичъ] на прежнее пепелище или въ противномъ случаѣ отдать меня въ другое училище, но я упростилъ матушку оставить меня въ деревнѣ, ибо здоровіе мое не позволяло мнѣ вставать съ постели въ 7 часовъ, какъ обыкновенно заведено во всѣхъ пансіонахъ. Такимъ образомъ достигъ я 16-ти лѣтняго возраста, оставаясь при первоначальномъ моемъ образованіи и играя въ лапту съ моими потѣшными).

Въ сіе время опредѣлился я юнкеромъ въ ** мѣхотный полкъ, въ коемъ и находился до прошлаго 18** года. Пребываніе мое въ полку оставило мнѣ мало пріятныхъ впечатлѣній, кромя производства въ офицеры и выигрыша 240 руб. въ то время, какъ у меня въ карманѣ всего оставался рубль 6 гривенъ. Смерть дражайшихъ моихъ родителей, воспослѣдовавшая почти въ одно время принудило меня подать въ отставку и пріѣхать въ мою вотчину.

Изъ сего краткаго извѣстія просвѣщенный читатель можетъ видѣть, что воспитанъ я былъ, какъ говорится, на мѣдныхъ деньгахъ, и что въ послѣдствіи не имѣлъ я случая пріобрѣсти самъ собою то, что было разъ упущено, до шестнадцати лѣтъ играя съ дворовыми мальчишками, а потомъ перехода изъ губерніи въ губернію, изъ квартиры на квартиру, проводяая время съ жидами да маркитантами, играя на ободранныхъ билліардахъ и шаршируя въ грязи).

Далѣе на 14., начинается предисловіе къ Пѣвѣстиямъ Бѣлкина, занимающее еще: 16, 17, 18 и 19.. Текстъ отличается отъ печатнаго (IV. 37—41) нѣкоторыми дополненіями.

— „(Рукописное собраніе повѣстей, предлагаемыхъ нынѣ публикѣ), доставлено намъ М. И. Б., ближайшей родственницей и наследницей покойнаго автора. Взявшись хлопотать объ изданіи книги, предлагаемой нынѣ публикѣ, мы желали—и т. д. IV. 37.

Родина Бѣлкина называется въ подлинникѣ не Горохино, а Горохино. Смерть его родителей почти въ одно время приключившаяся, понудила его подать въ отставку и пріѣхать въ село Горохино, свою отчину.—Описаніе пріѣзда его почеркнутое мною изъ его рукописи, мнѣ имъ подаренной, полагаю, что вамъ оно, какъ любителю любопытно будетъ,—здѣсь прилагаю ¹⁾.

[Подъ чертой внизу страницы Пушкинъ дѣлаетъ примѣчаніе отъ лица издателя повѣстей Бѣлкина]: „1) здѣсь выпущенъ довольно длинный отры-

¹⁾ Въ предыдущихъ фразахъ я исправлено на онъ; вѣроятно это мѣсто предполагалось къ вставкѣ въ предисловіе къ повѣстямъ Бѣлкина: оно отчеркнуто и отмѣчено крестикомъ. В. Я.

вокъ изъ одного пространнаго рукописнаго сочиненія, нами приобрѣтеннаго и которое надѣемся издать, если сія повѣсти благосклонно приняты будутъ публикой".—[Здѣсь, ясно, дѣло идетъ объ Исторіи села Горохина].

Стр. 40... ни образомъ мыслей, ни нравомъ мы большею частью другъ съ другомъ не сходствовали. Въ доказательство сего приведу примѣръ. Передъ обѣдомъ, какая-бы ни была погода обыкновенно ѣзжу я верхомъ, или семастривая поля и работы, или просто прогуливаясь, или занимаясь охотой, что моему здоровію отиѣнно полезно и даже необходимо. И. П. не имѣлъ привычки къ верховой ѣздѣ, долго опасался слѣдовать моему примѣру, наконецъ рѣшился потребовать лошадь. Я приказалъ для него осѣдлать самую смирную изъ всей моей конюшни—и поѣхалъ шагомъ, ибо рысь могла показаться ему съ невыучки ѣздой слишкомъ опасною и безпокойною, къ тому же и лошадь его давно отъ нея отвыкла. И. П. сидѣлъ довольно бодро и начиналъ уже принаравливаться къ движенію коня, какъ я подѣхавъ къ ригѣ, на которой молотили, остановился поговорить со старостою. Слѣдуя моему примѣру лошадь И. П. стала (также), но онъ отъ незаннаго сотрясенія потерялъ равновѣсіе, упалъ и расшибъ себѣ руку. — Сіе несчастіе и смѣлъ, отъ коего не могъ я воздержаться, не помѣшали ему и впредь сопровождать меня въ моихъ прогулкахъ и въ послѣдствіи приобрѣлъ онъ нѣкоторый навыкъ къ верховой ѣздѣ, семь столь-же полезною, какъ и благородною упражненіемъ.

Иванъ Петровичъ желъ живы самую умѣренную... и т. д.

19а. Отрывокъ изъ „Станціоннаго Смотрителя“—IV. 485.

20.—Заглавный листъ:

Краткія повѣсти покойнаго И. П. Бланина.

Простакова. Чтѣ до исторій, мой батюшка, то онъ у насъ до нихъ большой охотникъ.

Скотинникъ. Митрофанъ по мнѣ.

Недоросль.

20₁—неписанная страница.

21, 22, 23, 24, 25 и 26 листовъ нѣтъ.

XXV.

№ 2388. Матеріалы, собранныя Пушкинымъ.— Состоитъ изъ отдѣльных тетрадей:

А.—9 листовъ [писчихъ полулистовъ], на оберткѣхъ красными чернилами:

№ 6.—Abregé chronologique des evenements les plus remarquables du regne de Pierre I.—Все не Пушкинскою рукою.

В.—3 листа. Пушкинъ снялъ факсимиле съ 4-хъ писемъ Петра и тутъ-же переписалъ ихъ просто.

В.—На подулистѣ голубой бумаги большого почтового формата еще писемъ Петра, рукою Пушкина.—1 листъ.

Г.—2 листа.—№ 7.—Не Пушкинской рукою переписано:

Пребываніе императора Петра I-го въ Астрахани (извлечено изъ официальныхъ бумагъ и народныхъ преданій).

Д.—№ 5.—6 листовъ. „Дѣла подъ названіемъ Архивъ Императора Петра I. [Опись дѣлъ съ обозначеніемъ, куда отсылаются, и ссылки на соответствующія мѣста Голикова и др. книгъ]. Все не рукою Пушкина.

Е.—№ 1.—9 листовъ. Списковъ книгъ о Петрѣ, большею частью иностранныхъ, съ короткими иногда замѣтками. Рука не Пушкина.

Ж.—Къ № 4. „О камчаткѣ“. 17 листовъ, сѣрой и грубой бумаги, все рукою Пушкина, чернилами и карандашомъ.—Географическое описаніе Камчатки [ненапечатано] и о жителей и ихъ обычаяхъ [ненапечатано].

XXVI.

№ 2389. На оберткѣ: къ № 8. „Записки Бригадира Моро-де-Бразе (касающіяся до Турецкаго похода 1711 года)*. Безъ предисловія и безъ примѣчаній, все рукою Пушкина, чисто переписанное, иногда съ пометками.—93 листа.—V, 440.

XXVII.

№ 2390. Пугачевскій бунтъ. Десять отдѣльныхъ неспитыхъ тетрадей въ листъ, всего 184 листа. Все рукою Пушкина, чистой экземпляръ; только во второй тетради листы 6—10 черновые, карандашомъ и чернилами.—VI, 1.

XXVIII.

№ 2391. Матеріалы для Пугачевского бунта.—Матеріаловъ очень много, все ненапечатанное. Всего 269 листовъ, почти всѣ рукою Пушкина.

XXIX.

№ 2392. Большая тетрадь въ листъ, безъ переплета. Неперенумерована. Листовъ писанныхъ 48. Вся царской рукою, съ поправками Пушкина.

1. Комедія о царѣ Борисѣ и о Гришкѣ Отрепьевѣ.

Сверху почти стертая надпись: *Voila ma tragedie. Je voulais vous l'apporter moi même, mais tous ces jours-ci j'ai fait le jeune homme... qui... tous le long du jour.*

Въ текстѣ пѣсмы есть незначительныя отличія. Напр., въ словѣ въ кортѣ, стр. 56: Варлаамъ затягиваетъ пѣсню:

Ахъ, Люба, ты, Люба моя,
Посмотри-теа ты, Люба, на меня.

Выпьешь-же чарочку за шинкарочку.

Посмотри-теа ты, Люба...

— Другая пѣсня не указана.

— Сцена битвы идетъ за сценой съ юродивымъ и некончена.

XXX.

№ 2898. Многіе листы и тетради, сшитыя и несшитыя, вложенныя въ отдѣльныя обертки. Все писарскою рукою, съ поправками и съ заглавіями въ оберткахъ руки Жуковского [?].—Вѣроятно это подготовленныя для составленія посмертнаго изданія—копіи.

Стихотворенія лирическія .	12 листовъ.
Антологія	4 листа.
Посланія.	30 листовъ.
Эпигр.	50.
Баллады, пѣсни.	26
Сонеты	20
Стихи, сочиненные во время путеше- ствія (1829 г.).	11 "
Пѣсни З. С.	31 листъ.
Восточныя	19 листовъ.
Сказки	26
Смѣсь	20
	19 "
[Всего листовъ].	<u>268</u>

XXXI.

№ 2894. Тетради и отдѣльныя листы въ оберткахъ. Всѣхъ листовъ 303. Разныя историческіе матеріалы, писанныя разными почерками.

А.—№ 13. Оборона крѣпости Яика отъ партіи мятежниковъ, л. 24.

Б.—№ 14. „О побѣгѣ Пугачева“, копія съ официальной бумаги, л. 46.

В.—№ 11. Прибавленіе о разбойникѣ и самозванцѣ Пугачевѣ изъ дневныхъ записокъ 1773-го года, города Оренбурга, Благовѣщенской церкви, что на Гостинномъ дворѣ, священника Ивана Осипова Нумарова, л. 72.

Г.—№ 17, [въ 4°]. Записка полковника Пекарскаго о Бунтахъ Япцкихъ, что нынѣ Уральскихъ, казаковъ и самозванцѣ Емельяѣ, донскомъ казакѣ, Пугачевѣ.—Сверху чьей-то рукой написано: отъ Н. Сазарова; сзади той-же рукою: посылаю записку эту точно въ такомъ видѣ, какъ она написана была сочинителемъ; конечно, надобно будетъ исправить безграмотный слогъ, а можетъ быть—по разсмотрѣнію—и сократить или выкинуть что-нибудь лишнее, какъ угодно. Во всякомъ случаѣ думаю, что она стоитъ печати: есть въ ней вещи неизвѣстныя доселѣ и о коихъ неупомянуто подробно въ изданной недавно объ этомъ предметѣ книгѣ.

Листовъ 53.

Д.—№ 3. Записка объ Артеміи Волынскомъ, л. 102.

Е.—№ 2. Рапортъ Тредьяковскаго о цюбокахъ, л. 6.

XXXII.

№ 2395. Толстая книга въ листъ; на корешкѣ и на переплетѣ ярлыкъ съ надписью: Списокъ съ посмертныхъ сочиненій Александра Сергѣевича Пушкина, назначенныхъ къ изданію.—На послѣдней страницѣ: итого писанныхъ листовъ восемьсотъ шестьдесятъ (860). Опекунъ.

Вся эта книга представляетъ матеріалъ посмертнаго изданія. Тутъ мы находимъ и стихи, и прозу, конечно не все собраніе сочиненій. Писано все разными писарскими почерками, съ поправками карандашными и чернильными руки Жуковскаго и пр. Книга переплетена очень небрежно, т. е. безъ особаго порядка, и многіе листы перепутаны. Многіе стихи и статьи помѣщены дважды.

Эта книга интересна, такъ какъ можетъ показать, какія измѣненія вносились въ Пушкинскій текстъ посмертными издателями: многіе изъ этихъ измѣненій до сихъ поръ сохраняются въ печатномъ текстѣ Пушкина¹⁾. Намъ нечего приводить ихъ: почти всѣ эти измѣненія уже указаны выше на основаніи подлинныхъ рукописей. Изъ статей Пушкина въ этой книгѣ мы находимъ: Мелкія замѣтки, нѣкоторыя полемическія статьи, Родословную Пушкиныхъ и Ганibalовъ, о Радищевѣ [Мысли на дорогѣ], Рославлева и т. д. Стиховъ тутъ сравнительно не много, относятся они къ разнымъ эпохамъ: вѣдь эта книга представляетъ собраніе произведеній, ненапечатанныхъ при жизни автора [здѣсь не все новое, что вошло въ посмертное изданіе]. Между прозой есть вещи, доселѣ ненапечатанныя, но онѣ приведены выше по подлинникамъ. Одна только статья изъ нихъ не находится въ подлинныхъ тетрадяхъ: О Татищевѣ²⁾. Это небольшая, журнальная біографія В. Н. Татищева, обязанная, вѣроятно,

¹⁾ См. для примѣра въ № 2387 А, л. 51, примѣчаніе.

²⁾ Листы 199—210; и вторично, л. 263—274.

своиѣ происхожденіи занятіи Пушкина по исторіи Оренбургскаго края, приводится нами ниже.

Въ этой-же книгѣ мы находимъ копію съ письма Пушкина къ Я. Н. Толстому [1822]. Письмо это напечатано г. Ашненковымъ съ пропускомъ конца, который и привожу [л. 468]:—Ты пишешь мнѣ о своихъ стихотвореніяхъ, а я, въ Бессарабской глуши не получая ни журналовъ, ни новыхъ книгъ, не зналъ объ изданіи книги, которая утѣшила бы меня въ моемъ уединеніи. Прости, милый, до свиданія и до посланія!... обними нашихъ. Что Всеволодскія? Что Мажуровъ? Что Барковъ? Что Соснецкія? Что Хмѣльницкія? Что Катенинъ? Что Шаховской? Что Ежова? Что Гр. Пушкинъ? Что Семеновъ? Что Звадовскій? Что весь театръ? [См. VII. 159].

Изъ стихотвореній два ненапечатаны; это, во первыхъ, очень плохая піеса въ 20 строкъ, озаглавленная „Застольная Пѣсня“; если она принадлежитъ Пушкину, то она относится къ лицейскимъ годамъ и осталась неотдѣланной; я потому сомнѣваюсь въ ея принадлежности Пушкину, что вся книга, какъ сказано, составлена очень небрежно и въ ней дважды помѣщено посланіе на смерть Державина, принадлежащее Дельвигу [см. Сочин. Державина, IX, 550]. То же самое можно сказать и о незначительной эпиграммѣ, которую по ея краткости выписываю:

Къ Баболовскому ¹⁾ дворцу.

Прекрасная! Пускай восторгомъ насладится
Въ твоихъ объятіяхъ російскій полубогъ.
Что съ участіемъ твоей сравнится?
Весь міръ у ногъ его,—а дѣсь у твоихъ онъ ногъ.

Надо еще замѣтить, что листы 729—732 (въ четверку) заняты подлинной рукописью Воспоминанья о Царскомъ Селѣ [I. 57]. Въ этой-же книгѣ мы находимъ дважды переводъ Слова о Полку Игоревѣ, о чемъ уже было сказано, см. № 2386 Г., прилѣчаніе.

Изъ непринадлежащаго Пушкину мы находимъ въ этой книгѣ:

1) Прошеніе Жуковскаго Императору о дозволеніи напечатать Исторію Петра Великаго [1.].

2) Заявленіе, при которомъ Жуковскій, уѣзжая въ 1838 г. за границу, сдавалъ опеку бумагъ Пушкина. При заявленіи общая опись, въ которой, между прочимъ, три №№ заняты Исторіей Петра Великаго [л. 463].

3) Записка и статья Плетнева о Пушкинѣ. См. Современникъ.

4) Письмо Потодина къ кн. Вяземскому, при которомъ была прислана піеса Герой; подлинникъ л. 3. Оно напечатано не все.

¹⁾ Не описка-ли перепечатка?

№ 2395. Листы 199—210, то-же 263—274.

О Татищевѣ.

Татищевъ (Василій Никитичъ), тайный совѣтникъ и Астраханскій губернаторъ, родился въ 1686 году; поступилъ въ 1704 году на службу и въ томъ-же году находился при взятіи Нарвы; былъ въ Полтавскомъ сраженіи (1709), а потомъ подъ Азовомъ и при Прутѣ (1711). Послѣ сего отправленъ въ чужіе края, гдѣ усовершенствовалъ себя въ наукахъ и въ языкахъ нѣмецкомъ и польскомъ. Въ 1718 году, президентъ мануфактуръ и бергъ-коллегии, генералъ-фельдцейхмейстеръ графъ Брюсъ, за отбытіемъ своимъ на Аландскій конгрессъ, поручилъ географическія занятія свои Татищеву, состоявшему тогда въ чинѣ артиллеріи капитанъ-поручика. Въ 1720 году отправленъ Татищевъ въ Сибирь для управленія казенными желѣзными заводами. Онъ говоритъ въ лексиконѣ своемъ: 1721 года зачать строить на рѣкѣ Исети капитаномъ Татищевымъ желѣзный заводъ и построенъ городъ не малый, Екатерининскъ. Демидовъ, коему пожалованъ былъ Петромъ I одинъ только Фодьковскій заводъ, распространилъ свои владѣнія болѣе, нежели слѣдовало, и употреблялъ къ заводу казенныхъ мастеровыхъ; опасаясь, чтобы Татищевъ не отнял у него казеннаго имущества, [онъ] подалъ на него Петру I жалобу въ притѣсненіи его. Государь отправлялъ въ сіе время Геннина на Сибирскіе заводы и поручилъ ему произвести слѣдствіе о сей ссорѣ; Геннинъ, розыскавъ дѣло сіе, отправилъ все слѣдствіе съ Татищевымъ къ государю. По окончаніи сей распри повелѣно было Татищеву отправиться къ прежней должности на Сибирскіе заводы. Какъ я отъѣзжалъ въ 1722 году въ Сибирь, говоритъ Татищевъ, и пріѣхалъ къ царевнѣ Аннѣ Іоанновнѣ прощеніе принять, она, жалуя меня, спросила шалуна сумасброднаго подьячаго Тимофея Архиновича, бывшаго шутомъ при дворѣ: скоро-ли я возвращусь? онъ, меня не[любивъ] за то, что я не былъ суетѣренъ и руки его не цѣловалъ, сказалъ: онъ руды много накопаетъ, да и самого закопаетъ.

Въ 1723 году Татищевъ взятъ былъ ко двору, гдѣ и пробылъ близь года, но, по какому случаю и при какой должности, подлинно неизвѣстно. Въ 1724 произведенъ Татищевъ въ полковника отъ артиллеріи и посланъ въ Швецію для обозрѣнія горныхъ заводовъ и для составленія плановъ и моделей машинъ. Ему поручено было пригласить въ российскую службу нѣсколько горныхъ чиновниковъ и отдать тамъ въ обученіе разнымъ горнымъ мастерствамъ посланныхъ съ нимъ академическихъ учениковъ. Татищевъ исполнилъ порученіе и торговалъ въ Швеціи, по указу бергъ-коллегии, мѣдью, которая обходилась по 5 руб. 50 коп. за пудъ, съ тою выгодою, что провозъ могъ быть заплаченъ превосходствомъ шведскаго вѣса противъ российскаго. Онъ возвратился въ С.-Петербургъ чрезъ Копенгагенъ 1726 года и привезъ съ собою одного только гранильнаго мастера поручика Рефа, потому что шведское правительство за-

претило ему нанимать заводскихъ мастеровъ. Въ 1727 году Татищевъ сдѣланъ совѣтникомъ бергъ-коллегии и поручено ему съ другими монетное дѣло. Въ 1730 году пожалованъ онъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники; а въ 1734 назначенъ въ Сибирь на мѣсто де-Геннина, для смотрѣнія надъ казенными и партикулярными заводами. Прибывъ въ Екатеринбургъ онъ обобрѣлъ всѣ подвѣдомственные ему заводы. Тогда общими трудами рудныхъ промышленниковъ и заводчиковъ составленъ былъ общій уставъ, извѣстный подъ именемъ: Татищева уставъ заводскій. Сей уставъ не былъ высочайше утвержденъ, но имъ руководствовались казенные и частные заводы; и хотя послѣдовали многія измѣненія по горному управленію, но заводскія конторы и нынѣ слѣдуютъ Татищеву уставу. Послѣ сего опредѣлилъ Татищевъ казенныхъ надзирателей на всѣ частные заводы, назвавъ ихъ шикштейстерами и далъ чиновникамъ сего наказъ, прилѣгаясь къ учрежденіямъ саксонскихъ и шведскихъ заводовъ. Татищевъ обратилъ особенное вниманіе на учрежденіе горныхъ училищъ въ Кунгурѣ, Соликамскѣ и по заводамъ. Онъ подарилъ бібліотеку сего заведенія, болѣе 1,000 книгъ составляющую. Демидовъ усилъ однакожъ устранять свои заводы отъ подвѣдомства Татищева; тогда-же отчислены были отъ него Строгоновыхъ горные заводы и соляные ихъ промыслы.

При учрежденіи въ 1736 году вмѣсто бергъ-коллегии—генераль-бергъ-директоріума, Татищевъ подчиненъ былъ, по управленію заводовъ генераль-бергъ-директору Шенбергу. Въ сіе время принялъ онъ непосредственное участіе въ усмиреніи бунтующихъ башкирцевъ. Еще прежде сего, въ 1734, помогалъ онъ полковнику Тевкелеву провіантомъ и снарядами, а въ 1735 году Татищевъ самъ ходилъ противу башкирцевъ Осинскаго уѣзда и, бывъ подкрѣпленъ полковниками Мартыновымъ и Тевкелевымъ, одержалъ надъ ними значительную побѣду, казнилъ бунтовщиковъ, а съ покорившихся взыскалъ въ пользу Оренбургской экспедиціи 10,000 руб. контрибуціи и большее количество лошадей. Главный начальникъ оренбургской экспедиціи, статскій совѣтникъ Кирилловъ, донесъ о семъ 1736 года кабинету, просилъ, чтобъ съ Сибирской стороны поручить главное начальство надъ военными Татищеву. Кабинетъ утвердилъ сіе представленіе въ началѣ 1737 года и того-же года, по смерти Кирилова, ему поручены всѣ дѣла Оренбургской экспедиціи. По полученіи о томъ указа онъ оставилъ совѣтника Хрушова начальникомъ надъ всѣми горными заводами, а самъ отправился водою въ Мензелинскъ, гдѣ нашелъ генераль-маіора Солюнова, полковниковъ Бардевику, Тевкелева и Уфимскаго воеводу, статскаго совѣтника Шемакина. Для удержанія въ покорности башкирцевъ, они рѣшили общими совѣтомъ учредить за Ураломъ новую Исетскую провинцію, которой быть вмѣстѣ съ Уфимской подъ вѣдѣніемъ Оренбургской экспедиціи. Кабинетъ утвердилъ сіе положеніе. Въ январѣ 1738 года Татищевъ отправился въ Самару, откуда предположено было начать военныя дѣйствія противъ непокорныхъ башкирцевъ. На пути онъ осматрѣлъ съ инженерами положеніе Красноярска и выбралъ мѣсто для перевода Оренбургской крѣпости, помѣщенной

на весьма неудобномъ мѣстѣ. Въ сіе время киргизскій ханъ Нябиретъ прибылъ въ русскій лагерь. Татищевъ принялъ сего владѣльца съ почестію; онъ присягнулъ Россіи въ вѣрности подданства. Татищевъ воспользовался симъ случаемъ, чтобы доставить Оренбургскому краю всѣ выгоды по торговлѣ. Онъ отправилъ караванъ въ Ташкентъ и послалъ вмѣстѣ съ онымъ двухъ офицеровъ для географическихъ наблюденій. Караванъ миновалъ среднюю и меньшія орды, но былъ разбитъ при большой. Около сего-же времени установилъ Татищевъ оренбургскую мѣновую торговлю и собралъ первую пошлину съ торговъ и акцизъ съ продажи питей. Окончивъ дѣла сіи принялся Татищевъ за устроеніе крѣпостей. Онъ обозрѣлъ весь Оренбургскій край. Въ предпріятіи семъ, способствовали ему много флота капитанъ Элтонъ и инженерные офицеры. Но спокойствіе башкирцевъ продолжалось недолго. Волжскіе калмыки, кочевавшіе по луговой сторонѣ рѣки Волги, оказали вдругъ неповиновеніе, начали отгонять табуны отъ новопостроенныхъ крѣпостей и разграбили купеческій обозъ, шедшій изъ Самары въ Яицкій городокъ. Татищевъ отправилъ противъ сихъ бунтовщиковъ нѣсколько казанскихъ нартій, кои, разбивъ калмыковъ въ разныхъ мѣстахъ, переловили зачинщиковъ. 1739 года Татищевъ отправился въ С.-Петербургъ и подалъ въ кабинетъ разныя представленія свои, изъ коихъ главнѣйшія: I. Перенести городъ Оренбургъ на урочище Красной горы. II. Провести линію вверхъ по Яику, до Верхнеяицкой пристани и оттуда по рѣкѣ Ую до Царева Городища и по рѣкѣ Сакмарѣ. III. На линіи сей поселить гарнизонные и ландмилицкіе полки. IV. Позволить, за отдаленностію мѣста, производить достойныхъ оберъ-офицеровъ въ чины, а недостойныхъ увольнять въ отставку. V. Позволить распространить торговлю того края. VI. Установить правила для управленія киргизъ-кайсаками. Въ сіе время полковникъ Тевкелевъ, природный башкирецъ, находившійся при оренбургской экспедиціи, вызванный въ С.-Петербургъ за нѣсколько мѣсяцевъ прежде Татищева, дабы состоять въ свѣтѣ посла, прибывшаго туда изъ Персіи, успѣлъ разсѣять неблагопріятные слухи на счетъ Татищева и подалъ на него нѣсколько жалобъ. Кабинетъ, разсмотрѣвъ жалобы сіи и возраженія Татищева, нарядилъ слѣдственную комиссію надъ ними, а между тѣмъ определенъ былъ начальникомъ оренбургской комиссіи членъ государственной адмиралтействъ коллегии, контръ-адмиралъ кн. Василій Урусовъ. Не смотря на сіе, всѣ вышеприведенныя представленія Татищева были уважены. Не извѣстно, чѣмъ кончилась наряженная надъ Татищевымъ комиссія. Обвиненія оказались, вѣроятно, несправедливыми, ибо чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Татищевъ былъ снова посланъ въ 1741 году, по смерти калмыцкаго хана Дондукъ-Омбы, для усмиренія взбунтовавшихся калмыковъ, и вскорѣ назначенъ въ Астрахань губернаторомъ. Отъ сей должности онъ уволенъ по несогласію его съ намѣстникомъ калмыцкаго ханства. Татищевъ, оставивъ Астрахань, отправился въ подмосковную деревню свою, село Болдино, гдѣ и умеръ 1750 года, іюля 15. Тѣло Татищева предано землѣ въ погостѣ, состоящемъ въ одной верстѣ отъ его деревни.

Докторъ Лерхъ, сопровождавшій князя Михаила Михайловича Голицына въ

Персію, говоритъ о Татищевѣ: „октября 27, 1744 года, прибыли мы въ Астрахань. Губернаторомъ былъ тамъ извѣстный ученый: Василій Никитичъ Татищевъ, который предъ симъ образовалъ новую Оренбургскую губернію. Онъ говорилъ по нѣмецки, имѣлъ большую бібліотеку отличнѣйшихъ книгъ и былъ въ философіи, математикѣ, а особенно въ исторіи весьма свѣдущъ. Онъ написалъ российскую исторію, которая, по кончинѣ его, досталась кабинетъ-министру барону Ивану Черкасову“. — Черкасовъ передалъ оную Ломоносову. Татищевъ жилъ совершеннымъ философомъ и имѣлъ особенный образъ мыслей. Онъ былъ слабого здоровья, но сіе не препятствовало ему быть дѣятельнымъ и рѣшительнымъ въ дѣлахъ; онъ умѣлъ каждому дать полезный совѣтъ и помощь, а особенно купечеству, которое онъ въ томъ краѣ возстановилъ.

Татищевъ рѣшился первый привести въ систему разнообразныя повѣствованія о Россіи и, слѣдя оныя съ лѣтописями, составилъ Исторію Российскаго государства, съ самыхъ древнихъ временъ до 1463 года. Она напечатана въ 4-хъ частяхъ (1768—1784 гт.). Въ сочиненіяхъ своихъ упоминаетъ онъ, что занимался непрерывно географію. „Во время пребыванія моего въ Астрахань, говоритъ онъ, посылалъ я по землѣ и морю описывать искусныхъ людей; сочиня ландкарту, послалъ оную въ сенатъ и академію“.

Татищевъ занимался разборомъ древнихъ законовъ русскихъ и объяснилъ основательными примѣчаніями Русскую Правду и Судебникъ царя Ивана Васильевича съ дополнительными къ нему указами. Первая помѣщена въ I-й части продолженія Древней Россійской Вивлюэки, а второй изданъ двукратно: въ 1768 и 1786 годахъ. Не успѣлъ онъ къ сожалѣнію кончить своего лексикона. Три книги оного, продолжающіяся до буквы *Л*, изданы въ 1793 году и содержатъ много любопытнаго. Татищевъ говоритъ въ предисловіи Лексикона между прочимъ, что въ 1735 году представилъ онъ кабинету, дабы переименовать тѣ нѣмецкія названія, коими опредѣляются степени горныхъ чиновъ. Кабинетъ на сіе согласился, но Виронъ узнавъ сіе, на него сильно гнѣвался. Татищевъ приложилъ къ своей исторіи извѣстіе о российскомъ государственномъ гербѣ, о родословіи российскихъ государей; о іерархіи; о чинахъ и суевѣріяхъ древнихъ и о географіи российской вообще. Въ духовной Татищева помѣщено много замѣчаній, кои суть плоды долговременной службы и опытности. Татищевъ вооружается весьма сильно противъ кабаковъ, доказывая сколь они вредны и пагубны; но читая сіе, нельзя не вспомнить, что онъ самъ учредилъ кабаки въ заводахъ Демидова. Духовная сочинена Татищевымъ въ 1733 году сыну его Евграфу Васильевичу; издана она въ 1773 году Сергѣемъ Друковцовымъ. Сверхъ того многія сочиненія Татищева пропали, важные по предметамъ своимъ:

1) Лексиконъ сарматскихъ, эстляндскихъ и финскихъ словъ; 2) жизнеописанія царей Алексѣя Михайловича и Федора Алексѣевича; 3) замѣчанія на Страелленберга и 4) переводъ Киржеровой хронологіи татаръ и калмыковъ.

А. С. Пушкинъ.

Указатель къ рукописямъ А. С. Пушкина, хранящимся въ Румянцовскомъ музеѣ,

№№ 2364—2395.

[„Русская Старина“ изд. 1884 года, февраль, мартъ, апрѣль, май, июнь, июль, августъ, сентябрь, октябрь, ноябрь, и декабрь].

I.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Адегъ—№ 2367. 8. ¹⁾.

Александръ—67. 13.

Алфегі [изъ]—68. 34.

Амуръ и Гименей—64. 7.

Анджело—74. 31.—30.

Андрей Шенье въ темницѣ—70. 59.—64.

Андрей Шенье [изъ]—70. 84.

Анчаръ—71. 20.—21. 22.

Аристарху [моему]—64. 29.

Аріонъ—67. 36.

Аріоста [изъ, Октовы]—70. 69. 79. 79.

Баратынскому—66. 1. 67. 24. 25.

Бахчисарайскій Фонтанъ—65. 48. 49.

50. 66. 20.—29. 69. 3.

Безъбрие—64. 26.

Берегъ [Морской]—67. 1.

Борисъ Годуновъ—70. 45.—46. 47.—50.

52. 55. 55. 56.—92.

Брадатый старичекъ Авдѣй—71. 90.

Братья разбойники—65. 51. 52. 66. 19.

Братъ милый, отрокомъ разетался ты со мной—69. 4.

Брожу-ли я вдоль улицъ шумныхъ—82. 26. 28.

Былъ и я среди Донцовъ—82. 103. 102.

Бѣсы—71. 83. 82. 101.

Вадимъ—65. 60.

Вдовѣ [къ молодой]—64. 5.

Везувій зѣвъ открылъ—71. 18.—19.

Вельможѣ—67. 50.

Виноградъ—70. 38.

Вновь я посетилъ—77 А. 12. 84. 30. 31. 39. 40.

Во время оное, бывое—82. 39.

Воевода—73. 29.

Война—67. 12.

Волненьемъ жизни утомленный—71. 16.

Воронцова [на]—70. 2. 57. 85.

Воспомяненье—71. 13.—14.

Воспомяненьемъ упоенный—67. 9.

Воспомяненья въ Ц. С. — 71. 17. 82. 43.—44.

Вотъ на шахматную доску—75. 21. 31.

¹⁾ Первая цифра, набранная жирнымъ шрифтомъ, обозначаетъ № тетради рукописи [тысячи и сотни обыкновенно откинуты], вторая цифра — № листа; такъ 67. 8. означаетъ—№ 2367, листъ 8, вторая страница. В. Я.

Все кончено, межъ нами связи нѣтъ—
69. 43.

Все тихо, на Кавказъ идетъ ночная мгла—
82. 107. 107.

Въ лѣсахъ Гаргаріи—65. 56.

Въ мѣстахъ, гдѣ царствуетъ Венеція злая—
67. 36.

Въ пещерѣ тайной въ день гоненья—
70. 68.

Въ полѣ чистомъ серебрится—74. 31.

Въ Юрафѣ бѣдный мусульманъ—65. 34.

Вы избалованы природой—71. 12.

Виземскому—65. 36.

Галичу [къ]—64. 75.

Галузь—73. 3. 12. 75. 12. 15. 37. 40.
82. 22.

Гексаметръ [изъ А. Шенье]—66. 37.

Глинкѣ (Ф)—67. 16.

Глухой глухова—87. 15.

Горація [изъ]—77 А. 13.

Графу О.—70. 32.

Гречанкѣ—67. 17.

Гробъ Анакреона—64. 3. 70. 29.

Гробъ Юноши—65. 43. 66. 2.

Давно объ ней воспоминанье—69. 44.

Дельвигу [къ]—64. 36. 67. 19.

Домикъ въ Коломнѣ—76 А. 1. 5.
20. 24.

Донъ—82. 102.

Дочери Кара-Георгія—67. 18.

Дружба—70. 28. 35.

Друзьямъ—64. 6.

Дубравы, гдѣ въ тиши свободы—64.
43. и 42.

Дѣва—67. 4.

Дѣятели [начало I-ой пѣсни]—
70. 85.

Евгеній Онѣгинъ—66. 13. 17. 34. 68.

21. 23. 24. 27. 30. 30. 31. 32. 35.

36. 37. 50. 49. 43. 43. 42. 38. 69.

4. 15. 16. 20. 22. 23. 24. 31.

33. 39. 40. 41. 42. 43. 48. 50. 51.

70. 2. 7. 11. 12. 17. 18. 19. 20.

28. 29. 31. 32. 34. 39. 41. 50. 51.

54. 57. 58. 64. 65. 66. 68. 70.

84. 71. 2. 10. 17. 68. 69. 71. 75.

88. 82. 17. 25. 32. 33. 34. 101. 92.

93. 89.—Возвращеніе къ Онѣгину—

32. 64. 30. 55. 59. 85. 23.

Египетскія ночи, см. Клеопатра.

Еще одной, высокой, важной пѣсн—
82. 27.

Желаніе [Кто видѣлъ край]—65. 2.

Желаніе, см. Уныніе.

Женить—70. 30. 30.

Живописцу [къ]—64. 12.

Жить на свѣтѣ рыцарь бѣдный—
77. 76. 84. 49. 50.

Завидую тебѣ, питомецъ моря силъ—
69. 12.

Завѣщаніе [мое, друзьямъ]—64. 19.

Зима. Что дѣлать мнѣ въ деревнѣ—82. 1.

Зимнее утро—82. 16.

Зорю бьютъ—82. 104.

Зубову [въ альбомъ]—67. 3.

Иностранкѣ—67. 26. 69. 1.

Исполню я твоё желанье—69. 1.

Истина—64. 4.

И я слышалъ, что бѣлый свѣтъ—64. 4.

Баверину—64. 58. 67 поправка въ концѣ

Какъ быстро въ полѣ, вокругъ отъ-
томъ—87 В. 6.

Какъ весенней теплою порой—76 В. 1.

Какъ наше сердце своенравно—66. 36.

Калмычкѣ—82. 106. 107.

Каменный гость—76 В. 1—9. 54—61. 77 А.
23. 87 В. 46.

Катенину—67. 5.

Клеветникъ безъ дарованья—67. 3.

Клеопатра—67. 32. 33. 48. 70. 22. 30
35. 37. 76 В. 1. 22. 64. 54.

Когда въ объятія мои—72. 66.

Кокеткѣ—67. 23.

Комедія—65. 40—41.

Кормомъ, стойлами, надзоромъ...—66. 34.

Красавица передъ зеркаломъ—67. 2.

Красавицѣ, которая нюхала табакъ—
64. 33.

Критонъ, роскошный гражданинъ—68.
103.

Кто тамъ? Здорово господа—70. 54.

Бубокъ [Заздравный]—64. 13.
 Куда, куда завлекъ меня враждебный
 Гений—70. 59.
 Къ ней—64. 14.
 Левъ страшно полюбить—67. 10з. 70. 41з.
 Лихой товарищъ нашихъ дѣдовъ—67. 28з.
 Лицейская годовщина:
 1831 года—77 А. 11.
 1836 года—77 А. 1. 86. 2з. 2з. 78з. 78з.
 Любимецъ моды легкокрылой—67. 58з.
 Медоць—73. 1.
 Мель тѣмъ, какъ генераль Орловъ—
 65, 30з.
 Мертвая царевна—72. 59з. 53з. 55з.
 46з. 45з.
 Мицкевичу—74. 7з.—6з.
 Младенцу—70. 24з.
 Мнѣ жаль великія жены—70. 19з.
 Мой другъ, не узнавай—65. 47з. 67. 11.
 Мой другъ, уже три дня—66. 8з.
 Мордвинову—67. 59з.
 Морю [къ]—70. 12з. 12з. 13з. 18з.
 Моя родословная—76 В. 4з.
 Муза—67. 4з.
 Мѣднй Всадникъ—72. 54з.—46з. 73. 19з.
 23з. 74. 7з.—15з. 16з.—17з. 75. 1з.—10з.
 43з.—50з. 16з. 36з. 18з. 23з. 60з. 6. 76 В.
 10—16. 47—53. 20—40. 41.
 Мѣсяць—64. 9з.
 На выздоровленіе Лукулъ—84. 41з.
 Надпись къ бесѣдѣ—64. 13з.
 Надѣясь на мое презрѣніе—82. 102з.
 На лрѣ дикой, благородной—64. 42з.
 Наполеонъ—65. 62з. 62з. 67. 20з.
 Напрасно ахнула Европа—70. 29з.
 Напрасно, милый другъ, я мыслилъ ута-
 лить—64. 56з.
 Назиданіи—64. 11з.
 Не дай мнѣ Богъ сойти съ ума—77 А. 9.
 [Недѣжнй стражъ дремалъ]—69. 41з.
 Неренда—67. 1з.
 Не розу паооссую—87 В. 46з.
 Ночь—67. 25з.
 Овидію [къ]—65. 53з. 66з. 66. 18з. 67. 14з.
 Однажды странствуя—77 А. 3. 4. 5.

О, дѣва-роза, я въ оковахъ—70. 36з.
 О — й (къ)—64. 41з.
 Окно—64. 10з.
 Олеговъ щить—82. 104з.
 Оленьей—74. 35з.
 Опричникъ—68. 18з.
 Опять я вашъ, о, юные друзья—64. 28з.
 Орлову [къ А. Ѳ.]—64. 54з.
 Осень—71. 78з. 79—82з. 77 А. 10.
 Оставь честь судьбѣ на произволъ—67. 4з.
 Огрывки—64. 84з. 49з. 50з. 52з. 63з. 64.
 66з. 67з.—69з. 71з. 77з. 78з. 65. 26з. 26з.
 31з. 36з. 39з. 39з. 42з. 43з. 43з. 45з. 46з.
 48з. 49з. 50з. 58з. 58з. 66. 1з. 9з. 16з.
 17з. 18з. 30з. 33з. 40з. 41з. 42з. 67. 42з.
 49з. 50з. 61з. 68. 17з. 21з. 35з.—37з. 69.
 9з. 35з. 40з. 42з. 70. 1з. 6з.—7з. 9з. 11з.
 18з. 24з. 29з. 37з. 39з. 41з. 51з. 56з. 57з.
 63з. 71. 16з. 17з. 95з. 97з. 99з. 72. 66з.
 73. 30з. 74. 15з. 76 В. 4з. 82. 17з. 19з.
 40зз. 101з. 93з. 106з. 84. 23з. 56з. 58з.
 Охотникъ до журнальной драки—67. 23з.

Памятнику [къ Кагульскому] 64. 77з.
 Памятникъ—84. 57з.
 Пиръ (вечерній)—64. 52з.
 Письмо къ Лидѣ—64. 31з.
 Платонизмъ—64. 73з. 78з.
 Пльвникъ [кавказскій]—65. 1з.—22з. 23з.
 24з.
 Повѣрь мнѣ, быть тебѣ Пангосомъ—65.
 41з.
 Подражаніе Анакреону—71. 15з.
 Подражаніе Корану—67. 28з.—29з. 32з. 70.
 9з. 13з. 18з. 19з. 20з. 22з. 35з. 36з. 37з.
 38з.—39з.
 Подруга дней моихъ суровыхъ—66. 43з.
 Подруга милая, я знаю для чего—65. 39з.
 [34з.] 67. 9з.
 Позволь душѣ моей открыться предъ
 тобой—64. 44з.
 Пока супругъ тебя, красавицу младую—
 70. 38з.
 Полководецъ—74. 28з.—25з. 82. 107з.
 Полтава—71. 10з.—12з. 17з.—19з. 23з. 24з.
 26з. 26з. 36з. 37з.—67з. 63з.—70з. 95з.—94з.
 97з.—96з. 72. 1—41. 77 А. 21.
 Посланіе къ Лидѣ—64. 1з.

Посланіе [второе] къ Цензору—67. 30.
70. 21.
Портрету [къ] Вяземскаго—67. 31.
Поэтъ—67. 39.
Поэтъ идетъ открыты вѣжды—84. 43.
Поѣдемъ, я готовъ—82. 25.
Предчувствіе—71. 13.
Презрѣвъ и шопоть укоризны—70. 35.
Примите новую тетрадь—65. 23.
Пріятели—67. 24.
Пріятели—70. 85.
Пріютъ любви, онъ вѣчно полнъ—70. 6.
Пробужденіе—64. 2.
Прозрѣнія—65. 29. 67. 27.
Проклятый городъ Кишиневъ—69. 23.
Цѣлостны-ли мнѣ ревнивыя мечты—69.
15. 16.
Пѣвецъ—64. 6.
Пѣсни Зап. Славянъ—75. 18. 35.
Пѣсни [народныя]—68. 52. 50. 73. 20. 31.
75. 18.
Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ—66. 4.
Пѣснь пѣсней—65. 53.
Пѣсня [шотландская]—71. 99.

Разговоръ поэта съ книгопродавцемъ—
70. 2. 13. 17. 28.
Раззѣвавшись отъ обѣдни—65. 37.
Разлука—64. 32.
Ремѣ [объ]—71. 24. 25.
Родословная моего героя—73. 18—21.
74. 3. 6. 7. 15. 16. 17. 75. 16. 36.
19. 34. 20. 33. 32. 21. 31. 35. 23—28.
32. 60.
Родригъ—77 А. 6 7. 8. 9.
Роза—64. 2.
Русалка [драма]—71. 85. 84. 83а. 76
А. 7.—18. 82. 19. 39. 40.
Русалка—64. 76.
Русланъ и Людмила—64. 46.—47. 50.—
51. 54. 56. 59.—69.
Рыцарь [сраженный]—64. 16.
Рѣдѣть облаковъ летучая града—67. 11.

Сабуровъ, ты оклеветалъ—70. 35.
Сапожникъ—82. 105.
Свободы свѣтель пустынный—66. 41. 67.
25. 69. 25.

Сводня грустно за столомъ—68. 27.
Своенравная подруга—68. 33.
Свать Иванъ, какъ пить мы станемъ—
74. 15.
Скажи какія заклинанья имѣютъ надъ
тобою власть—64. 70.
Сказка о золотой рыбкѣ—76 В. 2. 21.
Сказка о золотомъ пѣтушкѣ—74. 1. 20.—
23.
Сказка о попѣ и о работникѣ его Балдѣ—
76. 18. 19. 44. 45.
Сказка о царѣ Салтанѣ—71. 15.
Скупой рыцарь—76 В. 7. 8. 15. 19. 14.
10. 13. 11. 12. 16.
Слеза—64. 4.
Слово милой—64. 9.
Снова тучи надо мною—71. 13.
Сну [къ]—64. 13.
Соженное письмо—70. 51.
Стамбулъ гаури нынче славятъ—76 В.
3. 20.
Старайся наблюдать—67. 17.
Старикъ—64. 51.
Студенты (пирующіе)—64. 88.
Счастливъ, кто близъ тебя—64. 41.
Счастливъ, кто въ страсти самъ себѣ—
64. 10.
Счастливъ, кто избранъ своенравно—71.
22.
Счастливъ ты въ прелестныхъ дуракахъ—
82. 14.
Съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ одинъ—
76 В. 6.
Съ португальскаго—68. 1.
Съ толпой не дѣлишь ты—74. 4.
Съ турецкаго—65. 69.

Тадарашка въ васъ влюбленъ—65. 43
Твой и мой—64. 13.
[Тебя пою] на томной лирѣ—71. 88.
Товарищамъ—64. 43.
Ты и вы—71. 14.
Ты въ горестяхъ любви находишь не-
слажденье—64. 43.
Ты издавъ дядю моего—70. 33.
Ты мнѣ велишь пылать душой—64. 35.
Ты правъ, мой другъ—65. 56.

Ты правъ, несносенъ Опрсъ ученый—
64. 58а.
Ты правъ, хоть онъ поэтъ изрядный—
67. 5а.
Ты, сердцу непонятный мракъ—66. 14.
69. 1а.

Увы, зачѣмъ она блистаетъ—67. 2а.
Увы, языкъ любви болтливой—71. 18а.
Уединеніе—64. 51а.
Ужъ осень холодомъ дохнула—71. 79.
У Клариссы денегъ мало—67. 11а.
Умоляю скоро я—65. 47а. 67. 10а.
Уныніе [медлительно влекутся дни...]
64. 14а.
Уныніе [не спрашивай, зачѣмъ]—64. 72а.
Усы—64. 25а.
Утро [осеннее]—64. 17.
Ушаковой—71. 12а.

Фіалъ Анакреона—64. 8а.
Фонтану Бахчисар. дворца—70. 38а.
Французскихъ приемчей суровый судія—
74. 2а.

Хованскій [кн.]—67. 26а.
Христокъ воскресъ, моя Ревекка—65.
24а. 67. 8а.

Царь Никита—66. 9а.
Цвѣтокъ—71. 93а. 93а.
Цыганъ—68. 3а—16а. 69. 45а. 46а. 47а. 48а.
70. 3а. 3а. 9а. 10а. 24а—29а. 31а. 32а. 50а.

Чаадаеву—65. 26а. 27а. 67. 5а. 69. 44а.
Черепъ—67. 37а. 57а. 68. 36а.
Чернильницъ [къ моей]—65. 31а.
Чернь—71. 91а. 93а.
Черный воронъ выбиралъ бѣлую лебе-
душу—70. 36а.
Что-же будетъ-ли вино—70. 42а.
Что козырь? Черви...—70. 54а.
Чудный сонъ мнѣ Богъ послалъ—75. 29а.

Шинкову—64. 33а.

Щербинину [въ]—64. 71а.

Юднень—84. 43а.

Ю— [посланіе къ]—64. 21а.

Я былъ свидѣтелемъ златой твоей ве-
сны—70. 55а.

Я видѣлъ смерть—64. 40а.

Я думалъ сердце позабыло—64. 58а.

Я думалъ, что любовь погасла навсегда—
64. 15а.

Языкову—67. 37а.

Я пережилъ свои желанья—67. 3а. 65. 13а.

Я слушаю тебя и сердцемъ молодѣю—
65. 33а.

Копія разныхъ стихотвореній Пуш-
кина—2393 и 2395.

A son amant...—65. 39а.

Je t'aime tant—64. 41а.

Le tien et le mien—64. 15а.

II.

П Р О З А.

1) Романы и повѣсти.

Арапъ Петра Великаго—67. 60а. 61а. 68.
21а. 22а. 22а. 23а. 25а—27а. 28а—29а. 78.
1—44а.
(Въ Коломнѣ) на углу маленькой пло-
щади—71. 83а—86а. 89а. 86. 12—13.
50. 51а.
Въ одно изъ первыхъ чиселъ апрѣля—
77 А. 2.

Въ 179** возвращался я въ Лифляндію—
87 В. 23. 75а.
Гости съѣзжались на дачу—71. 27а—36а.
98а. 82. 75а—73а. 87 В. 40. 41. 57. 58.
42. 43. 55а.
Дубровскій—80.—87 А. 32а.
Египетскія ночи—86. I. 14. 16—49. II.
13—26.
Исторія села Горохина—67. 43. 87 А.
1а—10а. 83—79. В. 13а. 13а. 14а.

Капитанская дочка — 81. — 74. 4. 5.
75. 32.

Марія Шоннигъ—77 А. 14. 15. 16.

Не смотря на великія преимущества—
87 В. 24. 25. 33. 74.

Отрывки мелкіе—84. 57. 78. 66. 13. 39.
73. 15. 18. 42. 75. 15. 18. 24. 42.
77 А. 2.

Повѣсти Бѣленина—79.—87 В. 14—20.

Романъ въ письмахъ—82. 93.—89. 86.—
86. 85.

Рославль—82. 63.—47. 87 В. 12—15.
82—85.

Русскій Пеламъ—87 В. 16. 17. 19. 79. 78.
Следи изъ рыцарскихъ временъ — 84.
27.—29. 32.—38. 45.—49. 51.—53.

Съ французскаго—72. 65.—62.

Цезарь путешествовалъ—72. 57.

2) Путешествіе, журнальныя статьи, замѣтки.

Александръ Радищевъ—85—87 В. 1—8.
87—93.

Альманашикъ—82. 35.—39.

Баратынскій—87 В. 5. 6. 8. 27—29

Вольтеръ—86. 11—22. 68—52.

Дѣтскія сказочки—82. 66—64а.

Желѣзная маска—87 В. 44. 54. 45. 53.

Замѣчанія на Слово о Полку Игоревѣ и
переводъ слова—86 Г.

Лордъ Байронъ—86 П. 3.—7. 32.—36.

Мысли на дорогѣ—77 А. 18.—84. 1—26.—
85.—86. 38—41.

О народномъ воспитаніи—86. 49.—44.

Послѣдній изъ родственниковъ І. д'Аркъ
—86. 2—5. 58—61.

Предисловіе и примѣчанія къ Е. Онѣ-
гину—70. 10. 11. 33.

Примѣчанія къ Цыганамъ—68. 2. 70. 29.

Путешествіе въ Арарумъ—82. 1.—14.
85.—81. 83. 87 В. 27. 71.

Путешествіе В. Л. П.—86. 10.—11. 52.

Разговоръ А. и Б.—87 В. 28. 29. 70. 69.

Родословная Пушкинскихъ и Гавниба-
ловъ—87 А. 25—26. 59. 60. 62. 50.—В.
38. 39. 59.—61.

Россійская Академія—86. 6—9. 54—57.

Самъ съшь—87 А. 63. 87 В. 30.

Table-talk—77 В.

Замѣтки:

Объ азбукѣ—77 А. 19.

Объ А. Шевьсѣ—70. 65.

О Баратынскомъ—67. 38. 39.

О Байронѣ—67. 40. 82. 24.

О Борисѣ Годуновѣ—72. 42—44. 73. 2.
82. 11. 86 В. 79. 87 А. 35.

Историческія замѣтки въ Борису Году-
нову—70. 44.

Замѣтки:

о выходѣ Илиады—82. 28. 73.

о дамахъ—82. 70.

о Г. Г. Пушкинѣ—67. 55а.

о г-жѣ Сталь—87 В. 2.

о запискахъ Симсона—82. 73а.

объ исторіи поэзіи Шевырева—82. 4.

о Камчаткѣ—77 А. 22.

о литературной критикѣ—82. 29.

о Лобановѣ—86. 29—37. 42—50.

о Марѣ Посадницѣ—87 В. 31—34. 63—67.

о некрологіи Раевского—82. 17.

о повѣстяхъ Павлова—87 В. 21. 22.

о Полевомъ—87 В. 46. 47. 57. 52. 87 В. 1

о прекрасномъ—87 А. 52.

о причинѣ въ литературѣ—82. 71.

о путешествіи Муравьева—73. 22.

о разгорѣ у кв. Халдиной—82. 76.

о романтизмѣ—82. 29.

о романѣ Загоскина—82. 80. 79. 77.

о Тацитѣ—67. 60.

о словесности—87 В. 4. 31. 32.

о слогѣ—66. 10.

о соколиной охотѣ—77 А. 20.

о статьяхъ князя Виземскаго—82. 72.

о Фракійскихъ элегіяхъ—66. 23. 24. 2.
53. 55.

Замѣтки критическія и полемическія—
82. 18. 31. 102. 95.—93. 83. 13. 87 А.
74. 12. 13. 15 — 17. 67. 19. 20. 65. 64.
21. 22. 63. 87 В. 20.—69. 35. 33. 62.
37. 67. 38. 39. 61—59.

Замѣтки мелкія—64. 73. 67. 42. 45.—47.
56. 57. 59.—60. 68. 30. 31. 69. 2. 78.
56. 58. 65. 82. 72. 59. 82. 30. 86 В.
79. 87 А. 1. 18.

3) Историческія сочиненія.

Лугачевскій бунтъ—73. 26^а—25^б—90.
 Матеріалы для него—91.
 Разныя историческія матеріалы—88.—94.
 Историческія замѣчанія—65. 61^а. 62^а.
 66^а. 73. 16^а. 17^а. 43^а. 87 В. 22.
 Татищевъ—95. 199. 263.
 Записки Моро де Бразе—89

4) Письма.

Александрѹ I—70. 69^а.
 Бенкендорфу—70. 65^а. [71. 21^а. 23^а]. 73.
 44^а. 82. 29^а. 46^а. 86. 10. 11. 12. 27.
 Бестужеву А.—66. 35. 69. 43^а. 46^а.
 Вигель—69. 23^а.
 Всеволожскому 70. 36^а.
 Вяземскому 69. 16^а. 32^а. 41^а. 50^а. 70. 40^а.
 Вяземской В. Ѳ.—70. 34^а.
 Гнѣдичу—82. 28^а.
 Гончарову А. Н.—82. 33^а.
 Давыдову Д.—86 В. 5^а. 75^а. 87 В. 26^а. 76^а.
 Дельвигу—70. 42.
 Дмитріеву—72. 56^а. 86. 5^а. 75^а.
 Жуковскому—70. 36^а. 37^а.
 Казначееву—70. 1^а. 8^а.
 Катенину—66. 18.
 Невѣсть—72. 60^а.
 Невѣстнымъ лицамъ—64. 71^а. 66. 30^а.
 67. 36^а. 69. 21^а. 37^а. 43^а. 70. 41^а. 71.
 20^а. 72. 61^а. 59^а. 73. 44^а. 82. 32^а. 108^а.
 108^а. 86 А. 15^а. 15^а. 7^а. 73^а. 87. 33^а.
 Плетневу—66. 42^а.
 Раевскому А.—64. 74^а. 86. 8. 72.
 Толстому—95. 468.
 Тургеневу А.—65. 66^а. 69. 40^а.
 Ушакову—86 В. 74^а.
 Французскія, повидимому для повѣстей—
 73. 24^а. 82. 68^а.

5) Записки.

Кншиневскій дневникъ—87 А. 33.
 Penda-deka—86. 10. 70^а.
 Notice sur la revolution d'Ipsylanti—86.
 9. 71^а.
 Разговоръ съ Александромъ I-мъ—70. 46^а.

Записки—87. 34^а. 51^а. 51^а.
 Мелкія замѣтки, имѣющія значеніе для
 біографіи поэта—65. 45^а. 66. 33^а. 39^а.
 68. 38^а. 82. 20^а. 26^а. 77^а—108^а. 86. II.
 13^а. 87 В. 48^а. 49^а.
 Замѣтки для газеты—87. 31. 54. 55.
 Просьба на цензора—82. 66^а.

Программы:

Руслана и Людмила—64. 59.
 Гавриіады—85. 28^а. 68^а.
 Комедіи—65. 40^а.
 Братьевъ разбойниковъ—65. 46^а.
 Изъ русской исторіи—65. 46^а. 59^а. 66.
 8^а. 9^а. 10^а. 17^а. 78. 45^а.
 [Элегія]—65. 57^а.
 Вадима—65. 60^а.
 О разбойникѣ—65. 61^а.
 Цыганъ—69. 45^а.
 Евгенія Онегина—70. 5^а. 71^а.
 Сказки—70. 40^а.
 Бориса Годунова—70. 45. 55^а.
 Скупаго рыцаря—70. 80^а.
 Сказки о царѣ Салтанѣ—71. 16^а. 39^а.
 34. 78^а.
 Статьи о греческой революціи—71. 78^а.
 Статьи о новѣйшихъ романахъ—72. 60^а.
 Галуба—73. 5. 82. 22^а.
 Статьи о дворянствѣ—74. 24^а.
 Записокъ—75. 18^а.
 Русалки—76 А. 18^а.
 Къ статьѣ о книгѣ Радищева—77 А. 18.
 О Камчаткѣ—77 А. 22.
 Путешествіе въ Арзрумъ—82. 10.
 Статьи по исторіи литературы—82. 20.
 Повѣсти—82. 23^а.
 Рославлева—82. 53^а.
 Драмы—84. 23^а.
 Исторія села Горохина—87 А. 1. 75^а.
 76^а.
 Полемиической статьи—87 А. 15^а.
 Статьи о литературной собственности—
 87 В. 49^а.
 Списокъ сочиненій—65. 53^а. 67 [на пе-
 решлетѣ]. 76 А. 19^а. 77 А. 3.
 Планъ изданія сочиненій—72. 66^а. 61^а.
 74. 20^а.
 Планъ изданія журнала—73. 25^а.

6) Сказы, записанныя Пушкинымъ; выписки изъ разныхъ сочиненій; материалы.

Русскія сказки—66. 30. 68. 59. —52.

Изъ Сафо (прозой)—86 В. 1.

Изъ Байрона (прозой)—86 В. 2.

Прошеніе А. Ганнибала—87 39. 46.

Биографія А. Ганнибала:

нѣмецкій подлинникъ—87 А. 40. —45.

въ переводѣ—87 А. 28. 29. 56—58.

писанная сыномъ его—87 А. 37.

Рескриптъ Екатерины—87 А. 38.

Преставленіе пр. Саввы—86 II. 8. 31.

Изъ записокъ княгини Дашковой—86 3.
3а. 77.

Выписка изъ Жуковскаго—70. 6.

” изъ Мазенн Байрона—71. 70.

” изъ Гомера—74. 2.

” изъ сербской пѣсни—75. 35.

Marie Schoning—77 А. 13.

Изъ Вордсворта (прозой)—74. 31.

Выписки изъ Мицкевича—73. 33. —46.

Notice sur la secte de Jesuydes—83. 36.

Extrait de Berold de Savoy—67. 62.

Изъ Ginguéné—66. 31.

Французскія выписки—77 В.

Испанская выписка—76 В. 17.

Италянская выписка—86 В. 1.

В. В. Яковлевъ.

МИХАИЛЬ ЮРЬЕВИЧЪ ЛЕРМОНТОВЪ

въ замѣткахъ его товарища.

Зная, насколько „Русская Старина“ интересуется подробными свѣдѣніями о знаменитыхъ нашихъ соотечественникахъ, я, какъ бывший товарищъ Михаила Юрьевича Лермонтова, приведу здѣсь отрывокъ о немъ изъ старыхъ моихъ воспоминаній.

Во всѣхъ біографіяхъ М. Ю. Лермонтова, сколько мнѣ удалось читать ихъ, не упоминается, кажется, что, до поступления его въ Московскій университетъ, бабушка его, Арсеньева, опредѣлила его въ Московскій университетскій благородный пансіонъ. Сколько могу припомнить, кажется, онъ, хорошо видно дома подготовленный, поступилъ въ пятый классъ, откуда онъ, не кончивъ послѣдняго шестого класса, — скоро вышелъ. Много было печатано воспоминаній бывшихъ учениковъ пансіона, а потому я ограничусь только сообщеніемъ о томъ времени, когда Лермонтовъ былъ въ числѣ воспитанниковъ.

Лучшіе профессора того времени преподавали у насъ въ пансіонѣ и я еще живо помню, какъ на лекціяхъ русской словесности заслуженный профессоръ Мерзляковъ принесъ къ намъ въ классъ только что вышедшее стихотвореніе Пушкина:

Буря мглою небо кроетъ,
Вихри сыжные врта, и проч.

и какъ онъ, древній классикъ, разбирая это стихотвореніе, критиковалъ его, находя всѣ уподобленія невозможными, неестественными, и какъ все это бѣсило тогда Лермонтова. Я не помню, конечно, какое именно стихотвореніе представилъ Лермонтовъ Мерзлякову; но чрезъ нѣсколько дней, возвращая всѣ наши сочиненія на заданныя имъ темы, онъ, возвращая стихи Лермонтову, хотя и похвалилъ ихъ, но прибавилъ только: „молодо, зелено“, каковой, впрочемъ, аттестаціи почти всѣ наши сочиненія удостоивались. Все это было въ 1829 или 1830 году, за давностью хорошо не помню. Нашими соучениками въ то время

были, блистательно кончившіе курсъ, братья Д. А. и Н. А. Милютинны и много бывшихъ потомъ государственныхъ дѣятелей.

Въ послѣднемъ 6-мъ классѣ пансіона сосредоточивались почти всѣ университетскіе факультеты, за исключеніемъ, вѣроятно, медицинскаго. Тамъ преподавали всѣ науки и потому у многихъ, во время экзамена, выходилъ какой-то хаосъ въ головѣ. Нужно было приготовиться, кажется, изъ 36 различныхъ предметовъ. Директоромъ былъ у насъ Курбатовъ. Инспекторомъ, онъ же и читалъ физику въ 6-мъ классѣ, М. Г. Павловъ. Судопроизводство—старіеъ Сандуновъ. Римское право—Маловъ, съ которымъ потомъ была какая-то исторія въ университетѣ. Фортификацію читалъ Мягковъ. Таятнеу, механику и проч. и проч. я уже не помню кто читалъ. Французскій языкъ—Бальтусъ, съ которымъ ученики продѣлывали разные шалости, подделывали ему подъ стулъ хлопущи и проч.

Всѣмъ намъ товарищи давали разныя прозвища. Въ памяти у меня сохранилось, что Лермонтова, не знаю почему,—прозвали лягушкою. Вообще, какъ помнится, его товарищи не любили и онъ ко многимъ приставакъ. Не могу припомнить, пробылъ-ли онъ въ пансіонѣ одинъ годъ или менѣе, но въ 6-мъ классѣ къ концу курса онъ не былъ. Всѣ мы, воспитанники благороднаго пансіона, жили тамъ и отпусеались къ роднымъ по субботамъ, а Лермонтова бабушка ежедневно привозила и отвозила домой.

Въ 1832 году я снова встрѣтился съ Лермонтовымъ въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ. Извѣстно, что въ школѣ онъ былъ юнкеромъ л.-гв. гусарскаго полка и вышелъ въ тотъ-же полкъ корнетомъ. Гвардейская школа помѣщалась тогда у Синяго моста въ огромномъ домѣ, бывшемъ потомъ дворцѣ в. кн. Маріи Николаевны. Мы, пѣхотинцы, помѣщались въ верхнемъ этажѣ, кавалерія и классы—въ среднемъ. Пѣхотные подпрапорщики мало и рѣдко сближались съ юнкерами, которые называли насъ „крупкою“. Иногда, въ свободное время, юнкера заходили къ намъ въ рекреационную небольшую залу, гдѣ у насъ находился старій разбитый роуль.

Въ одной провинціальной газетѣ („Харьковскія Вѣдомости“, № 191, 28 іюля 1884 г.), въ статьѣ Обзоръ періодической печати, помѣщенъ отрывокъ изъ журнала „Русская Мысль“ П. Висковатова о пребываніи Лермонтова въ школѣ гвардейскихъ юнкеровъ. Настоящая статья моя,—воспоминаніе старика о М. Ю. Лермонтовѣ,—вызвана не совсѣмъ вѣрнымъ и точнымъ сообщеніемъ г. Висковатова о нашемъ школьномъ времени.

Въ концѣ 1820-хъ и самомъ началѣ 1830-хъ годовъ, для моло-

дыхъ людей, обончившихъ воспитаніе, предстояла одна карьера— военная служба. Тогда не было еще училища Правовѣдѣнія и всѣхъ гражданскихъ чиновниковъ называли подъячими. Я хорошо помню, когда отецъ мой, представляя насъ, трехъ братьевъ, великому князю Михаилу Павловичу, просилъ двухъ изъ насъ принять въ гвардію и какъ его высочество, взглянувъ на третьяго, небольшого роста, сказалъ: „а этотъ въ подъячіе пойдетъ“. Вотъ какъ тогда величали всѣхъ гражданскихъ чиновниковъ, и Лермонтовъ, оставивъ университетъ, поневолѣ долженъ былъ вступить въ военную службу и просидѣть два года въ школѣ.

Обращеніе съ нами въ школѣ было самое гуманное, никакого особенно гнета, какъ пишетъ Висковатовъ, мы не чувствовали. Директоромъ былъ у насъ баронъ Шлиппенбахъ. Ротой гѣхоты командовалъ, одинъ изъ добрѣйшихъ и милыхъ людей, полковникъ Гельмерсенъ, кавалеріею—полковникъ Стунѣевъ, онъ былъ женатъ на сестрѣ жены М. И. Глинки. Инспекторомъ классовъ, добрѣйшая личность, инженеръ полковникъ Павловскій. Дежурные офицеры обращались съ нами по товарищески. Дежурные, въ гѣхотѣ и кавалеріи, спали въ особыхъ комнатахъ около дортуаровъ. Утромъ будили насъ проходя по спальнямъ и никогда барабанный бой насъ не тревожилъ, а потому, какъ пишетъ Висковатовъ, нервы Лермонтова отъ барабаннаго боя не могли разстроиваться. Дежурные офицеры были у насъ: А. Ф. Гольтгофъ, впоследствии генералъ, князь Химшеевъ, Нагель, Андрей Федоровичъ Лишенъ, впоследствии директоръ какого-то корпуса. Кавалеристовъ не помню, за исключеніемъ, ротмистра л.-гв. уланскаго полка, Клерона, лихого француза, и всѣ эти господа обращались съ юнкерами совершенно по товарищески, и можетъ быть это обращеніе съ нами начальства было причиною, что, не желая огорчить кого-нибудь изъ любимыхъ нами дежурныхъ, въ двухъ-лѣтнее пребываніе мое въ школѣ я не помню, чтобы ктонибудь подвергался взыванію. По субботамъ мы, бывало, отправлялись по очереди, по два, отъ гѣхоты и кавалеріи, во дворецъ къ великому князю Михаилу Павловичу и обѣдали за однимъ съ его высочествомъ столомъ.

Профессоръ П. А. Висковатовъ въ статьѣ своей о пребываніи Лермонтова въ школѣ совершенно ошибочно передаетъ: „группировались въ свободное время и около Вонлярлярскаго, который привлекалъ къ себѣ многихъ неистощимыми, забавными рассказами. Съ нимъ соперничалъ Лермонтовъ, никому не уступавшій въ остроухъ и веселыхъ шуткахъ“. Все это передано совсѣмъ

невѣрно. Дѣйствительно, въ одно время съ ними, былъ въ школѣ въ пѣхотѣ, извѣстный потомъ острякъ-повѣса, Коста Булгаковъ. Константинъ Яковлевичъ Булгаковъ, сынъ бывшаго московскаго почти-директора, бывший нашъ школьный товарищъ, обладалъ многими талантами. Всегда веселый, острякъ, отличный музыкантъ, онъ, въ свободное время, дѣйствительно, группировалъ около себя всѣхъ насъ и къ намъ навѣрхъ приходили Лермонтовъ и другіе конвекра. Во время пѣнія, весьма часто разныхъ скабрзныхъ куплетовъ, большею частью акомпанировалъ Мишель Сабуровъ, который, кажется, наизусть зналъ всѣ тогдашнія французскія шансонетки и въ особенности пѣсни Беранже. Коста Булгаковъ, какъ мы его обыкновенно называли, былъ общій любимецъ и дѣйствительно примѣчательная личность. Къ сожалѣнію, отъ слишкомъ сильнаго разгула, онъ рано кончилъ жизнь. Шутки и остроты его не ограничивались только кругомъ товарищей, онъ часто забавлялъ ими великаго князя Михаила Павловича. Въ то время много анекдотовъ передавали о походахъ Булгакова. Вотъ съ этою-то личностью соперничалъ въ остротахъ Лермонтовъ, а не съ названною ошибочно Виссочатовымъ. Въ романѣ Писемскаго „Массоны“ фигурируетъ Булгаковъ, и даже есть портретъ его, но вовсе несхожій.

Третій и послѣдній разъ я встрѣтился уже съ Лермонтовымъ въ 1837 году, не помню—въ Пятигорскѣ или Кисловодскѣ, на вечерѣ у знаменитой графини Ростопчиной. Припоминаю, что на этомъ вечерѣ онъ былъ грустный и скоро исчезъ, а мы долго танцовали. Въ это время, кажется, онъ ухаживалъ за m-lle Емилиєю Верзилиной, прозванной имъ-же, кажется: La Rose du Caucase. Всѣ эти подробности давно извѣстны и не для чего ихъ повторять.

Въ Кисловодскѣ я жилъ съ двумя товарищами на одной квартирѣ: княземъ Владиміромъ Ивановичемъ Барятинскимъ, бывшемъ потомъ генераль-адъютантѣ, и княземъ Александромъ Долгорукимъ, тоже во цвѣтѣ лѣтъ погибшемъ на дуэли. Къ намъ по вечерамъ заходилъ Лермонтовъ съ общимъ нашимъ пріателемъ, хромымъ докторомъ Мейеромъ, о которомъ онъ въ „Герои нашего времени“ упоминаетъ. Веселая бесѣда, споры и шутки долго, бывало, продолжались.

Вотъ мои замѣтки о бывшемъ моемъ товарищѣ Михаилѣ Юрьевичѣ Лермонтовѣ.

А. М. Мизлашевскій.

1-го августа 1884 г.

Д. Вороная.

МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ ГЛИНКА

въ воспоминаніяхъ его сестры Л. И. Шестаковой.

М. г. Михаилъ Ивановичъ! Я дала вамъ слово набросать воспоминанія о братѣ моемъ и о себѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ я васъ знаю, вы постоянно относились съ любовью и уваженіемъ къ памяти моего брата и съ участіемъ ко мнѣ; вы поймете, что я искренно рада исполнить желаніе ваше и этимъ доказать вамъ мою глубокую признательность. Л. Шестакова.

Отъ редакціи. Доставленный въ 1880 году, при приведенномъ вышю къ намъ письмѣ, очеркъ высокоуважаемой Людмилы Ивановны Шестаковой предназначенъ ею только для личнаго нашего свѣдѣнія. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ все, что относится до великаго нашего композитора М. И. Глинки, интересуетъ всѣхъ русскихъ людей, то мы и позволяемъ себѣ помѣстить эту статью на стр. „Русской Старинѣ“, въ надеждѣ, что Л. И. Шестакова насъ извинитъ за нарушеніе ея желанія возможно долѣе сохранить ея статью въ рукописномъ видѣ.

Статья эта, касаясь главнымъ образомъ судьбы произведеній М. И. Глинки до посмертныхъ изданій оныхъ, составляетъ весьма важное дополненіе къ той массѣ записокъ, воспоминаній, рассказовъ, замѣтокъ и писемъ, которыя помѣщены въ „Русской Старинѣ“ изд. 1870—1884 гг. по отношенію къ жизни и музыкальному творчеству Михаила Ивановича Глинки. Ред.

I.

Братъ мой, М. И. Глинка, родился, какъ извѣстно, въ 1804 г.; а же въ 1816 г., именно въ тотъ самый годъ, когда братъ былъ опредѣленъ въ Петербургѣ въ благородный пансіонъ при университетѣ, что нынѣ 1-ая гимназія. Помню только, какъ во снѣ, что на каникулярное время брата привозили иногда въ деревню. Впервые же я сознательно помню его, когда онъ, въ 1824 году, молодымъ человѣкомъ уже, пріѣхалъ въ какому то семейному

празднику въ деревню: былъ въ синемъ фракѣ съ бронзовыми пуговицами и привезъ свой поясной портретъ въ такомъ же костюмѣ (портретъ находится у меня и послѣ моей смерти долженъ поступить въ императорскую публичную бібліотеку, потому что онъ былъ удивительнаго сходства съ оригиналомъ). Помню я этотъ прїѣздъ брата по слѣдующей забавной выходкѣ съ моей стороны: долго смотрѣла я на портретъ и потомъ, подойдя къ брату, сказала: „братецъ Мишенька, почему у маленькаго братца Мишеньки ножевъ нѣтъ, онъ бы со мной бѣгалъ“. Помню, что братъ засмѣялся, взялъ меня на руки и побѣжалъ, сказавъ: „я съ тобой побѣгаю“.

Съ 1824 по 1829 годъ братъ прїѣзжалъ нѣсколько разъ въ деревню на короткое время. Въ 1829 году, въ іюнѣ мѣсяцѣ, онъ прїѣхалъ въ деревню и пробылъ до апрѣля 1830 года. Въ продолженіе этихъ десяти мѣсяцевъ, онъ, не смотря на свою хандру, на свои мнимые и дѣйствительные недуги, постоянно занимался со мною науками и музыкою аккуратно два или три часа въ день, даже самъ набросалъ для меня уроки изъ географіи, въ которыхъ особенно подробно распространяется объ Испаніи (я подарила ихъ В. В. Никольскому)¹⁾. Братъ мой умѣлъ передавать какъ науку, такъ и музыку чрезвычайно ловко и я въ эти немногіе мѣсяцы очень у него успѣла, а главное онъ меня прїохотилъ къ занятіямъ (прежде, говорятъ, я была очень лѣнива, но послѣ его отъѣзда за границу, 25-го апрѣля 1830 года, я начала съ охотою заниматься переводами и сочиненіями). Къ несчастію, мы жили въ такой глуши, что, не смотря на все стараніе моихъ родителей, они не всегда могли имѣть гувернантку; старшія сестры, иногда, отъ нечего дѣлать занимались со мною.

Братъ пробылъ за границей четыре года и постоянно отсюда спрашивалъ меня о моихъ занятіяхъ и я ему давала подробный отчетъ обо всемъ, меня касавшемся. Вотъ эти-то отношенія учителя къ ученицѣ первоначально сблизили насъ.

Въ 1834 году умеръ нашъ отецъ и братъ возвратился въ деревню, гдѣ пробылъ все лѣто, за исключеніемъ поѣздки въ Москву на короткое время; меня онъ нашелъ уже взрослою дѣ-

¹⁾ Нынѣ уже покойный профессоръ русской словесности и инспекторъ Александровскаго лиція въ С.-Петербургѣ. Ред.

ницею и всякій день до отъѣзда въ Петербургъ занимался со мною чтеніемъ и музыкой.

Весною 1836 года братъ женился въ Петербургѣ, а я въ то же самое время была выдана замужъ въ деревнѣ. Здѣсь я должна пропустить нѣсколько лѣтъ.

Какъ писалъ братъ оперу „Жизнь за Царя“, какъ она была поставлена на сценѣ, можно видѣть изъ его записокъ, мною изданныхъ на стр. „Русской Старины“ изд. 1870 г. ¹⁾, а также изъ записокъ А. Я. Петровой. Потомъ братъ, разставшись съ женою, былъ въ Испаніи и оттуда пріѣхалъ въ деревню лѣтомъ въ 1847 году и до апрѣля 1848 года мы были уже неразлучны.

Наши несчастныя супружества сблизили насъ и мы искренно привязались другъ къ другу.

Зиму мы прожили въ Смоленскѣ (это время описано братомъ въ его запискахъ). Въ апрѣлѣ 1848 года онъ уѣхалъ въ Варшаву, я отправилась къ матушкѣ. Она нуждалась въ близкомъ человѣкѣ, зрѣніе ея начало видимо слабѣть, а я, не имѣя дѣтей, была свободнѣе другихъ сестеръ и къ тому же ей пріятнѣе было имѣть меня подлѣ себя уже потому, что она знала, какъ братъ меня любитъ. Я охотно согласилась быть при ней; исполняла должность секретаря, чтеца и всего, что ей было угодно. Она не разъ въ то время говаривала мнѣ о братѣ и просила меня беречь его въ случаѣ ея смерти. И точно: протанула она недолго, въ 1851 году, 30-го мая, она скончалась. Я какъ можно осторожнѣе увѣдомила объ этомъ брата, зная, какой онъ былъ нѣжный сынъ; писала ему и просила его пріѣхать распорядиться дѣлами, но получила извѣстіе, что онъ нездоровъ и пріѣхать не можетъ. Тогда я, немедленно, отправилась къ нему въ Варшаву и пробыла у него мѣсяца два; онъ, при мнѣ, совершенно оправился и я, по желанію его, выхлопотала ему паспортъ за границу, куда онъ хотѣлъ ѣхать съ товарищемъ своимъ, испанцемъ—донъ Педро; сама же, въ сентябрѣ, возвратилась въ деревню и принялась устраивать дѣла по имѣнію брата. Не прошло и недѣли съ моего возвращенія, какъ получаю отъ брата письмо изъ Петербурга, куда онъ только что пріѣхалъ. Въ письмѣ онъ просилъ меня не

¹⁾ Третье изданіе „Русской Старины“ 1870 г., въ трехъ томахъ, вышло въ свѣтъ въ 1875 году.

замедлить прїѣхать къ нему, потому что онъ очень боленъ. Въ октябрѣ въ этомъ же 1851 году, я поѣхала въ Петербургъ, оставилась въ училищѣ глухо-нѣмыхъ у директора, мужа сестры моей, Флери. Узнавъ квартиру брата, тотчасъ же поѣхала къ нему: это было вечеромъ, часовъ въ 9-ть; у него были гости: Энгельгардтъ и другіе, но, не смотря ни на что, увидя меня, братъ вступилъ передо мной на колѣни и зарыдалъ какъ ребенокъ. Пробывъ у брата часа два, я возвратилась въ училище глухо-нѣмыхъ и на другое утро, прежде чѣмъ я встала, братъ былъ уже у меня и провелъ у меня весь день и вечеръ, сильно упрашивая меня остаться всю зиму въ Петербургѣ. Долго не рѣшалась я, а потомъ придумала средство испытать, будетъ ли мое присутствіе полезно брату. Онъ занималъ крошечную квартирку, но я переѣхала къ нему. Не желая беспокоить ни его, ни Педро, я спала на маленькомъ диванчикѣ въ гостиной, рядомъ съ спальнею брата.

Пробывъ у него дней десять, я окончательно убѣдилась, что мнѣ слѣдуетъ остаться: братъ переродился, раздражительность его исчезла, нервы успокоились, онъ началъ заниматься и когда я переѣхала отъ него въ училище, то онъ чаще бывалъ у меня, чѣмъ на своей квартирѣ. Тогда, скрытно отъ него, я поручила отыскать намъ квартиру (сама этого сдѣлать не могла, потому что была первый разъ въ Петербургѣ). Квартира была найдена на углу Невскаго и Владимірской, домъ Жукова, и 17-го ноября, въ день моего рожденія, когда братъ принесъ мнѣ подарокъ, я объявила брату, что квартира уже нанята и что завтра же мы туда переѣзжаемъ съ тѣмъ, что я пробуду съ нимъ всю зиму. Какъ обрадовался братъ этому извѣстію—описать невозможно; весь день былъ веселье, пѣлъ, игралъ, былъ милъ, любезенъ съ гостями такъ, какъ онъ умѣлъ быть любезнымъ, когда хотѣлъ. Немедленно мы переѣхали на новую квартиру и намъ жилось хорошо (это время подробно описано братомъ въ его запискахъ).

Что касается музыкальной дѣятельности брата въ этотъ промежутокъ времени, то онъ сочинялъ немного, а я такъ мало знала подробностей о его музыкѣ, что не могла ничего предпринять для приведенія ея въ порядокъ. Помню только, что братъ нѣсколько разъ жаловался, что не слыхалъ въ оркестровомъ исполненіи своихъ вещей: „Камаринскій“, „Ночь въ Мадридѣ“ и затѣмъ нѣкоторыхъ вокальныхъ. Мнѣ захотѣлось сдѣлать ему

приятное и доставить случай услышать неслышанныя еще имъ его произведенія.

Не говоря брату ни слова, я пригласила къ себѣ покойнаго Карла Богдановича Шуберта, сообщила ему мою мысль и онъ охотно согласился устроить концертъ „Филармоническаго общества“ въ пользу вдовъ и сиротъ. Я же съ своей стороны упростила Марью Васильевну Шиловскую и другихъ участвовать въ этомъ концертѣ, и когда уже было все наготовѣ, я сказала брату. Онъ съ радостью взялся пройти всѣ вокальныя сочиненія съ пѣвицами.

Въ Великомъ посту былъ назначенъ концертъ. Мы поѣхали съ братомъ на генеральную репетицію и только успѣли войти и сѣсть съ братомъ, какъ К. Б. Шубертъ началъ настоятельно требовать брата на эстраду, чтобы показать настоящій темпъ. Братъ, не подозрѣвая никакой ловушки, отправился по зову, но только ступилъ на эстраду, какъ оркестръ, положивъ инструменты, а исполнители и исполнительницы свои ноты—дружнымъ рукоплесканіемъ встрѣтили брата. Онъ былъ пораженъ неожиданностью и глубоко тронутъ. Многіе изъ стариковъ артистовъ обнимали его. Овація была вполне торжественная.

Возвратясь ко мнѣ, со слезами на глазахъ, братъ сказалъ мнѣ: „помни, что отзывы артистовъ о моей музыкѣ для меня дороже отзывовъ и овацій всего міра“.

На другой день, концертъ прошелъ очень благополучно, мы съ братомъ сидѣли на хорахъ (онъ не любилъ выставляться), но не смотря на это, всѣ знали, гдѣ сидитъ братъ и всѣ глаза были обращены на него; залъ былъ совершенно полонъ, сборъ былъ великолѣпный и на утро Шубертъ пріѣхалъ благодарить меня за этотъ импровизированный концертъ, принесшій вдовамъ и сиротамъ музыкантовъ много пользы.

Эта зима прошла очень весело, но въ маѣ мѣсяцѣ я должна была уѣхать въ деревню къ годовичному поминовенію моей матери. Въ деревнѣ тогда былъ обычай въ годовую день кончины собирать всѣхъ родныхъ, знакомыхъ, священниковъ, а послѣ церковной службы кормить и пить всѣхъ до отвала; обычай этотъ уничтожается, да и пора ему! Ужасно неприятно видѣть, когда, въ день памяти о близкомъ человѣкѣ, безчувственная толпа пьетъ и ѣстъ съ радостью.

Мы оттягивали день разставанья съ братомъ до послѣдней возможности. Я упрашивала брата ѣхать со мною; онъ рѣшительно не согласился и былъ правъ: живя почти постоянно за границей, вдругъ взглянуть на деревенскія безобразія крѣпостнаго быта того времени было бы для него поразительно и даже невозможно.

И такъ, 25-го мая 1852 года, мы разстались; братъ съ Педро уѣхалъ въ Парижъ, а я въ деревню, гдѣ пробыла до мая 1854 года, постоянно получая отъ брата письма; болѣе 300-тъ писемъ брата къ матери и ко мнѣ затеряны въ Императорской Публичной библиотекѣ въ С.-Петербургѣ, куда я ихъ переслала черезъ посредство В. В. Стасова, въ которыхъ онъ жаловался на разлуку со мной; помню въ одномъ изъ этихъ писемъ было сказано: „глупъ я, что не повѣрилъ словамъ,—гласящимъ, что отъ добра добра не ищутъ; мнѣ было такъ хорошо съ тобою; зачѣмъ я уѣхалъ?“

Ранѣе 1854 года я не могла пріѣхать въ Петербургъ; я начала строить каменную церковь и мое присутствіе въ деревнѣ было необходимо какъ по этому дѣлу, такъ равно и по хозяйственнымъ дѣламъ, да въ тому же на второмъ году по пріѣздѣ въ деревню у меня родилась дочь Ольга, крестница покойнаго брата. Но только я оправилась немного и устроилась, сейчасъ же, въ апрѣлѣ 1854 года, поѣхала въ Царское село съ моей крошечной дѣвочкой (которую я кормила сама) на приготовленную дачу для насъ, чтобы встрѣтить тамъ брата, который обѣщалъ пріѣхать въ началѣ мая. Дѣйствительно, 16-го мая 1854 г. братъ пріѣхалъ изъ Берлина.

Встрѣчи нашей описывать не буду. О жизни нашей въ Царскомъ уже сказано мною въ замѣткахъ моихъ о послѣднихъ годахъ жизни брата въ „Русской Старинѣ“ 1870 г. (изд. третье, томъ II).

Мы пробыли въ Царскомъ до августа. По переѣздѣ въ городъ въ домъ Томилова, Эртелевъ переулокъ, я принялась заботиться о музыкѣ брата. Начала я съ того, что вздумала привести въ порядокъ романсы брата. Это было связано съ большими затрудненіями; братъ помнилъ, что онъ писалъ и на Кавказѣ, и въ Москвѣ, и за границей, и въ Малороссіи, но у кого именно нужно было спрашивать эти сочиненія,—онъ не зналъ. Мнѣ удалось собрать почти все; братъ самъ составилъ списокъ, въ

второмъ году онъ что сочинялъ, и у меня въ книгѣ всѣ романы расположены по его назначенію, и тамъ же его рукой написано нѣсколько строкъ, которыми онъ подтверждаетъ, что это приведено въ порядокъ мною (книга эта должна поступить въ Публичную библіотеку послѣ моей смерти).

Въ 1853 году сгорѣлъ Большой театръ въ Москвѣ и съ нимъ партитуры „Руслана“ и „Жизнь за Царя“, такъ что осталось только по одному экземпляру этихъ оперъ въ Петербургской театральной дирекціи. Братъ не разъ говорилъ мнѣ, что онъ ужасно боится, что и здѣсь могутъ сгорѣть партитуры и тогда его музыка пропадетъ, а особенно онъ боялся за „Руслана“, и это по двумъ причинамъ: онъ эту оперу больше любилъ и ставилъ ее несравненно выше „Жизни за Царя“, а во вторыхъ партитура „Жизни за Царя“ сохранилась въ оригиналѣ, тогда какъ отъ партитуры „Руслана“ были только небольшіе наброски. Видя, какъ братъ серьезно тревожится этимъ, я попросила К. Б. Шуберта отрекомендовать мнѣ самаго лучшаго переписчика изъ артистовъ и поручила ему переписать по два экземпляра партитуры „Руслана“ и „Жизни за Царя“. Конечно, это писалось болѣе года; но по окончаніи этого труда, я, по желанію брата, по одному экземпляру каждой оперы послала въ Берлинъ къ Дену,—любимому учителю брата, а другіе два отдала Стасовымъ. Этому моему распоряженію (безъ хвастовства могу сказать) искусство и публика обязаны, что слышать „Руслана“. Забыла въ второмъ году сгорѣлъ Маринскій театръ въ Петербургѣ и съ нимъ „Русланъ“. Тогда-то дирекція и брала списывать партитуру „Руслана“ у Стасовыхъ.

Мы прожили съ братомъ до 1856 года. Въ этотъ промежутокъ времени онъ писалъ, по просьбѣ моей, нѣкоторыя мелочи. Серьезныя вещи ему какъ-то не давались; онъ все былъ недоволенъ ими, началъ симфонію „Тарасъ Бульба“ и не докончилъ ее, началъ оперу „Двумужница“, но разсердился на либреттиста Василько Петрова и хотѣлъ даже изъ за этого немедленно уѣхать за границу, но мнѣ удалось упросить его остаться еще зиму со мною. Это была послѣдняя зима, что мы были вмѣстѣ. Братъ уѣхалъ въ Берлинъ въ апрѣлѣ 1856 года, а въ 1857-мъ, 3-го февраля, его не стало.

II.

Послѣ кончины моего брата М. И. Глинки, я попросила В. П. Энгельгардта, который ѣхалъ за границу, издать тамъ партитуры четырехъ увертюръ брата, а именно: „Жизнь за Царя“, „Русланъ и Людмила“, „Арагонская хота“ и „Ночь въ Мадридѣ“ и посвятить ихъ: Мейерберу, Берліозу, Листу и Дену, вому которую— я уже не помню. Сдѣлала я это по двумъ причинамъ: во-первыхъ потому, что всѣ они всегда сочувственно отзывались о музыкѣ брата, а во-вторыхъ, не скрою, цѣль моя была также, чтобы узнали за границей музыку брата. Тутъ же прибавлю, что по закону я имѣла право получать вознагражденіе отъ всѣхъ мѣстъ, гдѣ исполнялись оперы и вообще сочиненія брата, потому что они не были изданы (кромѣ императорскихъ театровъ). Но я, имѣя единственною цѣлью распространеніе музыки брата, не только не преслѣдовала исполнителей и не брала вознагражденія, а, напротивъ, способствовала имъ всѣми отъ меня зависѣвшими средствами. Для этого я распорядилась такъ: братъ, по духовному завѣщанію, сдѣлалъ меня единственною наслѣдницею всего движимаго и недвижимаго имущества своего; я рѣшительно все отдала сестрамъ, какъ земли, такъ и движимости, оставя себѣ единственно только музыку брата. Мною въ этомъ дѣлѣ руководилъ не расчетъ, потому что братомъ самимъ, лѣтъ за десять или пятнадцать до его смерти, были проданы за безцѣновъ обѣ оперы и всѣ лучшія сочиненія его. Но цѣль моя была, чтобы родственники мои, иначе чѣмъ я смотрѣвшіе на вещи, не были мнѣ помѣхою дѣйствовать по моему усмотрѣнію согласно съ словами, слышанными мною отъ брата. Вотъ все, что я сдѣлала до 1863-го года.

У меня оставались мои небольшія средства; я поселилась съ дочерью въ маленькой квартирѣ въ Петербургѣ, выѣзжала только съ нею къ ея маленькимъ подругамъ и совершенно посвятила себя ея воспитанію.

Въ 1863-мъ году мнѣ было послано новое и послѣднее испытаніе: дочь моя, послѣ кратковременной, но тяжелой болѣзни, умерла 31-го декабря 1863-го года. Не буду описывать перваго времени послѣ этой катастрофы; да я его и не помню, помню только, что

М. А. Балакиревъ и В. В. Никольскій возвратили меня къ жизни. Они начали у меня учить бѣдныхъ дѣтей, которыхъ любила и которымъ помогала моя дѣвочка, первый—музыкѣ, а второй—наукамъ; меня это такъ заинтересовало, что потомъ у меня долго, долго была въ домѣ постоянная маленькая школа, и я аккуратно и не безъ успѣха занималась съ дѣтьми и не болѣе какъ года три тому назадъ (1877 г.) должна была, по слабости своего здоровья, оставить эти занятія.

Въ это же время, когда самое острое горе смягчилось, я начала серьезно думать о музыкѣ брата и, правда, посвящала и посвящаю ей всю жизнь свою.

Въ 1864-мъ году я просила Д. В. Стасова переговорить съ Стелловскимъ и предложить ему выгодное для него условіе, чтобы онъ позволилъ мнѣ напечатать за границей оперы брата. Стелловскій согласился и я уже упросила М. А. Балакирева ѣхать за границу для этой цѣли; дѣло это Стасовъ съ Стелловскимъ велъ на словахъ, а Стелловскій вмѣсто того, чтобы доставить Балакиреву слѣдующія ноты, на другой же день началъ противъ меня искъ, оскорблялъ меня разными клеветами и взводилъ на меня разные небллицы, даже грозилъ посадить меня въ смирительный домъ. Никто не подозрѣвалъ тогда, что тяжкій душевный недугъ овладѣлъ Стелловскимъ и умственные способности начали уже разстраиваться.

Дѣло съ Стелловскимъ затянулось и не было никакой возможности и думать о печатаніи партитуръ, а мнѣ хотѣлось что нибудь предпринять въ пользу музыки брата и потому узнавъ, что чехи очень дружелюбно относятся къ музыкѣ Глинки и ставили въ Прагѣ „Жизнь за Царя“, попросила Милія Алексѣевича Балакирева ѣхать туда, взявъ съ собою партитуру „Руслана“. Балакиревъ проѣздилъ довольно долгое время, но не могъ ничего сдѣлать, потому что это было время австро-прусской войны 1866-го года.

Въ томъ же 1866-мъ году, по окончаніи войны, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, преслѣдуя свою мысль о постановкѣ „Руслана“ въ Прагѣ, я запаслась письмомъ отъ В. И. Ламанскаго къ Ригеру и поѣхала въ Прагу; въ день моего приѣзда, вечеромъ, Ригеръ передъ спектаклемъ зашелъ ко мнѣ и узнавъ, что я тоже ѣду въ театръ (въ тотъ день давали въ первый разъ „Проданную невѣсту“ Сметаны), сказалъ, что послѣ перваго акта, съ директорами и дирижеромъ, при-

дети во мнѣ въ ложу (надо замѣтить, что тогда было двѣнадцать директоровъ въ Прагѣ въ чешскомъ театрѣ). Дѣло о постановкѣ „Руслана“ устроилось въ десять минутъ, такъ что я въ тотъ же день, возвратясь изъ театра, написала Балакиреву въ Петербургъ объ этомъ. Тутъ не могу не прибавить, что на этотъ разъ русская пословица невѣрна:—„у семи нянекъ дитя безъ глазу“. А у насъ есть примѣръ недалекій, гдѣ одна нянька не сдѣлаетъ того въ десять лѣтъ, что сдѣлали чехи въ десять минутъ. Но это къ дѣлу не идетъ; возвратимся въ Прагѣ. Одинъ изъ директоровъ, а именно Наперстовъ, замѣтилъ, что я въ театрѣ восхищалась пѣніемъ и игрою Іосифа Іосифовича Палечека: онъ для меня сдѣлалъ вечеръ, гдѣ я впервые слышала Палечека,—исполненіе его партіи Сусанина въ „Жизнь за Царя“. Что за прелестный тембръ голоса былъ у него тогда, описать нельзя; скажу только, что этотъ вечеръ былъ для меня истинное наслажденіе.

Пробывъ въ Прагѣ дня три, я, съ помощью гг. Колара и Патера, осмотрѣла все замѣчательное въ городѣ и отправилась обратно въ Петербургъ, гдѣ, не теряя времени, черезъ посредство В. В. Стасова, предложила покойному Ивану Ивановичу Горностаеву нарисовать для образца рисунки костюмовъ дѣйствующихъ лицъ въ „Русланѣ“, аксессуары и все, что можетъ дать понятіе о постановкѣ „Руслана“ (эти рисунки подарены мною Публичной бібліотекѣ). И какъ только они были готовы, М. А. Балакиревъ отправился съ ними, въ декабрѣ мѣсяцѣ, въ Прагу для постановки на Пражской народной сценѣ „Руслана“.

4-го февраля было первое представленіе; успѣхъ былъ очень большой и до сихъ поръ эта опера не сходитъ въ Прагѣ со сцены. Недавно еще получила письмо, что въ нынѣшнемъ (1880 г.) году возобновлены костюмы и декораціи, не смотря на бѣдныя средства театра. Не худо бы намъ примѣръ съ нихъ брать. За оперы Глинки, не давъ ему ни копѣйки, получено болѣе мильона, а угощаютъ публику (1880 г.) костюмами засаленными и обрванными,—вотъ вамъ и одна нянька.

Но я отдалась отъ партитуръ оперъ Глинки.

Дѣло съ Стелловскимъ длилось до 1867-го года; въ этомъ году, благодаря Д. В. Стасову, оно кончилось въ мою пользу, но Стелловскій былъ этимъ сильно раздосадованъ и не хотѣлъ ничего предпринимать. Въ своромъ же времени онъ окончательно сошелъ

съ ума и послѣ его смерти, когда устроились всѣ дѣла по его духовному завѣщанію и когда сестра Стелловскаго, Голубова, дала главному приказчику, г-ну Гаке, полную довѣренность, а въ 1876-мъ году сдѣлала съ нимъ договоръ на весьма выгодныхъ для него условіяхъ и, переговора прежде съ Редеромъ въ Лейпцигѣ, предприняла печатаніе партитуры „Руслана“. Условія состояли въ нижеслѣдующемъ: мнѣ дано было позволеніе напечатать сто экземпляровъ партитуры „Руслана“, изъ коихъ 50 я имѣла право разослать въ подарокъ, кому я пожелаю; остальные 50 передать фирмѣ Стелловскаго, равно и доски должны быть отданы мною въ магазинъ этой же фирмы. Гаке обязывался издать партитуру „Жизнь за Царя“ въ 50-ти экземплярахъ и изъ нихъ 25 экземпляровъ предоставить мнѣ. Всѣ эти переговоры и условія дѣлались мною тогда, какъ я не знала еще откуда возьму средства для этого предпріятія. Сумма нужна была большая, въ нѣсколько тысячъ, а я не имѣла лишней сотни въ домѣ. В. В. Никольскій, вида, какъ я тревожусь, съ свойственною ему добротой и деликатностью, предложилъ мнѣ часть денегъ на весьма выгодныхъ для меня условіяхъ, а именно: что онъ не будетъ брать съ меня процентовъ при жизни, а послѣ смерти моей получить все сполна съ моего имѣнія.

Получа эти деньги, я горячо принялась за дѣло, поручила его М. А. Балакиреву, который пригласилъ г. Римскаго-Корсакова и (повойнаго) Лядова. Я получала изъ Лейпцига отъ Редера корректуры, разсылала ихъ для поправки и, получа обратно, отсылала въ Лейпцигъ заказными. Я должна сказать правду, что М. А. Балакиревъ отнесся къ этому дѣлу серьезно и съ истинною любовью. Тѣмъ не менѣе сколько было тяжелыхъ и непріятныхъ минутъ, описать невозможно; по три корректуры каждой отдѣльной части оперы присылалось, а иной и четыре; одна часть была уже совсѣмъ напечатана, а между тѣмъ пришлось ее перепечатывать заново. Однимъ словомъ, непріятностей и заботъ было столько, что одно только безпредѣльное уваженіе къ памяти брата не дозволило мнѣ бросить этого дѣла, не доведя его до конца. Занятыхъ мною денегъ оказалось недостаточно, я заняла еще и, наконецъ, въ 1878 году, 10-го ноября, я получила первый печатный экземпляръ партитуры „Руслана“ изъ Лейпцига. Что почувствовала я, взявъ этотъ экземпляръ въ руки, нѣтъ словъ

выразить! Я забыла всё непріятности, всё тяжелые часы и была совершенно счастлива.

На другой же день я пригласила къ себѣ вечеромъ всѣхъ сотрудниковъ, поставила бюстъ брата на возвышеніи, освѣтила, украсила его цвѣтами и близь бюста разложила партитуру „Руслана“; за ужиномъ, съ бокаломъ въ рукахъ, съ радостнымъ чувствомъ въ душѣ, сказала:

— „Миша, сегодня съ чистой душой и совѣстью могу выпить бокалъ въ память твою. Твое желаніе исполнено,—печатная партитура „Руслана“ у ногъ твоихъ!“

Объ этомъ вечерѣ я вспоминаю съ удовольствіемъ; не всякому придется переживать то, что я пережила въ это время. Мѣсяць спустя я получила остальные экземпляры партитуры. Разослано мною во всѣ главнѣйшія европейскія консерваторіи, театры и публичныя бібліотеки, равно роздано и разослано высокопоставленнымъ лицамъ и любителямъ искусства, въ Россіи же, въ консерваторіи и публичныя бібліотеки пятьдесятъ экземпляровъ.

Этимъ кончается моя дѣятельность относительно музыки брата.

Людмила Шестакова.

1880 г., февраля 6-го дня.
С.-Петербургъ.

ПРОШЛОЕ ГОРОДА АРХАНГЕЛЬСКА

1584—1884.

«Родина мила сердцу не мѣстными красотами, не яснымъ небомъ, не пріятнымъ климатомъ, но воспоминаніями, составляющими какъ бы утро и колыбель человечества».

Карамзинъ.

Въ 1884-мъ году исполнилось триста лѣтъ со дня основанія Архангельска, заложеннаго по мысли царя Іоанна Васильевича Грознаго сыномъ и преемникомъ его Теодоромъ Іоанновичемъ въ 1584 году. Такъ какъ, за утратой документовъ, день zaloженія города въ точности неизвѣстенъ, то и рѣшено было избрать для празднованія 300-лѣтняго юбилея 6-е сентября, какъ день, въ который православною церковью воспоминается чудо покровителя Архангельска—св. архистратига Михаила въ Хонѣхъ.

По случаю окончившагося юбилейнаго торжества (1584—1884 гг.) не лишнимъ будетъ оглянуться за нѣсколько вѣковъ назадъ и припомнить всѣ тѣ обстоятельства, съ которыми связаны возникновеніе Архангельска и дальнѣйшая судьба его. Для этого слѣдуетъ обратить вниманіе на тотъ край въ первобытномъ его видѣ, гдѣ впоследствии былъ заложенъ Архангельскъ.

I.

Вся обширная площадь, занимаемая нынѣшней Архангельской губерніей, прилегающая на сѣверъ къ Ледовитому океану, на западъ къ Олонецкой, на югъ къ Вологодской губерніямъ, а на востокъ доходящая до горъ Уральскихъ, или, по словамъ лѣтописца: «отъ истока Бѣлобѣзера до Ледяного моря, между рѣками Онегой и Сѣверной Двиной до Мезени», была подъ именемъ Заволочья извѣстна новгородцамъ уже въ IX-мъ вѣкѣ, если вѣрить преданіямъ, еще до призванія Рю-

рика на царство. Происхождение наименованія этого края «Заволочье» связано, по всей вѣроятности, съ географическимъ положеніемъ этого края, и хотя объясняется двояко; но за корень слова въ обоихъ случаяхъ считается слово «волочить». Въ первомъ случаѣ берется во вниманіе положеніе края, густо поросшаго «заволоченнаго» лѣсомъ; во второмъ—мѣстность между двумя судоходными рѣками, по которымъ, чтобы попасть изъ одной въ другую, за неимѣніемъ искусственныхъ водопроводовъ, суда перетаскивались или «переволачивались».

Свѣдѣнія о Заволочѣ, относящіяся къ IX—X вв., очень кратки и весьма темны, болѣе же подробныя относятся къ XI вѣку, когда шайки удалыхъ новгородцевъ, прельщенныхъ изобиліемъ рыбъ, звѣрей и птицъ въ водахъ и дебряхъ сѣвера, предпринимали набѣги на этотъ край, населенный полудикимъ народомъ финскаго племени. Шайки эти, разъ забравшись въ Заволочье, покоряли, изгоняли и даже истребляли туземцевъ и дѣлались полными хозяевами ихъ страны. Соблазненные примѣромъ своихъ удалыхъ родичей, богатые, именитые новгородцы стали на свой счетъ снаряжать подобныя шайки и отправлять ихъ въ Заволочье, для пріобрѣтенія себѣ земель въ этомъ богатомъ краѣ. Новгородскія же дружины, въ свою очередь, частью покоряли сѣверныя страны, обращая жителей въ холопей, частью покупали земли у коренныхъ жителей сѣвера. Такимъ образомъ здѣсь мало по малу утвердилось владѣтельство Великаго Новгорода. Но все-таки Заволочье, или иначе Двинская земля, не всецѣло принадлежало самому Новгороду; большую часть его составляли помѣстья богатыхъ родовъ боярскихъ, изъ которыхъ главнымъ собственникомъ считался именитый родъ новгородскихъ бояръ, Борецкихъ. Этотъ родъ особенно расширилъ свои владѣнія и усилилъ свое вліяніе въ Заволочѣ при известной посадницѣ Великаго Новгорода, Марѣѣ Борецкой. Памятникомъ ея могущества на сѣверѣ служитъ построенный ею въ XV вѣкѣ Никольскій мужской монастырь при устьѣ Сѣверной Двины, на томъ мѣстѣ, гдѣ утонули ея два сына во время объѣзда своихъ владѣній. Сами помѣщики—новгородцы въ сѣверныхъ имѣніяхъ своихъ никогда не жили, поручая управленіе ими холопьямъ или наемнымъ людямъ, и только изрѣдка наѣзжали, по примѣру названныхъ Борецкихъ, для осмотра подвластныхъ земель. Главное управленіе всѣмъ краемъ состояло въ вѣдѣніи двинскаго намѣстника, жившаго въ пяти верстахъ отъ нынѣшнихъ Холмогоръ, въ деревнѣ Матигорахъ.

Во второй половинѣ XIV вѣка населеніе Заволочья много терпѣло отъ набѣговъ новгородской вольницы, ушкуйниковъ ¹⁾, которые гра-

¹⁾ „Ушкуйники“—производное слово отъ „ушкун“—лодка, на которыхъ эти люди совершали свои хищническіе набѣги. Р.

били и разоряли край, подрывая тѣмъ его добрыя отношенія къ Великому Новгороду. Не мало горя приняло также двинское населеніе отъ самоуправства и самовластия новгородскихъ бояръ, безнаказанно тѣснившихъ прочія сословія.

Къ этимъ напастямъ присоединились еще набѣги хищныхъ норманновъ, тогдашнихъ обитателей Норвегіи, безпокоившихъ населеніе со стороны моря, и долготѣняя борьба Новгорода съ Москвою. Уже съ самаго основанія Московскаго государства (въ началѣ XIV столѣтія) начались распри его съ Великимъ Новгородомъ, за нежеланіе послѣдняго признать надъ собой власть первыхъ князей московскихъ: Іоанна I-го Калиты, Симеона Гордаго и Іоанна II и платить имъ требуемую дань.

Когда, наконецъ, великому князю московскому Дмитрію Донскому удалось переспорить новгородцевъ, то онъ потребовалъ съ нихъ дань въ количествѣ 8,000 рублей. Новгородъ, пользуясь своимъ неограниченнымъ могуществомъ въ Заволочѣ, взялъ съ тамошняго населенія 5,000 р. и, присоединивъ къ нимъ свои 3,000 руб., уплатилъ требуемую дань. Съ этого времени въ обитателяхъ Заволочья стало проявляться видимое тяготѣніе въ пользу великихъ князей московскихъ, которые готовы были присоединить къ своимъ владѣніямъ эту богатую страну, давно уже обращающую на себя ихъ вниманіе. Послѣ долгаго, упорнаго сопротивленія преемникамъ Дмитрія Донскаго, Василью I и Василью Темному, Новгородъ долженъ былъ преклонить свою буйную, непокорную голову предъ первымъ царемъ московскимъ Іоанномъ III Великимъ. Смиривъ новгородцевъ и утвердивъ самодержавіе въ самомъ Новгородѣ, Іоаннъ III покорилъ себѣ все Заволочье въ 1478 году и немедленно приступилъ къ переустройству этого края. Первымъ дѣломъ было уничтоженіе боярщины; только на нѣсколько времени были оставлены нѣкоторые боярскія имѣнія, но и тѣ вскорѣ, наравнѣ съ другими, перешли отъ частныхъ собственниковъ въ казну, холопи обращены въ государственныхъ крестьянъ, а само Заволочье, переименованное въ Двинскую область, раздѣленную на посады, стало управляться царскими намѣстниками, тѣнами и, позже, выборными головами. Управленіе краемъ утвердилось въ самомъ большемъ посадѣ Холмогорахъ, гдѣ также сосредоточилась вся торговля и промышленная дѣятельность сѣвера.

Такова была судьба Двинской области до начала второй половины XVI столѣтія, пока одинъ неожиданный и, повидимому, ничего незначащій случай не произвелъ коренного переворота въ жизни нашего сѣвера. 24-го августа 1553 года къ устьямъ Двины былъ прибитъ бурей англійскій корабль «Эдуардъ Бонавентура», подъ командою Ри-

чарда Ченслера, который отправился въ Холмогоры и объявилъ себя тамошнимъ головамъ англійскимъ посломъ. Холмогорскіе головы немедленно донесли обо всемъ случившемся царю Іоанну IV Васильевичу Грозному, испрашивая его распоряженія въ столь необыкновенномъ для нихъ дѣлѣ. Ченслеръ, не дождавшись царскаго отвѣта, 23-го ноября того же года самъ поѣхалъ въ Москву, гдѣ и былъ, въ качествѣ англійскаго посла, представленъ Іоанну Грозному. При этомъ Ченслеръ предъявилъ царю грамоту своего короля Эдуарда VI, которою ему, Ченслеру, предоставлялось право заключать договоры съ властителями тѣхъ странъ, гдѣ ему пришлось бы быть. Іоаннъ IV, сознавая важность торговыхъ сношеній своихъ подданныхъ съ англичанами, далъ согласіе на свободную торговлю Россіи съ Англійей, предоставивъ англійскимъ торговцамъ, трактатомъ 15-го марта 1564 года, не только право беспошлинной торговли, но и свободной покупки дворовъ въ Россіи.

Въ 1584 году прибывшими, по повелѣнію сына и преемника Іоанна Грознаго, царя Θεодора Іоанновича, воеводами Волоховымъ и Нащокинымъ съ ратными людьми, въ 70-ти верстахъ отъ Холмогорскаго посада и въ 42-хъ отъ устья р. Двины, по правому ея берегу, на Пурь-Наволокъ ¹⁾ была заложена деревянная крѣпостца Новые Холмогоры, болѣе извѣстная иностранцамъ подъ именемъ порта св. Николая и св. Михаила.

Въ 1587 году Новые Холмогоры были переименованы въ Архангельскъ по находившемуся внутри города монастырю ²⁾, во имя св. Архангела Михаила и сюда переведена изъ Старыхъ Холмогоръ вся торговля. Управление краемъ только на лѣтнее время переносилось въ Архангельскъ, въ прочее же время года оно оставалось въ Старыхъ Холмогорахъ.

Съ этой поры Архангельскъ сдѣлался единственнымъ мѣстомъ для русской вѣншей торговли, важность и необходимость которой сознательно были предвидѣны Іоанномъ IV. Цари Θεодоръ Іоанновичъ и Борисъ Годуновъ всячески старались поддерживать архангельскую торговлю и не допускали, чтобы она была въ рукахъ однихъ только

¹⁾ На Пурь-Наволокъ стоялъ уже, если вѣрить преданіямъ, съ XIII вѣка монастырь во имя св. Архистратига Михаила. Значеніе самаго слова „Пурь-Наволокъ“ намъ совершенно неизвѣстно: при всемъ стараніи, объясненія ему мы найти не могли.

²⁾ Послѣ пожара 1637 года, монастырь, за тѣснотой вновь отстроившагося города, былъ перенесенъ въ урочище Начеры, выше города, гдѣ онъ и понынѣ находится, а на мѣстѣ монастыря устроена приходская церковь во имя же св. Архангела Михаила. Р.

англичанъ, почему и разрѣшили приходъ къ архангельскому порту всѣмъ безъ исключенія иностраннымъ кораблямъ.

Царь Алексѣй Михайловичъ впоследствии совсѣмъ уничтожилъ монополию англичанъ. При этомъ государѣ была учреждена таможенная застава, а послѣ пожара въ 1668 г. заложены русскій и нѣмецкій гостинные дворы. Съ этой цѣлью были посланы царемъ изъ Москвы иностранные инженеры, или, какъ ихъ тогда называли, «градодѣльцы» Марселесъ и Шарфъ, которые по плану, сдѣланному, какъ гласитъ преданіе, самимъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, возвели каменные гостинные дворы. Постройка эта тянулась 16 лѣтъ и окончилась лишь въ 1684 году, когда «тишайшаго» царя уже не было въ живыхъ. Остатки русскаго гостиннаго двора сохранились до нашего времени: это зданія, входящія въ составъ нынѣшней таможни; нѣмецкій же гостинный дворъ въ царствованіе Екатерины II обращенъ былъ въ монетный дворъ, гдѣ по приказанію великой государыни, какъ сохранилось преданіе, производились опыты чеканки мѣдной монеты. Развалины отъ этого зданія существовали еще до 1860-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія, когда, по распоряженію мѣстнаго начальства, онѣ были совсѣмъ уничтожены, а кирпичи распроданы; кирпичи эти для постройки привезены были въ свое время изъ Голландіи.

Къ концу XVII столѣтія, до воцаренія Петра Великаго, архангельская отпускная торговля приняла широкіе размѣры; со всѣхъ концовъ обширнаго нашего отечества доставлялись сюда, для отправки за границу, льняные и хлѣбные товары, смола, лѣсъ, поташъ, деготь, рогожи и пр. Даже далекая Астрахань посылала сюда для заграничнаго отпуска паюсную икру и другія свои произведенія. Изъ заграничьи привозились въ Россію черезъ Архангельскъ: драгоцѣнные камни, вина, шелковыя ткани, сахаръ, галантерейные, колоніальные и прочіе товары. Сборъ пошлины доходилъ въ иные годы до 200,000 р.

II.

Петръ Великій, замышляя завести русскій флотъ, прежде всего обратилъ вниманіе на Архангельскъ, гдѣ производилъ опыты кораблестроенія, для чего три раза прѣзжалъ сюда. Въ 1693-мъ году на верфи, расположенной на Соломбальскомъ островѣ, начата была постройка перваго военнаго корабля, заложенаго самимъ государемъ. Одновременно съ верфью устроены были адмиралтейство и портъ, а затѣмъ положено основаніе Новодвинской крѣпости по нижнему теченію Двины въ 18-ти верстахъ отъ города, которая должна была

защищать Архангельскъ отъ нападенія шведовъ ¹⁾. Въ 1702 году высочайшимъ приказомъ воеводское управление было изъ Холмогоръ переведено въ Архангельскъ, который въ 1707 году былъ назначенъ губернскимъ городомъ губерніи того же имени.

Съ постепеннымъ завоеваніемъ береговъ Балтійскаго моря мысль Преобразователя о заведеніи флота на Бѣломъ морѣ была оставлена и военные корабли хотя и продолжали строиться на архангельской верфи, но по спускѣ немедленно уводились въ Кронштадтъ. Постройка купеческихъ кораблей производилась въ селеніи Вавчугѣ, на частной верфи купцевъ Бажениныхъ, но только въ малыхъ размѣрахъ. Не смотря на дарованныя Петромъ I права свободного судостроенія, архангельскіе торговцы предпочитали отправлять свои товары на приходившихъ иностранныхъ корабляхъ.

До основанія Петербурга въ 1703 году, Петръ Великій, видя въ Архангельскомъ портѣ единственное мѣсто для желаннаго имъ сближенія Россіи съ западомъ, всячески поощрялъ торговую дѣятельность Архангельска, для чего имъ дарованы были различныя права и преимущества, какъ отпускной, такъ и привозной торговлѣ. Съ перенесеніемъ же столицы изъ Москвы на берега Финскаго залива, посредствомъ котораго Россія должна была приблизиться къ Балтійскому морю, и съ открытіемъ Петербургскаго порта торговое значеніе Архангельска стало умаляться, отъ того, именно, что всѣ прежде дарованныя ему права предоставлены были Петербургу. Такъ, напримѣръ, въ 1718 году именнымъ высочайшимъ указомъ повелѣно было везти товаръ для заграничной отправки не къ Архангельску, а непременно

¹⁾ Памятники, сохранившіеся отъ неоднократныхъ посяженій Петромъ Великимъ Архангельска, слѣдующіе: большой деревянный крестъ собственной работы императора, воздвигнутый первоначально въ Унской губѣ въ память спасенія отъ бури на Бѣломъ морѣ въ 1694 г. и съ 1806 г. находящійся въ верхней церкви кафедральнаго собора на правой сторонѣ между изображеніями св. первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла. На крестѣ слѣдующая государемъ собственноручно такая надпись на голландскомъ языкѣ:

Сей крестъ поста
вплъ капитанъ Петръ
в. лѣто Христова
1694.

Вплъ креста находятся также штандартъ и два знамени, а вплъ лѣстницей собора три пушки, отбитыя у шведовъ въ 1701 году. По набережной р. Двины, вплъ церкви Архангела Михаила, поставленъ подъ деревяннымъ футляромъ перенесенный изъ Новодвинской крѣпости домикъ Петра Великаго самой неважѣливой архитектуры, въ которомъ, во время своихъ приѣздовъ въ Архангельскъ, жилъ великій Преобразователь. Р.

къ Петербургу. Архангельскому порту предоставленъ былъ лишь отпускъ льняныхъ товаровъ, а въ послѣдніе годы царствованія Петра Великаго былъ вновь разрѣшенъ отпускъ хлѣба изъ Архангельска, сперва въ ограниченныхъ размѣрахъ, затѣмъ съ взиманіемъ пошлины на 25% выше петербургскаго порта и съ правомъ сплавлять къ Архангельску только товары изъ губерній, прилегающихъ къ водяному пути Сѣверной Двины, т. е. Вятской и Вологодской. Благодаря единственно тогдашней дешевизнѣ нашихъ произведеній, подобныя ограниченія не были особенно тягостны для архангельской торговли и она всетаки шла успѣшно.

При ближайшихъ преемникахъ Петра Великаго, вслѣдствіе новыхъ болѣе или менѣе стѣснительныхъ налоговъ, торговое значеніе Архангельска стало быстро падать. Съ воцареніемъ же императрицы Екатерины II, желавшей поднять архангельскую торговлю, возобновлена была верфь и кораблестроеніе въ это царствованіе дошло до небывалыхъ до того времени размѣровъ. Съ возобновленіемъ верфи были дарованы новыя права отпускной торговлѣ Архангельска, долженствовавшія поднять прежнее значеніе сѣвернаго торговаго порта.

До XVIII вѣка Архангельскъ былъ извѣстенъ въ Европѣ по своему торговому значенію, но въ этомъ вѣкѣ онъ поднялся въ глазахъ ученаго міра запада, какъ родина перваго русскаго поэта и ученаго Михаила Васильевича Ломоносова, сына холмогорскаго рыбака (родился въ 1711 г., умеръ въ 1765 г.).

Самое блестящее время архангельской торговли совпадаетъ съ эпохой континентальной системы (1809—1814 гг.), когда англійскимъ кораблямъ, по настоянію Наполеона I, заперты были всѣ европейскіе порты и корабли эти, подъ прикрытіемъ американскаго флага, направились къ Архангельску. Время это въ архангельской торговой хроникѣ извѣстно подъ именемъ «американскихъ годовъ».

Въ 1819 году, впервые послѣ Петра, Архангельскъ былъ посѣщенъ государемъ Александромъ I. Посѣщеніе это сопровождалось цѣлымъ рядомъ милостей и льготъ. Вывозъ товаровъ былъ облегченъ и много иностранныхъ товаровъ дозволено ввозить беспошлинно. Къ этому времени слѣдуетъ отнести возникновеніе въ Архангельскѣ сахарныхъ заводовъ, гдѣ сахаръ приготовлялся изъ привозимаго изъ Англійскаго сахарнаго песку и шель для внутренняго потребленія. Съ 1820-хъ годовъ начался усиленный вывозъ распиленнаго лѣса изъ Архангельска и положено основаніе паровымъ лѣсопильнымъ заводамъ; число иностранныхъ, особенно англійскихъ, конторъ увеличилось и расширилась торговля съ Норвегіей.

Въ промежутокъ времени съ 1825 года до начала Крымской кампаніи въ 1853 г. архангельская торговля шла довольно удовлетворительно, хотя самый городъ не разъ за это время подвергался различнымъ бѣдствіямъ: три раза посѣтила его холера, въ 1831, 1848 и 1853 гг., и два раза онъ выгоралъ съ разныхъ концовъ въ 1848 и 1851 гг.

При началѣ крымской кампаніи виѣшняя торговля Архангельскаго порта была почти приостановлена, такъ какъ портъ былъ блокированъ, а по окончаніи войны Архангельскъ уже не могъ придти въ прежнее свое цвѣтущее состояніе, такъ какъ большая часть англійскихъ конторъ закрылась при самомъ объявленіи войны, и представители ихъ, оставя здѣшнюю торговлю, отправились восвояси съ тѣмъ, чтобъ уже болѣе не возвращаться. Чтобы дать ходъ приготавливаемому на югѣ Россіи свекловичному сахару, сахарный песокъ, шедшій изъ Англии въ Архангельскъ, былъ обложенъ значительной пошлиной, что дѣлало сахаровареніе невыгоднымъ, вслѣдствіе чего должно было бросить в эту отрасль промышленности.

III.

Въ 1858 году Архангельскъ удостоился посѣщенія въ Бозѣ почившаго императора Александра II. Объ этомъ посѣщеніи сѣвернаго края покойнымъ императоромъ сохранилось воспоминаніе на долгіе годы.

Съ постепеннымъ упадкомъ торговли отпускной, и привозная торговля дѣлалась съ каждымъ годомъ все затруднительнѣе и стѣснительнѣе, вслѣдствіе мелководія въ рѣкахъ и рѣчкахъ сѣверовосточнаго бассейна. Это неблагоприятное явленіе природы привело, наконецъ, архангельскихъ и иногородныхъ купцовъ къ благому рѣшенію принять въ 1859 г. проектъ предприимчиваго купца Аеанасія Васильевича Булычева объ учрежденіи буксирно-пассажирскаго пароходства между Архангельскомъ и Великимъ Устюгомъ съ цѣлью ускорить и сдѣлать болѣе безопасной перевозку товаровъ съ вятской стороны. Проектъ былъ приведенъ въ исполненіе въ слѣдующемъ же 1860 г. составившейся компаніей Сѣверо-Двинскаго пароходства подъ руководствомъ того же Булычева. Впослѣдствіи число компаній увеличилось и въ настоящее время по Двинѣ совершаютъ рейсы до 15-ти пароходовъ. При отдаленномъ положеніи нашего города, пароходное сообщеніе имѣетъ весьма важное значеніе для Архангельска; оно, хотя на лѣтнее только время, соединяетъ его съ обѣими столицами и внутренними губерніями.

Заговоривъ о пароходномъ дѣлѣ, должно упомянуть о соловец-

комъ пароходствѣ, устроенномъ на собственные средства Соловецкой обители. Эти пароходы предназначены только для перевозки богомольцевъ, направляющихся въ обитель со всѣхъ концовъ Россіи. Тутъ же кстати упомянуть о возникшемъ позже, именно въ 1870 году, высочайше утвержденномъ Товариществѣ Архангельско-Мурманскаго пароходства, основаннаго компаніей поморовъ Архангельской губерніи съ пособіемъ отъ правительства въ 30,000 р. Пароходство существуетъ и понынѣ, но находится уже въ вѣдѣніи другой, Петербургской, компаніи съ правительственной субсидіей въ 50,000 р.

Компанія располагаетъ четырьмя пароходами, изъ которыхъ три предназначены для Бѣломорскихъ портовъ и одинъ совершаетъ рейсы на Мурманскій берегъ и въ Норвегію. Пароходство это имѣетъ цѣлью облегчить торговлю и сбытъ морскихъ промысловъ русскихъ поморовъ.

Крупнымъ событіемъ для Архангельска въ минувшее царствованіе было упраздненіе военнаго порта въ 1862 году, послѣ чего городъ еще болѣе опустѣлъ.

Чтобы предохранить старѣйшій русскій торговый портъ отъ совершеннаго упадка, купецъ Александромъ Феликсовичемъ Кларкомъ, въ 1864 г., была проведена мысль, что спасти Архангельскъ отъ паденія можетъ единственно желѣзная дорога, проложенная отъ г. Котельнича Вятской губерніи до селенія Котласа, лежащаго ниже Устюга при впаденіи р. Вычегды въ Двину, о чемъ г. Кларкомъ былъ представленъ проектъ и дѣлаемы изслѣдованія пути. Неурожайный 1867 годъ, повлекшій за собой голодъ по всей губерніи, какъ нельзя болѣе доказалъ насущную потребность вятско-двинской дороги. Но тутъ явились новые проекты, шедшіе въ разрѣзъ съ первымъ, начались новыя изслѣдованія, завязалась переписка, а дѣло впередъ не подвигалось: время проходило въ бесполезномъ писаніи, не принося ничего отраднаго для Архангельска. Но небезслѣдно прошло это время для другихъ мѣстностей въ ущербъ нашему сѣверу. На считавшейся дотолѣ неспособной по своему мелководію, ничтожной въ сравненіи съ Двиной, р. Вяткѣ открыто было пароходное сообщеніе съ Казанью и большинство торговцевъ Вятской губерніи, бросивъ, становившуюся съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе невыгодной—торговлю къ Архангельску, обратило свою торговую дѣятельность черезъ Казань, на Рыбинскъ къ Петербургу. Въ Вологду проведена отъ Ярославля узкоколейная желѣзная дорога, и вологодское купечество предпочло отправлять свои товары черезъ тотъ же Рыбинскъ въ Петербургъ, который со своимъ торговымъ значеніемъ явился вновь, какъ и во времена Петра Великаго, опаснымъ соперникомъ Архангельску, поднявъ вмѣстѣ съ тѣмъ торговое значеніе дотолѣ не особенно важнаго торговаго пункта—Рыбинска.

Съ водареніемъ нынѣ благополучно царствующаго государя, стертая была въ Архангельскѣ сѣверная коммисія, имѣвшая своей задачей изыскать мѣры къ поднятію сѣвернаго края (а съ нимъ вмѣстѣ и Архангельска) въ торговомъ, промышленномъ и административномъ отношеніяхъ. Коммисія, признавъ, что все бѣдствія сѣвера происходятъ единственно отъ бездорожья, пришла къ мысли: просить подлежащаго вѣдомства построить желѣзную дорогу отъ Котласа до Казани. Нынѣ же, при наступленіи трехсотлѣтняго юбилея, вопросъ о сооруженіи хотя бы вятско-двинской дороги возобновленъ съ новой энергіей, но Богъ знаетъ—доживемъ ли мы до болѣе ясныхъ дней нашего края!

Слишкомъ уже упала здѣшняя торговля за послѣднее время; что еще поддерживаетъ ее, то это лѣсной промыселъ, принявшій за истекшее 25-тилѣтіе весьма широкіе размѣры, но вмѣстѣ съ тѣмъ повлекшій за собой тѣ неблагопріятныя послѣдствія въ естественномъ отношеніи, что, вслѣдствіе усиленной вырубкы лѣса, является вопіющій недостатокъ воды въ рѣкахъ, столь ощутительный въ торговомъ дѣлѣ вообще, а на нашей окраинѣ въ особенности.

Провѣривъ все вышеназложенное и прослѣдивъ вкратцѣ все событія, связанныя съ трехсотлѣтнимъ существованіемъ Архангельска, мы, архангелогородцы, съ тяжелымъ сердцемъ должны сознаться, что при болѣе чѣмъ когда либо безотраднѣхъ условіяхъ встрѣтили мы наступившее четвертое столѣтіе существованія нашего города.

Извѣстное дальнимъ нашимъ предкамъ богатое Заволочье, изобиловавшее лѣсомъ и водой, въ наше время представляетъ изъ себя оскудѣлый, маловодный край съ губернскимъ городомъ, живущимъ воспоминаніемъ о прежнемъ своемъ величій и значеніи среди прочихъ городовъ русскихъ и надеждой, что когда нибудь возвратятся къ нему старыя дни и поднимется павшее величіе и торговое значеніе. Понятно что на это понадобятся еще великія физическія и нравственныя силы. Поэтому отъ всей души желаемъ настоящимъ и будущимъ дѣтелямъ на поприщѣ возрожденія Архангельска и съ нимъ вмѣстѣ всего русскаго сѣвера, чтобы долготлѣтніе труды ихъ, заботы и усилія къ возрожденію этого края увѣнчались полнымъ успѣхомъ и сохранили о себѣ добрую память въ благодарномъ потомствѣ.

Елена Рѣпина.

Сентября 6-го дня 1884 г.
г. Архангельскъ.

ЛЕЙБЪ-ГВАРДИИ ЛИТОВСКІЙ И МОСКОВСКІЙ ПОЛКИ

въ 1683, 1811 и 1817 гг.

I.

Въ «Русскомъ Инавидѣ» ¹⁾ и въ «Варшавскомъ Дневникѣ» изд. 1883 г. помѣщена статья: Лагерная церковь 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, въ которой, между прочимъ, сказано, что на каждомъ изъ фронтовъ вновь воздвигнутаго храма на Мокотовскомъ полѣ установлены полковые образа и надписи четырехъ полковъ 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи съ годами ихъ основанія; такъ: на сѣверномъ—л.-гв. Волынской полкъ 1817 г., на южномъ—Бексгольмскій гренадерскій полкъ 1710 г., на восточномъ—С.-Петербургскій гренадерскій полкъ 1726 г. и на западномъ—л.-гв. Литовскій полкъ 1811 годъ.

Выставленные на фронтонахъ храма года основанія полковъ навели меня на размышленіе относительно того: вѣрно или невѣрно подобраны эти года, особенно же л.-гв. Литовскимъ полкомъ 1811 годъ. Съ этой цѣлью я позволю себѣ представить краткій историческій очеркъ.

7-го ноября 1811 года послѣдовалъ именной императора Александра I указъ, объявленный военнымъ министромъ военной коллегіи, въ которомъ, между прочимъ, сказано: «По Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, формируется здѣсь (въ С.-Петербургѣ) одинъ гвардейскій полкъ линейной пѣхоты. Полкъ сей наименованъ л.-гв. Литовскимъ».

Въ предложеніи военнаго министра Барклая-де-Толли цесаревичу Константину Павловичу, которому поручено было формирование сего полка, между прочимъ, сказано:

«Мушкетеръ сему полку назначается тотъ самый, какой и въ л.-гв. Драгунскомъ полку» (полкъ съ 1831 и понынѣ носятъ названіе л.-гв. Конно-

¹⁾ 1-го ноября 1883 г., № 236.

гренадерскаго); при семь велѣно отпустить краснаго сукна на лацканы, коихъ остальные полки гвардейской пѣхоты тогда еще не имѣли. Такимъ образомъ мундиръ л.-гв. Литовскаго полка былъ темно-зеленаго сукна съ красными лацканами и краснымъ воротникомъ, съ нашитыми на оныхъ двумя петлицами изъ желтаго басона у нижнихъ чиновъ, а у офицеровъ—вышитыхъ золотомъ; причемъ весь металлическій приборъ у офицеровъ былъ золотой, а у нижнихъ чиновъ — жѣдный.

На формированіе л.-гв. Литовскаго полка пошелъ 2-й баталіонъ л.-гв. Преображенскаго полка въ полномъ его составѣ, который для сего отчисленъ отъ своего полка 7-го ноября.

8-го ноября 1811 года л.-гв. Литовскій полкъ окончательно сформированъ, о чемъ и донесено по командѣ.

27-го декабря л.-гв. Литовскому полку выданы первыя знамена, при высочайшей грамотѣ отъ 25-го декабря.

Отечественная война 1812 г. дала возможность полку, въ первый годъ своего существованія, кровью своею запечатлѣть вѣрность престолу и отечеству, а мужествомъ и храбростью всѣхъ чиновъ въ дѣлахъ съ непріателемъ занять почетное мѣсто среди «знаменитаго корпуса лейбъ-гвардіи», какъ называлъ свою гвардію императоръ Александръ I.

Бородинскій бой, гдѣ полки л.-гв. Литовскій и л.-гв. Измайловскій (составившіе 2-ю бригаду) приобрѣли себѣ безсмертную славу, своимъ упорствомъ французовъ, которые, своими страшными кавалерійскими атаками трехъ кавалерійскихъ корпусовъ, хотѣли смять нашъ лѣвый флангъ, а также другія сраженія 1812 года послужили поводомъ главнокомандующему, свѣтлѣйшему князю Кутузову, ходатайствовать о награжденіи л.-гв. Литовскаго полка георгіевскими знаменами, каковыя всемилоостивѣйше пожалованы полку 13-го апрѣля 1813 года. Война 1813—1814 и 1815 годовъ воспрепятствовала выдачѣ полку этихъ знаменъ, при самомъ ихъ пожалованіи, и только по окончательномъ земреніи, 3-го августа 1817 года, л.-гв. Литовскій полкъ получилъ эти георгіевскія знамена на церковномъ парадѣ въ С.-Петербургѣ. Грамота же на эти знамена выдана полку еще позже, именію 19-го марта 1826 года, когда полкъ носилъ уже другое имя.

8-го ноября 1815 года л.-гв. Литовскій полкъ осчастливленъ былъ назначеніемъ цесаревича Константина Павловича шефомъ полка.

Въ 1814 году, при возвращеніи л.-гв. Литовскаго полка изъ Франціи въ Россію, получено приказаніе: 3-му баталіону сего полка слѣдовать въ Варшаву, а 1-му и 2-му баталіонамъ въ Россію. 27-го іюля, въ Пруссіи, въ сел. Рашиштейнъ, 3-й баталіонъ отдѣлился отъ полка и направился сухимъ путемъ прямо въ Варшаву, куда и прибылъ 17-го сентября.

12-го октября 1817 года императоръ, въ присутствіи своемъ въ Москвѣ, высочайше повелѣтъ соизвоилъ: л.-гв. Литовскому полку именоваться л.-гв.

Московский полкомъ; баталіону же сего полка, въ Варшавѣ находящемуся, сохранить прежнее званіе л.-гв. Литовскаго полка.

По поводу сего приказа существуетъ преданіе, которое впрочемъ, за давностью времени, не имѣетъ за собою документнаго подтвержденія, а именно: будто государь императоръ Александръ I, желая увѣковѣчить память Москвы и ея земель, обогранныхъ кровью и прославленныхъ знаменитыми боями въ 1812 году, возымѣлъ мысль и осуществилъ ее въ день закладки рама Христа Спасителя, наименовавъ одинъ изъ гвардейскихъ полковъ, наиболее отличившихся, л.-гв. Московскимъ.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1817 года вновь наименованный л.-гв. Московскій полкъ изъ двухъ баталіоновъ составилъ три и сталъ укомплектовываться до полнаго штата трехъ-баталіоннаго полка, продолжая числится у себя и баталіонъ л.-гв. Литовскаго полка, находившійся въ Варшавѣ.

Декабря 12. Приказомъ по гвардейскому корпусу, находящійся въ Варшавѣ баталіонъ л.-гв. Литовскаго полка, по высочайшему повелѣнію, отчисленъ отъ л.-гв. Московскаго полка.

Декабря 12. По мѣсячному рапорту л.-гв. Московскаго полка, 3-й баталіонъ бывшаго л.-гв. Литовскаго полка отчисленъ отъ л.-гв. Московскаго полка.

Что же касается формированія новаго л.-гв. Литовскаго полка, то изъ хронологическихъ таблицъ полковъ гв. пѣхоты, составленныхъ редакторомъ российской военной хроники въ 1866 году, видно:

1817 года октября 12. Изъ находившагося въ Варшавѣ одного баталіона л.-гв. Литовскаго полка, съ добавленіемъ уроженцевъ Царства Польскаго изъ другихъ полковъ гвардіи, сформированъ новый л.-гв. Литовскій полкъ на правахъ и преимуществъ полковъ старой гвардіи; шефомъ полка назначенъ его императорское высочество цесаревичъ и великій князь Константинъ Павловичъ.

1818 г. апрѣля 16. Утвержденъ двухъ-баталіонный штатъ полка.

1831 г. января 4. При полку сформированъ резервъ изъ двухъ ротъ.

Сентября 25. Резервъ дополненъ еще двумя ротами и переформированъ въ резервный баталіонъ.

Ноября 16. Резервный баталіонъ названъ 2-мъ, а второй баталіонъ — 3-мъ.

Георгиевскія знамена пожалованы 1-му и 2-му баталіонамъ въ 1818 году, въ уваженіе того, что баталіонъ прежняго л.-гв. Литовскаго полка, поступившій на сформированіе этихъ баталіоновъ, имѣлъ прежде георгиевское знамя.

Въ 1832 году пожаловано таковое же знамя и резервному баталіону, переименованному во второй.

Подобно тому, какъ формировался новый л.-гв. Литовскій полкъ, сформированъ въ томъ же 1817 году и л.-гв. Волынскій полкъ изъ 3-го ба-

баталіона I.-гв. Финляндскаго полка, который ведетъ свое начало съ 12 декабря 1806 года подъ именемъ баталіона императорской милиціи, а въ 1811 году переформированъ въ трехъ-баталіонный полкъ и наименованъ I.-гв. Финляндскимъ полкомъ.

Гренадерскіе полки: Кексгольмскій и С.-Петербургскій, основанные первоначально: первый въ 1710 году и второй въ 1726 году, въ теченіи своего существованія претерѣли много разныхъ измѣненій и наименованій, прежде чѣмъ получили свои настоящіе наименованія; тѣмъ не менѣе нить существованія сихъ полковъ идетъ непрерывно съ вышеуказанныхъ годовъ.

И такъ, изложивъ историческій очеркъ основанія и сформированія полковъ 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, вернемся къ первоначальному вопросу: вѣрно ли выставлены года на фронтонахъ вновь воздвигнутаго храма? При этомъ я дѣлаю три предположенія:

1) Если администрація воздвигнутаго храма задалась мыслью помѣстить на фронтонахъ года основанія полковъ, то выставленные года для полковъ Кексгольмскаго и С.-Петербургскаго совершенно вѣрны; года же полковъ I.-гв. Литовскаго и I.-гв. Волынскаго невѣрны,—года эти должны быть для I.-гв. Литовскаго—1683, а для I.-гв. Волынскаго—1806; на слѣдующемъ основаніи:

Въ высочайшемъ указѣ отъ 25 іюня 1838 года, которымъ высочайше жалуются орденскія ленты на знамена тѣмъ полкамъ, кои со времени своего первоначальнаго учрежденія хотя и измѣнились въ наименованіи, но въ продолженіи 100 лѣтъ не были расформированы, между прочимъ сказано: «при исчисленіи времени основанія полковъ, тѣмъ полкамъ, кои изъ разныхъ частей сформированы, считать старшинство по силѣ вѣйшей части, въ составъ его поступившей, если часть сія не менѣе полубаталіона».

А такъ какъ новый I.-гв. Литовскій полкъ сформированъ изъ одного баталіона бывшаго I.-гв. Литовскаго полка, сформированнаго въ свою очередь изъ одного баталіона I.-гв. Преображенскаго полка, то слѣдовательно первоначальный годъ основанія новаго I.-гв. Литовскаго полка есть 1683, т. е. годъ основанія знаменитыхъ «потѣшныхъ» Великаго Петра, т. е. преобразенцевъ.

Въ силу вышесказаннаго высочайшаго указа, 26 марта 1839 года I.-гв. Литовскій полкъ получилъ андреевскія ленты на знамена, съ надписью на оныхъ: «потѣшныя преобразенцы 1683 г.»

На томъ же основаніи и I.-гв. Волынскій полкъ, какъ сформированный изъ одного баталіона I.-гв. Финляндскаго полка, первоначальнымъ годомъ своего основанія долженъ считать 1806 годъ.

2) Если администрація воздвигнутаго храма ниѣла въ мысляхъ помѣстить на фронтонахъ года сформированія полковъ, то выставленные года полковъ:

л.-гв. Волынского, Кексгольмского и С.-Петербургского вѣрны, для л.-гв. Литовскаго же полка годъ этотъ долженъ быть 1817, когда этотъ полкъ дѣйствительно сформированъ, одновременно съ л.-гв. Волынскимъ полкомъ.

3) Если же администрація воздвигнутаго храма желала помѣстить на фронтонахъ года настоящихъ наименованій полковъ, то въ такомъ случаѣ только выставленный годъ л.-гв. Волынскаго полка вѣрнѣе; для л.-гв. Литовскаго полка онъ долженъ быть 1817, для Кексгольмскаго и для С.-Петербургскаго 1857, когда полки эти получили свои настоящія наименованія.

Правильнѣе всего было бы, по моему мнѣнiю, придерживаться второго предположенiя, т. е. слѣдовало бы выставить на фронтонахъ воздвигнутаго храма года сформированiя полковъ, а именно: л.-гв. Литовскаго—1817, л.-гв. Волынскаго—1817, Кексгольмскаго 1710 и С.-Петербургскаго—1726.

Все вышеназложенное имѣетъ значенiе еще по слѣдующему обстоятельству: на фронтонахъ храма выставлены также названiя сраженiй, въ коихъ участвовали полки 3-й гвардейской пѣхотной дивизiи (въ статьѣ «Русскаго Ивалида» эти названiя не помѣрованы).

Такимъ образомъ л.-гв. Литовскiй полкъ, выставивъ на фронтонахъ храма годъ своего основанiя 1811, вѣроятно помѣстилъ также и названiя всѣхъ сраженiй, начиная съ этого года, слѣдовательно сюда вошли: Бородино, Люценъ, Бауценъ, Дрезденъ, Бульмъ, Лейпцигъ, Парижъ и названiя другихъ сраженiй послѣдующихъ войнъ. А такъ какъ полкъ этотъ сформированъ въ 1817 году, начало же основной части, послужившей къ его сформированiю, относится къ 1683 году, то въ новомъ л.-гв. Литовскомъ полку какъ бы течетъ кровь славныхъ преображенцевъ, и нѣтъ причинъ не выставить на фронтонахъ храма названiя сраженiй, бывшихъ ранѣе 1811 года, отнеся сюда всѣ войны съ турками, пруссаками и шведами, восходя до взятiя Азова и Нарвскаго сраженiя.

Слѣдуетъ гордиться славой, прибрѣтенной полкомъ со времени своего сформированiя какъ самостоятельной единицы, а не славой тѣхъ отдѣльныхъ элементовъ, которые вошли въ составъ полка при его сформированiи.

И такъ л.-гв. Литовскiй полкъ, какъ сформированный въ 1817 году, долженъ былъ бы выставить на фронтонахъ храма названiя только тѣхъ сраженiй, въ которыхъ онъ участвовалъ, начиная съ этого года.

Л.-гв. Волынскiй полкъ вѣроятно такъ и сдѣлалъ, ибо выставивъ на фронтонахъ храма годъ своего сформированiя—1817-й, надо полагать помѣстилъ тамъ названiя сраженiй, начиная съ этого года.

Гренадерскiе полки: Кексгольмскiй и С.-Петербургскiй безспорно имѣютъ право выставить названiя всѣхъ сраженiй, начиная съ 1710 и 1726 годовъ, въ коихъ эти участвовали.

Пользуясь настоящимъ случаемъ, чтобы выяснитъ еще одно обстоятельство, которое имѣетъ нѣкоторое косвенное отношеніе къ вышесказанной статьѣ «Русскаго Инвалида», все по тому же поводу о выставленіи л.-гв. Литовскимъ полкомъ на фронтонѣ храма года своего основанія—1811-го.

II.

Мнѣ неоднократно приходилось слышать о спорахъ и даже самому принимать въ нихъ участіе по вопросу о томъ: какой изъ полковъ л.-гв. Московскій или л.-гв. Литовскій составляютъ продолженіе стараго л.-гв. Литовскаго полка, причѣмъ защитники новаго л.-гв. Литовскаго полка утверждаютъ, что этотъ полкъ есть непрерывное продолженіе стараго л.-гв. Литовскаго полка, а что л.-гв. Московскій полкъ — полкъ новый, и основываютъ свои доказательства главнымъ образомъ на высочайшемъ приказѣ отъ 12-го октября 1817 года, гдѣ сказано: «л.-гв. Литовскому полку именоваться л.-гв. Московскимъ; баталіону же сего полка, въ Варшавѣ находящемуся, сохранить прежнее званіе л.-гв. Литовскаго полка».

Вторая половина сего приказа служить защитникамъ новаго л.-гв. Литовскаго полка главнымъ основаніемъ въ заблужденію, что этотъ полкъ, сохранивъ свое названіе, есть продолженіе стараго л.-гв. Литовскаго полка.

Защитники же л.-гв. Московскаго полка, основываясь на категорическомъ выраженіи первой половины того же приказа, считаютъ л.-гв. Московскій полкъ непрерывнымъ продолженіемъ стараго л.-гв. Литовскаго полка, только съ новымъ наименованіемъ. Если допустить правоту за обѣими сторонами, то выходитъ, что въ 1817 году явилось два полка изъ одного и того же полка, или говоря попросту: изъ одного Ивана стало два таковыхъ же Ивана.

Въ дѣйствительности же это было не такъ.

Уже одно совпаденіе дня переименованія стараго л.-гв. Литовскаго полка въ л.-гв. Московскій полкъ съ днемъ закладки храма Христа Спасителя въ Москвѣ, 12-го октября 1817 г., служить какъ бы подтвержденіемъ правдоподобности того преданія, о которомъ я говорилъ выше, и объясненіемъ того, что государь императоръ Александръ I, переименовавъ л.-гв. Литовскій полкъ въ л.-гв. Московскій, не имѣлъ мысли создать какъ бы новый полкъ, а хотѣлъ дать старому полку болѣе почетное имя.

Въ то же самое время его императорскому высочеству цесаревичу Константину Павловичу, бывшему въ это время намѣстникомъ въ Варшавѣ, имѣлось въ виду сформировать особый отрядъ гвардейскихъ войскъ по преимуществу изъ польскихъ уроженцевъ, и этимъ-то полкамъ даны польскія названія; такимъ образомъ изъ 3-го баталіона л.-гв. Финляндскаго полка

нижлось въ виду сформировать 1.-гв. Волинскій полкъ, а изъ 3-го баталіона стараго 1.-гв. Литовскаго полка — новый полкъ, которому дано названіе 1.-гв. Литовскій полкъ, такъ какъ это названіе, за переименованіемъ стараго 1.-гв. Литовскаго полка въ 1.-гв. Московскій полкъ, стало свободнымъ.

Доказательствомъ, что это было дѣйствительно такъ, служитъ то обстоятельство, что 3-й баталіонъ стараго 1.-гв. Литовскаго полка, сохранивъ, согласно высочайшаго приказа 12-го октября 1817 года, званіе этого полка, при переименованіи его въ 1.-гв. Московскій полкъ, продолжалъ все еще числиться при 1.-гв. Московскомъ полку и только приказомъ по гвардейскому корпусу отъ 12-го декабря 1817 года отчисленъ отъ сего полка и сталъ формировать двухъ баталіонный новый 1.-гв. Литовскій полкъ.

Оказывается, что споры происходятъ отъ неправильнаго толкованія смысла самаго приказа 12-го октября 1817 года, въ которомъ, послѣ категорически и ясно изложенной первой половины, дается поводъ къ нѣкоторымъ комментаріямъ во второй его половинѣ. Фраза: «баталіону сего полка, въ Варшавѣ находящемуся, сохранить прежнее званіе 1.-гв. Литовскаго полка» должна быть понята такимъ образомъ, что этому баталіону сохраняется только одно названіе прежняго полка, все же прошлое стараго 1.-гв. Литовскаго полка всецѣло передается 1.-гв. Московскому полку.

Военная хроника російскихъ полковъ не представляетъ ни одного примѣра, изъ котораго было бы видно, что для сформированія какого либо новаго полка отдѣлялась бы отъ стараго полка большая его часть; напротивъ того, весьма много такихъ примѣровъ, при которыхъ какаго либо полкъ, отдѣливъ свою меньшую часть на сформированіе новаго полка, въ то же время получалъ самъ новое наименованіе, не прерывая нити существованія прежняго полка.

На основаніи сего и въ разсматриваемомъ вопросѣ мы видимъ, что старый 1.-гв. Литовскій полкъ, получивъ въ 1817 году новое наименованіе 1.-гв. Московскаго полка, отдѣлилъ отъ себя одинъ баталіонъ, который сформировалъ изъ себя уже новый полкъ прежняго названія сего баталіона, т. е. 1.-гв. Литовскій полкъ.

Если и этихъ доказательствъ недостаточно для убѣжденія защитниковъ 1.-гв. Литовскаго полка въ неосновательности ихъ взгляда то, я могу привести еще нѣсколько аргументовъ, доказывающихъ положительнымъ образомъ, что 1.-гв. Московскій полкъ составляетъ непрерывное продолженіе стараго 1.-гв. Литовскаго полка.

Доводы эти слѣдующіе:

1) При переименованіи стараго 1.-гв. Литовскаго полка въ 1.-гв. Московскій полкъ, сей послѣдній сохранилъ свою прежнюю форму обмундированія,

каковая дана была полку при самомъ его сформированіи въ 1811 году (о чемъ сказано въ началѣ сей статьи).

2) Всѣ знамена стараго Л.-ГВ. Литовскаго полка остались въ Л.-ГВ. Московскомъ полку.

3) Шефъ стараго Л.-ГВ. Литовскаго полка, цесаревичъ великій князь Константинъ Павловичъ, остался шефомъ Л.-ГВ. Московскаго полка, безъ особаго какого либо о семъ высочайшаго приказа.

4) Командиръ полка и всѣ офицеры стараго Л.-ГВ. Литовскаго полка остались въ Л.-ГВ. Московскомъ полку, безъ всякаго о семъ высочайшаго приказа.

5) Весь штабъ полка и все хозяйственное управленіе стараго Л.-ГВ. Литовскаго полка остались въ Л.-ГВ. Московскомъ полку.

6) Весь архивъ и всѣ полковыя дѣла стараго Л.-ГВ. Литовскаго полка остались въ Л.-ГВ. Московскомъ полку.

7) Полковая церковь и празднованіе въ день 30-го августа полкового праздника стараго Л.-ГВ. Литовскаго полка остались въ Л.-ГВ. Московскомъ полку (съ 1827 года празднованіе полкового праздника перенесено на 8-е ноября).

8) Грамота, всеимпостивѣйше пожалованная государемъ императоромъ Николаемъ I, 19-го марта 1826 года, гдѣ сказано:

«Нашему Л.-ГВ. Московскому полку.

«Въ награду знаменитыхъ подвиговъ, мужества и храбрости, оказанныхъ въ минувшую достославную войну противу французскихъ войскъ, пожалованныя сему полку въ Божѣ почившимъ императоромъ Александромъ Павловичемъ знамена, съ изображеніемъ ордена святаго великомученика и побѣдоносца Георгія, повелѣваемъ», и проч.

Грамотой этой государь императоръ Николай I узаконяетъ и какъ бы подтверждаетъ за Л.-ГВ. Московскимъ полкомъ ту славу, которая приобрѣтена полкомъ подъ другимъ его наименованіемъ.

9) Въ Божѣ почившій императоръ Александръ II, въ день полкового праздника Л.-ГВ. Московскаго полка 8-го ноября 1876 г., послѣ высочайшаго обѣда въ Зимнемъ дворцѣ, подвелъ офицеровъ къ большой картинѣ, изображающей Бородинское сраженіе, и здѣсь-то соизволилъ объяснить офицерамъ эпизодъ этого боя, гдѣ фигурировалъ главнымъ образомъ старшій Л.-ГВ. Литовскій полкъ, причемъ государь императоръ всякій разъ изволилъ прибавлять слова «вашъ полкъ», обращаясь къ офицерамъ Л.-ГВ. Московскаго полка.

Случай этотъ, вѣроятно, еще помнятъ нѣкоторые присутствовавшіе при семъ офицеры новаго Л.-ГВ. Литовскаго полка.

Вотъ всѣ аргументы и доказательства относительно основанія, сформированія и наименованія Л.-ГВ. Московскаго полка.

Такимъ взглядомъ руководствовались государи императоры: Александръ I, Николай I и Александръ II, такъ смотритъ Россійская военная хроника и всѣ официальные мѣста и лица, а потому нѣтъ ни малѣйшаго повода оспаривать у л.-гв. Московскаго полка его происхожденіе и славу.

Въ доказательство того, что новый л.-гв. Литовскій полкъ есть созданіе въ 1817 г. новаго полка, только съ прежнимъ названіемъ, приведу слѣдующіе аргументы:

1) При сформированіи новаго л.-гв. Литовскаго полка въ 1817 г., онъ образовалъ полкъ, который, какъ численностью, такъ и составомъ своимъ совершенно отличался отъ прежняго л.-гв. Литовскаго полка; такимъ образомъ первоначально сформировано было только два баталіона, по преимуществу изъ польскихъ уроженцевъ и уже впоследствии сформированъ былъ третій баталіонъ.

2) Штатъ новаго двухъ баталіоннаго л.-гв. Литовскаго полка высочайше утвержденъ 16-го апрѣля 1818 года.

3) При сформированіи новаго л.-гв. Литовскаго полка, дана сему полку новая форма обмундированія, совершенно отличная отъ стараго л.-гв. Литовскаго полка, причѣмъ покрой и цвѣтъ мундира остались тѣ же, но за то золотыя петлицы у офицеровъ и золотой (мѣдный) приборъ всѣхъ металлическихъ вещей замѣнены серебряными петлицами и серебрянымъ (бѣлымъ) приборомъ.

4) Первые знамена свои новый л.-гв. Литовскій полкъ получилъ въ 1818 г., причѣмъ знамена эти выданы съ изображеніемъ ордена св. великомученика и побѣдоносца Георгія лишь въ уваженіе того, что баталіонъ, послужившій основаніемъ для сформированія новаго л.-гв. Литовскаго полка, имѣлъ такое же знамя.

5) Шефомъ л.-гв. Литовскаго полка назначенъ цесаревичъ и великій князь Константинъ Павловичъ.

6) Командиръ полка назначенъ и всѣ офицеры переведены въ л.-гв. Литовскій полкъ высочайшимъ приказомъ.

7) Штабъ полка и все хозяйственное управленіе заведено въ л.-гв. Литовскомъ полку вновь.

8) Въ Бозѣ почившій государь императоръ Александръ II въ бытность свою въ Варшавѣ, въ офицерскомъ собраніи л.-гв. Литовскаго полка, лично соизволилъ объяснять офицерамъ полка, что старый л.-гв. Литовскій полкъ— это нынѣшній л.-гв. Московскій полкъ, а что ихъ полкъ новый — л.-гв. Литовскій полкъ.

Изложивъ всѣ обстоятельства дѣла, прихожу къ окончательному выводу, что л.-гв. Московскій полкъ сформированъ въ 1811 году, а л.-гв. Литовскій полкъ въ 1817 году.

624 Л.-гв. Литовскій и московскій полки, 1683, 1811 и 1817 гг.

Мнѣ кажется, что недостаточно ясное пониманіе всѣхъ обстоятельствъ формированія полковъ и послужило нѣкоторымъ поводомъ выставить ошибочно, на фронтовѣ воздвигнутаго храма 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, годъ основанія Л.-гв. Литовскаго полка — 1811-й, когда слѣдовало бы выставить 1817-й годъ.

А. Я. Лапуновъ.

С.-Петербургъ.
4-го января 1884 г.

О ВОЗОВНОВЛЕНІИ ПАМЯТНИКА НА ОБЩЕЙ МОГИЛѢ

АРТЕМІЯ ВОЛЫНСКАГО, ЕРОПЕИНА И ХРУЦОВА

† 27-го іюня 1740 г. ¹⁾.

Поступило пожертвованій на возобновленіе сего памятника:

Отъ И. И. Глазунова (Спб.)	150 руб.
„ М. И. Семейскаго (Спб.)	100
„ А. П. Вахрушина (изъ Москвы).	10
„ М. Н. Шляпина (изъ Пермской губ.)	1
22-го октября 1884 г. Отъ братьевъ Андриановыхъ (изъ Москвы).	2 „
<hr/>	
А съ прежде поступившими всего	1,663 руб.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1883 г., томъ XXXVIII, май, стр. 464—471; томъ XL, октябрь и ноябрь, стр. 269—271 и 498; декабрь, стр. 723—724; изд. 1884 г., т. XLII, январь, стр. 224; февраль, стр. 460; мартъ, стр. 666; т. XLII, апрѣль, стр. 221; май, стр. 407; іюнь, стр. 671; т. XLIII, августъ, стр. 448; сентябрь, стр. 676; т. XLIV, октябрь, стр. 194; ноябрь, стр. 444.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СТАРИНА.

Новости, объявленія и распоряженія правительства

въ 1799 г. ¹⁾.

12 августа. Санктпетербургскаго купца Селиванова, утруждавшаго государя императора просьбою, въ которой жалуясь на купца Сафонова, якобы завладѣвшаго его товарами, просилъ о дозволеніи ему разобратъся съ нимъ третейскимъ судомъ, конимъ онъ надѣется обнаружить справедливость своего дѣла, е. и. в. высочайше повелѣтъ соизвоилъ, какъ по взятымъ отъ губернскаго начальства изъ дѣлъ о семъ производившихся свѣдѣніямъ просьба сія оказалась вовсе несправедливою, за живо поданную просьбу судить и наказывать въ чему по законамъ присужденъ будетъ.

— Лифляндская 20-ти лѣтъ дѣвка, искусившаяся въ шитіи бѣлья, въ вязаніи чулокъ, мытіи шелковыхъ матерій и прочихъ рукодѣльяхъ, и которая при томъ кушанье готовить, продается въ 4 адмир. части близъ Никольскаго моста въ домѣ подлѣ № 43, гдѣ ее видѣть можно во второмъ ярусѣ на лѣвой рукѣ.

16 августа. Изъ Рима отъ 30 іюня (изъ французскаго журнала). Рима нѣтъ уже въ Римѣ. Вотъ какое горестное положеніе древней сей республики, попеременно бывшей подлѣ желѣзнымъ жезломъ правленія кесаря Нерона, двухъ сотъ папъ и Биртолія, нынѣшняго директора, или лучше сказать римскаго царя, ибо его такъ называютъ. Нельзя себѣ представить, какія хищничества, расточенія, беззаконія и нестерпимыя наглости происходятъ здѣсь отъ сего тирана, съ помощію Рубеля и другихъ французскихъ агентовъ, кои граба зажиточныхъ помѣщиковъ и хозяевъ, и разоряя публичные памятники, сдѣлали здѣсь вольность ненавистною, имя французовъ позорнымъ, а лихоимствами своими, притѣвленіемъ и самовластными поступками заставляютъ и лучшихъ республиканцовъ желать короля. (№ 65).

¹⁾ Выписки изъ «С.-Петербургскихъ Ведомостей», изд. при «Императорской Академіи Наукъ», въ 4-ю долю. Выписки объѣмляютъ царствованіе Павла I, съ 1796 г. См. въ «Русской Старинѣ» изд. 1874 г. томъ XI, стр. 187, 589, 754; изд. 1875 г. томъ XII, стр. 231, 451, 663 и 830; томъ XIII, стр. 457; изд. 1882 г., томъ XXXV, стр. 425 и 653; изд. 1883 г., томъ XL, стр. 449—456, 645—648; изд. 1884 г., томъ XLI, стр. 363—370, 619—626.

19 августа. Изъ Парижа отъ 26 июля... Человѣкъ съ 30 собравшихся 8 сего мѣсяца въ селеніи Дрозайскомъ подлѣ Руана, плясали въ хороводѣ, принявъ: „вивать король! провались республика! вивать Людовикъ XVIII^а. Древа вольности срублены въ самъ селеніи. Тоже самое послѣдовао и въ Ренъ-Сельвѣ ночью 18 и 14 числа. (№ 66).

— Оттуда же отъ 30 июля. Въ адѣшнихъ журналахъ помѣщенъ теперь слѣдующій термометръ парижской. Яюбинцы—гроза; пятисотной совѣтъ—буря; Вонапарте—очень вѣтрено; народъ—очень сухо; патриотизмъ—очень холодно.

23 августа. Титулярному совѣтнику Зотову, отправляющему въ гарнизонномъ Кабрита 1 полку должность аудитора и просящему объ опредѣленіи къ нему деньщика, отказывается по причинѣ той, что аудиторамъ деньщиковъ имѣть не положено. (№ 67).

— Представленная исключеннымъ изъ службы квартирмейстеромъ Русскими ода на побѣды графа Суворова-Рымникскаго, одержанныя надъ французами, оставлена безъ вниманія.

— Книгинѣ Хованской—матери бывшаго въ синодѣ оберъ-прокурора, просившей высочайшаго дозволенія оному сыну ея быть при ней въ Москвѣ и отлучаться для разстроеннаго ихъ хозяйства въ деревни, и генералу-фельдмаршалу графу Каменскому, просившему о принятіи паки въ службу сына его, изъ оной исключеннаго,—прошенія возвращены по высочайшему повелѣнію съ надбраніемъ и со взмысканіемъ за пересылку ихъ по почтѣ вѣсомыхъ денегъ.

— Изъ Берлина отъ 8 августа. Курьеръ, отправленный изъ Бальара и прибывшій на сихъ дняхъ сюда чрезъ Сицилію, Адриатику и Венецію, привезъ извѣстіе, что тогда въ Сардиніи получено только было донесеніе объ освобожденіи арміею австро-россійскою Турина и о занятіи онаго именемъ его величества короля сардинскаго. Государь сей, предоставя кавалеру Бальбо честь изъявить вѣчную его благодарность его величеству императору всероссійскому и просить о продолженіи дружбы и подпоры, не хотѣлъ упустить и малѣйше времени, чтобъ дать явный опытъ чувствованій своихъ героя, которой освободилъ государство и подданныхъ его отъ несноснѣйшаго угнетенія. Вслѣдствіе сего король объявилъ генерала-фельдмаршала графа Суворова-Рымникскаго фельдмаршalomъ и главнымъ начальникомъ всѣхъ войскъ его на твердой землѣ, вельможею короны наследственно съ титуломъ и почестями князя—свойственника короля (*prince cousin du roi*), присвоивая оныя какъ ему, фельдмаршалу, такъ и всѣмъ наследникамъ его мужескаго пола отъ старшаго на старшаго. Его величество желаетъ такимъ образомъ составить сношеніе и связь между фамиліи генерала-фельдмаршала и августѣйшаго дома Савойскаго, и засвидѣтельствовать ему свою признательность.

— Изъ Лондона отъ 3 августа. Въ память 1 августа, въ которой день Нельсонъ разбилъ французскій флотъ,—утвержденъ орденъ нильскихъ кавалеровъ, коего члены имѣли вчера первое собраніе въ домѣ, состоящемъ въ улицѣ святаго Іакова и великолѣпный обѣдъ, и проводили тотъ день весьма торжественно и радостно.

— Изъ Баваріи, отъ 1 августа. Россійской арміи, идущей теперь чрезъ Баварію, оказывается какъ отъ курфирста, такъ и отъ жителей большое гостепримство.

— Изъ Италіи отъ 26 июля. Подлѣ Мантуи застрѣленъ шпионъ по имени Мартинъ, родомъ женевецъ, которой за нѣсколько времени передъ тѣмъ уже

дважды прокрадывался из Мантуи в императорской лагерь, а оттуда в генераламъ Магдоналю и Моро.

— Изъ Вѣны отъ 31 июля. Здѣсь говорятъ, что генералъ Магдональ отпавившійся въ Генуу, просилъ фельдмаршала Суворова, чтобъ для восстановления здоровья позволено ему было прѣхать въ Пизу употреблѣть тамошнія бани, на что помянутой фельдмаршалъ далъ ему позволеніе въ синсходительнѣйшихъ выраженіяхъ.

26 августа. Мушкетерскаго Римскаго-Корсакова полку полковому командиру полковнику Дрежесю е. и. в. объявляетъ благоволеніе за нѣдѣе въ полку только четырехъ человекъ большыхъ и пять слабыхъ (№ 68).

— Е. и. в., въ благодарность подвиговъ князя Италійскаго графа Суворова-Риминскаго, повелѣваетъ гвардіи и всѣмъ російскимъ войскамъ даже въ присутствіи государя отдавать ему всѣ воинскія почести подобно отдаваемымъ особѣ е. и. в.

— Исключенный изъ службы генералъ-лейтенантъ Загряжскій всеми-лостивѣйше отставленъ отъ оной.

— Изъ Лондона, отъ 6 августа. Наши красавицы начинаютъ теперь носить шляпы и перья Суворовскія.

— Изъ Парижа, отъ 4 августа. Здѣсь продается теперь публично сочиненіе подъ заглавіемъ: Духъ и желаніе французовъ. Въ немъ поощряютъ къ восстанокменію королевскаго достоинства. Другое сочиненіе названо: Пренняя директорія продала насъ, а новая велитъ повѣситься.

— Двѣ оды, сочиненія Ѡ. Корбелецкаго, государю императору поднесенныя и высочайшаго благоволенія удостоенныя, продаются насупротивъ Зеркальной линіи въ книжной лавкѣ подъ № 19: 1-я—на прибытіе его и. в. изъ Москвы въ С.-Петербургъ 1797 года, цѣна 25 коп., а 2-я—побѣда Суворова-Риминскаго въ Италіи, 30 коп. въ корешкѣ.

— По Невской перспективѣ противъ Милитиныхъ лавокъ, въ домѣ католической церкви, по Ниренбургской линіи въ книжной лавкѣ подъ № 5 у купца Смыгина вступили въ продажу: 1) Новая карманная забавная книжка или описаніе 63 любопытныхъ хитростей, которыя всякой самъ собою въ дѣйство производить можетъ ко всеобщему удивленію и смѣху во всякое время года, на лучшей бумагѣ въ золоченномъ переплетѣ 35 коп. 2) новая же книга: Философъ горы Алаунской или мысли при извѣстїи о смерти великія Екатерины II, въ бум. 25 коп. 3) Чортинъ на дрожжахъ, соч. фонъ-Вивина, въ бум. 15 коп.

— Искусившаяся въ рукодѣльяхъ и въ дѣланіи дамскихъ уборовъ дѣвица желаетъ въ какой либо господской домѣ опредѣлиться въ услуженіе. О ней подробнѣе свѣдѣніе дать можетъ живописецъ Ольдбергъ, живущей близъ Кокушкина моста въ домѣ доктора Цуберта подъ № 24 (тамъ же).

30 августа. Употребивъ софійскаго протоіерея Самбургскаго въ особенное отъ насъ порученіе, на мѣствѣ его—членомъ экспедиціи государственнаго хозяйства опекунства иностранныхъ и сельскаго домоводства, всемилостивѣйше повелѣваемъ быть дѣйствительному двора нашего камергеру Вакунину, поручая въ непосредственное его смотрѣніе заведенную при сей экспедиціи практическую школу земледѣлія. (Указъ сенату 11 августа, въ № 69).

— Изъ Парижа, отъ 9 августа. Женщины носятъ здѣсь новой головной уборъ на образецъ челоуѣконенавидѣнія и раскаянія (à la misanthropie et à la repentance).

2 сентября. Изъ Парижа отъ 13 августа. Странное приключилось во время

празднества 10 августа, когда хотѣли сжечь тронъ. Тронъ стоялъ такъ крѣпко, что хотя былъ весь въ пламени, однакожь не развалился. Наконецъ пришли съ ломами и гѣсницами, и принуждены были еще цѣлую четверть часа работать, пока его разломали, что причинило великой смѣхъ въ народѣ. (№ 70).

— На сихъ дняхъ вступила въ продажу вновь вышедшая книга: Торжество Амура надъ дѣломудріемъ, или зміѣй, притавившейся подъ цвѣтами, поема въ 12 гѣсняхъ. Продается она въ Свѣтлой, возлѣ церкви Успѣнія, въ народѣ знаемой подъ именемъ Спаса, въ домѣ г. Яковлева, въ книжной лавкѣ у книгопродавца Изота Агафонова. Цѣна на любской бумагѣ въ сѣнахъ пер. 1 р. 80 коп., на простой 1 р. 60 коп.

— Продается за изливствомъ, недавно сюда изъ деревни привезенная, 20 гѣтъ, здоровая и во всякую домашнюю работу способная дѣвка, умѣющая сверхъ того мыть, гладить, штопать и чулки вязать, а отчасти и стряпать. Спросить о ней въ домѣ ассигнаціоннаго банка у курьера Круговщикова.

6 сентября. Изъ Лондона отъ 16 августа. Лорда Нельсона ожидаютъ въ Лондонѣ, а именно, когда король неаполитанской совершенно посаженъ будетъ опять на престолъ. Онъ получилъ позволеніе возвратиться за худшимъ состояніемъ здоровья и велѣлъ сдѣлать себѣ гробъ изъ мачты французскаго адмиральскаго корабля, взорваннаго подъ Абукиромъ, въ которомъ хотѣлъ бытъ нѣкогда погребенъ (№ 71).

9 сентября. Изъ Парижа отъ 20 августа. Великогѣбная соборная церковь въ Реймсѣ продана теперь за 45 тысячъ франковъ пивовару Сантеру. (№ 72).

13 сентября. Въ домѣ графа Аракчеева, состоящей по Мойкѣ подлѣ экицерцаргауза потребенъ изъ нѣмцовъ кучеръ, которой бы былъ порядочно поведенія. Таковой можетъ явиться къ дворнику. (№ 73).

— Содержатель пансіона Плате по поводу тому, что нѣкоторые изъ его доброжелателей исавъ его не сыскали, симъ извѣщаетъ, что его пансіонъ находится близъ Владимірской улицы въ бывшемъ Роговникова, а нынѣ Тарасова угольномъ домѣ, между Тронцкимъ и Чермышевскимъ, къ пятнадцому ряду выходящимъ переулку подъ № 134. (Тамъ же).

— Есть еще продажная горничная дѣвушка 17 гѣтъ, въ Московской части, въ Неклюдовомъ, у Семеновскаго моста по Фонтанкѣ подъ № 297 состоящемъ домѣ. Она говоритъ по русски и по нѣмецки, шьетъ въ тамбуръ золотомъ и шелками, шьетъ также женское платье и бѣлье, кое она и стираетъ; сверхъ того умѣетъ она дѣлать женскіе уборы и весьма способна служить при знатной барынѣ. Желающіе купить могутъ ее видѣть въ означенномъ дому у занимающаго лѣвой флигель, гдѣ также продается сѣрой понутой.

16 сентября. Генералу-маіору фонъ Толю, приносившему оправданія противу клеветы гонителей его, и аббату Давіелю, просившему хѣста при церкви ордена святаго Іоанна Іерусалимскаго и о прочемъ—объявляется, что прошенія ихъ оставлены безъ уваженія. (№ 74).

— Недавно сюда пріѣхавшій итальянецъ Фере показываетъ весьма забавную кувольную игру. Любопытствующіе ее видѣть и симъ доставить дѣтямъ своимъ удовольствіе могутъ къ нему для сего присылать по утрамъ до 12 часовъ, а жительство имѣетъ онъ по Вознесенской улицѣ въ Татаринновомъ домѣ подъ № 205. (Тамъ же).

20 сентября. Принцессѣ Нассау-Зигенъ, просившей о позволеніи ей и повѣреннымъ ея перебѣжать безпрятственно когда дѣла ея потребуютъ

изъ Россіи въ Галицію и прусскія области, а оттуда обратно въ Россію, и купцу Дюлингу, просившему о позволеніи женѣ и сестрѣ его, находящимся въ Любекѣ, пріѣхать къ нему въ Москву, объявляется, что на просьбы ихъ высочайшаго соизволенія не послѣдовало (№ 75).

— Изъ Вероны отъ 28 августа. Взятый въ полонъ (при Нови) генералъ Коли родомъ изъ Александріи въ Пиемонтѣ. Онъ просилъ сдѣлать ему милость не вести его чрезъ тотъ городъ, дабы избавиться отъ ругательства своихъ земляковъ.

— Продаются книги: Олипка, или первоначальная любовь, въ бумагѣ 60 коп.; Суворонда, поэма героическая, твореніе Ирнарха Завалишина, или побѣды графа Суворова-Рыминскаго, въ бум. 1 р. 20 коп.

23 сентября. Изъ Парижа, отъ 3 сентября. Курьеръ, прибывшій сюда третьяго дня (сказано въ здѣшнихъ газетахъ), привезъ извѣстіе, что папа, бывъ нѣсколько дней боленъ, умеръ 19 августа въ Валансѣ. Отъ роду было ему 82 года, папствовалъ онъ 24 года, родился 17 декабря 1717 года въ Цезенѣ, а въ папы избранъ 15 февраля 1775 года (№ 76).

— Оттуда же. На сихъ дняхъ вышелъ здѣсь новый журналъ подъ заглавіемъ: Парижанка. Въ немъ сказано, что смерть Жуберова есть, можетъ быть, благодѣяніе, и что должно благодарить смерть, за сокрушеніе мечей, просвѣтившихъ столь много человѣческой родъ лѣтъ 8 тому назадъ. За сіе и другія выраженія принесена директорѣмъ жалоба на помянутой журналъ.

— Продаются книги: Искусство летать по птичьему, съ гравированными изображеніями машинъ, посредствомъ которыхъ человѣкъ можетъ летать по воздуху, 50 коп.; Несчастной любовникъ, или приключеніе Вильгельма фонъ М., дворянина изъ Нижней Саксоніи, 1 р. 35 коп. въ пер.; Ненависть, побѣжденная любовью, тосканская повѣсть, 80 коп. въ пер. (Тамъ же).

27 сентября. Кирасирскаго графа Салтыкова 2-го полку корнетъ Дружининъ исключенъ изъ службы за прошеніе въ отставку. (№ 77).

— Произведенъ генералъ-лейтенантъ Германъ въ генералы отъ инфантеріи, (приказъ 24 сентября) *).

— Прошеніе исключеннаго изъ службы генералъ-маіора Чевкина, изъясняющаго свою якобы невинность въ употребленіи ротмистра Осипова вмѣсто квартирмейстера, и просящаго монаршей милости, оставлено безъ уваженія.

— Прошеніе отставнаго изъ службы генералъ-маіора Олсуфьева, о дозволеніи ему пріѣхать въ Санктпетербургъ на нѣкоторое время для свиданія съ женою и дѣтьми, оставлено безъ уваженія.

— Драгунскаго принца Виртенбергскаго полку маіору барону Садену, просящему престарѣлому своему отцу съ семействомъ пропитанія, объявляется, что высочайшаго соизволенія на сіе не послѣдовало.

— На просьбу вдовы подполковника Гавриловой, объ опредѣленіи ея для пропитанія на Каменный островъ въ каридоръ, высочайшаго соизволенія не послѣдовало.

— Генералу отъ инфантеріи Штрандману, находящемуся, по донесенію на него генерала-маіора Юргенца, подъ слѣдствіемъ, просящему монаршей милости, предоставляется ожидать окончанія слѣдствія.

*) Въ приказѣ 5 октября, гдѣ перечисляются убитые въ сраженіи и безъ вѣсти пропавшіе, Германъ показанъ исключеннымъ изъ службы, хотя особаго приказа объ этомъ между 24 сентября и 5 октября не было напечатано.

— Прошение вдовы бывшего нижегородскаго генерала-губернатора фонъ Ребиндера, о прощеніи сына ея лейбъ-гвардіи вожнаго полку ротмистра, навлекшаго на себя гнѣвъ е. и. в., оставлено безъ уваженія.

— Исключенному изъ гренадерскаго принца Мекленбургскаго полку генералу-маіору Кульневу, просящему монаршей милости, прошение возвращено съ надбраніемъ и со взыманіемъ за пересылку по почтѣ вѣсовыхъ денегъ.

— Съ итальянской границы отъ 30 августа. Слухъ носится, что кардиналъ Руфо будетъ преемникомъ папы Пія VI. Епископъ капрійскій также повѣщенъ на матчъ агинскаго корабля въ Неаполѣ.

— Продается за вышествомъ дѣвка 26 лѣтъ, умѣющая стряпать кушанье, мыть и гладить бѣлье и всякую кухонную работу исправлять. Видѣть ее и о цѣнѣ узнать можно въ домѣ, гдѣ военная коллегія, у тит. совѣт. Черноусова.

— Иностранецъ, искусившейся въ поваренной наукѣ, желаетъ вступить въ господской домъ во услуженіе кухмистромъ. Его смекать можно въ Большой Мѣщанской въ домѣ купца Медвѣдова, подъ № 58.

30 сентября. Статскаго совѣтника Фука съ всемилюбовѣйше жалуетъ въ наши дѣйствительные статскіе совѣтники (№ 78, указъ сенату отъ 18 сентября).

— Иностранному купцу Цилиху, прибывшему изъ чужихъ краевъ въ Кронштадтъ и просившему о позволеніи пріѣхать по торговымъ его дѣламъ въ Санктпетербургъ, объявляется, что на просьбу его высочайшаго соизволенія не послѣдовало.

— Изъ Вѣны отъ 28 августа. Пишутъ изъ Константинополи, что трое французовъ, Ларошъ, Брюне и Мовель, которые не задолго предъ симъ покушались сжечь и потопить стоявшіе въ здѣшнемъ портѣ военные корабли, публично казнены 26 іюля. Первый сожженъ; второй, коему положено дать 300 ударовъ по пятамъ, умеръ среди мукъ. Третьяго, главнаго заводчика заговора, привязавъ къ койкѣ, волочили по улицамъ, пока испустилъ духъ; трупъ его четвертованъ и выставленъ на четырехъ главныхъ улицахъ.

— Продаются книги: Странныя приключенія Дмитрія Матушкина, російскаго дворянина, въ 2-хъ частяхъ, въ пер. 3 р. 60 коп. Приключенія Турчанки Ксеинды, названной въ крещеніи Елизаветой, отвергшейся отъ брачнаго союза съ порфирородными особами для исполненія супружескаго обѣта, даннаго любовнику, въ 2-хъ частяхъ, въ пер. 2 р. 30 коп.

— Дѣйств. ст. сов. и кавалеръ Гаскониъ по долгу службы часто отлучается изъ здѣшняго города, за всѣ покушаемыя вещи, а равно и за все потребное для дома, платитъ наличными деньгами, но не взирая на то, часто являются къ нему со щетами, безъ вѣдома его, на кредитъ забранными вещамъ, то симъ и объявляетъ, что отъ сего числа ни по какому щетамъ платить не будетъ, кромѣ какъ только за тѣ вещи, которыя были отданы въ его домѣ, что въ Малой Коломнѣ подъ № 37, или по его собственному привязанію отпущены.

4 октября. Генералъ-лейтенантъ Вильде и генералъ-маіоръ Геркерсъ отставлены отъ службы (№ 79, приказъ 29 сентября).

— Генералъ-лейтенантъ Вильде и генералъ-маіоръ Геркерсъ приняты по прежнему въ службу первой шефомъ въ бывшей артиллерійской Бѣгичева 1-го баталіона, а послѣдній командиромъ оного (тамъ же, приказъ 1 октября).

— Генералу-маіору Клейнмихелю быть директоромъ артиллерійскаго

инженернаго кадетскаго корпуса. Генералъ-лейтенанту Амбразанцову быть инспекторомъ всей артиллеріи и командиромъ гвардіи артиллерійскаго баталіона.

— Отставлены отъ службъ: генералъ-лейтенантъ графъ Аракчеевъ 1, генералъ-маіоры Аракчеевъ 2 и Априлевъ.

— Предписывается всѣмъ господамъ инспекторамъ не принимать прошеній о увольненіи въ отпускъ отъ корнетовъ и прапорщиковъ, кои сіе дѣлають отъ глѣн.

— Всемилостивѣйше повелѣваемъ, вѣдомства коллегіи иностранныхъ дѣлъ статскому совѣтнику Лабзину быть конференсъ-секретаремъ сей академіи съ тѣмъ же жалованьемъ и содержаніемъ, каковое имѣлъ предмѣстникъ его статскій совѣтникъ Чекалевскій, оставляя его при прежней должности. (Тамъ же, указъ академіи художествъ).

— Е. и. в. всемилостивѣйше пожаловать соизволилъ находящихся при собственномъ е. в. депо картъ гравера Мѣшкова и словорѣза Савинкова въ чинъ губернскихъ секретарей, а словорѣза Ушакова—въ чинъ коллежскаго регистратора. (Тамъ же, указъ сенату 23 сентября).

— Изъ Лондона отъ 13 сентября. Городъ, по случаю сдачи голландскаго флота, Лондонъ былъ превеликолѣпно освѣщенъ двѣ ночи сряду. Имя адмирала Мичела изображено было прозрачными буквами. Морскія гавани, а особливо Веймутъ, были также великолѣпно освѣщены двѣ ночи съ ряду. Цѣна оранжевымъ лентамъ поднялась 25-ю процентами.

— Россійско-императорскій орденскій капитулъ, усмотрѣвъ изъ политическаго европейскаго журнала подъ № 245, что Лагарпн, которой будучи въ россійской службѣ, всемилостивѣйше пожалованъ орденомъ святаго равноапостольнаго князя Владимира, нмѣтъ президентомъ въ швейцарской директоріи, учрежденной бунтовщиками, разрушающими всеобщее благосостояніе и спокойство. Разсуждая о такомъ Лагарпн поступкѣ, которымъ нарушилъ онъ честь и всѣ обязанности кавалера, по испрошеніи высочайшаго соизволенія, исключаетъ онаго, яко недостойнаго быть членомъ общества кавалерскаго, изъ списковъ кавалерскихъ; о чемъ какъ во всѣ благоустроенные орденскіе капитулы, такъ и повсюду снмъ сообщается.

7 октября. Государь императоръ на всеподданнѣйшій докладъ орденскаго капитула, высочайше указать соизволилъ исключить изъ списка кавалеровъ и огласить повсюду о дурномъ поведеніи и наглостяхъ кавалера военнаго ордена св. Георгія 4 класса полковника Робассони, извѣстныхъ издавна еще по случаю поединка его съ графомъ Биланомъ, а нмѣтъ повтореннымъ дерзкимъ его отношеніемъ въ капитулъ россійскаго кавалерскаго ордена; вслѣдствіе чего, по исключеніи того Робассони изъ списка кавалеровъ, чрезъ сіе повсюду онъ оглашается (№ 80).

— Прапорщику Абдулгази-Бурашеву, по довѣренности магометанъ прошившему объ отдачѣ ему для содержанія азіатской типографіи на такомъ же основаніи, какъ отдавалась Шнору, прошеніе возвращено съ надраніемъ и со взмсканіемъ за нересылку его вѣсовыхъ денегъ.

— Въ Малой Коломнѣ на Калининскомъ проспектѣ подъ № 123 продается добраго поведенія человекъ 22 лѣтъ, которой пишетъ и читаетъ, шьетъ башмаки и сапоги и плотничаетъ; спросить же объ ономъ подъ воротами на правой рукѣ.

11 октября. Офицеры, кои не выслуга болѣе года въ офицерскомъ

чинѣ, хотя въ теченіи сего времени получили и болѣе одного чина, а будутъ просить о увольненіи отъ службы, будутъ исключены изъ оной на равнѣ съ прапорщиками за лѣтъ (№ 81).

— Предписывается всѣмъ шефамъ полковъ представить е. и. в. всѣхъ достойныхъ къ производству въ офицеры, находящихся во вѣреннѣхъ изъ полкахъ, хотя и не выслужили положеннаго термину, унтеръ-офицеровъ изъ дворянъ, оберъ-офицерскихъ дѣтей, а фельдфебелей, выслужившихъ положенной срокъ, и чтобы при всѣхъ мѣсячныхъ рапортахъ присылать послужные списки по старшинству о всѣхъ эстандартъ-юнкерахъ, портупей-юнкерахъ, портупей-прапорщикахъ, подпрапорщикахъ и унтеръ-офицерахъ съ отмѣткою о ихъ достоинствахъ.

— Изъ Парижа отъ 13 сентября. Слухъ, что тѣло папы сожжено въ неморенной извести, несправедливъ. Оно бальзамировано, одѣто въ папское облаченіе и положено въ свинцовомъ гробѣ, который запечатанъ дромскою администраціею, испанскимъ посланникомъ и епископомъ коринескимъ. До полученія дальнѣйшихъ повелѣній, гробница сія будетъ храниться въ Валаисѣ.

Отъ преломленія солнечныхъ лучей въ другихъ окружающихъ предметахъ, натурально представляется на одной трубѣ орлеанскаго дворца, который называется теперь дворцомъ равенства, портретъ въ силуэтѣ. Многіе находили тутъ изображеніе Людовика XVI, и народъ ежедневно сбѣгался толпами глядѣть на сіе явленіе. Полицейскій комиссаръ почелъ такое стеченіе народа опаснымъ движеніемъ, и приказалъ вчера сломать ту трубу.

— Изъ Вѣны отъ 18 сентября. Е. и. в. пожаловалъ фельдмаршалу князю Суворову орденъ Терезіи большаго креста, съ которымъ сопряженъ большой пенсіонъ по смерти.

— Въ Новонсакиевской улицѣ у Клостермана продаются: гравированный портретъ генералъ-фельдмаршала князя Италійскаго Суворова-Риминискаго, во весь ростъ, Атиансомъ работанный, а придворнымъ граверомъ Валкеромъ его величеству государю императору посвященный; его же портретъ въ медальонѣ, писанный въ Вѣнѣ Крейшцингеромъ, а съ него Нейделомъ гравированный 4 руб. Оный же въ маломъ форматѣ 2 руб.

— Продаются книги: Странныя приключенія графа Роберта и Салри, 4 части, въ пер. 1 р. 30 к. Прекрасная цыганка, прозванная неогдѣвнкою, испанская повѣсть, сочиненія г. Сервантеса, съ картинкою, въ полтурѣ 80 коп.

14 октября. Суконнаго дѣла мастеру и красильщику Шольдереру, просившему объ опредѣленіи его по вѣдомству мануфактуръ-коллегии на казенное содержаніе съ тѣмъ, чтобы овъ не только на казенныхъ, но и на прочныхъ фабрикахъ обучалъ своему искусству, отказывается по невоздержанному его, Шольдерера, житію и неприлежности въ дѣлу, почему и надеженъ быть не можетъ къ занятію казеннаго мѣста. (№ 82).

— Фабриканту Беклеру, представившему планъ о разведеніи въ Россіи шелководства, дается знать, что на утвержденіе онаго высочайшаго соизволенія не послѣдовало, поелику исполненіе сего плана требуетъ великаго пждивенія и много времени; подобныя же сему учрежденія предъусматривать богѣе, когда заводятся частными людьми, а не казною, чему служить доказательствомъ и распространяющееся въ южныхъ предѣлахъ астраханской губерніи шелководство, никакныхъ со стороны казны издержекъ не требующее.

— Надворному совѣтнику Гардеру, представившему проектъ о умноже-

лин пошлинного дохода, а между прочимъ, чтобы брать пошлину и съ тѣхъ рогожекъ и цѣповокъ, конни обертываются товары, изъ Россіи за границу отпускаемые, объявляется, что изобрѣтеніе его найдено не удобнымъ; пошлину пошлины взимаются по тарифу съ тѣхъ только вещей и товаровъ, кои по вывозѣ отсюда въ чужіе края, перехода по торгу изъ рукъ въ руки, служатъ къ надлежащему по свойству ихъ употребленію.

— Изъ Вѣны отъ 12-го сентября. По случаю освобожденія Италіи отъ французовъ, находящіеся здѣсь италіянцы будутъ отправлять завтра нарочное благодарное молебствіе, въ присутствіи великаго герцога тосканскаго, эрцгерцога Фердинанда и проч.

— Продается: карманная книжка для пріѣзжающихъ на зиму въ Москву старичковъ и старушекъ, невѣстъ и жениховъ, молодыхъ и устарѣвшихъ дѣвушекъ, щеголей, вертопраховъ, волокитъ, игрововъ и прочая, 1 руб. 80 коп.

— Продаются за наличествомъ двѣ недавно сюда изъ деревни привезенныя, но уже при господахъ жившія, и какъ въ комнатную службу, такъ и въ чорную работу способныя дѣвки, кои хорошаго поведенія, не старѣе 20 лѣтъ и умѣютъ мыть и гладить и чулки вязать.

18 октября. Изъ Палермо отъ 16 августа. Его величество (король неаполитанскій) по возвращеніи своемъ сюда, пожаловалъ въ день рожденія ея величества португальскому контръ-адмиралу марквизу Ницѣ орденъ св. Януарія, а лорду Нельсону земли у города Катаны, приносящія годоваго дохода 18 тысячъ дукатовъ, и шпагу, брилліантами осмыпанную, которую король Карлъ III, отъѣжая въ Испанію, далъ его величеству, сказавъ: „сею шпагою завоевалъ я королевство, которое тебѣ уступаю; она должна принадлежать всегда защитнику королевства и тому, кто возвратитъ оное тебѣ или преемникамъ твоимъ, въ случаѣ когда оно потеряно будетъ“. Поманутыя земли дадутъ лорду Нельсону достоинство и титулъ марки Дебронте (№ 83).

— Изъ Лондона отъ 27 сентября. Лордъ Нельсонъ получилъ отъ остъ-индской компаніи въ подарокъ 10 тысячъ стерлинговъ.

— Изъ Вѣны отъ 25 сентября. Музыкальный инструментъ, сдѣланный для супруга Людовика XVI вѣжкомъ Шнелемъ изъ Вангигена на Ендѣ въ Виртембергской области, котораго однакожъ не могъ онъ поднести по причинѣ наставшей революціи, а теперь привезъ его сюда, привлекаетъ на себя удивленіе всѣхъ искусныхъ музыкантовъ. Сей инструментъ есть единственный въ своемъ родѣ, походитъ во всемъ на клавиры, съ мѣдными же струнами, но тѣмъ отличенъ, что въ немъ совсѣмъ непримѣтно придѣланъ мѣхъ, котораго вѣтръ ударяетъ въ штруны, пріятно возвышаетъ тронутый тонъ и такъ, какъ въ органахъ, продолжаетъ. Сей тонъ пріятнѣе для уха, нежели голосъ всѣхъ доселѣ извѣстныхъ инструментовъ, и много имѣетъ сходства съ человѣческимъ голосомъ, искуснымъ въ нѣжномъ пѣніи. Мѣхъ содержитъ въ движеніи введенная часовая пружина.

— Оттуда же. Дней 10 тому назадъ умеръ здѣсь отставной подполковникъ баронъ Фирибергъ, который кромѣ 80 тысячъ гульденовъ имѣнія, оставилъ замѣчательное завѣщаніе. Въслѣдствіе оваго должно поставить треугольную пирамиду на его могилѣ, и означить на одной сторонѣ день его рожденія и смерти; на другой сторонѣ вырѣзаны будутъ нѣкоторыя изъ его дѣяній, а на третьей слова: небывальщина. Двумъ бѣднымъ людямъ завѣщалъ онъ каждому по 17 крейцеровъ на день; за то должны они ежедневно молиться по четкамъ за нѣкоторыхъ страдальцевъ и судей. Своимъ людямъ опре-

дѣлалъ онъ прежде ихъ жалованье по смерти; но за то должны они носить по немъ трауръ во всю свою жизнь. Оставшіяся послѣ него собаки и птицы отданы на прокормленіе одной бѣдной женщины, съ тѣмъ, что когда которое изъ сихъ животныхъ умретъ, то должно купить другое такого же роду. За каждую собаку получаетъ она по 4 крейцера, за каждую птицу по 2 крейцера, сверхъ вѣковой пенсіи по 200 гульденовъ въ годъ. Незаконно прижитаго ребенка назначилъ онъ наслѣдникомъ всему имѣнію.

— Неаполитанскій конфектиль Константинъ Доминико, живущій въ Большой Морской, близъ Исакиевской церкви, въ Поповомъ, подъ № 5, домъ, продаетъ всякія варенія, конфеты, мороженное, сиропы и проч. и сожмаетъ разными столовыми украшеніями.

— 21 октября. Изъ Париза отъ 30 сентября. Пишутъ изъ Реймса, что одинъ человекъ, на котораго донесено, что кричалъ: вивать ле-роа (т. е. король) отвѣчалъ въ допросѣ: мой дѣдъ назывался ле-Роа; я его такъ горячо любилъ, что повадился кричать: вивать ле-Роа. Сей человекъ признанъ виновнымъ и, выходя изъ суда, кричалъ: вивать ле-Роа (№ 84).

— Отъ санктпетербургской цензуры, господину доктору философіи и магистру свободныхъ наукъ, афинейскаго при Санѣ ученаго общества члену, Никитѣ Новосильцову, симъ извѣщается, чтобы онъ для объявленія ему высочайшаго е. и. в. повелѣнія, послѣдовавшаго о книгѣ, имъ сочиненной подъ названіемъ: „Логика или умственная наука для женатаго пола“, благоволилъ явиться въ оную цензуру.

— Желаніе купить вѣрные и искусно устроенные механическіе вокальные часы, кои играютъ на флейтѣ, арфѣ и басѣ 10 разныхъ штукъ и представляютъ: во 1-хъ, великолѣпное село, на лѣвой сторонѣ котораго находится трактиръ, на верхъ коего изъ трубъ выходитъ трубчатость, бьетъ часы и послѣ послѣдняго удара прячется паки въ трубу; а на правой сторонѣ виднѣтъ подѣ деревомъ сидящій и на флейтѣ играющій пастухъ, а не подалеку отъ него на лошади почталіонъ, которой соотвѣтствуетъ пастуху играніемъ на рогѣ; а во 2-хъ, трактирщика, стучащаго служанкѣ въ окно и приказывающаго подать почталіону пить, съ изображеніемъ, что служанка приходитъ и несетъ бутылку и стаканъ, а за служанкою бѣжитъ собачка и лаеетъ на почталіона и со стоящимъ на оныхъ пугаетъ, которой отвѣчаетъ на вопросы до 60 разныхъ словъ и поетъ арію,—могутъ для условія въ цѣнѣ явиться ко вдовѣ Миллеръ, живущей у Каменнаго моста въ домѣ подъ № 121; оные же часы она и поазываетъ съ платежомъ по 25 коп. съ персоны за входъ, равно показывается она перспективную иллюминацію.

— На сихъ дняхъ украденъ изъ кладовой Строевскаго большой медвѣжій окорокъ. Онъ обѣщаетъ тому, кто откроетъ ему виновника сей покражи, 25 руб. Охотниковъ же до шляхтерныхъ припасовъ извѣщаетъ онъ, что у него можно получать превосходнаго вкуса колбасы, солонину, обороча, копченыхъ гусей, утокъ и бычачьи языки.

— Буде кому угодно взять къ себѣ въ домъ для разоказыванія разныхъ повѣстей, былей и отчасти русскихъ сказокъ нѣкоего слѣпаго человека, тотъ благоволитъ о немъ извѣститься противу дому покойнаго князя Безбородко у фельдшера Зубова.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ въ 1884 году

ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ДВѢНАДЦАТЬ КНИГЪ.

I.

Приступая къ обычному обзору исполнившагося года нашего изданія „Русской Старины“, къ обзору выпущенныхъ въ 1884 г. двѣнадцати книгъ, мы съ чувствомъ особаго удовольствія отмѣчаемъ фактъ появленія на страницахъ этого журнала посмертныхъ Записокъ Николая Ивановича Пирогова.

Слава этого ученаго и европейски знаменитаго хирурга такъ прочна, такъ распространена, взгляды его на дѣло воспитанія и образованія, на постановку и упроченіе народной школы такъ глубоко вошли въ сознаніе русскаго общества и легли въ основаніе многихъ реформъ въ дѣлѣ воспитанія въ нашемъ отечествѣ за истекшія 25 лѣтъ, что дѣлается совершенно понятнымъ, какъ великъ долженъ быть интересъ, возбуждаемый посмертными Записками такого человѣка.

Значеніе ихъ для редакціи „Русской Старины“ тѣмъ болѣе велико, что помѣщеніе ихъ на страницахъ этого изданія было предрѣшено Николаемъ Ивановичемъ Пироговымъ. За нѣсколько мѣсяцевъ до своей кончины, какъ мы о томъ уже рассказали въ „Русской Старинѣ“, Николай Ивановичъ, въ день своего юбилея, въ Москвѣ, 26-го мая 1881 г., заявилъ намъ, что посмертныя Записки его, Пирогова, принадлежатъ „Русской Старинѣ“ и затѣмъ, не смотря на весьма тяжкій недугъ, гибельный исходъ котораго былъ для него какъ нельзя болѣе ясенъ, знаменитый

ученый съ лихорадочною энергіею отдался составленію Записокъ—единственному труду, наполнявшему всѣ тѣ краткія мгновенія, которыя оставались для него между тяжкими страданіями. Онъ составлялъ и лично писалъ свои Записки, которыя нынѣ, въ 1884 году, согласно его волѣ, и переданы въ наше распоряженіе его высокодостойною вдовою Александрой Антеновной Пироговой.

Рядъ первыхъ главъ изъ посмертныхъ Записокъ Пирогова появился на страницахъ „Русской Старины“ въ сентябрьской, октябрьской, ноябрьской и декабрьской книгахъ 1884 г. Въ этихъ главахъ много мѣста отведено постановкѣ, развитію и разрѣшенію нѣкоторыхъ чисто философскихъ вопросовъ и раскрытію духовнаго міросозерцанія автора. Простота и ясность изложенія, глубина мысли отличаютъ эти главы, какъ вообще все то, что написалъ знаменитый ученый, педагогъ и общественный дѣятель. Продолженіе этого монументальнаго труда будетъ печататься, изъ книги въ книгу, непрерывно въ „Русской Старинѣ“ 1885 года; но мы не сочли себя въ правѣ откладывать печатаніе этихъ Записокъ и вотъ почему приступили въ этому тотчасъ, какъ только вывѣрили мѣстами крайне нечеткѣй подлинникъ рукописи съ тою копіею, съ которой печатаются Записки.

Съ каждою дальнѣйшею главою интересъ посмертнаго труда Пирогова все болѣе и болѣе возрастаетъ; онъ отдается фактическому изложенію различныхъ событій своей жизни съ самаго младенчества до эпохи профессорской и ученой дѣятельности; обзрѣваетъ, во всѣхъ интереснѣйшихъ подробностяхъ, ту и другую дѣятельность; представляетъ рядъ характеристикъ русскихъ и иноземныхъ ученыхъ и общественныхъ дѣятелей; наконецъ, доходитъ до реформъ, предпринятыхъ имъ въ С.-Петербургской medico-хирургической академіи и вообще въ военно-госпитальномъ дѣлѣ въ Россіи.

Еще разъ скажемъ, что появленіе этихъ Записокъ на страницахъ нашего журнала есть событіе, смѣемъ думать, общаго для читающей Россіи интереса и значенія, и нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что этотъ трудъ, касающійся весьма многихъ важныхъ вопросовъ жизни, надолго, если не навсегда, дастъ поводъ дѣлать различные выводы и коментаріи не только читателямъ, но и различнымъ писателямъ и ученымъ, касающимся вопросовъ,

имѣющихъ общественное значеніе, таковы: вопросы духовнаго міросозерцанія, вопросы религиозныя, вопросы воспитанія, вопросы, связанные съ упроченіемъ у насъ школьнаго дѣла, вопросы, связанные съ бытіемъ университетовъ, и множество вопросовъ по отношенію къ хирургіи и практической медицинѣ въ Россіи.

Личный выборъ, сдѣланный Николаемъ Ивановичемъ Пироговымъ между повременными отечественными изданіями для помѣщенія своихъ посмертныхъ Записокъ, выборъ „Русской Старины“, является для насъ наивысшимъ знакомъ вниманія, о которомъ можетъ только мечтать редація повременнаго изданія послѣ пятнадцати-лѣтнихъ усиленныхъ трудовъ, посвященныхъ правильной постановкѣ своего дѣла.

Читатели, конечно, замѣтили, что почти вслѣдъ за посмертными Записками Н. И. Пирогова мы отвѣли мѣсто воспоминаніямъ крестьянина-поэта Спиридона Дрожжина. Это сдѣлано нами не случайно: подлѣ колоссальной, въ нравственномъ и умственномъ отношеніи, личности видѣтъ самородокъ крестьянина-поэта совершенно умѣстно.

Намъ хотѣлось вновь выставить тотъ общеизвѣстный фактъ, что въ средѣ народа русскаго таится много духовныхъ силъ, колы скоро изъ него выходятъ, почти при полномъ отсутствіи образованія, такіа дарованія, какое несомнѣнно принадлежитъ Спиридону Дмитриевичу Дрожжину. Ученіе дьячка, не прошедшій ни единой школы, съ самаго нѣжнаго возраста брошенный въ разныя вертепы кабацкой жизни, онъ сохраняетъ всю чистоту своей нравственной природы. Съ жадностью отдается чтенію, превосходно овладѣваетъ роднымъ языкомъ, овладѣваетъ имъ даже грамматически, ибо пишетъ безъ малѣйшихъ ошибокъ, и среди всевозможныхъ лишеній, скитаній и, прямо сказать, голода, отводитъ душу свою въ поэзіи. Многія его произведенія блещутъ несомнѣнно свѣжестью, искренностью чувства, вполне художественными образами и вообще являютъ крупное дарованіе. Бодро смотрится на жизнь и будущность русскаго человѣка въ виду того, что на двухъ противоположныхъ концахъ одной и той же лѣстницы, ведущей къ его духовному и умственному развитію, стоятъ на первыхъ ступеняхъ Дрожжина, на высшихъ ступеняхъ всемірно-извѣстныя и уважаемыя Пироговы.

Первый отдѣлъ нашего изданія въ 1884 году, какъ во всѣ четырнадцать предъидущихъ лѣтъ, посвященъ былъ Запискамъ и воспоминаніямъ.

Въ немъ, кромѣ Записокъ Н. И. Пирогова и С. Д. Дрожжина, мы должны отмѣтить Записки Михаила Александровича Фонвизина, въ высшей степени типичнаго представителя эпохи императора Александра I-го. Родной племянникъ знаменитаго автора „Недоросля“—Дениса Ивановича Фонвизина—Михаилъ Александровичъ соединялъ въ себѣ традиціи екатерининскаго вѣка съ тѣми идеями, которыя усвоены были имъ изъ личнаго знакомства и изъ изученія исторіи и внутренняго строя европейскихъ государствъ. Ветеранъ отечественной войны, прошедшій отъ Москвы до Петербурга, онъ, какъ и многіе представители лучшаго образованнаго общества эпохи Александра I, увлекся идеями о преобразованіи внутренняго строя своего отечества; послѣдствіемъ этого было то, что тридцать лѣтъ изъ своей жизни, съ 1826 по 1856 гг., онъ провелъ въ ссылкѣ въ Сибирь. Здѣсь, какъ всегда, серьезный, вдумчивый онъ отдастся наукѣ и литературѣ; пишетъ трактаты по разнымъ вопросамъ философскимъ, богословскимъ и социальнымъ; наконецъ, по поводу одного незначительнаго французскаго сочиненія о російской исторіи, составляетъ весьма сжатый и ясный обзоръ историческихъ судьбъ русскаго народа съ древнѣйшихъ временъ до эпохи Александра Павловича. Весь трактатъ этотъ или мемуаръ, неоконченный еще въ печати на страницахъ „Русской Старины“, интересенъ не только по мысли, которую проводитъ авторъ, обозрѣвая всѣ періоды русской исторіи, но и по нѣкоторымъ фактическимъ подробностямъ, до тѣхъ поръ почти неизвѣстнымъ, каковы подробности, относящіяся въ эпохѣ императрицы Екатерины II.

Подлѣ этого всесторонне образованнаго и мыслящаго человѣка, стоитъ фигура стараго служака генерала Штрандмана, одного изъ тѣхъ честныхъ и благородныхъ нѣмцевъ-драбантовъ, которые всю многолѣтнюю жизнь свою отдали на служеніе государству російскаго. Записки его сухи, но весьма обстоятельно трактуютъ обо всѣхъ тѣхъ фактахъ военной жизни второй половины XVIII вѣка, которую онъ честно прошелъ, постепенно восходя отъ низшихъ до высшихъ ступеней въ военной іерархіи.

Въ разсказѣ или отрывкѣ изъ записокъ г. Бочарова подъ за-

главѣмъ „Въ Правительствующемъ Сенатѣ“ намъ хотѣлось приподнять завѣсу, которая опустилась съ введеніемъ у насъ судебной реформы въ 1864 году на наши старинныя судебныя учрежденія. У насъ все и вся легко забывается. Всѣ ужасы прежняго „правосудія“, начиная отъ низшихъ учрежденій нашихъ судовъ до самаго высшаго, каковъ правительствующій сенатъ, всѣ тогдашнія безобразія, тягота которыхъ лежала на всѣхъ классахъ русскаго общества, при тогдашнемъ безправии и безсудии,—все это почти забыто. Можно даже подумать, что скоро найдутся охотники поворотить русское общество къ старымъ судебнымъ учрежденіямъ, и вотъ для этого-то недурно вспомнить прошлое и войти въ храмъ русской Фемиды пережитаго и забытаго времени. Нагляднымъ изображеніемъ челобитчика въ этомъ храмѣ, въ 1820—1840 годахъ, можетъ служить тотъ рисунокъ, который приложенъ при одной изъ книгъ „Русской Старинѣ“ обозрѣваемаго года.

Рядъ очерковъ и воспоминаній, каковы: „Виленскіе очерки“, „Въ Прибалтійскомъ краѣ“, „Русскій губернаторъ въ Царствѣ Польскомъ“, появившіеся въ „Русской Старинѣ“ 1884 года, конечно, остановили вниманіе нашихъ читателей на окраинахъ Россійскаго государства. Это весьма полезно, ибо здѣсь также слишкомъ скоро забываются уроки прошедшаго, уроки исторіи, и при этомъ забвеніи русское общество и представители въ немъ власти готовы повторять прежнія ошибки, за которыя такъ дорого приходилось и приходится платиться русскому народу.

Наиболѣе близкое къ этому народу—дѣло крестьянское обозрѣвается въ „Русской Старинѣ“ 1884 года въ Запискахъ одного изъ радѣльцевъ освобожденія крестьянъ—Якова Александровича Соловьева. Въ этомъ году мы закончили печатаніе его Записокъ о трудахъ, съ которыми сопряжено было осуществленіе великой идеи императора Александра II объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи. Эти Записки—безспорно монументальный источникъ къ будущей исторіи освобожденія крестьянъ въ нашемъ отечествѣ.

Не менѣе великое дѣло—дѣло воспитанія и образованія русскихъ людей—также нуждается въ томъ, чтобы въ памяти общества воскрешаемы были бы, время отъ времени, картины прошлаго изъ различныхъ учебныхъ заведеній, а равно излагаемы были тѣ взгляды въ дѣлѣ воспитанія, которыми руководились

русскіе педагоги въ давнюю и недавнюю старину. Вотъ почему мы отвели мѣсто въ обзорѣваемомъ году такимъ запискамъ и разсказамъ, каковы воспоминанія знаменитаго педагога, увы, преждевременно скончавшагося, барона Николая Александровича Корфа, также разсказы А. И. Зеленаго, П. П. Карцова, И. И. Ореуса о кадетскихъ корпусахъ: морскомъ, новгородскомъ и о школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ. Только оглядываясь назадъ на хорошее и дурное, имѣвшее мѣсто въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ и въ дѣлѣ воспитанія вообще русскихъ людей, можно стремиться къ тѣмъ или другимъ преобразованіямъ и улучшеніямъ въ этомъ величайшей важности дѣлѣ.

Не оставлено нами безъ вниманія въ обзорѣваемомъ году и обширное сословіе въ русскомъ народѣ—сословіе духовенства: Записки покойнаго профессора С.-Петербургской духовной академіи Д. И. Ростиславова, касающіяся всѣхъ сторонъ внутренняго быта православнаго духовенства въ Россіи, продолжали тянуться въ нашемъ изданіи и протянутся еще долгое время.

II.

Въ отдѣлѣ изслѣдованій и историческихъ монографій, а также историко-біографическихъ очерковъ, мы можемъ назвать трудъ уважаемаго историка нашего Д. И. Иловайскаго—Москва и Тверь, также указать на рѣчь при защитѣ диссертациі на степень магистра русской исторіи молодого ученаго Линниченко, на изслѣдованіе Н. А. Гиббенета о патріархѣ Никонѣ по матеріаламъ вновь имъ открытымъ, на живые и полные интереса очерки и разсказы о сектахъ въ Россіи Пругавина,—на талантливыя и, какъ всегда, весьма обстоятельныя историческіе разсказы предсѣдателя кавказской археографической комиссіи Ад. П. Берже: „Кебинныя жены А. П. Ермолова на Кавказѣ“ и „Императоръ Николай I на Кавказѣ въ 1837 г.“; но въ особенности мы должны обратить вниманіе нашихъ читателей на обширное и весьма талантливо-написанное историческое изслѣдованіе: „Екатерина II и Дидро“, трудъ извѣстнаго публициста и бывшаго профессора В. А. Бильбасова; эта замѣчательная монографія основана на матеріалахъ, еще недавно появившихся въ печати; она ярко освѣ-

щаетъ какъ личность Екатерины II, такъ и весь потокъ философскаго движенія мысли во Франціи во второй половинѣ XVIII столѣтія и вліяніе его на высшее русское общество, и если нельзя согласиться съ нѣкоторыми изъ выводовъ В. А. Бильбасова, то, во всякомъ случаѣ, надо отдать полную справедливость талантности изложенія и тому живому интересу, который онъ умѣлъ придать своей монографіи, явившейся затѣмъ съ нѣкоторыми дополненіями и приложеніями въ отдѣльномъ изданіи. Намъ особенно интересно появленіе этого изслѣдованія въ томъ отношеніи, что въ немъ обобщены и сдѣланы выводы изъ историческаго матеріала, появившагося въ послѣдніе годы въ русскихъ историческихъ повременныхъ изданіяхъ. Такимъ образомъ, на раду съ изданіемъ сырого матеріала, начинается у насъ появляться и превосходная обработка онаго, вполне талантливо исполняемая.

Въ раду лицъ, которымъ мы посвятили небольшіе очерки, мы остановили вниманіе читателей на весьма симпатичной личности императрицы Елизаветы Алексѣевны, супруги императора Александра I: такъ представили о ней воспоминанія ея фрейлины княгини Мадатовой, равнымъ образомъ очеркъ жизни этой императрицы, написанный графомъ Уваровымъ подъ живымъ впечатлѣніемъ вончины ея,—все это было совершенно встать, ибо въ ряду портретовъ, изданныхъ въ этомъ году, мы помѣстили геліографурный снимокъ съ прекраснаго портрета работы Клаубера, изображающій Елизавету Алексѣевну въ бытность ея великою княгинею въ 1799 г.

Къ біографическимъ или скорѣе въ некрологическимъ очеркамъ мы должны отнести замѣтки, появившіяся въ обозрѣваемомъ году на страницахъ „Русской Старинѣ“ о нѣсколькихъ вполне замѣчательныхъ, въ различныхъ сферахъ русской жизни, государственныхъ или общественныхъ дѣятеляхъ. „Русская Старина“ никогда не бралась и не будетъ браться за составленіе очерковъ о всѣхъ скользящихъ въ могилу въ теченіи года русскихъ замѣчательныхъ людяхъ. Наше общество, вслѣдствіе каковаго-то злого рока, слишкомъ скоро теряетъ своихъ лучшихъ подвижниковъ, и если слѣдить за этими потерями, то все изданіе можетъ обратиться въ какой-то непрерывный синодикъ. Въ послѣднемъ году мы остановились на уtratѣ Россіею лишь нѣкоторыхъ людей, каковы

напримѣръ: членъ государственнаго совѣта Ковалевскій, знаменитый герой Севастополя Тотлебенъ, въ высшей степени почтенный труженникъ науки Викторовъ, весьма талантливый писатель Николай Васильевичъ Бергъ, маститый патріархъ русскаго общества баронъ А. Е. Розенъ—одинъ изъ немногихъ остававшихся до нашихъ дней въ живыхъ такъ называемыхъ декабристовъ, честный морякъ и герой Севастополя К. П. Голенко, учительница П. Н. Жолкевичъ (рожд. Бибикова)—одна изъ достойнѣйшихъ представительницъ нынѣ большого уже общества трудолюбивыхъ до самоотверженія учительницъ и учителей начальныхъ школъ, содержимыхъ с.-петербургскою Городскою Думою.

III.

Матеріалы, издаваемые нами болѣе или менѣе въ сыромъ видѣ, каковы: указы, грамоты, переписка и проч. документы, въ обозрѣваемомъ нами году лишь немного воскулись эпохи XVIII вѣка и начала XIX столѣтія. Главный матеріалъ, явившійся въ 1884 году въ „Русской Старинѣ“, такъ сказать, въ сыромъ видѣ, это обширная переписка императора Николая I съ фельдмаршаломъ И. И. Дибичемъ въ 1830—1831 годахъ, когда Дибичъ стоялъ во главѣ русской арміи, ринувшейся въ предѣлы Западной Россіи для подавленія возстанія въ Польшѣ. Переписка эта, главнымъ образомъ, интересная по отношенію къ императору Николаю—всецѣло обрисовываетъ эту личность, полную необыкновенной энергіи, и по отношенію ея вполне своеобразныхъ взглядовъ, личность, какъ мы уже неоднократно заявляли, до сихъ поръ мало еще исторически изслѣдованную. По этому поводу нельзя не подивиться, что такого крупнаго значенія исторической матеріалъ, какова переписка этого государя во время войны съ Польшею (1831 годъ), оставался до сихъ поръ невзданнымъ. Это свидѣтельствуетъ только о томъ, какъ охотно хоронятъ у насъ подъ спудъ такой матеріалъ, который имѣетъ значеніе вовсе не для удовлетворенія любопытства, но главнымъ образомъ значеніе поучительное. Кстати повторимъ то, что мы уже, кажется, имѣли случай говорить: кто не знаетъ, напримѣръ, что о русско-

турецкой войнѣ 1829 года почти ровно ничего не было обнаружено вплоть до возникновенія борьбы 1853—1855 годовъ и, такимъ образомъ, опытъ 1829 года далеко не вполне могъ послужить, напримѣръ, для войны 1854 года на Дунаѣ; затѣмъ во время 1877—1878 годовъ мы опять-таки мало еще имѣли въ печати изслѣдованій, по русскимъ матеріаламъ, о войнѣ 1853—1855 годовъ ¹⁾. Между тѣмъ не такъ дѣлается на западѣ: тамъ, весьма скоро послѣ совершившагося крупнаго событія, какъ напримѣръ война, появляется почти весь матеріалъ для изученія во всѣхъ подробностяхъ пережитыхъ въ исторіи государства фактовъ.

Обращаясь въ помянутой перепискѣ императора Николая съ Дибичемъ, напомнимъ, что для освѣщенія польскаго возстанія 1831 г. и съ другой, враждебной намъ стороны, мы, одновременно съ этими письмами, печатали и будемъ печатать обширное изслѣдованіе Мохнацкаго о томъ же польскомъ возстаніи.

Въ этомъ же 1884 году мы начали рядъ очерковъ о холерѣ 1831 года, въ грустномъ предвидѣніи, что страшная гостья посѣтитъ, быть можетъ, Россію въ близкомъ будущемъ, а потому, въ ожиданіи ея, не бесполезно оглянуться назадъ и вспомнить, чѣмъ сопровождалось ея первое, по времени, появленіе въ С.-Петербургѣ.

Съ каждымъ днемъ отходить въ область исторіи пережитая нами эпоха царствованія государя-освободителя императора Александра II. Эта эпоха вызываетъ и въ насъ, какъ, конечно, и во всѣхъ русскихъ людяхъ, имѣвшихъ счастье переживать ее, глубокое, безпредѣльное сочувствіе къ державному преобразователю. На немъ и на его времени „Русская Старина“, доволѣ она будетъ издаваться, всегда будетъ останавливаться съ живѣйшимъ интересомъ.

Въ обозрѣваемомъ году мы привели, по отношенію къ ней, рассказъ кавказскаго ветерана М. Я. Ольшевскаго о пребываніи Александра II на Кавказѣ. Напечатали въ высшей сте-

¹⁾ Въ обозрѣваемомъ году, по отношенію къ этой войнѣ (1853—1854 гг.) собственно за Кавказомъ, помѣщены обширныя Записки ген. отъ инфантеріи М. Я. Ольшевскаго, уже въ той войнѣ занимавшаго видный постъ въ рядахъ дѣйствовавшихъ за Кавказомъ войскъ. Ред.

пени любопытную политическую записку одного изъ сподвижниковъ этого государя князя М. А. Горчакова о возможности столкновенія Россіи съ ея сосѣдами на западной границѣ (1860 г.) съ замѣтками на ней государя императора Александра II-го.

Въ обширной статьѣ нашей о чествованіи 19 февраля, въ 1862 — 1884 гг., мы постарались соединить воспоминанія и очерки, характеризующіе главныхъ сподвижниковъ государя въ наибаважнѣйшей реформѣ, имъ совершенной, именно: освобожденіи крестьянъ въ Россіи; особенно ярко обрисовывается въ этихъ очеркахъ и въ изданныхъ нами, въ обозрѣваемомъ же году, письмахъ личность наиболѣ замѣчательнаго изъ подвижниковъ и радѣльцевъ крестьянскаго вопроса—Н. А. Милютина, дѣтеля истинно государственнаго.

IV.

На ряду съ разработкой отечественной исторіи, „Русская Старина“ въ теченіи пятнадцати лѣтъ своего изданія постоянно отводитъ многія страницы изслѣдованіямъ, очеркамъ и матеріаламъ, относящимся къ исторіи отечественной словесности.

При этомъ положительно ежегодно „Русская Старина“ представляетъ новыя данныя къ біографіи и обзору произведеній геніальнѣйшихъ представителей отечественной литературы въ новѣйшемъ ея періодѣ, таковы: Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь.

Въ обозрѣваемомъ году Гоголь явился въ нѣсколькихъ интересныхъ и неизданныхъ доселѣ письмахъ своихъ къ его доброму знакомому и другу Россети. О Лермонтовѣ рассказываетъ, между прочимъ, одинъ изъ немногихъ оставшихся въ живыхъ товарищей его по службѣ и воспитанію,—а о Пушкинѣ мы помѣстили обширное изслѣдованіе В. Е. Якушкина. Это изслѣдованіе состоитъ въ изученіи, обзорѣ и подробнѣйшемъ описаніи всего пушкинскаго архива, переданнаго сыномъ поэта на вѣчное храненіе въ Румянцовскій музей въ Москвѣ. Съ необыкновенною заботливостью, вниманіемъ и любовью къ памяти великаго поэта обозрѣваетъ г. Якушкинъ обширное собраніе драгоцѣннѣйшихъ рукописей А. С. Пушкина; при этомъ для сего труда, съ добросовѣстностью по истинѣ замѣчательной, нашъ молодой ученый

г. Якушкинъ изучилъ рядъ изданій полнаго собранія сочиненій Пушкина и матеріаловъ въ его біографіи, и выставляетъ всю массу ошибокъ, вольныхъ и невольныхъ, вкравшихся въ эти печатныя изданія и изслѣдованія поэтическаго творчества Пушкина, принадлежація въ особенности П. В. Анненкову и г. Бартеневу. Важность и значеніе труда г. Якушкина состоитъ не только въ томъ, что онъ указываетъ на недостатки всего того, что сдѣлано до сихъ поръ по отношенію къ собранію и изданію произведеній нашего величайшаго поэта, но и въ томъ, что онъ выясняетъ, слѣдуя рукописямъ Пушкина, какъ поправить эти недостатки въ ближайшемъ будущемъ.

Вмѣстѣ съ симъ г. Якушкинъ представилъ множество доселѣ совершенно неизвѣстныхъ прозаическихъ и поэтическихъ отрывковъ изъ сочиненій Пушкина.

Вообще обширный трудъ, приложенный къ составленію подробнаго „Описанія рукописей Пушкина“, какъ нельзя яснѣе показалъ, во первыхъ, то, насколько до сихъ поръ рукописи Пушкина плохо изучены, какъ много еще въ нихъ цѣннаго матеріала, а во вторыхъ, то же „Описаніе“ вполне выяснило раньше лишь подозрѣваемую истину: почти все изъ посмертныхъ произведеній Пушкина напечатано съ поразительными ошибками и неточностями.

„Описаніе“, заимствуя изъ тетрадей Пушкина все новое, неизвѣстное, даю на своихъ страницахъ много пушкинскихъ вещей, имѣющихъ самостоятельное, цѣльное художественное значеніе; таковы: „Элегія“ (64. 15₁), „Какъ наше сердце своенравно“ (66. 34₂), „Исполню я твое желанье“ (69. 2₁), „Презрѣвъ и шопоть укоризны“ (70. 35₂) и пр.; затѣмъ въ числѣ новаго мы видимъ много болѣе легкихъ, шуточныхъ произведеній, каковы: „Въ Юрзуфѣ бѣдный мусульманъ“ (65. 34₂), „Мой другъ уже три дня“ (66. 8₁), „Дѣвственница“ (70. 85₂) и пр. Мы находимъ множество новыхъ отрывковъ и неоконченныхъ набросковъ, которые, если не сами по себѣ, то какъ дополненія къ извѣстнымъ ранѣе произведеніямъ, имѣютъ важное какъ литературное, такъ въ особенности автобіографическое, значеніе. Между этими дополненіями есть такія, которыя и объемомъ, и содержаніемъ иногда превосходятъ напечатанное ранѣе: укажемъ на посланіе къ Ю* или въ Давыдову. Наконецъ, читатель, просматривавшій Описаніе, помѣщенное на стр. „Русской Старины“ обозрѣваемаго года,

помнить огромную массу поправокъ, болѣе или менѣе значительныхъ, которую Описание внесло въ печатный пушкинскій текстъ.

Мы говорили о стихахъ; но то же самое и съ прозой. „Описание“ дало нѣсколько новыхъ прозаическихъ произведеній Пушкина, таковы: статьи о сочиненіяхъ Шевырева, Муравьева, Павлова; замѣтка о прекрасномъ; полемическія статьи „Самъ съшь“, о журналѣ „Азіятскій Ракъ“, рядъ полемическихъ и критическихъ замѣтокъ; многія статьи дополнило и исправило, такъ: Разговоръ А. и Б., Альманахники, Марія Шоннингъ и пр.

Конечно, „Русская Старина“ могла-бы ограничиться извлеченіемъ изъ тетрадей Пушкина одного лишь новаго и крупнѣйшихъ поправокъ; но, не говоря уже о важности многихъ мелкихъ исправленій, „Описание“, въ томъ видѣ, какъ оно напечатано, даетъ массу матеріала для опредѣленія хронологіи и порядка созданія многихъ произведеній Пушкина и даже для характеристики самого процесса его творчества. О послѣднемъ съ самаго начала упомянуло предисловіе къ Описанію (см. „Русскую Старину“ изд. 1884 г., февраль); и дѣйствительно, благодаря описанію, мы проникли какъ-бы въ рабочій кабинетъ Пушкина: мы видимъ его неустанно работающимъ, обдумывающимъ и передѣлывающимъ свои произведенія, составляющимъ программы, заготавливающимъ подготовительные прозаическіе переводы, много читающимъ и дѣлающимъ выписки и замѣтки. Черновыя тетради Пушкина, а вмѣстѣ съ тѣмъ и „Описание“ ихъ, показываютъ намъ, что нашъ гениальный поэтъ, прежде всего, по справедливому замѣчанію въ предисловіи (см. „Русскую Старину“ изд. 1884 г., февраль),—„вѣчный былъ работникъ“.

Рядомъ съ характеристикой творчества Пушкина, „Описание“ даетъ много матеріала и для характеристики самого поэта, для его біографіи. Кромѣ поправокъ, иногда очень существенныхъ, въ перепискѣ поэта мы находимъ болѣе десяти писемъ совершенно новыхъ или хотя и извѣстныхъ ранѣе, но по воротничъ и неточнымъ отрывкамъ. Между прочимъ, весьма важный біографическій интересъ имѣетъ фантастическій разговоръ поэта съ императоромъ Александромъ I.

Вообще благодаря Описанію, дающему намъ всѣ подробности и даже мелочи изъ подлинныхъ рукописей А. С. Пушкина, мы

имѣемъ тутъ множество біографическихъ указаній въ мелкихъ замѣткахъ и иногда въ рисунѣ или въ какой либо помѣтѣ.

„Русская Старина“ съ перваго года своего изданія всегда съ особою готовностью помѣщала на своихъ страницахъ матеріалъ, относящійся до Пушкина; изъ сдѣланнаго нами бѣглаго перечисленія видно, какъ много въ 1884 году дала „Русская Старина“ относительно нашего великаго поэта.

Конечно, подлинныя бумаги Пушкина, хранящіяся въ Румянцовскомъ музеѣ, навсегда сохранятъ свое значеніе, въ нимъ всегда будутъ обращаться изслѣдователи: „Описание“ не устранило и не могло устранить ихъ значеніе. Но не всегда и не всякій изслѣдователь можетъ отдаться изученію подлинныхъ рукописей въ Музеѣ въ Москвѣ; вотъ тутъ-то и будетъ особенно важно напечатанное „Русскою Стариною“ „Описание“. Кромѣ того, оно будетъ очень полезнымъ руководствомъ, исходнымъ, такъ сказать, пунктомъ и для занимающихся по подлиннымъ рукописямъ.

Въ концѣ труда г. Якушкина мы помѣстили имъ же составленный предметный указатель къ подлиннымъ рукописямъ Пушкина. Этотъ указатель весьма важенъ для тѣхъ, на которыхъ уже прямо выпадетъ доля быть редакторами полнаго собранія сочиненій Пушкина, или для тѣхъ, которые захотятъ обратиться, вообще по какой бы то ни было работѣ по отношенію къ Пушкину, непосредственно къ его рукописямъ, хранящимся въ Румянцовскомъ музеѣ въ Москвѣ.

Вообще мы не находимъ достаточно словъ, чтобы благодарить нашего уважаемаго сотрудника за его вкладъ въ исторію отечественной словесности; мы полагаемъ, что каждый изъ русскихъ, для котораго дорога память великаго поэта, оцѣнитъ по достоинству трудъ В. Е. Якушкина. Въ его изслѣдованіи, какъ драгоценнѣйшій жемчугъ, разсыяны цѣлыя строфы стиховъ и цѣлыя страницы прозы Пушкина, до сихъ поръ остававшіяся неизданными. Считаемъ себя счастливыми, что именно „Русская Старина“, вслѣдъ за множествомъ уже изданныхъ ею матеріаловъ для знакомства съ жизнію и поэтическимъ творчествомъ Пушкина, имѣла случай воспользоваться и вполне воспользовалась прекраснымъ трудомъ В. Е. Якушкина.

V.

Одновременно съ исторіей литературы „Русская Старина“ изъ году въ годъ останавливается на исторіи художествъ и искусствъ въ Россіи. При этомъ ежегодно, подобно тому, какъ въ литературѣ она останавливаетъ вниманіе читателей на Пушкинѣ, Лермонтовѣ и Гоголѣ, такъ въ области исторіи музыкальнаго искусства она всегда останавливается на Михаилѣ Ивановичѣ Глинкѣ.

Съ особымъ удовольствіемъ можемъ сказать, что по отношенію къ этой гениальной личности „Русская Старина“ представила едва ли нѣкую бібліотеку записокъ, воспоминаній, очерковъ, писемъ и разныхъ замѣтокъ, во главѣ которыхъ, разумѣется, должны быть поставлены обширные мемуары самого Глинки, его письма, его проекты и конспекты текста въ его музыкальнымъ произведеніямъ. Въ обозрѣваемомъ 1884 году во всей этой литературѣ о М. И. Глинкѣ „Русская Старина“ присоединила воспоминанія его сестры Людмилы Ивановны Шестаковой.

Дѣятельность госпожи Шестаковой, рожденной Глинки, по отношенію къ сохраненію всего того, что служить къ славѣ ея гениальнаго брата, можетъ служить поистинѣ образцомъ для всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя имѣютъ возможность сохранить что либо къ упроченію и развитію славы талантливыхъ русскихъ людей въ области литературы, художествъ и искусствъ.

Графъ Федоръ Петровичъ Толстой, проф. архитектуры М. А. Щуруповъ, проф. гравир. Н. И. Уткинъ, граверъ А. А. Афанасьевъ, художн. Теребеневъ, скульпт. Забѣлло,—вотъ тѣ художники живописи, архитектуры, скульптуры, которые явились въ обозрѣваемомъ году въ очеркахъ ихъ жизни и дѣятельности, а нѣкоторые въ неизданныхъ до того письмахъ и замѣткахъ.

Совершившееся 5 октября 1884 года 50-ти-лѣтіе артистической дѣятельности въ высшей степени даровитаго русскаго артиста В. В. Самойлова дало поводъ „Русской Старинѣ“ остановиться на обзорѣни его заслугъ нашему обществу въ исторіи русскаго театра и на характеристикѣ его великаго таланта.

VI.

Въ выборѣ художественныхъ приложений — портретовъ русскихъ достопамятныхъ людей — мы, какъ и всегда, были особенно разборчивы и внимательны; заботились какъ о томъ, чтобы эти портреты воскрешали предъ взоромъ читателя образы дѣйствительно, въ томъ или другомъ отношеніи, достопамятныхъ русскихъ людей обоюга пола, такъ и о томъ, чтобы эти портреты были выполнены безупречно художественно.

Такимъ образомъ при книгахъ „Русской Старинѣ“ 1884 года явились въ таковыхъ портретахъ: императрица Елисавета Алексѣевна; ея императорское высочество государь великій князь Константинъ Николаевичъ — главнѣйшій сподвижникъ незабвеннаго государя во всемъ, что совершено имъ для блага и величія Россіи; Пушкинъ въ превосходномъ снимкѣ, отпечатанномъ красками съ акварели знаменитаго художника Соболева, написавшаго этотъ портретъ съ натуры; Лермонтовъ во вновь открытомъ портретѣ, набросанномъ съ натуры однимъ изъ его кавказскихъ сослуживцевъ; поэтъ Некрасовъ въ портретѣ, исполненномъ рѣзцомъ талантливейшаго русскаго гравера на деревѣ академика Сѣрякова; В. В. Самойловъ въ отличной гравюрѣ, исполненной на мѣди мало извѣстнымъ еще, но весьма талантливымъ граверомъ г. Мѣркинымъ, состоящимъ при экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ; высокопреосвященный митрополитъ Исидоръ, педагогъ баронъ Н. А. Корфъ; фельдмаршалъ Дибичъ и домоправительница графа Араччеева Настасья Миньина, всѣ эти портреты исполнены рѣзцомъ одного изъ лучшихъ учениковъ и послѣдователей Сѣрякова—художникомъ И. И. Матюшинимъ; портретъ графа Араччеева—гравюра на мѣди Афанасьева; наконецъ, портретъ-группа вождей союзной арміи подъ Севастополемъ въ 1854—1855 гг., весьма отчетливо исполненный Г. И. Грачевымъ съ фотографіи, этими же вождями подаренной въ 1855 г. кн. М. А. Горчакову во время осады Севастополя.

Изъ чертежей, приложенныхъ къ „Русской Старинѣ“ 1884 г., читатели, конечно, замѣтили проектъ памятника на общей могилѣ кабинетъ-министра Артемія Волынскаго и ея сострадалицъ Хрущова и Еропкина.

Этотъ проектъ принадлежитъ профессору архитектуры —

М. А. Щурову и редакція „Русской Старины“, положившая въ 1883 г. починъ въ возбужденіи вопроса о возобновленіи памятника на могилѣ вполнѣ исторической, съ удовольствіемъ можетъ нынѣ заявить, что есть полное основаніе въ надеждѣ, что могила эта украсится наконецъ памятникомъ, вполнѣ достойнымъ тѣхъ лицъ, которыя пали безвинною жертвою мести и злобы герцога курляндскаго Бирона.

VII.

Библиографическій листокъ „Русской Старины“ въ 1884 году далъ отзывы о полусотнѣ книгъ и изданій, имѣющихъ значеніе и интересъ въ области историческихъ наукъ въ обширномъ смыслѣ этого слова. Какъ ни мало мѣста отводимъ мы для этого рода замѣтокъ-отзывовъ, но мы полагаемъ однако, что этотъ отдѣлъ,—принадлежащій почти исключительно перу уважаемаго профессора русской исторіи В. С. Иконникова,—весьма полезенъ.

Алфавитный указатель въ „Русской Старинѣ“ 1884 года—въ вѣсьмъ двѣнадцати книгахъ сего года—приложенъ въ концѣ декабрьской книги. Изданіе таковыхъ указателей отдѣльною брошюрою, какъ мы то сдѣлали въ 1883 году, оказалось неудобнымъ.

Общая систематическая роспись всѣхъ статей и матеріаловъ помѣщенныхъ въ „Русской Старинѣ“ за пятнадцать лѣтъ ея изданія, 1870—1884 гг., составлена нашею сотрудницею г-жею Вѣрою Васильевною Тимошукъ и мы приступили къ печатанію этой обширной росписи; въ началѣ 1885 г. мы надѣемся выпустить ее въ свѣтъ.

Вступая нынѣ въ XVI-й годъ нашего изданія, мы съ увѣренностью можемъ сказать, что программа, положенная въ основаніе изд. „Русской Старины“ и всѣ наши усилія въ выполненію оной, какъ кажется, вполнѣ удовлетворяютъ требованіямъ той части русскаго общества, которая живо интересуется изученіемъ исторіи нашего дорогого отечества; доказательство этому мы усматриваемъ, между прочимъ, въ возрастающемъ постоянно числѣ нашихъ подписчиковъ-читателей: въ истекшемъ 1884 году число это достигло наивысшей цифры въ ряду пережитаго нашимъ журналомъ пятнадцатилѣтняго періода.

Ред.

**ВѢДОМОСТЬ ЧИСЛА СТАТЕЙ И МАТЕРІАЛОВЪ,
поступившихъ въ редакцію „Русской Старинѣ“
въ 1870—1884 гг. ¹⁾.**

Поступило мемуаровъ (Записокъ и воспоминаній), изслѣд-
ваній, историческихъ и біографическихъ очерковъ, документовъ,
замѣтокъ и цѣлыхъ частныхъ архивовъ №№ 5,070

Изъ этого числа признано не имѣющими значенія и во-
обще, почему бы то ни было, не интереснымъ для печати 1,230

Напечатано въ „Русской Старинѣ“ 1870—1884 г. 1,901

Не напечатано, но признано вполне интересными
и пригодными къ помѣщенію въ „Русской Старинѣ“, а
потому и подготовлено къ напечатанію и войдетъ въ по-
слѣдующія книги „Русской Старинѣ“ 1,939

Итого поступило съ 1 января 1870 г.
по 1-ое декабря 1884 г. 5,070

Имѣя, такимъ образомъ, вполне наготовѣ 1,939 сообщеній,
въ числѣ вторыхъ если есть и небольшія замѣтки, то имѣются
и многотомные мемуары (записки) и воспоминанія, равно цѣлыя
серіи документовъ, мы тѣмъ не менѣе просимъ и не престанемъ
просить всѣхъ любителей отечественной старины и исторіи про-
должать высылать намъ все интересное и имѣющее историческое
значеніе. Считаемъ лишнимъ напоминать, что мы все, что помѣ-
щали въ „Русской Старинѣ“, печатали и помѣщаемъ не по
времени поступления матеріала или статьи, а по степени
интереса по отношенію въ данному времени и по разнымъ дру-
гимъ редакціоннымъ соображеніямъ. Такимъ образомъ нерѣдко
то, что получается сегодня, у насъ, такъ сказать, является въ
печати завтра. Ред.

¹⁾ По 1-е декабря 1884 г. Въ эту вѣдомость не входятъ статьи и выписки,
принадлежащія самой редакціи „Русской Старинѣ“, какъ заготовленныя ею
для печати задолго до начала изданія журнала, такъ и постоянно заготов-
ляемыя либо ею, либо по ея заказу и подъ ея непосредственнымъ руковод-
ствомъ, по нашимъ же матеріаламъ. Ред.

Списокъ лицъ, сообщившихъ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» истори-
ческія или историко-литературныя статьи и матеріалы

въ 1870—1884 гг.

К. К. Абаза, — Л. В. Абашкинъ, — В. П. Авенаріусъ, — Д. В. Аверкіевъ, —
И. П. Аврамовъ, — Ага-бекъ-Гасабовъ, — П. Агапьевъ, — Н. Агафоновъ, —
А. Аграномовъ, — Адасова, — А. К. Адипцовъ, — М. П. Азанчевскій, — И. К.
Айвазовскій, — Аксаковъ, — Аксюкъ, вдова, — И. И. Акутинъ, — П. В. Алабинъ, —
С. И. Алаидскій, — М. А. Албычевъ, — К. Алмазовъ, — В. А. Альфонскій, — пу-
менъ Амвросій, — И. М. Амелицкій, — С. А. Амировъ, — Е. Н. Аммонъ, — А. И.
Анастасіевъ, — И. Андозскій, — Х. К. Андреевъ, — ректоръ Спб. университета
профес. И. Е. Андреевскій, — В. Андреевъ, — Анненковъ, — I. В. Антоновъ, —
М. А. Антоновъ, — А. А. Ангуфьевъ, — А. Апраксинъ, — графъ С. А. Апраксинъ, —
Е. А. Арапова, — Н. А. Аргиландеръ, — И. А. Аренсъ, — М. П. Арнольди, —
О. Е. Арнольди, — Ф. С. Арнольди, — Ф. А. Арсеньевъ, — епископъ Арсеній, —
В. И. Асташевъ, — профес. Н. А. Астафьевъ, — Ариничъ, — В. А. Арцимовичъ, —
А. Ф. Арцишевскій, — П. Я. Аршеневскій, — Асташевъ, — Астракова, — Н. П.
Ахвердовъ, — А. Ю. Амебергъ.

К. Ф. Багговутъ, — В. И. Бакунина, — Баландовичъ, — В. С. Балашевъ, —
О. С. Балъ, — А. Д. и Е. Д. Бантышъ-Каменскіе, — Н. П. Бараніусъ, — профес.
С. И. Барановскій, — П. И. Барановъ, — Баранцевъ, — А. И. Барзцовскій, —
А. В. Бароновъ, — Барсовъ, — А. П. Барсуковъ, — Н. П. Барсуковъ, — З. А.
Баршъ, — В. С. Барыковъ, — Н. П. Барышниковъ, — кн. В. И. Барятинскій, —
Д. Д. Баскаловъ, — А. И. Басовъ, — П. Н. Батюшковъ, — А. П. Бахрушинъ, —
Е. П. Бахталовскій, — А. В. Башкатовъ, — Б. Башловскій, — кн. В. И. Баюшевъ, —
А. Безсоновъ, — В. Безсоновъ, — А. Безуладинъ, — Н. Л. Бенуа, — П. В. Бере-
зинъ, — В. Березинъ, — Я. Ф. Березинъ-Ширяевъ, — Ад. П. Берже, — I. Берманъ, —
М. А. Берманъ, — Беръ, — профес. I. В. Бертенсонъ, — г. Бердаевъ, — I. Бер-
хинъ, — М. А. Бестужева, — О. А. Бестужева, — В. Н. Бестужевъ-Рюминъ, —
проф. Е. Н. Бестужевъ-Рюминъ, — Р. И. Бржостовская, — Вязиковъ, — Н. Вязи-
бинъ, — В. А. Вильбасовъ, — А. А. Вильдермигъ, — баронъ Вистромъ, —
Д. Благово, — А. А. Благовѣщенскій, — гр. А. А. Бобринскій, — П. О. Бобров-
скій, — Н. Н. Бобровъ, — Е. Л. Богданова, — А. Н. Боголюбовъ, — С. Богоанскій, —

баронъ Н. К. Богумевскій, — И. Н. Божеряновъ, — В. А. Болотовъ, — П. А. Болотовъ, — Болотовъ, — П. О. Борель, — А. Борзенко, — Я. И. Борзецовскій, — В. А. Борисовъ, — Боричевскій, — С. М. Бородинъ, — А. А. Бородулинъ, — М. О. Бородинъ, — И. Бочаровъ, — А. К. Бошнякъ, — П. О. Брандтъ, — художн. Н. К. Вресе, — проф. А. Г. Брикнеръ, — А. Бруннеръ, — А. П. Брянцевъ, — И. Брянцевъ, — Д. А. Булатовъ, — Б. О. и В. О. Булгарини, — А. Булгинъ, — Е. О. Буринскій, — Н. О. Бурцовъ, — Я. Бутцовскій, — баронъ Бутлеръ, — гр. М. Д. Бутурлинъ, — В. Е. Бучневичъ, — М. Быковъ, — М. Быстровъ, — акад. А. О. Бычковъ, — О. А. Бычковъ, — А. Г. Бѣлаго, — К. Бѣлевичъ, — Д. Бѣлевичъ, — Н. А. Бѣлюверская, — И. П. Бѣлокоскій, — С. А. Бѣлокуровъ, — А. П. Бѣляевъ, — баронъ О. А. Бюлеръ.

М. И. Вавиловъ, — Н. А. Вагановъ, — В. Н. Ваксель, — М. С. Валевскій, — В. В. фонъ-Валь, — графъ П. А. Валуевъ, — А. У. Варакомскій, — К. А. Варгуиннъ, — И. Варунъ-Секретъ, — И. И. Васильевъ, — Н. Васильева, — А. И. Васильевъ, — К. И. Васильевъ, — И. И. Васильевъ, — А. П. Васильевъ, — П. П. Васильевъ, — В. А. Васильевъ, — А. А. Васильчиковъ, — Н. Васильковъ, — Н. В. Вахтинъ, — Веденяннъ, — В. Н. Ведерниковъ, — Е. Вейденбаумъ, — П. Вейль, — П. И. Вейнбергъ, — П. И. Великопольскій, — Величковскій, — А. Величковъ, — К. Н. Вельминовъ, — П. Вельшевъ, — М. А. Веневитиновъ, — А. А. Венецианова, — М. И. Венюковъ, — А. В. Веревкинъ, — А. И. Веригинъ, — О. О. Веселого, — акад. К. С. Веселовскій, — С. Веснянъ, — Н. И. Викинскій, — Н. Виноградовъ, — А. Н. Виноградовъ, — П. А. Виноградовъ, — С. Виноградскій, — Випровьевъ, — К. А. Висковатовъ, — профес. П. А. Висковатовъ (Висковатый), — В. Н. Витевскій, — А. Н. Витмеръ, — О. А. Витбергъ, — Н. П. Влшваковъ, — Владимірова, — А. Владиміровъ, — М. Владиминъ, — И. Владимірскій, — А. Н. Воейковъ, — П. П. Возницинъ, — кн. Волконскій, — И. И. Вологдинъ, — И. В. Вологдинъ, — С. Волосатова, — П. П. Волховской, — Вольдемаръ, — Вонлярская, — Е. З. Воронина, — А. Воронихинъ, — Н. А. Воронихинъ, — И. А. Вороновъ, — П. Н. Вороновъ, — Ю. Д. Воронова, рожд. Рудакова, — Н. Я. Воскобойниковъ, — Востоковъ, — Н. Н. Вохнянъ, — баронесса Вревская, — баронъ Б. А. Вревскій, — П. И. Врониа, — Вудъ, — А. А. Вязмитиновъ.

С. Н. Гавриловъ, — кн. Из. С. Гагаринъ, — кн. Н. В. Гагаринъ, — П. Гагенъ, — А. Гакъ, — профес. А. Д. Галаховъ, — М. Н. Галкинъ-Врасскій, — С. А. Галкинъ, — К. И. Гамаринъ, — А. О. Гамбургеръ, — Е. А. Ганъ, — Гвоздиковъ, — Э. Гебель, — баронъ К. К. Гейнсъ, — В. И. Гейсмаръ, — К. Гелингъ, — И. С. Генбачевъ, — А. А. Герке, — В. П. Герцыкъ, — Гильбсъ, — Д. И. Гишиусъ, — В. О. Гладкій, — А. Г. Глинка, — В. С. Глинка, — М. С. Глинка, — Глинка, — П. Гловацкій, — Глуховъ, — Гнѣдичъ, — И. Е. Голдинскій, — гр. П. А. Голенищевъ-Кутузовъ, — В. В. Голенищевъ-Кутузовъ, — кн. К. К. Голицынъ, — кн. Н. Н. Голицынъ, — кн. Н. П. Голицынъ, — бывш. профес. кн. Н. С. Голицынъ, — кн. С. П. Голицынъ, — Н. И. Головачъ, — Я. О. Головацкій, — И. Головинъ, — П. С. Головинъ, — А. В. Головинъ, — Б. Д. Головищниковъ, — К. М. Голодниковъ, — И. А. Голышевъ, — Н. И. Голубевъ, — В. В. Голубцовъ, — М. Г. Гольмдорфъ, — проф. В. А. Гольдбергъ, — Гондатти, — А. Н. Гончаровъ, — И. А. Гончаровъ.

ровъ, — И. О. Горбуновъ, — А. Гордонъ, — М. Горлицкій — М. П. Горловъ, — Городецкая, — М. И. Городецкій, — Горчаковъ, — проф. А. Д. Градовскій, — Г. К. Градовскій, — художн. Г. И. Грачевъ, — А. К. Грегориади, — А. Е. Греть, — Н. И. Григоровичъ, — А. Н. Григорьевъ, — А. Громачевскій, — акад. Я. К. Гротъ, — К. К. Гротъ, — Н. В. Губерты, — П. Гулак-Артемовскій, — С. И. Гуляевъ, — Гуляевичъ, — святи. В. Гурьевъ, — М. П. Гусаковскій, — А. Н. Гусевъ, — А. Гусевъ.

Б. И. Давыдовъ, — Д. Давыдовъ, — Давидъченко, — А. С. Даниловъ, — А. И. Даугель, — Г. Е. Дахновичъ, — Н. Я. Дашковъ, — П. П. Деви, — В. А. Дейндовичъ, — Н. Д. Дела-Флигъ, — С. Дельнесъ, — И. Д. Делиновъ, — А. П. Демидовъ, — кн. П. П. Демидовъ-санъ-Донато, — Г. Д. Демановскій, — В. О. Де-Пузе, — баронъ Д. Г. фонъ-Дервизъ, — фонъ-Дерфельденъ, — А. И. Деспоть-Зеновичъ, — К. К. Детловъ, — В. А. Дзюбенко, — А. И. Дидрихсъ, — Диатроптовъ, — Дмитриевъ, — Н. Г. Дмоховскій, — Ф. Н. Добрянскій, — Л. Я. Добровъ, — Θεοφανъ Г. Доброленскій, — Я. И. Довголевскій, — В. Док-ий, — кн. В. П. Долгоруковъ, — Л. Долгоруковъ, — Л. П. Долинка, — П. П. Должиковъ, — Домонтовичъ, — Е. И. Дошанская, — Живко-Драговичъ, — Марко-Драговичъ, — А. М. Дренякинъ, — С. Д. Дрожжинъ, — кн. С. В. Друцкой-Соколинскій, — И. И. Дубасовъ, — М. Л. Дубельтъ, — М. Л. Дубецкій, — А. Дубицкій, — членъ-кор. акад. наукъ Н. О. Дубровинъ, — А. В. Дурново, — М. Л. Духовниъ.

Б. Елагинъ, — Евреиновъ, — А. Е. Егоровъ, — от. П. П. Еланскій, — от. I. Еланскій, — кн. Енгальчевъ, — Н. А. Ермаковъ, — Н. Н. Ермаковъ, — В. Ермаковъ, — К. И. Ермолинъ, — В. М. Ерошкинъ, — А. Ерошкинъ, — Г. В. Есиповъ, — И. Ефимовъ, — П. А. Ефремовъ.

А. П. Жакмонъ, — А. Н. Ждановъ, — Н. О. Желтовъ, — А. Жемчужниковъ, — Н. Л. Жемчужниковъ, — В. И. Жиркевичъ, — В. И. Жмакинъ, — В. Жуковъ, — Д. Жуковъ, — А. Жуковъ, — Н. Н. Жуковскій, — П. В. Жуковскій, — Журавскій.

И. Е. Забѣлинъ, — А. Заборинскій, — акад. П. П. Забѣлло, — Л. А. Загоскинъ, — В. Заенчиковскій, — Т. М. Зашкевичъ, — О. Д. Зайцевъ, — П. Т. Заѣссскій, — А. Зандрокъ, — Заржецкій, — Я. И. Заринъ, — Е. И. Зарина, — А. Г. Затлеръ, — И. Н. Захаринъ, — Д. Захаровичъ, — В. Захаровъ, — профес. Н. О. Здекауеръ, — А. К. Зейдлеръ, — А. И. Зеленой, — А. Земцовъ, — К. Зенденгорстъ, — А. Л. Зиссерманъ, — М. З. Зиоровъ, — М. Злотковскій, — I. Э. Змунчила, рожд. Стогова, — А. Зибель, — Золотовъ, — В. Р. Зотовъ, — Е. Б. Зубова, рожден. баронеса Вревская, — В. А. Зибинъ, — А. Н. Зыряновъ.

И. А. Ибердусовъ, — Н. С. Иванина, рожд. Шпилевская, — Н. И. Ивановъ, — А. В. Ивановъ, — А. Е. Ивановъ, — И. Ивановъ, — И. В. Ивановъ, — Петръ Вас. Ивановъ, — М. Н. Ивановъ, — Н. О. Ивановъ, — Л. К. Ивановскій, — от. И. Иващенко, — Ю. Б. Иверсенъ, — А. Игнатовичъ, — от. Игнатій (Малышевъ), архимандритъ, — гр. Н. П. Игнатьевъ, — Игнатьевъ, — С. А. Идаховъ, — А. Изволь

скій,—П. А. Извольскій,—К. А. Измайловъ,—К. В. Измайловъ,—П. Александр. Измайловъ,—проф. В. С. Изонниковъ,— проф. Д. И. Иловайскій,—В. Е. Ильковъ,—Д. В. Ильченко,—М. А. Имбергъ,—Инсарскій,—Л. С. Исаровъ,—А. Д. Исаковъ,—Н. О. Истинской,—Г. Θ. Исзель.

Казадаевъ,—Е. К. Казанскій.—П. С. Казанскій,—Казачокъ,—М. К. Казина,—Казинъ,—А. Г. Казначеевъ,—П. С. Калачевскій,—Калиновскій,—Д. И. Калугинъ,—граф. Л. М. Каменская,—Θ. А. Каменскій,—А. Канаринъ,—кня М. А. Кантакузина,—гр. П. И. Кашицъ,—П. А. Карабынъ,—А. А. Карасевъ,—М. В. Карасевъ,—П. П. Баратынъ,—Н. Н. Каргопольцевъ,—М. А. Каргинъ,—от. А. В. Кармазинскій,—П. Карнауховъ,—Е. П. Карновичъ,—Карповъ,—А. Карташевъ,—Н. А. Карцевъ,—П. П. Карцевъ,—г. Карцевъ,—П. Кастальскій,—В. Катеневъ,—В. Катенинъ,—В. Каченовскій,—Н. С. Кашкинъ,—М. Н. Кедровъ,—Н. Т. Кедровъ,—от. М. Кедровъ,—проф. И. П. Калеръ,—М. Кельдышъ,—Н. П. Кельшъ,—баронъ Кене,—Θ. Θ. Кенигъ,—А. П. Кеппенъ,—Н. X. Кетчеръ,—Т. Кибальчичъ,—Бильдошевскій,—А. Н. Кириинъ,—Кирилловъ,—Киселевъ,—И. Кйтаевъ,—П. А. Кйтыцынъ,—Θ. Н. Кйшенскій,—Д. В. Кларъ,—И. Кларъ,—А. С. Клевановъ,—П. Кленковъ,—Н. Ф. Клюге-фонъ-Клюгенау,—Вязевичъ,—А. С. Князевъ,—Д. Θ. Кобеко,—Я. Кобылянскій,—Г. А. Ковалевскій,—М. Е. Ковалевскій,—К. И. Коваленкова,—Н. И. Коведеевъ,—М. М. Ковязинъ,—ген.-ад. Козляниновъ,—Козадаевъ,—Д. Я. Козелкинъ,—А. Козловскій,—С. Козловскій,—И. Козьминскій,—Н. И. Койленскій,—З. Койданскій,—А. Кокосовъ,—Болачевскій,—А. Коленовскій,—А. Л. Колянковскій.—Ф. П. Колзиковъ,—Н. М. Колмаковъ,—Д. Г. Коловождовъ,—бар. М. Колычевъ,—В. А. Комаровъ,—А. Ф. Конни,—гр-ня Н. М. Коновницяна,—А. О. Константинова,—Д. А. Кошова,—И. П. Корниловъ,—П. С. Коробка,—А. Коробовъ,—Г. А. Корозо,—бар. Корфъ,—Корчевскій,—Ю. В. Косова, рожденная Кюхельбевъ,—Я. И. Костенецкй,—акад. Н. И. Костомаровъ,—М. Костылевъ,—Н. П. Косаровскій,—гр. П. Е. Коцебу,—А. А. Краевскій,—А. А. Красильниковъ,—В. А. Краснокутскій,—И. В. Красношидцевъ,—И. И. Красовскій,—А. Я. Креминской,—В. Д. Кренке,—В. В. Крестовскій,—Ю. А. Крестцовъ,—Н. Θ. Крузе,—М. Круповичъ,—Н. А. Крыжановскій.—А. Д. Крыловъ,—Н. Г. Крыловъ,—П. И. Кржковъ,—В. Ф. Кудрявцевъ,—М. П. Кудрявцевъ,—В. В. Кузминъ,—Г. Кузминъ,—А. Кузнецовъ,—Кулеша,—Н. И. Куликъ,—П. А. Кушинъ,—акад. А. А. Кунинъ,—М. А. Куплетскій,—И. К. Куряиновъ,—В. Курдановскій,—В. В. Курдюмовъ,—И. Курисо,—М. Куроптевъ,—М. Н. Кучаевъ.

Т. Н. Лаврентьевъ,—проф. Н. Лавровскій,—Я. Лавровъ,—А. М. Лазаревскій,—Д. Н. Лазаревъ,—Г. А. Лазовъ,—Е. Лазо,—И. Ланинъ,—И. К. Лапотниковъ,—О. А. Ларионова, по первому мужу Соловьева, рожден. Арбузова,—Н. В. Латкинъ,—С. Лашкаровъ,—А. С. Лашкевичъ,—С. И. Лашкевичъ,—А. С. Ладинскій,—А. С. Лебедевъ,—Н. П. Лебедевъ,—проф. В. Лебедевъ,—В. И. Лебедевъ,—Н. А. Лебедевъ,—Б. А. Лебедевъ,—К. И. Лебедевъ,—Г. Лебединецъ,—П. П. Лебле,—О. Я. Левенсонъ,—М. А. Левенцовъ,—С. Л. Левицкй,—О. И. Левицкй,—Г. П. Левицкй,—А. А. Левшинъ,—архимандр. Леонидъ,—Л. Л. Леонидовъ,—Леонъ,—Леопольдовъ,—И. В. Лермонтовъ,—В. В. Лермонтовъ,—В. Н. Лермонтовъ,—К. Ф. Де-Ливронъ,—М. И. Лилеевъ,—И. Лин-

ский,—Н. О. Линовский,—И. А. Линиченко,—Д. Д. Лисенко,—В. И. Ляхчевъ,—А. В. и А. Н. Лышны,—кн. А. Б. Лобановъ-Ростовский,—П. В. Лобановъ,—А. Ломачевский,—Г. Г. Ломоносовъ,—Н. А. Лонгинова,—А. Лонгиновъ,—С. Ц. Лопатцава,—Н. Лопухинъ,—Е. А. Лопухинский,—графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ,—И. В. Лохвицкий,—Лошаковъ,—Лукинский,—В. К. Луцкий,—А. Львовъ,—Анатолий Ник. Львовъ,—Л. Ф. Львовъ,—Ф. Ф. Львовъ,—Н. С. Лыкожинъ,—В. И. Лыстинъ,—Н. С. Лысковъ,—Любарский,—Н. Н. Любовичъ,—М. Н. Любощинский,—И. Людмиловъ,—И. М. Лядовъ.—А. Я. Ляпуновъ.

Н. С. Маевский,—О. Маевский,—Л. Н. Майковъ,—И. В. Майковъ,—В. Н. Майновъ,—епископъ Макарий,—С. М. Макарова,—Н. Я. Макаровъ,—от. П. Макаровъ,—К. Максимовъ,—Н. Я. Максимовъ,—профес. А. И. Машевъ,—И. П. Малаховский,—К. В. Мамоновъ,—И. И. Манжура,—Мансуровъ,—К. А. Маньковский,—А. В. Мариновъ,—А. Л. Мариновъ,—А. А. Маринъ,—Б. М. Маркевичъ,—А. Маркевичъ,—А. Н. Маркграфской,—Е. Л. Марковъ,—А. К. Мартосъ,—П. И. Мартосъ,—А. А. Мартыновъ,—В. Мартыновъ,—П. Мартыновъ,—от. Ив. Мартыновъ,—кн. Н. Масальский,—Н. В. Масловичъ,—Е. П. Масловъ,—А. Н. Масоловъ,—А. Н. Матвѣевъ,—Н. Е. Матвѣевъ,—У. П. Матвѣевъ,—художн. В. В. Матте,—художн. И. И. Матюшинъ,—Ив. Матченко,—П. И. Мацѣевичъ,—Л. С. Мацѣевичъ,—И. А. Мачинский,—бар. И. К. Медемъ,—К. П. Медоксъ,—М. Межаковъ,—бар. Мейендорфъ,—Н. К. Меллеръ,—Мельниковъ,—Н. Мельницкий,—Меншиковъ,—бар. И. К. Мердеръ,—А. Е. Мерцаловъ,—А. Мечинский,—Н. Мечъ,—Мешетичъ,—А. А. Мизеровъ,—акад. художн. М. О. Мияшинъ,—А. М. Миклашевский,—проф. О. Ф. Миллеръ,—П. И. Миллеръ,—гр. Г. А. Милорадовичъ,—Е. Н. Милошевичъ,—А. П. Милковъ,—Милковъ,—М. А. Милютина, рожд. Абазы, по второму супружеству Сталь,—Ю. Н. Милютинъ,—Г. Минъ,—А. Н. Минхъ,—С. Миромольский,—М. П. Митковъ,—А. Михайловъ,—В. Михайловъ,—Влад. Вас. Михайловъ,—М. Ф. Михайловъ,—Д. Л. Михайловский,—от. М. И. Михайловский,—Я. Л. Михайловский,—полковн. Г. Михельсонъ,—И. О. Мишинъ,—А. Ф. Можаровский,—Меф. Мирон. Молчановъ,—А. Морганъ,—графъ А. А. Мордвиновъ,—Д. Л. Мордовцевъ,—А. Я. Моринновъ,—А. И. Морезевичъ,—П. И. Морозовъ,—Д. К. Морозъ,—Е. Т. Морожкина,—И. Я. Морозинъ,—Я. Морозинъ,—А. П. Муликовский,—М. И. Муравьевъ-Апостолъ,—гр. М. Н. Муравьевъ,—Н. Н. Мурзакевичъ,—М. А. Мусницкий,—Г. И. Мѣшковъ.

А. А. Навроцкий,—М. Нагорновъ,—Надеждинъ,—К. В. Назарьева,—М. В. Назимова,—М. А. Назимовъ,—от. А. Навропинъ,—А. П. Налимовъ,—В. Напорожский,—П. Ф. Нарбутъ,—Н. Нарокинвский,—А. С. Наставинъ,—П. И. Неболсинъ,—Н. К. Невзоровъ,—Я. М. Невѣровъ,—Ю. Ф. Нейманъ,—Е. С. Некрасова,—И. Некрасовъ,—Н. В. Некрасовъ,—Нелицовъ,—Несвѣтаевъ,—графъ Д. К. Нессельроде,—А. Н. Неустроевъ,—О. Ф. Нечаевъ,—Нефловъ,—С. А. Никитенко,—профес. А. И. Нивитский,—М. Г. Николаевъ,—баронъ А. П. Николаевъ,—О. Ф. Николаевъ,—А. А. Никольский,—Никольский,—Р. Н. Никулитъ,—М. Д. Нидловъ,—Д. Нидловъ,—графъ Ниродъ,—Л. Л. Ничаевский,—Н. М. Новицкий,—А. Г. Новоселовъ,—М. Д. Нововъ,—С. Д. Носъ,—А. Е. Носъ.

Обезерскій,—Облеуховъ,—кн. А. А. Оболенскій,—С. Оболенскій,—кн. Ю. Оболенскій,—Е. И. Огаревъ,—П. Огіевскій,—П. И. Огородниковъ,—С. Ф. Огородниковъ,—Н. П. Озеровъ,—Ю. А. Озобининъ,—М. Я. Ольшевскій,—Н. О. Омеляненко,—от. С. И. Олатовичъ,—И. И. Ореусъ,—В. Ф. Ореусъ,—А. Орловъ,—В. В. Орловъ,—Орловъ,—Н. М. Орловъ,—П. А. Орловъ,—профес. И. Т. Осининъ,—проф. Н. А. Осокинъ,—бар. Остенъ-Сазенъ,—баронесса Л. Остенъ-Сазенъ,—бар. А. А. Остенъ-Сазенъ,—А. Острогорскій,—П. Осицкій,—М. Очбинъ.

Л. Н. Павлицевъ,—Павловскій,—А. А. Павловъ,—А. С. Павловъ,—В. Ф. Павловъ,—Н. Х. Палаузовъ,—Н. А. Паленовъ,—Н. Пахбинъ,—С. М. Палицинъ,—А. В. Пальчиковъ,—А. А. и В. А. Панаевы,—художн. Панимаевъ,—Н. И. Пановъ,—С. Ф. Панютинъ,—П. А. Панчулидзевъ,—С. А. Панчулидзевъ,—С. А. Панчулидзевъ,—С. Ф. Папроцкій,—Ф. Ф. Пардалоцкій,—П. Д. Паренсовъ,—Парландъ, архитекторъ,—И. В. Паскачинъ,—В. Пассекъ,—Т. П. Пассекъ,—Пафнугевъ,—В. К. Пашковъ,—В. Пащенко,—И. Пенъковскій,—профес. I. Первольфъ,—Г. Г. Перетцъ,—Перфильева,—Н. А. Перфильевъ,—Э. П. Перцовъ,—Петерсовъ,—Г. П. Петерсонъ,—С. Петровскій,—Алексан. Пам. Петровъ,—П. Петровъ,—Андр. Н. Петровъ,—проф. Н. И. Петровъ,—П. Н. Петровъ,—П. П. Петровъ,—от. Пирингъ,—В. Н. Пироговъ,—Н. И. Пироговъ,—А. А. Пирогова,—Н. В. Пирожковъ,—С. П. Писаревъ,—В. В. Плаксинъ,—А. А. Плянсонъ,—Платонова,—А. А. Повало-Швинковский,—С. И. Погодина,—Подвысоцкій,—И. П. Поддубный,—А. И. Подолнинскій,—И. Е. Подтягинъ,—Ф. Подтягинъ,—Подушкинъ,—Подшиваловъ,—акад.-граверъ И. П. Пожалостинъ,—Е. Ц. Пондѣевъ,—А. П. Покровскій,—В. Ф. Покровскій,—Г. Покровскій,—П. Н. Полевой,—А. П. Полетаевъ,—Н. А. Поливановъ,—В. Н. Поливановъ,—Поднекарповъ,—А. С. Полонскій,—Я. П. Полонскій,—А. Полторацкій,—В. Поляковъ,—профес. И. В. Помяловскій,—А. Пономаревъ,—Ф. Пономаревъ,—С. Пономаревъ,—А. Е. Поповъ,—Андр. Н. Поповъ,—Василій Петр. Поповъ,—И. С. Поповъ,—Михаилъ И. Поповъ,—Николай Поповъ,—Ниль А. Поповъ,—С. С. Порошина,—С. С. Порошинъ,—В. О. Португаловъ,—Н. Б. Петоской,—полков. Потто,—Н. Н. Правиковъ,—П. Я. Прейнъ,—А. Преображенскій,—Н. М. Пржевальскій,—А. О. Пржецлавскій,—П. Г. Пржецлавскій,—Д. И. Прозоровскій,—М. С. Прокудинъ-Горскій,—Пронина,—Н. Н. Протасовъ,—С. В. Протопоповъ,—А. Пругавинъ,—С. Л. Пташницкій,—профес. Александръ Казим. Пузыревскій,—И. А. Пузыревскій,—А. П. Пулю,—А. Г. Пуларевъ,—А. М. Пустоваловъ,—П. А. Пушкаревъ,—А. Н. Пышинъ,—Д. М. Пѣтуховъ,—М. Пѣтуховъ,—Пѣшковъ,—А. П. Пятковскій.

М. Н. Раевскій,—А. Раменскій,—А. Распоповъ,—П. Н. Распоповъ,—Н. А. Ратынскій,—П. С. Ревкинъ,—Р. А. Регменскій,—Ф. Ф. Рейнбольтъ,—К. Я. Реймерсъ,—И. С. Ремезовъ,—Н. В. Реутскій,—графъ А. А. Ржевускій,—Н. В. Ринкъ,—А. Ф. Риттихъ,—Д. А. Ровинскій,—П. Роговъ,—Д. П. Родионовъ,—от. А. И. Розановъ,—Н. П. Розановъ,—Н. И. Розановъ,—О. фонъ-Розенбергъ,—бар. М. П. Розенгеймъ,—Д. А. Рокотовъ,—Г. Ф. Романенко-Ширый,—А. Н. Романовскій,—С. И. Романовъ,—Ю. А. Романовъ,—П. Рословъ,—Н. И. Ростиславовъ,—графъ И. Н. де-Ротфоръ,—Д. И. Ртищевъ,—Ф. Рубановскій,—Д. Рубанинъ,—Рубецъ,—С. А. Рудакова,—К. Рудницкій,—

Н. Рудниковскій, — баронъ В. Р. Румель, — Руничъ, — А. О. Рутценъ, — Рыбкинъ, — Н. Рындовскій, — В. Рышковъ, — Г. Б. Рѣпинскій, — Е. С. Рѣпина, — Д. Д. Рябининъ.

Сабуровъ, — профес. П. И. Саввантовъ, — А. И. Савельевъ, — Савельевъ, — А. В. Савельевъ, — О. Г. Савенко, — А. А. Савурскій, — Садовскій, — Н. Сажинъ, — Н. О. Сазоновъ, — В. Сaitовъ, — В. Самаринъ, — Н. О. Самаринъ, — Н. Самойло, — артистъ В. В. Самойловъ, — И. Самсоновъ, — А. Сапожниковъ, — В. С. Сахаровъ, — Свапочкинъ, — Свистуновъ, — Т. Н. Седлецкій, — М. Селезневъ, — А. В. Селивановъ, — Н. Н. Селифонтовъ, — А. Салкиовъ, — магистръ русск. исторіи В. И. Семевскій, — П. П. Семеновъ, — Павелъ А. Семеновъ, — Л. М. Сементовскій, — А. Сементовскій, — К. А. Семковскій, — К. К. Сентъ-Илеръ, — А. Н. Сергѣевъ, — Сергѣевъ, — А. Серебряковъ, — Л. М. Сердюкова, — Серно-Соловьевичъ, — Д. П. Сильчевскій, — П. В. Симанскій, — Симоновъ, — Н. П. Синельниковъ, — А. Н. Сиротининъ, — Р. П. Ситовскій, — Н. Н. Скалонъ, — А. Е. Скальковскій, — А. А. Скальковскій, — Г. Н. Сказони, — А. Сжворцовъ, — А. И. Скандеръ, — В. Скинскій, — Б. Скоробогатый, — О. М. Скородумовъ, — А. Слѣщовъ, — В. Смирновъ, — В. П. Смирновъ, — И. А. Смирновъ, — Сиблаковъ, — Д. И. Смышляевъ, — Н. П. Собко, — А. И. Соболевскій, — В. Соколовскій, — А. П. Соколовъ, — Н. И. Соколовъ, — Е. И. Соколовъ, — профес. О. Г. Солнцева, — от. П. Соловьевъ, — Н. И. Соловьевъ, — М. В. Соловьевъ, — Салтавъ, — А. И. Сомовъ, — А. Е. Сомовъ, — Р. П. Сорочкинъ, — Т. А. Сосновскій, — П. Т. Софѣенко-Сухомлиновъ, — В. Д. Спасовичъ, — А. И. Спасскій, — А. И. Сперанскій, — А. Спицынъ, — И. Спреогинъ, — С. А. Станкевичъ, — М. И. Ставраки, — А. И. Старкъ, — Н. И. Стародубскій, — Старостинъ, — А. В. Старчевскій, — В. В. Стасовъ, — М. М. Стасюлевичъ, — С. В. Стебницкая, — Б. А. Степановъ, — В. А. Степановъ, — В. П. Степановъ, — Н. И. Степановъ, — П. А. Степановъ, — М. А. Стиль-Милутина, — Стишевскій, — А. Д. Столыпинъ, — Сторожевскій, — Стороженко, — П. Строевъ, — Стронинъ, — В. Я. Столянинъ, — А. Г. Стояновская, — Н. И. Стояновскій, — З. Стражева, — А. Я. Стригоцкій, — Р. Строгановъ, — Н. С. Стромилловъ, — Б. В. Струевъ, — Д. М. Струковъ, — Стрѣлковъ, — Г. И. Студенинъ, — С. Ступининъ, — М. М. Субботинъ, — С. Судаковъ, — І. М. Судѣнко, — С. Н. Сулима, — от. А. И. Сухоцкій, — Н. А. Султанъ-Брымъ-Гирей, — В. Сульменевъ, — А. П. Сумароцкая, — П. Суходольскій, — Д. П. Сушковъ, — профес. П. П. Суцѣнскій, — С. П. Сымсоевъ, — П. Сѣверцовъ, — Л. А. Сѣракова, рожд. Титъ.

Д. Г. Тальбергъ, — В. Тавницкій, — А. Танковъ, — П. Е. Татариновъ, — Темниковъ, — В. В. Тенишевъ, — Н. М. Тереховъ, — А. Т. Тимаховскій, — Тимофѣевъ, — В. В. Тимошукъ, рожден. Кузнецова, — Тимченко-Рубанъ, — А. А. Титовъ, — В. П. Титовъ, — Н. Н. Титовъ, — И. Тихомировъ, — А. Е. Тихонравова, — проф. Н. С. Тихонравовъ, — Д. Д. Тогольскій, — Токарева, — графиня А. И. Толстая, — графиня С. А. Толстая, — графъ Толстой, — П. С. Толстой, — В. М. Толстой, — Томашевъ, — А. М. Томина, — А. В. Толоровъ, — Н. Е. Топчиевъ, — Н. Трескинъ, — В. Третескій, — Л. Н. Трефоловъ, — В. Г. Трироговъ, — А. Трифоновъ, — П. Трофимовскій, — Д. А. Троцинскій, — А. Н. Труворовъ, — Туганъ-Мирза-Барановскій, — А. Д. Тумановъ, — Турау, — С. И. Турбинъ, — вн. Н. Н. Туркестановъ, — Н. П. и М. П. Тучковы, — Алексѣй Тыртовъ, — И. И. Тѣльновъ.

В. А. Успенскій, д-ръ Ульрихсонъ.

М. Н. Фатѣевъ, — Н. Федоровъ, — А. Федоченко, — А. И. Фелькнеръ, — Я. Фетястовъ, — А. Фехнеръ, — М. А. Филипповъ, — Т. И. Филипповъ, — А. П. Философова, — В. Д. Философовъ, — В. С. Флеринъ, — Е. Н. Фляге, — Д. Флоринскій, — Н. О. Фонъ-деръ-Флитъ, — О. Е. Франкъ, — баронъ А. А. Фредериксъ, — бар. В. А. Фредериксъ, — бар. Фредериксъ, — Фрезе, — А. Г. Фрикенъ, — Н. А. Фроловъ, — Фроловъ, — Фурдуевъ.

Хаяъ-Аговъ, — Химѣльницкій, — Н. Ф. Хованскій, — П. Ф. Хомутовъ, — от. А. Хорошунъ, — А. Н. Хребтовъ, — П. Хржановскій, — М. Н. Хрущовъ, — А. Хрѣновскій, — Н. Хунотскій.

Цвилевъ, — С. О. Цвѣтковъ, — И. Е. Цвѣтковъ, — кн. Д. Н. Цертелевъ.

Чайковскій, — графъ Э. К. Чапскій, — А. И. Чарторижскій, — О. О. Чекалинъ, — Н. М. Челыщевъ, — И. А. Черемухинъ, — И. А. Чернавскій, — И. Черновъ, — В. Н. Чеховъ, — Е. В. Чешихинъ, — Г. С. Чириковъ, — проф. И. А. Чистовичъ, — проф. Я. А. Чистовичъ, — Д. М. Чичаговъ, — М. М. Чичаговъ, — Н. Чуйковъ, — А. А. и П. А. Чумиковъ, — Н. К. Чунинъ.

Г. А. Эзовъ, — А. Эвемиларскій, — Э. Элерсъ, — Н. А. Энгельгардтъ.

Е. А. Шахѣевъ, — П. П. Шалфѣевъ, — И. И. Шамшевъ, — Ф. А. Шатовъ, — кн. Ив. Шаховской, — Н. Шаховской, — В. И. Шаховской, — Е. Г. Шварцъ, — К. Н. Шварцъ, — И. А. Шамаковъ, — В. С. Шевыревъ, — П. В. Шейнъ, — Шелехова, — Н. Шеншинъ, — А. В. Шереметевъ, — Д. И. Шестакова, рожд. Глинна, — И. I. Шетаговъ, — Н. И. Шигановъ, — Н. К. Шильдеръ, — Н. И. Шильдеръ, — Шимановъ, — О. О. Шиманъ, — Н. Ширяевъ, — А. Д. Шимковъ, — С. Д. Шимковъ, — А. Шляревскій, — Я. Шлегель, — А. О. Шлейснеръ, — Шляпкинъ, — А. С. Шляхтинъ, — И. А. Шмаковъ, — М. О. Шогуровъ, — Н. К. Штрандманъ, — А. И. Штукенбергъ, — С. Н. Шубинской, — Б. В. Шульдъ, — П. А. Шульдъ, — А. Д. Шумахеръ.

П. К. Щебальскій, — С. П. Щенкинъ, — А. Щербакъ, — Щербачевъ, — Н. Щаховскій.

М. Л. Юдинъ, — г. Юзефовичъ, — Н. Юнгъ, — П. И. Юркевичъ.

А. И. Языковъ, — Д. Языковъ, — С. М. Язымакъ, — В. А. Яковлевъ, — С. А. Яковлевъ, — Якубовичъ, — Вяч. Е. Якушкинъ, — Е. И. Якушкинъ, — И. И. Янжуль, — Г. Д. Яновичъ, — С. Х. Янковскій, — П. Яницкій, — В. Н. Ястребовъ, — А. Н. Яхонтовъ, — княгиня Е. М. Яшвиля, рожденная Орлова, — профес. живоп. В. И. Якобій.

Въ заключеніе долгомъ считаемъ поименовать съ глубокою признательностію къ памяти нижеслѣдующихъ покойныхъ лицъ: Л. П. Антроповъ, — А. П. Арбузовъ, — проф. Н. Я. Аристовъ, — А. И. Артемьевъ, — А. Н. Афанасьевъ, — А. Ф. Багговутъ, — Я. П. Бавлановъ, — А. А. Баранцевъ, — князь А. И. Вартыинскій, — Л. П. Батюшковъ, — А. П. Башуцкій, — Н. В. Бергъ, — Е. А. Бестужева, — М. А. Бестужевъ, — профес. М. И. Богдановичъ, — профес. О. М. Бодянский, — М. П. Болотовъ, — адм. Бутаковъ, — Н. Д. Быковъ, — профес. И. Д. Бѣляевъ, — И. П. Варпаховскій, — П. П. Васильевъ, — князь А. И. Васильчиковъ, — Н. В. Верпигнъ, — А. Ф. Волковъ, — Андрей Степанов. Вороновъ, — Н. М. Востоковъ, — И. В. Вунчъ, — А. Н. Вульфъ, — от. И. Гагаринъ, — Г. Н. Геннаді, — Н. В. Гербель, — П. П. фонъ Гецъ, — А. Ф. Гильфердингъ, — Ф. Н. Глинка, — К. П. Голенко, — свѣтл. кн. А. М. Горчаковъ, — А. К. Гриббе, — В. Д. Давыдовъ, — В. И. Даль, — Данильченко, — П. М. Дараганъ, — Н. Н. де Прерадовичъ, — Н. П. Дуровъ, — И. И. Европеусъ, — А. П. Есиповъ, — А. П. Заблоцкій-Десятовскій, — Д. Н. Замятинъ, — К. К. Злобинъ, — И. Ф. Золотаревъ, — В. А. Золотовъ, — К. А. Зыбинъ, — В. А. Инсарскій, — Ф. В. Караминъ, — В. Н. Караминъ, — А. М. Каратыгина, рожденная Колосова, — П. А. Каратыгинъ, — Е. Д. Карповъ, — А. М. Книжевичъ, — М. Е. Ковалевскій, — О. И. Константиновъ, — баронъ Н. А. Корфъ, — Г. И. Кузьминскій, — С. Е. Кузьмина, — кн. Куранинъ, — от. К. Кустодіевъ, — М. В. Кюхельбекеръ, — П. П. Ламбинъ, — профес. П. С. Лебедевъ, — А. И. Левшинъ, — А. Ф. Леопольдовъ, — Е. Ф. Лермонтова, — М. Н. Лонгиновъ, — кн-ня С. А. Мадатова, — Л. С. Маковъ, — М. А. Марковъ, — П. И. Мельниковъ, — П. К. Менковъ, — П. Н. Мешниковъ, — Г. И. Мигринъ, — от. М. Я. Морозкинъ, — Ф. Н. Муратовъ, — П. А. Мухановъ, — В. В. Никольскій, — кн. Д. А. Оболенскій, — Ф. К. Опочнинъ, — Г. А. Орловъ, — гр. Остенъ-Сакенъ, — И. Д. Павловскій, — акад. П. П. Певарскій, — А. О. Полюсоцкій, — А. Н. Поповъ, — М. Н. Похвисневъ, — О. А. Пржедлавскій, — М. И. Рангъ, — В. Ф. Ратчъ, — А. В. Рачинскій, — Людмила Ив. Рикордъ, — баронъ А. Е. Розенъ, — Д. И. Романовскій, — ген. Рудаковъ, — А. И. Рыжовъ, — Д. П. Садовниковъ, — проф. И. И. Свѣзевъ, — А. С. Сгибневъ, — И. В. Саливановъ, — А. И. Семейскій, — В. А. Семейскій, — К. С. Сербиновичъ, — баронъ М. Н. Сердобинъ, — А. Е. Сеславина, — Д. И. Скобелевъ, — акад. С. М. Соловьевъ, — И. И. Сосницкій, — Э. И. Стоговъ, — кн. Италійскій графъ А. А. Суворовъ-Рымникскій, — акад.-грав. Л. А. Сѣряковъ, — К. Н. Тихонравовъ, — графъ Ф. П. Толстой, — И. С. Тургеневъ, — кн. С. Н. Урусовъ, — В. И. Фелькнеръ, — бар. Н. П. Фредериксъ, — А. В. Фрейгангъ, — М. Д. Хмыровъ, — И. Р. фонъ-деръ Ховенъ, — В. И. Чаславскій, — Адамъ Петр. Чеботаревъ, — К. В. Чевкинъ, — В. К. Шульцъ, — М. П. Щербанинъ, — Н. Н. Щувинъ, — Ястржемскій, — сообщенныя ими Записки (мемуары), изслѣдованія, статьи, письма и большія или меньшія собранія историческихъ матеріаловъ или даже цѣлыя фамильные архивы (напр. К. В. Чевкина) находятся въ распоряженіи редакціи „Русской Старины“ и тѣ, которые до сихъ поръ не были еще ею изданы, постепенно будутъ печататься на страницахъ этого историческаго изданія.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ И ЕЯ ИЗДАНИЯ

въ числахъ подписчиковъ.

I.

„Русская Старина“ въ 1884 году.

Въ 1884 г. экземпляры „Русской Старины“ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ, по мѣсту подписки, по губерніямъ и областямъ:

1. Азмовицкой обл.	16	24. Закаспійскомъ отд .	10
2. Амурской	19	25. Заравшанскомъ окр.	12
3. Архангельской губ.	14	26. Иркутской губ.	81
4. Астраханской .	40	27. Казанской	106
5. Бакинской .	26	28. Калининской .	13
6. Батумской обл.	6	29. Калужской .	53
7. Бессарабской губ.	66	30. Карской обл.	11
8. Варшавской.	101	31. Киевской губ. .	176
9. Виленской	67	32. Ковенской	29
10. Витебской	47	33. Костромской . .	52
11. Владимирской .	70	34. Кубанской обл.	47
12. Вологодской	31	35. Курляндской губ.	11
13. Гоминской .	51	36. Курской .	91
14. Воронежской	82	37. Кутаисской .	11
15. Выборгской.	10	38. Кѣледкой	9
16. Вятской	59	39. Лифляндской	44
17. Гродненской.	53	40. Ломжинской	22
18. Дагестанской	17	41. Люблинской	30
19. Донской обл.	78	42. Минской.	46
20. Екатеринославской .	127	43. Махельской.	—
21. Енисаветпольской губ.	12	44. Могилевской	29
22. Енисейской.	25	45. Московской.	78
23. Забайкальскомъ окр.	38	46. Нижегородской	69

47. Новгородской .	74	76. Тверской.	67
48. Новгородской	10	77. Терской обл.	35
49. Олонецкой	20	78. Тифлисской губ	88
50. Оренбургской .	31	79. Тобольской .	33
51. Орловской	91	80. Томской .	36
52. Пензенской.	57	81. Тульской.	83
53. Пермской	100	82. Тургайской обл.	2
54. Петроковской .	19	83. Уральской .	8
55. Плоцкой .	15	84. Уфимской губ.	35
56. Подольской .	77	86. Ферганской обл.	5
57. Полтавской .	117	86. Харьковской губ.	137
58. Приморской обл.	26	87. Херсонской.	210
59. Псковской губ.	49	88. Черниговской .	87
60. Радомской	19	89. Черноморскомъ окр.	2
61. Рязанской	62	90. Эриванской губ.	11
62. Самарской	64	91. Эстляндской	13
63. С.-Петербургской.	94	92. Якутской обл .	21
64. Саратовской	96	93. Ярославской губ.	67
65. Семипалатинской обл .	8		
66. Семирѣченской	13		<hr/>
67. Симбирской губ.	58		Итого 4494
68. Смоленской.	76	II. Въ Москвѣ	445
69. Ставропольской .	30	III. Въ С.-Петербургѣ:	
70. Сувалльской .	12	<i>съ доставкою</i>	1110
71. Сѣдлецкой	9	<i>безъ доставки</i>	256
72. Сирь-Дарьинской обл..	35	IV. За границею	74
73. Тавастгустской губ.	3		<hr/>
74. Таврической	101		Всего разошлось въ 1884 г. 6379
75. Тамбовской .	104		Осталось въ 1 декабря 1884 г. на лицо. 246

II.

„Русская Старина“ въ изданіяхъ 1870 — 1884 гг.

разошлась въ нижеслѣдующемъ количествѣ экземпляровъ:

. Напечатано: Разошлось: Осталось:

1870 г. изданія первое, второе и третье.	4,025	3,794	231
1871 г. изданіе первое.	3,500	}	Не осталось ни одного экз., всё сполна разошлось.
1872 г. изданія первое и второе.	4,500		
1873 г. изданіе первое.	5,000		
1874 г. > >	5,515		
1875 г. > >	6,000		
1876 г. изданія первое и второе.	6,535	6,292	243
1877 г. изданіе первое.	5,525	5,377	148
1878 г. > >	5,525	5,279	246
1879 г. >	5,525	5,390	135
1880 г. изданія первое и второе.	6,025	5,822	203
1881 г. изданіе первое.	6,010	5,914	96
1882 г. > >	5,600	5,574	26
1883 г. > >	6,000	5,935	65
1884 г. изданія первое и второе.	6,625	6,379	246

III.

Книги, изданныя редакціей „Русской Старины“:

«Записки Михаила Ивановича Глинки», изд. 1870 г.	}	Не осталось ни одного экземпляра, всё сполна разошлось.
«Записки Гавріила Ивановича Добрынина», изд. 1872 г.		
«Бунтъ военныхъ поселянъ въ 1831 году», изд. 1870 г.		
«Графъ Аракчеевъ и военныя поселенія», изд. 1871 г.		
«Записки Е. А. Хвостовой», изд. 1871 г.		
«Записки князя Якова Шаховского», изд. 1872 г.		
«Петровскій сборникъ», изд. 1872 г.		
«Русскіе дѣятели въ портретахъ, гравированныхъ академикомъ Л. А. Сѣряковымъ», изд. 1882 г.		
«Русская Родословная книга», два тома, изд. 1873 и 1875 гг.		

	Напечатано: Разошлось: Осталось:		
	экземпляровъ:		
«Царица Прасковья», очеркъ изъ русской исторіи М. И. Семевскаго, изд. 1883 г.	3,000	2,782	218
«Слово и дѣло», очерки и рассказы изъ русской исторіи XVIII-го вѣка М. И. Семевскаго, изд. 1883 г.	2,600	2,600	—
«Записки сельскаго священника», изд. 1882 г.	1,825	1,191	634
«Павловскъ», очеркъ его исторіи, 1777 — 1877 гг., съ портретами (геліо-гравюрные снимки) и множествомъ рисунковъ и виьетокъ, исполненныхъ художниками Пановымъ и Шпакомъ и гравированныхъ академикомъ Л. А. Сѣряковымъ, роскошное изданіе. Эта книга составлена ред. «Русской Старины», но издана иждивеніемъ Августѣйшаго Владѣльца города Павловска	1,825	1,730	95

Завѣдывающій экспедиціей журнала „Русская Старина“ М. В. Борисовъ.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

въ XII, XIII, XIII и XIV т.т.

„РУССКОЙ СТАРИНЫ“

1884 г.

- Ааронъ**, старецъ, стронт. Воскресенск. монаст., 1660 г., т. XIII, 235, 236, 240.
- Абава**, Александр. Аггеевичъ, мн-ръ финан., съ 1880—1881 гг., членъ главн. комит. объ устройствѣ сельск. состоянія съ 1880—1882 гг., т. XII, 265.
- Абакумовъ**, сенат., т. XII, 106, 112, 115, 306, т. XIII, 531.
- Абасъ-Мирза**, наслѣдн. персид. прест., 1827 г., т. XII, 310, 314.
- Аберда**, художн., преподават. рисов. въ Новгород. кадет. корп., 1834 г., т. XII, 523, 533.
- Абрамовичъ**, ген., 1864 г., т. XII, 21.
- Аленариусъ**, Карлъ Карл., учит. рисов. въ морск. корп., 1822 г., т. XII, 377.
- Алекариусъ**, полковн., команд. 41 Егерск. пол., 1828 г., т. XII, 306.
- Аверкиъ**, губернаторъ Волыни, 1831 г., т. XII, 398.
- Адлербергъ**, гр., Влѣд. Фодор., ген.-ад., мн-ръ двора 1860 г., т. XIII, 380, 381, 385, 666.
- Адлербергъ**, гр., Александр. Влѣд., ген.-адъют., 1864 г., т. XII, 21, 22, 26, т. XIII, 216, 368, 369, 373, 374, томъ XIII, 576.
- Аваревичева**, танцовщица, т. XII, 629.
- Айвазовскій**, И. К., проф., художн., т. XII, 411, 433, т. XIII, 503.
- Айсанова**, А. Ф., т. XII, 191.
- Айсановъ**, сибирск. предвод. дворян., 1858 г., т. XII, 258.
- Айсановъ**, Сергѣй Тимофеевъ, писатель, т. XII, 258, 723, т. XIII, 118.
- Айсановъ**, Ив. Сергѣев., ред. „Русь“, т. XII, 443.
- Авуловъ**, Никол., декабр., т. XII, 303.
- Алабинъ**, П. В., сообщ. замѣтку: „Дуровъ“, т. XII, 198.
- Александра Феодоровна**, им-ца (принцесса прусская Шарлота), р. 1798 г., † 1860 г., т. XII, 377, 452, т. XIII, 118, 434, т. XIII, 375, 385.
- Александръ I**, импер., р. 1777 г., † 1825 г., упом. т. XII, 52, 66, 124—128, 225—228, 368, 376, 459, 479—481, 483, 487, рескриптъ Аракчееву, 510, 511, упом. 524, 532, 627, 628, 631, 687, т. XII, 62, 64, 129, 161, 231, 281—327, 406, 619, 623, 633, 635, 658, т. XIII, 370—376, 504, 549, 657, 658, т. XIV, 200—203, 218, 381—384, 388, 389, 415, 611, 615—617, 622, 623.

- Александръ II**, импер., р. 1818 г., † 1881 г., поѣздка на Кавказъ, т. XLIII, 576—588, письма къ В. X. Граве и къ Эмиліи Христ. ?, 1847—1850 гг., т. XLI, 161, 162, крестьянское дѣло 1858—1859 гг., т. XLI, 241—250, 277, 283, 288, 304, 338, 596—608, записка, представл. ему кн. М. Д. Горчаковымъ о мѣрахъ обороны Россіи 1860 г., 407—412, путешествіе на западн. Кавказъ, 1861 г., т. XLII, 355—374, о памятникѣ ему, 433—436. Упом. т. XLI, 15, 16, 21, 26, 26, 42, 43, 47, 48, 66, 174, 220, 237, 480, 549, 595, 670, 677, 715 — 717, т. XLII, 130, 137, 211, 214 — 217, 321, 418, 419, 422, 423, 581, 617, 637, 657, 663, 666, т. XLIII, 267, 372, 394, 450, 528, 615, 664, т. XLIV, 128, 234, 301, 390, 612, 622, 623.
- Александръ III**, импер., т. XLI, 21, 237, 715, 717.
- Александръ**, викарій ковенск., 1864 г., т. XLI, 30.
- Александровъ**, дѣвица-кавалеристъ, томъ XLII, 198.
- Алексѣй Михайловичъ**, царь, р. 1629 г., † 1676 г., т. XLI, 52, т. XLII, 6, 37, 42, 43, т. XLIII, 230, 234, 237, 246—249, 263, 268, т. XLIV, 518, 580, 609.
- Алексѣй Петровичъ**, царевичъ, т. XLII, 48, 617.
- Алмазовы**, дворяне ростовск. уѣзда, Ярослав. губ., 1811 г., т. XLIV, 200.
- Алонусъ**, т. XLI, 106.
- Альберти**, Елена Ивановна, т. XLI, 561.
- Альбовъ**, М. Н., писат., томъ XLIV, 322—327.
- Альбрандтъ**, кап. 1837 г., т. XLIII, 389.
- Амвросій**, настоят. монаст. Нов. Іерусалима, вполн. архіеп. московск., томъ XLIII, 267.
- Амвросій (Протасовъ)**, архіеп. Тверск. и Казанск., 1815 — 1826 гг., т. XLII, 179, 196—198.
- Анна Іоанновна**, имп-ца, р. 1693 г., † 1740 г., т. XLII, 48, 50, 51, 53, т. XLIV, 375—380.
- Анна Петровна**, царица, герцог. Голштейн-Готторгская, р. 1708 г., † 1728 г., т. XLII, 48, 225.
- Анна Леопольдовна (Карловна)**, правительница, р. 1718 г., † 1746 г., томъ XLII, 48, 54.
- Анна Ѳеодоровна**, вел. княг., 1799 г., т. XLI, 366.
- Анна Павловна**, вел. княг., въ супруж. королева Нидерландская, р. 1795 г., † 1865 г., т. XLI, 370, т. XLII, 130, 290.
- Ангальтъ**, гр., управл. 1-й кадетск. корп. въ царств. Екатерины II, т. XLI, 447.
- Андреева**, Татьяна Борисовна, племян. Н. Ѳ. Мянкиной, т. XLI, 516, 517, 518.
- Андреевъ**, Влад. Я., поруч., 1835 г., томъ XLI, 517.
- Андреевъ**, прапорщ. 1-го казанскаго внутр. гарнизон. баталіона, 1834 г., т. XLI, 522.
- Андреекова**, танцовщ., 1847 г., т. XLIV, 63, 64.
- Андрониковъ**, кн., тифлис. воен. губери. 1853 г., т. XLIV, 178, 506.
- Андрониковъ**, кн., Ив., майоръ 1827 г., т. XLIII, 600, 601.
- Андрушкинъ**, граверъ, 1836 г., т. XLII, 410.
- Анненковъ**, П. В., издат. соч. А. С. Пушкина, т. XLI, 192, 415—436, 649—662, т. XLII, 92—109, 327—343, 401, 533—569, т. XLIII, 1—54, 118, 313—321, 643, т. XLIV, 75—94, 336, 337, 340, 344, 350, 353, 355, 347, 362, 368, 516, 523, 525, 535—538, 541—546, 557, 570, 576.
- Анненковъ**, Д. Н., т. XLIII, 135.
- Анненковъ**, Ив. Александр., декабр., томъ XLI, 305.
- Анрепъ**, полковн., 1828 г., т. XLI, 120, 326, т. XLIII, 150, 339, 529, 532, 533.
- Антоволюсовій**, М. М., скульпторъ, томъ XLI, 193.
- Антокова**, Прасковья, дворов. дѣвушка, 1825 г., т. XLI, 506, 514, 515.
- Антоновъ**, Василій, дворов. чел., 1825 г., убившій Н. Ѳ. Мянкину, т. XLI, 506, 507, 514, 515.
- Антонъ-Ульрихъ**, принцъ Брауншвейгскій, р. 1714 г., † 1774 г., т. XLII, 54.
- Апразинъ**, Викт. Види., бывш. членъ редакц. коми., т. XLI, 720.

- Ражеевъ**, гр., Алексѣй Андр., генер.-артил., р. 1769 г., † 1834 г., т. ХLI, 62, 69, 161, 370, 479—544, 619, 624, т. ХLII, 111, 128—130, 406, 629, 630, т. ХLIV, 394, 631.
- ражеевъ**, Петръ Андр., т. ХLI, 480.
- ражовъ**, Никл. Григор., шт.-кап., служивш. въ Новгород. кадет. корп., 1834 г., т. ХLI, 522, 538, 542, 543, т. ХLII, 115, 117, 122.
- ракетовъ**, Ив. Пав., бывш. чл. ред. комм., т. ХLI, 179, 672—675, 716—720.
- раповъ**, П., смы. на его „Дѣтопись русск. театра“, т. ХLIII, 118.
- раповъ**, москов. оберъ-полиційн. 1874 г., т. ХLII, 215.
- рбузова**, въ зам. Зехенаж, т. ХLI, 537.
- рбузовъ**, воспитан. Новгород. кадетск. корп., 1836 г., т. ХLI, 537.
- ргутинской-Долгорузовъ**, вв., коман. войск. въ Прикаспійск. краѣ, 1850 г., т. ХLIII, 579, 590.
- Рендтъ**, лейбъ-мед., 1837 г., т. ХLIII, 381.
- Ренольдъ**, генер., 1833 г., т. ХLI, 240.
- Роскьева**, Елизавета Алексѣев., рожд. Столыпина, бабка поэта М. Ю. Лермонтова, т. ХLI, 84, т. ХLIII, 122, т. ХLIV, 589.
- Росейскій** (Сухановъ), келарь Троиц.-Серг. лавры, 1856 г., т. ХLIII, 256.
- Росеньевъ**, поруч. драгун. пол., 1799 г., т. ХLI, 624.
- Архаровы**, дворяне ростовск. уѣзд. Яросл. губ., 1811 г., т. ХLIV, 200.
- Арцимовичъ**, Ад. А., т. ХLI, 676, 717.
- Арцимовичъ**, Викт. Антон., бывш. тобол. заглав. калуж. губернат., 1858 г., чл. комис. о губерни. и уѣзда. учрежд., выш. первоприсут. въ сенатѣ, т. ХLI, 244, 256, 260, 261, 269, 270, 275, 672, 675, 716, 717, 720,
- Асенкова**, артистка, т. ХLIV, 132.
- Асочинский**, В., писат., т. ХLII, 429.
- Астафьевъ**, т. ХLI, 335, т. ХLII, 198.
- Афанасьевъ**, Конст. Яковл., акад.-граверъ, р. 1794 г., † 1857 г., т. ХLI, 520, 625, т. ХLII, 129—130.
- Афанасьевъ**, актеръ, т. ХLIV, 142.
- Афросимовъ**, ген.-майоръ, 1831 г., томъ ХLIII, 541, 543.
- Ахвердовъ**, смоленск. губернат., 1858 г., т. ХLI, 253, 254, 265, 580.
- Ахматовъ**, ген.-ад., 1864 г., т. ХLII, 579, 593.
- Баботь**, Ив. Константиновичъ, профес., т. ХLII, 651.
- Багговутъ**, корпусн. команд. 1812 г., т. ХLI, 312, т. ХLII, 295.
- Багговутъ**, Александръ Федор., ген. отъ кавал., р. 1806 г., † 1883 г., т. ХLIII, 599—603, т. ХLIV, 422—427, 506, 507.
- Баграціонъ**, кн., Петръ Иван., ген. отъ инф., р. 1756 г., † 1812 г., т. ХLI, 620, т. ХLII, 291, 293, 294, т. ХLIII, 125, 126, 129.
- Баграціонъ-Мухракожій**, кн., генер.-майоръ, 1837 г., т. ХLIII, 379, т. ХLIV, 423, 427.
- Башеновъ**, В. И., архитект., 1777 г., т. ХLIV, 192, 193, 195.
- Байковъ**, художн., 1856 г., т. ХLIII, 597.
- Башлаковъ**, Яковъ Петров., ген.-лейт. войска докс., † 1873 г., т. ХLIII, 581, 612, 614.
- Бажункиъ**, камерг., 1799 г., т. ХLIV, 627.
- Бажункиъ**, Мих. А., эмигрантъ, т. ХLII, 391—396, 618.
- Бажункиъ**, тверской помѣщ. 1858 г., т. ХLI, 264.
- Балабанъ**, Гедеонъ, епископъ во Львовѣ 1582 г., т. ХLI, 476.
- Балакиревъ**, Милій Алексѣев., т. ХLIV, 601—603.
- Балашовъ**, т. ХLI, 218.
- Балкиной**, участн. польск. возст. 1831 г., т. ХLIII, 202.
- Балвашинъ**, исправл. должн. ореб. и самарск. ген.-губерн. 1858 г., т. ХLI, 245, 254.
- Балвашинъ**, Никл. Никл., писатель, т. ХLIV, 114.
- Балъ**, воспитан. новгород. кадет. корп. 1835 г., т. ХLI, 537, 542.
- Балъ-Полевъ**, Петръ Фед., т. ХLI, 218.

- Валдинъ, орнаментный скульпт. 1832 г., т. XLIII, 372.
- Валлода, Давидъ Андр., крестьян., глава рижск. герагутеровъ 1841 г.; † 1864 г., т. XLII, 159.
- Валюевъ, подполк. 1855 г., впоследствии тургайскій губернат., т. XLI, 455.
- Валтышевъ, пѣвецъ 1845 г., т. XLII, 654, 655, т. XLIV, 55.
- Вараховъ, гр., тверск. губернат. 1858 г., т. XLI, 264, 269, 577.
- Варановъ, П. И., сообщ.: «Герцогиня Анна Ивановна до восшествія ея на престолъ, въ ея письмахъ», т. XLIV, 375—380.
- Варановскій, оренбур. губерни. 1858 г., т. XLI, 254.
- Варановскій, Е. И., т. XLI, 675.
- Де-Варантъ, франц. посолъ при русск. дворѣ 1840 г., т. XLI, 83, т. XLII, 427.
- Варанцевъ, А. А., сообщ.: «Князь Мих. Дм. Горчаковъ. Записка его о мѣрахъ обороны Россіи въ декабрѣ 1860 г.», т. XLI, 407—412.
- Вараткискій, Евгенийъ Абрамов., поэтъ, † 1841 г., т. XLI, 362, т. XLII, 347, т. XLIII, 121, 134, 140—146.
- Вардаковъ, ген.-лейт. 1799 г., т. XLI, 363.
- Варесковъ, Петр. Петр., т. XLII, 671.
- Варшай-де-Толля, кн., Мих. Богдан., воен. ин-ръ 1812 г., вполн. ген.-фельдм., р. 1761 г., † 1818 г., т. XLI, 116, т. XLII, 291—295, т. XLIV, 615.
- Варновъ, Дм. Никл., поэтъ, т. XLII, 129.
- Варсоовъ, Елпид. Васильев., т. XLI, 418.
- Варташевичъ, докт. 1828 г., т. XLI, 323.
- Вартеневъ, П. И., изд. «Русск. Архива», т. XLI, 417—419, т. XLII, 91—99, 106—110, 236, 240, 266, 327, 353, 354, 468, 552—569, т. XLIII, 642—652, т. XLIV, 80, 85, 87, 336, 337, 340, 341, 345, 353, 515, 525, 537—539.
- Вартеневъ, Ю. Н., т. XLI, 123—134.
- Баршевъ, Я., проф. 1850 г., т. XLII, 381.
- Барятинскій, кн., Александр. Ив., ген.-фельдм., намѣстн. кавк. 1856—1861 гг., р. 1814 г., † 1879 г., т. XLIII, 203, 213, 576, 582, 589—591, 605, 609—617, т. XLIV, 171, 172, 178—180, 509, 511.
- Барятинскій, кн., Владим. Ив., ген.-ад., т. XLIV, 592.
- Басаргинъ, Никол. Васильев., декабр., т. XLI, 305.
- Басевицъ, голштинск. посолъ при русск. дворѣ 1723 г., т. XLII, 48.
- Баталя-паша, предводит. кавк. горцевъ 1780 г., т. XLIII, 208.
- Батенковъ, Гаврило Степан., декабр., † 1865 г., т. XLI, 64, 65, 481.
- Бажинковъ, Помпей Никл., тайн. сов., т. XLI, 164, 440, 664.
- Бажинковъ, Константин. Никол., писат., р. 1787 г., † 1855 г., т. XLII, 220, 338, 347, 552, т. XLIII, 110, 111, 121.
- Бауеръ, Ф. В., генер.-квартирмейстеръ въ Гессенъ-Дармштадтѣ 1773 г., т. XLII, 450, 451, 488, 490.
- Бахтинъ, Никол. Ив., членъ главн. ком. объ устройствѣ сельск. сост., † 1869 г., т. XLI, 295, 296.
- Бачмановъ, воспит. новгор. кад. корп. 1837 г., т. XLII, 118.
- Башкиловъ, предсѣд. строят. комисіи въ Москвѣ 1833 г., т. XLIII, 135.
- Башмаковъ, Демент., думный дьякъ 1659 г., т. XLIII, 226, 241.
- Бебутовъ, кн., Вас. Осип., нач. армянск. обл., вполн. ген. отъ инф., чл. госуд. совѣта, † 1858 г., т. XLI, 324, 325, т. XLIII, 382, 385, 596, т. XLIV, 171—182, 418—431, 493, 500, 502, 505, 510, 511.
- Бебутовъ, кн., комед. Варшавы 1863 г., т. XLII, 603.
- Бегларовъ, полковн. 1837 г., т. XLIII, 392.
- Безаевъ, Никол. Павл., оберъ-прокур. 3-го департ. сената 1810 г., т. XLIV, 149, 150, 151.
- Безбородко, гр., вице-канцл., 1763 г., т. XLI, 611, т. XLII, 64.
- Безобразовъ, Григор. Мих., д. ст. сов. 1825 г., т. XLIII, 505.
- Безобразовъ, адъют. в. кн. Константина Павл. 1831 г., т. XLIII, 187.
- Бейеръ, К., нумизмат., т. XLII, 618.
- Бейне, Карлъ Андреевичъ, архитекторъ р. 1816 г., † 1858 г., т. XLII, 410.

- Векельманъ**, ген.-маіоръ 1776 г., т. ХLIII, 78, 81.
- Векетовъ**, П. П., издат. соч. Д. И. Фон-визина, т. ХLII, 62.
- Веклемишевъ**, моголев. губерн. 1858 г., т. ХLI, 253, 265, 580.
- Веклешевъ**, Александръ Андреев., полк. 1775 г., т. ХLIII, 77, 271.
- Веклешовъ**, Н. А., морякъ, вниѣ предс. псковской губерн. зем. управы 1884 г., ХLII, 662, 666.
- Веллинггаузенъ**, бар., тит. с. 1799 г., т. ХLI, 367, 621.
- Веннигсомъ**, бар., ген. 1812 г., т. ХLII, 286, 287.
- Венкендорфъ**, оберъ-комендантъ Ревеля 1774 г., † 1775 г., т. ХLIII, 75, 78.
- Венкендорфъ**, гр., Александръ Христоф., шефъ жандарм., р. 1783 г., † 1844 г., т. ХLII, 439, т. ХLIII, 602, т. ХLIV, 352, 370, 412, 635.
- Венкендорфъ**, Конст. Христоф., генер. 1827 г., т. ХLI, 308.
- Венуа**, Никол. Лаврент., архит., вниѣ предсѣд. строят. отд. слѣб. гор. думы, т. ХLII, 410, 413, 415, т. ХLIV, 444.
- Вергъ**, гр., Фед. Фед., генер.-фельдм., намістн. Царства Польскаго, р. 1794 г., † 1874 г., томъ ХLI, 15, 21 — 28, 157, т. ХLII, 586, 587, 589, 591, 593, 594, 597, 598, 600, 601, 603, 604, 605, т. ХLIII, 399, 402, 408, 410.
- Вергъ**, Никол. Вас., проф., сообщ. «Московскія воспоминанія Н. В. Верга», т. ХLII, 639 — 656, т. ХLIV, 53 — 71, некрологъ его, 72—74, упом. 441, 442.
- Вергъ**, Вас. Видм., предсѣд. тобольскаго губ. правл. 1830 г., т. ХLIV, 73.
- Вергъ**, ген.-лейт. 1771 г., т. ХLIII, 56.
- Вердяевъ**, ген.-маіоръ 1831 г., т. ХLI, 119, т. ХLIII, 155.
- Вердяевъ**, Серг. Александр., поэтъ, 1878 г., т. ХLIV, 317.
- Верше**, Адольфъ Петр., предсѣд. кавказ. археологич. ком. Сообщ.: «Императоръ Николай на Кавказѣ въ 1837 году», т. ХLIII, 377 — 398; «Алексѣй Петровичъ Ермоловъ и его вѣбнныя жены на Кавказѣ», 523 — 528, уп. т. ХLIII 448, 567, 603.
- Веригардъ**, бар., т. ХLII, 618.
- Верстель**, Ал-дръ, декабр., т. ХLI, 304.
- Вертенсонъ**, Іосифъ Васильевичъ, проф. докт. медиц. 1882 г., т. ХLIII, 457.
- Верхгольцъ**, камеръ-юнкеръ, зыл. на его дневникъ, т. ХLII, 230.
- Вестужевъ**, Александръ Александр. (Марлинскій), шт.-кап. 1-го Драгунск. полка. писатель, декабр., † 1837 г., т. ХLI, 80, 82, 304, 305, 340, 343, 356, 362, т. ХLII, 336, 550, 569, т. ХLIII, 116.
- Вестужевъ**, Петръ Александр., декабр., т. ХLI, 303, 305.
- Вестужевъ-Рюминъ**, Констант. Никл., проф., т. ХLI, 708.
- Ветажъ**, подполк., полиційшефъ г. Пятигорска, 1841 г., т. ХLII, 428.
- Ветануръ**, ген., нач. явст. пут. сообщ., т. ХLI, 65.
- Вещій**, Ив. Ив., д. т. сов., р. 1704 г., † 1795 г., т. ХLII, 223, 253, 271, 273, 458 — 471.
- Вибилова**, Ольга Никол., учит. городск. учил. въ Слѣб., † 1884 г., т. ХLIII, 669.
- Вибиловъ**, подп., 1771 г., т. ХLIII, 56.
- Вибиловъ**, ген.-маіоръ, ген.-фельдцейхм. 1834 г., т. ХLI, 527.
- Вибиловъ**, Дм. Гавр., ген.-адъют. кievск. генер.-губернат. 1849 г., т. ХLI, 159, 722, т. ХLII, 412.
- Вибиловъ**, Мих. Никл., команд. Кабард. полка 1845 г., т. ХLII, 74.
- Вибиловъ**, флиг.-адъют., полк., команд. 1-го учебн. Карабинерн. полка 1834 г., т. ХLI, 524, 527.
- Вибиловъ**, нижегор. губернат. 1831 г., курск. губерн. 1858 г., т. ХLI, 269, 398.
- Вильдерлингъ**, Александръ Александр., нач. Николаевск. кавалер. учил. въ Слѣб. 1884 г., т. ХLI, 84, 240; сообщ.: «Лермонтовскій музей въ С.-Петербургѣ», т. ХLII, 425—428.
- Виронъ**, Іоганъ-Эрнестъ, герц. курлянд., р. 1690 г., † 1772 г., т. ХLII 48, 50, 53, 54, т. ХLIV, 519, 580.
- Вирюковъ**, Г., В., т. ХLI, 224.

Вистромъ, генер.-адъют., команд. гвард. корпуса, т. XLII, 411, 413.

Влаговѣщенскій, А. А., сообщ.: «Фигларель Амфитеатровъ (1828 — 1836), Павелъ Зерновъ (1804—1815) и Амвросій Протасовъ (1815 — 1826), архіепископы казанскіе», т. XLII, 179—198.

Влаговѣщенскій, Н. А., ссылка на его статью объ Н. Г. Помяловскомъ, т. XLI, 202.

Влюкинъ, купецъ 1799 г., т. XLII, 622.

Влудовъ, гр., Дмитр. Никол., ст.-секр., мин-ръ внутр. дѣлъ, внос. главноупр. II отд. 1861 г., р. 1785 г., † 1864 года, т. XLI, 61, 285, 575, 576, 673, 707, 708, т. XLIII, 110, 111, 202, 618.

Влюмеръ, генер. 1831 г., т. XLIII, 176, 184, 200.

Влюхеръ, т. XLIII, 127.

Воборыкинъ, бояринъ 1656 г., т. XLIII, 238, 241, 247, 256.

Воборыкинъ, П. Д., писат., т. XLIV, 74.

Вобриновскій, гр., адъют. 1-го гв. гусар. пол. 1877 г., т. XLIII, 636.

Вобрищенъ-Пушкинъ, Пав. Серг., поруч. генеральн. штаба, декабр., † 1865 г., т. XLI, 68.

Вобровъ, В. А., гравёръ, т. XLII, 630.

Вогговуль, кап. Вятск. пол. 1778 г., т. XLIII, 83.

Вогдановъ, воспитан. Новгород. кадет. корп. 1836 г., т. XLI, 539.

Вогдановичъ, И., писатель, т. XLII, 621.

Вогдановичъ, Модестъ Ив., ген.-лейт., военн. историкъ, † 1882 г., т. XLI, 479, т. XLIV, 181, 421, 506.

Вогданскій, салерн. офиц. 1828 г., томъ XLI, 315.

Вогословскій, Н. Г., т. XLI, 481.

Вогуславскій, Максимъ, поруч. польск. войскъ 1798 г., т. XLI, 621.

Вогуславскій, полков. 1831 г., томъ XLIII, 540.

Вогуславскій, ссылка на его записки, т. XLI, 480.

Вогушевичъ, кап., нижень. путей сообщ., 1861 г., т. XLII, 363.

Воденштедтъ, Ф. (Fr. v. Bodenstedt),

перевод. стих. М. Ю. Лермонтова на нѣм. яз., т. XLI, 86.

Водисмо, Мих., декабр., т. XLI, 304.

Водисмо, Борисъ, декабр., т. XLI, 304.

Водисмо, полков. 1831 г., т. XLIII, 543.

Возмериковъ, П. М., т. XLI, 224.

Возмериковъ, Мих. Нил., [коллеж. совет., инспект. клас. Новгород. кадет. корп. 1834 г., т. XLI, 522, 525, 530, 540, 543, т. XLII, 111, 121, 130.

Возмериковъ, И. Н., сообщ.: «Екатерингофъ», т. XLI, 627—629; «Художникъ Ив. Ив. Теременинъ, 1780—1815 гг.», 630 — 636; «Константинъ Яковлевичъ Афанасьевъ, академикъ-грав., † 1857 г.», т. XLII, 129—130; «Медали въ честь русскихъ дѣятелей, собраны и издавъ Ю. Б. Иверсенъ», 617—620; «Графъ Федоръ Петровичъ Толстой, его барельефы изъ Одиссеи», 621—623; Николай Ивановичъ Уткинъ, его жизнь и произведенія, изслѣд. Д. А. Ровинскаго», 624—630; «Памяти Дениса Васил. Давыдова», т. XLIII, 123—130; «Александровская колонна въ С.-Петербургѣ 30 августа 1834 г.», 369—376; «Св. Владимира университетъ въ г. Киевѣ 1834—1884 гг.», 678—682; «Гатчинскій дворецъ 1784—1884 гг.», т. XLIV, 191—194; «Сидѣйкижицажи для сообщенія Петербурга съ Москвою 50 лѣтъ тому назадъ», 443, 444; упом.: т. XLIII, 566.

Вожъ, подполков., 1771 г., т. XLIII, 71.

Воддырежъ, содержат. пансіона 1840 г., т. XLI, 205.

Вожеста, предсѣд. центр. ливнидац. комис. въ Варшавѣ 1830 г., т. XLIII, 362, 564.

Воложинъ т. XLI, 218.

Вологовъ, Андрей Тимофеевъ, р. 1738 г., † 1833 г., т. XLII, 463.

Волжакъ, ссылка на его «Путешествіе по Украйнѣ въ XVIII ст.», т. XLI, 71.

Воричевскій, ссылка на его рассказы «Аракчеевъ и Шумскій», т. XLI, 480, 485, 500, 501, 503.

Вородинъ, Алексдр. Ив., ген.-майоръ, директ. Новгород. кадет. корп. 1834 г., т. XLI, 522, 527, 528, 529, 535, 540, 541.

- Вородинъ, полковн., команд. Ширванск. пол. 1828 г., т. ХLI, 321, 322.
- Вородинъ, М. А., ссылка на его Воспоминанія, т. ХLI, 484, 485.
- Воткинъ, Васил. Петр., авт. «Писемъ объ Испаніи», т. ХLI, 176, 179, 181.
- Воткинъ, Сергій Петров., лейбъ-медикъ, т. ХLI, 176, т. ХLII, 665.
- Вочаровъ, Ив., сообщ.: «Въ правительствующемъ сенатѣ 1840 — 1852 гг.», т. ХLIV, 145—170.
- Брайно, ген.-лейт., тифлиск. воен.-губернат. 1837 г., т. ХLIII, 379, 391, 393.
- Браневскій, М. Б., директ. лицей, томъ ХLI, 574.
- Браунъ, ген.-маіоръ, † 1771 г., т. ХLIII, 55, 60, 61, 62, 63, 64.
- Браунъ, римск. ген.-губернат. 1772 г., т. ХLIII, 72, 74.
- Браунъ, поруч. саперн. баталіона 1827 г., т. ХLI, 378.
- Бреве, Никл. Констант., художн., томъ ХLI, 664.
- Брейтшопфъ, коллеж. сов., содержат. типограф. въ Сиб. 1802 г., томъ ХLI, 458, 459.
- Бреховъ, дьякъ 1660 г., т. ХLIII, 235.
- фонъ-деръ-Вриггенъ, Александр. Фед., декабр., т. ХLI, 64, 65, 305.
- Брижкенъ, полковн. 1771 г., т. ХLIII, 65.
- Брижнеръ, ссылка на его статью: «Жизнь Петра III до восшествія на престолъ», т. ХLII, 225, 240.
- Брижмеръ, ген.-м. 1853 г., т. ХLIV, 422, 424, 509, 511.
- Брисоворъ, полковн. 1853 г., т. ХLIV, 182, 431, 505, 513.
- Бровцынъ, полковн., вносл. ген.-м. и директ. комиссаріат. деп. морск. вѣд., т. ХLIV, 219.
- Броцикъ, А. П., т. ХLI, 480.
- Брониковскій, Ксаверій, участн. польск. возст. 1831 г., т. ХLIII, 188.
- Броссе, М. И., гумизмат., т. ХLII, 618.
- Брошниковскій, К. Ф., довт. 1800 г., томъ ХLIII, 581.
- Бруни, акад.-художн., т. ХLII, 620.
- Бруннеръ, ген. 1853 г., т. ХLIV, 178.
- Брусокловъ, Н., чл. Свб. общ. любит. словесн. 1812 г., т. ХLIII, 111.
- Брюловъ, Карлъ Павл., профес. акад. худож., † 1852 г., т. ХLII, 129, 416, 620, 650, т. ХLIV, 139, 140.
- Брюловъ, Александр. Павл., проф. акад. худож., т. ХLII, 410, 620.
- Брюловъ, А. Б., архитект., т. ХLIII, 374.
- Брюкъ, ген.-апшефъ, команд. финлянд. дивизіи, 1775 г., т. ХLIII, 77.
- Брюкъ, гр., ген.-фельдцейхмейст., презид. мануфактуръ-н бергъ-коллегии 1718 г., т. ХLIV, 577.
- Брянковъ, Илья Вас., кап. Дворянскаго полка, 1834 г., т. ХLI, 522, 530, 531.
- Брянскій, Я. Г., артистъ, т. ХLIV, 125.
- Будаевскій, Александр. Ив., старш. довт. Новгородскаго кадетск. корп., 1834 г., т. ХLI, 522.
- Будбергъ, русскій посолъ при франц. дворѣ, 1864 г., т. ХLI, 40.
- Бувстеденъ, гр., 1812 г., т. ХLII, 236, т. ХLIV, 191.
- Будатовъ, Д. А., предвод. двор. Ярослав. губ., 1884 г., т. ХLIII, 448; сообщ. «Дворянство Ростовскаго уѣзда Ярославской губ. въ 1806 — 1812 гг.», т. ХLIV, 199—218.
- Булгаковъ, Петръ Алексѣев., бывш. чл. редакц. комм., т. ХLI, 673, 675, 720.
- Булгаковъ, Павелъ, офиц., 1848 года, т. ХLIV, 64.
- Булгаръ, гр., Никол., декабр., т. ХLI, 304.
- Булгаринъ, Фаддей Воведикт., инсат., р. 1789 г., † 1809 г., т. ХLI, 71—73, 633, 635, т. ХLIII, 116, т. ХLIV, 533.
- Булгачинъ, Вас. Ив., бывш. чл. редакц. комм., томъ ХLI, 673, 675, 691, 699, 709, 720.
- Булгачинъ, Д. А., т. ХLI, 481.
- Бунге, Никол. Христіан., бывш. чл. редакц. комм., нынѣ съ 1881 г. мин-ръ финан., т. ХLI, 285, 675—678, 702, 709, 716—720.
- Бурманъ, ген.-маіоръ, 1771 г., т. ХLIII, 67.
- Бурцовъ, Ив. Гаврил., декабр., команд. сводн. гвард. полка на Кавказѣ, 1827 г., т. ХLI, 69, 303, 318, 324—333, томъ ХLIII, 388.

- Вуслаевъ, Ф. И., профес., т. XLIII, 443.
- Вутаевъ, Петръ Ив., преподават. исторiи въ Новгород. кадет. корп., т. XLII, 114.
- Вутаевъ, полков., 1831 г., т. XLIII, 156.
- Вутеневъ, Н. Ф., т. XLI, 480.
- Вутеро-Гадали, княг., т. XLIII, 673.
- Вутовъ, Владим. Петр., государств. секретарь, 1858 г., т. XLI, 284, 607.
- Вутовскій, Ив., ссылка на его брошюру: «Объ открытiи памятника импер. Александру I», т. XLIII, 374, 376.
- Вухмейеръ, ген., 1819 г., т. XLI, 501, т. XLII, 406.
- Вуцковскій, оберъ-прокуроръ сената, т. XLIV, 167.
- Вызовъ, Вас. Мих., об.-прокур. сената, т. XLIV, 167.
- Вызовъ, Н. Д., т. XLII, 416.
- Вычковъ, А. Ф., акад., 1884 г., томъ XLII, 618.
- Вычковъ, Фед., сотен. нач. милиц. Ростовск. уѣзда Ярославск. губ. 1806 г., т. XLIV, 201.
- Вычковы, дворяне Ростов. уѣзда Яросл. губ. 1811 г., т. XLIV, 200.
- Вѣлавицъ, ст. сов., новгород. губерн. предвод. дворянства 1834 г., т. XLI, 527.
- Вѣлннскій, Виссарiонъ Григор., писат., р. 1810 г., † 1848 г., т. XLI, 181, 209, 415, т. XLIII, 117, т. XLIV, 95, 99, 322.
- Вѣлосельскій, т. XLI, 109.
- Вѣлковскій, ген.-лейт. 1854 г., т. XLIV, 431.
- Вѣлковъ, Александр. Петров., декабристъ, род. 1808 г., упом. т. XLI, 304; сообщ. свои «Воспоминанiя о пережитомъ и перечувствованномъ съ 1808 г., часть вторая», т. XLII, 67—86, 303—324.
- Вѣлковъ, Петръ Петров., декабристъ, т. XLI, 304.
- Вѣлковъ, шт.-кап., 1839 г., т. XLII, 125.
- Вюлеръ, бар., Ф. А., директ. московск. архива мн-ва иностр. дѣлъ, т. XLII, 200, 211, 213, 214, 215, 216.
- Вюск, франц. дипломат. агентъ при русск. дворѣ, 1730 г., т. XLII, 53.

- Вадянскій, Мадѣй, сенат., чл. комис. погаш. долговъ въ Ц. Польск. 1831 г., т. XLIII, 359.
- Валуевъ, Петръ Александр., графъ, бивш. чл. особ. ком. о губ. и уѣздн. учрежд., ст.-секр., мн-ръ внутр. дѣлъ, 1865 г., мн-ръ госуд. имущ. 1872 г., сообщ.: «Разсказъ кн. Александра Никол. Голицына: Александръ I и его время», т. XLI, 123—134, упомин. 285, 720.
- Вандель, г-жа, дочь Дидро, ссылка на ея мемуары, т. XLII, 264, 265, 266, 447.
- Ванновскій, П. С., ген.-майоръ, нач. Павловск. учил. 1863 г., нинѣ ген.-ад. и воен. мн-ръ, т. XLIV, 442, 443.
- Василій II, вел. кн. москов., т. XLII, 639.
- Василій III Васильевичъ Темный, вел. кн., р. 1415 г., † 1462 г., т. XLII, 39.
- Васильевъ, В. А., сообщ.: «Петръ Ивановичъ Ривордъ, 1850 г.», т. XLIV, 219—220.
- Васильевъ, прапорщ., фельдтег., 1831 г., т. XLI, 111.
- Васильевъ 2-й, артистъ, 1864 г., томъ XLI, 35.
- Васильевъ, В. А., т. XLI, 460.
- Васильевскій, ст. сов., 1837 г., томъ XLIII, 379.
- Васильчиковъ, кн., Илар. Вас., ген. отъ кавал., ген.-ад. и предсѣд. государств. совѣта, р. 1776 г., † 1847 г., т. XLI, 63, т. XLIII, 126.
- Васильчиковъ, кн., Александр. Илар., т. XLI, 239, 670, 674, 675, 698, 725.
- Васильчиковъ, Александр. Семен., ст. сов., 1780 г., т. XLIII, 287.
- Васильчиковъ, А. А., т. XLII, 618.
- Веденяпинъ 1-й, декабр., т. XLI, 303.
- Веденяпинъ 2-й, декабр., т. XLI, 303.
- Вейнбергъ, Петръ Исаев., т. XLII, 401, т. XLIV, 106.
- Вейсенгофъ, т. XLI, 381.
- Вейтбрехтъ, содержат. типограф. въ Слб., 1777 г., т. XLI, 459.
- Вельжинопольскій, подполковн., 1779 г., т. XLIII, 275, 276, 279.
- Вельжиновъ, Алексѣй Александр., ген.-лейт., команд. войск. на кавказ. линiи

- 1837 г., т. XII, 396, 458, т. XIII, 213, 377, 378, 397, 606—607.
- Вельяминовъ-Зерновъ**, послѣдн. москов. тысящій, т. XIII, 39.
- Вельяминовъ**, воспитан. Новгород. кадет. корп. 1837 г., т. XII, 542, т. XIII, 115, 125.
- Веневитиновъ**, писат., XLIV, 99.
- Венгрияцкій**, президентъ гор. Варшавы отъ революц. правит. 1831 г., т. XIII, 362, 560, 564.
- Венеціановъ**, Алексѣй Гавр., первый русск. бытовой живописецъ, р. 1780 г., † 1846 г., т. XII, 630.
- Вережкинъ 1-й**, воспитан. Новгор. кадет. корп. 1837 г., т. XII, 542.
- Вережкинъ 2-й**, воспитан. Новгородск. кадет. корп. 1834 г., т., т. XII, 536.
- Вережкинъ**, полк. ген. штаба 1849 г., т. XIII, 613, т. XLIV, 431.
- Вережкинъ**, Ал. Ник., офиц. 1855 г., впослѣдств. Уральск. атаманъ, т. XII, 455.
- Верещагинъ**, В. П., професс. художн., т. XIII, 416.
- Верещагинъ**, Никол. Васил., т. XLIV, 307—311, 316, 320.
- Веригинъ**, кап., 1823 г., т. XII, 151.
- Верстовскій**, Алексѣй Ив., нач. театр. конторы въ Москвѣ 1845 г., т. XIII, 654, 655.]
- Веселовскій**, К. С., т. XIII, 618.
- Веселовскій**, Павелъ, т. XLIV, 189.
- Веселовскій**, Авраамъ Павл., дипломатъ-эмигрантъ, † 1783 г., т. XLIV, 188—190.
- Вестманъ**, товар. мн-ра ин. дѣлъ 1870 г., т. XIII, 209, 214, 216.
- Вигель**, Филиппъ Филип., тв. сов., управл. деп. духовн. дѣлъ вностр. исповѣд., р. 1786 г., † 1856 г., т. XIII, 313, томъ т. XIII, 202.
- Виже-Лабрель**, художн., т. XIII, 620.
- Викинскій**, т. XII, 331, 337.
- Вингоровъ**, Алексѣй Егор., архивариусъ моск. публич. и Румянц. музея, † 1883 г., т. XII, 419, 422, т. XIII, 354, т. XIII, 425—448.
- Вилламовъ**, Г. И., т. XII, 636.
- Вильде**, ген.-лейт. 1799 г., т. XLIV, 630.
- Вилье**, лейбъ-мед. 1824 г., т. XLIV, 386.
- Вильямовскій**, Емельянъ, солдат. тв-пограф. въ Сиб. 1802 г., т. XII, 458.
- Винцингероде**, ген.-майоръ 1812 г., томъ XIII, 127, т. XLIV, 211.
- Виртембергскій**, принцъ, Евгений, 1831 г., т. XII, 384, 385.
- Висковатовъ**, Павелъ Александр., професс., сообщ. «М. Ю. Лермонтовъ на Кавказѣ въ 1840 г.», т. XII, 83—92; «Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ, вновь найденный его портретъ», 239, 240; упом. т. XIII, 426, 427, т. XLIV, 590, 591.
- Витте**, ген. отъ кав. 1831 г., т. XII, 102, 119, 120, 399, т. XIII, 151, 153, 156.
- Витте**, Ф. Ф., почетн. варшавск. учеб. окр., т. XIII, 586, 588, 594, 605.
- Витгенштейнъ**, гр., корп. команд. 1812 г., т. XIII, 295, 298, 300, 301, 388.
- Витгенштейнъ**, кн., т. XII, 141.
- Витгенгеймъ**, бар., т. XII, 156, 137.
- Вишневскій**, Фед., декабр., т. XII, 303.
- Віардо**, Паулина, рожд. Гарсія, пѣвица, 1848 г., т. XII, 177, 181, 182, 188, 193, 194, т. XIII, 394, 397, 403, 404.
- Віелопольскій**, т. XIII, 586.
- Владиміръ Мономахъ**, т. XIII, 2.
- Владиміръ Александровичъ**, вел. кн., т. XIII, 210, 427.
- Владиславъ**, королевичъ польск. 1600 г., т. XIII, 41, 43.
- Владыкинъ**, Ив. Конст., помѣщ. 1873 г., т. XLIV, 112—118.
- Власовъ**, ген. 1831 г., т. XII, 106, томъ XIII, 541.
- Властовъ**, кап. 1850 г., т. XIII, 581.
- Влодежъ**, ген.-лейт. 1831 г., т. XII, 104, 118, т. XIII, 543.
- Влодець**, ген. 1831 г., т. XIII, 531.
- Внуковъ**, Дмитр. Осип., сотен. нач. милнц. Ростовск. уѣзда Ярославск. губ. 1806 г., т. XLIV, 201.
- Водовозовъ**, ссылка на его «Нов. русск. литер.», т. XIII, 119.
- Воеводскій**, подполковникъ 1775 г., томъ XIII, 77.
- Воейковъ**, воспитан. школы гвард. под-прапорщ. и юнкеровъ 1845 г., впослѣд. флиг.-ад., т. XII, 206.

- Воейковъ, А. П., сообщ. «Иванъ Ивановичъ Полуновъ, изобрѣтатель первой въ Европѣ паровой машины 1764—1766 гг.», т. XLII, 289—300, 301.
- Воейковъ, Алекс. Фед., профес., писат., издат. „Славянина“, т. XLI, 633, томъ XLIII, 121.
- Воейковы, дворяне Ростовскаго уѣзда Ярослав. губ., 1811 г., т. XLIV, 200.
- Волжонскій, кн., Петръ Мих., ген.-ад.-ин-ръ двора и фельдмарш., р. 1776 г., † 1853 г., т. XLII, 662, т. XLIII, 376, т. XLIV, 387.
- Волжонскій, кн., Г. П., т. XLII, 416.
- Волжонскій, кн., Серг. Григор., генер.-майоръ, декабр., † 1865 г., т. XLI, 63, 64, т. XLII, 437, 439.
- Волжонскій, кн., т. XLIV, 257.
- Володичъ, т. XLI, 388.
- Волоцкий, ставроп. губернат., 1860 г., т. XLIII, 538.
- Вольнозная, Наталья Сергѣев., въ зам. Семифонтова, т. XLI, 460.
- Вольноскій, кн., Артемій Петров., кабин.-ин-ръ, р. 1690 г., † 1740 г., т. XLI, 224, 460, 666, т. XLII, 221, 407, 408, 409, 671, т. XLIII, 448, 676, т. XLIV, 194, 444, 624.
- Вольноские, дворяне Ростовскаго уѣзда Яросл. губ., 1811 г., т. XLIV, 200.
- Вольтеръ, франц. философъ, т. XLII, 226—269, 276, 446, 456.
- Вольховскій, Влад. Дмитр., декабр., оберъ-квартирм. кавказск. корпуса, 1827 г., т. XLI, 303, 306, 307, 313, 314, 327, 332, 337.
- Вонсовичъ, полковн., 1831 г., т. XLIII, 360.
- Воробьева, артистка, т. XLIV, 132, 142.
- Воробьевъ, Сократъ, художн., т. XLII, 413.
- Воронихинъ, Никол., сообщ.: «Андрей Никифор. Воронихинъ, строит. собора казанскія Богоматери въ Спб. 1760—1814 гг.», т. XLIV, 195—198.
- Воронихинъ, Андрей Никиф., профес. архит., строит. казанск. собора въ Спб., р. 1760 г., † 1814 г., т. XLIV, 195—198.
- Воронихинъ, Илья Никиф., т. XLIV, 198.
- Воронковъ, полковн. 1853 г., т. XLIV, 431, 505, 513.
- Воронковъ, И. А., отст. нижен.-полковн., 1884 г., сообщ. „Графъ Эдуардъ Ив. Тотлебенъ“, т. XLIII, 449—454.
- Воронцовъ, гр., Алексдр. Романов., государствен. канцл., р. 1741 г., † 1805 г., т. XLI, 125, т. XLII, 247.
- Воронцовъ, гр., Семенъ Романов., русск. посолъ при лондонск. дворѣ, р. 1744 г., † 1832 г., т. XLII, 247.
- Воронцовъ, кн., Семенъ Мих., т. XLI, 220.
- Воронцовъ, гр., вполн. кн., Мих. Семен., наместн. кавказск., генер.-фельдмарш., р. 1781 г., † 1856 г., т. XLI, 65, т. XLII, 446, т. XLIII, 579, 586, 589—593, т. XLIV, 171, 177, 299.
- Воронцовъ, гр., вполн. кн., новороссійск. ген.-губернат., 1841 г., т. XLII, 159.
- Воронцовъ-Вельяминовъ, издат. „Московского Вѣстника“, 1859 г., т. XLII, 399.
- Воронцовы, гр., дворяне Ростовск. уѣзда Яросл. губ., 1811 г., т. XLIV, 200.
- Восинскій, ин-ръ встуд. Ц. Польскаго, 1866 г., т. XLII, 614.
- Воскресенскій, профес. химіи, 1845 г., бывш. вполн. началн. харьковск. учебн. округа, т. XLI, 209.
- Востомовъ, Алексдр. Христоф., акад., т. XLI, 632, т. XLII, 129, т. XLIII, 110, 111.
- Врангель, бар., полковн., 1840 г., томъ XLI, 88, 208, 409, т. XLIII, 393, 614, 616.
- Врангель, бар., майоръ грузинск. гренад. полка 1853 г., т. XLIV, 426, 427.
- Вревскій, бар. П. А., директ. канц. воен. ин-ра, т. XLI, 456.
- Вревскій, бар., команд. Кабардинск. полка 1846 г., т. XLII, 75.
- Вронченко, Фед. Павл., т. XLIV, 169.
- Всеволодъ III, вел. князь тверской, т. XLII, 8, 13.
- Всеволожскій, Никвта, т. XLI, 335, т. XLIII, 15.
- Вульфъ, Алексій Нил., помѣщ., томъ XLIII, 47.
- Вульфъ, Георгъ, хирургъ, чл. медич. коллегіи и штабъ-лекарь сухопутнаго шляхетн. кадет. корп., 1769 г., т. XLI, 613.

Вислоцкий, Петръ, участ. польск. возст., 1831 г., т. ХLIII, 169—169, 178, 191, 193, 343, 344.

Вяземская, княг., Вѣра Фед., т. ХLIII, 13, 14.

Вяземская, княг., Елена Никит., томъ ХLI, 623.

Вяземскій, кн., Павелъ Петр., т. ХLI, 220.

Вяземскій, кн., Петръ Андр., писат., р. 1792 г., † 1878 г., т. ХLI, 166, 167, 170, 437—440, 481, т. ХLII, 190, 449, 451, 487, 494, 538, 550, 564, т. ХLIII, 12—18, 116, 135, 140, 141, 146, 202, 618, т. ХLIV, 560.

Вяземскій, кн., Василій Алексѣев., томъ ХLIII, 120.

Вязьмитинова, Александра Никол., рожд. Энгельгардтъ, т. ХLI, 379, 380.

Вязьмитиновъ, Сергѣй Козмичъ, сб. воен. ген.-губернат., 1807 г., возведенъ впослед. въ графское достоинство, † 1819 г., т. ХLI, 380.

Вяткинъ, вилensk. коменд., 1864 г., томъ ХLI, 16.

Габбертъ, акад., т. ХLIII, 372.

Гавриловъ, Д. П., т. ХLI, 675, 699.

Гавронокскій, кап., участн. въ польск. возст., 1831 г., т. ХLIII, 185, 186, 600.

Гагарина, княг., А. П., 1800 г., т. ХLI, 628.

Гагаринъ, кн., Пав. Пав., чл. государ. сов., р. 1789 г., † 1872 г., т. ХLII, 579, т. ХLIV, 299.

Гагаринъ, кн., 1800 г., т. ХLI, 627, т. ХLIII, 62.

Гагемейстеръ, Юлій Андр., бывш. чл. редакц. комм., † 1878 г., т. ХLI, 670, 672, 673, 675, 709, 720.

Гаевскій, Викт. Павл., т. ХLI, 240, 435.

Гага-паша, 1829 г., т. ХLI, 327—329.

Галаганъ, Григ. Павл., бывш. чл. редакц. комм., выш. чл. госуд. сов., т. ХLI, 673—678, 709, 716—720.

Галафѣевъ, ген.-лейт., 1840 г., т. ХLI, 83—92, 239.

Галаховъ, Алексѣй Дмитр., профессоръ, т. ХLIII, 118, 119.

Галиди, докт., 1799 г., т. ХLI, 370.

Гамбургеръ, Андрей Фед., статск.-секрет., сообщ.: «Московский главн. архивъ ин-ва иностр. дѣлъ во время управленія ин-мъ кн. А. М. Горчакова», томъ ХLII, 199—218; «Авраамъ Веселовскій», т. ХLIV, 188—190; см. на изд. нмъ «Письма Екатерины II къ г-жѣ Жоффренъ», т. ХLII, 452.

Ганецкій, полковн., 1853 г., т. ХLIV, 431, 505, 507, 513.

Ганжибалъ, Абрамъ Петр., прахлѣдъ А. С. Пушкина, т. ХLIV, 552, 554, 562.

Ганюговъ, курск. губернат., 1831 г., томъ ХLI, 398.

Ганъ, бар., сенат., 1837 г., т. ХLIII, 391, 392.

Гаррисъ, Джемъ, британск. посолъ при русск. дворѣ, 1782 г., т. ХLII, 230.

Гарсія, учит. пѣнія, т. ХLI, 177.

Гасфортъ, ген.-губернат. западн. Сибири, 1858 г., т. ХLI, 276.

Гасфортъ, подпор., участн. въ польск. возст., 1831 г., т. ХLIII, 186.

Галцунъ, А., сообщ. «Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ подъ секретнымъ надзоромъ въ Москвѣ въ 1829 г.», т. ХLII, 636.

Гаузе, гр., ген. отъ артил., воен. мн-ръ Ц. Польск., 1831 г., т. ХLIII, 170, 196, 199, 200.

Гаузе, гр., бывш. офиц. лейбъ-гв. гусарск. полка, † 1871 г., т. ХLII, 618.

Гваренги, архитект., р. 1744 г., † 1817 г., т. ХLI, 632.

Гедеоновъ, Алексдр. Мах., директ. театр., 1847 г., т. ХLIV, 63—65, 132—136, 141, 142.

Геддинггеръ, худож., т. ХLII, 620.

Гейденъ, гр., Логинъ Логинов., адм., чл. ком. о ранен., т. ХLIV, 219.

Гейкингъ, прокуроръ, 1841 г., т. ХLIII, 159.

Гейдлингеталь, докт., т. ХLI, 179, 182, 183, 185.

Гейманъ, подполк., команд. Кабардинск. стрѣлков. батал., 1861 г., † 1878 г., т. ХLII, 363, 364, т. ХLIII, 581, 614, 616.

Гейсмаръ, бар., Фед. Клементьев., ген.-ад., р. 1783 г., † 1848 г., т. ХLI, 95, 106, 112, 113, 119, 120, т. ХLIII, 150, 340, 530—536, 540.

- Генаринъ, кав., 1771 г., т. XLIII, 56.
- Гельмерсенъ, начальн. школы гвардейск. подпрапорщ., т. XLI, 84, т. XLIV, 591.
- Гейникъ, Максимъ Матвѣев., кав. 2-го разряда, 1822 г., т. XLI, 375.
- Гейнаде, Григ. Никл., писатель, т. XLI, 417, т. XLII, 618, т. XLIII, 115.
- Георгъ-Людвигъ, принцъ Голшт.-готторпскій, † 1763 г., т. XLII, 248.
- Георгиевскій, Петръ Егоров., профес. словесн., 1840 г., т. XLII, 378, т. XLIV, 146.
- Герасимъ, архимандр. Воскрес. монаст., 1860 г., т. XLIII, 237.
- Гербель, Никол. Вас., писат., т. XLIV, 310.
- Германъ, ген. отъ инф., 1799 г., томъ XLIV, 629.
- Германъ, ген., команд. Кабардинск. пол., т. XLIII, 208.
- Германъ, историкъ, т. XLII, 463, 464.
- Гермеръ, ген.-майоръ, 1799 г., т. XLI, 370, т. XLIV, 630.
- Герценъ, Александръ Ив., писат. и публицистъ, т. XLII, 425, 618.
- Гершенцвайгъ, ген., 1831 г., т. XLI, 97, т. XLIII, 193, 558.
- Гессе, ген.-лейт., 1837 г., т. XLIII, 379.
- Геченгъ, Конст. Ив., бывш. чл. редакц. комм., т. XLI, 720.
- Гиббенетъ, Н. А., ссылка на его «Ист. посл. дѣла патр. Никона», т. XLIII, 223—254.
- Гильденшюльдъ, полковн., команд. Егерск. пол., 1799 г., т. XLI, 363.
- Гильденштуббе, штабс-кав., 1831 г., нынѣ членъ государства совѣта, 1884 г., т. XLI, 97.
- Гильфердингъ, Фед. Иван., сенаторъ, † 1864 г., т. XLI, 159.
- Гильфердингъ, Алех. Федор., помощн. ст.-секрет., предсѣдат. славянск. благотворительнаго комитета, р. 1831 г., † 1872 г., т. XLI, 159, т. XLII, 605.
- Гирсъ, Александръ Карл., бывш. чл. редакц. комм., † 1890 г., т. XLI, 672, 673, 675, 711, 720.
- Глаголенъ, ссылка на его «Основанія словесности», т. XLI, 340.
- Гладновъ, ген.-м., 1812 г., т. XLIV, 214, 216.
- Глазенацъ, ген.-майоръ, шефъ драгунск. полка, 1799 г., т. XLI, 624.
- Глазуковъ, Ив. Ильичъ, д. ст. сов., спб. город. голова съ 1881 г., т. XLII, 426, т. XLIII, 566, т. XLIV, 624.
- Глинка, Мих. Ив., композит., р. 1804 г., † 1857 г., т. XLI, 194, т. XLIV, 140, 147, 591, 598—604.
- Глинка, Фед. Никол., писат., т. XLI, 68, т. XLII, 129, 351, 645.
- Глинка, Сергій Никл., издат. «Русск. Вѣстника», т. XLII, 620.
- Глинка, ген., 1831 г., т. XLIII, 333.
- Глѣбовъ, Ив. Фед., т. XLII, 250.
- Глѣбовъ, Фед. Ив., ген.-лейт., 1777 г., т. XLIII, 81.
- Глѣбовъ, Сергій Ив., артил. подполковн., р. 1738 г., † 1786 г., т. XLII, 276.
- Глѣбовъ, рыбниск. предвод. двор. 1812 г., т. XLIV, 204, 210.
- Гюзовъ; майоръ Вятск. пѣхотн. пол., т. XLI, 67.
- Гнѣдичъ Никол. Ив., писатель, т. XLI, 80, 343, 348, т. XLII, 327, 623, т. XLIII, 115—123, 322, т. XLIV, 261, 352.
- Говорскій, издат. „Вѣстника Западной Россіи“, 1864 г., т. XLI, 33.
- Готель, адъют. в. кн. Конст. Павлов., 1831 г., т. XLIII, 545.
- Гоголь, Никол. Вас., писат., р. 1809 г., † 1852 г., т. XLI, 163—172, 173, 343, 358, т. XLII, 436, 647, 656, т. XLIV, 54, 56, 59.
- Гоголь, кав., членъ свѣдств. комисс. 1864 г., ссылка на его брошюру: «Юсафъ Огрызко и петербургскій жондъ въ дѣлѣ послѣдняго матажа», т. XLI, 38.
- Годуновъ, Борисъ Федоровичъ, царь, т. XLII, 40—42, т. XLIV, 518, 564, 608.
- Гове, смотрит. тифлисск. госпит., 1837 г., т. XLIII, 396.
- Голенщцевъ - Кукузовъ - Смоленскій, кн., Мих. Иларіон., ген. отъ инф. 1812 г., т. XLII, 286, 299, 300, т. XLIV, 217, 616.
- Голенко, Конст. Петров., адмиралъ, р. 1823 г., † 1884 г., т. XLII, 659—666.

- Голкиновъ, Ив. Ив., писатель, р. 1735 г., † 1801 г., ссылка на его «Дѣянія Петра Великаго», т. ХLI, 343, 356, 358, томъ ХLIV, 390.
- Голкиновъ, Игнат. Сам., сотен. нач. милиц. Ростовск. уѣзда Ярославск. губ. 1806 г., т. ХLIV, 201.
- Голлицынъ, кн., Василій Васил., бояринъ, т. ХLII, 41.
- Голлицынъ, кн., Д. А., русск. полномоч. мн-ръ при франц. дворѣ, т. ХLII, 223, 250, 253, 262, 263, 265, 271.
- Голлицынъ, кн., Мих. Мих., фельдмаршалъ, членъ верховн. тайн. совѣта, 1730 г., т. ХLII, 50, т. ХLIV, 690.
- Голлицынъ, кн., Александр. Мих., фельдмаршалъ, 1773 г., т. ХLIII, 73, 74.
- Голлицынъ, кн., Дмитрій Мих., членъ верховн. тайн. совѣта, 1730 г., т. ХLII, 50, 51.
- Голлицынъ, кн., вице-канцлеръ, 1773 г., т. ХLII, 446, 485.
- Голлицынъ, кн., Дмитр. Видм., ген. отъ кав., москов. ген.-губернат., р. 1771 г., † 1844 г., т. ХLI, 481.
- Голлицынъ, кн., Алексѣй Борисов., ген.-майоръ, 1771 г., т. ХLIII, 59, 64, 67.
- Голлицынъ, кн., Борисъ Дмитр., бывш. чл. редакц. комм., т. ХLI, 720.
- Голлицынъ, кн., Сергѣй Павл., бывш. чл. редакц. комм., т. ХLI, 675, 717, 720.
- Голлицынъ, кн., Мих. Никл., ярослав. губернат., 1811 г., т. ХLIV, 203—218.
- Голлицынъ, кн., Александръ Никол., мн-ръ духовн. дѣлъ и проsv. 1818 г., р. 1773 г., † 1844 г.; его рассказы, т. ХLI, 122—184.
- Голлицынъ, кн., Валеріанъ Мих., декабр., т. ХLI, 304, 313.
- Голлицынъ, кн., полковн. гвард. артил., 1884 г., т. ХLI, 527, т. ХLII, 269.
- Голлицынъ, кн., полковн. 1851 г., томъ ХLIV, 66, 67.
- Голлицынъ, кн., дворяне Ростовск. уѣзд. Яросл. губ., 1811 г., т. ХLIV, 200.
- Головачевъ, сотен. нач. милиц. Ростов. уѣзд. Ярослав. губ., 1806 г., т. ХLIV, 201.
- Головинъ, Евг. Александр., генер.-ад., команд. кавказ. корп., 1837 г., т. ХLIII, 389, 398, 607, 609.
- Головинъ, ливланд. ген.-губ. 1846 г., т. ХLI, 722, т. ХLII, 168, 177.
- Головинъ, гр-ня 1714 г., т. ХLIII, 604.
- Головинъ, Алendr. Вас., мн-ръ народн. проsv., т. ХLI, 675, 716—718.
- Голштейнъ - Ольденбургскій, принцъ, Георгій, ген.-губернат. Новгород., Тверск. и Яросл. губ. 1811 г., † 1812 г., т. ХLIV, 203, 208, 211, 212, 218.
- Голытгофъ, А. Ф., ген., т. ХLIV, 591.
- Голыткинскій, принцъ, ген.-фельдмарш., эстляндскій генер.-губернат., † 1775 г., т. ХLIII, 75.
- фонъ-Гомпешъ, г-жа, т. ХLIV, 276.
- Гончаровъ, А. Н., т. ХLIV, 353.
- Горбачевскій, Ив. Ив., декабр., † 1869 г., т. ХLI, 305.
- Горбуновъ, Ив. Федор., артистъ импер. театровъ, писатель, любит. и знатокъ отеч. исторіи, т. ХLI, 667, 668, т. ХLII, 400, 639, 641, 651—653.
- Гордокъ, политич. преступн., рядовой 1-го оренбургск. линейн. батал. 1848 г., т. ХLI, 48.
- Горшковъ, Маркъ Филипп., кап.-лейт., начсн. морск. корп. 1822 г., т. ХLI, 375.
- Горловъ, М. П., т. ХLI, 675.
- Горностаевъ, Ив. Ив., т. ХLIV, 602.
- Горный, Василій, священникъ 1869 г., т. ХLII, 144.
- Гороховъ, Акимъ Фед., учитель семин., т. ХLIII, 90—97, 290—309.
- Горчаковъ, Мих. Дмитр., ген.-ад. 1831 г., вполн. намѣстн. Цар. Польскаго 1851 г., главнокоманд. крымск. арміей 1855 г., р. 1792 г., † 1861 г., т. ХLI, 97, 109, 151—153, 387, 407—412, 456, т. ХLII, 62.
- Горчаковъ, свѣтлѣйшій кн., Александръ Мих., госуд. канцл., р. 1799 г., † 1833 г., т. ХLI, 22, 219, 338, 690, т. ХLII, 199—218, 579, 593.
- Горшновъ, полковн., команд. Кубанск. пѣхотн. полка 1861 г., т. ХLII, 361.
- Горюхины, дворяне Ростовскаго уѣзда Яросл. губ. 1811 г., т. ХLIV, 200.
- Гославскій, архит., т. ХLII, 433.

- Годовскій, участн. въ польск. возстаніи 1831 г., т. XLIII, 174.
- Годичиновій, Северинъ, 1831 г., т. XLIII, 159, 160, 161.
- Граббе, Пав. Христоф., генер., команд. войсками на Кавказѣ 1839 г., т. XLII, 68, 69, 83, 86, 91, т. XLIII, 607—609.
- Граббе, Никол. Павл., т. XLI, 85, 86.
- Грабовскій, гр., Станисл., участн. польскаго возст. 1831 г., т. XLIII, 194, 562.
- Грабянка, Андр. Антон., бывш. членъ ред. комм., т. XLI, 720.
- Грамм, Владисл. Христіан., бывш. адъют. импер. Александра II, † 1850 г., т. XLI, 161, 162.
- Градовскіе, т. XLI, 558, 559, 561, 566, 567.
- Градовскій, Д. Д., проф. и публицистъ, т. XLI, 555.
- Граммдорфъ, генералъ-маіоръ 1799 г., т. XLI, 621.
- Граховскій, Тимофей Николаев., проф., т. XLII, 647.
- Грейгъ, кап. 1799 г., т. XLI, 624.
- Грейгъ, Алексій Самуил., адмир. 1829 г., т. XLIII, 368.
- Грейгъ, С. А., мин. финанс. съ 1878—1880 г., т. XLI, 285.
- Грешовъ, Евграфъ, сотен. нач. млиц. Ростовскаго уѣз. Ярослав. губ. 1806 г., т. XLIV, 201.
- Грезудовъ, кап. 1840 г., т. XLI, 88.
- Грент, А., ссыл. на его «Воспоминанія о Гвидичѣ», т. XLIII, 117.
- Грессеръ, адъют. в. кн. Конст. Павл. 1831 г., т. XLIII, 185, 545.
- Гречъ, Ник. Ив., писатель, р. 1787 г., † 1867 г., т. XLI, 501, 633, 635, т. XLII, 333, 336, т. XLIII, 109—117, 145, 146, т. XLIV, 148, 149.
- Гриббе, А. Е., полковн., ссылка на его «Воспомн. о гр. А. А. Аракчеевѣ», т. XLI, 480, 503, 508, 515.
- Грибовскій, управл. канцел. комит. о ранен. воинахъ 1816 г., т. XLI, 63.
- Грибоѣдовъ, Алсдр. Серг., ст. совѣтъ, подполн. мн-ръ при персидскомъ дворѣ, писатель, род. 1795 года, † 1829 года, т. XLIII, 116.
- Григоровичъ, Вас. Ив., конфер.-секрет. акад. худож., т. XLII, 627.
- Григорьевъ, Аполл. Александр., писат.-критикъ, т. XLIV, 166.
- Григорьевъ, капит. 1853 г., т. XLIV, 505, 513.
- Григорьевъ, П. И., артистъ, писатель, т. XLII, 647, 653, т. XLIV, 136.
- Гриммъ, бар., Фридр.-Мельхиоръ, корр. императр. Екатерины II, р. 1728 г., † 1807 г., т. XLII, 227—232, 245—260, 264, 267, 278, 447, 450—454, 463, 475, 480—493.
- Гриммъ, А. И., т. XLII, 618.
- Гриншвербергъ, полковн., команд. л.-гв. Московск. полка 1877 г., т. XLIII, 636, 638, 640.
- Гродовъ, содержатель пансіона въ Слѣб. 1846 г., т. XLI, 567.
- Громека, т. XLII, 589, 589.
- Гроссгунфъ, Вас. Богд., докт. тифлисск. госпит. 1837 г., т. XLIII, 396.
- Гроттенгельмъ, генер.-маіоръ 1773 г. т. XLIII, 73.
- Гротъ, Яковъ Карл., проф. акад., род. 1812 г., сообщ.: «Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, три незаданныя его четверостишія», т. XLI, 663, 664; замѣтку: «В. А. Жуковский и Д. Н. Блудовъ», т. XLIII, 618; упом.: т. XLI, 163, 218, 611, томъ XLII, 240, 378, т. XLIII, 112.
- Гротъ, Конст. Карл., самарск. губернат. 1858 г., бывш. чл. особ. комм. о губерн. и уѣздн. учрежд., т. XLI, 255, 262, 269, 671—720, 730.
- Гудовичъ, гр., ген.-маіоръ 1799 г., т. XLI, 309, 621.
- Гуляжовъ, команд. Кабардинск. полка, т. XLIII, 209, 210.
- Гундоровы, дворяне Ростовскаго уѣзда Ярослав. губ. 1811 г., т. XLIV, 200.
- Гуннингъ, Робертъ, аякъ посланн. при русск. дворѣ 1773 г., т. XLII, 480.
- Гурій, еписк. Смоленскій въ XVI стол., т. XLI, 26.
- Гурій (Карповъ), іеромон. 1844 г., впоследствии архіепископъ Таврическій, т. XLIII, 655—662.

Гурво, ген.-адъют. 1877 г., т. XLIII, 412, 413, 417, 420, 620, 624—627, 632.
 Гурво, ст. сов., т. XLII, 566, 567.
 Гурьевъ, гр., т. XLI, 109, 126, 127, 391.
 Гурьевы, дворяне Рост. уѣз. Яд. осл. губ. 1811 г., т. XLIV, 200.
 Гусевъ, М., астрон. при ввлек. обсерв. 1857 г., т. XLIV, 305.
 Гуфландъ, докторъ 1831 г., т. XLI, 141.
 Гюголь, г.-жа, рожд. Верещагина, т. XLII, 426.
 Гюлленборгъ, гр., 1766 г., т. XLII, 225—227, 234, 235, 243.

Давыдовъ, Алексій Козьмичъ, лейтен. 1822 г., вносъ директоръ морск. корп., т. XLI, 376.
Давыдовъ, Денисъ Васильевъ, партизанъ 1812 г., ген.-лейт., воен. писат., рожд. 1784 г., † 1839 г., т. XLI, 93, 160, 441, т. XLII, 298, т. XLIII, 123—130, 131—148, 157, 566, т. XLIV, 143, 144, 540.
Давыдовъ, Вас. Ивановъ, декабристъ, т. XLI, 64.
Давыдовъ, В. Л., декабр., т. XLII, 437.
Дадимовляни, кн. Мих., владѣт. мал. княз. Сванети 1837 г., т. XLIII, 382.
Дадимовляни, Татарханъ, кн. Сванетскій 1837 г., т. XLIII, 382.
Дадіани, кн. Леванъ, владѣт. Мингрелин 1837 г., т. XLIII, 381, 382.
Дадіани, кн. Александръ Леон., фл.-адъют., команд. Эриванск. караб. пол. 1837 г., р. 1801 г., т. XLI, 381, т. XLIII, 392, 393, 394.
Дальковъ, ген.-лейт. 1771 г., т. XLIII, 55.
Даль, Влѣд. Иванъ, писатель, † 1872 г., т. XLI, 171.
Дальская, тамбовск. губернат. 1858 года, т. XLI, 270.
Даниль Александровичъ, вел. кн. Московскій, † 1304 г., т. XLII, 4—6, 8.
Дантеъ-Гемеризъ, Георгъ Карл., поруч. Кавалергард. пол. 1837 г., т. XLIII, 148.
Дарганъ, тульскій губерн. 1858 г., т. XLI, 253, 254, 266.
Дарья Аргилонка, царевна имеретинская 1714 г., т. XLIII, 604.

Дашкова, кнг., Елзатер. Роман., рожд. Воронцова, статсъ-дама, р. 1743 г., † 1810 г., т. XLII, 56, 60—63, 223, 242; 253, 254, 269, 272, 274, 451, 452, 453, 465, 467, 489.
Дашковъ, Дмитр. Васил., мин. юстиціи, т. XLIII, 105—113.
Дашковъ, гофм. 1866 г., т. XLII, 203.
Дашковъ, П. Я., т. XLII, 618.
Дашковъ, В. А., д. тайн. сов., 1884 г., т. XLI, 666.
Дверицкий, генер. 1831 г., т. XLIII, 534, 536.
Девиомениль, гр., ген. отъ кавал. 1799 г., т. XLI, 624.
Дедемовъ, ген.-лейт. 1771 г., т. XLIII, 56.
Дедюшкинъ, ген.-м. 1812 г., т. XLIV, 208.
Дежастро-Мадерда, гр., ген. отъ инфант. 1799 г., т. XLI, 622.
Делавромъ, Фравцъ Ив., кап. 2-го ранга, инспект. вностр. азьмовъ въ морскомъ корп. 1822 г., т. XLI, 375.
Делкинотаузенъ, поруч. 1837 г., т. XLII, 117, 118.
Дельвинъ, бар., Антонъ Антон., писат., р. 1789 г., † 1831 г., т. XLI, 343, 348, 647, т. XLIII, 19, 121, т. XLIV, 560, 576.
Дельфинъ, воспит. Новгород. кадет. корп. 1834 г., т. XLI, 524.
Делиновъ, Ив. Давыдовъ, д. т. сов., ст.-секр., мин. народн. просвѣщ. 1882 г., т. XLI, 707.
Дембиновскій, Мих., участн. польск. возстанія 1831 г., т. XLIII, 188.
Демболовскій, сенат.-жандармъ 1831 г., т. XLIII, 562, 563.
Демидовъ, А. Н., камеръ-юнкеръ 1847 г., т. XLII, 411.
Демидовъ, т. XLI, 37.
Демидовы, заводчики 1764 г., т. XLI, 296.
Демуть, скульпт. 1800 г., т. XLI, 635.
Демуть-Малиновскій, профес., томъ XLIII, 372.
Денисовъ, гр., ген.-отъ-кавал. 1799 г., т. XLI, 368.
Демъ, ген. 1831 г., т. XLI, 398.
Державинъ, Гавр. Романовичъ, писат., р. 1743 г., † 1816 г., т. XLI, 71, 218, 342, 343, 346, 348, 351, т. XLII, 223,

- т. XLIII, 120, 121, 319, 435, т. XLIV, 73, 261, 335, 523, 531, 576.
- Дерушковъ, Савва Яковл., Ярослав. земск. дѣят. 1876 г., т. XLIV, 309, 310.
- Дерфельденъ, ген. 1799 г., т. XLI, 369.
- Дерфельдъ, ген.-лейт. 1776 г., т. XLIII, 77.
- Десаже, полковн. 1853 г., т. XLIV, 431, 506, 509.
- Джорджадзе, кн., тн. сов., т. XLIII, 528.
- Дибичъ - Сабалжанскій, гр., Ив. Ив., фельдмарш., р. 1785 г., † 1831 г., томъ XLI, 93—122, 160, 308, 380, 333, 381—400, т. XLIII, 130, 138, 149—156, 157, 326, 331—340, 529—544, томъ XLIV, 386, 388.
- Дибичъ, бар., полковн. генер.-штаба 1812 г., т. XLII, 296.
- Дидро, энциклопедистъ, † 1784 г., томъ XLII, 223—273, 445—494.
- Дмитрій, царевичъ, 1496 г., т. XLI, 74.
- Дмитрій, архіеп. Новгородск. 1762 г., т. XLII, 225.
- Диринъ, П. П., шт.-кап. 1-гв. Семеновск. пол. 1812 г., ссылка на его «Исторію 1-гв. Семеновскаго полка», т. XLII, 631, 632.
- Дитятинъ, генераль, созданный фантазіею артиста Ив. Фед. Горбунова, томъ XLI, 667, 668.
- Диаконовъ, оберъ - врягъ - комиссаръ 1772 г., т. XLIII, 72.
- Дмитревскій, т. XLI, 611.
- Дмитріевъ, Ив. Ив., дс. тн. сов., мн-ръ юстиціи, писатель, р. 1760 г., † 1837 г., т. XLIII, 109, 319, т. XLIV, 540.
- Дмитріевъ, Мих. Алекандр., писатель, т. XLIII, 105, 108, 119, т. XLIV, 261.
- Дмитріевъ, Ив., голова въ с. Грузинѣ 1816 г., т. XLI, 498.
- Дмитрій Донской, 1363—1389 гг., томъ XLII, 37, 39.
- Дмитрій Самозванецъ, т. XLII, 130.
- Доббергъ, ссылка на его биограф. К. Я. Афанасьева, т. XLII, 125.
- Добровольскій, Осниъ, подпор., участн. польск. возст. 1831 г., т. XLIII, 160, 187, 188.
- Доброхотовъ, бавбалавръ москов. дух. акад. 1822 г., т. XLII, 183.
- Довре, ген. отъ инфант. 1835 г., томъ XLI, 538.
- Долгорукій Юрій, вел. кн. Суздальскій, 1147 г., т. XLII, 1—4.
- Долгорукій, кн., Иванъ Алексѣев., им-бимецъ Петра II, 1727 г., т. XLII, 49.
- Долгорукій, кн., Александръ, 1837 г., т. XLIV, 592.
- Долгорукій, кн., Василій Лукачъ, членъ верховн. тайн. совѣта 1730 г., томъ XLII, 50.
- Долгорукій, кн., Алексій Владимр., членъ верховн. тайн. совѣта 1780 г., томъ XLII, 50.
- Долгорукій, кн., Алексѣй Григор., членъ верховн. тайн. совѣта 1730 г., томъ XLII, 50.
- Долгорукій, кн., Мих. Владимр., членъ верховн. тайн. совѣта, 1730 г., томъ XLII, 50.
- Долгорукій, кн., Васил. Владимр., ген.-фельдмарш. 1728 г., началн. верховн. тайн. совѣта, т. XLII, 50.
- Долгорукій-Ермыскій, кн., Вас. Мих., ген.-анш., главнокоманд. арміей, 1770 г., р. 1722 г., † 1782 г., т. XLIII, 55—71.
- Долгорукій, кн., В. П., сообщ.: «На-жегородскій драгунскій полкъ», томъ XLIII, 599—603.
- Долгоруковъ, кн., 1728 г., т. XLIV, 377.
- Долгоруковъ, кн., Я. Ф., т. XLII, 130.
- Долгоруковъ, кн., Вас. Васил., штаб-мейстеръ 1818 г., т. XLII, 130.
- Долгоруковъ, кн., ген.-ад., москов. ген.-губернат. 1870 г., т. XLII, 208, 216.
- Долгоруковъ, кн., ген.-ад. 1361 г., томъ XLII, 368, 373.
- Долгоруковъ, кн., Петръ, т. XLI, 160.
- Долгоруковъ, кн., фл.-ад., полковн. 1827 г., т. XLIII, 602.
- Долгоруковъ, кн., Вас. Андр., ген.-ад., шефъ жандармовъ съ 1861 — 1865 г., т. XLI, 21, 22, 286, т. XLII, 579, 593.
- Долгово-Добровольская, г-жа, владѣлица о-ва Далена, близъ Риги, 1835 г., т. XLI, 401, 403.
- Долотинъ, полковн. 1863 г., т. XLIV, 499, 506.

- Дожбровский, Флоріанъ, участн. польск. возст. 1831 г., т. XLIII, 176.
- Домоштовичъ, Конст. Ив., бывш. членъ редакц. ком., т. XLI, 670—675, 689, 702, 703, 710—720, т. XLII, 588.
- Донжау, ген. 1775 г., т. XLIII, 78.
- Дорогулицъ, архитект., 1870 г., т. XLII, 204, 205.
- Дороховъ, Руфинаъ Никл., т. XLI, 84, 311, 333—336.
- Достоевскій, Федоръ Мих., писатель, † 1881 г., т. XLIII, 677, томъ XLIV, 95, 326.
- Дохтуровъ, корпусн. команд. 1812 г., т. XLII, 295.
- Дохтуровъ, воспит. школы гвард. под-прапорщ. и юнкеровъ 1845 г., томъ XII, 207.
- Дремель, полковн., команд. мушкетерск. полк. 1799 г., т. XLIV, 627.
- Дрептельникъ, А. Р., ген.-ад., шефъ жандарм. съ 1877 по 1879 г., т. XLI, 286, т. XLIII, 416.
- Дризенъ, митавск. губернат. 1799 г., т. XLI, 623.
- Дрошжинъ, Дмитр. Степ., крестьянинъ, 1825 г., т. XLIII, 506.
- Дрошжинъ, Спиридовъ Дмитр., постъ-крестьян., сообщ. свои Воспоминанія, т. XLIII, 503—522, т. XLIV, 93—122, 307—334.
- Друцкій-Соволинскій, вн., т. XLII, 388.
- Дубельтъ, Леонтій Васил., начальникъ штаба корп. жандарм., т. XLII, 390.
- Думе, воспит. Новгородск. кадетск. корп. 1834 г., т. XLI, 524, 537, 542.
- Дундузовъ - Корсаковъ, полковникъ 1854 г., т. XLIV, 513.
- Душинъ, Анастасій, участн. польск. возст. 1831 г., т. XLIII, 188, 201.
- Дуровъ, сарапульск. городнич., т. XLI, 335, т. XLII, 198.
- Дюжержъ, премьеръ-маіоръ 1779 г., томъ XLIII, 271.
- Дюръ, въ зам. Каратыгина, драмат. артистка, т. XLI, 629, т. XLIV, 126.
- Дьяковъ, ген.-лейт., команд. казачьяго полк. въ Ц. Польск. 1831 г., т. XLIII, 545.
- Евгеній (Болховитиновъ), еписк. старо-русск. съ 1804 по 1808 г., вполн. митроп. кіевскій, 1828 г., т. XLIII, 112, 113, 117, 680.
- Евгеній, архіеп. ярославск., 1846 г., бывш. профес. Москов. дух. акад., томъ XLII, 444.
- Евгеній, экзархъ Грузін 1837 г., томъ XLIII, 391.
- Евдокимовъ, гр., Никол. Ив., ген.-ад., ген.-лейт. 1861 г., т. XLII, 358, 359, 365, 366, 369, т. XLIII, 606, 614—616.
- Европеусъ, И. И., докт., ссылка на его Воспоминанія, т. XLI, 479, 518.
- Егоровъ, Алексій Егор., профес. живоп., т. XLI, 636, т. XLII, 129.
- Евсерамовъ, прокур. варшавск. окружн. суда 1866 г., т. XLII, 612—614, томъ XLIII, 403—410.
- Еваторина I, вмп-ца, р. 1684 г., † 1727 г., т. XLI, 627, 628, т. XLII, 48, 49.
- Еваторина II, вмп-ца, р. 1729 г., † 1796 г., переп. и бесѣды съ Дидро, пріемъ его въ С.-Петербургѣ, т. XLII, 223—278, 445—494, упом.: т. XLI, 66, 133, 218, 297, 447, 459, 628, 632, 687, т. XLII, 55—64, 161, 282, 284, 617, 620, 628, т. XLIII, 206, 208, 257, 319, т. XLIV, 191, 276, 382, 516, 554, 564, 609, 611, 627.
- Еваторина Павловна, вел. княг., въ зам. принц. голштейнъ-ольденбургская, т. XLII, 290, т. XLIV, 203, 384.
- Елена Павловна, в. енг., въ замуж. съ принцемъ мецленбургъ-шверинскимъ, т. XLIV, 192.
- Елисавета Петровна, вмп-ца, р. 1709 г., † 1761 г., т. XLI, 627, 628, т. XLII, 48, 54, 55, 229, 236, 239, 240, 241, 243, 285, т. XLIII, 267, 265, т. XLIV, 519, 554.
- Елисавета Алексѣевна, императрица, р. 1779 г., † 1826 г., т. XLI, 225—236, 502, т. XLII, 129, 633—635, т. XLIV, 381—390.
- Енко (Enneaux), одинъ изъ составителей «Histoire philosophique et politique de Russie», т. XLII, 31—66, 282.
- Ермогенъ, патріархъ, т. XLIII, 228.

- Жрмолаевъ, А. И.**, худ.-археологъ, конферентъ-секрет. акад. худож. 1809 г., т. XLII, 35.
- Жрмоловъ, Алексѣй Петров.**, ген.-лейт., р. 1777 г., † 1861 г., т. XLI, 239, 306, 307, 308, 479, т. XLII, 294, т. XLIII, 211, 212, 523—528, 584, томъ XLIV, 172, 400.
- Жропинъ, Петръ Мих.**, гофъ-интенд., † 1740 г., т. XLI, 224, 460, 666, томъ XLII, 221, 407, 671, т. XLIII, 448, 676, т. XLIV, 194, 444, 624.
- Жршовъ, писат.**, т. XLII, 342.
- Жоановъ, ген.-маюръ** 1831 г., т. XLIII, 178, 183, 556.
- Жофремовъ, Петръ Алексдр.**, т. XLI, 417, т. XLII, 494, 536, 625, 626.
- Жандръ, генер.** 1831 г., т. XLIII, 163.
- Ждановъ, С. Р.**, директ. департ. исполнит. полиц. 1853 г., томъ XLI, 252, 273, 274.
- Желтухинъ, Алексѣй Дмитр.**, бывш. чл. редакц. комм., † 1877 г., т. XLI, 673, 675, 691, 699, 709, 720.
- Желѣзняковъ, Никл. Ив.**, профес. сельск.хоз., бывш. чл. редакц. комм., † 1876 г., т. XLI, 670, 673, 675, 699, 709, 720.
- Жербининъ, полк.** 1771 г., т. XLIII, 66.
- Жеребцовъ, новгородск. губернат.** 1825 г., т. XLI, 513, 514, 516.
- Жешмарокій, дивизионный ген.** 1831 г., т. XLIII, 179—186, 358, 558.
- Жирардогъ, полковн., ротн. команд. Пажеск. корп.** 1845 г., т. XLI, 447.
- Жиряевичъ, Ив. Степ.**, ссылка на его Записки, т. XLI, 480, 483, 484.
- Жировой-Засѣкинъ, вв., Мих. Федор.**, околыничій, т. XLII, 632.
- Жиромой-Засѣкинъ, вв., Никита Мих.**, бывш. стольникъ цар. Прасковья Федоровны, офиц. л.-гв. Семен. полк. 1698 г., т. XLII, 632.
- Жировой-Засѣкинъ, вв. Василій Фед.**, околыничій, т. XLII, 632.
- Жижкаревъ, Степ. Петр.**, писат., сенат., чл. Слб. общ. любит. словесн. 1812 г., т. XLIII, 110, 111, 118.

- Жманинъ, Вас. Ив.**, сотрудн. «Руск. Стар.», т. XLII, 197.
- Жолженитчъ, Прасковья Никол.**, рожд. Вибкинова, учителя. город. училища въ Слб., † 1884 г., т. XLII, 667—670.
- Жолѣвскій, гетманъ.** т. XLI, 51, томъ XLII, 41.
- Жофренъ, г-жа.** т. XLII, 452, 470.
- Жуковскій, Васи. Андреев.**, писатель, р. 1788 г., † 1852 г., т. XLI, 82, 163, 164, 172, 194, т. XLII, 219, 347, 531—532, 564, 567, т. XLIII, 3, 12, 16, 18, 120, 121, 123, 129, 202, 618, т. XLIV, 80, 234, 261, 399, 400, 543, 553, 576.
- Жуковскій, Степ. Мих.**, стат.-секрет., бывшій членъ редакц. комм., † 1877 г., т. XLI, 283—286, 670—675, 689, 702—709, 716, 720, т. XLII, 591.
- Жуковъ, Иларіонъ Ив.**, полковн. 1846 г., т. XLII, 70—74.
- Журавскій, полковн.** 1853 г., XLIV, 496.
- Заблоцкій-Десятовскій, Андрей Парфен.**, бывш. чл. редакц. комм., † 1881 г., т. XLI, 670—715, 720, 728—732, 733.
- Забуга, Коновъ, унт.-оф.** Кабарданыск. пол. 1837 г., т. XLI, 458.
- Забудовскій, генер., начал. штаба кавказ. арм.** 1861 г., т. XLII, 358, 359.
- Забѣлинъ, Ив. Егоров.**, археологъ и историкъ, т. XLI, 690.
- Забѣлинъ, воспит.** Новгор. кадет. корп. 1834 г., т. XLI, 524.
- Забѣлло, Викт.**, романистъ, т. XLII, 434.
- Забѣлло, Пармень Петр.**, акад.-скульп., р. 1830 г., т. XLII, 433—436.
- Завалишинъ, Дмитр. Иринарх.**, декабр., т. XLI, 305.
- Завиха, полковн.** 1831 г., т. XLIII, 532.
- Загоскинъ, Мих. Никол.**, писатель-романистъ, т. XLI, 71, 82, т. XLII, 655, т. XLIII, 120, 121, 144.
- Заграшевскій, генер.-лейт.** 1799 г., томъ XLIV, 627.
- Закитинъ, подпор. генер.-штаба, декабр.** † 1833 г., т. XLI, 68.

Заіончковскій, Юліанъ, подпор., участи. въ польск. возст. 1831 г., т. ХLIII, 174, 187, 188.

Захрезовскій, гр., москов. ген.-губернат. 1868 г., т. ХLI, 109, 255—258, 265—267, 270—273, 437, 579, 582, 588, томъ ХLIII, 586.

Задескій, ген. 1833 г., т. ХLIII, 367.

Задивовскій, подпоруч., участи. польск. возст. 1831 г., т. ХLIII, 183, 201, 343, 344.

Зальдфельдъ, юристъ-конс., т. ХLI, 459.

Залѣвскій, Брониславъ Францов., бывш. чл. редакц. комм., т. ХLI, 720.

Замойскій, Владиславъ, адъют. в. вв. Константинъ Павл. 1831 г., т. ХLIII, 347—349, 380, 351, 545—551, 554.

Замойскіе, графы, т. ХLI, 27.

Замысловскій, Егоръ Егоров., профес. 1864 г., ХLIII, 215.

Замытнинъ, Д. Н., мн-ръ юстиціи 1864 г., † 1881 г., т. ХLI, 285, т. ХLII, 579.

Замытнинъ, Никол. Алдр., чл. редакц. комм., управл. земск. отдѣломъ, † 1868 г., т. ХLI, 673, 675, т. ХLII, 222.

Заряка, Е., рожд. Новикова, сообщ. «Импер. Николай Павловичъ въ крѣп. Алашѣ 1837 г.», т. ХLIII, 567—575.

Зарубаевъ, Влди., воспит. Новгор. кад. корп. 1837 г., т. ХLII, 115, 116.

Зарудный, Серг. Ив., бывш. чл. особ. ком. о губерн. и уѣздн. учрежд., т. ХLI, 672, 675, 709—720, 732—734.

Засъз, ген.-лейт. 1840 г., т. ХLI, 83, т. ХLIII, 606.

Затрапезная, Ева Ив., въ зам. Земоная, т. ХLI, 218.

Затрапезная, Сусанна Ив., въ зам. Болотина, т. ХLI, 218.

Затрапезные, богатая купеч. фамилія, т. ХLI, 217.

Затрапезный, Иванъ, купецъ, † 1749 г., т. ХLI, 217.

Затрапезный, Ив., ярославск. купецъ, одинъ изъ директ. государств. банка въ Москвѣ въ 1762 г., т. ХLI, 218.

Затрапезный, Алексѣй Ив., ст. сов., р. 1732 г., † 1773 г., т. ХLI, 218.

Затрапезный, Дмитр., купецъ, т. ХLI, 218.

Зауцкинский, всездъ 1864 г., т., ХLI, 19.

Захаровъ, А. Д., профес. архитект., строят. гл. адмиралт. въ Сиб., т. ХLI, 631, т. ХLIV, 193.

Звѣревъ, инженер. ген.-лейт. 1884 г., томъ ХLIII, 451.

Зеленой, А. С., ген.-ад. 1864 г., томъ ХLII, 579.

Зеленый, Александръ Алексѣев., ген.-адъют. мн-ръ государств. имущ. 1864 г., т. ХLI, 42, 285.

Земонскій, Данила Яковлев., московск. купецъ, одинъ изъ директ. госуд. банка въ Москвѣ въ 1762 г., т. ХLI, 217, 218.

Зибель, Генрихъ, историкъ, т. ХLII, 229, 230, 231.

Зиновьевъ, Василій Никл., тн. сов., т. ХLII, 32.

Зиновьевъ, Петръ Васил., золотопром. 1850 г., т. ХLII, 32.

Зиновьевъ, Василій Петр., сообщ. рукописи: «Записки Мих. Алдр. Фонвизина», т. ХLII, 31—66.

Зиссерманъ, А., сообщ. заимѣту: «Императоръ Николай въ Голенджикѣ 1837 г.», т. ХLI, 458; упом. т. ХLIII, 203—214, 589, 605—618.

Зичи, М., художн., т. ХLII, 428.

Знаменскій, П. В., историкъ, т. ХLII, 196.

Золотаревъ, полков. 1831 г., т. ХLIII, 532.

Зотовъ, Рафаилъ, сенька на его «Театральныя воспоминанія», т. ХLI, 628.

Зотовъ, В. Р., ред. «Иллюстриров. газеты», т. ХLIV, 104.

Зубова, Евфимія Борис., рожд. баронес. Вревская, т. ХLI, 231.

Зубовъ, Петръ Алексѣев., т. ХLIV, 142.

Зубрицкій, писат., т. ХLI, 468, 471, 475—477.

Зювизъ, Никита Алексѣев., бояринъ 1660 г., т. ХLIII, 228, 239, 240.

Иванкишевъ, рект. кіевск. унив. 1864 г., т. ХLII, 594.

Ивановскій, профес. 1845 г., т. ХLI, 209, т. ХLII, 331.

Ивановъ, Алмазь, думн. дьякъ 1659 г., т. ХLIII, 226, 227.

Ивановъ, Алсдр. Андр., художн.-живоп., † 1868 г., т. XLI, 163, т. XLII, 416.

Ивановъ, А., художн.-скульпт., р. 1815 г., † 1847 г., т. XLII, 410, 647.

Ивановъ, Алсхдр. Фел., полковн., моздовск. коменд. 1779 г., т. XLIII, 282.

Ивановъ, С. О., помощн. попечит. моск. учебн. окр., вносл. членъ совѣта мн-ва народн. просв., т. XLII, 200.

Ивановъ, ссыл. на его «Опытъ биографій ген.-прокуроровъ и мн-въ юстиціи», т. XLIII, 109.

Иванчикъ-Писаревъ, писатель, томъ XLIII, 117.

Иверсенъ, Юлій Богданов., нумизмат., т. XLII, 617—620, 628.

Игельстромъ, ген., 1768 г., т. XLIII, 206, 207.

Игнатій, архиманд., настоят. Сергіевск. пустыни 1883 г., въ мирѣ Ив. Вас. Малышевъ, р. 1811 г., т. XLI, 237, 238, 665, 666, т. XLII, 422.

Игнатій, викарій брестскій, 1864 г., т. XLI, 30.

Игнатъевъ, гр., Никол. Павл., ген.-ад., русскій посолъ въ Константинополѣ, 1871 г., мн-ръ внутр. дѣлъ, 1882 г., т. XLI, 286.

Игнатъевъ, саратовск. губернат. 1858 г., т. XLI, 253, 254, 265, 267, 268, 579.

Игнатъевъ, ген.-ад., слб. ген.-губернат. 1868 г., т. XLI, 255, 256, 268, 265, 270, 272, 273, 588, 589.

Ивѣновъ, симбирск. губернат. 1858 г., т. XLI, 255, 257, 258, 268, 577.

Измайловъ, Влдм. Васил., пис., р. 1775 г., † 1830 г., т. XLIII, 118.

Измайловъ, Алсхдр. Ефимов., писат., баснопис., род. 1779 г., † 1831 г., томъ XLI, 633.

Измайловъ, К. Х., ссылка на его разсказъ объ Аракчеевѣ, т. XLI, 480.

Издѣиновъ, миров. посредн. 1861 г., т. XLII, 666.

Ияславъ II, вел. кн. кievскій 1147 г., т. XLII, 1, 2.

Изясволь-фонъ-Гильдебрандтъ, бар., Наталіа, т. XLIII, 73.

Иларионъ, рязанск. архіеписк. 1667 г., т. XLIII, 249, 250, 251.

Илларионъ, гр., попечит. кiev. гимназ. 1834 г., т. XLIII, 681.

Илларионовъ, стихотв., т. XLI, 663.

Иловайскій, Д. И., д. ст. сов., професс.-историкъ и публицистъ, сообщ. очеркъ: «Москва и Тверь. — Иванъ Калита», т. XLII, 1—30.

Ильинскій, Никол. Степ., протоіерей грузинск. церкви 1825 г., вносл. архим. и намѣстн. Александро-Невской гаври подъ им. Николая, т. XLI, 479, 500.

Императорскій, свѣтл. кн., А. И., главн. начальн. военно-судн. управл. 1884 г., т. XLII, 427.

Индрицкіусъ, офнд. генер. штаба 1840 г., т. XLI, 239.

Иновъ, Ив. Н., ген., масонъ 1821 г., т. XLII, 326, 327.

Иннокентій (Ив. Алсхдр. Борисовъ), архіеп. керсовск. и таврич., р. 1800 г., † 1857 г., т. XLII, 412.

Ипатовъ, Марфа Ив., т. XLI, 406.

Иринархъ, епископъ рижск. 1841 г., т. XLII, 157, 159, 160.

Исаевъ, ген.-адъют. 1868 г., т. XLII, 203, 206.

Исидоръ, митроп. новгор., с.-петерб. и финлянд., томъ XLIV, прилож. къ кн. XI, стр. I—II.

Истоминъ, Влдм. Ив., контръ-адмир., † 1855 г., т. XLI, 375, 379.

Иажовъ, еписк. сарат., 1844 г., вносл. архіеп. нижегород., т. XLIII, 655—662.

Иевлевъ, Ал. Ан., т. XLII, 304, 317.

Иеринархъ, архіеписк. бессараб., томъ XLIV, 432.

Иоаннитъ, архим. Чудова монаст. 1663 г., т. XLIII, 241.

Иоаннесъ, армянск. патриархъ 1837 г., т. XLIII, 382, 383.

Иоаннъ Даниловичъ Калита, вел. кн. Московскій, † 1341 г., т. XLII, 1—30, 37, 39, т. XLIV, 607.

- Иоаннъ III Васильевичъ, велик. князь моск., р. 1440 г., † 1505 г., т. ХLII, 6, 37, 39, т. ХLIV, 519, 607.
 Иоаннъ IV Грозный, царь, род. 1530 г., † 1584 г., т. ХLI, 51, т. ХLII, 6, 37, 40, т. ХLIV, 519, 605, 608.
 Иоаннъ Алексѣевичъ, царь, род. 1666 г., † 1696 г., т. ХLII, 50.
 Иоаннъ VI Антоновичъ, инп., р. 1740 г., † 1764 г., т. ХLII, 54, 55.
 Иоганна Шлиавета, княг. ангальт-дербстская, мать Екатерины II, томъ ХLII, 226.
 Иорданъ, Фѳедоръ Ив., проф., граверъ на мѣди, висслѣд. ректоръ акад. худож., † 1883 г., т. ХLII, 416, 620, 627.
 Иосифъ (Сѣмашко), митроп. литовскій 1864 г., † 1868 г., т. ХLI, 23, 30.
 Каблуковъ, ген. 1831 г., т. ХLI, 94.
 Кавелинъ, Конст. Дмитр., проф., т. ХLI, 181, 440, 670—675, 691, 709—718, 728, 732—734.
 Казаковъ, архитект. 1777 г., т. ХLIII, 370, т. ХLIV, 195.
 Казначеевъ, А. Н., т. ХLIII, 1, 4.
 Казюковъ, Матв. Фѳед., архитект., томъ ХLII, 130.
 Калайдовичъ, Конст. Фѳедор., професс. моск. унив., писатель, р. 1792 г., томъ ХLII, 85.
 Калачовъ, Никл. Вас., изд. «Археолог. Журн.», бывш. чл. редакц. комм., томъ ХLI, 670—675, 706, 716, 717, 720, томъ ХLIII, 370.
 Калыничъ, Фѳотій Петров., учнт. Царскос. лицѳа, т. ХLI, 578.
 Калыскъ, епископъ полоцкій 1660 г., т. ХLIII, 231.
 Калышовъ, П. Д., професс. 1843 г., т. ХLII, 133, 380, 381.
 Каменскій, Мих. Фѳед., фельдмаршалъ 1806 г., т. ХLIII, 124, т. ХLIV, 626.
 Каменскій, препод. математ. въ Новгород. кадетск. корп. 1838 г., т. ХLI, 537, г. ХLII, 113, 114, 125.
 Каменскій, ссылка на его «Словарь до-
 стопамятныхъ людей русской земли», т. ХLI, 80, 125.
 Камышовъ, полковн. 1853 г., т. ХLIV, 179, 421, 427, 431, 506.
 Камхредонъ, франц. дипломат. агентъ при русск. дворѣ 1725 г., т. ХLII, 48.
 Калырина, графиня, т. ХLI, 481.
 Калыринъ, Ф., ген.-нѳитанд., т. ХLII, 280.
 Калымиръ, кн., 1799 г., т. ХLI, 620.
 Кангеръ, Ив. Христіан., об.-прокуроръ 5 деп. сената, т. ХLIV, 150—160, 165.
 Капнистъ, Вас. Вас., писат., р. 1756 г., † 1823 г., т. ХLIII, 116, 120.
 Каподотриа, гр., Иванъ Антон., мн-ръ иностр. дѣлъ, презид. греческ. республ., р. 1776 † 1831 г., т. ХLI, 219—223.
 Капустякъ, граверъ 1836 г., т. ХLII, 410.
 Карабановъ, ссыл. на его «Разказы», т. ХLII, 483.
 Карабаковъ, актеръ 1845 г., т. ХLIV, 60, 61.
 Каравина, г-жа, т. ХLI, 37.
 Карамзинъ, Никол. Мих., историогр., р. 1766 г., † 1826 г., т. ХLI, 52, 65, 71, 75—80, 229, т. ХLII, 35, 36, 39, 41, 45, 47, 53, 59, 63—66, 129, 130, 281, 330, 331, 536, т. ХLIII, 114, 119, т. ХLIV, 261, 564, 568, 605.
 Каратыгинъ, Петръ Андреевъ., артистъ-писатель, р. 1805 г., † 1879 г., томъ ХLI, 542.
 Каратыгинъ, В. А., артистъ, т. ХLI, 629, т. ХLIV, 125.
 Карелинъ, Веніаминъ, еписк. рижск. и митавск., т. ХLII, 158.
 Карлъ Фридрихъ, герц. Голштинскій, супругъ царевны Анны Петровны, томъ ХLII, 225.
 Каріолики-Пиноскій, Матвѣй Мих., оберъ-прокур. 5-го департ. сената, томъ ХLIV, 147, 167.
 Карсницкій, подпоручикъ, участн. въ польск. возст. 1831 г., т. ХLIII, 180.
 Каргашевъ, подполковн. 1837 г., томъ ХLII, 115.
 Карцовъ, Петръ Кондрат., адм., директ. морск. корп. 1822 г., т. ХLI, 375, 377.

- Карцевъ, Александръ Петр., полковн. генер. штаба, проф. Тактики 1845 г., вносл. начальникъ Харьковскаго воен. окр., † въ 1870 г., т. XII, 209, т. XII, 366.
- Карцовъ, Павелъ Петр., поруч. д.-гв. Семеновск. пол. 1839 г., вносл. ген.-лейтен., сообщ.: «Новгородскій графа Аракчеева кадетскій корпусъ въ 1834—1884 гг.», т. XII, 519—544, т. XII, 111—128; «Въ исторіи покоренія Кавказа 1728—1880 гг.», т. XIII, 203—214, 605—618.
- Касенинъ, гр., русск. генеральн. консулъ въ Триестѣ, т. XII, 384.
- де-Кастелли, Карль, гравёръ, гравер. медали въ «Собраніи» Ю. Б. Иверсена, т. XII, 618.
- Каструсскай, Поликаръ Полик., протоіерей, т. XIII, 98, 96.
- Катенинъ, Александръ Андр., фл.-ад. 1837 г., вносл. ген.-ад., ореноб. ген.-губернат., затѣмъ спб. ген.-губернат. 1853 г., томъ XIII, 394.
- Катенинъ, Павелъ Александр., драматич. писат., полковн., р. 1792 г., † 1853 г., т. XII, 71, 78, т. XII, 333, томъ XIII, 116.
- Калювъ, Мих. Никиф., професс., издат. «Москов. Вѣд.», т. XII, 181, т. XII, 205, 206, т. XIII, 118, т. XIV, 68.
- Каухбарсъ, бар., полковн. 1845 г., томъ XII, 203.
- фонъ-Кауфманъ, Конст. Петр., команд. кавказск. саперн. батал. 1853 г., вносл. директ. канц. воен. мн-ва, ген.-ад., ген.-губернат. и ком. войск. Виленск. и Туркестанскаго округовъ, р. 1818 г., † 1882 г., т. XII, 31, 38, 42—46, т. XIV, 502.
- Каффа, кан. 1825 г., т. XII, 508.
- Каховскій, ген. 1771 г., т. XIII, 70.
- Каховскій, Петръ Андр., отст. гвард. поруч., дек., † 1828 г., т. XII, 550.
- Каховской, харьковск. губернат. 1831 г., т. XII, 398.
- Качаловъ, Никита, убійца царев. Дмитрія, т. XII, 74.
- Каченовскій, Мих. Троф., проф., рект. моск. ун-в. 1837 г., р. 1775 г., † 1842 г., т. XIII, 112, 121.
- Квашиникинъ, дворине Ростовскаго уѣзда Ярослав. губ. 1811 г., т. XIV, 200.
- Квистъ, О. И., т. XIII, 426.
- Кежъ, подполковн. 1779 г., т. XIII, 274, 279, 280, 284.
- Кёллеръ, Е. Ф., г-жа, т. XII, 572.
- Келлеръ, Иванъ Петр., акад., проф. живописи, р. 1826 г., † 1882 г., т. XII, 130.
- Келлеръ, гр., минск. губернат. 1858 г., т. XII, 255.
- Кеке, бар. В., т. XII, 618.
- Керкъ, Анна Петр., т. XII, 219.
- Кершновскій, кан. 1831 г., т. XIII, 155.
- Киверновскій, подполковн. 1831 г., томъ XIII, 543.
- Киль, ген.-маіоръ, инспект. акад. худож., т. XII, 415.
- Киршиъ, жандармск. подполковн. 1841 г., т. XII, 159.
- Кирьяновъ, Сергій Конст., глава секты бѣгуновъ 1878 г., т. XII, 640, 641, 643.
- Кирѣевскій, Ив. Вас., т. XIII, 119, 134.
- Киселевъ, гр., Павелъ Дмитр., бываш. на-мѣстн. Молдав. и Валах. 1833 г., мн-ръ госуларств. имущ., вносл. посолъ въ Парижѣ, ссылка на его «Записки», томъ XII, 180, 185, 192, 314, 729, 730, томъ XII, 398.
- Кичинскій, камергеръ 1829 г., членъ администр. сов. Ц. Польск. 1831 г., томъ XIII, 360.
- Кичинскій, ген. 1853 г., т. XIV, 424, 425, 510, 513.
- Клауберъ, гравёръ, грав. портр. имп. Елисаветы Алексѣев. 1798 г., т. XII, 225, т. XII, 129, 627.
- Клевцова, М. М., въ замуж. баронесса Корфъ, т. XII, 548.
- Клейникхель, ген.-маіоръ, директоръ артилер.-нижен. кадетск. корп. 1799 г., т. XII, 631.
- Клейникхель, гр., Петръ Андр., ген.-ад., главно-управ. нут. сообщ., т. XII, 438, 494, 512—518, 532, т. XII, 136, 390.
- Клементовскій, участка. польск. возст. 1831 г., т. XIII, 185.

- Клеркъ, Николай Габриэль**, профессоръ анат., чл. совѣта акад. худож. 1773 г., т. ХLII, 460, 470, 471.
- Клинбергъ, ген.**, директ. Дворянск. полка 1839 г., т. ХLII, 124.
- Клмча, полковн.** 1768 г., т. ХLIII, 206, 207, 208.
- Клушкнъ, витебск. губернат.** 1858 г., т. ХLI, 253, 254, 265.
- Клюгенау, ген.** 1840 г., т. ХLIII, 609.
- Ключаревъ, т.** ХLIV, 257.
- Клюрикъ, ген.-лейт.**, начальн. 2-й легк. гвард. кавалерійской дивизіи 1834 г., т. ХLI, 102, 527, т. ХLIII, 82.
- Князевичъ, Д.**, писат., т. ХLIII, 110, 111.
- Князевичъ, Алсдр. Максимов.**, мн-ръ финансовъ, т. ХLII, 130.
- Кобецко, Д. Ѳ.**, авт. изсл. «Цесаревъ Павелъ Петровичъ», т. ХLII, 63, 244, 486, 489, 618.
- Кобеляцкій, подполковн. драгунск. п.** 1799 г., т. ХLI, 624.
- Кобылинскій, Бартъ**, участн. въ польск. возст. 1831 г., т. ХLIII, 161.
- Ковалевскій, Евграфъ Петров.**, мн-ръ народн. просвѣщ. 1860 г., т. ХLII, 399.
- Ковалевскій, Мих. Евграфов.**, членъ госуд. сов., † 1884 г., т. ХLII, 441—442.
- Ковалевскій, Егоръ Петр.**, т. ХLI, 61, т. ХLII, 399—402, 531—532, т. ХLIII, 202, 618.
- Ковалевскій, полковн. Новорос. драгунск. полка** 1853 г., т. ХLIV, 426, 501.
- Ковалько, И.**, писат., членъ спб. общ. любит. словесн. 1812 г., т. ХLIII, 110, 111.
- Кожевниковъ, Матвѣй Львов.**, сарат. губернат. 1848 г., бывш. начальн. Оренбургск. казач. войска, т. ХLII, 314, 315.
- Коземинковъ, Нилъ**, денабр., т. ХLI, 303, 304.
- Козловскій, кн., Ив. Петров.**, стольникъ, т. ХLIV, 187.
- Козловскій, кн., Ѳед. Алексѣев.**, участв. въ 1767—1768 гг. въ комм. о сочин. нов. Уложенія, т. ХLI, 609.
- Козловскій, Осипъ**, участн. польск. возст. 1831 г., т. ХLIII, 188.
- Козловскій, В. М.**, ген.-майоръ 1850 г., т. ХLIII, 578, 580.
- Козловскій, кн., Аванасій Васильев.**, т. ХLIV, 187.
- Козловскій, кн.**, т. ХLI, 609, 610.
- Козловъ, Ив. Иванов.**, поэтъ, р. 1784 г., † 1840 г., т. ХLI, 81, т. ХLII, 129.
- Козлякинъ, Н. Ѳ.**, офнд. Ольвнпольск. уланск. полка 1856 г., т. ХLI, 456.
- Козлякинъ, казанск. губернат.** 1858 г., т. ХLI, 269.
- Козлятевы, дворяне Ростовск. уѣзда Ярославск. губ.** 1811 г., т. ХLIV, 200.
- Кожошникъ, Серг. Алсдр.**, ген.-ад., спб. об.-полиціймейст. 1832 г., вносл. черниг., харьв. и полтавск. ген.-губ., р. 1785 г., т. ХLIV, 406, 412.
- Кожошники, дворяне Ростовск. уѣзда Ярославск. губ.** 1811 г., т. ХLIV, 200.
- Колчаковъ, П. А.**, т. ХLIII, 157.
- Колмазовъ, Н. М.**, предсѣд. кievск. палаты гражд. и уголовн. суда 1876 г., т. ХLI, 250, 261, 252, 273, 274.
- Кологривовы, дворяне Ростовск. уѣзда Ярославск. губ.** 1811 г., т. ХLIV, 200.
- Колошникъ, Нилъ Нилъ.**, бывш. чл. ред. комм. 1858 г., помощн. управл. земск. отд. мн-ва внутр. дѣлъ 1868 г., т. ХLI, 672, 673, 675, 689, 690, 691, 717, 720.
- Колшамовъ, полковн.** 1771 г., т. ХLIII, 57.
- Колшамовъ, пермск. гор. голова** 1866 г., т. ХLIII, 667.
- Колтуковскій, подпоруч.**, участн. въ польск. возст. 1831 г., т. ХLIII, 186.
- Колымагинъ, Косьма Ѳед.**, раскольн., т. ХLI, 640—642.
- Кольбертъ, подполк. гренад. п.** 1831 г., т. ХLIII, 179, 180.
- Кольцовъ, Алексѣй Вас.**, поэтъ, т. ХLIII, 503, т. ХLIV, 95, 99.
- Комаровъ, Алсдр. Алсдров.**, профес. русск. словесн. 1845 г., т. ХLI, 205, 209.
- Кондратовичъ (Сироконн), Людовикъ**, поэтъ, р. 1823 г., † 1862 г., т. ХLIV, 301—306.
- Кондратовъ, воспитан. Новгородск. кад. корп.** 1835 г., т. ХLI, 537.
- Конн, Ѳ. А.**, писат., р. 1809 г., † 1879 г., т. ХLII, 403.

- Кони, Анатолий Фед.**, сообщ.: «Пѣвица Полина Виардо Гарсія, шутка И. П. Мятлева 1843 г.», т. XLII, 403.
- Коновницынъ, гр.**, Петръ Петр., декабр., т. XLI, 303, 304, 306, 307, 311, 314.
- Коновницынъ, корпусн. команд.** 1812 г., т. XLII, 295.
- Коновницынъ, гр.**, адъют. 1846 г., т. XLI, 155.
- Кокотопцевъ, Арист. Гринг.**, кап. 1832 г., т. XLIII, 363.
- Константиъ Павловичъ, в. кн. цесаревичъ**, р. 1779 г., † 1831 г., т. XLI, 97, 100—102, 116, 120, 136, 218, 369, 376, 420, 621, 622, т. XLII, 286, 294, 295, т. XLIII, 162, 170—172, 182, 193, 194, 198, 346—351, 545—549, 552—558, 565, т. XLIV, 387, 615—617, 620—623.
- Константиъ Николаевичъ, вел. кн., ген.-адмир., рескриптъ, данный ему** 19 февр. 1861 г., т. XLI, 282, 283, упом.: т. XLI, 174, 288, т. XLII, 659, 664, 665, т. XLIV, 420.
- Контауровъ, Петръ Гурьяновъ, крестьянинъ секты неплательщ.** 1830 г., т. XLII, 145—149.
- Коргановъ, прокур. Эчмиадзинск. синода** 1837 г., т. XLIII, 388.
- Корманский, Владим., участн. польск. возст.** 1831 г., т. XLIII, 188.
- Корнякнй, митр. Новгородск.** 1630 г., т. XLIII, 266.
- Корняловичъ, Алексд. Осипов., писат. и историкъ, издат. сборника историч. «Русская старина»** 1825 г., декабрьскъ, † 1835 г., т. XLI, 64, 66, 304.
- Корняковъ, Видм. Алексдр., адмиралъ,** † 1854 г., т. XLI, 375, 379.
- Корняковъ, Фед. Петр., бывш. чл. особ. комм. о губ. и уѣзда. учрежд.,** т. XLI, 675, 716, 717, 720.
- Корняковъ, Ив. Петр., полечат. виленск. учебн. округа** 1864 г., т. XLI, 29.
- Корольковъ, бригадн. генер.,** † 1828 г., т. XLI, 321.
- Корсаковъ, ген.** 1831 г., т. XLI, 94.
- Корфъ, баронесса, Татьяна Тимое., томъ** XLI, 550, 554, 566.
- Корфъ, бар., вполгд. гр., Модестъ Андр.,** членъ государств. совѣта, директ. публичн. библ. 1860 г., т. XLI, 285, 370, т. XLII, 386.
- Корфъ, бар., Фед. Фед.,** ссылка на его «Воспоминанія о Персія, т. XLII, 387.
- Корфъ, бар., Никол. Алексдр., педагог-писат.,** р. 1834 г., † 1883 г. Сообщ. свои зап. «Изъ пережитаго», т. XLI, 545—574, т. XLII, 181—188, 375—388, упом. т. XLIV, 442.
- Корфъ, бар., Никол. Васил.,** т. XLI, 535.
- Коршъ, В. Ф., ред. «Моск. Вѣд., томъ** XLIV, 68.
- Косакины-Ростовскіе, кн., дворецк. Ростовск. уѣзда Яросл. губ.,** 1811 г., т. XLIV, 200.
- Косоцкий, ген.** 1831 г., т. XLIII, 536, 562.
- Коскинский, Антоновъ, участн. въ польск. возст.** 1831 г., т. XLIII, 161.
- Костюшко, I., ген. польск. службы,** т. XLIII, 168, 188, 360.
- Котляревскій, Андрей Ив., правовѣдъ** 1846 г., т. XLII, 80.
- Котляревскій, Ив. Андр.,** т. XLII, 76, 79, 80.
- Кохановскій, сенат.-каштелянъ** 1831 г., т. XLIII, 350, 351, 352, 353.
- Кохіусъ, полковн.** 1771 г., т. XLIII, 66.
- Кохъ, профес.** 1837 г., т. XLIII, 380, 381.
- Коцебу, Пав. Ев., начальн. гл. штаба кавказск. арм.** 1850 г., т. XLI, 308, т. XLIII, 579.
- Кочетовъ, о. I. С., докторъ богосл., преподлиця** 1850 г., т. XLII, 385.
- Кочубей, предсѣд. технич. общ., томъ** XLII, 435.
- Кочубей, гр., вице-канцлеръ** 1799 г., т. XLI, 363.
- Копелевъ, Алексдр. Ив., чл. рязанск. комит. по крестьянск. дѣл., писатель** 1858 г., т. XLI, 723, т. XLII, 590, 647.
- Краевскій, Андрей Алексдр.,** р. 1810 г., издат. «Голоса», т. XLI, 84, 240, томъ XLII, 322.
- Крамеръ, Авг.,** т. XLIV, 188—190.
- Красиновскій, Іосифъ, помѣщ.** 1831 г., т. XLIII, 165.
- Красиновскій, Ивдоръ, участн. въ польск. возст.** 1831 г., т. XLIII, 172.

- Красицкой, Винцентій**, участн. въ польскомъ возст. 1831 г., т. XLIII, 172, 200.
- Красицкой, еписк. виленск.** 1863 г., т. XLI, 106.
- Красицкой, гр., ген. отъ кавал.** 1831 г., т. XLIII, 347.
- Красновский, Валентинъ**, участн. въ польск. возст. 1831 г., т. XLIII, 161.
- Красновъ, Акимъ Фед.**, учнт. семинарія, т. XLIII, 92, 97, 290, 293—304.
- Красовский, ген.** 1827 г., т. XLI, 310.
- Краузе, воспит.** Новгор. кадетск. корп. 1837 г., т. XLII, 125.
- Крейдцъ, бар., ген.-лейт.** 1831 г., т. XLI, 94, 96, 103, 106, 112, 113, 119, 120, т. XLIII, 340, 531, 535, 536.
- Крестцовъ (Мюллеръ), Юрій Александр.**, сообщ. замѣтку: «Къ московскимъ воспоминан. Н. В. Берга», XLIV, 441—442.
- Крицковъ, камергеръ, секрет.** русск. посольства въ Римѣ 1840 г., т. XLII, 414, 415.
- Крицковъ, Сергѣй Ив., декабр., томъ XLI, 304.**
- Криотофарм. Ник. Антон., бывш. чл. редакц. комм., т. XLI, 675, 720.**
- Кропотовъ, Д. А., полковн., ссылка на его статьи «Изъ біографіи графа Мих. Никол. Муравьева», т. XLI, 61, 70.**
- Кругловъ, А. В., писатель, т. XLIV, 322, 324.**
- Крузенштернъ, Ив. Федоров., адмир., директ. морск. корп. 1827 г., т. XLI, 377, 378, 379, т. XLII, 130.**
- Кружовскій, атам. кавказ. линейн. казач. войск. 1850 г., т. XLIII, 579, 583.**
- Крупский, Кирилль, священ. 1845 г., т. XLI, 207.**
- Крутовъ, инспект. классовъ акад. худож. 1838 г., т. XLII, 413.**
- Крыжановскій, Никол. Андреев., ген.-адъют. 1864 г., т. XLI, 15, 16, 19, 20, 455, 456.**
- Крыловъ, Ал., сообщ.: «Императоръ Николай Павловичъ. Недоразумѣніе», томъ XLII, 637—638.**
- Крыловъ, Ив. Андр., баснопис., р. 1768 г., † 1844 г., т. XLI, 171, т. XLII, 350, 411, 564, 567, т. XLIII, 117, 119, томъ XLIV, 233, 261.**
- Крюковъ, Никол. Александр., декабристъ, т. XLI, 305.**
- Крюковъ, Александр. Александрович., декабр., т. XLI, 305.**
- Крюмеръ, содержатель панс. 1845 г., т. XLI, 562—567, 569, 571.**
- Крыжовъ, Вас. Степ., содержит. панс., т. XLIV, 255, 256, 261, 271.**
- Куминъ, Романъ Ив., архитект., томъ XLIV, 193.**
- Кувшиновъ, Фед., Ив., полковн. 1779 г., т. XLIII, 272.**
- Кувшиновъ, И. П., т. XLII, 130.**
- Кундзакъ, Архипъ Ив., художникъ, томъ XLIV, 97.**
- Кувшиновскій, команд. Тверского полка 1854 г., т. XLIV, 431, 506, 513.**
- Кувшоль-Яконопольскій, Валеріанъ томъ XLI, 364.**
- Кувшольникъ, Несторъ Вас., писатель, т. XLI, 78, 80, 81, 359, 360, 362, томъ XLII, 413, 644, 645, т. XLIV 62, 140, 147, 149.**
- Кулашъ, Пантелеймонъ Александр., писатель, ссылка на изд. имъ «Сочин. и письма Н. В. Гоголя», т. XLII, 163.**
- Кульманъ, Елизав., поэтесса, р. 1808 г., † 1825 г., т. XLI, 351, т. XLII, 130.**
- Кульневъ, ген.-майоръ 1799 г., т. XLIII, 125, т. XLIV, 630.**
- Кульчаговъ, полковн. 1853 г. XLIV, 513.**
- Кумани, адмир. 1833 г., XLIII, 366.**
- Куприяновъ, Яковъ Александр., т. XLI, 673, 675.**
- Куранинъ, кн., Иванъ Семен., бояринъ, т. XLII, 41.**
- Куранинъ, кн., А. Б., чл. государ. сов. 1814 г., т. XLIII, 369.**
- Куранины, кн., дворяне Ростовск. уѣзда Ярославск. губ. 1811 г., XLIV 200.**
- Курайдовъ, Алексѣй Митч., кляларскій комед. 1780 г., XLIII, 283.**
- Курбатовъ, директоръ москов. универс. благородн. панс. 1829 г., т. XLIV 589.**
- Курнатовскій, ген.-лейт. 1831 г., томъ XLIII, 172, 200, 347, 348, 361.**

Бутайсовъ, бар., егермейст., возвед. въ графск. достоинство въ 1799 г., томъ XLI, 619.

Бутайсовъ, гр., начальн. артл. 1812 г., т. XLII, 295.

Бутузовъ, вн., адъют. государя 1831 г., т. XLI, 109, 114, 382, 384.

Бущелевъ, гр., адм. 1799 г., т. XLI, 624, 625.

Бѣзърицкій, участн. въ польск. возст. 1831 г., т. XLIII, 174, 180, 181, 195.

Кюхельбегеръ, Вильгельмъ Карл., писатель, декабр., р. 1797 г., † 1846 г., его дневникъ, т. XLI, 71—82, 339—362.

Кюхельбегеръ, Михаилъ Вильгельм., лейтенантъ, декабристъ, † 1878 г., т. XLI, 73.

Лабаковский, поруч., участн. польск. возст. 1831 г., т. XLIII, 196, 199.

Лабанкъ, конференцъ-секретарь коллег. иностр. дѣлъ 1799 г., т. XLIV, 631.

Лабинцовъ, шт.-капит. Кабард. полка 1835 г., вполсѣд. ген.-инфат., т. XLIII, 606, 607, 614, 616, 617.

Лавровъ, директ. хозяйств. управленія 1870 г., т. XLII, 208.

Лагаршъ, воспитат. имп. Александра I, т. XLII, 282, т. XLIV, 631.

Лагода, полковн. 1853 г., т. XLIV, 180, 182, 431, 506.

Ладъженскіе, дворяне Ростовск. уѣзда Ярославск. губ., 1811 г., т. XLIV, 200.

Ладъженскій, полковн., команд. Кабард. полка 1779 г., т. XLIII, 274, 279, 280, 283, 285, 286.

Лаваревъ, тн. сов. 1867 г., т. XLIII, 673.

Лаваревъ, Мих. Петр., адмир., бывш. гл. команд. Черноморск. фл., р. 1788 г., † 1851 г., т. XLIII, 363—368.

Ламанскій, Евг. Ив., бывш. чл. редакц. комм., т. XLI, 673, 675, 685, 689, 711, 716, 717, 721.

Ламанскій, Видм. Ив., профес., т. XLIII, 215, т. XLIV, 601.

Ламанскій, П. И., т. XLI, 480.

Ламбертъ, гр., ген.-адъют. 1861 г., томъ XLII, 368, 373.

Ламодорфъ, гр., гофмарш. 1874 г., томъ XLII, 215.

Ламодорфъ, русск. консулъ въ Бразиліи 1821 г., т. XLI, 221.

Ламодорфъ, гр., полковн., флиг.-адъют. 1834 г., т. XLI, 109, 384, 527, томъ XLIII, 337.

Лангъ, ген. 1831 г., т. XLIII, 556.

Ланжеронъ, гр., генер.-лейт. 1799 г., т. XLI, 624.

Ланской, Сергій Степан., мн-ръ внутр. дѣлъ съ 1855—1862 г., бывш. чл. особ. комм. о губ. и уѣздн. учрежд., т. XLI, 242, 244, 273, 288, 493, 575, 576, 593—604, 670, 677, 690, 699, 709, 721.

Ланша, Матв., декабристъ, т. XLI, 303.

Ланшинъ, профес. сиб. унив. 1850 г., т. XLII, 384.

Ласкій, Александръ, подпоруч. Гренад. полка 1831 г., т. XLIII, 184, 185.

Ласои, фельдмарш. 1736 г., т. XLIII, 205.

Лауницъ, полковн. 1849 г., т. XLI, 206.

Лачиновъ, ген. 1837 г., т. XLIII, 379.

Лашваревъ, пермск. губернат. 1866 г., т. XLIII, 667.

Лебедевъ, П. С., т. XLI, 480.

Лебедевъ, Д. П., т. XLI, 422.

Левашевъ, ген. 1826 г., т. XLII, 439.

Левашовъ, Вас. В., ген.-адъют. 1816 г., т. XLI, 493.

Левашовъ, гр., кievск. ген.-губернат. 1834 г., т. XLIII, 680, 681.

Левенвольдъ, гр. 1726 г., т. XLII, 54, т. XLIV, 375.

Левенитеръ, бар., Карлъ Фед., томъ XLI, 481.

Левинскій, ген., варшавскій комендантъ 1831 г., т. XLIII, 170, 179, 358.

Левковичъ, Валерьянъ, поруч. Нижегородск. пол. 1827 г., т. XLIII, 599.

Левковичъ 2-й, Александръ, поруч. Нижегородск. пол. 1827 г., т. XLIII, 599, 600, 601, 602.

Левшинъ, Алексій Иракл., бывш. одесск. градоначальн., чл. государ. сов., тов. мн-ра внутр. дѣлъ 1857 г., председат. коллегіальн. присут. земскаго отдѣла 1858 г., т. XLI, 245, 246, 251, 273.

- Делевель, Іоакимъ, томъ ХLIII, 562, 563, 564.
- Деманъ, полковн. 1828 г., т. ХLI, 317, 323, 336.
- Деокова, Дарья Михаил., пѣвица, томъ ХLII, 435.
- Деоновъ, атам. Донск. казач. полка 1837 г., томъ ХLIII, 379, 396, 420, 421, 619.
- Деонычевъ, П. М., прсф. и публицистъ, т. ХLII, 205, 206.
- Деонычевы, дворяне Ростовскаго уѣзда Яросл. губ., 1811 г., т. ХLIV, 200.
- Дележикъ, ст. сов., членъ акад. наукъ 1799 г., т. ХLI, 364.
- Дермогтовъ, Мих. Юрьевичъ, писатель, р. 1814 г., † 1841 г., т. ХLI, 83—92, 239, 240, 338, т. ХLII, 369, 390, 425—432, т. ХLIII, 122, 588, т. ХLIV, 99, 297, 589—592.
- Дестоужъ, лейбъ-мед. имп-цы Елисавети Петровны, т. ХLII, 48, 54.
- Дефнеръ, воспит. Новгор. кадetsk. корп. 1837 г., т. ХLII, 126.
- Дещиновичъ, политич. преступн., рядовой 1-го Оренб. линейн. батал. 1848 г., т. ХLI, 48.
- Диберикъ, скульпторъ, † 1883 г., томъ ХLII, 623.
- Дивень, кн., А. А., ми-ръ госуд. имущ. 1879 г., т. ХLI, 285.
- Дивень, бар., генер.-ад. 1847 г., томъ ХLIII, 214.
- Димитчечко, И. А., кандид. вѣвскаго унив., его диссертат. «Взаимныя отношенія Руся и Польши до пол. XIV ст.», т. ХLIII, 215—222.
- Диновоиъ, участн. въ польск. возст. 1831 г., т. ХLIII, 176.
- Динъевичъ, предвод. двор. Волинск. губ. 1834 г., т. ХLIII, 680.
- Диповоиъ, участн. въ польск. возст. 1831 г., т. ХLIII, 183, 184.
- Дипранди, Ив. Петр., т. ХLI, 480, томъ ХLII, 534.
- Дипцовъ, Стеф., чл. русск. миссіи въ Бѣтаѣ, т. ХLIII, 656.
- Дикаревъ, Влад. Никол., декабр., томъ ХLI, 304.
- Дикачевъ, ген.-маіоръ, команд. земск. войск. Ярославск. губерн. 1806 г., томъ ХLIV, 200.
- Дикутинъ, полковн., команд. Севастоп. полка, т. ХLII, 362.
- Добаковъ, писат., чл. сиб. общ. любит. словесн. 1812 г., т. ХLIII, 110, 111, 121.
- Добаковъ-Ростовоиъ, князь, Алексѣй Борис., сообщ. замѣтку: «Земскій и ватраповне», т. ХLI, 217, 218, «Марья Мартиновичъ и его русскіе ученики 1704 г.», т. ХLII, 681—632, «Царица Прасковья, письмо ея къ Я. Н. Римскому-Корсакову», т. ХLIII, 604 «Анастасія Афан. Пушкина въ XVII в.», т. ХLIV, 187, 188.
- Довичъ, кн., Жанета Антоновна (Іоанна Грузинская), супруга цесар. Ковстат. Павл., род. 1795 г., † 1831 г., т. ХLI, 98—100, 115, 387, томъ ХLIII, 162, 163.
- Доде, Э. Е., камеръ-юнкеръ, ст. сов., чл. ученаго комит. ми-ва государ. имущ. 1858 г., т. ХLI, 250, 251, 252, 274.
- Дойдъ, ген.-маіоръ, 1775 г., т. ХLIII, 76, 77.
- Домоносовъ, Мих. Вас., акад., писат., р. 1711 г., † 1765 г., т. ХLII, 469, 552, т. ХLIII, 435, т. ХLIV, 516, 517, 523, 543, 565, 590, 611.
- Донгиновъ, Н., 1824 г., т. ХLIV, 387.
- Донгиновъ, М. Н., ссылка на его статью: «Послѣдніе годы жизни Сумарокова», т. ХLI, 610, 611, 612, улом. т. ХLIV, 276.
- Долухина, княж., статсъ-дама 1730 г. т. ХLII, 55.
- Долухинъ, Даріонъ, думн. дѣль 1660 г., т. ХLIII, 229.
- Долухинъ, Ив. Видвр., сенаторъ, масонъ 1791 г., т. ХLIV, 275.
- Долухинъ, Алексѣй Алексар., т. ХLI, 86, 90.
- Долухинъ, кн., ген.-лейт. 1831 г., томъ ХLI, 117, т. ХLIII, 152.
- Доренцъ, профес. исторіи 1850 г., томъ ХLII, 387.
- Дореръ, Никол. Иванов., декабрестъ, т. ХLI, 304.
- Доржъ-Мелжковъ, гр., Мих. Таріел., ген.-ад., ми-ръ внутр. дѣлъ 1880 г.,

- чл. госуд. сов., т. ХLI, 285, 642, томъ ХLIИ, 569—598, т. ХLIV, 173, 176, 505.
- Дубенскій, гр., Петръ, нач. ваціональн. гвардіи въ Варшавѣ 1831 г., т. ХLIИ, 560, 565.
- Дубенскій, гр., Оома, сенат.-канцеляръ 1831 г., т. ХLIИ, 564, 565.
- Душникъ, харьковск. губернат. 1858 г., т. ХLI, 270.
- Дувановъ, полковн., команд. стрѣлков. бат. 1853 г., т. ХLIV, 426, 431.
- Духовъ, ген.-майоръ 1776 г., т. ХLIИ, 78.
- Душкѣ, Петръ Алексѣев., полковн., командиръ Шлюссельбургск. полка 1775 г., т. ХLIИ, 76.
- Душкѣновъ, протоіерей, царск. духовн. 1660 г., т. ХLIИ, 235.
- Душкѣ, полковн. 1775 г., т. ХLIИ, 77.
- Душандинъ, дворяне Ростовск. уѣзда Ярослав. губ., 1811 г., т. ХLIV, 200.
- Дутковский, Феопомтъ Степан., вице-директ. инспект. департ. 1852 г., томъ ХLIV, 220.
- Дьвова, Е. Н., ссылка на ея рассказы объ Аракчеевѣ, т. ХLI, 490.
- Дьвовъ, флиг.-адъют., полковн. 1837 г., т. ХLIИ, 381.
- Дьвовъ, от., сообщ. поур. къ ст. «Могіла Волынскаго», т. ХLIИ, 407.
- Любедскій, князь, мн-ръ финансовъ въ Ц. Польскомъ 1831 г., т. ХLI, 99, томъ ХLIИ, 346, 349—355, 359, 362, 550—555, 562—565.
- Любовидовскій, вице-презид. г. Варшавы 1831 г., т. ХLIИ, 162, 177.
- Любоникоиной, Маркѣ Никол., бывш. чл. редакц. коми., чл. госуд. совѣта, т. ХLI, 672—675, 694, 716, 717, 721.
- Любоникоиной, Петръ, нач. стражи безопасности гор. Варшавы 1831 г., томъ ХLIИ, 362.
- Лютинъ, медальеръ 1836 г., т. ХLIИ, 410.
- Ляпуновъ, А. Я., сообщ.: «Лейбъ-гвардія Литовскій и Московскій полки въ 1863, 1811 и 1817 гг.», т. ХLIV, 615—624.
- Ляпуновъ, дворяне Ростовскаго уѣзда Ярослав. губ., 1811 г., т. ХLIV, 200.
- Ляховъ, тифлисск. полиційм. 1837 г., т. ХLIИ, 391.

- Магницкій, Мих. Леонт., д. ст. сов., попеч. казанск. унив. съ 1819—1823 гг., р. 1787 г., † 1844 г., т. ХLI, 62.
- Мадатовъ, книг., Софья Александр., рожд. Муханова, фрейл. 1820 г., сообщ. свои воспом.: «Императрица Елизавета Алексѣевна», т. ХLIV, 381—388, упомян. 389, 390.
- Мадатовъ, кн., кавказскій полководецъ, т. ХLIV, 389.
- Маевскій, Сергѣй Ив., генер.-лейтен., р. 1779 г., † 1848 г., ссылка на его записки: «Мой вѣкъ или исторія Сергѣя Маевского», т. ХLI, 480, 508, 510.
- Маевскій, полковн., адъют. Московск. гвард. полка, 1846 г., т. ХLIИ, 73.
- Маганъ, Павелъ Дмитр., декабристъ, т. ХLI, 304.
- Мазена, Иванъ С., малоросс. гетманъ, т. ХLI, 161.
- Майборода, полковн., т. ХLI, 67.
- Майделъ, бар., команд. Кабард. полка 1850 г., вполн. коменд. Петроз. крѣпости, т. ХLIИ, 580, 612, 613, 614, 616.
- Майковскій, подполк. 1831 г., т. ХLIИ, 185, 186.
- Майковъ, Аполлон. Никол., поэтъ и писатель, т. ХLIИ, 401.
- Майковъ, директоръ театровъ, т. ХLI, 629.
- Майковъ, ярославск. губ. предвод. двор. 1812 г., т. ХLIV, 204.
- Мажарій, епископъ нижегор., сообщ.: «Русскіе и греко-россійская церковь въ Китаѣ въ XVII—XIX вв.», т. ХLIИ, 655—662.
- Мажарій (Михаилъ Булгаковъ), митроп. московск. и воломенск., † 1832 г., т. ХLIИ, 223, 230, 232, 233, 246, 247, 248, 249, 250.
- Мажаровъ, вице-адмир. 1799 г., т. ХLI, 624.
- Мажениъ, артистъ 1845 г., т. ХLIV, 55.
- Мажневскій, участн. въ польск. возст. 1831 г., т. ХLIИ, 174.
- Мажовъ, Левъ Саввичъ, директ. канц. мн. внутр. дѣлъ 1867 г., вполн. статсъ-секретарь, мн-ръ внутр. дѣлъ 1879 г., † 1883 г., т. ХLI, 285.

- Максимовичъ**, Мих. Алсдр., профес., писатель, деканъ кievск. унив. 1834 г., т. ХLIII, 120, 680.
- Максимовъ**, А. М., артистъ, т. ХLIV, 125.
- Малютовъ**, кн., В. Н., т. ХLII, 427.
- Малулова**, княж., въ зам. Вигторова, т. ХLIII, 444.
- Малухина**, Н. Е., академ., художникъ, т. ХLII, 416.
- Мажеевъ**, воспит. Новгородск. кадетск. корп. 1839 г., т. ХLII, 125.
- Малаховскій**, Густавъ, чл. комис. погаш. долговъ въ Ц. Польск. 1831 г., т. ХLIII, 349, 359, 362, 562, 563.
- Малецкий**, дивизион. ген., чл. правительственной военной комисси 1831 г., т. ХLIII, 361.
- Малиновскій**, Теофилактъ Лук., препод. межев. закон. въ уч. правовѣд. 1840 г., т. ХLIV, 145.
- Малиновскій**, Алексѣй Фед., протоиер. препод. закона Божьяго въ Новгор. кадетск. корп. 1834 г., т. ХLI, 522.
- Маловъ**, Е. А., профес. Казанск. дух. акад., т. ХLII, 196, т. ХLIV, 590.
- Мальчевскій**, подпор., участн. въ польск. возст. 1831 г., т. ХLIII, 186.
- Мандерштеръ**, ген.-маіоръ 1831 г., т. ХLI, 118, 384, 398, т. ХLIII, 150, 151, 331, 338, 536.
- Мандтъ**, лейбъ-мед., т. ХLIV, 28.
- Мансуровъ**, ген. 1831 г., т. ХLI, 138.
- Мануйловъ**, скульпт. 1836 г., т. ХLII, 410.
- Мандштейнъ**, 1730 г., т. ХLII, 54.
- Маньянъ**, франц. дипломат. агентъ при русск. дворѣ 1730 г., т. ХLII, 53.
- Марія Феодоровна**, имп-ца (Доротея-Софія-Августа-Луиза, принцесса виртембергская), р. 1759 г., † 1828 г., т. ХLI, 230, т. ХLII, 129, 290, т. ХLIV, 193, 384, 385, 387.
- Марія Павловна**, вел. княг., въ супруж. вел. герцогиня Саксенъ-Веймарская, р. 1786 г., † 1859 г., т. ХLI, 142, т. ХLIV, 383.
- Марія Николаевна**, вел. княг., въ супруж. герцогиня Лейхтенбергская, р. 1819 г., † 1876 г., т. ХLII, 118, 416, т. ХLIV, 590.
- Марковъ**, тифлисск. полиціим. 1838 г., т. ХLIII, 391.
- Маркусъ**, лейбъ-мед., т. ХLIV, 137, 138, 139.
- Маркъ**, С., ген.-маіоръ 1771 г., т. ХLIII, 63.
- Мартиновичъ**, Маркъ, 1704 г., т. ХLII, 631—632.
- Мартовъ**, В. П., писат., т. ХLIV, 322.
- Мартосъ**, Ив. Петр., дс. ст. сов., рект. акад. худ., скульпт., р. 1753 г., † 1836 г., т. ХLII, 130.
- Мартосъ**, А. К., сообщ.: «Владиславъ Христіановичъ Граве, 1847—1850 гг.», т. ХLI, 161, 162.
- Мартыновъ**, генералъ-маіоръ 1831 г., т. ХLIII, 152.
- Мартыновъ**, т. ХLII, 427.
- Мартыновъ**, архитекторъ, археологъ, строит. московск. архива ми-ва вностр. дѣль, т. ХLII, 201—204, 213.
- Мартыновъ**, артистъ, т. ХLIV, 134.
- Масальскій**, Констант., писатель, томъ ХLI, 342.
- Масловъ**, И. П., начальн. удѣльн. конторы въ Москвѣ 1871 г., т. ХLI, 187.
- Масляницкій**, воспит. Новгор. кадетск. корп. 1837 г., т. ХLII, 118, 119.
- Матюшкинъ**, Ив. Ив., художн.-граверъ, грав. портр. М. Ю. Лермонтова и Н. О. Минькиной, т. ХLI, 240, 668.
- Матюшкинъ**, О. О., адм., † 1872 г., т. ХLI, 663, 664.
- Машковъ**, акад., художникъ 1829 г., т. ХLI, 329.
- Медемъ**, бар., ген.-лейт., членъ совѣта воен.-учебн. завед. 1835 г., т. ХLI, 538.
- Межовъ**, В. И., ссылка на его «Исторію словесности», т. ХLIII, 115, ун. 566.
- Мезенцовъ**, угличск. предвод. дворян. 1812 г., т. ХLIV, 204.
- Мей**, писат., т. ХLI, 188, т. ХLII, 647.
- Мейеръ**, профес. архитект., т. ХLII, 643.
- Мейндеръ**, ген.-лейт., директ. Павловск. кадетск. корп. 1857 г., т. ХLI, 400.
- Мелюсимо**, Петръ Ив., ген. отъ артил., директ. артил. кадетск. корп., ссылка на его письма къ А. А. Аракчееву, томъ ХLI, 430.

- Меллеръ-Вазомельсовій, бар., полковн.,** команд. Куринск. егерск. полка 1850 г., т. XLI, 161, т. XLIII, 584.
- Мельниковъ, кн., Л. И., нач. Дагестанск. обл. 1835 г., т. XLIII, 526.**
- Мельничковъ, И. А., пѣвецъ, т. XLII, 435.**
- Мельничскій, воспитан. Новгород. кадетск. корп. 1835 г., т. XLI, 537, 542.**
- ф. Менаръ, Левинъ, владѣлецъ о-ва Далева, близъ Риги, 1860 г., т. XLI, 402—406.**
- Менгденъ, бар., В. Мих., т. XLI, 675.**
- Мендиноскій, поруч. 1831 г., т. XLIII, 199, 200.**
- Меншиковъ, кн., Алсдр. Данил., генералиссимусъ, членъ верховн. тайнаго совѣта, р. 1673 г., † 1729 г., т. XLI, 447, т. XLII, 48, 49.**
- Меншиковъ, кн., Алсдр. Сергѣев., адмир., морск. ин-ръ 1840 г., главнокоманд. войсками въ Крыму 1855 г., р. 1787 г., † 1869 г., т. XLI, 730.**
- Меншиковъ, кн., Алсдр. Алсдр., т. XLI, 220.**
- Меншиковы, кн., дворяне Ростовск. уѣзда Ярославской губерніи 1811 г., т. XLIV, 200.**
- Мердеръ, воспитан. в. кн. Александра Николаевича, т. XLII, 532.**
- Мерзляковъ, Алексѣй Ѳеодоров., профес., писатель, т. XLII, 129, т. XLIII, 115, т. XLIV, 261, 366, 589.**
- Мерзлякъ, генер. 1829 г., т. XLI, 336.**
- Мерцаловъ, учитель Новгородск. кад. корп. 1837 г., т. XLII, 112.**
- Медвѣдовскій, полковн., нач. штаба въ Ц. Польск. 1831 г., т. XLIII, 170.**
- Мещеряковы, дворяне Ростовск. уѣзда Ярославск. губ. 1811 г., т. XLIV, 200.**
- Мивзо, Н., писат., т. XLII, 429.**
- Мивлашевскій, ген.-провантмейстеръ 1797 г., т. XLI, 368.**
- Мивлашевскій, декабр., полковн., команд. 41 егерск. пол. 1827 г., т. XLI, 303, 317, 318, 319.**
- Мивлашевскій, А. М., сообщ.: «М. Ю. Лермонтовъ въ замѣткахъ его товарища», т. XLIV, 589—592.**
- Мивляшинъ, М. О., акад.-скульпт. 1884 г., т. XLII, 221, 434, т. XLIV, 444.**
- Миллеръ, Н. И., полковн., инспект. лицей, бывш. вполн. директ. лицей, XII, 573, т. XLII, 377.**
- Миллеръ, К. Х., главн. докт. воен. поселеній 1825 г., т. XLI, 508.**
- Миллеръ, Пав. Ив., сообщ.: «Николай Васильевичъ Гоголь въ письмахъ къ Арх. Ос. Россети, 1843—1847 гг., томъ XLI, 163—172.**
- Миллеръ, историографъ, т. XLII, 42.**
- Милонновъ, Мих. Вас., поэтъ, † 1831 г. т. XLIII, 110, 111.**
- Милорадовичъ, гр., Мих. Андр., слб. воен. губернат.; † 1825 г., т. XII, 628, 629, т. XLII, 295.**
- Милочкова, Анастасія Алсандр., рожд. Хвостова, т. XLII, 427.**
- Милочковъ, Алсандръ Петрович., писатель, т. XLII, 429.**
- Милочкина, Марія Аггеевна, сурруга Никол. Алексѣев. Милочкина, см. Сталь.**
- Милочкинъ, Никол. Алексѣев., статсъ-секрет. Ц. Польскаго, бывш. чл. редакц. вомм., чл. госуд. сов., р. 1818 г., † 1872 г., т. XLI, 175—194, 252, 273, 285, 286, 288, 598, 602, 670—673, 685, 691—695, 699, 705, 709, 716, 721, 725, 729, 730, т. XLII, 396, 397, 579, 585—594, 597, 598, 601, 602, 605, т. XLIII, 399, 400, т. XLIV, 590.**
- Милочкинъ, Дмит. Алексѣев., ген.-ал., воен. ин-ръ 1864 г., т. XLI, 42, 44, 45, 672, 675, т. XLII, 579, т. XLIV, 590.**
- Милочкинъ, Юрій Никол., т. XLI, 674, 675, 695, 716, 717.**
- Милочкинъ, профес. 1850 г., т. XLII, 381.**
- Миницъ, графъ, Бурхардъ-Христофоръ, ген.-фельдмарш., р. 1683 г., † 1767 г., т. XLII, 48, 54, 253, 469, т. XLIII, 206.**
- Минина (Шумская), Настасья Ѳед., домоправительн. гр. Аракчеева, т. XLI, 479—518, 668, т. XLII, 406.**
- Мининъ, Ѳед., отецъ домоправит. Аракчеева, т. XLI, 486, 518.**
- Минутъ, Алсдр. Ив., инженеръ-архитект. 1815 г., т. XLI, 489, 491.**

- Минчаевъ Касоевичъ**, родонач. Давыдовыхъ, т. ХLIИ, 126.
- Миржоничъ**, ген.-лейт., виленск. генер.-губерн. 1848 г., т. ХLI, 167—159, 276.
- Миртовъ**, Мих. Яковл., священ., томъ ХLIИ, 496.
- Митковъ**, М. П., т. ХLI, 676, 717.
- Митковъ**, Мих. Фотиев., полковн. Финляндск. полка, декабр., † 1849 г., т. ХLI, 64, 65.
- Михаилъ**, митроп. новгородск. и спб., т. ХLIИ, 628.
- Михаилъ**, вел. кн. московскій, † 1248 г., т. ХLIИ, 4.
- Михаилъ**, вел. князь тверской 1318 г., т. ХLIИ, 13, 15—19.
- Михаилъ Θεодоровичъ**, царь, р. 1596 г., † 1645 г., т. ХLIИ, 37, 41, 42, т. ХLIV, 515.
- Михаилъ Павловичъ**, вел. кн., р. 1798 г., † 1849 г., т. ХLI, 186, 206, 207, 361, 376, 382, 445—448, 453, 454, 523—528, 534—539, т. ХLIИ, 115—117, т. ХLIИИ, 372, 374, т. ХLIV, 591, 592.
- Михаилъ Николаевичъ**, вел. кн., ген.-фельдм., намѣстн. кавказск., т. ХLIИИ, 528, 589, 616, т. ХLIV, 27.
- Михайловскій-Даниловскій**, Александръ, ген.-лейт., воен. историографъ, т. ХLIV, 169.
- Михайловъ**, Александръ. Бонст., писатель, т. ХLIV, 314, 326.
- Михайловъ**, М. Д., поэтъ 1845 г., томъ ХLIV, 58.
- Михельсонъ**, подполковникъ 1771 г., т. ХLIИИ, 56, 58, 66.
- Модзелевскій**, кап. артил. 1887 г., т. ХLIИИ, 386.
- Можаровскій**, Апполонъ, ссылка на его статью: «Препосвящ. Амвросій Протасовъ въ Казани, 1816—1825 гг.», т. ХLIИ, 193, 198, 197.
- Моисеевъ**, скульпт. 1800 г., т. ХLI, 636.
- Мойеръ**, Ив. Филип., профес.-хирургъ, 1817 г., рект. дерпт. унив., т. ХLIV, 267, 452.
- Молдавскій**, художн. 1836 г., т. ХLIИ, 410.
- Моллеръ**, художн., т. ХLIИ, 411.
- Моллеръ**, кап. 1799 г., т. ХLI, 624.
- Моллеръ**, полковн. 1853 г., т. ХLIV, 421, 431, 506.
- Молчановы**, дворяне Ростовск. уѣзда Ярославск. губ. 1811 г., т. ХLIV, 200.
- Монруа**, въ зам. Шеллхова, пѣвца, т. ХLI, 629.
- Монферранъ**, архитект., строит. Исаакиевскаго собора., т. ХLIИ, 620, т. ХLIИИ, 370, 371, 372, 375.
- Мордвиновъ**, Сем. Ал., т. ХLI, 676, 716, 717.
- Мордвиновъ**, сенат., т. ХLIV, 159.
- Мордочевъ**, писат., т. ХLIV, 311, 312.
- Морозевичъ**, чл. комис. погаш. долговъ въ Ц. Польск. 1831 г., т. ХLIИИ, 359.
- Морозова**, Θεодосія Прокоф., въ схимѣ Θεодора, боярыня, т. ХLIИ, 156.
- Морозовъ**, Глѣбъ Ив., бояринъ 1670 г., т. ХLIИ, 156.
- Мортемаръ**, герцогъ, франц. послан. при русскомъ дворѣ 1830 г., т. ХLI, 389, 393.
- Москвичевъ**, правит. дѣлъ Новгородск. кадетск. корп. 1834 г., т. ХLI, 522.
- Мокнацкій**, его разсказъ: «Польское возстаніе въ 1830—1831 гг.», т. ХLIИИ, 157—202, 341—362, 545—566.
- Мочульскій**, полковникъ генер. штаба 1837 г., т. ХLIИИ, 384.
- Муравьевъ**, Александръ. Никл., полковн. генер. штаба, декабр., вполнѣд. иркутск. полиціймейст., нижегородскій губернат., ген.-лейт. и сенаторъ, † 1863 г., т. ХLI, 64, 65, 68, 255, 261, 269, 270.
- Муравьевъ-Карскій**, Никл. Никл., ген.-адъют., намѣстн. кавказск. съ 1854—1856 гг., вполнѣд. ген.-губ. Восточной Сибири, р. 1793 г., † 1866 г., т. ХLI, 313, 316, 317, 321, 326, 327, 328, 332, т. ХLIИ, 72, 73, т. ХLIИИ, 589—598, 616, т. ХLIV, 388.
- Муравьевъ**, гр., Мих. Никл., (Виленскій), мн-рь госуд. имущ. 1861 г., виленск. ген.-губернат., р. 1796 г., † 1866 г. Его участіе въ тайн. общ., т. ХLI, 15—60, упом. 242, 244, 249, 286, 575, 580, 599, 604, 607, 730, т. ХLIИ, 388, 573—584.

- Муравьевъ, Н. М.** (сынъ Муравьева-Вяленск.), вятск. губернат. 1858 г., т. XLI, 259, 264, 269.
- Муравьевъ-Амурскій, гр.** Никл. Никл., ген.-адъют., бывш. тульск. губернат., впослѣд. ген.-губернат. Восточной Сибири, † 1881 г., т. XLI, 276.
- Муравьевъ, Никита Мих.**, корнетъ кавалергардск. полка, декабр., † 1854 г., т. XLI, 64, 65, 67, 68, т. XLII, 62.
- Муравьевъ, Валеріанъ,** псковск. губернаторъ 1858 г., т. XLI, 269, 270, 579.
- Муравьевъ, Андрей Никл.,** дс. ст. сов., камергеръ, писат. духовн. соч. («Путеш. въ св. мѣстамъ»), р. 1806 г., † 1874 г., т. XLIII, 326.
- Муравьевъ,** ген. 1833 г., т. XLIII, 364, 365, 366.
- Муравьевъ-Апостолъ, Серг. Ив.,** кап. 1-го Семеновск. полка 1820 г., декабр., р. 1796 г., † 1826 г., т. XLI, 63, 64, 65, т. XLII, 388, 550.
- Муравьевъ-Апостолъ, Матв. Ив.,** подполковн., декабр., т. XLI, 64, 65.
- Муравьевъ,** статсъ-секретарь 1825 г., т. XLI, 510.
- Муравьевы,** дворяне Ростовск. уѣзда Ярославск. губ. 1811 г., т. XLIV, 200.
- Мусинъ-Пушкинъ,** засѣдат. уголовн. палаты въ Новгородѣ 1825 г., томъ XLI, 514.
- Мусинъ-Пушкинъ, Н. С.,** офиц. Бѣлорусск. гусарск. полка 1855 г., т. XLI, 456.
- Мусинъ-Пушкинъ, Епафродитъ,** декабрнсть, т. XLI, 308.
- Мусинъ-Пушкинъ, И. С.,** т. XLII, 422.
- Муфель, майоръ,** 1771 г., т. XLIII, 70, 71.
- Мѣтлинъ, Никл. Фед.,** кап. 1-го ранга 1833 г., т. XLIII, 364.
- Мюллеръ, Александр. Степ.,** учнт. архитектуры, р. 1812 г., † 1855 г., т. XLIV, 441—442.
- Мятловъ,** учнт. московск. унив. благор. панс. 1829 г., т. XLIV, 590.
- Мятловъ, Ив. П.** Его шутка «О пѣвицѣ Гарцін Вярдо, которую большая часть публики называетъ Верь-д'о», т. XLII, 403—404.

- Набокова, Анна Александр.,** рожд. Набокова, т. XLII, 78, 79.
- Набоковъ, Н. А.,** управл. уѣзда Самарск. округомъ 1846 г., т. XLII, 78, 79.
- Набоковъ, Д. Н.,** мн-ръ юстиціи, томъ XLI, 285.
- Набоковъ, Ив. Александр.,** ген.-лейтенантъ, команд. отдѣльн. гренад. корп. 1834 г., т. XLI, 336, 527, 528, 536.
- Наблѣвъ, Людвигъ,** 1831 г., т. XLIII, 159, 160, 161, 164.
- Навроцкій, А. А.,** сообщ.: «Новый Іерусалимъ. Изъ путевыхъ записокъ», т. XLIII, 255—270.
- Нагель, ген.,** команд. Кабардинск. полк. 1780 г., т. XLIII, 208.
- Нагшинъ, Дмитр. Ив.,** пятисот. милиц. Ростовск. уѣзда Ярославск. губ. 1806 г., т. XLIV, 201.
- Надпорожскій, Вас.,** сообщ.: «Гр. А. А. Аракчеевъ и Н. Ф. Минкина», томъ XLII, 406.
- Наваревъ, кап.** Кабардинскаго полка, † 1779 г., т. XLIII, 282.
- Наваровъ, вв.,** ротн. команд. Новгородск. кадетск. корп. 1837 г., т. XLII, 122.
- Навиновъ, Видм. Ив.,** ген.-ад., военн. московск. учебн. округа 1853—1855 г., впосл. виленск. ген.-губернат., р. 1802 г., † 1874 г., т. XLI, 161, 269, 590, т. XLIV, 68, 301.
- Навиновъ, Мих. Александр.,** шт.-м. твард. конно-піонери. эскадр., декабр., т. XLI, 804, 805, т. XLII, 79.
- Навиновъ, ген.-майоръ,** команд. артил. бригады на Кавказѣ 1854 г., томъ XLIV, 513.
- Набровскій, Валентинъ,** участн. въ польск. возст. 1831 г., т. XLIII, 161.
- Назарій, полковн.,** смотрит. исправн. заведенія въ Спб. 1842 г., т. XII, 60.
- Наляковъ, Пав. Дм.,** тысячн. вач. милиц. Ростовск. уѣзда Ярославск. губ. 1806 г., т. XLIV, 201.
- Наляковы, дворяне** Ростовск. уѣзда Ярославск. губ. 1811 г., т. XLIV, 200.
- Наполеонъ I,** импер. французск., т. XII, 65, т. XLII, 286—301.

- Нарышкина, Марья Антоновна, томъ ХLIII, 140.
- Нарышкинъ, оберъ-гофмарш. 1799 г., т. ХLI, 364.
- Нарышкинъ, Бирязъ Алексѣев., перв. слб. комендантъ, т. ХLII, 446.
- Нарышкинъ, Семень Биряз., камергеръ, русск. посл. въ Лондонѣ 1741 г., впол. оберъ-егермейст. и ген.-аншефъ, р. 1710 г., † 1775 г., т. ХLII, 223, 253, 446—448, 489.
- Нарышкинъ, Мих. Мих., полковникъ, декабр., † 1863 г., т. ХLI, 304.
- Нарышкины, бояре, т. ХLII, 201, 203.
- Нарышкинъ, Василій Трофимов., романистъ-сатирикъ, р. 1780 г., † 1825 г., т. ХLII, 129.
- Насанинъ, ген. 1831 г., т. ХLI, 398.
- Наср-ед-Динъ, мирза, наследн. персидск. прест. 1837 г., т. ХLIII, 384, 386.
- Наталя Кирилловна, царица, томъ ХLII, 201.
- Наталя Алексѣевна, цѣрковна, р. 1714 г., † 1728 г., т. ХLIV, 191.
- Наталя Алексѣевна, (принцесса гессен-дармштадтская Вильгельмина), великняг., первая супруга цесарев. Павла Петровича, р. 1755 г., † 1776 г., томъ ХLII, 62, 63, 447, 450.
- Наумовъ, Алексѣй Аввакум., худож. 1878 г., т. ХLIV, 317, 319.
- Нахимовъ, Пав. Степ., адмир., р. 1803 г., † 1855 г., т. ХLI, 379.
- Нащокинъ, дворяне Ростовск. уѣзд. Ярослав. губ. 1811 г., т. ХLIV, 200.
- Нефировскій, полковн. 1853 г., томъ ХLIII, 385, т. ХLIV, 500, 518.
- Нейдгартъ, Алекстр., ген.-ад., об.-квартирмейст. арміи 1831 г., т. ХLI, 96, 107, 109, 115, 122, 135—151, 382, 388, 389, 393, т. ХLIII, 337, 532, 537, 543.
- Нейманъ, Валеріанъ Христіан., поруч. Симбирск. егерск. пол., казначей Новгородск. кадетск. корп. 1834 г., т. ХLI, 522, т. ХLII, 113, 117, 122, 125.
- Неклюдовы, дворяне Ростовск. уѣзд. Ярослав. губ. 1811 г., т. ХLIV, 200.
- Некрасова, Е. С., сообщ.: «Алексѣй Егоровичъ Викторовъ», томъ ХLIII, 425—448.
- Некрасовъ, Никл. Алексѣев., поэтъ, писат., р. 1821 г., † 1877 г., т. ХLII, 400, 401, 435, 632, т. ХLIII, 435, 446, т. ХLIV, 312, 329.
- Немовоіій, помѣщ. 1866 г., т. ХLIII, 404—407.
- Немѣвина, прелатъ 1864 г., т. ХLI, 40.
- Неофитъ, архіеп. периск. 1866 г., томъ ХLIII, 670.
- Нессельродъ, графиня, супруга канцлера, т. ХLI, 166, 172.
- Нессельродъ, гр., 1773 г., томъ ХLII, 447, 450—454, 486—492.
- Нессельродъ, графъ, Карлъ Вас., государств. канцлеръ, р. 1780 г., † 1862 г., т. ХLI, 93, 144, 219—223, т. ХLII, 199.
- Нессельродъ, гр., Дмитр. Карл., сообщ.: «Графъ Каподистрія и графъ К. В. Нессельродъ, 1820—1821 гг.», т. ХLI, 219—223, т. ХLII, 478, 489.
- Нестеровъ, ген., начальн. Владикавказск. округа 1845 г., т. ХLII, 85, т. ХLIII, 577, 578.
- Неустроевъ, А. Н., т. ХLI, 479, 507, 508, 517, 518.
- Нефедовы, дворяне Ростовск. уѣзд. Ярослав. губ. 1811 г., т. ХLIV, 200.
- Нечаевъ, об.-прокур. са. синода 1833 г., т. ХLII, 190.
- Нечаевъ, поруч. артил. 1771 г., томъ ХLIII, 56.
- Нечаевы, дворяне Ростовск. уѣзд. Ярослав. губ. 1811 г., т. ХLIV, 200.
- Неѣловъ, полковн. 1853 г., т. ХLIV, 431.
- Никитенко, Алекстр. Вас., анад., томъ ХLI, 352.
- Нивитинъ, Ив. Сав., поэтъ, т. ХLIII, 503, т. ХLIV, 99.
- Нивитинъ, ген.-майоръ 1831 г., томъ ХLI, 116, т. ХLIII, 332.
- Нивифоровъ, Павелъ Петр., предвод. дворян. Ростов. уѣзд. Ярослав. губ. 1811 г., т. ХLIV, 201, 203.
- Николов., бар., команд. Кабард. полка 1855 г., т. ХLIII, 581, 613—616.

- Николай, О. О.**, сообщ.: «Иванъ Ивановичъ Ползуновъ, † 16 мая 1786 г.», т. XLI, 301, 302.
- Николай I**, импер., р. 1796 г., † 1855 г., переписка съ гр. Дибичемъ-Забалканскимъ 1831 г., т. XLI, 93—122, 381—400, т. XLIII, 149—156, 331—340, 529—544. Рѣчь, произнесен. имъ во время народн. волненія на Сѣвн. площ. въ 1831 г., т. XLIV, 399—400. Переписка съ гр. Чернышевымъ 1832 г., т. XLI, 144—146. Посѣщеніе Геленджика 1837 г., 458. Поѣздка на Кавказъ 1837 г., т. XLIII, 377—398. Посѣщеніе кр. Анапы 1837 г., 567—575. Посѣщеніе исправит. заведенія 1842 г., т. XLI, 60. Письмо къ нему кн. Варшавскаго 1846 г., 154, 155. Записка импер. по поводу восстанія въ Краковѣ 1846 г., 155—157. Указъ 19 марта 1848 г., 157—159. Указъ воен. мн-ру, гр. Чернышеву 1849 г., 159. Записка импер. объ укрѣпленіи западной границы, т. XLII, 519—530; упом.: томъ XLI, 42, 62, 66, 132—136, 370, 376—390, 413, 445, 446, 451, 453, 480, 520, 526, 534, 539, 573, 580, 632, т. XLII, 46, 128, 129, 130, 137, 177, 396, 410, 412, 416, 438, 637, 638, 643, 649, 650, т. XLIII, 128, 157, 214, 344, 349, 351, 353, 364, 371—375, 556, 564, 609, 613, т. XLIV, 26, 28, 125—128, 135, 186, 193, 387, 388, 392, 516, 622, 623, прилож. къ кн. XI, стр. I.
- Николай Николаевичъ**, вел. кн., ген.-фельдмарш. 1832 г., т. XLIII, 616, томъ XLIV, 27.
- Николай Александровичъ**, вел. князь цесарев., † 1865 г., т. XLI, 16, 43, 45, 451, т. XLIII, 669.
- Николаевскій, В. В.**, профес. рус. словесн., писат. лица въ Слб., т. XLI, 539, т. XLII, 112, 113, т. XLIV, 594, 603.
- Николаевскій, Павелъ**, писат., т. XLIII, 110, 111.
- Никоновъ, М. Н.**, дѣлопроизвод. департ. мн-ва иностр. дѣлъ 1870 г., т. XLII, 209—218.
- Никонъ**, патриархъ, т. XLII, 6, т. XLIII, 223—254, 256.
- Никулгина-Косицкая, Любовь** Паал., артистка, т. XLII, 654, т. XLIV, 58.
- Никулкинъ, Ив. Мих.**, артистъ 1849 г., т. XLII, 655.
- Нильсенъ**, пасторъ, извѣсти. проповѣди. 1846 г., т. XLI, 568.
- Нирволюмскій**, участн. польск. возст. 1863 г., т. XLIII, 405—410.
- Ниродъ**, гр., ген.-маіоръ 1854 г., томъ XLIV, 431.
- Новиковъ, Никл. Ив.**, писат., мартинистъ, р. 1744 г., † 1818 г., т. XLI, 609, т. XLII, 61, 276, т. XLIV, 276.
- Новиковъ, Ив. Алексдр.**, т. XLI, 676, 717.
- Новиковъ**, шт.-кап., плацъ-маіоръ въ кр. Авала 1837 г., т. XLIII, 567.
- Новицкий**, генер. 1831 г., т. XLIII, 170.
- Новосельскій, Федиксъ**, подпор., участн. въ польск. возст. 1831 г., т. XLIII, 186, 187, 190.
- Новосильскій, Фед. Мих.**, адм., ген.-адъют., т. XLI, 378.
- Новосильцевъ**, полковникъ, † 1831 г., т. XLIII, 534.
- Новосильцова**, Екат. Видм., рожденная Орлова, т. XLII, 407.
- Новосильцовъ**, гр., Никл. Никл., товар. мн-ра юстиц. 1804 г., вполн. дс. тн. сов., ст.-секрет., сенат., попечит. вилensk. унив., предсѣд. госуд. совѣта, р. 1761 г., † 1838 г., т. XLI, 125, 129, 130, 133, 134.
- Новосильскій**, участн. польск. возст. 1831 г., т. XLIII, 194, 195.
- Нольменъ**, Карлъ, сек.-маіоръ 1775 г., т. XLIII, 78.
- Носъ, А. Е.**, сообщ. замѣтку «Д. В. Давидовъ и издавія его сочиненій», томъ XLIII, 566.
- Нотъ**, преподав. въ Новгородск. кадетск. корп. 1836 г., т. XLI, 537.
- Нейновъ**, полковн., команд. Вязевскаго пол. 1863 г., т. XLIV, 501.
- Немоловскій, Зенонъ**, участ. въ польск. возст. 1831 г., т. XLIII, 161.

- Нѣмцевичъ**, Юліанъ Урсинъ, секрет. сената Ц. Польск. 1831 г., т. ХLIII, 350—354, 360, 554, 562.
- Нѣтомоць**, участн. польск. возст. 1831 г., т. ХLIII, 166, 168, 171, 190—195, 342.
- Нюмверъ**, преподават. въ Новгородск. кадетск. корп. 1834 г., т. ХLI, 537, томъ ХLII, 119, 122, 125.
- Оболенскій**, кн., прокур. моск. окружн. суда 1873 г., т. ХLIV, 118.
- Оболенскій**, профес., бывш. инспект. Царско-сельск. лицей, т. ХLII, 378, 381.
- Оболенскій**, кн., директ. главн. архива мн-ва иностр. дѣлъ 1856 г., т. ХLII, 200, 203, 204, 208, 210, 211.
- Оболенскій**, кн., Дмит. Александр., членъ государств. совѣта, т. ХLI, 174, 676, 690.
- Обрезновъ**, русск. послан. при турецк. дворѣ 1736 г., т. ХLIII, 206.
- Обручевъ**, т. ХLI, 96, 388, 400.
- Овандеръ**, полковн. 1831 г., т. ХLIII, 178, 184.
- Отрышко**, Юсафать, начальн. польск. банды, т. ХLI, 33, 36, 37.
- Одоевскій**, кн., Владим. Ѳеодоров., писат., директ. Руманцовск. музея 1860 г., т. ХLI, 80, 342, 360, 731, т. ХLII, 318.
- Одаховскій**, восп. Новгородск. кадетск. корп. 1832 г., т. ХLII, 125.
- Одоевскій**, кн., Александр., Ив., декабр., т. ХLI, 304.
- Ожаровскій**, ген.-адъют. 1812 г., томъ ХLII, 235.
- Озерецковскій**, ст. сов., членъ акад. наукъ 1799 г., т. ХLI, 364.
- Озерецковскій**, Павелъ, протоіер. 1799 г., т. ХLI, 619.
- Озеровы**, дворяне Ростовск. уѣзд. Ярослав. губ. 1811 г., т. ХLIV, 200.
- Оленинъ**, Алексій Никл., презид. акад. худож., † 1842 г., т. ХLI, 480, 631, т. ХLII, 410—413, 620, 626, 629.
- Олещинскій**, граверъ, т. ХLII, 628, 629.
- Олюфъевъ**, ген.-маіоръ 1799 г., томъ ХLIV, 629.
- Олюфъевъ**, Ив., т. ХLI, 295.
- Олюфъевъ**, гр., В. Д., т. ХLII, 130.
- Ольденбургскій**, принцъ, 1864 г., томъ ХLI, 29.
- Ольшевскій**, М. Я., ген.-ниф., сообщ. «Императоръ Александръ Николаевичъ на западномъ Кавказѣ въ 1861 г.», т. ХLII, 355—374; «Цесаревичъ Александръ Николаевичъ на Кавказѣ съ 12 сент. по 28 окт. 1850 г.», томъ ХLIII, 576—588; «Русско-турецкая война за Кавказомъ въ 1853 и 1854 г.», т. ХLIV, 171—186, 417—432, 497—514.
- Опенушникъ**, А. М., акад., скульпторъ 1894 г., т. ХLI, 239, т. ХLII, 221, томъ ХLIII, 654.
- Опочкинъ**, Ѳед. Петр., оберъ-камергеръ, † 1852 г., т. ХLI, 99, 102.
- Орбелиани**, кн., Григ. Дмитр., команд. арм. на Кавказѣ 1861 г., т. ХLII, 369, 371, т. ХLIII, 590, 615.
- Орбелиани**, кн., Илья Дмитр., ген.-маіоръ, команд. Грузинск. гренад. пол. 1853 г., т. ХLIV, 176—182, 417, 420, 424.
- Орбелиани**, кн., маіоръ грузинск. гренад. пол. 1853 г., т. ХLIV, 426, 427, 505.
- Орбелиани**, кн., команд. Кабардинск. пол. 1810 г., т. ХLIII, 210.
- Орджинъ-Нащокинъ**, Аванас. Лаврент., ближній бояринъ, перв. русск. ванц. 1680 г., т. ХLIII, 239, 240.
- Оржицкій**, Никол., декабр., томъ ХLI, 303, 314.
- Орлова**, Екат. Никол., урожд. Раевская, т. ХLII, 437.
- Орловскій**, подпор., участн. польскаго возст. 1831 г., т. ХLIII, 196.
- Орловъ**, кн., Гр. Григ., ген.-фельддоймейстеръ, р. 1734 г., † 1783 г., т. ХLI, 611, томъ ХLII, 32, 63, 253, 479, 489, т. ХLIV, 191, 192.
- Орловъ**, кн., Алексій, 1772 г., т. ХLIII, 73, 75.
- Орловъ**, гр., вполн. кн., Алексій Ѳеодор., ген.-адъют., чрезв. посолъ при турецк. дворѣ 1829 г., шефъ жанд., † 1861 г., т. ХLI, 96, 99, 595, 599, 607, т. ХLIII, 366, 367, 381.

Орловъ, Н. М., сообщ. «Александръ и Николай Раевскіе», т. XLII, 437—440.
 Орловъ, Мих. Фед., ген.-майоръ, декабр., † 1842 г., т. XLI, 64, 68, 69, т. XLII, 439.
 Орловъ-Давыдовъ, гр., В. П., т. XLI, 220.
 Орловъ-Давыдовъ, гр., симб. землевлад. 1858 г., т. XLI, 258.
 Орловы, гр., дворяне Ростовск. уѣзда Ярослав. губ. 1811 г., т. XLIV, 200.
 Орнатскій, Дмитр. Никол., преподават. въ Новгор. кад. корп. 1834 г., т. XLI, 523, 531, 537, т. XLII, 112, 113, 119, 122.
 Ораниншевскій, Людв., участ. въ польск. возст. 1831 г., т. XLIII, 161.
 Ортенбергъ, инсп. 2-го кадетск. корп. 1839 г., т. XLII, 124.
 Осинскій, кап. Драгунск. полка 1799 г., т. XLI, 624.
 Осипова, Прасковья Александровна, по перв. мужу Вудьфъ, т. XLIII, 47.
 Оскерво, участникъ мятежа 1863 года, т. XLI, 37.
 Остенъ-Сажень, кн., Ф. Д., ген.-фельдм. 1834 г., т. XLIII, 680, 681.
 Остенъ-Сажень, майоръ 1846 г., вполн. генер. и губернский воинскій начальник. Саратов. губ., т. XLII, 71, 72.
 Остерманъ, вице-кавал., членъ верховн. тайн. совѣта 1720 г., т. XLII, 48, 50, 51, 52, 54, т. XLIV, 377.
 Остерманъ-Толстой, гр., корп. команд. 1812 г., т. XLII, 295.
 Островскій, Александръ Никл., писатель, т. XLII, 639, 647, 653, 654, 656, т. XLIV, 53, 54, 56, 59, 312.
 Островскій, Владиславъ, чл. коми. погаш. долговъ въ Царствѣ Польскомъ 1831 г., т. XLIII, 369, 362, 363.
 Островскій, Мих. Мих., шт.-кап. Павл. кад. корп. 1838 г., т. XLI, 522.
 Островскій, М. Н., мин. госуд. имущ. 1881 г., т. XLI, 285.
 Острожскій, кн., Константинъ, т. XLI, 467, 468.
 Отто, Н., ссылки на его статьи: «Черты изъ жизни графа Аракчеева», т. XLI, 481, 482, 485, 486, 487, 497, 500, 503, 506, 508, 516, 517.
 Опанкинъ, Серг. Никл., сотен. начальник.

милици. Рост. уѣзда Ярослав. губ. 1806 г. т. XLIV, 201.
 Опанкинъ, Ив. Мих., милици. Ростовскаго уѣз. Ярослав. губ. 1806 г., т. XLIV, 201.
 Опанкинъ, дворяне Рост. уѣзда Ярослав. губ. 1811 г., т. XLIV, 200.

Павелъ, импер., р. 1754 г., † 1801 г. приказы 1798—1801 гг., т. XLI, 371—374, 619—626, т. XLII, 279—280, т. XLIV, 625—632, упом. т. XLI, 133, 366, 459, 480, 484, 532, 535, 627, 628, т. XLII, 56, 62—66, 129, 230, 282, 445, 447, 450, 476, 477, 485, 489, т. XLIII, 209, т. XLIV, 191—196.

Павелъ, крутицкій митропол. 1667 г., т. XLIII, 249, 250, 251.

Павель, еписк. коломенскій 1658 год., т. XLIII, 245.

Павель Зерновъ, архіеписк. казанскій, † 1815 г., т. XLII, 179, 193—196.

Павловъ, Н. И., управл. московск. пал. госуд. имущ. 1858 г., затѣмъ членъ ред. комиссіи, т. XLI, 258.

Павловъ, Никол. Никол., бывшій членъ редакц. коми., т. XLI, 673, 676, 721.

Павловъ, М. Г., инсп. моск. университет. благородн. панс. 1829 г., т. XLIV, 590.

Павловскій, инженер-полковн. 1832 год., т. XLIV, 591.

Панскій (Лыгарядъ), митропол. Гаскскій 1660 г., т. XLIII, 227, 232—234, 238, 243—253.

Палавандовъ, грузинск. гражд. губерни. 1837 г., т. XLIII, 379, 391, 392, 395, 396.

Фонъ-деръ-Паленъ, граф., статсъ-дама 1799 г., т. XLI, 865.

Паленъ, гр., Петръ Алексѣев., ген. отъ кавал., сибирск. генер.-губерн. 1799 г., р. 1745 г., † 1826 г., т. XLI, 620, 627, т. XLII, 292, 295.

Паленъ, гр., К. И., министръ юстиціи, т. XLI, 285.

Паленъ 1-й, гр., генер. отъ кавал. 1831 г., т. XLI, 94, 96, 102, 107, 109, 115, 117, 382, 385, 387, 389, 393, 399, 400, т. XLIII, 150—152, 337—339, 530, 532, 537, 542, 543.

- Палеонъ 2-й**, гр., генер. отъ кавал. 1831 г., т. XLI, 102.
- Палеонъ**, бар., Дитрихъ, поруч. артилл., рис. портр. М. Ю. Лермонтова 1840 г., т. XLI, 239, т. XLII, 427.
- Палеонъ**, Матв. Ив., бар., ген. отъ кавал., прибавл. ген.-губерн. 1841 г., † 1863 г., т. XLII, 157, 159.
- Палеочекъ**, Иосифъ Иосифовичъ, пѣвецъ, т. XLIV, 602.
- Палаевъ**, И. И., т. XLIV, 57, 58.
- Палкинъ**, гр., Петръ Иван., фельдмарш., ген.-авиш., сенат., р. 1721 г., † 1789 г., т. XLII, 62, т. XLIII, 55, 319.
- Палкинъ**, гр., Никита Иван., канцлеръ, бывш. воспит. вел. кн. Павла Петровича, р. 1718 г., † 1783 г., т. XLII, 56, 60—63, 230, 246, 248, 250, 268, 464, 477, 480, 481, 482, 489.
- Палингъ**, гр., Викторъ Никит., министр юстиціи 1840 г., нач. II отдѣл. 1865 г., † 1869 г., т. XLI, 242, 244, 249, 285, 288, 575, 576, 580, 599, 604, 607, 677, 699, 709, 721, т. XLIV, 147, 170.
- Памратъевъ**, генер., нач. отряда на Кавказѣ 1829 г., т. XLI, 325, 326, 329, т. XLIII, 214, 603.
- Панютичъ**, С. Ѳ., виленскій губернат. 1864 г., т. XLI, 16, 35.
- Парландъ**, Альфредъ Алексдр., англійч., архитект., акад. 1882 г., т. XLI, 238, 665, 666, т. XLII, 422.
- Пасковичъ**, кв., Ѳед. Ив., бывш. членъ редакц. коми., т. XLI, 721.
- Пасковичъ**, гр. зрянскій, кн. варш., Ив. Ѳедор., ген.-фельдмарш., † 1856 г., т. XLI, 151—155, 159, 160, 220, 306—338, 369, томъ XLII, 438, 597, 609, т. XLIII, 128, 213, 214, 386, 387, 392, 599, 600, 601, 602, 603, 605, т. XLIV, 373, 388, 540.
- Пасковъ**, ген. 1831 г., т. XLIII, 533.
- Пасожевъ**, Татьяна Петр., рожд. Кучкина, надат. «Игрушечки», т. XLIV, 323.
- Паткуль**, генер.-адъют. 1864 г., бывшій свб. оберъ-полиц., т. XLI, 25, т. XLIV, 137, 138.
- Паулучи**, маркизъ, генер. 1812 года, т. XLIII, 211.
- Паульсонъ**, I. Н., педагогъ, т. XLI, 568.
- Пацъ**, гр., Людвигъ, сенаторъ-каштелянъ 1831 г., томъ XLIII, 350—354, 360—362, 554.
- Пашкевичъ**, Бартъ, участн. польскаго возст. 1831 г., т. XLIII, 160, 161, 180.
- Пейзеръ**, директ. департам. мин. внутр. дѣлъ 1831 г., т. XLI, 398.
- Пемарскій**, Петръ Петров., академикъ, т. XLII, 129, 631.
- Перовскій**, гр., Василій Алексѣев., ген.-адъют., ген.-губерн. Оренбургск. края 1828 г., томъ XLI, 163, 166, 167, томъ XLII, 314.
- Перовскій**, гр., Левъ Алексѣев., мин-ръ внутр. дѣлъ, т. XLII, 418.
- Пестель**, ген. 1818 г., т. XLIII, 212.
- Пестель**, Пав. Иван., полковн., декабр., † 1826 г., т. XLI, 62—69, томъ XLII, 388, 550.
- Петерсонъ**, ген. 1831 г., т. XLI, 398.
- Петрашевскій**, т. XLII, 637.
- Петрова**, А. Я., ссылка на ея Записки, т. XLIV, 595.
- Петровъ**, подполк. Нижегород. драгунскаго полка 1863 г., имѣя ген.-лейт. и ком. армейск. корп., т. XLIV, 427.
- Петровъ**, П. Н., ссылка на составл. имъ «Сборн. матеріал. въ исторіи Императ. акад. худож.», т. XLII, 626—629.
- Петровскій**, ген.-майоръ, дир. Новгород. кадетск. корп. съ 1837 г., т. XLI, 538, 541, т. XLII, 115, 116, 119, 122.
- Петрушевичъ**, А. С., писатель и ученый, ссылки на его историко-библиографическое разсужденіе: «Иванъ Ѳедоровъ, русскій первопечатникъ», томъ XLI, 461—478.
- Петръ I**, императ., р. 1672 г., † 1725 г., т. XLI, 447, 627, 635, 687, т. XLII, 37, 43—47, 48, 50, 51, 130, 154, 224, 225, 226, 237, 239, 246, 411, 466, 617, т. XLIII, 204, 377, т. XLIV, 189, 190, 191, 516, 520, 563, 568, 569, 573, 577, 609—613, 618.
- Петръ II**, Алексѣев., импер., р. 1715 г., † 1730 г., т. XLII, 48, 49, 50, т. XLIV, 378, 530.

- Петръ III, Θεοδορος, импер., р. 1728 г., † 1762 г., т. ХLI, 218, т. ХLII, 48, 56, 56, 225, 229, 236, 239, 240, 241, 446, 480, т. ХLIV, 564.
- Пилльсъ, генер.-майоръ 1778 г., томъ ХLIII, 85.
- Пименовъ, Никол. Степан., скульпторъ, т. ХLII, 643.
- Пирогова, Александра Антоновна, томъ ХLIII, 457.
- Пироговъ, Никол. Ив., хирургъ, проф., р. 1810 г., † 1881 г., его посмертныя записки: «Вопросы жизни, дневникъ стараго врача», т. ХLIII, 455—502, т. ХLIV, 1—52, 223—274, 445—496, упом. т. ХLIV, 218.
- Пироговъ, Никл. Никл., т. ХLIII, 457.
- Пироговъ, Влдм. Никл., т. ХLIII, 457.
- Пирятинскій, команд. Кабард. полка 1835 г., т. ХLIII, 606.
- Писаревъ, почечат. моск. унв. 1828 г., т. ХLIII, 112.
- Пищальникъ, граверь 1836 года, томъ ХLII, 410.
- Плажонкъ, Васил. Тимоф., преподават. русск. словеса. въ военно-учебн. завед. 1834 г., т. ХLI, 81.
- Платовъ, атаманъ 1812 г., томъ ХLII, 291, 292.
- Платонъ Любарскій, рект. казанской семинарии 1775 г., т. ХLII, 197.
- Платонъ (Петръ Левшинъ), преподав. богословія вѣк. кн. Павлу Петровичу съ 1760—1766 г., еписк. Владимирск. и Ярослав., вносл. архіеп. Тверской 1770 г. и митроп. Московск. съ 1787—1794 г., р. 1737 г., † 1812 г., т. ХLII, 483, 485, т. ХLIV, 195.
- Платонъ, архіеп. Рязск. 1860 г., т. ХLI, 9, 11, т. ХLII, 165.
- Плетневъ, Петръ Александр., акад.-писат., † 1864 г., т. ХLI, 166, 170, 171, 416, т. ХLII, 337, 338, т. ХLIII, 116, 117, 120, 121.
- Побѣдоносцевъ, Констант. Петровичъ, тайн. сов., членъ государств. совѣта, т. ХLII, 322.
- Побѣдоносцевъ, Николай Петровичъ, т. ХLII, 322.
- Побѣдоносцевъ, Сергій Петров., томъ ХLII, 322.
- Погодинъ, Мих. Петр., акад., р. 1800 г., † 1875 г., т. ХLI, 82, т. ХLII, 35, 646, т. ХLIII, 117, 438, т. ХLIV, 563.
- Погоулай, Ив. Матв., оберъ-секрет. 5-го департ. сената 1840 г., т. ХLIV, 160, 161, 165.
- Подпольшанин, Марья Яковл., въ зам. Пушкина, т. ХLI, 338.
- Подолжскій, А. И., сообщ. замѣтку: «Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ; надпись къ портрету В. А. Жуковскаго», т. ХLII, 219—220, «Константинъ Николаевичъ Батюшковъ, предсмертное его стихотвореніе», 220, стихотв. «Бывшимъ тургеневск. крѣпостнымъ», 406—406.
- Подымовъ, инженер. ген.-лейт. 1884 г., т. ХLIII, 451.
- Помядостинъ, Ив. Петр., граверь на мѣди, акад., акдѣмикъ-профес. 1884 г., т. ХLI, 288, т. ХLII, 130, 434, 630 т. ХLIII, 503.
- Поземъ, Мих. Павл., бывш. чл. редакц. комм., т. ХLI, 721.
- Позняковъ, Н. И., писат., томъ ХLIV, 322, 324.
- Покровский, Григ., протоіер., сообщ. «Императрица Елисавета Алексѣевна, легенды въ г. Бѣлевѣ о ея кончинѣ», т. ХLII, 633—635.
- Полевой, Никл. Алексѣев., писат., изд. «Телеграфа», р. 1796 г., † 1846 г., томъ ХLI, 72, 81, т. ХLII, 655, т. ХLIII, 146, т. ХLIV, 62, 92, 148, 533, 567, 568.
- Полевой, Ксеноф., писат., т. ХLI, 81.
- Полетаевъ, А. П., сообщ. замѣтку: «Академикъ-граверь Л. А. Сѣряковъ», т. ХLIV, 390.
- Ползуновъ, Иванъ Ив., шихтмейстеръ, † 1766 г., изобрѣтатель первой паровой машины, т. ХLI, 289—302, т. ХLIII, 508.
- Полывановъ, полковн. 1812 г., томъ ХLIV, 208.
- Полывановы, дворяне Ростовск. губ. Ярослав. губ. 1811 г., т. ХLIV, 200.
- Полкиварновъ, префектъ казанск. духовн. акад. 1815 г., т. ХLII, 193.

- Политковский, П.**, чл. свб. общ. любит. словесн. 1812 г., т. ХLIII, 110, 111.
- Половцовъ, А. А.**, сообщ. некрологъ: «Михаилъ Евграфовичъ Ковалевскій, † 31-го января 1884 г.», томъ ХLII, 441—442.
- Положскій, Ян. Петр.**, писат., т. ХLI, 195—202, т. ХLII, 401, т. ХLIV, 297—300, 326.
- Помяловскій, Никол. Герасимов.**, писатель, р. 1835 г., † 1863 г., томъ ХLІ, 195—202.
- Помяловскій, Н. В.**, т. ХLII, 618.
- Пожомаевъ, С. И.**, сообщ.: «Николай Ивановичъ Гнѣдичъ, 1784 — 1884 г.», т. ХLIII, 115—122.
- Понякскій, Станисл.**, участн. въ польск. возст. 1831 г., т. ХLIII, 161, 200, 201
- Поповъ, Александр. Никол.**, † 1877 г., бывш. чл. редакц. комм., т. ХLI, 670, 676, 706—708, 709, 721.
- Порошкинъ, Андрей Ив.**, ген.-майоръ, нач. колывано - воскресенск. заводовъ 1763 г., т. ХLI, 291, 295, 296, 297, 299, 302.
- Потапова, Екат. Васил.**, супруга виленск. ген.-губ., т. ХLI, 29.
- Потаповъ, Александр. Львов.**, ген.-ад., виленск. ген.-губерн., вполн. шеф-жандарм. 1875—1877 г., т. ХLI, 15, 20, 24, 25, 28, 34, 35, 42, 43, 239, 286.
- Потемкинъ, гр. П. С.**, камеръ-юнкеръ 1774 г., т. ХLII, 494.
- Потемкинъ-Таврическій, кн. Григор. Александр.**, ген.-фельдмарш., р. 1738 г., † 1791 г., т. ХLIII, 75, 276, 277.
- Потемкинъ, Яковъ Алексѣев.**, генер.-адъют. 1829 г., т. ХLI, 333.
- Потоцкій, гетманъ 1658 г.**, т. ХLIII, 248.
- Потоцкій, гр., Станиславъ, ген.-инфан.**, нач. всѣхъ пѣхотныхъ польск. войскъ 1831 г., т. ХLIII, 168, 170, 172, 181, 343, 347.
- Поклевскель, Мих. Никол.**, т. ХLI, 480, 673, 676, т. ХLII, 618.
- Полцо-ди Борго, русск. посоль при франц. дворѣ 1830 г.**, т. ХLI, 220, 221.
- Пошманъ, Семенъ Антонов.**, д. ст. сов., директ. учил. правовѣд., † 1848 г., т. ХLIV, 146, 150, 151.
- Прасковья, царна 1714 г.**, т. ХLIII, 604.
- Прасковья Ивановна, царевна.** томъ ХLIII, 604, т. ХLIV, 187.
- Прятвицъ, ген.-лейт. 1835 г.**, томъ ХLI, 538.
- Прозоровскій, кн., московск. ген.-губ. 1773 г.**, т. ХLI, 218, т. ХLII, 55—67.
- Пругавинъ, А. С.**, сообщ. очеркъ «Вредныя селѣты», т. ХLI, 637—646, томъ ХLII, 139—156, 443—444.
- Прыкишиновъ, ген., команд. бригадою 1829 г.**, т. ХLI, 337.
- Пташницкій, С. Л.**, сообщ.: «Иванъ Федоровъ, московскій первопечатникъ. Пребываніе его во Львовѣ, 1573—1583 гг.», т. ХLI, 461—478.
- Пугачевъ, Емельянъ Ив.**, самозванецъ, † 1775 г., т. ХLIII, 319.
- Пуцло, ген.-майоръ 1839 г.**, т. ХLI, 83.
- Пушаревъ, Арх. Г.**, сообщ.: «Холерный мѣсяцъ въ Петербургѣ 1831 г.», томъ ХLIV, 401—416, упом. т. ХLI, 479.
- Пурвовъ, ген. 1831 г.**, т. ХLIII, 533.
- Путата, ген.-адъют. 1857 г.**, т. ХLI, 400.
- Пушваревъ, семл. на его «Описание Петербурга».** т. ХLI, 629.
- Пушкина, Анастасія Аванас.**, рожд. княж. Козловская, прабабка А. С. Пушкина, т. ХLIII, 604, томъ ХLIV, 187, 188.
- Пушкинъ, гр., иженеръ-поруч. 1771 г.**, т. ХLIII, 56, 58.
- Пушкинъ, Матвѣй, столярникъ 1660 г.**, т. ХLIII, 230, 231.
- Пушкинъ, Матвѣй Степ., околицинчій, т. ХLIV, 564.**
- Пушкинъ, Фед. Алексѣев.**, столярникъ, т. ХLIV, 564.
- Пушкинъ, Левъ Сергѣев.**, влк. Нижегород. пол. 1827 г., т. ХLII, 328, т. ХLIII, 601.
- Пушкинъ, Петръ Петров.**, ираправѣдъ А. С. Пушкина, т. ХLIV, 187.
- Пушкинъ, Левъ Александр.**, 1762 г., дѣдъ Пушкина, т. ХLIV, 564.
- Пушкинъ, Александр. Серг.**, поэтъ, р. 1798 г., † 1837 г., т. ХLI, 71, 73, 78, 82, 193, 225, 334—336, 342, 343, 360—362, 413—

- 436, 573, 647—662, т. XLII, 87—110, 130, 198, 219, 326—354, 386, 389, 435—438, 533—572, 636, т. XLIII, 1—54, 116—121, 129, 133—135, 138, 140, 143—148, 313—330, 641—654, т. XLIV, 5, 7, 71, 75—92, 94, 95, 99, 146, 162, 187, 261, 265, 335—374, 515—588.
- Пушкинъ, Ал. Ал.**, сынъ поэта, томъ XLI, 417.
- Пушкинъ, Вас. Львов.**, т. XLIV, 531.
- Пушкинъ, Адрианъ Павл.**, раскольн., † 1883 г., т. XLIII, 664—672.
- Пушкинъ, ген.-майоръ, команд. Дворянск. полка 1839 г.**, т. XLII, 123, 127.
- Пушкинъ, Мих. Ив.**, кап., команд. гвард. конно-пионерн. эскадр., декабр., т. XLI, 303—338, т. XLII, 437, 438.
- Пушкинъ, Ив. Ив.**, декабр., т. XLII, 31, 32, 33.
- Пушкинъ, Василий, перв. кадетъ Новгор. кадетск. корп. 1834 г.**, т. XLI, 523, 528.
- Пшолово, Антоній, священникъ 1864 г.**, т. XLI, 26, 28, 30.
- Пыпинъ, Александр. Никол.**, писат. и ученикъ, р. 1833 г., т. XLI, 240.
- Пѣтуховъ, Мих.**, сообщ.: «Елисавета Александровна Арсеньева, бабка поэта Лермонтова», т. XLIII, 122.
- Пѣтуховъ, Онисифоръ Мих.**, т. XLIII, 122.
- Радзивиля, кн., Мих.**, сенат.-воевода 1831 г., т. XLI, 111, 389, т. XLIII, 350, 351, 353, 540, 544, 554.
- Радищевъ, Александр. Никол.**, писатель, р. 1749 г., † 1802 г., т. XLII, 468.
- Радъ, ген.-майоръ 1799 г.**, т. XLI, 621.
- Раевскій, Никол. Никол. (старш.)**, ген. отъ кавал. 1812 г., т. XLII, 294, 437.
- Раевскій, Никл. Никл. (младш.)**, команд. Нижегород. драгунск. полка 1827 г., затѣмъ востоян. авангардн. ген., т. XLI, 303, 307, 318, 322, 328, 330, 331, 334, 335, т. XLII, 87, 437—440, т. XLIII, 599—601.
- Раевскій, Александр. Никол.**, т. XLII, 437—440, т. XLIV, 528, 530, 541, 555.
- Раевскій, Святославъ Афанас.**, сосл. въ 1837 г. въ Петрозаводскъ, письма къ нему М. Ю. Лермонтова, т. XLII, 389, 390, 427.
- Раевскій, законоучит. 1-го кадетск. корп. 1839 г.**, т. XLII, 124.
- Раковскій, предвод. двор. Подольск. губ. 1834 г.**, т. XLIII, 680.
- Раль, бар.**, 1800 г., т. XLI, 628.
- Рамазаковъ, Никл. Александр.**, худож.-скульпт., р. 1815 г., † 1867 г., т. XLII, 411, 640—649, т. XLIV, 441.
- Рамзай, полковн. 1831 г.**, т. XLI, 133.
- Рапанусъ, востромск. губернат. 1858 г.**, т. XLI, 579.
- Растрелли, гр.**, архитект., т. XLI, 628, т. XLII, 412, т. XLIII, 257, 262.
- Ратчъ, Васил. Фед.**, ген., † 1870 г., исторіи гвард. артиллеріи. Указаніе на его «Матей въ Могилевской губ.» и «Польская эмиграція со времени присоединенія Польши къ Россіи», т. XLI, 28, 32, 33.
- Раухъ, ген. 1877 г.**, т. XLIII, 631.
- Раухенштраухъ, ген. 1831 г.**, т. XLIII, 562.
- Рахау, архит. 1870 г.**, т. XLII, 209—214.
- Рахманниковъ, ценз. 1857 г.**, т. XLII, 400.
- Редъ, ген. 1834 г.**, т. XLIII, 614.
- Рейндеръ, Ив. Мих.**, ген.-майоръ 1771 г., нижегородск. ген.-губ., т. XLIII, 72, т. XLIV, 286, 630.
- Рейндеръ, вице-директ. инспект. дел.**, т. XLI, 398.
- Редель, ген., нач. всей польск. артил. 1831 г.**, т. XLIII, 193.
- Резановъ, Никл. Петр.**, камергеръ, оберъ-прокуроръ св. синода 1802 г., т. XLI, 124, 125.
- Резановъ, А. И.**, акад.-архитект. 1864 г., т. XLI, 30, т. XLII, 415.
- Реймеръ, Яковъ Ив.**, архит.-академ., стропн. зданія главн. архива имп.-ва иностр. дѣлъ въ Москвѣ, р. 1818 г., † 1877 г., т. XLII, 204—218, 411.
- Реймеръ, Конст. Яковл.**, т. XLII, 217, 218.
- Реймеръ, Гейнрихъ**, ссылка на его «Петербургъ при императорѣ Павлѣ Петровичѣ», т. XLI, 627.

- Рейтеръ, Мих. Христоф., ин-ръ финанс., бывш. чл. редакц. комм., вполн. чл. главн. комит. объ устройствѣ сельск. сост. съ 1878—1882 гг., т. ХLI, 285, 286, 672, 673, 676, 721, т. ХLII, 207, 212, 217.
- Рейхель, Я. Я., художн., т. ХLII, 618, 620.
- Рейнкенхампфъ, генер.-лейт. 1771 г., т. ХLIII, 55.
- Рейхенъ, инженеръ 1846 г., т. ХLII, 84, 85, 303.
- Решникъ, кн., Никл. Вас., ген.-аншефъ, чрезвычайн. полномочн. посолъ въ Константинополь 1775 г., вполн. ревельск. ген.-губ. 1781 г., фельдмарш. 1798 г., р. 1734 г., † 1801 г., т. ХLI, 130, т. ХLII, 62, 63.
- Реттель, Леонардъ, участн. въ польск. воент. 1831 г., т. ХLIII, 161.
- Реутъ, команд. 42-го егерскаго полка 1828 г., т. ХLI, 317.
- Де-ла-Ривьеръ, т. ХLII, 462—468.
- Ридигеръ, ген.-ад. 1846 г., т. ХLI, 154.
- Рижордъ, Людмила Ив., р. 1794 г., † 1883 г., т. ХLIV, 219—220.
- Рижордъ, Петръ Ив., адмир., † 1855 г., т. ХLIV, 219—220.
- Римская-Корсакова, Прасковья Ангѣевна, р. 1679 г., † 1734 г., т. ХLIII, 604.
- Римскій-Корсаковъ, Яковъ Никитичъ, колорск. комед. и нингерманландск. гвардирт., вполн. сиб. вице-губернат. 1711 г., посл. 1715 г., т. ХLIII, 604.
- Римскій-Корсаковъ, Воинъ Яковъ, вице-адм., т. ХLIII, 604.
- Римскій-Корсаковъ, т. ХLIV, 603.
- Рихтеръ, ген., 1831 г., т. ХLIII, 556.
- Романовскій, Д. А., сообщ.: «Н. И. Уткинъ, его жизнь и произведенія», т. ХLII, 624—630, упом. т. ХLI, 636, т. ХLII, 130, 618, т. ХLIII, 122.
- Рождественскій, Іоаннъ Васил., священн. и законоучит. Дворянск. полка 1839 г., т. ХLII, 124, 125.
- Рожковъ, Петръ Мих., вице-адм., директ. морск. корп. 1826 г., т. ХLI, 377.
- Рожковъ, ген.-лейт., варшавск. гражд. губерн. 1866 г., т. ХLIII, 200, 361, 403—410.
- Розенбахъ, ген. 1877 г., т. ХLIII, 622.
- Розенбергъ, полковн. 1775 г., т. ХLIII, 17.
- Розенкранцъ, семл. на его биографію Дидро «Diderot's Leben und Werke», т. ХLII, 224, 463.
- Розенъ, бар., Лидія Григ., въ зам. княг. Дадіанн, т. ХLIII, 392.
- Розенъ, бар., Андрей Евгеніев., бывш. декабр., писат., р. 1799 г., † 1884 г., сообщ. очеркъ: «Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ и его участіе въ тайномъ обществѣ 1816—1821 гг.», т. ХLI, 61—70, 304, 305, «Декабристы на Кавказѣ въ 1826—1850 гг., записки Мих. Ив. Пушкина», 303—338, «П. П. Пестель», т. ХLII, 388, 436, его некрологъ, 657—658.
- Розенъ, бар., ген.-отъ-инф. 1831 г., т. ХLI, 94—109, 115—119, 382, 388—400, томъ ХLIII, 150, 151, 379—398, 530, 532, 537—543, 605.
- Розенъ, бар., команд. Гребенскаго пол. 1850 г., т. ХLIII, 583.
- Ромодановская, княг., Настас. Фед., 1728 г., т. ХLIII, 604, т. ХLIV, 379.
- Ромодановскій, кн., Ив. Фед., моск. ген.-губерн. 1727 г., т. ХLIV, 379.
- Ромодановскій, кн., Юрій, 1658 г., томъ ХLIII, 225, 229, 243.
- Росляновскій, кап. 1831 г., т. ХLIII, 182, 183, 184.
- Россоги, Аркадій Осип., т. ХLI, 163—172, 437—440, 664.
- Россогъ, минск. губернат. 1858 г., томъ ХLI, 579.
- Росси, архитект., т. ХLII, 415, 620.
- Россиленъ, бар., Левъ Васил., подполк. генер. штаба 1840 г., т. ХLI, 84, 85, 86, 87, 239.
- Ростиславовъ, Дмит. Ив., проф. сиб. дух. акад., р. 1809 г., † 1877 г., его записки, т. ХLII, 495—518, т. ХLIII, 87—104, 289—312.
- Ростовцевъ, Яковъ Ив., ген.-ад., бывш. предсѣд. редакц. ком., р. 1803 г., † 1860 г., т. ХLI, 212, 242, 248, 249, 400, 524—530, 536, 538, 541, 591—607, 677, 699, 709, 721, т. ХLII, 112, 116, 124, 638.
- Ростовцовъ, гр., Никл. Яковъ, т. ХLI, 672—674, 676, 690, 698, 717.

- Ростопчина, гр-ня, Евдокія Петр., рожд. Сунцова, писательница, † 1868 г., т. XLIV, 66, 71, 592.
- Ростопчинъ, гр., д. т. сов. 1799 г., т. XLI, 366.
- Ростопчинъ, гр., Фед. Васил., об.-камерг., ген.-инф., моск. главнокоманд. 1812 г., р. 1765 г., † 1826 г., т. XLIV, 207.
- Ртищевъ, бояринъ, т. XLIII, 223.
- Рубинъ, Д. А., писат., т. XLIV, 322, 324, 326.
- Рудановъ, Павелъ Дм., ген.-лейт., р. 1811 г., † 1879 г., т. XLIV, 481, 506.
- Румянцевъ-Вадудайскій, гр., Петръ Алексдр., фельдмаршалъ, р. 1725 г., † 1796 г., т. XLII, 56, 60, 445, томъ XLIII, 319.
- Румянцевъ, гр., Никл. Петр., госуд. канцл., род. 1754 г., † 1826 г., т. XLII, 35.
- Руничъ, Павелъ Степ., владимірскій гражд. губернат. 1798 г., т. XLII, 223.
- Руничъ, Дмт. Павл., дс. ст. сов., попеч. спб. учебн. окр. 1826 г., т. XLI, 62.
- Рушловскій, Никодимъ, участн. въ польск. возст. 1831 г., т. XLIII, 161.
- Рутценъ, Никол. Карл., земскій дѣятель, бывш. предс. ком. по крестьянск. дѣл. въ Ц. Польск., р. 1826 г., † 1880 г., т. XLII, 609, 610.
- Рыкачевъ 1-й, воспитан. Новгородск. кадетск. корп. 1834 г., т. XLI, 524.
- Рылѣвъ, Кондр. Федор., декабр., писат., р. 1795 г., † 1826 г., т. XLI, 62, 63, 306, т. XLII, 408, 550, 564, т. XLIII, 121.
- Рылѣвъ, фл.-адъют. 1864 г., т. XLI, 21, т. XLII, 368.
- Рѣпина Елена, сообщ.: «Прошлое г. Архангельска, 1584—1834 гг.», т. XLIV, 605—614.
- Рѣпинскій, Косьма Григ., чл. редакц. ком., вносл. сенаторъ, † 1876 г., томъ XLI, 721, т. XLII, 222.
- Рѣпинскій, Григ. Косм., сообщ.: «Ив. Серг. Тургеневъ въ его письмахъ къ Ег. Петр. Ковалевскому», т. XLII, 399—402, «Письмо Т. Г. Шевченко къ Е. П. Ковалевскому», 402, «В. А. Жуковскій, письмо его къ Е. П. Ковалевскому», 531—532.

де-Руольеръ (Claude de Rulhières), секрет. франц. посольств. въ Петерб. 1760 г., р. 1736 г., † 1791 г., т. XLII, 269, 270, 272, 273.

Савинскій, революціон. генер. 1831 г., бывш. команд. аппликаціон. школ., т. XLIII, 186, 356.

Савицкий, полковн. 1831 г., т. XLIII, 540.

Садовникоуъ, Дмтр. Никл., поэтъ, томъ XLIV, 322, 324, 326.

Садовскій, Провъ Мих., арт., т. XLII, 647, т. XLIV, 53—56.

Савенъ, ген., корпусн. команд. 1812 г., т. XLII, 299, т. XLIII, 155, 156, 339.

Савенъ, Дмтр. Ерофѣев., нач. штаба кавказск. войскъ 1827 г., † 1881 г., т. XLI, 306, 311, 317—330, 332, 337.

Салацкий, бригадн. ген., чл. правительств. воен. комисс. 1831 г., т. XLIII, 361.

Салтыковъ, ген.-аншефъ 1773 г., томъ XLII, 48, 52, 53, т. XLIII, 75.

Салтыковъ, гр., А. Н., чл. іосуд. сов. 1814 г., т. XLIII, 369.

Салтыковъ, Мих. Евграф., бывш. чл. особ. комм. о губ. и уѣздн. учрежд., т. XLI, 721.

Салтыковъ, М. Е. (Щедринъ), писат., т. XLII, 435.

Сальниковъ, Алексдр. Никл., писат., т. XLIV, 313, 314, 324, 326.

Самаринъ, Юрій Фед., писат., р. 1819 г., † 1876 г., т. XLII, 7, 164, 179, 440, 598, 670, 676—702, 709, 721—725, т. XLII, 592.

Самаринъ, В. Ф., адъют. 1864 г., т. XLI, 32, 179.

Самаринъ, Петръ, т. XLI, 192, т. XLII, 587, 592.

Самойловъ, Васил. Васил., артистъ, т. XLIV, 125—142.

Сандуновъ, учит. московск. унв. благородн. 1829 г., т. XLIV, 590.

Саутинъ, подпоруч., команд. служительской роты Новгородск. кадетск. корп. 1834 г., т. XLI, 522.

Сахарова, Анна Гавр., т. XLIV, 317, 318.

Сахаровъ, профес. и ученый 1848 г., т. XLII, 138.

- Свищевъ, Павелъ Петр.**, издат. «Отеч. Зап.» 1820 г., т. XII, 633, 634, 635.
- Свищуновъ, А. Н.**, тайн. сов., директ. хозяйств. департ. 1865 г., т. XIII, 201.
- Свищуновъ, Петръ Никл.**, декабристъ, т. XII, 305.
- Связовъ, И. И.**, т. XII, 479.
- Святославскій, Алексдр.**, участн. въ польск. возет. 1831 г., т. XIII, 161.
- Святловъ, подполк.** 1834 г., т. XII, 527.
- Свѣчкинъ, Никол. Сергѣев.**, ген.-инф., Слб. военн. губернат. 1880 г., т. XII, 871.
- Свѣчкинъ, подполк. ген. штаба** 1853 г., т. XIV, 179.
- Святоторовъ, купецъ, городск. голова въ Твери** 1799 г., т. XII, 622.
- Святополь-Мирскій, кн.**, командиръ Бабард. пол. 1857 г., т. XIII, 581, 616.
- Седергольмъ, ивжен. ген.-лейт.** 1884 г., т. XIII, 451.
- Седморацкій, ген.-маіоръ** 1801 г., бригадн. ген. 1806 г., т. XII, 459.
- Селивановъ, Илья Васил.**, писатель, † 1882 г., т. XIII, 593.
- Селифонтова, Софья В.**, т. XII, 460.
- Селифонтовъ, полковн.** 1812 г., томъ XIV, 209.
- Селифонтовъ, Мих. Петр.**, ген.-маіоръ, т. XII, 460.
- Селифонтовъ, Сергѣй Мих.**, † 1883 г., т. XII, 460.
- Селифонтовъ, Никл. Никл.**, т. XII, 479, 480.
- Семевскій, Мих. Ив.**, редакт. «Русской Старины», сообщ. «Некрологъ Е. П. Голенко», т. XII, 659—666, «Правскова Никол. Жолкевичъ», 667—670, упом. т. XII, 217, 240, 460, 481, 665, 666, 676, 716—719, 732, 734, т. XIII, 426, 427, 672, XIII, 112, 457—460, 654, т. XIV, 74, 126, 126, 624.
- Семевскій, Петръ Ив.**, предсѣд. повѣрочн. комисс. въ Минск. губ. съ 1864—1870 гг., т. XII, 34.
- Семеновъ, Никл. Петр.**, бывш. чл. редакц. коми., т. XII, 673, 676, 716, 717, 721.
- Семеновъ, Петръ Петр.**, бывш. чл. редакц. коми., т. XII, 672, 673, 676, 709, 710, 711, 716, 717, 721, 732, 733.
- Семичевъ, маіоръ Нижегород. драгунск. пол.** 1823 г., т. XII, 824, т. XIII, 600.
- Семичевскій, полк.** 1837 г., т. XIII, 379.
- Сенденторетъ, подполковн.**, † 1779 г., т. XIII, 272.
- Сенденфоретъ, подполковн.** 1778 г., т. XIII, 85.
- Сентъ-При, гр.**, дежурн. генер. 1-й арміи 1812 г., т. XII, 294.
- Сенковскій, Осипъ Ив.**, профес. Слб. унш., писат., † 1868 г., т. XII, 71, 339, 342, 356, 357, 362, т. XIII, 139, 145—147, т. XIV, 147, 148.
- Сенявинъ, вице-адмир.** 1771 г., томъ XIII, 67.
- Сербинювкча, Е. С.**, цензоръ, томъ XIV, 369.
- Сергѣевъ, офиц. генер. штаба** 1840 г., т. XII, 239.
- Сергѣевъ, А. Н.**, ссылка на сообщ. имъ статью о гр. Аракчеевѣ, т. XII, 480.
- Серебряновъ, полковникъ** 1771 г., томъ XIII, 62.
- Сершпутовскій, шт.-кап.** 1856 г., томъ XII, 456.
- Сеславинъ, полковн., партизанъ** 1812 г., т. XII, 298, 299, т. XIII, 127.
- Сиверсъ, ревальск. вице-губернат.** 1777 г., т. XIII, 81.
- Сиверсъ, гр.**, ген.-маіоръ, помощникъ нач. гл. штаба 1865 г., т. XII, 201.
- Сигизмундъ-Августъ, король польскій** 1569 г., т. XII, 49, 51, 52.
- Сигурковъ, Никол. Григ.**, ген.-маіоръ, ссылка на его воспомин. «Черты изъ жизни гр. Аракчеева», т. XII, 479.
- Симковъ, ивжен.-капит.** 1825 г., томъ XII, 507.
- Синельниковъ, воронежск. губернат.** 1858 г., т. XII, 253, 254, 265, 579.
- Сипягинъ, ген.-ад., тифлисск. воен. губ** 1827 г., т. XIII, 603.
- Сятинковъ, подполк. Великолудц. пѣх. пол.** 1831 г., т. XIII, 331.
- Славожи, художн.**, т. XII, 226, 288.
- Слобелевъ, Ив. Никит.**, генер. отъ инф. коменд. слб. крѣпости 1848 г., томъ XII, 379, 380.

- Свободель, Мих. Дмитр., генер.-адъют., р. 1843 г., † 1882 г., т. XLI, 379, томъ XLIV, 327, 329, 505, 513.
- Свотли, Мих. Ив., худож., т. XLI, 630, т. XLII, 640—645, т. XLIV, 441.
- Свирьбицкий, управл. провіантск. комм. въ Варшавѣ 1831 г., т. XLIII, 357.
- Свирьбицкий, А. И., редакц. изд. «Крестьянскаго дѣла въ царствованіе Александра II», т. XII, 674, 676, 716—718, 734.
- Скрябинцевій, полковн. 1831 г., томъ XLIII, 201.
- Словский, ссылка на его соч. «Рассказы о быломъ», т. XLI, 499.
- Слѣпцовъ, ген. 1850 г., т. XLIII, 585, 587.
- Смагинъ, ген.-майоръ, начальн. артыл. гренад. корп. 1834 г., т. XLI, 527.
- Смарagdовъ, С. Н., професс. исторіи, т. XLII, 379.
- Смирная, Ева, Александра Васильевна, рожд. княж. Вяземская, род. 1771 г., т. XLI, 217.
- Смирнова, Александра Осиповна, рожд. Россетти, † 1882 г., т. XLI, 163.
- Смирновъ, В. А., т. XLII, 618.
- Смирновъ, Александръ Петр., бывш. чл. редакц. комм., т. XLI, 721.
- Смитъ, авт. «Исторіи польскаго возстанія 1831 г.», т. XLI, 85.
- Соболю, Н. П., ссылка на его ст. «Жизнь и произведенія грав. Л. А. Сѣрякова», т. XLIV, 390.
- Соболевскій, гр., Валентинъ, предѣд. администр. сов. въ Ц. Польск. 1831 г., т. XLIII, 349, 350, 352, 353.
- Собольскій, полковн., 1831 г., т. XLIII, 353.
- Соймонова, Прасковья Алексѣев., томъ XLI, 217.
- Соловниязъ, Прокофій Фед., окольный 1670 г., т. XLII, 156.
- Соловьевъ, Петръ Фед., худож., основ. портретной аквар. живоп. въ Россіи, р. 1787 г., † 1848 г., писав. имъ портреть А. С. Пушкина, т. XLI, 664, т. XLII, 433.
- Солдатенковъ, помѣщ. 1870 г., томъ XLII, 213.
- Солнцева, Фед. Григ., професс. археол. живописи, т. XLII, 130, 411, 412, 433, 620, т. XLIII, 508.
- Соловьевъ, Серг. Мих., проф.-историкъ, р. 1820 г., † 1879 г., т. XLI, 217, томъ XLII, 215, 236—238, 242, 467, т. XLIII, 223, 226—239, 242, 243, 247.
- Соловьевъ, Яковъ Александр., семат., бывш. чл. редакц. ком., † 1876 г., его «Записки о крестьянскомъ дѣлѣ 1858—1859 гг.», т. XLI, 241—276, 575—606, уном. т. XLI, 288, 670—678, 689, 699—700, 709, 721, т. XLII, 585, 588—592, 597—602, т. XLIII, 400—402, 410.
- Соловьевъ-Несмѣловъ, Никл. Александр., т. XLIV, 314—326.
- Сологубъ, гр., Владим. Александр., писат., † 1882 г., т. XLIV, 299.
- Соломва, кап. 1828 г., т. XLI, 323.
- Соломонидычъ, А. С., т. XLII, 426.
- Солтыковы, дворяне Ростовск. уѣзда Ярослав. губ. 1811 г., т. XLIV, 200.
- Сопиковъ, семл. на его «Опытъ россійск. библиографіи», т. XLIV, 275.
- Соревъ, генер.-майоръ, 1771 г., томъ XLIII, 57.
- Сорычъ, генераль.-майоръ 1771 г., томъ XLIII, 69.
- Сошкинъ, ссылка на его статью: «Взглядъ на состояніе Римской имперіи при явленіи христіанства», т. XLI, 72.
- Сошкинскій, Ив. Ив., актеръ, р. 1794 г., † 1871 г., т. XLII, 129, т. XLIV, 125.
- Спасошій, Григорій, оберъ-берггаупт., ссылка на составл. имъ «Горный словарь» 1842 г., т. XLI, 301.
- Спасошій, Ив. Тимоф., професс. 1840 г., т. XLIV, 146, 156.
- Сперанскій, гр., Мих. Мих., р. 1772 г., † 1839 г., т. XLII, 282, 283, т. XLIV, 159.
- Спѣшневъ, В. А., миров. посредн. 1861 г., т. XLII, 666.
- Средневскій, Имануѣль Ив., проф.-акад., т. XLIII, 431.
- Сталракъ, Михаилъ Иван., ген.-майоръ, р. 1808 г., сообщ. свои воспом. «Русскіе на Босфорѣ въ 1833 г.», т. XLIII, 363—368.
- Старичскій, Егоръ Павлов., т. XLI, 676, 716, 717.

- Старчекъловъ**, ген.-майоръ, начальникъ новгородск. удѣла пахотныхъ солдатъ 1834 г., т. ХLI, 527.
- Стасовъ**, Владим. Васил., т. ХLII, 224, 267, 620, т. ХLIV, 598, 600.
- Стасюлевичъ**, Мих. Матв., ред. «Вѣстн. Европы», т. ХLI, 240.
- Стенбожь-Ферморъ**, гр., Юлія Иванов., управл. деп. удѣл., т. ХLI, 673, 676, т. ХLII, 418, 443.
- Степанова**, кормилица вел. кн. Константина Павловича, т. ХLI, 621.
- Степановъ**, штабс-кап. 1831 г., томъ ХLIII, 331.
- Стефанъ**, архіеп. рязанск. 1660 г., томъ ХLIII, 231.
- Стецкій**, прелатъ 1799 г., т. ХLI, 363.
- Стиль**, Марія Аггеевна, въ перв. замуж. Милюткина, сообщ. «Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ въ письмахъ къ М. А. и Н. А. Милюткинымъ, 1867—1875 гг.», т. ХLI, 175—194, «Николай Алексѣевичъ Милюткинъ въ его заботахъ о крестьянскомъ и судебномъ дѣлѣ въ Царствѣ Польскомъ, т. ХLII, 585—594. Упом. т. ХLI, 685.
- Стошевскій**, адм. 1833 г., т. ХLIII, 366.
- Стожковскій**, вологодск. губернат. 1858 г., т. ХLI, 253, 254, 265.
- Столыпинъ**, А. А. (Монго), лейбъ-гус., т. ХLII, 427.
- Стороженко**, дѣйств. ст. сов. 1864 г., т. ХLI, 32.
- Стоякинъ**, Влад. Яковлев., т. ХLII, 430.
- Стожковскій**, Никл. Ив., бывш. чл. особ. ком. о губ. и уѣздн. учрежд., т. ХLI, 480, 672, 673, 676, 702, 716, 717, 721.
- Страумитъ**, Индрикъ, (исевдонимъ), свид., сообщ. «Разсказъ православнаго латыша 1845—1846 гг.», томъ ХLII, 157—178.
- Стремоуховъ**, Н. П., писат., т. ХLIV, 324, 326, 327.
- Стрешковъ**, Семенъ Лукьянов., бояринъ 1651 г., т. ХLIII, 225, 227, 253.
- Строганова**, граф., Софія Вл., т. ХLI, 635.
- Строганова**, гр., Наталья Павл., помѣщ. 1857 г., т. ХLIII, 664, 671.
- Строгановъ**, гр., Александр. Серг., бывш. презид. акад. худож., впослѣд. главн. начал. импер. библ., р. 1734 г., † 1811 г., т. ХLI, 628, 635.
- Строгановъ**, гр., Александр. Серг., дѣйств. камергеръ 1814 г., т. ХLIV, 195, 196.
- Строгановъ**, гр., Пав. Александр., камергеръ, впослѣд. ген.-ад., тов. мн-ра внутр. дѣлъ 1804 г., т. ХLI, 125, 129, 130, томъ ХLIV, 195.
- Строгановъ**, бар., Григ. Александр., т. сов., дѣйств. камергеръ 1811 г., т. ХLIV, 196.
- Строгановъ**, гр., Сергѣй Григ., т. ХLII, 618, т. ХLIII, 673.
- Строгоновъ**, гр., Александр., т. ХLI, 109, 391, 392, 398.
- Строевъ**, Павелъ Мих., археологъ, томъ ХLII, 35.
- Струве**, В. В., сообщ.: «Къ исторіи раскола и упраздненія крѣпостнаго права въ Пермской губ.», т. ХLIII, 668—676.
- Струмило**, полковн., баталіон. команд. Новгород. валецк. корп., 1837 г., т. ХLI, 540, 542, т. ХLII, 114, 115.
- Стунѣвъ**, полковн. 1832 г., т. ХLIV, 691.
- Суворовъ-Рымкинскій**, кн. Италійск., Александр. Васильев., генералиссимусъ, р. 1728 г., † 1800 г., т. ХLI, 113, 364, 366, 368—370, 620, 625, т. ХLII, 56, 60, 294, 619, 620, 630, т. ХLIII, 123, 126, 139, 147, 148, т. ХLIV, 565, 626—629, 632.
- Суворовъ-Рымкинскій**, кн. Италійск., Александр. Аркад., ген.-адъют., остзейскій ген.-губ. 1861 г., слоб. военный ген.-губ. 1864 г., † 1882 г., т. ХLI, 12, 13, 307, 310, т. ХLII, 418, т. ХLIII, 203, 211.
- Суворовъ-Рымкинскій**, гр., камергеръ 1799 г., ген.-адъют., т. ХLI, 367, 368.
- Суворовъ**, Илья Васил., ротн. команд. Кабард. поля 1790 г., т. ХLIII, 285.
- Сулина**, кап. артиллер. 1829 г., томъ ХLI, 336.
- Сулоцкий**, Х., смы. на его рукоп. ист. христіанства въ Сибири, т. ХLII, 247.
- Сумароковъ**, Александр. Петров., писат., директ. импер. театра 1760 г., р. 1717 г., т. ХLI, 609—618.
- Суржковъ**, Ив. Зах., поэтъ, т. ХLIV, 320, 321, 322, 327.

- Сутгофъ, Алексдр. Никл.**, ген.-маіоръ, начальн. школы гвард. подпрапорщ. и юнкеровъ съ 1843—1863 гг., т. XLII, 206—216, 442, 443, 449, 453.
- Сутгофъ, Алексдр. Никл.**, декабр., томъ XLII, 304.
- Суховажеть, Ив. Онуфріев.**, главн. директоръ Пажеск., всѣхъ сухоп. кадетск. корп. и Дворянск. полка, чл. совѣта воен.-учебн. завед., ген. отъ артиллер., ген.-адъют. 1834 г., т. XLII, 526, 527, 544, т. XLIII, 540, 542, 543.
- Суховажеть, Никл. Онуфріев.**, военный ин-ръ 1861 г., вносилъ дѣтвѣи намѣстникъ Царства Польскаго, т. XLII, 412.
- Сухтеленъ, гр.**, ген.-лейт., нач. штаб. кавказск. корп. 1827 г., т. XLIII, 603.
- Сѣверинъ, писатель** 1812 г., т. XLIII, 110, 111.
- Сѣмионтовской, бригад. ген.**, начал. главн. штаба польск. арм., † 1831 г., т. XLIII, 200, 201, 361.
- Сѣрашовскій, (Доленго), Сигизмундъ,** предвод. повст. въ Литвѣ, † 1863 г., его записка «Вопросъ польскій», томъ XLII, 48—60.
- Сѣрвожскій, бригадн. ген.** 1831 г., т. XLIII, 361, 362.
- Сѣровъ, Алексдр. Никл.**, композиторъ, р. 1820 г., † 1871 г., т. XLIV, 147.
- Сѣрашовъ, Лаврент. Авксентьев.**, акад.-граверъ, р. 1824 г., † 1881 г., т. XLII, 688, т. XLIII, 434, 632, т. XLIII, 503, т. XLIV, 390.
- Талыжанъ, кап.**, эриванск. окружн. нач. 1837 г., т. XLIII, 335.
- Тамара, грузинск. царица** 1182 г., томъ XLIII, 390.
- Тануторовъ, ген.-маіоръ, команд.** Ново-россійск. полка 1854 г., т. XLIV, 431, 503, 506.
- Тарасевичъ, Ив. Андрианов.**, т. XLII, 407.
- Тарасовъ, Д. К.**, лейбъ-хир., т. XLII, 479.
- Тарновскій, Василій Вас.**, бывш. чл. редакц. комм., † 1871 г., т. XLII, 676, 685, 691, 699, 709, 721.
- Тарханъ-Маураховъ, кн.**, полковникъ 1853 г., т. XLIV, 431, 506.
- Татаринковъ, Алексдр. Никл.**, бывш. чл. редакц. комм., † 1864 г., т. XLII, 691, 709, 721.
- Татариковъ, Валер. Алексѣев.**, государ. контролеръ, т. XLII, 598, 699.
- Татаринковъ, Пав. Егор.**, т. XLII, 460, 676, 716, 717.
- Татищевъ, Василій Никит.**, историкъ, р. 1686 г., † 1750 г., т. XLIV, 575—580.
- Татищевъ, гр.**, ген. отъ инфант. 1806 г., т. XLIV, 202.
- Татьяна Михайловна, велик. княжна,** сестра цари Алексѣя Михайловича, т. XLIII, 263.
- Таубе, Варвара Вас.**, т. XLII, 336.
- Таубе, Максимъ Макс.**, т. XLII, 336, 337.
- Таймуразъ, грузинскій царь** 1651 г., т. XLIII, 225.
- Теляшовскій, Аркад. Захар.**, полковн., профес. фортиф. 1845 г., вносл. ген.-лейт., т. XLII, 209.
- Тергузасовъ, Солод. Артемьев.**, ген., т. XLIII, 597, 598.
- Теребеневъ, Мих. Ив.**, акад., портретистъ, т. XLII, 636.
- Теребеневъ, Алексдр. Ив.**, скульпт., т. XLII, 635, 636.
- Теребеневъ, Ив. Ив.**, скульпт. и каррикатуристъ, р. 1780 г., † 1815 г., томъ XLII, 630—636.
- Тягичевъ, владим. губернат.** 1858 г., т. XLII, 259, 269.
- Тихль, ген.-маіоръ** 1779 г., т. XLIII, 272.
- Тимашевъ, пермск. ген.-губерн.** 1866 г., т. XLIII, 667.
- Тимашевъ, А. Е.**, ин-ръ внутр. дѣлъ 1867 г., т. XLII, 285.
- Титовъ, Никол. Алексѣев.**, ссылка на его зап.: «Балъ у гр. Аракчеева въ 1820 г.», т. XLII, 479.
- Тихоновожскій, команд.** Кабардинск. пол., т. XLIII, 210.
- Тихонравовъ, Н. С.**, профес., рект. московск. унив. 1881 г., сообщ.: «Александръ Петровичъ Сумароковъ 1769 г.», т. XLII, 609—618; «Д. В. Дашковъ и гр. Д. И. Хвостовъ, въ общ. любит. словеса».

- наука и худож. въ 1812 г., т. ХLIII—105—113; «Николай Михайловичъ Карамзинъ», 114; упом. т. ХLIII, 118, 457.
- Тихоцкий**, полковн. 1853 г., т. ХLIV, 181.
- Тожаревъ**, первый библиотек. публичн. библ. въ Тифлисѣ 1849 г., т. ХLIV, 298, 299.
- Толмачовъ**, владимирск. губернат. 1858 г., т. ХLI, 255.
- Толбинъ**, Вас. Ив., т. ХLII, 626.
- Толстая**, гр., Анастасія Ив., вдова Ф. П. Толстаго, т. ХLII, 621, 622.
- Толстой**, гр., Петръ Алексдр. предсѣд. совѣта военн.-учебн. завед., сенат. членъ госуд. сов. и шефъ Московск. пѣхотн. полка, ген. отъ инфант. 1834 г., т. ХLI, 526, 527.
- Толстой**, гр., Фѣдоръ Петр., тн. сов., товарищъ президента акад. худож., медальеръ, р. 1783 г., † 1873 г., т. ХLI, 480, т. ХLII, 180, 415, 620, 621—623.
- Толстой**, гр., Алексѣй Конст., писатель, р. 1817 г., † 1875 г., т. ХLI, 195—198, 460.
- Толстой**, гр., Левъ Никл., писат., т. ХLI, 456, т. ХLIII, 424.
- Толстой**, гр., Дм. Андр., сенаторъ 1864 г., вполн. мн-ръ народн. просвѣщ. 1867 г., т. ХLI, 28, 35, 276, т. ХLII, 208.
- Толстой**, Влад. Серг., декабр., т. ХLI, 304.
- Толстой**, гр., И. И., т. ХLII, 618.
- Толстой**, гр., фл.-ад., полковн. 1827 г., т. ХLIII, 600.
- фонъ-Толь**, ген.-маіоръ 1799 г., томъ ХLIV, 628.
- Толь**, гр., ген. 1881 г., т. ХLI, 95, 96, 105, 106, 107, 109, 112, 115, 382, 386, 387, 388, 389, 393, 400, т. ХLII, 295, т. ХLIII, 156, 337, 532, 533, 537, 539, 542, 543.
- Толь**, Б. А., архитекторъ, бывш. ректоръ акад. худож., т. ХLII, 130, 204, 217, 218, 415, 620, 641.
- Толшкельскій**, Мих. Ив., ген. 1840 г., т. ХLIV, 154, 168.
- Тормасовъ**, А. П., чл. госуд. сов. 1814 г., т. ХLIII, 369.
- Тормасовъ**, ген., команд. 3-й арміи 1812 г., т. ХLII, 299.
- Тотлебенъ**, гр., Эдуардъ Ив., инженеръ, ген.-ад., † 1884 г., т. ХLIII, 449—454.
- Трембицкий**, ген., адъют. в. кн. Константина Павловича 1831 г., т. ХLIII, 170—172, 200, 546.
- Треповъ**, Фѣд. Фѣд., ген., варшавск. оберъ-полниц. 1864 г., вполн. спб. градонач. 1866 г., т. ХLI, 26.
- Тройкицкий**, товарищъ мн-ра внутр. дѣлъ, т. ХLI, 67.
- Тромицкий**, Маврикій Мих., поруч. 8-й артил. бригады, полиційм. Новгород. вадетск. корп. 1834 г., т. ХLI, 522.
- Троцкий**, сенаторъ, статск.-секретарь 1799 г., т. ХLII, 280, 281.
- Трубецкой**, кн. 1660 г., т. ХLIII, 229, 230.
- Трубецкой**, кн., Серг. Петр., полковн. 16-гв. Преобр. полка, декабр., † 1860 г., т. ХLI, 63, 64.
- Трубиновъ**, Влад. Васильев., т. ХLI, 676.
- Трузонъ**, О. Х., инженер.-ген. 1827 г., т. ХLI, 309, 311, 312.
- Тумановъ**, А. Д., сообщ.: «Ковдратовичъ-Сырокомля 1857 г.», т. ХLIV, 301—306.
- Тургеневъ**, Александръ Ив., писатель, т. ХLII, 567.
- Тургеневъ**, Никол. Ив., декабр., † 1872 г., т. ХLI, 61, 64—68, 192, 673, 676, 677, 691, 694, т. ХLII, 53.
- Тургеневъ**, Ив. Серг., писат., р. 1818 г., † 1888 г., т. ХLI, 173, 174, 175—194, 667, 670, 676, 690, 691, 710, 711, 718, 734, т. ХLII, 391—402, 405, 406; 435.
- Турхо**, адъют. в. кн. Конст. Павл. 1831 г., т. ХLIII, 193, 545.
- Турчанinovъ**, маіоръ гренадерск. полка 1799 г., т. ХLI, 620.
- Турчановскій**, маіоръ, 1853 г., т. ХLIV, 424, 426.
- Тутолминъ**, ген.-лнф., московск. военн. губернат. 1806 г., т. ХLIV, 201, 202.
- Тучковъ**, корпусн. команд. 1812 г., т. ХLII, 295.
- Тышневичъ**, гр., предвод. двор. Киевск. губ. 1834 г., т. ХLII, 434, т. ХLIII, 680.

- Тьебо (Dieudonné Thiébault), професс. акад., ссылка на его записки «Воспоминанія двадцатилѣтняго пребыванія въ Берлинѣ, 1765 — 1785 гг.», томъ XLII, 233.
- Тютчевъ, Никл. Никл., т. XLI, 670, 673, 676, 709.
- Уваровъ, Сергій Семен., мин. народн. просв., † 1855 г., его очеркъ: «Императрица Елисавета Алексѣевна», томъ XLI, 226 — 236, упом. т. XLII, 633, т. XLIII, 116, 120, т. XLIV, 889.
- Уваровъ, А. В., писат., т. XLIII, 118.
- Уваровъ, гр., А. С., т. XLII, 618.
- Узбежъ, ханъ татарскій 1318 г., т. XLII, 13—17, 21, 22.
- Уильямсъ, англ. посоль при русск. дворѣ 1755 г., т. XLII, 242.
- Уинновскій, тверск. предвод. дворянства 1858 г., т. XLI, 264.
- Ураховъ, кн., генер.-маіоръ 1799 года, т. XLI, 624.
- Урбанскій, поруч., участн. въ польск. вост. 1831 г., т. XLIII, 174.
- Урусова, княг., Евдонія Прокофьевна, т. XLII, 156.
- Урусовъ, кн., Петръ Семенов., бояринъ 1676 г., т. XLII, 156.
- Урусовъ, кн., Сергій Николаев., членъ госуд. сов., статсъ-секрет., † 1882 г., т. XLI, 284, 285, т. XLII, 593.
- Урусовъ, кн., Иванъ, ярославск. вице-губернат. 1811 г., т. XLIV, 208.
- Урусовъ, кн., Дмитр., ярославск. уѣздн. предводит. двор. 1812 г., т. XLIV, 204.
- Усовъ, профес. Сиб. универсат. 1850 г., т. XLII, 323.
- Успенскій, Ф. Ф., т. XLIV, 311, 312.
- Уткинъ, Никл. Ив., проф., грав., т. XLII, 129, 130, 620, 624—630.
- Ухтомскій, граверь, т. XLIV, 194.
- Ушаковъ, вице-адмир. 1799 года, томъ XLI, 364.
- Ушаковъ, воспит. Новгор. кад. корп. 1837 г., т. XLI, 542.
- Ушаковъ, олоонец. губерна., т. XLI, 480.
- Ушаковъ, писат., т. XLI, 340.
- Фабрициusz, ген.-маіоръ 1779 г., том XLIII, 277, 279, 283—286.
- Фальковский, Стефанъ-Маврикій, скульп. р. 1716 г., † 1791 г., т. XLII, 254, 263, 268—271, 447, 448, 490, 491.
- Федоровъ, генер.-лейт., исправл. дела новоросс. и бессарабск. ген.-губерн. 1848 г., т. XLI, 159.
- Фейхтнеръ, нижен., ген.-лейт. 1834 г., т. XLIII, 451.
- Фельдерамъ, рижск. гражд. губерна. 1841 г., т. XLII, 169.
- Феншъ, ген. 1831 г., т. XLIII, 197.
- Фетисовъ, ген.-маіоръ 1853 г., т. XLIV, 431, 506.
- Фигнеръ, полковн., партизанъ 1812 г., т. XLII, 298, т. XLIII, 127.
- Филаретъ (Фед. Никитичъ), патриарх, т. XLII, 37, 42.
- Филаретъ (Амфитеатровъ, въ мѣрѣ Фед. Гаврил.), проф. богосл., архіерей Калужск., Рязан. Казанск. (1828—1836 г.), Ярослав. и митроп. Кіевскій, р. 1779 г., † 1857 г., т. XLII, 179—192, 412.
- Филаретъ (Гумилевскій, въ мѣрѣ Дмитр. Григорьев.), еписк. Рижскій съ 1841—1858 г., вносл. архіеп. Черниговскій, р. 1805 г., † 1868 г., т. XLII, 158, 164, 165, 167, 168, 172, 173, 174, 177.
- Филаретъ (Вас. Дроздовъ), митрополит Моск., р. 1782 г., † 1867 г., т. XLII, 444, т. XLIV, 5 в прилож. къ кн. II, стр. I.
- Филатьевъ, Владим. Ив., ростовск. уѣздн. предвод. дворян. 1812 г., т. XLIV, 200, 204—207, 211—218.
- Филемонъ, полк. Волынскаго ландм., † 1831 г., т. XLIII, 539.
- Филипповъ, Александр. Яковл., содѣлалъ панс. въ Сиб. 1846 г., † 1848 г., т. XLII, 566—573, т. XLII, 138.
- Филипповъ, Гр. Ив., ген., т. XLI, 456.
- Философовъ, подп. 1771 г., т. XLIII, 38.
- Философовъ, полковн. 1827 г., т. XLI, 310, 323.
- Флерж, директ. учил. глухонѣм. 1851 г., т. XLIV, 596.

- Фовицкий, Ив.**, писатель 1812 г., томъ ХLIII, 111.
- Фозь, Александръ**, декабристъ, т. ХLI, 303, 306.
- Фонвизинъ, Денисъ Ив.**, писат., р. 1744 г., † 1792 г., т. ХLII, 32, 61, 62, 498, 494.
- Фонвизинъ, Мих. Алесдр.**, ген.-майоръ, декабр., † 1864 г., его Записки, т. ХLII, 81 — 66, 281 — 302, упом. т. ХLI, 66, т. ХLII, 489.
- Фонвизинъ, П. Ив.**, директ. Московск. университет. 1778 г., т. ХLII, 61.
- Фотій (Петръ Никит. Спасосій)**, архим., настоят. Новгород. Юрьева мон., р. 1792 г., † 1883 г., т. ХLI, 503, 509, 511, 512.
- Фредро, ген.** 1831 г., т. ХLIII, 562.
- Фрейтагъ, ген.** 1845 г., т. ХLI, 88, 289, т. ХLII, 74, т. ХLIII, 587, 612.
- Фриде, Ал. Яковл.**, кап. 1855 г., нинѣ начальн. кавк. артлл., т. ХLI, 465.
- Фридрейхъ, докт.** 1869 г., т. ХLI, 182.
- Фридрихъ, граверь**, т. ХLII, 627.
- Фридрихъ, капит.**, команд. понтонной роты 1828 г., т. ХLI, 314.
- Фонъ-Фридрихъ, В.**, масонъ, † 1840 г., т. ХLIV, 275.
- Фривезъ, ген.-майоръ** 1776 г., т. ХLIII, 78, 81.
- Фонъ-Фризенъ, генер.-майоръ;** начальн. округовъ Новгород. и Старорусск. удѣла пехотныхъ солдатъ 1834 г., т. ХLI, 393, 507, 508, 527, т. ХLIII, 536.
- Фроловъ, ген.-лейт.** 1837 г., т. ХLIII, 879.
- Фроловъ, воспит.** Новгород. кадетск. корп. 1839 г., т. ХLII, 125.
- Фромгольдъ, подполк.** 1780 г., т. ХLIII 283, 284.
- Ханбаумъ, полк.** 1771 г., томъ ХLIII, 56, 58, 66.
- Ханьковъ, Н. В.**, т. ХLIV, 299.
- Ханьковъ**, т. ХLI, 185, 186, 190.
- Харламовъ, живоп.** 1876 г., т. ХLI, 194.
- Хвостова, Екатер. Алесандр.**, рожд. Сушкова, т. ХLII, 427.
- Хвостовъ, гр., Дмитр. Ив.**, писат., т. ХLII, 620, т. ХLIII, 105—113, 121, 147, 148.
- Хемницеръ, баснопис.**, т. ХLIV, 261.
- Хилкова, кнг.**, рожд. княжна Оболенская, т. ХLII, 215.
- Хитрова, Богд. Матв.**, окольн. 1651 г., т. ХLIII, 225, 243.
- Хлопяцкий, Осипъ, польск. ген.** 1831 г., т. ХLI, 111, 382, 396, 399, т. ХLIII, 343, 351, 353 — 361, 530, 536, 540, 544, 555, 556, 560, 563.
- Хлоповъ, ред. «Московск. Вѣд.»** 1851 г., т. ХLIV, 66, 67, 68.
- Хмельницкий, Богданъ, гетманъ мало-россійскій** 1654 г., т. ХLII, 43.
- Хмыровъ, Мих. Дмитр.**, писат., † 1872 г., т. ХLIII, 119.
- Хованский, кн., Юрій**, т. ХLII, 86.
- Хованский, кн., воен. нач.** Виленск. уѣзда 1864 г., т. ХLI, 15.
- Фонъ-дери-Ховенъ, Романъ, тифлисск. воен. губернат.**, т. ХLIV, 400.
- Фонъ-дери-Ховенъ, Ив. Роман.**, ген.-майоръ, сообщ.: «Холера въ Слб. въ 1831 г.», т. ХLIV, 391—398, «Рѣчь, сказанная имп. Николаемъ I во время народнаго волненія на Сѣнной площади въ 1831 г.», 399—400. Упом. т. ХLI, 480.
- Ходженичъ, Григор. Алесдр.**, виленск. каштелянъ 1573 г., т. ХLI, 462.
- Хомутова, Наталья Фед.**, въ зам. Арапчаева, т. ХLI, 483.
- Хомяковъ, Алексѣй Степан.**, писатель, † 1860 г., т. ХLI, 80, 724, т. ХLII, 646, 643, т. ХLIII, 148, 314, 322, т. ХLIV, 390.
- Хоржевскій, подполк.** 1831 г., т. ХLIII, 195, 193.
- Хотковъ, нижен.-ген.** 1827 г., т. ХLI, 307.
- Хоѣницкий, участн. польск. возст.** 1831 г., т. ХLIII, 190, 191, 192.
- Храневичъ, воспитав. Новгородск. кад. корп.** 1835 г., т. ХLI, 537.
- Храновичский, ген.** 1831 г., т. ХLI, 94, т. ХLII, 223, 231.
- Хржановскій, П.**, сообщ. замѣтку: «Бъ Запискамъ педагога бар. Н. А. Корфа», т. ХLIV, 442, 443.
- Хрулевъ, Степ. Алесандр.**, ген.-майоръ 1856 г., т. ХLI, 379, т. ХLIII, 596.
- Хрущова, въ замуж. книг. Кантемиръ**, т. ХLI, 620.

- Хрущовъ, Андрей Федор., † 1740 г., т. ХLI, 224, 460, 666, т. ХLII, 221, 407, 409, 671, т. ХLIII, 448, 676, т. ХLIV, 194, 444, 624.
- Хрущовъ, Д. П., т. ХLI, 598.
- Хрущовъ, гевер. отъ яфант. 1780 г., т. ХLI, 363, 364.
- Хрущовъ, ген., помощн. команд. войск. виленск. округа 1864 г., т. ХLI, 15, 20, 42, 44.
- Ц**вейфель, полковн. 1775 г., т. ХLIII, 76.
- Цвятковъ, И. Е., сообщ. «Миканъ Юрьевичъ Лермонтовъ, его письма къ С. А. Раевскому», т. ХLII, 389—390.
- Цвѣтчинскій, воспитан. Новгородск. кад. корп. 1837 г., вполн. генер.-адъют., † 1881 г., т. ХLI, 542.
- Цебриковъ, Никл. Романов., декабр., т. ХLI, 303.
- Чернеръ, подпор. участн. въ польск. возст. 1831 г., т. ХLIII, 186.
- Цициановъ, кн., ген. 1800 г., т. ХLIII, 210, 211.
- Цуцато, гр., коменд. крѣп. Аваны 1837 г., т. ХLIII, 379, 567, 568, 570—573.
- Цытовичъ, подполковн. генеральн. штаба 1861 г., т. ХLII, 366.
- Ч**авчавадзе, ген.-майоръ, команд. Нижегородск. драг. полка 1853 г., т. ХLIII, 579, т. ХLIV, 421—431, 499, 506.
- Чагачъ, акад. 1864 г., т. ХLI, 30.
- Чайковский, композиторъ, т. ХLI, 188.
- Чайковский, полк. 1831 г., т. ХLIII, 540.
- Чапская, графиня, т. ХLI, 39.
- Чапский, гр. Э. Е., т. ХLII, 618.
- Чарнецкій, участн. въ польск. возст. 1831 г., т. ХLIII, 183, 184.
- Чарносескій, участн. въ польск. возст. 1831 г., т. ХLIII, 174.
- Чарноцкій, участн. въ польск. возст. 1831 г., т. ХLIII, 176.
- Чарторижская, влг., т. ХLI, 131, 132.
- Чарторижскій, кн., членъ верховн. совѣта 1831 г., т. ХLI, 396.
- Чарторижскій, кн., Адамъ, фельдмарш. австр. войскъ, т. ХLI, 26, 130.
- Чарторижскій, кн., Адамъ, 1831 г., т. ХLI, 111, т. ХLIII, 348—354, 549, 554, 562, 563.
- Чарторижскій, кн., Адамъ, приближ. импер. Александра I, т. ХLI, 130, 133.
- Чевкинъ, ген.-майоръ 1799 г., т. ХLIV, 629.
- Чевкинъ, Конст. Владим., ген.-ад., членъ госуд. сов., предсѣд. департ. госуд. экон., † 1875 г., его «Замятка о Запискахъ Д. В. Давыдова о польскомъ возстаніи 1830—1831 гг.», т. ХLI, 160, упом.: 285, 286, 670, 695—699, 709, 716, т. ХLII, 207, 217, 530, 598, т. ХLIII, 129.
- Челищевъ, Нилъ Мих., сообщ. замятку: «Могила дочерей окольного Соколовина 1676 г.», т. ХLII, 156.
- Чемесовъ, граверъ, т. ХLII, 624.
- Черевикъ, бриг. ген. 1877 г., т. ХLIII, 621.
- Черевикъ, полк., правит. дѣлъ виленск. ген.-губ. 1864 г., т. ХLI, 24, 25, 29, 35.
- Черкасозъ, камерг. 1773 г., т. ХLIII, 73.
- Черкасская, княгиня, т. ХLI, 191.
- Черкасскій, кн., 1730 г., т. ХLII, 52.
- Черкасскій, кн., Владим. Алексдр., бывш. чл. редакц. ком., мн-ръ внутр. дѣл Ц. Польскаго 1866 г., † 1878 г., т. ХLI, 179, 184, 187, 192, 670, 673, 676—690, 709, 710, 721, 723, 725—728, 732, 733, т. ХLII, 588, 590, 592, 595, 597—606, т. ХLIII, 399, 400, 402, 409, 410.
- Черницкій, Никл. Павл., подполковн. артил., батал. команд. Новгородск. кад. корп. 1834 г., т. ХLI, 522, 529, 530.
- Чернышевскій, Н. Г., писат. т. ХLII, 315.
- Чернышевъ, гр., Захаръ Григ., генер.-фельдм., р. 1722 г., † 1784 г., т. ХLI, 617.
- Чернышевъ, гр., Захаръ Григор., декабр., 1827 г., т. ХLI, 304.
- Чернышевъ, Григ. Петр., т. ХLIII, 604.
- Чернышевъ, гр., Алексдр. Ив., возвелъ въ княж. дост. въ 1841 г., ген.-адъют. военн. мн-ръ, р. 1786 г., † 1852 г., т. ХLI, 106, 138—151, 157, 159, 539.
- Чертковъ, Алексѣй, милицион. Ростовск. уѣзда Яросл. губ. 1806 г., т. ХLIV, 201.
- Чертковы, дворяне Ростовскаго уѣзда Яросл. губ. 1811 г., т. ХLIV, 200.

- Ческинкъ, граверъ, т. XLIV, 194.
 Четвертинскій, кн., Янушъ, участникъ польск. возст. 1831 г., т. XLIII, 178, 190—199, 360.
 Чеховскій, участн. польск. возст. 1831 г., т. XLIII, 181.
 Чеченскій, ротмистръ, партизанъ 1812 г., т. XLII, 298.
 Чиркова, Софья Никол., въ зам. Давыдова, т. XLIII, 129.
 Чистовичъ, Я. А., проф., т. XLIV, 198.
 Чистовичъ, И. А., профес., историкъ, т. XLII, 196.
 Чичаговъ, Вас. Яковл., адмир. и команд. эскадры, р. 1726 г., † 1809 г., т. XLI, 620, 625, т. XLIII, 73.
 Чичаговъ, адмир., команд. молдавской арміей 1812 г., т. XLII, 299, 300, 301.
 Чичеринъ, губернат., т. XLII, 247.
 Чичеринъ, Борисъ Никол., т. XLII, 426.
 Чумаковъ, профес. матем., т. XLIV, 259.
 Чупатовъ, майоръ Грузинск. гренад. пол. 1853 г., т. XLIV, 426.

- Шабельскій**, ген., команд. Нижегород. драгунск. пол., т. XLII, 438.
Шабельскій, черниговск. губернаторъ 1858 г., т. XLI, 255, 257, 268, 269, 579.
Шаликовъ, кн., майоръ грузинск. гренад. пол. 1853 г., т. XLIV, 426, 427.
Шамель, имамъ Чечни и Дагестана, † 1871 г., т. XLI, 83, 92, томъ XLIII, 577, 580, 587, 590, 607—609, 613—617.
Шварцъ, масонъ 1782 г., т. XLIV, 276.
Шалъевъ, Александр. Венедикт., профес. исторіи 1845 г., т. XLI, 205, 209.
Шалинъ, Василій, прапорщ., т. XLI, 621.
Шаль-Гирей, А. П., пис. портр. М. Ю. Лермонтова, т. XLI, 239, т. XLII, 427.
Шальцкій, Янъ Ольрихъ, адвок. при верховн. судѣ Ц. Польск. 1831 г., томъ XLIII, 561, 562.
Шараневичъ, проф., старѣйшина русск. ставропольскаго института во Львовѣ, т. XLI, 462.
Шафировъ, бар., госуд. канцл. 1756 г., т. XLIV, 189.

- Шаховскіе**, кн., дворяне Ростовскаго уѣзда Ярослав. губ. 1811 г., т. XLIV, 200.
Шаховской, кн., ген. отъ инф. 1831 г., т. XLI, 102, 112, 115, 385, т. XLIII, 150—152, 337, 338, 530, 537.
Шаховской, кн., А. А., драмат. писат., т. XLI, 628, 629.
Шаховской, кн., писат., т. XLIV, 62.
Шаховской, кн., декабр., т. XLI, 63.
Шаховской, кн., П. А., т. XLI, 337.
Шаховской, кн., т. XLII, 223.
Шевичъ, полковн., команд. гусарск. Молдавскаго пол. 1771 г., т. XLIII, 62.
Шевцовъ, команд. Кабардинск. полка 1827 г., т. XLIII, 213.
Шевченко, Тарасъ Григор., малоросс. поэтъ-художн., р. 1814 г., † 1861 г., т. XLII, 402, 435.
Шевыревъ, Степ. Петров., проф. акад. т. XLI, 163, т. XLIV, 63, 356.
Шежнъ, Павелъ Вас., т. XLI, 198.
Шембергъ, ген.-бергъ-директ. 1736 г., т. XLIV, 578.
Шеникъ, Н. И., ссылка на его воспоминанія объ Аракчеевѣ, т. XLI, 481, 487, 488, 508, 512.
Шеншо, (Chenneshot), одинъ изъ составит. «Histoire philosophique et politique de Russie», т. XLII, 31—66, 282.
Шереметевъ, Петръ Вас., томъ XLI, 335, 336.
Шереметевъ, гр., об.-камерг., управл. театр. дирекц. 1798 г., т. XLI, 364.
Шереметевъ, гр., дворяне Ростовск. уѣзд. Ярослав. губ. 1811 г., т. XLIV, 200.
Шеретлувъ, предводит. шалеуговъ, томъ XLII, 357.
Шестакова, Людмила Ивановн., рожд. Глинна, сообщ.: «Мих. Ив. Глинна и Вас. Андреев. Жуковскій», т. XLI, 194, «Мих. Ив. Глинна въ воспоминанія его сестры», т. XLIV, 593—604.
де-ла-Шетарди, маркизъ, франц. послан. при русск. дворѣ, 1730 г., томъ XLII, 54, 227.
Шидловскій, камергеръ 1829 г., членъ администр. сов. Ц. Польск. 1831 г., т. XLIII, 360.

- Шиддтъ 1-й, воспит. Новгор. кадетск. корп. 1834 г., т. XLI, 524.
- Шиддтъ 2-й, воспитан. Новгор. кадетск. корп. 1834 г., т. XLI, 528.
- Шиловакая, Марья Васил., пѣвица, томъ XLIV, 597.
- Шиловъ, флотск. комисарь, т. XLII, 622.
- Шильдеръ, Никл. Карл., свиты е. и. в. генер.-маіоръ, сообщ. «Война съ польскими матежниками въ 1831 г. въ перепискѣ имп. Николая I съ гр. Дибичемъ», т. XLI, 93—122, 381—400.
- Шимаковский, ротн. команд. Литовск. пол. 1831 г., т. XLIII, 181.
- Шинновъ, декабр., полковн. 1828 г., томъ XLI, 303, 312.
- Ширай, коллежск. ассес. 1799 г., томъ XLI, 621.
- Ширинскій - Шихматовъ, кн., томъ XLIV, 114.
- Шиховъ, протоіер., екатеринбургскій миссіонеръ, т. XLI, 641, 642.
- Шихинъ, голова въ с. Грузинѣ 1825 г., т. XLI, 507.
- Шиховъ, Александр. Семен., адмир., писатель, р. 1763 г., † 1841 г., т. XLIII, 113, т. XLIV, 356.
- Шиховъ, Никл. Петр., бывш. чл. редакц. комм., т. XLI, 721.
- Шиховъ, А. А., т. XLI, 647.
- Шихомлякъ, Афанасій Мих., титул. сов., экономъ Новгородск. кадетск. корп. 1834 г., т. XLI, 522, 528, 535, томъ XLII, 119.
- Шихаревскій, поруч. 1855 г., т. XLI, 455.
- Шлегель, участн. польск. возст. 1831 г., т. XLIII, 160, 164, 168.
- Шлиппенбахъ, ген., начальн. шеолн гвард. подпрапорщ. и юнкеровъ 1842 г., вполн. директ. 1-го кад. корпуса, томъ XLI, 213, т. XLIV, 591.
- Шлодгауеръ, подполков. 1831 г., томъ XLIII, 153.
- Шкоръ, Іоганнъ Карлъ, содержат. типограф. въ Слб. 1802 г., т. XLI, 458, 459.
- Шкорть, ген.-маіоръ 1854 г., томъ XLIV, 513.
- Шонъ, форстмейст. Ц. Польскаго 1831 г., т. XLIII, 152.
- Шонентъ, заводчикъ, т. XLII, 433.
- Шроль, Б. О., т. XLII, 618.
- Штаженштейндеръ, Андрей, т. XLI, 200.
- Штейбе, ген.-маіоръ 1837 г., томъ XLIII, 377.
- Штейнгель, бар., Владим. Ив., отставн. подполковн., декабр., р. 1784 г., † 1862 г., т. XLI, 62, 65.
- Штедманъ, Г. О., секрет. русск. истор. общ. 1884 г., т. XLII, 447.
- Штольдманъ, поруч., участн. польск. возст. 1831 г., т. XLIII, 159, 187, 191, 193.
- Штраденбергъ, шведск. писат., томъ XLII, 41.
- Фонъ-Штраудманъ, Густавъ-Эрнестъ, ген.-инфант. р. 1742 г., † 1803 г., дневникъ его съ 1771 по 1778 гг., томъ XLIII, 55—86, 271—288, т. XLIV, 629.
- Фонъ-Штраудманъ, Никл. Карл., ген.-маіоръ. Сообщ. «Записки своего дѣда, ген.-инф. Густава фонъ-Штраудмана», т. XLIII, 55—86, 271—288.
- Штраудманъ, ген.-маіоръ, команд. 2-й бригады 2-й легкой гвард. кавалерійск. дивизіи и лб.-гв. Гродненск. гусарск. пол. 1834 г., т. XLI, 527.
- Шубертъ, Карлъ Богд., т. XLIV, 597, 599.
- Шубертъ, О. О., т. XLII, 618.
- Шубинъ, ротн. команд. Новгородск. кад. корп. 1837 г., т. XLII, 113, 122.
- Шубинъ, поруч. 1855 г., т. XLI, 455.
- Шуваловъ, гр., Петръ Ив., фельдмарш., р. 1711 г., † 1762 г., т. XLII, 48, 55.
- Шуваловъ, Ив. Ив., ген.-поруч., основат. и кураторъ моск. универ., р. 1727 г., † 1797 г., т. XLI, 611, 617, т. XLII, 262.
- Шуваловъ, гр., Петръ Павл., бывш. чл. редакц. комм., т. XLI, 721.
- Шуваловъ, гр., П. А., шефъ жандармовъ съ 1865—1875 гг., т. XLI, 286.
- Шуваловъ, гр., ген. 1877 г., т. XLIII, 631, 632.
- Шугуровъ, ссылка на его ст. «Массъ Вильмотъ и кнг. Дашкова», т. XLII, 224, 274, 463.
- Шуйскій, Василій Ивановичъ, царь, т. XLI, 74, 79, т. XLII, 37, 41.
- Шуйскій, Иванъ Мих., бояринъ 1501 г., т. XLII, 6.

- Шульгинъ, В.**, сын. на его соч. «Исторія университета св. Владимира», томъ XLIII, 678, 681.
- Шульгинъ, И. П.**, профессоръ исторіи, т. XLI, 71, 74, т. XLII, 378, 379, 380.
- Шульцъ, Пав. Ант.**, бывш. чл. редакц. комм., т. XLI, 672, 678, 676, 689, 716, 717, 721.
- Шульцъ, полковн.** 1779 г., т. XLIII, 278—279, 288—289.
- Шульцъ, ген.** 1853 г., т. XLIV, 429.
- Шульцъ, С. А.**, т. XLII, 426, 428.
- Шульцъ, ген.-маіоръ, комендантъ Александроп. крѣп.** 1853 г., впоследѣ. ген. отъ кавал., т. XLIV, 176.
- Шумахеръ, московск. городск. голова** 1874 г., т. XLII, 215.
- Шумахеръ, Александр. Дан.**, т. XLI, 676, 716, 717.
- Шумской, Мих. Андреев.**, прапорщикъ гвард. артил. 1821 г., т. XLI, 480, 485, 499—503, 512, т. XLII, 406.
- Шумской, артистъ** 1845 г., т. XLIV, 53.
- Щуруповъ, акад.-скульп.**, т. XLII, 221.
- Щушеринъ, сын.** на его «Житіе патр. Никона», т. XLIII, 224, 227, 242.

Щебаляевъ, т. XLII, 588.

- Щегловъ, профессоръ**, т. XLIV, 369.
- Щедринъ, Семенъ, живописецъ**, т. XLIV, 194.
- Щепины-Ростовскіе, кн., дворяне Ростовск. уѣзда Ярославск. губ.**, 1811 г., т. XLIV, 200.
- Щепкинъ, Мих. Семен.**, арт. московск. театр., † 1863 г., т. XLII, 646, 654, томъ XLIV, 53, 71, 129.
- Щепкинъ, Сергій Павл.**, чл. редакц. комм., нмѣ дерект. департ. сельскаго хозяйства 1884 г., т. XLI, 673, 676, т. XLII, 222.
- Щербатовъ, ген.-маіоръ** 1771 г., т. XLIII, 56, 60, 66, 67, 69.
- Щербатовъ, кн.**, т. XLII, 223.
- Щербатовскій, ген.-маіоръ, командиръ 1-й бригады 1-й гренад. дивизіи** 1834 г., т. XLI, 627.

- Щуруповъ, Мих. Арефьевичъ, профес. архитектуры**, р. 1815 г., т. XLII, 408—424, т. XLIV, 444.

Эйлеръ, стат. сов., членъ акад. наукъ 1799 г., т. XLI, 364, т. XLIV, 193.

- Эйлеръ, ген.-маіоръ** 1825 г., т. XLI, 510.
- Эйфлеръ, преподават. нѣмецкаго языка въ Новгородск. кадетск. корп.** 1834 г., т. XLI, 523, 530.
- Эмельский, подпоруч.** участн. польск. возст. 1831 г., т. XLIII, 196, 356.
- Эмкинъ, ген.** 1877 г., т. XLIII, 633, 636, 637, 639.
- Эльснеръ, Фанни, танцовщица** 1845 г., † 1884 г., т. XLIV, 62, 63, 65.
- Эльснеръ, Шарота, танцовщ.** т. XLIV, 63, 69.
- Эльснеръ, Иванъ, воспитан. Дворянск. полка** 1834 г., т. XLI, 523.
- Эльснеръ, Феликсъ, воспитан. Дворянск. полка** 1834 г., т. XLI, 523.
- Энгель, т. XLI, 109, 392, 396, 397.**
- Энгельгардтъ, Иванъ Александр.** бывш. адъют. кн. А. С. Меншикова, т. XLI, 378.
- Энгельгардтъ, Федоръ Александровичъ**, т. XLI, 378.
- Энгельгардтъ, Никол. Александр.** сообщ. «Морской кадетскій корпусъ, 1822—1829 гг.», т. XLI, 375—380.
- Энгельгардтъ, полковн.** 1799 г., томъ XLI, 622.
- Энгельгардтъ, ген.-маіоръ, командиръ войскъ въ Эстляндіи**, 1776 г., т. XLIII, 78, 81.
- Энгельгардтъ, В. П.**, т. XLIV, 600.
- Энгельманъ, ген.-маіоръ, команд. Литовскаго пол.** 1831 г., т. XLIII, 179, 183.
- Энокинъ, лейбъ-медикъ** 1861 г., т. XLII, 368, т. XLIII, 576.
- Эпштейнъ, архитект.**, т. XLII, 415.
- Эрнстовъ, кн., ген.** 1827 г., т. XLI, 313, 324, 326.
- Эсперо, нижен.-полковн.** 1828 г., т. XLI, 314, 315, 316.
- Эссенъ, ген.** 1812 г., т. XLII, 286, 300.
- Эссенъ, шт.-кап.** 1827 г., т. XLIII, 600.

Эссель, ген.-лейт., ревельск. оберъ-коменд.
1780 г., т. XLIII, 74—83, 287.

Эттеръ, Никол. Павлов., генер.-майоръ
1877 г., т. XLIII, 634, 635, 637, 638.

Юджикъ, подполковн. 1828 г., т. XLI, 322.

Юргенкозъ, Карлъ Андр., преподават. нѣм.
яз. въ Новгор. кадетск. корп., т. XLI,
523, 531, 537, т. XLII, 122, 125.

Юргенцъ, ген.-майоръ 1799 г., т. XLIV, 629.

Юрїй Давидовичъ, вел. князь москов-
скїй, † 1824 г., т. XLII, 6, 7, 9, 11—19.

Юсуповы, кн., дворяне Ростовск. уѣзда
Яросл. губ. 1811 г., т. XLIV, 200.

Юшневъ, камергеръ 1799 г., т. XLI, 621.

Юшковскїй, Алексїй Петр., бывш. ген.-
интенд. второй арміи, декабр., † 1844 г.,
т. XLI, 64, 65, т. XLII, 388.

Ягелло, вел. кн. литовскїй 1413 г., томъ
XLI, 51.

Ягушкинскїй, гр., Пав. Яв., кабинетъ-
мин-ръ, р. 1683 г., † 1786 г., т. XLII,
48, 51, 52, 53.

Языковъ, Никл. Мих., поэтъ, р. 1808 г.,
† 1846 г., т. XLI, 163, 165, т. XLIII,
131—148, т. XLIV, 335.

Языковъ, Александръ Мих., т. XLIII,
131—148.

Языковъ, смсл. на его статью: «Воспо-
минанїя о Грузинѣ», т. XLI, 481, 485, 518.

Языкова, Екатерина, въ странствїѣ Евге-
ніа, расколн. 1878 г., т. XLI, 641.

Язоби, Яв. Вароолом., астраханск. гу-
бернаторъ 1778 г., т. XLIII, 83, 85,
273, 274, 275, 276, 281, 287.

Язоби, В. И., художн., т. XLII, 484.

Яковлевъ, оберъ-прокуроръ св. синода
1804 г., т. XLI, 125.

Яковлевъ, Савва Яковлев., т. XLII, 217.

Яковлевы, дворяне Ростовск. уѣзда
Яросл. губ. 1811 г., т. XLIV, 200.

Якушкинъ, Вячеславъ Евг., сообщ.: «Ру-
кописи А. С. Пушкина, хранящїяся въ
Румянцовскомъ музеѣ въ Москвѣ»,
т. XLI, 413—436, 647—662, т. XLII,
87—110, 325—354, 533—572, т. XLIII,
1—54, 313—330, 641—653, т. XLIV,
75—92, 335—374, 515—538.

Якушкинъ, Яв. Дм., декабр., т. XLII,
63, 64, 65, 69.

Яковлевскїй, Людвигъ, участн. польск.
возст. 1831 г., т. XLIII, 161.

Ярославъ Ярославовичъ, первый удѣльн.
князь Тверской, т. XLII, 8.

Яроцкїй, докт. 1828 г., т. XLI, 324.

Ярошкисскїй, Октавіанъ Франц., бывш.
чл. редакц. коми., т. XLI, 721.

Яшвилъ, кн., армян.-генер. 1812 г.,
т. XLII, 295.

Яшвилъ, кн., т. XLI, 289.

Оеодоръ, Иванъ, московскїй первооче-
татникъ, † 1583 г., т. XLI, 461—478.

Оеодоръ Алексѣевичъ, царь, р. 1661 г.,
† 1682 г., т. XLIII, 256, 257, т. XLIV, 580.

Оеодоченко, А. Н., сообщ.: «Духовный
рыцарь или ищущїй премудрости», томъ
XLIV, 275—296.

Оеодоръ Алексѣевичъ, царь, р. 1661 г.,
† 1682 г., т. XLII, 37, 43.

Оеодоръ Іоанновичъ, царь, т. XLII,
40, т. XLIV, 605, 608.

Оеодотоковъ, учнт., т. XLII, 538.

Оеодотовъ, Евг. Мих., т. XLII, 205.

Оеофанъ, архимандритъ Аѳонской горы
1658 г., т. XLIII, 247, 248.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ изд. 1884 г.

ТОМЪ СОРОКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ОКТАВРЬ, НОЯВРЬ, ДЕКАВРЬ.

Записки и Воспоминанія.

- I. Вопросы жизни. Посмертныя записки Николая Ивановича Пирогова. Гл. VII—XXXIV. 1—52, 223—
274 и 445—496 стр.
- II. Записки педагога барона Николая Александровича Корфа. (См. „Русскую Старину“ изд. 1884 г., томъ XLI, мартъ, стр. 545—574; томъ XLII, апрѣль, стр. 131—138, и май, стр. 375—388).
Замѣтка къ этимъ „Запискамъ“. Сообщ. П. Хржановскій. 442—443
- III. Воспоминанія Людмилы Ивановны Рикордъ, † 24-го июня 1883 г., вдовы адмирала Петра Ивановича Рикордъ. (См. „Русскую Старину“, изд. 1883 г., томъ XXXIX, августъ, стр. 361—367).
Замѣтка къ этимъ „Воспоминаніямъ“: Петръ Ивановичъ Рикордъ, 1860 г. Сообщ. В. А. Васильевъ. 219—226
- IV. Московскія воспоминанія Николая Васильевича Берга, 1845—1855 гг. Гл. II—VII. 53—71
Замѣтка къ его „Воспоминаніямъ“. Сообщ. Юр. Александр. Брѣстцовъ. (433) 441—442
- V. Русско-турецкая война за Кавказомъ въ 1853—1854 гг. Изъ записокъ генер. отъ инфант. М. Я. Ольшевскаго. Гл. I—XIII. 171—186, 417—432 и 497—514

- VI. Поэтъ-крестьянинъ Спиридонъ Дрожжинъ въ воспоминаніяхъ о его жизни и поэзіи, 1848—1884 гг.
Гл. IV—VI. 93—122, 307—334

Исслѣдованія, историческіе и біографическіе очерки.

- I. Прошлое города Архангельска, 1584—1884 гг. Сообщ. Елена Рѣпина 605—614
- II. Императрица Елисавета Алексѣевна. Воспоминанія бывшей ея фрейлины кн. С. А. Мадатовой (перев. съ франц.). 381—390
- III. Лейбъ-гвардіи Литовскій и Московскій полки въ 1683, 1811 и 1817 гг. Сообщ. А. Я. Лянуновъ.. 615
- IV. Гатчинскій дворець, 1784—1884 гг. Сообщ. И. Н. Божеряновъ. 191—194
- V. Духовный рыцарь или ищущій премудрости. Перев. съ нѣм. рукоп. и сообщ. А. Н. Федоченко. 275—296
- VI. Анастасія Аванасьевна Пушкина въ XVII в. Сообщ. кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій. 187—188
- VII. Авраамъ Веселовскій, † 16-го января 1783 г. Замятка изъ дневника Авг. Крамера. Сообщ. А. Ф. Гамбургеръ 188—190

Переписка, очерки, рассказы, матеріалы, замѣтки.

Царствованіе Анны Ивановны.

- I. Герцогиня Анна Иоанновна до восшествія на престоль, въ ея письмахъ, 1726—1729 гг. Сообщ. П. И. Барановъ. 375—380
- II. О возобновеніи памятника на общей могилѣ Артемія Волинскаго, Еропкина и Хруцова, † 27-го іюня 1740 г. 194, 444 и 624

Царствованіе Павла I.

- I. Петербургская старина. Новости, объявленія и распоряженія правительства въ 1799 г. 625—634

Царствованіе Александра I.

- I. Дворянство Ростовскаго уѣзда Ярославской губ. въ 1806—1812 гг. Очеркъ. Сообщ. Д. А. Булатовъ. СТР.
199—218

Царствованіе Николая I.

- I. Холера въ Спб. въ 1831 г. Разсказъ очевидца. Сообщ. И. Р. фонъ-деръ-Ховенъ. 391—400
- II. Холерный мѣсяцъ въ Петербургѣ, июнь 1831 г. Очерки по подлин. дѣламъ. Состав. А. Г. Пупаревъ. 401—416
- III. Судьяки-экипажи для сообщенія Петербурга съ Москвою въ 1834 г. Забѣтка. Сообщ. И. Н. Вожеяновъ. 443—444
- IV. Въ Правительствующемъ Сенатѣ въ 1840—1852 гг. Разсказъ Ивана Вочарова. 145—170

Царствованіе Александра III.

- I. Митрополитъ новгородскій, с.-петербургскій и финляндскій Исидоръ: пятидесятилѣтіе хиротоніи въ санъ епископа, 1834—1884 гг. Стр. I—II. (Въ началѣ ноябрьской книги).

Исторія русской литературы.

- I. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ: рукописи поэта, хранящіяся въ Румянцовскомъ музеѣ въ Москвѣ. Сообщ. В. Е. Якушкинъ. Гл. XIII—XXXII и указатель къ рукописямъ. 75—92, 335—374 и 515—588
- II. Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ въ забѣткахъ его товарища. Сообщ. А. М. Миклашевскій. 589—592
- III. Денисъ-Васильевичъ Давыдовъ: «Партизанъ», его стихотвореніе. 143—144
- IV. Яковъ Петровичъ Полонскій: его раннія стихотворенія 1845—1851 гг. 297—300
- V. Кондратовичъ-Сырокомля: его стихотворенія 1857 г. Переводъ съ польскаго. Сообщ. А. Д. Тумановъ. 301—306
- VI. Николай Ивановичъ Пироговъ въ с. Вишнѣ въ 1881 г. 218
- VII. Николай Васильевичъ Вергъ † 16-го июня 1884 г. Очеркъ его жизни. 72—74
- I. Сотвореніе секретаря. Сатира XVIII столѣтія. 222

Исторія искусствъ и художествъ.

	стр.
I. Андрей Никифоровичъ Воронихинъ, профессоръ архитектуры, 1760—1814 гт. Сообщ. Николай Воронихинъ.	195—198
II. Михаилъ Ивановичъ Глинка въ воспоминаніяхъ его сестры Л. И. Шестаковой.	593—604
III. Василий Васильевичъ Самойловъ. Пятидесятилѣтіе его артистической дѣятельности: 1834—1884 гт., и его рассказы: первые годы этой дѣятельности.	123—142
IV. Академикъ-граверъ Лаврентій А. Сѣряковъ. Сообщ. А. П. Полетаевъ.	390
—————	
I. „Русская Старина“ въ изд. 1884 г., четырнадцатый годъ изданія. Обзоръ двѣнадцати книгъ.	635—650
II. Вѣдомость числа записокъ, воспоминаній, изслѣдованій, очерковъ и проч. сообщеній, поступившихъ въ ред. „Русской Старины“ съ 1870 г. по 1-е декабря 1884 г.	651
III. Списокъ лицъ, сообщившихъ „Русской Старинѣ“ записки, изслѣдованія, очерки, акты, рассказы и проч. статьи и матеріалы въ 1870—1884 гт.	652—660
IV. „Русская Старина“ въ числахъ ея читателей-подписчиковъ въ 1884 году	661—664
V. Указатель личныхъ именъ въ XLI, XLII, XLIII и XLIV томахъ „Русской Старины“ 1884 г.	665—772
VI. Систематическое оглавление XLIV-го тома „Русской Старины“—октябрь, ноябрь, декабрь—изд. 1884 г. I—VI	
VII. О подпискѣ на „Русскую Старину“, изд. 1885 г., шестнадцатый годъ изданія.	

Портреты и гравюры.

- I. Представители державной власти въ Россіи, 1682—1855 гт. Рисунокъ составилъ профес. А. Шарлеманъ, рисоваль К. О. Броуъ, гравировалъ академикъ Л. А. Сѣряковъ. (Заглавная вѣньетка въ XLIV тому).
- II. Портретъ высокопреосвященнаго митрополита новгородскаго, с.-петербургскаго и финляндскаго Исидора.
(См. въ началѣ XI кн.).

- III. Портретъ педагога барона Николая Александровича Корфа, † 13 ноября 1883 г. Гравироваль художн. И. И. Матюшинъ.
(См. въ началѣ XI кн.).
- IV. Портретъ Василія Васильевича Самойлова, гравироваль на мѣди художникъ Ѳ. А. Мѣркинъ.
(См. въ началѣ X кн.).
-
- V. Судъ на Руси до реформы, карикатура XVIII-го вѣка.
(См. стр. 221).
-

Библиографическій листокъ русско-историческихъ книгъ.

1. Собрание критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева. Составилъ В. Зелинскій. М. 1884 г. 8 д., вып. 1 и 2. (На оберткѣ X-й книги „Русской Старинѣ“ изд. 1884 г.).
2. Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи. М. 8 д. 1884 г., кн. IV, стр. 192+57+530. (Тамъ-же).
3. Записки Іосифа, митрополита литовскаго, издан. импер. акад. наукъ по завѣщанію автора. Спб., 1883 г., т. I, 745 стр.; т. II, 786 стр.; т. III, 1402 стр. (столбцовъ). (Тамъ-же).
3. Опытъ описанія Могилевской губерніи. Составлено подъ редакцію А. С. Дембовецкаго. Могилевъ на Днѣпрѣ, въ б. 8 д., съ гравюрами видовъ и типовъ. 1884 г. (Тамъ-же).
5. Герберштейнъ и его историко-географическія извѣстія о Россіи. Соч. Е. Замсловскаго. Съ приложеніемъ матеріаловъ для историко-географическаго атласа Россіи XVI в. Спб., 1884 г., стр. 563. (Тамъ-же).
6. Die bewaffnete Neutralität 1780—1788. Von C. Bergbohm, Dozenten der Rechte an der Universität zu Dorpat. Berl., 1884, 298 S. (Тамъ-же).
7. Родная старина. Отечественная исторія въ разсказахъ и картинахъ (XVIII в.). Въ помощь учащимся. Составилъ В. Д. Синюевскій. Спб., 1884 г., въ б. 8 д., вып. III. (Тамъ-же).
8. Исторія императорскаго университета св. Владимира. Составилъ профессоръ М. Ф. Владимірскій-Будановъ. Т. I, 674+XLII. Кіевъ. 1884 г. (На оберткѣ XI книги „Русской Старинѣ“ изд. 1884 г.).
9. Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей университета св. Владимира (1834—1884). Составленъ и изданъ подъ редакцію профессора В. С. Иконникова. К.: 1884. XXXVI+816 стр. (Тамъ-же).

10. Историко-статистическія записки объ ученыхъ и учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ университета св. Владимира. (1834—1884). Изданы подъ редакцію профессора В. С. Иконникова. К. 1884. 416+68 стр. (Тамъ-же).
11. Академическіе списки императорскаго университета св. Владимира. (1834—1884). К. 1884. 200 стр. (Тамъ-же).
12. Незабитовскій. Собраніе сочиненій. Изданіе совѣта университета св. Владимира, подъ редакцію профессора А. В. Романовича-Славатинскаго. Съ портретомъ автора. К. 1884. 368 стр. (Тамъ-же).
13. Русская историческая бібліотека, издав. Археографическоіи комиссіею. Т. VIII. Сиб. 1884. 1292+52 столб. Т. IX, 576+LXXII стр. (Тамъ-же).
14. Исторія императорскаго московскаго общ. исторіи и древностей російскихъ. Н. А. Попова. Ч. I (1804—1812). М. 1884 г. 250 стр. (Тамъ-же).
15. Сказанія о родѣ дворянъ и графовъ Милорадовичей. Кіевъ. 1884. 131 стр. (Тамъ-же).
16. Воспоминанія о коронаціи императора Александра II камеръ-пажа двора его величества Очеркъ гр. Гр. Милорадовича. Кіевъ. 1883. 40 стр. (Тамъ-же).
17. Памяти Ивана Сусаннина. Историч. изслѣд., преимущественно по неизданнымъ источникамъ. Сост. и изд. В. А. Самаряновымъ, подъ ред. дѣйств. чл. археол. вѣст. А. В. Гаврилова. Съ 2 литогр. картами. Кострома, 1882 г. 98 стр. (На оберткѣ XII-й книги „Русской Старины“ изд. 1884 г.).
18. Лѣтопись занятій Археографическоіи комиссіи. В. VII, за 1876—1877 гг. Сиб. 1884 г. (Тамъ-же).
19. Историко-статистическое описаніе города Биржача (Владимірской губ.), съ политипажами. Сост. И. Ѳ. Токмаковъ. М. 1884 г. 366 стр. (Тамъ-же).
20. Володимирщина. Роспись печатнаго и изданнаго о владимірской епархіи и губерніи. Составилъ Н. С. Строиловъ. Владимиръ на Клязьмѣ, 1884 г. (Тамъ-же).
21. Историческіе матеріалы. Изъ архива Кіевскаго губернскаго правленія. Выпускъ 7-й (изъ Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей). Ал. Андреевскаго. К. 1884 г. Стр. 227. (Тамъ-же).
22. Генералисимусъ князь Суворовъ. А. Патрушевскаго. Въ трехъ томахъ, съ портретами, факсимиле и картами. Т. I, 486 стр., т. II, 472 стр., т. III, 458 стр. (Тамъ-же).
23. Физическое воспитаніе дѣтей у разныхъ народовъ преимущественно Россіи. Матеріалы для медико-антропологическаго изслѣдованія. Е. А. Покровскаго. Изданіе императорскаго общества любителей естествознанія, антропологій и этнографіи, составлено при московскомъ университетѣ. М. 1884 г. 1—3 выпуски. 379 стр., съ рисунками. (Тамъ-же).

12 книгъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

изд. 1880 г.

Изданіе второе. Цѣна—восемь рублей съ пересылкой.

При „Русской Старинѣ“ 1880-го года приложены портреты: Императора Александра II;—императрицы Екатерины I и Елисаветы Петровны;—императора Петра II;—А. С. Пушкина (въ гробу, 29-го января 1837 г.);—протоіеря Г. П. Павскаго,—И. С. Тургенева;—И. А. Гончарова;—гр. Л. Н. Толстаго;—А. Н. Островскаго;—Д. В. Григоровича;—А. В. Дружинина;—поэта Тараса Шевченко;—графа П. Д. Киселева,—фельдмаршала кн. А. И. Барятинскаго;—С. Р. Лепарскаго и А. Н. Строва.

Въ „Русской Старинѣ“ над. 1880-го [года, [одинадцатый годъ издаванія], между другими статьями и матеріалами напечатаны: Записки Д. И. Ростиславова (одинадцать главъ).—Записки Толстова: Дворянскій полкъ въ царствованіе Александра I.—Записки А. М. Бѣлова (декабриста, восемь главъ).—Записки принца Евгѣна Вуртембергскаго о войнѣ 1828 г. и событіяхъ, за нею слѣдовавшихъ. Подлинная переписка императора Николая Павловича съ Дибичемъ.—Записки М. В. Солтанова: губернаторъ Панчулидзевъ и ссылка въ Вятку.—Генералъ-губернаторы Закревскій и П. А. Тучковъ.—Записки Самскаго Священника;—Записки Я. М. Мострова: схимникъ Серафимъ въ Саровѣ.—Записки сенатора Я. А. Селезнева: крестьянское дѣло въ 1856—1859 гг.—Записки М. Я. Ольшескаго: Кавказъ и кавказцы въ 1856—1860 гг.—Историческіе разсказы и анекдоты изъ Записокъ Богуславскаго и Е. М. Львовой († 1864 г.).—Воспоминанія артистки Я. А. Петровой, рожденной Воробьевой.—Переходъ русской арміи черезъ Балканы зимою 1877 г.—историческій очеркъ А. М. Пузыревскаго.—Великій Новгородъ—статья И. И. Местенцова.—Герасимъ Петровичъ Лавскій: его жизнь и ученая дѣятельность—историко-біографическій очеркъ профес. И. И. Барсова.—Речь Императора Александра II въ Государственномъ Совѣтѣ 29-го января 1861 г.—Историческія и историко-біографическія статьи и очерки по поводу двадцатипятилѣтней годовщины дня востества на престолѣ Александра II.—Очеркъ профессора М. Е. Андреевскаго: Ходъ распространенія политическихъ знаній въ Россіи въ 1856—1860 гг.—Русская историческая наука въ двадцатипятилѣтіе 1865—1880 гг.—статья профессора В. С. Иконникова.—Присоединеніе Грузіи къ Россіи,—историческое изслѣдованіе Ад. П. Берже и проч.—Историческіе матеріалы: акты, указы, преданія, переписка, донесенія, замѣтки, относящіеся до XVIII и XIX вѣковъ, болѣе ста сообщеній и статей различныхъ лицъ, таковы: Н. В. Бергъ, П. А. Ефремовъ, А. Д. Крыловъ (въ исторіи отъѣзды питейныхъ откуповъ въ Россіи),—кн. В. И. Барятинскій (письма Шамхала),—профес. О. Ф. Миллеръ,—В. А. Панаевъ (біографическій очеркъ атамана М. Г. Хомутова), М. И. Буцаевъ (біографія Лепарскаго), В. Г. Трироговъ, В. И. Лѣвшинъ, Н. К. Богуневскій и многихъ другихъ.—По исторіи русской словесности въ „Русской Старинѣ“ 1880 г. особенно много напечатано статей и матеріаловъ, относящихся до А. С. Пушкина (окончаніе біографіи, его письма и стихотворенія, разсказы и воспоминанія о немъ и проч.). А также помѣщены статьи и сообщенія о слѣдующихъ писателяхъ: В. А. Жуковскій (его планъ воспитанія Наслѣдника 1826 г.);—Г. П. Павскій (его переводъ „Слова о полку Игоревѣ“);—В. Г. Бѣлинскій, (воспоминанія о немъ товарища по университету);—Т. П. Грановскій (воспоминаніе о немъ Я. М. Нейброва);—Г. Г. Шевченко (воспоминаніе о немъ профессора Н. И. Костомарова).—П. А. Каратыгинъ (собраніе стиховъ и проч.).

Съ требованіями обращаться: въ С.-Петербургъ, Большая Подъячская, домо № 7, въ редакцію „Русской Старины“.

12 книгъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

Изд. 1879 г.

съ приложеніемъ гравированныхъ портретовъ: императора Іоанна Антоновича; митрополита Ростовскаго Арсенія Мацѣевича (въ темницѣ); Иннокентія—архіепископа Херсонскаго и Таврическаго; Иріяня Нестеровича—архіепископа Иркутскаго; графа Ѳ. П. Толстаго—вице-президента Академіи Художествъ;—А. С. Пушкина—въ 1812 и 1827 гг. (два точныхъ снимка съ гравюръ того времени); Н. В. Гоголя—въ 1834 г.—гравюра съ весьма рѣдкаго портрета, писаннаго Акад. Венеціановымъ; Н. А. Некрасова; статсъ-секретаря С. Ш. Жуковскаго (одного изъ главнѣйшихъ участниковъ въ великой реформѣ 19-го февраля 1861 г.); профессора Осипа Максимовича Бодянскаго; персидскаго принца Хосров-Мирзы.—Снимки: съ подлинныхъ писемъ Петра Великаго, А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя.

Въ 12-ти книгахъ „Русской Старинѣ“, за 1879-й, десятый годъ издаванія, — между другими статьями, напечатаны: Журналъ путешествія по Европѣ въ 1697—1699 гг.—кн. Б. И. Мурашина;—Петербургъ въ 1720 г. по Запискамъ полка-очевидца;—Записки гр. П. М. Пашина, о событіяхъ 1725—1744 гг. (Замѣчаніе на Записки Мавштейна);—Воспоминанія А. М. Варягина, М. А. Варутъ-Секрета, Л. М. Ршордъ, М. С. Валевскаго и друг.—Жизнь бывшаго крѣпостнаго крестьянина, бывш. архиепископа М. А. Голышева (1838—1878 гг.);—Очерки и рассказы Э. И. Стогова.—Дневникъ А. И. Храповицкаго—инспектора репертуара русскаго театра въ 1829—1839 гг.—Записки П. А. Идратыгина: русскій театръ въ Петербургѣ въ 1838—1858 гг.—Нѣсколько недель при русскомъ дворѣ въ 1846 г.—Выдержки изъ дневниковъ Варягагена фонъ-Энзе (1850—1851 гг.);—Мои сношенія съ Я. М. Ростовцевымъ—воспоминанія А. Д. Галахова (1850—1858 гг.);—Воспоминанія Т. П. Пассея;—Воспоминанія М. И. Венюкова о засѣданіи Амура;—Польское возстаніе въ 1863—1864 гг.—Записки М. В. Берга.—Историческія изслѣдованія: А. Д. Масайскаго;—В. И. Семевскаго;—И. Мана;—г. Гальберга;—г. Асенса;—г. Подельсоцкаго;—проф. В. С. Мухоморова: Арсеній Мацѣевичъ—митрополитъ Ростовскій;—Императоръ Іоаннъ Антоновичъ—по вновь открытымъ матеріаламъ;—И. М. Востокова: Иннокентій, архіепископъ Херсонскій и Таврическій.—Письма архіеп. Иннокентія къ Великому Князю Константину Николаевичу (1852);—Кн. М. С. Голыцынъ: П. Д. Киселевъ и управленіе имъ Валахіей и Молдавіей въ 1829—1834 гг.;—профес. Н. А. Полювъ: Очеркъ біографіи О. М. Бодянскаго.—Колонія въ Смоленской и Саратовской губерніяхъ изъ питомцевъ Воспитательнаго Дома—сказаніе очевидца.—Косров-Мирза, персидскій привѣзъ, 1813—1876 гг.—очеркъ Ад. П. Берже;—Кн. А. И. Барятинскій—изъ Записокъ М. Я. Ольшескаго;—А. С. Пушкинъ—очеркъ жизни и его письма.—Предсмертная поѣздка М. Ю. Лермонтова въ Пятигорскъ;—Будъ архіепископа Иріяня въ Иркутскѣ въ 1831 г., воспоминанія и рассказы изъ его жизни.—Историческіе рассказы и анекдоты изъ собранія Богуславскаго и др.

Письма, замѣтки, историческіе документы, рассказы и прочіе матеріалы, — всего болѣе трехъ сотъ различныхъ сообщеній.

Цѣна «Русской Старинѣ» 1879 г.,—12 книгъ съ 12-ю портретами, — 8 руб. съ пересылкою и 11 руб. въ хорошемъ переплетѣ.

Съ требованіями обращаться: въ С.-Петербургъ, Большая Подьячская, домъ № 7, въ редакцію „Русской Старинѣ“.

12 КНИГЪ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

ИЗД. 1877 Г.

съ портретами: кн. Е. Дашкова, графъ А. Мамоновъ, кн. Голенищевъ-Бутузовъ-Смоленскій, московскій митрополитъ Филаретъ, М. Ѳ. Орловъ, княгиня Жаннета Довичъ-супруга цесаревича Константина Павловича, кавказскій имамъ Шамиль, Н. Н. Муравьевъ (Карскій), К. В. Чевкинъ, Н. А. Яковлевъ.—Рисунки: галерея императрицы Екатерины II; памятникъ Архипу Осипову. Снимки съ рѣдкихъ медалей и снимокъ съ подлиннаго письма императора Александра I, 1812 г.

Въ 12-ти книгахъ „Русской Старины“ за 1877-й годъ, восьмой годъ изданія, между многими другими статьями, напечатаны: Турецкая повеле—историческій очеркъ.—Крѣпости въ Россіи при Елизаветѣ II.—Сельскій священникъ—въ Россіи въ половинѣ XVIII-го вѣка.—Россія сто лѣтъ назадъ—путешествіе англійскаго историка Кокса.—Записки берлинскаго профес. академика Ульба въ встрѣчахъ и знакомствахъ съ замѣчательными русскими людьми въ 1766—1785 гг.—Герцогиня Ангустомъ въ Россіи.—Бракоразводное дѣло Елены Гамбаль.—Екатерина II и Густавъ III.—Истѣи цесаревича Павла Петровича.—Русские войны въ царствованіе Павла Петровича.—Цесаревичъ Константинъ Павловичъ—историко-биографическій очеркъ.—Отечественная война 1812 года—историко-критическое изслѣдованіе по новымъ источникамъ.—Посольство Ершолова въ Персію въ 1817 году.—Записки Шуазель-Гуфье—объ императорѣ Александрѣ I и его времени.—Уничтоженіе масонскихъ ложъ въ Россіи—по вновь открытымъ материаламъ.—Россія, Австрія и Англія во время движеній 1848—1849 гг.—Залисъ П. А. Каратыгина.—Воспоминанія Т. П. Пассекъ.—Дневникъ барона А. Я. Миллера война Россіи съ Венгеріей въ 1849 г.—Мн. Мещиновъ въ Крымскую войну, въ разсказамъ его адъютанта А. А. Памлова.—Воспоминаніе о Т. М. Грановскомъ—Селиванова, одного изъ товарищей его по воспитанію, и проч.—Россія и Турція въ 1853—1855 гг.: письма императора Николая Павловича и донесенія его изъ Кавказа.—Федоръ Карловичъ Затлеръ, биографическій очеркъ и переписка.—Воспоминанія о Восточной войнѣ 1853—1855 гг., доктора А. Гессерца.—Шамша и его семья въ Малугѣ, записки пристава при имамѣ въ 1862—1865 гг., полковника П. Г. Пржецавскаго.—К. В. Чевкинъ: первая главы его биографіи и проч.—Вообще въ двѣнадцать книгъ изданія „Русской Старины“ 1877 г., между многими другими статьями, напечатаны: изслѣдованія, очерки и статьи: профес. Н. М. Барсова, Ад. П. Берне, М. М. Богдановича, проф. М. М. Герцикова, акад. В. И. Грота, И. Е. Зибліна, профес. В. С. Мионинска, Д. М. Клоаискаго, Е. Я. Карпинца, Н. И. Костошарова, П. А. Кушана, П. С. Лебедева, М. И. Ореуса, А. И. Понцова, Д. Д. Райкина, В. М. Селевскаго, проф. В. М. Сергѣевича, акад. С. М. Соловьева, В. В. Стасюка, А. Н. Стресса, М. И. Шамшова, И. И. Шильдера и многихъ другихъ.

Цѣна „Русской Старины“ 1877 г., 12 книгъ съ портретами,—
8 руб. съ пересылкою и 11 руб. въ хорошемъ переплетѣ.

Съ требованіями обращаться: въ С.-Петербургѣ, Большая Подьячская, домъ № 7, въ редакцію „Русской Старины“.

12 КНИГЪ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

изд. 1876 г.

второе изданіе, съ портретами: Дзедимитрія I, полководца Микельсона, кн. Платона Зубова, А. П. Ермолова—всѣ эти гравюры на мѣди исполнены акад. И. П. Пожалостинимъ. Портреты Екатерины II и графа Аракчеева—гелиографическіе снимки. Портреты—Емельяна Пугачева, кавказ. генерала Клугенау и В. Г. Вѣлинскаго—гравюры акад. Л. А. Сѣрякова.—Снимокъ съ урны о смерти Петра Великаго, 1725 г.

Содержаніе: Записки Гарновскаго, одного изъ ближайшихъ лицъ къ кн. Потемкину-Таврическому: дворъ императрицы Екатерины II въ 1786—1790 гг. Подлинная переписка Екатерины II съ кн. Потемкинымъ, 1782—1791 гг.—Бесѣды Екатерины II о дѣлахъ государственныхъ, 1772—1777 гг.—Домашній памятникъ, т. е. Записки Н. Г. Левшина о событіяхъ начала царствованія Александра I.—Записки А. С. Стурдзы о судьбѣ православной церкви русской въ царствованіе Александра I.—Автобіографія и переписка академика А. Л. Витберга, строителя храма Христа Спасителя въ Москвѣ.—Воспоминанія Татьяны Петровны Пассекъ: очерки жизни московскаго общества и университетской молодежи, 1835—1842 гг.—Записки Ивана Степановича Жиркевича: порядки военного управленія, 1827—1837 гг.—Моя жизнь и художественно-археологическіе труды, разсказъ профес. Федора Григорьевича Солицева: академія художествъ до 1820-хъ гг.; поѣздки по Россіи съ археологическою цѣлю; возстановленіе древностей въ кіевскихъ соборахъ; посѣщенія кіевскихъ святинь императоромъ Николаемъ I; разсказы о нѣкоторыхъ іерархахъ; разсказы о художникахъ (К. П. Брюлловъ) и проч. дѣятеляхъ.—Воспоминанія артиста П. А. Каратыгина, вдовы адмирала Л. И. Рикордъ и друг.—Митрополитъ Ростовскій Арсеній Мацѣвичъ—историческій очеркъ профес. Н. И. Барсова.—Крѣпостные крестьяне при Екатеринѣ II, очеркъ изъ историческаго изслѣдованія В. И. Семейскаго.—Бунтъ Беневскаго въ Камчаткѣ въ 1771 г.—Москва въ 1770—1771 гг.—статья академика С. М. Соловьева.—Навель Полуботокъ—статья Н. И. Бостомарова.—Главные пособники Емельяна Пугачева—въ ихъ собственныхъ показаніяхъ на судѣ (по подлинному о нихъ дѣлу).—Михельсонъ, побѣдитель Пугачева—біографическій очеркъ.—Князь Платонъ Александровичъ Зубовъ (1767—1822 гг.)—историко-біографическій очеркъ.—Самсоновъ-ханъ Макинцевъ и русскіе бѣглецы въ Персію въ 1806—1865 гг.—статья Ад. П. Берже.—Профессоръ Илья Васильевичъ Бульскій, его біографія, составленная проф. Я. А. Чистовичемъ.—Т. О. Осиповскій, ректоръ Харьковскаго университета.—Холерный бунтъ въ 1831 г., разсказъ очевидца.—Артемій Волинскій, М. М. Сперанскій, А. П. Ермоловъ, М. И. Глинка, архимандритъ Новгородскаго Юрьева монастыря Фотій, протоіерей Самборскій, А. С. Грибоѣдовъ—въ ихъ неизданныхъ, вновь открытыхъ письмахъ.—Письма, планы и предначертанія императора Николая Павловича, а также записки и донесенія кн. М. Д. Горчакова и кн. И. О. Паскевича о войнѣ съ Турціей въ 1853—1854 гг.—Кромѣ перечисленныхъ статей и матеріаловъ—въ „Русской Старинѣ“ 1876 г. помѣщено до 100 историческихъ разсказовъ, анекдотовъ, біографическихъ и генеалогическихъ замѣтокъ.—По исторіи отечественной словесности—„Русская Старина“ 1876 г. представила новыя данныя о В. Г. Вѣлинскомъ (двѣ большія статьи); Н. В. Гоголь— по неизданнымъ письмамъ (1827—1828 гг.) и проч. и проч.

Цѣна „Русской Старины“ 1876 г., 12 книгъ съ портретами,

8 руб. съ пересылкою и 11 руб. въ хорошемъ переплетѣ.

Съ требованіями обращаться: въ С.-Петербургъ, Большая Подъячская, домъ № 7, въ редакцію „Русской Старины“.

„РУССКАЯ СТАРИНА“

третье изданіе „Русской Старины“, годъ первый, 1870 г., двѣнадцать книгъ, въ трехъ томахъ

Въ третьемъ изданіи «Русской Старины» 1870 г., между многими другими статьями и матеріалами, помѣщены: Записки о жизни и службѣ генералъ-фельдмаршала кн. Н. Ю. Трубецкаго;—Записки исторіографа кн. М. М. Щербатова о поврежденіи правовъ въ Россіи;—сенатора П. С. Рунича о Пугачевѣ и Пугачевскомъ бунтѣ;—Записки придворнаго бриллианщика Позье (1729—1764 гг.);—Отчеты Лагарпа о воспитаніи великихъ князей Александра и Константина Павловичей;—Петербургъ въ 1781 году, замѣтки Пинара;—Записки Михаила Александровича Бестужева (1824—1826 гг.);—Разсказъ очевидца о 14-мъ декабрѣ 1825 г.;—Записки творца русской оперы Михаила Иван. Глинки (1804—1854 гг.);—Записки императора Николая Павловича о прусскихъ дѣлахъ (1848 г.);—Блокада и штурмъ Карса въ 1855 г., записки Я. П. Бауманова;—Оборона Камчатки въ 1854 г.—разсказъ контръ-адмирала Арбузова, и проч., и проч.—Болѣе сотни сообщеній, разсказовъ, статей, замѣтокъ, собраній писемъ и проч. матеріаловъ ко всѣмъ царствованіямъ въ Россіи со времени Петра Великаго до императора Николая включительно.—Статьи-дамы и фрейлины русскаго двора XVIII-го вѣка—біографическіе очерки П. Ф. Карабанова.—Письма, стихотворенія, басни, посланія и прочія литературныя произведенія: И. А. Крылова, Батюшкова, Пушкина, Гоголя, Рылѣева, А. Одоевскаго, Кюхельбекера, Баратынскаго, Н. Полеваго, Вигеля, Я. И. Ростовцева и другихъ.

• Приложение къ третьему изданію «Русской Старины» 1870 г. составляетъ первый томъ Записокъ Болотова, вновь пересмотрѣнный съ подлинникомъ и украшенный болѣе полусотни вновь награвированныхъ академикомъ Л. А. Стряновымъ рисунковъ.

Цѣна ВОСЕМЬ рублей съ пересылкою.

[Въ хорошемъ переплетѣ 11 руб.].

Съ требованіями обращаться: въ С.-Петербургъ, Большая Подъячская, домъ № 7, въ редакцію „Русской Старины“.

ПОДПИСКА
НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ
„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“

ИЗДАВАЕМЫЙ ВЪ Г. КІЕВѢ.

1885-й годъ.

(Четвертый годъ изданія).

Журналъ «КІЕВСКАЯ СТАРИНА», посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, будетъ издаваться и въ слѣдующемъ 1885 году ежемѣсячно, 1-го числа, книжками въ 12 листовъ, въ 3-хъ томахъ, по той-же программѣ и при участіи тѣхъ-же сотрудниковъ.

Въ составъ его входятъ статьи научнаго и историко-беллетристическаго содержанія, историческіе документы, мемуары, хроника, дневники, воспоминанія, рассказы, біографіи, некрологи, характеристики и сообщенія о вещественныхъ памятникахъ южно-русской древности, равно народныхъ повѣрьяхъ, обычаяхъ, думахъ, сказкахъ, пѣсняхъ и пр., а также бібліографическія извѣстія о вновь выходящихъ книгахъ по южно-русской исторіи и этнографіи. Въ приложеніяхъ—изображенія замѣчательныхъ южно-русскихъ дѣятелей, равно памятниковъ южно-русской старины.

Подписная цѣна за 12 книжекъ, съ приложеніями, пересылкою и доставкой на домъ 10 руб., на мѣсть 8 руб. 50 к. На заграничную пересылку прибавляется 1 руб. Подписка на годъ; но допускается слѣдующая разсрочка при подпискѣ 5 руб., по выходѣ IV книжки 3 руб. и VI—2 руб.—Оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры журнала за 1882, 1883 и 1884 гг. выкупаются по той-же цѣнѣ.

Адресъ: Въ редакцію «КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ», Кіевъ, Трехсвятительская, 8. Тамъ-же и контора редакціи.

Редакторъ-издатель Ф. Г. Лебединцевъ.

Открыта подписка на литературно-политическій журналъ

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“

въ 1885 году (годъ четвертый).

Журналъ будетъ издаваться подъ прежней редакціей и при участіи прежнихъ сотрудниковъ безъ предварительной цензуры.

Въ журналѣ, за время его изданія, принимали участіе: проф. Н. Е. Андреевскій, Ф. А. Андреевъ, В. П. Безобразовъ, С. А. Бердязевъ, П. М. Блазбергъ, П. Д. Боборыкинъ, П. В. Быковъ, И. Ф. Васильевскій (Буква), Е. А. Вернеръ, Володимъ, д-ръ А. С. Виреніусъ, проф. В. П. Даневскій, И. И. Демисовъ, Ю. Г. Завистцкій, проф. А. И. Загоровскій, В. Р. Зотовъ, д-ръ Кшигъ, проф. А. Ф. Кистиковскій, Е. П. Карповичъ, баронъ Н. А. Корфъ, А. В. Кругловъ, В. А. Крыловъ, Н. С. Курочкинъ, проф. Ф. И. Леонтовичъ, П. Лѣтневъ, С. В. Малостовъ, В. А. Марковъ, Н. Мизантроповъ, Н. Митскій, В. О. Михневичъ, Д. Л. Мордосовъ, В. И. Нешеровичъ-Данченко, М. В. Норучевъ, Ф. Д. Нефедовъ, В. Н. Никитинъ, Омуровскій, Л. И. Пальмигъ, М. А. Песковскій, Л. И. Поповъ, Я. П. Пелонскій, проф. В. И. Сергѣевичъ, Д. Сибирякъ, А. В. Старчевскій, Д. М. Стахтевъ, В. Я. Стоженикъ, Л. Н. Трофимовъ, Н. Флеровскій, В. В. Чуйковъ и др.

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“ выходитъ ежемѣсячно, 15 числа. Объемъ книгъ, значительно увеличенный въ текущемъ году (такъ что къ концу года подписчики, сравнительно съ прошлымъ годомъ, получаютъ чтенія больше на 22 печатныхъ листа, т. е. на цѣлую ежемѣсячную книгу), будетъ еще болѣе увеличенъ въ 1885 году и дойдетъ отъ 22 до 28 и болѣе листовъ, вмѣсто прежнихъ 20—25-ти. Форматъ журнала будетъ также увеличенъ съ ноябрьской книги текущаго года до размѣра самыхъ большихъ ежемѣсячныхъ журналовъ. Цѣна же остается прежняя.

	За годъ:	За полгода:
ЦѢНА: Безъ доставки	12 р.	7 р. — к.
Съ доставкою въ С.-Петербургъ	13 „	7 „ 50 „
Съ пересылкою въ другія мѣста Имперіи	14 „	8 „ — „
Съ пересылкою за границу	16 „	9 „ — „

Гг. подписчики (не заграничные), высылающіе 17 р. с., получаютъ, кромѣ годоваго экземпляра «НАБЛЮДАТЕЛЯ»: 1) «Сборникъ иностранныхъ романовъ» изд-ред., въ которомъ помѣщены три романа: Банкаларъ, Жюль Валлеса; Фостель, Э. Гонкура и Эгмонтъ, Вернера. 2) Гансъ Филлиъ, романъ Ф. Шивльгагена и 3) Утѣха жизни, романъ Э. Золя. Всѣ эти романы въ отдѣльной продажѣ стоятъ 4 руб. 50 коп.

Разсрочка платы допускается исключительно для гг. служащихъ, по третямъ, за поручительствомъ казначеевъ, причемъ вносятся:

	при подпискѣ.	къ 1 мая.	къ 1 сент.
Безъ доставки	5 р.	4 р.	3 р.
Съ доставкою	6 „	4 „	3 „
Съ пересылкою	6 „	5 „	3 „
Съ пересылкою за границу	8 „	5 „	3 „

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи (Поварской пореулокъ, д. № 5). Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія только передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ, которые подпишутся въ Главной Конторѣ журнала.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1885 ГОДЪ

НА ЖУРНАЛЪ

„ОСКОЛКИ“

годъ V-й

Подъ редакціей и при постоянномъ участіи

Н. А. ЛЕЙКИНА.

Еженедѣльный иллюстрированный юмористическій журналъ „Осколки“, вступая въ пятый годъ своего существованія, будетъ издаваться въ 1885 году подъ той же редакціей, по той же программѣ и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ, какъ и въ 1884 году.

Въ литературномъ отдѣлѣ журнала принимали участіе.

Н. С. Барщевскій, П. В. Бяковъ, И. Д. Бѣловъ, В. А. Гиляровский, М. Ф. Горбуновъ, М. Гравъ (псевдонимъ), А. Ф. Ивановъ (Классикъ), М. С. Лисковъ, С. В. Мамонтовъ, В. О. Микшичъ (Коломенскій Кандидъ), В. М. Мещеряковъ-Данченко, Л. И. Пальматъ, С. И. Тершигеръ (Сергій Атава), Д. Д. Тогольскій (Дядя Мятай), Л. И. Треповъ, А. Т. Треповъ, Ф. В. Чернышевъ, Ам. П. Чеховъ (А. Чехонте) и др.

Рисунки были исполнены художниками:

Н. А. Богдановъ, Ш. Ш. Дальманъ, А. И. Лебадеинъ, А. Левитановъ, М. Ш. Аллинъ, Ш. Е. Милановъ, В. И. Порфирьевъ, Н. П. Чеховъ, С. И. Эрберовъ и др.

Журналъ „Осколки“ издается въ форматѣ большихъ иллюстрацій на лучшей бумагѣ и даетъ еженедѣльно четыре страницы юмористическихъ и карикатурныхъ рисунковъ, какъ раскрашенныхъ, такъ и черныхъ, и четыре страницы текста убористой печати. Ежегодное изданіе составляетъ 52 номера и заключаетъ въ себѣ около 600 рисунковъ и свыше 1,200 баллетристическихъ статей.

Въ текстѣ помѣщаются юмористическія обзорнія петербургской, московской и провинціальной жизни, рассказы, сценки, очерки, народныя анекдоты, сатирическая и юмористическая стихотворенія, шарady, ребусы, загадки и пр.

Журналъ „Осколки“ старается, въ предѣлахъ возможности, отвѣчать въ легкой, сжатой формѣ на вопросы дня и явленія нашей общественной жизни, помѣщая на первой страницѣ сатирическая иллюстрація текущихъ явленій и время отъ времени въ карикатурномъ видѣ портреты лицъ, имѣющихъ интересъ минуты.

ЦѢНА ЗА ЖУРНАЛЪ:

На годъ безъ пересылки 6 р. На 6 мѣс. съ пересылк. и дост. 4 р.
 > > съ пересылк. и доставк. 7 > Отдѣльный №—20 к.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ редакціи, Николаевская ул., д. № 10; въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ А. Л. Васильева, Страстной бульваръ, д. графа Мусина-Пушкина.

Допускается разсрочка подписныхъ денегъ черезъ гг. казначеевъ и по личному соглашенію съ конторою редакціи.

Редакторы-издатели **Н. ЛЕЙКИНЪ** и **Р. ГОЛЦЕ.**

Открыта подписка на 1885 г.,
на иллюстрированный журналъ
литературы, политическ и совре-
менной жизни.

„НИВА“

„НИВА“ выходитъ еженедѣльно, т. е. 52 номера въ годъ (болѣе 2000 гравюръ, рисунковъ и чертежей и 2400 столбцовъ текста) съ особымъ даровымъ ежемѣсячнымъ приложеніемъ

„ПАРИЖСКИХЪ ПОДЪ“

(до 500 модныхъ гравюръ и рисунковъ бѣльа, 400 выкроекъ въ натуральную величину, 350 рисунковъ руководѣльныхъ работъ, русскіе узоры, и пр. и пр.)

И МНОГИМИ ДРУГИМИ ПРЕМІЯМИ

и будетъ издаваться въ 1885-мъ году по той же программѣ, какъ и въ прошедшія пятнадцать лѣтъ.

Подписка принимается въ С.-Пб., въ конторѣ редакціи, по Больш. Морской. д. № 9.

Подписная цѣна за годовое изданіе „НИВЫ“:

Безъ дост. въ С.-Петербургѣ 4 р.

Съ дост. въ С.-Петербургѣ 5 „ 50

Безъ дост. въ Москвѣ черезъ отд. конт. „Нивы“ у Н. Печковской 5 р.

Съ дост. въ Москвѣ и друг. городахъ и мѣстечкахъ Имперіи 6 „

За границу 8 „

Неустанно преслѣдуя цѣль улучшенія беллетристической стороны изданія, приглашая для этого талантливейшихъ представителей современной русской литературы, которые всегда украшали и впредь будутъ украшать страницы „НИВЫ“, мы не менѣе того заботимся и о художественной сторонѣ изданія, помѣщая произведенія лишь лучшихъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ и авторовъ.

Здѣсь мы укажемъ только имена писателей, произведенія которыхъ будутъ помѣщены въ „НИВѣ“ 1885 года:

Графъ Е. А. Саласъ, Я. Н. Полонскій, Н. Н. Караминъ, В. С. Соловьевъ, Д. В. Григоревичъ, Н. Д. Ашарумовъ, В. И. Цемпротичъ - Данченко, Н. Петровъ, Н. Н. Гудичъ, А. Я. Максимовъ, В. Желиховская, Н. Морской, Н. Веригинъ (псевдонимъ), Н. Кириловъ, Н. Успенскій и ин. др.

Главною нашей премією въ 1885 году будетъ большая олеографическая картина, печатанная масляными красками, точно такого же формата, какъ и въ предъидущіе 1882—1884 гг., подъ названіемъ:

„ВЪНКИ“

Оригиналъ картины, написанной исключительно для „НИВЫ“, принадлежитъ кисти знаменитаго художника В. И. ЯКОБІЯ, проф. Имп. Акад. Худ. Картина представляетъ сцену изъ русской народной жизни: бросаніе вѣнковъ въ воду въ Троицкій день. Сцена съ гѣсу. Группа молодыхъ дѣвушекъ въ лодкѣ, играя, плещутся водою и бросаютъ вѣнки на воду, загадывая на нихъ. Яркіе костюмы, роскошный пейзажъ, превосходное освѣщеніе,—все это вышележено съ совершенствомъ техники.

Оригиналъ картины и копія съ нея будутъ выставлены въ декабрѣ мѣсяцѣ 1884 года въ конторѣ Редакціи „НИВЫ“. Копіи будутъ выставлены также во всѣхъ губернскихъ городахъ Россіи.

С.-Петербургъ.

Издатель „НИВЫ“ А. Ф. МАРКСЪ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1885.—ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ—1885.

Редакторъ-издатель П. Н. Полевой.

Въ 1885 году годовые подписчики „Живописнаго Обозрѣнія“ получаютъ:

- I. 52 еженедѣльных иллюстрированныхъ номера, каждый не менѣ двухъ большихъ листовъ печати, съ 5—6 рис. въ текстѣ.
- II. 12 еженедѣльных номеровъ, въ 8 д., объемомъ 10—11 печатныхъ листовъ, убористаго шрифта.
- III. 12 еженедѣльных номеровъ «Парижскихъ модъ».
- IV. Безплатную премію—художественно исполненную олеографію, на выборъ изъ трехъ различныхъ сюжетовъ (одинъ пейзажъ и два жанра;—подробности въ № 1). Желающие получить всѣ три картины доплачиваютъ къ подписной цѣнѣ еще 2 р.

Примѣчаніе. Во избѣжаніе порчи картинъ въ дорогѣ, предлагается гг. подписчикамъ пересылка ихъ страховыми посылками—прочно упакованными и зашнурованными въ холстѣ, на полной ответственности конторы, для чего за пересылку одной картины слѣдуетъ добавить 60 к., двухъ—80 к. и трехъ—1 руб.—Всѣмъ подписчикамъ, которые не сдѣлаютъ этого добавочнаго взноса, премія будетъ отправлена обмененнымъ бандерольнымъ способомъ, но, въ случаѣ пропажи или порчи ея въ дорогѣ, контора не можетъ принять за это на себя никакой ответственности.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкой и пересылкою:		Безъ доставки и пересылки:	
За годъ	8 р. — к.	За годъ	6 р. 60 к.
За полгода	4 > 50 >	За полгода	4 > — >
Подписка за границей: за годъ—12 руб., за полгода—6 руб.			

Адресъ Конторы Редакціи: С.-Петербургъ, Николаевская ул., д. № 19.

Въ литературномъ отдѣлѣ принимаютъ участіе слѣдующіе литераторы:

Н. А. Ахшаруновъ, П. Д. Боборыкинъ, П. В. Бажетъ, К. С. Баранцовъ, Н. Ф. Василевскій (Бувва), П. П. Васильевъ, П. И. Вейбергъ, П. А. Висковатовъ (профессоръ), С. И. Воскресенскій, И. О. Горбуновъ, Г. С. Дестунисъ (профессоръ), Л. Захаровъ, А. А. Иностранцевъ (профессоръ), В. А. Крыловъ (Викторъ Александровъ), В. Крестовскій (псевдонимъ), А. В. Кругловъ, Н. И. Красновъ, Б. Левинъ, Александра Львова, Н. С. Ляновъ, С. В. Малковъ, М. Н. Малаховъ, Е. Л. Марковъ, Д. Д. Миллеръ, А. П. Митуричъ, Д. Л. Михайловскій, Д. Н. Островскій, А. Н. Плещеевъ, Е. П. Пеношаревъ, Л. Рускинъ, А. Соколовъ, А. Г. Сахарова, Н. И. Северинъ, Л. X. Симонова, Б. Я. Соборный (псевдонимъ), С. Н. Терягинъ (Сергій Атава), П. Троицкій, М. К. Цибрикова, Дм. Черниковъ, В. В. Чуйко, М. Н. Шелгуновъ, А. Б. Шеллеръ (А. Михайловъ), В. Н. Шиниоко, В. Ю. Юрьевъ, А. Н. Яковлевъ и многіе другіе.

1885 г. (XVII годъ).

„ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ“

Еженедѣльный большой иллюстрированный журналъ

съ разными безплатными приложениями въ родѣ „Illustrated London News“, „Graphic“, „Illustration“, „Monde Illustré“, „L'Univers illustré“, „Leipziger Illustrirte Zeitung“ и проч. —

Программа «Всемирной Иллюстраціи»:

I. Политическій обзоръ. Современная исторія. Портреты и жизнеописанія современныхъ историческихъ дѣятелей. Славянскій обзоръ. — II. Внутреннія извѣстія. Портреты и жизнеописанія русскихъ современныхъ дѣятелей. Судебная лѣтопись. — III. Научная словесность. Повѣсти, рассказы, очерки, стихи, сочиненія въ драматической формѣ, какъ оригинальныя, такъ и переводныя. — IV. Научи и художества. Историческіе очерки съ изображеніемъ лицъ и мѣстъ, которыя въ нихъ описываются. Очерки изъ естественныхъ наукъ съ изображеніемъ предметовъ и явленій природы. Очерки современнаго и историческаго развитія художествъ съ изображеніемъ зданій, картинъ, статуй и проч., съ портретами и жизнеописаніями художниковъ. Географическіе и этнографическіе очерки съ необходимыми рисунками и чертежами и т. п. — V. Прикладная наука и промышленность. Новыя и старыя изобрѣтенія и изобрѣтенія, съ изображеніемъ машинъ, мостовъ и пр. — VI. Критика и библиографія. Обзоръ замѣчательнѣйшихъ русскихъ и иностранныхъ литературныхъ и ученыхъ произведеній. Литературная лѣтопись. Обзоръ журналовъ. — VII. Театральный и музыкальный обзоръ. Обзоръ художественныхъ выставокъ. Рисунки, изображающіе сцены изъ новыхъ оперъ, драмъ и т. п., русскихъ и иностранныхъ. — VIII. Сѣть и новости. Мелкія литературныя, художественныя и ученыея извѣстія; новыя книги. Разныя мелкія происшестія и т. п. — IX. Фельетонъ. Очерки общественной жизни, правовыя, увеселенія и пр. — X. Юмористическій листокъ. Карикатуры. — XI. Шахматныя задачи, шарады, ребусы и т. п. — XII. Частныя объявленія.

Главная задача „Всемирной Иллюстраціи“ — изображеніе въ картинахъ и текстѣ современныхъ событій во всѣхъ сферахъ политической и общественной жизни.

«Всемирная Иллюстрація» по богатству своего содержанія и изящному исполненію рисунковъ есть единственной самый дешевый большой иллюстрированный журналъ въ Россіи.

Годовая цѣна „Всемирной Иллюстраціи“ на 1885 г.:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ.	9 р.
Съ доставкою на домъ въ С.-Петербургѣ	11 .
Съ пересылкою во всѣ города Россійской имперіи	12 .

Подписка на 1886 годъ открыта. Первый номеръ этого журнала выйдетъ въ концѣ декабря 1884 года.

Главная контора редакціи (Германа Гоппе) въ С.-Петербургѣ, на Большой Садовой ул., № 16, противъ Гостиннаго Двора.

1885 г. (XVIII годъ).

МОДНЫЙ СВѢТЪ

И

МОДНЫЙ МАГАЗИНЪСАМЫЙ ПОЛНЫЙ И САМЫЙ ДЕШЕВЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ МОДНЫЙ И СЕМЕЙНЫЙ ЖУРНАЛЪ
ВЪ РОССІИ,**СЪ РАВНЫМИ БЕСПЛАТНЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ,**

будеть выходить въ 1885 году въ трехъ изданіяхъ, въ количествѣ 48-ми №№ въ годъ, съ 24-мя экстренными приложеніями новѣйшихъ парижскихъ модъ; въ виду же того, что каждое экстренное приложеніе въ объемѣ полулиста формата журнала, такъ что въ теченіи года составится 18 полныхъ номеровъ,—подписчики получаютъ не 48, а

всѣ 60 номеровъ въ годъ.

Эти 60 номеровъ будутъ заключать въ себѣ болѣе 3.000 рисунковъ модныхъ платьевъ, костюмовъ, пардессю, пальто, ружоудій и проч.—въ текстѣ. Рисунки и выкройки бѣлья мужского, дамскаго и дѣтскаго. До 1.000 выкроекъ на 12-ти большихъ листахъ. 18 вырѣзныхъ выкроекъ пальто, накидокъ, домашнихъ платьевъ, бѣлья и проч. въ натуральную величину для II и III изданій. 12 модныхъ раскрашенныхъ парижскихъ картинокъ для II изданія, исполненныхъ лучшими иностранными художниками. 36 раскрашенныхъ модныхъ парижскихъ картинокъ, исполненныхъ лучшими иностранными художниками, и специально для дѣтей особое приложеніе съ рисунками, выкройками, интереснымъ и полезнымъ чтеніемъ для дѣтей, забавами, играми и проч. подъ названіемъ „Дѣтскій отдѣлъ“, для III изданія. Коллекцію рисунковъ: изъ семейной жизни, снимки съ картинъ знаменитыхъ художниковъ, портреты, типы, характерные костюмы для маскарадовъ и пр. Новѣйшія и лучшія повѣсти, романы, рассказы, драматическія произведенія, стихотворенія, анекдоты, мысли, шарady, хозяйственный отдѣлъ, свѣдѣ (новости по женскому дѣлу) и разныя мелкія статьи. „Хорошій тонъ“ или совѣты и указанія на всѣ случаи общественной жизни женщнн. „Почтовый ящикъ“ съ самыми разнообразными и полезными совѣтами.

Гг. подписчики на 1885 г. получаютъ, кромѣ того, равныя бесплатныя приложенія и изысканія премій.

Цѣна годовому изданію «Моднаго Свѣта и Моднаго Магазина» на 1885 г.:

I изданіе, (60 номеровъ въ годъ безъ раскрашенныхъ картинокъ и безъ вырѣзныхъ выкроекъ): безъ доставки въ С.-Петербургѣ 3 руб.; съ доставкою и пересылкою 5 руб.

II изданіе, (60 номеровъ въ годъ съ 12-ю раскрашенными парижск. картинками и со всѣми приложеніями): безъ доставки въ С.-Петербургѣ 6 руб.; съ доставкою и пересылкою 7 руб.

III изданіе, (60 номеровъ въ годъ съ 36-ю раскрашен. парижск. картинками, 12-ю №№ „Дѣтскаго отдѣла“ и со всѣми приложеніями): безъ доставки въ С.-Петербургѣ 8 руб.; съ доставкою и пересылкою 10 руб.

Подписка на 1885 годъ отырыта.—№№ 1-й и 2-й этого журнала выйдутъ въ концѣ декабря 1884 года.

Главная контора редакціи находится въ Сиб., на Большой Садовой ул., въ х. Коровина, № 16, противъ Гостиннаго Двора.

1885 г. (XIX годъ).

„НОВЫЙ РУССКІЙ БАЗАРЪ“

Иллюстрированный дамскій журналъ съ приложеніями.

Журналъ „НОВЫЙ РУССКІЙ БАЗАРЪ“ въ 1885 году будетъ выходить въ трехъ издаваніяхъ, четыре раза въ мѣсяцъ.

Для того же, чтобы дать читательницамъ возможность постоянно знакомиться со всѣми новѣйшими явленіями моды, „Новый Русский Базаръ“ предлагаетъ къ литературнымъ номерамъ модную крѣпку съ рисунками новѣйшихъ модъ (hautes nouveautés), въ видѣ 24 отдѣльныхъ полулистовъ формата журнала, что составляетъ 12 полныхъ номеровъ въ теченіе года, такъ что подписчики получаютъ не 48, а:

60 номеровъ въ годъ.

Модные номера заключаютъ въ себѣ: болѣе 3.000 рисунковъ парижскихъ модъ, дамскихъ туалетовъ, нарядовъ, разнаго бѣлья, обуви, уборовъ, шляпъ, причесокъ, дамскихъ костюмовъ и проч., и всевозможныхъ дамскихъ рукодѣлій и работъ, съ подробнымъ описаніемъ исполненія каждой малѣйшей вещи; до 1800 выкроекъ въ натуральную величину на 24 большихъ листахъ; въздѣло раскрашенныя парижскія модныя картинки (12 для II-го изданія и 48 для III-го изданія); 12 вырѣзныхъ выкроекъ въ натуральную величину (для II и III изданій).

Литературные номера съ роскошными иллюстраціями, составляющіе какъ бы отдѣльный иллюстрированный журналъ для семейнаго чтенія, содержатъ лучшіе романы, рассказы, повѣсти, драматическія произведенія, стихотворенія, ноты, сѣтьи (новости по женскому дѣлу), анекдоты, мысли, афоризмы, остроты, шутки, шарады и проч., а также „Почтовый ящикъ“ съ самыми разнообразными и полезными совѣтами.

Гг. подписчики на 1885 годъ получаютъ также разныя бесплатныя приложенія и величелѣныя прессы.

Цѣна годовому изданію „Новаго Русскаго Базара“ на 1885 годъ:

I изданіе, безъ раскрашенныхъ картинокъ и безъ вырѣзныхъ выкроекъ (60 номеровъ въ годъ): безъ доставки въ С.-Петербургъ 4 руб.; съ доставкою и пересылкою 6 руб.

II изданіе, съ 12-ю раскрашенными картинками и со всѣми приложеніями (60 номеровъ въ годъ): безъ доставки въ С.-Петербургъ 6 руб.; съ доставкою и пересылкою 8 руб.

III изданіе, съ 48-ю раскрашенными картинками и со всѣми приложеніями (60 номеровъ въ годъ): безъ доставки въ С.-Петербургъ 9 руб.; съ доставкою и пересылкою 11 руб.

Подписка на 1885 годъ открыта. — Нумера 1-й и 2-й этого журнала выйдутъ въ концѣ декабря 1884 г.

Главная контора Редакціи (Германа Гоппе) въ С.-Петербургѣ, Большая Садовая ул., д. Коровина, № 16, противъ Гостиннаго Двора.

Подписка на 1885 годъ.

ГАЗЕТА А. ГАТЦУКА

Иллюстрированная, политическая, литературная и ремесленная.

Въ 11-й годъ своего изданія, т. е. въ 1885 году, «Газета» будетъ выходить на прежнихъ условіяхъ, безъ предварительной цензуры и въ значительно улучшенномъ составѣ, въ объемѣ 2-хъ, 3-хъ листовъ въ недѣлю.

Ежемесячно прилагаются особо ПАРИЖСКИЯ МОДЫ, съ рисунками модъ и узоровъ, и 6 разъ въ годъ—по листу модныхъ выроекъ, заключающему въ себѣ 4—5 выроекъ новыхъ костюмовъ.

«Газета» сообщаетъ подробно политическія и общественныя новости, распоряженія Правительства, новости торговли и биржевыя, изобрѣтенія и открытія въ области ремеслъ, искусствъ и наукъ.

Для легкаго чтенія помѣщаются повѣсти и рассказы преимущественно историческіе, стихотворенія, статьи научнаго содержанія, имѣющія общій интересъ и изложенныя въ общедоступной формѣ, а также критика, библиографія. Газета даетъ въ годъ болѣе 700 рисунковъ въ текстѣ. Въ ней принимаютъ участіе своими трудами лучшіе наши ученые художники.

Премія на 1885 годъ: 1) Крестный календарь на 1886 годъ на желеновой бумагѣ. 2) Повѣсти и романы иностранныя (въ приложеніи къ номерамъ). 3) Иллюстрированныя драмы Шекспира (выпускъ 5-й—драма «Макбетъ» въ прекрасномъ переводѣ С. А. Юрьева) и проч.

Новые подписчики могутъ, по своему заявленію съ ихъ стороны, получать бесплатно большую олеографическую картину, представляющую точное (съ натуры) изображеніе ОВѢЩЕННАГО КОРОНОВАНІЯ ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ въ 1883 году.

Подписная цѣна на 1885 годъ:

Безъ доставки на годъ 4 руб.; съ доставкою и пересылкою на годъ 5 руб.; на полгода (съ января и іюля) 3 руб.; 1 мѣсяць 60 к. За границу—7 руб., на полгода 3 р. 50 к.

«Газету» прежнихъ годовъ, съ 1876 г. по 1883 г. (крошъ 1880 и 1883 гг.), можно получать изъ редакціи по 3 руб. за томъ (годъ), съ пересылкою.—Годовъ 1880 и 1883 не имѣется уже ни одного экземпляра.

Адресъ: Москва, Никитскій бульв., д. Гатцука.

Редакторъ-издатель А. Гатцукъ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ КАЛЕНДАРЬ

А. ГАТЦУКА

на 1885 г.

Полнѣйшій изъ русскихъ календарей,
издающийся уже 14-й годъ.

цѣна—безъ пересылки 1 руб., въ изданіи въ переплетѣ 1 р. 50 коп.
съ пересылкою 1 р. 30 к., въ переплетѣ 2 руб.

Адресъ редакціи: Москва, Никитскій бульв., д. Гатцука.

Открыта подписка на 1885 г.

(съ 1 янв. 1885 г. по 1 янв. 1886 г.)

!! 3 руб. въ годъ за 52 выпуска !!

САМОЕ ДЕШЕВОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ ВЪ РОССИИ

„ЛАСТОЧКА“

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

подъ редакцію академика Л. Е. Дмитриева-Кавказскаго.

При завѣдываніи литературнымъ отдѣломъ Н. Н. Вейнберга.

Въ каждомъ выпускѣ не менѣе 16-ти страницъ текста, съ 4-мя большими и нѣсколькими малыми рисунками, исполненными только русскими художниками и воспроизведенными факсимиле, новымъ гелиотипическимъ способомъ. Въ журналѣ будутъ помѣщаемы романы, повѣсти, рассказы, стихотворенія, очерки и корреспонденціи извѣстныхъ современныхъ путешественниковъ. Отдѣлы науки и искусство, театр и музыка. Библиографія. Смісь. Объявленія. Въ изданіи принимаютъ участіе, въ качествѣ постоянныхъ сотрудниковъ, лучшія русскія художественныя силы, какъ по искусству, такъ и по литературѣ.

По своему издѣтельству, по своимъ художественнымъ достоинствамъ изданіе наше удовлетворитъ самыя изысканныя требованія, а не своей вытожной цѣнѣ оно общедоступно.

Годовые подписчики получаютъ премію факсимиле съ акварели, по уплатѣ 1 руб. сер. (съ упаковкою и пересылкою).

Въ числѣ сотрудниковъ журнала состоятъ: И. Н. Божеряновъ, Н. Н. Валуевскій, П. А. Васковатый, Д. В. Григоровичъ, кн. Н. Имеретинскій, А. В. Кругловъ, В. С. Далинъ, С. В. Максимовъ, В. О. Михневичъ, С. А. Мусивъ-Пущкинъ, В. И. Немпровичъ-Данченко, Я. П. Полонскій, Н. Позяковъ, П. Я. Пасецкій, М. П. Соловьевъ, М. П. Смирновъ, Д. П. Стахѣевъ, Н. Н. Стратовъ, С. Н. Терпигоревъ (Атава), кн. Д. Н. Цертаевъ и пр.

В. А. Вобровъ, А. П. Боголюбовъ, Н. Г. Вогдановъ, К. В. Веннгъ, В. П. Верещагинъ, П. Н. Грузинскій, Ф. С. Журавлевъ, Н. П. Загорскій, М. И. Зинovieвъ, М. А. Каракинъ, Ю. Ю. Клевель, баронъ М. К. Клодтъ, А. Д. Квищенко, А. П. Корзукинъ, П. П. Куріаръ, Л. Ф. Лагорио, В. В. Лемохъ, А. Д. Литовченко, В. М. Максимовъ, Г. М. Манзеръ, А. И. Мещерскій, А. М. Опекушинъ, В. Д. Орловскій, К. А. Савицкій, Н. С. Самокинъ, И. И. Творожниковъ, А. I. Шарлеманъ, А. И. Шамшиновъ, Н. Шаховской, И. И. Шинкинъ, В. И. Якобій и пр.

Подписная цѣна съ пересылкою и доставкою:

На годъ 3 руб., на 6 мѣсяцевъ 2 руб., на 3 мѣсяца 1 руб.

Подписка принимается для иногородныхъ исключительно въ Главной конторѣ журнала «Ласточка» — С.-Петербургъ, Вас. Остр., 19-я линія, № 4, а городская производится, кромѣ того, въ книжныхъ магазинахъ.

Гр. служащимъ можетъ быть сдѣлана разсрочка за ручательствомъ казначействъ или начальниковъ.

Продолжается тоже годовая подписка съ 1-го іюля 1884 г. по 1-е іюля 1885 г., а новые подписчики на этотъ срокъ получаютъ всѣ вышедшіе номера.

Изданіе Э. М. Марюсъ, при Заведеніи Графическихъ Искусствъ,

С.-Петербургъ, Вас. Остр., 19 линія, № 4.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1885 ГОДЪ

на ежемѣсячный журналъ

ДѢТСКІЙ ОТДЫХЪ,

ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Дѣтскій Отдыхъ особенно рекомендованъ ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія для среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, городскихъ и начальныхъ народныхъ училищъ. Учебнымъ комитетомъ при святѣйшемъ синодѣ допущенъ въ пріобрѣтенію для фундаментальныхъ библіотекъ духовныхъ училищъ.

Признавая религію, любовь къ родикѣ и правильное развитіе художественнаго пониманія основами воспитанія, редація Дѣтскаго Отдыха строго придерживается этихъ основъ въ выборѣ печатаемаго матеріала, причеиъ отводитъ главное мѣсто статьямъ историческаго содержанія, изложеннымъ въ доступно-научной формѣ, или въ видѣ беллетристическихъ произведеній, дающихъ вѣрное представленіе описываемой эпохи.

Цѣна съ доставкой и пересылкой во всѣ города имперіи за годъ .	6 р. — к.
За первое и второе полугодіе отдѣльно по	. 3 „ 50 „
Съ доставкой за границу на годъ .	. 8 „ — „

Журналъ выходитъ ежемѣсячно 15-го числа, въ объемѣ отъ 7 до 9 листовъ печатнаго текста.

Подписка принимается въ Москвѣ: въ редакціи журнала (Большая Дмитровка, д. Алексѣева), въ конторѣ университетской типографіи, на Страстномъ бульварѣ; въ книжныхъ магазинахъ: Васильева, на Страстномъ бульварѣ; Новаго времени и Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту, и Вольфа на Петровскѣ. Въ Петербургѣ—въ книжныхъ магазинахъ Новаго времени и Фену.

Продолжается подписка на оставшіеся экземпляры Дѣтскаго Отдыха за 1884 годъ. (Осталось около двухсотъ экземпляровъ).

ПОДПИСКА
НА
ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ
ВЪ 1885 ГОДУ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ

выходить еженедѣльно безъ предварительной цензуры подъ редакціей
Н. М. Ядринцева.

Изданіе посвящено изслѣдованіямъ въ Азіи, новостямъ политики, наукъ
и общественной жизни на русскомъ Востокѣ, въ Сибирѣ и Туркестанѣ.

Газета будетъ продолжать издаваться по той же программѣ, стараясь вы-
ражать общественныя нужды и потребности отдаленнаго края.

При обиліи матеріала редакція въ нынѣшнемъ году дастъ прибавленіе.
Къ газетѣ въ началѣ 1885 года приложенъ будетъ

«ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ»

въ 30 печатныхъ листовъ, заключающій: очерки, рассказы, путешествія по Си-
бири, изслѣдованія, историческіе матеріалы и проч.

Сборникъ этотъ получать бесплатно всѣ годовые подписчики нашей га-
зеты. Подписчики другихъ сибирскихъ газетъ могутъ получать этотъ сборникъ
по низшей цѣнѣ противъ стоимости, по соглашенію между редакціями.

Въ продолженіе года кромѣ серьезнаго матеріала будутъ напечатаны слѣ-
дующія беллетристическія произведенія: «Въ Тайгѣ», очерки изъ жизни сибирскихъ
золотыхъ приисковъ; «Стояныя воины», рассказы изъ туркестанской жизни,
«Очерки прѣстѣннаго быта», «Сибирскій бракъ», сцены изъ сибирскихъ кунеческихъ
правовъ и проч.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ВЪ РОССІИ:

Безъ доставки для городскихъ на годъ. на 9 мѣс. на 6 мѣс. на 3 мѣс.
подписчиковъ 7 р. 50 к. 5 р. 75 к. 4 р. 2 р. 50 к.

Съ доставкою и пересылкой 8 » — » 6 » — » 5 » 3 » — »

За границей подписная цѣна 14 р. Новые подписчики на 1885 годъ могутъ
получать остающіеся экземпляры за 1882, 1883 и 1884 годъ по 4 рубля.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ редакціи «Восточнаго
Обозрѣнія»—Кавалергардская улица, д. № 20, кв. 5.

Письма и посылки адресуются въ редакцію, Сиб. Кавалергардская, д. № 20,
кварт. 8.

Подписка принимается также въ книжномъ магазинѣ Вольфа, Невскій,
Гостинный дворъ, № 18.

Въ Томскѣ въ книжномъ магазинѣ Макушина.

Въ Иркутскѣ въ конторѣ редакціи газеты «Сибирь».

ОТКРЫТА ПОДПИСКА, НА 1885 ГОДЪ,
на газету

„КАЗАНСКІЙ БИРЖЕВОЙ ЛИСТОКЪ“

(семнадцатый годъ изданія),

выходящій три раза въ недѣлю, въ значительно увеличенномъ
форматѣ,

по слѣдующей расширенной программѣ:

1) Торговый отдѣлъ. Торговля телеграммы и корреспонденція о цѣнахъ и сдѣлкахъ по всему Волжско-Камскому краю, въ Петербургѣ, Москвѣ, Одессѣ, Кіевѣ, Харьковѣ, Ригѣ, Либавѣ, Ревелѣ и другихъ промышленныхъ центрахъ. Въ этомъ же отдѣлѣ своевременно сообщается о выдахъ на урожай и уборкѣ хлѣбовъ, о ходѣ армарокъ, уровнѣ воды въ Волгѣ и ея главнѣйшихъ притокахъ. 2) Официальный отдѣлъ. Правительственные распоряженія. Новые законы и распоряженія. 3) Отдѣльныя статьи по различнымъ вопросамъ нашей общественной жизни. 4) Фельетоны. Очерки, рассказы, повѣсти, какъ переводные, такъ и оригинальные. 5) Корреспонденція изъ большинства городовъ приволжскаго края о всѣхъ выдающихся явленіяхъ провинціальной жизни. Газета имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ въ слѣдующихъ городахъ: С.-Петербургѣ, Москвѣ, Самарѣ, Саратовѣ, Астрахани, Сызрани, Симбирскѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Рыбинскѣ, Перми, Екатеринбургѣ, Вяткѣ, Оренбургѣ, Уфѣ, Архангельскѣ, Мензелинскѣ, Стерлитамакѣ, Бирскѣ, Белебѣе, Вольскѣ, Мелекесѣ, Арскѣ, Чистополѣ, Цивильскѣ, Ядринѣ, Козмодемьянскѣ, Тетюшахъ, Царевкокшайскѣ, Лапшевѣ, Чебоксарахъ, Яранскѣ, Котельничѣ, Сарапулѣ, Елабугѣ, Орловѣ, Слободскомѣ, Ижевскомъ заводѣ, Билимбаѣ, Сергіевскихъ заводахъ, Уральскѣ, Ирбитѣ, Златоустѣ, Воротыцѣ, Васильсурскѣ, Малмыжѣ, Мамадышѣ, Лысковѣ, Рыбной слободѣ и нѣкоторыхъ другихъ. 6) Казанская хроника. Новости и происшествія по городу. Отчеты о засѣданіяхъ земства, Думы, Окружнаго Суда, Судебной палаты, ученыхъ и иныхъ обществъ. 7) Театръ и музыка. 8) Телеграммы торговли и политическія. 9) Изъ политической и общественной жизни за границей. 10) Обзоръ газетъ и журналовъ. 11) Юмористическій листокъ. Стихи, юмористическіе рассказы, очерки, картинки, мелочи и т. д. 12) Общеполезныя свѣдѣнія. Дешевыя и простые лѣкарства отъ многихъ болѣзней (изъ медицинской прессы). Новые полезныя открытія и изобрѣтенія (изъ специальныхъ журналовъ). 13) Библиографія. 14) Справочный отдѣлъ. Адресъ - указатель Казани, резолюціи и срокъ слушанія дѣлъ въ Казанской Судебной Палатѣ и Окружномъ Судѣ, торги и проч. 15) Объявленія (20 коп. строка петита на 1-й и 10 коп. на четвертой страницѣ). Агенты въ Лондонѣ, Парижѣ, Гамбургѣ, Варшавѣ, Москвѣ, Петербургѣ и Кіевѣ.

	За годъ.	За полгода.
Цѣна съ пер. въ др. гор.	7 р.	4 р.
" съ дост. въ Казани	6 р. 50 к.	3 р. 75 к.

Лица, желающія получить «Сельскій сборникъ» А. Д. Соколовскаго, исправленное и дополненное изданіе, прилагаютъ къ подписной суммѣ 1 рубль.

Денжки адресуютъ: Казань, редакция «Казанскаго Биржевого Листка», Грузинская, д. Аншахъ.

Въ книжныхъ магазинахъ Цинзерлинга (въ Спб.), Мамонтова (въ Москвѣ) и въ ред. „Русской Старины“ продаются книги:

ЦАРИЦА ПРАСКОВЬЯ

1664—1723 гг.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЦЕРКЪ МИХ. ИВ. СЕМЕВСКАГО.

Спб. 1883 г., въ 8 д., съ портретомъ царицы Прасковьи, отпечатаннымъ хромофотографически красками.

Цѣна два руб. съ перес. (*Осталось 181 экз.*).

Примѣчаніе. Книга „Слово и дѣло“, историческіе рассказы М. И. Семевскаго, Спб., изд. 1884 г., 8 д., стр. 350, *разошлась столяна, до послѣдняго экземпляра*. Печатается второе изданіе. Цѣна для подписчиковъ „Русской Старины“ одинъ рубль.

ЗАПИСКИ СЕЛЬСКАГО СВЯЩЕННИКА.

Спб. 1882 г.; въ 8 д., изданіе второе, пересмотрѣнное и исправленное авторомъ-священникомъ и благочиннымъ.

Цѣна одинъ рубль съ пересылкою.

РОСКОШНОЕ, ВЪ ХУДОЖЕСТВЕННОМЪ ОТНОШЕНІИ, ИЗДАНІЕ

ПАВЛОВСКЪ

Очеркъ его исторіи и описаніе, 1777—1877 гг. — Бытъ двора великаго князя, въ послѣдствіи императора, Павла Петровича и супруги его Маріи Теодоровны. — Жизнь въ Павловскѣ императрицы Маріи Теодоровны и ея августѣйшаго семейства и проч.

Книга въ большую 8 долю, 600 стр., украшена нѣсколькими портретами и множествомъ превосходнѣйшихъ гравюръ и виньетокъ, исполненныхъ знаменитымъ грав. авад. Л. А. Сѣряковымъ.

Цѣна книги 5 рублей.

Подписчики на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ изд. 1885 г. пользуются на книгу „Павловскъ“ уступкою въ два рубля, т. е. книга въ отличномъ переплетѣ—3 рубля съ пересылкою.

Изъ 1,825 экз. осталось въ складѣ этой книги, въ дворцовомъ правленіи города Павловска, 96 экз.

спарх. и губерн. ведом., трудахъ статист. комит.), но также въ общахъ духовныхъ (Душеполезн. Чтеніе, Страшникъ), историческихъ (Чтенія Моея, Общ. Ист., Држав. и Нов. Рос., Русск. Арх.) и другихъ специальныхъ (Журн. Ололт., Журн. Сельск. Хоз. и Ласовод., Землед. Газета и др.) журналахъ и сборникахъ. Весьма обстоятельные очерки г. Стромиллова были посвящены известной исторіи, церковной исторіи, статистикѣ и исторіи хозяйства въ Россіи. Въ означенныхъ же видахъ отличаясь, между прочимъ, рядъ очерковъ о знаменитой Александровской слободѣ, которые должнъ современнѣе составлять отдаленный трудъ, посвященный исторіи послѣдней.

Помимоуказанное въ заглавіи изданіе представляетъ весьма полезный для исследователей и любителей известной старинныи указатель оочаеній и частей о Владимирской епархіи, Владимирскомъ княжествѣ и Владимирской губерніи. Статьи, посвященные описанію этой послѣдней, распределены по уадамъ.

Историческіе матеріалы. Изъ архива Кіевскаго губернскаго правленія. Выпускъ 7-й (изъ Кіевскихъ Губернскихъ Ведомостей). Ал. Андреевскаго. К. 1884. Стр. 227. Ц. 50 к.

Все матеріалы, помещенные въ этомъ выпускѣ, относятся преимущественно ко 2-й половинѣ XVIII стол. и касаются привилегій г. Кіева, устройства города, анкиуранія и торчествъ.

Генералисимусъ князь Суворовъ. А. Петрушевскаго. Изъ трехъ томахъ, съ портретами, факсимиле и вартами. Т. I, 486 стр., т. II, 472 стр., т. III, 458 стр. Ц. 10 р.

Объемистая монографія автора, помимо своего военно-историческаго содержания, представляетъ и большой обща-историческій интересъ. Авторъ удачно группируетъ факты, не обременяя своего труда излишними, специальными подробностями, а излагаетъ жизнь знаменитаго военнаго дѣятеля въ законченныхъ и ясныхъ очеркахъ. Какъ известно, въ жизни Суворова много является въ анекдотическомъ и легендарномъ свѣтѣ, но авторъ вездѣ относится къ этимъ дѣяніямъ критически, не пользуется ими для своихъ выводовъ тамъ, гдѣ значеніе ихъ оговаривается несрѣдко сомнительными. Къ

всѣмъ, яснымъ и фактамъ онъ старается относиться безпристрастно, не возвеличивая однихъ на счетъ другихъ (таковы его мнѣнія о Екатеринѣ II, Павлѣ I, Суворовѣ и др.).

Но разсматриваемый нами трудъ имѣетъ и другое значеніе. Авторъ его въ значительной степени воспользовался архивными, неизданными матеріалами. На первомъ планѣ здесь слѣдуетъ поставить обширныи булагы автора, частью переданныи въ публичную бібліотеку кн. А. А. Суворовымъ, частью предоставленныи имъ автору для пользованія при составленіи настоящей монографіи. Затѣмъ слѣдуютъ првительственные архивы: военно-учебный, московскій архивъ главнаго штаба, московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, государственная архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Петербургѣ, сенатскій и синодскій архивы въ Петербургѣ, рукописный отдѣлъ императорской публичной бібліотеки. Наконецъ, авторъ воспользовался и другими, частными собраниями матеріаловъ, такими барона Ф. А. Бюлера, графа Д. А. Милютина, Н. Ф. Дубровскаго и др. Понятно, что авторъ не чувствовалъ изъ яду и многочисленной печатной литературы обще-историческаго и военно-историческаго характера. Такимъ образомъ, трудъ автора, безъ сомнѣнія, имѣетъ видное мѣсто въ ряду историческихъ монографій послѣдняго времени.

Физическое воспитаніе дѣтей у разныхъ народовъ преимущественно Россіи. Матеріалы для медико-антропологическаго изслѣдованія. Е. А. Покровскаго. Изданіе императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, составлено при московскомъ университетѣ. М. 1884. 1—3 выпуски. 379 стр. съ рисунками. Ц. 6 р.

Почтенный трудъ этотъ, состоящій изъ 32 главъ, разсматриваетъ въ последовательномъ порядкѣ вопросы естественнаго воспитанія въ связи съ историческими, этнографическими и антропологическими данными, причемъ авторъ собралъ массу фактовъ, имѣющихъ большой интересъ съ сравнительно исторической точки зрѣнія вообще и въ частности по отношенію къ Россіи и разнороднымъ племенамъ, населяющимъ ее территорію. В. Н.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1885 г.

ШЕСТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старинѣ“, Невскій просп., противъ Гостиннаго двора, д. № 46, книжный магазинъ г. ЦИНЗЕРЛИНГА.

Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы, при книжномъ магазинѣ Ник. Нв. Мамонтова, на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсова.

Гг. Нижегородные обращаются исключительно: къ С.-Петербургу, къ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Похляческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и Воспоминанія. — II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв. — III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей, людей государственныхъ, ученыхъ, воиновъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и пр. — IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства; перописки, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ. — V. Статьи о русской исторической литературѣ. — VI. Историческіе рассказы и преданія. — Характерныя члѣобитія, шорениска и вообще документы, рисующію бытъ русскаго общества прошлаго времени. — VII. Народная словесность. — VIII. Родословія.

Можно получить въ конторѣ редакціи слѣдующія изданія журнала:

- „Русская Старина“ 1870 г., третье изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1878 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1879 г., двѣнадцать книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1880 г., второе изд., 12 книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1881 г., 12 кн. (96 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1882 г., 12 кн. (26 экз.), съ 12-тью портр., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1883 г., 12 кн. (65 экз.), съ 17 портр. и рис., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1884 г., 12 кн., изданіе второе, съ портр., 8 руб.

